

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Л.Н. Толстой и С.И. Танеев за партией в шахматы. Ясная Поляна, 1895 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ РАО

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИКО-СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

Под общей редакцией
доктора филологических наук
проф. Н.И. Бурнашевой

ПАРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва, 2010

ББК 92
Т 52

*На обложке: Л.Н. Толстой в кругу семьи.
Фотография С.А. Толстой. Ясная Поляна, 1887 г.
На форзацах: Ясная Поляна. Общий вид усадьбы. Фото С.А. Толстой,
«На прогулке». Ясная Поляна, 1908 г. Фото В.Г. Черткова.*

Т 52 **Лев Толстой и его современники.** Энциклопедия. Изд. 2-е, исправленное и
дополненное / Под общей редакцией Н.И. Бурнашёвой – М.: Парад, 2010. – 656 с.
ISBN 978-5-8061-0146-5

В книгу вошли более 800 статей, написанных учёными-толстоведом, исследователями истории литературы, искусствоведами. Издание адресовано школьным и вузовским преподавателям литературы, аспирантам, студентам-филологам и всем, кто интересуется жизнью и творчеством Льва Николаевича Толстого.

ISBN 978-5-8061-0146-5

© Н.И. Бурнашёва, 2010
© Т.С. Прокуратова, 2010
© ЗАО «Издательский дом «Парад», 2010

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед Вами 2-е издание книги о Льве Николаевиче Толстом (1828–1910) и его современниках (первое издание вышло два года назад и давно стало библиографической редкостью). Люди, вошедшие в жизнь писателя, ставшие частью его судьбы и порой запечатлённые на страницах его произведений, – это огромный мир без границ, расстояний, сословий, наций; мир, сложившийся как результат притяжения к «центру», «магниту» – Толстому. Сейчас трудно себе представить, насколько значительно было влияние Толстого на его эпоху, его современников – от царей до беднейших мужиков. Долгая 82-летняя жизнь писателя создала в России, да и во всём читающем мире, необыкновенную атмосферу, с высокими нравственными законами и общечеловеческими понятиями, верованиями и устремлениями. Среди знакомых графа Толстого – великие князья и крепостные крестьяне, титулованные дворяне и армейские «солдатики», видные политические и общественные деятели и люди из самых низов общества... Личность Толстого притягивала художников и учёных, литераторов и музыкантов, актёров и философов, религиозных деятелей и атеистов. Круг его общения – это люди со всех континентов, разных возрастов, национальностей, вероисповеданий. В архиве писателя сохранилось более 50 000 писем к нему от его корреспондентов. «Отовсюду протянуты к нему живые трепетные нити», – писал М. Горький.

Толстой был человеком своего времени, и время подарило ему самую живую и очень трепетную связь с его старшими современниками: А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Н.В. Гоголем, другими писателями, философами, художниками, музыкантами: ещё при жизни Пушкина семилетний Толстой с упоением читал наизусть его стихи («К морю», «Наполеон» и др.), а военную судьбу будущего писателя во многом определили сочинения Бестужева-Марлинского и Лермонтова. Ещё при жизни Ф. Шопена юный Толстой впервые услышал его сочинения, пытался играть сам и на всю жизнь полюбил его музыку... Он впитывал «из того воздуха, которым дышал», живые приёмы, черты, традиции, порой спорил с ними – выстраивал свой мир, проходил жизненную и творческую школу. Среди современников писателя – его корреспонденты и адресаты, с которыми он ни разу не встречался, но вёл заочный диалог в письмах, очень серьёзный и важный для него диалог. Здесь есть и те, кто не входил в круг личного общения с Толстым, был знаком с ним по его произведениям и рассказам друзей (Ф.М. Достоевский), но жил с ним в одно время – и время поставило их рядом: Толстой явственно ощущал их присутствие в одной с ним эпохе, порой гордился, что живёт с ними в одно время...

Глубокой осенью 1910 г. весь мир потрясла весть об уходе Толстого из Ясной Поляны и через несколько дней трагическое известие о его смерти на маленькой глухой железнодорожной станции Астапово. Не только в России, но на всей земле люди словно осиротели. В те дни

К.С. Станиславский писал В.И. Немировичу-Данченко: «Всё это так необычно, так знаменательно, так символично, что я ни о чём другом не могу думать, как о великом Льве, который умер, как царь, отмахнув от себя перед смертью всё то, что пошло, ненужно и только оскорбляет смерть. Какое счастье, что мы жили при Толстом, и как страшно оставаться на земле без него. Так же страшно, как потерять совесть и идеал».

* * *

В настоящем издании, исправленном и дополненном, значительно расширен круг современников Л.Н. Толстого: в 800 документальных статьях (очерках), написанных учёными-филологами, искусствоведами, музейными работниками, представлена жизнь писателя на разных её этапах. Но и это ещё не исчерпывающий список лиц, так или иначе связанных с Толстым. Создать полную картину связей Толстого с его современниками – задача и труд будущего.

Книга привлечёт всех, кого интересуют личность, жизнь и творчество Л.Н. Толстого; она будет необходима для работы преподавателям высшей и средней школы, студентам-филологам, аспирантам.

Огромная благодарность научным сотрудникам отдела книжных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого, в частности заведующей библиотекой В.С. Бастрыкиной, за неоценимую помощь в работе.

Великая признательность одному из авторов энциклопедии, члену-корреспонденту Российской академии образования М.А. Лукацкому, чьи бескорыстные практические усилия, деятельный энтузиазм и любовь к Толстому стали движущей силой этого издания.

Авторы статей:

В.Н. Абросимова, А.Г. Айнбиндер, В.В. Алексеева, Г.В. Алексеева, А.А. Аленина, Э.А. Андреева, Ю.В. Аникеев, Т.Н. Архангельская, Н.О. Бабаева, В.П. Балашов, Т.В. Белова, Е.В. Белоусова, Н.С. Беляева, М.Ю. Белянин, З.М. Богачёва, В.М. Бокова, Е.М. Болтунова, Л.С. Борисова, Н.И. Бурнашёва, Л.Е. Бушканец, П.Е. Вайдман, С.А. Васильева, Л.Г. Гладких, В.З. Горная, И.В. Гречаник, И.К. Грызлова, Л.С. Дробат, Т.В. Дячук, В.А. Жаров, Н.Г. Жиркевич-Подлесских, А.И. Журавлёва, Н.В. Зайцева, К.М. Захаров, Т.О. Земледельцева, Е.А. Игнатьева, Е.В. Изотова, Ю.В. Кабыкина, Н.Б. Калашникова, Н.А. Калинина, О.С. Карандашова, С.Г. Кашарнова, И.А. Книгин, А.А. Козин, О.В. Козлова, Т.В. Комарова, Т.Д. Комова, А.С. Кондратьев, С.А. Коновалова, А.В. Корнеев, А.А. Коробкова, Г.Г. Коростина, Л.Е. Кочешкова, Г.В. Краснов, Н.В. Кудрявая, Е.И. Леенсон, Я.С. Линкова, М.А. Лукацкий, И.Ю. Лученецкая-Бурдина, Я.С. Малькова, И.Ю. Матвеева, А.С. Мелкова, Л.В. Милякова, Н.И. Михайлова, Н.Г. Михновец, П. Мицнер, Е.Г. Нарская, Е.В. Нелюбина, Н.А. Никитина, С.Д. Новикова, М.А. Обухова, Н.В. Осипова, Н.Т. Пахсарьян, И.В. Петровицкая, Е.В. Петровская, С.В. Писарева, Л.Ф. Подсвинова, А.Н. Полосина, Т.В. Полякова, Ю.Ю. Поринец, В.И. Порудоминский, А.П. Потапкина, Ю.В. Прокопчук, Е.В. Пчелов, Н.П. Пузин, Е.И. Рачин, Г.И. Романова, Ю.А. Рыкунина, С.В. Рюпина, Ю. Сато, В.А. Скиба, В.А. Старикова, В.В. Степакова, М.В. Строганов, Е.Н. Строганова, М.Е. Суровцева, А.А. Тимакова, К.В. Титов, А.А. Трещов, И.А. Трифаженкова, А.П. Тусичишный, А.С. Усачёва, С.А. Фролова, С.А. Хомяков, Е.Ю. Хомякова, Г.В. Чагин, С.В. Чаругина, К.А. Чекалов, Л.В. Чернец, Г.А. Шалюгин, Э.Ф. Шафранская, Е.Г. Шестакова, Н.И. Шинкарьюк, А.В. Шмельёва, И.П. Щёблыкин, Ю.Д. Ядовкер.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

- 1828, 28 августа*¹ – В усадьбе Ясная Поляна в 14 верстах от г. Тулы родился Толстой.
- 1830, 4 августа* – Смерть матери, Марии Николаевны Толстой (рожд. Волконской).
- 1837* – Первый приезд в Москву. Смерть отца, графа Николая Ильича Толстого.
- 1838* – Смерть бабушки, Пелагеи Николаевны Толстой.
- 1841* – Переезд детей Толстых в Казань, в семью тётки П.И. Юшковой, официальной опекуни.
- 1844* – Поступление в Казанский университет, на восточное отделение философского факультета.
- 1845* – Перевод на юридический факультет.
- 1847, 17 марта* – Толстой начинает вести дневник, который пройдет с ним (с небольшими перерывами) через всю жизнь. В Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого (Юбилейном издании) дневник занимает 13 томов.
- 1847, апрель* – Раздел наследства, Толстой становится хозяином Ясной Поляны. Подано прошение об отчислении из университета.
- 1847–1851* – Жизнь и хозяйственные заботы в Ясной Поляне. Увлечение светской жизнью в Туле, Москве, Петербурге.
- 1850, 17 июня* – В дневнике начаты «Записки» (далёкий прообраз будущих «Записок», из которых вырастет трилогия «Детство. Отрочество. Юность»).
- 1850, декабрь* – Замысел и начало работы над «Повестью из цыганского быта» (произведение не завершено, рукописи не сохранились).
- 1851, январь, март* – Замысел и начало работы над «Историей вчерашнего дня».
- 1851, 30 мая* – Приезд со старшим братом Н.Н. Толстым на Кавказ, в станицу Старогладковскую.
- 1851, 2 июня* – Начало работы над «Записками» – ранней рукописью будущей трилогии.
- 1851, конец июня* – Участие волонтером в первом «деле», набеге на горный аул.
- 1851, 3–4 июля* – Трансформация замысла «Записок» в замысел романа.
- 1851–1852* – Работа над повестью «Детство».
- 1852, январь* – Экзамен на звание юнкера и зачисление на военную службу фейерверкером 4-го класса в 4-ю батареиную батарею 20-й артиллерийской бригады.
- 1852, 3 июля* – В Петербург написано письмо редактору журнала «Современник» Н.А. Некрасову и послана рукопись повести «Детство».
- 1852, сентябрь* – В журнале «Современник» № 9 напечатана первая повесть Толстого под названием «История моего детства».

¹ Даты указаны по старому стилю.

1852, май–декабрь – Работа над первым кавказским военным рассказом «Набег». Рождение замысла и начало работы над будущими «Кзаками», «Романом русского помещика»; начало работы над «Отрочеством».

1853 – В «Современнике» № 3 напечатан рассказ «Набег». Участие в экспедиции против горцев. Начало работы над рассказом «Рубка леса». Написан рассказ «Записки маркёра».

1854, январь – Рапорт о переводе в Крымскую армию Толстой произведён в прапорщики. Отъезд с Кавказа.

Март–октябрь – Служба в штабе Дунайской армии.

Октябрь – Опубликована повесть «Отрочество». Проект журнала «Военный листок», для которого написан рассказ «Как умирают русские солдаты».

1854, 7 ноября – Прибытие в осаждённый Севастополь.

7–10 ноября – Посещение главного перевязочного пункта (госпиталя).

1855, 20 марта – Начата работа над севастопольскими рассказами.

Март–май – Дежурства на 4-м бастионе, самом опасном участке обороны города. Начата работа над «Юностью».

Июнь – Окончен рассказ «Рубка леса». В «Современнике» № 6 напечатан рассказ «Севастополь в декабре месяце». Работа над рассказом «Севастополь в мае».

Август – Цензурное запрещение второго севастопольского рассказа.

27 августа – Последний штурм Севастополя.

Сентябрь – В «Современнике» № 9 напечатаны рассказы «Рубка леса» и «Ночь весною 1855 года в Севастополе» («Севастополь в мае»), сильно искажённые цензурой. Начало работы над третьим севастопольским рассказом.

19 ноября – Прибытие в Петербург. Прикомандирован к ракетному заведению. Личное знакомство с И.С. Тургеневым, Некрасовым, с писателями – сотрудниками «Современника».

1856, январь – В «Современнике» № 1 напечатан рассказ «Севастополь в августе 1855 года».

Март – В «Современнике» № 3 напечатан рассказ «Метель». Толстой произведён в поручики.

Май – В «Современнике» № 5 напечатана повесть «Два гусара».

Лето–осень – Увлечённое чтение сочинений А.С. Пушкина.

28 сентября – Выход в свет первой книги Толстого «Военные рассказы».

3 октября – Выход в свет книги Толстого «Детство и Отрочество».

Осень – Попытка освободить крестьян Ясной Поляны от крепостной зависимости.

26 ноября – Увольнение с военной службы.

Ноябрь – Опубликована статья Н.Г. Чернышевского о двух первых книгах Толстого «Детство и Отрочество» и «Военные рассказы».

Декабрь – В журнале «Отечественные записки» (№ 12) напечатан рассказ «Утро помещика». В журнале «Библиотека для чтения» (№ 12) напечатан рассказ «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (в журнале заглавие: «Встреча в отряде с московским знакомым. Из кавказских записок князя Нехлюдова»). Замысел романа «Декабристы».

1857 – В «Современнике» № 1 напечатана повесть «Юность». Задуман и начат рассказ «Альберт». Первое заграничное путешествие (Германия, Франция, Италия, Швейцария). В Париже: посещение гробницы Наполеона; жуткое впечатление от гильотины. Написан рассказ «Люцерн».

1858 – Написан рассказ «Три смерти» (напечатан в журнале «Библиотека для чтения», 1859, № 1). Разрыв с «Современником».

1859 – Написан роман (повесть) «Семейное счастье» (напечатан в журнале «Русский вестник»).

1859–1862 – Занятия с крестьянскими детьми в яснополянской школе.

1860–1861 – Второе заграничное путешествие с целью знакомства с педагогической практикой в Европе (Германия, Англия, Швейцария, Италия, Франция, Бельгия). В Лондоне знакомство с А.И. Герценом.

1861 – Начало работы над романом «Декабристы» и повестью «Поликушка». Ссора с Тургеневым.

1861–1862 – Толстой – мировой посредник на одном из участков в Крапивенском уезде Тульской губ. Издание педагогического журнала «Ясная Поляна».

1862 – Жандармский обыск в Ясной Поляне. Женитьба на С.А. Берс.

1863 – В журнале «Русский вестник» опубликованы повести «Казачи» (№ 1) и «Поликушка» (№ 2).

1863, октябрь – Первое упоминание о начале работы над «Войной и миром» (закончена в 1869 г.).

1865–1866 – В «Русском вестнике» под названием «1805 год» напечатаны две первые части будущей книги «Война и мир».

1866–1867 – Художник М.С. Башилов по просьбе Толстого работает над иллюстрациями к будущей книге «Война и мир».

1867, сентябрь – Поездка в Бородино, по местам сражений 1812 г.

1868–1869 – Выход в свет первого и второго изданий «Войны и мира».

1870–1871 – Замысел романа из эпохи Петра I; начало работы над романом (остался незавершенным).

1871–1872 – Занятия в яснополянской школе. Работа над «Азбукой».

1873 – Начало работы над романом «Анна Каренина» (в 1875–1877 гг. печатался в «Русском вестнике»). И.Н. Крамской пишет портрет Толстого (первый живописный портрет писателя).

1876 – Знакомство с П.И. Чайковским.

1878 – Первое отдельное издание романа «Анна Каренина». Знакомство с В.В. Стасовым. Письмо И.С. Тургеневу; примирение писателей.

1878–1879 – Возвращение к замыслу романа о декабристах. Работа над романом. Знакомство с некоторыми декабристами.

1880 – Знакомство с И.Е. Репиным. Работа над «Исповедью».

1881 – Семья Толстых переезжает в Москву. Работа над рассказом «Чем люди живы».

1882 – Покупка дома в Хамовниках. Участие в переписи населения в Москве. Закончена «Исповедь» (впервые напечатана в 1883–1884 гг. в Женеве).

1883 – Знакомство с В.Г. Чертковым.

1884 – Н.Н. Ге пишет портрет Толстого. Основано издательство «Посредник» (при непосредственном участии Толстого).

1885–1886 – Работа над «народными рассказами» для издательства «Посредник» («Два брата и золото», «Ильяс», «Свечка», «Где любовь, там и Бог», «Упустишь огонь – не потушишь», «Два старика», «Много ли человеку земли нужно», «Девчонки умнее стариков» и др.).

1886 – Напечатаны повести «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича». Написана драма «Власть тьмы». Знакомство с В.Г. Короленко.

1887 – Знакомство с Н.С. Лесковым. Начало работы над «Крейцеровой сонатой»

1889 – Работа над повестью «Дьявол» (не завершена). Начата «коневская повесть» – будущий роман «Воскресение».

1890 – Цензурное запрещение «Крейцеровой сонаты». Написана комедия «Плоды просвещения».

1891 – Отказ Толстого от имущества и авторских прав на свои сочинения, написанные после 1881 г. (письма в редакции газет «Русские ведомости» и «Новое время»).

1891–1893 – Работа «на голоде»: Толстой возглавил общественное движение в помощь голодающим. Статьи о голоде.

1892 – Постановка на сцене Малого театра в Москве пьесы «Плоды просвещения».

1893 – Знакомство с К.С. Станиславским.

1894 – Знакомство с И.А. Буниным.

1895 – Знакомство с А.П. Чеховым. Опубликован рассказ «Хозяин и работник». Постановка на сцене Малого театра в Москве пьесы «Власть тьмы».

1896 – Начата работа над повестью «Хаджи-Мурат» (при жизни Толстого не печаталась, впервые напечатана в 1912 г.).

- 1897–1898** – Работа над трактатом «Что такое искусство?» (опубликован в 1898 г.).
- 1898** – Организация помощи голодающим крестьянам Тульской губернии.
- 1898–1899** – Художник Л.О. Пастернак по просьбе Толстого создаёт серию иллюстраций к роману «Воскресение».
- 1899** – В журнале «Нива» печатается роман «Воскресение».
- 1900** – Знакомство с М. Горьким. Работа над пьесой «Живой труп». Завершён трактат «Рабство нашего времени».
- 1901** – В газете «Церковные ведомости» опубликовано определение Святейшего синода об «отпадении» Толстого от церкви. Статья «Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма».
- 1901–1902** – В связи с болезнью Толстого семья Толстых живёт в Крыму, в Гаспре.
- 1903–1906** – Работа над «Воспоминаниями» (не завершены).
- 1903** – Написан рассказ «После бала» (при жизни Толстого не печатался; опубликован в 1911 г.).
- 1903–1904** – Работа над статьёй «О Шекспире и о драме».
- 1904** – Статья «Одумайтесь!» (о начавшейся Русско-японской войне). Завершена повесть «Фальшивый купон».
- 1905** – Возвращение к замыслу сочинения о декабристах. Закончена статья «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу».
- 1906** – Написан рассказ «За что?». Первое издание составленного Толстым сборника «Круг чтения».
- 1907** – Художник М.В. Нестеров в Ясной Поляне пишет портрет Толстого.
- 1908** – В России и во всём мире готовятся к 80-летнему юбилею Толстого. Отказ Толстого от празднования юбилея. Статья «Не могу молчать» (о смертных казнях в России).
- 1910** – Работа над статьёй «Действительное средство» (против смертных казней). Подготовка доклада для конгресса мира в Стокгольме.
- 28 октября** – Уход из Ясной Поляны.
- 28–31 октября** – Последнее посещение Оптиной пустыни и Шамординского монастыря.
- 31 октября** – В связи с болезнью остановка на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги.
- 3 ноября** – Последняя запись в дневнике.
- 7 ноября** – Смерть Л.Н. Толстого.

А

АБРАМОВ Фёдор Андреевич (1875—1918) — крестьянин села Ундоры Симбирской губ.; корреспондент и адресат Толстого. Во многом разделял взгляды Толстого, считал необходимым отделение церкви от государства, ратовал за возрождение и укрепление нравственности, воспитание в народе трудолюбия. В письме от 22 июня 1909 г. задавал ряд вопросов о науке и образовании, которые Толстой объединил в три главные вопроса: «1) О том, в чём должна быть настоящая нужная для людей наука или образование. 2) Что такое то, что у нас называется наукой и образованием? и 3) Полезна ли эта наука или образование, а если не полезна, то не вредна ли она, а если вредна, то в чём её вред?» (80: 1). Ответом Абрамову стала большая статья «О науке. Ответ крестьянину», где Толстой объяснял, что такое, на его взгляд, «настоящая наука», а что — «пустяки», «ложная наука». «Вся настоящая наука в том, чтобы делать другому то, чего себе хочешь», — писал Толстой в черновом варианте письма к Абрамову. «Ложная» же наука, которую себе придумали учёные дармоеды, чтобы оправдать свою праздную и незаконную жизнь на шее других людей, — это обман, и «чтобы придать важность тем пустякам, которые они называют наукой, они придумывают самые хитро-мудрые, искусные рассуждения, по которым разбирают всякие никому не нужные тонкости, давая этим рассуждениям разные странные новые названия: гносеология, патология, физиомеханика и т.д. и т.п.» (80: 3). В статье Толстой выступал против той «ложной» науки, против того образования, которые сулят выгоды, фактически делая людей бездельниками. А ведь можно «учиться по книгам», занимаясь самообразованием.

Статья Толстого с большими пропусками была напечатана в газете «Русские ведомости» (1909, № 258 от 10 ноября) под заглавием «О ложной науке» и 10-12 ноября в более полном варианте в № 300-302 газеты «Киевские вести», но Толстой послал Абрамову её полный текст (при жизни Толстого полностью не публиковалась). Статья о науке вызвала много откликов. На раздражённое письмо сельского учителя Н.Н. Бурлакова, полагавшего, что едва ли крестьянин поймёт смысл этой

статьи, Толстой отвечал 11 декабря 1909 г.: «...мой корреспондент-крестьянин вполне понял то, что я писал ему...» (80: 240).

Н.И. Бурнашёва

АБРИКОСОВ Хрисанф Николаевич (1877-1957) — единомышленник и друг Толстого. Сотрудник журнала «Свободное слово». В 1898 г., прочитав трактат Толстого «В чём моя вера?», студент Московского университета Абрикосов почувствовал необходимость познакомиться с его автором. Встреча с писателем 7 февраля 1898 г. перевернула всю жизнь Абрикосова. В результате бесед с Толстым ему, как он позднее писал в своих воспоминаниях, «хотелось в основе изменить свою жизнь, хотелось жить по новым открывшимся» ему законам (Абрикосов Х.Н. Двенадцать лет около Толстого // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 379). От Толстого Абрикосов узнал о том, что в Англии существует Перлейская колония, которая живёт по правилам общинной жизни. Её члены, молодые люди, бросив свою прежнюю деятельность, сами строят себе жилища и работают на земле. Уже в марте 1898 г., оставив семью и учёбу в университете, Абрикосов уехал в Англию. В Перлее

12

он познакомился со многими последователями Толстого. Самое яркое впечатление на него произвёл врач Альберт Шкарван, и Абрикосов «подпал под его влияние, особенно стал ценить его мысли и сильно привязался к нему» (там же. С. 392.). Уехав с Шкарваном в Голландию, он работал в типографии, где печатались труды Толстого, «горд был, что распространял «Царство Божие» и другие писания Толстого» (там же. С. 393). В 1899 г., вернувшись в Россию, Абрикосов впервые побывал в Ясной Поляне. После этого он часто посещал Толстых. А с осени 1902 г. стал жить в Ясной Поляне и помогать Толстому: переписывал его произведения, отвечал на письма. «Не говоря о том, что общение со Л.Н. важно мне самому, — вспоминал Абрикосов, — я всякий раз имею возможность чем-нибудь помочь и служить ему» (там же. С. 450). Толстой симпатизировал Абрикосову. 14 ноября 1900 г. он писал ему: «Вам же, милый Хрисанф Николаевич, я <...> хотел писать, чтоб сказать, что радуюсь на вашу жизнь». Д.П. Маковицкий в своём дневнике записал слова Толстого: «Все, кто знают Абрикосова, любят его. Таких, как он, мало» (*ЯПЗ*. 1. С. 190). В 1905 г. Абрикосов женился на Наталье Леонидовне Оболенской, внучатой племяннице Толстого, внучке его сестры М.Н. Толстой. «Наташа меня лишила большей части Хрисанфа»,

— сказал вскоре после свадьбы Толстой (там же. С. 206). Действительно, став семейным человеком, Абрикосов уже не помогал, как прежде, Толстому в работе. Дочь Абрикосова, Вера Хрисанфовна, в 1927 г. вышла замуж за Сергея Сергеевича Толстого, внука Толстого, сына Сергея Львовича. Таким образом Абрикосов дважды породнился с Толстым, так много значившим в его жизни.

С. Д. Новикова

АБХЕДАНАНДА Свами (в миру — Калипрасад Чандра; 1866-1939) — индийский философ, публицист, представитель неоведантизма. Ученик Рамакришны. С 1896 г. проповедовал философию веданты в Европе и США. Книги Абхедананды издавались на европейских языках, были популярны среди любителей восточной философии.

Толстой познакомился с сочинениями Абхедананды в 1908-1909 гг. Многие из них сохранились в яснополянской библиотеке писателя, имеют пометы на полях. На обложке брошюры «Путь к блаженству» Толстой написал: «превосходно». Это сочинение он рекомендовал И.И. Горбунову-Посадову для использования при составлении книжек о мировых религиях. Работая над «Письмом к индусу», Толстой читал брошюру Абхедананды «Индия и её народ».

Благодаря книгам индийского философа Толстой глубже изучил веданту, познакомился и с особенностями современных течений в индуизме. Многие мысли ведантистов оказались близкими его мировосприятию. Прочитав брошюру Абхедананды «Философия Веданты, Божественная истина человека», изданную на английском языке в Нью-Йорке (1903), Толстой записал в дневнике: «Вечер читал книги об индусской вере. Одна превосходная книга об смысле жизни. — Атман. Люби в себе не себя, а атаман, т.е. дух беспредельный, и будешь любить всё, и будешь жить духом, свободно, блаженно. Как я счастлив, что не рассуждением, а всей душой, главное, опытом начинаю понимать, испытывать, чувствовать это» (57: 166).

Толстой высоко ценил Абхедананду, называл его, как и Вивекананду, выдающимся индийским философом современности (*ЯПЗ*. 3. С. 404; 4. С. 213).

Лит.: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 131-132.

Ю.В. Прокончук

АВИЛОВА Лидия Алексеевна (рожд. Страхова; 1864—1943) — литератор; печаталась в «Вестнике Европы», «Новом слове», «Русском богатстве», «Петербургской газете», «Русских ведомостях» и др. Издала

несколько сборников рассказов (один из наиболее известных - «"Счастливец" и другие рассказы». СПб., 1896). Некоторые сочинения Авиловой были напечатаны в издательстве «Посредник».

Ещё совсем молодой девушкой, мечтая увидеть Толстого, она пришла в Долгохамовнический переулок и позвонила в дверь. Толстой спустился вниз и пригласил её войти в дом. Позднее Авилова вспоминала: «Помню, что в этот миг, когда я впервые увидела Льва Николаевича, я пережила какое-то особенно сильное и сложное чувство: я вдруг поняла, что не имела права прийти к нему, что моё желание работать для народа — выдуманный предлог и что тот факт, что Лев Николаев сейчас бежит по лестнице из-за меня, покрывает меня стыдом и позором» (Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. М., 1984. С. 213). Выслушав посетительницу. Толстой посоветовал ей помогать по хозяйству своей матери, на руках которой после смерти мужа осталось шестеро детей.

Брат Авиловой, Ф.А. Страхов, познакомился с Толстым в 1889 г. и стал одним из

13

ближайших помощников и друзей писателя. Страховы жили на Плющихе, недалеко от Долгохамовнического переулочка, и Толстой не раз заходил к ним, «казалось, что заходил он, гуляя, без всякой цели, посидеть с нами весной на крыльце, отдыхая, по пути домой, — вспоминала Авилова. — Иногда приводил он с собой своего маленького сынишку, который вскоре умер. Один раз я застала его сидящим на крыше сарая вместе с Федей. <...> Иногда он сидел в столовой и принимал участие в общем разговоре» (там же. С. 216).

Авилова была знакома с А.П. Чеховым; благодаря ей в марте 1897 г. произошла третья встреча Толстого и Чехова. 26 марта она шла домой из клиники и «вдруг увидела перед собой Льва Николаевича. Он часто гулял по Девичьему полю. Он узнал меня и остановился, — рассказывала она в воспоминаниях "А.П. Чехов в моей жизни". — Откуда вы? Из монастыря? — Нет, из клиники.

Я рассказала ему про Антона Павловича.

— Как же, как же, я знал, что он заболел, но думал, что к нему никого не допускают. Завтра же пойду его навестить» (Л.Н. Толстой и А.П. Чехов: рассказывают современники, архивы, музеи... М., 1998. С. 230).

28 марта Толстой был у Чехова.

В 1899 г. Авилова сообщила в письме Чехову о том, что приобрела дачу в Тульской губ. (В Тульской губ. было и родовое имение её матери — Клёкотки.) Чехов отвечал 8 марта: «...в каком уезде Тульской губернии Вы купили себе имение? <...> Знакомы ли Вы с Л.Н. Толстым? Далеко ли

Ваше имение будет от Толстого? Если близко, то я Вам завидую. Толстого я люблю очень» (там же. С. 97). И через несколько дней — в ответ на её новое письмо высказал своё отношение к Толстому: «Я Толстого знаю, кажется, хорошо знаю и понимаю каждое движение его бровей, но всё же я люблю его» (там же). Письма Авиловой к Чехову не сохранились: после смерти Чехова по её просьбе они были возвращены ей сестрой писателя, Авилова уничтожила их, и мы никогда не узнаем о том, что писала она Чехову о Толстом.

5 февраля 1904 г. Авилова обратилась в письме к Толстому с просьбой дать «хотя несколько строк в сборник в пользу жертв войны», который она надеялась издать. Толстой ответил 27 февраля: «Я очень помню вас, Лидия Алексеевна, и ваши хорошие рассказы и очень жалею, что не могу исполнить вашего желания. Я всем отказываю и потому не могу, не оскорбив, сделать исключения. Отказываюсь же по причинам, для меня важным, но которые длинно излагать. Так, пожалуйста, не сердитесь на меня и сохраняйте обо мне такую же добрую память, как и я о вас» (75: 53).

В начале 1905 г. Толстой готовил к печати «Круг чтения». С 16 по 23 февраля в Ясной Поляне гостил Ф.А. Страхов; он посоветовал писателю прочитать рассказы сестры «Первое горе» и «Без привычки». 22 февраля Толстой получил от Авиловой эти рассказы. 5 марта Д.П. Маковицкий отметил в своём дневнике: «Вечером Л.Н. читал рассказ Авиловой — понравился ему» (ЯПЗ. 1. С. 200).

Толстой ответил Авиловой 11 марта, выразив в письме своё отношение к её рассказам: «Очень вам благодарен, милая Лидия Алексеевна, за присылку ваших рассказов и рассказа Лескова, которые я получил нынче. Если вы позволите, то я помещу в “Круге чтения” “Первое горе”. Позволите ли вы мне сделать в нём некоторые, очень маленькие сокращения? Я пришлю их на ваш суд. Я перечёл этот рассказ, и он мне понравился ещё более, чем прежде, т.е. очень. От души желаю вам всего истинно хорошего. Вы знаете, что я, так же как и ваш брат Фёдор, разумею под этим» (75: 236).

28 апреля 1905 г. «за обедом Л.Н. хвалил “Дух времени” Авиловой, фельетон в “Русских ведомостях”» (ЯПЗ. 1. С. 262). В сентябре и 19 октября он работал над корректурой рассказа «Первое горе», сократив его. 16-17 ноября внёс новые исправления. Толстого очень беспокоила мысль о том, как отнесётся к его правке автор: «В рассказе Авиловой я позволил себе маленькие изменения и сокращения. Попросите её разрешить и простить меня» (76: 34), — писал он И.И. Горбунову-Посадову 25 сентября 1905 г. О том же — Ф.А. Страхову 5-6 октября: «Попросите вашу сестру не сетовать на меня за то, что я сократил рассказ и выкинул для краткости кое-что, даже очень хорошее» (76: 39). Рассказ

«Первое горе» был помещён в «Круг чтения» как «Недельное чтение» после 16 июня.

Последующие оценки Толстого творчества Авиловой записал Маковицкий. 27 февраля 1906 г.: «Михаил Сергеевич <Сухотин> заговорил о рассказе Авиловой в “Круге чтения”. Л.Н.: Авилова хорошие темы находит» (ЯПЗ. 2. С. 64). 22 июля 1908 г.: «Софья Андреевна сказала что-то об Авиловой, что нехорошо, скучно пишет. Л.Н.: Авилова пишет лучше Андреева. Она выбирает старые нравственные темы и пишет на них. Пишет умственно — сухо» (ЯПЗ. 3. С. 149).

14

19 января 1909 г. Авилова с дочерью посетила Ясную Поляну. Через несколько дней, вспоминая об этой встрече, Толстой сказал: «Она <Авилова. — А.М.> во мне оставила впечатление очень легкомысленной: бриллианты...» (24 января; ЯПЗ. 3. С. 309).

В библиотеке Толстого в Ясной Поляне есть брошюра Авиловой «Общее дело» (СПб., 1904).

Лит.: Авилова Л. А. А. П. Чехов в моей жизни // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.

А.С. Мелкова

АГАФЬЯ МИХАЙЛОВНА (фамилия не установлена; 1812—1896) — потомственная дворовая крестьянка Волконских-Толстых. Среди дворовых Толстой её выделял особо. О ней ходили разные легенды: якобы она происходила из какого-то дворянского рода, служила у бабушки писателя... Человеком она была своеобразным и своенравным. Толстой ценил её ум, высокую нравственность, считал смелой, волевой, гордой, но и отзывчивой. Она любила животных, особенно собак, как говорила, больше чем людей. Толстому полностью доверяла и любила его. Ухаживала за его собаками, присматривала за многими животными в усадьбе. Жалела мух, тараканов, мышей. Щенят укладывала на свою подушку, укрывала любой своей вещью, за что и получила прозвище «собачья гувернантка». Говорили, что в молодости она была красивой, но её кто-то жестоко обидел, и она невзлюбила людей, замкнулась, на ухаживания мужчин не отвечала. Многие считали Агафью Михайловну странной, но все любили. Её черты нашли отражение в образе няни в «Анне Карениной», в «Детстве» и «Отрочестве».

Н.И. Шинкарук

АГЕЕВ Афанасий Николаевич (1861-1908) — крестьянин из деревни Казначеевка Ясенковской волости, Тульской губ. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого, его последователь в вопросах церкви, искавший смысл жизни. Он служил весовщиком на железной дороге и часто бывал в Ясной Поляне. На основе рассказов Агеева Толстой написал статью «Рабство нашего времени». На Агеева начались гонения, его обвинили в богохульстве, в 1902 г. арестовали. Толстой просил видного адвоката В.А. Маклакова помочь крестьянину: «...человек он хороший, и очень жалко бы было, если бы его сослали» (73: 287). В январе 1903 г. Агеева приговорили к ссылке в Сибирь. Толстой через родственников и близких друзей организовал подачу прошения царю о помиловании. Николай II распорядился отложить высылку Агеева. Но прошение о помиловании было отклонено. Толстой всячески поддерживал крестьянина: «Не унывайте. Бог устроит всё лучшему. О семье не заботьтесь. Мы постараемся сделать так, чтобы она не нуждалась ни в чём» (74: 86). В ссылку с Агеевым выехала и его жена. Толстой обратился к енисейскому губернатору и к сибирскому золотопромышленнику Кузнецову с просьбой помочь Агееву получить более благоприятное место в губернии, и тот был оставлен в Ачинском уезде. Толстой писал Агееву в Сибирь, просил знакомых помочь семье ссыльных, Толстые посылали им книги. Агеев отбыл срок ссылки, в начале 1908 г вернулся в Казначеевку, но в апреле умер от воспаления лёгких. Семье Агеевых Толстые продолжали помогать и в дальнейшем.

Н.И. Шинкарьук

АКРШЕВСКИЙ (имя и даты жизни не установлены) — сослуживец Толстого на Кавказе, вероятно, из политических ссыльных поляков; безуспешно пытался заниматься литературным творчеством. Переписывал «Отрочество». Толстого «бесило» это затянувшееся переписывание. Да и сама личность Акршевского не вызывала у него симпатий: Толстому казалось, что он слишком «жалок, чтобы быть политическим преступником», литературные же его опыты вызвали запись в дневнике 5 ноября 1853 г.: «Вчера Акршевский <...> принёс мне свою мелодраму, замечательно бессмысленную и подлую вещь».

Н.И. Бурнашёва

АКСАКОВ Иван Сергеевич (1823—1886) — литератор: сын С.Т. Аксакова. Всего пятью годами старше Толстого. И. Аксаков, прочтя его «Детство», уже составил о начинающем писателе собственное мнение, ждал его новых публикаций. Так, находясь в ополчении по случаю

Крымской войны, в одном из писем родителям 25 августа 1855 г. он обмолвился: «...прочёл в "Современнике" Толстого "Севастополь в декабре месяце". Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь — и кажется, что не струсить и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время тёплый анализ в сочинениях этого Толстого" (И.С. Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. С. 154). А потом, узнав о первой встрече Аксаковых с Толстым в январе в Москве, с нетерпением спрашивал 15 февраля 1856 г. из Бендер: «Скажите мне, пожалуйста, как поняли вы графа Л. Толстого? Он меня

15

очень интересуется, и мне бы хотелось с ним познакомиться» (там же. С. 237).

И. Аксаков лично познакомился с Толстым в Петербурге 7 мая 1856 г., что Толстой и отметил назавтра в своём дневнике. Весной следующего года они встретились уже в Европе, и Аксаков сообщил отцу 19 апреля из Парижа: «Толстой в Женеве. То, что мне рассказали про него, очень характеризует его, и с хорошей стороны. <...> Париж его возмутил и оскорбил до глубины души; он не мог в нём оставаться. Кто-то посоветовал ему посмотреть казнь. Я, и не с его нервами, не решался никогда смотреть казнь, а на него вид, как публично зарезывают человека, произвёл такое впечатление, что гильотина снилась ему во сне. Ему казалось, что его самого казнят; проснувшись, он высмотрел какую-то царапину на своей шее, страшно испугался, объяснил себе, что это его чёрт оцарапал <...> и он вдруг исчез — и уже написал с берегов Женевского озера, где живёт и наслаждается видом чудной природы, проклиная Париж с его удовольствиями» (там же. С. 317).

В июне 1862 г. на шесть месяцев было приостановлено издание «Дня» и. Аксаков был лишён права издавать газету. Многие предлагали ему помощь; свои услуги в качестве фиктивного редактора «Дня» предложил и Толстой, но И. Аксаков с благодарностью отказал ему, считая, что может передать издание только славянофилу или «лицу, совершенно бесцветному, ничтожному в литературе».

Иногда в разговоре с наиболее близкими ему по духу людьми Толстой даже мог позволить себе лёгкую иронию по поводу какого-либо очередного громкого выступления Аксакова, называя его «самодовольным героем честности и красноречивого ума» (48: 49).

Занимаясь общественной деятельностью, И. Аксаков постоянно следил за подобной деятельностью и своих собратьев по перу. В его газете «Русь» 24 января 1881 г. (№ 11) появилась статья «По случаю голода в приволжских губерниях», где он не мог не вспомнить о патриотическом поступке Толстого, пришедшего своим пером на помощь голодающим

крестьянам во время неурожая в России ещё в 1872— 1873 гг.: «Вспомним 1873 год, когда граф Л.Н. Толстой открыл России существование голода в Бузулукском уезде и обнаружил в газетах не литературную картину, а документальный, сухой, но тем более красноречивый перечень наличного состава и наличных средств тех крестьянских семейств, которые посетил лично, и количества потребного для них хлеба. Как содрогнулась, как встрепенулась тогда вся Россия, как откликнулись на призыв к благой работе и главное Общество Красного Креста, и многие местные землевладельцы!»

По публикациям в газете «Русь» виден неослабевающий интерес И. Аксакова к творчеству Толстого. Так, в декабре того же 1881 г. появилась его небольшая рецензия на рассказ «Чем люди живы», в которой редактор газеты тепло отзывался о творчестве Толстого: «Какая прелесть — этот рассказ графа Л.Н. Толстого, помещённый в декабрьской книжке “Детского отдыха” <...> Что за эпическая простота, какой художественный реализм при самом идеалистическом содержании! Мы давно, по поводу одной сцены в романе “Война и мир” (встреча, взаимное прощание двух смертельно раненых соперников и чувство христианской любви, внезапно их осенившее), тогда ещё высказывали мнение, что если граф Толстой и реалист, то в нём несомненно кроется способность выразить в строго реалистической форме самые неуловимые, тончайшие, самые возвышенные, именно христианские движения души, дать им, так сказать, художественную, такую же тонкую плоть и воздействовать ими на душу читателя. Много было толков о новом, якобы мистическом направлении автора, о том, что он уже погиб для искусства <имеются в виду религиозные искания Толстого. — Г.Ч.>... Напечатанный рассказ свидетельствует о противном. Художник-реалист не погиб в нём, но только стал художником внутренне просветлённым <...> пусть только он сам не хоронит в себе Божьего дара» (1881, 19 декабря).

Уже в конце жизни И. Аксаков, внимательно прочитав ещё в рукописи «Евангелие, просмотренное и исправленное Львом Толстым», а потом только что вышедшие из печати в издательстве «Посредник» рассказы Толстого «Где любовь, там и Бог» и «Упустишь огонь - не потушишь», по свежим впечатлениям 4 июня 1885 г. написал Н.Н. Страхову взволнованное, полное откровений письмо, в котором были и такие строки: «Пожалуйста, имейте в виду: во-первых, что никто более меня не ценит таланта Толстого и не восхищается им, хотя в то же время я нахожу, что у него *слишком много таланта* и относительно недостаёт *мастерства*. У него что-то вроде гипертрофии таланта, элифантизм, которым он и владеть не всегда умеет», у него «уж такой резец: чего ни коснётся, так и режет вам глаз и слух своею жизненностью и реальностью, подчас вовсе не нужною; нет пощады ни для каких *деталей*. <...>

Во-вторых, Боже меня сохрани заподозривать искренность внутреннего душевного движения в Толстом. Не только при знаю я эту искренность, но и отношусь к ней с великим уважением, придаю его религиозному стремлению и исканию великое общественно-историческое значение: в нём сказывается свойство великого русского художника» (Литературная учёба. 1980. № 4. С. 202).

Через полгода И. Аксаков скончался от разрыва сердца.

Г.В. Чагин

АКСАКОВ Константин Сергеевич (1817-1860) — литератор; старший сын С.Т. Аксакова. Знакомство Толстого с К. Аксаковым произошло в доме Аксаковых в Москве в январе 1856 г.

21 мая 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Обедал у Аксакова. <...> Спорил с Константином о сельском чтении, которое он считает невозможным...» Споры Толстого с К. Аксаковым нередко возникали и в дальнейшем на протяжении всего времени их знакомства. Слишком оба были разные, и, несмотря на разницу в возрасте в десять лет, Толстой старался ни в чём не уступать К. Аксакову, имея по каждому вопросу своё мнение.

К.С. Аксаков

Вся первая половина 1856 г., года знакомства Толстого с семьёй Аксаковых, прошла в «притирании» друг к другу, которое происходило не без колкостей в обе стороны, но члены семьи «патриарха» оправдывали свои замечания возрастом Толстого, слишком молодым, по их мнению, для становления его зрелости в писательском труде. Они в этом случае придерживались мнения Тургенева, уже создавшего себе авторитет в писательских кругах и потому не пытавшегося скрывать свои суждения о молодых писателях. «Был в Москве граф Толстой и имел

случай заметить, — писал К. Аксаков Тургеневу 18 июня 1856 г., — что вы верно его очертили. Станный человек! Молодой что ли он? Не установился? Иногда идёт с ним разговор ладно; он слушает умно и ведёт речь разумно; а иногда вдруг упрётся, повторяет свои слова и как будто вас не понимает. Кажется, в нём нет ещё центра» (Зелинский В. Собрание критических материалов для изучения произведений И.С. Тургенева: В 3 т. М., 1908. Т. 2. С. 553).

Но именно К. Аксаков стал одним из первых критиков литературных произведений Толстого, каковым привычно вся семья Аксаковых бывала среди читателей-москвичей. В статье «Обозрение современной литературы» (Русская беседа. 1857 № 1) старший сын старика Аксакова в частности писал, что «уже первыми своими произведениями гр. Толстой сейчас стал замечен между другими писателями Произведения его “Набег”, “Рубка леса”. “Севастополь” отличаются наглядностью живою, прямым отношением к предмету, уважением жизни и стремлением восстановить её в искусстве во всей правде. Его сочинения разделяются на два рода: в одних первое место занимает окружающий мир природы, люди, события; в других, напротив, на первом месте личный мир человека, внутренняя область его души». «Слабее прочих» представлялись К. Аксакову «Записки маркёра» и «Два гусара». Он упрекал писателя в обилии «излишних подробностей». «Рассказы другого рода, рассказы личные, имеют особое значение, больше психологическое»: критик имел в виду трилогию «Детство. Отрочество. Юность». «Здесь, с самого начала, кроме прекрасных картин окружающей жизни, — впрочем, описание окружающей жизни доходит иногда до невыносимой, до приторной мелочности и подробности, — видим мы анализ самого себя. В “Детстве” и “Отрочестве” анализ имеет несколько объективный характер, ибо автор рассматривает ещё не совершенного человека, но в “Юности” этот анализ принимает характер исповеди, беспощадного обличения всего, что копошится в душе человека. <...> Много верного подметил он в изгибах души человеческой, и это твёрдое желание обличения себя во имя правды само по себе уже есть заслуга и оставляет благое впечатление». К. Аксакову, однако, порой мешал «беспощадный» анализ Толстого, который нередко «становится микроскопом». Критик видел «опасность анализа» в том, что он, «увеличивая микроскопом, со всею верностью, мелочи душевного мира, представляет их, по тому самому, в ложном виде, ибо в *несоразмерной* величине. Кроме того: ощущениям минутным, проходящим по душе, как дым, иногда вследствие того, что они-то именно совершенно не согласны с характером человека, может придать он состоятельность, которой они не имеют. Наконец, анализ может найти и то в человеке, чего в нём вовсе нет; устремлённый тревожно, взор в самого себя часто видит призраки и искажает свою собственную душу». Подводя итог, К. Аксаков писал:

«Талант его очевиден, и мы надеемся, что он освободится от этой мелочности и, можем сказать, микроскопичности взгляда и талант его окрепнет и созреет».

28 января 1859 г. по предложению К. Аксакова Толстой был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

К. Аксаков скончался на руках брата Ивана на пустынном греческом острове Занте и был погребён 3 января 1861 г. в Москве, в Симоновом монастыре, рядом с могилой отца.

Уже на склоне своей жизни Толстой в кругу друзей, вспоминая семейство Аксаковых, говорил о них: «Как они самоуверенны, а в сущности, они не оставили после себя никакого следа. Литературная известность отца раздута, у него было лишь среднее дарование. Константин из них был самым интересным. Иван был талантливее, но Константин был чистая, благородная натура. Он сорока лет умер девственником, а когда руку подаёт, как Тургенев выражался, словно дверью защемит» (Лазурский В.Ф. Дневник // ТВС. 2. С. 77). Но здесь говорила уже не правда, а «великость» самого Толстого.

Г. В. Чагин

АКСАКОВ Сергей Тимофеевич (1791— 1859) — писатель, автор книг «Записки об уженье» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852). С восторгом прочитав в «Современнике» самые первые сочинения Толстого, познакомившись с его первым севастопольским рассказом, 11 августа 1855 г. писал И.С. Тургеневу: «Статью Толстого я прочёл с восхищением и также мысленно кричал ура и сочинителю, и тому, что она напечатана».

Первая встреча Толстого с С.Т. Аксаковым произошла в Москве в январе 1856 г. Об этом Аксаков сообщал М.П. Погодину: «Всякой день перебивает у меня человек десять, а сегодня вдруг сошлась дюжина. Между прочими приезжал познакомиться со мной граф Л.Н. Толстой и завтра читает у меня свою новую пиэсу из крестьянского быта и просит, кажется искренно, самых строгих замечаний...» (Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. СПб., 1900. С. 296). После чтения договорились о ближайших встречах, но они не состоялись, о чём Толстой писал сыну писателя К.С. Аксакову: «Я до такой степени загулял последнее время в Москве, что даже не мог выбрать минутки приехать к вам <...> и извиниться перед вашим батюшкой за мою неаккуратность, да и вообще приехать туда, куда мне больше всего нужно, полезно, приятно

было бы приехать. Я завтра еду. Поэтому до свиданья. Повторяю просьбу прислать вам на суд то, что выйдет из моего романа; ежели же завтра не уеду, то непременно буду у вас». Эту записку так и не успел отправить, срочно уехав 29 января из Москвы.

7 февраля того же года, под впечатлением январских встреч, Аксаков писал Тургеневу: «Мы оба с Константином очень рады знакомству с графом Толстым. Он умён и серьёзен; он способен понимать серьёзные мысли, в какие бы пустяки ни вовлекала его пошлая сторона жизни. Я ставлю его очень высоко по задаткам, которые он дал нам, и, узнав его лично, ещё более надеюсь на его будущую литературную деятельность». Чуть позже Аксаков просил Тургенева: «Поклонитесь графу Л.Н. Толстому. Не напишет ли он что-нибудь для “Русского вестника”? Какое бы это было доброе дело!» (*Тургенев. Переписка. С. 338*). Через три недели в очередном письме уже Тургенев сообщал Аксакову, что Толстой «написал превосходный рассказ под названием “Метель”». Прочитав рассказ, Аксаков нашёл в нём сходство со своим очерком «Буря» (1834), который оценил ещё Пушкин. «Скажите, пожалуйста, графу Толстому, что “Метель” — превосходный рассказ, — писал он Тургеневу 12 марта. — Я могу об этом судить лучше многих: не один раз испытывал я ужас зимних бурянов и однажды потому только остался жив, что попал на стог сена и в нём ночевал. Скажите ему, что подробностей слишком много, однообразие их несколько утомительно. Хотя я мало с ним знаком, но не боюсь сказать ему голую правду».

С.Т. Аксаков

Толстой сдружился с семьёй Аксаковых, приезжая в Москву, непременно посещал их, о чём есть записи в его дневнике 1857 г. Правда, эти записи не всегда носили положительную оценку таких встреч. 14 января: «У Аксакова очень мне были рады <...>. Опять к Аксаковым. Тупы и самолюбивы». 19 октября: «Вечер у Аксаковых. Отвратительная литературная подкладка». 17 ноября: «Вечер у Аксаковых, гордость страшная». В январе 1857 г. в течение шести вечеров Толстой слушал чтение книги

Аксакова «Детские годы Багрова-внука», работу над которой писатель начал ещё осенью 1856 г. Об этом записано в дневнике: «20, 21, 22, 23, 24, 25 января. Чтение у С.Т. Аксакова. “Детство”, прелестно!» 29 января об этих чтениях и о самом произведении Толстой уже подробно писал В.П. Боткину: «Слышал я две замечательные литературные вещи: “Воспоминания детства” С.Т. Аксакова и “Доходное место” Островского. Первая вся мне показалась лучше лучших мест “Семейной хроники”. Нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения».

Имя Толстого регулярно упоминалось в переписке Аксаковых, выявлялись всё новые черты его характера. 4 мая 1857 г., получив письмо от сына из Парижа, Аксаков отвечал: «Я очень рад, что Тургеневу лучше, а также тому впечатлению, которое произвёл Париж на гр. Толстого; это укрепляет мои надежды на него».

Как оказалось в дальнейшем, подлинного сближения с Аксаковыми у Толстого не получилось. Однако, когда 18 мая 1858 г. он снова приехал в Москву, его сразу же потянуло в их дом. 21 мая он обедал у них, а на другой день Аксаков читал ему и другим гостям четвёртый отрывок «Семейной хроники». В дневнике Толстой по этому поводу заметил: «Хорош, но старика захвалили». А на обороте последнего листка пятого отрывка «Жизнь в Уфе» рукописи «Семейной хроники» после этой встречи, где гости высказывали своё мнение, были сделаны пометки: «Не забыть... Замечания гр. Толстого». Далее записаны эти замечания, некоторые из них позднее были Аксаковым учтены. Толстой же, спустя более тридцати лет, вспоминал «Хронику» Аксакова как нечто новое, явившееся в середине XIX в. В разговоре со своим знакомым Г.А. Русановым он заметил: «Прежде в литературе было не то — выработывались новые формы. “Записки охотника”, “Мёртвые души”, “Записки из Мёртвого дома”, Аксакова “Семейная хроника”, наконец... без ложной скромности, моё “Детство и отрочество” — это всё были новые формы...» (Русанов. С. 102).

Всю жизнь Толстой уважал и любил Аксакова, с благодарностью принимал его советы, замечания о своём творчестве, а за год до смерти говорил: «“Детские годы Багрова-внука” потому интересны, что он сам описывает свои впечатления. Нехорошо в беллетристике описание от лица автора. Нужно описывать, как отражается то или другое на действующих лицах» (ЛН. 37 - 38. Кн. 2. С. 533).

Много лет спустя С.Л. Толстой вспоминал, что «отец пенил книги Аксакова “Семейную хронику” и “Детские годы Багрова-внука”. В нашем

детстве, говорил он, — по совету отца, мы, старшие его дети, читали их вслух, а затем рассказывали прочитанное. Помню, ещё когда я был мальчиком, то читал отдельные главы из “Детских годов Багрова-внука” яснополянским крестьянским детям, которые приходили в наш дом учиться грамоте».

Г. В. Чагин

АЛЕКСАНДР II (1818-1881) – российский император (1855-1881), старший сын Николая I. Его воспитателем был поэт В.А. Жуковский, который сформировал у будущего государя либеральные взгляды и романтическое отношение к жизни. В 1841 г. цесаревич Александр вступил в брак с принцессой Гессен-Дармштадтской, принявшей имя Марии Александровны. Участвовал в делах империи как член Гос. совета, Совета министров и Финансового комитета. Вступил на трон после смерти отца 19 февраля (3 марта) 1855 г. Одним из первых деяний Александра II стало помилование ссыльных декабристов, объявленное во время коронации в Москве 26 августа 1856 г. В 1861 г. провёл Крестьянскую реформу (отменил крепостное право), административную (утвердил положение о губ. и уездных земских учреждениях), судебную (обеспечил публичность и гласность суда, независимость судей, новый порядок судопроизводства), реформу народного образования, ввёл Устав о всеобщей воинской повинности. Царствование Александра II, несмотря на все либеральные реформы, было отмечено ростом революционного движения. Пережил несколько покушений, 1 марта 1881 г. был убит народовольцами.

Отношение Толстого к Александру II было неоднозначным. Он приветствовал его восхождение на престол, отметив важную перемену, произошедшую в обществе: «Новый император дал свободу мнениям» (17: 360). Ощущение относительной свободы, страстная потребность по-новому, руководствуясь лишь голосом совести, взглянуть на перспективы России и сформировали отношение писателя к этому историческому периоду, ставшему, как было отмечено в «Декабристах», началом «возрождения России» (гл. I). Однако и в новом государе Толстой находил серьёзные изъяны, причём духовного свойства

19

Спустя почти 20 лет после трагической гибели Александра II Толстой дал критическую оценку его деятельности; отзывы были не поспешными, а вполне продуманными. Так, хотя Толстой в письме Н.Н. Страхову 27 мая 1881 г. и отмечал душевную склонность государя к добру («...20 лет

гонялись за добрым царём и убили его»), в статье «Не убий» (1900). возвращаясь к духовными историческим итогам трагедии 1881 г., он обращал внимание на грех Александра II, связанный с тем, что ради разрешения политических споров им в жертву были принесены человеческие жизни: «...самые добрые из убитых королей, как Александр II или Гумберт, были виновниками, участниками и сообщниками <...> убийства десятков тысяч людей, погибших на полях сражений». В «Воспоминаниях о суде над солдатом» (1908), связанных с делом расстрелянного рядового Василия Шибунина, Толстой вновь указывал не только на политический и исторический аспект принятия государем сложного решения, но и на духовный. Он подчёркивал, что если «помазанник Божий» противопоставляет себя христианской идее милосердия и смирения, то милости просить надо уже не солдату, а Александру II. Толстой уверен, что «милость» — категория нравственная, а не социальная, поэтому-то необходимо «просить Александра не о том, чтобы он помиловал Шибунина, а о том, чтобы он помиловал себя». Одновременно с подобными суждениями характеристика Александра II высказана Толстым в письме к сыну его, Александру III, в марте 1881 г., сразу после убийства государя: «Отца Вашего, царя русского, сделавшего много добра и всегда желавшего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили...» (63: 45). Подобная разнородность высказанных оценок обусловлена двойственностью характера самого Александра II, которую отчётливо видел Толстой. Так, в статье «Единое на потребу. О государственной власти» он писал, что Александр II «неумный, недобрый, то либеральный, то деспотичный» (гл. II). Столь разные оценки вызваны и временем, и многогранностью личности императора, его непостоянством и зачастую неясностью его позиций. Именно в этом видел Толстой причину убийства царя, в статье «Бессмысленные мечтания» со всей убедительностью показав духовную и политическую его уязвимость: «...самовластный человек <...> сначала подчинившись общественному мнению своего времени, совершил освобождение крестьян, но потом, испугавшись того, что сделал, пошёл назад и стал препятствовать освобождению народа и сотнями, тысячами приговаривал <...> молодых людей, желавших только больше свободы, к виселицам и каторгам и был убит за это, за то, что не хотел отступить от своей власти» (31: 252).

Суждения Толстого расходятся с традиционными историческими представлениями, но созданный им портрет выглядит более многоплановым и достоверным, так как передаёт и духовный облик государя.

Лит.: Яковлев А. И. Александр II и его время. – М., 1992; Ляшенко Л.М. Царь-Освободитель. Жизнь и деяния Александра II. – М., 1994; Переверзенцев С. Александр II Освободитель. – М., 2002.

М.Ю. Белянин

АЛЕКСАНДР III (1845-1894) – российский император с марта 1881 г. Стал наследником престола в 1865 г. после смерти старшего брата. В 1866 г. женился на невесте покойного брата датской принцессе Софии Фредерике Дагмаре (в православии Мария Фёдоровна). Александр III был прекрасным семьянином, глубоко религиозным, с большим чувством ответственности, незлым, честным, но нравственно совершенно глухим человеком. В 1868 г. он был введён в состав высших гос. учреждений, но почти по всем вопросам являлся противником реформаторской деятельности отца. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: почти год достойно командовал отрядом (около 75 тысяч человек). После убийства Александра II стал жёстко править при поддержке К.П. Победоносцева, оказывавшего на него огромное влияние. При Александре III был проведён ряд реформ: поэтапная отмена подушной подати, обязательный выкуп земли и понижение выкупных платежей. Вскоре он отказался от начатого курса, стремясь укрепить сословный строй и монархический порядок. Либерально мыслящих деятелей Александр III заменял «истинно русскими людьми», убеждёнными консерваторами, такими как Победоносцев, Д.А. Толстой и др., проводившими контрреформы, направленные на пересмотр преобразований 60-70-х гг. Были введены «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», позволившее властям осуществлять произ-

20

вол; закон о земских начальниках, возвративший дворянам многие из утраченных ими прав; «Циркуляр о кухаркиных детях», восстанавливавший сословный принцип при получении образования; ужесточились цензурные требования. Особенность царствования Александра III – отсутствие войн. За свою внешнюю политику был прозван «миротворцем».

Впервые Толстой обратился к Александру III в письме 8-15 марта 1881 г. с просьбой о помиловании убийц его отца, надеясь на политическую дальновидность и христианскую милость нового императора. Он был уверен, что эта акция будет хорошо воспринята обществом, особенно той его частью, которая охвачена революционными мечтами и притязаниями, ведь царь, утверждающий христианские принципы отношения к своим подданным, должен был бы вызывать не только

человеческое уважение, но и преклонение перед высотой своего духа: «Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут <...> от дьявола к Богу» (63: 50). Однако призыв этот услышан не был, наоборот, в жизнь стали претворяться планы, противные замыслам гос. устройства Александра II, что вызвало замечание Толстого в письме к А.М. Калмыковой 31 января 1896 г.: «...печальная деятельность правительства Александра III, разрушившая всё то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшаяся вернуть Россию к варварству времён начала нынешнего столетия, — вся эта постыдная деятельность виселиц, розог, гонений, одурения народа, -- сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в великого человека, в образцы человеческого достоинства». Измена «помазанника Божьего» своему христианскому предназначению — руководствоваться в своей гос. деятельности именно христианской терпимостью и всепрощением — заставила Толстого в дневнике 13 апреля 1890 г. ругать царя «за то, что возобновилась смертная казнь», а в статье «Христианство и патриотизм» с горькой иронией констатировать странную роль Александра III в организации христианского мира и согласия, состоящую, по официальному мнению, в том, что только он а не сам человек, является гарантом исполнения Божьих заповедей: «Если мы, тысячелетние христиане, ещё не перерезали горло друг другу, то это потому, что Александр III не позволяет нам сделать этого. Ведь это ужасно!» (гл. VI). Результаты царствования Александра III были рассмотрены Толстым в статье «Бессмысленные мечтания», и неутешительные итоги, к которым он пришёл, размышляя о судьбе России, заставили его сделать резкие суждения о личности императора. В статье «Единое на потребу. О государственной власти» Толстой назвал Александра III «глупым, грубым и невежественным» (гл. II), а в вариантах этой статьи попросту было — «жирный мешок» (36: 450).

С Александром III связана история публикации «Крейцеровой сонаты». И, хотя в дневнике 18 апреля 1891 г. Толстой заметил, что ему «было неприятно» «заискиванье у государя» Софьи Андреевны, в письме 22 мая 1891 г. к О.А. Баршевой и М.А. Шмидт он обратил внимание на то, что жена «была у государя, и он разрешил напечатать “Крейцерову сонату”. Она очень этому рада». Несмотря на крайне негативное отношение к деятельности Александра III, Толстой в письме к Н.Я. Гроту 20-21 октября 1894 г. пожалел умирающего государя и не осуждал его: «Мне его очень жалко, как человека, страдающего и умирающего в таких тяжёлых для души условиях, но эта жалость не заставляет меня изменить моё мнение о плачевном итоге его царствования. И от этого-то мне его особенно жалко».

АЛЕКСЕЕВ Василий Иванович (1849-1919) – домашний учитель детей Толстых, в Ясной Поляне жил в 1877—1881 гг. Корреспондент и адресат Толстого. Толстой называл его своим «близким другом».

Сын псковского помещика, бывшего николаевского офицера, и бывшей его крепостной крестьянки, живших в законном браке, Алексеев учился в псковской гимназии, затем в Петербургском университете на физико-математическом факультете. Дворянин по отцу, по сути своей он «стоял на стороне народа». В университете сблизился с революционно настроенными студентами, распространял революционную литературу. Зная, чем грозит ему эта деятельность, стал изучать столярное, кузнечное, сапожное ремёсла, чтобы не пропасть.

21

если будет сослан в захолустье. Примкнул к кружку «народников», которым руководил Н.В. Чайковский; окончив университет, был пропагандистом среди рабочих Петербургской стороны.

Сблизившись с революционерами, ещё совсем молодым Алексеев пережил и арест, и визит к обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву, и увлечение религиозным учением «богочеловечества», и переселение в Америку, где была организована земледельческая коммуна, которая года через два распалась. По возвращении в Россию пережил гнев отца и изгнание из родного дома, и голодные времена в деревне... В это время об Алексееве узнал Толстой и пригласил его в Ясную Поляну. Последовал категорический отказ: «Там за обедом прислуживают лакеи во фраках и белых перчатках... Это, и вся вообще графская обстановка, мне не подходит!» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970. С. 175). Однако удалось уговорить Алексеева поселиться в Ясной Поляне и исполнять обязанности учителя старших детей в семье Толстых: преподавать математику, русский язык, географию и историю. «Он был немного выше среднего роста, худ и узок в плечах, белокур и не отличался мускульной силой. Под подбородком у него моталась редкая русая борода, на щеках волосы не росли, его честные голубые глаза смотрели ласково, говорил он плавно и спокойно и почти никогда не сердился», — вспоминал С.Л. Толстой, отмечая «чистое сердце» учителя и его «стремление к добру и истине. Жить своим трудом, преимущественно ручным, стараться отдавать народу больше, чем мы от него получаем, следовать христианскому правилу: не делать другому, чего себе не желаешь, выработать с помощью науки правильные взгляды на социальные вопросы, раскрывать людям глаза на несправедливость современного социального строя — вот в общих чертах

в чём состояло его мировоззрение. Он находил, что формы жизни могут улучшиться, только если люди сами станут нравственнее. К церковному учению он относился отрицательно, но не враждебно». «Василий Иванович был первый наш учитель, который искренно хотел не только передать нам известные знания, но и дать нам некоторое нравственное воспитание. Я к нему привязался всей душой, почти влюбился в него и подпал под его влияние. И до сего времени я глубоко признателен ему за те добрые семена, которые он посеял в моей душе» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1877 год). Позднее С.Л. Толстой скажет, что Алексееву он будет «вечно благодарен», что у него он «многому хорошему научился» (Пузин Н.П. Сергей Львович Толстой // *Очерки былого*. Тула, 1965. С. 7).

Отношения, сложившиеся между Толстым и Алексеевым, тоже походили на отношения учителя и ученика. У Алексеева Толстой начал учиться сапожному ремеслу. Алексеев своими руками сделал из чёрного дерева «изящную четырёхстворчатую ширмочку для хранения миниатюр предков Толстого»: эти дорогие для писателя реликвии по сей день хранятся в яснополянском кабинете в этой ширмочке. Алексеев сам колот дрова, приносил из колодца воду, убирал за собой — Толстой тоже постепенно стал делать это. «Вначале Василий Иванович, несомненно, имел некоторое влияние на мировоззрение моего отца, в то время ещё только вырабатывавшееся, — писал С.Л. Толстой, — но затем, наоборот, Василий Иванович подпал под влияние моего отца, так что его можно бы назвать первым толстовцем» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1877 год). Между Толстым и Алексеевым установились дружеские отношения, завязывались продолжительные беседы, нередко возникали и споры о современной жизни, о Балканской войне, о религии и церкви, о простом народе и православии, о «социалистах», о «женском вопросе»...

В.Ф. Булгаков считал, что «памятником долгого дружеского общения Л.Н. Толстого и В.И. Алексева осталось одно из обличительных произведений Толстого, именно “Краткое изложение Евангелия”, ходившее в народе в гектографированном виде под наименованием “Евангелия Толстого”. Это — не что иное, как выписанное Алексеевым, с разрешения Льва Николаевича, перед отъездом из Ясной Поляны, для себя лично и для своих друзей из обширного антицерковного сочинения Толстого “Соединение, перевод и исследование четырёх евангелий” (1881), самое краткое изложение учения Христа без подробных филологических, исторических и философских комментариев. <...> Лев Николаевич лично перечёл и исправил выписки Алексева, а позже написал вступление и заключение к этой работе. Так или иначе, без Алексева великолепного антицерковного «Евангелия Толстого» не существовало бы» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. С.

182). Позднее, в июле 1884 г., Толстой писал Алексееву: «Я вас узнал первого человека (тронутого образованием), не на словах, но в сердце исповедующего ту веру, которая стала ясным и непоколебимым для меня светом» (63: 183-184). Дружеские отношения с

22

Алексеевым, его понимание и сочувствие были особенно нужны и дороги Толстому в очень грудное для него время «перестройки» его «внутреннего мирозерцания».

В 1881 г С.Л. Толстой окончил гимназию и поступил в Московский университет; Толстые собрались переезжать в Москву. И Алексеев покинул Ясную Поляну; он арендовал у Толстого землю в самарском имении, занялся земледельческим трудом. Однако дела его шли плохо, и в 1886 г. С.А. Толстая отказала ему в аренде. О дальнейшей судьбе Алексеева С.Л. Толстой писал: «...он поступил домашним учителем к некоему Воейкову», потом «был директором технического училища в Чу-хломе, а с 1900 года — директором коммерческого училища в Нижнем Новгороде» (*Очерки былого*. Гл. «С осени 1881 до осени 1898 года». 1884—1887 годы). Бывая в Москве, Алексеев заезжал к Толстым; все ему были рады.

Уже в 1900-е гг. «по какому-то поводу Лев Николаевич вспомнил жившего в Ясной Поляне лет тридцать назад <...> Вас. Ив. Алексеева, учителя Сергея Львовича. Лев Николаевич говорил о нём с большой любовью и уважением. Особенно нравилось Льву Николаевичу в Алексееве то, что, живя во флигеле (так называемом “Кузминском доме”), он старался как можно меньше пользоваться услугами других и как можно больше делать для себя сам...» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 61). В 1910 г. Алексеев приехал в Ясную Поляну навестить Толстого и так был представлен Чертковым: «Это мой близкий друг, с которым мы много пережили вместе» (цит. по: *Гусев. Материалы*. 3. С. 654). Алексеев — автор воспоминаний о Толстом.

Лит.: Алексеев В.И. Из «Воспоминаний» // *ТВС*. 1. С. 253-262.

Н.И. Бурнашёва

АЛЕКСЕЕВ Никита Петрович (ум. после 1887 г.) — командир 4-й батареей батареи 20-й артиллерийской бригады, в которой Толстой служил на Кавказе. В своём первом письме к Т.А. Ёргольской из станицы Старогладковской в Ясную Поляну Толстой описывал Алексеева: «...Алексеев, маленький человечек, белокуренький, рыжеватый, с

хохольчиком, с усиками и бакенбардами, говорящий пронзительным голосом, но прекрасный человек, добрый христианин, напоминающий немного Александра Сергеевича Воейкова, только он не ханжа». Спустя несколько месяцев, 23 декабря 1851 г., Толстой писал из Тифлиса брату С.Н. Толстому:

«Подполковник Алексеев, командир батареи, в которую я поступаю, человек очень добрый и тщеславный Последним сто недостатком я, признаюсь, пользовался и пускал ему некоторую пыль в глаза – он мне нужен. Но и это я делал невольно, в чём и раскаиваюсь. С людьми тщеславными сам делаешься тщеславен». М.А. Янжул, служивший в 20-й артиллерийской бригаде позднее Толстого, рассказывая о жизни и людях этой бригады, так характеризовал Алексеева: «Никита Петрович Алексеев, батарейный командир графа Льва Николаевича Толстого, был весьма любим и уважаем за своё добродушие. Он слыл умным артиллеристом, университетом, отличался крайней религиозностью, особенно любил бывать в церкви, где по целым часам простаивал на коленях, кладя земные поклоны. К этому нужно ещё прибавить, что у Никиты Петровича недоставало одного уха, которое откусила ему однажды лошадь. К странностям Никиты Петровича нужно отнести и то ещё, что он не мог спокойно видеть, когда офицеры пили водку, в особенности же, когда это делала молодёжь. Между тем, по обычаю того доброго старого времени, все офицеры ежедневно обедали у батарейного командира. И тут Лев Николаевич нередко школьничал, делая вид, что он собирается пить водку. Тогда Никита Петрович серьёзнейшим образом начинал убеждать его не делать этого и, по своему обыкновению, предлагал вместо водки конфеты» (Русская старина. 1900. № 2. С. 355). Некоторые черты Алексеева впоследствии Толстой передал батарейному командиру Володи Козельцова в рассказе «Севастополь в августе 1855 года», в т.ч. и слова, обращённые к Володе: «Прапорщики не пьют», -- видимо, когда-то слышанные самим Толстым от своего батарейного командира.

После перевода Толстого в Южную армию Алексеев продолжал следить за его писательской и военной судьбой: в архиве Толстого сохранилось шесть писем к нему от Алексеева, в которых тот рассказывал о жизни в Старогладковской, об Епифане Сехине, выражал восторг по поводу первого севастопольского рассказа, прочитанного в

«Русском инвалиде»... По просьбе Толстого Алексеев прислал в Ясную Поляну записанные им казацкие песни, необходимые для работы над «Кзаками». Годы рождения и смерти Алексеева неизвестны, известно лишь, что в 1887 г. он был генерал-майором.

АЛЧЕВСКАЯ Христина Даниловна (рожд. Журавлѐва, 1841-1920) – российская и украинская общественная деятельница, педагог, библиограф, мемуаристка; писала на русском языке. Корреспондент и адресат Толстого.

Грамоте выучилась самостоятельно: её отец, хотя и был учителем, считал, что женщинам образование не нужно. В 1860-е гг. входила в харьковский кружок украинской интеллигенции «Громада». Увлечѐнная просветительскими идеями, в 1862 г. стала преподавать бесплатно в женской воскресной школе. После её закрытия (в том же году) занималась с ученицами дома. В 1870 г., получив диплом учительницы, открыла в Харькове частную женскую воскресную школу, которую долго содержала на средства мужа, крупного предпринимателя А.К. Алчевского. За 50 лет через эту школу прошли более 15 тысяч учениц из городских низов.

Под руководством Алчевской учительницами школы был подготовлен и издан трёхтомный труд «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения» (СПб., 1884-1906). В литературный отдел, составленный Алчевской, вошли наряду с рецензиями педагогов высказывания учениц о прочитанном (их ответы на «вопросники», реплики во время чтения художественных текстов, отзывы). Произведения Толстого заняли в указателе почѐтное место: обсуждение рассказа «Чем люди живы» открывает первый том; далее следуют «Бог правду видит», басни и рассказы из четырех «Русских книг для чтения» и др. Во втором томе представлены «Два старика», «Упустишь огонь не потушишь», «Где любовь, там и Бог», «Свечка, или как добрый мужик пересилил злого приказчика», «Три сказки», «Первый винокур, или как чертѐнок краюшку заслужил», «Сказка об Иване-дураке...», «Осада Севастополя» (сокращено по «Рассказам о Севастопольской обороне»), «Власть тьмы, или “Коготок увяз – всей птичке пропасть”», «Поликушка», «Чем люди живы»; в третьем – «Три смерти». «Ассирийский царь Ассархадон», «Три вопроса» и др. (все названия даны по книге «Что читать народу?»).

Включение в книжный каталог мнения учениц было беспрецедентным, и Алчевская решила у ишь, что думают об этом об плане сами писатели. В письме Толстому 18 декабря 1882 г. она рассказала о предполагаемом издании и спрашивала, нужно ли печатать отзывы учениц, которых накопилось «до тысячи» (63: 110); к письму прилагались подборка отзывов о рассказе «Чем люди живым» и «Пять отрывков из школьных заметок учительницы Х.Д. Алчевской». 20-25

декабря 1882 г. Толстой ответил подробным письмом, « я тотчас же <...> почувствовал, что имею дело с человеком искренним и серьёзным, и почувствовал себя нравственно обязанным вникнуть в то, что от меня требуется, и исполнить это сколько могу. Прочтя отрывок из школьных заметок, я ещё более убедился в этом, а чтение отзывов учениц привело в сильнейшее волнение; я читал их, плакал от умиления, чего терпеть не могу. Успокоившись теперь, пишу вам». Он сдержанно отнёсся к рецензиям «учащих», опасаясь их предвзятости, «влияния личных вкусов при суждениях». Но отметил пользу «как бы статистических сведений о том, что больше читается и спрашивается, что лучше, полнее рассказывается...» Собрание же и публикацию высказываний учениц писатель горячо поддержал: «...это и драгоценнейший материал, и вместе самое важное поучение для всякого педагога и писателя, не ограничивающегося при своём писании одной маленьком кликой близких ему людей». При этом он предостерег Алчевскую от какого-либо вмешательства в мысли и чувства читательниц (как и в 1862 г. в статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», подчёркивал неуместность своего вмешательства в текст рассказа крестьянских мальчиков). Иронизируя над гимназическим курсом, приучающим не к пониманию, но к «суждению» о прочитанном (часто непонятом или понятом «мелко»), Толстой советовал предпочесть «отзывам» о произведениях их «пересказы»: «В них будет и самый верный, и серьёзный отзыв. Сколько раз я замечал в своей практике – всё хорошее, всё правдивое, гармоничное, меткое запоминается и передаётся; всё фальшивое, накладное, психологически неверное пропускается или передаётся в ужасающем безобразии. Кроме того, пересказы эти драгоценны по отношению к русскому языку, которому мы только начинаем немножко выучиваться» (63: 108-110).

Одним из стимулов организации «Посредника» был первый том книги «Что

24

читать народу?». «Мы задались целью ответить на вопрос, поставленный вашей разумной книгой, -- на вопрос, что читать народу. Она, ваша книга, дала нам эту мысль, так и знайте, мы не хоронимся с этим. Скажу более, она вызвала движение, расшевелила дремавший вопрос. Спасибо ей...» -- передаёт Алчевская слова писателя в своих мемуарах «Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания» (М., 1912. С. 105-106), где подробно рассказывает о встрече с Толстым в Москве в апреле 1884 г. (по её просьбе он навестил её в гостинице). В дневнике Толстого 1884 г. есть записи: «Пошёл к Алчевской. Умная,

дельная баба» (14 апреля); «Почитал книгу Алчевской. Прекрасно» (15 апреля).

В 1889 г. первый том «Что читать народу?» экспонировался на Всемирной выставке в Париже, и Алчевская с соавторами получили высшую награду. Изучение «народного читателя», пионером в котором явилась Алчевская, живо интересовало Ф.М. Достоевского, Г.И. Успенского и др. писателей, переписывавшихся с ней. Она записывала мнения и учениц воскресной школы, и взрослых крестьян, регулярно в летние месяцы читая вслух художественные произведения в деревенской хате и публикуя потом свои очерки об этих «читках» в журналах «Северный вестник», «Русская мысль», «Русская школа».

Лит.: Фридьева Н.Я. Жизнь для просвещения народа (О деятельности Х.Д. Алчевской). М., 1963; Ищук Т.Н. Лев Толстой. Диалог с читателем. М., 1984.

Л. В. Чернец

АЛЬБЕРТИНИ (СУХОТИНА) Татьяна Михайловна (1905-1996) – внучка Толстого, дочь Т.Л. Сухотиной-Толстой. Родилась в Ясной Поляне, с самого рождения часто жила там. Толстой нежно любил внучку и порой мог подолгу заниматься с ней. Сохранилось много фотографий, где маленькая Танечка (Татьяна Татьяновна, как её в шутку называли у Толстых) или в кабинете у деда, сидит рядом с ним на подлокотнике его кресла, или с дедом на прогулке и т.п. Она получила домашнее, а затем гимназическое образование. После смерти своего отца М.С. Сухотина (1850-1914) до конца 1921 г. постоянно жила в Ясной Поляне с матерью, которая была хранителем Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

В письме брату И.Л. Толстому 24 января 1922 г. Татьяна Львовна сообщала: «Таню я поместила в последний класс гимназии. Она хорошо учится. Товарищи и товарки у неё подобрались очень порядочные, и я рада, что я решилась переехать в Москву. В ноябре ей минуло 16 лет. Она неглупая, свежая, не безобразная девушка. Но сдержала обещания быть исключительно умной и способной, как я думала, когда ей было пять лет. Характером она больше в отца, чем в нашу породу. Со мной дружна» (Алексеева В.В. «Живём мы трудно, но не унываем...» // Толстовский ежегодник 2002. М., 2003). Т.А. Кузминская 26 января 1922 г. писала племяннику Льву Львовичу «В ком бы ты нашёл большую перемену – это в Тане, твоей племяннице. Ей 16 лет. Она стала стройна, грациозна, богата красками, т.е. цветом лица, глаз и пр. и очень мила и приятна. Хорошо и дельно учится в Москве, т.е. такая девушка с её воспитанием – редкость в наше время, когда всё идет а l'envers <навыворот. – фр.>». И сама Таня писала дяде Льву 25 января 1922 г.: «...много время трачу на

ученье и, грешным делом, — на театры. А ведь у мама хватает сил и на то, чтобы вести издательское дело, интересоваться всем, а иногда надевать чёрную шёлковую кофточку и идти со мной смотреть “Горе от ума”. Вот, дядя Лёва, моя страсть — это театр. Я и смотреть люблю, а играть на сцене для меня самое большое удовольствие. Я всё мама говорю, что я удеру в актрисы, но она мне сказала, что тогда откажется от меня; грустно мне то, что у меня никакой нет специальности. Немножко рисую, немножко играю, чуть-чуть пою, но всё это очень понемногу. А вместе с тем страшно люблю всякое искусство».

В 1925 г. по инициативе А.В. Луначарского Татьяна Львовна была командирована за границу для чтения лекций о Толстом. Ни она, ни её дочь не предполагали, что покидают родину навсегда. «...Я всей душой против того, чтобы сделать Таню эмигранткой, — писала Т.Л. Сухотина брату С.Л. Толстому 17 июня 1925 г. из Парижа, — это положение очень тяжёлое, и как до поездки сюда, так и теперь я считаю своим долгом жить в России и не отрывать от неё Таню» (ОР ГМТ).

«Моя мать стала выступать с лекциями о своём отце: они пользовались огромным успехом, как во Франции, так и за её пределами, — вспоминала Татьяна Михайловна. — Я сразу устроилась работать в ателье, изготовлявшем искусственные цветы. Изучив стенографию и дактилографию, я стала работать секретарём в одном из американских банков. Я очень любила театр, и наконец мои мечты осуществились; я была принята в труппу Жоржа и Людмилы Питоевых. Роли у меня были маленькие, я была молода. Однако это было чудесное время в моей жизни. Я часто с тоской вспоминаю запах

25

кулис, товарищество актёров и моих друзей по сцене. Во время пребывания с театром в Италии я познакомилась с моим будущим мужем» (Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать // ЯП. сб. 1978. Тула. 1978. С. 275).

Старшему брату Татьяна Львовна сообщала 26 сентября 1930 г. о семейном событии: «Таня выходит замуж за итальянца, которого она любит уже полтора года. Зовут его Леонардо Альбертини, ему 27 лет, он доктор права, а занимается хозяйством в римской компании. <...> Жить они будут в Риме или под Римом. Мои новые родственники хотят, чтобы я ни в чём не нуждалась, и только просят о том, чтобы я выражала свои желания. Они очень милые и порядочные люди. Единственное обстоятельство, которое будет для Тани тяжело, — это именно их обеспеченное положение. <...> Наша трудовая жизнь была очень хороша. Мы видели много доброты и помощи, и сами помогали, чем могли.

Никогда не завидовали никому и не мечтали о богатстве. Конечно, бывали минуты, когда было тяжело, когда мечтали об отдыхе и о том, чтобы вздохнуть от материальных забот, но я всё же скажу, что я об этом времени не жалею» (*ОР ГМТ*). В 1930 г. Т.М. Сухотина вышла замуж, они с мужем поселились в Риме, куда переехала и Т.Л. Толстая.

Выполняя волю матери, Татьяна Михайловна ещё в 1974 г. начала передавать в дар ГМТ зарубежный архив Т.Л. Сухотиной-Толстой. Переданы свыше 2000 документов и многие ценные реликвии. В 1975—1982 гг. четыре раза Сухотина-Альбертини посетила Россию с детьми и внуками. А в промежутках между приездами были письма: переписывались мы с ней 16 лет. Её волновали перемены в стране, тревожило, как музей выживает, что с нами всеми происходит. В письмах особый нерв: как будто 1920-е и 1990-е гг. совместились, минуя 70 лет.

Вот фрагменты из этих писем.

20 июня 1986 г.: «На днях я делала доклад “Мой лед Лев Толстой”. Вы можете себе представить, как эта тема невероятно обширна. Постаралась взять кое-какие малоизвестные публичные штрихи из его жизни. Кажется, вышло удачно, и все были довольны. А как идёт Ваша работа? Мне это очень интересно. Я в начале зимы два раза говорила по радио и написала статью. Так что видите, не сдаюсь ещё».

Июнь 1991 г.: «А я часто о Вас думаю, вспоминаю моё пребывание на родине. Наши с Вами поездки, прогулки в Ясной Поляне. Всё это далеко, но было, и богатство этих воспоминаний во мне и даёт мне много радости и также и тоски по ним. Знаю, что Ваша жизнь нелегка. Но мне кажется, что на всём свете сейчас происходят такие события, и мы не знаем, во что верить и на что надеяться. Нам тут, конечно, легче материально, но морально тут полный развал и страшно жить».

10 мая 1992 г.: «Дорогая моя Валечка, у меня такое впечатление, как будто я Вам пишу каждый день. Но я не могу оставить Ваше последнее письмо без ответа. Я с такой грустью прочла про ту перемену, которая произошла в “милом лице Москвы” и как оно исказилось уголовно-торговой гримасой. Боюсь, что это судьба всего мира. Все стремятся иметь больше и лучше, чем у других, всех материальных благ. Надо с этим бороться, как только мы умеем и можем. Вот у Вас есть на это возможность через тех детей, которых Вы водите по музею. Да и не только детей, но вообще молодёжь, и они, приходя в музей, дышат другим воздухом, и я надеюсь, что та атмосфера, которую Вы им даёте, остаётся в них. Может быть, далеко внутри, но всё же остаётся».

28 февраля 1993 г.: «Читаю всё, что пишут и показывают на телевидении о России, и очень сердце болит и грустно, что мои года и здоровье мне, конечно, мешают приехать к вам. О скольком хотела бы поговорить с Вами, Валечка, и повидать всех моих друзей в Музее!.. Часто

во сне вижу Россию, и, чем больше проходит время, тем больше по ней скучаю и тоскую». (Все эти письма из личного архива.)

Умерла Татьяна Михайловна 12 августа 1996 г. в Риме и похоронена там же, где и Татьяна Львовна, на старинном кладбище у Пирамиды Цестия.

Т.М. Альбертини-Сухотина – автор воспоминаний «Моя мать» и «Моя бабушка», опубликованных в «Яснополянских сборниках» за 1978 и 1984 гг.

В. В. Алексеева

АЛЬТШУЛЛЕР Исаак Наумович (1870-1943) – врач, лечивший Толстого в Гаспре (Крым); корреспондент и адресат писателя.

26

Происходил из семьи слугителей старинной пражской синагоги. В 1889 г., окончив с золотой медалью классическую гимназию в Риге, Альтшуллер поступил на медицинский факультет Московского университета, где уже в студенческие годы прошёл «боевое крещение»: участвовал в ликвидации холеры в верховьях Волги. В 1894 г. получил назначение на место земского врача в город Торжок Тверской губ. Вскоре заболел туберкулёзом лёгких, переехал в Ялту и стал хорошим специалистом по лечению туберкулёза. Он лечил А.П. Чехова. В Ялте у него лечились К.С. Станиславский, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, семья Шаляпина, писатели Т.Л. Щепкина-Куперник, И.А. Бунин, А.И. Куприн и другие.

В начале сентября 1901 г. после тяжёлой болезни Толстой по совету врачей приехал в Крым. По приглашению графини С.В. Паниной семья Толстых поселилась в её имении Гаспре, недалеко от Ялты. Первые три месяца Толстой чувствовал себя неплохо: совершал пешие прогулки, ездил верхом, наслаждался крымской природой. Однажды он упал с седла. Чехов привёз к нему своего близкого знакомого врача Альтшуллера. 6 ноября 1901 г. Толстой сообщил В. Г. Черткову: «...пишу в постели. Болезнь очень неважная, но неприятная... Ездит очень милый доктор, один из лучших здесь и не платный...» Толстой скептически относился к медицине и врачебным советам, но Альтшуллер был ему симпатичен.

А. Толстая писала в своём дневнике 15 декабря 1901 г.: «Лев Николаевич ему верит и слушается, даже любит». В январе 1902 г. Толстой заболел воспалением лёгких, а едва оправился от него – брюшным тифом. Жизнь его находилась в опасности. Из Москвы были

вызваны известные врачи, 23 января состоялся консилиум. В записной книжке Толстого часто упоминался доктор Альтшуллер, который приезжал, лечил, оставался ночевать у постели больного. Опасность миновала. 20 марта Альтшуллер привёз раскладное клиническое кресло, в котором Толстой смог проводить большую часть времени на воздухе. Почти ежедневно Альтшуллер заезжал к Чехову или звонил ему по телефону, рассказывал о состоянии здоровья Толстого. 2 февраля 1902 г. Чехов в письме к П.А. Сергеенко сообщал: «Лечат его превосходно, в том числе <...> ялтинский Альтшуллер».

Через день после возвращения Толстого из Крыма в Ясную Поляну приехал Альтшуллер: он и здесь пробовал наблюдать своего пациента. Позже Толстой дважды писал доктору, прося его помощи. 22 мая 1903 г.: «...я рад случаю напомнить вам о себе и ещё раз поблагодарить за ваши заботы обо мне. Здоровье моё так хорошо, как может быть хорошо здоровье 75-летнего человека. Все мои вас помнят и любят так же как и я». Второе письмо отправлено 4 сентября 1903 г. Толстой просил Альтшуллера помочь больной невестке, жене старшего сына, устроиться на лечение в Ялте. Ответ на второе письмо Альтшуллер отправил на имя С.А. Толстой 13 сентября: «Я <...> часто вспоминаю о Вашей семье и мысленно переживаю время, проведённое около Льва Николаевича. Ведь это одно из лучших воспоминаний моей жизни. Искренне обрадовался Вашему письму и возможности быть Вам ещё чем-нибудь полезным...»

Врач много общался с Толстым в дни болезни и после выздоровления. Он записывал высказывания писателя о времени, о людях (опубликованы в 1967 г. в журнале «Смена»). Например, Толстой о Диккенсе: «Вот замечательный гений, друг угнетённых, враг роскоши, разврата». О Чехове: «Я живу и наслаждаюсь Чеховым, лаконический язык и выдающийся юмористический талант...»

Спустя годы после смерти писателя, в мае 1920 г., Альтшуллер во главе санитарно-медицинской комиссии, вооружённой рентгеновской аппаратурой, выехал из Крыма в Турцию для оказания помощи русским беженцам и раненым солдатам. С ним находилась жена и двое детей: как видно, доктор Альтшуллер уже догадывался, что белая армия вряд ли задержится в Крыму до ближайшей зимы...

Два года Альтшуллеры прожили в Турции, потом была Болгария... В 1922 г. удалось получить место заведующего туберкулёзным санаторием «Биркенвердер» под Берлином. Приход нацистов к власти заставил перебраться в Прагу, а затем – в Америку, где Альтшуллер написал воспоминания о Толстом и Чехове.

Лит.: Шалюгин Г. А. «Многоуважаемый коллега...». Страницы биографии доктора И.Н. Альтшуллера // Чехов: «жизнь, которой мы не знаем...» Симферополь, 2006.

АЛЯБЬЕВ Александр Александрович (1787-1851) – русский композитор, один из родоначальников русского лирического романса и камерно-инструментальной музыки: мелодика его сочинений связана с народным творчеством. Автор нескольких опер, в т.ч. «Аммалат-Бек» (1847), балета, музыки к 20 водевилям, симфонии, др. произведений для духового и симфонического оркестров, а также ряда сочинений

27

инструментальной музыки, более 150 песен, в т.ч. «Соловей», «Вечерний звон», «Зимняя дорога», «Нищая», вокальных ансамблей, хоров и др. Участник войны 1812 г. В 1825 г. по ложному обвинению был осуждён и сослан в Сибирь. В Москву вернулся в конце 30-х гг., здесь провёл последние годы жизни. Был знаком с отцом Толстого Н. И. Толстым, что отголоском прозвучало в повести «Детство» (гл. X «Что за человек был мой отец?»). С романсами Алябьева Толстой познакомился ещё в раннем детстве: их играли и пели в семье; не раз слышал в юности (в повести «Юность» в гл. IX определённо как автобиографический факт упоминается об этом: «Часто тоже долго по вечерам я просиживал незамеченным в зале, прислушиваясь к звуку “Соловья”, которого двумя пальцами наигрывала на фортепьянах Гаша, сидя одна при сальной свечке в большой зале»). Романсы Алябьева звучали и позднее в доме самого Толстого; особенно нравился «Соловей». 4 июня 1909 г. Маковицкий записал, что в Ясной Поляне играл балалаечник Трояновский, «после чая сыграли "Соловья". Л.Н. воскликнул: “Bis!” Повторили. Л.Н.: Очень вам благодарен» (ЯПЗ. 3. С. 430-431).

Н.И. Бурнашёва

АМВРОСИЙ (1812-1891), иеромонах – старец Козельской Введенской Оптиной пустыни (в миру: Александр Михайлович Гренков); прославился великим подвигом старчества. В год 1000-летия Крещения Руси первым из оптинских старцев причислен к лику святых. В келье старца Амвросия бывали иерархи, сановники, великий князь поэт К.Р., доктора, писатели, поэты, философы, композиторы, историки, учёные... Был и Толстой. Он неоднократно посещал Оптину пустынь и даже после отлучения от церкви имел желание беседовать со старцами.

25-27 июля 1877 г. Толстой с Н.Н. Страховым ездили в Оптину. Толстой ждал этой поездки: «Там я монахам расскажу все причины, по которым не могу верить» (62: 311). Они выстояли всю ночь бдение, и

Толстой имел беседу со старцем Амвросием. С.А. Толстая отметила, что разговорами с отцом Амвросием он остался очень доволен, высоко отзывался о мудрости старцев и духовной силе Амвросия. Но и после своего разочарования в учении церкви, которое обозначилось и в 1879 г., Толстой шёл в Оптину, к старцам. В 1881 г., 10 – 19 июня, он отправился туда пешком в сопровождении яснополянского учителя Д. Ф. Виноградова и слуги С. П. Арбузова. В письме И. С. Тургеневу 26 - 27 июня он признавался: «Паломничество моё удалось прекрасно. Я наберу из своей жизни годов пять, которые отдам за эти десять дней». Но теперь Толстой видел пороки монахов, его угнетала «болезненная» вера «бедного» Амвросия, он признал старца не понимающим Священное Писание. А в 1890 г. Толстой категоричен, об Амвросии он заметил, что старец «жалок своими соблазнами до невозможности» (27 февраля), Бог только с молодыми послушниками, а со старцами – дьявол. Это было третье, последнее, свидание Толстого со старцем Амвросием. В историческом описании Оптиной пустыни некоего Е. В. говорится о том, что старцу это свидание причинило душевные страдания: «Горд очень» – заметил он. Старец просил Толстого принести печатное покаяние в своих «еретических» воззрениях. Толстой вышел растроганным, собирался побывать у Амвросия и на другой день, несмотря на то, что уклонился от его благословения перед уходом.

В 1890 г. писатель задумал повесть «Отец Сергей», где собирался разоблачить монашеское отречение от мира вывести образ «известного старца Амвросия», любимого и почитаемого русским народом и столь неоднозначно воспринятого самим Толстым; в повести старец – духовный наставник игумена монастыря, куда поступил князь Касатский. А в романе «Воскресение», который создавался в 1890-е гг., его герой Нехлюдов вдруг почувствовал, что церковь – совратительница, а старцы – наиболее опытные обманщики и соблазнитель. Наставления старца, конечно же, не были выполнены Толстым.

А.В. Шмелёва

АМИЕЛЬ Анри Фредерик (1821—1881) — швейцарский философ, моралист, писатель и поэт, профессор эстетики и философии Женевского университета.

Амиель для Толстого – близкий по духу мыслитель. Как и Толстой, он с особым вниманием наблюдал за своей внутренней жизнью, изучал тончайшие движения души, фиксируя увиденное и осмысленное в дневнике. Из таких записей и выросла книга Амиеля «Отрывки задушевного дневника» («Fragments d'un journal intime»), ставшая для Толстого одним из любимых и высоко ценимых произведений.

В конце сентября — начале октября 1892 г. Толстой познакомился с «Journal intime» Амиеля и коротко записал в дневнике: «Читаю Amiel'a, недурно», «Amiel очень хорош» (52: 73 - 74). У него возникло жела-

28

ние написать предисловие к книге Амиеля и показать, что её автор, рассуждающий о будущем новом христианстве, сам того не замечая, живёт подлинно христианской жизнью.

В 1892-1893 гг. отрывки из французского издания книги Амиеля, выбранные Толстым, перевела на русский язык М.Л. Толстая. Эта работа готовилась при редакционном участии Толстого. В декабре 1893 г. он написал и предисловие к «Дневнику» Амиеля. Переведённые отрывки из книги Амиеля с предисловием Толстого в 1894 г. были опубликованы в первых семи номерах (январь-июль) «Северного вестника». Тогда же «Посредник» этот материал напечатал отдельной книгой в серии для интеллигентных читателей (Из дневников Амиеля. Пер. с франц. М.Л. Толстой. Под ред. и с предисл. Л.Н. Толстого. СПб., 1894).

В своём предисловии Толстой, представляя Амиеля и его мысли, запечатлённые в книге, отмечал: «Писатель ведь дорог и нужен нам только в той мере, в которой он открывает нам внутреннюю работу своей души. Что бы он ни писал: драму, учёное сочинение, повесть, философский трактат, лирическое стихотворение, критику, сатиру, — нам дорога в произведении писателя только эта внутренняя работа его души, а не та архитектурная постройка, в которую он большею частью, да, я думаю, и всегда, уродуя их, укладывает свои мысли и чувства.

Всё, что Амиель отливал в готовую форму: лекции, трактаты, стихотворения, — было мертво; дневник же его, где, не думая о форме, он говорил только сам с собой, полон жизни, мудрости, поучительности, утешения и навсегда останется одной из тех лучших книг, которые нам нечаянно оставляли люди, как Марк Аврелий, Паскаль, Эпиктет. <...>

Вся жизнь Амиеля, как она представляется нам в этом дневнике, полна <...> всем сердцем своим страдающего, искания Бога. <...> Он постоянно загадывает о том, каково должно быть христианство и состояние христианина, ни на минуту не останавливаясь на мысли о том, что христианство есть то самое, что он исповедует, и что он сам осуществляет в себе состояние христианина. А между тем весь дневник его полон выражениями самого глубокого христианского понимания и чувства. И выражения эти действуют особенно сильно на читателя именно своей бессознательностью и искренностью» (29: 210-211).

Толстой относился к Амиелю как к попутчику, человеку, шедшему с ним в одном направлении. Этим объясняется частое цитирование

изречений Амиеля и упоминание его как глубокого мыслителя. Так, с вынесенной в качестве эпиграфа мысли Амиеля о нужности высвобождения той религии, которую проповедовал Иисус, начинается VIII глава статьи «Одумайтесь!»; а с мысли, опровергающей право сильного, — III глава статьи «Закон насилия и закон любви». Рассуждения Амиеля о государстве открывают статью Толстого «Пора понять». А в статье «Религия и наука» Толстой, разоблачая псевдознание своего времени, констатировал необходимость привлечения людей к истинному знанию, которое «давно известно человечеству и проявлялось как в учениях религии, так и в учениях мудрецов не только египетских, греческих и римских, но и позднейших мудрецов до самого последнего времени: Канта, Шопенгауэра, Вивекананды, Амиеля и др.» (37: 361). Имя Амиеля и его высказывания появлялись в дневниках и письмах Толстого, предметом размышлений писателя становились утверждения Амиеля о сути страданий Иова, о зените чувств, о сущности времени, об определении любви, о жизненном кресте человека.

В сборниках мыслей «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни», составленных Толстым, афоризмы Амиеля встречаются часто. Они, по мнению самого писателя, несут на себе большую смысловую нагрузку, чем другие. Подтверждают это слова Толстого из письма А.Н. Верёвкину 6-7 февраля 1908 г.: «Посылаю вам первый том этого «Круга чтения» <...> Рекомендую вам особенно обратить внимание на места из Канта, Лихтенберга, Амиеля, Руссо, Вольтера и Шопенгауэра, не говоря уже о Марке Аврелии и Эпиктете» (78: 54—55).

М. А. Лукацкий

АНДЕРСЕН Ганс Христиан (1805 — 1875) — датский писатель, драматург, поэт. Автор шести романов, около 800 стихотворений, 175 сказок, трёх книг путевых заметок и множества пьес.

Родился в семье сапожника и прачки, которые, несмотря на страшную бедность, умели ценить красоту (в доме была даже полка с книгами и нотами, несколько картин). Родители привили сыну любовь к литературе, живописи, театру, внушили ему чувство собственного достоинства. Уход отца в солдаты и его смерть (1816) привели семью к отчаянной нищете, что повлияло на характер мальчика, на его восприятие мира. Уже на вершине славы, в автобиографии Андерсен напишет, что «жизнь его настоящая сказка, богатая событиями».

прекрасная!» Он и книгу назовёт: «Сказка моей жизни» (1855), но это не избавит его от периодов тяжелейшей тоски: позже он признается, что «яблоко бессмертия отзывается для него горечью».

Первый огромный успех и даже европейскую славу принёс Андерсену, уже известному публике по сборникам стихов, роман «Импровизатор» (1834). Его стали переводить на другие языки. Через год вышел первый сборник сказок — тщеславный Андерсен, как он признавался, просто хотел «попытаться завоевать молодое поколение». Он очень любил детей и всегда в семьях, где бывал, много времени проводил среди детей, рассказывая им в одной ему свойственной манере истории и сказки, которые помнил с детства или придумывал на ходу. А чтобы сказки при записывании не утратили живости интонации, Андерсен ввёл в них разговорный язык со всеми его неправильностями, убрал все «взрослые» слова, сделав язык простым и доступным. Этим он вызвал нападки критиков, но изобрёл, как оказалось позднее, совершенно новую форму сказочного повествования.

Долго Андерсен рассматривал сочинение сказок как побочное занятие для развлечения и заработка. Но возрастающий успех его маленьких историй постепенно заставил «хватать идею для взрослых — и рассказывать её для детей, помня, что отец и мать иногда тоже слушают и им нужно дать пищу для размышлений!» (письмо Андерсена к Б.С. Ингеману, 1843). Во многих сказках писатель показал ребёнка, ставшего проводником мудрости для измученных бедами родителей. Андерсен путешествовал «во всех радиусах сказочного круга»: сказки рождались «от известного настроения, солнечного луча, капли горечи»: сюжеты оригинальные и заимствованные; сказки волшебные и с неуловимым равновесием реализма и фантастики; реалистические рассказы-новеллы... При жизни писателя его сказки были переведены на 15 европейских языков.

В России первые публикации Андерсена на рубеже 1830-1840-х гг. остались без внимания: они были восприняты «запоздало романтическими» (Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980). Интерес к его творчеству возник позже, и именно к сказкам. В 1894 г. вышло собрание сочинений Андерсена в 4 томах (пер. и сост. А.В. и П.Г. Ганзен) — тогда самое полное и впервые переведённое на русский язык непосредственно с датского. Качество перевода решило судьбу этих «жемчужин сердца» для русских читателей. Через такое восприятие сказок Андерсена прошёл и Толстой: он «не понимал их, когда они были напечатаны в переводах Марко Вовчка» (СПб., 1872), но, прочитав их «лет десять спустя», вдруг «почувствовал, что Андерсен был очень одинок» (Горький М. Лев Толстой).

Толстой всегда сочувственно относился к творчеству датского писателя, ценил его неизменно высоко: в 1857 г. в Люцерне зачитывался

«Импровизатором», в начале 1858 г. записал в Дневнике: «Андерсен прелесть!» (48: 3) и обещал прислать А.А. Толстой книжку Андерсена. Его настолько покорила сказка «Царское новое платье» (или «Новое платье короля»), что 1 января 1857 г. он «перевёл сказочку Андерсена» (47: 108) и читал её В. П. Боткину. С тех пор Толстой на протяжении всей жизни не раз обращался к аллегории этой сказки, наполняя символические сказочные образы различными значениями: и в феврале 1857 г. для иллюстрации своих суждений о литературе: «Андерсена сказочка о платье. Дело литературы и слова втолковать всем так, чтоб ребёнку поверили» (47: 202); и в 1904 г. для разоблачения мнимого величия, в т.ч. и применительно к себе («Люди придумывают себе признаки величия: цари, полководцы, поэты. Но это всё ложь. Всякий видит насквозь, что ничего нет и царь — голый» (Дневник, 15 августа 1904 г. — 55: 75). Толстой записал эти мысли в Пирогове, у постели умирающего брата, С.Н. Толстого. И в 1908 г. Толстой чувствует себя в роли андерсеновского царя: «Я всё жду, когда это, как это случилось с голым царём, гулявшим по улицам, найдётся такое дитя, которое скажет: да в нём нет ничего — и все поймут, что они видели во мне хорошее, чего не было, а не видели того плохого, которое *que crève les yeux* <которое колет глаза. — *фр.*>» (78: 137). В своих записках 17 ноября 1909 г. Д.П. Маковицкий отметил, как Толстой, просматривая одну из книг и найдя в ней что-то «лестное про себя», «неодобрительно сказал: “...когда же найдётся *ein kleines Kind* <маленький ребёнок. - *нем.*>, который крикнет: “*Er hat nichts an!*” <“Он голый!” — *нем.*>» (ЯПЗ. 4. С. 105).

Даже оценивая события в России 1905 – 1907 гг., Толстой не раз прибегал к идее сказки о голом короле; в марте 1910 г. он записал в дневнике: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это — сказка о царе в новом платье. Ребёнком, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция. Появилось в народе сознание претерпеваемой им неправды...» (58: 24). Так в восприятии Толстого

30

расширялось значение средневекового испанского анекдота, мастерски превращённого Андерсеном в сказку о голом короле.

Толстой пересказал сказку датского писателя в трактате «Царство Божие внутри вас» и дважды подверг литературной переработке: в 1870-е гг., когда готовил «Русские книги для чтения», и в 1907 г., составляя «Детский круг чтения».

Не раз обращался Толстой и к сказке «Пятеро из одной шелухи». В сентябре 1904 г., сразу после смерти брата, он размышлял в Дневнике о жизни и смерти, о доказательствах бессмертия, об узости мышления

человека... 15 сентября записано: «Прекрасная сказка Андерсена о горошинах, которые видели весь мир зелёным, пока стручок был зелёный, а потом мир стал жёлтый, а потом (это уже я продолжаю) что-то треснуло и мир кончился. А горошина упала и стала расти» (55: 89). Так Толстой вычленил из сказки лишь ту часть, которая подходила ему для иллюстрации идеи постоянного расширения человеческого сознания. 22 октября 1907 г. в школе крестьянским ребятишкам писатель «рассказал сказку Андерсена о четырёх горошинках <пятая, которая попала к больной девочке, Толстому оказалась ненужной. — Н.Б.>. Это очень мило, — говорил он, — а о больной девочке: избито. Что в четырёх горошинах было фальшивого — пропустил» (ЯПЗ. 2. С. 541). Как известно, Андерсен судьбу пятой горошины считал самой достойной. Ради неё и была написана сказка — воспоминание о своей детской отраде: «садике, помещавшемся в единственном ящике с землёй».

Сочинения Андерсена печатались в «Посреднике». При публикации в них не изменяли ни единого слова. И сказка о горошинах была напечатана там без купюр. Всего в издательстве «Посредник» в 1895-1915 гг. вышли 4 сборника, в каждом из которых было 5-7 сказок и историй Андерсена в переводе А. и П. Ганзен, с иллюстрациями. Сборники неоднократно переиздавались и при жизни Толстого, и после его смерти. Стоили книжки от 2 до 8 копеек в зависимости от качества бумаги.

Лит.: Грэнбек Б. Ганс Христиан Андерсен. Жизнь. Творчество. Личность. - М., 1979.

Н.О. Бабаева

АНДРЕАС-САЛОМЕ Лу (Луиза Густавовна фон Саломе; 1861-1937) — немецкая писательница; известна как эксцентричная и эмансипированная особа, покорившая сердца знаменитых мужчин своей эпохи, среди которых Ф. Ницше, Р.-М. Рильке, З. Фрейд. Меньше знают о том, что Саломе была литератором и незаурядным мыслителем. В её собственной философской системе важное место занимала Россия как страна высокой духовности и естественной близости к Богу. Это особое отношение ко всему русскому было связано с тем, что немка по происхождению, Саломе родилась и выросла в Санкт-Петербурге.

Толстой стал для Андреас-Саломе «типичным русским». «Вообще говоря, Толстого невольно видишь в каждой избе», — вспоминала она, описывая одно из своих путешествий в Россию. Лу приезжала сюда дважды (в 1899 и 1900 гг.) вместе с поэтом Р.-М. Рильке. И каждый раз они навещали Толстого (28 апреля 1899 г. — в его московском доме и 1 июня 1900 г. — в Ясной Поляне).

Особенно значимым для немецких друзей оказался второй визит к писателю. Свои впечатления от этой встречи Саломе отразила в дорожном дневнике: «Совершая прогулку с Толстым, мы уже не обращали внимания на окружающее, а только следили за тем, как он воспринимает природу. Время от времени Толстой нагибался и движением шуплой ладони накрывал цветок – то жёлтое соцветие, то незабудку. Это было похоже на ловлю бабочки – он близко подносил стебелёк к лицу, поглощая его аромат, а затем, ненужный, – ронял на землю. Но уже в самом начале, когда мы только увидели его через стеклянную дверь прихожей, частично скрытого за смешным бруствером из игрушек – куколок, курочек и лошадок, – мы ощутили потрясающую трогательность его облика, как будто это был пришелец с небес. Какое обаяние исходит от этого аскетичного человека в жёлтой вязаной фуфайке, с высокой шапкой седых волос, с такими ясными глазами на бледном одухотворённом лице! Глаза – это то, что привлекает в нём прежде всего и более всего! По своему облику он напоминает доброго волшебника, этакого чародея...» (цит. по: Шторк В. Райнер Мария Рильке в Ясной Поляне // Марбахский журнал 92/2000. С. 48).

Но ещё до личного знакомства с Толстым Саломе сделала его центром своих историко-философских размышлений. Однако здесь она была далека от идеализации личности писателя. В статье «Лев Толстой, наш современник» (1898) Саломе утверждала, что сильная сторона русского народа – в его примитивном «инстинктивном сознании». Однако под влиянием Запада и вследствие реформ Петра I в Россию пришли чуждые ей образованность и бездушие. Толстой, по мнению писательницы,

31

оказался на пересечении этих двух противоположных тенденций. Переход его к новым идеалам в поздний период творчества Саломе была склонна считать трагическим разломом в его судьбе. Причину изменений она объясняла исключительно местом Толстого в русской истории. «Чтобы решить проблему Толстого, одну из самых интересных и самых странных человеческих проблем, – писала она, – необходимо проследить, как симпатии элиты с западной образованностью всё больше и больше обращались к народу» (Lou Andreas-Salome. Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse. Eine Studie, in: Neue Deutsche Rundschau, 9. Bd. 2. 1898. S. 1147). Толстой же, по логике Саломе, не смог до конца стать близким народу; напротив, он склонился в сторону европейского образа мыслей. В этом смысле Саломе противопоставляла Толстого Пушкину, творчество которого считала высшим достижением исконной русской духовности: «Душа Пушкина намного проще, да, она как раз в этой гармоничной

простоте, которая дарит чувство равновесия; это бесконечно русская душа, возможно, более русская, чем сотрясаемый западноевропейской лихорадкой и сомнениями нрав Толстого» (там же. S. 1148).

Лит.: Андреас-Саломе Лу. Прожитое и пережитое. Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Фрагменты книги // Иностранная литература. - 2001. № 2.

Е.И. Леенсон

АНДРЕЕВ Василий Васильевич (1861-1918) — музыкальный деятель, пропагандист русской народной музыки, балалаечник-виртуоз, композитор; организатор и дирижёр первого оркестра русских народных инструментов (1887). В 1896 г. был создан Великорусский оркестр, исполнявший русские народные песни, произведения русской и зарубежной классики, сочинения самого Андреева.

В марте 1896 г. Толстой получил из Петербурга письмо от Андреева, где тот писал, что в войсковых частях он организует полковые оркестры балалаечников, солдатские хоры, с целью, чтобы солдаты, возвратившись домой, стали популяризаторами народной музыки и песни. Андреев спрашивал мнение Толстого об этой своей деятельности. 20 марта Толстой отвечал музыканту: «Милостивый государь Василий Васильевич. Я думаю, что вы делаете очень хорошее дело, стараясь удержать в народе его старинные, прелестные песни. Думаю, что и путь, избранный вами, приведёт вас к цели, и потому желаю успеха вашему делу. С совершенным уважением готовый к услугам Л. Толстой».

7 декабря 1900 г. в Москве на музыкальном вечере у В.П. и С.Н. Глебовых Толстой слушал приглашённый ими оркестр Андреева. С.А. Толстая писала в тот день в своём дневнике: «Позвали Льва Николаевича к Глебовым слушать концерт 23-х балалаечников под управлением Андреева. Тут же в их оркестре жалейки, гусли, волынки. Прекрасно выходило, особенно русские песни; потом вальс «Warum?» Шумана. Лев Николаевич изъявил желание послушать, и это было устроено для него». С.Л. Толстой в своей книге «Очерки былого» отмечал, что «в Москве в 90-х годах Лев Николаевич слушал и одобрял игру на балалайках Андреева и Трояновского, исполнявших русские песни, аранжированные для этих инструментов» (гл. «Музыка в жизни моего отца»).

Н.И. Бурнашова

АНДРЕЕВ Василий Николаевич (Андреев-Бурлак, Бурлак-Андреев; 1843—1888) — известный актёр и чтец. Родился в дворянской семье, учился в симбирской гимназии, затем в Казанском университете,

участвовал в любительских спектаклях. Не окончив курса, поступил на службу в коммерческий флот. Служил капитаном в Волжском пароходстве. Эти впечатления отразились в литературном творчестве Андреева-Бурлака («На Волге». Повести и рассказы. 1881). Выступал как рассказчик-импровизатор на любительских концертах. С 1868 г. — в профессиональном театре; на сцене сочетал характерность с глубоким психологизмом, отличался склонностью к импровизации.

В 1880 г. по инициативе Андреева-Бурлака был открыт частный московский драматический театр («Пушкинский театр»), в 1883 г. — Русский драматический театр. В том же году вместе с актёром М.И. Писаревым Андреев организовал «Первое товарищество русских актёров». Лучшие роли Андреева: Счастливец («Лес» А.Н. Островского), Расплюев («Свадьба Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина), Иудушка Головлёв (по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы»). Актёр исполнял в концертах фрагменты прозаических произведений Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского. По воспоминаниям современников, его лучшей работой в этом жанре было чтение «Записок сумасшедшего» Гоголя.

Толстой не раз слышал выступления Андреева-Бурлака и, как вспоминал П.А. Сергеенко, восторгался его чтением: «Вот настоящий талант. Простота-то

32

какая!» Актёр познакомился с Толстым 20 июня 1887 г. С. А. Толстая на следующий день записала в своём дневнике. «Вчера вечером приезжал познакомиться с Львом Николаевичем актёр Андреев-Бурлак. Он *рассказывал* вроде рассказов Горбунова, из крестьянского быта. Все разошлись, остались мы с Львом Николаевичем и Лёва и сидели до 2-го часа ночи. Рассказы были удивительно хороши, и Лёвочка так смеялся...» (ДСАТ. 1. С. 120). По её же словам, «мысль создать настоящий *рассказ* была Толстому «внушена Андреевым-Бурлаком, актёром и удивительным рассказчиком. Он же рассказал ему, что раз, на железной дороге, один господин сообщил ему своё несчастье от измены жены и этим-то сюжетом и воспользовался Лёвочка» (ДСАТ. 1. С. 137). П.И. Бирюков вспоминал, что однажды в хамовническом доме скрипач Ю.И. Лясотта и С.Л. Толстой исполнили сонату Бетховена, посвящённую Р. Крейцеру. Она произвела особенное впечатление на Толстого и послужила одним из поводов к созданию повести. Среди слушателей были И.Е. Репин и Андреев-Бурлак. Обратившись к ним, Толстой сказал: «Давайте изобразим «Крейцерову сонату» доступными нам способами искусства. Я напишу рассказ, Андреев-Бурлак прочтёт его перед

публикой, а вы напишите на эту тему картину, которая будет стоять на сцене, пока Андреев-Бурлак будет читать мою повесть». Таким образом Толстой предложил свой вариант решения проблемы синтеза искусств, столь важной для деятелей культуры рубежа веков. По воспоминаниям Бирюкова, предложение это приняли. Андреев-Бурлак был в восторге от начала повести и «тут же стал пробовать передавать тот нервный звук, вроде рыдания, который часто произносил Позднышев во время своего рассказа» (Бирюков. 2. С. 122). В полной мере замысел Толстого остался неосуществлённым: в 1888 г. в возрасте 45 лет умер Андреев-Бурлак, а работу над повестью «Крейцерова соната» Толстой завершил лишь в 1889 году.

Лит.: Морозов М.М. Василий Николаевич Андреев-Бурлак. М.-Л., 1948.

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871-1919) – русский писатель. Родился в г. Орле в семье чиновника. В 26 лет окончил юридический факультет Московского университета. По предложению знакомого адвоката занял место судебного репортёра в газете «Московский вестник» -- так началось рождение литератора Андреева. Первый его рассказ «Баргамот и Гараська» (1898) привлёк внимание читателей и привёл в восторг Горького. Успех писателя, особенно среди молодёжи, был огромен. Андреева волновало возрастающее отчуждение и одиночество современного человека, его бездуховность, волновали темы роковой случайности, безумия, смерти. В 1910-е гг. ни одно из новых сочинений Андреева не стало литературным событием. Последнее его крупное произведение – «Записки сатаны» После Октябрьской революции Андреев жил в Финляндии.

Л.Н. Толстой и Л.Н. Андреев

Заочное знакомство Андреева и Толстого произошло в 1901 г.; Андреев послал в Ясную Поляну свои «Рассказы» с дарственной надписью; он очень любил и уважал Толстого и мечтал лично познакомиться с ним. «Важен день, когда впервые увидишь человека, да когда этот первый раз по воле судьбы останется и единственным <...> для меня <...> он явился весною и весною с последним взглядом ушёл», -- писал Андреев в своих воспоминаниях. Толстой ответил на первое письмо молодого писателя, покритиковал, но похвалил его рассказ «Жили-были».

Второе письмо Андреев отправил Толстому со страхом, после того как С.А. Толстая в «Новом времени» (1903, 7 февраля) высказала своё отрицательное мнение о рассказе Андреева «Бездна». Толстой был согласен с женой. Во втором письме Андрееву Толстой писал о его «Красном смехе», заметив, что есть сильные места, но в основном всё искусственное.

В третьем письме Андреев просил разрешения у Толстого посвятить ему «Рассказ о семи повешенных» (начиная со второго издания рассказ выходил с посвящением Толстому). Автор признавал, что недостатки у его рассказа есть, но в основе его — искренность. «С глубокой болью писал я, и не рассказ, который плох, а свою боль приношу Вам, человеку, всю жизнь мою, с самых ранних лет, стоявшему надо мною как воплощение совести и правды». Толстой отвечал Андрееву, что нужно доводить свою мысль до ясности, не стремиться «быть особенным, оригинальным, удивить,

33

поразить читателя» (ПРП. 2. С. 413) и ещё много работать над своими сочинениями. «Рассказ о семи повешенных» не нравился Толстому: «Отвратительно! Фальшь на каждом шагу! Пишет о таком предмете, как смерть, повешение, и так фальшиво!.. Отвратительно!..» В тот же день, 22 мая 1908 г., вечером Толстой опять читал рассказ Андреева и сказал: «Ему надо было бы начать писать, как молодому, начинающему писателю, с самыми строгими к себе требованиями, забыть о своей популярности, и тогда из него могло бы выйти что-нибудь, — у него есть кое-что» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 162).

Когда Толстого спрашивали об Андрееве, он чаще всего говорил, что его «не стоит читать», а первые литературные попытки молодого писателя вызвали реакцию: «Когда я читал первую работу Андреева», впечатление было, «что он хочет пугать, а я не боюсь». Отзыв Толстого об Андрееве вскоре попал в газетные заметки репортёров в изменённой

редакции: «Он нас пугает, а мы не боимся», «Андреев меня пугает, а мне не страшно». Выражение стало метафорой.

В 1907 г. Андреев просил разрешения приехать в Ясную Поляну. Разрешение получил, но в Ясную Поляну приехал только 21 апреля 1910 г., провёл там два дня и даже разговаривал с Толстым наедине. Это была единственная встреча двух писателей.

В Ясной Поляне иногда вслух читали некоторые рассказы Андреева, кое-что Толстому даже нравилось, и в конце жизни он говорил об Андрееве, что «это большой талант, но в его рассказах надо отчеркнуть, где начинается фальшивая чепуха (и эту часть выпустить)».

С.А. Хомяков

АНДРЕЕВ Николай Андреевич (1873—1932) — художник, скульптор. Родился в Москве. Учился в Строгановском училище (получил звание учёного рисовальщика), затем в московском Училище живописи, ваяния и зодчества на живописном, позднее на скульптурном отделении в мастерской С.М. Волнухина. С 1904 г. член Товарищества передвижных выставок. Автор скульптурных и графических портретов выдающихся деятелей русской культуры, памятников Н.В. Гоголю и А.Н. Островскому в Москве; создатель скульптурной ленинианы.

Андреев лепил и Толстого. 6 марта 1905 г. Д.П. Маковицкий записал: «Сегодня приехал скульптор Андреев...»; «Андреев надеется в три дня вылепить бюст Л.Н. Л.Н. писал, а он в его кабинете лепил его. Это не мешало Л.Н., так как и Андреев работал, ничем не отвлекая его, и только смотрел на него. Но вечером Л.Н. всё-таки заперся от него. “Чтоб не входили к нему”, — пояснила Андрееву Софья Андреевна». Запись Маковицкого 7 марта: «Андреев окончил лепку скульптуры — вчера начал. Останется здесь ещё, хочет присутствовать при отливке формы. “Это я первый раз видел скульптора, который делает бюст без того, чтобы ему позировали, — сказал Л.Н. — Это новая школа: живопись-скульптура — она передаёт выражение. Старая греческая скульптура поклонялась плоти. Теперь скульптура не имеет того значения, как живопись. Она строит памятники. Во времена греков и римлян памятники обожествляли императоров (императоры были земные боги). Теперь нечего изображать. Христа — нельзя. Нужна вдохновляющая идея, а её нет. Памятник современного императора, не говорю уже о нашем, но Вильгельма, какое он имеет значение? Он ничем не выдающийся генерал... Головы им не удаются... панталоны тоже. Скульптура имеет гораздо меньшее значение, чем живопись”. <...> Андреев хочет ещё вылепить маленький бюст и руку Л.Н.». В этот приезд скульптор вылепил два эскиза: голову Толстого и бюст пишущего Толстого. С.А.

Толстая записала 7 марта: «Бюст Льва Николаевича плох, грубо и непохоже».

Летом 1905 г. Андреев снова был в Ясной Поляне, работал над скульптурными портретами Толстого и сделал ряд карандашных зарисовок. 21 мая 1906 г. Андреев третий раз посетил Ясную Поляну.

В сентябре 1909 г., будучи на два дня проездом в Москве, Толстой посмотрел памятник Н.В. Гоголю, недавно открытый на Пречистенском бульваре. 4 сентября Маковицкий записал слова Толстого: «Надо смотреть en face <спереди. - фр.>».

34

а со стороны дурно. Хорошее выражение, грустное и серьёзное. Можно бранить и понять. (Скульптора Андреева все бранят.) Выразить духовную личность — этого нельзя. Красавца-гусара можно изобразить. Зачем это ставят памятник? И Гоголя, и Христа рисовать — образ не нужен, а дух. А что же Пётр и Тотлебен, которые убивали людей? Забыть про это, а не памятники ставить». И через три дня как продолжение этого высказывания: «о памятнике Гоголю. Л.Н. совсем не критиковал его, а сказал, что он понимает художника, что он хотел выразить. Гоголь смотрит на гуляющую внизу публику серьёзно, грустно. Но духовное нельзя выразить скульптурой». К разговору о памятнике Гоголю вернулись 24 ноября 1909 г. Маковицкий записал: «Софья Андреевна рассказала, что встретила скульптора Андреева, поговорила с ним о памятнике Гоголю. Софья Андреевна ему высказала своё неодобрение. Он спросил мнение Л.Н-ча. Софья Андреевна сказала ему: «Лев Николаевич смог перенестись в вас, (понять), почему вы сделали его, Гоголя, таким, каким вы его сделали». Андреев ответил, что его совесть спокойна: сделал Гоголя так, как понимал его».

Н.В. Зайцева

АНИКИН Тихон Ильич (1780-1859) – слуга Волконских-Толстых в Ясной Поляне, происходит из потомственного рода крестьян Аникиных, принадлежавших Волконским. В начале XIX в. все родственники Аникина по мужской линии умерли. В 1803 г. он в числе 10 других крестьян был взят во двор Волконских. Князь набирал состав оркестра; Тихон был определён флейтистом. После смерти князя Волконского прислуживал в доме. Его старшая дочь Анна стала женой главного повара Толстых – Румянцева Николая Михайловича. Вторую дочь, Наталью, Толстой отпустил на волю до отмены крепостного права.

Толстой с малых лет хорошо помнит Тихона Ильича. В «Воспоминаниях» он писал, как в один из тихих и милых сердцу всех домочадцев вечеров, когда вся семья отдыхала в гостиной, «в середине пасьянса и чтения отец останавливает читающую тётушку, указывает в зеркало и шепчет что-то.

Это официант Тихон, зная, что отец в гостиной, идёт к нему в кабинет брать его табак из большой складывающейся розанчиком кожаной табачницы. Отец видит его в зеркало и смеётся на его на цыпочках осторожно шагающую фигуру. <...>

Тётушки смеются. Бабушка долго не понимает, а когда понимает – радостно улыбается. Я восхищаюсь добротой отца (гл. III). Описывая прислугу, Толстой продолжал: «Тихон-официант, тот, который таскал табак и которого мы очень любили, был человек совсем другого склада. Это был маленький, узенький человечек, весь бритый, с длинным, как это часто бывает у актёров-комиков, промежутком между носом и твёрдо стоженным ртом и подвижным лбом и бровями над весёлыми, серыми глазками. Он был у дедушки в оркестре флейтистом. Его обязанности в доме состояли в уборке парадных комнат и в служении за столом. Он был природный актёр. Ему, очевидно, самому доставляло удовольствие представлять что попало и делать комические гримасы, которые приводим нас, детей, в восхищение. Все всегда над ним смеялись. И про него ходили между дворней рассказы о том, как он в походе на деревне попал в пехтерь. По утрам он в чулках и куртке с венчиком из прудового тростника убирал комнаты, днём сидел в передней и вязал чулки» (гл. VIII).

Продолжая вспоминать Тихона Ильича, через несколько страниц Толстой писал, что «особенно весело смотреть на Тихона. Тихон — это бывшая флейта в оркестре дедушки, маленький весёлый человечек с удивительным, как нам казалось, талантом комизма. Он стоит, бывало, за бабушкой или за отцом, вдруг, вытянув свои длинные бритые губы, взмахнёт тарелкой и слетает комическую выкрутасу. Мы засмеёмся. Кто-нибудь из больших оглянется, и Тихон стоит, как статуя, замерев в неподвижной позе с тарелкой у груди» (там же). Он не просто выполнял поручения, а каждый раз что-нибудь «вытворял». Прошла гроза, и все с радостью стали готовиться к прогулке. «Сам Тихон, -- вспоминал Толстой, -- делает антраша и бежит на конюшню».

Тихон Ильич до конца дней жил в усадьбе Толстых.

Н.И. Шинкарьук

АННЕНКОВ Павел Васильевич (1812/1813?—1887) – литературный критик, мемуарист. В 1840-е гг. был близок с В.Г. Белинским, А.И. Герценом, Н.В. Гоголем, позднее – с И.С. Тургеневым.

В 1840-е гг. Анненков несколько лет провёл в Европе, напечатал в «Отечественных записках» «Письма из-за границы» и «Парижские письма», многое рассказавшие русским читателям о культурной жизни Европы. В 1850-е гг. в Петербурге Анненков сблизился с кругом писателей «Современника». Ему были близки пози-

35

ции Некрасова, Чернышевского. Но ближе оказались те, кто видел задачу литературы в создании эстетически совершенных произведений «чистого искусства», с гуманистическим содержанием (Дружинин, Боткин). Однако Анненков не отрицал значения морального воздействия искусства на общество и утверждал эту идею в своих статьях, написанных в 1850-е гг. Он стоял у истоков русской пушкинианы: подготовил первое научное издание сочинений Пушкина в 7 томах («Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч.»; СПб., 1855—1857 гг.), написал книгу «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» (1874). В дальнейшем он обратился к мемуарам: большой интерес представляет его книга «Замечательное десятилетие (1838-1848)» (1880).

Толстой познакомился с Анненковым в 1855 г., когда приехал в Петербург из Севастополя. Молодого автора «Детства», «Отрочества», севастопольских рассказов восторженно приняли в свой круг столичные литераторы. Особенно он сблизился с Анненковым, Дружининым и Боткиным, с ними проводил время, называя их в шутку «бесценным триумvirатом». В течение 1856-1857 гг. в дневнике Толстого эти три фамилии появляются почти ежедневно и, как правило, вместе.

Больше всех Толстой симпатизировал Анненкову: «он очень умён и человек хороший» (15 ноября 1856 г.). Приятельские симпатии основывались на человеческих отношениях, но не на «писательских»: «Литературная подкладка противна мне до того, как ничто никогда противно не было» (22 ноября 1856 г.). Толстой искал понимания, но чувствовал, что его не понимают даже те, кого он считал своими друзьями. «Вы не поверите, какое он впечатление производит на меня, — писал Анненков Тургеневу, — когда он, свернувшись в клубочек на диване, пустит глаза внутрь себя и начинает вытаскивать оттуда гадину за гадиной, нелепость за нелепостью... Работа в нём идёт страшная» (цит. по: ПРП. 1. С. 15). Эта работа казалась друзьям Толстого странной, преувеличенной, даже аффектированной. Толстой чувствовал это и жаловался в дневнике: «...в 4-ом часу к Дружинину, там Гончаров,

Анненков, все мне противны <...> и противны за то, что мне хочется любить, дружбы, а они не в состоянии...» (13 ноября 1856 г.). Толстой чувствовал, что открытости, искренности отношений мешала именно «литературная подкладка» — друзья хотели, чтобы он стал тоже сторонником «чистого искусства». Он же не укладывался в рамки никаких литературных направлений, был самобытным и самостоятельным и по своей сути не мог совпасть ни с одним из противоборствующих литературных кругов. Этому его друзья не понимали, и потому дружба с «триумвиратом» постепенно сошла на нет.

Ещё до личного знакомства с Толстым Анненков опубликовал статью «О мысли в произведениях изящной словесности (заметки по поводу последних произведений гг. И.С. Тургенева и Л.Н.Т.)» (Современник. 1855. № 1), где отмечал в таланте молодого писателя редкую логическую последовательность, верность своим идеям, убеждённость «в единстве мысли и поступка» и причислял Л.Н.Т. «к лучшим нашим рассказчикам». Позднее Анненков написал о толстовских «Казаках» («Современная беллетристика. Граф Л.Н. Толстой “Казаки”» // СПб. ведомости. 1863. № 144, 145), включившись в оживлённую полемику вокруг только что опубликованной повести. «Десятки статей этнографического содержания, — писал критик, — вряд ли могли бы дать более подробное, отчётливое и яркое изображение одного оригинального уголка нашей земли, где все условия человеческого существования далеко не походят на те, которые образованный мир считает необходимыми для нравственного достоинства и благополучия». Вопреки мнению, сложившемуся в публике, Анненков считал характер Оленина «столь же глубоко задуманным и превосходно изображённым, как и все другие лица и части замечательного романа гр. Толстого». Статья заканчивалась утверждением: «Мы удерживаем за романом право называться капитальным произведением нашей литературы».

В 1868 г. Анненков написал большую статью «Исторические и эстетические вопросы в романе графа Л.Н. Толстого “Война и мир”» (Вестник Европы. 1868. № 2), где дал противоречивую трактовку первых трёх томов романа. Он оценил широкий охват материала (целая эпоха русской жизни: исторические события, быт, нравы, портреты гос. деятелей, батальные картины, «ни с чем не сравнимые»), но не понял глубины замысла и новизны жанра книги. Статью эту Толстой посчитал «неблагоприятной», но признавался, что читал её «с умилением». После 1868 г. жизнь развела Толстого и Анненкова.

М.Е. Суровцева

АНОСОВ Иван Васильевич <даты жизни не установлены> — участник Крымской кампании, офицер 14-й артиллерийской

бригады, в которой служил Толстой. В 1855 — 1856 гг. прислал «с театра военных действий», из Крыма в Петербург литератору М. Венюкову список песни «Как четвёртого числа...». Аносов очень осторожно сообщал об авторстве Толстого, «чтобы не наделать беды Толстому, если сочинитель действительно он». Только в феврале 1875 г. этот список был опубликован в журнале «Русская старина» (первая публикация полного текста песни в России). Список Аносова лёг в основу авторизованного текста песни, опубликованного П.И. Бирюковым.

Н.И. Бурнашёва

АНТОКОЛЬСКИЙ Марк Матвеевич (Мордух Матысович; 1843-1902) – скульптор, выпускник С.-Петербургской Академии художеств; академик. Входил в кружок С.И. Мамонтова. В 1870-х гг. долго жил в Риме; с 1877 г. – преимущественно в Париже, где часто выступал в местной прессе со статьями на темы искусства.

Наиболее крупные работы: «Иван Грозный» (1871); «Пётр I» (1872); «Христос перед судом народа» (1874), «Смерть Сократа» (1875), «Спиноза» (1882); «Не от мира сего» (1887) и др.

В письме П.М. Третьякову Толстой упоминал письмо Антокольского о новой французской живописи под заглавием «Правда и ложь в искусстве» («Новости». Париж, 1894, 21 мая; перепечатано в «Северном вестнике», 1894, № 7), мысли которого оказались созвучны взглядам писателя.

Толстой был неплохо знаком с творчеством скульптора. В 1878 г. И.С. Тургенев, восхищённый статуей Антокольского «Христос перед судом народа», не преминул рассказать о ней Толстому во время своего приезда в Ясную Поляну. Об этом в своих записках упоминала С.А. Толстая: «Тургенев очень сед, очень смиренен, всех нас прельстил своим красноречием и картинностью изложения самых простых и вместе и возвышенных предметов. Так он описывал статую *Христос* Антокольского, точно мы все видели его...» (ДСАТ. 1. С. 511). Впоследствии Толстой отмечал эту скульптуру, подчёркивая, что Христос Антокольского, как и картины Н.Н. Ге, «не имеет ничего общего с богослужением, но даже враждебен ему» (30: 430-431).

В 1898 г. Антокольский посетил Толстого в Москве. 17 марта С.А. Толстая записала в дневнике: «Вечером был знаменитый скульптор Антокольский. Говорили об искусстве: Л.Н. из своей статьи; Антокольский говорил, что лучшая задача искусства – изобразить *душу* человеческую» (ДСАТ. I. С. 367 – 368). После встречи и беседы с Толстым Антокольский в журнале «Искусство и художественная

промышленность» выступил со статьёй «По поводу книги графа Л.Н. Толстого об искусстве» (1898, № 1 - 2: октябрь - ноябрь;

В.В. Стасов никогда не мог простить скульптору, что тот не создал портрета Толстого. «Ну как же это так? – писал он Антокольскому 24 сентября 1899 г. – Вы и его тоже пропустили, как множество других значительнейших и важнейших Ваших современников. Вы наделали множество портретов людей *посредственных* или *ничтожных*, а иногда и просто *зловредных* и *отвратительных*, и в то же время *пропустили* всё, что было между Вашими современниками важного, значительного, талантливого, знаменитого, вечного! <...> Отчего всё это так – не умею понять. Но хорошо ли это, достойно ли это Вашего великого дарования? И особенно, как Вам было не познакомиться со *Львом Толстым*, который есть краса и цвет не только нашей России, но и всего нашего XIX столетия!!» (Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. Т. 1. М., 1962. С. 88).

В. М. Бокова

АНТОНИЙ (в миру: **Вадковский Александр Васильевич**; 1846-1912)— митрополит С.-Петербургский и Ладожский, один из инициаторов отлучения Толстого от церкви.

С 1900 г. Антоний был первенствующим членом Святейшего синода, поэтому его подпись стояла первой под текстом «Определения» Синода. После выхода в свет «Определения» возмущённая С.А. Толстая написала эмоциональное письмо митрополитам и Победоносцеву, протестуя против отлучения мужа. Ответил ей митрополит Антоний. Он писал, что Толстой сам отрёкся от веры в Иисуса Христа, а Синод лишь констатировал факт его «отпадения» от Церкви. 27 марта 1901 г. Софья Андреевна записала в дневнике: «На днях получила ответ митрополита Антония на моё письмо. Он меня совсем не тронул. Всё правильно, и всё бездушно. А я своё письмо написала одним порывом сердца – и оно обошло весь мир и просто *заразило* людей искренностью» (ДСАТ. 2. С. 17). Эта переписка была опубликована в периодических изданиях, получила широкий резонанс в обществе.

В феврале 1902 г. Толстой тяжело заболел в Крыму и митрополит Антоний вновь обратился к С.А. Толстой, пытаясь через неё воздействовать на «отпавшего» от Церкви Толстого. Узнав об этом, писатель сказал: «О примирении речи быть не может

Я умираю без всякой вражды или зла, а что такое церковь? Какое может быть примирение с таким неопределённым предметом?» (там же. С. 54). Ответил Антонию старший сын Толстого Сергей Львович: он просил митрополита оставить отца и мать в покое, так как попытки увещания ни к чему не приведут, а нарушение душевного покоя больного «существенно влияет на ход его выздоровления» (там же. С. 487).

Нельзя сказать, что взгляды Толстого и Антония были абсолютно противоположны. Так, в ноябре 1907 г. Толстой одобрительно отозвался о речи митрополита на заседании Гос. совета. Ему понравилась мысль Антония о нравственных качествах, необходимых для гос. деятеля (*ЯПЗ*. 2. С. 554, 680). Но разногласия писателя и митрополита, касающиеся религиозных воззрений, были непреодолимы.

Последнюю попытку вернуть Толстого в лоно своей церкви Антоний предпринял в ноябре 1910 г., послав телеграмму на станцию Астапово, где лежал тяжело больной писатель. Но, боясь взволновать больного, родные и близкие не показали Толстому эту телеграмму.

Ю.В. Прокопчук

АНТОНИЙ (в миру: **Храповицкий Алексей Павлович**; 1863-1936) – с 1897 г. епископ Русской православной церкви, с 1902 г. епископ Волынский, позднее архиепископ Харьковский; с 1918 г. – митрополит Киевский и Галицкий; богослов, философ. Посетитель Толстого.

В 1888 г. Антоний опубликовал в газете «Церковный вестник» две полемические работы о мировоззрении Толстого. Писатель был с ними знаком, они сохранились в яснополянской библиотеке. Через несколько лет, в марте 1892 г., Антоний посетил Толстого в Хамовниках. Тогда же он опубликовал в «Вопросах философии и психологии» статью о Толстом либерального характера. Одно время писатель допускал возможность сближения с этим архимандритом. Однако разногласия вероисповедного характера между ними были очень велики. В том же 1892 г. будущий митрополит опубликовал новую статью, в которой содержится полемика с толстовскими взглядами: «Нравственная идея догмата пресвятой Троицы». И.М. Трегубову, который прислал в Хамовники эту статью, Толстой писал: «Очень бы желал быть в единении с вами и с милым Антонием Храповицким, но не могу не признавать всего, что у вас делается и пишется, и очень глупым, и очень вредным» (66: 280). Впоследствии Антоний продолжал полемику против толстовства. В 1896 г. он опубликовал две антитолстовские брошюры: «Нравственное содержание догмата о Святом Духе (против Л. Толстого)» (Харьков, 1896) и «Нравственное учение в сочинении Толстого “Царство Божие внутри вас” пред судом учения христианского» (Казань, 1896). В последней работе дана обстоятельная критика трактата Толстого с православных

позиций: подчёркивалась внутренняя противоречивость толстовских взглядов, несостоятельность теории непротivления злу насилием, представлений Толстого о нравственном поведении и применении нравственных заповедей. Не принимал Антоний в учении Толстого полное отвержение мистики христианства, склонность к пантеизму, «материалистический взгляд на человеческую душу».

Толстой следил за деятельностью и печатными выступлениями Антония. Его имя упоминалось в черновых редакциях статей «Одумайтесь!» и «Смертная казнь и христианство».

Уже после отлучения писателя от церкви, в марте 1908 г., Антоний написал С.А. Толстой, прося разрешение приехать в Ясную Поляну, чтобы вернуть Толстого в Церковь. Толстой по этому поводу сказал: «Я думаю, что, точно, я очень умён, потому что никого не обращал – это неуважение (обращение в веру). Неужели мне, 80-летнему, Антоний что нового скажет, что я не передумал? Точно так же, как я не сказал ничего нового Антонию (он всё это знает). У него устройство психики такое, что всё это соскакивает (с него)» (*ЯПЗ*. 3. С. 28).

В 1917-1918 гг. Антоний участвовал в работе Поместного собора, был одним из трёх кандидатов на Патриарший престол. С 1920 г. – в эмиграции, первый председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей.

Ю.В. Прокопчук

АНУЧИН Дмитрий Николаевич (1843-1923) – антрополог, профессор Московского университета; знакомый Толстого, один из редакторов газеты «Русские ведомости». С 1891 г. переписывался с Толстым, бывал в Ясной Поляне. Позднее в своих статьях «Из встреч с Толстым» и «Несколько часов в Ясной Поляне» Анучин рассказал о встречах с Толстым в апреле 1894 г., марте 1902 г. и ноябре 1908 г. 21 ноября 1908 г. он был в Ясной Поляне вместе с профессором П.Д. Долгоруковым, членом правления Общества грамотности Е.А. Звегинцевым и председателем Крапивенской земской управы Н.А. Игнатьевым для обсужде-

ния вопроса об открытии в деревне Ясной Поляне народной библиотеки читальни. Маковицкий записал о скости тетради: «Л. II. с Анучиным разговаривали о науке и поспорили. Анучин сначала возражал на всё и переходил с предмета ни предмет. Л.Н. горячился, потом позвал Анучина

в кабинет (где, вероятно, извинился за горячность) Когда вернулись, Анучин вёл себя сноснее».

«Увлечённый выработкой правильной миропонимания, преисполненный сознанием важности закона любви и нравственной задачи жизни, Лев Николаевич относится, как известно, отрицательно ко всему тому, что отвлекает от этой задачи, что направляет мысли и чувства к иным вопросам знания, искусства, деятельности, помимо неизбежных забот о существовании путём полезного и честного труда. Наука, по его мнению, ищет не того, что нужно, увлекается тем, что неважно и несущественно», — писал Анучин (*Интервью*. С. 329). Прочитав статью Анучина в «Русских ведомостях», «Л.Н. удивлялся его памяти, все подробности помнит. Ведь не записывал» (*ЯПЗ*. 3. С. 257). Через несколько дней, вспомнив об Анучине, Толстой сказал: «Ему нисколько не интересно было, что я говорю, а просто, чтобы запомнить. Он того типа человек, у которого от себя внутренней работы никакой нет, а восприимчивость огромная» (там же. С. 270).

В. В. Алексеева

АПОЛЛОВ Александр Иванович (1864-1893) - литератор; автор религиозно-нравственных сочинений. С Толстым лично не встречался, но был его последователем. Корреспондент и адресат Толстого.

Сын священника, учился в Кавказской духовной семинарии. С 1885 г. служил псаломщиком в церкви близ Ставрополя. В 1889 г. опубликовал «Житие и избранные места из творений преподобного Макария Египетского». В церкви читал с амвона «народные рассказы» Толстого.

19 апреля 1889 г. Толстой «прочёл прелестное сказание об Ормузде и Аримане (вымышленное)» (50: 69). Прочёл в рукописи. Это было первое знакомство с сочинениями Аполлова. Сочинение Толстой послал В.Г. Черткову для напечатания, но его запретила цензура. Только в 1898 г. сказание вышло в издательстве Черткова в Англии (Аполлов А. Ормузд и Ариман. Персидское сказание. «Свободное слово». Purleigh, England. 1898, С. 62—70). В России это сказание впервые появилось в 1908 г.: Аполлов А. Борьба света с тьмою. Ормузд и Ариман Сказание. М.: «Посредник», 1908.

С весны 1889 г. началась переписка Толстого с Аполловым, который присылал свои рукописи, спрашивал в письмах совета, делился своими размышлениями и планами. 26 мая Толстой записал в дневнике, что «читали рукописи, присланные Чертковым, Аполлова “Как жить нужно» Прекрасно» (50. 86). 1 июня 1889 г. Толстой писал Черткову о статьях Аполлова: «О жизни – превосходная. Как я полюбил этого Аполлова. Какое ясное и чистое мирозерцание! – Я во всём согласен с его книгой Она может показаться пресной многим, но зато нет ни одной фальшивой

ноты. Одно, что мне хотелось прибавить, это то, что где он говорит о самоубийстве, что человек, и не убивающий себя пистолетом, если не убивает, то лишает себя жизни, не следуя учению Христа» (86: 238).

Через две недели в дневнике – снова об Аполлове: «Получил письма от Поши <...> и от Аполлова. Он юноша» (11 июня: 50: 93). На следующий день в письме П.И. Бирюкову: «Представьте, что этому священнику 24 года. Очень серьёзный человек, много внутренне работающий; (64: 261). 24 сентября – запись в дневнике: «...вчера получил <...> письма Аполлова – замечательные. Он бросает священство. Он пишет: я не приставал к вам, боялся, что Толстой оставляет что-нибудь из ненавистной мне богословской системы. Теперь я присоединяюсь, чтоб посвятить жизнь на борьбу с этим обманом. И разные резкие сильные выражения. Хороша его сказка, задуманная, об уловке Мары, чтоб бороться против света Будды. В самом деле, как же бороться с христианством, как не прикинувшись учеником? <...> Не может же всё это не произвести последствий. Мне кажется иногда, что я присутствую при зажигании поджожек. Они загорелись, так что наверно загорится всё. Дрова ещё совсем холодны и нетронуты, но они несомненно загорятся все» (50: 147). 8 октября отмечено в дневнике «письмо от Черткова и Аполлова. Он подал к расторжению» (50: 155).

Осенью 1889 г. Аполлов подал прошение о снятии с него духовного сана, так как по убеждениям не мог исполнять должность священника. В своём сочинении «Как жить нужно? (Исповедь)» это решение он объяснял несовместимостью реального образа жизни духовенства с нравственными принципами христианства. Толстой сочувственно отнёсся к поступку Аполлова, получив 10 декабря от него письмо, он записал в дневнике: «И письмо от Аполлона, который, бедняга, от всего отрёкся. Вот будет страдать!» (50: 191)

39

Страдания и преследования начались сразу. Аполлов вынужден был взять назад своё прошение об отказе от священнического сана и продолжал служить до 1892 г., когда окончательно отошёл от церкви. М. Горький, познакомившись с его сочинением «Исповедь», увидел в нём одно из произведений «безвестных мучеников мысли, которые вызваны к жизни “Исповедью” Толстого» (ЛН. Т. 72. С. 369). Пока дело решалось в Синоде, Аполлов жил у В.Г. Черткова, помогал ему и принимал участие в работе издательства «Посредник».

В декабре 1892 г. Толстой читал «очень интересные и хорошие» статьи Аполлова «Исповедь», «Христос», «Ради Христа»; он всегда тепло отзывался о его сочинениях. От Черткова узнали, что «Аполлов очень

болен». «Его надо послать на кумыс. Можно ли?» (66: 339), -- писал 21 мая 1893 г. Толстой Л.Л. и М.Л. Толстым, бывшим в то время в самарском имении. Самому Аполлову тогда же: «Три вещи беспокоят меня о вас: 1) как вы переносите разлуку с семьёй, 2) есть ли у вас работа, удовлетворяющая вас, и 3) ваше здоровье. <...> Самое лучшее было бы вам съездить в Самару на кумыс к моему приятелю Бибикову, в 130 верстах от Самары. <...> Бибиков один из самых добрых и приятных людей. Содержание на кумысе вам ничего не будет стоить. Если вы позволите, это будет моё дело» (66: 345). Последнее письмо к Аполлову написано 20 июля 1893 г., за несколько дней до его смерти. Письмо заканчивалось так: «Напишите мне или попросите кого писать мне. Вы мне всегда были дороги, а ещё более полюбил вас после того, как Павел Иванович <Бирюков. — Н.Б.> рассказал мне про вас. Прощайте пока, целую вас. Любящий вас Л. Толстой» (66: 369).

2 августа 1893 г. в возрасте 29 лет Аполлов умер от туберкулёза кишечника в родной деревне Костромской губ. Многие его произведения были опубликованы посмертно: «Борьба света с тьмою (Ормузд и Ариман)», «Мара», «Необыкновенный случай» (быль о крестьянской свадьбе без вина, созданная в форме народного сказа). 9 августа 1893 г. Толстой писал члену кавказской земледельческой общины Б.Н. Леонтьеву о «самых тронувших» его событиях последнего времени, первым из них он назвал «смерть Аполлова, бывшего священника»: «Он физически мучительно, но спокойно и радостно умер <...>. Прекрасный и сильный был человек» (66: 379). 9 января 1898 г. Толстой в письме И.М. Трегубову советовал ему написать биографию Аполлова: «книга вышла бы прекрасная, нужная» (71: 254-255). Книгу об Аполлове Трегубов не написал. Но сам Толстой запечатлел его в пьесе «И свет во тьме светит»: Аполлов послужил прототипом священника Василия Никаноровича.

Годы спустя в письме Т.П. Богатикову 15 августа 1901 г., рассуждая «о трагическом положении священника, познавшего истину, и о наилучшем выходе из этого положения и об опасности этого положения», Толстой видел «лучший выход из этого положения – героический выход», когда «священник, собрав своих прихожан, вышел к ним на амвон и вместо службы и поклонов иконам поклонился бы до земли народу, прося прощения у него за то, что вводил его в заблуждение. Второй выход тот, который избрал лет 18 тому назад замечательный человек, покойник, знакомый мне <...> священник Аполлов, служивший в Ставропольской епархии. Он заявил архиерею, что не может по изменившимся взглядам продолжать священствовать. Его вызвали в Ставрополь, и начальство и семейные так мучили его, что он согласился вернуться на своё место, но, пробыв меньше года, не выдержал и опять отказался и расстригся. Жена оставила его. Все эти страдания так повлияли на него, что он умер, как святой, не изменив своим убеждениям и, главное, любви» (73: 120).

АРБУЗОВЫ

Мария Афанасьевна (1818-после 1900) – няня старших детей писателя. Бывшая дворовая соседка Толстых графа Воейкова. У Толстых служила в 1860—1880-е гг. Получила у них пенсию.

У неё была своеобразная речь, она одевалась отлично от других, была хорошей кухаркой. По определению Толстых, это была классическая няня, очень привязанная к детям, любила их, обладала немалыми педагогическими навыками. Она критиковала Толстого за недооценку значения игрушек в воспитании детей, могла принести детям в постельку молока, гречневой каши вопреки запретам гувернёров, часто угощала детей. Они её обожали. «Марья Афанасьевна была типичная нянюшка, – писал И.Л. Толстой. – Маленькая, кругловатая, с чёрным чепчиком на голове, добрая, бесцветная, иногда ворчливая. Она вынянчила нас, пятерых старших детей. Почему-то я помню её сидящей со сложенными на коленях руками, около стола, на котором горит сальная свечка. Когда свеча закоптит, няня берёт щипцы и снимает нагар. Иногда же она “снимает” просто пальцами.

40

Послунявит, снимет и опять послунявит» (*Толстой И.Л. С. 47*). Толстой относился к Марии Афанасьевне с благоговением. Её черты отображены в «Анне Карениной» в фигуре Агафьи, в «Воспоминаниях», в «Детстве», «Отрочестве» и других сочинениях. Т.Л. Толстая в 1885 г. нарисовала портрет Марии Афанасьевны.

Павел Петрович (1839-1894) – дворовый человек Толстых и в семье Арбузовых, потомственных слуг Толстых. Сапожник, учил писателя шить сапоги; был большим умельцем; отлично косил. Пил горькую, но оставался добродушным. Подписал у Толстых «Согласие против пьянства», но продолжал пить. Толстой однажды увидел его валяющимся в канаве у въездных ворот. «Павел, что ты делаешь? – спросил он с укором. – Ведь ты подписался вина не пить?» А он, стоя на четвереньках, отвечал: «Из пьянства вылезая, иду в трезвость» (*Литературная газета. 1978. 30 августа*). Павел Петрович часто упоминался в дневниках и письмах Толстого. Некоторых его детей крестили Толстые.

Сергей Петрович (1846 или 1849—1904) – прослужил у Толстых более 20 лет. Некоторое время в 60-х гг. учился в школе Толстого, затем мальчиком его взяли в дом Толстых. Впоследствии он стал старшим слугой, играл в домашнем театре; был очень дружен с Толстым,

сопровождал его в поездках в Оптину пустынь, в Пензенскую губ., в другие места. Был грамотен; знал столярное дело: вместе с отцом сделал прикроватную тумбочку Толстому. Человек среднего роста, с кривыми ногами, с ярко-рыжими волосами и бакенбардами и очень подвижным лицом, он был плутоват, энергичен, имел пристрастие к вину и к женщинам. Но искренне был предан дому Толстых. Ему многое прощалось как сыну няни Марии Афанасьевны. Однако в 1883 г. после очередного запоя он был уволен. Подался в Тулу, стал делать ящики для гармоний. Толстой ездил посмотреть, как семья устроилась на новом месте. В Ясной Поляне имел дом. Вернулся в деревню. Написал воспоминания о Толстом, своей службе (изданы в 1900 г.).

Н.И. Шинкарьюк

АРЕНСКИЙ Антон Степанович (1861-1906) — русский композитор, пианист, педагог; автор трёх опер, балета, симфонических произведений, концертов для скрипки, для фортепиано, квинтета, квартетов, трио, фортепианных сюит, циклов, пьес, романсов... В сочинениях Аренского, мелодичных, изящных, воплощены лучшие традиции русской музыкальной классики, лиризм и поэтичность, совершенство формы, связь с русской национальной песенной культурой.

Музыка Аренского занимала большое место в духовном мире Толстого, без неё трудно представить жизнь толстовского дома в Москве и в Ясной Поляне. В доме Толстых в Хамовниках не раз устраивались музыкальные вечера, в которых принимали участие многие известные и ещё не очень известные музыканты. 28 ноября 1894 г. в таком домашнем концерте вместе с другими играл Аренский, молодой профессор Московской консерватории. Накануне концерта С.А. Толстая писала сестре Т.А. Кузминской: «Завтра у нас собирается чудесный концерт, из лучших музыкантов и профессоров консерватории: Танеева, Гржимали, Аренского, Брандукова и других. Будут играть трио Аренского, Бетховена сонаты, квартет Шуберта и т.д. Это будет концерт, на который не отказались бы поехать лучшие знатоки и любители. <...> Играть будут, конечно, для Лёвочки и охотно...» (цит. по: Бурнашёва Н.И. «Из молодых русских композиторов выдаётся один Аренский...» (Об одном неизвестном автографе Л.Н. Толстого) // Музыкальная жизнь. 1998. № 6. С. 31).

В Ясной Поляне нередко гостили Танеев и Гольденвейзер, они играли фортепианные сочинения Аренского. Очень нравились Толстому «Силуэты», особенно «Испанская танцовщица», завершающая сюиту. Всегда с удовольствием слушал он «Эскиз F-dur», «Баркаролу», «Трио d-moll», которые более др. сочинений находили отзвук в его душе. С некоторым предубеждением относясь к современным композиторам,

Толстой тем не менее был знаком с музыкой этих своих «новых» современников: он слышал в авторском исполнении произведения Чайковского, А. Рубинштейна, Рахманинова, Скрябина, Танеева, но считал, что «из новых лучший – Аренский: он прост, мелодичен, но однообразен в хорошем смысле, как Шопен, то есть характерен, сейчас его узнаешь», а однажды даже заявил, что «Аренский выше Чайковского» (там же).

Ранней весной 1904 г. Аренский посетил Ясную Поляну; всего один день провёл он в гостях у Толстого, но это посещение запомнилось писателю; позднее он вспоминал: «Аренский – премилый человек. <...> Очень талантливый. Я помню, последний раз приехал, очень мне понравился. Хорошие вещи, очень, такие простые, ясные». «Лев Николаевич часто вспоминал, как Аренский был в Ясной, играл свои вещи. (Лев Николаевич любил его музыку

41

за её естественную простоту и мелодичность), – писал Гольденвейзер в своих мемуарах. – Чем Николаевич говорил: “Я помню, где он сидел, а тут мы с ним в винт играли (в углу у двери в гостиную). Он был милый, располагающий к себе, как все кутящие, и был мне очень приятен и жалок”» (Аренский в то время был уже болен туберкулёзом) (там же. С. 32).

В библиотеке Ясной Поляны сохранилось несколько альбомов нот фортепианных произведений Аренского. Здесь романсы, ноктюрны, этюды, вальсы, прелюды, баллады, мазурки, гавоты, марши... Ноты сильно потрёпаны – буквально «зачитаны до дыр». И рядом с этими тетрадями в красивом подарочном переплёте клавир оперы Аренского «Наль и Дамайанти»: скорое всего, это подарок композитора, хотя никакой дарственной надписи нет и можно лишь предполагать, что книга эта, только что вышедшая из печати, появилась в Ясной Поляне в день приезда Аренского 11 марта 1904 г.

В феврале 1906 г. в яснополянском доме гостили Танеев и Гольденвейзер, играли Моцарта. Бетховена, Мендельсона. Играли Аренского и, видимо, говорили о нём. Д.П. Маковицкий записал: «Играли Бетховена. Аренского (“Savan”, “Coquette”, “Polichinelle”, “Reveur”, “Danseuse”). Л.Н. говорил с Танеевым <...> о вечном, о смерти. Читал ему из “Круга чтения”. Говорил о предсмертных мгновениях, что человек тогда искусством интересоваться не будет» (там же. С. 33). В эти февральские дни, пока Танеев и Гольденвейзер были в Ясной Поляне, музыка Аренского звучала ежедневно, да и разговоры с Танеевым «о вечном, о смерти» были вызваны рассказами музыкантов о безнадежном

положении умирающего Аренского. На прощание Толстой подарил гостям книги — только что вышедший в свет «Круг чтения». Один экземпляр — для Аренского; на титульном листе первого тома внизу Толстой написал: «Антону Степановичу Аренскому на добрую память. Лев Толстой. 12 февраля 1906 г.». Но, спохватившись, что посылает книгу умирающему, снова взял перо: «Очень бы желал, чтобы чтение этой книги было бы вам приятно. Лев Толстой» (там же) — чуть ниже первой надписи добавил писатель. Подарок из Ясной Поляны не успел дойти до адресата: в тот день, 12 февраля 1906 г., Аренский умер.

С годами не утрачивал Толстой любовь к музыке Аренского не только как к источнику истинного наслаждения, но и как к высокому искусству, волнующему душу, пробуждающему в человеке чувства красоты и добра. «Из молодых русских композиторов выдаётся одни Аренский, другие искусственны», — говорил Толстой, покорённый простотой и естественной мелодичностью его сочинений. «У Аренского (в “Эскизе”) ни одного такта выбросить нельзя — чувство меры», — отмечал он. 3 октября 1910 г. состоялся последний музыкальный вечер в яснополянском доме. Гольденвейзер играл Шопена и Аренского. Вечером Толстой отметил в дневнике: «Потом прекрасно играл Гольденвейзер, и с ним хорошо поговорили». И дальше, словно продолжая этот разговор, вызванный музыкой любимых композиторов, записал: «Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка, вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали в испытываемом наслаждении. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переносишься в других, хочется чувствовать через них».

Н.И. Бурнашёва

АРНОЛЬД Мэтью (Arnold Matthew; 1822-1888) — английский поэт, педагог, критик, философ, профессор Оксфордского университета. Автор критических исследований, среди них «Культура и анархия», «Литература и догма», «Задачи современной критики» и др. В марте 1861 г. в Лондоне Толстой получил от него рекомендательное письмо для посещения английских школ, в частности практической школы Святого Марка в Челси.

В 1880-е гг. В.Г. Чертков стал присылать Толстому выписки из сочинений Арнольда, впоследствии Толстой с интересом читал и перечитывал его произведения, особенно выделяя эссе «Literature and Dogma», которое позднее было опубликовано на русском языке в издательстве «Посредник» под названием «В чём сущность христианства и иудейства?» (1908). Из этого сочинения Толстой включил в первую книгу «Круга чтения» мысль Арнольда «Бог — это то бесконечное, что

требует от нас праведности», передав её в сжатой и лаконичной форме. 2 мая 1885 г. Толстой писал Черткову: «Половина М. Arnold'a это мои мысли. Я радуюсь, читая его. Если можно, доставьте ему в Англии "Ma religion"». На вопрос Г.А. Русанова, «что читать доброе по-русски», Толстой 28 февраля 1888 г. среди нескольких имён назвал имя М. Арнольда. В 1889-90 гг. он сам читал, кроме «Literature and Dogma», эссе «St. Paul and Protestantism; with an Essay on Puritanism and the Church of England». В 1895 г. – перевод статьи «Задачи современной критики» (Северный вестник. 1895. № 6). Э. Моод

42

писал: «Толстой с большой похвалой отзывался о произведениях Мэтью Арнольда, посвящённых религии. Он говорил, что в обычной оценке обыкновенно на первый взгляд выдвигают поэтические произведения Арнольда, вслед за тем ставят его критические произведения, а его трудам в области религии отводят последнее место; по его же мнению, при оценке необходимо установить как раз обратный порядок» (Минувшие годы. СПб., 1908. С. 97).

Арнольд был хорошо знаком с творчеством русского писателя. Он представил Толстого читающей Англии, написав в 1887 г. статью «Граф Лев Толстой». Признавая величие Толстого-художника, Арнольд с некоторым сомнением отнёсся к его толкованию Библии. По мнению Толстого, критический этюд Арнольда о его творчестве заключал в себе здоровую и справедливую критику. Взгляды его во многом совпадали со взглядами Толстого. В яснополянской библиотеке сохранились издания сочинений Арнольда «В чём сущность христианства и иудейства?» (М.: «Посредник», 1908); «Задачи современной критики» (М.: «Посредник», 1902).

Г.В. Алексеева

АРОНСОН Наум Львович (1870-1943) – скульптор. Родился в Кресловке Витебской губ. В 1889-1891 гг. учился в Виленской рисовальной школе, потом уехал в Париж, занимался в школе декоративного искусства и мастерской Колларосси. В 1894 г. возвратился в Россию, а с 1896 г. уже постоянно жил в Париже. В 1897 г. его скульптуры выставлялись в парижском «Салоне». Аронсон никогда не прерывал тесных связей с русскими художественными кругами, регулярно выставляясь в России. В 1904 г. он стал членом-учредителем Нового общества художников в Петербурге, в 1914 г. – действительным членом Литературно-художественного кружка в Москве. Его имя впервые появилось на страницах русской прессы 21 декабря 1899 г.: в

петербургской газете «Россия» печаталась статья её парижского корреспондента И. Яковлева об Аронсоне под названием «Новый русский скульптор». В России произведения Аронсона впервые экспонировались на выставке Академии художеств в 1902 г. В последующие годы скульптор приезжал в Россию для участия в выставках Академии художеств, петербургском «Салоне» и др.

Несмотря на то, что Аронсон постоянно жил в Париже, бывая в России только наездами, его всегда привлекали темы, связанные с жизнью его родины. Он создал скульптурные образы Толстого, И.С. Тургенева. В.Ф. Комиссаржевской, революции 1905-1907 гг. посвятил работы «Великая Россия», «Пролетарии» (1905). Композиция «Разочарование» (1908) символизировала трагический конец революции (Россия, скованная реакцией).

Аронсон – автор статей биографического характера об искусстве скульптора, где признавался, что самой дорогой для него работой было воплощение образа Толстого. В 1901 г. он приехал в Россию специально ради того, чтобы попасть в Ясную Поляну для осуществления заветной цели – создать скульптурный портрет Толстого. «Ещё в раннем детстве, – писал Аронсон в воспоминаниях, – когда я только начал формулировать свои мысли, образ Толстого владел моим воображением и мало-помалу стал моим идеалом. Моя юность протекала среди страданий русской жизни, и учение Толстого находило живейший отклик в моих влечениях, как у всего моего поколения, незаметно для себя, интуитивно впитывавшего его идеи.

Результатом этого преклонения перед Толстым было влечение к нему, которое охватило меня, как только я почувствовал себя способным воссоздать образ человека, душевные переживания коего занимали мой юношеский ум. В своей юношеской наивности я считал вполне естественным отправиться в Ясную Поляну, где я был совершенно неизвестен» (*Толстой и художники*. С. 298. Воспоминания «У Толстого» напечатала газета «Русские новости». Париж, 1966. 3 июня). Скульптор ошибался: в семье Толстых выписывали из Парижа журнал «Салон», и Толстой знал работы Аронсона по репродукциям.

В Ясную Поляну скульптор приехал в июне 1901 г. Он попытался заручиться чьей-нибудь рекомендацией при посещении Толстого: через третье лицо получил её от Л.О. Пастернака, с которым даже не был знаком. Щепетильный Пастернак, чувствуя неловкость из-за непрошеного появления «парижанина», даже уехал из Ясной Поляны, но Софье Андреевне 28 июля 1901 г. написал: «...я думал, что, может, он особенным живым талантом искупит своё появление и пребывание...» (*ОР ГМТ*). Скульптору действительно удалось удовлетворить взыскательный вкус обитателей Ясной. Понравилась его работа и самому Толстому. 14 июня 1901 г. С.А. Толстая писала в дневнике: «Живёт сейчас

скульптор Aronson, бедняк-еврей, выбившийся в Париже в восемь лет в хорошего, талантливое скульптора. Лепит бюст Льва Николаевича и мой, bas-relief – Тани, и всё недурно».

43

Аронсону не сразу удалось лепить Толстого с натуры. Ему предложили, как и многим другим художникам и скульпторам, желавшим написать или вылепить Толстого, приходить к нему в кабинет и лепить его во время работы, без специального позирования. Аронсон пытался убедить писателя, что при такой работе очень трудно добиться цельности впечатления. Для скульптора очень важен момент обхода портретируемого, важно видеть его фигуру кругом. Всё же Аронсону пришлось начать с зарисовок, наблюдений во время прогулок, на которые его приглашал Толстой. Было сделано до 80 набросков углём, сангиной, карандашом. В ГМТ хранятся 6 портретных зарисовок; несмотря на эскизность, это вполне самостоятельные станковые портретные рисунки. Для скульптурного портрета первая позировала Аронсону С.А. Толстая. Работа над её бюстом заинтересовала Толстого: «"Да ведь это великолепно, я никогда ещё не видел, чтобы портрет был так похож! А когда начнёте делать мой?" – "Завтра"», – ответил скульптор (*Толстой и художники*. С. 299).

Сделанный на основе наблюдений и набросков, первый скульптурный эскиз понравился Толстому. В какой-то степени он был неожиданным, писатель сразу почувствовал в нём проявление нового подхода к передаче движения в скульптуре, движения мысли, а это наиболее трудная задача для скульптора. «Да, хорошо, – сказал Л.Н. скульптору, когда увидел его работу. – Меня ещё так никто не делал. Вы действительно дали мне движение. Шопенгауэр говорит: "Когда человек мыслит, тогда у него бывает такое движение"» (*Интервью*. С. 160). Толстой согласился немного попозировать Аронсону. За три коротких, по 15-20 минут, сеанса бюст был сильно изменён. Позднее в разговоре с корреспондентом «Одесского листка» Аронсон рассказал, что хотел передать в скульптурном портрете Толстого, каковы были его главные задачи: «Мне не хотелось делать бюст Л.Н. по обыкновенным его портретам, как мы его привыкли видеть, например, в образе крестьянина. Я хотел представить его, как он мыслит, Толстого - автора "Воскресения", а не автора романа "Анна Каренина", хотя это произведение является также шедевром. В этом произведении Толстой представляется мне более светским художником-психологом; в "Воскресении" же – проповедником. Выразить его мыслящим – и было моей главной задачей. По бюсту его лицо представляется уже необыкновенным. Во время моей работы я искал его лоб, глаза и рот. Я

старался изобразить голову в состоянии умственной работы, а выражение глаз имеющим непосредственную связь с умом. <...> Мне приходилось думать на каждой мелочью. Я искал колорита в нём» (там же. С. 161). Особенно сильное, запоминающееся впечатление на Аронсона при первой встрече с Толстым произвёл взгляд Толстого: «Живой взгляд Толстого был устремлён на меня, он влёл меня к себе» (*Толстой и художники*. С. 299). Позднее в одном из интервью он скажет: «Когда я впервые приблизился к Толстому, меня поразили прежде всего его глаза. Проникавший в душу и сердце его взгляд точно звал вас к исповеди. В нём была глубина, в которую обыкновенный смертный страшился заглянуть» (там же. С. 355-356). Скульптор не только почувствовал, но и передал эту удивительную глубину взгляда Толстого.

Аронсон ограничился изображением только головы Толстого в лёгком наклоне и повороте 3/4 вправо. Портрет производит впечатление незавершённости при общей цельности и гармонии образа – воплощение мотива движения, внутреннего движения. Образ Толстого полон внутреннего напряжения, напряжения мысли, которое так стремился передать скульптор. Взгляд его опущенных глаз углублён в себя. Светотеневой моделировкой Аронсон добивается концентрации напряжения во взгляде Толстого, его глаза — центр, кульминация внутреннего движения, они всё вбирают в себя. Бюст оставляет впечатление созданного на едином дыхании.

Все работы Аронсона, посвящённые Толстому, в пластике и в графике, исполнены в едином ключе, объединены одной нотой.

После смерти Толстого скульптор написал «Воспоминания о Льве Толстом» (Вопросы литературы. 1965. № 5).

Н.В. Зайцева

АРСЕНЬЕВА Валерия Владимировна (1836-1909) – знакомая Толстого, его корреспондент и адресат. В 1856 г. Толстой имел намерение жениться на ней.

Арсеньева принадлежала к старинному дворянскому роду и жила в родовом имении Судаково, что в восьми километрах от Ясной Поляны. Семейство Арсеньевых поддерживало добрые отношения с Н.И. Толстым, Т.А. Ёргольской ещё до рождения Толстого. Со смертью в 1853 г. отца, В.М. Арсеньева, а в 1856 г. его жены Толстой стал опекуном четверых детей Арсеньевых.

Первая запись в дневнике Толстого о его лучших чувствах к Валерии появилась 13 июня 1856 г.; подобных записей было

немало. 8 ноября он писал Валерии: «Вы говорите и думаете, что я холодно равнодушен; да не дай Бог вам столько и так тяжело перечувствовать, сколько я перечувствовал за эти пять месяцев...» Восторженные оценки Валерии на страницах дневника Толстого перемежались с противоположными. Уже через два дня после первой записи он отметил, что московская тётка Арсеньевых, по линии матери, Щербачёва, у которой племянницы часто жилали в гостях, — «дрянь», а Валерия следовала правилам эмансипированной тётушки. В дневнике Толстого есть и такие строки о Валерии: «Фривольность есть у неё, кажется, непреходящая страсть». Она «опять в гадком франтовском капоте». «Она была для меня в какой-то ужасной причёске и порфире». В письме к Валерии 8 ноября 1856 г. Толстой возмущался, имея в виду тётушку и её окружение: «Непостижимо, как вы могли без отвращения жить с этими людьми». Тогда же в неотправленном письме к Валерии упоминал своего троюродного брата Волконского, который слышал разговор двух знакомых дам такого содержания: «какая гадкая женщина Щербачёва — она выписала свою племянницу, хорошенькую, молоденькую девушку, и решительно губит её, сводит и влюбляет в какого-то музыканта, от которого эта барышня уже без ума и даже в переписке с ним». Толстого оскорбило то, что Валерия, как вскоре оказалось, действительно влюблена в музыканта француза Мортье. Толстого бесило, что оба чувства — к нему и к Мортье — были равны, «как и те, которые были прежде, и третьё, и тридцать третьё, которое будет после». Он был обеспокоен угрозой «ужасающей для всякой нравственной девушки будущности».

13 июля 1856 г. писатель отметил в дневнике факт приезда из Москвы в Судаково сестры Валерии Ольги «в московском щербачёвском духе и одеянии». Накануне из письма Ольги стало известно, что она в 18 лет, раньше старшей сестры, выходит замуж. Свадьба требовала денег, Ольга решила ехать «просить денег у Киреевского», «дядюшки», как его звали в Судакове. Волновавшие Толстого мысли искали выхода в художественной форме. В октябре, приехав из Судакова, Толстой записал в дневнике, что «много думал о комедии из Оленькиной жизни». В дневнике 5 ноября (Москва) отмечено, что «видел Щербачёву со свитой». В течение десяти следующих дней Толстой написал два явления комедии «Свободная любовь», где есть и ситуация с одолжением денег на свадьбу. В набросках варианта комедии («Дядюшкино благословение») видны некоторые сходные черты: провинциальная девушка в окружении, похожем на щербачёвское, ситуация с предстоящей свадьбой и намерение ехать к богатому дядюшке «за благословением» -- это позволяет сопоставлять толстовский замысел (сочинение не завершено) с

реальными моментами жизни «судаковских барышень», как называл Толстой Валерию и Ольгу Арсеньевых.

В.В. Арсеньева

Биограф Толстого Н.Н. Гусев писал о причине столь резкого восприятия Толстым модного тогда увлечения Валерии московскими «веяниями»: «Толстой смотрел на брак, как на святыню, как на вечный, нерушимый союз, как на полное и всестороннее единение чувств и мыслей, как на единственную основу нормальной семейной жизни. При таком взгляде свободная любовь в духе Жорж Санд, как понимал её Толстой, представлялась ему крайним извращением понятия о нормальных отношениях между мужчиной и женщиной и полным осквернением брака» (Гусев. *Материалы*. 2. С. 23).

3 февраля 1856 г. Толстой писал тётушке Юшковой, что с некоторого времени серьёзно думает о женитьбе и на каждую барышню, которую встречает, смотрит с точки зрения возможного брака». 6 февраля у Толстого произошло принципиальное столкновение с писателями-сотрудниками «Современника». Об этом споре на обеде у Некрасова рассказывал в своих «Литературных воспоминаниях» Д.В. Григорович: «Обед прошёл благополучно. Толстой был довольно молчалив, но к концу он не выдержал. Услышав похвалу новому роману Жорж Занд, он резко объявил себя её ненавистником, прибавив, что героинь её романов, если бы они существовали в действительности, следовало бы ради назидания привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам» (Григорович Д.В. *Литературные воспоминания*. Л., 1928. С. 250).

В августе 1856 г. было видно, отмечал Гусев, «что вихрь московских развлечений совершенно захватил барышню: каждый день визиты, обеды, спектакли, музыкальные утра и танцевальные вечера. Она была на параде войск в обществе пяти дам и двух кавалеров флигель-адъютантов. На параде была большая давка, и её нарядный туалет сильно пострадал». Об этом она сообщала в

письме Толстому. По поводу её платья с украшением в виде смородины Толстой в ответ написал 23 августа 1856 г.: «Неужели какая-то смородина, высший свет и флигель-адъютанты останутся для вас вечно верхом всякого благополучия?» В письмах к Валерии конца 1856 г. он подводил итог их отношений, определяя их возможное продолжение: «Без уважения выше всего к *добру* нельзя прожить хорошо на свете. <...> Нам надо помириться вот с чем: мне – с тем, что большая часть моих умственных, главных в моей жизни, интересов останутся чужды для вас, несмотря на всю вашу любовь, вам - надо помириться с мыслью, что той полноты чувства, которое вы будете давать мне, вы никогда не найдете во мне. <...> Одно, что может прочно соединить нас, это истинная любовь к добру, до которой я дошёл умом, а вы дойдёте сердцем» (19 ноября).

Любовь он представлял себе «в том, чтобы друг другу открывать душу, поверять свои мысли по мыслям другого, вместе думать, вместе чувствовать» (7 декабря). Доверяя Валерии «самые дорогие» чувства, он должен был признать: «а для вас это нотации и скука» (12 декабря). Их отношения прервались с отъездом Толстого за границу в начале 1857 г. В последнем его письме к Арсеньевой 20 февраля / 4 марта говорилось: «Что мне отвечать на вопрос, который вы мне делаете: почему? <...> Я всегда повторял вам, что не знаю, какого рода чувство я имел к вам и что мне всегда казалось, что что-то не то. Одно время, перед отъездом моим из деревни, одиночество, частые свидания с вами, а главное, ваша милая наружность и особенно характер сделали то, что я почти готов был верить, что влюблён в вас, но всё что-то говорило мне, что не то, что я и не скрывал от вас. <...> Что делать, запутались, но постараемся остаться друзьями. Я с своей стороны сильно желаю этого, и всё, что касается вас, всегда будет сильно интересоваться меня». Считается, что в повести Толстого «Семейное счастье» отчасти отразился этот роман.

Мужем Арсеньевой спустя год стал А.А. Талызин, член Орловского губернского по крестьянским делам присутствия, с 1880 г. – орловский мировой судья. Позднее, оставив мужа с четырьмя детьми, Валерия соединила свою жизнь с петербургским чиновником Н.Н. Волковым. Жила во Франции и Швейцарии. Умерла в 1909 г. в Базеле, где и похоронена.

Лит.: Жданов В.А. Любовь в жизни Льва Толстого. – М., 1993; Журов П.А. Л.Н. Толстой и В.В. Арсеньева // *ЯП. сб.* 1976. – Тула, 1976.

Т.Н. Архангельская

АРЦИМОВИЧ Михаил Викторович (1859-1933) – тульский губернатор (1905-1907), с 1911 г. – витебский губернатор, впоследствии сенатор.

Вступив в должность губернатора в 1906 г., по традиции Арцимович нанёс визит Толстому, который как-то сказал о нём: «Посмотришь на лицо этого человека, видишь, что это самый добрый человек. Он всю жизнь вёл себя так, чтобы стать губернатором» (ЯПЗ. 2. С. 187). О визите Арцимовича с женой в Ясную Поляну под вечер 20 февраля 1907 г. Толстой записал в дневнике: «Был Арцимович, тяжёл». Весной 1907 г. сын Толстого, А.Л. Толстой, чиновник особых поручений при губернаторе, подал в отставку после предложения Арцимовича перевестись на ту же должность в Орёл. Поводом послужили отношения А.Л. Толстого с женой губернатора, Е.В. Арцимович. 2 июня 1907 г. Толстой «получил тяжёлое, трогательное письмо» от убитого горем Арцимовича, «которое его очень поразило, лица на нём не было» (ЯПЗ. С. 444). Арцимович подробно писал о своём несчастье, выражал неуверенность в прочности чувств А.Л. Толстого и просил подействовать на него и на Екатерину Васильевну. В тот же день Толстой отвечал Арцимовичу, что «страдает» «от отвратительного поступка» сына, что высказал Андрею свой взгляд на случившееся и на «предстоящие бедственные последствия»: без матери оставались 6 маленьких детей Е.В. Арцимович, без отца – двое маленьких детей А.Л. Толстого. Он написал также его жене, но не получил ответа: А.Л. Толстой не велел отвечать. Е.В. Арцимович «обиделась». 10 июня 1907 г. Арцимович сообщил Толстому, что его жена уехала с А.Л. Толстым в Москву, и спрашивал, не знает ли он их адреса, чтобы послать ей паспорт и деньги. «Известие о продолжении безумия этих двух несчастных людей» очень огорчило Толстого. Арцимовичу давать развод он не советовал, а к сыну испытывал «чувства жалости и любви» (77: 142, 159). Арцимович подал в отставку с поста тульского губернатора по болезни.

Лит.: Толстая Е.В. Записки (1876-1919) // Л.Н. Толстой и его близкие. - М., 1986.

А.Н. Полосина

АУЭРБАХ Бертольд (Auerbach; 1812—1882) – немецкий писатель. Родился в семье мелкого еврейского торговца, занимавшегося также земледелием. Изучал теологию, право и философию. Сторонник либерального образа мыслей. Литературная слава началась с рассказов нового литературного жанра, отражавшего жизнь крестьянства.

В «Шварцвальдских деревенских рассказах» («Schwarzwälder Dorfgeschichten», 1843-1854; русский перевод: «Повести и деревенские рассказы», 1871) Ауэрбах создал картины народного быта, полные юмора и психологической наблюдательности. Автор романов «Спиноза», «Поэт и купец», «Новая жизнь», «Дача на Рейне» и др. В числе его почитателей были И.С. Тургенев, М.Л. Михайлов, Л.Н. Толстой.

О первом знакомстве с сочинениями Ауэрбаха говорят дневниковые записи Толстого, сделанные в Петербурге в конце 1856 г. 8-10 декабря он читал «Шварцвальдские деревенские рассказы», два из которых («Tolpatsch» и «Schlossbauer Befehle») нашёл «чудесными». Толстой полюбил Ауэрбаха за его умение показывать лучшие черты народа, одинаковые у всех наций.

Перед второй заграничной поездкой Толстой читал роман Ауэрбаха «Новая жизнь», который произвёл на него сильное впечатление. Роман вышел в свет в 1852 г. Молодой граф Фалькенберг, приговорённый к смерти за участие в революции 1848 г., спасается бегством. В своих скитаниях по Германии он встречается с народным учителем Евгением Бауманом, который стремится уехать в Америку. Граф даёт ему средства для поездки; они обмениваются паспортами, и Фалькенберг под именем Евгения Баумана поселяется в глухой деревушке и становится учителем, чтобы с помощью образования добиться того, чего не удалось сделать с оружием в руках на баррикадах. Он находит своё счастье, вращая в народную жизнь «корнями своего бытия».

В романе «Новая жизнь» Толстого привлекала не только биографическая параллель – граф в качестве деревенского учителя – но и ряд педагогических приёмов и методов обучения, применяемых Бауманом-Фалькенбергом. В школе у него «веял свежий живительный дух» (Ауэрбах Б. Новая жизнь. СПб., 1876. С. 185). Новый учитель «овладел сердцами детей» (с. 142), его преподавание «вместо того, чтобы навязывать детскому уму недоступные ему истины, ведёт к тому, чтобы дети сами постоянно искали истину и открывали её» (с. 319). Эти мысли в романе поразительно схожи со взглядами Толстого в его педагогических статьях 1861-1862 гг.

Американский писатель Е. Скайлер, побывавший в Ясной Поляне в 1868 г., отмечал, что собрание сочинений Ауэрбаха занимало в библиотеке писателя «первое место на первой полке». Толстой порекомендовал ему прочитать «Новую жизнь» и добавил: «Этому писателю я был обязан, что открыл школу для моих крестьян и заинтересовался народным образованием» (ТВС. 1. С. 203, 204). В словах Толстого нельзя не видеть некоторого преувеличения. Как известно, школа в Ясной Поляне была открыта в 1849 г., когда роман ещё це

появлялся в печати. Вероятно, его высказывание следует понимать в том смысле, что он интересовался не столько содержанием и идеями романа, сколько педагогической деятельностью главного героя. В некотором смысле он даже отождествлял себя с ним, о чём говорит сцена, разыгранная Толстым во время его знакомства с Ауэрбахом 9/21 апреля 1861 г. Он представился ему Евгением Бауманом, чем напугал немецкого писателя. Тот боялся, как бы вымышленный литературный герой, объявившийся в реальной жизни, не обвинил его в пасквиле или клевете. Успокоился автор «Новой жизни», когда незнакомец уточнил, что он Евгений Бауман не по имени, а по характеру. Своё восхищение Ауэрбахом Толстой выразил пятнадцатью восклицательными знаками. «Ауэрбах!!!!!!!!!!!!!! – так и записал он в дневнике. — Прелестнейший человек! Em Licht ist mir aufgegangen <Луч света мне блеснул. — нем.> <...> Ему 49 лет, он прям, молод, верущ. Не поэт отрицания» (48: 35). Все необыкновенно дорогие для Толстого черты.

В первый день встречи писатели беседовали о «Шварцвальдских рассказах». Здесь, очевидно, у них возникли точки соприкосновения. Это касается не только тематики и проблем художественного изображения крестьянства, но и пантеистической тенденции, довольно заметной в рассказах Ауэрбаха и вызывавшей у Толстого на рубеже 1850-1860 гг. особую симпатию. В разговоре речь шла также о творческой истории, о прототипах рассказов, ставились и нравственные вопросы. Мысли Ауэрбаха о братской любви людей и взаимном прощении были близки Толстому, как и процитированное Ауэрбахом в разговоре изречение Канта о музыке: «pflichtloser Genuss» <безобязательное наслаждение. — нем.>. Немецкий писатель художественно интерпретировал эту мысль в рассказе «Рудольф и Элизабет». У Толстого позднее подобная мысль появится в черновиках послесловия к «Крейцеровой сонате». На второй день, 10/22 апреля, писатели встретились снова. Не имея никаких других источников дохода кроме литературного гурда, Ауэрбах был заинтересован в печатании своих произведений и просил Толстого помочь опубликовать в журнале «Современник» некоторые из его рассказов. Впечатления от деловой части беседы несколько поубавили

восхищение Толстого: «Ауэрбах, его жена. Холодней с ним, но он всё прелестен. Ach, Liebster, glauben sie mir, es ist nur eine Tugend auf der Welt - die Ehrlichkeit <Ах, милый мой, поверьте мне, на свете есть только одна добродетель – честность. — нем.>. Хочется ему денег» (48: 36). Ауэрбах писал о визите Толстого (В. Вольфзону 25 апреля 1861 г.): «Два дня провал здесь граф Лев Толстой. Я был душевно рад познакомиться с

идейно возвышенной натурой этого человека. Мы также говорили и по поводу русских журналов. И он обещал мне сам и совместно с Вами упорядочить это дело» (Nord und Sild. 1887. Bd. 42. S. 431). По возвращении в Россию Толстой, а позже Михайлов, сотрудник редакции «Современника», хлопотали, но безуспешно, перед Некрасовым о публикации в журнале рассказов Ауэрбаха и о возможности его постоянного участия в журнале.

Более чем через двадцать лет после встречи с Ауэрбахом Толстой вспомнил о нём в речи перед деятелями народного просвещения в феврале 1884 г. Касаясь необходимости создания народной литературы, он отмечал: «Ауэрбах, помню, сказал очень хорошо: для народа – самое лучшее, что только есть...» (25: 525).

В отношении художественного метода различие между писателями проявлялось в том, что Ауэрбах своей сентиментальностью затушёвывал социальное проявление характеров героев и их поступков, тогда как Толстой как раз в начале 60-х гг. в повести «Поликушка» вскрыл конфликт между богатством и бедностью и показал социальную подоплёку поведения своих героев. Ауэрбах назвал «Поликушку» «совершенно великолепной, но, к сожалению, сокрушительной повестью, а искусство этого делать не должно» (письмо Вольфзону 16 ноября 1863 г. – Nord und Sild. 1887. Bd. 42. S. 436).

Немецкий биограф Толстого Р. Лёвенфельд отмечал, что Толстой знал Ауэрбаха лучше других современных писателей. В черновых редакциях трактата «Что такое искусство?», говоря о «романах первого разбора», он среди их авторов наряду с Диккенсом и Гюго упоминал Ауэрбаха.

В размышлениях немецкого писателя Толстой не мог не заметить смолоду значимой для него – как жизненная задача и потребность – идеи постоянного совершенствования, обновления человека; позже эта идея станет краеугольным камнем его учения. Толстой не уставал повторять в лад с героями Ауэрбаха: «Прежде всего, все мы должны сделаться лучше, тогда и мир станет иным».

Лит.. Майданова Т.А. Л.Н. Толстой и Бертольд Ауэрбах (По материалам яснополянской библиотеки) // *ЯП сб.* 1976. – Тула, 1976; Пехштедт Э. Лев Толстой и Бертольд Ауэрбах // *Творчество писателя и литературный процесс.* – Иваново, 1978. С. 97-105, 161-165; Суин де Бутемард Б. Революция 1848 года. Лев Толстой и Бертольд Ауэрбах // *ЯП. сб.* 2002. – Тула, 2003.

З.М. Богачёва

АУЭРБАХ Герман Андреевич (даты жизни не установлены) и **Юлия Фёдоровна** (1827-1871) – тульские помещики, супруги, приятели

семьи Толстых. В письме А.В. Дружинину из Ясной Поляны 14 апреля 1860 г. Толстой писал, что «нашёл в Туле супругов Ауэрбахов, прекрасных людей».

Ю.Ф. Ауэрбах, рожд. Берхгольц, была начальницей тульской женской гимназии. 23 марта 1863 г. Толстой писал Т.А. Берс в шуточном послании, как ему привиделось, будто бы С.А. Толстая сделалась фарфоровой куколкой из «фарфоровой массы, которую делают у Ауэрбаха и из которой делают соусники». «У Ауэрбаха» — т. е. на его фарфоровом заводе в селе Кузнецове Тверской губ. Ауэрбахам принадлежало имение Горячкино (верстах в 20 от Ясной Поляны), где у них был и свеклосахарный завод. (В приход села входили прежде принадлежавшие Толстым деревни Ягодная и Мостовая). За неприятный голос Толстой, видимо, недолюбливал Ю.Ф. Ауэрбах. 18 октября 1862 г. он писал из Ясной Поляны брату Сергею: «М -те Ауэрбах пицала у нас уж раз и покровительствует по доброте своей Соню с высоты своего визга». Своё нерасположение к «т -те Ауэрбах» выразила и С.А. Толстая в дневниковой записи 9 января 1863 г.: «...я так стараюсь полюбить даже всё то, что и не нравилось, как Ауэрбах». Или в записи 8 апреля 1863 г.: «Ауэрбахи всё-таки скучны <...>. Она на меня нагоняла тоску. Её как-то и почему-то жаль. Любит ли она мужа?». «Я их боялась, -- вспоминала С.А. Толстая, — и чуждалась как очень умных» (ДСАТ. 1. С. 45, 52, 525).

Ауэрбахи имели отношение к занятиям Толстого педагогикой. Беспokoясь о делах в школе, 29 ноября-22 декабря 1860 г. он писал из Парижа Т.А. Ёргольской: «Надеюсь на г-жу Ауэрбах, что она будет заглядывать в школу». В толстовской «Программе журнала “Ясная Поляна”» в числе его сотрудников назван, наряду с тульскими педагогами, и Ауэрбах. Во время пребывания Толстого в Киссингене (1860 г.) туда приехали Ауэрбахи. 24 июля / 5 августа 1860 г. он сообщал Ёргольской в Ясную

48

Поляну: «Здесь нашёл я Ауэрбаха с страшными глазами, которому я очень рад, и его пискливую жену, которой я не рад».

Из письма С.Н. Толстого, где упоминался Ауэрбах, в январе 1862 г. до Ясной Поляны дошли такие сведения: «Вчера ночью, т.е. очень поздно, приезжал ко мне Ауэрбах и просил тебе передать, что он знает, от кого - не сказал, за верное, что на тебя сделан донос, состоящий в том, будто ты говорил мальчишкам при открытии какой-то школы какую-то речь. Муратову, жандармскому полковнику, поручено сделать следствие по этому делу и достать эту речь во что бы то ни стало, - передаю слово в слово слова Ауэрбаха» (ЛТСБ. С. 230). 6 июля 1862 г. Ауэрбах был

свидетелем обыска в Ясной Поляне по распоряжению шефа жандармов князя Долгорукова, что следует из статьи Е.Л. Маркова «Живая душа в школе» (Вестник Европы. 1900. № 2. С. 584): «Я и наш общий приятель Г.А. Ауэрбах проводили это лето с своими семьями верстах в пяти от Ясной Поляны, сняв внаймы дом одного помещика в той же Малиновой Засеке, среди которой была и Ясная Поляна. Вдруг рано утром к нам верховой из Ясной Поляны. Нас просят поскорее приехать по важному делу <в усадьбе жила Ёргольская и гостила М.Н. Толстая с детьми. – Т. А.>. Мы с Ауэрбахом садимся в шарабан и катим что есть духу. Въезжаем на двор, смотрим – там целое нашествие! <...> Нас едва пропустили в дом. <...> Везде кругом стража, всё разрыто, раскрыто, перевёрнуто, ящики столов, шкапы, комоды, сундуки, шкатулки. В конюшне поднимают ломом полы; в прудках парка стараются выловить сетью преступный типографский станок. <...> Понятно, что злополучную школу и подавно вывернули вверх дном, но, не найдя ничего, отправились <...> по всем, кажется, 17-ти школам мирового участка...»

Т.Н. Архангельская

АФАНАСЬЕВ Александр Николаевич (1826-1871) – фольклорист, историк литературы. Окончил юридический факультет Московского университета (1848), где слушал лекции Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, С.П. Шевырёва и др. С 1849 г. – чиновник московского Главного архива Министерства иностранных дел. В 1848-1853 гг. – сотрудник журнала «Современник».

Автор ряда значительных трудов в области изучения и публикации русского фольклора, в т.ч. классического, неоднократно переиздававшегося исследования «Поэтические воззрения славян на природу» (т. I-III. М., 1865 - 1869). Сам Афанасьев считал своей «заслугой в русской литературе» публикацию «Народных русских сказок» (Вып. 1 - 8. М., 1855 – 1863 и несколько переизданий) – «по образцу издания братьев Гримм», – основы которой составили записи сказок из архива Русского Географического общества, дополненные записями В.И. Даля. Издание было высоко оценено специалистами, отмечавшими полноту собрания, тщательность подготовки текстов, удачную систематизацию по темам, образам, стилю.

В 1859 г. (на обложке – 1860 г.) в Москве вышли «Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым». Сборник был запрещён цензурой.

Книгу Афанасьева «Народные русские сказки» хорошо знал и не раз упоминал Толстой; в ней писатель заимствовал не которые сюжеты, послужившие основой и переработанные им для ряда рассказов «Азбуки» и Третьей и Четвёртой «Русских книг для чтения» («Был один

глупый мужик...», «Волга и Вазуза», «Как мужик гусей делил», «Волк и мужик» и др.). Сказки Афанасьева читали и ученики в яснополянской школе. Толстой, правда, иногда говорил, что сказки «плохи (что из них нечего выбрать)» (*ЯПЗ*. 2. С. 363), но всё же относил это издание к числу немногих книг, ясных и занимательных, написанных понятным языком, доступным крестьянам, и считал его наиболее подходящим для крестьянских детей чтением.

Был Толстой знаком и с книгой «Народные русские легенды». В середине февраля 1886 г., читая этот сборник, он нашёл некоторые сюжеты для своих «народных рассказов», «но всё в обломках – один обломок здесь, другой надо искать в другом месте. Если составить как следует эти обломки, то что может выйти!..» -- записал слова Толстого И.М. Ивакин, учитель его сыновей (цит. по: *Гусев. Летопись*. 1. С. 628). Сюжеты легенд «Крестник», «Как чертёнок краюшку выкупал», «Кающийся грешник» Толстой почерпнул в этой книге Афанасьева.

Зимой 1907 г. в Ясную Поляну пришло письмо от знакомого Толстого словацкой врача и литератора А.А. Шкарвана, в письме он излагал легенду «Чудо на мельнице (из сборника «Народные русские легенды»)». Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике 25 декабря: «Л.Н. принёс письмо Шкарвана и прочёл из него сказку о нищем мельнике и мужике. “Попробуй такую легенду написать, – сказал Л.Н. Не приду -

49

маешь. А роман выдумаешь (сочинишь). Это миллионы людей сочиняли”» (*ЯПЗ*. 2. С.601).

В.М. Бокова

АХШАРУМОВ Николай Дмитриевич (1820-1893) – прозаик, поэт, литературный критик; принадлежал к так называемой «эстетической» школе критиков и отличался неприятием всякой тенденциозности в искусстве, о чём он много ранее заявил в программной статье «О порабощении искусства» (*Отечественные записки*. 1858. № 7). Ахшарумову принадлежит первый литературно-критический отклик на книгу Толстого «Война и мир».

В 1865-1866 гг. Толстой публиковал в журнале «Русский вестник» первые части своего нового сочинения под названием «1805 год». В газете «Голос» (1865. № 93), а затем в журнале «Всемирный труд» (1867. № 6) с критическим разбором опубликованной части романа выступил Ахшарумов. Высоко оценив новую книгу Толстого, он сразу выделил её из числа прочих, сравнив с «дождём во время засухи», отнеся её к разряду

«редких явлений нашей литературы». Ахшарумов одним из первых обратил внимание на новизну жанровой природы романа «1805 год». «Что это такое? К какому разряду литературных произведений отнести его? Что же это всё? Вымысел, чистое творчество или действительность?» -- вопрошал он в своей статье в «Голосе». И в следующей публикации «"1805 год" графа Толстого» («Всемирный труд») определял жанр романа как «очерк русского общества шестьдесят лет тому назад».

Статья Ахшарумова в «Голосе», в которой критик поначалу недооценил художественность романа и искал прототипов, вызвала едкое замечание Толстого в письме к Л.И. Волконской. Ахшарумов, в частности, предполагал наличие прототипа у князя Андрея Болконского, образ которого привлёк его особое внимание, и сетовал на неудачность, нежизненность «портрета». По этому поводу 3 мая 1865 г. Толстой писал Волконской, что Андрей Болконский «никто», как и всякий герой романа, и «г-н Ахшарумов, *comme un homme de metier* <как специалист. – *фр.*> и человек с талантом, должен бы это знать».

В 1868-1869 гг., прочитав почти полностью «Войну и мир», Ахшарумов опубликовал две новые статьи: «"Война и мир". Сочинение гр. Толстого. 1-4 части» (Всемирный труд. 1868. № 4) и «"Война и мир", часть 5-я» (Всемирный труд. 1869. № 3). Продолжая восхищаться художественным талантом Толстого, критик решительно осуждал его «отвратительную философию». На статьи Ахшарумова Толстой не откликнулся.

К. В. Титов

Б

БАБА Премананд Бхарати (наст. имя – Сурендранатх Мукхерджи; ? – 1914) – индийский религиозный деятель, писатель, публицист. Корреспондент и адресат Толстого.

В 1902 г. переехал из Индии в США, издавал в Лос-Анджелесе журнал «The Light of India» («Свет Индии»), который посылал в Ясную Поляну. Н.Н. Гусев отмечал, что Толстой «очень одобряет» этот журнал. Здесь были напечатаны и некоторые произведения самого Толстого. Писатель был знаком с книгами индуса. Очень понравился ему роман «Джим», герой которого, «возвышаясь духом, настолько переместил центр тяжести своей жизни из материального в духовное, что забыл почти всё, относящееся к материальной жизни» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 108).

Переписка Толстого и Баба Бхарати относится к 1905-1908 гг. 27 января (н. ст.) 1905 г. индус отправил из Бостона в Ясную Поляну письмо, в котором называл Толстого «махатмой», выражал своё восхищение его нравственным величием, писал, что он «единственный действительно великий человек на этом ослеплённом властолюбием и самодовольством материалистическом Западе» (ЯПЗ. 1. С. 186). Ответила индусу по поручению отца Т.Л. Толстая. В письме от 7 января (н. ст.) 1907 г. Бхарати сообщал о знакомстве с произведениями Толстого, о солидарности с религиозно-нравственными взглядами русского мыслителя. Тогда же он прислал свою книгу «Кришна, Бог любви», отрывки из которой были позднее использованы Толстым в качестве эпиграфов к отдельным главам «Письма к индусу» (37: 259-282). Одна цитата из книги Бхарати появилась в черновом варианте сборника «На каждый день» (44: 411).

В завязавшейся переписке выявилось не только сходство, но и различие во взглядах. Толстому импонировало неприятие индусом западной цивилизации, политики англичан; с другой стороны, настораживали националистические элементы идеологии Баба Бхарати, его размышления о «белой опасности», связанные с враждебностью к западным народам. В письме к Баба Бхарати 3 февраля 1907 г. Толстой довольно чётко высказал своё отношение к мировоззрению индуса и к индийской религиозной традиции в целом: «метафизическая религиозная идея Кришны есть вечная и всемирная основа всех религий и всех

философских систем», ибо «истина, что сущность всего существующего не может ощущаться и пониматься нами иначе, чем любовь», имеющаяся в индуистской традиции, является универсальной основой, объединяющей всё живое, а представления о сотворении мира, мифологические моменты и пр., присутствующие не только в индуизме, но и в других религиозных системах, -- ненужный балласт, лишь затемняющий этические идеи. Толстой писал: «Мы должны приносить в жертву наши национальные, поэтические склонности во имя той великой цели, которая стоит перед нами: постигать и исповедовать ту основную истину, которая одна может объединить людей» (77: 37-39). Писатель понимал, что ему вряд ли удастся переубедить индуса, что тот «хочет дальше отдавать податей исторической религии» (запись 4 апреля 1907 г.; *ЯПЗ*. 2. С. 407). Тем не менее сохранялось взаимное уважение. В 1907 г. Бхарати прислал в Ясную Поляну свою фотографию с

51

дарственной надписью: «Моему брату графу Толстому с любовью и благословением» (*ЯПЗ*. 2. С. 445), в августе 1908 г. поздравил Толстого с юбилеем.

У Толстого была идея издать в «Посреднике» отрывки из работы Баба Бхарати о Кришне. Текст книги подготовил к печати С.Д. Николаев, Толстой отредактировал её и написал предисловие (40: 435), но издание не было осуществлено.

В 1907 г. Баба Бхарати вернулся в Индию, издал там несколько книг. Умер в Калькутте в 1914 г. Отношение к мировоззрению Баба Бхарати и др. индийских мыслителей Толстой выразил так: «Жаль только одного: передавая нам, западным народам, всё то глубочайшее, до чего дошла их религия и философия, они стараются вместе с тем представить в лучшем свете и заблуждения и суеверия своего народа» (56: 619).

Лит.: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 140-144.

Ю.В. Прокопчук

БАЗЫКИНЫ

Аксинья Александровна (1836-1920) — яснополянская крестьянка. Родилась в Ясной Поляне в семье Сахаровых. В конце 1850-х гг. Толстой был влюблён в неё. Красивая, первая в работе, певунья, плясунья, Аксинья была очень общительна, личность незаурядная. По признанию А.Л. Толстой, была в ней какая-то притягательная сила. Толстой на

склоне лет рассматривал связь с Аксињей как скверный поступок в своей жизни.

Аксињья вдохновила Толстого на создание образов крестьянок в рассказах «Идиллия», «Тихон и Маланья» и особенно в рассказе «Дьявол». К своей связи с Толстым она относилась сдержанно и почтительно. Никогда не бравировала, не похвалялась. Очень убедительно об этом рассказано в воспоминаниях жительницы Ясной Поляны Жидковой Марии Игнатьевны «Толстой и Аксињья Базыкина».

Тимофей Ермилович (1861-1934) – яснополянский крестьянин; сын Аксињьи Базыкиной. Был дружен с детьми Толстых. А.Л. Толстая в книге «Отец» (М., 1989. С. 104) писала о нём: «Эго был могучий, широкоплечий, высокий человек с умными серыми глазами, русой бородой и крупными чертами лица. Тимоша был малограмотный, но любил читать книги. В деревне его уважали и считали честным человеком. Необыкновенно приятный голос и культурность речи невольно обращали на себя внимание людей, встречавшихся с ним». Тимофей особенно дружил с Андреем Львовичем, у которого служил конюхом. Они любили друг друга. Андрей Львович в 1897 г. крестил у Тимофея дочь Наталью. Когда Андрей Львович умер в 1916 г., Тимофей, как пишет внук Толстого Сергей Михайлович, «горевал очень» (*Дети Толстого*. С. 182-183).

Н.И Шинкарюк

БАКУНИНЫ

Алексей Александрович (1823-1882) – русский общественный деятель середины XIX в., младший брат теоретика анархизма М.А. Бакунина. Выпускник Московского университета, участник ополчения 1854–1856 гг. В 1860 г. был выбран предводителем дворянства Новоторжского уезда Тверской губ. и председательствовал на съезде мировых посредников 1862 г. в Твери, где вынесли постановление о несостоятельности закона об отмене крепостного права и предложили ряд своих реформ, осуществлять которые должны выборные от всех сословий. Толстой высоко оценил эту позицию. За несогласие с правительственными установками по проведению в жизнь манифеста Бакунин был арестован вместе с братом Александром, приятелем Толстого по Севастополю, приговорён к тюремному заключению в Петропавловской крепости и лишён права на гос. службу или по выборам. Позднее он занимался ботаникой и составил обширный труд «Тверская флора», части которого были опубликованы в 1874 г.

Толстой был знаком с семьёй Бакуниных. С Алексеем Бакуниным познакомился в Петербурге, вернувшись из Севастополя, когда тот хлопотал об освобождении брата Михаила из Шлиссельбургской крепости и часто бывал в Петербурге. Их связывала Севастопольская оборона, в ситуации общественного оживления сближал «вопрос о крестьянах». Но даже склонность обоих к глубокому осмыслению явлений общественной жизни не объединяла их надолго. Бакунин сразу же отметил, что Толстой не такой охотник до рассказов, как до споров. И вполне объяснимы их нелицеприятные характеристики друг друга. Толстой, отмечая в дневнике свои частые встречи с Бакуниным осенью 1856 г., противопоставлял его милому П.В. Анненкову — «несносный Бакунин». Бакунин тоже весьма недоброжелательно отзывался о Толстом: «Граф Толстой — молодой писатель. Прямой, чересчур резкий. Как помещик: за освобождение крестьян без земли, с правом. Сумбур в голове — насчёт понятия отвлечённого» (Пирумова Н.М. Толстой и семья Бакуниных // Л.Н. Толстой и русская

52

литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 184).

Михаил Александрович (1814-1876) — философ, публицист, теоретик анархизма, один из основателей народничества как особого явления общественной и культурной жизни России второй половины XIX в. После окончания Михайловского артиллерийского училища был произведён в офицеры, однако в 1835 г. вышел в отставку и поселился в Москве, где сошёлся с кружком Н.В. Станкевича и занялся изучением немецкой философии. В 1840 г. благодаря материальной поддержке А.И. Герцена Бакунин отправился в Берлин и слушал лекции учеников Гегеля и его оппонента Шеллинга, выступившего в защиту христианского откровения. В 1842 г. он опубликовал в журнале левых гегельянцев программную статью «Реакция в Германии», отличавшуюся революционным пафосом и завершавшуюся выводом о страсти к разрушению как творческом начале. Установив связи с коммунистами, Бакунин занялся общественно-политической деятельностью и после отказа вернуться в Россию в 1844 г. был осуждён Сенатом на вечное изгнание с лишением прав. За активное участие в революционном движении 1848-1849 гг. дважды приговорён к смертной казни, но в 1851 г. был выдан российскому правительству и заключён в Петропавловскую крепость. Семья Бакуниных ходатайствовала о смягчении участи переведённого в Шлиссельбург узника, и в 1856 г. Толстой, знавший братьев Александра и Алексея Бакуниных, содействовал облегчению положения Бакунина: тот был сослан в Восточную Сибирь и состоял при

генерал-губернаторе Н.Н. Муравьёве-Амурском. В 1861 г. Бакунин бежал из ссылки через Японию и США в Европу и вновь примкнул к революционному движению. 2 декабря 1906 г. Толстой вспоминал о своём участии в судьбе Бакунина: «Я имел удовольствие содействовать побегу Бакунина. Бакунин был при Муравьёве <...> вроде чиновника. Но не мог отлучаться без разрешения министерства. Я попросил Ковалевского <...> и он выхлопотал его, чем Бакунин и воспользовался» (ЯПЗ. 2. С. 317).

В 1900 г. Толстой получил книгу П. Эльцбахера «Анархизм» (Berlin, 1900), в которой излагаются взгляды семи представителей этого направления философской и общественно-политической мысли, в т.ч. Бакунина и Толстого. Толстой высоко ценил в мировоззрении Бакунина отрицание государства, что было близко социальным взглядам писателя. Мысли Бакунина о «суеверии государства» он поместил в книгах «На каждый день» и «Путь жизни». Одно из высказываний Бакунина стало эпиграфом к статье Толстого «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (1908). Толстой признавал Бакунина сильным мыслителем, но сомнительным для пользы России общественным деятелем, впадающим, как и другие анархисты, «в неопределённость, многословие, неясность, красноречие и <...> фантастические <...> предположения» (36: 347); отсюда его двойственное отношение к Бакунину: «Он был какой-то шальной, но много в нём было привлекательного» (запись А.Б. Гольденвейзера).

При всём расхождении с Бакуниным во взглядах Толстой сохранил уважительное отношение к нему как русскому человеку, посвятившему свою жизнь Отечеству, поэтому, прочитав в 1899 г. «Письма к старому товарищу» А.И. Герцена, адресованные Бакунину, «восхищался ими и читал всем вслух» (88: 182), а в 1881 г. посетил имение Бакуниных Прямухино Новоторжского уезда Тверской губ., оставившее значительный след в жизни России 1840-х гг. как один из культурных центров, душой которого был Бакунин.

Лит.: Сысоев В.И. Бакунины. - Тверь, 2002; Ляшенко Л.М. Революционные народники. - М., 1989. С. 18-22.

А.С. Кондратьев

БАКШЕЕВ Василий Николаевич (1862-1958) — живописец. Мастер лирического пейзажа, иллюстратор произведений Толстого. Представитель младшего поколения передвижников. Родился в Москве. В 1887 г. окончил московское Училище живописи, ваяния и зодчества; ученик Е.С. Сорокина, В.Е. Маковского и В.Д. Поленова. С 1884 г. участвовал в художественных выставках. С 1891 г. - экспонент, с 1893 г. -

член Товарищества передвижных выставок. В 1913 г. присвоено звание академика живописи. Получил широкую известность своими жанровыми произведениями, экспонировавшимися на передвижных выставках: «Девушка, кормящая голубей» (1887), «В родном гнезде» (1889), «Житейская проза» (1893), «Неудачники» и др.

Над иллюстрациями к народным рассказам Толстого «Чем люди живы» и «Где любовь, там и Бог» Бакшеев работал в 1893 г. (не были опубликованы). Дочь художника, А.В. Бакшеева, вспоминала, что отец «выше всех ставил Л.Н. Толстого. Особенно он почитал его, когда Толстой стал проповедовать свои нравственные взгляды» (Бакшеева А. Художник и человек. Воспоминания об отце // Художник. 1968. №6. С. 20).

53

Почти одновременно с иллюстрациями 1892-1893 гг. Бакшеев работал над своей самой известной картиной «Житейская проза». Художник С.А. Виноградов вспоминал о посещении с Толстым Третьяковской галереи и о том впечатлении, которое произвела на писателя эта картина: «Нет, это не нужно, тут жалеть некого, геморроидальный отец, геморроидальная мать, геморроидальная дочь. Нет, нет, жалеть тут некого!» (Толстой и художники. С. 322).

Н.В. Зайцева

БАЛЛУ Эйдин (Ballou Adin; 1803 — 1890) — американский унитарийский пастор, пацифист, основатель утопической общины в Хоупдейле (штат Массачусетс), корреспондент и адресат Толстого. В июне 1889 г. Льюис Уилсон, унитарийский пастор и ученик Баллу, послал Толстому некоторые из книг и брошюр американского проповедника. Это послужило началом переписки Толстого и Баллу. В дневнике 21 июня 1889 г. Толстой записал: «Я редко испытывал такую чистую радость, как при чтении статей и трактатов Баллу. А также редко чувствовал я такую любовь и уважение, как к г. Баллу, так и к его трудам» (запись на англ. яз.).

В 1838 г. Баллу стал христианским непротивленцем, тогда же был принят и опубликован Баллу «Образец практического христианства». А в 1841 г. Баллу с 30 последователями организовал Общину в Хоупдейле, неподалёку от Бостона. В течение первых 14 лет община процветала, однако к 1856 г. была распущена, главным образом, из-за трудностей финансовых и моральных. Но её основатель выдержал все невзгоды и потрясения, продолжая с немногими последователями осуществлять на практике те великие идеи, на которых и была основана община. Баллу —

автор более 50 книг и брошюр, среди них «Христианское непротивление», «Практический христианский социализм» и др. Баллу познакомился с религиозными сочинениями Толстого ещё в 1886 г. В последние годы жизни он был сосредоточен на писании заключительного своего труда — «Автобиографии».

С присланной Уилсоном книгой Баллу «Christian Non-resistance» («Христианское непротивление») и брошюрами Толстой немедленно ознакомился, а к переведённому Н.Н. Страховым «Катехизису непротивления» написал предисловие (запись в дневнике 8 июля 1890 г.). В трактате «Царство Божие внутри вас» «Катехизис» Баллу следует за «Декларацией» У.Л. Гаррисона. В американском журнале «Arena» (1890 г.) Уилсон опубликовал почти полностью переписку Толстого и Баллу (журнал хранится в яснополянской библиотеке). Несмотря на некоторые расхождения во взглядах, оба с глубоким уважением относились друг к другу. После смерти Баллу Толстой настойчиво пропагандировал его труды, хлопотал о переводе и издании одной из самых важных книг — «Христианское непротивление» -- в издательстве «Посредник», что и было предпринято в 1908 г. В сборники «Путь жизни» и «Круг чтения» Толстой включил отрывки из произведений Баллу. «Дорогой друг и брат, — так начал Толстой своё последнее письмо к Баллу (30 июня 1890 г.), которое адресат, вероятно, уже не успел получить, — я редко испытывал такое истинное и большое удовольствие, как при чтении вашего истинно братского и христианского письма» (перевод с англ.). В личной библиотеке Толстого сохранились пять книг и брошюр Баллу, присланных Уилсоном. «Автобиографию» Баллу Толстой получил в 1896 г., уже после смерти американского проповедника.

Г.В. Алексеева

БАЛЬЗАК Оноре де (Balzac; 1799 — 1850) — французский писатель, автор цикла романов под названием «Человеческая комедия», включившего «Этюды о нравах», «Философские этюды», «Аналитические этюды» (это несколько десятков романов) и воссоздавшего реалистическую картину жизни Франции первой половины XIX в. Толстой чтит творца «Человеческой комедии», чья гениальность для него была столь же несомненна, как и гениальность Стендаля и Флобера. Созданные божественной волей художника, герои Бальзака глубоко «проникли» в духовный мир Толстого: Евгения Гранде и папаша Горио, респектабельный Растиньяк и невезучий Люсьен де Рюбампре, непредсказуемый Гобсек и таинственный Вотрен, заложник страсти Рафаэль де Валантен и жизнестойкая Пьеретта, пленительные тридцатилетние женщины, их грёзы, разочарования...

Интерес к Бальзаку у Толстого проявился в начале 1850-х гг., когда он старался следовать этическим правилам, освобождаясь от слабостей, противостоя соблазнам. Бальзак мог привлечь Толстого доскональным знанием практической сферы жизни и психологической достоверностью своих персонажей. В одном из вариантов повести «Детство» Толстой критично высказался о стилистической особенности, присущей роману Бальзака «Величие и падение Цезаря Биротто» (1837) и всей

54

французской литературе: «У французов есть странная склонность передавать свои впечатления картинками» [1 (19); 48]. В окончательный текст повести этот пассаж не вошёл. Через три года другой бальзаковский роман оказался в эпицентре человеческой трагедии: её запечатлел Толстой в рассказе «Севастополь в мае». Эпизод с французским романом по контрасту со сценами ожесточённого сражения – поражает эпическим хладнокровием: Калугин, один из главных персонажей рассказа, пережив многое в эту кровавую ночь, «пришёл в свою комнату, в которой, уже давно вернувшись и дожидаясь его, сидел князь Гальцин, читая “Splendeur et misères des courtisanes”, которую нашёл на столе Калугина» [2: 118].

В ту пору Толстого озарила громадная мысль, для осуществления её он намеревался посвятить свою жизнь. «Мысль эта – основание новой религии, сопутствующей развитию человечества, религии Христа <...>, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле» (запись в дневнике 2, 3, 4 марта 1855 г.). Обретались цель и смысл жизни – духовная основа творчества. Продолжалась упорная внутренняя работа – исправление характера, самовоспитание. Командуя горной батареей близ Севастополя, Толстой не упускал из вида Бальзака. В дневник заносил разноречивые впечатления от романа «Лилия в долине» (1835): «читал какой-то нелепый роман Бальзака» (6 июля 1855 г.); «читал какую-то дичь Бальзака» (11 июля 1855 г.); «Зачитывался “Lys dans la vallée”» (13 июля 1855 г.). Роман так увлёк Толстого, что ничего своего он в тот день не писал.

Через полтора года Толстой – в Париже. Часто общался с Тургеневым: «Я его очень люблю. Он сделал и делает из меня другого человека» (47: 122). Неразлучен Толстой и с Бальзаком: «...читал Honorine. Талант огромный» (28 февраля 1857 г.; роман Бальзака «Онорина», 1843, -- из серии «Сцены частной жизни»). Дневниковая запись 10 апреля 1857 г.: «Целый день читал “Cousine Bette”...». Предисловие Бальзака к «Человеческой комедии» вызвало у Толстого скептическую реплику –

«мелко и самонадеянно» (15 апреля 1857 г.). Возможно, его озадачила бальзаковская формула: «Я пишу при свете двух вечных истин – религии и монархии...» Превыше «вечных истин» Толстой ценил правду жизни и жаждал действовать «*сознательно* к соединению людей» в согласии с провозглашённой им *новой* верой. Одновременно Толстой стремился постичь художественное своеобразие Бальзака: «У Бальзака в образах возможность, а не необходимость поэтическая» (11 марта 1857 г.).

С годами симпатия Толстого к Бальзаму возрастала. В письме Софье Андреевне 9 апреля 1882 г. из Ясной Поляны он сообщал проникновенно: «Взял я с собой Бальзака и с удовольствием читаю в свободные минуты». В ноябре 1885 г. Толстой ознакомился с переделкой для «Посредника» романа «Евгения Гранде» и незамедлительно адресовал В. Г. Черткову «Памятную записку»: «Переделывать повести иностранные, как Eugénie Grandét, на русские нравы – значит лишать эти повести интереса знания быта нерусского и, главное, реальности» (85: 286). Помимо познавательных свойств бальзаковской прозы Толстой чтит во французском собрате чудодейственный дар всеведения. «А всё-таки Бальзак – гений, – сказал Толстой в беседе с М. Горьким, – то есть то самое, что нельзя назвать иначе, -- гений...» (ТВС. 2. С. 477).

Бальзак и Толстой – разветвлённая тема в отечественной и зарубежной культуре. Основательно наблюдение Д. Лукача о сходстве судеб бальзаковской героини виконтессы де Босеан и Анны Карениной, а также о различии в художественном воплощении перипетий любви в жизни этих незаурядных женщин: «Бальзак изображает обе катастрофы в любовной жизни Босеан («Отец Горио» и «Покинутая жена») с величайшей <...> страстью. Внимание его при этом направлено именно на катастрофы. <...> В противоположность Бальзаку Толстой следит с величайшим вниманием за всеми этапами развития любовных отношений между Анной и Вронским – от первой встречи до разрыва. Он гораздо эпичнее Бальзака <...>, даже главные повороты <...> включены всегда в широкоэпический план...» (ЛН. Т. 35-36. Кн. 1. С. 50-51). Бальзак и Толстой – реалисты. Но в сфере творческого процесса – у каждого из них свой путь. Сравнение Бальзака и Толстого – естественно и традиционно для мэтров французского самосознания. Воздавая должное грандиозному творению Бальзака, великие писатели и мыслители Франции с предельной искренностью выражали своё восхищение человеческим искусством Толстого. Характерно суждение Ф. Мориака: «Над гигантским массивом европейской прозы в моём представлении всегда господствовали две вершины: Бальзак и Толстой. <...> Толстой, как и Бальзак, создал целый мир, но мир обетованный, мир, в который мы входим, из которого мы выходим, куда мы вновь и вновь возвращаемся в течение своей жизни» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 277).

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (1867-1942) – русский поэт-декадент, в начале XX в. очень популярный в России. Отец его, небогатый помещик, служил в Шуйском земстве. Бальмонт учился в Шуйской и владимирской гимназиях, затем на юридическом факультете Московского университета, но не окончил его.

В 1889 г. он женился на дочери шуйского фабриканта. Брак был неудачным. 13 марта 1890 г., прочитав «Крейцерову сонату» Толстого (она ходила по рукам в списках), решил покончить с собой и выбросился из окна третьего этажа, покалечив себя.

В 1894 г. вышел первый сборник стихов Бальмонта «Под северным небом». Поэт-символист, он искал соответствия между звуком, словом-символом, смыслом (см. его книгу «Поэзия как волшебство». М., 1916). Всего он написал 35 книг стихов, 20 книг прозы, переводил, комментировал, писал сопроводительные статьи к переводам сочинений Э. По, Г. Гауптмана, П. Кальдерона, О. Уайльда, П. Шелли, Г. Зудермана, Ш. Руставели («Витязь в тигровой шкуре»), болгарской поэзии, югославских народных песен и загадок, литовских народных песен, мексиканских сказок и др.

В 1896 г. Бальмонт уехал в Европу, путешествовал, в 1897 г. был приглашён в Оксфорд читать лекции.

Поэт высоко ценил творчество Толстого. Ещё в 1896 г. он прислал в Ясную Поляну свою книгу «В безбрежности» (М., 1895) с дарственной надписью: «Великому учителю Льву Николаевичу Толстому. К. Бальмонт. 96, 10 февраля, г. Шуя, Влад. г.». Книга сохранилась в библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

Толстой и Бальмонт познакомились в Гаспре, где в 1901-1902 гг. жили Толстые. 14 ноября 1901 г. вместе с А.П. Чеховым и М. Горьким Бальмонт посетил Толстого. Муж Т.Л. Толстой, М.С. Сухотин, в тот день записал в своём дневнике: «Три писателя были сегодня: Чехов, Горький и Бальмонт. Разговор долго шёл с натужинкой. Было похоже на то, что молодые писатели приехали к maître засвидетельствовать своё почтение, но что у них с ним общего мало и что они на него смотрят снисходительно, уважая в нём *прошлое*, но воображая, что их *настоящее* ушло вперёд. Горький <...> говорил больше других Чехов мне понравился. Тонкий, с прищуренными ласковыми глазами, нервный и внимательный. Бальмонт всё молчал и конфузился» (Л.Н. Толстой и А.П. Чехов: рассказывают современники, архивы, музеи... / Сост. А.С. Мелкова. М., 1998. С. 258-259. Далее: *Толстой и Чехов*, с указанием страницы).

Второй раз, 22 ноября, Бальмонт один был у Толстого. Когда он ушёл, Толстой, говоря о его стихах, как вспоминал доктор К.В. Волков, «много издевался над ним и над современными декадентами и модернистами вообще. Особенно возмущало Льва Николаевича выражение “пьяные ландыши” (цит. по: *Гусев. Летопись. 2. С. 395*). Через несколько дней поэт прислал Толстому свою книгу «Горящие здания. Лирика современной души» (М., 1900). На титульном листе надпись: «Величайшему гению, какой теперь есть на земле, Льву Толстому от безымянного. К. Бальмонт. 5 декабря 1901 г.». И ещё:

То, что ты мне сказал, не забуду,
не забуду твой видящий взгляд.
Я молюсь не наставшему чуду,
Верю, будет блаженство повсюду,
Мне созвездья о том говорят.

5. XII. 1901. К Бальмонт».

Вместе с книгой пришло письмо; в нём Бальмонт отметил «стихи, которые, может быть, могут сколько-нибудь интересовать» Толстого, и, вспоминая свой визит к писателю, признавался: «Вы не знаете, сколько Вы мне дали. Вы богатый, как солнце. Я мог бы быть выброшенным на необитаемый остров – и целый год думать только о Вас» (цит. по: *Гусев. Летопись. 2. С. 397*). Толстой не ответил сам – по его поручению ответила его сноха О.К. Толстая: переписка не состоялась.

Не получив ответа Толстого, Бальмонт писал Чехову 25 декабря 1901 г.: «Видели ли Вы Толстого? Как он? Если он прочёл что-нибудь из “Горящих зданий”, спросите его о впечатлении и сообщите, пожалуйста, мне. Хотя бы это был сплошной минус по моему адресу. Я не могу забыть его лицо, его голос, нашу вторую встречу» (*Толстой и Чехов. С. 184*). Чехов ответил 1 января 1902 г.: «У Толстого я не был, но на днях, впрочем, буду и спрошу, и ответ его сообщу Вам. Пока слышал, что Вы произвели на него хорошее впечатление, ему было приятно говорить с Вами... Так я слышал».

В начале января 1902 г. Бальмонт сделал ещё одну попытку установить контакт с Толстым: послал ему и С.А. Толстой книги с автографами.

Толстой не принимал творчества Бальмонта. Сочинения декадентов, заполнявшие страницы газет и журналов в последние годы жизни писателя, возмущали его. Разговор Толстого и Л. Сулержицкого о поэзии Бальмонта, тогда же, в Крыму,

воспроизвёл М. Горький в очерке «Лев Толстой»: «Романтизм – это от страха взглянуть правде в глаза», – сказал он <Толстой. - А.М.> вчера вечером по поводу стихов Бальмонта. Сулер не согласился с ним и, шепелявя от возбуждения, очень патетически прочёл ещё стихи. “Это, Лёвушка, не стихи, а шарлатанство, а “ерундистика”, как говорили в Средние века, – бессмысленное плетение слов”. Отношение к стихам Бальмонта не менялось со временем; это видно по дневнику Д.П. Маковицкого. 19 марта 1905 г. он записал, что гостя Толстых, певица М.Н. Муромцева- Климентова, рассказывала о Бальмонте, о том, как он «по-декадентски разговаривает в обществе». «Софья Андреевна (о нём): Он неумён. Л.Н.: Бальмонт глуп» (ЯПЗ. С. 216). 23 марта 1907 г. Толстой просматривал журнал «Современный мир», в котором опубликована былина Бальмонта «Садко» и произведения др. декадентов. Вывод его таков: «Вся новая литература, новая музыка – просто скверная»; «Где ни откроешь <...> -- бессмысленное» (ЯПЗ. 2. С. 401). 20 октября Толстые читали № 10 «Современного мира», в котором было и стихотворение Бальмонта «Морская примета». «Татьяна Львовна опоздала и ничего не могла понять. – “Для кого это пишут? Кто это читает?” Л.Н.: “Никто не читает”» (ЯПЗ. 2. С. 540).

1 января 1908 г. С.Л. Толстой обратил внимание отца на № 10 журнала «Русская мысль» за 1907 г. В нём стихи и драма Бальмонта («Тихая поветерь», «Осенний бусенец», «Серебряный путь»). «Сергей Львович негодовал, как это печатают и кто это читает. Л.Н.: “Как же не читать – декадентство. Это ряд вырождающихся во всё”» (ЯПЗ. 3. С. 7). 29 января Н.Н. Гусев записал, что приехал М.А. Стахович и «рассказывал о новых направлениях в искусстве. “Для меня это новое искусство, - сказал Лев Николаевич, - новая поэзия, как стихи Бальмонта, -- какая-то пересоленная карикатура на глупость. Я в них ничего не понимаю”» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 88). Через несколько дней, 13 февраля, Толстой вернулся к этому разговору: «Мне Стахович говорил, что у Бальмонта мастерство техники. Никакого мастерства техники незаметно, а видно, как человек пыжится. А уж когда видишь это, то конец. Вон у Пушкина: его читаешь и видишь, что форма стиха ему не мешает» (там же. С. 101).

20 мая 1908 г. Толстой прочитал предисловие Бальмонта к переводу драмы О. Уайльда «Саломея» и заметил: «Совершенное сумасшествие, набор слов (ЯПЗ. 3. С. 94).

Бальмонту трудно было поверить в то что его стихи могут не нравиться: у него было много поклонников, и он пользовался большой популярностью в то время. О встрече с Толстым в Гаспре в 1901 г. он написал в статье «О книгах для детей» // Весы. М., 1908. № 3. С. 82–83.

Толстой прочитал эту статью и 23 мая иронизировал: «...как Бальмонт пишет, что, когда он мне в Крыму прочёл своих два стихотворения, я говорил о них: “Глупости, глупости”. Потом прочёл третье, и я всё притворялся, что мне не нравится его стихотворение» (ЯПЗ. 3. С. 97).

Оценка декадентской поэзии и ясная позиция Толстого выражена в ответе крестьянину С.В. Гаврилову (село Шиловка Симбирской губ.), который писал Толстому о недостаточности христианского элемента в поэзии Бальмонта. Толстой отвечал: «Стихотворство <...> плохое и бессодержательное, как у теперешних стихотворцев, -- самое праздное, бесполезное и смешное занятие» (78: 20).

Лит.: Бальмонт К. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1990.

А.С. Мелкова

БАЛЮЗЕК Лев Фёдорович (1822-1879) - штабс-капитан артиллерии, сослуживец Толстого в штабе артиллерии Дунайской армии и в Севастополе; впоследствии свиты генерал-майор, управляющий областью оренбургских киргизов, затем генерал-лейтенант и военный губернатор Тургайской области. Один из участников проекта основания Общества для содействия просвещению и образованию среди войск, переросшего в октябре 1854 г. в проект журнала «Военный листок». Вместе с Толстым в апреле 1855 г. находился на четвёртом бастионе; в эти дни Толстой писал брату С.Н. Толстому: «Балюзек, который передаст тебе это письмо, расскажет всё про меня» (ПТСБ. С. 181).

Н.И. Бурнашёва

БАНИКОВЫ

Анна Петровна (1807-после 1858) – скотница в усадьбе Толстых. По её просьбе Толстой в 1856 г. отпустил на волю её дочерей Анну и Авдотью. Все продолжали служить в усадьбе. В 1860-е гг. Авдотья училась в школе Толстого. О ней в «Дневнике яснополянской школы» Толстой писал: «Дворовая самостоятельная девочка, с озабоченным лицом, сидящая всегда на высоком столе; так и кажется, каждое слово глотает» (8: 40). В ОР ГМТ хранится её тетрадь по рисованию.

57

Авдотья (Евдокия) была взята в дом Толстых помощницей горничной; известна под именем Душки.

Ирина Игнатьевна (1795 – 1879) — жена дядьки писателя Н.Д. Банппкова. Много знала о старине и хорошо рассказывала. Толстой часто к ней приходил и любил слушать повествования о войне 1812 года. Долго лежала с параличом ног. В последние годы писатель особенно часто бывал у неё. Она просила его не писать больше, а то попадёт в тюрьму.

Митрофан Николаевич (не ранее 1843—?) - слуга Толстых. В 1860-х гг. Митрофан – объездчик, затем приказчик и управляющий Ясной Поляны в период болезни А.С. Орехова и после его смерти в 1882 г до октября 1884 г. Прозван Кацапом за драчливость и грубость.

Неоднократно упоминается Митрофан в письмах и дневнике Толстого. «Митрофан очень хорошо распоряжается <...>. Он очень старается и очень толков», -- сообщал Толстой жене (83: 330). Вместе с Митрофаном в январе 1884 г. Толстой шил башмаки дворовой Агафье Михайловне.

В том же 1884 г. Митрофан «увёл» жену у Фёдора Резунова. Толстой возмутился, даже хотел освободить его от «должности» и сам управлять имением, посоветовался с Софьей Андреевной. Она не советовала, и Толстой согласился, боясь обидеть Митрофана. Тот сам попросил освободить его от должности в октябре 1884 г.

Татьяна Филипповна (1803 – после 1866) – из семьи потомственных слуг Волконских-Толстых в Ясной Поляне; няня малолетнего Лёвы Толстого. Она сменила 100-летнюю няню Аннушку. Толстой в «Воспоминаниях» о ней писал: «...маленькая, смуглая, с пухлыми маленькими руками, была молодая няня, помощница старой няни Аннушки <...> потом была няней моих племянниц и моего старшего сына. Это было одно из тех трогательных существ из народа, которые так сживаются с семьями своих питомцев, что все свои интересы переносят в них. <...> Помню, она тяжело, тихо и кротко умирала в нашем доме на том самом месте, на котором я теперь сижу и пишу эти воспоминания» (гл. VIII).

Фёдор Филиппович (1805-1866) - слуга Волконских в Ясной Поляне. В начале 1860-х гг. был управляющим в Ясной Поляне. Толстой упоминал его в письме брату Сергею 18 октября 1862 г. Сергей Николаевич и Мария Николаевна Толстые в 1846 г. крестили его сына Василия. Под своим именем выведен в рассказе «Метель».

Н.И. Шинкарюк

БАРТЁНЕВ Пётр Иванович (1829 – 1912) – историк, библиограф, издатель. Потомок старинного дворянского рода, сын участника Отечественной войны 1812 г.; его мать была сестрой лихого гусарского офицера А.П. Бурцева, воспетого Д.В. Давыдовым, дед близко знаком с Г.Р. Державиным. Бартенев с юных лет любил историю. Лекции профес-

соров М.П. Погодина, С.М. Соловьёва, Т.Н. Грановского, С.П. Шевырёва на историко-филологическом факультете Московского университета (1847-1851) дали юноше богатые знания, пробудили интерес к собиранию и изучению архивных документов. Дебютом в печати стала публикация собранных им писем А.С. Пушкина к П.В. Нащокину (Москвитянин. 1851. № 23). В 1853-1858 гг. Бартенев служил в московском Главном архиве Министерства иностранных дел. В 1859-1873 гг. заведовал Чертковской библиотекой в Москве, где и познакомился с Толстым, который, работая над «Войной и миром», пользовался материалами библиотеки. Бартенев посылал книги и журналы в Ясную Поляну, бывал там.

П.И. Бартенев

В письме 31 марта 1867 г. Толстой поделился с Бартеневым замыслом исторического романа о Павле I, который подсказали ему материалы, опубликованные в «Русском архиве»: «...то, что есть в Архиве, привело меня в восторг. Я нашёл своего исторического героя». Замысел не осуществился.

По просьбе Толстого Бартенев стал его редактором и историческим консультантом при издании книги «Война и мир». 22 июня 1867 г. Толстой писал жене, что «корректуры будет держать» сам и «потом Бартенев в смысле исправности и даже правильности языка», который «смело ему разрешил исправлять». В письме П.А. Вяземскому 18 декабря 1857 г. Бартенев так объяснил свою работу: «Моё участие тут только печатание... так как сочинителя нет в Москве, и надзор, чтобы не было слишком явных исторических неверностей» (Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1982. С. 327). На полях гранок «Войны и мира» встречаются пометы Толстого: «Исправив, послать к Петру Ивановичу и верстать».

Сетуя на большую авторскую правку в корректурах, затруднявшую работу типографии, Бартенев писал Толстому 12 августа 1867 г.: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и пе-

чатания. Сошлюсь на кого хотите, бóльшая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна, а между тем от него цена типографская страшно возрастает». Толстой отвечал Бартеневу в письме 16-18 августа: «Не мараь так, как я мараю, я не могу и твёрдо знаю, что мараьне это идёт в великую пользу... То именно, что нам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз пять перемарано».

Как историк Бартенев иногда расходился с Толстым-писателем. Так, он был солидарен с Вяземским, критиковавшим эпизод в романе, когда Александр I бросает с балкона кремлевского дворца в собравшуюся толпу бисквиты (на самом деле, по свидетельству очевидца, император раздавал фрукты). «Этот человек, вследствие своею пламенного воображения, совсем разучился отличать то, что он читал, от того, что ему представилось», - писал Бартенев Вяземскому 2 марта 1869 г. (Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 329).

Полностью доверяя Бартеневу, Толстой просил его взять на себя и обязанности и цензора, предоставляя ему свободу действий. «...Вымарывайте всё, что покажется опасным. Вы лучше меня знаете, что можно и нельзя», — писал он 3 декабря 1867 г.

В 1878 г. Толстой обращался к Бартеневу с просьбой о присылке материалов для романа «Декабристы». 27 (?) октября он писал историку: «Жду не дождусь увидеться с вами, и с корыстными целями, чтобы о многом расспросить, и с бескорыстными, потому что люблю вас».

В 1880-е гг. отношения прервались из-за выступлений Толстого против гос. власти и церкви. «Когда Л.Н. Толстой начал свой поход на церковность, П.И. возразил ему: “Вы, граф, поступаете по русской пословице: осердясь на вши, шубу в печь”», -- писал сын историка (Русский архив. 1912. № 12. С. 573). Однако и сам Бартенев не очень дорожил расположением сильных мира сего. Так, получив орден Святого Станислава I степени, широкою орденскую ленту, которую в парадных случаях подобало носить через плечо, он... изрезал на закладки для дорогих ему книг.

В начале 1900-х гг. отношения Толстого и Бартенева возобновились. 11 сентября 1902 г. Толстой просил прислать ему материалы о Николае I и М.С. Воронцове для работы над повестью «Хаджи-Мурат». «Как бы хотел дать что-либо в Русский Архив, но если бы Вы видели мою жизнь, Вы бы поняли, что до сих пор не мог этого сделать». В ответном письме 18 сентября Бартенев напомнил шутливые слова о неиссякаемости его познаний, некогда сказанные Толстым: «Припоминается, что ко мне обратиться – словно кран повернуть в самоваре».

А.В. Корнеев

БАРШЕВА Ольга Алексеевна (рожд Бирюлёва; 1844 – 1893) – последовательница Толстого, поддерживала его идеи, применив их ко всей своей жизни.

Родом из старинной дворянской семьи, Баршева, по воспоминаниям Т. Л. Сухотиной-Толстой, утончённо воспитанная и хорошо образованная, хрупкая женщина, с чуткой и отзывчивой душой, окончила курс в Императорском воспитательном обществе благородных девиц в С.-Петербурге. Затем шесть с половиной лет служила в московском Николаевском женском училище (сиротском институте). Там вместе с сослуживицей и ближайшим своим другом М. А. Шмидт увлеклась чтением статей Толстого. По характеру полная противоположность Баршевой, Шмидт сначала резко отвергла даже самую мысль о возможности прочесть статьи «безбожника» Толстого, но потом всё же взялась за чтение. С того момента и начался трудный путь двух удивительных женщин. Узнав, что Толстой сделал новый перевод Евангелия («Краткое изложение Евангелия»), подруги стали разыскивать это издание и, не найдя его, решились отправиться к автору, бывшему в то время в Москве.

20 апреля 1884 г. Баршева познакомилась с Толстым. В этот день он записал в дневнике: «Две классные дамы – просить Евангелие» (49: 84). В своём письме к жене, бывшей тогда в Петербурге, Толстой сообщал, что утром у него были две классные дамы. Позднее, 20 февраля 1893 г., в письме к Шмидт он вспоминал: «Как теперь, вижу вас двух в зале утром, когда вы пришли ко мне и я в первый раз увидел вас обоих» (66: 298). Встреча эта стала началом большой дружбы. Увлёкшись идеями Толстого, бывшие «классные дамы» (прозвище, закрепившееся у Толстых за Баршевой и Шмидт) не могли продолжать свою жизнь так, как она шла до встречи с Толстым. Они оставили службу и поселились недалеко от Ясной Поляны.

Прекрасно владея английским языком, Баршева делала переводы для «Посредника», помогала Толстому, переписывала его сочинения. 23 мая 1885 г. Шмидт писала Толстому: «Мы обе с величайшей благодарностью вспоминаем о Вас и о тех прекрасных минутах, которые мы испытали, переписывая Ваши сочинения. Мы безгранично обязаны Вам, долго будем жить Вашими мыслями и отдыхать душой

59

на Вашей светлой личности...» (цит. по: Горбунова-Посадова Е.Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 16).

В 1886 г., продав всё своё имущество, Баршева уехала на Кавказ, в так называемое «интеллигентное» земледельческое поселение в Уч-Дере,

близ Сочи, где работала на земле. Жили в тяжелейших условиях, в землянке, спали на полу, и только слабой здоровьем Баршевой позволялось спать «с комфортом» на столе. С конца 1886 по 1889 год Баршевой приходилось жить в разных местах, перебиваться случайными заработками. Но она продолжала поддерживать близкое общение с Толстым и Шмидт.

В 1889 г Баршева и Шмидт вернулись в Уч-Дере. Жизнь в маленьком летнем домике, который построила для себя родственница Баршевой, была и трудна, и опасна. Две женщины, живущие одиноко, вдали от цивилизации, на маленьком клочке земли среди гор, своим трудом добывающие себе хлеб, не могли защититься от холода, голода, от случайно набредших на их жилище вооружённых людей. Но в этих трудных условиях их вера только крепла. 1 февраля 1891 г. Толстой писал им: «Вы так хорошо живёте (я говорю о внешней форме жизни), что всякий раз, как получаю ваши письма, робею, распечатывая и начиная читать, как бы не узнать, что жизнь ваша изменилась. <...> Я говорю о внешней форме жизни, потому что она только одна подвержена изменению независимо от нас. Об этом предмете, о взаимной зависимости внешней формы и внутреннего содержания приходилось думать и говорить последнее время по случаю разных перемен в жизни так называемых общинников. Форма жизни, я думаю, не всегда, но большей частью зависит от внутреннего содержания, так что из ста случаев в 99 хорошая, правильная жизнь будет последствием хорошего, нравственного состояния. Так это у вас» (65: 234).

Просветлённость и крепость духа, уверенность в том, что именно так и должны жить честные люди, давала силы и мужество переносить все тяготы жизни. Они принимали к себе тех, кто нуждался в крове, в духовной поддержке. В письме к Баршевой и Шмидт Толстой поделился своими мыслями о том, что хорошо бы устраивать на проживание детей сирот и из бедных семей к тем, кто из его единомышленников мог бы заботиться о них. И сейчас же подруги изъявили желание взять к себе на воспитание детей. Проект этот не был реализован. Толстой посчитал его несвоевременным.

Баршева, как и Шмидт, считала, что Бог её поддерживает. Находились люди, которые помогали вести хозяйство, ухаживали во время болезней. Постоянная переписка с Толстым и его единомышленниками, чтение статей и книг давали радость и укрепляли дух. Она не чувствовала себя оторванной от мира и все испытания переносила с благодарностью, считая, что любая трудность или страдание очищают душу, ведут к прозрению.

Я. С. Малькова

БАРЫКОВА Анна Павловна (рожд. Каменская; 1840-1893) - литератор, поэтесса. Троюродная племянница Толстого (дочь М.Ф. Каменской, внучка скульптора Ф.П. Толстого). Окончила Екатерининский институт в Петербурге (1856). Её стихи и поэтические переводы с нескольких европейских языков печатали журналы «Дело», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Слово» и др. Она переводила П.-Ж. Беранже, В. Гюго, И.-В. Гёте, Г. Гейне, П. Шелли, Г. Лонгфелло и др. поэтов, руководствуясь своими демократическими взглядами (в духе некрасовской традиции). Барыкова поддерживала связь с народовольцами, её произведения отличались обличительной направленностью. В 1878 г. вышел первый её поэтический сборник «Стихотворения».

Во второй половине 1880-х гг. Барыкова сотрудничала с «Посредником», много печаталась в его изданиях. Она глубоко прониклась жизнепониманием Толстого, пропагандируя его религиозно-нравственное учение. Сведений об их личном знакомстве не сохранилось. Не было между ними и переписки. Но в письмах и дневниках Толстого нередко упоминалось это имя. Барыкова писала стихи и рассказы для народного чтения. 6 апреля 1888 г. Толстой писал В.Г. Черткову: «Барыковой “Три загадки” не помню, а эти все три штучки мало интересны. В такой сжатой форме должно быть что-нибудь сильное и оригинальное, а этого нет. Но стих необыкновенной натуральности и лёгкости, и по направлению своему это хорошо. Вообще сотрудница эта очень хорошая. Я не люблю стихотворную форму; что́ бы она написала в прозе историю, историческую эпоху или личность по образцу Александра Македонского, Рим, Греция, Средние века, Америка – всё прекрасно бы было» (86: 148).

Барыкова предложила Черткову (для «Посредника») «своё даровое сотрудничество по переводам с английского, французского, немецкого и польского» языков (86: 119). 16 сентября 1888 г. Чертков писал

60

Толстому: «У нас сейчас гостит Барыкова из Ростова, авторша “Царя Ахриана”, та, кому я поручил писать о Будде. Она премилая, добрая и умная женщина и драгоценная сотрудница» (86: 174).

Очень понравился Толстому перевод Барыковой сочинения Ф. Коппе «Прощение», драмы в одном действии, в стихах (в «Посреднике» он вышел отдельной книжечкой): «Барыковой перевод превосходен и вся вещь прелесть» (87: 56) – писал он Черткову.

Вскоре до Толстого дошла весть о тяжёлой болезни писательницы, умиравшей от чахотки. Узнав о безнадёжном её положении, 21 мая 1893 г. Он излил свою боль в письме Черткову: «Как мне грустно за Аполлова и Барыкову. Очень грустно. Такие близкие дорогие люди. <...> Барыкова, которую я знаю с двух сторон, и с вашей, и со стороны Юнге, её и моей троюродной сестры, скажите, пожалуйста, от меня, что она мне много дала доброго, поддерживающего, бодрящего. Напишите от неё и о ней» (87: 197). 3 июня пришло письмо от Черткова, и на завтра Толстой отвечал: «Вчера только прочёл ваше письмо о состоянии Барыковой и тут же с этой почтой прочёл в “Новом времени” о её смерти. Очень жаль. Как она умирала и умерла, напишите все подробности» (87: 199). Барыкова умерла 31 мая.

Н. И. Бурнашёва

БАРЯТИНСКИЙ Александр Иванович (1814/1815-1879), князь - генерал, в 1856-1862 гг. главнокомандующий войсками и наместник на Кавказе; ему приписывали заслуги в деле взятия в плен Шамиля и окончательного замирения Кавказа, за что он был произведён в фельдмаршалы.

А.И. Барятинский

Во времена Толстого князь Барятинский командовал левым флангом русской армии. В первом военном рассказе Толстого «Набег» он оказался запечатлённым в образе генерала: некоторые черты князя Барятинского отчётливо проступали в фигуре толстовского персонажа. «Я познакомился с ним в набеге, - рассказывал Толстой о Барятинском в письме брату С.Н. Толстому 23 декабря 1851 г., — в котором под его командой участвовал и потом провёл с ним один день в одном укреплении вместе с Ильёй Толстым, которого я здесь встретил. Знакомство это, без сомнения, не доставляет мне большого развлечения, потому что, ты понимаешь, на какой ноге может быть знаком юнкер с генералом». Генерал Барятинский, видимо, запомнил волонтёра графа Толстого. «Князь Барятинский очень хорошо отзывается об тебе, ты,

кажется, ему понравился, и ему хочется тебя завербовать, - писал брату вскоре после возвращения из набега Н.Н. Толстой (после 3 августа 1851 г.). — Ежели ты решился, то надобно поступить скорее на службу, чтобы в зимнем походе уже быть определены, тогда действительно можно надеяться получить офицера через год» (ЛТСБ. С. 77). Сам Толстой написал Т.А. Ёргольской 17 августа 1851 г.: «Многие мне советуют поступить на службу здесь и в особенности князь Барятинский, которого протекция всемогуща». Таким образом князь Барятинский косвенно был причастен к поступлению Толстого на военную службу. И в период службы генерал удостоивал его своим вниманием. «А между прочим, начиная с кн. Барятинского, который очень добр ко мне, всё начальство ко мне очень расположено, — сообщал Толстой 24 марта 1853 г. Т.А. Ергольской. - Ведь представьте себе, бумаги мои до сих пор в Петербурге, и я даже не юнкер, а просто унтер-офицер». Но, несмотря на доброе отношение князя Барятинского, Толстой с тревогой записал в дневнике 30 апреля 1853 г.: «Меня сильно беспокоит то, что Барятинский узнает себя в рассказе “Набег”». В конце жизни Толстой вспомнил генерала Барятинского: под своим именем он выведен в повести «Хаджи-Мурат».

Н.И. Бурнашёва

БАШИЛОВ Михаил Сергеевич (1821 - 1870) – художник-рисовальщик, известен как иллюстратор литературных произведений А.С. Грибоедова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Т.Г. Шевченко. Первый иллюстратор книги Толстого «Война и мир».

В 1843-1844 гг. Башилов – студент юридического факультета Харьковского университета. В 1850-е гг. был вольнослушателем в московском Училище живописи, ваяния и зодчества. В 1854 г. удостоен серебряной медали «по живописи домашних сцен» за картину «Получение письма от сына», но звания художника так и не получил. С 1860 г. и до конца своей жизни он занимал пост инспектора Училища живописи, ваяния и зодчества.

Башилова нельзя назвать профессиональным художником в полном смысле слова. Он был одним из тех широко образованных людей XIX в., для которых, казалось, не было ни одного недоступного направления деятельности в области искусства.

Художник Л.М. Жемчужников писал о нём в своих воспоминаниях: «Он был талантлив ко всему и образован прекрасно; имел много научных

М. С. Башилов

Автопортрет, нач. 1860-х гг.

сведений; знал несколько языков, живопись, скульптуру, архитектуру, резьбу на дереве, играл на рояле что угодно, читал ноты, как книгу, прекрасно пел; и ко всему этому был деликатный, добрый и честный человек» (Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 177). К нему, дальнему родственнику С.А. Толстой, и обратился Толстой, желая видеть своё новое сочинение иллюстрированным. Башилов взялся за дело, когда книга ещё не была закончена: потому для него специально переписывали новые главы по мере их создания. Толстой пристально следил за работой художника, своими замечаниями и советами помогая, корректируя и направляя весь процесс рождения иллюстраций. Свои соображения он высказывал в письмах к Башилову. Так, 4 апреля 1866 г., посмотрев очередные рисунки, он писал художнику: «Анна Михайловна, просящая за сына князя Василья, — превосходно — она — он — прелестны. Hélène — нельзя ли сделать погрудастее (пластичная красота форм — её характернейшая черта). Вообще желаю только, чтобы этот рисунок был так же хорош на дереве, как он есть теперь. <...> Пьер. — Лицо его хорошо (только бы во лбу ему придать побольше склонности к философствованию — морщинку или шишку над бровями), но тело его мелко — пошире и потучнее и покрупнее его бы надо <...> Портрет Пьера, я думаю, не сделать ли лежащим на диване и читающим книгу или рассеяннозадумчиво глядящим вперёд через очки, оторвавшись от книги — облокотившись на одну руку, а другую засунув между ног. Даже, наверно, это будет лучше, чем стоячим, впрочем, вы лучше знаете». Князь Андрей показался Толстому «велик ростом и недостаточно презрительно-ленив и грациозно-развалившийся». Понравились писателю портреты Лизы Болконской и князя Василия, а вот о портрете Ипполита Курагина Толстой просил: «нельзя ли, подняв его верхнюю губу и больше задрав его ногу, сделать его более идиотом и карикатурнее?»

«Вообще я не нарадуюсь нашему предприятию. Ради Бога, не откладывайте своего намерения выставить ваши рисунки. <...> Ежели бы

мечтания мои сбылись, то я просил бы вас сделать ещё 30 рисунков. И я бы издал огромный роман в 30 печ. листов с 30 рисунками к Новому году. Одного только боюсь и трепещу, чтобы какое-нибудь обстоятельство не помешало вам докончить это дело».

Башилов М.С.
Танец «Данила Купор». 1867
«Война и мир» Л.Н.Толстого.

Башилов работал медленно. Толстой продолжал ему «сообщать свои мысли»: «Графа Ростова и Марию Дмитриевну в Даниле Купоре нельзя ли смягчить, убавив карикатурности и подбавив нежности и доброты.

В поцелуе – нельзя ли Наташе придать тип Танечки Берс? Её есть 13-летний портрет. <...> Пожалуйста, присылайте мне свои рисунки в самом чёрном виде, я чувствую, что могу быть полезен вам своими замечаниями. Я всё-таки всех их знаю ближе вас, и иногда пустое замечание наведёт вас на мысль» (61: 152-153).

Работа была далеко не завершена, когда в типографии, где должны были печататься иллюстрации, вспыхнул пожар; многие рисунки и уже выгравированные доски сгорели. Начинать всё заново не было смысла – так серия иллюстраций Башилова никогда не была закончена и напечатана при жизни Толстого. Да и сам Толстой, видимо, со временем разочаровался в художнике. Поздней осенью 1866 г. посетив художественную выставку, где была представлена и картина Башилова, он писал жене: «Есть картина Башилова. Чего-то недостаёт Башилову как в жизни, так и в искусстве, -- какого-то жизненного нерва. – То, да не то» (83: 122).

Н.В. Зайцева, Н.И. Бурнашёва

БЕКЕТОВ Андрей Николаевич (1825-1902) – ботаник-морфолог, педагог, популяризатор науки, общественный деятель, основоположник

географии растительности, ректор С.-Петербургского университета (1876-1883), инициатор открытия и руководитель Бестужевских высших женских курсов, президент Петербургского общества естествоиспытателей, один из организаторов издания русского научного

62

ботанического журнала «Ботанические записки», автор первого отечественного систематического «Учебника ботаники», почётный член Петербургской Академии наук. Сторонник дарвиновской теории происхождения видов, редактор перевода на русский язык дневника Ч. Дарвина «Путешествие вокруг света на корабле Бигль». Дед поэта А.А. Блока.

В 1891 г. Толстой прочитал две статьи Бекетова: «Нравственность и естествознание» (Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 5) и «Питание человека в его настоящем и будущем» (Вестник Европы. 1878. № 8). Статьи произвели на Толстого диаметрально противоположное впечатление. С основной мыслью статьи «Нравственность и естествознание» о том, что нравственность и борьба за выживание совместимы, он был категорически не согласен. О своём неприятии позиции Бекетова Толстой вполне определённо высказался в письме к Н.Н. Страхову 6 февраля 1891 г. и в статье «Религия и нравственность»; о том же и ряд его дневниковых записей 1891—1894 гг. (52: 6, 14, 120). В статье Толстому «не понравилось» желание Бекетова «обосновать нравственность на эволюции» (65: 244).

По мысли Бекетова, нравственность проистекает из законов природы, которые лежат и в основании эволюции всего живого. И нравственность, и эволюционные изменения базируются на единых законах и потому не могут противоречить друг другу. Толстой же был убеждён в том, что законы нравственности и законы борьбы за существование не могут не вступать в противоречие. Нравственность, считал он, идёт в разрез с требованиями противостояния, она сводит на нет борьбу живых существ. В этом смысле можно даже говорить, что нравственность «вредна» эволюционному развитию. Она «всегда вредна, и для индивида, и для рода, для всего матерьяльного, точно так же как огонь всегда вреден для сала свечи» (65: 244). Нравственность и борьба существ не могут совпадать, утверждал Толстой, и в доказательство правильности этого положения приводил в дневнике рассуждение: «Если выгодно муравью, чтобы жить в государстве муравьином, подчиняться и смиряться – быть нравственным, то по отношению к другому муравьиному государству это невыгодно, и ему надо быть безнравственным. Но если бы даже все муравьи сошлись в один муравейник, им для выгоды своей надо бы было

быть безнравственными по отношению других животных. Но мало того: если бы даже считать небезнравственной борьбу с другими существами, никогда нельзя сказать, где конец муравьям и начало других существ. То же и с человеком: где кончается человек и начинаем животное <...>. И в самом деле, зулу и Балу два разные существа. Идиоты, дети, старики, выжившие из ума, люди ли? Границы нет. И я очень благодарен за то дарвинизму. Нравственным нельзя быть относительно одного человека, нравственным необходимо быть относительно всех – нравственным быть – значит иметь любовь. Более любви, шире любовь, правильное распределение предметов любви – более нравственно, и наоборот. Стало быть, – заключал Толстой, – нравственность нельзя вывести из борьбы» (52: 14).

Если статья «Нравственность и естествознание» вызвала несогласие Толстого, то идеи статьи «Питание человека в его настоящем и будущем» он счёл справедливыми и важными для людей, старающихся жить в согласии с голосом совести. В апреле 1891 г. Толстой задумал написать предисловие к «прекрасной, нужной» книге Х. Уильямса «Этика пищи» (87: 84). Он знакомился с литературой о вегетарианстве, в т.ч. и со статьёй Бекетова, с одобрением встречал многие доводы статьи о пользе растительного питания и полностью поддерживал инициативу В.Г. Черткова о переиздании статьи в «Посреднике» (напечатана в 1893 г. в серии изданий «Посредника» для интеллигентных читателей).

В этой статье Бекетов ставил вопрос: какая пища в большей мере способствует правильной жизни и развитию человека? В поисках ответа он обращался к физиологии, к опыту питания, накопленному людьми. Приводя множество физиологических данных и фактов из повседневного бытия людей, Бекетов делал вывод о неминувности перехода человечества к питанию растительными продуктами. В исторической перспективе, утверждал Бекетов, на смену нынешним «мясоедным дикарям» придут «земледельческие хлебоядные народы». Ценность статьи Толстой видел в том, что в ней с научных позиций обосновывалось положение о неразрывной связи совершенствования рода людского с его растительным питанием. Вывод, к которому пришёл Бекетов, был созвучен мыслям Толстого о нравственной необходимости «воздержания от животной пищи», отказа от «мясоедспия», замены его беззубойным питанием, о чём Толстой писал в статье «Первая ступень» (29: 85).

Толстой не только вёл с Бекетовым идейную полемику, он взаимодействовал с ним и в деле оказания помощи голодающим крестьянам. Об активном участии Бекетова

в помощи голодающим, организованной Толстым, красноречиво говорят скупые слова «Отчёта об употреблении пожертвованных денег с января 1893 г.». В отчёте, составленном совместно П.И. Бирюковым и Толстым, значится «проф. А.Н. Бекетов», пожертвовавший 50 р. (29: 202).

М.А. Лукацкий

БЕКЕТОВ Владимир Николаевич (1809-1883) – цензор журнала «Современник» с 1 августа 1853 г.; статский советник, родственник председателя Петербургского цензурного комитета М.Н. Мусина-Пушкина. И.И. Панаев писал И.С. Тургеневу 22 сентября 1853 г.: «Присылай, если что-нибудь есть, в “Современник”, — теперь, скажу по секрету, — у меня цензор отличный, умный и благородный. Это может оживить журнал». Некрасов же уверял Толстого, слегка сетуя на цензурные вымарки в рассказе «Записки маркёра»: «Надо ещё заметить, что наш цензор — самый лучший». Через Бекетова прошли в «Современник» несколько произведений молодого Толстого: повесть «Отрочество», рассказы «Записки маркёра», «Рубка леса», «Метель», все три севастопольские рассказа, в т.ч. и «Севастополь в мае», цензурная судьба которого, уже независимо от Бекетова, стала такой печальной (см. статью «Мусин-Пушкин»). Цензуровал Бекетов и две первые книги Толстого: «Военные рассказы» и «Детство и отрочество».

Н.И. Бурнашёва

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811-1848) — критик. Мнение о Белинском Толстой выразил в письме Н.А. Некрасову 2 июля 1856 г.: «Он, что говорил, то говорил во всеуслышание, и говорил возмущённым тоном, потому что бывал возмущён <...>. Я убеждён, хладнокровно рассуждая, что он был, как человек, прелестный и, как писатель, замечательно полезный; но именно оттого, что он выступал из ряда обыкновенных людей, он породил подражателей, которые отвратительны. У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть возмущённым, жёлчным, злым очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому что человек жёлчный, злой, не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи».

В январе 1857 г. Толстой читал статьи Белинского о Пушкине и отметил в дневнике 2 января: «Утром читал Белинского, и он начинает мне нравиться», и 4 января: «Статья о Пушкине — чудо. Я только теперь

понял Пушкина». В 1898 г. по просьбе В.Е. Якушкина Толстой дал в книгу «Памяти В.Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов» (1899) своё окончание легенды Костомарова, напечатанное под заглавием «Окончание малороссийской легенды “Сорок лет”, изданной Костомаровым в 1881 г.».

Говоря о задачах современной литературной критики, Толстой не раз обращался к эпохе Белинского, к его имени, в чём-то даже совпадало их видение этих задач. Но в критике той поры писатель не обнаруживал мысли «настоящей» — «всё самообман». «Все эти Грановские, Белинские, Чернышевские, Добролюбовы, произведённые в великие люди, должны благодарить правительство и цензуру, без которых они бы были самыми незаметными фельетонистами. Может быть, в них, в Белинском, Грановском и было что-нибудь настоящее, но они всё в себе задушили тем, что воображали, что им надо служить обществу в формах общественной жизни, а не служить Богу исповеданием истины и проповеданием её без всякой заботы об формах общественной жизни» (53: 90-91).

С этих позиций Толстой противопоставлял Белинского и Гоголя. В дневнике 8 марта 1902 г. он писал: «Белинский без религии – из нижнего этажа. Гоголь религиозный — из верхнего». 7 марта 1909 г., перечитав письмо Белинского к Гоголю, Толстой записал в дневнике: «Много думал о Гоголе и Белинском. Очень интересное сопоставление. Как Гоголь прав в своём безобразии, и как Белинский кругом неправ в своём блеске, с своим презрительным упоминанием о каком-то Боге. Гоголь ищет Бога в церковной вере, там, где он извращён, но ищет всё-таки Бога, Белинский же, благодаря вере в науку, столь же, если не более нелепую, чем церковная вера (стоит вспомнить Гегеля с его “alles, was ist, ist vernünftig”), и несомненно ещё более вредную, не нуждается ни в каком Боге. Какая тема для нужной статьи!» (57: 36-37). Статья не была написана.

И. А. Трифаженкова

БЕЛИНЬКИЙ Самуил Моисеевич (1877-1966) – переписчик на ремингтоне рукописей и писем Толстого. Происходил из бедной провинциальной еврейской семьи, нелёгкой ценой далось среднее обра –

64

зование; в 1904 г. солдатом чуть не погиб в Русско-японской войне. Друг В.А. Молочникова. В 1909 – 1910 гг. жил у Чертковых в Телятинках. Через В.Г. Черткова познакомился с Толстым; разделял его религиозные взгляды. «Белинский, который чёрненький», как называл его внук

Толстого, 7-летний Илюшок...» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970. С. 269). Перед Толстым Белинский преклонялся. Писатель был доволен его работой, благодарил Черткова «особенно за Булгакова и Белинского. Оба работают, и так хорошо. Мне кажется, да я и вполне уверен, писал он Черткову, что мне ничего не нужно, а кончается тем, что два таких работника не переставая работают и всё не успевают. А всё оттого, что приписывают мне не свойственное мне значение...» (89: 174). Толстой иногда испытывал чувство неловкости за то, что затрудняет Белинского многократной перепиской своих сочинений, на что тот очень непосредственно отвечал: «Хоть до самой смерти можете писать, Лев Николаевич, и исправлять, — я всё буду переписывать» (Булгаков. С. 201). Однажды, сетуя на своё нетерпение в ожидании почты, Толстой заметил, что «над этим нужно работать». В ответ В.Ф. Булгаков рассказал, как себя воспитывает Белинский: «А Белинский, Лев Николаевич, чтобы отучить себя от такого нетерпения, делает так: получивши письмо, оставляет его лежать нераспечатанным до следующего дня и только на следующий день распечатывает». Толстой воскликнул: «Прекрасно, прекрасно поступает! Как в нём идёт духовная работа!.. Удивительный народ эти евреи!» (там же. С. 331). В доме Толстых к Белинскому относились «тепло и радушно»; В.Ф. Булгаков приписывал это не только «благородству жены и детей Толстого, но прежде всего благородству, непритязательности и уму самого Самуила Моисеевича <...>. Белинский был по складу своего ума мудрецом, философом. Спокойный, уравновешенный, глубокий, видимо, совершенно не обращавший внимания на впечатление, которое он производит на других, он заметно выделялся среди молодых людей, находившихся вблизи Толстого. Казалось, они ещё не нашли своё место в жизни, а он уже нашёл. <...> Лев Николаевич тоже, как и все, считал Белинского умным, своеобразным, правдивым человеком и не без интереса наблюдал за ним. <...>

У Чертковых Белинский держался корректно, их слабости понимал, но терпел и не осуждал. С утра до вечера он добросовестно, до одурения, всё писал на машинке. Жаль было его ума, пропадавшего на такой незавидной работе, — жаль другим но, казалось, только не ему самому. У него была какая-то иная, собственная мера вещей» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. С. 270-271). Воспоминания Белинского «О Льве Николаевиче (штрихи)», за подписью Б., напечатал журнал «Вегетарианское обозрение» (1910, № 6 - 8 и 9 - 10).

П. И. Буриашёва

БЕЛЫЙ Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880 - 1934) – писатель, пол, философ. Родился в Москве, в семье математика, профессора

Московского университета П.В. Бугаева. Автор поэтической трилогии «Золото в лазури», «Пепел», «Урна», романа «Петербург».

Толстой был знаком с семьёй профессора Бугаева, бывал в его доме. Борис Бугаев учился в гимназии Поливанова вместе с сыном Толстого Михаилом и не раз посещал дом в Хамовниках.

Однако поэзию Белого Толстой не принимал, как и всякую декадентскую поэзию. Познакомившись в 1909 г. в журнале «Русская мысль» с некоторыми декадентскими сочинениями, в т.ч. и стихами Белого, он говорил: «Я бы желал видеть такого человека и спросить, что они хотят сказать. Я прочёл январский номер <1909 г.> “Русской мысли”. Это бред сумасшедших. Я никакого общения не имею с этими людьми. Я хотел бы спросить, что они хотят сделать». Столь же нелестной была реакция Толстого на книгу пародий.

5 февраля 1910 г. Д.П. Маковицкий записал: «Михаил Сергеевич <Сухотин. - С.Х.> посмотрел и показал Л.Н. “Кривое зеркало”. Л.Н. прочёл некоторые пародии на современных писателей (которых Л.Н. не признаёт за серьёзных людей, -- например, Бальмонта, Андрея Белого, псевдо-Сологуба Фёдора и прочих) и смеялся. Некоторые пародии прочёл вслух». Белый – автор воспоминаний и нескольких статей о Толстом, написанных уже после смерти писателя.

С.А. Хомяков

БЕЛЯЕВ Александр Петрович (1803-1887) – мичман Гвардейского экипажа, участник зарубежного плавания фрегата «Проворный». По словам Д.И. Завалишина, братья Беляевы и подобные им составляли «лучшую надежду русского флота». Беляев не был членом тайного декабристского общества, но под влиянием сослуживцев принял участие в восстании декабристов. По мнению Следственной комиссии, «знал об умысле на цареубийство и лично действовал

65

в мятеже с возбуждением нижних чинов»; как «преступник IV разряда» приговорён Верховным уголовным судом к «ссылке в каторжную работу на пятнадцать лет и потом на поселение». В 1840 г. переведён рядовым на Кавказ и, дослужившись до чина подпоручика, в 1846 г. ушёл в отставку.

Беляев как один из немногих читателей своего поколения смог оценить своеобразие психологизма Толстого и отмечал «глубокие анализы человеческого сердца, которые поразительно встречаются» в «Войне и мире» (Цявловский М.А. Письма декабристов П.Н. Свистунова и А.П. Беляева к Л.Н. Толстому // Тайные общества в России в начале

XIX столетия. М., 1925. С. 206). Личное его знакомство с Толстым произошло в феврале 1878 г., когда писатель работал над романом «Декабристы». В записных книжках и в письме к С.А. Толстой 5 марта 1878 г. Толстой упоминал о своих встречах с ним, во время которых декабрист делился с писателем воспоминаниями. Беляев писал Толстому: «Очень желал бы я и был бы счастлив, если б мои правдивые сказания, хотя и не красно изложенные, хотя бы частицу вложили в тот склад, который вы, конечно, уже собрали об этом времени. Вся читающая, чувствующая и мыслящая Россия с нетерпением ждёт вашего волшебного рассказа» (там же. С. 205). Под влиянием этого общения Беляев создал воспоминания, отметив, что побуждением к работе над ними он «обязан Толстому». Толстой читал воспоминания в рукописи и делал замечания автору, о чём тот упоминал: «...согласно с указаниями гр. Л.Н. Толстого я сделал необходимые прибавления того, что мною было упущено. Он же и поощрил меня к изданию этих воспоминаний» (Русская старина. 1880. № 9. С. 2-3). Толстой перечитывал отдельное издание «Воспоминаний декабриста о пережитом и пережитом» (1882), когда вернулся к декабристской теме в 1900-е гг.

В.А. Жаров, М.В. Строганов

БЕЛЯЕВ Юрий Дмитриевич (1876—1917) – драматург, театральный критик, журналист, беллетрист. С начала 1890-х гг. в журналах «Живописное обозрение», «Север» стали выходить его рассказы, историко-театральные эссе. На рубеже 1890 - 1900-х гг. – сотрудник журнала «Театр и искусство», один из ведущих критиков газеты «Петербургский дневник театра». С начала 1900-х гг. – сотрудник газеты «Новое время», «ученик» А.С. Суворина, один из «самых ярких» рецензентов.

С Толстым познакомился, приехав в Ясную Поляну в апреле 1903 г.: они обсуждали пьесу М. Горького «На дне», тему «босючества». В «Новом времени» (№ 9746 от 24 апреля 1903 г.) был опубликован фельетон Беляева «В Ясной Поляне».

Второй раз Беляев побывал у Толстого 6 июня 1906 г.: говорили о земельном вопросе, о Гос. думе, к которой писатель относился отрицательно. И на этот раз по возвращении от Толстого Беляев написал фельетон о своём пребывании в Ясной Поляне (Беляев Ю.Д. У гр. Л.Н. Толстого // Новое время. 1906, 16 июня).

В обоих случаях журналист, прежде чем печатать, посылал в Ясную Поляну гранки своих статей, чтобы Толстой мог внести все необходимые поправки и уточнения. 12 июня 1906 г. Толстой писал Беляеву: «Возвращаю вам, любезный Юрий Дмитриевич, корректуры вашего очень хорошо составленного фельетона. Извините, что я позволил себе

некоторые изменения и исключения...» (76: 160). На следующий день Беляеву было отправлено ещё одно письмо, где Толстой просил «выкинуть» некоторые имена, «а ещё в конце после слова ”отвратительно” сказать так: отвратительно по грубости, неправдивости выставляемых мотивов, ужасающей самоуверенности, а главное, озлобленности» (76: 161). Правку Толстого Беляев внёс в свой фельетон.

С.В. Чаругина

БЕРАНЖЕ Пьер Жан (1780-1857) – французский поэт XIX в. С его сочинениями Толстой был хорошо знаком, читал их на языке оригинала. В дневниковой записи 24 июня 1854 г. он упоминал Беранже: «После обеда у генерала читал Беранже».

В черновиках «Детства» Толстой цитировал песни Беранже. В Главе 20. «Собираются гости» есть строки: «Когда проходила мимо нас Валахина с дочерью и спросила, где бабушка, поправляя рукой буклю волос, которая не хотела держаться на настоящем месте, а падала на лоб Сонечке, я не мог, несмотря на то, что был занят одной мыслью – видеть поскорей Петрушу, — не полюбоваться этой девочкой. Она, по моим догадкам, должна была быть со мною одних лет и одного роста; но —

Bon Dieu, combien elle est jolie,
Et moi je suis, je suis si laid.
<Боже мой, как она красива,
а я, я так дурён. - *фр.*>.

Я привожу эти два стиха из песни Беранже, потому что, при первом взгляде

66

на неё, мне пришло в голову именно это грустное сравнение» [1 (19): 91]. Эту цитату из стихотворения «Que elle est jolie» («Как она красива») Толстой хотел сделать во второй редакции эпиграфом к одной из глав. Работая над окончательной редакцией текста, писатель использовал в качестве эпиграфа строки Беранже из стихотворения «Блуждающие огни»:

Oh, vendez moi mon ignorance!
Follets, dansez, dansez, dansez.
<О, верните мне моё неведение!
Блуждающие огни, танцуйте, танцуйте, танцуйте> [1 (19): 233].

В письме к Н.А. Некрасову 25 ноября 1857 г. Толстой замечал: «Посылаю ещё вам стихотворение Беранже, посмертное, переведённое Фетом. И перевод хорош, а само стихотворение по мне прелестно. Оно пропущено в французских журналах, <может> быть, пройдёт и по-русски». Речь идёт о стихотворении Беранже «О Франция! мой час настал, я умираю...» («Последняя песня»), которое любил Толстой. Стихотворение было напечатано в № 1 «Современника» за 1858 г. Толстой внимательно прочёл его и в письме Некрасову 21 января 1858 г. сделал ряд замечаний: «В стихотворенье Фета две ужасные опечатки: “О защитите”, вместо “защити же”, и “с улыбкой”, вместо “с усильем”».

Через несколько лет в письме А.А. Фету 28-29 апреля 1876 г. Толстой цитировал строчки Беранже: «Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней. Посмотрим, кто прежде. Но мне вдруг из разных незаметных данных ясна стала ваша глубоко родственная мне натура-душа (особенно по отношению к смерти), что я вдруг оценил наши отношения и стал гораздо больше, чем прежде, дорожить ими. А впрочем –

Mourir vient de soi-même.
N'en ayons point souci.
Bien vivre est le problème
Qu'il faut résoudre ici».

Эти стихи Беранже Толстой занёс в записную книжку ещё 21 октября 1858 г., и там же неизвестной рукой был вписан перевод:

Смерть придёт сама.
Это не наша забота.
Хорошо прожить – вот задача,
Которую надо здесь решить.

Ю.Ю. Поринец

БЕРГ Николай Васильевич (1823-1884) – писатель, поэт, журналист, историк, переводчик, художник. В молодости был близок к редакции журнала «Москвитянин». Некоторое время преподавал в московском Училище живописи и ваяния. Участник Крымской кампании 1853-1856 гг. (переводчик при штабе главнокомандующего); 4 августа 1855 г. участвовал в сражении на речке Чёрной. Письма Берга из Кишинёва и Севастополя к историку М.П. Погодину печатались в «Москвитянине» (1855 г.); в дальнейшем были изданы в переработанном виде в книге «Записки об осаде Севастополя» (т. 1–2. М., 1858) с прило-

жением «Севастопольского альбома», составленного из рисунков автора. После войны написал ещё несколько сочинений о Севастопольской обороне, ездил в Италию и сочувственно писал о гарибальдийском движении. В 1863 г. корреспондентом от газеты «СПб. ведомости» был в восставшей Польше, в российской печати публиковал статьи о Польском восстании. В Польше женился и поселился в Варшаве. В 1864—1869 гг. исследовал и написал историю восстания; его большой труд «Записки о польских заговорах и восстаниях» в России напечатан в 1870-е гг. с цензурными изъятиями (полностью были изданы за границей в середине 1880-х гг. и запрещены к ввозу в Россию). В 1874—1879 гг. Берг был редактором официальной правительственной газеты «Варшавский дневник». Широкую литературную известность получили его переводы: Берг переводил с нескольких языков и ещё в 1840-е гг. увлёкся переводами из славянской поэзии, впервые познакомив с ней русских читателей. Как писал С.А. Венгеров, в 1880-е гг. Берг был автором не менее трёх четвертей всех переводов из славянской поэзии на русский язык. Особенно его интересовали народные песни: в 1854 г. в Москве он издал сборник «Песни разных народов».

Толстой был знаком с некоторыми произведениями Берга: в дневнике 29 августа 1856 г. отмечено, что «читал Берга» -- имелась в виду статья «Из крымских заметок. Поездки в Симферополь, Карасубазар, Феодосию и потом в Байдары, Балаклаву, Севастополь и Камыш. Черты из жизни наших бывших неприятелей в их лагерях и городах на русской земле». Познакомился Толстой с Бергом и лично: трудно сказать, было ли это ещё старое севастопольское знакомство или более поздняя встреча, но в 1876 г. Берг из Варшавы прислал Толстому несколько номеров газеты «Варшавский дневник» с переведёнными и впервые опубликованными на польском языке его сочи –

67

нениями. В ответном письме Толстой писал: «Выбор, сделанный Вами для перевода на польский язык моих писаний, мне очень лестен, и я очень благодарен Вам за любезную присылку мне номеров “Варшавского дневника”. Всё надеюсь когда-нибудь опять столкнуться с Вами у нашей общей приятельницы Перфильевой и так же, как и тот раз, приятно побеседовать» (62: 270-271).

Н.И Бурнашёва

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874-1948) – религиозный философ, публицист, общественный деятель. В 1922 г. в числе других учёных был выслан из России.

Первое знакомство Толстого с творчеством Бердяева пришлось на 1905 г. Внимание его привлекла статья Бердяева «К. Леонтьев — философ реакционной романтики», опубликованная в 1905 г. в № 7 ежемесячного литературно-общественного журнала «Вопросы жизни», издававшегося в С.-Петербурге (журнал сохранился в яснополянской библиотеке). В этой статье Бердяев, называя Леонтьева «одним из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе», «странным, одиноким писателем, полным противоречий и пугающих крайностей», доказывал, что тот был выразителем «реакционерства», мыслителем, «во многом предвосхитившим Ницше». Критически относясь к воззрениям отечественного философа, Бердяев писал: «Для Леонтьева христианство не есть религия любви и радостной вести, а мрачная религия страха и насилия. Больше всего он дорожил в христианстве пессимистическими предсказаниями о будущем земли, о невозможности на ней Царства Божьего. Как это ни странно, но христианина Леонтьева притягивало более всего к себе учение о зле, о безбожном и антихристианском начале, заключённое в религии Христа. И Леонтьева я решаюсь назвать сатанистом, надевшим на себя христианское обличие». Острополюемическая статья Бердяева 22 июля была прочитана вслух Ф.А. Страховым, гостившим в Ясной Поляне. В ходе последовавшего затем обсуждения выяснилось, что Толстой и Бердяев существенно расходятся в своих оценках идейного наследия Леонтьева. «Леонтьев стоял головой выше всех русских философов», -- записал Д.П. Маковицкий слова Толстого (*ЯПЗ*. 1. С. 352).

В конце марта 1909 г. на книжных прилавках появился «Сборник статей о русской интеллигенции» под названием «Вехи», в который входила и статья Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда». Толстой из газеты узнал о готовящемся выпуске сборника, в котором видные отечественные мыслители и писатели изложили своё понимание того, как должна вести себя интеллигенция, всерьёз заинтересованная «улучшением жизни людей» (38: 285). В газетной заметке сообщалось, что в статьях сборника раскрывается новое видение задач, стоящих перед интеллигенцией, проводится мысль о необходимости отказа интеллигенции от действий, направленных «на изменение внешних форм жизни», обосновывается положение о единственном разумном для интеллигенции способе участия в совершенствовании социального бытия — «внутренней нравственной работе людей над самими собой» (38:286). Именно это газетное сообщение вызвало интерес Толстого к сборнику «Вехи».

«Вехи» он прочитал внимательно, о чём говорят многочисленные пометы в тексте сборника, сохранившегося в яснополянской библиотеке. Но чтение это только «раздосадовало» Толстого: он не нашёл того, что «искал и ожидал найти», -- ответа на вопрос: какой должна быть

внутренняя работа, способная улучшить жизнь людей. Толстой не нашёл в сборнике «указаний людей, называющих себя интеллигенцией и в руках которых находятся судьбы России, на то, в чём должна состоять та внутренняя работа, которая должна заменить те внешние формы, которые, судя по предисловию, как будто бы отрицались составителями сборника» (38: 287).

В статье Бердяева Толстой увидел лишь «подобие ответов, <...> выраженных тем же запутанным и неясным жаргоном, которым написаны все статьи» сборника. В подтверждение того, что статья Бердяева — это видимость ответов, изложенных непонятным для многих читателей языком, Толстой в работе «О “Вехах” (1909) приводит цитату из последнего абзаца статьи Бердяева: «...сейчас мы духовно нуждаемся в признании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовности на отречение во имя её. Это внесло бы освежающую струю в наше культурное творчество. Ведь философия есть орган самосознания человеческого духа и орган не индивидуальный, а сверхиндивидуальный и соборный. Но эта сверхиндивидуальность и соборность философского сознания осуществляется лишь на почве традиции универсальной и национальной. Укрепление такой традиции должно способствовать культурному возрождению России» (там же).

Резкость суждений о статье Бердяева связана не только с тем, что Толстого не удовлетворил её язык, о котором он гово-

68

рил: «Читал “Вехи”. Удивительный язык. Надо самому бояться этого. Нерусские, выдуманные слова, означающие подразумеваемые новые оттенки мысли, неясные, искусственные, условные и ненужные. Могут быть нужны эти слова только, когда речь идёт о ненужном» (57: 52). Толстой был не согласен в главном. По мысли Бердяева русскую интеллигенцию постигло «несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общему добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». Потому, считал Бердяев, интеллигенция «корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья». Толстому же, верившему, что истина («правда» по его терминологии) «сама по себе не есть добродетель», а только «необходимое условие всего доброго» (42: 343), сама попытка отыскания истины социального устройства в отрыве от устремлённости к другому человеку, от реального делания добра, представлялась ложной.

Толстой полагал, что истина гармоничного общественного бытия открывается только тем, кто находится в единстве друг с другом. В противном случае познать можно только разъединение. А так как объединяет людей Добро, то постижение истины бесконфликтной совместной жизни с необходимостью подчинено ему. Понимание красоты человеческих отношений Толстой также ставил в зависимость от Добра. Бердяев не разделял такую точку зрения. В статье «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» (1912) он писал: «Л. Толстой – гонитель красоты во имя добра. Он утверждает исключительное преобладание добра не только над красотой, но и над истиной. Во имя исключительного добра он отрицает не только эстетику, но и метафизику и мистику как пути познания истины... Никогда ещё морализм не был доведён до таких крайних пределов, как у Толстого» (Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*: В 2 т. - М., 1994. Т. 2. С. 481). В творчестве Толстого Бердяев помимо морализма находил избыточный рационализм, превращающий его воззрения в «религию в пределах разума», «отвергающую всякую мистику, всякое таинство, всякое чудо как противное разуму, как безумие» (там же. С. 479).

Бердяев был хорошо знаком с литературными и религиозно-философскими произведениями Толстого, о чём говорят многочисленные ссылки в его трудах на взгляды Толстого. Идеологические расхождения с Толстым по ряду кардинальных мировоззренческих позиций не повлияли на высокую оценку Бердяевым вклада Толстого в мировую культуру. Говоря о значимости наследия Толстого для отечественной культуры, Бердяев констатировал, что «без Л. Толстого Россия немыслима. <...> Мы любим Льва Толстого, как родину. Наши деды, наша земля в “Войне и мире”. Он – наше богатство, наша роскошь, он, не любивший богатства и роскоши. Жизнь Л. Толстого – гениальный факт в жизни России. А всё гениальное – провиденциально» (там же. С. 483).

М. А. Лукацкий

БЕРКЕНГЕЙМ Григорий Моисеевич (1872-1919) – московский врач-терапевт, в 1903-1904 гг. живший несколько месяцев в Ясной Поляне в качестве домашнего врача; корреспондент и адресат Толстого.

Родился в зажиточной купеческой семье; окончил медицинский факультет Московского университета. С 1897 г. работал врачом на фабрике, потом в детской больнице Святой Ольги в Москве. В 1901 г. его пригласили в качестве домашнего врача в имение Сухотиных Кочеты, в семью дочери Толстого, Татьяны Львовны. Здесь Беркенгейм пробыл недолго, так как Сухотины уехали к тяжело больному Толстому в Крым.

Через год он как врач сопровождал семью Сухотиных в их поездке за границу, где мужу Татьяны Львовны предстояла тяжёлая операция.

Беркенгейм познакомился с Толстым в ноябре 1902 г., когда впервые приехал в Ясную Поляну, чтобы рассказать о здоровье Сухотиных, которые ещё оставались за границей. «...Приласкайте его, -- писала из Рима Татьяна Львовна родителям, -- он очень милый человек и нам выказал так много сердечного участия, что мы его никогда не забудем» (цит. по: Неман. 1987. № 8. С. 150). Через год Беркенгейм снова приехал в Ясную Поляну, теперь уже в качестве домашнего врача Толстых. Он сменил доктора Д.В. Никитина, своего товарища по Московскому университету, который, уезжая на несколько месяцев за границу для усовершенствования, рекомендовал его Толстым. «Григория Моисеевича *gagne à être connu*» <чем больше узнаёшь, тем больше ценишь. – *фр.*> (90: 329), -- писал Толстой младшей дочери Александре Львовне. Поселившись в Ясной Поляне, Беркенгейм следил за здоровьем Толстого и членов его семьи, принимал больных крестьян в яснополянской амбулатории, а также помогал как секретарь. Он разбирал почту, приходившую на имя писателя, по

69

его просьбе отвечал на некоторые письма и телеграммы, вечером, когда собиралась вся семья, читал вслух.

В феврале 1904 г. вернулся доктор Никитин и Беркенгейм уехал из Ясной Поляны, но его связь с семьёй Толстых не прервалась. Он был частым гостем толстовского дома, где ему все были рады. Яснополянские обитатели видели в Беркенгейме «опытного врача, умного, милого человека, хорошо знающего и понимающего семейные отношения в доме Толстых» (Булгаков. С. 391). Живя в Москве, доктор выполнял самые разные просьбы Толстых: проводил и организовывал медицинские консультации в Москве, договаривался с коллегами-врачами об их поездках в Ясную Поляну и т.д. Помогал он Толстому и в его писательском труде. Так, в 1906 г., ценя ум и эрудицию Беркенгейма, Толстой просил его помочь собрать материалы, нужные писателю для романа о декабристах. Изучив фонды Исторического музея и крупных библиотек Москвы, Беркенгейм составил для Толстого огромный библиографический список из 150 названий книг и документов об эпохе, интересующей писателя. В ответ Толстой написал: «Очень вам благодарен, милый Григорий Моисеевич, за ваш большой и мне очень нужный и для меня полезный и приятный труд» (76: 88).

В трагические дни последней болезни Толстого Беркенгейм вместе с другими врачами был у постели умирающего писателя.

5 ноября 1910 г. он приехал в Астапово, привёз кислород, лекарства, необходимые предметы для ухода за больным. Под медицинскими бюллетенями о ходе болезни и смерти Толстого стоит и подпись Беркенгейма.

Беркенгейм оставил интересные воспоминания о Толстом. Они вносят новые черты в традиционно сложившийся образ писателя – пациента, который не любил лечиться, не хотел принимать лекарства, не соглашался делать уколы. Доктор писал: «Как это ни парадоксально, Лев Николаевич любил лечиться, и это была одна из привычек, привитых ему с детства... Он исследовал часто свой пульс, мерил температуру, рассматривал язык и т.п. Больше всего Лев Николаевич не любил сложных средств из аптеки; охотно применял он всякое растирание, массаж, клизмы, диетические средства, вроде мёда, горького миндаля, черники; были и лекарства, получившие право гражданства, как, например, висмут, жжёная магнезия, разнообразные минеральные воды и т.п., — временами охотно пил кефир и кумыс. Излюбленные же средства были такие, “какие может применять всякая Матрёна”, — как он говорил» (Беркенгейм Гр. Из воспоминаний о Л.Н. Толстом и его последних днях // Русские ведомости. 1911. № 256).

Лит.: Свадковский Б.С. Домашние врачи Л.Н. Толстого // Неман. 1987. № 8. С. 145-157.

А.К. Ломунова

БЕРС Александр Андреевич (1845—1918) — шурин Толстого, брат его жены Софьи Андреевны. Разница в возрасте между братом и сестрой была всего год: «Саша, Таня и я составляли одно дружеское, весёлое и занятое своим особым миром целое... дружба наша осталась на всю последующую жизнь» (Толстая С.А. Моя жизнь // *ОР ГМТ*). Александр Берс был шафером на свадьбе Л.Н. и С.А. Толстых и крёстным отцом их младшего сына Ванечки.

А.А. Берс воспитывался в Московском кадетском корпусе, по окончании которого в 1865 г. был прикомандирован к лейб-гвардии Преображенскому полку. По этому поводу Толстой писал тестю Андрею Евстафьевичу Берсу 3-4 ноября 1965 г.: «Теперь очень интересно, как он <А.А. Берс. - С.Н.> в первое время себя устроит и поставит. Меня бы на его месте в его года выгнали бы из полка через две недели, но он славный малый, я его очень люблю и за то, что он брат моей жены, и за то, что он такой, какой он есть — совершенно другого нравственного склада, чем я» (61: 111).

В феврале 1866 г. Толстой писал А.А. Берсу: «...всё, что я о тебе слышу, радует меня... у тебя и сердце и ум (*esprit de conduite*), который тебе лучше меня покажет, где хорошее и дурное» (61: 131-132).

В начале 1870-х гг., работая над романом времён Петра I, Толстой обращался к А.А. Берсу с запросом о военной форме Петровской эпохи и получил от него подробный ответ.

С.А. Толстая в письме к Татьяне Андреевне Кузминской 10 декабря 1874 г. писала: «Левочка всегда о нём (*Саше*) говорит: “вот милый малый и честный, лучше из всех”. Он да Стёпа — это Левочкины фавориты из братьев» (Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. 1862-1910. М.-Л., 1936. С. 39).

В 1872-1882 гг. А.А. Берс служил в Закавказье. Участник Турецкой кампании, затем градоначальник г. Батума. В 1882 г. после серьёзного ранения, полученного при катастрофе на Николаевской железной дороге, оставил военную службу в ранге подполковника. 12 ноября 1882 г. за выслугу лет произведён в коллежские советники и назначен орловским вице-губернатором.

70

Позднее член совета Московского Земельного банка.

Александр Берс был женат дважды. Первой его женой была кн. Патти (Матрона) Дмитриевна Эристова; у них родилось двое сыновей: Андрей (1878-ок. 1939) и Александр (1883-1907). В 1887 г. женился вторично на Анне Александровне Митрофановой. От этого брака были три дочери: Анна (1891-?), Анастасия (1894-?) и Антонина (1898-?).

А.А. Берс интересовался историей своего рода. В 1911 г. составил «Записку о родословной и происхождении фамилии Берс».

С.Д. Новикова

БЕРС Андрей Евстафьевич (1808-1868) — отец С.А. Толстой, жены Толстого; сын аптекаря, врач Московской дворцовой конторы.

По окончании университета в 1827 г. Берс с семьёй родителей И.С. Тургенева в качестве домашнего врача отправился в Париж. У Варвары Петровны Тургеневой от него родилась дочь (сводная сестра Тургенева). Вернувшись в Россию, Берс поступил на службу в сенат. Поднимаясь по карьерной лестнице, к 1864 г. дослужился до действительного статского советника. Кавалер двух орденов. В 1844 г. восстановил дворянство. В 1849 г. Берсу было пожаловано придворное звание гоф-медика. Он состоял и сверхштатным врачом московских театров.

«Отец мой был хороший хозяин, — писала Т.А. Кузминская (рожд. Берс). — Он был человек очень цельный, прямодушный, энергичный, горячий сердцем и очень вспыльчивый. <...> Благодаря его общительности нас очень многие знали во всех слоях общества Москвы» (Кузминская. Ч. I. Гл. VI). Среди знакомых Берса были князь С.М. Голицын, профессор Московского университета Н.Б. Анке, первая скрипка Большого театра А.М. Купфершмидт, И.С. Тургенев, А.А. Фет...

А.Е. Берс

С Толстым связывали Берса дружеские отношения (особенно после женитьбы писателя на средней дочери Берса), о чём свидетельствует их переписка. В октябре 1865 г. Толстой писал Берсу: «Кроме многих радостей жизни, которыми я пользуюсь, есть ещё большая радость следить за расположением и улучшением растений и животных моих. Я уверен, что ты бы принял участие в этом» (61: 109). Страстный любитель охоты, Берс охотился вместе с Толстым в Ясной Поляне.

Высоко ценивший литературный дар Толстого, Берс помогал ему в сборе материалов для книги «Война и мир». 5 сентября 1863 г. он писал зятю: «Вчера вечером мы много говорили о 1812 годе по случаю намерения твоего написать роман, относящийся к этой эпохе». Через Перфильевых Берс достал «письма Марии Аполлоновны Волковой, писанные в 1812 году к её матери Ланской» (Кузминская. Ч. II. Гл. XIV), послужившие документальной основой для переписки княжны Марьи с Жюли Карагиной.

С 1842 г. Берс женат на Л.А. Иславиной. В их семье было 8 детей (ещё 5 умерли в детстве).

В 1904 г. Софья Андреевна писала: «Когда я на днях перечитывала письма моего отца ко мне и ко Льву Николаевичу, меня поразила эта его глубокая нежность к нам, эта радость за наше счастье, эта готовность во всём помочь нам, как-нибудь нам услужить, несмотря на постоянное недомогание и большое количество дела и больных. Что-то было такое широкое, великодушное и щедрое в его натуре и характере» (Толстая С. А. Моя жизнь // ОР ГИМТ).

В последние годы своей жизни Толстой, вспоминая Берса, говорил, что «это был чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек» и «большой ловелас» (47: 505).

С.Д. Новикова

БЕРС Елизавета Андреевна (1843-1919) — свояченица Толстого, старшая сестра его жены С.А. Толстой. «Старшая сестра Лиза была серьёзного, необщительного характера. Я, как сейчас, вижу её сидящей на диване, поджавши ноги, с книгой в руках, с сосредоточенным выражением лица», - вспоминала о ней её младшая сестра Татьяна (*Кузминская*. Ч. I. Гл. VII). В 1860 г. Е.А. Берс сдала экзамен на звание домашней учительницы при Московском университете.

В начале 1860-х гг. Толстой часто бывал в семье Берсов. «Лев Николаевич ни на кого из нас не обращал исключительного внимания и ко всем относился равно. С Лизой он говорил о литературе, даже привлёк её к своему журналу “Ясная Поляна”», — рассказывала Т.А. Кузминская (Ч. I.

71

Гл. XIII). По поручению Толстого Лиза написала два исторических очерка. Очерки «О Магомете», с кратким предисловием писателя, и «О Лютере» опубликованы в книжках «Ясной Поляны» за 1862 г. (июль и сентябрь). Частые визиты Толстого и зародившиеся в свете сплетни позволили Лизе Берс надеяться на замужество. Кузминская писала: «Казалось, что её разбудили от продолжительного сна, что ей внушили, навеяли эту любовь и что она любила не самого Льва Николаевича, а любила свою 18-летнюю любовь к нему» (там же). В дневниках Толстого есть несколько записей о Лизе Берс: 6 мая 1861 г. — «день у Берсов приятный, но на Лизе не смею жениться»; 22 сентября 1861 г. — «Лиза Берс искушает меня; но это не будет. Один расчёт недостаточен, а чувств нет»; 8 сентября 1862 г. — «Лиза как будто спокойно владеет мной! Боже мой! как бы она была красиво несчастлива, ежели бы была моей женой...»; 10 сентября 1862 г. — «Лизу я начинаю ненавидеть вместе с жалостью...»

Сёстры Берс

16 сентября 1862 г. Толстой передал С.А. Толстой письмо-предложение. В нём он упоминал и Лизу: «Ложный взгляд вашего семейства на меня состоит в том, как мне кажется, что я влюблён в вашу сестру Лизу. Это несправедливо». Спустя годы, С.А. Толстая рассказывала: «Через несколько минут весь дом знал о случившемся, меня стали поздравлять; но горе Лизы тяжёлым гнётом легло на наше счастье, и совестно было быть радостными, когда бледная, мрачная фигура сестры Лизы была и день и ночь передо мной. Отец тоже был сердит, что выходит замуж не старшая, а вторая дочь, тем более что он знал о любви Лизы, и не давал денег на приданое. Моя мать уже послала Лизу уговорить отца дать хоть сколько-нибудь денег, чтоб сшить необходимое» (Толстая С.А. *Моя жизнь // ОР ГИМЛ*). На следующий день, 17 сентября, Толстой записал в дневнике: «Лиза жалка и тяжела, она должна бы меня ненавидеть... Целует».

Е.А. Берс сумела найти в себе силы достойно вынести этот удар судьбы и сохранить хорошие отношения с сестрой и её мужем. Позднее она оказывала помощь Толстому в его работе над «Войной и миром». Образованная и начитанная, она прислала ему список книг с довольно полным и детальным подбором изданий по истории 1812 года.

Лизу Берс можно в некоторой мере считать прототипом Веры Ростовской в «Войне и мире». Об этом говорит и сходство характеров («умна логично, много знает и читала, любит судить и удивляется, что её умное не выходит умным. Никого не любит, но расчувствоваться умеет при всяком случае»), и то, что в черновиках романа Толстой несколько раз называл свою героиню Лизой, зачёркивал это имя и писал «Вера».

Е.А. Берс изучала экономические науки. Автор работ: «О причинах разорения земледельческой России» (СПб., 1899); «Вопросы нашего времени» (СПб., 1902); «Курс на русский рубль» (Петроград, 1914). Первым браком была замужем за флигель-адъютантом Г.Е. Павленковым (ум. в 1892 г.). Затем вышла замуж за своего двоюродного брата Александра Александровича Берса.

БЕРС Любовь Александровна (1826-1886) — тёща Толстого, мать его жены С.А. Толстой; дочь Александра Михайловича Исленьева и кн. Софьи Петровны Козловской, рожд. гр. Завадовской. Так как этот брак был незаконный, Любовь Александровна носила фамилию Иславина. Имение А.М. Исленьева Красное находилось недалеко от Ясной Поляны. Семьи дружили, часто «езжали друг к другу по праздникам и оставались гостить по неделям» (*Кузминская*. Ч. 1. Гл. IV). Любочка Иславина была подругой детства Толстого. Её сын, С.А. Берс, писал: «Моя покойная матушка рассказывала мне, что, описывая свою первую любовь в произведении “Детство”, он <Толстой> умолчал о том, как из ревности столкнул с балкона предмет своей любви, которая и была моя матушка девяти лет от роду. Он сделал это за то, что она разговаривала не с ним, а с другим. Впоследствии она, смеясь, говорила ему: “Видно, ты меня для того в детстве столкнул с террасы, чтобы потом жениться на моей дочери”» (Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом. Смоленск, 1894. С. 6). Некоторые черты Любочки Иславиной, так же как и её имя, отразились в облике Любочки Иртеньевой из трилогии Толстого.

В 1842 г. она вышла замуж за А.Е. Берса, вылечившего её от серьёзной болезни зимой 1841 г. Вся семья Любы была против этого неравного брака, как

72

по положению, так и по годам. Жене было 16 лет, а её мужу — 34 года. В браке с Берсом Любовь Александровна родила тринадцать детей, пять из которых умерли в детстве. «Мать была серьёзного, сдержанного и даже скрытного характера. Многие считали её гордой. Она была очень самолюбива, но не горда. Вся её молодая жизнь протекла в заботах о нас», «для нас, детей, в семье мать была всё» (*Кузминская*. Ч. 1. Гл. VI).

Л.А. Берс

Начиная с 1856 г. Толстой часто бывал в гостях в семье Л.А. Берс, где познакомился с тремя «милыми девочками». В его дневнике есть запись 26 мая 1856 г.: «Приехали в Покровское с Костенькой и обедали у Любочки Берс. Дети нам прислуживали, что за милые, весёлые девочки». М.Н. Толстая, с детства близкая подруга Л.А. Берс, очень надеялась, что брат в результате этих визитов выберет одну из сестёр Берс себе в жёны. 23 сентября 1862 г. Толстой женился на средней дочери Л.А. Берс, Соне. В воспоминаниях С.А. Толстая, описывая год своего замужества, замечала: «Моей матери тогда было 37 лет, и она была красива, стройна и с удивительным цветом лица. Нежно-розовые щёки, синие жилки на висках, белый лоб с очень тонкими морщинками. И большие продолговатые, очень чёрные глаза. Волосы тоже чёрные, очень тонкие и вились сами собой. Когда, бывало, смотришь на них на солнце, то отблеск её курчавых волос был золотистый» (Толстая С.А. Моя жизнь).

Толстой на протяжении всей жизни сохранил тёплое чувство к своей теще и другу. 9 ноября 1886 г., переживая за здоровье больной Л.А. Берс, он писал жене, находящейся в то время у матери в Ялте: «Грустно писать тебе... в каком ты положении застанешь милую больную. Иногда верится, что ей не так худо, как мы думали. Хорошенько передай ей мою любовь». С.А. Толстой не удалось выполнить наказ мужа — Л.А. Берс скончалась в день получения этого письма 11 ноября 1886 г.

С. Д. Новикова

БЕРС Пётр Андреевич (1849-1910) — младший брат Софьи Андреевны, жены Л.Н. Толстого. После замужества сестры Сони часто гостил в Ясной Поляне. Был крёстным отцом сына Л.Н. и С.А. Толстых Петра.

Окончив гимназию, Пётр Берс в 1869 г. поступил на службу на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии Преображенский полк унтер-офицером.

Толстой считал своего шурина «очень практическим человеком» (61: 320). В 1872—1873 гг. по поручению Толстого П.А. Берс вёл дела по продаже изданной в Петербурге «Азбуки». Он устроил один склад «Азбуки» у себя на квартире, а другой в книжном магазине «для иногородних», который взял на себя пересылку книг в провинцию. Однако продажи шли плохо.

В 1874 г. П.А. Берс женился на Ольге Дмитриевне Постниковой. В их семье было 6 детей: Наталья (1875 - ?), Евгения (1876 - ?), Вера (1881 - ?), Анна (1883-?), Георгий (1888 - ?), Татьяна (1893 - ?). В 1877 г. П.А. Берс уволился с военной службы. С.А. Толстая сообщала в письме к мужу: «Петя с женой и дочкой приехали к нам обедать... они трогательны с своей хорошенькой дочкой и своей бедностью. Петя очень желал бы выйти какими-нибудь средствами из бедственного состояния, хоть взять первое попавшееся место, чтоб не делать дальнейших долгов» (С.А. Толстая. Письма к Л.Н. Толстому. С. 138). Пётр Берс, не имея состояния, постоянно находился в поисках средств для содержания семьи.

В 1879 г. Толстой, по свидетельству жены, «очень хлопотал... о месте каком-нибудь брату Пете... Лев Николаевич обращался в самые различные места в поисках заработка для Пети...» (Толстая С.А. Моя жизнь). Ходатайствуя о трудоустройстве П.А. Берса, Толстой характеризовал его так: «...человек он благонадёжнейший, умный, образованный» (90: 240). В 1880 г. П.А. Берс был определён чиновником особых поручений при московском губернаторе, позднее служил исправником в Звенигороде, Серпухове, Москве, Клину.

В 1881-1882 гг. Пётр Берс был редактором-издателем журнала «Детский отдых». Толстой написал для журнала рассказ «Чем люди живы» (напечатан в № 12 за 1881 г.), который по имени П.А. Берса называл «Петина история». С.А. Толстая позднее писала: «Рассказ “Чем люди живы” потому называется Петин, что брат мой Пётр Андреевич издавал в то время вместе с Владимиром Константиновичем Истоминым журнал «Детский отдых», и Лев Николаевич, всегда желавший помочь моим родным, особенно брату Пете, которого он любил, обещал ему своё сотрудничество и писал для него этот рассказ»

(Толстая С.А. Моя жизнь). Жене 26 августа 1881 г. Толстой сообщал: «Я вчера целое утро писал Петину историю и всё не могу кончить» (83: 308).

В 1883 г. П.А. Берс вместе с Л.Д. Оболенским издал сборник «Рассказы для детей И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого» с рисунками художников В.М. Васнецова, И.Е. Репина, В.Е. Маковского и В.И. Сурикова.

П.А. Берс занимался и сочинительством. Его комедия «В чём счастье» в начале 1900-х гг. предполагалась к постановке в Малом театре.

С.Д. Новикова

БЕРС Степан Андреевич (1855—1910) — шурин Толстого, брат его жены С.А. Толстой. По образованию правовед. Пользовался особой любовью в семье Толстых. В своих воспоминаниях о Толстом он писал: «...я проводил в его семействе все каникулы в промежуток времени с 1866 по 1878 год включительно, когда ему было от тридцати девяти до пятидесяти одного, а мне от одиннадцати до двадцати трех лет» (Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом. Смоленск, 1894. С. 1). В письмах Толстого к жене и другим лицам можно часто встретить упоминания о Степане. 28 августа 1872 г. Толстой писал Н.Н. Страхову: «Стёпа мне пишет восторженное письмо о вас. Он славный мальчик. И мы с ним во многом сходимся...» В 1867 г., работая над книгой «Война и мир», Толстой ездил на Бородинское поле, чтобы своими глазами увидеть место сражения. Вместе с ним поехал и 12-летний Стёпа Берс. В июне 1871 г. они со Степаном ездили на шесть недель на кумыс в Самарскую губ. Софье Андреевне, плывя по Волге, Толстой писал с парохода: «Стёпе я очень рад. Он очень кроток и мил». В следующем письме: «...Стёпа мне полезен, и я чувствую, что с ним арзамасской тоски не сделается» (83: 176). В 1877 г. С.А. Берс по просьбе Толстого стал крёстным отцом его сына Андрея.

С.А. Берс — автор «Воспоминаний о гр. Л.Н. Толстом», которые Толстой не только читал, но и редактировал. О своих взаимоотношениях с Толстым мемуарист писал: «Я дорожил всякой минутой его общества и ловил каждое его слово и мысль <...> отрочество и молодость мою я провёл или в обществе или под отдалённым влиянием Льва Николаевича, и время это я вспоминаю как лучший период моей жизни» (с. 2).

Степан Андреевич был женат дважды. Первым браком на М.П. Романовой, умершей от тифа в 1892 г. в Бегичевке, где она работала на голоде. Вторым — на В.Е. Голумбиевской, от этого брака было двое детей.

С.А. Берс

В 1901 г., рассуждая о смерти, С.А. Берс писал С.А. Толстой: «Право, смерть кажется мне прекрасной для меня минутой. И как можно бояться её? Я знаю, что мы, Берсы, никто её не боимся; а я вижу, что все другие боятся её! И это меня удивляет...»

С.Д. Новикова

БЕРСЫ — семья жены Толстого С.А. Толстой. В семье Андрея Евстафьевича и Любови Александровны Берс родилось тринадцать детей, из них до взрослого возраста дожили только восемь: Елизавета (1843-1919), Софья (1844-1919), Александр (1845-1918), Татьяна (1846-1925), Петр (1849-1910), Владимир (1853-1874), Степан (1855-1910), Вячеслав (1861-1907). Все дети получили хорошее домашнее образование. Семья Берсов проживала в Кремле в здании «ордонанс-гауза» (комендантского управления), в служебной квартире Андрея Евстафьевича, так как он был гоф-медиком. У семьи Берсов были самые дружеские отношения с Толстым: Любовь Александровна была его другом детства. Эти отношения ещё более укрепились после женитьбы Толстого на средней дочери Берсов - Софье Андреевне.

Толстой полушутя разделял Берсов на «чёрных» и «белых»: «Есть Берсы чёрные — Любовь Александровна, ты <Софья Андреевна>, Таня — писал он жене; — и белые — остальные. У чёрных ум спит, — они могут, но не хотят... А спит у них ум оттого, что они сильно любят... У белых же Берсов участие большое к умственным интересам, но ум слабый и мелкой» (83: 86).

Лит.: Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. — М., 1999.

С.Д. Новикова

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ Александр Александрович (1797-1837) — писатель, поэт, декабрист. Учился в Горном корпусе (не окончил), затем поступил юнкером в драгунский полк, расквартированный под Петергофом в Марли (отсюда псевдоним писателя — Марлинский). С начала 1822 г. был дружен с К.Ф. Рылеевым, который посвятил ему поэму «Войнаровский». Вместе с Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда», где печатал свою прозу и литературно-критические обзоры («Взгляд на русскую словесность...»). В 1822-1825 гг. вёл активную переписку с

Пушкиным. За участие в событиях 1825 г. был осуждён по 1-му разряду, приговорён к смертной казни, заменённой каторгой и поселением, сослан в Якутск. В 1829 г. переведён на Кавказ солдатом с правом выслуги. Участвуя в сражениях, он получил чин унтер-офицера и Георгиевский крест, был произведён в прапорщики.

В 1830-е гг. Марлинского называли «царём прозы», порой его популярность затмевала все другие литературные авторитеты, даже Пушкина: его считали первым русским романистом. «...Какой верный взгляд и искусство ставить предмет перед глаза читателя живо, ярко и разительно, -- писал Н.М. Языков — Что перед ним или даже далеко, лет за 8 прежде этого, Белкин?» Романтические герои, бурные, неистовые страсти, необыкновенные судьбы, сопровождавшиеся остротами и каламбурами, патетической риторикой, словесной витиеватостью, все эти «Мулла-Нуры» и «Аммалат-беки» на фоне экзотических картин Кавказа были верхом литературной изобретательности и притягивали современных читателей.

Толстой читал повести Бестужева-Марлинского. В незавершённом сочинении «Поездка в Мамакай-Юрт» (1852) он вспоминал: «Когда-то в детстве или первой юности я читал Марлинского; и разумеется, с восторгом, читал тоже не с меньшим наслаждением кавказские сочинения Лермонтова. Вот все источники, которые я имел для познания Кавказа. <...> И это было так давно, что я помнил только то чувство, которое испытывал при чтении, и возникшие поэтические образы воинственных черкесов, голубоглазых черкешенок, гор, скал, снегов, быстрых потоков, чинар... бурка, кинжал и шашка занимали в них не последнее место. Эти образы, украшенные воспоминанием, необыкновенно поэтически сложились в моём воображении. Я давно уже позабыл поэмы Марлинского и Лермонтова, но в моём воспоминании составились из тех образов другие поэмы в тысячу раз увлекательнее первых». Толстой признавался, что для него Кавказ долго был такой «поэмой на незнакомом языке», «туманном», «прекрасном и поэтическом». Может быть, потому и отправился он на Кавказ, тот Кавказ, который знал по сочинениям Марлинского. Но увидел молодой Толстой совсем другой Кавказ. Правда, в его первых военных рассказах появляются герои типа Розенкранца из «Набега», «удальцы-джигиты, образовавшиеся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму Героев нашего времени, Мулла-Нуров и т.п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными склонностями а примером этих образцов». Но писатель смотрит на них иронически, предупреждая, что от многих «звучных слов и поэтических образов» должно будет отказаться при чтении его рассказов. И напрасно

беспокоился С.Н. Толстой, чтобы в «Набег» «неволью не ввернулось» какое-нибудь «гусарство» или «Мулла-Нурство». Толстой не принимал эстетику Марлинского, противопоставив его «фразистым повестям» (Некрасов) глубоко правдивые картины и характеры.

Н.И. Бурнашёва

БЁМ **Елизавета Меркурьевна** (1843-1914) — русская художница. Родилась в Петербурге. Художественное образование получила в рисовальной школе Общества поощрения художников в Петербурге, которую окончила в 1864 г. с серебряной медалью. В школе преподавали художники П.П. Чистяков, И.Н. Крамской, который, по признанию Е. Бём, был для неё «наилюбимейшим руководителем» и у которого она продолжала учиться и после окончания школы, приносила ему на суд свои работы.

В 1870 г. Е. Бём получила большую поощрительную медаль от Академии художеств за рисунки животных акварелью и карандашом. Но настоящую известность и признание ей принесли силуэты. С 1875 г. появилось 14 альбомов Е. Бём, получивших широкое распространение не только в России, но и в странах Европы и в Америке. (Они не раз отмечались золотыми медалями на Всемирных выставках.) Благодаря огромной популярности художница имела возможность познакомиться со многими выдающимися людьми своего времени. Её творчество знали и любили И.С. Тургенев, В.В. Стасов, Л.Н. Толстой, П.М. Третьяков и др. Тургенев был очень доволен иллюстрациями к «Запискам охотника», в период работы над которыми Бём и познакомилась с писателем. Много её работ было в коллекции Стасова. Третьяков купил один из первых силуэтов Е. Бём с изображением отправляющейся в путь семьи художницы.

А.Г. Рубинштейн считал свой силуэтный портрет за роялем, выполненный художницей на оборотной стороне программы концерта, лучшим своим портретом.

Успеху творчества Е. Бём способствовала его камерность, а также выбор тематики, близкой всем: «детский мир и деревенская жизнь». Подкупали простота и искренность её работ, преданность своему делу, стремление своим искусством служить людям. Её работы особенно нравились наиболее простым

людям. Когда листы, например, «Репки» были выставлены в окнах магазина Аванцо в Петербурге, то перед ними стояли извозчики и от

души хохотали. Такое же удовольствие эти листы доставляли рабочим в типографии у Ильина, где они печатались.

Е. М. Бём была одним из самых деятельных и бескорыстных участников издательства «Посредник», к этой работе её привлёк Толстой, с которым заочно художница познакомилась в 1885 г. Через их общую знакомую она передала писателю тетради со своими силуэтами. Они очень понравились Толстому: «Очень благодарен вам за прекрасные ваши картинки, — писал Толстой Бём. - Я уж давно знаю их и люблюсь ими». В том же письме он сразу предложил ей принять участие в иллюстрировании книжек издательства «Посредник»: «Не слышали ли вы про издание лубочных книжек и картин Сытина, частью которых занимаются близкие мне люди и отчасти и я. В Петербурге есть склад этих изданий на Б. Дворянской, 25. Принимают участие в этом деле Савицкий, Кившенко, Крамской и Репин. Как бы хорошо было, если бы вы захотели послужить этому делу» (63: 256-257). Одновременно Толстой писал о художнице В.Г. Черткову: «Вчера получил от г-жи Бём её силуэты в подарок и нынче, отвечая ей, просил её принять участие в наших изданиях. Она прекрасно иллюстрирует. Не знаю только, будет ли брать деньги» (85: 218). Но денег Е. Бём за свою работу никогда не брала. 30 лет она иллюстрировала издания «Посредника» безвозмездно, «работала она в нём из одного лишь сочувствия делу народного идейного издательства» (Шохор-Троцкий К. Памяти отошедших друзей // Ежемесячный журнал. СПб., 1915. № 1. С. 161). Когда в 1896 г. праздновали юбилей художественной деятельности Бём, редакция «Посредника» во главе с Толстым поздравила её телеграммой: «Редакция “Посредника” в день Вашего юбилея горячо благодарит Вас за всё, что Вы сделали для народных изданий, и от всей души надеется, что Вы ещё долго послужите Вашей прекрасной кистью этому делу для народа. Лев Толстой, Горбунов-Посадов, Бирюков» (там же. С. 162).

Встретиться с Толстым Е. М. Бём довелось лишь в 1897 г., когда писатель приезжал в Петербург проститься с Чертковым, которого правительство высылало в Англию. Во время этой встречи зашла речь об искусстве, о проблеме его доступности каждому, и Толстой поставил в пример такого понятного всем искусства — творчество Бём: «Надо, чтобы всякий в своём деле был понятен и интеллигенции и простым людям, — сказал Толстой. — Вот вы, Елизавета Меркурьевна, в вашем небольшом жанре — силуэтах — достигли этого и понятны тем и другим» (Бём Е.М. Воспоминания // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 375).

Для «Посредника» Бём иллюстрировала много книг: «Первый винокур», «Два старика», «Сказка об Иване-дураке» Толстого, «Перепёлка» Тургенева, «Медведь» В.М. Гаршина, серию «Малым ребятам», сборник «Цветник», «Приёмыш» В.Г. Короленко и др. В 1887 г. ею были исполнены и рисунки к «Власти тьмы», которые очень

нравились Толстому. 16 апреля он писал об этом С.А. Толстой: «Получил рисунки. Они очень хороши». Работая для «Посредника», художница стремилась делать то, что было наиболее важным и нужным для дела, и если ей до конца было трудно разобраться в этом, она обращалась за советом к Толстому или Черткову, высоко ценя и веря их мнению. Ей важно было услышать мнение Толстого об её работе. Об этом Чертков писал Толстому 2 мая 1887 г.: «Она сама не ясно различает, что важнее и нужнее, и ищет указаний. К Вашему мнению она имеет неограниченное доверие (она просила меня выяснить для неё несколько слов, которые Вы ей написали по поводу её типов к “Власти тьмы”» (*ОР ГМТ*).

Е. Бём принадлежат три портрета толстовских героинь: Анны Карениной, Кити и Катюши Масловой (*ГМТ*). В 1880-1890-х гг. художница создавала «реалистические акварели» (женские типы в романах Толстого). Они воспроизводились на открытках. Черткову Толстой писал, что «получил от г-жи Бём силуэты в подарок»; в другом письме о рисунках к «Первому винокуру» заметил, что «очень приятно было смотреть на них, что они прекрасны».

Н.В. Зайцева

БИБИКОВ Александр Николаевич (1824-1886) – помещик Тульской губ., владелец имения Телятинки, что в трёх верстах от Ясной Поляны, был в добрососедских отношениях с семьёй Толстых на протяжении 30 лет. Т.А. Кузминская писала о нём: «А.Н. Бибииков был настоящий тип прежнего некрупного помещика. Гостеприимный, ни умный, ни глупый, простой, практичный, среднего роста, плотный и добродушный» (*Кузминская. Ч. II. Гл. VII*). Старший сын Толстого Сергей Львович описал его портрет: «Это был человек, похожий по внешности на кота: флегматичный, молчаливый, благообразный. Он брил бороду и носил усы, как полагалось в то время дворянину, был внешне благовоспитан, но мало образован, женолюбив...» (*Очерки былого. Гл.*

76

«Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1872 год).

Толстые ценили своего соседа за доброту, незлобивость, умение наслаждаться жизнью. Однажды на охоте, на которой вместе с Толстыми был и их сосед, на привале завязался интересный разговор. Кузминская вспоминала: «Я говорила, что меня часто мучает какой-нибудь пустяк из моей жизни, который я потом разбираю. Бибииков добродушно засмеялся и сказал, что это совершенно напрасно, что думать о том, что прошло, не

стоит, что на свете всё приятно, всё прекрасно <...> и что мучиться никогда не надо» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. XVI).

Бибииков был незаконнорождённым сыном крапивенского помещика Н.Н. Бибиикова и его вольноотпущенной крестьянки Анны Наумовны. Окончив землемерную школу в Туле, в 1842—1855 гг. он служил в Тульской губ. чертёжной. Первой его женой была Наталья Николаевна Морсочникова (1830-1866). Сбежав из родительского дома, она обвенчалась с ним против воли родителей. Её отец, Н.Х. Морсочников, хозяин Телятинок, ко времени брака дочери разорился и продавал своё имение с аукциона. В мае 1856 г. Толстой отметил в своей записной книжке (сюжет?): «...дочь сбежала от Морсочникова <...> с землемером <...>, а этот <...> купил с аукциона тестино имение и выгоняет оттуда отца и деда» (47: 181).

Через несколько лет, когда все эти драматические события улеглись, а в Ясной Поляне появилась молодая хозяйка, Толстые стали довольно тесно общаться с семейством Бибииковых. Толстой часто посещал Телятинки; иногда ездил к соседу по делам, связанным с общественными нуждами: открытие школы для крестьянских детей, посредническая деятельность, оказание помощи голодающим крестьянам. В 1880—1886 гг., когда Бибииков был председателем Крапивенской уездной земской управы, Толстой часто обращался к нему с различными просьбами о помощи людям, нуждающимся в поддержке и защите. Первые годы знакомства контакты были особенно тесными. В начале 1860-х гг., когда Толстой особенно увлекался хозяйством, он даже завёл общее дело с Бибииковым: строительство винокуренного завода. Кузминская вспоминала: «...мне эта постройка завода была приятна. Я часто ездила со Львом Николаевичем верхом в Телятинки. Он наблюдал за постройкою, я – просто для развлечения» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. VII). Но дело не пошло: завод просуществовал чуть больше года. Несмотря на неудачу, Толстой продолжал считать Бибиикова рачительным хозяином, что видно из письма тётеньке Т.А. Ёргольской, которое он послал из Москвы в Ясную Поляну 4 февраля 1866 г «С этой же почтой я пишу А.Н. Бибиикову с просьбой, чтобы он изредка заглядывал бы ко мне и присматривал за моим хозяйством и исполнял бы ваши поручения. Будьте так добры, передайте от меня старосте, чтобы он во всём слушался его» (61; 130).

Особенно сблизила Толстого с хозяином Телятинок охота. Кузминская писала: в осенние дни «Льва Николаевича тянуло на охоту. Решали, куда ехать, отдавались приказания насчёт лошадей и собак, дали знать в Телятинки Бибиикову, вечному нашему спутнику <...>. Мы охотились раза два, три в неделю» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. XVI).

Будучи в доверительных отношениях с Бибииковым, Толстой иногда брал у него займы деньги. В 1867 г. на просьбу брата Сергея одолжить

ему денег Толстой отвечал: «...денег нет, и даже у Бибикова, у которого всегда беру, не могу взять, потому что должен ему...» (*ПТСБ*. С. 311). В 1879 г. Толстой писал жене, если кончились деньги у старосты, пусть обратится к соседу. Письмо заканчивалось обращением к Бибикову: «Будьте так добры, Александр Николаевич, ссудите 25 рублей на два дня. Ваш Л. Толстой» (83: 273). Бывало, когда в Ясной Поляне собирались родственники, друзья и большой компанией выезжали на прогулку, у Бибикова занимали карету, сёдла и другие хозяйственные вещи.

Общение Толстых с семейством Бибикова проходило в основном на бытовом уровне, мало затрагивая духовные сферы. Но в 1872 г. в жизни Бибикова произошло трагическое событие, которое потрясло всех и которое сыграло заметную роль в творческой истории романа «Анна Каренина». В 1866 г. умерла ещё совсем молодая первая жена Бибикова. После её смерти в доме в качестве экономки появилась дальняя родственница Анна Степановна Пирогова (1840-1872), которая вскоре стала гражданской женой Бибикова. Толстые, часто бывавшие в Телятинках, хорошо её знали. С.А. Толстая вспоминала: «Анна Степановна была высокая, полная женщина, с русским типом и лица и характера, брюнетка с серыми глазами, но не красива, хотя очень приятная» (*ДСАТ*. 1. С. 509). Кузминская описала почти семейную идиллию в доме Бибикова: «Помню, как мы всей нашей молодой компанией приехали раз в Телятинки и как милая Анна Степановна, вроде экономки и жены его, суетилась угостить всех нас простоквашей, варенцом, пастилой разных

сортов и чаем. А Александр Николаевич, добродушно улыбаясь, говорил: “Ужасно люблю молодёжь”» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. VII). Но эта идиллия закончилась трагедией. С.А. Толстая описала её в своём дневнике: «Бибиков взял в дом к сыну и племяннице гувернантку – красивую немку, влюбился в неё и сделал ей предложение. Прежняя любовница его, которую звали Анна Степановна, уехала из дома его в Тулу, будто повидать мать, оттуда с узелком в руке <...> вернулась на ближайшую станцию — Ясенки и там бросилась на рельсы, под товарный поезд. Потом её анатомировали. Лев Николаевич видел её с обнажённым черепом, всю раздетую и разрезанную в ясенковской казарме. Впечатление было ужасное и запало ему глубоко» (*ДСАТ*. 1. С. 508-509). В день самоубийства А.С. Пирогова со станции Ясенки «с ямщиком отправила Бибикову письмо. Бибиков письма не принял, а в нём было написано: “Вы мой убийца, будьте счастливы с ней, если убийцы могут быть счастливы”» (*Гусев. Материалы*. 3. С. 135). С.А. Толстая считала, «что

самоубийство Анны Пироговой “навело” Толстого “на мысль” о финале его романа и дало имя героине» (там же).

Вскоре Бибиков женился на гувернантке О.А. Фирекель (1853-1883) и после свадьбы стал хлопотать о том, чтобы его признали законным сыном Н.Н. Бибикова и дали ему фамилию отца: рождённый до официального брака родителей, он всё ещё носил вымышленную фамилию «Бибик». Он обратился к Толстому за содействием, и тот написал своей тётке А.А. Толстой: «Любезный друг Alexandrine!.. У меня есть сосед А.Н. Бибиков – единственный сосед, с которым у нас 20 лет ведутся ненарушимо дружелюбные сношения, и он очень добрый человек. Он знал, что усыновление детей брата <С.Н. Толстого. – А.Л.> сделалось через вас. Сам он и ещё два брата его – незаконные дети Бибикова. Меньшой же брат из них законный, потому что отец их женился на матери. Они до сих пор были довольны своей судьбой, но 5 лет назад все женились, и у них сыновья, и мой сосед – старший, взялся хлопотать через А.П. Бобринского и для этого ездил в Петербург. Ему там сказали, что именно вы много делаете добра в этом роде (это его слова), и просил меня, чтобы я написал вам» (61: 344-345). Ходатайство А.А. Толстой помогло, о чём свидетельствует письмо к ней Толстого в январе 1873 г.: «Очень, очень благодарю, дорогой друг Alexandrine, за письмо и за ходатайство о Бибикове. Он был у меня, когда я получил ваше письмо, и вы бы порадовались, увидав покрасневшее от волнения и радости его доброе седое лицо, когда я сообщил ему то, что до него касалось» (62: 8). Наконец в декабре 1873 г. сосед Толстого получил отчество «Николаевич» и фамилию «Бибиков», а в декабре 1882 г., за три года до смерти, был «узаконен».

Похоронен Бибиков на кладбище в Кочаках; там же – могила с надгробием в виде саркофага, в которой покоится прах А.С. Пироговой.

Через много лет вспоминая Бибикова, Толстой писал: «Он был малообразованный, но очень приятный, хороший человек» (83: 140-141).

А.К. Ломунова

БИБИКОВ Алексей Алексеевич (1837-1914) – в 1878-1884 гг. управляющий самарским имением Толстых; друг В. И. Алексеева (как писал С.Л. Толстой, отец «полушутя» говорил о них как о «двух нигилистах»); корреспондент и адресат Толстого. Иногда Толстой адресовал свои письма обоим друзьям.

Сын сенатора; помещик Чернского уезда Тульской губ. Окончив физико-математический факультет Харьковского университета, «был либеральным мировым посредником первого призыва в Жиздринском уезде» Калужской губ. (*Очерки былого. «Жизнь нашей семьи до осени*

1881 года». 1878 год). В 1866 г. привлечён по делу Каракозова (о покушении на государя). Просидев шесть месяцев в тюрьме, был выслан в Вологодскую губ. Три года находился в ссылке, затем переведён в Воронеж, а в 1870 г. ему разрешили поселиться в его имении. Всю землю в своём имении, за исключением нескольких десятин, Бибииков отдал крестьянам. Женился на крестьянке и собственными силами вёл своё небольшое хозяйство. «Бибииков был среднего роста, коренаст, физически силен и красив. Его добрые голубые глаза были немножко выпучены, походка несколько тороплива, добрая улыбка немножко иронична, - писал о нём С.Л. Толстой. – В поддёвке и русской рубашке, в высоких мягких сапогах, с русой окладистой бородой, он по внешности старался не отличаться от крестьянина, но едва ли ему это удавалось. <...> В нём легко было узнать “не простого” человека. Он был сдержан и мягок в обращении, никогда громко не говорил и принципиально всем говорил “вы”, чем иногда приводил в недоумение крестьян. Когда я с ним познакомился, он не был революционером и отрицал возможность прогресса путём изменения форм жизни помимо общего подъёма нравственности людей. Он

78

говорил: “Будьте сами лучше, тогда общественные формы естественно улучшатся”. В этом он сходил с Василием Ивановичем <Алексеевым. - Н.Б.> и моим отцом и расходился с революционно настроенной молодёжью. Он был убеждённым материалистом и ставил себе целью нравственно жить в этой жизни, не ожидая награды в будущей. <...> Хотя он и управлял нашим имением, он был независим. Дела имения он вёл щепетильно-добросовестно, нередко в ущерб своим интересам» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1878 год).

С Бибииковым Толстой познакомился в конце 1877 г. Тогда же он набросал конспект нового замысла («Собеседники») в виде беседы людей разных взглядов о религиозных вопросах. В одном из собеседников – автор назвал его Стольниковым – узнаваем Бибииков. Толстой написал о нём: «позитивист – Бибииков, прогресс, но отрицание нужды в основах. 35 [лет]» (17: 369). Замысел не осуществлён.

Толстой не раз наблюдал, как у Бибиикова идут дела в самарском имении; в очередной свой приезд летом 1881 г. он писал С.А. Толстой: «Работа здесь идёт – молотба ржи молотилкой перед домом. Идёт всё споро, хорошо. Работники и все хозяйственные дела у Бибиикова очень хорошо налажены» (83: 294). И через несколько дней, 6 августа, опять жене: «Бибииков как-то удивительно соединяет мягкость с тем, что он отличный хозяин. Всё есть, что нужно, все охотно и споро работают,

всюду он поспекает. Уже не добросовестность его, а деликатность в ведении своего и нашего хозяйства доходит до того, что тяжело. Его люди, скот его и наши смешиваются только в том смысле, что мы пользуемся его, а не он нашим. Свои посева он больше месяца не видел» (83: 306—307).

Писатель с искренним уважением относился к Бибикову, через много лет вспоминал его: «Это оригинальный, очень хороший человек. В 60-х годах какого другого типа люди были! Работал с крестьянами, женился на крестьянке; он никого не ругал и не восхвалял, когда одного восхваляешь, то других как бы унижаешь. Говорил каждому и чувашу *вы*» (ЯПЗ. 2. С. 308).

В период пребывания в самарском имении Бибиков снова пережил полицейский надзор, в июне 1883 г. против него было возбуждено уголовное дело, проведено несколько обысков, которые не дали, однако, никаких улик для обвинения. Становой пристав сообщал о нём: «Бибиков занимается посевом хлеба и извозом по найму, причём иногда сам отправляется в Самару на возу с хлебом и не отказывается от чёрной работы (подмазывает колёса и впрягает лошадей). Башкиры считают его очень хорошим барином и выражаются о нём так: с барином он барин, с мужиком — мужик» (цит. по: 63: 77). В 1884 г. произошло столкновение управляющего с С.А. Толстой по поводу взыскания долгов с крестьян. В результате Бибиков оставил толстовское имение и поселился неподалёку, взяв в аренду землю.

В 1891 г. работал на голоде в Самарской губ. В 1906 г. был избран в I Гос. думу; люди, знавшие его, считали его «честным деятелем, убеждённым народником, на деле проводившим свои идеи, и человеком кристально чистым, скромным и любящим» (там же). Таким его считал и Толстой.

Лит.: Пругавин А.С. О Льве Толстом и толстовцах. М., 1911.

Н.И. Бурнашёва

БИДЕРМАН Фридрих Карл (1812— 1901) — немецкий историк, журналист, педагог. Толстого интересовал его новый метод преподавания истории. В апреле 1861 г., путешествуя по Германии с целью познакомиться с постановкой народного образования, Толстой общался с Бидерманом, о чём есть записи в дневнике: 5/17 апреля: «Бидерман неглуп, но учёный и литератор, которого часть уже сидит в книге его, а не в нём». Толстой, вероятно, имел в виду книгу Бидермана «*Geschichtsunterricht nach kulturgeschichtlicher Methode*» («Преподавание истории культурно-историческим методом». - нем.).

БИРЮКОВ Павел Иванович («Поша»; 1860-1831) – единомышленник, друг и биограф Толстого; издатель, редактор, общественный деятель.

Родился в Костромской губ. в семье военного, дворянина. Надеюсь, что сын продолжит семейную традицию, отец отдал его учиться в Пажеский корпус. Но юноша мечтал о море и перешёл в Морское училище. Он совершил кругосветное путешествие на фрегате, а в 1884 г. окончил Морскую академию. Не желая нести строевую службу, Бирюков поступил на службу в главную физическую обсерваторию в Петербурге, где ничто не мешало ему размышлять над вечными вопросами о Боге, о цели и смысле жизни. Он зачитывался философской литературой, сочинениями Достоевского, и всё сильнее его задевало противоречие между военной службой и христианским учением. В поисках единомышленников он стал посещать благо-

творительное «Общество христианской помощи», где собирались представители разных сословий, чтобы вместе читать и обсуждать Евангелие. Там он встретил В.Г. Черткова, который познакомил его с сочинениями Толстого «Исповедь» и «В чём моя вера?». В то время, когда многих молодых людей увлёк путь революционной борьбы, Бирюков и Чертков встали на путь исповедания христианского непротивления злу насилием и обрели духовного лидера в Толстом.

В 1884 г. Чертков привёл Бирюкова в дом Толстого, и с этого момента, как писал Бирюков, его «внутреннее развитие пошло параллельно с дальнейшим развитием взглядов Л.Н. Толстого». Бирюков особенно дорожил личным общением с писателем, а Толстой ценил искренность и подлинную доброту молодого друга. После одной из встреч с Бирюковым Толстой написал в своём дневнике: «Он очень хорош, ясен, открыт, правдив, чист...» (15 декабря 1890 г.). Но возможность личного общения бывала не всегда. Между ними вскоре началась переписка (сохранилось около 180 писем Толстого Бирюкову), запечатлевшая глубину человеческой и духовной близости. Писателя особенно П.И. Бирюков привлекали люди, сумевшие соединить свои убеждения с делом, осуществлявшие то, к чему так стремился он сам. Бирюков был именно таким человеком.

В конце 1885 г. Бирюков вышел в отставку и посвятил себя изданию и распространению литературы для народа, став наряду с Чертковым одним из основателей и руководителей издательства «Посредник». Но в конце 1888 г. он решил порвать с городом и основал на своей родине

земледельческую колонию, стал строгим вегетарианцем, носил простую блузу и вегетарианскую обувь, имел мягкий отзывчивый характер и любовно относился к людям. В доме Толстых Бирюкова считали своим человеком, его все любили и называли уменьшительным именем Поша. Но особые отношения возникли между ним и средней дочерью писателя Марией Львовной. Когда ей исполнилось 18 лет, он сделал ей предложение и получил согласие, однако С.А. Толстая была против этого брака, да и Толстой сомневался в чувствах дочери, считая её ещё слишком молодой. Бирюкову он писал: «В теперешнем сближении вашем есть нечто искусственное, рассудочное, а надо, чтобы оно стало сердечной необходимостью» (10 января 1889 г.). Через много лет в память о М.Л. Толстой Бирюков подготовил и издал в Швейцарии книгу на немецком языке «Отец и дочь. Письма Л.Н. Толстого к М.Л. Толстой» (L.N. Tolstoi. Vater und Tochter, hrsg. von P. Birukoff, z.- Lpz., [1927]).

П. И. и П. Н. Бирюковы с дочерью Ольгой (начало 1900-х годов).
Фотография из архива Т. Л. Беррады-Бирюковой

В 1892-1893 гг. среди ближайших помощников Толстого в работе на голоде в Самарской губ. был Бирюков. В 1895 г., узнав о движении духоборов, он отправился на Кавказ. Результатом поездки стала статья «Гонение на христиан в России в 1895 г.», опубликованная 23 октября 1895 г. с предисловием Толстого в английской газете «Times». Вместе с Чертковым и И.М. Трегубовым он составил воззвание в защиту духоборов «Помогите!», за что был выслан в г. Бауск Курляндской губ. Осенью 1898 г. Бирюков отправился на остров Кипр для устройства там первой партии духоборов. Получив разрешение выехать за границу, он вскоре переехал к Черткову и вместе с ним редактировал сборники «Свободного слова». Позднее, уже поселившись в Швейцарии, он стал самостоятельно издавать и редактировать журнал «Свободная мысль», в котором поместил целый ряд своих статей (вышел 21 номер).

В 1904 г. Бирюков получил разрешение вернуться в Россию. Толстой ждал возвращения единомышленников, с ними он чувствовал себя менее одиноким. В письме к Черткову 4 сентября 1905 г. он сообщал: «Было у меня радостное впечатление от Поши. Он заезжал с сыном на два дня; какой он умный и хороший – уж и говорить нечего». Поступив после ссылки на службу в Костромскую губ. земскую управу, Бирюков не изменил своим принципам. Он сразу вернулся к прежней деятельности по распространению запрещённых сочинений Толстого и был привлечён за это к суду. Судебное расследование длилось два года и на этот раз завершилось его оправданием. Толстой интересовался всем, что делал Бирюков, ценил его работу, поддерживал его желание писать.

В 1901 г. Бирюков начал собирать материалы для биографии Толстого, ставшей первой подробной биографией писателя и, что особенно ценно, написанной его другом и единомышленником при участии самого Толстого. Толстой не только отвечал на вопросы биографа и давал ему советы, но и написал для него воспоминания, которые стали ценным свидетельством о предках, семье и детстве писателя. Первые два

80

тома «Биографии» вышли в издательстве «Посредник» в 1906 и 1908 гг.

В трудное для писателя время, перед уходом из Ясной Поляны, его поддерживало дружеское участие Бирюкова: «Милый, милый Поша. Так радостно получить ваше письмо. Ведь сердце сердцу весть подаёт. Вы так же дороги мне, как я вам» (19 июля 1910 г.).

После смерти Толстого Бирюков продолжал служить делу издания и распространения его сочинений. В 1911-1914 гг. в издательстве И.Д. Сытина под его редакцией были изданы Полные собрания сочинений Л.Н. Толстого в 20 т. и в 24 т. В те же годы он стал редактором Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого на французском языке в издании Стока в Париже, а позднее редактировал тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого (Юбилейного) в 90 т.

Между тем П. И. Бирюков постоянно подвергался преследованиям чиновничье-полицейского режима тогдашней буржуазной России – за свои убеждения, за общественную и правозащитную деятельность. В 1912 г. он вынужден был вновь переехать с семьёй в Швейцарию, а в 1913 г. принял швейцарское гражданство. В Швейцарии Бирюков, как и прежде, занимался изданием и распространением сочинений Толстого. В 1918 и в 1920 гг. он сопровождал эшелоны пленных русских солдат и политических эмигрантов из Швейцарии в Россию. В 1920 г. вернулся в Россию, в наивной надежде на якобы обрётённую страной свободу. Он руководил рукописным отделом Музея Л.Н. Толстого, принимал участие

в различных изданиях, поддерживал единомышленников Толстого, преследуемых уже новой – большевистской – дорвавшейся до власти сволочью. В середине 1924 г., не найдя ожидаемой свободы, он уехал в Канаду к духоборам и, уже смертельно больной, был перевезён оттуда в Швейцарию.

Прижившийся в коммунистическом СССР бывший секретарь Толстого В.Ф. Булгаков закончил свои воспоминания о Бирюкове такими словами: «В самом деле, он никогда никого не обидел, никому не причинил зла и, напротив, многим помогал и помог, чем мог. Светлое добродушие явилось как бы венцом той неустанной, продолжительной работы над собой и над улучшением своего характера, которая производилась Павлом Ивановичем как верным последователем учения Толстого» (Булгаков В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1978. С. 260).

Лит.: Бирюков А.М. П.И. Бирюков - первый биограф Л.Н. Толстого // Вопросы истории - М., 2004. № 2.

Ю.Д. Ядовкер

БИТОВТ Юрий (Георгий) Юлианович (1860-е гг.-после 1914). — «Общественное несчастье» — так в газете «Русское слово» 7 сентября 1913 г. было озаглавлено сообщение о пожаре в доме российского библиографа Битовта и о гибели огромного его труда – материалов для разнообразных по тематике библиографических работ. Сведения об этом событии проникли и за границу, постепенно приняв размеры легенды.

Своим главным трудом Битовт считал создание «Российской библиографии – сводного каталога книг, изданных в России с 1708 года». Над сводом русской книги он работал более 15 лет, и труд этот должен был составить 15-20 томов. К 1913 г. библиограф закончил два первых тома (XVIII-первая половина XIX вв.) и подготовил, по его словам, весь материал для последующих двух томов (1851—1880 гг.). Нашлись даже денежные средства для издания: Академия наук согласилась взять расходы по изданию на себя. Пожар уничтожил все надежды.

Имя Битовта было хорошо известно в читающем мире. Среди опубликованных его трудов – издание «Редкие русские книги и летучие издания XVIII в.» (М., 1905), репринтно воспроизведённое в наши дни (М., 1989). Автор послесловия В.М. Константинов, отметив ряд неточностей и заявив, что Битовт «не был знатоком редкой книги», тем не менее сделал вывод, что, «как бы то ни было, лучшего справочника нет и в ближайшее время, очевидно, не будет».

Битовт — автор ряда работ о Толстом: «Жизнь, счастье и гр. Толстой. Мысли» (М., 1897), издание составителя «с благотворительной целью»; «Граф Л.Н. Толстой в литературе и искусстве. Подробный би-

блиографический указатель русской и иностранной литературы о гр. Л.Н. Толстом» (М., 1903); «Граф Л.Н. Толстой в карикатурах и анекдотах» (М., 1908); «Хронология жизни и произведений Л.Н. Толстого» (2-е испр. и доп. изд. - М., 1908); «В память Л.Н. Толстого. Альбом изображений Толстого и о Толстом [свыше 1000 сюжетов на 120 табл.]» (М., [Б. г.]).

Книга Битовта «Граф Л.Н. Толстой в литературе и искусстве» — первая печатная библиография произведений Толстого и литературы о нём. Здесь собрана литература (свыше 4000 записей) за полвека, 1852-1902 гг. В книге восемь разделов: 1. Биографические сведения; 2. Литературная деятельность (сочинения писателя; Толстой в критике); 3. Педагогическая деятельность; 4. Учение гр. Толстого и произведения второго периода его деятельности; 5. Гр. Толстой в иностранной литературе (на 25 языках); 6. Гр. Толстой в искусстве; 7. Библиография; 8. Дополнения. В Приложении дана «Хронология жизни и

81

произведений гр. Л.Н. Толстого». В книге есть «Указатель личных имён», помещены 60 иллюстраций.

Составляя свой труд, автор пользовался фондами Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге (ныне Российская национальная библиотека) и Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека). Убедившись в «неполноте и несовершенстве наших главнейших книгохранилищ», Битовт побывал «в Ясной Поляне у издательницы сочинений гр. Толстого графини С.А. Толстой». «Был Битовт, библиограф», — запись в настольном календаре Толстого 20 сентября 1902 г. (54: 317). Результатом работы в Ясной Поляне стала его статья «Библиотека Л.Н. Толстого» (Изв. книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф. 1903. № 8/9).

По выходе в свет в 1903 г. Битовт послал свою книгу Толстому. Этот подарок сохранился в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне: в роскошном переплёте, на верхней крышке переплёта тиснённая золотом надпись: «Гиганту мысли графу Льву Толстому. С глубоким уважением автор».

Получив книгу, Толстой 10 июля 1903 г. написал автору благодарность и лестный отзыв; Битовт вклеил факсимиле этого письма в часть тиража вышедшей ранее книги. Так как автограф не сохранился, факсимильное воспроизведение этого письма послужило источником для включения его в Полное собрание сочинений Толстого (Юб., 74: 153).

А.Л. Бём в «Обзоре библиографических работ о Толстом» подробно разобрал книгу Битовта. Отметив недочёты, пропуски, погрешности в систематизации, рецензент заметил: «Но всё же, несмотря на недочёты,

мы должны быть благодарны автору за тот поистине невероятный и неблагодарный труд, который он вложил в дело, столь нужное всем изучающим Толстого. Надо ведь сказать, что всякий, имеющий дело с изучением Толстого, так или иначе многим обязан указателю Юр. Битовта и, вероятно, не скоро ещё мы будем иметь возможность пользоваться столь широко задуманным трудом, лучше исполненным» (Бём А.Л. К истории изучения Толстого. Пг., 1916. С. 22-23).

Слова рецензента оказались пророческими. И до нашего времени в поисках сведений об издании трудов Толстого и литературы о нём в 1871-1902 гг. учёные обращаются к этой книге Битовта.

Лит.: Толстяков А.П. Битовт Юрий (Георгий) Юлианович // Книга. Энциклопедия. М., 1999. С. 104.

А.С. Усачёва

БЛАВАТСКАЯ Елена Петровна (1831-1891) – теософ, литератор и публицист. В 1875 г. организовала (совместно с Г. Олькоттом) в Нью-Йорке Теософское общество, центр которого в 1879 г. переместился в Бомбей, а затем в 1882 г. в Адьяр (предместье Мадраса), где находится и по настоящее время. Создание Теософского общества преследовало цели распространения идей духовного единства человечества, всеобщего братства людей; изучение мировых религий и достижений наук; исследование физических, психических возможностей и скрытых сил человека. Теософское учение Блаватской нашло отражение в книгах «Разоблачённая Изида», «Тайная доктрина», «Ключ к теософии». Теософия, согласно предложенной Блаватской трактовке, – это религиозномистическое учение, базирующееся на вере в Единый Абсолют – Непостижимого Бога, в рамках которого осуществлена органичная попытка объединения в одно целое глубинных смыслов религий, философских и научных видений. Важная составляющая теософского учения Блаватской – свод нравственных положений (истин), следование которым открывает человеку путь к познанию мира и себя, к своему духовному развитию.

Начиная с 1880-х гг. теософские идеи находились в поле внимания Толстого. Как и многие отечественные литераторы, философы, учёные, он отнёсся к ним с интересом. Однако этот интерес довольно быстро сошёл на нет. В письме Д.А. Хилкову 14 сентября 1892 г. Толстой писал: «О теософском обществе я просил Попова <...> послать вам всё, что у меня есть, но вперёд говорю, что вы ничего там не найдёте. Я так же, как и вы, сначала очень заинтересовался им и думал найти там многое, но скоро разочаровался: ложка дёгтя там очень большая» (66: 258).

Разочарование Толстого в теософии распространялось и на учение Блаватской. Критическое и даже настороженное восприятие теософских взглядов Блаватской, по-видимому, исходило из того, как были представлены ему эти взгляды его знакомым, спиритом Н.А. Львовым. 18 апреля 1884 г., после встречи со Львовым, Толстой в дневнике записал: «Львов рассказывал о Блаватской, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях?» (49: 84). Ещё одним обстоятельством, существенно охладившим интерес Толстого к учению Блаватской, стало посещение им спиритического сеанса, устроенного на квартире Львова (не позднее 1887 г.). Тех,

82

кто доказывал возможность вступления в непосредственный контакт с душами умерших, Толстой считал обманщиками, затуманивающими сознание доверчивых людей. После беседы со Львовым к таким мыслителям Толстой, видимо, стал относить и Блаватскую. Неудавшийся сеанс, на котором по собственной инициативе присутствовал Толстой, укрепил его во мнении, что спиритических явлений не существует, что с верой в эти явления следует всерьёз бороться. Пребывание Толстого на спиритическом сеансе нашло отражение в его комедии «Плоды просвещения».

В начале XX в., в феврале 1903 г., Толстой вновь обратился к теософским идеям. Он читал «прекрасный теософический журнал» и записал в дневнике: «много общего с моим пониманием» (54: 155). В журнале «Theosophischer Wegweiser» (Leipzig, 1902-1903) он отметил афоризмы Рамакришны, Фомы Кемпийского и изречения из сокровенных индусских писаний, древневосточной «Книги Золотых Правил». В журнале были представлены впервые опубликованные Блаватской три небольших отрывка из «Книги Золотых Правил»: «Голос безмолвия», «Семь врат», «Два пути». Впоследствии два изречения из «Голоса безмолвия» Толстой включил в сборник мыслей «На каждый день».

В начале 1900-х гг. Толстой в разговорах со своими посетителями не раз касался вопросов, связанных с личностью Блаватской, её теософскими воззрениями. 22 сентября 1905 г. Маковицкий записал слова Толстого о Блаватской: «Это удивительная вещь – жена офицера приобрела большое уважение среди индусов и американцев. Теперь издаётся большой журнал с её направлением» (ЯПЗ. 1. С. 401).

20 октября 1906 г., отвечая на вопрос М.С. Сухотина о том, как он относится к теософии, Толстой сказал: «Когда я читаю их мысли о внутреннем сознании человека, которое есть во всяком, это превосходно.

Но когда читаю то, что основателем теософского учения была Блаватская, тогда... удивляюсь, что она могла быть основательницей – такая пустая женщина, столько она приплела сюда чудесного, пустого. Она писала мне из Англии лет 15 тому назад, хотела вступить в общение; мне не понравилось её письмо». Толстой даже «привёл её слова о себе: “Заснула неизвестным человеком и проснулась прославленной вследствие своей книги”» (ЯПЗ. 2. С. 277). Письмо Блаватской неизвестно, но в яснополянской библиотеке сохранилась её книга с дарственной надписью (Blavatskaia H.P. The Voice of the Silence: Being chosen fragments from the «Book of the Golden Precepts». Translated and annotated by H.P.W. - L.; N.Y. 1889. — Блаватская Е.П. Голос безмолвия: Избранные фрагменты из «Книги Золотых Правил». Перевод и аннотации Е.П.Б.).

30 июня 1908 г., говоря о теософии, Толстой заметил, что в теософии неоправданно смешивается духовное и материальное, а о Блаватской добавил, что, даже «когда она была в славе, было недоверие к ней» (ЯПЗ. 3. С. 131). В теософском учении Блаватской Толстому были близки идеи единства людей, их нравственного возвышения, но мистический контекст её учения был ему чужд.

М.А. Лукацкий

БЛОХИН Григорий Федотович (? - 1905) — нищий крестьянин из деревни Лисьи Прияры, что в 20 верстах от Ясной Поляны. Душевнобольной человек. Считал себя князем, хотел бы создать банки и на этом основании желал не работать, а жить за счёт других. Часто и подолгу бывал в Ясной Поляне, его все хорошо знали как человека незлобивого.

Толстой упоминал Блохина в статье «Так что же нам делать?», сравнивал стремление праздных и богатых людей, не работая, пользоваться трудом других с манией величия душевнобольного Блохина – «князя». В «Почтовом ящике» Ясной Поляны, заведённом летом 1883 г., куда вносились «сочинения» обитателей усадьбы Толстых, в шутивно-серьёзном «Скорбном листе душевнобольных яснополянского госпиталя» Толстой называет и Блохина, считая, что «блохинизмом» болели многие обитатели усадьбы. «Князь Блохин» неоднократно упоминается в дневнике.

«Князя» Блохина вспоминали многие Толстые, их друзья и посетители. Т.Л. Толстая в июне 1891 г. нарисовала «князя» Блохина.

Н.И. Шинкарьук

БЛУДОВ Дмитрий Николаевич (1785-1864), граф - литератор, друг Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова. В 1815 г. стал одним

из учредителей литературного общества «Арзамас». По рекомендации Батюшкова в 1807 г. Блудов начал дипломатическую службу, и его называли «перлом русских дипломатов». В 1826 г. по рекомендации Карамзина как человек, владеющий «отечественным языком в совершенстве», Блудов был назначен делопроизводителем Следственной комиссии по делу декабристов и написал обширный доклад «Донесение Следственной комиссии», который стал, по сути, основой

83

для приговора, вынесенного Верховным уголовным судом. «С чисто фактической точки зрения, ни прямых вымыслов, ни грубой лжи, ни каких-либо передержек “Донесение” в себе не содержало» (14 декабря 1825 года и его толкователи. М., 1994. С. 31). Однако современники отмечали сервилизм Блудова; один из друзей молодости А.И. Тургенев порвал с ним все отношения, а его брат декабрист Н.И. Тургенев большую часть своих записок посвятил критическому разбору этого сочинения (Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 97-174). С другой стороны, Н.П. Огарёв назвал «Донесение...» «драгоценным документом», полагая, что, «как ни старалась комиссия исказить дело, всё же донесение служит великой защитой, великим оправданием, похвальным словом для людей 14 декабря».

В 1832-1838 гг. Блудов был министром внутренних дел. В 1839-1862 гг. – главноуправляющим Вторым отделением Императорской канцелярии; он руководил разработкой «Уложения о наказаниях» -- первого уголовного кодекса России. Позднее – президент Академии наук, председатель Гос. совета и Кабинета министров. Блудову принадлежит несколько исторических очерков и статей: «Записки об известной самозванке Таракановой», «Дневные записки князя Меншикова» и др.

По воспоминаниям А.И. Кошелева, Блудов «был очень умен, образован и крайне добр; но характером он был слаб и труслив. <...> Добра он делал очень много, был доступен для всякого и готов был выслушивать каждого». Сходную характеристику дал и директор Московского архива юстиции П.И. Иванов: «Граф Блудов готов был оказать самое тёплое, самое радушное покровительство и поддержку каждому. Едва ли найдётся хоть один трудолюбивый или один даровитый писатель, который, имея нужду в покровительстве графа, мог бы сказать, что обращался к нему напрасно» (Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Самые знаменитые юристы России. М., 2003. С. 61, 64).

В подготовительных материалах к роману Толстого «Декабристы» есть «Блудова эпиграмма»:

Хотите ль, господа, между певцами
Узнать Карамзина отъявленных врагов.
Вот комик Шаховской с плачевными стихами,
А вот бледнеющий над рифмами Шишков.
Они умом равны, обоих зависть мучит,
Но одного сушит она, другого пучит (17: 458), —

правда, авторство Блудова в связи с этим текстом остаётся под вопросом.

Толстой был знаком с Блудовым и состоял с ним в переписке. В дневнике 1856 г. он неоднократно отмечал свои встречи с Блудовым: «Обедал у Блудова», «Был у Блудовых». Однако в целом отношение писателя к Блудову было сложным: в дневниковой записи 28 декабря 1856 г. Толстой дал хлёткую характеристику: «Блудов стерва». Позднее Толстой высказывал противоречивые суждения об этой сложной исторической личности по возможности «объективно»: «Это был очень интересный дом, где собирались писатели и вообще лучшие люди того времени. Я помню, что читал там в первый раз “Два гусара”. Блудов был человек когда-то близкий к декабристам и сочувствующий в душе всякому прогрессивному движению. Но он всё-таки продолжал свою службу при Николае» (запись А.Б. Гольденвейзера). Тут же, впрочем, Толстой высказывался и более резко, и менее лицеприятно: «Блудов - он мне покровительствовал, это я могу сказать, - был глупый» (ЯПЗ. 2. С. 434). Книга Е.П. Ковалевского «Граф Блудов и его время» (1866) имелась в библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

В качестве исторического персонажа Блудов несколько раз упоминался в вариантах повести «Хаджи-Мурат»: «За Чернышёвым и Долгоруким вошёл в ленте и штатском мундире маленький пухлый старик с докладом о новых законах, прошедших в Государственном совете. Это был Блудов, друг декабристов, бывший министр, тогда начальник 2-го отделения канцелярии составления законов» (35: 555), но в последнюю редакцию «Хаджи-Мурата» имя Блудова не вошло. Критическое отношение к нему как типичному явлению эпохи Николая I писатель сохранял и позднее.

В.А. Жаров, М.В. Строганов

БОБОРЫКИН Константин Николаевич (1829-1904) – поручик артиллерии, сослуживец Толстого в Кишинёве в штабе артиллерии Дунайской армии и в Севастополе. После войны служил в Китае и был консулом в Урге; впоследствии генерал-лейтенант, оренбургский военный губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска. В 1876—1888 гг. - орловский губернатор. Один из участников проекта

основания Общества для содействия просвещению и образованию среди войск, переросшего в октябре 1854 г. в проект журнала «Военный листок». В пробном номере журнала, направ-

84

лепном государю императору, была и статья Боборыкина «Находчивость и презрение к смерти русского солдата». Боборыкин высоко ценил произведения молодого Толстого, «с удовольствием и вниманием читал и перечитывал “Отрочество”», «Набег», читал отзывы в печати, а 26 января 1855 г. писал Толстому из Кишинёва: «После отзывов журналов не буду говорить, скажу только, что к любимым моим авторам Гоголю и Тургеневу прибавился ещё и г. Л.Н.Т.» (Гусев. Материалы. 1. С. 519). После войны общение с Боборыкиным не было особенно близким, но смерть его в 1904 г. вызвала горькие строки в письме к В.В. Стасову: «Как сухие листья осенью, сыпятся мои друзья сверстники: Боборыкин, Чичерин» (75: 42).

Н.И. Бурнашёва

БОБОРЫКИН Пётр Дмитриевич (1836-1921) – писатель, прозаик, автор многочисленных романов и повестей, преимущественно на злободневные темы («Жертва вечерняя», «Дельцы», «Китай-город», «Василий Тёркин» и др.). С 1914 г. в эмиграции.

В сочинениях Боборыкина Толстой ценил знание жизни, общественных нравов, быта. «Боборыкин, — заметил он, — писатель, по произведениям которого можно будет изучать быт современного общества. В этом отношении его писания являются ценным материалом» (ПРП. 2. С. 152).

С 1860-х гг. Толстой с Боборыкиным состояли в переписке. В 1863-1865 гг., будучи редактором-издателем журнала «Библиотека для чтения», Боборыкин пытался завязать с Толстым деловые отношения, но это не получилось: в то время Толстой уже погрузился в работу над «Войной и миром» и в журнале при Боборыкине не печатался.

В 1865 г. Боборыкин стал присылать в Ясную Поляну выходящие номера «Библиотеки для чтения», в которых публиковались и его собственные романы. «Прочтя оба ваши романа <“Земские силы” и “В путь-дорогу”. - В.Б.>, — писал ему Толстой летом 1865 г., — <...> я чувствую, что полюбил сильно ваш талант» (61: 99). При этом его отношение к Боборыкину было весьма критическим. В том же письме он подверг строгому разбору роман «Земские силы», заметив, что Боборыкин «пишет слишком небрежно и поспешно». Главное же —

Толстой упрекал его в мелкотемье: «Вопросы земства, литературы, эмансипации женщин и т.п. полемически выступают у вас на первый план, а эти вопросы в мире искусства не только не занимательны, но их нет. <...> Все эти вопросы трепещутся в маленькой луже грязной воды, которая кажется океаном только для тех, кого судьба поставила в середину этой лужи. Цели художества несоизмеримы <...> с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешать вопрос а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех её проявлениях» (61: 100). Правда, это письмо Толстой не отправил: поразмыслив, он написал Боборыкину другое письмо (оно не сохранилось).

В дальнейшем Толстой высоко оценил повесть Боборыкина «Труп», а о романе «Тяга» заметил, что Боборыкин «замечательно чуток» (71: 260). Поздние же произведения Боборыкина он не одобрял, находя, что у автора нет «определённого мирозерцания», а потому часто нельзя понять, что он хочет сказать.

Лично писатели познакомились в 1881—1882 гг., когда Толстой переехал в Москву. О своих встречах с Толстым Боборыкин подробно рассказал в очерке «В Москве у Толстого». Впоследствии он написал ещё несколько статей и воспоминаний о Толстом: «Юбилей Л.Н. Толстого» (Русское слово. 1908. № 199); «Толстой - вероучитель» (На чужой стороне. Вып. XIII. Прага, 1925). Упомянул он о Толстом и в своих воспоминаниях «За полвека».

В 1900 г. Толстой высказался за избрание Боборыкина почётным академиком.

В.М. Бокова

БОБРИНСКИЙ Алексей Павлович (1826-1894), граф — генерал-лейтенант, адъютант свиты его императорского величества. В 1872-1874 г. - член Гос. совета, почётный член городов Богородицка Тульской губ. и Скопина Рязанской губ.

Окончил Императорский Александровский лицей. В 1844-1846 гг. служил в Департаменте хозяйственных и счётных дел Министерства иностранных дел. Богатый помещик Богородицкого уезда, Бобринский в 1846-1855 гг. был уездным предводителем дворянства; в 1848 г. построил в Богородицке сахарный завод и создал пять хозяйственных хуторов для выращивания сахарной свёклы. Близ села Товаркова Богородицкого уезда заложил для производственных нужд завода угольную копию.

Участвовал в Крымской войне, в 1858 г. получил звание подполковника и стал флигель-адъютантом. В том же году командирован в Орёл для раздачи пособия погорельцам. После отмены крепостного права в 1861 г. — мировой посредник пер-

вого призыва. В 1868 г. был причислен к Министерству внутренних дел, в 1871 г. назначен товарищем министра путей сообщения, а спустя короткое время – министром путей сообщения. Активно содействовал в 1870-1874 гг. постройке Рязско-Вяземской железной дороги через Тулу с ветвью на Богородицк, Ефремов, Елец, способствовавшей развитию Подмосквовного угольного бассейна и хлебного рынка. Во время строительства Ростово-Владикавказской железной дороги, как вспоминал виднейший гос. деятель России С.Ю. Витте, «вёл дело крайне самостоятельно». В результате возникших разногласий с Александром II он «подал в отставку и уехал к себе в деревню и больше уже из своей деревни (в Тульской губернии) не выезжал. Если он и бывал в Петербурге, то только инкогнито, причём он сделался редстокистом» (Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 124-125). Бобринский вышел в отставку в 1880 г.

Деятельность Бобринского на посту министра путей сообщения запечатлел Н.А. Некрасов во второй части поэмы «Современники»:

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нём видели мессию;
Попал на министерский стул
И наглушил на всю Россию!

Толстой заинтересовался личностью Бобринского в 1870-е гг., когда его стал беспокоить вопрос о религиозно-духовном смысле жизни. В «Исповеди» он писал, что в поисках ответа обращался к верующим людям своего круга, к учёным, к монахам и «к так называемым новым христианам, исповедующим спасение верою в искупление». Он «ухватывался за этих верующих и допрашивал их о том, как они верят и в чём видят смысл жизни» (23: 38). Одним из представителей «новых христиан» в России был граф Бобринский.

В 1874 г. в великосветских салонах Петербурга появился англичанин лорд Гренвиль Редсток, проповедовавший спасение одной верой в искупительную Крестную жертву Иисуса Христа. Вскоре последователи Редстока, названные по имени их лидера «редстокистами», объединились в общество, имевшее все особенности секты. Позднее многие из них пошли за В.А. Пашковым и стали называться «пашковцами». Среди последователей этого учения был и Бобринский.

В феврале 1876 г. Бобринский приехал в Ясную Поляну. В письме С.С. Урусову 21 февраля 1876 г. Толстой писал: «На днях был у меня Бобринский, Алексей Павлович. Он очень замечательный человек, и, как

нарочно, разговор зашёл о религии. Он горячий верующий, и его слова после вас имели на меня то же влияние, чувство зависти к той высоте и спокойствию, которыми вы обладаете».

В письме к А.А. Толстой 20-23 марта 1876 г. Толстой сообщал, что Бобринский поразил его искренностью и жаром своей веры. «И никто, никогда лучше мне не говорил о вере, чем Бобринский. Он неопровержим, потому что ничего не доказывает, а говорит, что он только верит, и чувствуешь, что он счастливее тех, которые не имеют его веры, и чувствуешь, главное, что этого счастья его веры нельзя приобрести усилием мысли, а надо получить его чудом». Между Толстым и Бобринским завязалась переписка. Письма Толстого неизвестны.

Бобринский снова побывал в Ясной Поляне в начале июня 1878 г. Но Толстой, увлечённый в этот период собственными поисками веры, начал терять интерес к учению, которое проповедовал пламенный редстокист-пашковец. После отъезда гостя он записал в дневнике: «Был Бобринский. Измучил меня своими разговорами о религии, о Слове. Его страсть говорить! Самообольщение удивительное. Для меня он важен был тем, что на нём с ужасной очевидностью ясно заблуждение основания веры на слове, на одном слове» (3 июня).

Д.Д. Оболенский, приятель Толстого, вспоминал, что в конце 1870-х-начале 1880-х гг. писатель «вёл продолжительные споры с редстокистами, которые помышляли сделать из него своего адепта. Однако полёт Льва Николаевича был куда выше их усилий. Но гг. Редсток, Пашков, гр. А.П. Бобринский <...> надеялись сделать его своим.

-- Мне нужен редстокист, но настоящий, -- как-то сказал мне Лев Николаевич. И мне удалось завезти в Ясную Поляну бывшего министра путей сообщения графа А.П. Бобринского. Спор его с Львом Николаевичем был очень интересен и отразился на нескольких страницах в "Анне Карениной", где Алексей Александрович Каренин делается редстокистом, оставляя свой высокий служебный пост... Но гр. Бобринский остался не особенно доволен результатами своей миссии» (Оболенский Д.Д. Отрывки. Из личных воспоминаний // ТВС. I. С. 194). В седьмой части «Анны Карениной» (гл. XXI-XXII) писатель иронически упомянул о последователях этого сектантского учения.

Бобринский с женой посетили Толстого в сентябре 1891 г. в Пирогове, имении

86

С.Н. Толстого, где Толстой гостил в то время. После их отъезда в дневнике Толстой записал: «Были накануне Бобринские. Мало интересного» (52: 53).

Окончательно Бобринский перестал интересоваться писателя после того, как 9 сентября 1892 г. поезд, в котором Толстой ехал из Тулы для помощи голодающим, нагнал на станции Узловая другой поезд с 400 солдатами, ехавшими усмирять крестьян села Бобрики, не дававших помещику Бобринскому рубить лес, который они считали своим. Своему знакомому М.В. Алёхину 7 октября 1892 г. Толстой эту встречу описал так: «На днях, ехавши в Бегичевку, я съехался с экстренным поездом солдат с розгами и боевыми патронами, ехавших усмирять тех голодных, с которыми мы жили последний год». Дочь писателя, Татьяна Львовна, сопровождавшая отца, писала матери: «Это произвело на нас всех и особенно на папа́ ужасно неприятное впечатление». 12-ю, заключительную, главу трактата «Царство Божие внутри вас» Толстой написал под непосредственным впечатлением встречи на станции Узловая. Описание этой встречи принадлежит к самым волнующим страницам толстовской публицистики.

Е.В. Белоусова

БОБРИНСКИЙ Владимир Алексеевич («Димир», «Димер»; 1867 или 1868— 1927), граф - сын А.П. Бобринского. В 1887 г. В. Бобринский поступил волонтером в лейб-гвардии гусарский полк. В 1889 г. уволился в запас в чине корнета. Вернувшись в родовое имение в Богородицком уезде Тульской губ., включился в общественную деятельность. В начале 1890-х гг. В. Бобринский был избран гласным Богородицкого уездного земского собрания.

В 1891-1893 гг., когда во многих губ. центральной России разразился голод, Толстой своим участием в бескорыстной помощи голодающим подал пример многим современникам. В числе его ближайших помощников в работе «на голоде» был В. Бобринский. «...Извести Димира Бобринского, он <...> к Бибиковым приедет и будет там помогать. Он очень усердно работает...» - сообщал писатель дочери, Татьяне Львовне, 2 февраля 1892 г. из Бегичевки. 12-15 февраля Толстой посетил Богородицкий уезд, чтобы познакомиться с положением местных крестьян. Во время этой поездки он остановился в имении В. Бобринского, который тогда был членом Богородицкой земской управы и председателем Богородицкого уездного попечительства Красного креста. «Доехали мы прекрасно до Богородицка. Застали Бобринского и поехали с Димером до Бибиковых. Там поездили по деревням, и я нашёл, что при той большой выдаче, которая даётся, помощь столовых не нужна», — писал Толстой жене 14 февраля 1892 г.

В 1895-1898 гг. В. Бобринский состоял председателем земской управы. Он находился под негласным надзором жандармской управы как один из лидеров основанной в Тульской губ. либеральной партии.

В 1900-е гг. Бобринский был депутатом III и IV Гос. дум от Тульской губ. В 1919 г. эмигрировал, жил в Германии, Югославии, Париже.

Лит.: Бурлакова Т.Т. Мир памяти: Толстовские места Тульского края. — Тула, 1999.

Е.В. Белоусова

БОГДАНОВИЧ Модест Иванович (1805-1882) – военный историк; генерал-лейтенант (1863), профессор кафедры военной истории Академии Генерального штаба, официальный военный историограф.

Автор работ по истории Наполеоновских войн, в т.ч. «Истории Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам» (т. 1-3. СПб., 1859-1860), которая явилась высшим достижением русской официальной историографии темы и поныне остаётся самой подробной историей этой войны. Исследование Богдановича сыграло важную роль в формировании канонической трактовки событий 1812 г., а также отличалось обширной источниковой базой. Продолжением темы стали исследования «История войны 1813 г. за независимость Германии» (т. 1-2. СПб., 1863) и «История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона» (т. 1-2. СПб., 1865). Богдановичу принадлежала также фундаментальная монография «История царствования императора Александра I и России в его время» (т. 1-6. СПб., 1869-1871), работая над которой он пользовался секретными архивными материалами (в частности, связанными с историей декабристов).

Толстой был знаком с трудами Богдановича, прежде всего с «Историей Отечественной войны», использовал их при создании «Войны и мира», извлекая не только необходимую информацию, но и цитируя некоторые опубликованные там документы. В черновиках «Войны и мира» неоднократно встречаются записи типа: «Богд[анович] 260 стр.», «289 Богд[анович]», «(Б[огданович] 323 Б[огданович] 347)» (13: 38,39,46) — напоминание самому себе посмотреть, справиться

87

о чём-то у Богдановича. Или: «Костёр после Красного. Кутузов после Красного. – Богданович»; «Красное. Торжество Кутузова. Богданович» (14: 142) – указание, каким материалом пользоваться в процессе работы. И чуть позднее – очевидное несогласие с Богдановичем в оценке деятельности Кутузова: «Отчего, ежели они были виноваты в том, что не достигнута была предназначавшаяся цель, как Кутузов под Красным (в истории Богдановича, писанной по высочайшему повелению, прямо

сказано, что Кутузов виноват в неуспехе дела под Красным), отчего их не судили и не казнили?» (15: 180). В конспективных записях к Эпилогу и к статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» тоже упоминался Богданович: «О Богдановиче нельзя говорить – ничего самостоятельного» (15: 140).

В конце 1870-х гг., вернувшись к работе над романом о декабристах, Толстой внимательно изучал материалы, опубликованные в книге Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время». В 1878 г. через В.В. Стасова он пытался узнать (неудачно) у Богдановича как знатока Александровского царствования, правдиво ли утверждение, слышанное Толстым от декабриста П.Н. Свистунова, что историк Н.М. Карамзин особенно настаивал на смертной казни декабристов.

В.М. Бокова

БОДЛЕР Шарль (Baudelaire; 1821—1867) – один из самых загадочных поэтов Франции, предшественник французского символизма, критик и переводчик. Спокойствию классиков и бурным страстям романтиков противопоставил двойственные, переходные настроения, создал, по словам В. Гюго, «новый трепет» в поэзии. Отказался от некоторых положений теории «искусства для искусства». Выступал против реализма. Предвосхитил все направления современной литературы. Современники называли его «проклятым поэтом». Главный сборник его стихотворений, «Цветы зла», был признан «непристойным», «оскорбляющим общественную мораль», а самому поэту был предъявлен судебный иск. Судебное постановление вменяло в вину «грубый и оскорбляющий стыдливость реализм» (Бодлер Ш. Цветы зла. СПб., 1999. С. 7). Бодлер, писал Горький, «жил во зле, добро любя», и был далеко не безразличен к нравственным проблемам.

Толстой был знаком с поэзией Бодлера. Ещё в 1857 г. вместе с Тургеневым он решил, что французы народ не поэтический: «Правду писал Тургенев, что поэзии в этом народе *il n'y a pas*» <нет. - фр.> (60: 168). Ответ на вопрос «что такое искусство?» Толстой искал в полемике с элитарными литературными течениями на примере творчества Бодлера.

Имя французского поэта для Толстого было связано с новой декадентской литературой. 6 ноября 1892 г. Толстой записал в дневнике: «От Страхова письмо о декадентах. Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени. Нынешние декаденты, Baudelaire, говорят, что для поэзии нужны крайности добра и крайности зла. Что без этого нет поэзии. Что стремление к одному добру уничтожает контрасты и потому поэзию. Напрасно они беспокоятся. Зло так сильно – это весь фон, – что

оно всегда тут для контраста. Если же признавать его, то оно всё затянет, будет одно зло и не будет контраста. Даже и зла не будет – будет ничего. Для того, чтобы был контраст и чтобы было зло, надо всеми силами стремиться к добру». Тем не менее Бодлер Толстого заинтересовал, и он просил С.А. Толстую, бывшую в Москве, прислать ему книгу. 15 ноября 1892 г. он ей сообщил, что «Baudelaire получил. Не стоило того. Это только чтобы иметь понятие о степени развращения fin de siècle'a <конца века. – фр.>».

В яснополянской библиотеке писателя имеется Полное собрание сочинений (Paris, 1892) Бодлера на французском языке в семи томах с предисловием Т. Готье; «Цветы зла» (т. 1) и «Маленькие поэмы в прозе» (т. 4) — обе книги с пометами Толстого.

В трактате «Что такое искусство?» Толстой писал: «Theophile Gautier в своём предисловии к знаменитым “Fleurs du mal” говорит, что Бодлер сколь возможно изгонял из поэзии красноречие, страсть и правду, слишком верно переданную. <...> И Бодлер не только высказывал это, но и доказывал это как своими стихами, так тем более прозой в своих “Petits roemes en prose”, смысл которых надо угадывать, как ребусы, и большинство которых остаются неразгаданными» (30: 90). Поэтому Толстому было удивительно: как французы «могли приписать такое значение и считать великими» Бодлера и Верлена, «очень неискусных по форме и весьма низких и пошлых по содержанию? Мирозерцание <...> Бодлера состоит в возведении в теорию грубого эгоизма и замене нравственности неопределённым, как облака, понятием красоты, и красоты непременно искусственной. Бодлер предпочитал раскрашенное женское лицо натуральному и металлические деревья и минеральное подобие воды – натуральным.

88

<...> Оба притом не только совершенно лишены наивности, искренности и простоты, но оба преисполнены искусственности, оригинальничанья и самомнения» (30: 99).

По мнению Толстого, «Бодлер и Верлен придумывают новую форму, при этом подновляя её ещё неупотребительными до сих пор порнографическими подробностями. И критика и публика высших классов признаёт их великими писателями. Только этим объясняется успех не только Бодлера и Верлена, но и всего декадентства» (30: 100).

В трактате «Что такое искусство?» процитировано пять стихотворений Бодлера на французском языке «из его знаменитых “Fleurs du mal”»: «Duellum» («Дуэль»), «Je t'adore a l'égal...» («Я обожаю тебя наравне...») и

из «Petits poemes en prose»: «L'etranger» («Чужестранец»), «La soupe et les nuages» («Суп и облака»); «Le gallant tireur» («Галантный стрелю»).

Вот суждение Толстого о «Чужестранце»: «Для того, чтобы быть точным, я должен сказать, что в сборнике есть стихотворения менее непонятные, но нет ни одного, которое было бы просто и могло бы быть понято без некоторого усилия, -- усилия, редко вознаграждённого, так как чувства, передаваемые поэтом, и нехорошие, и весьма низменные чувства. Выражены же эти чувства всегда умышленно оригинально и нелепо. Преднамеренная темнота эта особенно заметна в прозе, где автор мог бы говорить просто, если бы хотел» (30: 94). Толстой считал, что «пьеса <здесь и далее: стихотворное произведение. – А.П.> “La soupe et les nuages”» должна, «вероятно, изображать непонятость поэта даже тою, кого он любит» (30: 95). «Как ни искусственно это произведение, с некоторым усилием можно догадаться, что хотел сказать им автор». Толстой полагал, что «есть пьесы совершенно непонятные», например, смысла стихотворения «Le Galant tireur» он «не мог понять совершенно» (30: 96).

Бодлер упоминался в статье «О Шекспире и о драме» как пример «литературных наваждений»; иронически звучало его имя в черновиках романа «Воскресение». В статье «О том, что называют искусством» Толстой писал о «новых поэтах», которые «открывают новые пути, и дошло до того, что плоская бездарность Бодлер и Верлен считаются поэтами, и по открытому ими пути кишат их продолжатели – Маларме и подобные ему, пишущие что-то, по их мнению, прекрасное, но никому не понятное. То же делают у нас в России какие-то непонятные люди» (30: 246). В черновиках этой статьи Толстой признался, что когда он читает «стихи Бодлера, Верлена Маларме, драму Ибсена, Метерлинка» и слушает Вагнера, Листа, Штрауса, то не знает, «мистификация это или серьёзно» (30: 483).

Несмотря на пристрастное отношение к творчеству Бодлера и полемику с ним, Толстой всё же оценил его: «некоторые вещи у них <у Бодлера и Метерлинка. - А.П.> не лишены интереса и своеобразной красоты» (ЛН. Т. 37-38. Кн. 2. С. 451).

А.Н. Полосина

БОКЛЬ Генри Томас (1821-1862) – британский историк, автор труда «History of civilization of England» («История цивилизации в Англии»). Доказывал, что умственный прогресс и приобретение практических умений являются главными факторами исторического развития. Опровергал тезисы и о господстве случайности в истории, и о предопределённости исторического процесса, о его заданности сверхъестественными силами. Придерживался идеи географического

детерминизма, объяснял эволюцию народов преимущественным влиянием почвы, климата, пищи, ландшафта. Полагал, что одни географические условия способствуют развитию рассудка, подчиняющего природу человеку (Европа), другие – развитию воображения, гармонизирующего жизнь человека в природе (районы возникновения древних цивилизаций). Объясняя явления истории, отводил важную роль статистическим данным, характеризующим поведение больших масс людей. Бокль оказал заметное влияние на процесс становления истории как научной дисциплины.

Имя Бокля и его основной двухтомный труд «История цивилизации в Англии» (1858-1861) были весьма популярны в России в 1860-1880-е гг. Менее чем за пять лет книга выдержала три издания. Всего лишь через год после выхода её второго тома на родине автора (1861) полностью, со всеми примечаниями, она была издана в С.-Петербурге (Бокль. История цивилизации в Англии. Т. I–II. Пер. А.Н. Буйницкого и Ф.Н. Ненарокова. СПб., 1862). В этом переводе и читал её Толстой (в яснополянской библиотеке не сохранилась). В 1860–1862 гг. труд Бокля в русском переводе был с сокращениями напечатан в «Отечественных записках». В 1863 г. в полном виде книга Бокля в переводе К.Н. Бестужева-Рюмина была ещё раз напечатана в издании Н. Тиблена. Интерес отечественной интеллигенции к труду Бокля разделил и Толстой, в 1860-е гг. напряжённо размышлявший над историософскими вопросами.

89

Впервые упоминания Бокля встречаются в педагогических статьях Толстого начала 1860-х гг. В статье «Воспитание и образование» (1862), говоря о «недостатках университетов», Толстой ссылаясь, в частности, и на то, что студенты заняты «чтением новых книг, имеющих блестящий успех в Европе, без всякой связи и отношения к предметам, которыми занимаются: Льюис, Бокль и т.п.» (8: 232). В статье «Прогресс и определение образования» (1862-1863), осмысливая предложенное Боклем определение прогресса, Толстой вступал с ним в спор. «Может быть, прогресс есть закон, открытый только европейскими народами, но столь разумный, что ему должно подлежать всё человечество, — рассуждал он. — В этом смысле прогресс есть путь, по которому идёт известная часть человечества и который признаёт эта часть человечества ведущим её к благосостоянию. В таком смысле понимает Бокль прогресс цивилизации европейских народов, включая в это общее понятие прогресса – прогресс социальный, экономический, наук, искусств, ремёсел и в особенности изобретения пороха, книгопечатания и путей сообщения.

Такое определение прогресса ясно и понятно: но невольно представляются вопросы: 1-й, - кто решил, что этот прогресс уведёт к благосостоянию? Для того чтобы поверить этому, мне нужно, чтобы не исключительные лица, принадлежащие к исключительному классу: историки, мыслители и журналисты — признали это, но чтобы вся масса народа, подлежащая действию прогресса, признала, что прогресс ведёт её к благосостоянию. Мы же видим постоянно противоречащее этому явление. 2-й вопрос состоит в следующем: что признать благосостоянием: улучшение ли путей сообщения, распространение книгопечатания, освещение улиц газом, распложение домов призрения бедных, бордели и т.п., или первобытное богатство природы — леса, дичь, рыбу, сильное физическое развитие, чистоту нравов и т.п.? Человечество живёт одновременно столь многоразличными сторонами своего бытия, что определить степень его благосостояния в известную эпоху и определить её человеку — невозможно. Один человек видит только прогресс искусства, другой — прогресс добродетели, третий — прогресс материальных удобств, четвёртый — прогресс физической силы, пятый — прогресс социального устройства, шестой — прогресс науки, седьмой — прогресс любви, равенства и свободы, осьмой — прогресс газового освещения и машинного шитья. И человек, который бесстрастно будет относиться ко всем сторонам жизни человечества, всегда найдёт, что прогресс одной стороны всегда выкупается регрессом другой стороны человеческой жизни». И потому, не соглашаясь с определением «прогресса цивилизации европейских народов» Бокля, Толстой заключал, «что, во-1-х, признать прогресс ведущим к благосостоянию можно только тогда, когда весь народ, подлежащий действию прогресса, будет признавать это действие хорошим и полезным <...> и, во-2-х, тогда, когда будет доказано, что прогресс ведёт к совершенствованию всех сторон человеческой жизни или что взятые вместе последствия его влияния преобладают добрыми и полезными над дурными и вредными» (8: 333-335).

Иронически упоминал Толстой Бокля в неоконченной комедии «Заражённое семейство» (1863-1864), где гимназист Петруша (Пётр Иванович, 15 лет), пытаясь доказать родителям и окружающим свою самостоятельность, говорит: «Я вдумался в своё положение и убедился, что семья есть главная преграда для развития индивидуальности; отец посылает меня опять в гимназию, а я убедился, что стал выше всех преподавателей по своему развитию. Я сейчас читал Бокля. Он это самое говорит» (7: 254).

Своё критическое отношение к историческим построениям Бокля Толстой высказал и на страницах второй части эпилога «Войны и мира». Вину «новой истории», одним из создателей которой был Бокль, Толстой видел в признании того, что «1) народы руководятся единичными

людьми и 2) что существует известная цель, к которой движутся народы и человечество» (гл. 1). Не соглашаясь с этим, Толстой утверждал, что «до тех пор пока пишутся истории отдельных лиц, -- будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не история всех, без одного исключения всех людей, принимающих участие в событии, -- нет никакой возможности описывать движение человечества без понятия о силе, заставляющей людей направлять свою деятельность к одной цели». А именно так и «сделал Бокль» (гл. 3). Современная история, с сожалением отмечал Толстой, «на вопросы человечества о законах видоизменения масс продолжает отвечать описанием исторических деятелей, которыми одни признают царей и министров, а Бокль, стоящий ближе всех к истине, но потому более всех противуречивый, -- цивилизаторов человечества <...> предполагая и утверждая, что в этих деятелях выражается характер времени, которого они современники, и вся деятельность масс» (15: 222).

90

Бокль для Толстого был одним из тех историков, в полемике с которыми формировались его оригинальные историософские воззрения.

М. А. Лукацкий

БОЛХИНЫ

Гавриил Ильич (1831-1885) – из потомственных яснополянских крестьян; бондарь в усадьбе Толстых. Человек характера неуживчивого, часто ссорился с соседями, на сходках бывал криклив. За оскорбление крестьянина Антонова на сходке в 1870 г. Болхин был наказан 15 плетьюми. Яснополянцы подозревали Болхина в конокрадстве. Жил он бедно, часто за ним бывали недоимки. Семья Болхиных была хорошо знакома Толстому: многие были характера бойкого, даже буйного. Жили все в родовом гнезде. О них Толстой скажет: «Их деды шалили. Были очень сильные. Воровали, тащили возы в лес» (ЯПЗ. 1. С. 417).

Болхины послужили прототипами нескольких героев Толстого: так, в романе «Декабристы» фигурирует Болхин Гаврюха в драке крестьян с землемером. Его вместе с другими посадили в острог. «...Болхин — отчаянная голова», -- написал Толстой (17: 286).

В январе 1885 г. в Ясной Поляне разыгралась трагедия, какой давно не случалось. Гаврилу Болхина в очередной раз заподозрили в краже лошадей и при выяснении дела крестьяне его избili до полусмерти, а через два дня он умер в Туле в больнице. Узнав об этом, Толстой писал князю Л.Д. Урусову: «Какое страшное дело убийство Болхина <в письме:

Блохина. -Н.Ш.»> (63: 204). Толстой участвовал в рассмотрении дела в суде.

Григорий Ильич (1836-1912) — яснополянский крестьянин, брат Гаврилы Ильича. Был хорошо знаком с Толстым, часто косили вместе. В рассказе «Идиллия» изображён Гришка Болхин. Выбор имени этого героя становится более понятным при ознакомлении с рукописью дворового человека Толстых Н.И. Власова. В ней рассказано о трогательной любви Григория Болхина и его жены Аксины, несмотря на лишения и тяжёлую нужду (гл. XVIII). Честность, трудолюбие и оптимизм были присущи этим людям. Власов дал портрет Григория: «Высокий рост, кудрявые чёрные волосы, худое красивое лицо и добрые честные глаза» (ОР ГМТ).

Толстой лично принимал участие в решении дела о якобы краже Григорием колёс, посещал его в остроге в Туле, добился оправдания Григория и возвращения ему колёс, о чём записал в дневнике в 1881 г.

Яснополянец Алексей Бочаров в дневнике в 1878 г. характеризует Григория как мужика старательного, хозяйственного, не похожего по характеру на своего брата Гаврилу.

Н.И. Шинкарьюк

БОНДАРЕВ Тимофей Михайлович (1820-1898) – крестьянин из Земли войска Донского, сектант. Корреспондент и адресат Толстого. За религиозные сектантские убеждения был сослан в Сибирь, где прожил более пятидесяти лет, занимаясь сельским трудом. В Сибири продолжал держаться секты субботников.

Бондарев написал книгу «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», где рассматривал библейскую заповедь «в поте лица снеси хлеб, в муках родиши чада», обосновывал мысль, что человек должен трудиться, достигать всего своим трудом. Это главная заповедь Бога. Бондарев называл её «первородным законом».

Толстой получил рукопись Бондарева в начале июля 1885 г. «Удивительно сильно. Вся наука экономическая ничего подобного не сказала», — так оценил он этот труд (63: 275). Цензура запретила книгу. Тогда Толстой стал хлопотать об её издании за границей; она была опубликована с предисловием писателя в 1890 г. в Париже. Впоследствии Толстой не раз обращался к ней.

Н.И. Шинкарьюк

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873-1955) литератор; издатель; деятель революционного движения (с 1892 г.); историк и исследователь сектантства; доктор исторических наук. Корреспондент и

адресат Толстого. Помогал в сборе материала для «политических» глав «Воскресения», в издании романа Толстого за границей и в сборе архивных материалов о русских сектантах, предпринятом В.Г. Чертковым. После Октябрьской революции в 1917-1920 гг. – управляющий делами Совнаркома; в 1932– 1939 – директор Гос. Литературного музея.

Родился в семье землемера; учился в Константиновском межевом институте в Москве (исключён за участие в студенческих волнениях), в Курском землемерном училище. В 1896 г. был вынужден уехать за границу; учился на факультете естественных наук в университете в Цюрихе; в Россию вернулся в 1905 г. С 1895 г. – член РСДРП; сотрудничал в газете «Искра» и в др. партийных изданиях; с 1912 г. – в газете «Правда». Не раз был арестован. С 1890-х гг. постоянно печатал в легальной и

91

нелегальной прессе публицистические статьи, литературные очерки, рецензии.

Толстой познакомился с Бонч-Бруевичем в редакции «Посредника» в 1895 г., расспрашивал его о подпольной партийной работе; получил от него гектографированный экземпляр русского перевода запрещённой в России пьесы немецкого драматурга Г. Гауптмана «Ткачи».

В апреле 1899 г. Бонч-Бруевич сопровождал пароход с четвёртой партией духоборов (2300 человек), переселявшихся в Канаду, о чём позднее написал в книге «Духоборцы в канадских прериях».

В феврале 1905 г. в Ясной Поляне была получена книга некоего В. Ольховского (псевдоним Бонч-Бруевича) «Назарены в Венгрии и Сербии» (К истории сектантства)», изданная «Посредником». Толстой 10 февраля интересовался у Маковицкого: «Видели ли вы книгу о назаренах? Хорошая книга. Кто это Ольховский?» (ЯПЗ. 1. С. 169).

Книга сохранилась в яснополянской библиотеке, в ней есть пометы Толстого и Маковицкого. Фрагменты книги, отредактированные Толстым, тогда же вошли во второй том «Круга чтения» под заглавием: «О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии».

Ещё при жизни Толстого Бонч-Бруевич заинтересовался цензурной историей романа «Воскресение»: сличив тексты «Воскресения» в издании Маркса и «Свободного слова», он насчитал в романе 497 разного рода цензурных искажений, пропусков и перифраз (см. его статью «По поводу русского издания “Воскресения” Л.Н. Толстого» // Минувшие годы. 1908. № 11). В 1911-1912 гг. был редактором «Известий Общества толстовского музея», опубликовал в № 2 за 1911 г. статью «Конфискованные произведения Л.Н. Толстого». После революции был

одним из инициаторов и участников Юбилейного издания Полного собрания сочинений Толстого, издания «Яснополянских записок» Д.П. Маковицкого. Автор воспоминаний «Мои встречи с Л.Н. Толстым» // Искусство. 1929. № 3-4. С. 32—35.

Н.И. Бурнашёва

БОРИСОВЫ

Аксинья Титовна (1849-?) — яснополянская крестьянка, дочь кучера Тита Борисова. Была замужем за кучером Толстых Ларивоном. Он подробно описан в рассказе «Фальшивый купон»: из солдат, красавец, щёголь, загрузил о лёгкой жизни, запил, начал воровать. Попал в острог, где и умер от чахотки, оставив Аксинью с четырьмя детьми. В «Записках христианина» Толстой отметил, что приходила к нему Тита Борискина баба, т.е. мать Аксиньи. Просила помощи для своей дочери-вдовы с пятью детьми.

Алексей Петрович (1869 – после 1924) и **Филипп Петрович (1874-1919)** – яснополянские крестьяне. Братья служили в усадьбе Толстых: Алексей дворником, Филипп - кучер, почтарь. Оба очень старательные, добросовестные, добрые. Многие в усадьбе относились к ним как к глупым. Толстой их неизменно защищал, считал людьми умными и нравственно здоровыми. Филя был вхож в дом Толстых, дружил с их детьми. Пел, играл на балалайке. О нём Толстой хотел написать.

Филька сопровождал писателя на станцию при его уходе из Ясной Поляны. Сам Филипп Петрович рассказывал об этом в 1918 г. В «Почтовом ящике», который возродила в Ясной Поляне А.Л. Толстая в 1923 г., Филью сравнили с «божьей коровкой».

Н.И. Шинкарьук

БОТКИН Василий Петрович (1811/1812-1869) – критик, философ, переводчик, очеркист. Сын крупного московского чаеоторговца, среди его младших братьев известны знаменитый врач Сергей Петрович, академик живописи Михаил Петрович, коллекционер Дмитрий Петрович. Сестра Мария Петровна была женой А.А. Фета.

Один из образованнейших людей России середины XIX в., блестящий теоретик искусства, литератор, Боткин обращал внимание на себя нестандартностью своих взглядов и уже в 25 лет активно сотрудничал в журналах «Телескоп» и «Молва», переводил произведения Э.-Т.-А. Гофмана. Вскоре В.Г. Белинский пригласил его в «Отечественные записки». Будучи в Париже, Боткин познакомился с французскими социалистами и К. Марксом, увлекался социалистическими идеями, но не разделял идей русских революционных демократов о насильственной борьбе.

С 1855 г. Боткин сотрудничал с журналом «Современник». Он с похвалой отзывался о произведениях молодого Толстого, отмечая в них «невыразимую естественность и поэзию», «верно запечатлённую частность как живую организацию целого». Повесть «Юность» Боткин прочёл в корректуре и, по словам Толстого, был в восхищении от неё. Позднее критик говорил о повести, что «каждая строчка написана на меди» (Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 316).

Толстой познакомился с Боткиным в декабре 1855 г. Вскоре они стали друзьями.

92

Большой интерес представляет их переписка, охватывающая 1856—1862 гг.: до нас дошли 16 писем Толстого и 9 писем Боткина. До конца дней Боткин сохранил искреннюю любовь к творчеству Толстого. В последний год жизни он читал «Войну и мир», восторженно отзываясь об этом «глубоко русском произведении».

В.П. Боткин (слева), И.С. Тургенев (в центре),
А.В. Дружинин (справа).
Рисунок Д.В. Григоровича

Под воздействием общения с Боткиным у Толстого возник замысел будущих рассказов «Альберт» и «Люцерн». В письмах из Европы во время первого своего заграничного путешествия писатель делился с Боткиным впечатлениями и размышлениями: у него даже явилась мысль «восстановить» свои беглые записи в «форме писем» к Боткину.

Боткину показал Толстой первоначальный набросок своего кавказского романа (будущая повесть «Казачьи»), и тот воодушевил его непременно продолжить работу: «Напишите-ка Ваш Кавказский роман так, как Вы его начали, — и Вы увидите, как Щедрины и Мельниковы тотчас будут поставлены на свои места. В это я так же верю, как в

действие солнечного света». Предсказание Боткина относительно будущего успеха этого сочинения оказалось верным.

В 1859 г. вышла повесть «Семейное счастье», которую Толстой посчитал своей неудачей. В отчаянье он писал Боткину: «Я теперь похоронен и как писатель и как человек». Со свойственной ему разумностью Боткин, отмечая недостатки повести, делал вывод: «Но даже и в том виде, в каком она есть, всё-таки это прекрасная вещь, исполненная серьёзного и глубокомысленного таланта».

В конце 1850-х гг. у Толстого возникло желание организовать «чисто художественный журнал», редактором которого был бы Боткин. Толстой писал ему: «Цель журнала одна: художественное наслаждение, плакать и смеяться». Назначение журнала — сделаться «учителем публики» в деле художественного вкуса. «Всё, что является и явится чисто художественного, должно быть притянуто в этот журнал» (издание не осуществилось).

В начале 1860-х гг. наметилось расхождение Толстого с Боткиным по вопросам будущего устройства России. Толстой увлёкся идеей сближения дворянства и крестьянства, усиленно искал пути их примирения как залог успешного реформирования страны. Боткин же придерживался иной точки зрения, считая, что спасение России «не в житье по-народному, а в разуме и цивилизации». Он писал Толстому: «Я остаюсь верен моей старой вере и моим старым богам и теперь ещё более, чем прежде».

Последняя встреча Толстого и Боткина состоялась в феврале 1861 г. Вопросы, возникшие в ходе их бесед, остались без ответов, и оба ясно поняли, что они оказались «разными полюсами». Несмотря на прекращение личных встреч, Боткин продолжал внимательно следить за творчеством Толстого. По поводу романа «Война и мир» в письме к А.А. Фету 9 июня 1869 г. он замечал: «...этот роман во всех отношениях превосходит... Какая яркость и вместе глубина характеристики! Какой характер Наташи и как выдержан! Да, всё в этом превосходном произведении возбуждает глубочайший интерес» (Фет А.А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 196).

Тонкий ценитель слова, Боткин на раннем этапе становления Толстого-писателя сумел разглядеть его огромное дарование.

Лит.: Боткин В.П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1981.

Л.Ф. Подсвинова

БРОНЕВСКИЙ Евгений Алексеевич (1826-1868) – офицер, сослуживец Толстого в Севастополе, родственник его казанских

знакомых. Штабс-капитан Броневский вызывал у Толстого неизменно доброе отношение: в дневнике и в письмах неоднократно упоминалось это имя. 11 марта 1855 г. в дневнике запись: «Броневский один из милейших людей, которых я встречал когда-либо». 13 марта в письме к Т.А. Ёргольской: «Я не встречал ещё человека с таким горячим сердцем и благородством натуры». Подобная оценка Броневского звучала и в письме к С.Н. Толстому 3 июля: «В марте стало теплее, и приехал в батарею милый, отличный человек Броневской, я стал опоминаться...» В единственной сохранившейся рукописи рассказа «Севастополь в мае» Толстой однажды оговорился, назвав будущего Михайлова «Броневским». Зная, что многое в произведениях Толстого «пи-

93

салось с натуры», иногда даже и фамилии персонажам в черновых рукописях автор давал настоящие, чтобы «яснее представить», с кого пишет, можно предположить, что какие-то качества и черты севастьяпольского сослуживца Толстого штабс-капитана Броневского отразились в облике штабс-капитана Михайлова во втором севастьяпольском рассказе.

Н.И. Бурнашова

БРОНТЕ Шарлотта (Bronte Charlotte; псевд.: Currer Bell; 1816-1855) – английская писательница, одна из трёх сестёр Бронте. 9/21 июля 1857 г. В.П. Боткину Толстой с восторгом писал о ней: «Прочтите биографию Currer Bell, ужасно интересно по интимному представлению литературных воззрений...» Толстой читал роман Бронте «Джейн Эйр» в конце 1850-х гг., когда интерес его всё больше и больше концентрировался на проблемах воспитания и образования, а в этом романе писательница затрагивает злободневные вопросы образования бедных слоёв общества. В библиотеке Толстого в Ясной Поляне имеется первый том этого сочинения: Charlotte Bronte. Jane Eyre: An autobiography / By Currer Bell. – Leipzig, 1850. – 2 vol. Есть здесь и книга Элизабет Гаскелл о Шарлотте Бронте, лучшая, по общему мнению, работа об английской романистке: Gaskell, Elizabeth Cleghorn. The Life of Charlotte Brontë... Leipzig, 1857. – 2 vol. С этой книгой Толстой, вероятно, познакомился в Швейцарии: в дневнике этого периода встречается упоминание о чтении книги. Сохраняется в яснополянской библиотеке и книга «Wuthering Heights», написанная сестрой Шарлотты Эмилией, изданная совместно с романом Анны Бронте «Agnes Grey» и с предисловием самой Шарлотты (Bronte,

Emily Jane, Bronte, Anne. Wuthering heights and Agnes Grey. - Leipzig, 1851. — 2 vol.).

Г.В. Алексеева

БУАЙЕ Поль (Boyer; 1864-1949) – французский славист, преподаватель русского языка, директор парижской Школы восточных языков, сотрудник газеты «Temps», редактор журнала «Revue des etudes slaves».

С Толстым Буайе познакомился в 1895 г., и позднее их связывали личные дружеские отношения. В газете «Temps» Буайе печатал статьи о встречах и беседах с Толстым. Во Франции многие считали, что статьи Буайе «заставляют любить Толстого». Как филолог Буайе преклонялся перед Толстым и отметил в нём главное: он «vetitatem delexit» <«правду избрал». – лат.>. Толстой считал его «хорошим знатоком» русского и французского языков и своим «лучшим переводчиком». Совместно с Н. Сперанским Буайе написал учебник русского языка для французских студентов (Boyer P. et Spéranski N. Manuel pour l'étude de la langue russe. P., 1905), который прислал Толстому с дарственной надписью. О «книге Буайе “Langue russe”» Маковицкий сказал Толстому, что переводчик «взял в свою книгу 60 страниц рассказов из его “Книг для чтения” и констатирует, что в них не менее 2700-3000 разных слов. А во всём Шекспире <...> четыре (!) тысячи...» На что Толстой с удивлением заметил: «Неужели 2700? Я старался коренной русский язык употреблять» (ЯПЗ. 2. С. 130). В учебник вошли двадцать восемь рассказов из «Азбуки», «Новой Азбуки» и «Четырёх книг для чтения», рассказ «Три смерти» и др. Все тексты снабжены детальными грамматическими и страноведческими комментариями. Учебник получил признание во Франции, выдержал много изданий вплоть до 1960-х гг., переиздавался в других странах. Совместно с Ш. Саломоном Буайе перевёл статью Толстого «Приближение конца», а также письмо А.В. Власова и ответ Толстого, которые они издали отдельной брошюрой под заглавием «По поводу “Воскресения”» (Париж, 1900). Во время последнего приезда в Ясную Поляну в 1906 г. Буайе говорил, что собирается написать о «Круге чтения» для газеты «Temps» и перевести на французский язык рассказы Толстого «Молитва» и «Корней Васильев». В России «Буайе ужасался нищете, невежеству, бесхозяйственности русского народа и не видел никаких просветов для него в будущем» (Семёнов С.Т. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1912. С. 111).

Лит.: Буайе П. Три дня в Ясной Поляне // ТВС. 2.

А.Н. Полосина

БУГАЕВ Николай Васильевич (1837—1903) — математик, профессор Московского университета; отец поэта А. Белого. Знакомый Толстого, упоминается в его дневниках и письмах.

Познакомились в Москве. В дневнике 28 марта / 8 апреля 1884 г. Толстой записал: «Встретил Бугаева и позвал к себе», — Толстые жили в Хамовниках. Писатель и учёный беседовали не только о математике, но и о многом другом. 16 мая 1884 г. в дневнике Толстого запись: «Прелестная мысль Бугаева, что нравственный закон есть такой же, как физический,

94

только он "im Werden" <в процессе становления. — нем.>. Он больше, чем im Werden, он сознан» (49: 94). В письме к Черткову 19 мая 1884 г. Толстой развивал эту мысль: «Закон, нравственный закон Христа его 5 заповедей, это закон вечный, который не прейдёт, пока не будет исполнен. Это закон такой же необходимый, неизбежный, как закон тяготения, химических соединений и другие физические законы». В тот же день в Дневнике: ...мысль Бугаева зашла мне в голову и придаёт мне силы. Я становлюсь надёжен». Как продолжение беседы с Бугаевым, спустя несколько месяцев, разговор с П.И. Бирюковым. Бирюков записал в дневнике 24 ноября 1884 г.: «Он вспомнил мысль профессора Бугаева о нравственных и физических законах. Я сделал слабое возражение, сказав, что многие выводят законы нравственные из законов физических, как их ближайшее следствие. Л.Н-ч, немного повысив голос, заметил: "Да ведь нам нужны те нравственные законы, которые учат нас, как поступать с каждым отдельным лицом, с вами, с женой, с извозчиком, с мужиком, а разве те господа касаются этих законов? Они выводят те общие законы, которые нам никогда и применять-то не придётся в жизни, до которых нам и дела-то нет. А вот эти-то законы и освещаются светом христианства"» (Бирюков. 1. С. 521).

29 мая 1903 г. запись в дневнике Толстого: «...нынче, читая некролог Бугаева и его теорию монад, понял, что он смутно разумел духовные отдельные существа, включающие в себя другие отдельные по наблюдению существа».

В.В. Алексеева

БУЕМСКИЙ Николай Иванович (даты жизни не установлены) — офицер, сослуживец Толстого на Кавказе. Рассказывая о своём окружении на Кавказе, 22 июня 1851 г. Толстой писал о нём Т.А. Ёргольской в Ясную Поляну: «Буемский, молодой офицер — ребёнок и

добрый малый, напоминающий Петрушу» (вероятно, П.А. Воейкова, сына опекуна Толстых А.С. Воейкова. – *Н. Б.*). 30 марта 1852 г. о прапорщике Буемском запись в дневнике: «Мой мальчуган молод и мил он жмёт руки и готов к сердечным излияниям. Ещё опыт пьянства не научил его избегать нежничества, которое так же несносно в пьяном, как и в трезвом. У него нет рутины пьянства». Очень близка эта заметка к описанию молоденького прапорщика Аланина во время привала в рассказе «Набег» (гл. IV): прапорщик Буемский послужил прототипом Аланина в этом рассказе, хотя смерть персонажа никак не связана с судьбой его прототипа. Юношеская непосредственность Буемского иногда откровенно раздражала Толстого, уже вышедшего, как он считал, из поры «молодечества», т.е. «детского взгляда на войну». «Не могу не сердиться на Буемского, он слишком глуп, самоуверен и молод, и притом слишком живо напоминает мне меня в былые времена», -- записал он в Дневнике 19 мая, в первые дни работы над будущим «Набегом». Похожая характеристика Буемского дана в Дневнике и 13 июля: «Жалко, что Буемский так смел и так детски-патриотичен, не говоря о том, что ограничен». Помимо «Набега» некоторые черты Буемского запечатлел Толстой в образе молоденького прапорщика, батальонного адъютанта в рассказе «Рубка леса», в облике Володи Козельцова, героя третьего севастопольского рассказа, а также в фигуре Пети Ростова в книге «Война и мир».

Н. И. Бурнашёва

БУЛАНЖЕ Павел Александрович (1865 – 1925) – литератор, инженер; знакомый Толстого, автор статей и воспоминаний о нём.

Буланже родился под Ростовом-на-Дону в слободе Артёмовке. Окончил Харьковский университет, работал на железной дороге в Екатеринославе. В 1885 г прочитал «Исповедь» и другие религиозно-философские сочинения Толстого, что заставило его по-новому взглянуть па жизнь, пересмотреть многое в своих взглядах. Переживая в 1886 г. тяжёлый период – смертельную болезнь ребёнка, разногласия с женой, неудовлетворённость работой, Буланже решил написать, о своих проблемах Толстому и спросить у нею совет. Ответ Толстого 10 мая 1886 г. пришёл тогда, когда он был особенно нужен: в тот день Буланже хоронил сына. В феврале 1888 г. он впервые посетил писателя в Хамовниках. 7 февраля Толстой написал близким друзьям В.Г. и А.К. Чертковым: «Буланже необыкновенный, нежный, сердечный и непоколебимо твёрдый и религиозном чувстве человек, Я его очень полюбил». Для Буланже личное общение с Толстым имело огромное значение. Он делился своими сокровенными чувствами с Чертковым:

«Недавно я в третий раз посетил Льва Николаевича. Теперь так хорошо: как будто бы после тяжёлой болезни встаёшь, и всё ново: солнце как будто бы иначе светит и мягче, зелень мягче, люди дороже, и сердце для них открыто, и всех их любишь, и всем готов отдать себя. И не хочется условностей» (18 декабря 1890 г.; *ОР ГМТ*). В июле 1893 г Буланже был переведён на работу в Москву. С это-

95

го времени он приобщился к делу издательства «Посредник» и часто виделся с Толстым.

В 1901 г., когда Толстой тяжело заболел, Буланже воспользовался своим правом служащего железной дороги и получил отдельный вагон для переезда писателя с семьёй на лечение в Крым. В 1901—1902 гг. он часто приезжал в Гаспру к больному Толстому, ухаживал за ним вместе с членами семьи, дежурил по ночам у его постели, помогал отвечать на письма, записывал под диктовку дневник и новые замыслы Толстого. 20 февраля 1902 г. Буланже писал Черткову о больном Толстом, что даже «в моменты полного упадка сил он сохраняет ту же ясность мысли». Об этих встречах с Толстым в Крыму Буланже рассказал позднее в своих воспоминаниях.

В конце июня 1902 г. Толстые вернулись в Ясную Поляну. Буланже по-прежнему был рядом. По поручению Толстого он принимал участие в судьбах различных людей, переводил с французского и английского для серии книг «Посредника» «Замечательные мыслители древнего и нового мира», помогал писателю в подготовке сборника «Мысли мудрых людей на каждый день».

Человек увлекающийся, Буланже не всегда поступал согласно своим убеждениям. В 1907 г., проиграв в карты большую сумму казённых денег, он бежал на Кавказ, где устроился рабочим на нефтяные промыслы, а через несколько месяцев уехал за границу. Эта история стала для него серьёзным уроком и дала материал для повести «На промыслах. Из дневника рабочего» (Познание России. 1909. Кн. 1—3; за подписью: П. Хлебников). Толстой снисходительно и даже сочувственно относился к его слабостям, рекомендовал эту повесть для печати и дал ей высокую оценку: «Статья эта — дневник его впечатлений, как рабочего среди рабочих. Всё, здесь написанное, совершенно правдиво и даёт потому очень верное впечатление о состоянии, и преимущественно духовном, рабочих. Автор человек очень образованный и чрезвычайно чуткий и не лишённый литературного дарования, потому думаю, что статья эта может пригодиться для вашего журнала» (16 августа 1908 г.). Вернувшись в 1909 г. в Россию, Буланже поселился недалеко от Ясной Поляны, в

имении Т.Л. Сухотиной Овсянниково, построил себе дом и в течение ряда лет готовил для «Посредника» серию книг о китайских и других восточных мудрецах (книги редактировал Толстой). «После обеда читал прекрасную работу Буланже о Конфуции и поправлял», -- записал Толстой в дневнике 21 ноября 1909 г.

После смерти писателя деятельность Буланже была направлена в основном на издание и распространение его сочинений. Он принимал участие в подготовке «Посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого» (М., 1911); редактировал его «Педагогические сочинения» (Изд. К.И. Тихомирова, М., 1912). Сложная работа по подготовке к печати рукописей повести «Хаджи-Мурат» вылилась в статью «Как Л.Н. Толстой писал “Хаджи-Мурата”» (Русская мысль. 1913. № 6). Он автор статей «Толстой и Чертков» (М., 1911), «К смерти Л.Н. Толстого» (Русские ведомости. 1911. № 256, 6 ноября) и др. В 1911 г. Буланже принял участие в создании музея Толстого в Москве и первым передал туда имевшиеся у него письма, корректуры, книги.

Лит.: Буланже П.А. Как работал и учил работать Л.Н. Толстой // Жизнь для всех. — 1911. № 8; Буланже П.А. Первые встречи с Л.Н. Толстым // ЯП. сб. 1982. — Тула, 1984.

Ю.Д. Ядовкер

БУЛГАКОВ Валентин Фёдорович (1886-1966) — последний секретарь Толстого, литератор, мемуарист, музейщик. Родился в семье смотрителя училищ и учительницы приходского училища в г. Кузнецке Томской губ. и вспоминал город своего детства, «как какой-то прекрасный и навсегда исчезнувший сон». Ещё в детстве прочитал в книжках «Посредника» некоторые сочинения Толстого и был покорён ими.

В 1906 г. Булгаков поступил на историко-филологический факультет Московского университета, а через год познакомился с Толстым и навсегда подпал под обаяние его личности. По предложению писателя он стал его секретарём; оставил университет и с 17 января 1910 г. поселился в Ясной Поляне. В обязанности Булгакова входило отвечать на письма и помогать в работе над книгой «Путь жизни».

Войдя в яснополянский дом по рекомендации Черткова, Булгаков обязался доставлять в Крёкшино опальному другу и единомышленнику Толстого, административно высланному из Тульской губ., копии своего дневника, чтобы тот мог ясно представлять себе обстановку в Ясной Поляне, -- и на первых порах добросовестно исполнял это поручение. Но уже через несколько месяцев он перестал это делать, т.к. усомнился в абсолютной искренности и бескорыстии Черткова. Это было особо

отмечено в авторском предисловии к публикации дневника (Булгаков. С. 29)

96

Уникальность занятой Булгаковым линии поведения заключалась в том, что, сочувствуя всем обитателям Ясной Поляны, он не присоединился ни к одной из воюющих сторон, а старался максимально облегчить положение Толстого. У него ни с кем в доме не было никакой распри. «Правдивый, простой, мягкий, добрый, прилежный, спокойный человек» (ЯПЗ. 4. С. 264).

И после смерти Толстого Булгаков не демонстрировал свои убеждения, а отстаивал их последовательно и деликатно. Считая, что публичное обсуждение завещания Толстого не делает чести членам семьи, он в феврале 1911 г. покинул дом Черткова в Телятинках. В черновом наброске неотправленного письма Черткову 19 июня 1911 г. он мотивировал свой отказ вернуться так: «Я не могу принадлежать ни к какой партии. <...> Я думаю, что всем нужно объединяться после смерти Льва Николаевича...» (РГАЛИ. Ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1200, л. 18-25).

В декабре 1912 г. по договору с С.А. Толстой он начал составлять научное описание библиотеки Толстого. Эту работу Булгаков считал одним из важнейших дел своей жизни, к которым он возвращался после вынужденных перерывов.

Потом была Первая мировая война и отказ взять в руки оружие, арест и суд, февральские революционные события. Октябрьский переворот и репрессивная политика новой власти вызвали в душе Булгакова активный протест. 12 сентября / 30 августа 1918 г. он участвовал в публичном заседании, посвящённом 90-летию со дня рождения писателя, и особо выделил неприятие Толстым «самого принципа власти среди равных братьев-людей». Уже тогда он говорил об институте заложников и о застенках революции, которые не менее ужасны, чем застенки самодержавия (Лев Толстой и наша современность. М., 1919).

В ноябре 1918 г. вместе с другими членами Общества истинной Свободы в память Толстого его последний секретарь подписал письмо с требованием немедленно отменить смертную казнь.

Но главное, чем занимался Булгаков в эти годы, это расширение и воссоздание Толстовского музея в новом, просторном и красивом здании. Его торжественное открытие состоялось в 10-ю годовщину смерти писателя, 20 ноября 1920 г. По словам П.И. Бирюкова, «за последние годы В.Ф. Булгаковым одним сделано для Музея больше, чем могло сделать всё Толстовское общество в целом». Позднее Булгаков был назначен заведующим домом Толстого в Хамовниках.

30 марта 1923 г. Булгаков с семьёй покинул советскую Россию. На четверть века, как и многих других беженцев из России, их приютила Чехословакия. 2 апреля Булгаковы приехали в Прагу, а 7 апреля 1923 г. бывший секретарь Толстого был принят президентом Т. Масариком. Вскоре со свойственной ему энергией он начал работу в нескольких направлениях. За долгие годы объездил не только крупные европейские города, но и затерянные в горах деревушки с лекциями о Толстом, о движении непротивления, о далёкой Сибири. Талант Булгакова-рассказчика отметили уже первые слушатели.

Вскоре после нападения Германии на СССР Булгаков вместе со старшей дочерью были арестованы как советские подданные и находились в лагере для интернированных советских граждан в Баварии. По окончании Второй мировой войны Булгаков в Праге возбудил ходатайство о возвращении на родину, и 20 августа 1948 г., через 25 лет после высылки из страны, Булгаковы выехали на родину.

Некоторое время Булгаков преподавал немецкий язык в сельской школе. В июле 1949 г. он был назначен на должность младшего научного сотрудника музея-усадьбы «Ясная Поляна», а в марте 1951 г. стал хранителем дома Толстого в Ясной Поляне. В январе 1959 г. он вышел на пенсию, но по-прежнему жил в музее-заповеднике.

Соч.: На кресте величия (Смерть Льва Толстого). - Тянь-цзин: Изд-во А.Н. Серебренникова, 1937.

Лит.: Абросимова В.Н., Краснов Г.В. Последний секретарь Л.Н. Толстого (По материалам архива В.Ф. Булгакова) // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. - М., 2002. Т. 61. № 3.

В.Н. Абросимова

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич (1871—1944) — русский религиозный философ, богослов и экономист. Всё творчество Булгакова может быть условно разделено на три периода: марксистский, философско-литературный и богословский. Перу С.Н. Булгакова принадлежит ряд выдающихся произведений, таких как «Философия хозяйства», «Свет невечерний» и др. Булгаков был одним из инициаторов и идейных вдохновителей нашумевшего в своё время сборника «Вехи», где была напечатана его публицистическая статья под названием «Героизм и подвижничество».

В книге «От марксизма к идеализму» (1902) Булгаков объяснял свою духовную эволюцию, исходя из понимания диалектической

взаимосвязи свободы и необходимости. В марксизме она означает свободную игру причин и следствий, через которую прокладывает свой путь необходимость истории. В идеализме она означает исполнение благого и разумного плана и направление истории к разумной цели, то есть к Царству Божию.

В богословский период творчества Булгаков отрицал сугубо философско-исторический подход к идее прогресса. С точки зрения этого подхода, история «не имеет своего естественного конца и, не достигая свершения, обречена на дурную бесконечность» (Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994. С. 350). С религиозной точки зрения, история должна подготовить свой закономерный конец и выйти за свои пределы. История «имеет значение лишь по связи с тем, что совершается в недрах мира между человеком и Богом» (там же. С. 351). История есть процесс боговоплощения в Церкви, которая «есть душа души мира и души истории» (там же. С. 350).

Булгаков трижды встречался с Толстым: в 1897 г. в Москве, в марксистский период своего творчества, и дважды в 1902 г. в Гаспре. По мнению А.Б. Гольденвейзера, бывшего свидетелем первой встречи, писатель, горячо выступавший против материалистических идей Булгакова, оказал сильное влияние на их эволюцию от марксизма к идеализму. Сам Булгаков неоднократно высказывался в своих произведениях о Толстом как о великом художнике слова и нравственно-религиозном реформаторе.

В 1902 г., сравнивая творчество Толстого с творчеством художника В.М. Васнецова, философа В.С. Соловьёва и писателя Ф.М. Достоевского, Булгаков называл его воинствующим христианством. Толстой, по мнению Булгакова, есть ищущий религиозную истину мыслитель, идеи которого во многом субъективны. В 1910 г., уже после смерти Толстого, Булгаков охарактеризовал его как деятеля народного духа, питавшегося в своём творчестве соками русской земли. «Да, Лев Толстой – это сама наша первобытная стихия, с её раскрытыми и нераскрытыми задатками, со всем её хаосом и мощью» (Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 234). Религиозность Толстого понимается здесь уже не просто как ищущая, но и как утверждающая и определяющая ценности культуры.

Булгаков считал, что богословские и нравственно-религиозные трактаты Толстого вскоре будут забыты из-за их утопичности и резонёрства. Для нового жанра, по мнению Булгакова, «у Толстого не хватало ни подлинного религиозного вдохновения, ни философского дарования, ни логической выдержки и научного метода» (там же. С. 248). Такая критика Толстого была типичной в начале XX в. – и со стороны

вгуста
встра-

■Сме
рть
Изд-во

ЛВ
Г.В.
го
(По
Вва)

//
Иыка
.-

Щичов
а

евич
)ИЛО-
Вство
пено
:оф-
Ееру
;аю-
)СО-
ДР- »
и Щ
в на-
юд

■У»
■ГО
0'

марксистов Ленина и Плеханова, и со стороны Д. Мережковского, и со стороны религиозных философов Н. Бердяева, Н. Лосского и др. В подобной критике можно усмотреть нежелание принять Толстого в круг значительных мыслителей, противоречивость оценки его творчества как гениального в художественной области, но утопического и упрощённого в философском его смысле.

Е.И. Рачин

БУЛЫГИН Михаил Васильевич (1863-1943) — единомышленник и друг Толстого, постоянный посетитель Ясной Поляны. В 1910 г. Толстой сказал: «У меня друзья все с буквы Б: Булгаков, Булыгин, Буланже...» (Булгаков. 21 января).

Булыгин происходил из дворян. Его отец, сенатор Василий Иванович Булыгин, был активным участником проведения Крестьянской реформы 1861 г., состоял членом Комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. В семье В.И. Булыгина и его жены Александры Алексеевны было 12 детей. Михаил был восьмым ребёнком. Детство его прошло при дворе, в Петербурге. В восьмилетнем возрасте он потерял отца. Закончив Пажеский корпус, служил офицером в лейб-гвардии Егерском полку; в будущем он мог бы стать видным сановником эпохи Александра III и Николая II.

Однако в 1880-е гг. в сознании Булыгина произошёл перелом. Под влиянием учения Толстого карьера военного была забыта. Булыгин круто изменил свою жизнь. В 1886 г. он поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, а весной 1887 г. был исключён из неё за участие в студенческих волнениях. Молодой толстовец решил поселиться рядом с Толстым в одной из деревень, принадлежавших Булыгиным в Тульской губ., — Хатунке Крапивенского уезда, расположенной в 16 км от Ясной Поляны. Вместе с мужем в Хатунку приехала его жена Анна Максимовна. Вскоре у них родился сын Сергей, а впоследствии ещё трое: Иван, Михаил, Илья. Так в 1889 г. в жизни Булыгина начался новый период, связанный с Толстым.

Булыгин часто навещал писателя, и Толстой не раз бывал у него на хуторе. Он приходил сюда пешком или приезжал на лошади. «...Милый Булыгин. Я его люблю», — записал Толстой в дневнике 19 августа

98

1889 г. «Встав, застал Булыгина. Провёл с ним всё утро. Милый, умный, твёрдый человек», — ещё одна запись (51: 71).

22 августа 1890 г. в Хатунке случился пожар. Сгорело 14 дворов. Толстой, обеспокоенный судьбой погорельцев и друга, поехал на хутор. Оказалось, что Булыгины не пострадали.

Как и герой романа «Анна Каренина» Константин Левин, Булыгин считал себя частью народа, работал вместе с крестьянами, входил в их интересы, стремился быть ближе к ним. Видя смысл жизни в труде на земле, он пытался создать в Хатунке образцовое хозяйство. Здесь у него было 8-10 лошадей, 5-6 коров, пчёлы. Работали все члены семьи, а также единомышленники – толстовцы, жившие на хуторе. Даже на такой плохой земле, как в Хатунке, были отличные урожаи зерновых культур. Булыгин способствовал и распространению в крестьянских хозяйствах овощных культур. Он постоянно помогал крестьянам советами, личными хлопотами; оказывал помощь самой совершенной сельскохозяйственной техникой, привозимой из-за границы: жатками, молотилками, сеялками, косилками. Занимался пчеловодством. Многолетняя дружба связывала его с известным пчеловодом А.С. Буткевичем. Тяжёлую физическую работу на земле Булыгин сочетал с научными исследованиями. В доме была большая библиотека. Сохранились рукописи его трудов по изучению растений- медоносов европейской части России.

Друзья и последователи Толстого постоянно приезжали в Хатунку. Здесь бывали Н.Н. Ге, В.Г. Чертков, В.Ф. Булгаков и др. Впоследствии, живя в Праге, В.Ф. Булгаков писал: «Хатунка - одна из светлых, незабвенных сторон моей жизни».

В начале 1890-х гг. Булыгин вместе с женой, которая всегда была другом и единомышленником, открыли в Хатунке школу для крестьянских детей. Устроили её в соответствии с педагогическими принципами Толстого. По жалобе местного священника в 1893 г. школу закрыли. Булыгин был привлечён к судебной ответственности и оштрафован. В 1894 г. его арестовали. Толстой навещал его и писал Н.Н. Ге-сыну 1 июня: «Третьего дня были с Чертковым у Булыгина, который сидит в Крапивне в тюрьме – на две недели – за отказ представить своих лошадей для воинской повинности. Он удивительно твёрд и радостен. Завтра хочу опять ехать к нему».

13 июня Толстой писал в дневнике: «За это время ездил к Булыгину. Он очень силён. Ему прислала жена гостинцев. Он отослал назад, прося прислать только того, что можно поделить со всеми».

Считаясь политически неблагонадёжным, Булыгин находился под постоянным наблюдением полиции. В последний год жизни Толстого он вместе со старшими сыновьями часто навещал его в Ясной Поляне. После смерти писателя, как и другие последователи Толстого, Булыгин остался верен его идеалам. После 1917 г. он уехал из Хатунки, поселился в Москве и работал в различных учреждениях. Главным делом его жизни теперь была работа над наследием писателя. Став помощником редактора

Полного собрания сочинений Толстого, он разбирал рукописи, готовил их к печати.

Живя в Москве, он часто навещал в Ясной Поляне С.А. Толстую. В день её смерти, 4 ноября 1919 г., поздно вечером С.Л. Толстой записал: «У тела остался Михаил Васильевич Булыгин» (*Очерки былого*. Гл. «Кончина моей матери»).

В начале 1930-х гг. Булыгин узнал, что имение в Хатунке разгромлено. Он продолжал жить в Москве и напряжённо трудиться. Блестящее знание иностранных языков помогало ему в работе над переводами французских текстов из архива В.Г. Черткова и писем декабристов. В эти годы он жил в крохотной комнатке дома № 7-а в Лефортовском переулке. Здесь находилась и главная редакция издания Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

В начале Великой Отечественной войны многие документы архива Булыгина погибли. Сам Булыгин уехал из Москвы к сыну Илье Михайловичу в село Ижевское Рязанской области, где тот работал директором совхоза. Булыгин скончался в 1943 г. Сын его в то время уже был репрессирован и находился на фронте в штрафном батальоне. Похоронил Михаила Васильевича его внук Сергей Ильич, который вскоре тоже ушёл на фронт.

Е.В. Белоусова

БУЛЫГИН Сергей Михайлович (1889-1946) – старший сын М.В. Булыгина. Родился на хуторе Хатунка Крапивенского уезда Тульской губ., в 16 км от Ясной Поляны. Из всех сыновей М.В. Булыгина Сергей более всех увлекался идеями Толстого. Он учился в сельскохозяйственном училище, но не закончил его и ушёл работать в имение отца в Хатунке. Этот поступок 17-летнего юноши, переживавшего в то время нравственный кризис, ещё более сблизил его с писателем. В беседе с его отцом 2 декабря 1906 г. Толстой сказал: «Я думал о вашем Серёже; страшно за него, что уж очень он молод, страшно, но и хо –

рошо. Не знаю, как вы, но я помню в себе подобное настроение, когда мне было лет 15, когда как бы открылась передо мною какая-то завеса и я почувствовал что-то необычайное во всём моём бытии» (*ЯПЗ*. С. 318). 8 апреля 1906 г. Маковицкий записал, что Толстой «хвалил сыновей М.В. Булыгина, что они помощники отцу (по хозяйству работают, как рабочие). Л.Н. с удовлетворением констатировал, что молодое поколение серьёзно относится к простой жизни» (там же. С. 102). М.В. Булыгин

также одобрительно отнёсся к выходу двух своих сыновей из училища; 6 ноября 1907 г. он говорил Толстому: «Серёжа, 18-летний, Ваня, 16-летний, вышедшие из сельскохозяйственного училища, <...> знают больше по хозяйству, чем старший, 23-летний, окончивший училище» (*там же*. С. 555).

Однако в родной Хатунке Сергей чувствовал себя неуютно. Когда возникала необходимость серьёзного разговора, он приходил к Толстому. 11 июня 1907 г. он «говорил Л. Н-чу, что ему тяжело, что у отца-помещика 80 десятин, а у крестьян – от двух до шести, и хотя он живёт у отца простым рабочим, совесть за это терзает его; желал бы уйти и работать у крестьян. Л.Н. ему говорил, чтобы он на эти внешние дела не обращал внимания, а главное, чтобы старался увеличить любовь в себе, а остальное будет придано. Земля теперь его отца; когда он будет распоряжаться ею, тогда может поступить так, как будет ему приказывать совесть. (Серёжа Булыгин требовал от отца, чтобы тот в земле сравнялся с крестьянами)» (*там же*. С. 449). В записной книжке после этой беседы Толстой отметил: «Пришёл трогательный молодой Булыгин». «Хочется писать <...> драму о Булыгине-сыне», — записал Толстой в дневнике 8 ноября 1907 г.

Ему было тяжело работать на земле, принадлежавшей отцу. Сначала он с братом Иваном стал питаться и спать вместе с рабочими отца, а потом избрал для себя скитальческий образ жизни, занимаясь физическим трудом. В конце декабря 1907 г. он ушёл из дома на несколько дней. Толстой не одобрял подобных его поступков и считал, что «нужно его предостеречь, что это очень ложная мысль – будто от места зависит содержание души, будто от перемены места может что-либо улучшиться» (*ЯПЗ*. С. 170).

«Вчера Булыгин рассказывал странную и трогательную историю с сыном», — записал Толстой в дневнике 19 июня 1908 г. История состояла в том, что «его сын Серёжа читает Евангелие и хочет быть таким, как Франциск Ассизский» (*ЯПЗ*. 3. С. 118).

В 1910 г. ему исполнился 21 год. Он твёрдо решил отказаться от военной службы. Отец всячески поддерживал его; в разговорах с Толстым несколько раз говорил о том, что предстоит пережить сыну. Решение Сергея горячо обсуждалось в Ясной Поляне, на что он сам удивлялся, «как можно о предстоящем его отказе рассуждать, бояться за него, жалеть его за могущие последовать лишения. Он об этом и не думает. И кажется ему, что он так же спокойно и твёрдо это сделает, как всякое другое дело» (*там же*. С. 273). В то время молодого человека больше интересовали религиозные вопросы, с которыми он обратился к Толстому. «Вечер с Булыгиным. Говорил с Серёжей. Он согласился со мной о Боге в людях», — записал Толстой 14 января 1910 г. Через несколько дней, 23 января, снова о Серёже: «Милый Серёжа Булыгин

написал очень умно и серьёзно свои мысли о Боге, вызванные нашим разговором». Он записал свой разговор с Толстым о Боге и давал Льву Николаевичу прочесть изложенные им свои мысли о Боге. Он говорил, что чувствует потребность признания Бога как существа самого в себе, неопределимого, но такого, частью которого, как целого, мы являемся. Сергей спросил Толстого: «Разве Вы, Лев Николаевич, не признаёте Бога самого в себе, вне нас? *Лев Николаевич*: “Нет, я разумом прихожу к существованию Его. Раз я и всё кругом меня есть проявление Бога, Он должен быть и сам в себе. Но я отрицаю общение с Ним, я Его не знаю и не могу знать. А даже думаю, что в мире и нет ничего, кроме Бога, но самого в себе я Его не знаю, а знаю только через ту часть, <...> которая есть во мне. Я был бы рад, если бы кто-нибудь показал мне Его, но я знаю, что это невозможно...”» (58: 299).

С. Булыгин бывал в Ясной Поляне и после смерти своего друга и наставника.

С.А. Толстая в своём дневнике отмечала его посещения. 4 марта 1915 г.: «Был Серёжа, Булыгин, идейный и красивый малый, пропадает за свои взгляды». Шла Первая мировая война, а группа толстовцев-пацифистов, в числе которых был и Сергей, выступила с антивоенным воззванием. «Вечером пришёл Серёжа Булыгин и ночует» (*ДСАТ* 2. С. 423). Вскоре он был посажен в тюрьму за его убеждения, затем лишён всех прав состояния и выслан в Сибирь на поселение без срока.

После Октябрьской революции С. Булыгин вернулся домой. До конца своих дней он оставался приверженцем идей Толстого. В условиях советского режима он пытался создавать толстовские коммуны. Жизнь его закончилась трагически:

100

С. Булыгин погиб в годы сталинских репрессий.

Лит.: Дубодел И., Мироненко А. Булыгины // *ЯП. сб.* 2000. - Тула, 2000.

Е.В. Белоусова

БУНИН Иван Алексеевич (1870 — 1953) – писатель. Имя Толстого сопровождало Бунина от раннего детства до последних дней жизни. Мальчиком он знал о нём из разговоров домашних; отец Бунина, участник обороны Севастополя, встречал Толстого во время Крымской кампании, и маленький Иван смотрел на отца во все глаза: живого Толстого видел! Впервые он прочёл какую-то из статей Толстого в газете

в 1888 г., в следующем году — «Анну Каренину», а ещё через год, в 20 лет, — «Войну и мир» и пришёл от неё в «неистовый восторг».

Впервые Бунин встретился с Толстым в Москве в Хамовниках, между 4 и 8 января 1894 г. К этому времени из-за «влюблённости в Толстого как художника» Бунин ненадолго стал толстовцем, живя в Полтаве, навещал толстовские колонии и «прилаживался к бондарному ремеслу». В 1893 г. поехал в Харьковскую губ., к известному толстовцу князю Хилкову, оттуда в Москву к Толстому. Встреча произвела на Бунина «потрясающее впечатление».

Он никогда не мог говорить о Толстом спокойно, без волнения, всегда рассказывал с каким-то трепетом и вполне серьёзно говорил близким, что если бы Толстой записал счёт от прачки, то и это у него было бы необыкновенно, потому что у него был дар превращать самую мелкую черту в незабываемый образ. Вообще в доме Буниных Толстой неизменно «жил» в разговорах, беседах, в обычной жизни, иногда заставляя спорить до хрипоты, потому что сам Бунин был за Толстого, а его жена за Софью Андреевну. Никогда у Бунина не было восхищения ни перед кем, кроме Толстого, о котором говорил постоянно, считая, что Толстому должны подражать все писатели, от этого получится только польза, -- «отучишься брехать» (Бабореко А.К. Бунин о Толстом // *ЯП. сб.* Год 1960. Тула, 1960. С. 132). Сам Бунин называл себя учеником Толстого, в том смысле, что ни у него, ни у Толстого нет ни одного фальшивого слова, а как только он слышит имя Толстого, так у него «загорается душа, ему хочется писать и является вера в литературу» (там же).

Толстой не выделял Бунина из ряда «декадентов», известно очень мало толстовских отзывов о нём. Так, в разговоре с Горьким он одобрительно отозвался о стихотворных строчках Бунина «грибы сошли, но крепко пахнет в оврагах сыростью грибной» (стихотворение «Не видно птиц...»), а в беседе с Гольденвейзером отметил превосходное описание природы в рассказе «Заря всю ночь». Два письма Толстого Бунину были написаны в феврале 1891 и в 1894 гг., когда Бунин короткое время был «толстовцем». К 1910 г. писатель Бунин не прошёл ещё и половины своего творческого пути.

Уже в эмиграции он говорил одному из друзей: «Я недавно кончил перечитывать “Войну и мир”, должно быть, в пятидесятый раз. Читаю лёжа, но от восхищения постоянно приходится вскакивать. Боже, до чего хорошо...» (Бабореко А. К. Бунин. М., 2004. С. 233). Своим близким часто читал он то место из «Анны Карениной», где у Анны в темноте светятся глаза, и она это чувствует. Бунин и в последний день своей жизни, 7 ноября 1953 г., когда ему уже трудно было сосредоточиться и тяжело было держать книгу в руках, читал толстовское «Воскресение». «Это одна из самых драгоценных книг на земле», -- писал он (Бабореко А. К. Бунин. С. 142).

Бунин и Толстой виделись несколько раз, последний раз в конце 1900 г. в Москве на Арбате они обменялись несколькими словами о писательстве. О смерти Толстого Бунин узнал из газет, живя у друга под Петербургом, потом писал Горькому, «...несколько дней прошло для меня в болезненном сне. Беря в руку газету, ничего не видел от слёз» (там же. С. 145).

Бунин был знаком с членами семьи Толстого, дружен с Ильёй Львовичем, навещал в Риме Татьяну Львовну, получил от Александры Львовны приглашение пережить тяжёлое военное время в Америке на её ферме. В 1938 г. Бунин намеревался, вместе с Алдановым и при участии Т.Л. Толстой, написать сценарий для фильма о Толстом.

Не только романы Толстого великолепно знал Бунин, но читал и восхищался тем, что обычные читатели пропускают. Он внимательно прочёл поэтичный швейцарский дневник 1857 г., а прочитав дневниковую запись Толстого об увиденном близ деревни Овсянниково солнечном закате, нашёл, что более прекрасных, несравненных слов о бессмертии нет ни у кого во всей мировой литературе.

101

Особенно пристрастно Бунин вчитывался в воспоминания о Толстом, например, в воспоминания Горького: «Не спорю, эти воспоминания о Толстом написаны хлёстко и не без блеска..., но ведь почти всё в них – сплошная беллетристика, и Толстой у Горького не Лев Николаевич, а Лев “Алексеемаксимович”!» (Иван Бунин. Pro et contra. С. 771).

В 1937 г. в Париже вышла книга Бунина «Освобождение Толстого», в которой с бунинской необыкновенной зоркостью представлен облик живого Толстого. В огромной мемуарной литературе о Толстом эта книга не имеет себе равных. Н.Н. Гусев, секретарь Толстого, сказал, что Бунин «первый так глубоко осветил самую сокровенную внутреннюю жизнь Льва Толстого» (Бабореко А.К. Бунин. С. 315).

Исследователи находили много точек соприкосновения творчества Толстого и Бунина, приводя в пример его сочинения «Худая трава», «Жизнь Арсеньева», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско» и др. Но главным сочинением, объясняющим отношение Бунина к Толстому, остаётся его философско-публицистическая книга «Освобождение Толстого».

Лит.: Мелкова А.С. Толстой и Бунин // Бунинский сборник. - Орёл, 1974.

Л. С. Дробат

БУТКОВ Владимир Петрович (1818—1881) – чиновник канцелярии военного министерства; с 1845 г. назначен управляющим делами Кавказского комитета. С 1850 управляющий делами Комитета министров с сохранением должности по Кавказскому комитету и управляющий делами секретного комитета о расколе. В 1853 — госсекретарь. В 1860-е гг. принимал участие в подготовке реформ, в т.ч. Крестьянской и Судебной; с 1865 г. член Гос. совета и Комитета министров. По отзывам современников, завзятый бюрократ и «человек-флюгер» в отношении политических взглядов.

Как управляющий делами Кавказского комитета ведал «кавказской цензурой». В этом качестве цензурировал рассказ Толстого «Рубка леса», из текста которого были исключены многие фрагменты: диалоги офицеров, рассуждения автора, отдельные фразы, определения... В таком усечённом виде «Рубка леса» была опубликована в журнале «Современник» (1855. № 9). В 1856 г. Толстой, готовя к изданию свой сборник «Военные рассказы», куда включил и рассказ «Рубка леса», восстановил некоторые (не все!) цензурные изъятия, допущенные при первой публикации в журнале.

В.М. Бокова

БУТОВИЧ Митрофан Фёдорович (даты жизни не установлены) — студент юридического факультета Московского университета, привлечённый Б.Н. Чичериным, наряду с другими студентами, для работы сельским учителем в 1861 г. в школах, открытых Толстым.

Заподозренный в участии в студенческих волнениях, он был включён в списки отчисленных из университета на один год, но восстановлен, когда представил доказательства своего неучастия в беспорядках. Однако Бутович не вернулся в университет, а его имя фигурирует в представленном Толстым Губернскому по крестьянским делам присутствию списке учителей, приглашённых на работу в ясенскую школу. Затем Бутович работал в житовской школе и др. Активно сотрудничал в журнале Толстого «Ясная Поляна», где в 1862 г. были напечатаны его статьи «Попытка учительства в Ясенской школе» (январь), «Ясенская школа» (февраль), «Попытка учительства в Житовской школе» (май), «О Хмелёвской школе временнообязанного крестьянина Никанора Лункова» (май) и «Два месяца в Алябьевской школе» (ноябрь).

Н.В. Кудрявая

БУТУРЛИН Александр Сергеевич (1845-1916) — знакомый, корреспондент и адресат Толстого; врач, участник революционно-народнического движения. Родился в дворянской семье, его отец и братья сделали военную карьеру, однако он избрал для себя естественный факультет Московского университета. В студенческие годы его увлекло революционное движение, не раз он подвергался аресту и ссылке.

В 1879 г. Бутурлин познакомился с Толстым, а в 1881 г. Толстой сам приезжал к отправлявшемуся в сибирскую ссылку Бутурлину, чтобы проститься с ним. Бутурлин внимательно следил за всем, что выходило из-под пера Толстого. В Сибири он получал запрещённые сочинения писателя, переписанные для него от руки по инициативе Толстого и С.А. Толстой. Постепенно отойдя от революционной деятельности, он тем не менее не принял религиозных воззрений писателя: по-прежнему оставался естественником, материалистом, считал, что отношения между людьми должны улучшаться в результате изменения социального строя, при этом ему не чужды были нравственные искания

102

Толстого. В письмах к Толстому он горячо отстаивал свои убеждения, одновременно стремясь разобраться во взглядах оппонента. «Мною руководило не суетное желание спора, а глубокий интерес к Вашим воззрениям и желание как можно яснее понять их», — писал он Толстому 12 февраля 1884 г. по поводу его «Исповеди» (Бутурлин А.С. О Льве Толстом. Избранные письма. Ульяновск, 1971. С. 41). Толстой тоже стремился не к спору, а к взаимопониманию: «Не я буду отстаивать метафизическую сторону учения. Я знаю, что каждый видит её, метафизическую сторону, сквозь свою призму. Важно только то, чтобы в этическом учении все неизбежно, необходимо сходились. А за свои слова и выражения, и ошибки я не стою. Дорого мне то, что и вам дорого — истина, приложимая к жизни» (19 (?) февраля 1884 г.; 63: 155). Бутурлин был частым и желанным гостем Толстых; он вёл переписку не только с писателем, но и с его женой, дружил с их старшим сыном С.Л. Толстым. Хорошо владея древними языками, Бутурлин помогал Толстому в работе над «Соединением и переводом четырёх Евангелий». Когда писателю нужны были для работы полные сведения обо всех существующих воспоминаниях и записках декабристов, он составил для Толстого список таких материалов. Бутурлин всегда был рад оказать помощь Толстому и его семье. В 1904 г. он вместе с С.А. Толстой перевозил рукописи Толстого из Румянцевского в Исторический музей. В 50 лет Бутурлин поступил на медицинский факультет и окончил его за три года, продолжая при этом

усиленно заниматься изучением социально-экономических вопросов и историей религий. Его медицинская практика была невелика (лечил он редко и гонораров за лечение не брал), однако он всегда интересовался наукой и следил за новыми достижениями в медицине.

Различия во взглядах не мешали Толстому и Бутурлину слушать и понимать друг друга. Во многом не соглашаясь с Толстым, Бутурлин знал и ценил масштаб личности писателя, понимал, что Толстого нельзя судить по обычным меркам. Своего сына Сергея, собиравшегося критиковать экономические взгляды Толстого, Бутурлин наставлял: «Возражая Л.Н. Толстому и стараясь опровергать его взгляды, не надо забывать, с кем имеешь дело. Не надо забывать, что Толстой — величайший писатель нашего времени, слава и гордость России, краса человечества. Его из ряда выходящий гений, его огромные умственные силы, его возвышенный нравственный характер - все эти свойства заставляют относиться к нему с особенным уважением. <.. .> Ничто не может быть противнее той хамской развязности и того пошлого панибратства, с которыми теперь многие личности позволяют себе печатно относиться к Толстому» (Бутурлин А.С. О Льве Толстом. С. 58-59).

Один из немногих, Бутурлин сумел объяснить уход Толстого из Ясной Поляны. 30 октября 1911 г. он писал П.А. Строеву: «Я хотел сказать, что исходные причины его ухода коренятся в глубоких потребностях его духа, которые уже давно побуждали его удалиться из привычной среды и переменить весь образ своей жизни. <...> А теперь своим уходом, своей величавой смертью, своим торжественным погребением он приложил последнюю печать к делу своей жизни, подтвердил свою проповедь».

Ю.Д. Ядовкер

В

ВАГНЕР Вильгельм Рихард (1813 — 1883) — немецкий композитор, вошёл в историю музыкальной культуры как композитор-романтик, драматург, дирижёр, публицист, театрально-музыкальный деятель. Родился в Лейпциге, заниматься музыкой начал в пятнадцать лет: недолго обучался игре на скрипке, изучал контрапункт. В 1834-1839 гг. служил дирижёром и композитором в театрах Магдебурга, Кёнигсберга, Риги. С 1839 по 1842 гг. жил в Париже, затем переехал в Дрезден, где был дирижёром Саксонской королевской оперы.

После участия в восстании 1849 г. Вагнер бежал из Германии и десять лет жил в эмиграции. В 1863 г. он предпринял концертную поездку в Россию, а с 1872 г. обосновался на постоянное жительство в баварском городе Байрейте, где создал театр для постановки своих опер, музыкальных драм, как называл их сам композитор.

Вагнер — автор тринадцати произведений для симфонического оркестра, среди которых известная «Фауст-увертюра». Им написаны множество сочинений по истории культуры, в т.ч. «Искусство и революция», «Опера и драма», «Бетховен», «Моя жизнь» и др.

В историю культуры Вагнер вошёл как реформатор оперы. Им создано тринадцать музыкальных драм: «Летучий голландец», «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда», тетралогия «Кольцо нибелунга» (в неё входят четыре музыкальных драмы: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов», или как она ещё называлась «Закат богов»). Целью вагнеровской реформы было создание монументального программного вокально-симфонического произведения в драматической форме. По мысли композитора такая музыкальная драма призвана заменить все виды оперной и симфонической музыки. Основой развития драмы и звучания всей музыки была система лейтмотивов: музыка течёт непрерывным потоком, соединяя все драматические звенья.

Последние годы жизни Вагнер страдал тяжёлым сердечным недугом, ездил лечиться в Италию; скончался в Венеции, похоронен в Байрейте.

Толстой критически относился к жанру оперы, считая его искусственным, и особенно негативно отзывался о вагнеровских музыкальных драмах. Он считал, что «умному, грамотному деревенскому

рабочему человеку» не нужна музыка Бетховенов, Вагнеров, Листов, а нужна та, которая служит «единению и братству» людей и «принадлежит к высшему разряду религиозного искусства» (30: 137). Эти взгляды Толстого в своё время осуждали В.В. Стасов, Н.А. Римский-Корсаков и др. деятели русской культуры.

Для Толстого Вагнер — символ декадентства. Писатель подвергал критике не столько музыку, сколько Вагнера как «руководителя, передового застрельщика во всех искусствах» (30:400). Толстой заранее уверен, «что всё, что напишет такой автор, будет дурно» (30:135).

Выступления Вагнера в России в 1863 г. вызвали бурные споры. Толстой не был на этих концертах, но не мог не знать разноречивых мнений о композиторе, что нашло отражение в его сочинениях, письмах и статьях.

В 1868 г. на русской сцене был поставлен «Лоэнгрин». Толстой присутствовал

104

на одном из спектаклей. С.Л. Толстой писал: «Лев Николаевич вообще не любил Вагнера. Однажды он, прослушав два акта “Лоэнгрин”, недовольный ушёл из театра» (Очерки былого. Гл. «Музыка в жизни моего отца»). В 1870-е гг. он вновь возвращается к Вагнеру в романе «Анна Каренина», где спор Левина с Песцовым приобретает принципиальное значение, отражая две непримиримые точки зрения на «достоинства и недостатки вагнеровского направления музыки». Устами Левина Толстой говорит об «ошибках Вагнера и всех его последователей» (19:262).

В трактате «Так что же нам делать?», утверждая необходимость духовной пищи для простых людей, писатель не без иронии спрашивал: «Чем удовлетворим мы их? <...> картинами французского салона и наших художников, изображающих голых баб», «музыкой Вагнера?.. Ничто это не годится...» (гл. XXXII). Он обвинял Вагнера и всех «художников нового времени» (Бодлера, Верлена, Малларме, Метерлинка и др.) в том, что они полагают, будто «им не нужно быть понятыми грубыми массами» (30: 92).

Не случайна ирония, с которой Толстой употребляет вагнеровское выражение «искусство будущего», открывающее, по его мнению, «дверь ко всякой бессмыслице». Толстой отказывает Вагнеру в будущем признании, а молодому пианисту А.Б. Гольденвейзеру, выступающему с концертами для городской бедноты, советует играть Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шопена, но не Вагнера, чья музыка вызывает «болезненную нервную раздражительность» (30: 165).

С каких же позиций Толстой критиковал Вагнера? Ведь многие зарубежные и русские композиторы пытались идти по его стопам, создавая сложные музыкальные драмы и видя в том будущее музыки. А судил его Толстой с точки зрения венской музыкальной классики. С Толстым пытался спорить немецкий писатель Томас Манн, в книге «Страдание и величие Рихарда Вагнера» утверждая, что его музыку невозможно воспринимать в духе Баха, Моцарта, Бетховена. Толстой же в сочинениях Вагнера не хотел и не мог видеть «музыку будущего».

Э.А. Андреева

ВАЛИШЕВСКИЙ Казимир Феликсович (1849-1935) – польский историк, писатель. Родился в семье польского помещика, проживавшей на территории Российской империи. Эмигрировал во Францию. Окончил иезуитский коллегиум в г. Мец и юридический факультет университета в г. Нанси; учился в знаменитой парижской Школе права (Ecole de droits). Доктор права (1875). Писал на польском и французском языках; занимался публикацией исторических документов. Автор книг по истории России и Польши, в т.ч.: «Первые Романовы» (1911); «Царство женщин» (1911); «Дочь Петра Великого»; «Роман императрицы. Екатерина II» (1908). Автор трудов по истории русской литературы. Удостоен награды Французской академии «за большой вклад в развитие французской историографии» (1929). Скончался в Париже.

Толстой был знаком с историческими произведениями Валишевского, книги которого до 1905 г. были запрещены в России цензурой. Потому он читал его произведения по-французски. Так, ещё в 1904 г. писатель собирался купить в магазине французских книг на Кузнецком мосту несколько изданий Валишевского, в частности, «Пётр Великий» и «Наследство Петра Великого». Известно также, что он брал на время у В.В. Стасова книги Валишевского «Первые Романовы» и «Любовь у трона».

Особенно много Толстой читал Валишевского осенью 1904 г. и зимой 1907 г. Упоминания об этом есть в дневниках и записных книжках писателя (читая книги Валишевского по-французски, Толстой по-разному писал имя автора, называя его Валышевский, Валишевский или же Valichewsky).

Довольно полно изучив труды Валишевского, Толстой был о них невысокого мнения, считая их «скучными» и «плохими». В записной книжке 16 января 1907 г. отмечено: «Кончил Валишевского, плохо».

Лит.: Гутнов Д.А. Казимир Валишевский и русская историческая наука // Мир истории. - 2002. № 3.

ВАСНЕЦОВ Виктор Михайлович (1848-1826) — русский художник, передвижник, автор жанровых картин, лирических и монументально-эпических полотен на темы русской истории, народных былин и сказок («После побоища», 1880; «Алёнушка», 1881; «Богатыри», 1881-1898). Выступал и как театральный художник, и как живописец-монументалист (росписи Владимирского собора в Киеве, 1885-1896).

Толстой был знаком с произведениями Васнецова и с самим художником. «Много дельного и глубокого услышал я от Льва Николаевича, когда он смотрел мои картины, — говорил Виктор Васнецов. — Это был очень прозорливый зритель, умевший

105

сразу угадывать наши художнические замыслы. Однажды Лев Николаевич сказал мне: “Я особенно никогда не задумывался, какими в жизни были наши богатыри, но, увидав ваши картины, подумал, что именно такими были защитники и поборники родной земли и никакими другими, в представлении народа, быть не могли”. Нечего, конечно, говорить, насколько дорога была мне такая похвала со стороны Толстого и как я ею гордился. Толстой умел замечать на первый взгляд как бы третьестепенные для картины вещи, но они всегда после толстовских замечаний приобретали какой-то особый смысл и во многом помогали мне для раскрытия замысла» (*Толстой и художники*. С. 237).

12 апреля 1884 г. Васнецов посетил московский дом Толстых, он сказал писателю, что понял его «больше, чем прежде», а Толстой добавил: «Дай Бог, чтобы хоть кто-нибудь, сколько-нибудь» (запись в дневнике; 49: 81). Сам Васнецов рассказывал: «Хорошо помню, как писатель, в хамовническом кабинете, говоря о моей картине “После битвы” <”После побоища Игоря Святославича с половцами”. 1880. — Н. Б.>, очень образно описал, как должны лежать на земле сражённые в бою воины, и это не могло не заставить меня считаться с мнением участника севастопольской обороны. Для меня важно было, — говорил Виктор Васнецов, — что Толстой обращает внимание на мои картины, что я не “обсевок в поле”, а заслуживающий его внимания живописец. Никогда мне не забыть трепета, с каким я переступал порог хамовнического дома, не говоря уже о моменте, когда пожимал маленькую, холёную руку, умевшую написать такие художественные произведения, которые будут волновать сотни лет» (*Толстой и художники*. С. 237).

Во второй половине 1880-х гг. Толстой обращался к нескольким художникам, в т.ч. и к Васнецову, «с предложением участвовать в

народном издательстве “Посредник”» (*Очерки былого*. Гл. «С осени 1881 до осени 1898 года. Разлад»).

Однако писатель часто не принимал творчество Васнецова, давая уничтожающие характеристики («бездарно и просто технически дурно» — из письма С.А. Толстой к Т.Л. Толстой, февраль 1894 г.), особенно в сравнении с произведениями Н.Н. Ге. Пытаясь объяснить П.М. Третьякову значение полотен Ге и ставя рядом «мазню Васнецова, которая висит» у него в галерее, Толстой писал, что «не только наши выставки, но и заграничные салоны наполнены или картинами, бьющими на внешние эффекты, или пейзажи, портреты, бессмысленные жанры и выдуманные исторические или религиозные картины», как «наш Васнецов» (14 июня 1894 г. 67; 154). И в другом письме Третьякову: «Люди ужасаются на произведения Васнецова, потому что они исполнены лжи, и все знают, что ни таких Христов, ни Саваофов, ни богородиц не было, не могло быть и не должно быть...» (14 июля 1894 г. - 67: 175), На следующий день продолжал: «...различие главное между Ге и Васнецовым ещё в том, что Ге открывает людям то, что впереди их, зовёт их к деятельности и добру и опережает своё время ни столетие, тогда как Васнецов зовёт люден назад, в тот мрак, из которого они с такими усилиями и жертвами только что выбираются, зовёт их к неподвижности, суеверию, дикости и отстаёт от своего времени на столетие» (67: 176). В вариантах романа «Воскресение» один из «неприятных» персонажей, Колосов, утверждал, что в Третьяковской галерее «хороши» «только васнецовские вещи». И далее Толстой писал об этом Колосове: «Он изучил в 60-х годах Кутлера, смотрел в Риме все достопримечательности и потому считал себя великим знатоком в искусстве, хотя был совершенно лишён всякого личного вкуса и судил об искусстве только по доверию к авторитетам» (33: 112).

В 1890-е гг. Толстой, работая над трактатом «Что такое искусство?» и рассуждая о том, что такое истинное искусство, не мог не вспомнить Васнецова. «У нас есть живописец Васнецов. Он написал образа в Киевский собор <Владимирский собор в Киеве. — *Н.Б.*>; его все хвалят как основателя нового высокого рода какого-то христианского искусства. Он работал над этими образами десятки лет. Ему заплатили десятки тысяч, и все эти образа есть скверное подражание подражанию подражаний, не содержащее в себе ни одной искры чувства. И этот же Васнецов нарисовал к рассказу Тургенева “Перепёлка” (там описывается, как при мальчике отец убил перепёлку и пожалел её) картинку, в которой изображён спящий с оттопыренной верхней губой мальчик и над ним, как сновидение, перепёлка. И эта картинка есть истинное произведение искусства» (30: 146).

В.В. Стасов, нередко споривший с Толстым об искусстве, писал брату Д.В. Стасову 30 мая 1896 г.: «...что меня удивило и порадовало, это то, что, вопреки моде и общему вкусу, он очень не любит Васнецова и его “лжерелигиозную, “лженовую русскую” живопись» (ТВС. 1960. 2. С. 88).

Н.П. Бурнашёва

106

ВЕЛИЧКИНА Вера Михайловна (1868-1918) – революционерка, член ВКП(б), писательница: по образованию врач (окончила в Швейцарии медицинский факультет Бернского университета); после Октябрьской революции 1917 г. была членом коллегии Наркомздрава РСФСР. С 1900 г. жена В.Д. Бонч-Бруевича.

Знакомая, корреспондент и адресат Толстого. В 1892 г. сотрудничала с Толстым: участвовала в помощи голодающим в Рязанской губ. 5 января 1894 г. Толстой писал Величкиной: «Часто вспоминаю вас с любовью и вашу деятельность в Рязани...» (67: 13).

В конце декабря 1894 г. Толстой посетил Величкину и её брата, освобождённых из дома предварительного заключения, где полтора месяца их содержали под арестом по политическому обвинению: приехал к ним «в довольно большой мороз на извозчике» (Величкина В.М. В голодный год с Львом Толстым. М.-Л., 1928. С. 136-137). В дневнике 31 декабря Толстой записал: «Видел Веру Величкину, её брата, приятеля и его сестру. Всех их продержали 1½ месяца в доме предварительного заключения, и все четверо без исключения с радостью вспоминали о своём пребывании там. Я нарочно спрашивал подробно, не было ли жутко там хоть первое время. Оказывается, что В. Величкина поправилась, окрепла нервами, отдохнула. Обращение мягкое, уединение и беззаботное спокойствие» (52: 157).

11 ноября 1901 г. Толстой из Гаспры в письме к А.Ф. Кони просил ходатайствовать об арестованной в Петербурге Величкиной, которая обвинялась в принадлежности к социал-демократической организации и участии в демонстрации против здания русского консульства в Женеве: «...дело, о котором пишу вам, так важно, что не могу откладывать. Хорошая моя знакомая и сотрудница во время голодного года, самое безобидное существо, Вера Величкина, находится в <...> тяжёлых условиях», и далее Толстой просил употребить все средства, «чтобы облегчить участь этой хорошей и несчастной женщины» (73: 160-161).

В конце февраля 1902 г. в издательстве «Посредник» вышел роман немецкого писателя В. фон Поленца «Крестьянин» в переводе Величкиной и с предисловием Толстого.

Н.И. Бурнашёва

ВЕНГЕРОВ Семён Афанасьевич (1855-1920) – историк русской литературы и общественной мысли, библиограф; профессор Петербургского университета и Высших женских курсов. Корреспондент и адресат Толстого.

В первой половине 1880-х гг. приступил к подготовке «Критико-биографического словаря русских писателей и учёных (От начала русской образованности до наших дней)» (т. 1-6. СПб., 1886-1904). При большой фактической насыщенности (в шесть томов вошли сведения более чем о 2000 писателях) издание осталось незаконченным: были выпущены статьи на буквы «А», «Б», частью «В» и отдельные статьи на другие буквы. Венгеров рассматривал этот словарь как подготовительный этап в создании научной истории русской литературы.

Большую научную ценность представляют и предпринятые Венгеровым издания «Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708- 1893)» (т. 1-3; вып. 1-30. СПб., 1895-1899), а также «Источники словаря русских писателей» (т. 1-4. СПб.-Пг., 1900-1917). Эти справочники остаются в числе лучших образцов отечественной библиографии.

Впервые Венгеров обратился к Толстому с письмом в 1882 г., когда стал редактором издававшегося в Петербурге журнала «Устой» и пригласил Толстого участвовать в нём. Толстой наметил для публикации статью «В чём моя вера?», но из-за цензурного запрета публикация не состоялась.

В 1895 г. Венгеров прислал Толстому четыре вышедших к тому времени тома «Критико-биографического словаря» и предложил написать для издания небольшую статью о Т.М. Бондареве. Толстой ответил письмом и в самом начале апреля отправил заметку: она была напечатана в пятом томе «Словаря» (СПб., 1897. С. 448-453).

Венгеров — автор статьи о Толстом в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

В.М. Бокова

ВЕРДИ Джузеппе (1813-1901) – итальянский композитор. В 1839 г. в Милане была поставлена его первая опера «Оберто, граф Сан-Бонифаччо» (написана в 1837 г.). Известность композитору принесла опера «Навуходоносор» (1841), в которой нашли выражение идеи национально-освободительного движения, связанные с борьбой Италии за независимость. Оперы «Ломбардцы» (1842), «Жанна д'Арк» (1845) и др. продолжили героико-патриотическую тему.

Уже в ранних сочинениях проявился интерес Верди к сюжетам большого идейного содержания, к сильным чувствам, которые он находил в произведениях великих драматургов: «Эрнани» (по драме В. Гюго, 1844),

«Макбет» (по трагедии В. Шекспира, 1847), «Риголетто» (по драме В. Гюго «Король забавляется», 1851), «Травиата» (по роману А. Дюма-сына «Дама с камелиями», 1853) и т.п.

В операх 1850-1860-х гг. Верди вновь обратился к историко-героическим сюжетам. Оперу «Сила судьбы» (1861) композитор написал по заказу петербургского Мариинского театра. В связи с постановкой оперы он дважды приезжал в Россию (1861, 1862 гг.). Наиболее значительные произведения Верди – «Дон Карлос» (1867), «Аида» (1870, по заказу египетского правительства в связи с открытием Суэцкого канала), «Отелло» (1886) и комическая опера «Фальстаф» (1892).

Творчество Верди – высшая точка развития итальянской оперы XIX в. и одна из вершин оперного реализма в мировом музыкальном искусстве. Продолжая традиции предшественников (Дж. Россини, Г. Доницетти, В. Беллини), Верди создал свой музыкальный стиль. Глубокая человечность творчества принесла композитору большую популярность. Его оперы исполняются во всех оперных театрах мира.

Словами Вронского (в черновиках «Анны Карениной») Толстой выразил общее мнение об опере Верди «Аида»: «Да, нынче что – четверг, абонемент? Да, Егор с женой там, и мать, вероятно. Что бишь нынче? ”Аида”. Это значит весь Петербург там» (20: 450).

Вообще в своей жизни Толстой слушал не много опер; он не любил этот род искусства и находил, что нельзя соединять два искусства – музыку и драму. Его мнения о музыкантах всегда были пристрастными, суждения о композиторах порой односторонними, но никогда не были равнодушными.

12 (24) марта 1857 г. в Париже Толстой в Итальянской опере слушал «Риголетто» Верди (в Париже опера была поставлена незадолго до приезда Толстого и шла с первоклассным составом исполнителей: Альбани, Фреццолини, Марио, Анжелини и др.). 24 октября 1857 г. в Петербурге Толстой слушал в Итальянской опере «Трубадура». «Наслаждался miserere Троватора» (ария miserere – церковное католическое песнопение на слова 57 псалма «Помилуй мя, Боже»).

31 октября 1900 г. Толстой сказал о творчестве Верди в телеграмме, обращаясь к самому композитору: «Благодарю высокочтимого маэстро

Верди за то чистое наслаждение, которое я испытывал с моей ранней юности, слушая его прекрасную музыку» (72: 492).

Е.Ю. Хомякова

ВЕРЕСАЕВ Викентий Викентьевич (наст. фамилия Смидович; 1867—1945) – писатель. Родился в Туле в семье врача, окончил медицинский факультет (в Германии) и историко-филологический (в Петербурге), потому и врачебная практика, и литературные занятия не были для него случайными. Сюжеты его первых литературных произведений связаны с врачебной работой («Без дороги», 1894 г.; «Записки врача», 1901 г.) и созданы на автобиографическом материале. Позднее Вересаев написал много рассказов, отражающих тяжёлую жизнь крестьянства и фабричных рабочих, поиски смысла жизни русской интеллигенцией. Он известен и своими книгами, созданными уже в советское время: «Пушкин в жизни», «Гоголь в жизни», «Спутники Пушкина» и др. Вересаев – автор очерков- мемуаров о литераторах, с которыми он был знаком, среди них и Толстой.

Толстой читал сочинения молодого писателя и находил в нём «много таланта», о чём сообщала автору издательница М. Водовозова, навестившая 1 октября 1901 г. в Гаспре больного Толстого: «Мне очень приятно сообщить Вам его отзыв о Ваших рассказах. Л.Н. недавно прочёл их... Ваши рассказы ему очень понравились. Л.Н. говорил, что некоторые из них напоминают ему Тургенева, что в них столько чувства меры и красоты природы и видна искренняя и глубоко чувствующая душа... Между прочим, Л.Н. очень сочувственно отозвался о Вашем беспристрастии, выразившемся в “Поветрии”» (Вересаев В.В. Литературные портреты. М., 2000. С. 503-504). Особо выделял Толстой рассказ «В степи», повесть «Конец Андрея Ивановича» и «Записки врача».

Вересаев относился к Толстому с искренним восхищением, даже обожанием: для начинающего писателя Толстой был почти небожителем. Первая и единственная его встреча с Толстым состоялась 15 августа 1903 г. В очерке «Лев Толстой» Вересаев описал свой визит в Ясную Поляну, подробно пересказав всё, что говорил во время этой встречи Толстой. Стараясь быть объективным, писатель сразу отметил не совсем приятное впечатление, произведённое на него Толстым, который держался довольно сухо со своими гостями, хотя и со свойственной аристократически воспитанному человеку светской вежливостью и простотой. Неприятно поразил тон нравоучений Толстого, от которых веяло холодом и скукой, и показалось, что весь разговор свёлся к проповеди любви и самосовершенствования. Однако был в этой беседе момент, когда Вересаев вдруг увидел в сидящем перед

ним сухаре-проповеднике живое пламя любви к той «живой жизни», которая горела в произведениях не «учителя жизни» (как называли Толстого), а живописателя жизни — художника, — страстно её любящего и с потрясающим мастерством умеющего вовлечь читателя в созданный им мир. Это был момент, когда Вересаев, подделываясь под общий тон беседы, рассказал о девушке, самоотверженно пожертвовавшей своей жизнью ради больной подруги, и вдруг увидел он неожиданную реакцию: Толстой «повёл плечами и тихо воскликнул: “Бог знает что такое!”». «...Одно мне стало ясно, — продолжал Вересаев, — если бы в жизни Толстой увидел упадочника-индуса, отдающего себя на корм голодной тигрице, он почувствовал бы в этом только величайшее поругание жизни, и ему стало бы душно, как в гробу под землёй» (там же. С. 397). Этим, по мнению молодого писателя, больше всего велик и ценен Толстой людям: не поучениями — призывами ко всеобщей любви и нравственному совершенствованию, которые для Вересаева были сухой безжизненной схемой, — а «живой жизнью», переполнявшей толстовские произведения. Об этом — книга Вересаева «Живая жизнь». Писатель работал над её первой частью более пяти лет ещё при жизни Толстого и закончил в год его смерти. Эта первая часть «Живой жизни» посвящена Достоевскому и Толстому — двум властителям дум рубежа столетий: первый раздел («Человек проклят») — о Достоевском, второй раздел («Да здравствует весь мир!») — о Толстом.

Та же мысль, «Да здравствует весь мир!», стала главной в статье «Художник жизни» (1921). Рассказывая о Толстом, о частных событиях, чувствах, размышлениях, искании своего пути, осмыслении себя, о моментах простого человеческого счастья в его личной судьбе (любовь, женитьба, дети, хозяйственные заботы) — о той «живой жизни», из которой и выросло искусство Толстого, Вересаев делал вывод, что Толстой был «художником, сумевшим собственную свою жизнь сделать одним из самых прекрасных своих произведений».

М.Е. Суровцева

ВЕРЕЩАГИН Василий Васильевич (1842-1904) — русский художник-баталист. 31 августа 1897 г. С.А. Толстая в своём дневнике записала: «...шведский керосиновый торговец Нобель оставил завещание, что всё его миллионное богатство он оставляет тому, кто больше всего сделает для мира (la paix) и, следовательно, против войны. В Швеции по этому поводу был совет, и решили, что Верещагин своими картинами выразил протест против войны. Но по дознаниям оказалось,

что Верещагин не по принципам, а случайно выразил этот протест. Тогда сказали, что Лев Николаевич заслужил это наследство. <...> Лев Николаевич написал письмо, что больше всех сделали для мира духоборы, отказавшись от военной службы и потерпевши так жестоко за это» (ДСАТ. 1. С. 290).

Родился Верещагин в дворянской семье, принадлежавшей старинному роду. По воспоминаниям самого художника, ещё в ранней молодости большое впечатление произвели на него сочинения Толстого «Два гусара», «Казачи», «Война и мир», «Холстомер».

Учась в царскосельском Александровском кадетском корпусе, а затем в Морском корпусе в Петербурге, Верещагин посещал рисовальные классы в Обществе поощрения художников, в 1860 г. поступил в Академию художеств (СПб.). Но система преподавания не удовлетворяла юношу, и в 1864-1866 гг. он продолжил обучение в мастерской Ж.-Л. Жерома в Париже. В эти же годы он путешествовал по Кавказу, делал зарисовки из жизни горцев. Особенно значимым событием для Верещагина-художника стала добровольная служба в Туркестане, участие в Туркестанской кампании в 1866—1868 гг.: за храбрость он был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Рисунки и этюды этого времени легли в основу его знаменитой «Туркестанской серии», а «Апофеоз войны» (1871) стал страшным символом войны. На раме художник написал своеобразное посвящение: «Всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим».

В 1874 г. Верещагин уехал в Индию и писал картины об индийской жизни и англо-индийской истории.

Своё участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. художник отразил в большом живописном цикле «Балканская серия» (1878-1881). Горечь и боль прозвучали в триптихе этого цикла «На Шипке всё спокойно!» (1878-1879). Завершала серию картина «Шипка - Шейлово. Скобелев под Шипкой» (1878-1879), где с документальной точностью представлен парад войск, одержавших победу в решающей битве.

В конце 1870-х гг. Толстой впервые услышал о Верещагине от В.В. Стасова, который очень хотел познакомить писателя и художника, видя в них много общего. «Оба они уже давно покончили с Ахиллесами и Агамемнонами <...> оба они давно не веруют в идеальности битв и неумолимо рисуют

всю их оборотную сторону, потому что видели её собственными глазами и потрогали её собственными руками. Изображение правды, и только

одной неподкрашенной правды – самое высочайшее достоинство их обоих» (Стасов В.В. Избранное. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 153).

8 февраля 1879 г. Стасов писал Толстому: «В заключение скажу вам, что поминутно нахожу всё более и более сходства между вами и Верещагиным. Та же крепость и самобытность (значит новизна), тот же упорный и необщительный склад, отчуждённость и уединённость от “знакомых”. Даже в мелких подробностях сношений пропасть общего. Но по направлению талантов – ещё более сходства. В заключение скажу ещё, что Верещагин от ваших вещей без ума и, рисуя теперь кистью громадные (не по размерам) картины из Плевны и Шипки, поминутно читает ваш “Севастополь”, -- которого я имел честь ему указать. “Казачков” и “Войну и мир” он прежде знал; но многое другое из вашего у него ускользнуло вследствие его вечно бродячей жизни» (Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка. 1878-1906. Л., 1929. С. 38). 16—17 февраля Толстой отвечал: «Всё, что вы говорите о Верещагине, мне не только лестно, но и очень интересно. Где он теперь? Очень желал бы с ним познакомиться» (62: 473). Понимая, что Толстому «хочется знать про В.В. Верещагина», в следующем письме 4 марта 1879 г. Стасов послал ему свои статьи о художнике, напечатанные осенью 1878 г., со словами: «К этому могу только прибавить, что он было всё собирался продолжить свою “Индийскую эпопею”, но я крепко приставал к нему, чтоб он всё оставил и писал скорее свою *Русско-турецкую* войну (совершенный pendant Вашему “Севастополю”), — и он, кажется, согласился. Тут будут удивительные вещи, в том числе и картины многих *безобразий* на войне и *нелепостей* высшего начальства и всякой поганой военной аристократии, всё это рядом со всем чудесным, что делал сам русский народ, под видом солдат и офицеров, — одним словом, многое такое, что не могло появиться в печатном рассказе, как у Вас...» (Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка. С. 40). Долгожданная для художника встреча с Толстым должна была состояться зимой 1880 г. в Публичной библиотеке в Петербурге, где проходила выставка картин Верещагина, но взволнованный горячим спором с А.А. Толстой о православии, Толстой 23 января внезапно уехал из Петербурга, так и не посетив выставку. Это вызвало «враждебное» чувство художника, которое он излил в письме к Толстому. Толстой и сам чувствовал, что «отрицательно нечаянно сделал ему больно тем, что не пришёл и не написал», и через Стасова просил Верещагина простить его: «Скажите ему, пожалуйста, что на меня сердиться нельзя, потому что у меня теперь одно желание в жизни – это никого не огорчить, не оскорбить, никому – палачу, ростовщику – не сделать неприятного, а постараться полюбить их и заставить себя полюбить, а что его я люблю без усилия и потому не мог сделать ему неприятного» (63: 10).

Знакомство не состоялось, но Верещагин, как и прежде, ценил сочинения писателя: «Толстого ставлю очень высоко», — писал он Стасову 19 декабря 1882 г. (цит. по: *ТВС*. 1. С. 551). И Толстой по-прежнему интересовался творчеством художника; правда, отношение к Верещагину не было однозначным. В 1882-1885 гг. художник путешествовал по странам востока: был в Индии, Сирии, Палестине. В эти годы была написана «Трилогия казней» (1883—1884): «Распятие на кресте во времена владычества римлян», «Казнь из пушек в Британской Индии», «Казнь заговорщиков в России», в последней картине изображена сцена повешения народников-террористов. В «Русской старине» в ноябре 1888 г. печатались записки Верещагина, где упоминалось, как он обратился к генералу М.Д. Скобелеву с просьбой повесить двух албанцев, которые вырезали младенцев из утроб матерей; автор записок признавался, «что ещё не видел повешения и очень интересуется этой процедурой». Реакция Толстого была категорична: «Страшны не страдания и смерть, а то, что позволяет людям производить их. Одно словечко человека, просящего для его любознательности повесить, и другого, отвечающего: “хорошо, пожалуйста, повесьте”, — одно словечко это полно смертями и страданиями миллионов» (27: 521).

В Палестине художник создал ряд картин на евангельские сюжеты. Написанные им иконы и сейчас находятся в мраморном иконостасе церкви святой Марии Магдалины в Гефсимании. 30 июня 1890 г. в письме к П.М. Третьякову, рассуждая о католическом и современном изображении святых, Толстой заметит, что изображение святых Верещагиным содержит спор с изображением святых, как Бога (что присуще католической традиции).

Вернувшись в Россию, художник задумал новый цикл картин под общим названием «1812 год. Наполеон в России». Работа началась в 1887 г., но материальные и творческие трудности не дали до конца

110

осуществить задуманное (остались ненаписанными картины, изображающие Кутузова и героизм русской армии). Толстой был знаком с этой серией работ художника. Г.А. Русанов как-то спросил его, нравятся ли ему «картины Верещагина из эпохи 12-го года? — Я не люблю их, — ответил он коротко» (*Русанов*. С. 181).

В 1904 г. началась война с Японией, и Верещагин подал прошение о направлении его на Дальневосточный фронт. Просьба была удовлетворена. Художник отправился на восток, участвовал в стратегических операциях, продолжал рисовать. 28 марта (10 апреля) 1904 г. в письме к жене он рассказал свой сон: «...представилось, что я у Льва Толстого, комнаты, которые совсем похожие на наши, и их почему-

то нужно разорить; я глухо заплакал, но, кажется, никто этого не слышал» (Верещагин В.В. Избранные письма. М., 1981. С. 209). Через три дня Верещагин погиб на броненосце «Петропавловск», взорванном миной на рейде под Порт-Артуром.

В Ясной Поляне не раз упоминались имя Верещагина, его картины, что отразил дневник Д.П. Маковицкого; Толстой просил достать для учеников своей яснополянской школы «открытки и картинки из Третьяковской галереи» по картинам Верещагина (ЯПЗ. 3. С. 30).

А.А. Алёнина

ВЕРИГИН Пётр Васильевич (1862-1924) – руководитель так называемой «большой партии» духоборцев (духоборов).

П.В. Веригин

Объединил вокруг себя сторонников более строгого исполнения заветов предков, в частности буквального понимания заповедей Христа и в соответствии с ними неучастия в воинской повинности. Под его руководством был разработан и осуществлён акт торжественного сожжения оружия, издавна хранившегося в семьях кавказских духоборов. Это массовое сожжение оружия, сопровождавшееся пением духоборских духовных песен, было воспринято как неповиновение власти, подготовка к заговору и стало формальным поводом гонений на духоборов. Как один из руководителей духоборов в 1887—1894 гг. Веригин был сослан в Шенкурск. Тогда же познакомился с учением Толстого, усвоил многие его взгляды, что отразилось в послании его к своим единоверцам. Дальнейшее общение с Толстым (заочное) отразилось и в судьбе Веригина: в частности, под влиянием Толстого он стал вегетарианцем, со взглядами Толстого сверял многие свои мысли и поступки. С 1895 по 1902 гг. находился в ссылке в Обдорске, Тобольской губ., затем переехал в Канаду к переселившимся туда духоборцам.

Лично Веригин встречался с Толстым всего два раза: в 1902 и 1906 гг. - но в течение 15 лет (1895-1910 гг.) между ними шла активная переписка: это был доверительный и заинтересованный диалог в письмах. Писатель ценил незаурядный ум Веригина, его верность и преданность делу. Это общение было своего рода источником и стимулом творчества Толстого.

Лит.: Громова-Опульская Л.Д. Диалог учителей жизни // Л.Н. Толстой и П.В. Веригин. Переписка. - СПб., 1995.

Н.В. Осипова

ВЕРН Жюль (Verne Jules; 1828—1905) — французский писатель, один из создателей жанра научно-фантастического романа. Верн написал свыше 65 научно-фантастических и приключенческих романов, повестей и рассказов, а также труды по географии и истории географических исследований. В отличие от других писателей-фантастов, у которых фантастика переходит в область сверхъестественного, Верн стремился объяснить чудесное с позиции науки и считал главным адресатом читателя-подростка.

Толстой и Верн вступили в литературу примерно в одно время. Толстой интересовался творчеством Верна, в особенности романами «Путешествие вокруг Луны» (1869), «Вокруг света за 80 дней» (1872), «Дети капитана Гранта» (1867-1868). Толстому нравилось, что герои Верна совершают свои подвиги благодаря не только мужеству и предприимчивости, но и научным знаниям. Будучи педагогом, Толстой высоко ценил универсальность образовательных сведений, которые получал ребёнок из книг Верна, считал удачной и форму повествования в его романах: «Точно так же, как для истории должен быть возбуждён исторический интерес, для изучения географии должен быть возбуждён географический интерес <...> преимущественно, из 100 случаев в 99, — путешествиями» (8: 108).

Верн для Толстого прежде всего — искусный популяризатор знаний. Считая его «путешествия» во всех отношениях полезными, Толстой читал и пересказывал своим

111

детям романы «Вокруг света за 80 дней», «20000 лье под водой», «Дети капитана Гранта», соединяя беседу с игрой, поучение с развлечением. И.Л. Толстой вспоминал о чтении романа «Вокруг света за 80 дней»: «Этот <...> роман был без иллюстраций. Тогда папа начал нам иллюстрировать его сам. Каждый день он приготавливал к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах. <...> Отец совсем не умел рисовать, а всё-таки выходило хорошо, и мы все были страшно довольны» (Толстой И.Л. Гл. X). Эти рисунки Толстого сохранились. В 1894 г. уже младшим детям он читал роман «Дети капитана Гранта», о чём свидетельствуют его письмо

к С.А. Толстой 15 сентября: «Сейчас Саша с Ванечкой на полу рассматривали карту мира и узнавали, где Патагония, в которую поехали дети Капитана Гранта...», -- а также приписка его сына Вани к письму 19 сентября, сделанная рукой Толстого: «Мы дочли Робинзона и маленькую книжечку и начали Капитана Гранта. И очень была одна страница, очень интересная: про красных волков. Я очень боялся». Роман «Вокруг света за 80 дней» фигурирует в списке литературных произведений для «Новой Азбуки», грамматики и «Русских книг для чтения». В записной книжке 19 мая 1907 г. Толстой отметил: «Писал детский Круг чтения. Читал об Индии. Нужна история детям, Жюль Верн» (подразумевался роман «Чёрная Индия»).

Ведущим для своего творчества Толстой, как и Верн, считал принцип правдоподобия. Всё невероятное, фантастическое должно получить рациональное объяснение. В своём дневнике 17 ноября 1873 г. Толстой оставил запись о романе «Путешествие вокруг Луны»: «Читал Верна. Движение без тяготения невысказано. Движение есть тепло. Тепло без тяготения невысказано». Эту мысль в тот же день он развивал в письме к Н.Н. Страхову: «...нынче, читая детям *J. Verne Voyage autour de la lune*, меня поразило то место, где они, вступив в нейтральный пункт между лунной и землёй, находятся вне закона тяжести, но всё-таки двигаются. Как они это делают? <...> Если они двинутся, то только непосредственным действием *воли движения*, т.е. чудом – тем самым, про которое мы говорим, когда говорим о движении вообще». В 1879 г. в письме к А.А. Фету 31 января – 1 февраля Толстой, следуя этому принципу, объяснял, почему ему не понравилось стихотворение «Никогда» («Проснулся я. Да, крышка гроба. Руки...»), присланное Фетом предыдущим письмом: «У Верна есть рассказ вокруг луны. Они там находятся в точке, где нет притяжения. Можно ли в этой точке подпрыгнуть? Знающие физики различно отвечали. Так и в вашем предположении должно различно отвечать, потому что положение невозможно, не человеческое». Фет же считал необязательным правдоподобие в художественном произведении: «Обязан ли поэт, да ещё и лирический, выбирать только строго-реально – возможные положения и состояния? Его дело звонить по всем видам, и по дубовому дубу, и по серебряному» (ПРП. 2. С. 45).

Лит.: Бритиков А.Ф. Лев Толстой и Жюль Верн // Русская литература. - 1978. № 4; Брандис Е.П. Лев Толстой читает Жюль Верна // Детская литература. - 1978. №9.

Т.Д. Комова

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович (1863-1945) – учёный-минералог, с 1906 г. академик. Толстой был знаком с отцом В.И. Вернадского, Иваном Васильевичем (1821-1884), видным экономистом и статистиком. Сохранились сведения об их встрече 15 ноября 1856 г. в Петербурге на квартире экономиста Безобразова, где обсуждался вопрос об издании под редакцией И.В. Вернадского экономического журнала.

Контакты В.И. Вернадского с Толстым носили прежде всего духовный и идейно-творческий характер, а потому к одним только имевшим место личным встречам сведены быть не могут. Огромное впечатление на университетскую молодёжь, друзей Вернадского, произвёл трактат Толстого «Исповедь». Оказалось, они далеко не одиноки в своём стремлении найти главную цель, скрытую за интересами науки, профессии, семьи. Широкие слои русского общества познакомились с книгой Толстого благодаря кружку студентов Петербургского университета, поскольку распространялась она в списках. Студенты переписывали текст «Исповеди» и распечатывали его на гектографе в сотнях экземпляров. Они распространяли и трактаты «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?» и др. сочинения Толстого.

Переезд семьи Толстых в Москву и активное участие писателя в общественной жизни способствовали более близкому знакомству Вернадского с Толстым, его философскими взглядами и размышлениями. Со своей стороны, Толстой симпатизировал Вернадскому и его товарищам. «Я помню, когда <...> Толстой зашёл к нам, в голод, кажется, 1891 г., и помню разговор с ним. Он

112

говорил И.И. Петрункевичу, что я симпатичный – тогда я составлял отчёт о помощи голодающим» (Мочалов И.И. Л.Н. Толстой и В.И. Вернадский // В.И. Вернадский. Pro et contra. СПб., 2000. С. 267).

В 1892 г. Вернадский ближе познакомился с творчеством Толстого, читал его художественные сочинения. «Я читаю Толстого, – писал он жене 27 мая, – прочёл его севастопольские рассказы, военные очерки и теперь читаю “Крейцерову сонату”. Для меня встаёт вся его личность, по моему, удивительная в своей неизменности – и в мыслях о Севастополе и Кавказе, и в “Воине и мире”, и всюду в новых произведениях – это всё тот же человек, чуткий, сильный. Основная черта – боль вследствие неимения глубокой веры в цельность жизни, вдумчивость и прочее» (там же. С. 256).

Памятная встреча учёного и писателя произошла 29 апреля 1893 г.: «Был у нас Л.Н. Толстой – с ним продолжительный разговор об идеях, науке etc., – писал Вернадский в дневнике. – Он говорил, что его считают

мистиком, но, скорее, я мистик. И я бы им быть был бы рад, мне мешает скептицизм. Я думаю, что в учении Толстого гораздо более глубокого, чем мне то вначале казалось. И это глубокое заключается: 1) основой жизни искание истины и 2) настоящая задача состоит в высказывании этой истины без всяких уступок. Я думаю, что последнее самое важное, и отрицание всякого лицемерия и фарисейства и составляет основную силу учения, так как тогда наиболее сильно проявляется личность и личность получает общественную силу. Толстой анархист. Науку – искание истины – ценит, но не университеты etc.» (там же. С. 258-259).

Уже после смерти Толстого, размышляя о его личности, его учении и наследии, Вернадский записал 9 августа 1911 г.: «Толстовство может существовать лишь на фоне научной работы – и является полезным коррективом для отдельных людей» (там же. С. 265).

В.В. Алексеева

ВЕСЕЛИТСКАЯ-БОЖИДАРОВИЧ Лидия Ивановна (псевд. В. Микулич; 1857-1936) — писательница. В феврале- марте 1891 г. в «Вестнике Европы» Толстой прочитал повесть «Мимочка на водах» за подписью «В. Микулич». Писатель сразу обратил на неё внимание «как на вещь талантливую и написанную, вероятно, женщиной», и просил А.С. Суворина, если тот узнает автора, передать ему восхищение Толстого этой повестью.

Веселитская родилась в Егорьевске Рязанской губ., в дворянской семье, которая вела свою родословную от семейства Божидар из Герцеговины. Дебют писательницы состоялся в 1877 г.: это были сказки и рассказы в детских журналах. Наиболее известным сочинением В. Микулич стали повести о Мимочке (1883-1893). Эта трилогия, состоящая из повестей «Мимочка- невеста», «Мимочка на водах», «Мимочка отравилась», с темой женской судьбы, любви и семьи, вызвала широкий резонанс в обществе. Своеобразие повестей о Мимочке в том, что автор почувствовала основную проблему женщины XIX в. в навязанной ей миром роли: женщина всегда вторична, подчинена, лишена независимой свободной воли. Эта книга переведена на многие европейские языки.

Своё впечатление о повести Толстой высказал в письме к Веселитской 17 ноября 1892 г.: «То, что вам передавал Суворин о моём восхищении перед вашей повестью, наверное только в малой степени выражает то, как она мне нравится. Очень интересно, что вы напишете теперь. <...> Надо, чтобы было очень, очень хорошо, чтобы было не хуже Мимочки».

Завязалась переписка: шесть писем Веселитской к Толстому хранятся в ОР ГМТ. Впервые Веселитская приехала в Ясную Поляну в мае 1893 г. С первого же знакомства возникли дружеские отношения: она горячо полюбила семью Толстого, много раз бывала в Ясной Поляне и в

Хамовниках. Толстой характеризовал её как очень умную, серьёзную и чуткую женщину: «Она — хороший, движущийся к свету, живой человек».

Впечатления от общения с Толстым остались в дневниковых записях Веселитской. Для неё важны были мысли о мастерстве писателя: Толстой говорил, «что я должна быть увереннее в себе и идти вперёд не в смысле внешней отделки, а развиваться в глубину. Талант даётся не для щегольства, не для забавы. Надо смотреть, как в колодец, в *глубину* жизни. Без этого нельзя писать. Писать надо как можно больше, печатать как можно меньше. Для того, чтоб пошла чистая вода, надо, чтобы осел весь осадок» (Микулич В. Тени прошлого. СПб., 1914. С. 100). Толстой предлагал ей темы для будущих произведений, делал исправления в переводах: Веселитская переводила на русский язык произведения Гюго, Мицкевича, Шиллера.

Веселитская глубоко уважала и любила Толстого: «Я люблю Льва Николаевича за то, что он надел крестьянское платье и пахал. Я мечтаю о том, что вслед за ним

113

все князья и графы <...> тоже наденут крестьянское платье и пойдут на тяжёлую честную работу <...> и честным тяжёлым трудом искупят свою вину перед людьми, которые так долго за них и на них работали» (там же. С. 179).

В начале XX в. Веселитская всё реже встречалась с Толстыми. Она видела, что Толстой окружён слишком плотной толпой посетителей, гостей. Человек деликатный, она не хотела мешать и решила попрощаться с Толстыми навсегда. Последний раз она была в Ясной Поляне в 1903 г.

Лит.: Микулич В. Из переписки // Звенья. - М.; Л., 1932. Вып. 1.

Е.Г. Шестакова

ВЕСЕЛОВСКИЙ Алексей Николаевич (1843-1918) — историк литературы, академик, профессор кафедры всеобщей литературы Московского университета. В 1901—1906 гг. председатель Общества любителей российской словесности, с 1906 г. почётный академик. Разносторонний учёный-филолог, обладал обширными знаниями в области западноевропейской литературы. Автор исследований о Дидро, Свифте, Байроне, Мольере, Грибоедове, Пушкине, Гоголе, Герцене и др. Работы Веселовского печатались в «Вестнике Европы», некоторые из них Толстой читал (например, статью «Герцен-писатель», 1908 г.). В личной

библиотеке Толстого имеются книга Веселовского «Байрон» (СПб., 1902) с дарственной надписью автора, оттиск его статьи «Очерки и наброски из старой и новой литературы» (Вестник Европы. 1898. Т. 1). Исследования Веселовского предвосхитили идеи сравнительного литературоведения. Учёный был знаком с Толстым с начала 1880-х гг. В книге «История новейшей русской литературы» (М., 1918) касался творчества Толстого.

В трактате «Что такое искусство?» Толстой полемизировал с современными и прошлых времён теориями искусства. Истинное искусство он видел в отсутствии «подражаний», «заимствований», «подделок под искусство». По Толстому, «всякое заимствование целых сюжетов или различных сцен, положений, описаний есть только отражение искусства, подобие его, а не искусство» (30: 116). Средствами «подделки под искусство» являются «заимствования, подражательность». Общие места, «заимствованные из прежних художественных произведений», Толстой называл «поэтическими предметами». Это суть «девы, воины, пастухи, пустынные, ангелы, дьяволы во всех видах, лунный свет, грозы, горы, море, пропасти, цветы, длинные волосы, львы, ягнёнок, голубь, соловей» (30: 113). Не исключено, что это была скрытая полемика с новыми, современными литературными теориями Ф.И. Буслаева и А.Н. Веселовского.

А.Н. Полосина

ВИВЕКАНАНДА Свами (наст. имя Нарендранатх Датта; 1863-1902) – индийский философ, общественный деятель, представитель неоведантизма. Ученик Рамакришны.

С сочинениями Вивекананды Толстой впервые познакомился в 1896 г. Его корреспондент, индус Год, прислал в Ясную Поляну книгу Вивекананды «Философия йоги». В ответном письме Толстой высоко оценил это сочинение: «Книга очень замечательная, и я много почерпнул из неё. Метафизическая сторона учения, установление того, что есть истинное я человека, превосходна» (69: 146-147). Толстой сразу почувствовал в авторе духовно близкого себе человека и впоследствии всегда интересовался его сочинениями. В 1907 г., узнав от И.Ф. Наживина о книге Вивекананды «Речи и статьи», Толстой просил его прислать в Ясную Поляну это сочинение: «Чтение таких книг больше, чем удовольствие, это расширение души» (77: 151). В марте 1908 г., прочитав речь Вивекананды «Бог и человек», Толстой отметил: «Статья индуса особенно поразила меня. Это необыкновенно хорошо» (56: 483).

В 1908 г. бомбейский корреспондент Толстого С.Р. Читер прислал в Ясную Поляну двухтомник сочинений индийского философа. Толстой заинтересовался книгами. Мысли Вивекананды наталкивали его на собственные рассуждения, отразившиеся на страницах его дневника. Он

признавал, что в сочинениях Вивекананды много мыслей для «Круга чтения». Но сборник был к тому времени уже издан, менять что-либо в нём Толстому не хотелось. В книги «На каждый день» (44: 330) и «Путь жизни» (45: 68) он включил фразу из Вивекананды о непознаваемости Бога. Была у него идея издать в «Посреднике» избранные мысли Вивекананды, но осуществить это не удалось.

Имя Вивекананды упоминалось в публицистических статьях Толстого последних лет жизни: «Религия и наука» (37: 361), «О воспитании (ответ на письмо В.Ф. Булгакова)» (38: 68). В «Письме к индусу» Толстой отмечал «весьма интересные сочинения индусского писателя Свами Вивекананды» и поместил в качестве эпиграфа цитату из его труда (37: 259-260).

114

Метафизическая составляющая учения Вивекананды – представление о Божественной природе человеческой души, стремящейся соединиться с Абсолютом, – особенно привлекала внимание Толстого. Однако близость Вивекананды к некоторым традиционным для индуизма религиозным положениям вызывала неприятие писателя, считавшего, что не нужны «новые объяснения и оправдания старых религиозных суеверий, как это делали <...> Вивекананды. Баба-Бхаратн и другие» (37: 271-272). Негативно отозвался Толстой о «Раджа-йоге» -- одном из самых популярных сочинений Вивекананды, содержащем изложение традиционной восьмиступенчатой системы йоги (ЯПЗ. 3. С. 127). Такие элементы индусской религиозной практики, как йогические упражнения, чтение мантр и пр., были чужды Толстому. Несмотря на это, он не мог не восхищаться глубиной сочинений Вивекананды, который, как и многие индийские авторы, активно использовал ведическую мудрость. Сравнивая сочинения русских богоискателей (участников сборника «Вехи») и индийских (Рамакришны и Вивекананды), Толстой отдавал предпочтение индусам. Вивекананду Толстой часто называл одним из выдающихся мыслителей Индии (ЯПЗ. 3. С. 404; 4. С. 213).

Толстого и Вивекананду часто сближают как проповедников единства религиозной истины, противников религиозной, расовой и национальной нетерпимости. Вивекананда воспринимал религии как радиусы круга, каждый из которых одинаково ведёт к центру – к познанию Бога. Толстой тоже любил подобную схему, только радиусы круга сравнивал с верующими, которые с разных сторон приходят к осознанию религиозной истины. Мыслители подчёркивали несостоятельность материализма и атеизма, видели спасение общества от бед в религии, полагали необходимым идти по пути нравственного

совершенствования, бороться с грехами; считали, что духовное развитие личности неизбежно должно привести к освобождению от оков материальной природы, приблизить к Богу.

Для обоих мыслителей очень важна рационалистическая составляющая в философии, оба отвергали слепое следование традициям. «Позвольте человеку мыслить! <...> Вся слава человека в том, что это – мыслящее существо», - писал Вивекананда (см. Костюченко В.С. Вивекананда. М., 1977. С. 76). Под этими словами мог бы подписаться и Толстой.

Вивекананда пытался примирить религию с данными разума, в т.ч. и с научным знанием. Толстой, также считавший, что религиозная вера не может противоречить разумному осмыслению мира и даже, наоборот, должна основываться на нём, подверг серьёзной критике современную ему науку, далёкую от истинного знания – знания смысла человеческой жизни.

Вивекананда выступал против абсолютизации ритуала, считая ритуал в религии средством, а не целью; Толстой категорически отвергал необходимость религиозного ритуала. И тот и другой отрицали чудеса, считая их «камнями преткновения на пути к истине» (там же. С. 100). Оба негативно относились к креационистской доктрине, т.е. не считали возникновение мира, жизни, человека результатом Божественного творения.

По-разному воспринимали мыслители идею непротивления злу насилием. Вивекананда, высоко оценивавший идеал ненасилия, считал его, в отличие от Толстого, утопичным, далёким от практической жизни.

Большое внимание Толстой и Вивекананда уделяли социальным проблемам, считая, что необходимо преодолеть существующую в мире несправедливость, веря в лучшее будущее человечества, резко критикуя язвы капиталистического строя, защищая интересы крестьян. Вивекананда в Индии осуждал кастовые привилегии, социальное неравенство, призывал помогать бедным, страдающим от голода. Сословные пережитки критиковал в своих работах и Толстой, неоднократно принимавший участие в оказании помощи голодающим крестьянам.

Лит.: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 128-131; Гнатюк-Данильчук А. Толстой и Вивекананда // Индия - Россия: Диалог цивилизаций. М., 2003. С. 77-91.

Ю.В. Прокопчук

ВИТТЕ Сергей Юльевич (1849 — 1915), граф – политический и гос. деятель России, управляющий Министерством путей сообщения (1892),

управляющий Министерством финансов (1892-1903), председатель Комитета министров (1903-1905), председатель Совета министров (1905-1906). Под его руководством были реализованы масштабные экономические проекты: сооружена Сибирская железнодорожная магистраль, проведена денежная реформа на основе золотого обращения, введена винная монополия. Противодействовал агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке, поддерживал политический курс на сближение с Китаем, возглавлял российскую делегацию, подписавшую Порт-

115

смутский договор с Японией, за что получил титул графа. Автор ряда положений Столыпинской аграрной реформы и Манифеста 17 октября 1905 г., подготовленного по поручению Николая 11 («Манифест об усовершенствовании государственного порядка»).

Письменное общение Толстого и Витте началось в 1896 г., когда у писателя, уже опубликовавшего «В чём моя вера?», «Царство Божие внутри вас» и др. религиозно-философские произведения, сложилось стойкое понимание того, что христианство как учение о любви, смирении и прощении обид несовместимо с государством и насилием власти. Мысль о том, что с помощью гос. насилия невозможно улучшить жизнь людей, стала для Толстого несомненной истиной, что в полной мере проявилось и в его общении с Витте.

29 октября 1896 г. Толстой получил письмо от А.М. Кузминского, сообщившего о желании Витте, в ту пору управляющего Министерством финансов, посетить Ясную Поляну и поговорить с Толстым о введённой в России винной монополии и об устройстве правительственных обществ трезвости. Толстой счёл встречу ненужной. Отвечая Кузминскому 13-15 ноября, он подробно объяснил, почему не видит смысла в этой встрече. «Я думаю, что обращение ко мне г-на Витте и желание моего участия в деле, которым он занят, основано на недоразумении. Во всём, что я пишу в последние года о вопросах социальных, я выражаю, как умею, мысль о том, что главное зло, от которого страдает человечество, и всё неустройство жизни происходит от деятельности правительства. Одна из поразительных иллюстраций этого положения есть не только допускаемые, но неизбежно поощряемые правительством приготовление и распространение губительного яда вина, так как эта продажа даёт одну треть бюджета. По моему мнению, если правительство считает справедливым употреблять насилие для блага граждан, то первое употребление этого насилия должно бы было быть направлено на полное запрещение яда, губящего и физическое и духовное благо миллионов людей. Если правительство считает возможным запретить игорные дома

и многое другое, то оно точно так же может запретить водку, как она запрещена во многих штатах Америки. Если же оно пользуется этим доходом и позволяет то, что оно могло бы запретить, то как же оно может желать уменьшить потребление вина. Так что общества трезвости, учреждаемые правительством, не стыдящимся самому продавать через своих чиновников яд, губящий людей, представляются мне или фарисейством, или игрушкой, или недоразумением, или и тем и другим и третьим вместе, которым я поэтому никак не могу сочувствовать. <...> Мы стоим на таких отдалённых друг от друга точках, и думаю, что и направления, по которым мы движемся, до такой степени противоположны, что ничего из этого свидания, кроме потери времени, выйти не может» (69: 205-206).

В 1902 г. возобновился письменный диалог с Витте: поводом стал арест тульского крестьянина М.П. Новикова, подавшего докладную записку о бедственном положении крестьян в тульский комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Толстой остро переживал произошедшее. 27 октября 1902 г. он послал Витте письмо с просьбой помочь Новикову, «человеку, живущему своими трудами, семейному, слабому здоровьем и в высшей степени достойному уважения». В этом письме Толстой предложил Витте задуматься над тем, чем на самом деле занимается созданное по его министерскому распоряжению Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. «Страшно подумать о том, - писал Толстой, - что сельскохозяйственные комитеты, назначение которых – улучшить положение крестьянства, служат новым орудием извлечения из среды крестьянства всех лучших людей» (73: 314).

Опасаясь, что его письмо не дошло до адресата, Толстой 17 ноября 1902 г. повторно направил Витте письмо с ходатайством об освобождении Новикова из-под ареста. «Может быть, - писал Толстой, - вы не получили моего письма или, если и получили, не нашли нужным отвечать на него, во всяком случае я считаю себя обязанным перед своею совестью сделать всё, что могу, для избавления М. Новикова от совершённого над ним насилия, и потому ещё раз очень прошу вас помочь этому человеку освободиться от тех людей, которые схватили и держат его» (73: 326).

Витте ответил Толстому 22 ноября 1902 г.; он сообщал, что уездные комитеты действуют под наблюдением местных властей и ему не подчинены, что просьба Толстого об освобождении Новикова передана министру внутренних дел. Витте ощущал личную ответственность за события, связанные с заключением Новикова под стражу. Об этом он поведал в воспоминаниях: «Граф Лев Толстой (известный писатель), ходатайствуя об одном крестьянине, подвергнувшемся за свои мнения, высказанные в совещании, аресту и ссылке, не

без некоторого основания упрекал меня в провокации» (Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М.; Пг., 1923-1924. Т. I. С. 438). В конце декабря 1905 г. Толстой начал работу над «Обращением к русским людям. К правительству, революционерам и народу». В письме В.Г. Черткову 13 февраля 1906 г. он кратко раскрыл историю появления этой статьи: «...статья эта образовалась из написанного мною довольно горячего обращения к правительству, под которым я невольно представлял себе Витте» (89: 35-36). Реалии управления страной и образ Витте I носителя гос. власти были для Толстого прочно связаны между собой.

М.А. Лукацкий

ВЛАСОВЫ

Влас Кириллович (1801-1881) – крестьянин Волконских, затем Толстых. Переведён из деревни Ягодной между 1816—1824 гг. во двор крестьянина Евсея Родионовича как его «приёмуш». Вскоре Влас остался хозяином двора и дал начало роду крестьян с фамилией от его имени. Семья его многочисленная.

Толстой хорошо знал эту огромную семью. Влас послужил прототипом одного из героев романа «Декабристы». Упомянулся он и в «Дневнике помещика» 7 июня 1856 г. Толстой собрал для совета нескольких стариков. Пришёл «Влас, болезненный, развратный старик» (5: 254). Упомянут Влас в записной книжке 13 марта 1879 г.: рассмотрение в волостном суде его дела со старшим сыном Аввакумом о дележе имущества. «Влас 80 лет, горбатый, слепой, плюгавый, рыжий, длинные космы». Таким Влас изображён и в «Декабристах».

Прокофий Власиевич (1839-1912) – яснополянский крестьянин; многосемейный, трудолюбивый. Рассуждал обстоятельно и трезво, был справедлив и добр, отзывчив на чужую беду; стойко переносил бесконечные удары судьбы. Один из ближайших друзей Толстого; бывший его ученик в яснополянской школе.

С Толстым Власова связывали дружеские отношения многие десятилетия. Писатель очень ценил его, советовался, в жизни всячески помогал. Перед уходом из Ясной Поляны из деревенских жителей долго беседовал именно с ним.

Власов был человеком деликатным в отношениях с людьми, оптимистом, нравственно здоровым человеком. Толстой писал о нём в статье «Христианство и патриотизм». Участие Власова в беседе о войне с гостем Толстого из Франции навело писателя на глубокие размышления и вывод, что «если бы все были Прокофии, то не было бы войны» (52:

252). Для писателя Власов был олицетворением народа. Вот каким запечатлел его Толстой: «вид шершавого, с трухой в волосах, высохшего от работы, загорелого, всегда усталого и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающего Прокофия с своими распухшими от работы пальцами, в его спущенных домашних портках, разбитых лаптях, шагающего с огромной навилиной сена на плече той не ленивой, но экономной на движения походкой, которой движется всегда рабочий человек» (39: 51-52).

В рассказе о проводах новобранцев в октябре 1909 г. «Песни на деревне» показан убитый горем Прокофий, у которого взяли единственного кормильца. Толстой стал к нему ещё более внимателен, переживал за него, всячески помогал. Жизнь Власова в последние годы была особенно трудна и безрадостна. У старого и дряхлого человека в доме не было даже дров. Пережить ему пришлось немало: трижды горел, лет 15 кормил слепого отца, рано похоронил двух жён, сына-кормильца взяли в солдаты. Все несчастья Прокофий переживал как-то безропотно. Если кто-то из крестьян жалел его, то отвечал: «Что делать! Авось не зима». Такая присказка была у него. После очередного пожара Прокофий три зимы проходил в одном деревенском кафтане, подаренном ему односельчанином. Но никогда никому не пожаловался, что ему холодно, а наоборот, если где-нибудь удавалось выпить вина, то начинал плясать и приговаривал свою любимую пословицу: «Авось не зима». После пожара не тужил и не плакал, а жалел лишь одну собаку.

В Ясной Поляне к Прокофию все относились хорошо, и прежде всего Толстые. В 80-е гг. он заболел тифом, и бесценно около него дежурил кто-то из гостей Толстых. В молодости Прокофий Власов был физически сильным человеком. После смерти Толстого – это сгорбленный старик, который благоговейно сторожил его могилу до самой своей смерти.

Н.И. Шинкарьук

117

ВОВЧОК Марко (наст. имя: Маркович Мария Александровна; 1833-1907) – украинская и русская писательница революционно-демократического направления, переводчица; писала на русском, украинском и французском языках. Её сочинения проникнуты гуманизмом, сочувствием крестьянству в его тяжёлом рабском положении. Корреспондент и адресат Толстого.

В 1860-е гг. жила в Париже, там весной 1861 г. познакомилась с Толстым. Своему мужу А.В. Марковичу она писала в марте из Рима, что перед отъездом из Парижа несколько раз виделась с Толстым, автором

«Детства», «Юности», «Семейного счастья», и он показался ей «честным, добрым и хорошим» человеком (цит. по: *Гусев. Летопись*. 1. С. 226). Он предлагал ей сотрудничество в журнале «для народного чтения», который предполагал издавать, и она ответила согласием. В том же 1861 г. Толстой получил от Маркович письмо, на которое не смог ответить; это письмо неизвестно. А 27 апреля / 9 мая 1862 г. она написала Толстому восторженное письмо о его журнале «Ясная Поляна»: «Ваша книга хорошая, в ней всё правда. Я над ней плакала» (там же. С. 259). Автор письма спрашивала, не понадобится ли Толстому её помощь. Писатель отвечал: «Ваш искренний сочувственный голос очень был мне приятен, от души благодарю вас за то, что вы написали мне». Заканчивалось письмо приглашением к сотрудничеству: «Как ни плохи первые три книжки “Ясной Поляны”, вы видите из них, что мы хотим, а вы можете. Присылайте мне, пожалуйста, и позволяйте быть откровенным» (60: 425-426). Сотрудничество Толстого с М. Маркович не состоялось, но он включил в список для домашнего чтения произведения М. Вовчка: «Рассказы из народного русского быта», «Украинские рассказы» (перевод И.С. Тургенева), «Надежда».

С. В. Чаругина

ВОГЮЭ Эжен Мельхиор де (Vogüé; 1848-1910), виконт — французский историк литературы, критик, секретарь Французского посольства (1877-1882), почётный член Общества любителей российской словесности и член Академии наук. Член Французской академии с 1888 г. Около семи лет жил в России.

В 1884 г. во влиятельном французском журнале «Revue des Deux Mondes» (15 juillet) появилась статья Вогюэ о Толстом «Les écrivains russes contemporains. Le comte Leon Tolstoi» («Современные русские писатели. Граф Лев Толстой»). Она была подробно разобрана Н.Н. Страховым в работе «Французская статья об Л.Н. Толстом» (Русь. 1885. № 2), которую Толстой «очень одобрил».

Под редакцией Вогюэ в 1879 г. в издательстве Hachette вышел первый французский перевод «Войны и мира», выполненный И.И. Паскевич. К печатанию трактата «В чём моя вера?» в переводе Л.Д. Урусова Вогюэ относился отрицательно и советовал отложить выпуск до выхода своей статьи в сентябре 1884 г. в «Revue des Deux Mondes» и второго издания «Войны и мира». «Vogüé велит ждать “Войны и мира”. Смешно», -- записал Толстой в дневнике 25 апреля 1884 г.

В книге Вогюэ «Русский роман» (Paris, 1886) была дана высокая оценка в целом русской литературе, особенно Тургеневу и Толстому. Статья принесла автору широкую известность. В 1888 г. в «Revue des Deux Mondes» (15 mars) вышла ещё одна статья Вогюэ о Толстом «La Puissance

des ténèbres de Léon Tolstoi. Réflexions d'un spectateur» («Власть тьмы» Льва Толстого. Размышления зрителя»). Н.Н. Страхов считал, что критик «не справился с задачей, но важно здесь, — писал он Толстому 6 апреля 1888 г., — выражение того впечатления, которое Вы производите у французов; они как будто в потёмках вдруг увидели свет с востока». В 1889 г. Вогюэ обратился к Е.И. Менгден, а она через С.А. Толстую к Толстому с просьбой разрешить сделать перевод на французский язык «Крейцеровой сонаты». Толстой отказался. В 1890 г. в «Русском обозрении» (№ 12) вышла статья Вогюэ «По поводу “Крейцеровой сонаты”». Страхов 2 января 1891 г. написал Толстому, что «статья Вогюэ умна и здесь её усердно читают; между тем, он вовсе не знает, что такое христианство, а потому не может и Вас понимать». Статья понравилась С.А. Толстой: «удивительно тонко и умно» (*ДСАТ*. 1. С. 161).

В 1889 г. Толстой прочёл в «Revue des Deux Mondes» (novembre) статью Вогюэ о военном отделе на 8-й Всемирной выставке в Париже, перевёл из неё большой отрывок и процитировал его в 6-й главе трактата «Царство Божие внутри вас», которая заканчивается такими словами: «...люди, которые как Вогюэ и др., исповедуя закон эволюции, признают войну не только неизбежной, но полезной и потому желательной, -- эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращённостью». Имя Вогюэ упоминается и в трактате «Что такое искусство?», в антимилитаристских статьях «Христианство и патриотизм» и «Carthago delenda est».

А.Н. Полосина

118

ВОЕЙКОВ Александр Сергеевич (1801—?) — крапивенский помещик, владелец села Даниловки, сосед Толстых по имению. С 1817 г. служил в лейб-гвардии Измайловском полку, в 1825 г. вышел в отставку в звании поручика. Опекун малолетних Н.Н., С.Н., Д.Н., Л.Н. и М.Н. Толстых, сменивший С.И. Языкова. По достижении юными Толстыми совершеннолетия Воейков составил проект отдельного акта, по которому всё наследство Толстых, движимое и недвижимое имущество было поделено на равные пять частей. Братья Толстые были недовольны тем, как он вёл их дела, связанные с разделом имений и имущества. И.Л. Толстой писал в своих воспоминаниях: «...Воейков был одно время опекуном Ясной Поляны, и после его опекуинства многое из имения исчезло. Старик Николай-повар говорил, что в старину у нас были пуды серебряной посуды и после Воейкова ничего не осталось» (*Толстой И.Л.* Гл. IV).

Среди материалов к «Роману русского помещика» есть «Предисловие не для читателя, а для автора», в котором Толстой записал «главную» и «побочные мысли» сочинения и «главное основное чувство, которое будет руководить» автора в этом романе. набросок заканчивался перечнем «главных лиц», среди которых упоминался «представитель корысти помещик Тартюф (Воейков)», он же назван как «представитель страстей деревенских (Воейков)» (4: 364). Под своим реальным именем, но с вымышленной фамилией Воейков появился в первых главах первой редакции «Романа русского помещика».

«...Глава, носящая название “Ближайший сосед”, является первой попыткой Толстого расширить круг тех лиц, с которыми его герой входит в соприкосновение. “Ближайший сосед” Нехлюдова, фигурирующий в этой главе, это помещик-Тартюф — Александр Сергеевич Облесков, прототипом для которого послужил бывший опекун Толстых помещик Александр Сергеевич Воейков. Со “сладкой улыбочкой” певучим голосом говорит Облесков об “усердных трудолюбивых наших мужичках”, как лицемерно и слащаво называет он крепостных <не случайно Толстой считал Воейкова «ханжой» (59: 105). — Н.Б.>. Действительное отношение Облескова к “бедным трудолюбцам” далеко не так сентиментально. (Выражение “трудолюбцы” в применении к крепостным несколько раз было употреблено Воейковым в его письмах к Н.Н. Толстому 1847 года)» (ОР ГМТ; цит. по: Гусев. Материалы. 1. С. 471)

Н.И. Бурнашёва

ВОЕЙКОВ Николай Сергеевич («монах»; 1803-после 1862) – брат А.С. Воейкова, опекуна несовершеннолетних Толстых. Сын тульского помещика, в молодости служил в гусарском полку, потом жил монахом в монастыре, но был изгнан за пьянство. По воспоминаниям старшей дочери Толстого Т.Л. Сухотиной, «в доме жили разные странные люди... Живал подолгу монах Воейков. <...> Ходил Воейков в монашеском платье, что очень не вязалось с его пристрастием к вину» (Сухотина. Воспоминания. С. 35). А.А. Фет, частый гость Ясной Поляны, описал Воейкова в 1859 г.: это был «красивый старик с белыми, как лунь, вьющимися волосами и такую же бородою пышным веером, одетый в безукоризненно белую парусиновую рясу» (цит. по: 59:22). Т. А. Кузминская вспоминала его «в ободранной рясе» и считала, «что он был в доме чем-то вроде шута» (Кузминская. Ч. II. Гл. XIV). «Он был когда-то помещик, служил смолоду в военной службе, затем поселился в деревне и запил запоем. Потом поступил в монастырь, откуда был исключён за пьянство. Именье было прожито. Он остался нищим. Родные не могли его долго держать в доме, да и он сам нигде долго не заживался. У него была потребность и склонность к бродяжничеству. Он ходил от одних

родных к другим, его кормили, давали денег и, как он запивал, его отсылали и гнали. Он постоянно бродил из одного села в другое» (там же). Человек опустившийся, он жил приживалом то у Н.Н. Толстого, то в Ясной Поляне, то в Пирогове. Безднадёжный алкоголик, вран, Воейков, видимо, был уже не совсем здоров психически, походил на юродивого. Толстые к нему привыкли, хотя часто его присутствие раздражало. В письмах брату С.Н. Толстому с Кавказа Толстой упоминал Воейкова: «Я <...> хотел было ему написать серьёзно несколько слов, ежели бы знал, где он, но теперь, ежели он пьян, скажи ему, что он презренная тварь, ежели не пьян, что пора ему умирать и подумать об смерти» (ПТСБ. С. 100-101). М.Н. Толстая в конце марта 1854 г. писала Толстому, только что уехавшему в Дунайскую армию: Н.Н. Толстой и В.П. Толстой «привезли с собой Николая Сергеевича, уверяю тебя.

119

мне не доставило особого удовольствия видеть этого субъекта у нас; в самом деле субъекта, так как нельзя определить, к какому разряду людей он принадлежит; -- он так, сам по себе, он занятный, когда много народу вместе <...> он может наскучивать или занимать всех в целом, тогда заметна лишь его комическая сторона, но, когда мы были только втроём, мы разглядели все его дурные и отвратительные черты, и надоедает он больше, чем развлекает» (ПТСБ. С. 163).

Но чаще всего к Воейкову, «пьяному монаху» (60: 334), относились терпимо, воспринимая его как часть яснополянского быта. Так в апреле 1857 г. в письме к Т.А. Ёргольской из Женевы Толстой шутил: «"Сильфотоптень сиданси турбильон"... Это Николай Сергеичу. Желая ему всего лучшего, физического и нравственного здоровья и очень рад, что он нашёлся, и я его увижу» (60: 178). С.Н. Толстой писал Толстому 3 сентября 1857 г.: «Про Николеньку и Николая Сергеевича могу тебе сказать: во-первых, что они оба живы и здоровы, во время днёвок они постоянно играют в шашки (что происходит и в настоящую минуту). Игра же у них заинтересована таким образом: тот, кто выигрывает, выпивает рюмку водки; игра эта их очень обоим занимает» (ПТСБ. С. 213). Толстой сообщал братьям в 1860 г., что «Николай Сергеевич больше пребывает у Маши и очень мил» (ПТСБ. С. 224). В письмах Толстой передавал привет Воейкову. Ёргольская отвечала племяннику 26 сентября 1860 г.: «Бывший монах надоел нам смертельно; он не пьянствует, но невозможен во всех отношениях» (60: 352).

С.А. Толстая, с детства не любившая и боявшаяся пьяных, 6 ноября 1900 г. записала в своём дневнике: «Лев Николаевич их выносит легко, а в молодости, я помню, он потешался, глядя на пьяные выходки

спившегося старого дворянина-монаха Воейкова, и заставлял его прыгать, болтать вздор, выделять разные штучки, над которыми смеялся» (ДСАТ. 1. С. 458).

В Ясной Поляне долго помнили Воейкова. 16 августа 1909 г., как записал Д.П. Маковицкий, «за обедом разговор о Н.С. Воейкове, бывшем кавалерийском офицере, красавце, потом монахе. Впоследствии вышел из монастыря, но рясу всё носил. Мария Николаевна, Софья Андреевна вспоминали его оригинальности, от которых мы приходили в ужас, недоумевали, хохотали. Л.Н. говорил, что он всё-таки трогательный человек был: когда в монастырь пошёл, было в нём нечто живое, что заставляло идти. Софья Андреевна: С него списан отец Сергей» (ЯПЗ. 4. С. 46). Последнее утверждение С.А. Толстой требует пояснения: не «списан», а для фигуры отца Сергия Толстой использовал некоторые черты и ситуации из жизни Н.С. Воейкова. Сам же писатель объяснял всё иначе. 2 августа 1905 г. М.Н. Толстая спросила брата, почему он не описал Воейкова. Толстой ответил: «Бывают в жизни события и люди, как в природе картины, которых описать нельзя: они слишком исключительны и кажутся неправдоподобными. Воейков был такой. Диккенс таких описывал» (цит. по: 59: 22). Правда, в 1870-е гг. и сам Толстой попытался изобразить Воейкова в лице Николая Петровича в незаконченном наброске «Два путника».

Н.И. Бурнашёва

ВОЛКОВ Константин Васильевич (1871-1938) — земский врач; лечил Толстого в Гаспре. Родился в Казани в семье ламповщика Казанского городского театра. Любовь к театру, унаследованную от отца, Волков сохранил на всю жизнь. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, позднее - медицинский факультет Московского университета.

В 1900-1907 гг. работал земским врачом в Крыму. Участок, который он обслуживал как хирург, терапевт, гинеколог, инфекционист, простирался на огромной территории Ялтинского уезда от деревни Кучук-кой до Ай-Тодора.

В Крыму Волков познакомился с Толстым. Однажды во время верховой прогулки Толстой ушиб бедро. Записка с просьбой срочно прибыть в Гаспру к больному писателю застала доктора Волкова в любительском театре во время генеральной репетиции комедии А.Н. Островского «Не так живи, как хочется», где он играл главную роль. «Я, разумеется, тотчас же прерываю репетицию — вспоминал Волков, — и, как был: в красной рубаше, плисовых шароварах и высоких смазных сапогах, — отправляюсь чуть не бегом в Гаспру. Через пять минут я был уже там и с бьющимся сердцем и волнуюсь ожидал встречи с великим

человеком. Меня пригласили в небольшую комнату, влево от входа, и там я увидел Льва Николаевича, одного, лежащего на кушетке. Пришлось прежде всего извиниться и объяснить свой костюм. Л.Н. спросил, что мы ставим, одобрил выбор пьесы и обещал прийти на репетицию, что после и исполнил.

Замечательно, что после первых же нескольких слов Л. Н-ча всё моё волнение и страх исчезли без остатка: я видел перед

120

собой простого, милого, доброго старика, которого можно только любить. Никаких внешних изъявлений того величия, которым увенчал его мир. Как-то странно было сознавать, что этот простой, милый старец и есть сам Лев Толстой» (Волков К.В. Наброски к воспоминаниям о Л.Н. Толстом // Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1920. С. 81-82). С этого дня Волков регулярно навещал писателя, а в дневниковых записях Толстого стало часто упоминаться имя доброго, заботливого доктора, интересного собеседника, «живого, умного человека». Вдвоём они ездили в Ай-Тодор, гуляли по юсуповскому парку, беседуя и любуясь природой. Толстой посетил репетицию спектакля, в котором доктор Волков участвовал как актёр, режиссёр, декоратор и даже суфлёр. Вместе они бывали на музыкальных и танцевальных вечерах, об одном из которых рассказала в своём дневнике С.А. Толстая: «Вечером ходили в читальню, где устроен был танцевальный вечер. <...> Плясали вальсы, польки, pas de quatre разные горничные, жёны и дочери ремесленников, какие-то мужчины из разных классов общества. Плясали и два татарина по-татарски, и два грузина с кинжалами лезгинку; и многие, в том числе и земский доктор, энергичный и способный на всё – Волков, плясали трепака, по-русски, и вприсядку. Хорошее это дело – эти народные балики, большое оживление и вполне невинное веселье. Мы все и Лев Николаевич ходили смотреть» (ДСАТ. 2. С. 34).

В конце января 1902 г. Толстой сильно простудился и у него началось тяжелейшее воспаление лёгких. Волкова вызвали телеграммой из Петербурга (где он проводил свой отпуск). Положение было критическим, и земский доктор, как и другие врачи, дни и ночи проводил у постели больного. «Удивительно, как бескорыстны доктора, — писала в эти дни в дневнике С.А. Толстая: — ни Щуровский, ни Альтшуллер, ни бедный, но лучший по доброте из трёх – земский врач Волков, никто не берёт денег, а все отдают и время, и труд, и убытки, и бессонные ночи» (ДСАТ. 2. С. 55).

Дружеские связи Волкова с Толстым не прекращались и позднее: зимой 1902 — 1903 гг. проездом из Крыма в Петербург Волков посетил

Толстого в Ясной Поляне. Это была их последняя встреча. Но продолжалась переписка. 17 мая 1904 г. Волков сообщил, что едет на Русско-японскую войну. Толстой отвечал: «Все вас помнят и любят и жалеют вашу милую жену. Война захватила вашу семью своим материальным колесом, меня же она давит духовно. Ужасаешься на то, что с таким усилением и напряжением совершается то, чего не должно, не может быть, если только человек разумное существо. Прощайте пока, спасибо вам за всё, что вы делали мне, а главное, за ваши добрые чувства. Ваш Лев Толстой» (75: 121). Переписка продолжалась и позднее, когда Волков вернулся с войны.

Болью и скорбью отозвалось в сердце доктора Волкова сообщение о кончине Толстого. Он писал С.А. Толстой: «Как мне хотелось быть в Астапове, чтобы быть полезным Льву Николаевичу, но не пришлось, так как в это время я был болен той же катаральной пневмонией, которая унесла от нас дорогого “дедушку Толстого”» (ОР ГМТ).

С 1908 г. Волков работал в Казанской губ., в селе Ядрине (сейчас это Чувашия), где 27 лет руководил хирургической лечебницей, провёл здесь более 30 тысяч больших и малых хирургических операций. Он автор более 80 научных статей, не раз участвовал в съездах хирургов и врачей, избирался председателем президиума съездов. Ему было присвоено звание Героя Труда, а в 1935 г. присуждена (без защиты диссертации) учёная степень доктора медицины. Лечебница в Ядрине, которой доктор Волков сохранял верность до конца своих дней, теперь носит его имя.

С.В. Писарева

ВОЛКОНСКАЯ Луиза Ивановна (рожд. Трузсон; 1825-1890) – жена А.А. Волконского, родственника Толстого. С семьёй Л.И. и А.А. Волконских Толстой был дружен, испытывал к ним, как сам признавался, родственные чувства, часто бывал в их доме, описал супругов в незавершённом произведении «История вчерашнего дня»: в основном внимание автора здесь сосредоточено на хозяйке дома, и чувствуется, что он неравнодушен к этой женщине. На Кавказе, перечитывая рукопись и вспоминая московских знакомых, Толстой заметил в дневнике: «Лучшие воспоминания мои относятся к милой Волконской» (46: 92). Находясь в Дунайской армии, затем в Севастополе, Толстой писал Волконской. Позднее в некоторых сочинениях писателя появятся персонажи, навеянные её образом: в начатом романе «Декабристы» в первой главе упоминалась некая «Луиза Карловна Тругони,

Л.И. Волконская

десять лет друг дома» Апыхтиных – в имени явное созвучие с именем Луизы Трузсон. Есть версия, что Волконская послужила и одним из прототипов «маленькой княгини» Лизы Болконской в «Войне и мире». В кабинете Толстого в Ясной Поляне висит портрет Волконской, на обороте рукой С.А. Толстой написано: «Маленькая княгиня из “Войны и мира”». Когда «Война и мир» вышла в свет и читатели по созвучным фамилиям пытались определить, с кого писан тот или иной персонаж, Волконская написала Толстому письмо, в котором спрашивала, не её ли муж послужил прототипом князя Андрея Болконского? Толстой отвечал в письме к ней 3 мая 1865 г.: «Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить». И далее рассказывал, как в книге появился «блестящий молодой человек» князь Андрей Болконский, какая роль ему назначалась и как в процессе писания менялись образ и судьба этого героя.

Н.И. Бурнашова

ВОЛКОНСКАЯ Мария Николаевна (рожд. Раевская; 1805—1863) — дочь генерала Н.Н. Раевского, героя кампании 1812—1814 гг., с 11 января 1825 г. — жена декабриста С.Г. Волконского. Одна из замечательных женщин России, близко знакомая с А.С. Пушкиным, который посвятил ей поэму «Полтава», стихотворения «Ты видел деву на скале...», «Не пой, красавица, при мне...», «На холмах Грузии...» и др. Поэт-декабрист А.И. Одоевский посвятил ей стихотворение «Кн. М.Н. Волконской», в котором описал её приезд в 1826 г. к мужу в Сибирь, где она провела почти 30 лет. Н.А. Некрасов посвятил ей главу поэмы «Русские женщины».

М.Н. Волконская осознавала важное историческое значение событий 1825 г. Стремление рассказать о них стало для неё основным мотивом создания «Записок княгини М.Н. Волконской», которые в числе других мемуаров перечитывал Толстой, обратившись к эпохе декабристов. Не

исключено, что писатель был знаком с Волконской: вернувшись из Сибири, она с дочерью подолгу жила в Москве, и, задумав роман о декабристах, Толстой мог заинтересоваться ею как живым свидетелем тех событий. Для Толстого Волконская отчасти послужила прототипом Кринской, жены декабриста Лабазова в романе «Декабристы»: «И тут-то он за несколько месяцев до бунта женился на Кринской. “Дочь Николая Кринского, тот, что при Бородино... ну, известный”, — перебил кто-то» (гл. II). В книге «Вблизи Толстого» А.Б. Гольденвейзер приводил воспоминания Толстого о Волконской: «И вот в Сибири, уже после каторги... у жены его было нечто вроде салона». Он же сообщал, что Толстой не верил рассказам про роман между Поджио и Волконской: «Он сказал: — Я не хочу верить, - так часто выдумывают такие легенды и чернят память людей... Тем более что Подокно так любил Волконского, что, когда впоследствии (она уже тогда умерла) почувствовал близость смерти, приехал к Волконскому, чтобы у него умереть».

Лит.: Волконская М.Н. Записки. - Чита, 1960.

О. С. Карандашова

ВОЛКОНСКИЙ Александр Алексеевич (1818-1865), князь — родственник Толстого (троюродный брат со стороны матери); в 1850-1851 гг. Толстой был очень близок с семьёй Волконского, живя в Москве, часто, почти ежедневно виделся с ним: бывал у него в доме, принимал у себя. 24 марта 1851 г. «у Волконских был неестествен и рассеян и засиделся до часу (*рассеянность, желание выказать и слабость характера*)», — эта запись появилась в дневнике и здесь же, чуть ниже, в тот же день: «Написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями, которые он породит». Замысел написать «историю дня», возникший ещё в январе, стал определённое и теперь связывался с домом Волконского: именно этот свой визит к Волконским Толстой опишет в самом раннем из дошедших до нас художественных сочинений «Истории вчерашнего дня». Произведение не было завершено, Толстой написал всего три главы. В первой главе рассказывалось о том, что же происходило в тот вечер в доме Волконских, где Толстой «засиделся до часу»; главное внимание было уделено хозяйке дома, прототипом которой послужила жена Волконского — Л.И. Волконская.

Н.И. Бурнашева

ВОЛКОНСКИЙ Сергей Григорьевич (1788-1865), князь — генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных

походов 1813-1814 гг., декабрист. Был женат на Марии Николаевне Раевской (с 11 января 1825 г.), которая последовала за ним в Сибирь, разделив с ним тяготы ссылки и каторги. С 1820 г. близко общался с А.С. Пушкиным (сохранилось письмо Волконского к Пушкину от 18 октября 1824 г.). Тогда же Волконский вступил

122

С.Г. Волконский

в Союз благоденствия, с 1821 г. стал членом Южного общества декабристов. Вместе с В.Л. Давыдовым руководил Каменской управой Южного общества. Устанавливал связи с Северным обществом декабристов. В 1825 г. участвовал в переговорах с представителями Польского тайного общества. Странник программы Южного общества, изложенной в «Русской правде» П.И. Пестеля. По делу декабристов был приговорён к смертной казни, заменённой каторгой. Вернулся из Сибири в 1856 г. До конца жизни сохранял верность революционным воззрениям. Резко критиковал реформы 1860-х гг. за их половинчатость.

Толстой был знаком с Волконским. Рассказы Волконского послужили ему одним из источников сведений о движении декабристов. В архиве Толстого сохранилась краткая опись переписки декабриста князя Е.П. Оболенского, из которой видно, что среди писем, читанных писателем, были два письма князя Волконского. Известно также, что в октябре 1901 г. Толстой читал «Записки декабриста», написанные Волконским.

Личное знакомство Толстого с Волконским произошло по возвращении декабриста из ссылки. В декабре 1860 г., во время второго заграничного путешествия Толстого, Волконский жил уже во Флоренции, где на обеде у князя Н.А. Долгорукого и познакомился с Толстым. Общение продолжалось до января 1861 г. Много лет спустя, 1 января 1905 г., Д.П. Маковицкий записал слова Толстого о Волконском: «Декабристы были религиозные, самоотверженные люди. Всё более и более я их

уважаю. Волконский, генерал-адъютант, богатый человек, и он шёл на это дело, зная, что завтра его закуют».

А.Б. Гольденвейзер в книге «Вблизи Толстого» приводит воспоминания Толстого о Волконском: «Его наружность, с длинными седыми волосами, была совсем как у ветхозаветного пророка <...>. Это был удивительный старик, цвет петербургской аристократии, родовитой и придворной. И вот в Сибири, уже после каторги... он работал с мужиками, и в его комнате валялись всякие принадлежности крестьянской работы». Волконского принято считать прототипом Петра Ивановича Лабазова в незавершённом романе «Декабристы». На это указывает сходство портрета литературного персонажа и внешности Волконского, одинаковые факты биографии. Хотя есть и отдельные расхождения: в частности, в романе Лабазов «прямо из Сибири приехал со всем семейством», а Волконский по манифесту 26 августа 1856 г. приехал в октябре этого года с сыном в Москву, где уже с осени 1855 г. жила жена его с дочерью, вышедшей замуж в 1850 г. за Д.В. Молчанова. Позволяют соотнести Лабазова с Волконским и слова Толстого о том, что декабрист, «бывший князь», носил «одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком и знакомом».

Лит.: Волконский С. О декабристах: По семейным воспоминаниям. — Пг., 1922.

О. С. Карандашова

ВОЛЫНСКИЙ Аким Львович (наст. имя: Флексер Хаим Лейбович; 1861-1926) – литературный и театральный критик, искусствовед, философ идеалистического направления. С 1889 г. постоянный сотрудник и фактический редактор журнала «Северный вестник». Философские и общественные взгляды Толстого были близки духу этого издания, и критик старался привлечь писателя к сотрудничеству.

Волынский посвятил Толстому три статьи, две рецензии, а в книге о Ф.М. Достоевском уделил особое внимание сопоставлению творчества двух писателей. Лично Волынский познакомился с Толстым в Ясной Поляне в августе 1894 г. В письмах Толстой подчас оказывал моральную поддержку Волынскому, прозревая будущий успех его книги «Русские критики» и заметив однажды, что его «когда-нибудь будут обожать».

Защищая Толстого от многочисленных оппонентов, Волынский писал, что он не был понят современниками в большей степени из-за того, что беспощадно выявлял «житейских идолов», которые продавались на

«умственном базаре» под видом красоты, науки или искусства (Волынский А.Л. Книга великого гнева. СПб., 1904. С. 169). Критик утверждал, что Толстой, этот голос эпохи, искренне стремился «найти объединяющие основы для всякой человеческой деятельности» (Волынский А.Л. Борьба за идеализм: Критические статьи. СПб., 1900. С. 434).

Сравнивая Толстого и Достоевского, философ видел в Достоевском вестника

123

будущего, но Толстой превосходил его как художник и был глашатаем настоящего. Волынский подчёркивал живописность и богатство таланта художника, который «даёт массу форм и красок именно в области <...> русской телесности и душевности», отмечал подлинную народность и национальность его творчества: «Тут вся русская жизнь, неторопливая, тихо зреющая, тихо колеблющаяся, как широкое русское поле под прохладным ветерком. <...> Кроме чисто художественного очарования, подпадаешь под обаяние какой-то высокой нравственной честности, здравого и светлого ума, не изрекающего никаких вдохновенно приподнятых глаголов, а говорящего простыми словами и простыми образами» (Волынский А.Л. Книга великого гнева. С. LXVIII-LXIX). Одним из первых Волынский заявил об истинно русской, «мужицкой» составляющей творчества и философии Толстого.

С другой стороны, критик считал Толстого слишком рационалистом и моралистом, смотрящим на душу как на «нечто простое, цельное, не раздвоенное коренным образом в своём земном и небесном начале»: он, «как истинный Илья Муромец, думает, что всё зло жизни есть какой-то Соловей-Разбойник, которого можно схватить за горло и разбить об землю» (там же. С. 169). В целом Волынский всегда преклонялся перед Толстым, называя его «богатырской фигурой в мировой литературе», «самой центральной, самой привлекательной» (там же. С. LXVIII).

Лит.: Молоствов Н.Г. Волынский и новейшие идеалисты. — СПб., 1905.

И.В. Гречаник

ВОРОБЬЁВ Пётр Евстратович (1785—?) — яснополянский крестьянин Волконских. По письмам и записям в дневнике Толстого видно, что в 50-х гг. он фактически был управляющим имением в Ясной

Поляне и одновременно много занимался делами в имении Толстых Никольском.

7 декабря 1850 г. Толстой сообщал «тётеньке» Т.А. Ёргольской из Москвы, что «поручил дела» «Петру, которого застал в большом горе. А может быть, он прикидывается. Вчера утром, -- писал Толстой, -- он явился в отчаянии, с перекошенным лицом, бросился мне в ноги и стал просить прощения, что у него, пьяного, стащили 500 р. сер., которые он должен был внести в банк. Рассказ об этом несчастье из уст такого великого оратора, как вы легко себе представляете, был очень трогателен и очень длинен <...>. Он подал заявление в полицию, в результате 350 р. сер. уже разыскали, остальные же 150 р., вероятно, пропали бесследно».

В 1860-е гг., переведённый в Никольское управляющим имением, Воробьёв продолжал вести многие дела и по Ясной Поляне.

Н.И. Шинкарьук

ВОРОНЦОВ Михаил Семёнович (1782-1856), граф – генерал-лейтенант (1813), светлейший князь (1852), военачальник и гос. деятель. Воспитание получил в Англии, где на дипломатической должности служил его отец. Службу начал офицером лейб-гвардии Преображенского полка. Отличился в боях с горцами на Кавказе, в войнах с Наполеоном, в Русско- турецкой войне 1806-1812 гг. Герой Отечественной войны 1812 года, участник Бородинского сражения, где был ранен. В 1812 г., находясь на излечении, учредил в своём имении в селе Андреевском Владимирской губ. госпиталь, в котором за счёт Воронцова лечились до 300 нижних чинов и 50 офицеров и генералов.

Участвовал в Заграничных походах русской армии 1813-1814 гг. За храбрость был неоднократно награждён Георгиевским крестом. В 1815-1818 гг. командир оккупационного корпуса во Франции. Отправляясь в Россию, из собственных средств заплатил все долги, сделанные его офицерами. За гуманное обращение с жителями был награждён памятными медалями двух округов французского города Мобёжа, где располагалась его штаб-квартира. Воронцов имел репутацию одного из гуманнейших военачальников и либерала, человека рыцарственного, просвещённого и корректного. По его инициативе в оккупационном корпусе были запрещены телесные наказания солдат. В 1820 г. пытался основать дворянское общество для постепенного освобождения крепостных крестьян.

С 1823 г. Воронцов занимал пост генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника (затем генерал-губернатора) Бессарабии (к этому времени относится его столкновение с А.С. Пушкиным, служившим чиновником в канцелярии Воронцова, что отразилось в эпиграмме «Полу-милорд, полу-купец...»). В 1844-1854 гг. Воронцов был

наместником и главнокомандующим войсками на Кавказе, где проводил политику слияния областей Кавказа с империей. В Кавказской войне следовал жёсткой тактике генерала А.П. Ермолова. В управляемых им областях осуществлял мероприятия, способствовавшие развитию промышленности, земледелия, торговли и судоходства.

124

Учредил русский театр в Тифлисе, газету «Кавказ», кавказский музей, организовал Кавказский учебный округ; играл активную роль в застройке и благоустройстве Одессы. В 1854 г. по болезни вышел в отставку, сохранив звание генерал-адъютанта и члена Гос. совета. Во время коронации Александра II был возведён в чин генерал-фельдмаршала.

Толстой лично знал Воронцова и упоминал его в записных книжках и в рассказе «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (1856). Работая над повестью «Хаджи-Мурат», писатель основательно изучил относящиеся к Воронцову документы: его переписку с Николаем I, А.И. Чернышёвым, А.П. Ермоловым, официальные бумаги и др. – и вывел Воронцова в числе действующих лиц. На фоне других николаевских сановников он выглядит гуманным, «честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в обращении с высшими», патриот и герой Наполеоновских войн («считался <...> даже победителем Наполеона под Красным»). Но причастность к власти тоже развратила его: «Он не понимал жизни без власти и без покорности».

В.М. Бокова

ВОРОНЦОВ Семён Михайлович (1823-1882), светлейший князь – сын М.С. Воронцова, флигель-адъютант (1851), полковник, командир Куринского егерского полка.

Толстой был лично знаком с С.М. Воронцовым. В письме к великому князю Николаю Михайловичу 15 ноября 1903 г. он писал: «Очень жаль, что кончилась их <Воронцовых> прекрасная порода. Я видал Михаила Семёновича, знал Simon <т.е. Семёна Михайловича>, который был тоже честный, хороший человек».

С.М. Воронцов выведен в повести «Хаджи-Мурат». Здесь отмечен его английский акцент и барственность: он живёт в роскоши, но считает, что живёт очень скромно (англоман и аристократ, как и его отец). Для него история с Хаджи-Муратом – «счастливый оборот в Кавказской войне или просто интересный случай».

В.М. Бокова

ВОРОНЦОВА Мария Васильевна (рожд. кн. Трубецкая; 1819-1895) – в первом браке за подполковником А.Г. Столыпиным, светлейшая княгиня. Четвероюродная тётка Толстого, жена светлейшего князя С.М. Воронцова.

В юности фрейлина двора, близкая подруга великой княгини Марии Николаевны, по некоторым сведениям, возлюбленная великого князя Александра Николаевича (будущего Александра II). Играла видную роль в свете и, по отзывам современников, была «олицетворением того, что в те времена называлось львицей» (Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 509). После смерти первого мужа намеревалась вступить в брак с известным военачальником, генералом (позднее генерал-фельдмаршалом) кн. А.И. Барятинским, с которым у Трубецкой был длительный и хорошо известный свету роман, но Барятинский не пожелал жениться (Толстой в повести «Хаджи-Мурат» упоминает «отношения Барятинского с Марьей Васильевной»), и в итоге Мария Васильевна вышла за кн. С.М. Воронцова.

Среди всех персонажей «Хаджи-Мурата», воплощений гос. машины, Воронцова, «крупная, большеглазая, чернобровая красавица», наиболее симпатична. Хаджи-Мурат для неё не просто фигура в гос. шахматах, а живой и интересный человек (ему она тоже нравится). Её реакции естественны и человечны, и вообще она наиболее живой человек из всего «петербургского света».

В.М. Бокова

ВРЕВСКИЙ Павел Александрович (1808-1855), барон – генерал-адъютант; в середине июня 1855 г. прибыл из Петербурга в Севастополь с миссией побудить М.Д. Горчакова к активным наступательным действиям. Едва ознакомившись на месте с положением дел, генерал Вревский стал настаивать на необходимости предпринять решительные шаги, о чём он в письмах доносил военному министру В.А. Долгорукову. В севастопольской песне Толстого «Как четвёртого числа...» отражена эта «миссия»:

Барон Вревский-генерал
К Горчакову приставал,
Когда под-шафе: (bis)
«Князь, возьми ты эти горы.
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу». (bis)

Во время сражения на речке Чёрной 4 августа 1855 г. убит ядром в голову.

Толстой был знаком с Вревским. 18 июня 1855 г. он в дневнике записал: «Получил от В. Перфильева письмо через Вревского, который, верно, хочет познакомиться со мною». 27 июня в дневнике снова о Вревском: «Хорош Вревской! Он, говорят, пьяница». 30 июня знакомство состоялось; в дневнике Толстой заметил: «Вревской, у

125

которого был уже нынче, 30 июня, кажется, пустой человек».

Н.И. Бурнашёва

ВЯЗЕМСКИЙ Константин Александрович (1852-1903) – учёный-математик, знакомый, адресат и корреспондент Толстого. Воспитанник Пажеского корпуса, путешественник, в 1883-1884 гг. совершил путешествие верхом по Африке, а в 1891-1893 гг. – по Азии. С 1897 г. Вяземский – схимонах Киприан на Афоне (библиотекарь Пантелеймоновского монастыря), в 1901 г. инок (схимонах) Ксенофонт.

«Вяземский путешественник, математик, микрокефал, но серьёзный», – записал Толстой в дневнике 11 июля 1890 г. Учёный дважды приезжал в Ясную Поляну (в 1890 и 1891 гг.), состоял в переписке с Толстым с 1890 г. В своих письмах он ставил вопросы о нравственности, о религии. «Письмо ваше мне было приятно. На все вопросы ваши буду отвечать», – писал ему Толстой 28 января 1901 г. В своём ответе Вяземский сообщал «всей душой любимому» писателю, что «с великой радостью» получил его письмо, и высказывал предположение, что Лев Николаевич «не вполне сознаёт его суждения», так как пишет, что взгляды их разнятся. «В главном, в существенном», по его мнению, он придерживается вполне мнений Толстого, в частности «абсолютно» разделяет его взгляды в «вопросах нравственных». Вяземский относил Толстого «к тем редким и драгоценным исключениям, кои способны распознавать правду и кои всегда готовы искренно её возвещать людям, невзирая ни на что».

В.В. Алексеева

ВЯЗЕМСКИЙ Пётр Андреевич (1792-1878), князь – поэт, литературный критик, гос. деятель. Князь Вяземский – человек высокой художественной культуры, друг Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, участник литературного общества «Арзамас», романтик по своим устремлениям, последовательный сторонник пушкинского направления в литературе. Ещё в юные свои годы Пушкин так писал о Вяземском:

Судьба свои дары явить желала в нём,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой

К портрету Вяземского. 1820.

С кн. Вяземским Толстого познакомил И.С. Тургенев. 24 февраля 1856 г. он писал князю: «Я передал графу Толстому приглашение Вашего сиятельства, и он просил меня сообщить Вам, что с удовольствием явится к Вам в субботу в десятом часу вечера». 25 февраля 1856 г. на званом вечере у Вяземского Толстой читал свой новый рассказ «Метель».

В 1855-1858 гг., занимая должность товарища министра народного просвещения, Вяземский ведал делами цензуры. В 1856 г. личное знакомство с Толстым не помешало ему запретить часть предпоследней главы повести «Юность», где рассказывалось о поступлении студента Семёнова в рекруты. В дневнике Толстого той поры отражена смена настроения молодого писателя, связанная с этой историей: о Вяземском — от «неловко» до «хорошо». И далее: «Ездил к Вяземскому по цензурным делам». 28 декабря «Вяземский запретил последнюю главу». Речь шла об урезанной цензурой XLIV главе «Юности» «Зухин и Семёнов» (предпоследней); впервые полностью она была напечатана лишь в 1911 г.

Книга «Война и мир» вызвала большой интерес у Вяземского. Он подошёл к её оценке с точки зрения человека, хорошо знающего исторический материал: в 1812 г. он вступил в ополчение и участвовал в Бородинском сражении. В журнале «Русский архив» (1869, № 1) появилась статья Вяземского «Воспоминания о 1812 годе». Кроме воспоминаний, она содержала оценку книги Толстого. Критик рассматривал IV том романа (в современной композиции — т. III, ч. 1-2), где шла речь о Бородинской битве. Вяземский ограничил свой отзыв оценкой военных событий, оговорившись, что сознательно исключает «романическую часть» «Войны и мира». Одним из недостатков произведения он считал его жанровую неопределённость, так как «в упомянутой книге трудно решить и даже догадываться, где кончается история и где начинается роман, и обратно» (гл. III). Произведению Толстого он противопоставил исторические романы В. Скотта и «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. Главная проблема, интересующая критика, — соотношение в книге исторической правды и художественного вымысла. Критик обвинил Толстого в искажении истории, в низведении «исторической картины до карикатуры и пошлости» на том основании, что писатель сатирически изображает дворян (сцена в Слободском

дворце), а в русском обществе героической эпохи находит только «Добчинских, Бобчинских и Тяпкиных-Ляпкиных». «Война и мир», по убеждению Вяземского, — это «протест против 1812 года», «школа отри-

126

цания и унижения истории под видом новой оценки её, разуверения в народных верованиях». «Это уже не скептицизм, — заключал критик, — а чисто нравственно-литературный материализм. Безбожие опустошает небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и неверие опустошают землю и жизнь настоящего отрицанием событий минувшего и отрешением народных личностей» (гл. II). Подобную резкую оценку романа поддерживали в основном ветераны военной кампании 1812 года, в числе которых были крупный сановник и литератор А.С. Норов, историк П.К. Щербальский и др. Сын графа Растопчина в благодарственном письме в редакцию «Русского архива» писал: «Как русский, благодарю его <кн. Вяземского. — И. Л.-Б.> за то, что он заступился за память осмеянных и оскорблённых отцов наших, изъявляя ему сердечную признательность за его старание восстановить истину о моём отце, характер которого так искажён у графа Толстого» (Русский архив. 1869. № 5. С. 935-936). Наиболее объективную оценку статье Вяземского дал Ф.И. Тютчев в письме Е.Ф. Тютчевой 3 января 1869 г.: «Намедни мы были у него <Вяземского. — И. Л.-Б.> на литературном вечере; нам прочли статью, которую он написал по поводу романа Толстого <...>. Это довольно любопытно с точки зрения воспоминаний и личных впечатлений и весьма неудовлетворительно со стороны литературной и философской оценки. Но натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для мало исследованной страны является враждебно настроенный и предубеждённый посетитель-иностранец».

Прочитав «Воспоминания...», Толстой не согласился с обвинениями в исторических неточностях и в письме издателю журнала «Русский архив» П.И. Бартеневу 6 февраля 1869 г. указал на те источники, к которым обращался при работе над романом: «...везде, где в книге моей действуют и говорят исторические лица, я не выдумывал, а пользовался известными материалами. Князь Вяземский в номере “Русского архива” обвиняет меня в клевете на характер императора Александра и в несправедливости моего показания». К письму прилагалась просьба писателя напечатать его объяснение по поводу статьи Вяземского.

Неприятие историко-философских воззрений Толстого не помешало поэту Вяземскому признать Толстого-художника. Прочитав первые главы «Анны Карениной», он писал 2 февраля 1875 г. Бартеневу: «Хочу мириться не с Катковым и Леонтьевым, бог с ними, а с Толстым, в

надежде, что Анна Каренина выйдет лучше из-под пера его, нежели вышли его Александр, Наполеон, Кутузов, Растопчин и все Олимпийцы 12 года. Надеюсь, что, “не мудрствуя лукаво” и ребячески парадоксально, он даст прекрасному дарованию своему развернуться и расцвести на свободе в атмосфере чисто романической» (*Летописи*. Кн. 12. С. 155-156). «Мне всё прискучилось, приелось, присмотрелось...», — признавался в одном из поздних стихов Вяземский, однако роман «Анна Каренина» вызвал его одобрение. В письме 6 февраля 1877 г. он писал тому же Бартеневу: «Толстой прикрывает все свои парадоксальные понятия и чувства свежим блеском таланта своего, читаешь и увлекаешься, следовательно, прощаешь, по крайней мере, часто» (там же. С. 156).

Последние годы Вяземский почти постоянно жил за границей. Он умер в Баден-Бадене в преклонном возрасте, примирившись с «прекрасным дарованием» Толстого, в полной мере раскрывшимся в романе «Анна Каренина».

Лит.: Вацуро В.Э., Гилельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». — М., 1972; Гилельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. - Л., 1969.

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

Г

ГАЙДЕБУРОВ Василий Павлович (1866-1940) – журналист, поэт (под псевдонимами Гарри В. и Гарри Г. писал декадентские стихи); в 1890-е гг. редактор газет «Неделя» и «Русь»; сын писателя и публициста П.А. Гайдебурова. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В советское время работал юристом и экономистом.

В. Гайдебуров – посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Встретились они 1 марта 1894 г. и переписывались в 1894 – 1895 гг. В 1894 г. в издаваемых Гайдебуровым «Книжках Недели» было опубликовано переведённое Толстым с английского языка «Письмо И. Мадзини о бессмертии». Впоследствии Толстой отклонял предложения Гайдебурова о публикации своих произведений в издаваемых им газетах, однако присылал ему рукописи своих единомышленников – М.А. Сопоцько и П.Н. Гастева.

Ю.В. Прокопчук

ГАЙДЕБУРОВ Павел Александрович (1841-1893) – писатель, редактор либерально-народнической петербургской еженедельной газеты «Неделя», посетитель, корреспондент, адресат Толстого, издатель его сочинений. 26 января в письме к Толстому он выразил глубокое сочувствие «вдохновенному обращению» писателя к жителям Москвы. Речь шла о статье Толстого «О переписи в Москве». С этого момента жизненные пути их пересеклись, и деловые взаимоотношения продолжались до конца жизни Гайдебурова.

Их первая совместная работа была связана со «Сказкой об Иване-дураке и его двух братьях...», приведённой Толстым в «окончательный вид» в конце октября 1885 г. и вскоре появившейся с купюрами в «Неделе». Об этом поведал Гайдебуров в одном из писем С. А. Толстой. 20 ноября 1888 г. в № 46 газеты «Неделя» было опубликовано письмо Толстого к Р. Роллану, которое редактору пришлось «оцензурить», о чём он сетовал в письме к Толстому. В следующем 1889 г. в пяти номерах еженедельника было напечатано 13 глав из трактата «О жизни» вместе с

заклЮчением, вышедшим с тремя подзаголовками. Это была первая легальная публикация трактата в России. Текст сочинения был значительно сокращён с ведома самого автора.

Гайдебуров стал непосредственным участником чтений последней редакции «Крейцеровой сонаты», состоявшихся в петербургской квартире В.Г. Черткова, после чего 29 апреля 1889 г. принял решение издать эту повесть в «Неделе» под названием «Как муж жену убил». Однако от этой идеи редактор был вынужден отказаться, получив от Главного управления по делам печати официальное уведомление о конфискации всего тиража в случае выхода в свет на страницах газеты данного сочинения. Вскоре Толстой получил письмо от Гайдебурова «о том, что “Крейцерову сонату” не пропустят», отчего писателю было «только приятно» (50: 191).

Смысл своего сотрудничества с Гайдебуровым Толстой объяснил в письме Н.Н. Страхову 12 сентября 1889 г.: «Я выбрал Гайдебурова потому, что его издание бесцензурно и не враждебно христианству. Условия мои одни – то, чтобы не было условий и чтобы тут же заявить, что это сочинение не составляет ничьей собственности, и я прошу всех перепечатывать и переводить его.

128

Толстой высоко оценивал профессионализм Гайдебурова, полагая, что тот «знает в этом толк, т.е. что можно и чего нельзя» (65: 287). Гайдебурову удалось обхитрить цензуру, напечатав статью Толстого «О голоде», запрещённую прежде в журнале Н.Я. Грота «Вопросы философии и психологии». Редактор провёл сочинение через цензуру под другим заглавием, правда, в смягчённом виде. Именно через Гайдебурова, а не через Грота была послана статья за границу для перевода. Толстой был уверен в главном, что его партнёр «всегда так желателен» и потому «скорее других напечатает» (84: 102).

Смерть Гайдебурова «очень грустно поразила» Толстого. Он любил и высоко ценил его и «никак не думал, что человек, как он, в полной силе, умрёт раньше» его (67: 22).

Н.А. Никитина

ГАЛЬПЕРИН-КАМИНСКИЙ Илья Данилович (псевд.: Каминский, Echos и др.; 1858-1936) – писатель, переводил сочинения Толстого на французский язык. Автор воспоминаний и статей о Толстом, его корреспондент и адресат.

Родился в г. Василькове Киевской губ.; учился на естественном факультете парижской Сорбонны. Ещё студентом в разных журналах печатал статьи по естествознанию. Несколько лет был секретарём редакций «Science populaire», «Science pour tous», «Mèdicine populaire». С середины 1880-х гг. Гальперин-Каминский – один из наиболее известных деятелей франко-русского литературного сближения. Он публиковал в лучших французских журналах и газетах множество статей о России. Получил известность как переводчик на французский язык произведений русской классической литературы. Всего им издано более 50 томов переводов русских писателей. Гальперин-Каминский явился инициатором преподавания русского языка во французских учебных заведениях и сам преподавал его в парижском лицее Кондорсе и Коммерческом институте. Приняв французское подданство, он несколько раз приезжал в Россию с поручениями от французского правительства об установлении литературной конвенции между Россией и Францией, основные положения которой изложены им в книге «Общая польза авторского права» (СПб., 1894).

В марте 1894 г. в Москве Гальперин-Каминский познакомился с Толстым, неоднократно бывал в его доме в Хамовниках.

О своих беседах с писателем он рассказал в мемуарах, опубликованных в Париже в 1898 и 1901 гг. (русский перевод Л.Р. Ланского – *ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 65-71 Гальперин-Каминский воспроизвёл оценку Толстым современной критики, объяснил его нежелание читать газеты и давать интервью корреспондентам, пересказал суждения Толстого о французских писателях, в частности о Ги де Мопассане, А. Франсе, Э. Золя, В. Гюго и др. Гальперин-Каминский изложил важную оценку Толстым собственной личности и своего положения в России: «Я говорю всю правду и делаю это не только из сознания своего человеческого долга, но и потому, что я единственный человек в России, имеющий возможность свободно высказываться. Этим я пользуюсь и для своих книг и даже когда пишу царю; если я и не получаю ответа, то, во всяком случае, знаю, что письма мои доходят по назначению; быть может, они когда-нибудь и окажут своё действие – ведь царь, как и все другие люди, наделён разумом и душой» (*ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 65). Тогда же Гальперин-Каминский задумал писать биографию Толстого и просил разрешения ознакомиться с его перепиской с друзьями. Сначала Толстой позволил использовать письма к Н.Н. Страхову, А.А. Толстой и С.С. Урусову. Однако при этом признался Страхову: «Гальперин так приставал ко мне, что я сказал ему о моей переписке с вами, надеясь, что вы не дадите ему моих писем и я избавлюсь от него, свалив на вас неприятность отказа. Простите, пожалуйста, что я так эгоистично поступил» (*ПСПТС*. 2. С. 946). Страхов согласился «взять на себя всю редакцию и весь просмотр того, что намеревается сделать Гальперин»,

однако вскоре усомнился в необходимости этого шага: «...мне стало страшно за это моё сокровище», -- признался он Толстому 15 марта 1894 г., а в следующем письме, узнав о том, что Гальперин получил от А.А. Толстой копии толстовских писем, уточнил свою позицию: «Будет с него! Пусть нанижет книжку ходячих фраз с ходячими приёмами глубокомыслия и тонкости. Он довольно умён, но ничуть не подготовлен для понимания Вас и русской литературы. Для него это – чужая область» (там же. С. 947). Сам Толстой 16 марта написал Гальперину-Каминскому: «Эти письма слишком интимного характера, чтобы они могли быть напечатаны *при жизни* как тех, кому они были адресованы, так и того, кто их писал» (67: 83). В конце 1894 г. Толстой вынужден был вновь объясняться с Гальпериным-Каминским относительно написания биографии: «...мне нечего ответить на главный вопрос вашего письма, почему моя жизнь такова, какова она есть?»

129

Я знаю всем существом моим, почему она такова, но разъяснить этого не могу потому что разъяснить это значит написать свою самую задушевную автобиографию. А я не имею ни времени, ни охоты заниматься этим. Так много ещё хотелось бы сделать и так мало остаётся времени. Не советовал бы я и вам заниматься моей биографией, и потому что, без ложной скромности говоря, считаю этот предмет мало интересным и потому что едва ли возможно и удобно хорошо написать биографию живого человека» (67: 290).

Книга Гальперина-Каминского «Tolstoï par Tolstoï. Biographie épistolaire» («Толстой устами Толстого. Биография в письмах») вышла в свет в Париже в 1912 г. Публикация же эпистолярных материалов к биографии Толстого, начатая вскоре после его смерти в журнале «Grand revue», вызвала протест со стороны Общества Толстовского музея и французских друзей писателя.

Толстой ценил Гальперина-Каминского как переводчика своих произведений на французский язык. Во время встречи летом 1900 г. Гальперин-Каминский обратился к Толстому с просьбой оценить точность и полноту перевода романа «Воскресение». 24 июля 1900 г. Толстой написал: «Вы спрашивали меня о вашем переводе “Воскресения”. Я не читал его всего, но просматривал в тех местах, где выпущено в других изданиях и переводах, убедился, что ваш совершенно полон и точен, так как сделан с самого верного английского издания. Вы же всегда переводите очень точно и старательно» (72: 409). Из многих французских переводов «Воскресения» перевод Гальперина-Каминского с иллюстрациями Л. Пастернака Толстой рекомендовал как «наиболее

полный и точный» (72: 393). Кроме упомянутого, наиболее значительны переводы Гальперина-Каминского трактатов «Царство Божие внутри вас» (вышел в Париже в 1893 г. под заглавием «Le salut est en vous») и «Что такое искусство?». Последний раз Гальперин-Каминский встречался с Толстым в 1902 г.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ГАНДИ Мохандас Карамчанд (1869 — 1948) — лидер индийского национально-освободительного движения. Корреспондент и адресат Толстого.

Толстовское мировоззрение и гандизм очень близки. Как и Толстой, Ганди выступал сторонником единства религиозной истины, выраженной мыслителями и философами разных эпох. Выше всего Толстой и Ганди ставили истину. Один из терминов гандизма — сатьяграха, т.е. упорство в истине, независимо от внешних обстоятельств. Толстой также писал, что Богу ничего, кроме нашего стремления к истине, не надо и что необходимо всегда стремиться к постижению религиозной истины (см., например, его «Ответ на определение Синода...»). Ганди, как и Толстой, не ставил вопросов о загробной жизни, не считал, что они важны и нужны людям. Главное для человека — знать, как жить здесь и сейчас, о потустороннем же мире думать не следует. Ганди более традиционен, более укоренён в вопросах веры, чем Толстой. Если Толстой выступал против традиционных для русского народа религиозных представлений (критика православной веры), то Ганди, подчёркивая свою религиозность, наоборот, в политической борьбе делал акцент на возвращении к традиционным для индусов ценностям веры. И Толстой, и Ганди выступали как религиозные реформаторы, протестовали против пережитков прошлого. В частности, Ганди осуждал кастовое неравенство и пр. Оба мыслителя не были религиозными фанатиками, обладали широтой взглядов; обоих ненавидели крайние, националистические, политические и религиозные группировки. Толстой неоднократно получал ругательные письма от крайних националистов, черносотенцев, в т.ч. и с угрозой убийства; Ганди в январе 1948 г. был убит индийским националистом.

Сближало Толстого и Ганди отрицание насилия для достижения политических и иных целей. Толстой вывел ненасильственную теорию из Евангелия, а Ганди — из индуистских священных писаний. Непротивление злу насилием Толстого и ахимса (ненасилие) Ганди похожи, хотя Толстой призывал к более последовательному соблюдению этого принципа. Как и Толстой, Ганди распространял ахимсу и на отношения с животными (оба мыслителя были вегетарианцами).

Как и Толстой, Ганди резко критиковал все институты современного ему общества: суды, карательные органы, всю современную ему капиталистическую инфраструктуру, машинное производство. Идеал Ганди, как и Толстого, — патриархальный строй, мирное сосуществование земледельцев и мелких ремесленников, не развращённых современной цивилизацией. В учении Толстого было опрощение быта и отказ от наживания богатств, денег и пр., у Ганди — апариаграха, т.е. нестяжание. Имелись общие моменты во взглядах мыслителей и по целому ряду других вопросов. Английские власти боялись усиления влияния Ганди, как и российские — Толстого. Оба были необычайно популярны в народе, высоко оцени-

130

вавшем их нравственные качества. Ганди прозвали «махатма», т. е. «великая душа». Толстого многие называли «совестью человечества».

В автобиографии «Моя жизнь», статьях и речах Ганди неоднократно отмечал, какое большое влияние на него оказали произведения Толстого. «Книга Толстого "Царство Божие внутри вас" захватила меня. Она оставила неизгладимое впечатление. Перед независимым мышлением, глубокой нравственностью и правдивостью этой книги, казалось, потускнели все другие...» Ганди называл Толстого своим гуру, т.е. духовным наставником.

Переписывалась Толстой и Ганди в 1909-1910 гг. В первом письме, отправленном из Лондона 1 октября 1909 г., индийский юрист сообщал Толстому о пассивном сопротивлении индусов местным властям Южной Африки, которые устанавливали дискриминационные для индийского населения законы, и о преследованиях, которые терпят индусы. Ганди просил у Таз с то го разрешение распространить среда местного населения его «Письмо к индусу», выпустив несколько строк с критикой столь почитаемой индусами реинкарнации (теории переселения душ). Получив согласие, Ганди опубликовал это письмо в издаваемом им журнале в январе 1910 г. (первая публикация «Письма к индусу» на английском языке). Ганди принимал участие и в переводах некоторых произведений Толстого, в частности народных рассказов, на английский язык. В завязавшейся переписке высветилась духовная близость мыслителей. Толстой выразил сочувствие и поддержку пассивно сопротивляющимся индусам. В апреле 1910 г. Ганди прислал Толстому свою книгу на английском языке «Самоуправление Индии». Книга была очень интересна Толстому, он симпатизировал изложенным в ней взглядам и в письме к Черткову 21 апреля отмечал, упоминая о Ганди: «Очень он близкий нам, мне человек».

Приятно было Толстому узнать от Ганди о том, что он организовал в Южной Африке толстовскую ферму, на которой жили и работали индийские беженцы (письмо Ганди 15 августа 1910 г.). 6 сентября 1910 г. Толстой отметил в дневнике: «Приятное известие из Трансвааля о колонии непротивленцев». Последнее письмо Толстого к Ганди с изложением учения любви, отправленное 7 сентября 1910 г., индус получил уже после смерти яснополянского мыслителя. В письме-отклике Черткову он благодарил за перевод письма Толстого.

Впоследствии Ганди возглавил ненасильственное сопротивление британскому владычеству в Индии. Борьба Ганди и возглавляемого им Индийского национального конгресса увенчалась успехом: в 1947 г. Индия получила независимость.

Лит.: Переписка Толстого с М.К. Ганди // *ЛН*. Т. 37-38. - М., 1939.

Ю.В. Прокопчук

ГАНЗЕН Пётр Готфридович (Гансен Петер Эмануэль; 1846-1930) – датчанин; литератор, пропагандист скандинавской литературы в России и русской культуры в скандинавских странах. Переводчик сочинений Толстого на датский язык; его корреспондент и адресат.

Агент датской телеграфной компании, Ганзен с 1871 г. жил в России, сначала в Сибири, а с 1881 г. в С.-Петербурге. В 1917 г. вернулся в Данию. С конца 1870-х гг., войдя в литературную среду, в круг русских писателей, он начал заниматься переводами; стал “двусторонним” переводчиком: России дал представление о современной датской литературе, а Дании – о русской.

В 1878 г. Ганзен познакомился с И.А. Гончаровым и взялся за перевод «Обломова», но неожиданно получил от автора романа совет: «Откиньте “Обломова” в сторону и займитесь гр. Толстым» (письмо Гончарова Ганзену от 30 августа 1878 г.). Ганзен последовал совету и начал было переводить «Анну Каренину», но не довёл работу до конца. Не приступил он и к переводу «Войны и мира» (хотя мечтал об этом): оказалось, что оба романа уже перевёл другой датский переводчик, В. Гёрстенберг. Тогда Ганзен взялся за «Детство» и «Отрочество» -- в 1885 г. он прислал автору обе повести в переводе на датский язык с дарственной надписью, сообщив, что повести очень понравились датским читателям и они просят перевести «Юность» (о ней Ганзен уже сообщил им в краткой заметке, помещённой в конце перевода). Так трилогия, составлявшая первый том русского 12-томного собрания сочинений Толстого, вышла в свет в Дании на датском языке.

В 1888 г. из 12-го тома того же издания толстовских сочинений Ганзен перевёл рассказы «Чем люди живы», «Упустишь огонь – не потушишь»,

«Два старика», «Где любовь, там и Бог», а также статьи «О переписи в Москве» и «Так что же нам делать?». О реакции датских читателей па эти произведения Ганзен сообщал Толстому в письме 9 мая 1888 г.: «Как по отзывам датских газет, так и из частных писем от знакомых я могу заключить, что последние сочинения ваши произвели едва ли не сильнейшее впечатление в Дании, чем знаменитые ваши

131

романы. Особенное внимание возбудили приведённые мною в виде “Вступления” отрывки из “Исповеди”. Её называют “образцом автобиографии” и глубоко сочувствуют описанному в ней перевороту в деятельности автора» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С 317). До 1891 г. Ганзен перевёл также «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», рассказы «Много ли человеку земли нужно», «Крестник», «Ильяс», «Кающийся грешник».

В 1890 г. Ганзен от В.Г. Черткова услышал о новой только что законченной повести Толстого «Крейцера соната» и обратился к автору с просьбой прислать текст повести. Получив его и сделав перевод на датский, Ганзен неожиданно узнал, что Толстой пишет послесловие к «Крейцеровой сонате» -- именно в это время Ганзен впервые посетил Ясную Поляну и после долгого заочного знакомства с писателем наконец встретился с ним лично. Датчанин оказался симпатичным человеком, и Толстой называл его теперь не иначе как «милый Ганзен». Ганзен же стал живым свидетелем того, как работал Толстой. Надеясь получить от писателя готовую к переводу рукопись «Послесловия», он взялся переписать набело черновик. Однако на следующий день «беловая» рукопись вернулась к Ганзену, вся испещрённая поправками Толстого. Так продолжалось все пять дней пребывания гостя в Ясной Поляне. Переписав «Послесловие» раз пять, он уехал, так и не получив готовой рукописи: она пришла к нему значительно позднее.

Ганзен постоянно информировал Толстого о реакции датской читающей публики и критики на переведённые им произведения писателя. Об одном из писем Ганзена по поводу отношения датчан к «Крейцеровой сонате» Толстой заметил. «Интересное письмо с выписками статей. Не решаются ни осуждать, ни согласиться» (там же. С. 328).

Ганзен не только пропагандировал Толстого в Дании и других скандинавских странах (Финляндии, Швеции, Норвегии), но и его стремился приобщить к новым именам из Скандинавии, появившимся на мировом литературном горизонте, прежде всего к норвежским писателям Генрику Ибсену и Бьёрнстерне Бьёрнсону, а также датскому

философу Кьеркегору, переводы которого он постоянно посылал писателю и о котором много ему рассказывал в письмах. Ганзен уверял Толстого, что между его взглядами и взглядами Кьеркегора есть несомненное сходство, которое он видел в религиозном мировоззрении, а «Кьеркегор прежде всего религиозный писатель <...>. При этом руководила им мысль: современное образованное общество чуждо всего истинно религиозного, живёт в какой-то путанице эстетическо-этических, с лёгкой примесью религиозного, понятий» (там же. С. 318). Усердно Ганзен рекомендовал Толстому и Ибсена, пытаясь заинтересовать его этим уже широко известным в мире писателем. Но Ибсена Толстой отверг, к Кьеркегору же и Бьёрнсону отнёсся положительно, хотя и без особого энтузиазма.

7 августа 1891 г. Ганзен сообщил Толстому в письме, что временно прекращает свой семилетний труд по переводу его произведений на датский язык, во-первых, потому, что всё, что до того времени написал Толстой, уже переведено, а во-вторых, потому, что взялся за своих «любимых датско-норвежских писателей» (там же. С. 329). В последние годы жизни в России Ганзен выполнил гигантский труд по изданию на русском языке собрания сочинений Г. Ибсена (в 4 т. М., 1909) в своих переводах и со своими предисловиями к каждой ибсеновской драме и большим биографическим очерком; это издание - одно из лучших и сегодня.

Лит.: Ганзен П.Г. Пять дней в Ясной Поляне (В апреле 1890 г.) // ТВС. 1. С. 451—467.

М.Е. Суровцева

ГАРРИСОН Уильям Ллойд (Garrison William Lloyd; 1805 – 1879).

В 1886 г. Толстой получил из США биографию Гаррисона, известного американского аболициониста (сторонника отмены рабства): «Сын Вильяма Ллойда Гаррисона, знаменитого борца за свободу негров, писал мне, что, прочтя мою книгу, в которой он нашёл мысли, сходные с теми, которые были выражены его отцом в 1838 году, он, полагая, что мне будет интересно узнать это, присылает мне составленную его отцом почти 50 лет тому назад декларацию или провозглашение непротивления – “Non-resistance”», – писал Толстой в трактате «Царство Божие внутри вас» (гл. I). Он был знаком с проблемой отмены рабства по роману Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». После художественного произведения страшной обличительной силы Толстой столкнулся с подлинным документом эпохи, предшествующей отмене рабства в Америке, в частности «Декларацией чувств 1838 года» (или, как перевёл Толстой это название для трактата «Царство Божие внутри вас»,

«Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего

132

мира»); этот документ был включён в биографию Гаррисона, написанную его детьми.

Ещё за несколько лет до выхода в свет книги «Хижина дяди Тома» Гаррисон, публицист, поэт и общественный деятель, выступал в Новой Англии со страстными призывами покончить с позорным институтом рабства. Выходец из небогатой англоирландской семьи, он прошёл суровую школу жизни, закалившую его физически и нравственно настолько, что жизненного запала хватило на тридцать с лишним лет неустанной, целеустремлённой борьбы. Начав как яростный борец с рабством, Гаррисон к 1838 г. перешёл на позиции учения о непротивлении злу насилем, стал выпускать газету «Непротивленец». Как свидетельствует его эпистолярное наследие, хранящееся в архиве Гарвардского университета, в эти же годы он продолжал оставаться президентом Антирабовладельческого общества, созданного им в 1831 г., в деятельность которого он умудрялся включать многих писателей Новой Англии, в т.ч. Р. Эмерсона, регулярно приглашая его на заседания общества.

Политические воззрения Гаррисона, его мысли о государстве удивительным образом совпадали с толстовскими; в одном из своих писем он высказывал эти мысли: «Человеческие правительства будут находиться в состоянии насилия до тех пор, пока люди будут предпочитать не нести крест Христа, а быть распятыми в мире. Но в Царстве Иисуса Христа, возлюбленного Сына Божьего, исключительно святость и любовь правят. В этом Царстве нет мечей, ибо они перекованы на орала; нет копий, ибо они переделаны на серпы; нет военной академии, ибо праведникам незачем учиться воевать, нет виселицы, ибо жизнь неприкосновенна; нет оков, ибо все свободны. И это Царство неизбежно наступит на земле, ибо предсказано, что грядёт час, когда царства мира сего станут царствами Господа нашего и Сына Его Христа». Гаррисон, как и Толстой, был уверен, что государство – это временная форма устройства жизни людей, но считал, что это крест, который дан за «невыполнение людьми Божественных установлений». Гаррисон не шёл ни на какие компромиссы с государством и прислушивался только к голосу совести, недаром его называли «твердокаменным» и «твердолобым». В биографии Гаррисона, написанной его сыновьями, говорится: «Он должен был немедленно продемонстрировать всем присутствующим его истинное отношение к рабовладельческим законам

и действиям государства. Взяв текст закона о беглых рабах, он зажёг его и спалил дотла». Закон о беглых рабах вызвал волну возмущения у многих мыслящих людей Америки; для Бичер-Стоу, например, он послужил поводом к написанию книги «Хижина дяди Тома». Несмотря на максимализм и целеустремлённость в борьбе за освобождение негров, Гаррисон был весьма быстро забыт в Америке, хотя имя его полноправно вошло в историю США.

В личной библиотеке Толстого имеется несколько книг о Гаррисоне. Первой информацией об американском аболиционисте была биография в 4 т., написанная его детьми и присланная ими русскому писателю; по ней Толстой и составил первое представление о Гаррисоне (1) .

(1) К 100-летию Гаррисона в 1905 г. его детьми, У.Ф. Гаррисоном и Ф.Дж. Гаррисоном, была выпущена ещё одна книга о Гаррисоне, подготовленная на основе 4-томной биографии; книга была прислана Толстому с дарственной надписью: «Графу Л.Н.Толстому от детей Уильяма Ллойда Гаррисона. Сент., 1905 г.» (перевод с англ.).

В письме к Толстому 1 марта 1905 г. дети Гаррисона благодарили его за предисловие к книге В.Г. Черткова об их отце, вышедшей в юбилейный год: «Вы обретёте ещё больше славы за ваше почтение к его памяти, если вообще нужна ещё какая-то слава после того, что обновлённое учение о непротивлении получило в ваших сочинениях и примере. Мы горячо молимся о том, чтобы эра насилия, которую мир сейчас переживает, даже раньше, чем закончится год, уступила место перспективе возмущения бесчеловечностью и бессмысленностью войны между так называемыми цивилизованными нациями». Толстой написал это предисловие в 1903 г.; в нём говорилось: «Очень благодарю вас за присылку мне биографии Гаррисона. Читая её, я вновь пережил свою весну пробуждения к истинной жизни. Читая речи и статьи Гаррисона, я живо вспомнил ту духовную радость, которую испытал 20 лет тому назад, узнав о том, что тот закон непротивления, к которому я был неизбежно приведён признанием христианства во всём его значении и который открыл мне великий, радостный идеал осуществления христианской жизни, был ещё в сороковых годах не только признан и провозглашён Гаррисоном (о Баллу я узнал после), но и поставлен им в основу его практической деятельности освобождения рабов». И далее он писал: «И потому Гаррисон навсегда останется одним из величайших деятелей и двигателей истинного человеческого прогресса».

В июле—октябре 1890 г. Толстой, как говорят его дневниковые записи, работал над переводом «Декларации» Гаррисона. «Поправил перевод Гаррисона и Баллу и

написал краткое предисловие, так, чтобы в таком виде можно было передать людям», — запись 28 июля. Толстой даёт свободный, авторизованный перевод «Декларации», его главная задача — сделать мысли Гаррисона о всеобщем мире доступными русскому читателю. 2 августа: «После обеда дописал заключение к Баллу и Гаррисону». В октябре Толстой продолжил работу над «заключением» к «Декларации» Гаррисона. Видимо, в то время он оставил при переводе характерные пометы на тексте «Декларации». В своём прочтении «Декларации», в её переводе Толстой ведёт с Гаррисоном диалог, в котором отразились наиболее существенные стороны его мировоззрения, не случайно ведь именно «Декларацией» открывается трактат Толстого «Царство Божие внутри вас».

Г.В. Алексеева

ГАРТУНГ Мария Александровна (рожд. Пушкина; 1832-1919) — старшая дочь А.С. Пушкина. С 1852 г., окончив Екатерининский институт в С.-Петербурге, -- фрейлина императрицы; с 1860 г. — жена полковника Л.Н. Гартунга, заведовавшего коннозаводским округом.

М.А. Гартунг,
дочь А.С. Пушкина

Толстой познакомился с Гартунг в 1868 г. в доме генерала А.А. Тулубьева, в Туле, где в то время жили Гартунги. Вот как об этом рассказала в своих мемуарах Т.А. Кузминская: «У Тулубьевых мы застали довольно большое общество. Лев Николаевич знал многих <...>. Мы сидели за изящно убраным чайным столом. Светский улей уже зажужжал; я сожалела, что не было Арсеньевых, когда дверь из передней отворилась и вошла незнакомая дама в чёрном кружевном платье. Её

лёгкая походка легко несла её довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич ещё сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал её.

– Кто это? – спросил он, подходя ко мне.

– М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.

– Да-а, – протянул он, – теперь я понимаю.... Ты посмотри, какие у неё арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около неё; разговора их я не знаю, но

133

знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, наружностью. Он сам признавал это» (*Кузминская*. Ч. III. Гл. XXIV).

Н.И. Бурнашёва

ГАРШИН Всеволод Михайлович (1855-1888) — писатель, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Печататься начал в 1816 г.

Знакомство Толстого с Гаршиным не было близким. Виделись они всего один раз, не переписывались. В письмах и дневниках Толстого имя Гаршина упоминается редко, но в мемуарах современников сохранились многочисленные устные высказывания и суждения его о Гаршине.

Обратил внимание Толстого на сочинения молодого Гаршина И.С. Тургенев, во время посещения Ясной Поляны в 1878 г. он настойчиво советовал прочесть его рассказы. Вскоре, видимо, и произошло первое знакомство Толстого с произведениями Гаршина. «Помню, особенно сильное впечатление произвело на всех чтение <...> рассказа “Четыре дня”», — вспоминал В.И. Алексеев, присутствовавший на семейном чтении в доме Толстых (Алексеев В.И. Из воспоминаний // *ТВС*. 1. С. 258).

16 марта 1880 г. Гаршин приехал в Ясную Поляну накануне своей тяжёлой болезни. Толстому «понравились глаза <...> светлые, лучистые и глубокие» (Толстой И.Л. Гл. XVIII). Во время разговора Гаршин упомянул о своём рассказе «Четыре дня», на что Толстой тотчас отреагировал: «прекрасный рассказ». В ходе беседы, «длившейся всю ночь», Толстой почувствовал в молодом писателе единомышленника. Со временем забылись подробности этого разговора (ни Гаршин, ни Толстой записей его не оставили), но память цепко хранила светлое воспоминание о достигнутом взаимопонимании. «Это была вода на мою мельницу», — позднее говорил Толстой. Писателей сближало чувство личной ответственности за зло, творимое в мире, потребность самопожертвования, всепрощение, стремление к слиянию с народом, заветная мечта о человеческом общежитии, основанном на братской любви человека к человеку. Оба ненавидя кровопролитие, стали участниками войн. Толстой в Крымскую войну отправился в осаждённый Севастополь, Гаршин — в Русско-турецкую помогать братьям-славянам.

Отрицая террор и насилие, выступая против смертной казни, писатели принимают аналогичные решения в сходных драматических ситуациях. Они апеллируют к высшей власти с просьбой со-

134

хранить жизнь преступникам. 21 февраля 1880 г., в день вынесения приговора И.О. Млодецкому, стрелявшему и М.Т. Лорис-Меликова, Гаршин писал «бархатному диктатору», умоляя простить стрелявшего в него террориста: «Вы — сила. Ваше сиятельство, *сила*, которая не должна вступать в союз с насилием, не должна действовать одним оружием с убийцами <...>, Простите человека, убивавшего Вас!» (Гаршин В.М. ПСС: В 3 т. - М.-Л., 1934. Т. 3. С. 207). А ровно через год, 8-15 марта 1881 г., Толстой обратится к Александру III по делу 1 марта с тем же призывом: «Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить Вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию».

Когда в 1885 г. В.Г. Чертков пригласил Гаршина в «Посредник», тот охотно откликнулся и переработал для издания рассказы «Медведи», «Четыре дня» и специально для этого издательства написал «Сказание о гордом Аггее» и «Сигнал».

На протяжении всей жизни отношение Толстого к Гаршину оставалось тёплым, доброжелательным, а оценка его писательского мастерства — неизменно высокой. «Лев Николаевич не раз и не мне одному говорил, что Гаршин принадлежит к числу его любимцев среди

русских писателей», -- вспоминал С.Н. Дурьшин (Дурьшин С. Вс. М. Гаршин // Звенья. Вып. 5. М., Л., 1935. С. 631). Толстой с большим уважением говорил о художественных достижениях Гаршина и отмечал рассказы «Четыре дня», «Денщик и офицер», «Художники», «Из записок рядового Иванова», «Attalea princeps» «Ночь», «Сказание о гордом Аггее».

Сочинения Толстого были для Гаршина «настолярной книгой», и в его творчестве, при всей его самообытности и оригинальности, заметно сказались влияние Толстого. Его изумляло и восхищало чудо реалистического искусства художника, когда изображение словом создавало ощущение жизненного правдоподобия иллюзию физического бытия. «„Анна Каренина Толстого такая же прелесть, как и всё» (Гаршин В.М. ПСС. Т. 3. Письма С. 38).

Лит.: Бялый Г.А. В.М. Гаршин. – М., 1955; Порудоминский В.И. Грустный солдат. – М., 1986.

В.А. Старикова

ГАУПТМАН Герхарт (Hauptmann; 1862 - 1946) немецкий драматург и писатель. Более всего известны драмы Гауптмана – сложные, противоречивые, во многом отражающие мрачные ожидания его эпохи. Зрелый Гауптман писал уже при фашистской диктатуре – он не эмигрировал из страны, но и не пошёл на компромисс с действующей властью. Пережить режим Гитлера ему пришлось совсем не намного.

Теперь уже понятно, что творчество Гауптмана занимает значительное место в истории мировой литературы и театра. Между тем, произведения немецкого драматурга вызвали громкие споры у его современников. У него были сторонники (наиболее яркий момент признания таланта ещё молодого писателя – Нобелевская премия 1912 г.), были и противники. Один из них – Толстой. Толстой не принимал почти все произведения Гауптмана. «Почти», потому что было одно исключение: драму «Ткачи» (1892) Толстой назвал «превосходной вещью» и даже собирался написать предисловие к её русскоязычному изданию. Идея такого предисловия принадлежала А.К. Чертковой. 23 мая 1900 г. Толстой направил ей письмо: «Хотел бы написать предисловие к “Ткачам”, как вы <...> того хотите, да как-то не пишется. Боюсь, не выйдет. Впрочем, перечту и попытаюсь». Сомнения Толстого были не напрасны – предисловие так и не было написано.

В корне не принимая страшные, чрезмерно натуралистические картины гауптманских драм, Толстой всё же не раз упоминал имя и произведения немецкого драматурга. Вероятно, слава Гауптмана не только в Германии, но и в мире была столь велика, что такой

взыскательный читатель, как Толстой, не мог пройти мимо его творчества. Для него Гауптман был одним из представителей современного искусства на потребу дня, искусства, формируемого коммерческой выгодой, а потому, как считал Толстой, искусства «ложного». В черновиках «Предисловия к роману В. фон Поленца “Крестьянин”» он писал: «Положение литературы и вообще искусства в наше время очень опасное. <...> Вкус большинства всегда груб, и потому газеты, потворствуя грубым вкусам <...> выдвигают и восхваляют самые грубые художественные произведения, отличающиеся только необычайностью, фальшивым пафосом и тем, что они чудны, выставляются как нечто самое утончённое и. главное, последнее по моде. И писатели, и художники, колеблющиеся между истинным и ложным искусством, бросаются на ложное (чего поразительный пример Гауптмана, который после превос-

135

ходной вещи “Ткачей”, чтобы угодить критике и публике, не переставая пишет вещи одну нелепее другой)» (34: 521-522).

Толстой требует от искусства полной ясности, произведения же Гауптмана кажутся ему совершенно непонятными; «непонятность нового искусства увеличивается в такой ужасающей прогрессии, что толпа, несмотря на свою покорность и доброе желание, никак не может поспеть за этими требованиями. Только что она приучится одолевать Золя, Киплинга, Бодлера, Ибсена, <...> как ей представляют Гауптмана, Метерлинка, Маларме...» (30: 395).

Действительно, произведения Гауптмана были во многом непонятны публике. Немецкий драматург наполнял свои драмы самыми разными, в т.ч. символическими смыслами, зрители вынуждены были ломать голову над его открытыми финалами. Гауптман уходил от изображения психологически достоверных чувств своих персонажей, Толстой же обвинял его в чрезмерной физиологичности и неумении показывать истинные чувства. Так произошло с одной из самых странных пьес Гауптмана «Вознесение Ганнерле» (1893), в которой автор показывал гибель страдающей от побоев девочки. Натуралистические сцены чередовались здесь с фантастическими видениями умирающего ребёнка. Вот как воспринял эту пьесу Толстой: «...автор хочет передать публике сострадание к замученной девочке <...> автору надо бы <...> описать верно ощущения девочки. Но он не умеет или не хочет этого сделать, а избирает другой, более сложный для декораторов, но более лёгкий для художников способ. Он заставляет девочку умирать на сцене». Происходит «подмена эстетического чувства эффектностью» (30: 117).

Сам Гауптман относился к творчеству Толстого с глубочайшим уважением. Он принимал активное участие в подготовке к празднованию 80-летия писателя. Биографы Гауптмана среди его учителей называют и Толстого, а исследователи усматривают глубинные связи между произведениями двух художников. Немецкоязычным читателям остались комментарии Гауптмана к повести «Крейцера соната».

Е.И. Леенсон

Ге Николай Николаевич (1831 - 1894) – живописец, художник-передвижник, автор психологических портретов, экспрессивных, драматических полотен на религиозные и исторические темы.

Дружба Толстого и Ге не имеет аналогий в истории художественной культуры. Ге – художник широкого творческого диапазона. Представленная на выставке в Академии художеств в 1863 г. его первая большая картина «Тайная вечеря» вызвала столько же отзывов, что и «Последний день Помпеи» К.П. Брюллова, картина активно обсуждалась в русском обществе. Вокруг почти всех произведений Ге постоянно кипели споры и страсти. Его картины то и дело снимали с выставок. Нетрадиционное прочтение религиозных сюжетов ставило Ге в центр внимания эпохи.

Ге учился в Киевском и Петербургском университетах на математическом факультете. Не закончив курса, он бросил университет и 19 лет от роду поступил в Академию художеств. В 1857 г. вместе с женой уехал в Рим как пенсионер Академии художеств. Там работал над картиной на античный сюжет «Смерть Виргинии», написал огромное количество эскизов... Но, «дойдя до конца», понял, как писал позднее, что это «не живая мысль, а фраза», и «бросил этот сюжет». Следующий сюжет, над которым он работал, «Разрушение Иерусалимского храма» художнику тоже показался «богатой остроумной фразой». Весь путь Ге – это поиски живого искусства, «живой мысли, живой формы».

Неудовлетворённый собой, Ге бросил Рим, все эскизы и в первой половине 1860 г. переехал во Флоренцию. Хотел даже вернуться в Россию, убедившись в отсутствии у себя таланта. Возвращение к искусству произошло через чтение Евангелия.

Тогда же в 1861 г. в Италии, во Флоренции, произошла первая встреча Толстого и Ге, не оставившая заметного следа в их отношениях. В статье «Встречи», написанной в конце жизни, Ге вспоминал: «Дорогих посетителей было мало. Тургенев был раньше, Толстого я встретил на минуту, во время его проезда через Рим». Это было до «Тайной вечера» и до «Войны и мира».

В конце 1860-х гг. Ге переехал в Россию, вместе с Г.Г. Мясоедовым стал одним из главных организаторов Товарищества передвижных

художественных выставок, членом правления и кассиром. Это был период общественной активности художника. В его творчестве наметился поворот интереса от евангельской темы к сюжетам отечественной истории. Он создаёт картины «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871), «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» (1874) и жанровую композицию «А. С. Пушкин в селе Михайловском» (1875). Попытка писать в русле историко-социальной проблематики не принесла удовлетворения; переживая состояние творческого кризиса, Ге решил

136

покинуть активное поприще искусства. Из Петербурга он переселился на свой черниговский хутор, занимался хозяйством, разводил пчёл, клал печи односельчанам и даже принимал заказы из Киева, для заработка писал заказные портреты.

Н.Н. Ге, художник

Несколькими годами ранее нечто похожее происходило и в жизни Толстого. Летом 1870 г. он заявил, что бросит писать, печататься. А.А. Фету 13-14 июня писал: «Я, благодаря Богу, нынешнее лето глуп, как лошадь. Работаю, рублю, копаю, кошу и о противной лит-т-тературе и лит-т-тераторах, слава Богу, не думаю».

После кризисного переломного периода, когда Ге, разочаровавшись в искусстве, его действительности на умы общества, оставил живопись, в 1882 г. произошло его знакомство с Толстым. «Эта встреча, -- по словам старшей дочери писателя Т.Л. Толстой, -- совершенно перевернула его мировоззрение и из язычника сделала христианином». В идеях писателя Ге находил подтверждение и оправдание собственных исканий. А ведь ещё в 1870-е гг. художник гораздо выше ставил как писателя Тургенева и

довольно холодно отнёсся к романам Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина».

Почти не сохранилось высказываний Толстого о картинах Ге, написанных до их встречи в 1882 г. 13 марта 1870 г. Толстой отметил в записной книжке: «Ге пишет прекрасную картину гражданского Христа» («Христос в Гефсиманском саду»). В 1882 г. писатель работал над статьёй об искусстве, которую задумал в виде письма к издателю «Художественного журнала» Н.А. Александрову. В одном из вариантов замечено, что «образованные люди, большинство из образованных, смотрят на искусство так, что оно не только не имеет ничего общего с богослужением, но даже враждебно ему (картины Ге и Христос Антокольского)».

В 1882 г. на глаза Ге попала статья Толстого «О переписи в Москве», написанная по впечатлениям только что прошедшей переписи населения, участником которой был писатель. Эта статья и послужила импульсом к знакомству с Толстым. В марте 1882 г. Ге приехал к нему в Хамовники.

Знакомство с Толстым имело для художника, по выражению Стасова, «самые неисчислимые последствия». Его ещё до этой встречи называли «стихийным толстовцем» (профессор Веселовский). В первый же день знакомства Ге предложил написать портрет Толстого. Писатель, не любивший позировать, отказался от своего портрета и попросил написать портрет жены. (Портрет С.А. Толстой был тогда же начат, но художнику он не нравился, и к этому замыслу Ге вернулся через четыре года.)

В январе 1884 г. Ге приехал в Хамовники – исполнить обет – написать портрет Толстого. С.А. Толстая сообщала сестре: «Приехал в Москву живописец Ге, пишет сам для себя портрет Лёвочки». В конце февраля Ге отправил портрет на передвижную выставку, но в декабре, когда выставка добралась до Киева, взял обратно, увёз к себе на хутор и семь лет с ним не расставался. Софье Андреевне Ге сделал копию (авторское повторение) портрета. Толстой изображён за работой над трактатом «В чём моя вера?».

1880-е гг. – период творческого и личностного взаимовлияния писателя и художника: оба чувствовали острую необходимость в общении друг с другом. Когда долго не виделись, общались в письмах. Выдержки из писем красноречивы. 28 февраля 1884 г. Ге писал Толстому: «Вот уже месяц, как Вас не вижу, но ни одного дня не проходит, не думая с Вами». «Вы идёте твёрдо, хорошо, -- и я за Вами поплетусь, хотя бы и расквасить мне нос» (май 1884 г.). «Я всё время с Вами; я живу одною мыслью с Вами...» (Ге - Толстому 14 июля 1886 г.). Толстой - Ге: «Я стосковался по вас. Брюхом хочется общения с вашей душой».

В 1884 г. Толстой посетил Ге на его хуторе, где прожил четыре дня. «Нам было несказанно хорошо вместе», -- писал Ге. Тесное духовное общение делало их единомышленниками. Толстой говорил: «Если меня нет в комнате, спросите Николая Николаевича, он вам ответит то же, что я».

Общение с Толстым было для Ге творческим импульсом. Не без влияния писателя он работал над полотнами евангельской серии. Это был новый период его обращения к Евангелию. Среди работ Ге есть рисунки «Савонарола, читающий Библию», «Читающий Евангелие». Ге когда-то сказал, что не успокоится, пока не проиллюстрирует всё Евангелие. Он никогда не расставался с Евангелием, читал, цитировал, проповедовал... 3 июля 1887 г. он писал Толстому: «Я всё делаюсь спокойнее и лучше и всё больше и больше понимаю Евангелие и испытываю великую радость, живя им». «Евангелие – высшее произведение

137

искусства», – считал Ге. Толстой 24 июня 1889 г. писал художнику, что он один может «картинами высказать простое, ясное, понятное и нужное людям христианство».

В последнее десятилетие своей жизни Ге задумал цикл картин евангельской серии «Страдания Христа»: «Меня занимает теперь издание своих вещей, – писал он 9 января 1893 г. А.А. Аристовой. – Кончив “Распятие”, я имею целую серию картин “Страдания Христа”; <...> “Тайная вечеря”, “Выход из вечери”, “Гефсиманский сад”, “Суд”, “Что есть истина?”, “Иуда”, “Распятие”: семь картин; я ещё подготовил эскиз “Даю новую заповедь”...»

Свои картины по пути на выставку в Петербург Ге иногда завозил в Ясную Поляну. Суждения Толстого были исключительно важны для художника. «Выход Христа с учениками в Гефсиманский сад» 1889 г. («Ге хорош очень», дневник); «Что есть истина?» 1890 г. («эпоха в христианском искусстве», письмо П.М. Третьякову); «Распятие» 1894 г. («удивительная картина», письмо Д.А. Хилкову). Ге не всегда соглашался с Толстым, отстаивая своё понимание в решении образов. Так, например, Толстой настоятельно просил изменить в картине «Суд синедриона» выражение лица Христа, которое казалось ему недостаточно простым и добрым, лишённым сострадания.

Под влиянием Толстого Ге в середине 1880-х гг. отдаёт предпочтение графическим работам, следуя идее Толстого, что для народа надо писать просто, угольком. Толстой признавался, что краски мешают ему в восприятии идеи картин. В январе 1886 г. Ге приехал в Москву к

Толстому показать рисунки к его рассказу «Чем люди живы», жил у него два месяца.

Художник часто гостил у Толстых и в Москве, и в Ясной Поляне. Осенью 1890 г. в Ясной Поляне он написал портрет М.Л. Толстой и вылепил бюст Толстого: это был первый скульптурный портрет писателя, Толстой считал его лучшим своим скульптурным портретом.

По пути в Петербург в 1894 г. Ге привёз Толстому «Распятие». Писатель попросил его оставить одного. Через некоторое время Ге пришёл к нему, Толстой был весь в слезах. Он обнял художника и сказал: «Друг мой, я чувствую, что это именно так и было. Это выше всего, что вы сделали».

Внезапная смерть Ге 1 июня 1894 г. потрясла Толстого: «Редкая смерть так поражала меня», — писал он Д.А. Хилкову 11 июня 1894 г.

После смерти художника, узнав, что Стасов собирается писать статью о нём, Толстой сообщил ему своё мнение о таланте и значении художника Ге в развитии живописи. 7-14 июня он обратился к П.М. Третьякову с письмом, где говорил о Ге как об «одном из самых великих художников <...> всего мира»: «Пишу вам это моё мнение затем, чтобы посоветовать приобрести всё, что осталось от Ге, так чтобы ваша, т.е. национальная русская, галерея не лишилась произведений самого своего лучшего живописца с тех пор, как существует русская живопись».

Н.В. Зайцева

ГЕ Николай Николаевич («Ге-сын», «Количка»; 1857-1940) — старший сын художника Н.Н. Ге, учитель, друг семьи Толстых, помощник, посетитель, корреспондент и адресат писателя.

Количка, как его называли в семье Толстых, учился в Киевском университете, который бросил под влиянием Толстого, более важным делом для себя считая ту учёбу, которая помогла бы ему овладеть конкретным ремеслом, научила бы «кормиться». Он занимался сельским хозяйством, поселившись в Плисках, на хуторе своего отца в Черниговской губ., женился на крестьянке. 1884 г. оказался для него решающим: он открыл для себя Толстого, и это стало новым его рождением. Писатель тоже был рад встрече с этим «удивительным» молодым человеком, общение с которым расценивал как некое «счастье».

В 1885-1887 гг. Количка жил у Толстых, преимущественно занимаясь издательскими делами, а иногда переводами Эпиктета, рекомендованными самим писателем. В 1888 г. Н.Н. Ге-сын участвовал в походе с Толстым пешком из Москвы в Ясную Поляну. В 1891 г. возобновил свою «помощь» в работе с писателем, живя в это время то в

Москве, то в Ясной Поляне. В 1891-1892 гг. он работал с Толстым на голоде. Десять лет тесного общения с писателем не прошли даром: за это время Н.Н. Ге-сын смог продемонстрировать свой «настоящий, твёрдый, неустойчивый рост» и проявить себя «человеком верующим то есть исполняющим».

В это время Толстой смотрел на Количку с особенным чувством замиранья сердца и любви как смотрят на любимого человека, «поднявшегося на колокольню, чтоб поставить крест» (63: 165). К этим чувствам примешивался ещё страх за молодого человека, который, оказавшись наверху, внезапно может «заробеть», «оборваться» и «убиться». Опасения писателя вскоре оправдались. 14 июня 1894 г. он получил «непонятное» письмо от Колички, в котором тот свои годы, прожитые им «без упрека в грехе», «без поедания чужих жизней», назвал

138

большой ошибкой. Кризис Н.Н. Ге-сына был вызван несколькими обстоятельствами: смертью отца, потерей «сознания счастья», разочарованиями в учении Толстого. Писатель отреагировал на это отречение: «Прожигается всё то, что может сгореть» (52: 120). Ведь для него истинна только та точка зрения, при которой «счастье совсем устраняется».

Тем не менее их переписка продолжалась, хотя Толстой и ощущал сё «ненатуральность», «закрытость» адресата от него.

В 1899 г. начался новый этап в их взаимоотношениях. В это время Количка вновь с Толстым и писатель испытывал «душенным отдых». Н.Н. Ге-сын активно помогал ему в переписывании и чтении корректур романа «Воскресение».

В апреле 1901 г. Н.Н. Ге-сын приезжал в Гаспру проведать больного Толстого, и в том же году, приняв французское подданство, он поселился в Швейцарии.

П.А. Никитина

ГЕЙНЕ Генрих (Heine Heinrich; 1797 – 1856) немецкий поэт. В России имя Гейне стало известно с начала 1830-х гг. В 40-е п. Байрон, Шиллер, Гёте уступили ему первенство и Генрих Гейне стал одним из самых популярных и переводимых в России немецких поэтов. Редко кто из образованных русских читателей не знал его «Путевых картин», «Зимней сказки», «Флорентийских ночей», «Лорелеи», «Тангейзера».

Его переводили Ф. Тютчев, М. Лермонтов, А. Фет, Н. Огарёв, К. Павлова, Л. Мей, Ап. Григорьев, М. Михайлов, Н. Некрасов и многие другие поэты и профессиональные переводчики. Русские литераторы перенимали не только его поэтическую манеру, но и избирали псевдонимы, связанные с его именем: Гейне из Тамбова (П. Вейнберг), Гейне из Архангельска (В. Курочкин), Гейне из Глуховки (П.П. Матвеев), Гейне из Харькова (А.Я. Кемеровский) и т.д. Огромное количество подражаний, вариаций, пародий на Гейне и его русских переводчиков, продолжателей и эпигонов отмечено подзаголовками: «Из Гейне», «Подражание Гейне», «Пародия па Гейне», «Не из Гейне», «Песни Не-Гейие», «Кажется, что-то из Гейне», «Что писал бы Гейне, если бы жил на подмосковных дачах», «Что писал бы Гейне, если бы был женат на моей жене», «Ей-богу, собственное, а не Гейне»...

В силу универсальности своего таланта Гейне был понятен и близок читателям самых разных социальных групп, каждая из которых имела «своего Гейне». Европейские пролетарии видели в нём критика монархов, богачей, попов; буржуа – лирика «чистого искусства»; большевики революционера. Сам же поэт не был до конца ни романтиком, ни революционно настроенным буржуа, ни коммунистом. В России восприятие Гейне было неоднозначным: социал-демократы (В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов) принимали сатиру и едкое остроумие поэта как необходимое обновление, в котором, по их мнению, давно нуждалась поэзия; представители «либерального крыла» (В.А. Жуковский) видели в нём весьма опасного разрушителя непреходящих морально-эстетических устоев.

Толстой познакомился с произведениями Гейне «настоящим образом» довольно поздно, в 1892 г., и очень увлёкся ими. П.А. Сергеенко вспоминал: «В самой горячей беседе он <Толстой. — А. К.> иногда останавливался и, поднявши голову, мастерски прочитывал по-немецки какое-нибудь стихотворение Гейне, относящееся к беседе. Особенно нравится ему стихотворение „Lass die frommen Hypotesen...“ <”Брось свои иносказанья”>» (ТВС. 2. С. 143).

У Толстого с Гейне много точек соприкосновения. В первую очередь, это лишённый какого бы то ни было лицемерия и ложного пафоса патриотизм, политическая и эстетическая революционность. Как и Толстой, Гейне требовал от литературы ясности мысли, искренности чувства, правдивости, естественности формы, ему были чужды «формалистские выкрутасы». Поэт не раз говорил, что красивые рифмы нередко являются красивыми костылями для хромых мыслей. Сходно их критическое отношение к литературным, философским и прочего рода авторитетам, представителям власти, попустительствующим циничному разгулу беззакония. Ведь именно по этой причине Толстой обратился к

публицистике, а Гейне кончился как «поэт-песенник», обратив свою лиру к пафосу сарказма и мятежной иронии. В письме Варнгагену фон Энзе 3 января 1846 г. он сказал о себе: «Тысячелетнее царство романтизма кончилось, и я был его последним сказочным царём, сложившим с себя корону».

Но ещё больше в мировоззрении Гейне и Толстого было разногласий. Вряд ли бы Толстой когда-нибудь согласился с жестоким материализмом Гейне, насмешками над религиозной догматикой, иронией над самыми высокими идеалами. Толстой сам затруднялся объяснить свою симпатию к Гейне: «Странное дело, какое отношение бывает к писателям. Виктор Гюго и Гейне – несмотря на их приподнятость, они мне близки, а Гёте мне чужд» (запись В.Г. Черткова 5 сентября 1909 г.). Гейне-поэту, человеку колоссальной творческой

139

эрудиции и незаурядного критического ума, Толстой отдавал должное. 14 февраля 1898 г. В.Ф. Лазурский записал в дневнике, что Толстой «недавно перечитывал Гейне и восторгался им», «У Гейне удивительное остроумие, необыкновенная ясность ума, когда он характеризует разные философские направления, "как не охарактеризует ни одна история философии", чрезвычайно умные изречения» (ТВС. 2).

А.А. Козин

ГЕРАСИМОВ Осип Петрович (1866?-1920) – хороший знакомый Толстого. В 1888 г. кандидатом окончил Московский университет, пробовал себя на литературном поприще; в конце 1880-х гг. заведовал книжным складом изданий сочинений Толстого, который помещался во флигеле московского дома Толстых в Хамовниках. Герасимов часто виделся с Толстым, иногда «говорили по душам». Потом он был учителем, с 1901 г. – директор дворянского пансиона. Сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии»; в 1914 и 1917 гг. был товарищем министра народного просвещения.

14 апреля 1889 г. в письме к Л.Е. Оболенскому Толстой рекомендовал для напечатания в новом журнале «Вопросы философии и психологии» статью Герасимова «Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям. Психологический этюд»: «...мой хороший знакомый Герасимов, кандидат прошлого года, написал статью о Лермонтове, весьма замечательную. Он показывает в Лермонтове самые высокие нравственные требования, лежащие под скрывающим их напущенным байронизмом. Статья очень хорошая. Он читал её в психологическом

обществе. Я предложил ему напечатать её у вас. Он согласен. Как человек женатый и живущий своим трудом, гонорар ему не лишний...» (64; 246).

В библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранился номер журнала с этой статьёй (1890 № 3. С. 1-44); на полях – отчёркивания, сделанные при чтении и, скорее всего, принадлежащие Толстому. Это особенно интересно, так как в самих изданиях Лермонтова Толстой помет не оставил.

Взяв эпиграфом для статьи фразу П. Висковатова: «Почти всё писанное Лермонтовым имеет автобиографическое значение», -- и широко используя лермонтовские тексты, Герасимов прослеживал этапы развития «внутреннего состояния», когда «опыт хладный» всё более перевешивал «веру тёплую», нравственные стремления обращались в пустые мечты и пришло мучительное «тайное сознание», что «кончит жизнь ничтожным человеком», бесцельная и бесплодная жизнь превращалась в одно лишь «горькое томленье».

Среди отмеченных Толстым – отрывок на с. 38 из романа «Герой нашего времени». Внимание писателя привлекли и строки стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно...» с комментарием Герасимова: «здесь, в кратких, сжатых, но сильных словах, им высказаны те основные убеждения и чувства, которые вынес он из своей горькой жизни. Он вынес прежде всего чувство глубокого, безысходного одиночества <...>, которое заставляло его говорить:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

<...> Таким образом, не видя в жизни смысла ни в её прошлом, ни в её будущем, ни в её настоящем, он должен был сказать:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка».

На полях с. 41 пометки Толстого – рядом с цитатой из «Героя нашего времени». Это известное рассуждение Печорина: «...я чувствую в душе моей силы необъятные. Но я не угадал этого назначения, а увлёкся приманками страстей, пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел твёрд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни». «В этих вскользь брошенных словах, — полагал Герасимов, — следы начала нового видоизменения его взглядов, видоизменения характерного и важного», поэт не только признаёт существование нравственных стремлений, но и «считает их “лучшим цветом жизни”».

Заключительное суждение автора статьи о том, какова могла бы быть жизнь Лермонтова, «двадцатишестилетнего титана», также соответствует высокой – не частой у Толстого – оценке этой статьи о «самых высоких нравственных требованиях» поэта: «Несомненно только одно <...> если бы он вступил в новый фазис своего развития, он всё-таки сохранил бы то глубоко коренившееся в его натуре нравственное чувство, которое вначале не дало ему возможности примириться спокойно с господствующим злом, а потом – когда он пришёл к убеждению, что в жизни “добродетель лишь название” и подавил вследствие этого дорогие для него стремления, как пустые мечтания, — не дало ему возможности потонуть в наслаждениях, а привело его к убеждению, что такая жизнь есть не что иное, как “пустая и глупая шутка”» (с. 44).

140

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812—1870) – писатель, философ, общественный деятель; автор романов, повестей, философских трактатов. Окончил Московский университет, где возглавлял революционный кружок. В 1834 г. был арестован, шесть лет провёл в ссылке. С 1847 г. жилище России, находясь в вынужденной эмиграции. В 1853 г. в Лондоне основал Вольную русскую типографию, издавал революционную газету «Колокол» и альманах «Полярная звезда». Наследие Герцена на его родине оставалось под запретом, но через многих людей он был тесно связан с Россией.

Ещё до встречи в 1861 г. Толстому и Герцену было известно друг о друге: во второй книжке «Полярной звезды» (1856) Герцен отмечал «пластическую искренность» повести Толстого «Детство», а в переписке этих лет неоднократно писал о Толстом как о новом «очень талантливом авторе». В 1857 г. он напечатал в третьей книжке «Полярной звезды» сатирическую песенку времён Крымской кампании «Как четвёртого числа...», автором которой был Толстой. Севастопольские рассказы Толстого в 1858 г. Герцен рекомендовал для перевода на немецкий язык М. Мейзенбуг.

Знакомство Толстого с Герценом-писателем, с запретными лондонскими изданиями по-настоящему произошло после его возвращения из Севастополя. 4 ноября 1856 г. Толстой в дневнике отметил интересное содержание прочитанной им второй книжки «Полярной звезды» включавшей в себя отрывки из «Былого и дум» Герцена. Во время первого заграничного путешествия в 1857 г. Толстой собирался побывать в Англии и повидаться с Герценом. Отвечая на письмо Тургенева, Герцен 2 марта 1857 г. писал, что будет «очень рад познакомиться с Толстым» как искренний почитатель его таланта.

Тургенев, в свою очередь, уверял, что Толстой тоже будет рад, так как «заранее любит Герцена и его сочинения», но в то же время предупреждал, что полного единства во взглядах ждать не следует, ибо Толстой не вполне разделяет политические убеждения Герцена. Свидание Толстого с Герценом тогда не состоялось.

После возвращения из заграничной поездки в дневниках, письмах Толстой всё чаще встречаются критические высказывания в адрес существующих порядков в России. В условиях подготовки Крестьянской реформы Толстой ищет публичного участия в этом процессе, уповая, как и Герцен (но совсем по иным мотивам!), на сохранение крестьянской общины.

К тому моменту, когда Толстой второй раз выехал в Европу (1860 г.), возможная встреча его с Герценом имела под собой уже более основательную почву, и им было что обсудить. 2 марта 1861 г. Толстой прибыл в Лондон, где собирался провести неделю. В его планы входило и свидание с Герценом.

Впервые Толстой посетил Герцена в его доме в Лондоне 4 марта 1861 г. Лишь поздние воспоминания, зафиксированные современниками, позволяют судить о его первых впечатлениях от встречи с Герценом. Он говорил о Герцене как о «живом, отзывчивом, умном, интересном» собеседнике, сочетавшем в себе «глубину и блеск мыслей» (Сергеенко П. Толстой и его современники. М., 1911. С. 13). В беседе с П.И. Бирюковым 15 апреля 1904 г. Толстой вспоминал, что в бытность в Лондоне он виделся с Герценом «почти каждый день и были разговоры всякие и интересные».

7 марта 1861 г. Герцен писал Тургеневу: «Толстой — короткий знакомый; мы уже и спорили, он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек <...>. Что же дальше? Только зачем он не думает, а всё как под Севастополем, берёт храбростью, натиском». И позднее, 12 марта ему же: «Гр. Толстой сильно завирается подчас — у него ещё мозговарение не сделалось — после того как он покушал впечатлений» (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954-1966. Т. 27. Кн. 1. С. 139, 140).

С 4 по 16 марта 1861 г., встречаясь почти ежедневно, Толстой и Герцен говорили о России и Западе, об освобождении крестьян и о путях этого процесса. О содержании бесед можно судить по письмам Толстого Герцену. Ответные письма Герцена не сохранились. В письмах Толстого — продолжающийся, уже эпистолярный, разговор, спор, с намёками и ассоциациями, понятными только обоим собеседникам.

Вернувшись в Россию, на протяжении почти 20 лет публично Толстой практически никак не проявлял себя по отношению к Герцену. Более того, внешне могло показаться, что Герцен становится ему чуждым и

далёким с его социальной пропагандой на страницах изданий Вольной русской типографии. А.А. Толстой 7 августа 1862

г. он писал: «К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе». Это было время занятий Толстого практическими делами в Ясной Поляне, школой, писанием больших романов.

Однако наметившийся в 1861 г. диалог между писателями, точки сближения и отталкивания между ними, несомненно сказались в художественном творчестве Толстого и в его социально-нравственных исканиях. Мучительные поиски путей решения злободневных проблем российской жизни, дружеские связи с почитателями «лондонского изгнанника» — Н.Н. Страховым, Н.Н. Ге, В.Г. Чертковым, В.В. Стасовым — способствовали возрождению интереса Толстого к наследию Герцена, к его идеям. Последние 30 лет жизни Толстого отмечены повышенным вниманием к сочинениям Герцена. Многочисленные упоминания о Герцене встречаются на страницах его дневников, в письмах, частных беседах.

«Напомнил» Толстому о Герцене Н.Н. Страхов: в 1873 г. появились его статьи о Герцене, которые в 1882 г. вошли в т. I его книги «Борьба с Западом в нашей литературе». Опираясь на выдержки из сочинений Герцена, Страхов характеризовал его как последовательного критика пороков западной цивилизации, сторонника мирных безреволюционных преобразований, искренне верящего в Россию. Получив книгу, Толстой писал 14 марта 1882 г. автору, восхищаясь его статьями, впервые отзываясь о Герцене как большом художнике, отмечая близость его воззрений собственным, основанным на критике официального церковного православия, вере в ненасильственные методы преобразования общества. С этих позиций Толстой в 1880-е гг. перечитывал герценовскую книгу «С того берега». Итогом станет письмо-исповедь Черткову 9 февраля 1888 г., где Толстой впервые высказал мысль о пагубности для России запрета сочинения Герцена, который последовательно отстаивал преимущества мирных преобразований по сравнению с кровавыми- «Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболезную тому, что его сочинения запрещены: во-первых, это писатель, как писатель художественный если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям, а во-вторых, если бы он вошёл в духовную плоть и кровь молодых поколений с 50-х годов, то у нас было бы революционных нигилистов <...> не было бы динамита, и убийств, и виселиц, и всех расходов, усилий тайной полиции, и всего того ужаса правительства и консерваторов, и всего того зла. Очень поучительно

читать его теперь. И хороший искренний человек» (86: 121-122). Это письмо – первое обстоятельное суждение Толстого о Герцене как писателе, как значительном явлении русской общественной мысли, политическом деятеле. Высказанные Толстым мысли станут основой его отношения к Герцену, которое он сохранит до конца жизни. О том же 13 февраля 1888 г. Толстой писал художнику Ге, ещё раз подчёркивая, что запрещением сочинений Герцена «из организма русского общества вынут насильственно очень важный орган».

В условиях народовольческого террора 1880-х гг. и не менее кровавого противодействия правительственных сил Толстой всё чаще обращался к высказываниям Герцена против террора и насилия, против опрометчивых революционных действий. Уже в конце 1880-х гг. он планировал издать сочинения Герцена в «Посреднике», в 1890-1900 гг. часто цитировал его в письмах, дневнике, публицистике и даже в художественных произведениях (роман «Воскресение»).

Во многом интерес Толстого к Герцену стимулировал Стасов, который знал Герцена лично и высоко ценил его. В 1896 г. он подарил Толстому портреты Герцена, искренне убеждённый в близости взглядов двух писателей, в равной силе их таланта и обличительного пафоса. По совету Стасова Толстой в 1905 г. снова перечитывал «С того берега», о чём записал в дневнике 12 октября с восхищённым отзывом о Герцене-писателе: «Наша интеллигенция так опустилась, что уже не в силах понять его. Он уже ожидает своих читателей впереди».

Тогда же Чертков привёз Толстому из Англии 10-томное собрание сочинений Герцена, изданное в Женеве в 1875-1879 гг. В дальнейшем Толстой будет читать именно это издание и делать многочисленные пометки. Хроника этого чтения отмечена в «Яснополянских записках» Маковицкого. Толстой читал «Долг прежде всего», «Доктор, умирающие и мёртвые» «Былое и думы», статьи из «Колокола», «Концы и начало» и др. Многие выдержки из этих и др. произведений Герцена Толстой поместил в сборники «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». В 1900-е гг. он вынашивал замысел написать о «нашем дорогом Герцене». К концу жизни Толстого большинство разногласий между ним и Герценом отошли на второй план. «Перед Герценом я всегда преклонялся», -- скажет он 27 ноября 1908 г. Герцен представлялся Толстому во многих вопросах его единомышленником, идущим по одной с ним дороге, к одной благородной цели.

Лит.: Апостолов Н.Н. Л.Н. Толстой и А.И. Герцен // Лев Толстой и его спутники. - М., 1928; Гусев Н.Н. Герцен и Толстой // ЛН. Т. 41 -42. - М., 1941; Розанова С. Толстой и Герцен. - М., 1972.

Е.Г. Нарекая

ГЕЦ Файвель Меер Бенцелович (1853-1921) – публицист, педагог, преподаватель еврейской истории в Виленском еврейском учительском институте. Получил религиозное образование, слушал лекции в Юрьевском и Петербургском университетах. В 1891 г. был назначен учёным евреем при Виленском учебном округе, в 1894 г. – причислен к Министерству народного образования. Автор трудов об иудаизме, еврейской философии и этике. Корреспондент периодических изданий «Восход», «Рассвет», «Русский еврей», «Еврейское обозрение». Корреспондент и адресат Толстого.

На протяжении почти 20 лет общения Толстой и Гец обсуждали волновавшие их религиозные, нравственные, социальные проблемы. Письменный диалог носил доброжелательно-уважительный, но по ряду религиозных и этических вопросов полемический характер. В фокусе внимания неизменно оказывалась и тема неравенства условий жизни русского и еврейского населения России. Свою позицию по еврейскому вопросу Толстой изложил в одном из писем Гецу: «Христианское учение устанавливает равенство и братство всех людей, и потому предположение о том, что какие-нибудь люди могут быть обижены в самых важных людских свойствах, в сознании нравственного идеала, есть нехристианское понятие. И потому чем выше понимаешь нравственное учение других людей или народов, тем это радостнее для христианина» (65: 191).

Гец приехал в Ясную Поляну в начале мая 1890 г. Но встреча с Толстым не состоялась: он заболел и потому задержался в гостях у брата (С.Н. Толстого) в Пирогове до середины мая. Гец уехал, оставив Толстому свои книги «О характере и значении еврейской этики», «Религиозный вопрос у русских евреев», «Что такое еврейство?». Книги переслали в Пирогово, где их прочитал Толстой. Главная цель визита Геца в Ясную Поляну, очевидно, состояла в том, чтобы просить Толстого поднять голос против ущемления прав живущих в России евреев. 20 мая Гец отправил Толстому письмо с просьбой выступить в защиту угнетаемого и преследуемого еврейского населения.

25-26 мая Толстой отвечал Гецу: «Очень, очень жалею, что моя болезнь сделала вам столько хлопот и лишила меня случая познакомиться с вами»; он обращал внимание Геца на то, что тот приписывает его слову «значение, которого оно не имеет и сотой доли».

И потому, объяснял Толстой, он не считает правильным делать шаги, никуда не ведущие.

За два месяца до письменного разговора с Гецем, в марте 1890 г., Толстой решил поддержать коллективный протест против введения новых, ещё более жестоких, чем прежние, правил жизни евреев. Подготовку коллективного протеста, как это видно из письма к нему В.С. Соловьёва и Э.М. Диллона (английский журналист, долгое время живший в России, корреспондент газеты «Daily Telegraph»), готов был взять на себя Соловьёв. В ответном письме Толстой благодарил за предоставление ему «случая участвовать в добром деле» и отметил: «Я <...> вперёд знаю, что если вы, Владимир Сергеевич, выразите то, что вы думаете об этом предмете, то вы выразите и мои мысли и чувства, потому что основа нашего отвращения от мер угнетения еврейской национальности одна и та же – сознание братской связи со всеми народами и тем более с евреями, среди которых родился Христос и которые так много страдали и страдают от языческого невежества так называемых христиан» (65: 45).

Главное же в письме Гецу от 25-26 мая – мысли Толстого о еврейском вопросе: «Думаю я об еврейском вопросе то, - писал он, -- в чём ещё больше подтвердило меня чтение ваших статей об еврейской этике, что нравственное учение евреев и практика их жизни стоит без сравнения выше нравственного учения и практики жизни нашего quasi-христианского общества, признающего из христианского учения только выдуманные богословами теории покаяния и искупления, освобождающие их от всяких нравственных обязанностей, и что поэтому еврейство, держащееся нравственных основ, которые оно исповедует, во всём, что составляет цели стремлений нашего общества, берёт верх над quasi-христианскими людьми, не имеющими никаких нравственных основ, и что от этого происходят зависть, ненависть и гонения» (65: 98).

29 мая Гец снова письменно обратился к Толстому с просьбой подписать составленный к тому времени Соловьёвым коллективный протест против введения готовящихся новых правил, регламентирующих жизнь евреев в России. Толстой сразу подписал протест. Его подпись – первая в этом документе (всего 50 подписей). В письме 14 июня 1890 г. Гец благодарил Толстого, а 15 ноября с горечью сообщал ему о запрещении министра внутренних дел по цен-

зурным соображениям печатать протест (впоследствии был напечатан в брошюре: Гец Ф. Об отношении Вл. С. Соловьёва к еврейскому вопросу. М., 1902)

Отвечая на письма, Толстой ещё раз подтвердил Гецу, что для него «равенство всех людей – аксиома» (65: 117) он надеялся на возможность в будущем опубликовать протест, который «дождётся лучших времён и в то время ещё разрастётся подписями» (65: 191). В письмах Толстой высказывал и признательность Гецу за присланные книги по этике Талмуда, и то что благодаря разъяснениям Геца и его книгам' он стал глубже понимать еврейское этическое учение. Касаясь же мессианского понимания роли еврейского народа в истории, постулируемой еврейской религией и этикой, Толстой говорил о своём принципиальном несогласии с мессианским взглядом на ход истории: «Знать свою миссию народу, как человеку своё призвание, не только не нужно, но вредно. Человек и народ должен всеми силами делать то, что составляет его призвание, а не определять его, так как определить его и нельзя до самой смерти. Призвание определяется после смерти. Последние часы, минуты могут придать смысл всей предшествующей деятельности, или погубить её, -- и потому, пока жив, ни на минуту не надо отвлекаться рассуждениями праздными о том, в чём состоит моя миссия, -- от исполнения её; кроме того, рассуждения о миссии еврейства, обособляя еврейство, делают его отталкивающим, для меня по крайней мере. Как противно, отвратительно англосаксонство, германство, славянство (в особенности мне славянство), так противно еврейство, как какое-то сознание, обособленное начало, возведшее себя самозванно в какую-то должность и чин» (65: 117-118).

После 1890 г. переписка Толстого и Геца стала менее частой. В 1891 г. Гец издал брошюру «Слово подсудимому!» (СПб.), где с одобрения Толстого поместил его письмо к В.С. Соловьёву и Э.М. Диллону. А в 1894 г. Гец оказал Толстому «любовное содействие» (67: 138) – перевёл на немецкий язык его письмо к Б. Эйленштейну о взглядах Генри Джорджа. В 1898 г. Гец послал Толстому свою брошюру «Открытое письмо к графу Л.Н. Толстому», изданную анонимно в Вильно. В ней он проводил идейные параллели между христианской и еврейской этикой, утверждая, что положения, содержащиеся в христианстве, присутствуют и в иудаизме.

Знакомство с брошюрой побудило Толстого вступить в полемику с Гецем. В ответном послании он признал его точку зрения неверной. Любой человек, «всякий беспристрастный судья, -- писал он, -- японец, китаец, -- который прочтёт Библию и прочтёт Евангелие, не может не увидеть, что центр тяжести того и другого учения иной. В первой центр тяжести, главная основа в том, что люди должны исполнить волю, или, скорее, завет, учинённый с Богом; во втором главная основа – признание божественности человеческой природы, сыновности Богу и потому исполнение воли любимого отца. Вы скажете и говорите, что всё это есть и в еврействе. Но зародыш истины есть в самом первом проявлении её.

Прогресс, как и всякий, так и религиозный, состоит во всё большем и большем очищении истины от лжи и в более простом и ясном выражении её. Тезис ваш уже и потому не может быть доказан, что если бы было справедливо, что всё, что дало христианство, уже содержится в еврействе, то вся 18-вековая жизнь христианства была бы смешным недоразумением» (71: 377-378).

В 1909 г. Толстой задумал издание дешёвой книги, знакомящей людей с древнееврейской мудростью. Узнав об этом, Гец послал ему труды о Талмуде на немецком языке, за что Толстой благодарил его в письмах 12 января и 17 марта 1910 г. Издание книги с изречениями из Талмуда не осуществилось: в 1910 г. смерть Толстого оборвала его 20-летний диалог с Гецем.

М.А. Лукацкий

ГИЛЯРОВСКИЙ Владимир Алексеевич (псевд. «дядя Гиляй»; 1853-1935) – писатель, журналист. В 1871 г. бежал из отцовского дома на Волгу, где познакомился с жизнью простого народа. Его скитания продолжались десять лет. Бесстрашие, физическая сила (он мог узлом завязать кочергу, двумя пальцами согнуть серебряную монету) помогали ему выходить невредимым из самых сложных ситуаций.

В 1881 г. было напечатано первое стихотворение Гиляровского, в 1883 г. – первый рассказ «Обыкновенный случай», в 1886 г. по настоянию А.П. Чехова, он выпустил свой первый сборник рассказов «Трущобные люди». Гиляровского называют бытописателем старой Москвы; он автор книг «Москва и москвичи» (1926), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи» (1934), «Москва газетная» (1934) и др. Проза Гиляровского отличается простотой, живостью, несёт на себе отпечаток незаурядной личности самого рассказчика.

Гиляровский неоднократно встречался с Толстым. Вот как описал он свою первую встречу с писателем: «На перекрёстке, против овощной лавки, стояла лошадь и телега на трёх колёсах; четвертое подкатывал

144

к ней старичок-огородник в белом фартуке; другой, плотный, бородатый мужчина в поношенном пальто, высоких сапогах и круглой драповой шапке, поднимал угол телеги. Дело, однако, не клеилось... Я спрыгнул с пролётки, подбежал, подхватил ось, а старателя в драповой шапке слегка отодвинул в сторону: «Пусти, старик, я помоложе!» Я поднял угол телеги, огородник ловко закатил колесо на ось и воткнул чеку. Я прыгнул обратно в пролётку. Поехали. Мой извозчик... смеялся беззубым ртом и

шамкал, указывая кнутом назад: “Граф-то как старается!” - “Какой граф?” - “Да вон, у телеги”. Я оглянулся. Оба старика подбирали с мостовой картофель. <...> — ”И чего только ему надо? К нам в Дорогомилово приходил надясь работать. <...> Давайте, говорит, ребята, я помогу... Мы дрова таскаем, а он укладывает. Поработал и денег не взял... Свой дом в Хамовницком переулке, имение богатое... Настоящий граф -- Толстов по фамилии”...

Я совершенно забыл об этой встрече, да и думать никак не мог, что знаменитый писатель ходил в Дорогомилово дрова в пятерики укладывать и одевался так бедно».

«Познакомился я со Львом Николаевичем уже в собственном доме редакции <«Русские Ведомости»>, в Чернышевском переулке, и потом встречался не раз, но, конечно, никогда не напоминал ему о первой встрече» (Гиляровский В.А. Старогладовцы // Москва и москвичи. М., 1968. С. 371-373).

Е.Ю. Хомякова

ГИМБУТ Карл Фердинандович (1815-1881) – лесничий Засеки, отставной поручик, живший в 1850-х гг. при лесной конторе подгородного лесничества, в полутора верстах от Ясной Поляны. В дневнике 1856-1858 гг. Толстой часто упоминал его имя. В письме С.Н. Толстому 12 сентября 1857 г. он заметил, что «Гимбут <...> колоссальный плут» (ПТСБ. С. 213). Эта репутация Гимбута в дальнейшем неоднократно подтверждалась: «Он первой руки шельма», он «несносен» (дневник; 47: 156). 25 апреля 1858 г. опять в дневнике: «О! Гимбут, о! злодей. С 9 до 11½ лгал, ломался и говорил про своё следствие. И это весной. Я страдал ужасно» (48: 14). Сам по себе Гимбут вряд ли особенно интересовал Толстого, тем не менее писатель часто бывал у Гимбутов, приезжал обедать, просто поговорить. Отношение к Гимбуту во многом объяснялось тем, что Толстой в конце 1850-х гг. был сильно увлечён женой лесничего, Надеждой Николаевной (рожд. Дурова; 1832-1891). 13 мая 1858 г. запись в дневнике: «Был я у Гимбута. Я влюблён, как никогда в жизни, Нет другой мысли. Мучаюсь» (48: 15). Несколько месяцев продолжалось увлечение, но вскоре Толстой решительно пресёк отношения. В 1863 г. Гимбут вышел в отставку.

НИ Вурншиём

ГИНЦБУРГ Илья (Элиаш) Яковлевич (1859-1939) – скульптор. Родился в г. Гродно в бедной многодетной семье. Детство прошло в г. Вильно (совр. Вильнюс). Родители готовили сына в раввины, но он всё

свободное время занимался вырезыванием фигурок из камня. В 1871 г. работы мальчика привлекли внимание приехавшего в Вильно скульптора М.М. Антокольского, который взял Гинцбурга с собой в Петербург, в свою студию. В 1878 г. юный выпускник 2-го Петербургского реального училища поступил в Академию художеств. Наставниками его, а потом и друзьями стали Антокольский, В.В. Стасов, И.Е. Репин. Личность скульптора, его мировоззрение складывались и под влиянием членов Товарищества передвижных художественных выставок. В 1886 г. Гинцбург окончил Академию со званием классного художника I степени.

С детства будущего скульптора привлекало изображение близкой ему народной жизни, реальной действительности. Он стал сторонником идейного реалистического искусства. В числе первых «послеакадемических» работ – живые, правдивые, исполненные юмора, экспрессии и теплоты скульптурные образы детей из народа: «Мальчик, собирающийся купаться», «Сказка», «Заноза», «На качелях», «Волк идёт!»...

По настойчивой просьбе Стасова тогда же скульптор начал работу над портретами известных деятелей русской культуры. Незадолго до смерти, в 1905 г. критик писал Гинцбургу: «Только что нагрянула теперь в Петербург почти вся русская современная интеллигенция. Скоро она или разбежится, исчезнет, завязнет, побледнеет, сократится, или же — будет похватаана и исчезнет. Лоуи, лоуи, художник, фортуна, катящуюся мимо на круглом колесе!.. Пусть будет целая галерея бюстов или статуэток, но... скорей, скорей, скорей, скорей, скорей!.. Таково моё завещание и жест в дорогу!» (Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1964. С. 7). Гинцбург создал с натуры бюсты и статуэтки А.К. Глазунова, М.М. Антокольского, А.Г. Рубинштейна, В.В. Верещагина, Н.А. Римского-Корсакова, И.Е. Репина, П.И. Чайковского, М. Горького, Ф.И. Ша —

145

ляпина. И.К. Айвазовского, И.И. Шишкина, Д.И. Менделеева, В.С. Соловьёва... По проектам Гинцбурга выполнены памятники А.С. Пушкину (Днепропетровск, 1901 г.), Н.В. Гоголю (Сорочинцы, 1911 г.), М.Ю. Лермонтову (Пенза, 1892 г.)... Он автор надгробий на могилах Стасова, Антокольского, М.П. Мусоргского...

С 1911 г. Гинцбург — академик скульптуры, позднее — профессор Академии художеств. После революции 1917 г. — автор работ, связанных с революционной тематикой, в т.ч. портретов В.И. Ленина, Ф. Энгельса...

Гинцбург работал в станковой и монументальной скульптуре. В большинстве его произведений непосредственное впечатление от натуры

преобладает над её характеристикой, психологической углублённостью образа. Главная черта работ скульптора – документальная точность внешних примет в момент позирования: элементов одежды, окружающей обстановки, характерной позы, черт внешности. Это своеобразные «скульптурные фотографии», в которых автор не задавался целью выразить внутренний мир персонажа, а старался правдиво передать внешние его черты, сиюминутное выражение... В какой-то мере такой подход к модели можно объяснить свойствами личности самого Гинцбурга. Человек застенчивый, он, не имея возможности долго наблюдать и изучать характер человека, часто лепил модель с невыгодной для себя позиции, тогда как для статуэтки надо наблюдать натуру с разных сторон; во время сеансов он не мог попросить человека принять ту позу, которую наметил для своей скульптуры.

Гинцбург стал первым скульптором-профессионалом, обратившимся к образу Толстого. Серия его работ, посвящённых Толстому, -- самая интересная. Он часто бывал и работал в Ясной Поляне; для него Толстой – «гений-мудрец», «живая восприимчивая натура», «неустанно напряжённо мыслящая». Разговоры с Толстым об искусстве оказали огромное влияние на творческую манеру скульптора, помогли, по его словам, уяснить представления о природе творчества и задачах искусства. В Ясной Поляне он сумел сделать с натуры четыре статуэтки, два бюста, барельефы и несколько рисунков.

Впервые Гинцбург приехал в Ясную Поляну в начале июня 1891 г. В этот приезд он вылепил бюст Толстого и статуэтку (писатель сидит за столиком на низком табурете, поджав под себя ногу, склонив голову, пишет). Бюст Толстого работы Гинцбурга в 1897 г. выставлялся в Венеции; Стасов считал его «лучшим бюстом Льва Николаевича». Сам Толстой не всегда хвалебно отзывался об этой работе. В 1897 г. скульптор вылепил вторую статуэтку: Толстой в подпоясанной блузе стоит, опираясь правой рукой на трость, левую засунув за ремень. В 1903 г. по фотографиям и по памяти был сделан скульптурный набросок. Толстой сидит в кресле, положив ногу на ногу; в правой руке на коленях – раскрытая книга. Потом Гинцбург уже дорабатывал статуэтку с натуры: позируя, Толстой читал домашним и гостям рассказ «После бала». Статуэтка так и осталась неоконченной, но по этому этюду скульптор в 1908 г. вылепил большую статую – одно из лучших скульптурных изображений писателя. Много лет работая над образом Толстого, Гинцбург оставил целую серию его портретов разных лет, точно и выразительно передающих характерные черты внешности, позы и в целом многоликость образа писателя. Многие работы Гинцбурга находятся в ГМТ.

Н.В. Зайцева

ГИППИУС Зинаида Николаевна (1869-1945) – писательница. Одна из представительниц символизма. Жена Д.С. Мережковского. Посетительница, корреспондент и адресат Толстого. Религиозно-философские и эстетические воззрения Гиппиус были близки к взглядам мужа: она много размышляла о противоречиях духа и плоти, мечтала о религиозном возрождении, которое понималось богоискателями своеобразно. Гиппиус стала одним из организаторов домашней церкви Мережковских и своеобразного «тройственного союза» Мережковский-Гиппиус-Философов, осуществлявшего в этой церкви богослужения. Она принимала активное участие в организации религиозно-философских собраний 1901-1903 гг., журнала «Новый путь» (1903-1904) и петербургского религиозно-философского общества (с 1907 г.). С 1919 г. – в эмиграции.

Отношение к взглядам Толстого у Гиппиус было очень непростое. Она критиковала его неприятие прогресса, общественной жизни, по её мнению, он был излишне рационалистичен, склонен к пессимизму, моральному абсолютизму. Не приемлющий зла окружающего мира, Толстой вынужден отвергать этот греховный мир, проклинать его за несоответствие идеалу, т.к. немедленное радикальное переустройство невозможно, а путь прогресса Толстому чужд. Писатель, считала Гиппиус, тяготеет к неподвижным формам, характерным для китайской культуры, общественной мысли, политического строя, что он подтвердил,

146

написав «Письмо к китайцу». О том, что Толстой «величайший пессимист», ибо он ненавидит мир, не воспринимает мир становящийся, не видит переходов неабсолютного в абсолютное, Гиппиус писала в статье «Толстой и Плеханов» (1908), утверждая, что каждый из этих мыслителей прав лишь наполовину. Толстой, презирая движение жизни, видит лишь абсолютный идеал ненасилия; для политика Плеханова главное – живая повседневная жизнь, борьба, и с этой точки зрения он критикует толстовские идеалы.

С Толстым Гиппиус встречалась один раз, 11–12 мая 1904 г. 18 февраля она написала ему, прося разрешение приехать в Ясную Поляну. Толстой ответил письмом 27 февраля с приглашением посетить его. Как впоследствии вспоминала А.Л. Толстая, Гиппиус была «декадентски одетая; когда говорила с отцом, то делала это со снисходительностью». Впечатления от этого визита получили отражение в повести Гиппиус «Suor Maria», опубликованной в ноябре того же года в «Новом пути».

Герой повести Андрей в период духовного кризиса едет в Ясную Поляну побеседовать с Толстым. В разговоре Толстой излагает своё понимание личности. «Вот говорят о личности, о “я”. Старый пророк не верит в неё, не видит её. Личность ограничена временем и пространством; выходя из них смертью – она исчезает, уничтожается. Так говорит пророку его “здравый смысл”, который он высоко ставит». Андрей приходит к выводу о некотором субъективизме толстовской истины, о том, что она важна только для Толстого, который отнюдь не является «учителем», а всего лишь «живой страдающий человек, который всю жизнь искал – и нашёл, и узнал что-то». Свидетельством того, что в этой повести отразились личные впечатления Гиппиус от визита в Ясную Поляну, стали её мемуары «Благоухание седин», написанные в эмиграции, в 1920-е гг. В них с нескрываемой симпатией выведена С.А. Толстая. И в других работах Гиппиус высоко оценивала роль жены писателя, негативно воспринимая Черткова и толстовцев («О жёнах», 1925; «Около Толстого», 1928 и др.).

Совпадали мнения Толстого и Гиппиус по вопросу о смертной казни и отношению к правительственным репрессиям. В феврале 1909 г. она прислала писателю свою статью против смертных казней, посвящённую критике статьи В.А. Жуковского, одобрявшего казнь. Гиппиус писала: «Слова русского писателя, которые я там привожу, превосходят по кощунству и статью Столыпина и всё, что только я пока знаю. Лев Николаевич, не уставайте писать, кричать всё о том же. Вы один можете это делать». Толстой, который возмущался статьёй Жуковского ещё в трактате «Царство Божие внутри вас» (гл. 12), ответил Гиппиус: «Стараюсь, сколько умею и могу, бороться с тем злом подставления церковной лжи на место истины христианства, на которое вы указываете».

Толстой был знаком с творчеством Гиппиус, не высоко оценивал её стихи и прозу. Отношение Гиппиус к Толстому характерно для многих деятелей русской культуры «серебряного века». Преклоняясь перед Толстым-художником, считая его выдающимся мастером слова («он, кажется, видел особую тайну; невнятную, непонятную нам тайну *слова во плоти*» — «Слова Толстого») и не разделяя, по сути, толстовских религиозных взглядов, Гиппиус признавала огромный творческий и духовный опыт Толстого.

Ю.В. Прокопчук

ГЛЕБОВ Порфирий Николаевич (1810-1866) – полковник, сослуживец Толстого в Севастополе, участник кровопролитного сражения на Чёрной речке 4 августа 1855 г.; автор «Записок» о Крымской кампании. В этих записках 11 сентября г. Глебов писал о Толстом:

«Говорят, сложена новая песенка на 4-е августа. Между прочим, в ней барон Вревский очень просит князя – взять горы, чтобы не было с французом ссоры, князь посылает Липранди, а он говорит: “Атанде, я не пойду: для этого ума не надо, пошлите генерала Реада, а я посмотрю”. И в таком роде написана вся песня» (Записки Порфирия Николаевича Глебова // Русская старина. 1905, № 3. С. 525). Через день, 13 сентября, Глебов в «Записках» вспомнил о графе Толстом: «...граф Толстой, поручик артиллерийский <ошибка мемуариста: Толстой в Севастополе был в чине подпоручика. - Н.Б.>; он командует двумя горными орудиями, но сам таскается везде, где ему заблагорассудится. 4 августа примкнул он ко мне, но я не мог употребить его пистолетиков в дело, так как занимал позицию батареями орудиями; 27 августа опять пристал он ко мне, но уж без своих горных орудий, поэтому я и мог, за недостатком офицеров, поручить ему в командование пять батарейных орудий. По крайней мере из этого видно, что Толстой порывается понюхать пороха, но только налётом, партизаном, устраняя от себя трудности и лишения, сопряжённые с войною. Он разъезжает по разным местам туристом, но как только слышит где выстрел, тотчас же явится на

147

поле брани, кончилось сражение – он снова уезжает по своему произволу, куда глаза глядят» (там же. С. 528-529). 27 августа – это день последнего штурма Севастополя; Толстой по поручению полковника Глебова командовал пятью батарейными орудиями. В «Записках» Глебов продолжал: «Говорят про него также, будто он, от нечего делать, и песенки пописывает, и будто бы на 4-е августа песенка его сочинения» (там же). Здесь же появился и полный текст севастопольской песни Толстого «Как четвёртого числа...»: то, что Глебов записал и в течение десятилетий хранил текст этой песни, свидетельствует о смелости и независимости его характера. Судя по сохранившимся документам, сам Глебов вовсе не интересовал Толстого, тогда как личность Толстого несомненно притягивала внимание полковника, что и отразилось в его «Записках».

Н.И. Бурнашёва

ГЛИНКА Михаил Иванович (1804 – 1857) – русский композитор, основоположник русской музыкальной классики, создатель национальной оперы и многих жанров национальной инструментальной музыки; автор двух опер, симфонии, «Вальса-фантазии», нескольких

увертюры, других симфонических произведений, а также сочинений для фортепиано, романсов, хоров, вокальных ансамблей и др. Творчество Глинки, новаторское, насыщенное яркой образностью, определило дальнейшее развитие русской симфонической музыки, заложило великие традиции русской музыкальной культуры, выдвинуло русскую музыку на первые позиции мирового музыкального искусства.

Впервые имя Глинки упомянуто в дневнике Толстого 19 января 1858 г.; в этот день в Большом театре в Москве Толстой слушал оперу «Жизнь за царя» и его восхитил хор: «Хор прекрасен», -- отметил он. Через несколько лет (6 декабря 1864 г.) Толстой снова слушал «Жизнь за царя», опять понравилось, но в письме С.А. Толстой заметил: «Очень хорошо, но монотонно. В театре была одна воскресная публика, и потому половины интереса наблюдений для меня не было». Глинка не стал любимым композитором писателя, хотя в Ясной Поляне и хамовническом доме нередко звучали его произведения: романсы пела Т.А. Кузминская, ей аккомпанировали сам Толстой или С.Л. Толстой. Порой, слушая музыку Глинки, Толстой, как ему казалось, чувствовал самого композитора как человека, и этот человек вызывал, особенно в старости, какую-то неприязнь. «Когда я вспоминаю о Глинке.., мне сейчас же представляются (он сделал гримасу) табак Жукова, водка и селёдка... неопрятное что-то, -- скатал он, понизив голос, Конечно, -- поспешил он прибавить, -- я признаю его достоинства. В музыке его столько мелодии, поэзии!..» (Русанов. С. 102). Говори о современных композиторах, о «новой музыке», Толстой признавался, что на него «эта новая музыка не производит ровно никакого впечатления». И тут же добавлял: «Вот Глинка – другое дело, здесь и мелодия, и всё» (Лазурский В.Ф. Дневник. 9 июля 1894 г. // ТВС. 2. С. 66).

И. И. Бурнашѐва

ГОГОЛЬ Николай Васильевич (1809—1852) – писатель. В списке произведений, которые в своё время произвели на него впечатление (напротив указанных текстов Толстой поставил оценку по его собственной шкале: *большое, очень большое, огромное*), произведения Гоголя «попали» в самый «ответственный» возрастной период Толстого: от 14 до 20 лет, когда формировалась личность будущего писателя. Повести Гоголя «Шинель», «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Невский проспект» получили оценку «большое» (впечатление); поэма «Мёртвые души» -- «очень большое», повесть «Вий» -- «огромное». Толстой говорил, что, если бы его спросили, кого из русских писателей он считает наиболее значительными, он бы назвал Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

О Гоголе у Толстого есть два небольших эссе: 1888 г. – незавершённое и при жизни не публиковавшееся, 1909 г. – написанное к 100-летию Гоголя и опубликованное в «Русском слове» 24 марта 1909 г. (под заглавием «Толстой и Гоголь»), Но зримо и незримо Гоголь всегда присутствовал в долгой писательской жизни Толстого.

Толстой вступил на литературное поприще в год смерти Гоголя. И уже в первых его произведениях современники увидели продолжателя Гоголя: так, И.С. Тургенев, прочитав «Детство» и «Отрочество», писал И.Ф. Миницкому 1/13 ноября 1854 г.: «Вот наконец преемник Гоголя, несколько на него не похожий, как оно и следовало».

«Историю вчерашнего дня» -- первое дошедшее до нас художественное произведение (незавершённое) – Толстой писал, не скрывая связи с гоголевской традицией. «Удивительно умеет русский человек найти обидное слово другому, которого он в первый раз видит, не только человеку, сословию: мещанин – “кошатник” <...> Мужик – “Рюрик”, отчего, не знаю <...> всех не перечтёшь. Повздорь русский человек с

148

человеком, которого первый раз видит, он сейчас окрестит его таким именем, которым заденет за живую струну: кривой нос, косою чёт, толстогубая бестия, курносый. Надо испытать, чтобы знать, как верно и метко всегда попадают прямо в больное место». Эта открытая параллель с «Мёртвыми душами» — чем бы она ни объяснялась: тем ли, что Толстой-писатель невольно следовал за Гоголем, или тем, что он «сознательно варьировал» гоголевский мотив, -- не случайна: «формируя свою поэтику, Толстой писал в духе и стиле Гоголя, несколько не подражая ему» (Опульская Л.Д. Первая книга Льва Толстого // Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. - М., 1978. С. 506).

Не только читатели видели явную гоголевскую традицию в сочинениях Толстого – сам писатель поверял современную ему литературу и свою собственную Гоголем. По прочтении романа Тургенева «Накануне» он упрекал автора в «банальности, даже до приёмов», «напоминающих Гоголя»: «Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет» (письмо А.А. Фету 23 февраля 1860 г.).

Свой путь в выборе формы «Войны и мира» Толстой так или иначе «отсчитывал» от Гоголя. «Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы, — говорил он. — Если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразным, то так же и их форма. <...> Возьмём «Мёртвые души» Гоголя. Что это? Ни

роман, ни повесть. Нечто совершенно оригинальное» (запись А.Б. Гольденвейзера. 28 июля 1902 г.). Почти то же писал и Гоголь, работая над «Мёртвыми душами»: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь <...> не похожа ни на повесть, ни на роман...» (письмо М.П. Погодину 28 ноября 1836 г.).

Не всё принимал Толстой у Гоголя. Порой в его дневнике можно встретить: «Читал полученные письма Гоголя. Он просто был дрянь человек. Ужасная дрянь» (8 сентября 1857 г.). «Получил я новое издание Гоголя, его письма. Что это был за дрянь человек, себе представить нельзя», -- писал он братьям С.Н. и Н.Н. Толстым 12 сентября 1857 г. Но это не исключало и других оценок: «Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т.е. несмелый, робкий ум. Лучшее произведение его таланта - “Коляска”, лучшее произведение его сердца - некоторые из писем.

Главное несчастье его всей деятельности — это его покорность установившемуся лжерелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. <...> Ухудшало запутывало ещё больше склад его мыслей его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. <.. .> Отдаётся он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения, отдаётся он нравственно-религиозному – и выходит хорошее, полезное, но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во второй части “Мёртвых душ” и др.» (дневник 5 марта 1909 г.).

«Замечательно, что, когда он описывает что-нибудь, выходит плохо, а как только действующие лица начнут говорить – хорошо. Мы сейчас о Собакевиче читали! - Лев Николаевич весело засмеялся. - “Один прокурор хороший человек, да и тот... свинья!” “А губернатор? - разбойник!..” И Лев Николаевич снова залился добродушным смехом» (Булгаков. 19 марта).

«Толстому довелось повторить путь позднего Гоголя. С ним, как и с Гоголем, в середине творческой жизни случился нравственный переворот, имевший сходные последствия. Прежние художественные творения, приведшие, как в своё время и Гоголя, на вершину славы, представились чем-то ненужным, второстепенным и главное – недостаточным». «Вера во всемогущество художественного слова сменилась верой в слово нравственной проповеди». «В сущности, Толстому довелось осуществить тот замысел, о воплощении которого мучительно мечтал и с которым такую страшную неудачу потерпел Гоголь. <...> Все книги позднего Толстого содержат элемент проповеди...» — писала Л.Д. Громова-Опульская в статье «Гоголь и Лев Толстой — художники и учителя жизни» (ЯП. сб. 1992. Тула, 1992. С. 80, 82).

Толстой неоднократно читал гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» (первая публикация в 1847 г.), о чём говорят его пометки на издании «Переписки» и отзывы об этом сочинении в дневниках и письмах с 1851 г. по 1910 г. В пометках и замечаниях Толстого можно обнаружить совпадения и расхождения в мировоззрении писателей, эволюцию оценок Толстым Гоголя. Совпадения - это говорить *всю правду о себе*, при необходимости каяться на миру. Идеал для Гоголя и Толстого – это душевная чистота. «Буду чистить душу», -- запись в дневнике Толстого 11 февраля 1891 г. Гоголь связал рассуждения о душевной чистоте с необходимостью наличия «недуга» (гл. «Значение болезней»), который очищает душу человека, писателя: «Принимайте же и вы покорно

149

всякий недуг, веря вперёд, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла». Так считал и Толстой: «И думаю, как же благодетельна не только физическая, но и нравственная боль! Только она и учит. Всякая боль: раскаянье дурного дела – как нужно...» (дневник 5 марта 1891 г.). Оба писателя большой порок видели в *гордыне*; стояли на позиции: Богом соизмерять все поступки, в т.ч. и отношение к *слову*: поэт «на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своём поприще». Толстой отметил главу Гоголя «О том, что такое слово» одобрительно и согласно с ним. По поводу сакрального отношения Гоголя к слову есть такая запись в дневнике Толстого о «Ревизоре» (21 января 1890 г.): «Странное дело эта забота о совершенстве формы. Не даром она. <...> Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, её бы не читали и одна миллионная тех, которые читали её теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать её совершенной художественно – тогда она пройдет через равнодушие и повторением возьмёт своё».

Разногласия между Толстым и Гоголем, «заговорившие» в процессе чтения «Переписки», касаются отношения к церкви: Толстой не принимал гоголевскую хвалу церкви (выставил оценки «0» и «00», в отличие от предыдущих гоголевских позиций, оценённых Толстым «5» и «5++»), патриотизм Гоголя (оценка «1»), его суждения об особости России и русских.

Лит.: Золотусский И. Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями» // Гоголь как явление мировой литературы. - М., 2003.

ГОЛОХВАСТОВ Павел Дмитриевич (1838-1892) – литератор; филолог, историк; сотрудник журнала «Русский архив»; приятель Толстого, его корреспондент и адресат.

Окончил Пажеский корпус; в 1857— 1858 гг. служил в московском Главном архиве Министерства иностранных дел, в 1858-1859 – в Азиатском департаменте. Знаток древнерусского быта и народного творчества. Автор драмы «Алёша Попович» (1869), вольной переработки мотивов нескольких русских былин.

Толстой познакомился с Голохвастовым в 1872 г. Работая над «Азбукой», писатель советовался с ним, пользовался его богатой библиотекой. В ноябре 1874 г. Толстой обращался к нему с письмом «за советами о поэзии, рифме» -- Голохвастов «советовал рифму держать» (ЯПЗ. 1. С. 308). Блестящий знаток былинного стиха и роли в нём «смыслового ударения», он не ограничился только советами: своим интересом к народному стиху и в целом к народному творчеству Толстой вызвал к жизни целое исследование «Законы стиха русского народного и нашего литературного» (опубликовано в 1883 г.). В предисловии к книге Голохвастов писал, что это его сочинение «вызвано графом Л.Н. Толстым, когда тот переделывал народные былины и сказки для “Азбуки” своей, и задумано в форме писем к Льву Николаевичу» (цит. по: Гусев. Материалы. 3. С. 46). Тогда же появился его разбор «Книги былин» В.П. Авенариуса, статьи о записях А.С. Пушкиным народных песен и о его «Песнях о Степане Разине».

Голохвастов не раз бывал в Ясной Поляне и в московском доме Толстых. «Павел Дмитриевич производил впечатление благовоспитанного, изящного, хорошо образованного человека, -- писал С.Л. Толстой. – По своим взглядам он был близок к славянофилам и был известен как знаток русских былин. Его статья о былинах в “Русском вестнике” до сих пор не утратила своей ценности. Он красноречиво рассказывал о своём намерении соединить древние былины в одну поэму – нечто вроде Илиады или Одиссеи. Жаль, что он этого не исполнил. Отец говорил про него: “Павел Дмитриевич не написал свою поэму, потому что израсходовался на рассказы о своём замысле”» (Очерки былого. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1876 год).

Когда в очередной свой проезд в Москву Толстой поделился своим новым замыслом сочинения об эпохе Петра I, Голохвастов, владелец большого собрания исторических изданий, составил по просьбе писателя список имеющихся у него книг о времени Петра, которые могут заинтересовать Толстого. Завязалась оживлённая переписка. Голохвастов предложил Толстому пользоваться его библиотекой, даже присылал книги в Ясную Поляну. Толстой благодарил за книги и в том же письме

(12 января 1873 г.) признавался: «Я всю зиму нынешнюю нахожусь в самом тяжёлом, ненормальном состоянии. Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь перед представляющимся, отчаиваюсь, обнадёживаюсь и склоняюсь к тому убеждению, что ничего, кроме муки, не выйдет» (62:3). 24 января – опять просьба прислать книги и сетование на традиционное освещение исторических событий и судеб «с пошлой европейской героичной точки зрения» (62: 5), когда всё движение истории вершится царями и героями.

150

Голохвастов сблизился и с окружением Толстого. Н.Н. Страхов писал о нём Толстому из Петербурга 1 января 1875 г.: «А я видел здесь нечто вроде Вашего Левина. Приезжал сюда Павел Дмитриевич Голохвастов и удивительно мне понравился. Два вечера он просидел у меня, объясняя свою теорию русского стиха – теорию неподобную, в которую я крепко уверовал. Какое в нём чувство языка, стиха! В первый раз я услышал настоящее чтение былин. А его патриотизм, его дерзкие мысли об Европе – всё вместе дало мне понятие о том, какие силы и чувства растут у нас там, вдали от Петербурга и независимо от нашей литературы. Вы, конечно, знаете, что он Ваш большой поклонник; он говорил, что Вы ещё не сказали Вашего главного слова, что он ждёт ещё от Вас величайшего произведения» (ПСПТС. 1. С. 189).

Постепенное охлаждение к замыслу о Петре Великом и увлечение новым романом («Анной Карениной») несколько отдалило Толстого и Голохвастова. Ещё более развело их в 1880-е гг. новое воззрение Толстого на жизнь. Голохвастов, по-прежнему бывал в Ясной Поляне, но откровенно не принимал и резко осуждал религиозно-нравственные искания Толстого, считал, что «дочиста выписавшись», Толстой хочет «рушить Церковь – нерушимую», что общество он «развратит окончательно» (ЛН. Т. 86. С. 480). 19 июля 1887 г. С.А. Толстая записала в своём дневнике: «Был Голохвастов П.Дм., крайне православный и славянофил; были у него разговоры с Львом Николаевичем о религии и церкви. Очень было неприятно. Голохвастов рассказывал с пафосом о прекрасном соборе в Новом Иерусалиме (Воскресенске), что там бывает до 10 000 человек богомольцев и о красоте постройки. Л.Н. слушал, слушал и сказал: “И все они приходят смеяться над Богом”. Сказано это было с иронией и даже злобой. Я вступилась, говорила, что это гордость говорит, что 10 000 человек смеются, а он один прав, исповедуя свою веру, а что надо же допустить, что какой-нибудь более высокий мотив заставил этих людей собраться в этом храме. После обеда Голохвастов заговорил о патриархе Никоне, как интересна его жизнь и личность. Лев Николаевич читал газету, а потом вдруг высказал опять тем же тоном:

«Он был мужик, мордвин, и если ему было что сказать, то что же он не говорил». Тогда Голохвастов вспыхнул и сказал: «Или Вы смеётесь надо мной, или - я привык уважать слова других – и тогда я, может быть, и задумался бы об этом вопросе». Вообще было тяжело» (ДСАТ. 11. С. 121-122).

Н.И. Бурнашёва

ГОЛСУОРСИ Джон (Galsworthy; 1867-1933) – английский прозаик, поэт, драматург, публицист, литературный критик. Лауреат Нобелевской премии (1932). Широкую известность получили его три трилогии, в которых представлена панорама жизни английского общества последней четверти XIX-первой трети XX вв.: «Сага о Форсайтах» (1906-1920); «Современная комедия» (1924-1928); «Последняя глава» (в др. переводе: «Конец главы») (1931-1933).

Толстой был знаком с сочинениями английского писателя. В его библиотеке в Ясной Поляне сохранился экземпляр пьесы Голсуорси «Правосудие» («Justice». L., 1910) с дарственной надписью: «Льву Толстому с глубоким уважением и восхищением от Автора». Как и всё творчество Голсуорси, эта пьеса социально ориентирована, она о трагической судьбе молодого человека, оказавшегося в руках слепой и бездушной Фемиды. Сам автор так определил главную идею пьесы: власть денег приводит к тому, что для богатых действуют одни законы, для бедных – другие; лишь добром и милосердием можно преобразовать человека. Пьеса созвучна взглядам Толстого, она ему в целом понравилась. Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике: «1910. 23 марта. Л.Н. вечером прочёл английскую драму “Justice”. Пришёл в 11 часов к чаю и рассказал содержание. Это драма хорошая, о тюрьмах. Как человек сделал подлог. Как за это пострадал; суд хорошо описан и особенно хорошо описана тюрьма, одиночное заключение...» Толстому показался только «конец нехорош» (ЯПЗ. 4. С. 207).

В русской литературе, к которой Голсуорси всю жизнь проявлял живой интерес, Толстому он отводил особое место. «Я склоняюсь к мысли, что Толстой в глазах потомства будет стоять в одном ряду с Шекспиром. Его творчество совсем иного рода, чем творчество Тургенева, Шекспира, Мопассана; это что-то совсем иное. Его ни с чем нельзя сравнить <...> оно достигает новых глубин сознания, а значит, и анализа», – писал он переводчице Толстого на английский язык К. Гарнетт (Голсуорси Дж. Собр. соч.: В 16 т. М., 1962. Т. 16. С. 473).

Непосредственно творчеству Толстого писатель посвятил часть статьи «Силуэты шести писателей» (1924) и написанную к столетию со дня рождения Толстого статью «Толстой как романист» (1928), ставшую затем введением к лондонскому изданию «Анны Карениной» (1937). В

его других статьях и письмах разбросаны краткие суждения, замечания о Толстом.

Высоко оценивая Толстого-художника. Голсуорси не принимал его как моралиста

151

и проповедника: «...я читаю его как великого романиста, но не как проповедника» (цит. по: Marrot H.V. *The life and letters of J. Galsworthy*. L.-T., 1935. P. 804). Толстой, по его мнению, в равной мере мастер и моралист; и потому он «похож на детские качели, которые никогда не находятся в состоянии равновесия» (там же. P. 194). В творчестве Толстого Голсуорси усматривал постоянную «духовную двойственность», своеобразное «поле сражения, на котором мы замечаем непрерывное усиление и ослабление внутреннего конфликта, нарастание гигантского разлада» (Голсуорси Дж. «Анна Каренина» // *ЛН*. Т. 75. Кн. 1. М., 1965. С. 142).

«Величайшим из всего написанного» в мировой литературе Голсуорси считал «Войну и мир». В этом романе, подчёркивал писатель, нет бессодержательных страниц; Толстой «создаёт непосредственное ощущение действительной жизни» (Голсуорси Дж. *Собр. соч.*: В 16 т. Т. 16. С. 402). Но даже и в этом «величественном» романе, считал Голсуорси, «моралист даёт о себе знать в заключительной части» (Голсуорси Дж. «Анна Каренина» // *ЛН*. Т. 75. Кн. 1. С. 142).

Относя к шедеврам Толстого роман «Анна Каренина», Голсуорси полагал, что здесь «проповедник взял верх над художником» (там же). Его поражало величие глав, в которых автор создаёт «самый верный и блестящий образ Степана Аркадьевича», «законченного типа светского человека тогдашней России», ярко характеризует старого князя, Кити, Вронского, Левина и саму Анну. По мнению Голсуорси, сильные страницы первой части не убеждают в том, что «слишком жизнеспособная» Анна «могла покончить жизнь самоубийством» (там же). Финал романа он считал «неожиданным и преднамеренным».

Творческий метод Толстого английский писатель называл «собираательным». Толстой «входит во все мелочи, всё договаривает до конца» (там же. С. 143-144). Голсуорси определял стиль Толстого как умение устанавливать «подлинную духовную близость» с читателями: «Ни один писатель не создаёт в своих произведениях такого осязаемого ощущения подлинной жизни, как Толстой» (там же. С. 144). Однако он сомневался в способности Толстого-аристократа глубоко понять русского крестьянина: «...он не был столь близок к плоти и крови России и к

русской душе, как Чехов, вышедший из народа и знавший его изнутри» (там же. С. 145).

Известно, что Голсуорси отрицал влияние Толстого на своё творчество. «Я не считаю, что его творчество или его этика когда-либо повлияли на меня», -- писал он в конце жизни в 1932 г. (цит. по: Marrot H.V. The life and letters of J. Galsworthy. P. 803). Однако иного мнения придерживаются исследователи. Голсуорси творил в то время, когда Англия переживала так называемую «русскую лихорадку» -- время господства в интеллектуальной жизни страны великих русских имён: Толстого, Достоевского, Чехова и др. (Phelps G. The Russian novel in English fiction. L., 1956. P. 138). «Влияние Толстого на английскую мысль, - писал Э. Круз, - значительно и безмерно. Пренебречь им не был в состоянии ни один писатель, затрагивающий общественные, религиозные или философские темы» (Cruse A. After the Victorians. L., 1938. P. 107).

Соч.: Голсуорси Дж. Собр. соч.: В 16 т. Т. 16. М., 1962; Galsworthy J. Glimpses and Reflexions. London, Toronto, 1937; Letters from John Galsworthy. 1900-1932. Ed. and with introduction by E. Garnett. L., N.Y., 1934.

Лит.: Зиннер Э.П. Творчество Л.Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX - начала XX столетия. Иркутск, 1961; Мотылёва Т.Л. О мировом значении Л.Н. Толстого. М., 1957; Тугушева М.П. Джон Голсуорси. М., 2000.

В.А. Скиба

ГОЛУБКИНА Анна Семёновна (1864 — 1927) – скульптор. Родилась в крестьянской семье в г. Зарайске. Скромные средства семьи не позволили девочке получить образование, в школу она не ходила. Но с самых ранних лет тянулась к знаниям. Собираясь получить диплом домашней учительницы, много читала, пользуясь библиотекой зарайского купца Чиликина.

На пути самообразования в первую очередь она хотела разобраться в учении Толстого. «Мне бы очень хотелось узнать ваше мнение о Толстом и его теории непротивления злу...» -- писала она своему наставнику А.Н. Глаголеву. Этот интерес был связан и с её первыми серьёзными шагами в жизни: в 1880-е гг. она распространяла по деревням книжки издательства «Посредник» и сама внимательно их читала. Постепенно складывались её собственные взгляды, но противоречащие учению Толстого. Главные идеи толстовского учения о единении всех узами братства и любви, идея нравственного самосовершенствования не

вызывали возражений. Но вызывала сомнение, а затем и протест проповедь непротивления злу насилием. Как искоренить зло, если относиться к нему пассивно, не вступать в борьбу? Голубкина убеждена, что со злом надо бороться, и в несогласии со взглядами Толстого рождались в душе

152

убеждения, которые впоследствии привели её в революцию. Этот внутренний «разрыв» с Толстым оформился ещё до личного знакомства с писателем, которое позднее лишь укрепило её в собственной правоте.

В январе 1900 г. произошла первая и единственная встреча с Толстым, который задолго до этого был знаком с творчеством Голубкиной. Ещё в 1895-1896 гг. скульптор, будучи в Париже, пережила сильное творческое напряжение, закончившееся для неё нервным срывом, слухи об этом дошли до Толстого, и он интересовался тогда её судьбой, расспрашивал о том, как это произошло. О посещении Голубкиной московского дома Толстого подробно вспоминал Х.Н. Абрикосов, пришедший вместе с ней: «Застаём Льва Николаевича в его кабинете, к нему пришли несколько человек рабочих Прохоровской мануфактуры. Мы застаём их за начатым уже разговором. Лев Николаевич говорит, что истинное социальное улучшение может быть достигнуто только религиозно-нравственным совершенствованием каждой отдельной личности. Если же мы будем ставить целью изменение внешних форм правления для улучшения социального положения, то этим мы только отдадим истинный прогресс, что мы и видим во всех конституционных государствах. “Нужна революция, - говорит один рабочий, - и не буржуазный строй, а социалистический. Ведь сколько зла поддерживается буржуазными правительствами: войны, суды, угнетения рабочих. Надо свергнуть царское правительство и организовать новое, на других совсем основах, как учат социал-демократы”. - “Всё зло, о котором вы говорите, - сказал Лев Николаевич, - всё это неизбежное последствие существующего у нас языческого строя жизни. Уничтожить какое-либо одно из этих зол – нельзя. Что же делать? Совершенно верно, надо изменить самый строй нашей жизни, но чем изменить? Тем, чтобы, во-первых, не участвовать в этом строе, во всём, что поддерживает его: в военной службе, в судах, в податях, в ложном религиозном учении... и, во-вторых, делать то, в чём одном мы совершенно свободны: в душе своей заменять себялюбие и всё, что вытекает из него, — злобу, корысть, насилие, -- любовью, смирением, милосердием... Внешние условия вы не можете улучшить, но быть добрым или злым в вашей власти. А от того, что люди будут добрыми, изменятся все внешние условия жизни – весь современный строй”.

При этих словах Голубкина вдруг вскочила и со словами “Это всё пяточки какие-то!” ушла. Лев Николаевич посмотрел ей вслед. “Какая странная женщина”, — сказал он» (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 407).

Возможно, протестующий порыв Голубкиной задел за живое и Толстого. Когда она пришла к Толстому в другой раз, ей сказали, что писатель не может её принять.

После этого визита прошло более четверти века, прежде чем скульптор приступила к работе над портретом Толстого. Это был заказ Толстовского музея. Созданный ею образ Толстого — воплощение напряжённого духовного и творческого поиска.

Именно таким, неуспокоенным, ищущим, вечно живым творческим гением изобразила Голубкина писателя. Она лепила его по памяти, спустя 25 лет, портрет, потребовавший многих усилий и долгих поисков. Известно, что окончательный вариант, найденный скульптором, был пятым по счёту. В ноябре 1926 г. Голубкина уже писала сестре: «"Толстого" я отформовала, но он очень сомнителен...» Работая над портретом писателя, Голубкина невольно припоминала подробности их первой давней встречи... Всё, что она видела там, носило отпечаток нарочитости. Ей казалось, что у Толстого в одежде и в его обиходе была видна подделка «под мужика», тогда как в каждом его движении чувствовался большой барин, граф. Голубкина очень быстро уехала. «Что же он передо мною-то кривляется? Что же, я-то не знаю народ?» Сознавая великую силу и своеобразие личности писателя, его мятежный и противоречивый дух, она не раз, вспоминая эту встречу, говорила: «Толстой, как море... но глаза у него, как у затравленного волка!» (*там же*. С. 197)

«Толстой» и «Берёзка» стали лебединой песней скульптора.

Н.В. Зайцева

ГОЛЬДЕНБЛАТ Борис Осипович (1862-после 1930) — тульский адвокат, автор работ о Толстом, его корреспондент и адресат, получивший от него 12 писем за семь лет (хранятся в ОР ГМТ).

Гольденблат окончил в 1888 г. Новороссийский университет, стал известным присяжным поверенным в Туле. Ему Толстой не раз доверял защиту крестьянских дел. Знакомство адвоката с писателем состоялась в 1892 г. при протекции бывшего прокурора Тульского окружного суда Н.В. Давыдова. Гольденблат не раз приезжал в Ясную Поляну со своими детьми. Толстой постоянно ездил в лесную контору, находившуюся в непосредственной близости от Ясной Поляны, чтобы переговорить об очередной просьбе, касавшейся защиты либо телятинских мужиков, рубивших деревья в

соседнем лесу у помещика Н. Н. Фигнера, оперного певца, либо Ильина, обвинявшегося в краже ружей у Грязновых, либо судаковских крестьян, погоревших по вине Лихвинской железной дороги. Толстой неоднократно обращался к Гольденблату за содействием по делам местных крестьян, прося помочь матери Василия Прокофьева или бабе с двумя детьми, у которой взяли мужа в солдаты.

16 января 1910 г. Толстой присутствовал в Туле на заседании выездной сессии Московской судебной палаты, где слушалось два дела, одно из которых касалось обвинения восьми крестьян в попытке ограбления почты. Гольденблат защищал их по просьбе писателя. О личном присутствии Толстого на судебном процессе было сообщено на страницах столичных и провинциальных газет. Гольденблат превосходно провёл защиту, и Толстой горячо поблагодарил его за победу над постыдным обвинением. Писатель не раз присутствовал в судебном зале в качестве единственно постороннего и «одним своим присутствием уже защищал подсудимых» (58: 300).

Толстой просил Гольденблата раскрыть «дело очень трогательное» (82:48), для чего направлял просителя к адвокату со своей визитной карточкой. Нередко обращался за юридической помощью, просил, например, за крестьян в их праве свободного выхода из общины.

Гольденблат был одним из разработчиков концепции развития Просветительного общества «Ясная Поляна», ставшего прообразом будущего музея-усадьбы Л.Н.Толстого.

Н.А. Никитина

ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР Александр Борисович (1875-1961) – пианист, композитор, профессор Московской консерватории, народный артист СССР, доктор искусствоведения. Друг, единомышленник, частый посетитель, корреспондент и адресат Толстого.

Толстой и Гольденвейзер познакомились в январе 1896 г. В хамовнический дом пианиста привела певица М.Н. Климентова-Муромцева, которой молодой студент консерватории тогда аккомпанировал. В последующие годы Гольденвейзер часто бывал в гостях у Толстого в Хамовниках и в Ясной Поляне, играл для писателя и его близких, друзей, выступал в ансамбле с С.И. Танеевым, Б.О. Сибором, другими исполнителями. Благодаря Гольденвейзеру Толстой познакомился со многими произведениями классической музыки. Особенно часто пианист играл для Толстого его любимого Шопена. С.А. Толстая говорило музыканту: «Никто так не играет Шопена, как вы»

(Гусев Н.Н. А.Б. Гольденвейзер и Л.Н. Толстой // А.Б. Гольденвейзер. Статьи, материалы, воспоминания. М., 1969. С. 142). Толстой высоко оценивал исполнительское искусство пианиста, в дневниках и записных книжках часто отмечал, что Гольденвейзер играл «очень хорошо», «удивительно хорошо», «прекрасно». По совету Толстого и при его содействии в конце 1890-х п. Гольденвейзер организовал в Москве концерты в чайных общества трезвости.

Л.Н. Толстой в гостях у А.Б. Гольденвейзера

Со временем появилась и духовная близость между писателем и пианистом. Многие воззрения их были близки; для молодого музыканта Толстой стал старшим другом, духовным наставником, к совету которого Гольденвейзер всегда прислушивался. Уже в первые годы знакомства Толстой отмечал в дневнике: «За это время пропасть гостей: <...> Гольденвейзер (не неприятный)» (53: 149). Впоследствии Толстой часто подчёркивал, что с Гольденвейзером ему «приятно» общаться. «Меня связывает с вами более важное, чем музыка. От этого-то я и дорожу общением с вами», – писал он пианисту 7-8 января 1910 г.

Гольденвейзер стал для Толстого партнёром за шахматной доской (они сыграли, по подсчётам пианиста, свыше 600 партий), собеседником, иногда – спутником во время верховых или пеших прогулок по окрестностям Ясной Поляны... 15 лет музыкант вёл дневниковые записи, которые впоследствии были изданы в книге «Вблизи Толстого». Там получили отражение мысли писателя по философским, политическим, общественным, литературным, музыкальным и другим вопросам. Много наблюдений сделал Гольденвейзер о музыкальных вкусах Толстого, составив список его любимых произведений. Он, вместе с С.И. Танеевым, записал в 1906 г. единственное

музыкальное произведение Толстого – вальс, сочинённый в юности (в соавторстве с виолончелистом К.А. Зыбиным).

Гольденвейзер нередко сопровождал Толстого в поездках, был у него в Гаспре. Особенно часто он посещал писателя в 1910 г. и был одним из трёх свидетелей при подписании Толстым в июле 1910 г. завещания. В конфликте, связанном с завещанием Толстого, Гольденвейзер был на стороне Черткова и А.Л. Толстой; страницы его дневника передают нервную атмосферу 1910 г. в яснополянском доме, в которой приходилось жить Толстому.

Все последующие годы музыкант с ностальгией вспоминал дни и часы, проведённые с Толстым, свои концерты в Хамовниках и Ясной Поляне: «Сознание, что я мог доставлять Льву Николаевичу своей игрой хоть немного радости, осталось во мне как величайшее счастье» (Гусев Н.Н. А.Б. Гольденвейзер и Л.Н. Толстой. С. 144).

Лит.: Гольденвейзер А.Б. Дневник. - М., 1995; Гольденвейзер А.Б., Гусев Н.Н. Лев Толстой и музыка. - М., 1953.

Ю.В. Прокопчук

ГОЛЬЦЕВ Виктор Александрович (1850-1906) – публицист, журналист, литературный критик. В 1881-1882 гг. доцент Московского университета, в 1884 г. по политическим причинам отстранён от преподавания, арестован, несколько месяцев провёл в тюрьме, находился под постоянным полицейским надзором. Был одно время редактором «Юридического вестника», «Русского курьера». Печатался в «Русских ведомостях», «Русской правде», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Вопросах философии и психологии» и др. изданиях.

Литературная деятельность Гольцева-публициста весьма разнообразна: он писал статьи по вопросам права, финансов, воспитания, литературы и искусства, исторические и философские исследования. В «Русской мысли», где Гольцев вёл ежемесячное «Политическое обозрение», он работал с самого основания, а с 1885 г. стал её фактическим редактором.

Именно с редакторской деятельностью в «Русской мысли» связан самый плодотворный период творчества Гольцева. Главный успех журналу принесло обилие выдающихся имён, которые Гольцеву неизменно удавалось объединять на его страницах. Литературный отдел вобрал в себя весь цвет отечественной беллетристики. Среди авторов были Гаршин, Станюкович, Короленко, Чехов, Горький...

Гольцев поддерживал добрые отношения со многими деятелями русской культуры и науки. Толстой, Чехов, В. Соловьёв, Короленко, Лесков не раз бывали в доме Гольцевых: их «литературные вторники», или «журфиксы», как тогда называли, были одними из самых популярных в Москве и собирали видных представителей русской интеллигенции.

Толстой был хорошо знаком с Гольцевым и общался с ним в основном по вопросам издательской деятельности. В конце 1880-х - 1890-е гг. он не раз обращался к Гольцеву с просьбами и рекомендациями относительно публикации отдельных произведений. Так, летом 1891 г. Толстой в письмах к Гольцеву советовался по поводу написанного им предисловия к книге П.С. Алексеева «О пьянстве», вышедшей в издательстве «Русская мысль». Предисловие называлось «Для чего люди одурманиваются?» и было опубликовано в 1891 г.

Толстой неоднократно обращался к редактору «Русской мысли» с просьбой напечатать произведения талантливых, по его мнению, авторов. В августе 1890 г. писатель направил к Гольцеву своего знакомого литератора А.И. Орлова, сделавшего «прекрасный перевод мыслей Паскаля» (65: 275). Толстой надеялся, что Гольцев сможет напечатать его или, по крайней мере, помочь связаться с другим издателем. За издание этой книги Гольцев не взялся, но дал Орлову письмо к Лескову, в котором просил предложить рукопись А.С. Суворину.

В другой раз (апрель 1891 г.) Толстой передал Гольцеву «прекрасный, содержательный рассказ» крестьянина Семёнова, который он предполагал поместить в фельетонный раздел «Русской мысли» (65: 290). Просил Толстой Гольцева и за крестьянского поэта В.Д. Ляпунова. В октябре 1897 г. писатель переслал его стихи в редакцию «Русской мысли» вместе с сопроводительным письмом, в котором отмечал, что стихи «очень хороши и не только стоят того, чтобы быть напечатанными, но должны обратить на себя внимание, если будут напечатаны» (70: 161). Стихотворение Ляпунова «Пахарь» вместе с отрывком из письма Толстого было опубликовано в № 1 журнала «Русская мысль» за 1898 г.

В письмах к Гольцеву Толстой не только обращался к деловым вопросам, в них есть и отзывы писателя об отдельных публикациях Гольцева. Так, Толстой очень высоко оценил его книгу «Дети и природа в рассказах Чехова и Короленко» (М., 1904).

Толстого с Гольцевым связывал и общий интерес к вопросу предназначения искусства. Статья «Что такое искусство?» появилась во многом благодаря Гольцеву, который готовил свою книгу об искусстве

и в марте 1889 г. обратился к Толстому с просьбой высказаться о задачах искусства. Это посещение Гольцева отмечено писателем в дневнике: «Был Гольцев. Я ему продиктовал теорию искусства». И далее: «Поправлял об искусстве – вышло лучше... Снёс Гольцеву» (3 марта 1889 г.). После свидания с Гольцевым в течение нескольких месяцев мысль Толстого не переставала работать в этом направлении. Гольцев использовал продиктованную Толстым заметку, включив её в свою работу «Об искусстве». Приводя взгляд Толстого на искусство, он подчёркивал авторитетность для него мнения писателя, говорил, что «в общем и главном этот взгляд великого художника согласуется с тем, который защищал» он сам (Гольцев В.А. О художниках и критиках. М., 1899. С. 212). Единственное различие в их позициях, по мнению Гольцева, заключалось в том, что автор «Войны и мира» придавал первенствующее значение нравственному, личному в искусстве, а Гольцев – общественному началу.

Лит.: Памяти Виктора Александровича Гольцева: Статьи, воспоминания, письма. - М., 1910.

С. В. Рюпина

ГОНЧАРОВ Иван Александрович (1812-1891) – писатель, критик, цензор. Толстой познакомился с Гончаровым в ноябре 1855 г., в первые дни по прибытии из Севастополя в Петербург. Встречались в доме А.М. Тургенева, где в 1850-е гг. собиралось общество писателей, и в редакции журнала «Современник». По инициативе Толстого 15 февраля 1856 г. петербургский фотограф С.Л. Левицкий сделал фотографию группы писателей из круга «Современника», среди них — Толстой и Гончаров: 30 марта Гончаров оставил свой автограф на снимке. Эта фотография до сих пор висит в кабинете Толстого в Ясной Поляне. 17 января 1907 г. в его дневнике записано: «Глядел на портреты знакомых писателей 1856 года, всех умерших...» В конце 1850-х гг. Гончаров среди тех, кому Толстой из Ясной Поляны шлёт поклон и называет «милые мои, прежде бывшие братья» и признаётся, что «не перестанет дорожить ими».

Толстой и Гончаров интересовались творчеством друг друга. Гончаров читал «Утро помещика» и «слегка похвалил» (47: 102), а Толстой читал «прелестную “Обыкновенную историю”» Гончарова (47: 103), рекомендуя её вниманию В.В. Арсеньевой: «прочтите эту прелесть». В дальнейшем не раз Толстой будет обращаться к созданным Гончаровым литературным образам и типам, употребляя такие понятия, как «обломовщина», «адуевщина». Отсылки к типам Гончарова есть в рукописях романа «Декабристы».

В период своего творческого становления Толстой дал высокую оценку роману «Обломов»: «Обломов – капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было, -- писал он А.В. Дружинину 16 апреля 1859 г. – Скажите Гончарову, что я в восторге от Обломова и перечитываю его ещё раз. Но что приятнее ему будет – это, что Обломов имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и не временный в настоящей публике». Толстой «об Обломове многое желал поговорить», ибо «с тех пор, как стал литератором, не мог не искать недостатков во всех больших и сильных вещах», признавался он в том же письме. Гончаров благодарил за лестный отзыв «строгого, иногда даже капризно-вдохновенного в деле литературного вкуса и суда» Толстого. Спустя 30 лет Толстой вновь читал этот роман, в дневнике 9 октября 1889 г. запись: «Хорош идеал его», а по окончании чтения, 7 ноября: «Как бедно!» Он воздерживался от прежних похвал и оценок. А в трактате «Что такое искусство?», вспоминая разговор с Гончаровым, утверждавшим, что после «Записок охотника» И.С. Тургенева, «писать уже нечего», Толстой полемизировал, доказывая обратное.

В 1909 г. творческими связями Толстого с Гончаровым интересовался А. Мазон, готовивший книгу о Гончарове. Толстой признался, что общался с ним мало, но охарактеризовал Гончарова как «сдержанного, корректного и приятного», «доброжелательного» к нему человека.

А.В. Шмелёва

ГОРБУНОВ Иван Фёдорович (1831- 1895/1896) – артист московского Малого театра с 1854 г., Александринского театра в Петербурге с марта 1856 г. Он был создателем «театра одного актёра», выступая с чтением своих рассказов, часть которых издана в сборнике «Сцены из народного быта». Писатель С.В. Максимов назвал Горбунова «неподражаемым рассказчиком». Юрист и писатель А.Ф. Кони вспоминал: «"Иван Фёдорович", иначе "Ванюша Горбунов", был желанным гостем повсюду. "На него" приглашали, его пребыванием у себя хвастались, встречу с ним в гостях, в собрании, в дороге считали счастливым и завидным случаем» (Кони А.Ф. Иван Фёдорович Горбунов. Очерк // Сочинения И.Ф. Горбунова. III. СПб., 1907. С. 267. Далее при ссылке на это издание указываются только том и страницы).

156

Многие современники высоко ценили Горбунова как артиста и писателя. А.П. Чехов учился у него мастерству короткого рассказа. Ф.М. Достоевский писал о Горбунове: «Он замечательно талантливый артист,

и это все знают, но мне всегда казалось, что его хоть и ценят как артиста, но всё ещё мало ценят как литератора-художника. А он стоит того: у него в его сценах много чрезвычайно тонких и глубоких наблюдений над русской душой и над русским народом. Художник же он удивительный» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 г. Варианты // *Достоевский*. Т. 22. С. 180). После 1920-х гг. сочинения Горбунова почти не переиздавались, и он оказался «забытым» писателем.

Горбунов приехал в Петербург в начале 1855 г. И.С. Тургенев по просьбе А.Н. Островского помог ему поступить в Александринский театр. Толстой познакомился с Горбуновым в конце 1855 г. Оба были молоды и находились в состоянии душевного и творческого подъёма. Только что вышли и пользовались большим успехом севастопольские рассказы Толстого. В «Отечественных записках» была опубликована сценка Горбунова «Просто случай» (1855. № 9). 17 февраля 1856 г. состоялся дебют Горбунова на сцене Александринского театра; в марте он был зачислен в труппу, где прослужил до конца жизни.

Толстой и Горбунов были дружны, и разница происхождения (Толстой – граф, Горбунов – сын вольноотпущенного из дворовых) не мешала их дружбе. Зимой 1855-1856 гг. они часто встречались. Горбунов сопровождал Толстого в театр, на вечера.

11 декабря Толстой устроил вечер у цыган, пригласив туда Тургенева и Горбунова. Он побывал и в Александринском театре, увлёкся игрой актёров. В апреле Толстой с Горбуновым у Н.А. Милютина обсуждали вопросы об освобождении крестьян. 15 мая 1856 г. Толстой и Горбунов вместе весь день: «Встал поздно. Пошёл к Фету, с ним на биржу, оттуда к Дюссо обедать с Макаровым, Мещерским, Горбуновым, Долгоруким. Оттуда в театр. <...> Оттуда к Дюссо и на бал, Долгоруков, Мещерский, Горбунов и я» (47: 72). 17 мая Толстой покинул столицу. Горбунов и Долгоруков зашли проститься. Толстой оставил Горбунову свою квартиру, надеясь вернуться в неё. Но, уехав в Ясную Поляну, остался там. 12 июня 1856 г. он отправил из Тулы письмо Горбунову: «Ужасно вам благодарен, и совестно мне перед вами, любезный Горбунчик, за хлопоты, которые я нечаянно навалил на вас. <...> Сдайте квартиру, заплатите за то время, которое она была за мной, и мебель перевезите куда-нибудь <...> денег у меня нет, но я следующей почтой вышлю 50 р. Сапоги вышлите. За границу я до октября не поеду. В деревне прелестно. Приезжайте ко мне» (60: 68).

В 1858 г. Толстой был по делам в Москве. В его дневнике есть запись: «27 марта. Разбудили Островский и Горбунов <...>. Чичерин, Фет. Спор о Христе» (48: 11).

Потом Толстой и Горбунов долго не виделись, но образ «неподражаемого рассказчика» Ивана Горбунова появился в черновиках романа «Анна Каренина». В конце романа (ч. 7), когда Анна

Каренина находится в Москве, к ней приходит её брат Степан Аркадьевич Облонский. Там же присутствует персонаж Грабе (в окончательном тексте – Яшвин). Облонский был на выступлении Горбунова. «”Ты не можешь себе представить, как я хохотал. — Ты видал Горбунова? — обратился он к Грабе. — Это удивительно. Он вчера был в клубе, и я непременно его привезу к вам”». «Степан Аркадьич, рассказывая одну из лучших сцен Горбунова о мировом судье и представляя её в лицах, проводил её до коляски. <...> - Это прелесть, этот пьяненький Вашскородие... — представлял Степан Аркадьич, стоя у коляски» (20: 527, 528).

В 1880-е гг. Горбунов бывал в московском доме Толстых в Хамовниках. Об этом – в записной книжке Горбунова: 1886 г. 13 марта: «...с Стаховичем у гр. Л.Н. Толстого. Много я у него рассказывал». 28 марта: «Обедал и вечер провёл у Льва Николаевича Толстого. Великий он человек» (Сочинения И.Ф. Горбунова. III. – С. 460).

В 1892 г., вспоминая рассказ Горбунова «Воздухоплаватель», Толстой писал Д.А. Хилкову 24...29 мая, что «есть рассказ Горбунова, в котором портной хочет лететь в баллоне, и в толпе, рассуждая про него, говорят, что, вероятно, портной пропился: “от хорошей жизни не полетишь”» (66:220).

А.С. Мелкова

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ Иван Иванович (наст, фамилия: Горбунов; 1864 — 1940) – писатель, критик, один из редакто-

157

ров издательства «Посредник». Родом из мелких чиновных дворян. Начав литературную деятельность. Горбунов присоединил к фамилии псевдоним Посадов, от названия посада Коплино под Петербургом, где родился. Учился Горбунов в коммерческом училище (не закончил). Истинным его образованием стали книги, первая из которых, «Хижина дяди Тома», произвела особенно сильное впечатление на юношу, с детства видевшего тяготы жизни трудового народа.

С юных лет Горбунов писал стихи: его первая публикация в 1881 г. — стихотворение «К памятнику Некрасова». Увлечение поэзией привело к знакомству с С.Я. Надсоном. К.Н. Фофановым. А.Н. Плещеевым. Д.С. Мережковским, В.М. Гаршиным. В 1918 г. он издаст поэму «Освобождение человека. Поэма о двадцатом веке. Золото, железо, или кровь, или любовь?». В 1928 г. выйдет сборник стихов 1882-1913 гг.

«Песни братства и свободы», в предисловии к которому автор назовёт своим поэтическим наставником Н.А. Некрасова.

В 1884 г. Горбунов случайно прочитал «Краткое изложение Евангелия» Толстого. Эта книга помогла ему найти выход из личного нравственного кризиса. Он пришёл в издательство «Посредник», которым в то время руководили В.Г. Чертков (редактор) и П. И. Бирюков, и предложил свои услуги в качестве разносчика книг: затем начал писать рассказы и статьи «Видимое и невидимое», «Старец и прокажённый», «Покаяние старца Данилы», которые печатались без подписи в книжках «Посредника».

В декабре 1887 г. стихотворение Горбунова «В Христову ночь» Бирюков послал Толстому, сопроводив такими словами: «Автор их молодой, чистый душой и искренний человек. Я познакомился с ним год тому назад. Всё время, когда встречались мы, он высказывал и делом подкреплял участие к “Посреднику” и нашим взглядам» (цит. по: Горбунов-Посадов И.И. Воспоминания. Ч. 1. М., 1995. С. 21).

После высылки Бирюкова в 1887 г. Горбунов-Посадов занял его место в «Посреднике». В 1889 г. по инициативе Черткова он познакомился с Толстым. В дневнике Толстой записал о нём: «Очень умён и даровит. И чист. Легко полюбить его» (50: 38).

В 1892 г. издательство переехало в Москву и Горбунов-Посадов принял на себя отдел народных изданий. Бирюков руководил отделом для интеллигентных читателей и осуществлял общее руководство делом.

В 1897 г. после высылки по делу духоборов Черткова и Бирюкова Горбунов-Посадов возглавил всё издательское дело «Посредника». С 1900-1901 гг. деятельность издательства чрезвычайно расширилась, охватывая и педагогические, и сельскохозяйственные вопросы, и вопросы борьбы с алкоголизмом, в вегетарианство. Горбунов не раз привлекался к суду за печатание книг Толстого и Г. Джорджа, но от тюрьмы его спасала амнистия. В. А. Гиляровский посвятил ему такую эпиграмму:

Репутация богатая
И слава в том твоя:
Ты — сто двадцать девятая
Ходячая статья.

В последний год жизни Толстого Горбунов составлял с ним «Путь жизни». 3 ноября в Астапово он привёз Толстому для корректуры ещё две книжечки «Пути жизни»: «Он не смог уже прочесть их. Но даже в последней беседе со мной за три дня до смерти он говорил ослабевшим голосом с любовью о наших книжечках».

В советское время Горбунов-Посадов продолжал руководить издательством. на посту редактора с 1925 г. его сменила жена Сборник «Сорок лет служения людям», вышедший в 1925 г., подводил итог его общественно-литературной и издательской деятельности. В нём не только статьи о Горбунове-Посадове, но и его личные воспоминания о людях, с которыми он работал, которых называл «учителями жизни».

Н.В. Осипова

ГОРЧАКОВ Михаил Дмитриевич (1793-1861) князь – троюродный дядя Толстого, генерал от артиллерии, участник Бородинского сражения и кампании 1812-1814 гг. и турецкой войны 1828-1829 гг. Командовал Польской кампанией 1830-1831 гг. С 1831 г. был начальником штаба армии. В июне 1853 г. Горчаков был назначен командующим войсками 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов, которые должны были занять Дунайские княжества и южную границу Бессарабии по нижнему Дунаю. В 1854 г. стал главнокомандующим Южной армией, расположенной на

158

северо-западном побережье Чёрного моря, а в 1855 г. главнокомандующим Крымской армией, с 1856 г. – наместник Царства Польского. Этот пост занимал до самой смерти.

Горчаков был героической личностью. К тому же, как выражалась Т.А. Ёргольская, он был вполне «дружески расположенным» к отцу Толстого. Она считала Горчакова «порядочным и почтенным человеком». Поэтому родные Толстого очень хотели, чтобы Лев Николаевич «служил при нём» (59: 259), и были уверены, что тот его возьмёт к себе адъютантом.

6 октября 1853 г., будучи в Пятигорске, Толстой подал докладную записку князю Горчакову о переводе его в действующую армию. Командующий войсками, расположенными в Молдавии и Валахии, весьма положительно отнёсся к просьбе о переводе «в одну из конных или пеших батарей» (59: 248). О приёме Горчаковым своего дальнего родственника Толстой поведал в письме к Ёргольской: «Принял он меня лучше, чем я ожидал, прямо по-родственному. Он меня расцеловал, звал к себе обедать каждый день, хочет меня оставить при себе, хотя это ещё не вполне решено» (59: 259). Как видно, генерал не отказал племяннику в своей протекции.

Князь Горчаков упоминался в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» и других севастопольских произведениях Толстого. Его имя появляется на страницах дневников и писем молодого писателя, порой

отдающего должное таланту главнокомандующего, а иногда в явно ироническом контексте.

Н.А. Никитина

ГОРЧАКОВЫ – старинный русский княжеский род, чрезвычайно разветвлённый, изобилующий колоритными личностями. Родственники Толстого по отцовской линии. Из современников Толстого - Анна Александровна Горчакова (1800 – 1882), рожд. Шереметева. Писатель не раз вспоминал о том, «как Аннушкина бабушка, А.А. Горчакова», уговорила его идти к Филарету для благословения, когда он ехал на Кавказ. «Маленький, худенький старичок» подарил ему образок, который Т.А. Ёргольская очень любила. «Должно быть, он висит в киоте Софьи Андреевны» (*ЯПЗ*. 3. С. 201). Толстой вспоминал и о том, как Анна Александровна «ревновала» его к Филарету, из-за того, что тот не принял двух её сыновей, а Толстого благословил.

Александр Михайлович Горчаков (1798 – 1883) лицейский товарищ А.С. Пушкина, «последний лицеист». А.М. Горчакову посвящены послания, строфы и строки поэта. С 1856 г. министр иностранных дел, с 1867 г. – гос. канцлер России. Толстой был знаком с ним, находил его весьма «приятным», даже «очень приятным», правда, «малого роста». Писатель-офицер был «представлен» Горчакову уже после Крымской войны. Толстой вспоминал о Берлинском конгрессе, на котором канцлер России «был уступчивым» (*ЯПЗ*. 3. С. 227). Александр Сергеевич Горчаков (1831-1879) – четвероюродный брат Толстого, племянник М.Д. Горчакова. Толстой запомнил «Сашу» со времени своей службы в Бухаресте. В письмах к тётушке Ёргольской он называл его «славным малым», который «пороха... не выдумал, но в нём много благородства и сердечной доброты» (59: 265). Дневник молодого Толстого пестрит упоминаниями о «Саше Горчакове», с которым он «много болтал, часто играл в карты», а потом они ссорились и «объяснялись».

Дмитрий Сергеевич Горчаков (1828 – 1907) – четвероюродный брат Толстого, участник Дунайской кампании. Толстой не раз упоминал его вместе с братом Александром. У писателя нередко голова шла кругом, когда они приходили и мешали Толстому в его работе. Он часто сокрушался, что «был нерешительным» при встрече с двумя Горчаковыми. Записей, подобных этой («В полдень начал писать дневник, но Горчаков помешал мне»), довольно много. Толстой переживал, когда оказывался вновь «бесхарактерным, что при Горчакове не продолжал заниматься» (47: 43). Тем не менее писатель очень любил двух братьев.

Н.А. Никитина

ГОРЬКИЙ Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) – писатель, общественный деятель, одна из самых заметных фигур в России XX в.

Личность Толстого всегда привлекала Горького. Толстой был едва ли не самым сильным впечатлением его юности. Ещё в годы казанских «университетов» (1885–1888) булочник Пешков слышал о нападках на учение Толстого со стороны профессора богословия, преподавателя Духовной академии А.Ф. Гусева – «яростного врага Толстого». В Казани «не по Марксу» он испытал на себе все тяготы жизни, осознав явное несовпадение книжных идеалов с житейскими впечатлениями, что в 19 лет

159

привело его к мысли о самоубийстве. И не случайно в это время крушения всех надежд он избрал для себя «самую отдалённую, но и самую яркую точку – Льва Толстого». И мысли о нём уже не покидали Горького.

Увлёкшись его учением и приняв решение заняться крестьянским трудом, весной 1889 г. Пешков как ходатай за будущих земледельцев-общинников отправился в Ясную Поляну. Не застав там Толстого, он поехал в Москву, но снова был обречён на неудачу. Тогда 25 апреля написал ему своё первое письмо (всего известно шесть писем Горького к Толстому и одно письмо Толстого к Горькому) с просьбой дать общинникам свободную землю в его имении и поддержать их нравственно, прислав запрещённые цензурой книги «Исповедь» и «В чём моя вера?». Горький скоро разочаровался в намерении организовать колонию, да и Толстой не ответил на его письмо.

Прошло десять лет. С большим интересом Толстой встретил появление в литературе Горького. Об этом начинающему писателю первым сообщил А.П. Чехов. «Третьего дня, — писал он 25 апреля 1899 г., — я был у Л.Н. Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы “замечательный писатель”. Ему нравятся Ваша “Ярмарка” и “В степи” и не нравится “Мальва”. Он сказал: “Можно выдумывать всё что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал”. <...> Черкните 2-3 строчки. Толстой долго расспрашивал о Вас, Вы возбуждаете в нём любопытство. Он, видимо, растроган» (Чехов. Письма. Т. 8. С. 157–158). Это письмо — первый по времени документ, освещающий историю отношений Толстого и Горького.

Их знакомство состоялось 13 января 1900 г. в московском доме Толстого в Хамовниках. Толстой довольно резко высказался о произведениях молодого писателя «Двадцать шесть и одна» и «Варенька Олесова». Прощаясь, Толстой обнял его, поцеловал и сказал: «Вы — настоящий мужик! Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо — ничего! Умные люди поймут!» (цит. по: Гусев. *Летопись*. 2. С. 337). Журналист В.А. Поссе, пришедший с Горьким, был уверен, что тот «очень понравился» Толстому, но, полагая, что начинающий писатель был чрезмерно «захваленный», Толстой «поднёс ему небольшую горькую пилюлю» в виде резкой критики его романа «Фома Гордеев». На следующий день при встрече с Поссе Толстой сетовал, что не сказал Горькому главного: «За ним всегда останется крупная заслуга. Он показал нам живую душу в босяке. Достоевский показал её в преступнике, а Горький в босяке» (Поссе В.А. Толстой // *ТВС*. 2. С. 256).

Впоследствии Толстой разовьёт эту мысль, определяя вклад Горького в литературу. На третий день после встречи Горький послал Толстому взволнованное письмо, в котором благодарил за тёплый приём: «Рад я, что видел Вас, и очень горжусь этим. Вообще я знал, что Вы относитесь к людям просто и душевно, но не ожидал, признаться, что именно так хорошо Вы отнесётесь ко мне». Ещё через три-четыре дня в восторженном письме Чехову он подробно рассказал о своей встрече с Толстым, о могучем впечатлении, которое тот на него произвёл. Но в то же время Горького поразили жёсткие требования, предъявляемые им к людям.

Сложные и противоречивые чувства терзали молодого писателя, замечавшего, что Толстой «человек необычайно сложный» — «человек-оркестр» — и что «в нём не все трубы играют согласно». После знакомства с Горьким Толстой записал в дневнике: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа».

Л.Н. Толстой и М. Горький

Уже по первым произведениям Горького Толстой убедился в его большой художественной одарённости и, даже давая отрицательные оценки его произведениям, отмечал большой «реалистический талант» молодого автора. Убеждение в том, что Горький — замечательный писатель. Толстой вынес до того, как первые горьковские книги приобрели необычайный успех у читающей публики. Их сближала общая ненависть к самодержавию, к системе социальных отношений в России, протест против угнетения народов. Толстой был встревожен шумихой, поднятой газетами вокруг имени Горького. В семейном кругу и среди близких лиц он высказывал опасе-

160

ние, что «мода на Горького» может повредить молодому автору.

В апреле 1901 г., узнав об аресте Горького в Нижнем Новгороде, Толстой обратился с письмами к принцу П.А. Ольденбургскому и товарищу министра внутренних дел князю П.Д. Святополк-Мирскому: «Я лично знаю и люблю Горького не только как даровитого, ценимого и в Европе писателя, но и как умного, доброго и симпатичного человека». Горячее заступничество Толстого и широкий протест со стороны демократической части общества способствовали сравнительно быстрому освобождению Горького. Через месяц он был выпущен из тюрьмы и отдан под надзор полиции, о чём и сообщил Толстому в письме 22 мая 1901 г., сердечно благодаря его за хлопоты. История эта ещё более укрепила их связи.

С осени 1901 г. и по июнь 1902 г. они встречались в Крыму, где жили неподалёку, много беседовали. Толстой порой «нападал» на Горького за то, что он «сочиняет» своих героев и от этого у него «рыцари рождаются, все Амадисы и Зигфриды». Однажды, защищаясь от толстовской критики, Горький заметил, что, вероятно, все писатели несколько сочиняют, изображая людей такими, какими хотели бы видеть их в жизни. И что сам он любит людей активных, которые желают противиться злу всеми способами, даже насилем. На это Толстой возразил: «А насилие — главное зло! Как же вы выйдете из этого противоречия?». В этом разговоре, как в фокусе, выразилось главное различие во взглядах двух художников. Толстой не смог выйти из противоречий жизни, терзавших его ум и сердце. Горький нашёл мнимый «выход» из них в пролетарском социалистическом гуманизме.

Первая русская революция и последовавшая за нею реакция оказали серьёзное влияние на характер взаимоотношений Толстого и Горького. Активный участник общественного движения в России, Горький был противником толстовского учения о непротавлении злу насилем, считая, что оно мешает пробуждению революционного сознания.

Толстой, осуждая участие Горького в политической борьбе, не принял революционной направленности его творчества. Это отразилось и на оценке Толстым горьковских сочинений до и после революции: активность Горького в годы революции не встретила сочувствия у Толстого. Человек другого поколения, он не мог принять горьковское творчество во всём объёме: его раздражало отсутствие должного чувства меры, пристрастие к метафорам и аллегориям, искусственность и напыщенность языка Горького. Это привело к недооценке Толстым эстетической значимости произведений молодого Горького, к неприятию его художественной манеры, романтической приподнятости.

По-разному писатели видели и «путь жизни». Толстой предлагал путь самосовершенствования человека. Горький считал иначе: он не смог понять очевидной для Толстого истины, что зло нельзя побороть силой. И это различие в мировоззрении писателей стало непреодолимым.

В дневнике 9 ноября 1909 г. Толстой перечислил все или почти все «грехи» Горького, за которые сурово осудил его. Тут и «произвольная, ничем не оправдываемая психология, т.е. приписыванье чувств, мыслей своим лицам», и «героическая среда», из которой писатель берёт своих действующих лиц, и «рабское уважение перед наукой». В других близких по времени записях Толстой критиковал Горького за полное «отсутствие каких бы то ни было религиозных, т.е. понимающих значение жизни убеждений», за его «самоуверенность», которую, казалось Толстому, поддерживает в писателе «образованный мир». Вместе с тем Толстой признавал, что Горький – «талант большой», у него «большое дарование» (57: 168, 169, 176).

Но даже в пору самого резкого осуждения Горького и его творчества Толстой стремился относиться к писателю без предвзятости. Признавая односторонность и потому несправедливость собственных отрицательных оценок Горького и его произведений, которые он часто давал в годы революции и в последние годы своей жизни, 13 января 1910 г. он записал в дневнике, что ему самому неприятны резкие отзывы о Горьком. «Надо в нём видеть одно хорошее».

Не принимая революционной направленности творчества Горького, Толстой внимательно следил за его развитием, проявлял огромный интерес к новым произведениям. В 1900-е гг. Горький был в числе наиболее читаемых Толстым авторов. Знакомясь с его произведениями, Толстой пришёл к выводу: «Горькому было что сказать, и оттого успех» (54: 249).

Толстой понимал, что появление Горького не пройдёт бесследно, что с ним из народных низов в литературу пришла новая большая сила, с которой связано будущее русской литературы, что Горький возглавляет новое, большое движение в литературе, что вокруг него группируются

писатели демократического толка (А.И. Куприн, В.В. Вересаев, А.С. Серафимович и др.). В библиотеке Ясной Поляны хранятся альма-

нахи «Знания», которые издавал Горький. Их страницы, как и горьковские произведения, испещрены пометами Толстого.

Толстой приветствовал приход Горького, видя в нём большой художественный талант. Горький же, не во всём соглашаясь с Толстым, прекрасно осознавал роль и место его в духовной жизни общества, оценивал его в планетарном масштабе как «человека всего человечества».

Лит.: Горький М. Лев Толстой (любое издание).

С.А. Коновалова

ГОТЬЕ Владимир Иванович (1813-1887) – владелец старинного французского книжного магазина-библиотеки, основанного в 1799 г. его отцом И.И. Готье-Дюфайэ на Кузнецком мосту в Москве и просуществовавшего до 1917 г. Толстой пользовался этим магазином, как и библиотекой, посещая Готье с 1850 г., о чём есть записи в дневнике. В письме из Москвы к Т.А. Ёргольской в декабре 1850 г. он писал: «Рассказывать вам больше нечего, сидя дома, не становишься интересным. Зато читаю я много; абонировался у Готье и уже прочёл конец “Виконта де Бражелона”, прочёл ещё 4 тома “Людовика XIV и его время” Александра Дюма, поверхностно, но интересно, и его же новый роман – “Тысяча и одно привидение”, такая масса вздора, что мочи нет». К Готье молодой Толстой испытывал «необъяснимую симпатию», хотя между ними не было дружеских отношений, «кроме по покупке книг». Уезжая на Кавказ, Толстой не забыл заехать к Готье: "Проездом в Москве я абонировался, -- писал он с дороги 27 мая 1851 г. в Ясную Поляну Т.А. Ёргольской, -- поэтому книг у меня много и читаю я даже в тарантасе». Среди книг, привезённых на Кавказ, были сочинения Ж. Санд и Л. Стерна, исторические книги, во многом сформировавшие не только исторические взгляды будущего писателя, но и сам интерес его к истории. Книгами «от Готье» пользовались и некоторые персонажи Толстого. Анна Каренина говорит Вронскому: «Я вчера получила ящик книг от Готье. Нет, я не буду скучать». С 1873 г. владельцем магазина стал сын В.И. Готье – В.В. Готье, с которым Толстой продолжал поддерживать отношения.

Н.И. Бурнашёва

ГРАНОВСКИЙ Тимофей Николаевич (1813-1855) – историк, профессор кафедры всеобщей истории Московского университета, общественный деятель. Толстой лично не был знаком с Грановским, но, видимо, знал его работы. Когда в ноябрьском номере журнала «Русская беседа» за 1856 г. была опубликована статья В.В. Григорьева «Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве», статья оскорбительная и даже развязная. Толстой не мог промолчать; в дневнике 13 января короткая запись по этому поводу: «Поехал в клуб <Английский клуб. - Н.Б.>, спорил о Грановском с Черкасским, сухой диалектик». И через неделю в письме к В.П. Боткину: «Статья Григорьева о Грановском занимает всех по-московски, т.е. выходят на арену и сражаются. Я почему-то сломал несколько копий за Грановского и потому на меня, кажется, махнули рукой, как на испорченного петербургским кружком». В дальнейшем имя Грановского неоднократно появлялось на страницах толстовских сочинений, дневников, писем.

Грановский успел познакомиться лишь с самыми первыми сочинениями молодого Толстого. Н.А. Некрасов, опубликовавший в № 6 «Современника» за 1855 г. рассказ «Севастополь в декабре месяце», писал автору: «Статья эта написана мастерски, интерес её для русского общества не подлежит сомнению – успех она имела огромный. Ещё до выхода VI книжки “Современника” я имел её здесь в корректуре и она была читана Грановским при мне в довольно большом обществе – впечатление произвела сильное» (ПРП. 1. С. 72).

Н.И. Бурнашёва

ГРИГ Эдвард Хагеруп (1843-1907) – норвежский композитор, дирижёр, пианист, музыкальный деятель. Один из крупнейших представителей позднего европейского романтизма. Автор симфонии, одночастных оркестровых сочинений, концерта для фортепиано с оркестром, множества камерно-инструментальных произведений: квартетов, квинтета, 3 сонат для скрипки и фортепиано, сонаты для виолончели и фортепиано и др.; сочинений для фортепиано: сонаты, 10 тетрадей «Лирических пьес»; сочинений для хора а cappella, романсов и песен для голоса и фортепиано, музыки к драматическим спектаклям, в т.ч. к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт».

В России музыка Грига исполнялась с начала 1870-х гг., имела большой успех и популярность. Сам композитор общался со многими русскими музыкантами: П.И. Чайковским, Н.А. Римским-Корсаковым, Ц.А. Кюи и др. Грига неоднократно и в разное время приглашали с концертами в обе российские столицы. Но он так и не побывал в России,

хотя русская культура занимала в его духовном мире особое место. Композитор писал: «Я смогу спокойно расстаться с землёй, не посетив России,

162

ибо русского искусства, так мною значащего для меня по своим грандиозным идеям, богатству красок и высокому мастерству, у меня нельзя отнять. Я с бесконечной благодарностью ношу его в своём сердце».

Толстой неоднократно слышал произведения Грига: иногда по просьбе отца С. Л. Толстой играл *Impromptu as-dur* («Люблю тебя»); 6 августа 1897 г. в Ясной Поляне А. Б. Гольденвейзер исполнил концерт Грига; 1 августа 1908 г. А. Б. Гольденвейзер со скрипачом Б. О. Сибором играли одну из сонат Грига для скрипки и фортепиано. В 1909 г. по инициативе Гольденвейзера в музыкальном магазине Ю.Г. Циммермана Толстой слушал на аппарате «вельте-миньон» (это разновидность механического фортепиано) среди прочего и пьесы Грига в авторском исполнении («совсем не понравились»). Как вспоминал сын писателя С. Л. Толстой, последней музыкой, которую Толстой слышал в жизни, было авторское переложение для фортепиано песни Грига «*Ich liebe dich*». Играл сам С. Л. Толстой. Он отметил, что, слушая это сочинение, отец «всхлипнул».

Не сохранилось письменных высказываний Толстого о музыке Грига, кроме того, что в черновиках трактата «Что такое искусство?» Григ входил в «отдел хорошего искусства», однако в итоге его имя оказалось вычеркнуто. Правда, современники вспоминали, что отношение к музыке Грига было противоречивым; так, Д. П. Маковицкий записал мнение Толстого о норвежском композиторе, произнесённое не раз: «искусственный» а через какое-то время, когда С. Л. Толстой играл Грига, Толстой сказал: «Я люблю его очень» (*ЯПЗ*. 1. С 303). С. Л. Толстой в своих воспоминаниях писал: «Некоторые пьесы Грига нравились Льву Николаевичу, особенно романс “Люблю тебя”» <“*Ich liebe dich*”. – А.А.>. Он чувствовал оригинальность Грига, но, прослушав “Марш Троллей”, он сказал: “Это уже слишком григисто”».

А. Г. Айнбундер

ГРИГОРОВИЧ Дмитрий Васильевич (1822 – 1899) писатель. Сотрудник «Современника» автор произведений из народной жизни. Познакомился с Толстым в Петербурге в 1855 г. В это время Толстой

сближается с редакцией «Современника», знакомится с петербургскими писателями Сестре М. Н. Толстой 14 апреля 1856 г. Толстой писал «С Григоровичем я познакомился здесь <в Петербурге. – А. Т.>, и он мне очень понравился...» Близость взглядов, принципов литературного творчества способствовала укреплению дружеских и творческих симпатий писателей.

С произведениями Григоровича Толстой познакомился ещё в юности. В письме книгоиздателю М.М. Ледерле, приводя список «сочинений, произведших впечатление» на него в разные годы, Толстой напротив повести Григоровича «Антон-Горемыка» отметил – «очень большое». И спустя почти полвека со времени выхода повести, автор «Войны и мира» и «Анны Карениной» и поздравительном письме Григоровичу 27 октября 1893 г. благодарил его именно за те «первые повести»: «Помню умиление и восторг, произведённые на меня, тогда 16-летнего мальчика, не смевшего верить себе, “Антонам Горемыкой”, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика – нашего кормильца и, хочется сказать, нашего учителя, можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом». Отношение Толстого к автору «Антон-Горемыки», возникшее в юности, определило характер взаимоотношений писателей на многие годы.

Сотрудники журнала «Современник».
Стоят (слева направо): Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович;
сидят И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, А.Н. Островский

В своих «Воспоминаниях» Григорович так описывал одно из первых появлений Толстого в литературных кругах Петербурга: «Глядя, как он прислушивался, как всматривался в собеседника из глубины серых, глубоко запятанных глаз и как иронически сжимались его губы, он как бы заранее обдумывал не прямой ответ, но такое мнение, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собеседника»

(Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 149). В высказываниях Толстого Григорович отмечал принципиальность, граничащую порой с

163

резкостью, «всё петербургское» действовало на него раздражительно. На фотографии сотрудников «Современника» 1856 г. Толстой и Григорович стоят рядом. Эта фотография висит в яснополянском кабинете Толстого.

Знакомство писателей продолжалось и в Москве, когда в 1857 г. несколько месяцев Толстой жил здесь. Григорович хорошо знал братьев и сестру Толстого. Встречи и письма были редкие, хотя очень дружеские и тёплые. Толстой регулярно спрашивался о Григоровиче в письмах Н.А. Некрасову, В.П. Боткину, А.В. Дружинину, А.А. Фету, Н.С. Лескову.

По воспоминаниям современников, Толстой ценил и «доказывал в Григоровиче истинную народническую нотку: он <Григорович. – А. Т.> первый с любовью писал о мужике, вызывая в читателе симпатию к народу, — вспоминал Л.О. Пастернак слова Толстого, — у других же есть “чаво” и “нитаво”, но нет главного — нет души народной» (ТВС. 1960. 2. С. 128). В Григоровиче Толстой видел истинно народный талант, подчёркивал «прекрасное влияние» его «крестьянских романов, которые сделали своё». «Не считая Григоровича крупным художником», Толстой признавал, «однако, за ним значительные заслуги как за изобразителем народной жизни» (ТВС. 2. С. 144) и так определил место Григоровича в истории русской словесности: «Он принадлежал к числу лучших людей, начинавших важное направление» (запись А.Б. Гольденвейзера. 5 июля 1900 г.).

А.А. Тимакова

ГРИГОРЬЕВ Аполлон Александрович (1822-1864) — поэт, литературный и театральный критик, создатель так называемой «органической критики», один из зачинателей почвенничества. Источниками своего критического метода считал Шеллинга и Карлейля, был одним из первых в России критиков гегельянства. Западников (в т.ч. и революционных демократов) и славянофилов называл «теоретиками» и, признавая их заслуги, осуждал за готовность живую жизнь, реальные факты искусства приносить в жертву своим доктринам, либо отвергая эти явления, либо истолковывая их односторонне.

Первое печатное высказывание Григорьева о Толстом — высокая оценка севастопольских рассказов в «Обзрении наличных литературных деятелей»: «Картина мастера <...> произведение истинно поэтическое и

по замыслу, то есть по отзыву на величавые события, и по художественной работе» (Москвитянин. 1855. № 15-16. С. 203).

Документально известно о двух встречах Григорьева и Толстого. Первая, 18 мая 1856 г., на даче у В.П. Боткина, в подмосковном Кунцеве, где между Толстым, Григорьевым и А.В. Дружининым произошёл содержательный разговор о драме. Вторая встреча состоялась на обеде у Боткина 3 ноября 1856 г., где был и А. Н. Островский: об этом Толстой записал в дневнике: «Григорьев и Островский, я старался оскорбить их убеждения» (47: 98).

Известно одно письмо Григорьева к Толстому с просьбой отдать в журнал Достоевских «Время» «Казачков», но Толстой отдал повесть в «Русский вестник» М.Н. Каткова.

Уже после смерти Григорьева Толстой неоднократно упоминал о нём в письмах, дневнике и других записях.

Раннему творчеству Толстого Григорьев посвятил опубликованную в журнале «Время» (1862. № 1, 9) большую работу, которую считал принципиально важной: «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья первая. Общий взгляд на отношение современной критики к литературе. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого». Как всегда было характерно для Григорьева, творчество Толстого он стремился рассмотреть в контексте литературного процесса. Для критика было важно определить «существо таланта» Толстого, истоки и смысл толстовского анализа, в чём он и видел свою задачу.

Григорьев вписывал размышления о своеобразии Толстого в занимавшую его тогда концепцию характерных героев русской литературы – «смирного» и «хищного» типов. При этом «смирный» тип он связывал с идеей отрицания, направленной против героизации «хищного» или страстного типа. Выработав эти понятия в процессе анализа творчества Пушкина (образец «смирного» типа - Белкин, «хищного» - Алеко), Григорьев признавал законность героя неудовлетворённого и бунтующего, необходимого как двигатель истории и вполне присущего русскому народу, где оба эти типа представлены и в истории, и в фольклоре.

«Основную черту, поразившую всех в психическом процессе, раскрывавшемся в произведениях Толстого», Григорьев видел в «анализе необыкновенно новом и смелом, анализе таких душевных движений, которых никто ещё не анализировал». Сравнивая Толстого с Гоголем, Тургеневым, Писемским и Гончаровым, он находил, что все эти писатели, хотя и

по-разному, решали одну и ту же задачу эпохи. Общее у Толстого с этими писателями одно: «отрицание всего наносного, напускного в нашем фальшивом развитии, отрицанием он, но происхождению и воспитанию разьединённый с почвою, старается, как все, дорыться до почвы, до простых основ, до первоначальных слоёв. Особенность его в том, что он роется глубже всех других». Далее Григорьев показывал, что в решениях каждого из перечисленных современников не удовлетворяет Толстого. В итоге анализ Толстого «дошёл до глубочайшего неверия во все “приподнятые”, “необыденные” чувства души человеческой. В этом его высокое значение, в этом же и его односторонность, угрожающая особому рода нигилизмом». Григорьев, правда, полагал, что это временное явление в творчестве Толстого. Он не дождался его великих романов, где именно взаимодействие простого, «почвенного», с одной стороны, и поэтического, возвышенного, выработанного духовными исканиями с другой, становится едва ли не главным нервом произведения. Но этот этап был им предсказан.

Поздний Толстой, с его анархическим отрицанием культуры, выходящей за рамки представлений и потребностей простонародного сознания, отчасти тоже предугадан в этой статье Григорьева.

В письме Н.Н. Страхову 1-2 января 1876 г. Толстой выскажет своё критическое отношение к рассуждениям Григорьева о «смирном» и «хищном» типе: «...я совсем не согласен с вами о делении людей на деятельных и пассивных <...>. Виноват, но я слышу тут отголосок неудавшейся мысли Григорьева о хищных и смиренных типах, которой я никогда не понимал. Самое деление неправильно. Противуположное смирному есть бунтующий или горящий, но не хищный. Главное же, самая мысль неверна. Кто пашет, сеет, нанимает, торгует, распределяет деньги, ездит, набирает солдат, командует, главное, рождает и воспитывает себе подобных и лучших? Всё недействительные, пассивные люди. Это совсем, совсем неверно». Толстой неточно помнит рассуждение Григорьева, «сдвигая» его в сторону страховского понимания. У Григорьева нет мысли о пассивности «смирных», а синонимом «хищного» оказывается «страстный».

Очевидно, что давняя статья Григорьева накануне «перелома» обрела для Толстого новую актуальность, а сам критик опять стал словно живым оппонентом писателя, на другом витке своего пути возвращавшегося к первоначальной абсолютной апологии «смирного» и «почвенного».

Лит.: Емельянов Л.И. Герои Толстого в историко-литературной концепции Ап. Григорьева // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. – Л., 1970.

ГРОМЕКА Михаил Степанович (1852 – 1883) – критик, приверженец Толстого. В письме Толстому 24 июля 1877 г. признавался, что сочинения писателя раскрывали ему «истинный смысл жизни». Своё учительство расценивал под влиянием педагогической деятельности Толстого. В том же письме-исповеди пояснял: «Сделав из русской литературы предмет специального изучения и орудие воспитательной деятельности, я не мог не прийти к ещё большей солидарности с человеком, смысл и цель деятельности которого так безусловно совпадали с направлением моей...»

В начале 1883 г состоялась встреча Громеки с Толстым. Под её обаянием Громека вёл своеобразный дневник своих протолстовских переживаний. В письме 25 января 1883 г. он признался: «Я простился с Вами 15 числа, и не было ни дня и часа, когда бы я не думал о Вас и обо всём, что Ваше...» Взгляды Толстого начала его духовного кризиса перекликались с нравственными исканиями Громеки. В том же письме в тоне, близком толстовскому, он полемизировал с М.А. Энгельгардтом: «У него лучшим средством оказывается ненависть. Революционный романтизм ослепляет глаз и делает неспособным различить грубейшее противоречие».

Толстой сочувственно отнёсся к позиции Громеки. В дневнике 18 декабря 1899 г. он отметил: «Читал о книге Энгельгардта. Эволюция прогресса жестокости. Я думаю, что тут есть большая доля правды. Жестокость увеличилась преимущественно потому, что совершилось содействующее увеличению матерьяльного богатства людей разделение труда <...> необходимое разделение труда, кроме *омашинения* человека, есть человеческое нравственное общение людей».

Громека считал, что надо «изошрить критическую силу», и видел её необходимость в сочетании критики и истории литературы. Он посвятил Толстому работу «Последние произведения Л.Н. Толстого: “Анна Каренина”» (1881), в которой давал нравственную оценку поведения героев романа, их духовных исканий. Толстой одобрительно отозвался о ней: «Сейчас прочёл вашу 3-ю статью < гл. XVI – XX с анализом

образа Левина. – Г.К.>. Она мне очень нравится. <...> Слышал через жену от людей толпы, что она всем нравится» (63, 136).

Увидеть весь свой труд в печати Громека не успел. В начале апреля 1883 г. он сообщил Толстому, что врачи запретили ему работать из-за душевного расстройства. В безвыходном состоянии Громека покончил с собой.

Толстой подытожил жизнь Громеки: «Это был симпатичный, страстный и талантливый человек» (запись А.Б. Гольденвейзера. 29 апреля 1900 г.).

Лит.: Кигн В.Л. Последние произведения графа Л. Н. Толстого: Критический этюд М.С. Громеки // Неделя. – 1885. № 18.

Г. В. Краснов

ГРОТ Николай Яковлевич (1852 – 1899) – философ-идеалист, профессор Московского университета; с 1899 г. председатель Московского психологического общества (старейшего в России философского общества), на заседаниях которого бывал Толстой. Н.Я. Грот – один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии», где печатался трактат Толстого «Что такое искусство?».

Писатель и учёный познакомились в 1885 г., много лет переписывались. Толстой с интересом отнёсся к литографированному изданию курса лекций Грота о Платоне, прочитанному профессором в Московском университете осенью 1891 г. В 1896 г. лекции были изданы «Посредником» в сокращённом виде отдельной книгой под заглавием «Очерк философии Платона».

В апреле 1885 г. Толстой писал В.Г. Черткову из Москвы: «Познакомился я здесь с Гротом-философом – он мне очень понравился – надеюсь, не только потому, что он разделяет мои взгляды». В свою очередь общение с Толстым заметно повлияло на этические позиции Грота.

5 февраля 1887 г. Грот писал брату: «Сегодня были в Румянцевском музее <...> встретили там Льва Толстого, и я с ним час с лишком прогулял по бульварам и проспорил о “науке”». 12 февраля в письме матери Грот сообщал: «Третьего дня вечер провёл у Толстого. Застал его шьющим сапоги. Он мне читал одно своё рассуждение о бессмертии разума. Моя статья о “душе” на него повлияла – он сам говорит» (26: 752).

Ученик Грота С.Н. Эверлинг в воспоминаниях приводит мнение Толстого, высказанное в беседе 1 февраля 1901 г.: «Грот был очень хороший и искренний человек; но у него было много увлечений и мало устойчивых взглядов. Философия его была неглубока, но я ценил в нём то, что начитанность и учёность не заглушили в нём свежести мысли и не лишили его простого и ясного взгляда на жизнь. Если бы ему не приходилось слишком много отдавать себя внешней жизни, то, может быть, он и додумался бы до чего-нибудь хорошего. Но ведь он не жил, а, как сам выражался, постоянно кипел в котле – ну и выкипел

преждевременно. Впрочем, некоторые его писания я читал с удовольствием, особенно хороша была его небольшая книжка о Платоне» (Эверлинг С.Н. Три встречи с Львом Толстым // Новые материалы о Л.Н. Толстом. Из архива Н.Н. Гусева. Канада. Оттава, 2002. С. 168-169).

Разговор о Гроте 12 сентября 1910 г. за обедом в Кочетах, усадьбе М.С. и Т.Л. Сухотиных, записал Д.П. Маковицкий. Толстой говорил: «Очень интересный человек, очень замечательный человек. Интересен он как эволюционист внутренний. Был ярый позитивист, поклонник Спенсера, отрицал отвлечённую философию. Потом сделался отвлечённым метафизиком. На нём отразилось влияние позитивизма 70-х годов» (ЯПЗ. 4. С. 347). В письме к К.Я. Гроту, брату Н.Я. Грота, Толстой через несколько дней писал: «Думаю, что мы с Николаем Яковлевичем, хотя и по разным радиусам, но оба шли к тому одному центру, который соединяет всех, и что мы оба сознавали это, и потому наши дружеские отношения никогда не прерывались» (18 сентября 1910 г.; 38: 425).

В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранилось 12 статей Н.Я. Грота, некоторые с пометами писателя.

В. В. Алексеева

ГУРЕВИЧ Любовь Яковлевна (1866 — 1940) — писательница, литературный и театральный критик, переводчица. Любовь к литературе впитала с детства от матери, читавшей детям С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого. Окончила историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1891-1898 гг. — редактор-издатель журнала «Северный вестник», к работе в котором привлекала известных писателей: Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Н.С. Лескова, М. Горького, а также Дм. Мережковского, З. Гиппиус, позже Ф. Сологуба, К. Бальмонта. Публиковала в журнале и собственные произведения — рассказы «Шурочка», «Поручение», «Тоска», роман «Плоскогорье», заметки о провинциальной жизни, статьи о театре (иногда под псевдонимом Л. Горева).

Гуревич познакомилась с Толстым, в августе 1892 г. приехав в Ясную Поляну.

166

Толстой расспрашивал гостью о делах и средствах «Северного вестника», о проблемах и разногласиях в журнале. Она вспоминала: «Только позднее я отдала себе отчёт в изумительно-свежей, непосредственной впечатлительности его души и в той исключительной

вместимости её, которая определила собою величие его художественного гения» (Гуревич Л. Литература и эстетика. М., 1912. С. 287). На момент отъезда из Ясной Поляны Гуревич заручилась прямым обещанием Толстого поддержать журнал. В «Северном вестнике» в разные годы были напечатаны толстовские рассказы «Суратская кофейная», «Хозяин и работник», статья «Неделание». В 1898 г. вследствие финансовых и цензурных осложнений журнал был закрыт. Гуревич, вопреки советам Толстого «не вкладывать всю душу в журнал и помнить о том, что душа дороже тысяч журналов», остро переживала закрытие издания.

В начале 1900-х гг. она вернулась к критической и литературной работе, печаталась в журналах «Мир Божий», «Жизнь», «Образование», в выходившем за границей «Освобождении» и др. Она познакомилась с К.С. Станиславским, а с момента открытия МХТ стала его горячей поклонницей: занималась историей и теорией театра, театральной критикой, печатая в газетах и журналах свои рассказы, театральные рецензии, фельетоны, критические заметки. Отдельным изданием вышел в свет сборник «Седок и другие рассказы» (СПб., 1904). В 1912 г. в Москве опубликован сборник Гуревич «Литература и эстетика», где среди очерков о русских писателях есть две статьи о Толстом: «Художественные заветы Л. Толстого» и «Из воспоминаний о Л.Н. Толстом: К восьмидесятилетию дня его рождения».

После Октябрьской революции 1917 г. Гуревич работала в различных театральных учреждениях Москвы и Петрограда, опубликовала книги «Творчество актёра» (1927), «К.С. Станиславский» (1929), «История русского театрального быта» (1939). Ею переведены письма Спинозы, «Дневник» М.К. Башкирцевой, «Стихотворения в прозе» Ш. Бодлера, произведения Г. де Мопассана, А. Франса. Она занималась редакторской и комментаторской работой, в частности редактировала письма Толстого для Юбилейного издания его сочинений.

Лит.: Гуревич Л.Я. Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // ТВС. 2.

Л. С. Борисова

ГУСАРОВ Иван Сергеевич (? – после 1910) - крестьянин Московской губ.; маляр. Посетитель и корреспондент Толстого.

Был в Ясной Поляне в декабре 1907 г. Метался, искал смысл жизни, во всём сомневался, всё ему было «не то». Толстой показался ему неискренним: говорил, что живёт здесь поневоле, а у самого какие хоромы, да ещё лакей. «Брешет, дескать, старый». Это выражение в письме задело и даже обидело Толстого, но он простил Гусарова (56: 127, 423).

В августе 1909 г. Гусаров вместе с женой и тремя детьми отправился пешком из Москвы в Бессарабию, чтобы там поселиться на земле общины. По пути Гусаровы задержались до середины ноября в Ясной Поляне. Сам он работал по кровельному и малярному делу, вместе с Чертковым строил дом для двух крестьянок в селе Ларинском близ Засеки у Ясной Поляны. Толстой не раз встречался с Гусаровым, много говорили. «Сильный человек. Как ему хорошо», - отмечено в дневнике (57: 159). 19 ноября 1909 г.: «...пришёл проститься милый Гусаров...» (57: 173).

По дороге в Щёкино при уходе Толстого из Ясной Поляны в октябре 1910 г. вспоминали Гусарова. Не поехать ли к нему? (ЯПЗ. 4. С. 398).

Н.И. Шинкарьук

ГУСЕВ Николай Николаевич (1882 - 1967) – секретарь Толстого, его биограф, мемуарист. Был сподвижником Толстого, его последователем. Познакомился с Толстым в 1903 г., переписывался с ним, посещал Ясную Поляну. По рекомендации В.Г. Черткова в 1907 г. стал личным секретарём писателя. В дневнике 21 марта 1907 г. Толстой отмечал: «Гусев так хорошо, любовно помогает».

Гусев помогал, иногда подсказывал писателю возможное воплощение его мысли. Запись в дневнике Толстого 30 апреля 1907 г. по поводу статьи «О воспитании»: «Нынче утром ещё поправлял по совету Гусева». С удовлетворением Толстой отмечал свою близость к взглядам Гусева на Достоевского (дневник 23 октября 1910 г.).

В августе 1909 г. Гусев был арестован за распространение запрещённых произведений Толстого и отправлен в ссылку в г. Чердынь Пермской губ. О своём аресте и начале ссылки он живо рассказал в очерке «Из Ясной Поляны в Чердынь» (М., 1911), где есть и признание о роли Толстого в его жизни: «Два года прожил я в близком общении с величайшим мудрецом мира и моим учителем, которому я считал себя

167

обязанным своим нравственным возрождением; на моих глазах происходила его творческая жизнь; я читал его великие творения тотчас же, как они выходили из-под его пера; мне доступна была вся его обширная и разнообразная переписка со всем миром».

Л.Н. Толстой и Н.Н. Гусев

После ссылки Гусев опубликовал дневник «Два года с Толстым» (1912) и был занят изучением биографии Толстого, изданием, комментированием его сочинений. Первые биографические работы: «Жизнь Л.Н. Толстого: Молодой Толстой: 1828 – 1862» (М., 1927), «Жизнь Л.Н. Толстого: Л.Н. Толстой в расцвете художественного гения: 1862—1877» (М., 1927). Они были продолжены в «Летописях жизни и творчества Льва Николаевича Толстого» за 1828—1890 (М., 1958) и за 1891 – 1910 гг. (М., 1960).

В последний период своей жизни Гусев создавал обобщённый труд «Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии». Вышло четыре внушительных тома: «Материалы» с 1828 по 1855 г. (М., 1954), «Материалы» с 1855 по 1869 г. (М., 1957), «Материалы» с 1870 по 1881 г. (М., 1963) и «Материалы» с 1881 по 1885 г. (М., 1970). Это была попытка создания научной биографии писателя, в которой синтезировались биографические факты, включая творческую историю произведений, литературная критика, мемуаристика. В «Предисловии» к первой книге Гусев с полным основанием писал: «Огромные массивы его дневников и писем, хранящие в себе неисчислимый богатства биографических данных, до сих пор не изучены сколько-нибудь основательно со стороны биографии их автора».

Гусев занимает особое, выдающееся место в толстоведении. Никто лучше Гусева не знал тексты произведений Толстого, художественных и публицистических. Только он мог сразу сказать, что, в каком произведении и когда у Толстого написано.

Лит: Азарова Н.И. Гусев Николай Николаевич // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2; Опульская Л.Д. К 75-

летию Н.Н. Гусева // Известия АН СССР, ОЛЯ. М., 1957. Вып. 2; Шифман А.И. Памяти Н.Н. Гусева // Русская литература, 1968. № 1.

Г.В. Краснов

ГЮГО Виктор Мари (1802-1885) – французский писатель-романтик, рисовальщик, общественный деятель. Интерес Толстого к Гюго проснулся рано и сохранялся на протяжении всей жизни писателя. Уже в дневниковой записи 24 июля 1853 г. Толстой упоминал о чтении повести Гюго «Клод Ге». В повести «Казачки» герой Толстого мечтает об идеальной женщине, в число качеств которой должен войти интерес к «Собору Парижской Богоматери» Гюго: «“Notre dame de Paris”, например, должно ей понравиться» (гл. II). В дневнике 23 февраля 1863 г. отмечено впечатление Толстого от чтения романа Гюго «Отверженные»: «“*Misérables*” – сильно». В комедии «Заражённое семейство» героиня, молодая девушка Катерина Матвеевна Дудкина обращается к другому персонажу с вопросом: «Твердынской, вы знаете стихи Гюго? Гюго отсталый человек, но он поэтическим чутьём проникал многое из будущего. *N’insulter pas...*» (7: 283). Последние слова – начало цитаты из поэмы Гюго «Песни сумерек»: «*Oh n’insultez jamais une femme qui tombe*» («О, никогда не оскорбляйте падшую женщину»). В письме А.А. Фету 10...20 мая 1866 г., сообщая, что читает Гюго, Толстой заметил: «Знаете что, о V. Hugo никто не говорит, и все его забыли, именно оттого, что он всегда и у всех останется, не так, как Байроны и Вальтер-Скотты. Читали ли вы в его полных сочинениях его критические статьи? Всё, что у нас об искусстве лет 10 тому назад, да и теперь, пожалуй, пересуживается *à tort et à travers*, 30 лет тому назад высказано им, да так, что нельзя слова прибавить и слова выкинуть».

В 1872 г. в Петербурге была издана «Азбука графа Л.Н/ Толстого. Книга II», куда писатель поместил перевод отрывка из «Отверженных»: эпизод встречи Жана Вальжана и епископа Мириеля под названием «Архиерей и разбойник». В письме Н.Н. Страхову 21-22 апреля 1877 г. он вновь выражал свою симпатию к Гюго и цитировал строки из стихотворения «Бездна» (сборник «Легенды веков»): «А всё ругают V. Hugo. А он там говорит в разговоре земли с человеком. *Человек: Je suis ton roi. Земля: Tu est ma vermine*» (Точная цитата:

168

L’Homme: Terre, je suis ton roi. La Terre: Tu n’est que ma vermine <*Человек: Земля, я твой король. Земля: Ты лишь мой червь*>). В письме П.И. Бирюкову 1-2 (?) июня 1885 г. Толстой называл Гюго «великим

мастером», одновременно неліцеприятно отзываясь о переводе Е.П. Свешниковой отрывка из романа «93 год», под названием «Брат на брата» опубликованного издательством «Посредник», считая, что «страшно издавать такие задорные и не совсем понятные по языку статьи, как переделка В. Гюго» (63: 254-255).

В рукописях романа «Воскресение» есть сцена, когда Нехлюдов приносит Масловой книги со словами: «Тут есть Виктор Гюго, Достоевский. Вы, кажется, любили» (33: 184), -- значит, Масловой знакомы эти имена. 14 июня 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Нынче читал прекрасную переделку из “L’homme qui rit”» (50: 96 — имеется в виду перевод-переделка романа «Человек, который смеётся» А.Ю. Бизюкиной; исправлен Толстым и напечатан в 1890 г. «Посредником» под названием «Гвинплен, или человек, который смеётся. Повесть из средневековой жизни»).

25 октября 1891 г. в письме петербургскому издателю М.М. Ледерле Толстой приводил список книг, которые произвели на него впечатление в разные годы жизни, среди них романы Гюго «Собор Парижской Богоматери» (с 20 до 35 лет — «очень большое») и «Отверженные» (с 30 до 35 лет — «огромное»). В статье «Царство Божие внутри вас» Толстой, цитируя Г. Мопассана, отмечал силу общественного авторитета Гюго: «Едва ли кто-нибудь, кроме Виктора Гюго, мог бы безнаказанно кликнуть клич освобождения и истины» (28: 119). В «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» Толстой называл роман Мопассана «Жизнь» «едва ли не лучшим французским романом после “Les Misérables” Гюго», а в черновом варианте этого предисловия писал: «Хорошо, когда мирозерцание художника таково, что ему есть что сказать людям <...> такое мирозерцание было у <...> V. Hugo» (30: 278). В разговоре с В.Ф. Лазурским в 1894 г. Толстой говорил об «Отверженных»: «Это один из лучших романов. Однако заметьте, французы воздают ему какие почести и в то же время всегда немного пощипывают», -- и добавлял, что Гюго создал «целый ряд типов», «которые до того оригинальны и ярко написаны, что никогда не могут быть забыты» (ТВС. 2. С. 62).

Оценка Толстым стихотворения Гюго «Эшафот» также сохранилась в передаче Лазурского: Толстой сказал, что «это превосходная вещь (против смертной казни). У него есть почти все сочинения Гюго, кой-чего недостаёт. Перечитывал он всё, что достал. Признаёт в нём много странных вещей, но всё искупается высотой содержания» (там же. С. 68). В незавершённой статье «О том, что называют искусством», сетуя на упадок современной ему литературы, Толстой писал: «Диккенсы, Теккереи, V. Hugo кончились. Подражателям их имя легион, но они всем надоели» (30: 246). В черновиках трактата «Что такое искусство?» писатель заявлял, что, несмотря на присутствие «ложного направления»,

выразителями настоящего современного искусства остаются «Диккенс, Нюго, Бетховен, Репин» (30: 303). Толстой ценил не только романы, но и драмы Гюго и его поэзию, отмечал, что «в драме появились Victor Hugo, Dumas, Островский», «в поэзии лирической Musset, V. Hugo, в романе первого разбора Диккенс, V. Нюго...» (30: 322). О любви к поэзии Гюго Толстой говорил неоднократно, ставя её в ряд со стихами Гёте, Шиллера, Пушкина, Тютчева, подчёркивая превосходство Гюго-поэта над «Бодлерами». Поэтому, вероятно, более позднюю дневниковую запись Толстого 25 февраля 1909 г.: «Читал V. Hugo. Прекрасно — проза, но стихи не могу» (57: 31), — следует понимать не как отношение к Гюго-поэту, а как фиксацию определённого настроения Толстого в некий момент жизни, тем более что в этом же году в письме С. Л. Дружину (20-23 марта 1909 г.) он, «зная стихотворения Гюго, Пушкина», ругал Третьяковского. В набросках трактата 1898 г. поэзия понимается Толстым широко: Бодлеру и Ибсену он противопоставляет как «настоящих поэтов» Гюго и Диккенса. В другом месте эти же писатели названы «настоящими художниками» (30: 379), «образцом искусства высшего рода» (30: 382). «Бедные люди» и «Отверженные» названы в тех же набросках «образцами высшего религиозного содержания искусства» (30: 413). 12 сентября 1897 г. в письме Э. Мооду Толстой именовал парнасцев «французской школой поэтов после Нюго» (70: 134). В опубликованном тексте трактата «Что такое искусство?» он противопоставлял Бодлеру и Верлену, в популярности которых видел явное падение вкуса, поэтов-романтиков и главного среди них — Гюго. На эту же утрату вкуса Толстой сетовал и позже, в набросках предисловия к роману В. фон Поленца «Крестьянин». Он утверждал: «Если бы от меня потребовали указать в новом искусстве на образцы <...> то как на образцы

169

высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства в области словесности я указал бы <...> на “Les pauvres gens” V. Hugo и его “Misérables» (т.е. на «Бедных людей» и на «Отверженных» - 30: 160). И как продолжение этого рассуждения в вариантах статьи «Конец века» сохранились строки: «...истинный христианин <...> не может поступить иначе, как так, как поступил у Гюго вымышленный епископ с Жан Вальжаном...» (36: 482).

Сочинения Гюго Толстой включал в ряд современных произведений, «влекущих к единению и братству людей» (30: 177). В статье «Две войны» он обращал внимание на общественно-политическую деятельность Гюго, упоминая, что на одном из конгрессов писатель назвал «святой войной»

«войну против войны, которую уже давно <...> объявила лучшая, передовая часть христианского человечества другой, грубой и дикой части этого же человечества» (31:97).

В 1902 г. в дневнике появилась запись: «Читаю *Postscriptum de ma vie*, V. Hugo. Об *infini* он расписывает расстояния звёзд, быстроту, продолжительность времени и что-то в этом видит величественное» (54: 146 – речь идёт о «Мыслях о бесконечном», произведении из собрания посмертных сочинений Гюго «*Postscriptum* моей жизни», вышедшего в 1901 г.). В письме к О. Мирбо 13 октября 1903 г. Толстой указывал, что, впервые прочтя Гюго (наряду с А. де Виньи, Стендалем, Руссо), он получил «впечатление открытия», а в письме Г. Ингельштейну 21 ноября 1903 г. включал Гюго в число писателей, которые «переживут несколько поколений и будут оценены не одними соотечественниками».

В статье «О Шекспире и о драме» Толстой цитировал по-французски из эссе Гюго «Вильям Шекспир» (1860): «*Lear c'est l'occasion de Cordelia* <Лир это повод для создания Корделии. – фр.>, однако, не принимая шекспировской драматургии, сетовал на «бессодержательные» драмы Гюго (наряду с пьесами Гёте и Шиллера). В черновиках статьи автор писал, что подражание Шекспиру пагубно сказалось на Гёте, Гюго и Тургеневе – «поэтах, несомненно одарённых» (35: 575).

В 1904 г., работая над «Кругом чтения», Толстой редактировал прозаический перевод стихотворения Гюго «Бедные люди», сделанный В. Микулич. 27 сентября 1905 г. Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике мнение Толстого о Гюго как писателе, выступающем «на стороне угнетённых, уродов, бедных, страдающих»: «Виктор Гюго – такой великий человек огромных дарований, у него разные вещи (есть и слабые). «*Notre Dame*» меня в молодости очень трогала; видел эту историю и в балете “Эсмеральда”. И этот балет мне нравился, как никакой другой» (ЯПЗ. 1. С. 408).

В марте 1907 г. Толстой приступил к переделке «Декларации чувств 1838 года» американского аболициониста У.Л. Гаррисона, решив поместить её в первой главе статьи «Царство Божие внутри вас». Документ назван им «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира», в его тексте Толстой сохранил цитаты из Гюго: «Социальная задача не знает границ» (42: 365) и «Войны имеют разные предлоги, но только одну причину – армию» (42: 425).

2 марта 1908 г. Толстой диктовал своему секретарю Н.Н. Гусеву перевод рассказа Гюго «Атеист». 3 апреля 1908 г. он писал П.А. Сергеенко: «...во французской печати почему-то замечания о том, что я не люблю Гюго, тогда как я – великий поклонник его, а переводил из “*Postscriptum de ma vie*” рассказ “*Un athée*”». 19 апреля 1908 г. Толстой записал в фонограф своё изложение стихотворения Гюго «Гражданская

война» под названием «Сила детства». В разговоре с В.Ф. Лазурским он заметил о Гюго: «Это один из самых близких мне писателей. И эти преувеличения, о которых так много говорят, я всё это переношу от него, потому что чувствую его душу. Виктор Гюго душу свою вам раскрывает» (ЛН. Т. 37-38. С. 532). Переводы «Атеиста» (под заглавием «Неверующий»), «Гражданской войны», «Бедных людей» и отрывка из «Отверженных» («Епископ Мириель») вошли в «Круг чтения» 1910 и 1912 гг. В 1911 г. в издательстве «Посредник» отдельной книжкой вышел перевод отрывка из «Отверженных» — «Епископ Мириель. По В. Гюго. Л. Толстой».

Лит: Науменко Т.К. В. Гюго в оценке Толстого // Научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та. - Горноалтайск, 1969. - Вып. 22. - С. 21-37; Кадо М. Лев Толстой – читатель и переводчик Виктора Гюго // ЯП. сб. 2004. - Тула, 2004.

Н.Т. Пахсарьян

Д

ДАВЫДОВ Алексей Иванович (даты жизни не установлены) — петербургский издатель и книгопродавец, владелец книжного магазина. В № 11 «Современника» за 1855 г. редакция представляла Давыдова: «На Невском проспекте, против Аничкова моста, в доме Заветнова, открылся новый книжный магазин г-на Давыдова и К^о, куда отныне переводится контора “Современника”. Хозяин нового магазина в течение всего времени существования “Современника” был на глазах редакции, при её прежней конторе, и мы смело можем поручиться за его аккуратность, добросовестность и старательность». Весной 1856 г. Толстой поручил Давыдову издание своей книги «Военные рассказы». Давыдов систематически сообщал Толстому в Ясную Поляну о том, как идёт печатание его книги (сохранилось несколько писем Давыдова; письма Толстого к Давыдову в Петербург неизвестны). С Давыдовым связано и издание нескольких выпусков сборников «Для лёгкого чтения»; во второй книжке этого сборника печатался «в новом виде» рассказ Толстого «Записки маркёра», о чём Давыдов оповещал читающую публику в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 19 августа 1856 г., сообщая о поступлении в продажу двух первых томов сборника: «При этом издатель поставляет ещё на вид публике, — подчёркивал Давыдов, — что хотя “Лёгкое чтение” наполняется большею частью произведениями, уже однажды напечатанными, но произведения эти часто являются в его издании в исправленном и дополненном авторами виде»; как конкретный пример упоминалась «повесть гр. Л.Н. Толстого “Записки маркёра”».

Н.И. Бурнашёва

ДАВЫДОВ Николай Васильевич (псевд. Н. Василич; 1848-1920) — судебный и общественный деятель, писатель, мемуарист; близкий знакомый Толстого, его адресат и корреспондент. Родился в Москве в дворянской семье (его мать - рожд. княгиня Оболенская), закончил юри-

дический факультет Московского университета. В 1868 г. Давыдов начал карьеру в качестве присяжного заседателя в Туле. В 1878-1893 гг. был прокурором; в 1893 — 1896 гг. — председателем суда; в 1896- 1908 гг. — прокурором Московского окружного суда. Впоследствии стал приват-доцентом Московского университета, с 1913 г. — профессор Московского университета; совместно с С.Н. Трубецким возглавлял Историко-филологическое общество, открыл толстовскую экспозицию, ставшую началом музея писателя. Похоронен на кладбище Даниловского монастыря.

Н.В. Давыдов

Несмотря на то, что Толстой крайне отрицательно относился к должности прокурора, это ни в коей мере не отражалось на его отношениях с Давыдовым, ставшим «большим приятелем», который неоднократно хлопотал за кого-нибудь, «попавшего в беду». Толстой не раз обращался к Давыдову с просьбой о ходатайстве за обвиняемых. Так, 17 ноября 1894 г. он просил его помочь двум крапивенским мужикам, один из которых был осуждён за убийство жены, совершённое в порыве гнева, а другой — за нечаянный поджог. Работая над романом «Воскресение», писатель просил Давыдова посодействовать в возможности посещения крапивенской и тульской тюрем для того, чтобы побеседовать с преступниками. Давыдов, как правило, помогал в этих просьбах, а однажды даже провёл Толстого

171

в тульский суд, где рассматривалось дело по обвинению молодого тульского мещанина в покушении на убийство. Именно Давыдов подсказал писателю сюжеты «Живого трупа» и «Власти тьмы». Он познакомил Толстого с судебным делом крестьян Колосковых, проживавших в Чернском уезде. «Фабула “Власти тьмы” почти целиком

взята мною из подлинного уголовного дела, рассматривавшегося в Тульском суде», — вспоминал писатель (26: 706).

Давыдов был большим любителем театрального искусства и почитателем литературы. 30 декабря 1889 г. он поставил в Ясной Поляне любительский спектакль «Плоды просвещения», исполнив в нём роль профессора. Он стал инициатором публичного представления этой комедии в Тульском дворянском собрании. Репетиции «Плодов просвещения» проходили в его «гостеприимном» доме на Верхнедворянской улице (ныне ул. Гоголевской, д. 47), который сохранился до наших дней. На одной из репетиций присутствовал сам автор, встреченный артистами радостными возгласами.

Давыдов пытался поставить в Туле запрещённую цензурой драму «Власть тьмы», но не смог осуществить своего желания.

Давыдов — автор статей о Толстом, опубликованных в «Русской мысли», «Русских ведомостях» и др. изданиях. В его книгу мемуаров «Из прошлого» (ч. 1-2. М., 1913- 1917) вошли и воспоминания о Толстом.

Н.А. Никитина

ДАЛЬ Владимир Иванович (1801 — 1872) — писатель, лексикограф, этнограф. Военный врач, Даль много путешествовал по России и собрал огромный материал, который послужил основой для его «Толкового словаря живого великорусского языка» (М., 1861-1867) и «Пословиц русского народа» (М., 1862). Даль был настоящим знатоком простонародного быта. В журнале «Русская беседа» (1856. Кн. 3) вышла его статья «Письмо к издателю А.И. Кошелеву», в которой он критиковал появившееся в кругах интеллигенции мнение о необходимости распространения грамотности среди крестьян. Даль настаивал: нельзя отождествлять грамотность и просвещение. Грамотность есть только «средство», которое может быть использовано в интересах просвещения народа. Он был уверен, что «умственное и нравственное образование» народа должно предшествовать грамотности. «Сама по себе» она «скорее собьёт его <народ. - Н. М.> с толку». На страницах «Современника» возникла бурная дискуссия, в которой приняли участие представители самых разных общественных позиций. Толстой в статье «Прогресс и определение образования» назвал Даля «добросовестным наблюдателем» и поддержал его мнение. Заявление Даля: «грамотность развращает людей из народа» -- для писателя было вполне убедительно: достаточно, как он считал, указать на современное книгопечатание, которое отнюдь не является благом для народа.

Разностороннее творчество Даля было востребовано Толстым на протяжении всей жизни. Пословицы, которые в «Войне и мире» звучат из уст Платона Каратаева, взял Толстой из книги Даля «Пословицы рус-

ского народа». Предварительно он отобрал 70 пословиц, из них только девять вошли в речь персонажа. Пословицы из книги Даля включены в драматические («Заражённое семейство», «Власть тьмы»), прозаические («Анна Каренина», «Воскресение», «Много ли человеку земли нужно») и публицистические («Так что же нам делать?») произведения Толстого. Во «Вторую русскую книгу для чтения» Толстой ввёл рассказ «Как мужик убрал камень», который стал переработкой одного из примеров в статье Даля «Русская сметливость». Среди необходимых книг для работы над романом из эпохи Петра I Толстой отметил «Словарь Даля». В конце 1870-х гг. у него возник замысел сочинения из времён Николая I, и в январе 1878 г. он обратился к П.И. Бартеневу с просьбой прислать ему журнальные номера «Русского архива» за 1867 г. с «Письмами к друзьям из похода в Хиву» Даля, который в 1839 г. участвовал в хивинском походе. Одним из источников толстовского рассказа «За что?» была статья Даля «Небывалое в былом и бывшее в небывалом».

«Во время составления “Азбуки” и “Книг для чтения” и позднее, – писал С.Л. Толстой об отце, – он не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки и пословицы. В то же время он читал словарь Даля, былины, сборники сказок и пословиц» (*Очерки былого*. «Мой отец в семидесяти годах». Гл. IV). В записной книжке № 8 (1879-1880) есть многочисленные выписки отдельных слов, выражений, пословиц из «Толкового словаря» Даля на буквы Б, В, Г, Д, Ж, З, К, М, Н, О, П, С, Т, Х, Я.

172

В октябре 1877 г. Толстой «наслаждался» чтением сборников пословиц Даля. Первое издание «Пословиц русского народа», ныне хранящееся в королевской библиотеке в Стокгольме, содержит ремарки Толстого в виде заметок на полях и подчёркиваний. «Иногда заметки перечёркнуты или на прежних надписаны новые. Всё это указывает на ту тщательность, с которой Толстой читал книгу Даля» (Бодин П.А. Книга «Пословицы русского народа» Владимира Даля, принадлежавшая Л.Н. Толстому // *ЯП. сб.* 1992. Тула, 1992. С. 42). Этим изданием Толстой пользовался около 20 лет. Второе издание книги Толстому подарил П.А. Сергеенко в октябре 1897 г., эта книга тоже сохранила множество толстовских помет. По данным П.А. Бодина, такие пометы сделаны почти во всех главах «Пословиц русского народа», при этом «больше всего их под заголовком “жизнь — смерть”, “соблазн”, “правда — кривда”, “богатство - убожество”», Толстого мало интересовали главы «смех - шутка — веселье», «свадьба», «гадание», «человек - приметы» (там же. С. 44). По ходу чтения Толстой разрабатывал свою систему классификации

пословиц. К примеру, толстовская помета «наз. ж.» («назначение жизни») объединила несколько пословиц, среди которых знаком NB была выделена пословица № 34 «Человек не для себя рождается». Иногда Толстой изменял смысл пословицы: у Даля «246. Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает» — в толстовской редакции «Коли царь Бога знает, народ и царя и Бога знает» (там же. С. 49).

Н.Г. Михновец

ДАНИЛЕВСКИЙ Григорий Петрович (1829-1890) – писатель-беллетрист. Закончил Петербургский университет, откуда вышел в 1850 г. кандидатом с серебряной медалью за конкурсное сочинение «О Пушкине и Крылове». Был редактором газеты «Правительственный вестник». Знакомый, посетитель и корреспондент Толстого.

Литературная известность пришла к Данилевскому с публикацией его романов «Беглые в Новороссии» и «Беглые воротились» (или «Воля»), созданных под впечатлением Крестьянской реформы. Романы эти привлекали читателей не только занимательными сюжетами, картинами южной природы, образным языком и мастерским изображением крестьянского быта, но и гуманным отношением к народу, лишённым той фальшивой идеализации, которой страдало большинство романов начала 1860-х гг.

Данилевский, как и многие писатели того времени, оказался под влиянием произведений Толстого: в частности, в романе «Сожжённая Москва» (1886) - много мотивов «Войны и мира». Исторические романы Данилевского основаны на изучении фактов, но подчас автор, увлекаясь художественным изображением, отклонялся от реальной действительности, сблизив между собой исторических персонажей, живших в разные эпохи.

В конце сентября 1885 г. посетил Ясную Поляну, много беседовал с Толстым; оставил воспоминания «Поездка в Ясную Поляну» (ТВС. 1).

С. А. Хомяков

ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич (1822-1885) — писатель, философ, социолог, естествоиспытатель, антидарвинист, практический деятель в области народного хозяйства, друг и сподвижник Н.Н. Страхова. Его труды, среди которых основными считаются «Россия и Европа» (1871) и «Дарвинизм» (1885), оказали влияние на развитие русской и мировой философской мысли.

В 1849 г. Данилевский был арестован по делу Петрашевского и отсидел сто дней в Петропавловской крепости. Последние годы он провёл на южном берегу Крыма в имении Мшатка, которое купил в 1864

г. Там в 1885 г. у него побывал Толстой и с глубокой симпатией отнёсся к радушному хозяину, не раз упоминая его в письмах к Страхову: «Он очень мне понравился и его жена» (31 марта); «Я очень рад, что догадался побывать у него» (16 апреля); «Я рад всё-таки, что мы полюбили друг друга» (декабрь 1885 г.); «Передайте мой душевный привет Ольге Александровне. Я очень мало знал Николая Яковлевича, но очень хорошо любил его» (21 июня 1886 г.).

Данилевский также тепло отзывался о Толстом: «Он сам – ещё лучшее произведение, чем его художественные произведения. Вот какое впечатление произвёл он на меня и на Ольгу Александровну. В нём такая задушевная искренность, которой и вообразить себе нельзя. Он просидел у нас вечер, переночевал и до 1 часу на другой день остался, потому что на следующий должен был ехать, ходок он удивительный. Я слышал, что будто он дурен собой – ничего этого я не нашёл – превосходное, дышащее простотой, искренностью и добродушием лицо. Одним словом, понравился он мне очень, так понравился, как с первого взгляда и менее чем однодневного знакомства едва ли кто нравился», — в

173

письме Толстому 12 апреля 1885 г. передавал Страхов слова Данилевского.

В книге «Россия и Европа», рассуждая о Бородинских страницах «Войны и мира», Данилевский задаётся вопросом о причинах победы русского войска и считает, что Толстой прав, указав в романе на первостепенность нравственной победы, одержанной нашей армией. Хотя в целом для Данилевского неприемлемы взгляды автора «Войны и мира» на человека, историю и религию, а также его стремление к самовыражению через психологию героев.

Толстой со вниманием следил за публикациями Данилевского, о чём свидетельствуют его в большинстве положительные реплики и оценки трудов писателя в письмах к Страхову.

Лит.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — СПб., 1995.

И.В. Гречаник

ДАННЕНБЕРГ Пётр Андреевич (1792-1872) – генерал от инфантерии, участвовал в войне 1812-1814 гг. Во время Крымской кампании был командиром корпуса; его действиям на Дунае и в Крыму сопутствовали неудачи. 2 ноября 1854 г. Толстой записал в дневнике: «Со времени десанта англо-французских войск у нас было с ними три дела. <...> 3-е ужасное дело Данненберга, в котором снова атаквали мы и снова были разбиты. Дело предательское, возмутительное. <...> Ужасное убийство. Оно ляжет на душе многих! Господи, прости им. Известие об этом деле произвело впечатление. Я видел стариков, которые плакали навзрыд, молодых, которые клялись убить Данненберга. Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьётся в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбуждённый войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства». Эти мысли, высказанные в дневнике по поводу проигранного Данненбергом 24 октября 1854 г. Инкерманского сражения, где русская армия потеряла около 12 тысяч солдат и офицеров, несколько месяцев спустя отголоском прозвучат в первом севастопольском рассказе. Толстой, по-видимому, был знаком с генералом: 5 и 12 августа 1854 г. в дневнике отмечено, что был у Данненберга.

Н.И. Бурнашёва

ДАРАГАН Пётр Михайлович (1800—1875) – генерал-лейтенант. В 1850-1865 гг. был военным и гражданским губернатором в Туле.

К этому времени относится знакомство с ним Толстого, когда, выйдя в отставку, он поселился в Ясной Поляне и стал устанавливать связи, заводить знакомства с земляками. Правда, их круг был крайне ограничен, но Дараган в него вошёл. Впервые его имя Толстой упоминал в записной книжке 17 октября 1856 г. Встречались они не часто. Молодой Толстой бывал в доме своего нового знакомого, но чувствовал там не совсем комфортно. 19 октября 1856 г. он записал в дневнике: «Поехал в Тулу <...> у Дарагана, хочет притвориться современным человеком». Толстой состоял с Дараганом и в переписке.

Дараган был либералом. В сентябре 1858 г. на съезде тульского дворянства он в числе 105 дворян, составивших либеральное меньшинство в комитете, подписал особое мнение, состоящее в предложении освобождения крестьян с земельными наделами за

небольшой выкуп. Это мнение подписали также Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.С. Хомяков, В.М. Менгден, И.И. Раевский и др.

После отмены крепостного права в 1861 г. Дараган назначил Толстого мировым посредником 4-го участка Крапивенского уезда вместо избранного дворянами яркого крепостника. Недовольное этим назначением и тем, что Толстой все спорные вопросы по наделению крестьян помещичьей землёй решал в пользу крестьян, консервативно настроенное крапивенское дворянство не раз обращалось с жалобами на него в разные инстанции, вплоть до Министерства внутренних дел. И всегда Дараган был на стороне Толстого, а министру внутренних дел дал благоприятный отзыв о нём.

Толстому приходилось неоднократно обращаться к губернатору с различными просьбами как общественного, так и личного характера, о чём свидетельствуют сохранившиеся в ГАТО и рукописном отделе ГМТ письма Толстого Дарагану.

Дараган поддерживал Толстого и в его педагогической деятельности, не чинил препятствий московским студентам, работающим учителями в школах, открытых Толстым в его участке. Когда над Толстым всё-таки нависла опасность установления за ним и учителями негласного надзора и

174

возможности обыска в его имении, Дараган, естественно, бывший в курсе дела, попросил хорошего знакомого Толстого В.М. Менгдена съездить в Ясную Поляну и предупредить Толстого.

В трудные минуты Толстой обращался к губернатору за помощью. В письме 30 сентября 1862 г. он просил Дарагана, рассчитывая на его «постоянное доброе расположение», помочь управляющему его имениями Боллю, у которого во время обыска в Ясной Поляне были найдены выписки из «Колокола» Герцена, выйти из этого затруднительного положения. С подобной просьбой он обращался к Дарагану и по поводу учителя Тимковского. С 1863 г. сведений о взаимоотношениях Толстого с Дараганом не имеется.

Л.В. Милякова

ДАРВИН Чарльз Роберт (1809-1882) – английский натуралист, геолог, зоолог, ботаник, психофизиолог, основоположник эволюционного учения. В Эдинбургском университете изучал медицину, в Кембриджском – богословие. Участник кругосветного путешествия на

корабле «Бигль» (1831-1836). Автор книг «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь», «Изменение домашних животных и культурных растений», «Происхождение человека и половой отбор», «Выражение эмоций у человека и животных», «Действие перекрёстного опыления и самоопыления в растительном мире», «Формирование плодородной почвы посредством деятельности червей».

Широкую научную известность Дарвину принесла книга «Происхождение видов путём естественного отбора» (1859). До её выхода Дарвин был известен лишь узкому кругу натуралистов. Книга, приоткрывающая завесу тайны происхождения видов, вызвала колоссальный резонанс в научном мире. В её обсуждение включились учёные, философы, богословы. Волны безоговорочного приятия и критического осмысления предложенной Дарвином теории эволюции и происхождения видов, поднявшиеся в Западной Европе сразу же после выхода книги, быстро докатились и до России, вызвав живую дискуссию между её сторонниками, ряды которых стремительно пополнялись, и её противниками.

Имя Дарвина стало известно Толстому уже в годы писания «Войны и мира» (1863 - 1869). В вариантах эпилога, рассуждая о взаимосвязи свободы и исторической необходимости, он дважды упоминал зоолога Дарвина (15: 232, 233). Эти упоминания ещё не несли в себе того резко отрицательного отношения к его учению, которое позднее высказывал Толстой.

Вероятно, понимание и негативное восприятие Толстым теории эволюции Дарвина во многом определилось его чтением антидарвинистских статей Н.Н. Страхова: в 1870—1880-е гг. писатель внимательно знакомился с этими статьями и высоко их оценивал. В поле зрения Толстого оказались «нынешняя прекрасная» статья Страхова «Переворот в науке» (61: 274), статья «Всегдашняя ошибка дарвинистов», из которой «много приобрёл» (64: 138), статья «А.С. Фаминцын о “Дарвинизме” Н.Я. Данилевского», «с пользою» прочитанная (64: 250). Строки писем с отзывами об этих статьях свидетельствуют, что Толстой в целом соглашался с антидарвинистской аргументацией Страхова, а в письме к нему 13 февраля 1874 г. прямо высказано мнение писателя по поводу статьи «О развитии организмов», которую «проглотил» Толстой и «почувствовал, что это хорошая и сытная пища»: «Для меня это было подтверждение моих неясных мечтаний о том же предмете и выражение того, что как будто хотелось выразить» (ЛСПТС. 1. С. 151).

Слабость дарвинизма Страхов видел в преувеличении роли случайности, лежащей в основе теории естественного отбора. Он настаивал на том, что теория Дарвина не может считаться научной, так как её базовое положение о случайном возникновении у живых существ

качеств, необходимых для выживания вида, не подлежит опытной проверке. Ошибка Дарвина, по утверждению Страхова, заключалась не в том, что тот отверг теорию «постоянства видов», а в том, что истолковал процессы развития вида как зависящие от случайного стечения внешних обстоятельств. Дарвин, отрицая способность к самостоятельному развитию и вынося источник развития за пределы конкретных живых организмов, искажённо, как считал Страхов, представил происходящее в природном мире. Доводы Страхова, касающиеся теории Дарвина, Толстой счёл убедительными. Он их принял, что нашло отражение во множестве критических комментариев, данных Толстым учению Дарвина в произведениях зрелого периода.

Один из таких комментариев содержится в трактате Толстого «Так что же нам делать?». Говоря в нём о широком распространении «праздных играний мысли людей так называемой науки», Толстой относил к псевдонауке и теорию Дарвина, считая её «произвольным и неправильным утверждением о том, что живые существа, т.е. организмы, происходили одни из дру -

175

гих, -- не только один организм из другого, но один организм из многих, т.е. что в очень долгий промежуток времени, в миллион лет, например, не только от одного предка может произойти рыба и утка, но из роя пчёл может сделаться одно животное» (25: 338).

Почему же это ложное учение было с энтузиазмом и сочувствием принято научным сообществом, задаётся вопросом Толстой. Оно признаётся научным, невзирая на два важных обстоятельства. Во-первых, считать учение Дарвина научным не представляется возможным по той очевидной для всех причине, что «никто никогда не видал, как делаются одни организмы из других, и потому предположение о происхождении видов останется всегда предположением, а не опытным фактом» (25: 338). Во-вторых, отмечает Толстой, учение Дарвина только на первый взгляд содержит в себе решение вопроса о происхождении видов. На самом же деле это учение лишь «новая форма» вопроса, давно поставленного Моисеем. «По решению вопроса Моисеем (в полемике с которым и состоит всё значение этой теории), — пишет Толстой, — выходит, что разнообразие видов живых существ произошло по воле Бога и бесконечному могуществу Его; по теории же эволюции выходит, что разнообразие живых существ произошло по случайности и по разнообразным условиям наследственности и среды в бесконечно долгое время. Теория эволюции, говоря простым языком, утверждает только то, что по случайности в бесконечно долгое время из чего хотите может

выйти всё, что хотите. Ответа на вопрос нет. А только тот же вопрос поставлен иначе: вместо воли поставлена случайность, а коэффициент бесконечного переставлен от могущества к времени» (25: 338-339).

Причину того, что учение Дарвина получило широкое одобрение в научном мире, Толстой связывал со стремлением учёных придать борьбе существ за выживание статус основного закона жизни. Наука, видящая в мире только противостояние и борьбу существ друг с другом и не замечающая того, что без поддержки и взаимопомощи нет никакого выживания существ, и не могла не воспринять с воодушевлением учение Дарвина, которое, как и ряд других новомодных теорий, «потакало царствующему злу» (25: 338). Такими потакающими злу теориями, помимо учения Дарвина, Толстой называл учения Гегеля и Ницше. Гегель «оправдывал всё существующее», Дарвин «приравнивал человека к животному, оправдывал борьбу, т.е. зло в людях», Ницше «доказывает, что то, что противится в природе человека злу, — есть ложное воспитание, ошибка» (54: 126-127).

Толстой с сожалением констатирует, что современная ему наука, охотно воспринявшая учение Дарвина и представляющая мир ареной нескончаемой борьбы и противостояния всех против всех, вместо того чтобы содействовать улучшению жизни людей, поддерживает безнравственный порядок существующей жизни, она «несёт в себе тот драгоценный для толпы смысл, что в существующем зле человеческих обществ не виноваты люди и что существующий порядок есть тот самый, который и должен быть» (25: 339).

Критические отзывы Толстого об учении Дарвина содержатся и в произведениях «Царство Божие внутри вас», «Что такое искусство?», «На каждый день», в романе «Воскресение», статьях «О Шекспире и о драме» и «Воспоминания о суде над солдатом», в вариантах рассказа «Три притчи», в неоконченных статьях «О “Вехах”» и «О безумии», в дневниках и письмах.

М.А. Лукацкий

ДЕЛИН Мишель (Delines Michel; наст, имя Ашкинази Михаил Осипович; 1851— 1914) – переводчик произведений русских писателей на французский язык. Родился в Одессе. С 1887 г. жил в Париже. Переводил И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Перевёл произведения Толстого: «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года», «Война и мир», «Анна Каренина», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Хаджи- Мурат» и др. Сотрудничал в газете «Temps» и в «Одесском листке». В 1886 г. парижское издательство Этцель (Hetzl) выпустило на французском

языке «Детство» и «Отрочество» Толстого в переводе Мишеля Делина в серии «Библиотека воспитания и развлечений» с иллюстрациями художников Ж. Ру и Л. Бенетта (G. Roux et L. Benett) (2-е изд. в 1886 г., затем в 1887 г.). Почти одновременно (1887) в России, в Москве, издательство журнала «Вокруг света» выпустило «Детство» и «Отрочество» с иллюстрациями тех же художников в том же формате, что и французское издание. Книга сохранилась в яснополянской библиотеке. В 1905 г. переиздана И.Н. Кушнерёвым. Французские художники Ру и Бенетт стали во Франции и в России первыми иллюстраторами трилогии Толстого (ещё при жизни её автора).

А.Н. Полосина

ДЕНИСЕНКО Елена Сергеевна (рожд. Толстая; 1863-1942) — племянница Толстого, дочь М.Н. Толстой; преподава

176

тельница музыки и иностранных языков, с 1893 г. — жена И.В. Денисенко (1851-1916), юриста, чиновника судебной палаты в Новочеркасске.

Во время путешествия по Европе М.Н. Толстая летом 1861 г. познакомилась со шведом виконтом Гектором де Кленом (1831-1874), который оставался её гражданским мужем до 1864 г. От этого брака у них родилась дочь Елена. Толстой был очень привязан к своим племянницам и, по сути, был им вторым отцом. Елена воспитывалась в Швейцарии, в пансионе города Веве, а потом — в Лозанне. Толстой считал её очень «милой, правдивой», ему нравилась её начитанность и то, что племянница увлекалась Талмудом. Её мужа Ивана Васильевича писатель находил «умным и приятным» и был всегда особенно прост и мил с «Денисенками». Вместе с мужем Денисенко переводила для Толстого на французский язык его доклад «Съезду мира». Толстой часто просил её «поиграть на фортепиано», давал ей дельные советы, как, например, читать с детьми: «Дети ходят около цветов и говорят: “Их нельзя рвать”, — слышали от старших, родителей, которым доверяют, им внушено, и это у них остаётся. Слышал, что Бог сотворил мир в шесть дней, и это остаётся до тех пор, пока ему не придётся разувериться. А настоящие религиозные, нравственные положения, что свойственно душе, запечатлеваются навсегда» (*ЯПЗ*. 2. С. 149). Эти советы Толстого упали на благодатную почву. Может быть, поэтому Денисенко стала хорошей матерью своим детям Татьяне и Онисиму. Толстой всегда интересовался здоровьем племянницы. Однажды, узнав о её тяжёлой болезни — ревматизме — он предложил ей воспользоваться массажем и воздержаться от приёма «внутренних средств». Навсегда покинув Ясную

Поляну и находясь в пути 31 октября 1910 г., он решил посоветоваться с дочерью и доктором о том, куда ему ехать. Писатель «остановился» на Новочеркасске: «Там у племянницы отдохнуть несколько дней и решить, куда окончательно направить путь» (ЯПЗ. 4. С. 413).

Денисенко плодотворно трудилась в яснополянской школе, открытой младшей дочерью Толстого, и в музее-усадебке «Ясная Поляна», в котором проработала почти до самой смерти.

Н.А. Никитина

ДЕРУЛЕД Поль (Deroulede; 1846 - 1914) – французский писатель, политический деятель, участвовал волонтером в Франко-прусской войне 1870-1871 гг., проникся идеей реванша; глава «Лиги патриотов», дважды участвовал в гос. переворотах; на десять лет был изгнан из Франции, куда более не вернулся.

В 1886 г. Дерулед приехал в Россию для переговоров с представителями правящих кругов с целью создания военной коалиции против Германии. В Ясной Поляне он надеялся заручиться поддержкой Толстого и «очень заинтересовал» его. «Представьте себе, — писал Толстой В.Г. Черткову, — что это человек, посвятивший свою жизнь возбуждению французов к войне, revanche против немцев. Он глава воинственной Лиги и только бредит о войне. И я его полюбил. И мне он кажется близким по душе человеком, который не виноват в том, что он жил и живёт среди людей язычников» (85: 376). Он понравился С.А. Толстой: «очень мил, умён, образован, начитан» («Моя жизнь»). Подарил Толстому две книги: Deroulede, Paul. La Moabite <Моабит> (Paris, 1882) и Deroulede, Paul. Chants du soldat <Песни солдата> (Paris, 1887), на первой — дарственная надпись, последняя — с пометами Толстого.

В статье «Христианство и патриотизм» Толстой рассказал о посещении «французского агитатора в пользу войны с Германией»: он «приезжал в Россию для приготовления франко-русского союза и был у нас в деревне» (39: 49).

А.Н. Полосина

ДЖОРДЖ Генри (George Henry; 1839 - 1897) – американский экономист, публицист, автор теории единого земельного налога. Корреспондент и адресат Толстого (известны одно письмо Г. Джорджа и ответное письмо Толстого). Толстой считал, что путь к освобождению человечества состоит прежде всего в ликвидации частной собственности на землю, и придавал особое значение экономическим реформам Джорджа, называя его идеи экономической основой своего нравственно-

философского учения. С.А. Толстой 22 февраля 1885 г. он писал: «...читаю своего George'a <...> Это важная книга. Этот тот важный шаг на пути общей жизни, как освобождение крестьян – освобождение от частной собственности земли» (83: 480). Толстой хорошо понимал, что само по себе освобождение крестьян от крепостного права в России, как и отмена рабства в Америке, ничего не давали при сохранявшейся частной собственности на землю. Чтение книг оригинального американского политэконома «Прогресс и бедность» и «Общественные задачи» в феврале 1885 г. ещё более укрепили его в этом мнении, хотя он сознавал, что его собственные «требования гораздо дальше»

177

Джорджа. «Но это шаг на первую ступень той лестницы, по которой я иду», – писал Толстой (83: 481).

Писатель познакомился с сочинениями Джорджа в период работы над трактатом «Так что же нам делать?». Эти экономические идеи увлекли Толстого настолько сильно, что он на какое-то время прекратил работу над трактатом, пытаясь осмыслить решение, предложенное американским экономистом, но поначалу проект единого налога с ценности земли его не привлек, и в трактате он писал: «Джордж предлагает признать всю землю государственной собственностью и поэтому все налоги, как прямые, так и косвенные, заменить земельной рентой. То есть, чтобы всякий, пользующийся землёю, платил государству стоимость её ренты. Что же было бы? Рабство земельное было бы всё уничтожено в пределах государства, т.е. земля принадлежала бы государству <...> т.е. было бы рабство, определяемое количеством пользования землёю» (25: 290). С позицией Джорджа: «частная собственность на землю есть грабёж» – Толстой соглашался без всяких сомнений со времени прочтения сочинений «Прогресс и бедность» и «Общественные задачи», но для осмысления и принятия следующей позиции Джорджа о едином налоге на землю понадобилось время. 14 июля 1894 г. Толстой отметил в дневнике: «Писал изложение проекта Генри Джорджа» (52: 120), а в конце августа – начале сентября в Овсянникове он передал землю крестьянам на основе проекта Г. Джорджа.

Подобно Толстому, в 1880-е гг. пытавшемуся распознать причины городской нищеты в Москве, Джордж в конце 1860-х гг. задался целью разобраться в причинах ужасающих контрастов бедности и богатства в Нью-Йорке. Оставаясь приверженцем идей эпохи Просвещения, возвращаясь к принципам Джефферсона и развивая положения учений Д. Локка, Т. Пейна, Д.-С. Милля, У.-Э. Чаннинга, Джордж исходил из

того, что в основе права собственности лежит право человека распоряжаться собой. По его мнению, ценности, производимые общественным путём, должны возвращаться обществу в виде уравнивающего налога. Таков, по Джорджу, закон справедливости. Экономические идеи Джорджа совершенно естественно перекликались с идеями американских писателей-трансценденталистов (Г. Торо, Р. Эмерсона и др.) о священном праве личности на неприкосновенность. Во многих отношениях совершенно очевидна общность истоков, питавших экономическую мысль Джорджа и этическую позицию Толстого. Идея естественного права, порождённая мыслителями XVIII в., лежит в основе экономических трудов Джорджа. Не являясь кабинетным учёным-политэкономом и не принадлежа к классической школе политэкономии, Джордж пытался поставить её на службу социальным нуждам. Это отсутствие «Спенсерово-Миллевской паутины научной» было особенно близко Толстому в учении Джорджа. 27 апреля 1894 г. он писал Б. Эйленштейну: «Я знаю Генри Джорджа со времени появления его “Social Problems”. Я прочёл их и был поражён верностью его основной мысли и исключительной, не имеющей себе подобной в учёной литературе ясностью, популярностью и силой изложения и, в особенности, тем, тоже исключительным в учёной литературе, христианским духом, которым проникнута вся книга». В яснополянской библиотеке Толстого сохранились десять книг Джорджа на английском и немецком языках. «Общественные задачи» («Social Problems») была одной из первых книг Джорджа, прочитанных Толстым. Страницы книги испещрены его пометами. Джордж в этом сочинении подвергал резкой критике все общественные институты, виновные в нищете народных масс, отвергая утверждение, что существующее положение вещей есть выражение Божьего промысла. По его мнению, естественный закон природы сформулирован в словах Апостола: «Кто не работает, тот не ест». Все эти места в книге отчёркнуты Толстым. Джордж изображал те же самые контрасты роскоши и нищеты, что и Толстой в своём трактате. Он обращался к картинам нищеты и убожества, мимо которых большинство людей проходит, не замечая. Бесстрастные исследования бедности как «социальной болезни» перекликались с картинами нищеты, которую Толстой обнажал в трактате «Так что же нам делать?». Как и Толстой, Джордж считал, что в природе не существует причин для бедности. Толстой отмечал размышления Джорджа, совпадающие с его собственной точкой зрения, высказанной в публицистических статьях: «Если некоторые люди не имеют достаточно средств, чтобы жить прилично, не имеют ли другие гораздо больше, чем им необходимо?» (George, Henry. Social Problems. London, 1884. P. 70). Толстой соглашался с Джорджем, что нужно привести в соответствие с законами природы общественные законы. Джордж с горечью писал: «Мы так привыкли к

бедности, что даже в наиболее развитых странах относимся к ней как естественному жребью огромных

178

масс людей» (там же. Р. 69). «Есть профессора политэкономии, которые учат нас, что это положение вещей является результатом социальных законов, на которые лень жаловаться!» — отчеркнул и подчеркнул Толстой и поставил на полях «NB» (там же). В своей книге Джордж касался и проблем милитаризации.

Книгу «Общественные задачи» Толстой называл лучшей «и по краткости и ясности и строгой логичности изложения, и по неотразимости научных доводов, и по красоте языка, и по искреннему и глубокому чувству любви к истине, добру и людям...» (36: 303). До конца своих дней Толстой оставался сторонником и популяризатором экономических реформ Джорджа: он развивал его учение в своих статьях, упоминал о нём в художественных сочинениях, сделал Дмитрия Нехлюдова в романе «Воскресение» последователем учения Джорджа, написал предисловие к русскому переводу книги «Общественные задачи», рекомендовал П.А. Столыпину и великому князю Николаю Михайловичу читать книгу «Прогресс и бедность», обращался к В.А. Маклакову с просьбой поднять в Гос. думе вопрос о проекте земельной реформы по системе Джорджа, обсудить «мудрое учение Генри Джорджа» (78: 215).

Г. В. Алексеева

ДЖОРДЖ Генри-сын (George Henry; 1862-1916) –американский общественный деятель, журналист. Сын Г. Джорджа, последователь экономических взглядов и пропагандист его учения, демократ. Корреспондент нескольких английских и американских периодических изданий. Корреспондент и адресат Толстого.

В июне 1901 г. прислал Толстому биографию отца («The Life of Henry George by his son»; с дарственной надписью; сохранилась в Яснополянской библиотеке), сопроводив следующим письмом: «С этой почтой посылаю написанный мною экземпляр биографии моего отца. Тёплое отношение отца к Вам и мой собственный восторг к Вам и к Вашей работе дают мне основание надеяться, что Вы воспримете эту книгу как дань признания. С уважением Ваш Генри Джордж-младший». В ноябре 1905 г. он прислал в Ясную Поляну свою «только что вышедшую книгу», в которой, как он писал, «предпринята попытка описать социальные и политические проблемы Соединённых Штатов и

пути их разрешения», а также «попытка продвинуть вперёд дело жизни» отца.

Приехав в Россию, Г. Джордж-младший в июне 1909 г. попросил разрешение посетить Ясную Поляну. Толстой ответил телеграммой: «Очень рад видеть, ожидаю» (79: 214). Известие о приезде Г. Джорджа-сына стало поводом для появления небольшой статьи о земельном вопросе, которую Толстой в тот же день продиктовал Н.Н. Гусеву и тогда же послал в газеты (9 июня напечатана в газете «Русские ведомости» под заглавием «Новая статья Л.Н. Толстого». В Юб. – «По поводу приезда сына Генри Джорджа» – название дано редакцией). «Мне очень интересен Генри Джордж-сын. Николаев говорил про него, что он продолжает деятельность отца, скромн, умён. Он наверно едет через Японию, кругосветное путешествие; женат на японке, сможет рассказать про Японию», – записал Д.П. Маковицкий слова Толстого (*ЯПЗ*. 3. С. 430). 5 июня Г. Джордж приехал в Ясную Поляну. Толстой отметил в дневнике: «Приехал сын Джорджа с фотографом. Приятный» (57: 79). «Л.Н. с Генри Джорджем-сыном долго беседовал в кабинете и зале в обществе С.Д. Николаева, переведшего на русский язык все сочинения Генри Джорджа <...>. Л.Н. ради гостей остался дома, пропустил прогулку», – записал в своём дневнике Маковицкий и добавил: «Генри Джордж-сын с Л.Н. говорил о растущем богатстве богачей и о растущей нужде рабочих и безработных» (*ЯПЗ*. 3. С. 432). О своём посещении Ясной Поляны Г. Джордж-сын рассказал в статье «My farewell to count Tolstoy» («Прощальный привет графу Толстому»; 14 ноября 1909 г. опубликована в «New York World»).

Н.И. Бурнашёва

ДИККЕНС Чарльз (1812-1870) – английский писатель, классик мировой литературы; один из любимых писателей Толстого. Во время пребывания в Лондоне (между 18 февраля и 3 марта 1861 г.) Толстому посчастливилось увидеть английского романиста и прослушать его лекцию о воспитании. Воспоминание об этом вечере он пронёс через всю свою жизнь и неоднократно возвращался к нему. Диккенс, по его словам, «прекрасно читал и производил своей сухой, но сильной фигурой мощное впечатление» (*Сергеенко П.А. Записи // ТВС*. 1960. 2. С. 127).

Личное знакомство двух писателей в тот памятный вечер не состоялось: Толстой, испытывавший неловкость за свой несовершенный

английский, постеснялся обратиться к лектору с вопросами о воспитании, более всего занимавшими его в то время. В яснополянском доме висел портрет Диккенса, напоминавший об этой встрече, Толстой не раз отсылал к нему своих собеседников: «Он был высокого роста, лицом такой, как на портрете в гостиной» (Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // *ТВС*. 1960. 2. С. 265). Личность Диккенса живо интересовала Толстого: в октябре 1905 г. он прочёл биографию английского писателя в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона и восхитился им: «Диккенс до четырнадцати лет только два года ходил в школу, потом налеплял ярлыки на ваксу. Так что не имел школьного образования, а какая тонкость, глубина мысли!.. “Пиквики” написаны с весёлостью, которая так и сияет из лиц» (там же. С. 264). В старости писатель воодушевлялся, когда говорил о Диккенсе, «которого всегда-всегда любил».

Молодой Толстой «зачитывался» произведениями английского писателя; в 1851 — 1852 гг. читал и перечитывал роман «Дэвид Копперфильд», который произвёл на него «огромное» впечатление. Разгоревшимися в середине 1850-х гг. спорами о пушкинском и гоголевском (обличительном) направлениях в литературе были навеяны размышления Толстого 1856 г. о предназначении искусства: оно должно объединять всех людей, однако этому назначению менее всего отвечала обличительная литература. Творчество же Диккенса самым выгодным образом отличалось от набирающих в литературе силу «гоголевских» тенденций: «...диккенсовские лица — общие друзья всего мира, они служат связью между человеком Америки и Петербурга; а Теккерей и Гоголь верны, злы, художественны, но не любезны» (47: 178). В разные годы Толстой, предпочитая оригинал переводу, неоднократно перечитывал Диккенса. В начале 1886 г. возвращение писателя к художественному творчеству после глубокого духовного кризиса совпало с углублённым чтением Диккенса: «Диккенс всё больше и больше занимает меня», -- писал он (85: 324). В последние годы жизни Толстой вновь перечитывал произведения Диккенса, неизменно восхищаясь им: «Диккенс — мировой гений»; «Он — особенный, выдающийся» (*ТВС*. 1960. 2. С. 246, 253).

В трактате «Что такое искусство?» Толстой говорил о существовании искусства религиозного и искусства всемирного. Творчество Диккенса относил и к одному, и к другому искусству. В новом искусстве (т.е. искусстве XVII-XIX вв.) в качестве образцов «высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства» Толстой указал на произведения Ф. Шиллера («Разбойники»), В. Гюго («Бедные люди» и «Отверженные»), Ч. Диккенса («История двух городов», «Колокола»), Ф.М. Достоевского («Записки из Мёртвого дома») (30: 160). Их произведения, полагал писатель, «проникнуты истинным христианским

духом»: они «передают чувства, влекущие к единению и братству людей», и «стремятся к передаче таких чувств, которые свойственны не одним людям высших сословий, но таких, которые могли бы соединять всех людей без исключения» (30: 177). В беседах Толстой называл Диккенса «настоящим христианским писателем». Английский автор был «заступником бедных и угнетённых», взывал «к жалости, сочувствию и состраданию», выражал «своё негодование по поводу укоренившегося зла» (Моод Э. Разговоры с Толстым // *ТВС*. 2. С. 155). Толстой связывал исключительное значение Диккенса в истории романа с «сознательным» выбором английским писателем «жизненно важных тем» и с особым умением писать «о значительных вещах так, чтобы затронуть сердца читателей». Когда Дж. Лей, английский журналист и литератор, исследователь творчества Диккенса, обратился к Толстому от имени Диккенсовского общества с просьбой высказать своё мнение о великом писателе, то получил ответ: «Я думаю, что Чарльз Диккенс — крупнейший писатель-романист XIX столетия и что его книги, проникнутые истинно христианским духом, принесли и будут продолжать приносить очень много добра человечеству» (75: 24).

Толстой очень высоко ценил талант английского художника: у Диккенса «что ни страница, то прелесть» (Сергеенко П.А. Записи // *ТВС*. 1960. 2. С. 127). Русский писатель до конца своей жизни детально помнил и мог пересказать сцены из «Посмертных записок Пиквикского клуба», из «Домби и сына». Как-то, напоминая собеседнику о старшем Уэллере, герое «Записок Пиквикского клуба», Толстой на ходу и с удовольствием разыграл эпизод, связанный с этим персонажем: импровизируя, «полез в карман, казалось бездонный, и уморительно долго с насупленным лицом запускал в него свою руку и говорил: “Помните, — сначала вытащил верёвочку, ремешки и потом уже деньги...”» Напомнив эту сцену, старик Толстой громко, «весело и заразительно» хохотал (Елпатьевский

180

С.Я. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // *ТВС*. 1960. 2. С. 177). Толстого изумляло мастерство Диккенса в описаниях природы, людей и, особенно, детей. Диккенс дал, по мнению Толстого, «превосходное» описание сбора винограда, мог оживлять «даже неживые предметы: “море смеётся”». Диккенсовское описание бури и кораблекрушения получило особую оценку Толстого: «лучше, чем Гомер в “Одиссее”» (Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // *ТВС*. 1960. 2. С. 244). Толстой восхищался мастерством Диккенса в создании образов: «У него на сцене десять лиц, и вы, читая, ни про одно не забываете: каждое так и бьёт вам в глаза!» (Записки И.М. Ивакина // *ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 76). В

последние годы жизни Толстой говорил, что перечитывает Диккенса «с чрезвычайным интересом, умилением, с радостью, почти наивной, особенно в тех местах, где Диккенс описывает детей» (Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. С. 248). Диккенсовское умение сохранить отстранённую авторскую позицию в описании персонажа, обладающего особой притягательной силой, вызвало профессиональный интерес Толстого: «Я знаю, у писателей бывают минуты вдохновения, когда им всё удаётся... Описывая красавца, образованного, богатого, Диккенс не на его стороне...» (там же. С. 265). Английский автор, в восприятии Толстого, был «настоящим учителем литературного языка»: «Он умел всегда ставить себя на место изображаемых лиц и ясно представить себе, каким языком каждое из них должно говорить» (Кони А.Ф. Лев Николаевич Толстой // ТВС. 2. С. 182).

В своих дневниках, письмах, высказываниях Толстой неоднократно упоминал «Записки Пиквикского клуба», «Приключения Оливера Твиста», «Лавку древностей», рождественские повести, «Домби и сына», «Дэвида Копперфильда», «Холодный дом», «Крошку Доррит», «Повесть о двух городах», «Нашего общего друга». Выбирая тексты для публикации в издательстве «Посредник» и для «Круга чтения», Толстой вновь и вновь перечитывал Диккенса. Обращался к родным и друзьям с просьбой переводить и перерабатывать для народного чтения его произведения. Весной 1885 г. он писал В.Г. Черткову, имея в виду его троюродную сестру: «Пусть она возьмёт всего Диккенса. В нём найдётся много прекрасного – его маленькие рассказы и романы» (85: 188). Осенью того же года настоятельно просил свою дочь Татьяну перевести «Холодный дом», «Приключения Оливера Твиста». Он предполагал издать в «Посреднике» «Повесть о двух городах», «Нашего общего друга», включить в «Круг чтения» главу о тюрьме из «Лавки древностей». Толстой одобрил перевод-обработку А.А. Рутцен «Рождественской песни в прозе» и рекомендовал к публикации в «Посреднике», позднее в том же издательстве вышло ещё одно изложение рождественской повести под названием «Страшные видения, или Воскресшая душа», предпринятое племянницей писателя графиней В.С. Толстой.

Н.Г. Михновец

ДИСТЕРВЕГ Фридрих Адольф Вильгельм (1790-1866) — немецкий педагог-демократ, директор «образцовых» учительских семинариев Мёрсе (1820-1832) в Берлине (1832-1847). Он преподавал педагогику, математику, немецкий язык, издавал педагогический журнал «Рейнские листки», в котором поместил около 400 статей, особое внимание уделял народной школе. Дистервег стремился к объединению

немецкого учительства, в 1832—1841 гг. создал в Берлине 4 учительских общества, в 1848 г. был избран председателем Всеобщего немецкого учительского союза.

С 1851 г. издавал «Педагогический ежегодник», обличая на его страницах реакционные школьные законы «регулятивы», изданные прусским правительством в 1854 г. Дистервег — последователь Н.Г. Песталоцци, педагог-практик, автор более 20 руководств по математике, немецкому языку, естествознанию, географии, астрологии. Он выдвинул принцип воспитывающего обучения, основой воспитания считал природосообразность, культуросообразность и самодеятельность, а в процессе воспитания необходимость ориентации учителей на идеал наилучшего гражданина. В 1860-1870 гг. русские журналы «Народная школа» и «Учитель» посвящали статьи Дистервегу, а педагоги Ушинский, Бунаков, Корф, Паульсон высоко оценивали его труды.

В апреле 1861 г., во время второго заграничного путешествия, в Берлинской учительской семинарии Толстой встречался и долго беседовал с Дистервегом по вопросам воспитания. Беседа эта вызвала разочарование Толстого. Он отмечал, что Дистервег холоден, не хочет идти дальше в вопросах воспитания, чем это принято, «воспитание кладёт задачей» и придерживается определённой системы в деле воспитания, а «лучшая система не имеет никакой системы».

В краткой оценке беседы с Дистервегом содержится определённый код для выявления различий двух подходов в воспитании: формирование личности воспитанника ли-

181

бо создание условий для саморазвития, самосовершенствования. Первый подход (по Дистервегу и др. представителям «новейшей теоретической системы воспитания») вызывал крайне негативную реакцию Толстого. Скорее всего, заключение первой программной статьи Толстого «О народном образовании» в журнале «Ясная Поляна» (1862) обращено в т.ч. и к Дистервегу. Беседа с Дистервегом о проблемах воспитания, видимо, вызвала тревогу писателя за тот путь, по которому пойдут педагогика и народное образование России. Этой беседой, скорее всего, были вызваны и все высказывания писателя об эмпиризме и рационализме новейших теорий воспитания.

Цель воспитания, позднее скажет писатель, состоит в развитии более высокого уровня сознания, которое человечество выработало в идее Бога и без которого ничего, кроме скотской жизни, быть не может. Он, видимо, был неудовлетворён и постановкой Дистервегом вопроса о

конечных целях воспитания — о формировании «наилучшего гражданина» данного общества.

Скрытая полемика с Дистервегом послужила импульсом для развития собственной позиции Толстого в понимании проблемы воспитания, более рельефно выявила педагогическое новаторство Толстого, связавшего процесс самовоспитания личности с врождённым подсознательным стремлением к благу, совершенствованию. А позиция представителей новейшей теории воспитания, в т.ч. Дистервега, иссушала душу, мешая укоренению и прорастанию семян духовности и нравственности.

Н.В. Кудрявая

ДОБРОЛЮБОВ Александр Михайлович (1876-1944?) — поэт-символист, религиозный проповедник. Родился в Варшаве, воспитывался в семье в духе народничества. В гимназии увлекался идеями Уайльда, Шопенгауэра. В середине июня 1894 г. посетил в Москве В.Я. Брюсова, на которого произвёл неизгладимое впечатление своей декадентской настроенностью и образом жизни, а также широкой осведомлённостью о французском символизме. Декадентские стихи Добролюбова печатались в сборниках «*Natura naturans. Natura naturata*» («Природа порождающая. Природа порождённая», 1895) и «Собрание стихов» (1900). Религиозные искания нашли отражение в стихах сборника «Из книги невидимой» (1905).

К середине 1890-х гг. Добролюбов отрёкся от идей декадентства и «ушёл в народ». В крестьянской одежде, с посохом в руках он бродил по северным деревням, записывая народные песни, заклинания, плачи, сказания. На короткое время стал послушником одного из монастырей на Соловках. В своей жизни и поведении Добролюбов во многом следовал учению Толстого. В начале 1900-х гг. прекратил литературные занятия, поселился в Самарской губ., занялся земледельческим трудом. Он проповедовал опрощение, непотворение злу, основал религиозную секту «добролюбовцев» («братков»), близкую к молоканам. Вероучение секты было основано на идеях христианского анархизма. «Добролюбовцы» отказывались нести воинскую повинность, шли на страдания, связанные с этим отказом. В 1901 г. Добролюбов был осуждён за подстрекательство к уклонению от воинской службы, а в 1902 г. в Петербурге его обвинили в оскорблении святынь. Родные спасли Добролюбова от отбывания наказания, добившись признания его временно умалишённым. Дальнейший путь Добролюбова — странствия по просторам Руси, где он пытался найти истинное знание. Увлёкшись мистическим сектантством, он отошёл от подлинного толстовства.

С Толстым Добролюбов встречался в сентябре 1903 г. и в июле 1906 г. Писателю была интересна личность Добролюбова, но к его философским взглядам и творчеству он относился весьма критически. По воспоминаниям В.Ф. Булгакова, Толстой «восстал» против мистицизма в воззрениях Добролюбова: «Что не ясно, то слабо, — говорил он. — То же в области нравственной. Только те нравственные истины тверды, которые ясны. И что совершенно ясно, то твёрдо. Мы твёрдо знаем, что дважды два — четыре. Или что углы треугольника равны двум прямым... И зачем, зачем этот мистицизм!» Толстого возмущал обычай «добролюбовцев» использовать слово «брат» только по отношению к единомышленникам: «Они отделяют себя от других людей. Все люди братья» (Булгаков. С. 268-269). Как писал Н.Н. Гусев, Добролюбов видел своё расхождение с Толстым в том, что «Лев Николаевич слишком большое значение придаёт разуму, а Добролюбов придаёт большое значение “глубоким внутренним ощущениям”». Лев Николаевич одобрил основу выраженной в этих словах мысли» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 256). «Лев Толстой, — говорил Добролюбов, — всё хочет объяснить и понять холодным рассудком, он не признаёт чуда, не верит в его возможность. Но откровение выше разума, а потому мы должны стремиться достигнуть того состояния, при котором будет возможно откровение». В этом он безуспешно пытался убедить

182

Толстого (Пругавин А. Новая секта // Речь. 1913. №3).

К поэтическому творчеству Добролюбова Толстой относился отрицательно. По свидетельству А.Б. Гольденвейзера, о сборнике стихов Добролюбова «Из книги невидимой» он говорил: «Она неясна, фальшива, искусственна» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Записи за 15 лет. Т. I. М., 1922. С. 161).

Сведений о дальнейшей жизни Добролюбова очень мало. Известно, что он бывал в Петербурге и Москве, встречался с поэтами и писателями, жил в Поволжье и Сибири, странствовал по Средней Азии. Умер Добролюбов в середине 1940-х гг. на территории Нагорного Карабаха, где работал в артели печником.

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

ДОБРОЛЮБОВ Николай Александрович (1836-1861) — литературный критик, поэт, сотрудник журнала «Современник».

Родился в Нижнем Новгороде в семье священника. Первоначальное образование получил в семинарии, по окончании которой против воли

отца, желавшего сыну духовной карьеры, поступил в Педагогический институт в Петербурге. С 1857 г., после окончания институтского курса, Добролюбов стал сотрудником журнала «Современник». В своих работах он продолжал линию «реальной» социально заостренной литературной критики Н.Г. Чернышевского, усиливая её революционно-обличительный пафос. Очень быстро к нему пришла известность. Рост популярности молодого критика и его бескомпромиссная идеологическая позиция привели к конфликту в «Современнике». В 1860 г. была опубликована его статья о романе И.С. Тургенева «Накануне» «Когда же придёт настоящий день?». Это спровоцировало уход из «Современника» большой группы литераторов, в т.ч. и Толстого.

Толстой был знаком с Добролюбовым отдалённо. Ни статьи, ни личность критика не привлекали его внимание, имя критика почти не встречается в его записях. Отрывочные оценки деятельности Добролюбова есть в поздних дневниках писателя (запись 17 мая 1896 г.), в его записной книжке. Толстой считал, что «все эти Грановские, Белинские, Чернышевские, Добролюбовы, произведённые в великие люди», по сути, «самые незаметные фельетонисты», но даже если в них что-то и было настоящее, «они всё в себе задушили тем, что воображали, что им надо служить обществу в формах общественной жизни, а не служить Богу исповеданием истины и проповеданием её без всякой заботы об формах общественной жизни» (53: 90-91). Имя Добролюбова если и упоминал Толстой, то непременно «через запятую» с именем Чернышевского и в одном и том же контексте, примерно таком, как записал Д.П. Маковицкий 17 ноября 1908 г.: «Я думаю, можно быть совершенно спокойным, не зная Добролюбова, Чернышевского».

Е.В. Изотова

ДОЛГОРУКОВ Василий Андреевич (1804-1868) – князь, генерал от инфантерии (1856), член Гос. совета (с 1853). С 1851 г. исполняющий должность военного министра. В 1856-1866 гг. главный начальник III отделения и шеф корпуса жандармов.

В июле 1862 г. в Ясной Поляне по доносу агента III отделения Зимина-Шипова и по распоряжению Долгорукова был сделан обыск. Возмущённый и расстроенный, Толстой обратился к императору Александру II с письмом, в котором описал всё происшедшее и выразил надежду, что виновные будут названы и наказаны. Долгоруков приложил к этому письму Толстого собственную «всеподданнейшую справку» с объяснениями. Император удовлетворился этими объяснениями, и следствием этого стало лишь то, что Долгоруков отправил тульскому губернатору П.М. Дарагану письмо, в котором объяснил причины обыска у Толстого: «Мера эта была вынуждена разными неблагоприятными

сведениями насчёт лиц, у него проживающих <...> но хотя некоторые из тех лиц и оказались не имеющими для жительства законных видов, а у одного хранились запрещённые сочинения, его величеству благоугодно, чтобы помянутая мера не имела собственно для графа Толстого никаких последствий» (60: 442).

Долгоруков выведен в качестве эпизодического лица в повести Толстого «Хаджи-Мурат» и в вариантах повести, где представлен как олицетворение мертвящего духа верховной власти – «жестокой, безумной и нечестной высочайшей воли». Толстой изображает его своего рода двойником Николая I, похожим на него даже внешне: у него такие же, как у императора, бакенбарды и «скучающее выражение тупого лица».

В.М. Бокова

ДОРЭ Луи Кристофор Поль Гюстав (Dore; 1832-1883) – французский художник-график. Вошёл в историю живописи как создатель романтических иллюстраций к «Дон Кихоту» М. Сервантеса (1862–1863), к Библии (1864-1866), нескольких картин на библейские темы. В своих работах соче

183

тал традиции первых английских и немецких романтиков и импрессионизм. Дорэ был широко известен и у себя на родине, и в Англии, где была создана «Галерея Дорэ». Многие его произведения хранятся в частных собраниях в Великобритании и США.

Толстой интересовался иллюстрациями к Библии разных художников, имея своё особое мнение о работах художников на библейские темы. Он был знаком с произведениями Дорэ и не считал их выдающимися. «...Изображать как историческое лицо то лицо, которое признавалось веками и признаётся теперь миллионами людей Богом, неудобно: неудобно потому, что такое изображение вызывает спор, -- писал он. – А спор нарушает художественное впечатление. И вот я вижу много всяких попыток выйти из этого затруднения. Одни прямо с задором спорили, -- таковы у нас картины Верещагина, даже и Ге “Воскресенье” <имеется в виду картина “Вестники воскресения”. - А.А.>, другие хотели трактовать эти сюжеты как исторические, у нас Иванов, Крамской, опять Ге «Тайная вечеря». Третьи хотели игнорировать всякий спор, а просто брали сюжет как всем знакомый и заботились только о красоте (Дорэ, Поленов). И всё не выходило дело» (65: 124). В январе 1885 г. в письме к В.Г. Черткову Толстой сожалел, что нет «порядочной» иллюстрации к притче о богатом

и о нищем Лазаре в Евангелии от Луки (85: 133). Через несколько лет «Посредником» на эту тему была издана картина Дорэ (см. каталог «Посредника» за 1894 г.).

В 1891 г. редакция «Посредника» напечатала серию цветных литографий – репродукций с картин Дорэ с евангельскими текстами, в т.ч. с картины «Начало Нагорной проповеди». Толстой принимал участие в этом издании, тщательно отбирая тексты. Картины Дорэ, видимо, его устраивали. «Вчера получил картины евангельские <...> и очень им обрадовался. Это очень, очень нужно. <...> Надо бы ещё», – сообщал он 9 марта 1891 г. Черткову о присланных И.Д. Сытиным иллюстрациях Дорэ (87: 75).

А.А. Аленина

ДОСЕВ Христо Феодосьевич (1886 — 1919) – болгарский писатель, общественный деятель; знакомый, последователь, корреспондент и адресат Толстого. В 1907 г., чтобы не отбывать военную службу, покинул Софийский университет, уехал из Болгарии; некоторое время жил в России, в доме В.Г. Черткова в Ясенках, вблизи Ясной Поляны.

В.Ф. Булгаков описал «наружность Досева: серьёзное, спокойное и в то же время очень доброе матово-бледное молодое лицо с умными глазами, окаймлённое небольшой чёрной бородкой... Русская ситцевая рубашка и – босые ноги. Досеву верилось. Лицо его убеждало. Конечно, его опыт жизни был небольшой, однако чувствовалось, что именно этот опыт лежит в основе всех его высказываний, что молодой болгарин не из тех, кто выбрасывает слова напрасно, только чтобы поболтать или порисоваться... А затем – эти босые ноги... Сам я, – продолжал Булгаков, – был тогда одет в изящный, чистенький городской костюм с воротничком и шёлковым галстуком. Я не начинал ещё трудиться, тогда как умница Досев уже вступил на этот путь. И шёл по нему – такой спокойный, светлый, внутренне удовлетворённый...» «По своему интеллектуальному уровню Досев невольно выделялся среди молодых людей, окружавших Толстого» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970. С. 250-251).

Вернувшись из России в Болгарию в конце 1907 г., Досев занялся крестьянским трудом в земледельческой колонии и участвовал в издании ежемесячного журнала «Возрождение» (по-болгарски «Възрождане»). Переписывался с Толстым, который был «всегда очень рад общению» с молодым болгаринцем (78: 93). Летом 1908 г. снова приехал в Ясную Поляну, помогал Толстому отвечать на письма. Вскоре он окончательно перебрался в Россию, поселился на Кавказе, недалеко от Майкопа, работал в земледельческой колонии В.И. Скороходова.

В октябре 1910 г. Досев в письме к В. Г. Черткову, искренне сочувствуя Толстому, «живущему в чуждых ему условиях роскоши и страдающему от непонимания семьёй, и прежде всего женой, ставил попросту и без околичностей вопрос: почему же, собственно, Лев Николаевич, если ему так трудно жить в Ясной Поляне, не покинет её? Ведь не должен же он, мировой гений, жертвуя своим покоем и трудом, подчиняться капризной, избалованной женщине?

Вопрос был поставлен слишком упрощённо и обнаруживал в Досеве, наряду с его искренностью и добросовестностью, недостаток всепроникающей и всё проясняющей глубины и опытности» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. С. 252).

Толстой знал о письме Досева (ему «было тяжело, неловко»: «Так уж я, видно, умру под тем и дразнящим и стыдящим меня недоразумением некоторых людей о значении моей деятельности» (89: 228), —

184

писал он Черткову). Познакомился Толстой и с длинным письмом-ответом Черткова Досеву, о котором 23 октября 1910 г. записал в дневнике: «Письмо к Досеву для меня больше всего программа, от исполнения которой я так далёк ещё» (58: 121).

В возрасте 32-х лет Досев умер на Кавказе. Он – автор воспоминаний «Вблизи Ясной Поляны. (1907-1909)». М.: «Посредник», б/г.

Н.И Бурнашёва

ДОСТОЕВСКИЙ Фёдор Михайлович (1821-1881) — величайший писатель земли Русской.

15 апреля 1855 г. в письме к Е.И. Якушкину из Семипалатинска Достоевский попросил сообщить, кто такой «Л. Т. (напечатавший “Отрочество” в “Современнике”» (Достоевский. Т. 28/1. С. 184). Затем упомянул Толстого в письме А.Н. Майкову 18 января 1856 г.: «Л. Т. мне очень нравится, но, по моему мнению, много не напишет (впрочем, может быть, я ошибаюсь)» (там же. С. 210). В дальнейшем к творчеству Толстого Достоевский относился с большим интересом. В его библиотеке было собрание сочинений Толстого в восьми томах. В 1880 г. он советовал дочери Н.Л. Озмидова: «Лев Толстой должен быть весь прочтён» (там же. Т. 30/1. С. 212).

Выход книги «Война и мир» обострил интерес Достоевского к личности Толстого. 28 мая 1870 г. в письме к Н.Н. Страхову он спрашивал: «...не знакомы ли Вы с Львом Толстым лично? Если знакомы, напишите, пожалуйста, мне, какой он человек? Мне ужасно

интересно узнать что-нибудь о нём» (там же. Т. 29/1. С. 125-126). «Война и мир» побуждала Достоевского к творческому соревнованию с Толстым. В конце 1868 г. он писал Страхову, что со смертью Н.В. Гоголя русская литература «прекратилась», ибо «нет гения впереди». В сложившейся ситуации Достоевский, задумывая новое произведение, по существу, претендовал на особое место в текущей литературе: «Мне хочется поскорее своего». При этом из писателей-современников он выделил, соглашаясь со Страховым, только Толстого: «тут есть и своё», однако сразу же сделал немаловажную оговорку: «да мало». И тут же поправился: «А впрочем, он, *из всех нас* <...> успел сказать наиболее своего» (там же. Т. 28/2. С. 334). В начале 1870 г. Достоевский сообщил Страхову о своём намерении создать «Житие великого грешника», идея которого «потребуется большого размера объёмом, по крайней мере, такого же, как роман Толстого» (там же. Т. 29/1. С. 112). В эпилоге «Подростка» и в первоначальной исповеди Версилова, героя этого романа, предстала развёрнутая характеристика творческих принципов Толстого – «историографа нашего дворянства» (там же. Т. 13. С. 454–455; Т. 17. С. 142-143). Ему и противопоставил себя Достоевский как художник, описывающий современное «случайное семейство» и выведший «члена случайного семейства», у которого теперь уже совершенно иное «детство и отрочество».

Роман «Анна Каренина» Достоевский оценил очень высоко, Страхов передал Толстому его реакцию: «Достоевский машет руками и называет Вас богом искусства. Это меня удивило и порадовало – он так упрямо восставал против Вас» (18 мая 1877 г.). «Анне Карениной» Достоевский посвятил две главы «Дневника писателя» 1877 г. Он особо выделил сцену родов Анны, разговор Константина Левина со Стивой Облонским, восьмую часть романа, анализируя которую, полемизировал с Толстым по поводу отношения русского общества к событиям Русско-турецкой войны 1876-1877 гг.

Лично Толстой и Достоевский не были знакомы. Оба присутствовали 10 марта 1878 г. в Петербурге на лекции Вл. Соловьёва, однако общий друг Страхов не счёл возможным их познакомить: накануне Толстой просил никого ему не представлять. Об этой упущенной возможности встретиться каждый из них позднее искренно сожалел. Писатели могли познакомиться и на открытии памятника А.С. Пушкину в июне 1880 г., однако Толстой, переживавший глубокий духовный кризис, наотрез отказался принять участие в торжествах. Достоевский, по словам его жены А.Г. Достоевской, «хотел поехать в Ясную Поляну», однако сообщение И.С. Тургенева, что Лев Толстой «почти с ума сошёл», заставило его отказаться от этого плана.

Письмо А.А. Толстой 17 января 1881 г. свидетельствует о горячем интересе Достоевского к направлению духовных исканий Толстого на

рубеже 1870-1880 гг. По прочтении писем Толстого к А.А. Толстой за 1880 г. у Достоевского «родилось желание оспаривать ложные мнения Л.Н.». «Вижу, — вспоминала А.А. Толстая, — ещё теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом

185

повторял: “Не то, не то!..” Он не сочувствовал ни единой мысли Л.Н.» (ПАТ. С. 26).

Духовные искания Достоевского тех лет Толстому тоже не были близки. Он похвалил статью Н.К. Михайловского «Записки современника», вышедшую уже по смерти Достоевского (Отечественные записки. 1881. № 2), в ней, по мнению Толстого, критик доказал, что писателю не было ясно, что такое народ и что такое церковь. Толстому были глубоко чужды социально-политические взгляды Достоевского: «У него какое-то странное смешение высокого христианского учения с проповедованием войны и преклонением перед государством, правительством и попами» (Русанов. С. 33). Вместе с тем Толстой осознавал своё глубинное духовное родство с Достоевским: «Чем больше я живу, тем сильнее чувствую, как близок мне по духу Достоевский, несмотря на то, что наши взгляды на государство и церковь кажутся прямо противоположными. Достоевский, Кропоткин, я, вы и все другие, ищущие истины, стоим на периферии круга, а истина в середине. Разными путями приближаемся мы к ней» (Поссе В.А. Толстой // ТВС. 2. С. 263).

На известие о смерти Достоевского Толстой в письме Страхову 5-7 февраля 1881 г. откликнулся пронзительными строчками: «Как бы я желал уметь сказать всё, что я чувствую о Достоевском, <...> Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератор, и литераторы все тщеславны, завистливы, я, по крайней мере, такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Всё, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся и что теперь только не пришлось, но что это моё. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу».

С более поздним печально знаменитым письмом Страхова от 28 ноября 1883 г., где Достоевский был представлен весьма неприглядно,

связаны раздумья Толстого о посмертной судьбе писателя. Отвечая Страхову, он писал 6 декабря 1883 г., что читающая публика сообразно уже сложившемуся в русской истории «шаблону» преувеличила значение Достоевского: не мешкая, возвела его «в пророка [мученика], святого». Жертвой такого «ложного, фальшивого отношения к Достоевскому» стал даже его близкий знакомый Страхов. Толстой же был уверен: нельзя в назидание потомству возводить памятник Достоевскому, ибо он был «человеком, умершим в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла», человеком, «который весь борьба». Толстой не поддержал Страхова: «Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что ж! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее» (3 сентября 1892 г.). Вместе с тем Толстой отнёс Достоевского к типу людей с «заминкой», людей же «без заминки» с годами он всё больше ценил. Записи М. Горького сохранили очень резкие высказывания Толстого о Достоевском («Мнителен был, самолюбив, тяжёл и несчастен»; «Достоевский политиканствовал и кокетничал». — Горький М. Лев Толстой. Письмо).

В разные годы герои Достоевского вызывали далеко не однозначную реакцию у Толстого. К образу Раскольников он отослал в своей статье «Для чего люди одурманиваются?». О главном герое романа «Идиот» как-то сказал: «Мышкин — это бриллиант» (Семёнов С.Т. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // *ТВС*. 1960. С. 419), однако указал и на значительные промахи при создании этого образа. В одном из разговоров похвалил роман «Бесы»: «Из выведенных в нём лиц он остановился на Шатове и Степане Трофимовиче Верховенском. В особенности нравится ему Степан Трофимович» (*Русанов*. С. 102). В «Братьях Карамазовых» особенно выделял старца Зосиму и его поучения. По Толстому, основанием для высокой оценки многих высказываний Достоевского могло служить «хоть одно его <старца Зосимы. — Н.М.> изречение о том, что всякое дело добра, как волна, всколыхивает всё море и отражается на том берегу» (65: 281). Для издания в «Посреднике» была переработана глава из «Братьев Карамазовых» «Старец Зосима». Однако Достоевский-романист далеко не всегда убеждал его: «Какой-то выделанный слог, постоянная погоня за отысканием новых характеров, и характеры эти только намеченные» (*Русанов*. С. 33). Толстой как-то возмутился: «Странно, что его так много читают, не понимаю — почему! Ведь тяжело и бесполезно, потому что все эти Идиоты, Подростки, Раскольниковы и всё — не так

было, всё проще, понятнее» (Горький М. Лев Толстой. Письмо). Толстой не раз подчёркивал: «Мало того, что они <герои Достоевского. — Н.М.> говорят языком автора, они говорят каким-то натянутым, деланным языком, высказывают мысли самого автора» (Русанов. С. 34).

Толстой высказал несколько глубоких суждений о поэтике Достоевского. Он обратил внимание на одну композиционную особенность его романов: существенное отличие между их первыми главами и последующими. Первые главы и «Преступления и наказания», и «Идиота» Толстой оценивал чрезвычайно высоко, а последующие главы неизменно вызывали его резкую критику: «Я считаю в “Преступлении и наказании” хорошими лишь первые главы; это шедевр. Но этим всё исчерпано; дальше мажет, мажет» (Лазурский В.Ф. Дневник // ТВС. 2. С. 68); «А “Идиот” — прекрасно начало, а потом идёт ужасная каша. И так во всех почти его произведениях» (Чертков В.Г. Записи // ТВС. 2. С. 120); «В романах Достоевского, в первых главах, сказана вся суть, всё содержание; дальше идёт размазывание» (Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // ТВС. 1960. 2. С. 253). Особого внимания заслуживает одно из двух предложенных Толстым объяснений этой особенности: «В художественном произведении, — говорил Лев Николаевич, — должно быть непременно что-нибудь новое, своё. <...> И вот почему у Достоевского в “Преступлении и наказании” первая часть прекрасна, а вторая часть уже слабее... Достоевский никогда не умел писать именно потому, что у него всегда было слишком много мыслей, ему слишком много нужно было сказать своего... И всё-таки Достоевский — это самое истинное художество. А нельзя, как мой друг Фет, который в шестнадцать лет писал: “Ручеёк журчит, луна светит, и она меня любит”. Писал, писал, и в шестьдесят лет пишет: “Она меня любит, ручеёк журчит, и луна светит”...» (Цингер А.В. У Толстых // ТВС. 1960. 1. С. 456).

«Иная, даже небрежная, страница Достоевского, — как-то сказал Лев Николаевич, — стоит многих томов многих теперешних писателей» (Сергеенко П.А. Как живёт и работает Л.Н. Толстой // ТВС. 1960. С. 547). В 1900 г. он повторил эту мысль: «Возьмите Достоевского. По своей технике он ниже всякой критики, но он не только нам, русским, но всей Европе открыл целый мир» (Орлицкий С. У графа Толстого // Интервью. С. 144).

По мнению Толстого, в таких произведениях, как «Записки охотника» Тургенева, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, его «Детство. Отрочество», «Записки из Мёртвого дома» Достоевского «вырабатывались новые формы». Однако он приходил к выводу, что «изящная литература теперь кончилась, как новое» (Русанов. С. 102). При этом Толстой не раз, читая Достоевского, «удивлялся на его неряшливость, искусственность, выдуманность»

(дневник 18 октября 1910 г.); «Как это нехудожественно! Прямо нехудожественно. Действующие лица делают как раз не то, что должны делать. Так что становится даже пошлым: читаешь и наперёд знаешь, что они будут делать как раз не то, что должны, чего ждёшь. Удивительно нехудожественно!» (Булгаков. 22 октября); «Ах, у Достоевского его странная манера, странный язык! Все лица одинаковым языком выражаются. Лица его постоянно поступают оригинально, и в конце вы привыкаете, и оригинальность становится пошлостью. Швыряет, как попало, самые серьёзные вопросы, перемешивая их с романическими. По-моему, времена романов прошли» (ЯПЗ. 4. С. 388).

В трактате «Что такое искусство?» Толстой говорил о существовании искусства религиозного и искусства всемирного. В новом искусстве (т. е. искусстве XVII-XIX вв.) в качестве образцов «высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства» Толстой наряду с произведениями Ф. Шиллера, В. Гюго, Ч. Диккенса указал «Записки из Мёртвого дома» Достоевского. Любовь к этому произведению он пронёс через всю жизнь. Ещё 22 февраля 1862 г. он писал А.А. Толстой: «...достаньте *записки из Мёртвого дома* и прочтите их. *Это нужно*». В письме Страхову 26 сентября 1880 г. Толстой дал высокую оценку этому произведению: «Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительна – искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю». Это произведение вдохновляло Толстого: «Я для “Воскресения”, — поделился он с П.А. Сергеенко, — прочёл недавно “Записки из Мёртвого дома”: какая это удивительная вещь!» (Сергеенко П. А. Записки // ТВС. 1960. 2. С. 115). Ещё в 1871 г. Толстой, составляя перечень рассказов для «Азбуки», намеревался поместить в неё выдержки из этой книги. Через десятилетия два фрагмента: «Орёл» и «Смерть в госпитале» — были включены в «Круг чтения». 1 ноября 1904 г. Д.П. Маковицкий записал:

187

«Сегодня вечером Лев Николаевич прочёл вслух два отрывка из “Записок из Мёртвого дома” Достоевского <...> Видно было, что они глубоко трогают его. Лев Николаевич читает так, что и не подумаешь, что он читает, кажется, что он рассказывает. Интонация удивительная!» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки // ТВС. 1960. 2. С. 238).

В интервью 1904 г. Толстой указал на исток величия Достоевского: «Я предъявляю к великому художнику три требования: технической законченности, значительности темы и проникновения сюжетом. Из них

последнему я придаю наибольшее значение. Можно быть великим писателем, если даже отсутствуют техническая законченность и владение предметом. У Достоевского, например, не было ни того, ни другого. Но нельзя сделаться великим писателем, если не писать кровью сердца...» (*Интервью*. С. 214).

В октябре 1910 г., читая первый том «Братьев Карамазовых», Толстой хотел понять, чем обусловлен громкий успех спектакля по этому роману (премьера состоялась 12 октября в Московском Художественном театре). Прочитанные страницы вызывали у него диаметрально противоположные оценки. Уйдя из Ясной Поляны, он просил привезти ему второй том «Братьев Карамазовых», оставленный на письменном столе.

Лит.: Гусев Н.Н. Толстой и Достоевский // *ЯП*. сб. 1960. - Тула, 1960; Фридлиндер Г.М. Достоевский и Лев Толстой // Фридлиндер Г.М. Достоевский и мировая литература. - М., 1985.

Н.Г. Михновец

ДОУЛ Натан Хаскел (Dole Nathan Haskell; 1852-1935) – американский писатель и переводчик произведений Толстого на английский язык. Автор работ о нём на английском языке. Адресат и корреспондент Толстого. 20 марта 1889 г. Толстой отметил в дневнике, что «поправил хорошую статью Dol'a» (50: 54). 11 июня 1890 г. он написал Доулу письмо (продиктовал дочери Т.Л. Толстой) с просьбой содействовать успеху в Америке выставки картины Н.Н. Ге «Что есть истина?».

Из сочинений Доула в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранилась книга: «Peace and progress: Two symphonic poems» <«Мир и прогресс: Две симфонические поэмы»>. – Boston, 1904. В библиотеке есть и переводы Доула романов Толстого «Анна Каренина», «Война и мир», повести «Казачи», др. повестей и рассказов, сочинений для детей.

Г.В. Алексеева

ДРАГОМИРОВ Михаил Иванович (1830-1905) – военный историк и теоретик, генерал от инфантерии (1878). Начальник Академии Генштаба (1878-1889). Автор трудов по вопросам тактики и военной подготовки, а также по военной истории.

В работе «"Война и мир" гр. Толстого с военной точки зрения» (Оружейный сборник. 1868, № 4; 1869, № 1; 1870, № 1; отд. изд.: «Разбор романа "Война и мир" Л.Н. Толстого с военной точки зрения». Киев, 1895) Драгомиров обнаружил много очевидных достоинств в

изображении батальных сцен и в целом военной жизни, но подверг критике историческую концепцию Толстого, его «очевидное поползновение» «умалить колоссальную фигуру» Наполеона, а также дилетантские суждения о том, что «Бородинское сражение никому не было нужно» и что от Наполеона и Кутузова вообще «ничего не зависело».

Негодование Толстого вызвали две работы Драгомирова: «Солдатская памятка» и статья в газете «Новое время» (1896, № 7434, 6 ноября), в которой тот доказывал неизбежность войн, отвечающих «основным законам природы». «Что бы вы уговорили Драгомирова, — писал Толстой А.М. Кузминскому, — чтобы он не писал таких гадких глупостей и, главное, тон этот: “Ах, господа, господа” и т.д. Ужасно думать, что во власти этого пьяного идиота столько людей» (69: 206).

Казённо-патриотическая «Солдатская памятка», составленная генералом Драгомировым, о которой Толстой замечал: «Памятка эта есть набор мнимо солдатских народных (совершенно чуждых всякому солдату) глупо-ухарских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из Евангелия» (34: 284), -- побудила писателя к созданию собственных «Солдатской» и «Офицерской» памяток. В связи с работой Толстого над памятками П.А. Буланже вспоминал, что Толстой «весь, казалось, горел волнением и негодованием, как могли найтись люди, как Драгомиров, так кощунственно пользовавшиеся текстами Евангелия и извращавшие их для проповеди убийства и насилия. “Нет, вы посмотрите, — говорил он мне с особым волнением и с характерной спазмой голоса, как будто рыдая, — можно ли это написать и без стеснения распространять рядом с трогательными словами Христа о любви, о братстве. Вы прочтите вот это!” — и Лев Николаевич показал мне место солдатской памятки Драгомирова: “Всегда бей, никогда не отбивайся. Сломался штык — бей прикладом; приклад отказал — бей кулаками; попортились кулаки — *вцепись зубами*”. <...> “Нет,

188

это ужасно, — говорил он. — Это что-то до невероятия зверское... “вцепись зубами!”» (Минувшие годы. 1908. № 9. С. 55).

Драгомирова как воплощение тупой и агрессивной государственности упомянул Толстой наряду с Куропаткиным, Сувориным и Меньшиковым в одном из вариантов статьи «Одумайтесь!» (1904). Осенью 1906 г., обсуждая статью М.О. Меньшикова «Расстройство армии», где шла речь о том, «что русская армия отстала от других армий», Толстой опять вспомнил Драгомирова. «Драгомиров был против новшеств, новых усовершенствований. Меньшиков прав. Драгомиров — шут гороховый,

боялся принимать в армию революционеров, интеллигентов; под предлогом физических недостатков не принимал. Распад армии», — записал 4 ноября в своём дневнике Д.П. Маковицкий (*ЯПЗ.* 2, С. 292).

В.М. Боков

ДРОЖЖИН Евдоким Никитич (1866 – 1894) – крестьянин Курской губ.; духобор; сельский учитель; последователь Толстого. За отказ по религиозным мотивам служить в армии его направили в дисциплинарный батальон, подвергли пыткам и унижениям. В.Г. Чертков написал Александру III протест против содержания такого человека в воинском подразделении. Толстой одобрил письмо. Дрожжин был переведён в гражданскую тюрьму, заболел туберкулёзом и умер. Толстой с горечью писал: «Дрожжин умер, замученный правительством» (52: 111). Он упоминал Дрожжина в статье «Две войны». После его смерти в статье «Одумайтесь!» клеймил палачей. Писатель восхищался стойкостью Дрожжина, считал, что это был «один из самых святых, чистых и правдивых людей, какие бывают в жизни» (36: 129). Поведение его называл героическим.

По инициативе Черткова Е.И. Попов написал биографию Дрожжина: «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина». Книга вышла в 1895 г. в Берлине и открывалась предисловием Толстого.

Н.И. Шинкарьук

ДРОЖЖИН Спиридон Дмитриевич (1848-1930) – крестьянский поэт-самоучка. Родился в семье крепостного, «две неполные зимы» учился у деревенского дьячка. В 1860 г. отправился в Петербург на заработки, вскоре стал читателем Петербургской публичной библиотеки. В поисках работы вынужден был скитаться по России: служил в разных городах мальчиком-половым в трактире, – подручным буфетчика, лакеем, рабочим, продавцом, приказчиком.

Первая публикация Дрожжина – «Песня про горе добро-молодца» – появилась в журнале «Грамотей» (1873. № 12), представлявшем, как правило, творчество самоучек.

В 1883 г. Дрожжин познакомился с редактором журнала «Русская старина» М.И. Семевским, который, заинтересовавшись судьбой крестьянского поэта, предложил ему написать автобиографию и опубликовал её под названием «Поэт-крестьянин С.Д. Дрожжин в его воспоминаниях» (авто-биография неоднократно переиздавалась).

С 1880-х гг. Дрожжин становился всё более известным, активно печатался в периодике (до 1917 г. – более чем в 60-ти изданиях), однако

по-прежнему нуждался в средствах, терпел лишения. В 1894 г. в деревне Низовке сгорел его дом вместе с библиотекой и рукописями.

Дрожжин был лично знаком с Толстым, дважды встречался с ним. Первая встреча произошла в Москве 24 декабря 1892 г. непредвиденно для поэта в книжном магазине А.С. Суворина, где Дрожжин служил продавцом. Вошедший в магазин Толстой окинул всех быстрым взглядом и направился к конторке, за которой стоял поэт. Протягивая руку, он сказал: «Кажется, не ошибаюсь, ведь вы – Дрожжин?» (о поэте Толстому говорил их общий друг С.Т. Семёнов). После недолгой беседы Толстой купил в магазине нужную книгу и пригласил Дрожжина в гости. «Великий писатель земли Русской поразил меня своею приветливостью и обрадовал лестным для меня приглашением бывать в его московском доме», — писал Дрожжин в своих воспоминаниях (Дрожжин С.Д. Записки о жизни и поэзии // Стихотворения С.Д. Дрожжина. 1866-1888. М., 1907. С. 91).

В 1896 г. Дрожжин вернулся в родную деревню Низовку, занялся сельским хозяйством и литературным трудом. Иногда бывал в Москве. 30 апреля 1897 г. он пришёл к Толстому в его московский дом с И.И. Горбуновым-Посадовым. В тех же воспоминаниях Дрожжин писал: «Лев Николаевич особенно порадовался, узнав о моём решении навсегда покинуть город; долго ходил со мной по дорожкам тенистого сада и много расспрашивал о настоящем положении крестьянской жизни и о разнице с жизнью дореформенного времени» (там же. С. 94). В конце этой беседы Толстой подарил поэту свою повесть «Смерть Ивана Ильича» (СПб., 1895) с надписью: «Спиридону Дмитриевичу Дрожжину на память от автора. 1897. 30 апреля».

7 ноября 1910 г. (ст. стиль) — день смерти Толстого. Дрожжин считал, что эта дата не

189

должна быть забыта ни одним грамотным русским. В этот день он написал стихи, посвящённые Толстому:

7 ноября 1910

Я музе рыдающей внемлю,
Что гений, наполнив всю землю
Гармонией чудной, песнь лебедя спел
И, славой венчаный, от нас улетел.

С. В. Чаругина

ДРУЖИНИН Александр Васильевич (1824—1864) — писатель, журналист. Его ранняя повесть «Поленька Сакс» была очень популярна в 1840-1850-е гг. (в авторе читатели увидели защитника женской эмансипации). Последующие повести, рассказы, пьесы Дружинина были более бесцветны и незначительны по содержанию, чем первая повесть. Свободно владея европейскими языками, Дружинин интересовался иностранной литературой, переводил Шекспира («Король Лир»), делал обзоры текущей английской литературы в журналах, писал монографии, посвящённые английским писателям. Главным же призванием его была литературная критика: он внимательно следил за текущей русской литературой, не оставляя без своего критического внимания ни одного сколько-нибудь заметного литературного явления. Он писал о сочинениях Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Писемского, Островского, Гончарова, стихотворениях Фета и, конечно, ранних сочинениях Толстого. Дружинин был в самой гуще политических и литературных споров, кипевших в журнальной прессе 1840-1850-х гг.

Воспитанный в лучших дворянских традициях, прекрасно образованный, Дружинин обладал хорошим тоном простоты и светскости — он был человеком «комильфо» в лучшем значении слова. Это касалось не только его житейских привычек, но и отношений с литераторами, и писательской практики. К тому же по характеру он был чрезвычайно деликатным, щепетильно точным и ответственным в делах, надёжным и верным другом. Он был не склонен к конфликтам, умел вести себя корректно и дипломатично со всеми, включая и тех, чьи взгляды (политические или эстетические) не совпадали с его собственными. По мнению Тургенева, Дружинину нравилась «благоразумная умеренность», «признание человеческой личности рядом с уважением законов» (цит. по: Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 11).

В начале 1850-х гг. Дружинин сотрудничал с «Современником», в центре внимания которого стояли «общественные вопросы», но в середине 50-х расстался с журналом из-за идейного противостояния с Чернышевским. В борьбе двух направлений: «гоголевского», общественного, и «пушкинского», эстетического подхода к искусству, -- Дружинин занял позицию сторонника эстетического подхода, тем самым заявив о своём несогласии со взглядами Чернышевского и Некрасова, выдвигавших на первое место роль литературы как обличительницы общественных зол. Покинув «Современник», Дружинин возглавил литературный журнал «Библиотека для чтения». «Он, — шутливо писал Чернышевский, -- будет в “Библиотеке для чтения” защищать свободное творчество и беспощадно разить таких безумцев, как я...» (там же. С. 12). Но журнал этот, вопреки надеждам Дружинина, зачах, в отличие от таких боевых программных журналов, как «Современник». Однако сам

Дружинин работал в это время всё более интенсивно. Именно тогда появилась одна из его основополагающих статей «Критика гоголевского периода русской литературы, и наши к ней отношения», где Дружинин изложил свои эстетические взгляды на искусство как «свободное творчество», не обременённое никакой «тенденцией». Как раз в это время он и познакомился с Толстым, который особенно сблизился с Дружининым, Анненковым и Боткиным, в шутку называя их «бесценным триумvirатом».

Дружинин приветствовал появление в своём кругу молодого таланта, охарактеризовав Толстого как одного из «бессознательных представителей той теории свободного творчества», которая одна казалась ему «истинною теориею всякого искусства» (там же. С. 161-162). Толстой вскоре после приезда в Петербург начинает отходить от Некрасова. Его дневники 1855-1857 гг. говорят о том, что «обличительное» направление в литературе не близко ему: по его мнению, писатель не должен быть «возмущённым, жёлчным, злым». Однако объяснялось это не отсутствием сочувствия к народу, а тем, что уже в это время у него формируется отношение к искусству как к великому средству сближения людей. Дружинин, видимо, не почувствовал, что молодой писатель вовсе не относится к литературе как явлению только эстетическому, занятому только «вечными вопросами красоты, добра и правды» и чуждающемуся «жгучих вопросов» современности. Он не почувствовал и то, что Толстому чужда теория «чистого искусства», что молодого писателя вообще раздражают всякие литературные «теории» — ему были неинтересны споры о «тенденциозности» и «свободе

190

творчества», т.к. уже тогда у него начинало складываться своё особое представление о великой миссии искусства как средства соединения людей. А ведь не случайно, прочитав статью Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы...», Толстой записал в дневнике 7 декабря 1856 г.: «Его слабость, что он никогда не усомнится, не вздор ли это всё» (47: 104). Видимо, поэтому Толстой, действительно уважая Дружинина как критика и человека, прислушиваясь к его мнению, ценя «Поленьку Сакс» и жалея, что «упустили Дружинина» из «Современника», проводя с Дружининым и «бесценным триумvirатом» время в спорах и дружеских пирушках, всё же в дневнике признавался: «Удивительно, что мне с ним тяжело с глазу на глаз» (8 января 1857 г. - 47: 110).

Не удивительно. Резкий, порой прямолинейный, имевший обо всём собственное суждение, почти всегда расходившееся с общепринятым, казавшийся странным, Толстой, этот «баши-бузук» (как в шутку называл его Дружинин), был совершенно другим, чем его «комильфотный» друг из «бесценного триумvirата», не любивший острых углов и не обладавший столь мощным умом, как обласканный им молодой талант. Потому и дружба их оказалась кратковременной.

Дружинин рано умер, успев написать всего две статьи о Толстом. Правда, в них он сказал почти обо всех произведениях, созданных Толстым к тому времени (к 1856 г., когда они были напечатаны): в статье о «Метели» и «Двух гусарах» критик остановился и на толстовской трилогии, и на «Записках маркёра», «Рубке леса», «Набеге». Во второй статье, разбирая «Военные рассказы» Толстого, он подробно писал о севастопольских рассказах. В этих статьях Дружинин отмечал целый ряд характерных особенностей писательской манеры молодого литератора: «высоконравственность поэтической мысли» («подвиги, им изображённые, не имеют в себе никакого великолепия, кроме великолепия нравственного, если позволено так выразиться». – Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. С. 22-23), тонкость психологического анализа, «правда и отсутствие фраз» -- те же черты, что были отмечены Чернышевским. В почти не замеченной критикой «Метели» (хоть он и воспринял её лишь как этюд) Дружинин разглядел в авторе талант, равный талантам Пушкина и Гоголя.

М.Е. Суровцева

ДУНАЕВ Александр Никифорович (1850-1920) – последователь Толстого, его близкий знакомый, корреспондент и адресат; директор Московского торгового банка.

Дунаев, старший из 13 детей московского купца, владельца табачной фабрики, был воспитан в строгом религиозном духе и рано приобщён к делу. Купец первой гильдии, уполномоченный от купечества по снабжению действующей армии во время войны 1877-1878 гг., в 1881 г. гласный Московской городской думы, он тратил много сил и средств на благотворительную деятельность. С середины 1880-х гг. он переживал глубокий духовный кризис и остро чувствовал противоречие между складывающимся у него мировоззрением и привычным образом жизни. Он решил выйти из купеческого сословия и оставил пост директора Московского общества охоты; вскоре сгорела принадлежавшая ему и братьям табачная фабрика. Друзья устроили Дунаева в Московский торговый банк, где он и прослужил всю жизнь сначала третьим, затем вторым и наконец первым директором. Как банковский служащий Дунаев вёл денежные дела Толстых, состоял в переписке с самим

Толстым и членами его семьи. С.А. Толстая называла его простодушным и добрым человеком. В 1888 г., узнав о том, что Толстой собирается идти пешком из Москвы в Ясную Поляну, Дунаев вызвался сопровождать его в дороге. Это путешествие положило начало их дружбе. Особенно сблизило их тогда противоречие между стремлением отказаться от материальных благ и нежеланием причинить боль близким. 6 ноября 1889 г. Дунаев писал Толстому: «Всё, что около меня, всё кричит мне: я лажь и зло. И дома, и семья, и электричество, и банк, и те разговоры, которые я слышу, и деятельность людей, которую я вижу, их заботы, суета, удовольствия, занятия, верования, желания, всё осязаемое и чувственное, невещественное и отвлечённое, всё целый день стоит передо мною во всей своей наготe и мучает меня. И я ни на чём не могу остановиться, чтобы отдохнуть...» (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 27). Толстой часто навещал семью Дунаевых в маленьком московском особнячке на Девичьем поле. Он поддерживал Дунаева морально, включил его в круг своих друзей и часто обращался к нему с просьбами и поручениями. Благодаря своим обширным связям, тот исполнял все поручения легко и с радостью, находя в этом некоторое оправдание своей служебной деятельности. По просьбе Толстого он доставал для нуждающихся деньги, посылал ходатайства, навещал в тюрьме заключённых, пересылал Черткову в Англию сочинения Толстого и даже делал выписки из книг,

191

необходимые Толстому для работы над статьёй об искусстве. Дунаев был хорошо образован, и Толстой доверял его вкусу, прислушивался к его рекомендациям в выборе книг. Большой вклад внёс Дунаев в дело помощи голодающим в 1891-1892 гг., когда Толстой с единомышленниками занимался организацией столовых в пострадавших от неурожая губерниях. На письмо Дунаева, писавшего, что богатые люди вызывают в нём теперь лишь жалость, Толстой отвечал 18 ноября 1891 г.: «Верно, очень верно ваше описание мирского богатого человека и полезно для тех, которые, особенно в теперешнее время, сердятся, негодуют на них, осуждают. А они жалки. И хорошо, и необходимо напоминать это людям. Правы вы и в том, что нужнее духовный хлеб, чем телесный, да только телесный тут в нашей власти, мы можем перемещать его, а духовный хлеб сходит с неба, и не наш, а только иногда проходит через нас и потому не в нашей власти» (66: 91). Дунаев распространял запрещённые издания; в 1897 г. у него произвели обыск и конфисковали около четырёх пудов нелегальной литературы, рукописей и документов, связанных с общественной деятельностью Толстого. В 1898-1899 гг., когда необходимы были средства для переселения в Канаду

преследуемых властями духоборов, Дунаев сумел привлечь к этой акции внимание богатых людей, готовых пожертвовать на неё деньги. Собиравшиеся для духоборов деньги хранились у него в Московском торговом банке.

Дунаев и Толстой часто виделись в Москве и в Ясной Поляне, легко понимали друг друга, вместе переживали происходящие в стране события. На полное боли и возмущения письмо Дунаева о катастрофе, случившейся на Ходынском поле в день коронации Николая II, Толстой отозвался такими словами: «Чувствую вашу душу, милый друг, и болею за вас. Одно думаю, будем готовы, когда нас потребует Бог на определённое, явно нам предназначенное дело, а не будем растрачиваться, и всё-таки, сколько возможно, не будем давать чувству негодования преобладать над чувством любви и правды, во имя которых мы негодуем» (23 мая 1896 г.).

В конце февраля 1901 г. Дунаев сопровождал Толстого на прогулке по городу и стал свидетелем тех стихийных демонстраций, которыми было встречено в Москве определение Синода об отпадении писателя от церкви. Этот день, проведённый с Толстым, он подробно описал Т.Л. Толстой 25 февраля 1901 г. По поводу определения Синода, опубликование которого совпало с будоражившими общество студенческими волнениями, Дунаев писал ей: «Вышло это так нелепо, глупо даже с правительственной точки зрения, так несвоевременно ввиду общего возбуждения, что только коварный враг правительства мог бы умышленно подстроить это дело» (Письмо А.Н. Дунаева к Т.Л. Толстой // Прометей. 12. С. 408).

Во время революции 1905 г. Дунаев скрывал у себя от полиции большевиков, а его сыновья активно участвовали в революционном движении. Наметившееся тогда расхождение во взглядах несколько изменило отношения между Толстым и Дунаевым, отдалило их друг от друга, хотя и не нарушило глубокого взаимного уважения. Дунаев всегда оставался горячим поклонником творчества писателя. В 1910 г. он помогал в организации его похорон, с 1912 г. был действительным членом Толстовского общества в Москве и все дальнейшие годы принимал большое участие в сохранении наследия Толстого.

Ю.Д. Ядовкер

ДЪЯКОВ Дмитрий Алексеевич (1823—1891) — сын отставного полковника А.Н. Дьякова, помещик Новосильского уезда Тульской губ. В молодости служил уланом, вышел в отставку с чином майора. Двоюродный племянник начальницы казанского Родионовского института Е.Д. Загоскиной, у которой познакомился с ним Толстой. Дьяков — участник любительских спектаклей, дававшихся в Казани на

Масленице 1845 г. Был другом сначала Н.Н. Толстого, а потом и остальных братьев. Знакомство Толстого с Дьяковым вскоре переросло в крепкую дружбу. «Чудесный Митя», как сам с собой называл его Толстой, был его лучшим другом в пору молодости. У Дьякова хранился портрет молодого Толстого в профиль, сделанный карандашом неизвестным французским художником. Хронологически это первый портрет Толстого. Дьяков был старше Толстого на пять лет и оказывал на него некоторое влияние. Предметы бесед друзей были самые разнообразные: «и о будущей жизни, и об искусствах, и о службе, и о женитьбе, и о воспитании детей». Дружеские отношения их не

192

прерывались до смерти Дьякова, несмотря на разницу их убеждений. В 1860-е гг. после женитьбы Толстого Толстые и Дьяковы часто виделись, так как имение Дьяковых Черемошня находилось недалеко от Ясной Поляны и от Никольского-Вяземского. Дьяков — крёстный отец Татьяны Львовны и Ильи Львовича Толстых.

Дьяков был жизнерадостный, правдивый, отзывчивый человек, с умом более практическим, чем резонёрствующим. Это был хороший сельский хозяин, остроумный рассказчик, добрый товарищ. Толстой ценил в нём здравый ум и независимость характера. И.Л. Толстой вспоминал про него: «Во время его приездов весь дом оживлялся его добродушным юмором, и бывало весело, как никогда. Бывало, слушаешь его и всё время ждешь: вот-вот состроит что-нибудь — и все рады и хохочут, и папа больше всех» (Толстой И.Л. Гл. VIII).

В.В. Нагорнова так вспоминала о Дьякове: «Это был человек типа сороковых годов. Барин в душе, образованный и образцовый хозяин. Я как сейчас вижу его: плотный, белокурый, широкоплечий, ростом выше среднего; его лицо выражало доброту с оттенком юмора, свойственного его характеру». Другая племянница Толстого Е.В. Оболенская описывала Дьякова: «Он был очень хорошим человеком, но совсем другого склада, чем дядя. Весёлый, остроумный, с большим юмором, рассказывая самые печальные вещи, он вдруг ввернёт такую фразу, что невольно засмеёшься. Горячий, благородный, он к жизни относился серьёзно, но умствование ему было чуждо; он не задавался никакими вопросами и жил, мало анализируя свои чувства. Он немного отдалился от Льва Николаевича, когда в воззрениях этого последнего на жизнь, на смысл жизни совершился переворот; он как будто перестал понимать его» (82: 100).

Через много лет после смерти Дьякова Толстой вспоминал о нём как о человеке «энергическом, весёлом, открытом». Особенно ценил в нём

Толстой свойство откровенности, которое считал «очень драгоценной чертой».

Дружба с Дьяковым в годы студенчества в Казани дала Толстому материал для описания в трилогии дружбы Николенки Иртеньева с Нехлюдовым. Но отсюда не следует, что и характер Дьякова послужил прототипом для характера Нехлюдова. Вероятно, Дьякова имел в виду Толстой в статье «Христианство и патриотизм», говоря о своём «старом друге Д.», поведавшем ему о беседе с «безграмотным, но очень умным и почтенным мужиком - старостой» (39: 54).

Толстой был в постоянной переписке с Дьяковым. Дьяков многократно упоминался в его дневниках и письмах. Узнав о смерти друга, Толстой писал П.И. Бирюкову 3 ноября 1891 г. из Бегичевки : «Нынче узнал, что умер Дьяков. Близко всем, но мне очень. И хорошо это помнить».

С.А. Фролова

ДЪЯКОВЫ — семья, с которой Толстого связывали дружеские, впоследствии родственные отношения. Толстой познакомился с Дьяковыми в Казани. С конца 1840-х гг. они жили в Москве, и во время своих поездок в Москву Толстой часто их навещал. Многолетняя дружба связывала Толстого со всеми Дьяковыми.

Елизавета Алексеевна (рожд. Окулова; 1806-1886) - мачеха Дмитрия Алексеевича Дьякова, третья жена его отца Алексея Николаевича Дьякова (1790-1837). В молодости в московском обществе она славилась пением, была знакома с А.С. Пушкиным; воспитывала трёх дочерей мужа от его второго брака с дочерью французского эмигранта Марьей Ивановной (рожд. баронесса Дальгейм-де-Лимузен ; ум. 1833 г.).

Мария Алексеевна, старшая из сестёр Дьяковых (1830-1889), с 1849 г. была замужем за Сергеем Михайловичем Сухотиным (1818-1886). Толстой писал о ней в дневнике 29 ноября 1857 г.: «Сухотина правдива , проста, мила» (47: 164). Сухотин в молодости служил в Преображенском полку, потом был советником, а в 1874-1880 гг. вице-президентом Московской дворцовой конторы, камергером. Человек очень богатый (крупный землевладелец) и очень общительный, он всегда был желанным гостем в московских гостиных, славился как прекрасный чтец художественных произведений. М.А. Дьякова, мать пятерых детей, покинула мужа в 1865 г. и после развода с ним в 1868 г. вышла замуж за Сергея Александровича Ладыженского. История развода Сухотиных дала Толстому материал для сюжета «Анны Карениной», а судьба М.А. Дьяковой отчасти послужила основой для судьбы Анны Карениной (правда, у героини Толстого, в отличие от её прототипа, всё кончилось

трагедией). Одним из вероятных прототипов Каренина стал С.М. Сухотин. Годы спустя, старшая дочь Толстого Татьяна вышла замуж (в 1899 г.) за старшего сына

193

М.А. Дьяковой-Сухотиной Михаила Сергеевича Сухотина (1850-1914), воспитывала трёх его сыновей от первого брака.

Александра Алексеевна, вторая сестра Дьякова (1831-1890), с 1853 г. была замужем за князем Андреем Васильевичем Оболенским (1825-1875). Одно время ею был увлечён молодой Толстой. В 1870 г. А.А. Дьякова-Оболенская открыла в Петербурге первую женскую гимназию.

Елизавета Алексеевна, младшая сестра Дьякова (1833—1875), с 1858 г. была замужем за поэтом А.М. Жемчужниковым. Толстой считал сестёр Дьяковых своими старыми хорошими друзьями. Члены семьи Дьяковых неоднократно упоминаются в дневниках и письмах Толстого.

С.А. Фролова

ДЮМА Александр (Дюма-отец; 1802 - 1870) — французский писатель, автор романтических драм и романов на исторические сюжеты. Не стремился к строгой документальности или постижению смысла событий. Его захватывала зрелищная сторона, яркое проявление характеров и поведение людей в запутанных ситуациях. Увлечательность он видел в конфликте честности с подлостью, мужества с хитростью, чистоты со злодейством, открытости с интриганством.

В России сочинения Дюма пользовались такой же популярностью, как во Франции, и читались в подлиннике по мере их выхода в свет в периодике и в отдельных изданиях. Его внимательно читали не только простые любители чтения, но и самая взыскательная публика. Дюма был быстро замечен русскими критиками.

Толстой зачитывался сочинениями Дюма-отца ещё в юности. В числе первых прочитанных им романов был «Граф Монте - Кристо». В 1840-х гг. в поездку из Ясной Поляны в Казань студент университета взял с собой в дорогу «восемь томиков» этого романа, самого популярного после «Трёх мушкетёров». Захваченный романтикой фантасмагорического сюжета, он проехал в экипаже с книгой в руках много дней и даже «не заметил, как дорога окончилась»: так было интересно. Позже, в 1894 г., вспоминая об этом эпизоде в беседе с учителем младших детей В.Ф. Лазурским, Толстой признался: «Тогда вся большая публика увлекалась им <Дюма. — А.П.>, а я принадлежал к

большой публике. Но он очень талантлив, как и сын» (Лазурский В.Ф. Дневник // ТВС. 2. С. 62).

Тогда же, в молодые годы, Толстой прочёл «Трёх мушкетёров», и роман надолго остался в его памяти как самый яркий, жизнерадостный и увлекательный. Романы Дюма «Три мушкетёра» и «Граф Монте - Кристо» названы в первом варианте списка книг для М. М. Ледерле, произведших на Толстого самое сильное впечатление в возрасте 14-20 лет.

В 1850-1854 гг., в самую динамичную пору жизни, дневники Толстого заполнялись записями о чтении Дюма. Ни светская жизнь в Москве и Петербурге, ни участие в боевых действиях на Кавказе и в Крыму, ни походный быт, ни литературный труд, ни офицерская среда — ничто не мешало Толстому много читать. С неизменным интересом вместе со всей Россией он читал всё, что выходило из-под пера Дюма. Он увлекался чтением французских романов и брал книги по абонементу в известном книжном магазине и в библиотеке иностранных книг В.И. Готье в Москве на Кузнецком мосту. Об этом он сообщал Т.А. Ёргольской в письме 9 декабря 1850 г.: «...читаю я много, абонировался у Готье и уже прочёл конец “Виконта де Бражелона”, прочёл ещё четыре тома “Людовика XIV и его время” Александра Дюма, поверхностно, но интересно, и его же новый роман “Тысяча и одно привидение”, такая масса вздора, что мочи нет» (59: 71). Во время Крымской войны дневники Толстого заполнены записями о работе над «Записками фейерверкера», мечтами о славе, анализом недостатков и упоминаниями о чтении Дюма «Louis Philipp 'a».

Увлечение романами французского писателя нашло отражение в творчестве Толстого. Николенька Иртеньев, герой трилогии, зачитывался и искренне восхищался романами Дюма, как только можно ими восхищаться в детстве: «Все самые неестественные лица и события были для меня так же живы, как действительность, я не только не смел заподозрить автора во лжи, но сам автор не существовал для меня, а сами собой являлись передо мной, из печатной книги, живые, действительные люди и события» [1: 230]. Под впечатлением французских романов молодой Толстой писал в трилогии: «Я находил в себе, — рассказывал Николенька, — все описываемые страсти и сходство со всеми характерами, и с героями и с злодеями, каждого романа <...> Нравились мне в этих романах и хитрые мысли, и пылкие чувства, и волшебные события, и цельные характеры: добрый, так уж совсем добрый; злой, так уж совсем злой, — именно так, как я воображал себе людей в первой молодости; нравилось очень, очень много и то, что всё это было по-французски...» На основании романов у Николеньки даже составились новые идеи

лы нравственных достоинств, которых он желал достигнуть. Например, он «желал быть во всех своих делах и поступках “noble” <”благородным”. - фр.»> и «comme il faut» <«приличным». - фр > [1: 230-231]. Чтение Дюма и других французских романов помогло Толстому открыть, что «только тот роман хорош, в котором есть мысль», и что «Монте-Кристо не натурально»; это, впрочем, не мешало юноше «проглатывать по пять таких романов в сутки».

В молодости Толстого притягивала занимательность романов Дюма, позже он понял, что они ещё поучительны и полезны. Разумеется, Толстой, как и многие другие серьёзные писатели, не избежал снисходительности в отношении к творчеству французского романиста, иногда называя его сочинения «болтовнёй» (49: 74), «пустяками» (51: 114), но в тяжёлые минуты не раз обращался к этим «пустякам»: читал роман «Сильвандир», «Учитель фехтования»...

В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне есть издания сочинений Дюма-отца: «Три мушкетёра»: В 2 т. (Paris, 1875), «Виконт де Бражелон»: В 6 т. (Paris, 1869— 1872), «Сказки для больших и маленьких детей»: В 2 т. (Bruxelles) и «Наполеон» (Paris, 1840). Судя по кругу чтения, при жизни Толстого в библиотеке было гораздо больше книг Дюма, чем сохранилось.

«Три мушкетёра» упоминаются в «Казаках»: этот роман читал Белецкий. Сам Толстой помнил, какое сильное впечатление произвели на него в юности «эти в высшей степени занимательные истории». Своим детям он советовал читать только те произведения, которые интересны и детям и взрослым. К таким произведениям, по его мнению, относились романы Дюма. (Специальную детскую литературу Толстой не любил.) В 1876 г. в семье Толстых в Ясной Поляне читали «Трёх мушкетёров» вслух. Об этом вспоминали сыновья Толстого: «По вечерам отец иногда читал нам по-французски “Три мушкетёра” Александра Дюма, пропуская неподходящие для детей места. Мы с жадностью слушали его», — писал в «Очерках былого» С.Л. Толстой (гл. «1876 год»). С.А. Толстой чтение «Трёх мушкетёров» вслух, как и всем в доме, пришлось по душе: «По вечерам всякий день у нас чтение, m-r Nief читает “Les trois Mousquetaires” Alexandre Dumas. Чтение это очень приятно, дети интересуются и ждут вечера с нетерпением» (ДСАТ. 1. С. 96). И действительно, яснополянские «Три мушкетёра» носят следы неоднократного чтения: в книге сохранилось много помет (видимо, гувернёра старших детей m-r Nief 'а и самого Толстого). «Неподходящие для детей места» заключены в скобки, иногда написано мелким почерком (не рукой Толстого) по-французски: «enlever» (изъять). Некоторые слова зачёркнуты, всегда над словом вместо «любовница»

написано «подруга», вместо «любовник» - «друг». Что касается «изъятий», то особенно их много в главах «Интрига завязывается» и «Ночью все кошки серы». Так, цензура Толстого изъяла: «предаваясь любовным мечтам» или «не от того, кто влюблён впервые, можно требовать умения молчать. Первой любви сопутствует такая радость, что ей нужен исход, иначе она задушит возлюбленного»; изъяты все фразы, где есть слово «любовь» и т.д. Цензура Толстого невинна и целомудренна. Кроме этого в книге имеются другие следы чтения: отчёркивания ногтем, загнутые уголки, капли от стеариновых свечей. Скорее всего, книгу читали вечерами и по ночам. «Виконт де Бражелон» и «Сказки для больших и маленьких детей» имеют такие же следы чтения.

Одна из красивейших книг яснополянской библиотеки — прижизненное издание исторической хроники Дюма «Наполеон». В книге имеется единственный след чтения: загнут и разогнут нижний уголок на странице с описанием бегства наполеоновской армии после пожара Москвы, где приводится отрывок из воспоминаний Рене Буржуа. Изданная в 1840 г., книга о Наполеоне имеется в списке книг, которыми Толстой пользовался во время работы над «Войной и миром».

Толстой был младшим современником Дюма. Личных контактов между ними не было, хотя они могли бы познакомиться, может быть, даже дважды, когда Толстой был во Франции и во время путешествия Дюма в России. В 1860 г. во Франции Толстого и Дюма мог познакомить И.С. Тургенев, в России - Д.В. Григорович. Когда Дюма в 1858 г. с триумфом приехал в Россию как гость аристократа графа Г.А. Кушелева-Безбородко, то Толстой с ним «разминулся во времени и пространстве» всего на несколько месяцев. В книге «Impressions de voyage en Russie» («Путевые впечатления в России») имя Толстого упоминается.

Толстой много читал Дюма, ценил его «искусство занимательности». В 1868 г. в разговоре с консулом Скайлером он сказал совершенно изумлённому американцу, что высоко ценит романы Дюма и «каждый романист должен знать его сердцем. Интриги у него чудесные, не говоря об отделке; я могу его читать и перечитывать», — откровенно признался писатель (Бирюков. I. С. 225).

Лит.: Полосина А.Н. Александр Дюма (По материалам яснополянской библиотеки) // Лицей на Пушкинской. Тула, 1998. №№ 8-10. С. 141-147.

ДЮМА Александр (Дюма-сын; 1824—1895) — французский писатель, сын известного романиста. Злободневность моральных проблем, поставленных Дюма-сыном, вызывала большую общественную полемику. В романе «Дама с камелиями» (1848), переделанном в пьесу (1852), он, переосмысляя тему реабилитации куртизанки, в дальнейшем отказывался от её оправдания. В брошюре на тему супружеской неверности «Мужчина-женщина» писатель доказывал, что надо убивать неверных жён, ибо они угрожают семье и государству, и требовал права на развод как единственное средство упрочения семьи и нравственности. Психологическая драма «Diane de Lys» (1851) внушена поездкой в Россию за увлékшей его дамой.

Первое произведение Александра Дюма-сына, которое Толстой прочёл во время путешествия во Францию, был роман «Dames aux perles» «<Дама в жемчугах>» (Paris, 1854): «Читал Dames aux perles. Талант, но грунт, на котором он работает, ужасен» (47: 124) — запись в дневнике 20 апреля 1857 г.

1 марта 1873 г. в письме Т.А. Кузминской Толстой сообщил, что его поразила книга Дюма «L 'Homme-femme» «<Мужчина - женщина>» (Paris, 1871): «Нельзя ждать от француза такой высоты понимания брака и вообще отношения мужчины к женщине». Книга написана как ответ на статью Анри д'Идевиля, напечатанную в парижской газете «Soir». Поводом для ответа Дюма послужил нашумевший судебный процесс об убийстве мужем изменившей ему жены. Точка зрения Дюма-сына на брак — строго традиционная. Брак — освящённое Богом установление, в котором мужчина является как бы выразителем Божественной воли, ответственным за судьбу женщины. Женщина — лишь орудие в руках мужчины, отражение его творческой силы. Брак своей конечной целью имеет усовершенствование человеческой жизни на основе высокого нравственного идеала. Женщину, нарушившую супружескую верность, мужчина, по мысли Дюма, должен стараться всеми мерами воздействия вернуть на путь целомудренной жизни, но если это оказывается невозможным, её следует убить. В этой связи имя Дюма упоминается в вариантах романа «Анна Каренина». В окончательном тексте романа женский вопрос решается на уровне равноправия, а тема, затронутая в черновом варианте, была развита впоследствии в повести «Крейцера соната».

23—25 июня 1893 г. Толстой сообщил сыну Л.Л. Толстому, что написал маленькую статью «по случаю двух противоположных и очень характерных писем Золя и Дюма», вырезки которых ему прислал редактор парижского журнала «Revue des Revues». «Я в статье, — писал Толстой, — подчёркиваю глупость речи Золя и провиденье Дюма и

высказываю слегка свои мысли и об науке и о том, что только усвоение людьми христианского мировоззрения спасёт человечество...» (66: 358). Речь идёт о статье Толстого «Неделание», написанной под впечатлением полемики между Золя и Дюма-сыном, возникшей во французской прессе. Полемику вызвала речь Золя, обращённая к студентам, и письмо Дюма-сына редактору газеты «Gaulois», которое Толстому очень понравилось. По мнению Толстого, в речи Золя нашла своё выражение «мёртвая сила инерции, стремящаяся удержать человечество на раз избранном им пути», а в письме Дюма - «живая сила разума, влекущая его к свету».

Письмо «даровитого, умного» (36: 356) писателя Дюма «о грядущем торжестве любви человеческой жизни» в сокращении процитировано в XV главе статьи Толстого «О значении русской революции». В сокращённом виде оно приведено в «Круге чтения».

По семейной традиции в доме Толстых афоризмы и мысли из «Круга чтения» читали вслух. Так, 21 апреля 1908 г. читали отрывок из письма Дюма-сына. Толстой заметил: «Он искренен, самобытно мыслящий» (ЯПЗ. 3. С. 69). То же повторилось через год: 22 апреля 1909 г. Толстой дал М.С. Сухотину «прочесть вслух из “Круга чтения”» полюбившийся отрывок из письма Дюма «и слушал с восторгом, тронут» (там же. С. 391). А 2 января 1910 г. он сам читал вслух парижскому журналисту Рене Маршану те же мысли Дюма-сына из «Круга чтения», которые записаны под этой датой.

Многим приезжавшим к нему французским писателям, журналистам, политическим деятелям Толстой говорил, что «Dumas-fils очень хорош, он определён, ясен, замечательно доводит свою мысль до конца, логичен...» (Из бесед Толстого с Полем Деруледом / Неизвестные записи Е.Ф. Юнге // ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 538); что он не был с ним знаком, но читал его и продолжает читать с бесконечным удовольствием; что когда Дюма-сын умер, то испытал такое чувство, словно потерял друга.

В авторе «Дамы с камелиями» Толстой встретил единомышленника, прочёл все теорети-

196

ческие предисловия к его книгам, находил, что они гораздо значительней, чем все пьесы, послужившие для них поводом, что «Мужчина-женщина» — одно из лучших произведений о нравственности. А сам Дюма — истинный художник, ибо выражает чувства, которые изведал сам.

В яснополянской библиотеке сохранились две книги Дюма-сына: «Diane de Lys» (Paris, 1859) и «La Question du divorce» (Paris, 1880).

ДЯГИЛЕВ Сергей Павлович (1872 - 1929) — русский художественный и театральный деятель, активный пропагандист русского искусства в Западной Европе, открывший миру имена многих выдающихся русских художников, музыкантов, танцовщиков, хореографов. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета (1896), параллельно некоторое время учился в Петербургской консерватории у Н.А. Римского-Корсакова, занимался живописью, изучал театральное искусство. В 1898 г. Дягилев стал одним из основателей объединения «Мир искусства», в 1899 - 1904 гг. совместно с А.Н. Бенуа редактировал журнал с тем же названием. В 1899- 1901 гг. — редактор «Ежегодника императорских театров». В 1906 г. организовал крупнейшую художественную выставку в Петербурге. Автор работ о художниках Д.Г. Левицком и И.И. Левитане. С 1906-1907 гг. ежегодно организовывал в столицах Европы выставки русских художников, выступления русских артистов, симфонические концерты — так называемые «Русские сезоны за границей», более 20 лет представлявшие лучшие образцы русского искусства и ставшие провозвестниками нового искусства XX в. В 1911 г. создал труппу «Русский балет Дягилева» (существовала до 1929 г.).

Ещё в университете Дягилев интересовался творчеством Толстого. Когда в начале 1890-х гг. в связи с тяжелейшей засухой прозвучал на всю Россию призыв писателя о помощи голодающим крестьянам, студенты Петербурга решили собрать средства для крестьян пострадавших от засухи районов. Дягилев со своим двоюродным братом Д.В. Философовым приняли в этой акции живое участие и вызвались отвезти собранные деньги в Москву лично Толстому. Так студент-юрист Дягилев 16 января 1892 г. появился в московском доме Толстых в Хамовниках.

После этой встречи он отправил Толстому письмо, узнав о травле писателя, инициированной газетой «Московские ведомости» из-за публикации в Англии статьи «О голоде». Толстого обвинили в «пропаганде самого крайнего, самого разнузданного социализма», призыве к «социальной революции». Дягилев не верил, что проповедующий непротивление злу насилием Толстой мог призывать к революции, используя иностранную прессу для решения дел в России. Будущий юрист просил писателя разъяснить смысл резких нападок газеты. Толстой ответил Дягилеву, что никаких писем в английские газеты не писал, что «Московские ведомости» исказили смысл его работы и «говорить о самодеятельности народа в смысле экономическом» ему никогда бы не пришло в голову. В заключение Толстой писал: «Очень рад был узнать о том, что вы так верно понимаете

меня. (Впрочем, не совсем верно, если могли усомниться.) Желаю вам всего хорошего, полюбивший вас Л. Толстой» (*ЛН*. Т. 69. Кн. 1. С. 544).

10 апреля 1899 г. Дягилев второй раз посетил Толстого в связи с подготовкой юбилея А.С. Пушкина. Целью визита было пригласить Толстого принять участие в проведении юбилейных мероприятий и желание узнать его мнение «по поводу наступающих пушкинских торжеств». Толстой очень ценил Пушкина, считал его своим учителем («многому я учусь у Пушкина»), но от участия в торжествах отказался, заметив, что «все такие юбилеи совершенно излишни» (*Гусев. Летопись*. 2. С. 317).

Будучи редактором журнала «Мир искусства», в 1900 г. Дягилев напечатал в журнале работу Д.С. Мережковского «Толстой и Достоевский».

В 1908 г. Дягилев входил в Комитет почина по ознаменованию празднования 80-летия Толстого.

Общение с Толстым, чтение его сочинений повлияли на формирование личности Дягилева как пропагандиста русской культуры, воплотившего в жизнь идеи Толстого об общедоступности искусства.

А.П. Потанкина

Є, Ё

ЕГОРОВЫ

Аграфена Яковлевна (1872-?) - яснополянская крестьянка. Толстой в декабре 1884 г. описывал жене свою поездку с крестьянскими детьми из деревни Телятинки в Ясную Поляну. Аграфена правила лошадьё. Дети рассказывали сказки. Грушка тоже поведала одну очень добрую сказку. От неё и дети подобрали. От Толстого тоже потребовали что-то рассказать.

Иван Васильевич (1883-после 1957) – яснополянский крестьянин. У Толстых прослужил более 20 лет пастухом, конюхом, кучером. Получил прозвище Жига. Часто сопровождал писателя на прогулках, читал его статьи. Об этом рассказал в «Воспоминаниях». Смолоду и до старости хорошо пел, видимо, за это его называли Ваня-Дрозд. С детства был дружен с детьми Толстых, участвовал в общих играх. До конца своих дней Егоров был связан с музеем в Ясной Поляне: охранял усадьбу в дни фашистской оккупации, потом восстанавливал её.

Матвей Егорович (1814-1891) – из потомственных яснополянских крестьян. Кучер у Толстых и ямщик в Туле. Трижды был женат, имел 16 детей, которые часто именовались Матвеевыми (по имени отца). Водил пчёл. Семья зажиточная. В Ясной Поляне он был человеком авторитетным. Толстой в «Дневнике помещика» назвал Егорова «богатым ямщиком». В «Записках христианина» вновь упоминал его в числе исправных мужиков деревни. В 40-80-е гг. Егоров 33 раза был восприемником и поручителем в яснополянских семьях.

12 марта 1861 г. С.Н. Толстой писал брату, находившемуся в Европе: «...у нас теперь время интересное: манифест о воле прочитан, народ ещё ничего хорошенько не расчухал <...> народ ничего ещё не понимает, что там написано...» С.Н. Толстой предлагал яснополянским крестьянам «объяснить им кой-что, но никто не пожелал этого» и, сколько тот мог понять из «речей» тех самых крестьян, в т.ч. и Матвея Егорова, «то выходит, что нечего, мол, о пустяках толковать, а что будет, про то мы и сами узнаем от попа либо от целовальника, а то от тебя, окромя пустяков, ждть нечего» (ПТСБ. С. 237).

Судьба Егорова осложнилась в конце жизни. Рано умер сын Яков, оставив большую семью. Толстой часто бывал у него в доме, чтобы поддержать старика. Матвей больше всего сокрушался тем, что дом оставался без хозяина.

Пётр Филиппович (1866-после 1924) – яснополянский крестьянин. Учился в школе Толстых в 70-х гг. Толстой отрядил его вместе с Н. Минаевым продавать книги по окрестным деревням. Но дело не очень пошло: ребят обокрали; дело пришлось оставить.

Пётр одним из первых подписал у Толстых «Согласие против пьянства». Дружил с детьми Толстых. Вместе отдыхали и читали. Мальчишкой был драчлив, но быстро мирился.

Одним из первых среди яснополянцев написал воспоминания о Толстом. В 1920 г. по поручению крестьян Ясной Поляны вместе с И. Кондауровым в Москве хлопотал об освобождении А.Л. Толстой из заключения по обвинению в деле «Тактического центра». Дошли до Председателя ВЦИКа М.И. Калинина, и А.Л. Толстую освободили.

Филипп Родионович (1839-1895) – яснополянский крестьянин, прослужил у

198

Толстых более 30 лет. И.М. Ивакин, домашний учитель старших сыновей Толстого, рассказывал в своих «Записках»: «Вот, если идти дорожкой от господской конюшни, изба Филиппа Родивоныча. В моё время он ещё служил кучером — ездил раз или два в неделю, а то случалось и больше, в Тулу за покупками, почтой, гостем. Сколько бывало ему разных поручений от графини, детей, учителей, гувернанток, дворовых: кому письмо опустить, кому купить пряников, кому лекарства или чаю четвёртку и т.д. Филипп ничего не забывал, всё исполнит, бывало, в точности. Когда умер управляющий Ясной Поляной Алексей Степаныч <Орехов, умер в 1882 г. - *Н.Ш.*>, бывший с графом ещё в Севастополе и носивший ему судки с супом на батарее, сан управляющего был передан ему. Филипп и тут сумел быть на высоте призвания» («Неизвестный Толстой. В архивах России и США». М., 1994. С. 94-95)

Н.И. Шинкарьок

ЕЛИСЕЕВ Андриан Павлович (1869 - 1937) – служил кучером у Толстых в 1905— 1919 г., возил почту. Часто бывал с Толстым на

прогулках, возил его в гости, по окрестностям и по делам в Тулу. В доме Елисеева была открыта народная библиотека в честь 80-летия Толстого.

Елисеев отвозил Толстого в Щёкино в ночь его ухода из Ясной Поляны в октябре 1910 г. После смерти писателя остался в усадьбе. Репрессирован в 1935 г. Расстрелян в декабре 1937 г.

Н.И. Шинкарьюк

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ Сергей Яковлевич (1854-1933) – врач, писатель, сотрудник журнала «Русское богатство», корреспондент и адресат Толстого, лечащий врач Толстого во время его болезни в Крыму.

Елпатьевский родился в селе Новосёлка-Кудрино Владимирской губ. в семье священника. Окончив Московский университет (1878), стал земским врачом в Скопинском уезде Рязанской губ. 18 марта 1880 г. обвинён в содействии членам партии «Народная воля», сослан в Уфу под негласный надзор полиции. Работал врачом в Благовещенске, в 60 верстах от Уфы. Смело выступал на I-м съезде земских врачей Уфимской губ., за что 11 июня 1884 г. был выслан в Восточную Сибирь без права проживать в городах, где есть средние учебные заведения. Возвратился из ссылки в 1887 г. - в Нижний Новгород, затем переехал в Ялту, где участвовал в попечительстве о нуждающихся приезжих больных при Ялтинском благотворительном обществе. В Крыму Елпатьевский продолжал революционную деятельность и в период столыпинской реакции; более года провёл в Петропавловской крепости за статью «Земля и свобода» (1906). Позже много путешествовал по Англии, Франции, Швейцарии, Турции. После Октябрьской революции (1922-1927) — врач-консультант в Кремлевской поликлинике. Продолжал заниматься литературным трудом. Скончался в Москве.

Толстой познакомился с Елпатьевским в Гаспре, в имении графини Паниной, куда в сентябре 1901 г. приехал для лечения. Доктор посетил Толстого как представитель Ялтинского попечительства о нуждах приезжих больных. При первой встрече Елпатьевский был поражён внешностью Толстого: «Я, конечно, много видел портретов Толстого, но такого мужицкого, крестьянского облика я не ожидал встретить. Были в старые времена такие старосты, бурмистры из крепостных времён. И, очевидно, не мне одному бросался в глаза этот крестьянский облик. Чехов, которому я сообщил своё впечатление, согласился, но сделал поправку — Толстой больше похож на десятника-лесника, что мерит в лесу поленницы нарубленных дров» (Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 267). В январе и начале февраля 1902 г. Толстой тяжело болел воспалением лёгких. В числе врачей, приглашённых к нему, был и Елпатьевский. Врачи неотлучно дежурили около Толстого. Несколько месяцев, днём и ночью, меняясь с другими врачами,

Елпатьевский находился рядом с Толстым. Когда наступало хотя бы маленькое улучшение, они «вели беседы», «сидели у окон дома за чаем»...

25 июня 1902 г. Толстые уезжали из Гаспры: надо было доехать на лошадях до Ялты, а оттуда – на пароходе до Севастополя. Елпатьевский вспоминал: «Я провожал его, когда он уезжал из Ялты. Рубка парохода была полна народа. Толстой увёл меня на корму парохода, мы сидели вдвоём на сложенных канатах и любовались красивой Ялтой. Тут же на пароходе он взял с меня слово навестить его в Ясной Поляне. В ту же осень я приехал к нему, и первое, чем он меня встретил, - заставил меня присесть и сам присел почти до полу и ловко вскочил, лучше меня, видимо наслаждаясь, что его мускулы и кости эластичны, как раньше» (там же. С. 272).

Испытывая чувство искренней симпатии к Толстому, Елпатьевский не всё принимал в его позднем творчестве. После ужина Толстой предложил прочитать два своих новых рассказа. Один из них - ле

199

генда «Разрушение ада и восстановление его», над которой он работал с 1 ноября 1902 г. до конца года и которая была задумана как иллюстрация к статье «К духовенству». Позднее Елпатьевский писал: «Напечатанный рассказ значительно разнится от того, что Толстой тогда читал мне, очевидно, он после работал над ним. Мне не понравился рассказ, и осторожно, со всей деликатностью, но и с полной искренностью, я высказал своё мнение» (там же).

Елпатьевский пробовал себя и на писательском поприще. Он подарил Толстому несколько своих сочинений: книги «Рассказы и очерки», СПб., 1899; «Очерки Сибири». М., 1893; в 1910 г. только что вышедшую книгу «За границей» (СПб). Эти книги (две из них с автографами) сохранились в яснополянской библиотеке писателя.

20 июля 1903 г., беседуя с П.А. Сергеенко, Толстой сказал о Елпатьевском-писателе: «Человек — ничего, но таланта нет, и разница между ним и Чеховым та, что, читая Чехова, я смеюсь, радуюсь, восхищаюсь, а читая Елпатьевского, ничего не испытываю. Вот определение таланта» (ЛН. Т. 37-38. С. 554).

Известно одно письмо Толстого к Елпатьевскому, в котором он просил крымского врача помочь больной туберкулёзом девушке из Харькова. Елпатьевский заверил писателя, что его просьба будет выполнена.

Елпатьевский опубликовал ряд воспоминаний о Толстом: в «Русском богатстве» (1910. № 11; 1912. № 11); Литературные воспоминания (*Близкие тени*. Ч. II). М., 1916. С. 25-49 и др.

ЕРМОЛОВ Алексей Петрович (1772 — 1861) — генерал от инфантерии (1818), видный военный и гос. деятель. Участвовал в Русско-турецкой войне 1787-1791 гг. и получил свой первый военный орден из рук А.В. Суворова. Принимал участие в Польской кампании 1794 г. и Персидском походе 1796 г. При императоре Павле по подозрению в заговоре был арестован, заключён в Петропавловскую крепость, уволен со службы; позднее сослан в Кострому. При Александре I помилован, возвращён на военную службу. Участвовал в войнах с Наполеоном в 1805 и 1806-1807 гг. В боях под Гейсельбергом и Фридландом командовал артиллерией левого фланга. Действия Ермолова были высоко оценены М.И. Кутузовым, П.И. Багратионом, Н.Н. Раевским и др. С этого времени имя Ермолова сделалось широко известно в военных кругах.

С начала Отечественной войны 1812 года Ермолов был назначен начальником Главного штаба 1-й Западной армии. Он был ближайшим помощником М.Б. Барклая де Толли, но отношения у них не сложились: Ермолов осуждал Барклая за тактику отступления, считая её причиной недостаток патриотизма, вызванного немецким происхождением полководца. В то время широко была известна шутка Ермолова, который, якобы, прошением просил произвести и его в немцы, потому, дескать, что немцам только и доверяют (эта острота упомянута Толстым в «Войне и мире»).

Ермолов придавал большое значение развёртыванию партизанской войны, принимал деятельное участие в разработке стратегических и тактических планов военных операций армии под Смоленском, при Бородине и др. В Бородинском сражении фактически выполнял обязанности начальника штаба Кутузова. При получении известия о ранении князя Багратиона был направлен Кутузовым на левый фланг. Удачно возглавил атаку на Курганную высоту и отбил её у противника. На совете в Филях Ермолов выступил за сражение под Москвой.

Отличился в Тарутинском сражении. В сражении при Малоярославце руководил штыковой атакой, в результате которой противник был выбит из города. Участвовал в сражениях под Вязьмой, Красным и др. Во время Заграничных походов 1813—1814 гг. командовал артиллерией всей действующей армии. Закончил войну под Парижем, командуя российской и. прусской пешей гвардией. Имел Георгиевские ордена и две золотые шпаги «За храбрость».

В 1815 г. Ермолов намечался на пост военного министра, но этому помешал граф А.А. Аракчеев. В 1816 г. его назначили командиром Отдельного Грузинского (с 1820 г. — Кавказского) корпуса и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губ. и

чрезвычайным послом в Персии. Проведя переговоры с персидским правительством и проявив себя талантливым дипломатом, Ермолов сумел сохранить земли, отошедшие к России по Гюлистанскому миру 1813 г. В ходе Кавказской войны он ставил первоочередной целью обеспечение безопасности закавказских территорий и включение в состав Российской империи Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа.

Покорение Чечни и Горного Дагестана проводилось суровыми военно-колониальными методами. Непокорные селения сжигались, сады вырубались, скот угонялся,

200

покорённые народы приводились к присяге на верность российскому императору, облагались данью, у них брались заложники (выработанные Ермоловым приёмы подавления и устрашения горцев с успехом применялись потом и его преемниками на Кавказе). Ермолов создал укреплённую Кавказскую линию как опору для планомерного наступления на территории горских народов. В 1818 г. была заложена крепость Грозная (ныне город Грозный), затем цепь других крепостей по рекам Сунже, Тереку, Кубани, где были поселены казаки и расквартированы регулярные войска.

Во время крупного восстания в 1818 г. на Кавказе Ермолов предпринял карательные действия и разгромил восставших. В 1819 — 1820 гг. он подавил выступления местной знати в Имеретии, Гурии, Мингрелии; в 1825 г. сурово подавил попытку поднять восстание в Чечне и Кабарде. Одновременно была прекращена межнациональная рознь, сопровождавшаяся разбойными набегами, прекращена торговля людьми. Обладая по сути неограниченной властью, Ермолов получил прозвище «проконсул Кавказа». В то же время он уделял большое внимание созданию местного законодательства, поддерживал местную промышленность и разработку полезных ископаемых, занимался строительством путей сообщения, привлекал на новые земли немецких колонистов. При нём был построен военный госпиталь в Тифлисе и положено начало кавказским курортам: построены или благоустроены курорты в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске, Кисловодске. Авторитет Ермолова на Кавказе был очень высок, в то же время местные народы боялись и ненавидели генерала.

Ермолов отличался независимостью и либеральными воззрениями (великий князь Константин Павлович называл его «острым до дерзости»); пользовался исключительной популярностью в армии. Будущие декабристы, служившие на Кавказе под командованием

Ермолова, намечали его в состав Временного революционного правления. Известный историк В.А. Фёдоров пишет: «Человек сильной воли и независимых взглядов, не признававший никаких авторитетов, преданный патриот, горячо любивший Россию и всё русское, находившийся в оппозиции к аракчеевскому режиму, Ермолов импонировал декабристам. С некоторыми из них он был связан узами личной дружбы и несомненно знал о существовании тайных декабристских обществ. Не случайно декабристы в своих планах рассчитывали на Ермолова как на авторитетного члена будущего Временного революционного правительства» (Записки А.П. Ермолова. 1798-1826. М., 1991. С. 3). В близком окружении Ермолова в разные годы были А.С. Грибоедов, поэт Д.В. Давыдов, генерал Н.Н. Муравьев (будущий Муравьев-Карский) и др.

В царствование Николая I отношение к Ермолову было настороженным. Он постепенно оттеснялся от активных дел, и в 1827 г. его отправили в отставку. С 1831 г. он жил на покое в Москве, где был очень популярен. Во время Крымской войны 1853- 1856 гг. его избрали начальником ополчения в семи губ. (в т.ч. в Петербургской, Московской, Смоленской, Калужской и др.), но принял он эту должность только в Москве.

В 1850-х гг. Ермолов встречался с амнистированными декабристами М.А. Фонвизиним и князем С.Г. Волконским. Когда в 1860 г. в Москву был привезён сдавшийся русскому командованию Шамиль, «первый его визит был к Ермолову, к которому он относился с большим уважением» (Записки А.П. Ермолова. С. 21).

Ермолов – автор «Записок», охватывающих 1798—1826 гг., подробно описывающих военные сражения и выдержавших несколько изданий. Искажённый вариант «Записок...» был издан за рубежом в 1863— 1864 гг., русское исправленное издание вышло в 1805-1868 гг. (переизданы в 1991 г.).

Негодование Толстого на бесчеловечное подавление российскими властями кавказских народов, с которым он столкнулся во время своей службы, было им распространено и на фигуру Ермолова. Позднее в черновиках повести «Хаджи-Мурат» Толстой так характеризовал его и его правление: «один из самых жестоких и бессовестных людей своего времени, считавшийся очень мудрым государственным человеком <...>. Жестокость свою он доводил до невероятных пределов». «...Мало того, что считались полезными и законными всякого рода злодейства, столь же полезными и законными считались всякого рода коварства, подлости, шпионства, умышленное поселение раздора между людьми» (35: 437). В ином, более уважительном, контексте Ермолов упоминался Толстым в рассказе «Рубка леса», повести «Казачи», в дневнике и записных книжках.

Кавказские дела бросали в глазах Толстого тень и на предшествующую деятельность Ермолова. Безусловно осуждая «проконсула Кавказа», Толстой предвзято относился к нему и как участнику Наполеоновских войн. Это сказалось в изображении Ермолова в романе «Война и мир», начиная с ранних вариантов книги,

201

где Толстой относил его к числу «так называемых героев 12-го года» (15: 79), изображал позёром и интриганом (Ермолов нравился только такому же бессовестному карьеристу, как Борис, а Волконскому – будущему князю Андрею – он откровенно неприятен).

Хорошо знакомый с «Записками» Ермолова, Толстой, к примеру, так интерпретировал следующий рассказанный Ермоловым эпизод: «Не раз случалось мне видеть, как бросаются подчинённые за идущим вперёд начальником: так пошли и за мною войска, видя, что я приказываю самим их полковым командирам. Сверх того я имел в руке пук георгиевских лент со знаками отличия военного ордена, бросал вперёд по несколько из них, и множество стремились за ними. Являлись примеры изумительной неустрашимости» (Записки А.П. Ермолова. С. 192). У Толстого: «Это была та атака, которую себе приписывал Ермолов, говоря, что только его храбрости и счастия возможно было сделать этот подвиг, и та атака, в которой он будто бы кидал на курган Георгиевские кресты, бывшие у него в кармане, не соображая того, что такой поступок не мог, во-первых, <быть> никем замечен, а, во-вторых, породил бы только насмешки, ежели бы был совершён и замечен» (14: 211).

В окончательном тексте романа общая характеристика Ермолова изменений не претерпела. Толстой следовал реальной канве событий, но о действительных заслугах генерала упоминал глухо. В сцене Бородинского сражения говорится об отправке Ермолова на флешу, но без подробностей. Ермолов фигурировал как участник совета в Филях, не поддержавший Кутузова в его идее сдать Москву без боя, а далее как человек, который подвёл Кутузова под Тарутином. Он начал «возвышаться», решителен, остроумен и бессердечен и фактически исполнял в романе роль одного из антагонистов Кутузова.

В.М. Бокова

ЕРШОВ Андрей Иванович (1834 — 1907) — севастопольский сослуживец Толстого. В 1858 г. вышел в отставку; жил в Петербурге; в том же году была издана книга его воспоминаний о севастопольской

кампании. В 1860-е гг. участвовал в походах Д. Гарибальди на Рим. По возвращении в Россию занялся литературным трудом.

31 октября 1857 г. в «Библиотеке для чтения» Толстой читал журнальную публикацию «Севастопольских воспоминаний артиллерийского офицера» Е.Р. Ш-ова (так подписал автор свои мемуары) — в дневнике запись: «Прочёл <...> Севастополь Ершова — хорошо». Более чем через 30 лет, 12 января 1889 г., Ершов приехал к Толстому в московский дом в Хамовниках и просил написать предисловие к готовящемуся у А.С. Суворина новому изданию его воспоминаний. На следующий день предисловие было написано, но Толстому оно не понравилось: «Писал очень усердно. Но слабо», — заметил он в дневнике, а 16 января решил написанное бросить. В начале февраля ещё раз начал писать, но «не пошло» (дневник 7 февраля). В эти дни Толстой обдумывал предисловие и 10 февраля «написал предисловие начерно». Во второй половине февраля и в начале марта снова и снова писатель возвращался к тексту предисловия, которое «разрасталось»; 10 марта в дневнике об этой работе впервые удовлетворённая запись: «порядочно». Через три дня в хамовническом доме был А.С. Суворин; ему Толстой прочёл только что написанное «Предисловие к книге А.И. Ершова...» и снова нашёл, что оно «совсем не хорошо». В те дни, зимой 1889 г., это сочинение так и не было закончено, и книга Ершова вышла в 1891 г. без предисловия Толстого. Впервые оно появилось в печати только в 1902 г. в издании «Свободного слова» в Англии - брошюра, изданная В.Г. Чертковым: Л.Н. Толстой. «Против войны». В 1906 г. предисловие Толстого к книге Ершова «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» было напечатано «Посредником» в брошюре «О войне» (в конце января 1909 г. эта брошюра была конфискована властями).

Книга Ершова всколыхнула в памяти Толстого его собственные воспоминания о войне. «Я переживал с автором пережитое и мною 34 года тому назад», - писал он в предисловии и пояснял, что «пережитое это было и то, что описывает автор, — ужасы войны», и «то, чего почти не описывает автор, то душевное состояние», которое пережил он, когда совсем юным, почти мальчиком (Ершову было тогда 20 лет), оказался в осаждённом Севастополе. Переживания Толстого так свежи, так непосредственны и глубоки, что кажется, будто только вчера сам писатель ещё был в Севастополе и только что рассказал о своём Володе Козельцове в третьем севастопольском рассказе. И совсем не случайно это предисловие к воспоминаниям Ершова очень близко по своей сути к мыслям рассказа «Севастополь в августе 1855 года», а «душевное состояние» юного рассказчика, переданное Толстым, абсолютно перекликается с вnut

ренными ощущениями 17-летнего Володи Козельцова. «Только вчера, кажется, это было, когда он обновил офицерский мундирчик <...>. Вчера только генерал, начальник, говорил с ним серьёзно, как с равным, и ему так несомненно представлялась блестящая военная карьера. Вчера, кажется, только няня удивлялась на него, и мать умилялась и плакала от радости, целуя и лаская его, и ему было и хорошо, и стыдно...» «И вот он в Севастополе. И вдруг он видит, что что-то не то, что что-то делается не то, совсем не то». Он, «которого так любит мать, от которого не она одна, но и все так много ожидали хорошего», должен по приказу начальника идти «туда, где убивают и калечат людей. Начальник не отрицает того, что он — тот самый юноша, которого все любят и которого нельзя не любить, жизнь которого для него важнее всего на свете, он не отрицает этого, но спокойно говорит: “Идите, и пусть вас убьют”. Сердце сжимается от двойного страха, страха смерти и страха стыда, и, делая вид, что ему совершенно всё равно, идти ли на смерть или оставаться, он собирается, притворяясь, что ему интересно то, зачем он идёт, и его вещи, и постель. Он идёт в то место, где убивают», надеясь, что это кого-то другого убьют, но только не его. Он старается не думать. «Но нельзя не думать». «Как же это? Зачем это?» - один за другим встают вопросы. «”Да, я, именно я никому здесь не нужен. А если я не нужен, так зачем я здесь?” Нет ответа. “Так зачем же, зачем же я здесь?” — вскрикивает мальчик сам с собою, и ему хочется плакать. И нет ответа, кроме болезненного замирания сердца». Эта «страшная нравственная пытка» продолжалась семь месяцев. И юноша осознаёт, что в этом его участии в «общем деле» не было никакого подвига, что «погубили десятки тысяч людей», что Севастополь «отдан и флот потоплен», «и Россия уменьшилась», а он просто «был пушечным мясом». Как «что-то постыдное» вспоминает юноша эту войну, а вокруг слышит, что это «было великое историческое событие, что это была неслыханная в мире защита» и что он сам и такие, как он, — «герои из героев». «И вот сначала с удивлением, потом с любопытством мальчик прислушивается и теряет силу сказать правду - не может сказать против товарищей, выдать их; но всё-таки ему хочется сказать хоть часть правды, и он составляет описание того, что он пережил <...>. Он описывает своё положение на войне, вокруг него убивают, он убивает людей, ему страшно, гадко и жалко. <..>. Вы чувствуете, читая, что вопросы жизни и смерти людей для него несоизмеримы с вопросами политическими. <...> Чувствуется, что автор знает, что есть закон Божий: люби ближнего и потому не убий, - который не может быть отменён никакими человеческими ухищрениями. И в этом достоинство книги. Жалко только, что это только чувствуется, а не

сказано прямо и ясно». И далее Толстой, рассуждая, «что производит страдания и смерти войн» и что нужно делать, чтобы «уничтожить эти причины», приходил к выводу, что «страшны не страдания и смерть, а то, что позволяет людям производить их», что «не страдания, и увечья, и смерть телесную надо уменьшать, а увечья и смерть духовную. Не Красный крест нужен, а простой крест Христов для уничтожения лжи и обмана».

Н.И. Бурнашёва

ЕРШОВЫ

Семён Яковлевич (1852-1917) - яснополянский крестьянин. Его приглашал Толстой на совет о том, как лучше истратить гонорар за роман «Воскресение» на помощь крестьянам. В 1872 г. Толстой крестил его сына Льва. Жена Ершова - Ольга Родионовна из Егоровых - была одной из лучших учениц в школе Толстого 60-х гг.; дружила с детьми Толстых. За малый рост её называли Мышкой. Толстой подарил ей Евангелие. В рассказе «Три дня в деревне. Подати» в числе просителей у писателя была и Ольга Ершова, старушка, у которой тоже за недоимки описали тёлку. За несколько дней до ухода из Ясной Поляны Толстой побывал у О.Р. Ершовой.

Яков Иванович (1829-1868) - из потомственных яснополянских крестьян (в прошлом близких родственников Базыкиных; часто именующихся их фамилией). В «Дневнике помещика» 5 июня 1856 г. Толстой отметил, что на сходке крестьян при обсуждении вопроса о земле выступил против выкупа земли в течение 25 лет «Яков, белобрысый бойкий мужик, сказал, что никто не доживёт до этого срока. <.. .> Сначала напали бедняки, и из первых Яков, на то, что оброчным нечего ходить, ежели не все» (5: 253). В воспоминаниях О.Р. Ершовой, снохи Якова Ивановича, говорится, что их фамилия произошла от их предка-спорщика, задиристого на сходках. Его называли «ершом». Так фамилия и появилась. Дети и внуки Ершова в документах именуется то Ершовыми, то Базыкиными.

Н.И. Шинкарьок

ЕЩЕНКО Емельян Максимович (1845 или 1848-?) - крестьянин Острогожского уезда Воронежской губ. Корреспондент, адресат и посетитель Толстого.

Очень интересовался религиозными вопросами; состоял в секте хлыстов. Познакомившись со взглядами Толстого, вышел из секты. Толстой переписывался с Ещенко в 1888-1894 гг. и признавал его письма важными: в них обсуждались вопросы любви и брака, деторождения, непротивления злу насилием, о вреде курения и др. Толстой в 1889 г. писал ему: «Очень радуюсь, дорогой брат Емельян Максимович, тому, что мы, никогда не видя друг друга, живём одною жизнью, одного желаем – пришествия Царствия Божьего на земле так же, как и на небеси...» (64: 349).

В феврале 1894 г. Ещенко приехал в Ясную Поляну. Толстой много с ним беседовал и записал в дневнике: «Этот очень понравился всем нам. А мне был особенно интересен тем, что уяснил мне смысл сектантства» (52: 111). В апреле 1894 г. Толстой, будучи в Воронежской губ. у Черткова, посетил Ещенко и писал о нём: «Емельян человек очень умный и искренно верующий» (67: 100).

Н.И. Шинкарук

ЁРГОЛЬСКАЯ Татьяна Александровна (1792-1874) – троюродная тётка Толстого. Он сам определил её роль в своей жизни: «третье и самое важное лицо в смысле влияния на мою жизнь» (Воспоминания. Гл. VI). Третье, после матери и отца, которые умерли, когда Лёвочка был совсем маленьким. Татьяна Александровна была с ним всегда: в самые ранние детские годы, и в молодости, когда он часто и откровенно писал ей обо всех событиях своей жизни, и в зрелые годы, когда подрастали его собственные дети, которые, как и он, очень любили «тётеньку». Её нельзя было не любить. В «Воспоминаниях» Толстой писал о ней: «...ещё в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью». «Вся жизнь её была любовь». Став взрослым, он понял, что источником этого чувства была любовь Ёргольской к одному человеку – его отцу. «Только уже исходя из этого центра, любовь её разливалась и на всех людей». В молодости ему даже приходила мысль написать книгу «Жизнь Татьяны Александровны». Такая «книга» существует: это воспоминания писателя и переписка с «тётенькой Туанетт», так называли её в семье Толстых, ставшей для Ёргольской родной семьёй. Они были в дальнем родстве, отец Ёргольской – двоюродный брат Пелагеи Николаевны Толстой (Горчаковой), бабушки писателя.

Две девочки, Лизанька и Таненька Ёргольские, после смерти своей матери и вторичной женитьбы отца оказались сиротами и были взяты на воспитание двумя родственницами, Т.С. Скуратовой (родной сестрой отца) и бабушкой Толстого П.Н. Толстой. «Свернули билетки <с име-

нами девочек. - *Л.Д.*>, положили под образа, помолившись, вынули, и Лизанька досталась Татьяне Семёновне, а чёрненькая <т.е. Таненька. - *Л.Д.*> - бабушке». Таня воспитывалась наравне с дочерьми Пелагеи Николаевны, в семье подрастал сын Николай, Nicolas, ровесник Тани, ставший её единственной и самой глубокой любовью на всю жизнь. Она была очень привлекательна с «своей чёрной курчавой, огромной косой и агатово-чёрными глазами и оживлённым, энергическим выражением».

Кроме внешней привлекательности у неё был энергичный, самоотверженный, решительный и твёрдый характер, она была умна, у неё было почти всё, чтобы прожить счастливую, полную жизнь. «Должно быть, она любила отца, и отец любил её, но она не пошла за него в молодости для того, чтобы он мог жениться на богатой моей матери, впоследствии же она не пошла за него потому, что не хотела портить своих чистых, поэтических отношений с ним и с нами. В её бумагах, в бисерном портфельчике, лежит следующая, написанная в 1836 году, 6 лет после смерти моей матери, записка: “16 августа 1836. Николай сделал мне сегодня странное предложение – выйти за него замуж, заменить мать его детям и никогда их не покидать. В первом предложении я отказала, второе я обещалась исполнять, пока я буду жива” <оригинал на фр. яз. - *Л.Д.*>». Обещание своё Ёргольская исполнила. По дальности родства она не могла быть официальной опекуной малолетних Толстых (ими были, поочередно, родные тётки — Александра Остен-Сакен и Пелагея Юшкова), но заботиться о детях и любить их ей запретить никто бы не смог. Она любила всех племянников и племянницу (которая была ещё и её крёстной дочерью), но особенно выделяла Льва, отождествляя его с отцом и даже часто называя его именем отца - Nicolas. «...Это мне было особенно приятно, потому что показывало, что представление о мне и отце соединялось в её любви к обоим».

Некоторые черты внешности, характера, судьбы Ёргольской отразились в «Войне и мире» в облике Сони, живущей в семье Ростовых, но этот художественный образ вышел много беднее своего реального прототипа.

204

Ёргольская жила то в Ясной Поляне, то в имении своей сестры Покровском. Когда Толстой уже взрослым поселился в Ясной Поляне, он предложил тётеньке совсем переехать на жительство к нему. В своём дневнике 24 марта 1850 г. Ёргольская записала: «Я была так счастлива почувствовать себя им любимой, что в этот момент я забыла жестокое страдание, угнетающее моё сердце... Видеть, что существует душа столь любящая, было для меня счастьем. Днём и ночью я призываю на него

благословение неба» (Гусев. Материалы. С. 268). Жизнь в Ясной, рядом с любимым и любящим племянником, была для Ёргольской спасением от одиночества. Ещё раньше она записала в дневнике: «Одиночество ужасно! Из всех страданий это самое тяжёлое. Что делать с сердцем, если некого любить? Что делать с жизнью, если некому её отдать?» (Ясная Поляна. 1997. № 1. С. 233).

Ёргольская с особенной пронизательностью любящего человека угадывала в Толстом такие качества, о которых другие не подозревали, называя своего любимца «un homme à ergueil» <человек, испытывающий себя. – фр.> (59: 93), именно она советовала ему «писать романы». Когда вышло в свет первое его сочинение, повесть «Детство», она написала племяннику: «... без пристрастия и без лести скажу тебе, что надо обладать настоящим и совершенно особенным талантом, чтобы придать интерес сюжету столь мало интересному, как детство, и ты, мой дорогой, ты владеешь этим талантом. <...> Продолжай заниматься литературой; вот тебе открытый путь к славе...» (59: 210).

Писатель – существо одинокое, и от Ёргольской Толстой научился «прелести одинокой, неторопливой жизни», когда долгие осенние и зимние вечера он проводил в её комнате за разговорами и чтением. «И эти вечера остались для меня чудесным воспоминанием, - писал он... - Этим вечерам я обязан лучшими своими мыслями, лучшими движениями души».

Она прожила в доме Толстых почти всю свою жизнь, имела на Толстого огромное моральное влияние, и он любил тётеньку Туанетт, даже раскаивался в некоторых своих поступках по отношению к ней. Она очень любила сладости — винные ягоды, пряники, финики, всегда держала их у себя, стараясь угостить ими прежде всего самого Толстого. «Не могу забыть и без жестокого укора совести вспомнить, как я несколько раз отказывал ей в деньгах на эти лакомства и как она, грустно вздыхая, умолкала». Какие же у неё были радости и развлечения? Никаких. Только бы все кругом неё были веселы и счастливы. Вечерами, сидя у себя в комнате на жёстком красного дерева синем диване, на котором и спала, она раскладывала пасьянс «семилетний» или «бессмертный», или играла с племянником в карточную игру «безик». Она любила эту тишину и покой Ясной Поляны, которую называла «моё эльдорадо». Здесь ничто не нарушало течения её жизни.

От Ёргольской Толстой впервые узнал изречение, ставшее для него любимым до конца дней: «Делай что должно, и пусть будет что будет». Это изречение как итог событий последних своих дней записал Толстой на последней странице дневника за четыре дня до своей кончины.

Ёргольская скончалась 20 июня 1874 г. в Ясной Поляне, перед смертью попросив перевести её в другую комнату, чтобы эта, «хорошая комната», не связывалась потом у Толстых с печальными воспоминаниями. Когда

несли гроб с её телом через деревню, рядом с которой она прожила 50 лет, из каждого двора выходили крестьяне, подходили и давали деньги, прося священника отслужить литию по покойной в память многих её добрых дел. Она похоронена рядом с семейным склепом Толстых, где покоится прах Nicolas, её давно умершего любимого человека.

Л.С. Дробат

Ж

ЖАРОВЫ

Иван Ефимович (1896—между 1919 — 1921) — яснополянский крестьянин из беднейшей семьи. Девяти лет остался сиротой. В 1907—1908 гг. учился в школе Толстого. В письме дочери Александре 4 апреля 1907 г. Толстой сообщал: «Сейчас кончил урок с старшими (многие перестали ходить), но пришёл новенький, очень умный мальчик Жаров. Худой, жёлтый, в каком-то собранном из разноцветного и разноростного старья одеянии, не могущем иметь названия, и в ботинках, подошва одной из которых при мне оторвалась (мы шли от Тани, где обедали), и он голой пяткой ступал по снегу. А у него зубы болят и распухла щека» (77: 72). В тот же день Д.П. Маковицкий записал: «Л.Н.: Какой маленький Жаров жалкий, в тряпье, заплатках, тут отвалилась у него подошва. Надо попросить старушек, нет ли у них старых башмаков, купить у них. Впрочем, ему шьют сапоги.

Я отозвался, что он просил у меня на сапоги и я отказал ему, дурно сделал. Л.Н. спросил, та ли эта Жарова, которой он помогает?

Я: Да, у неё пятеро детей.

Л.Н.: Ведь только подумать, что каждого надо накормить, одеть, каждому обувь, шубёнку» (ЯПЗ. 2. С. 407).

Ваня Жаров был очень привязан к Толстому; после его смерти часто бывал у могилы; записал воспоминания о Толстом и рассказы матери о его помощи семье.

Наталья Никифоровна (1887 — после 1924 г.) — яснополянская крестьянка, жена Е.И. Жарова, мать Ивана Жарова. Пятая в семье дочка Маша родилась за 4 дня до смерти отца. За больным и роженицей ухаживали Толстые. Толстой косил и пахал для семьи, выполнял многие другие работы. Земли у Жаровых был всего один надел — нужда ужасающая. Толстой предложил Наталье сдать детей в приют, но она отказалась. И тогда он назначил пенсию семье. Старожилы Ясной Поляны до сих пор помнят, как Наталья поступила со своими детьми, как помогали ей Толстые: присылали муку, детям ситец на рубахи и конфеты по праздникам. В 1907 г. Толстой написал прошение тульскому

губернатору об освобождении Жаровой от уплаты долгов свёкра (12 руб.). Толстой часто хлопотал о семье и небезуспешно.

Н.И. Шинкарьук

ЖДАНОВ (имя и даты жизни неизвестны) — солдат, служивший вместе с Толстым в 4-й батарее 20-й полевой артиллерийской бригады на Кавказе. 6 января 1854 г. Толстой записал в дневнике, что «болтал с Чекатовским о солдатах». Чекатовский — офицер, а «солдатики» — это солдаты батареи, среди которых и Жданов; о нём здесь же, в дневнике, отмечено: «Солдат Жданов даёт бедным рекрутам деньги и рубашки <далее зачёркнуто: «из одного человеколюбия». — *Н.Б.*>. Теперешний фейерверкер Рубин, бывший рекрутом и получивший от него помощь и наставления, сказал ему: “Когда же я вам отдам, *дядинька*” - “Что ж, коли не умру, отдашь, а умру, всё равно останется”, — отвечал он ему». Обращение «солдатиков» к Жданову — «*дядинька*» — осо-

206

бенно понравилось: Толстой его даже подчеркнул в своём дневнике. Позднее это обращение прозвучит в рассказе «Рубка леса», где под своей фамилией Жданов выведен одним из главных персонажей, и в заглавии незавершённого рассказа о тяжёлой судьбе рекрута «Дяденька Жданов и кавалер Чернов», одним из главных героев которого должен был стать тот же «солдатык» Жданов.

Н.И. Бурнашёва

ЖЕЛТОВ Фёдор Алексеевич (1859 - ?) — крестьянин села Богородского Нижегородской губ.; сектант-молоканин, последователь Толстого в религиозных вопросах, в борьбе с пьянством. Его корреспондент и адресат. Автор рассказов и повестей из жизни крестьян и рабочих.

Толстой был знаком с Желтовым с 1887 г.; они переписывались и обсуждали при встречах вопросы литературы, борьбы с пьянством, воспитания детей, отношения к людям, сути брака, непротивления злу насилем, понятия веры и любви. Толстой давал отзывы на статьи Желтова «Деревенский праздник», «Трясина», «На Волге, или Злом горю не поможешь» и др.; помогал писательскими советами, хотя считал, что у автора «таланта художественного нет» (86; 68), но «это молодой человек, очень умный и религиозный» (86: 138). Статью Желтова

«Перестанем пить вино и угощать им» Толстой одобрил, но цензура её не пропустила. Толстой огорчился, считая статью очень нужной. Писателю полюбились и такие статьи, как «Разумное служение», «Два пути» и др.

Желтов сотрудничал в издательстве «Посредник».

Н.И. Шинкарьук

ЖИДКОВЫ

Алексей Алексеевич (1886-1965) — яснополянский крестьянин; из многодетной семьи. Стал рано работать; был сильным и находчивым человеком, скор и горяч на всякую работу: стоговал сено, присматривал за сторожкой в Чепыже. Семья была большая, а земли мало. Алексей не раз обращался к Толстому с просьбой помочь получить землю.

Особенно ярко проявился характер Жидкова в мае 1905 г., когда он принимал участие в спасении Фоканова Семёна Владимировича, засыпанного в песочной яме. Толстой наблюдал это и восторгался смелостью и находчивостью Жидкова. По этому поводу он записал в дневнике: «Говорят о нечестности крестьян, о лживости, воровстве. <...> Как мы не знаем жизнь трудового народа! Не знаем всех тех жертв жизнями, которые они несут ради своего труда. Всё это я думал, глядя на то, как откапывали засыпанного Семёна Владимировича. Самопожертвование, радость самопожертвования — видна в Алексее Жидкове, Герасиме <Фоканове>. Удивительно. Надо бы выяснить это людям» (55: 142-143). Толстой ещё не раз вспоминал впоследствии, как много Жидков знал по жизни, как много умел делать точно и безошибочно.

Алексей Анисимович (1860-1916) — яснополянский крестьянин. В семье 13 детей. Алексей много и тяжело болел. Толстой с дочерью Машей помогали его семье постоянно. Однажды Толстой пришёл навестить больного Алексея, а ребёнок очень плакал. Мать — в поле. Толстой сначала качал малыша, а потом пошёл в поле и заменил мать на работе. По свидетельству яснополянцев, семья редкий год обходилась без помощи Толстых. Толстой часто с Алексеем советовался.

Анисим Григорьевич (1823-1878) — из потомственных яснополянских крестьян; староста в селе после 1861 г. Прототип многих героев произведений Толстого. Его именем названы персонажи в рассказах «Поликушка», «Тихон и Маланья». В романе «Декабристы» Анисим Бровкин — это Анисим Жидков и его семья. Реальная жизнь Анисима вполне отразилась в жизни героев Толстого. Он был дважды женат, имел 13 детей, бедняцкое хозяйство.

Дмитрий Анисимович (1854—1931) — яснополянский крестьянин. Ученик школы Толстого 60-х гг. Писателю пришлось улаживать отношения в семье Дмитрия, когда тот в молодости буянил, приревновал жену и поджёг дом её матери. Толстой отправил Дмитрия в Самарское имение на два года. Жидков перебушевал и вернулся в Ясную Поляну другим человеком. В последующие годы Толстой следил за семьёй Жидкова.

Мария Власиевна (1835-1891) — яснополянская крестьянка, вторая жена Анисима Жидкова. Родила 9-х детей. Поделиться горем, рассказать о нужде шла к Толстому. В записной книжке 30 апреля 1879 г. он отметил: «Жидкова прибежала, испуганная, босая, избу не велят на старом месте ставить и нового не указывают». В письме к С.А. Толстой в мае 1886 г. сказано: «Нынче Жидкова пришла и говорила, что сын её поехал пахать не евши» (83: 571). Жидкова более 13 лет вдовствовала и вела хозяйство одна. Толстой постоянно помогал семье после смерти Анисима.

Н.И. Шинкарьук

207

ЖИРКЕВИЧ Александр Владимирович (1857—1927) — литератор, военный юрист, коллекционер, общественный деятель Северо-Западного края. Трижды встречался с Толстым в Ясной Поляне (в 1890, 1892 и 1903 гг.). Толстовская тема впервые появилась в дневнике Жиркевича в восторженной записи 20 февраля 1887 г. о драме «Власть тьмы», с которой он тогда познакомился. Эта тема в дневнике будет звучать на протяжении всей его жизни. Жиркевича волновало всё, что он слышал о Толстом, что читал в газетах, всё то, что рассказывали о нём А.М. Жемчужников, И.Е. Репин, Я.П. Полонский, В.Л. Величко, с которыми он был знаком.

В 1887 г. Толстой опубликовал «Листки» с призывом вступать в общество «Согласие против пьянства». Жиркевич, тогда ещё студент Петербургской военно-юридической академии и начинающий поэт, 23 декабря откликнулся письмом, в котором, выражая согласие с основной идеей, высказал ряд замечаний и предложений. 28 декабря Толстой ответил обширным письмом, разъясняя свою позицию. 1 января 1888 г. Жиркевич, продолжая отстаивать свой взгляд, писал Толстому: «Вопрос, предложенный мною Вам в первом письме, Вы разрешили не вполне для меня ясно. Я спрашивал Вас о том, что осуществима ли у нас, в России, при систематическом спаивании народа казной, при его экономическом застое, наконец, при апатии нашего общества ко всему, что требует дела,

жертв и труда, — осуществима ли попытка учредить “согласие” на одной нравственной идее?!» (*ОР ГМТ*). Идея общества не была реализована.

Следующее письмо Жиркевич послал Толстому в мае 1890 г. и к нему приложил только что изданную им поэму «Картинки детства» (псевдоним А. Нивин; СПб.). Автор спрашивал мнение Толстого о его книге. В ответном письме 30 июня Толстой советовал оставить ему «литературные занятия, в особенности в такой неестественной форме, как стихотворная». Трогательными и благодарными словами 14 июля откликнулся Жиркевич на суровую отповедь Толстого: «Спешу успокоить Вас насчёт впечатления, которое произвело Ваше искреннее, честное письмо на моё авторское самолюбие... Отчего вы думаете, что я мог даже озлобиться на Вас за правду, обидеться за неё?! Нет! Если в первую минуту мне стало горько, то только потому, что я ожидал, что книга моя доставит Вам удовольствие, но после, перечитывая Ваши откровенные строки, и эта горечь исчезла, уступив место благодарности за правду» (*ОР ГМТ*). «Очень рад был получить ваше письмо, Александр Владимирович, — отвечал Толстой 28 июля начинающему поэту, видимо, испытывая некоторую неловкость за резкие слова, - и очень благодарен за ту доброту, с которой вы приняли моё резкое суждение. Страстное влечение ваше к литературе говорит в пользу того, что я ошибся, что очень вероятно и чего очень желаю. Повторяю только то, что пишете только в том случае, если потребность высказаться будет неотступно преследовать вас».

Впервые Жиркевич на один день приехал в Ясную Поляну 19 декабря 1890 г. Встреча с Толстым потрясла его. Дневник сохранил взволнованное состояние молодого офицера. Сам текст записей идёт не в хронологическом порядке, а так, как подсказывала память.

Во второй раз он провёл у Толстых четыре дня (12-16 сентября 1892 г.) и имел возможность ближе познакомиться с семейным укладом. Последний раз Жиркевич был в гостях у Толстого 6 и 7 ноября 1903 г. «Сам Лев Николаевич, — писал он в дневнике, — погружён теперь в статью о Шекспире, в личную переписку, в дела добра, в борьбу с неправдою. Его глаза сверкают, как у молодого, движения его быстры <...>. И вдруг улыбка: лицо озарилось внутренним светом, стало удивительно добрым, сияющим <...>. Удивительное лицо! Особенно, когда он внимательно слушает вас и словно ныряет в вашу душу, ощупывая её своими пронизывающими, медвежьими глазками». Жиркевич и многие другие отмечали редкую искренность и правдивость Толстого: «От него, конечно, можно скрыть свои мысли, но соврать ему вслух нельзя. Он тебе ничего, быть может, и не скажет, но так вонзится в тебя медвежьими, точно из норок из-под мохнатых бровей глядящими глазками, так двинет нервно плечом, так молчаливо, как бы с презрением отойдёт в сторону или отвернётся, что тебе ясно станет, что

ты пойман великим ловцом душ человеческих на фальши и неискренности. Начинаешь оправдываться... А это ещё хуже» (ОР ГМТ).

Лит.: Жиркевич А.В. Встречи с Толстым. - Тула, 2009.

Н.Г. Жиркевич-Подлесских

ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич (1783-1852) – поэт, академик (1841) Петербургской академии наук. Начал как сентименталист, стал одним из создателей русского романтизма. Поэзия Жуковского насыщена меланхолическими мечтаниями, романтически переосмысленными образами народной фантастики (баллады «Люд –

208

мила», «Светлана»). Перевёл «Одиссею» Гомера, произведения Ф. Шиллера, Дж. Байрона.

С творчеством Жуковского Толстой был хорошо знаком, читал его стихотворения, баллады, переводы, публицистические эссе, с интересом изучал биографию поэта, предполагал использовать некоторые факты его жизни в неосуществлённом романе о В.А. Перовском и декабристах. В яснополянской библиотеке имеется около двадцати томов прижизненных и посмертных изданий сочинений поэта, включая монографии крупнейшего филолога А.Н. Веселовского. Сочинения Жуковского читают и герои Толстого: в повести «Юность» это Николенька Иртеньев и его новые знакомые студенты.

Лучшее создание Жуковского – стихотворение «Певец во стане русских воинов» – своим патриотическим духом, глубиной, искренностью и непосредственностью тронуло душу Толстого-воина. Это стихотворение можно считать одним из источников «Войны и мира». Думая о Тарутинской баталии, Толстой писал, что для него было бы счастье «описать Тарутинское сражение в духе “Певца во стане русских воинов”». Как легко было бы такое описание и как успокоительно действовало бы оно на душу». Но ему Тарутинское сражение виделось «совсем в другом свете». Ему хорошо было известно, что на войне «все люди – люди, а не герои» и что ничего нет выше правды, какой бы она ни была. Размышления Толстого о «Певце во стане русских воинов» в окончательный текст «Войны и мира» не вошли.

Главным трудом последних лет жизни Жуковского стал перевод с немецкого подстрочника «Одиссеи» Гомера. Поэмы «Одиссея» и «Илиада» Гомера на русском языке в переводах В.А. Жуковского и Н.И.

Гнедича произвели на Толстого «большое впечатление» в возрасте «от 20 до 35 лет». В 1870-1871 гг., перечитывая «Одиссею» уже в оригинале, на древнегреческом языке, он понял, что «Гомер только изгажен нашими, взятыми с немецкого образца, переводами. Пошлое, но невольное сравнение — отварная и дистиллированная тёплая вода и вода из ключа, ломящая зубы, — с блеском и солнцем и даже со щепками и соринками, от которых она ещё чище и свежее. Все эти Фоссы и Жуковские поют каким-то медово-паточным, горловым подлым и подлизывающимся голосом, а тот чёрт и поёт, и орёт во всю грудь, и никогда ему в голову не приходило, что кто-нибудь его будет слушать». Это письмо к Фету 1-6 января 1871 г. не единственное свидетельство неприязненного отношения Толстого к переводу Жуковского.

Толстовские пометы на «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя дают яркую картину его отношения не только к переводу «Одиссеи», но и к творчеству Жуковского в целом. Следы чтения, помимо оценок от 0 до 5, носят характер редакторской правки: вычёркивания «излишнего». «Излишним» оказался Жуковский. Вычеркнуты все письма Гоголя Жуковскому, все упоминания о поэте или его переводе «Одиссеи» в письмах к другим лицам. Всё это тем не менее не помешало Толстому в ноябре 1890 г. читать вслух «Одиссею» в переводе Жуковского дочери, М.Л. Толстой, и племяннице, В.А. Кузминской. Впрочем, всё же некоторые переводы Жуковского Толстой оценил высоко, например, его переводы Шиллера.

В 1869 г. впервые в посмертном издании сочинений Жуковского было напечатано его эссе «О смертной казни», что произвело ошеломляющее впечатление на читающую публику. В небольшой статье поэт писал, что смертная казнь — это земное правосудие, которое спасает общественный порядок, установленный Богом. Он выступал против уродливости и зрелищности смертной казни, против превращения ужаса казни в потеху для публики и предлагал совершать такую казнь, которая удержит от злодейства будущих преступников, даст возможность душе преступника перед казнью смягчиться для «покорности и покаяния». Романтик по природе, Жуковский нарисовал туманную и неопределённую картину казни, в которой всё дышит таинственной жизнью сердца и души «в виду человеческой плахи» перед судом Божьим. Он только намекает на то, что место казни «должно быть навсегда недоступно толпе», которая «должна видеть только крест, поднимающийся на главе церкви».

С этой статьёй Жуковского Толстой познакомился в конце февраля 1893 г., когда заканчивал работу над трактатом «Царство Божие внутри вас», где дана оценка статьи «О смертной казни». Он нашёл в ней «яркую иллюстрацию» для подтверждения своих мыслей против смертной казни и против церкви: «Казнь такая, какую предлагал устроить Жуковский, такая, при которой люди испытывали бы даже, как предлагал

Жуковский, религиозное умиление, была бы самым развращающим действием, которое только можно себе представить» (28: 273). Толстому уже не надо было вникать в тонкости. Жуковский не называл конкретное место казни, а только предлагал провести жертву «из темницы

209

через церковь». Впечатление Толстого от статьи Жуковского было потрясением, и в черновиках «Царства Божия внутри вас» он даже писал, что казнь, какую предлагал Жуковский, «была бы более развращающим действием, чем всё, что только могли придумать все дьяволы, чтобы развратить род человеческий» (28: 358).

Эссе Жуковского оставило неизгладимый след в памяти Толстого. «Терпеть не могу Жуковского!» — не раз говорил он. Всегда, когда речь заходила о поэте, Толстой вспоминал, как «что-то ужасное», что «этот добрый человек» написал «статью о смертной казни, где предлагает, чтобы казнь совершалась в церкви! В церкви, под пение молитвы!» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 112).

Лит.: Полосина А.Н. Л.Н. Толстой и В.А. Жуковский // *ЯП. сб.* 1998. - Тула, 1999.

А.Н. Полосина

ЖУРАВОВ Иван Герасимович (1862 - 1919) — крестьянин из села Хотушь Тульской губ., писатель-самоучка; корреспондент и адресат Толстого, автор воспоминаний о нём.

Две зимы учился у сельского дьячка, потом служил половым в трактире в Туле. В мае 1886 г. пришёл в Ясную Поляну, принёс свои стихи. Толстой посоветовал ему писать не стихи, а вернуться жить в деревню и писать рассказы из деревенской жизни. Журавов оказался довольно плодовитым писателем. «Посредник» отдельными книжечками издал его рассказы из крестьянского быта, написанные живым народным языком: «Раздел» (1887), его Толстой назвал среди тех произведений, которые «трогают людей, потому что говорят о существенных интересах людей» (64: 41), и «Злая невестка» (1888). Об этом сочинении Толстой писал В.Г. Черткову 6-10 сентября 1887 г.: «Ещё повесть Журавова – автора “Раздела”. В ней много хорошего – особенно эпизод загнания лошадей. Этот эпизод стоило бы напечатать отдельно, если уже не всю повесть. Но и всю повесть можно бы исправить. Вы на это мастер. Вообще Журавов идёт вперёд во всех отношениях, и я радуюсь на него» (86: 78). Через два месяца Толстой снова писал Черткову о

произведениях Журавова: «"Не всякому слуху верь" <в «Посреднике» вышло под заглавием «Злая невестка». — *Н.Б.*> — (заглавие надо заменить лучшей пословицей), — по-моему, хорошая вещь. Надо сократить и изменить конец и всё сгладить. "Не обидь сироту" — тоже хорошо. Обе, полагаю, надо напечатать, исправив. Третья же — "Пагубная мать" — кажется, плоха. Разумеется, он нуждается в деньгах. Я дал 10 рублей. Вы решите сами, что можно в этом отношении ему сделать» (86:98-99). В конце 1880-х гг. Журавов неоднократно посещал Толстого в Ясной Поляне, принося всё новые и новые рассказы. Толстой прочитывал их, давал оценку, иногда посылал Черткову для издания в «Посреднике». «Посылаю ещё рассказ Журавова и его письмо. Рассказ недурен <...>. Рассказ интересен и хорошо написан» (86: 207). «Пришёл Журавов. Мне в первую минуту было неприятно, но потом разговорился с ним и узнал, что он доволен своей судьбой и написал недурную повесть о кликуше. Я говорил с ним о работе. Он сапожничает с братом», — это запись в дневнике 20 сентября 1889 г. Порой Толстой принимал самое непосредственное участие в работе над рассказами Журавова. «Пришёл Журавов с рассказом о безумии работы для выгоды, для похвальбы, который я советовал ему, — записал он в дневнике 21 мая 1890 г. — Прекрасное может выйти. Но стали писать послесловие. Нет охоты» (51: 31). Последний раз Журавов был у Толстого в 1893 г.

У Журавова была большая семья, он нуждался материально; принося Толстому свои сочинения, рассчитывал на денежное вознаграждение, даже если рассказ был слабый и его не печатали; вёл споры о гонораре. Порой возникали конфликты. 7 мая 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Письмо печальное от священника хотушского. Просит деньги за Журавова, который считает, что ему должны. Как жаль!» (50: 79). Письма Толстому писал и сам Журавов; сохранились два ответных письма Толстого. Журавов написал воспоминания «Как я познакомился с графом Л.Н. Толстым и о чём с ним разговаривал и что мне про него другие говорили и рассказывали».

Н.И. Бурнашова

З

ЗАБЕЛИН Иван Егорович (1820 - 1908/09) — историк, археолог, литератор. Почётный член Петербургской академии наук. Автор книг «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» (М., 1862), «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии» (М., 1869), «История русской жизни с древнейших времен» (т. 1-2. М., 1876), «История города Москвы» (М., 1902) и др., многие из которых выдержали не одно издание и продолжают печататься до настоящего времени. Один из основателей Гос. исторического музея, Забелин в 1885-1908 гг. занимал в нём пост товарища председателя, т.е. фактически директора, и при нём музей обрёл своё лицо, сформировал основу коллекций, создал свою первую экспозицию. Толстой был знаком с Забелиным с 1850-х гг., изучал его труды. Работая над «Войной и миром» и над романом из эпохи Петра I, делал выписки из сочинений историка. Собирая материал и обдумывая «Ходжи-Мурата», он консультировался с Забелиным как с музейщиком по этнографическим проблемам народов Кавказа. Забелин был (с 1904 г.) хранителем толстовского архива.

12 ноября 1907 г. в Ясной Поляне Толстой говорил о том, что Забелин «празднует 70-летие своей литературно-исторической деятельности». В одной из газет был опубликован его портрет. Глядя на него, одна гостья «нашла его похожим на былинников». Толстой добавил: «Забелин и любит русскую старину, и вместе с тем русский человек по своей скромности и кротости» (ЯПЗ. 2. С. 560).

В.М. Бокова

ЗАВАЛИШИН Дмитрий Иринархович (1804—1892) — декабрист, мемуарист; из дворян Тверской губ. Завалишин воспитывался в Морском кадетском корпусе, в 1822 г. совершил кругосветное путешествие со своим товарищем, впоследствии знаменитым флотоводцем П.С. Нахимовым. Из Америки он возвратился в Россию через Сибирь, чтобы лучше изучить её. В Петербурге Завалишин представил императору Александру I свои предложения о развитии края, о проекте присоединения Калифорнии к

Российской империи и об учреждении полумистического «Ордена восстановления» с атрибутами масонства. В 1824 г. К.Ф. Рылеев привлёк Завалишина к участию в Северном обществе декабристов, которое послало его для пропаганды в Казанскую губ.

После суда над участниками восстания Завалишин был сослан в Сибирь, где составил карту Забайкальского края, изучал быт и фольклор местного населения. Получив разрешение возвратиться из Сибири и жить, где пожелает в пределах империи, за исключением столиц, Завалишин остался в Чите. В 1856 г. он женился на дочери умершего горного полковника и постоянно критиковал местное начальство. В 1863 г. Александр II, найдя вредным пребывание в Чите Завалишина, повелел выслать его из Сибири. Он был доставлен сначала в Казань, а затем ему было дозволено прибыть в Москву. Напечатал ряд статей в журналах «Русский вестник», «Русская старина», «Исторический вестник» и др. В «Русской старине» (1881-1882) опубликовал воспоминания.

В 1905 г. в Ясную Поляну приезжала младшая дочь декабриста и привезла мюнхенское издание (1904) записок отца. Толстой весьма неоднозначно оценивал воспоминания Завалишина: «"Записки декабриста" Завалишина так самохвальны, что противно читать» — записал Д.П. Маковицкий слова Толстого 2 июля 1905 г. Тем не менее писатель признавал их «самыми важными из записок декабристов», так как, не будучи близок ни с одним из декабристов, Завалишин описал и тёмные стороны их жизни: «Они, как пострадавшие люди, были другими идеализированы, сами тоже выставляли себя с доброй стороны. Читая, находишь середину между этими двумя точками зрения. Завалишин пишет о них, что им хотелось не свободы, а власти» (ЯПЗ. 1. С. 335). Читая «Записки» Завалишина, Толстой заключил, что только теперь «хорошо понял декабристское движение. Как они были могучи!» (ЯПЗ. 1. С. 341).

С.Г. Кашарнова, М.В. Строганов

ЗАГОСКИНА Екатерина Дмитриевна (рожд. Мертваго; 1807-1885) — в 1836 - 1861 гг. начальница женского Казанского Родионовского института, в котором училась сестра Толстого, М.Н. Толстая. Загоскина принадлежала к аристократическому обществу Казани и была хорошей знакомой П.И. и В.И. Юшковых. В одной из вставок к своей «Биографии», составленной П.И. Бирюковым, Толстой назвал Загоскину «оригинальной, умной женщиной». М.П. Ватаци, племянница Загоскиной, писала о своей тётке: «Гостиная её привлекала к себе всё, что было выдающегося в Казани, и среди посетителей хозяйка выдвигалась умом, образованием и светским лоском. Старшие девочки дежурили и занимали гостей, что давало им уменье себя держать и уничтожало

застенчивость. Летом институт не распускали, и дети пользовались чудным воздухом огромного парка, который его окружал. Вставая в шесть часов утра, Екатерина Дмитриевна шла на прогулку, и девочки при желании могли сопровождать её, при условии, конечно, говорить по-французски. Старший класс делился на группы, и каждая группа работала, обшивая весь институт; причём одна девица читала вслух» (цит. по: Гусев. Материалы. 1. С. 186). Для своих учениц директриса устраивала поездки, катанья на лодках, пикники. Она «принимала у себя всю светскую Казань, и её гостиная по тону стояла почти на одном ранге с губернаторской» (там же). Толстой писал, что Загоскина всегда привлекала «к себе наиболее комильфотных молодых людей» (34: 399). Он нередко бывал в её гостиной, правда, был застенчив и стеснялся танцевать на балах, за что директриса добродушно журила его: «Mon cher Leon, vous n'etes qu'un sac de farine (Вы просто мешок с мукой)» (цит. по: Гусев. Материалы. 1. С. 187). Двоюродным племянником Загоскиной был Д.А. Дьяков («чудесный Митя»), с которым Толстой, видимо, у неё познакомился.

В мае 1851 г. по пути на Кавказ Л.Н. и Н.Н. Толстые остановились в Казани. В этот свой приезд Толстой бывал у Загоскиной ежедневно, там встретил он З.М. Молоствову, бывшую воспитанницу института, к которой испытал «поэтическое чувство влюбления» (Бирюков). С.А. Толстая по рассказам мужа знала об этих днях в Казани и в своих воспоминаниях писала: «В Казани они пробыли неделю; здесь повидались они с Загоскиной, начальницей института, которая в их студенческое время была одна из лучших знакомых, умная, энергичная женщина» (ТВС. 1. С. 37).

Н.И. Бурнашёва

ЗАСОДИМСКИЙ Павел Владимирович (1843—1912) — русский писатель-народник, прозаик. Автор романов «Хроника села Смурина», «По градам и весям», «Грех» и др.; детских рассказов (сборник «Задуманные рассказы» в 2 т. СПб., 1883—1884; в 1914 г. — 8-е издание) и др. Корреспондент и адресат Толстого.

Писатели не были знакомы лично. Засодимский с величайшим уважением и любовью относился к Толстому, мечтал увидеться с ним и, будучи знаком с В.Г. Чертковым, лелеял надежду, что тот поспособствует в этом. Однако не получилось. «Насчёт Льва Николаевича у нас воистину вышло грустное недоразумение — писал Засодимский Черткову 1 февраля 1888 г. — Вы пишете, что “не предлагали мне своей рекомендации”, “не желая напрашиваться”, а я, со своей стороны, не решился просить вас, “не желая навязываться”. Я боялся, что Лев Николаевич, приняв меня, как и всех вообще, доброжелательно и ласково, тем не менее смешает меня в одну кучу с “петербургскими литераторами”, которые ездят к знаменитым людям для того, чтобы потом говорить кстати и некстати о своём “знакомстве” с ними...» (ПРП. 2. С. 400).

212

Толстой познакомился с сочинениями Засодимского в 1887 г.: повести «Чёрные вороны» и «Весь век для других», присланные ему Чертковым, вызвали положительный отзыв. «Повести Засодимского недурны вместе. Последняя особо хороша» (86: 31), — в феврале 1887 г. писал Толстой Черткову. Столь же доброжелательно был воспринят и рассказ «Мирское дитё»: «очень хорошо» (86: 42). 28 декабря 1890 г. Засодимский послал Толстому свой «святочный рассказ» «Перед потухшим камельком» (опубликован в журнале «Северный вестник». 1891. № 1) и просил высказать мнение о том, «можно ли литературными произведениями, подобными» этому рассказу, «хоть сколько-нибудь отклонить человека от зла». Толстой отвечал 13 января 1891 г.: «Я получил ваш рассказ и тотчас же прочёл про себя и другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. <...> Слабого нет, всё сильно, а недостатки есть: недостаток один тот, что во многих местах слишком подчёркнута дрянность рассказчика, например, где он говорит про свою храбрость — товарищ, дворник, дуэль — это надо выкинуть; другое — это его рассуждения и чувство под взглядом ребёнка — это неверно в противоположную сторону (притом у новорождённых не бывает голубых

глаз). Третье — не нравятся мне в конце его мечты о том, что могло бы быть, о ёлке. Рассказ очень, очень хороший и по форме и по содержанию, и очень благодарен вам за присылку его» (ПРП. 2. С. 401-402). 15 января 1891 г. Толстой писал Черткову об этом сочинении: «Очень хорошо. И можно, и должно напечатать в “Посреднике”» (87: 69). Но цензура не пропустила рассказ для отдельного издания, и в «Посреднике» он напечатан не был. (В 1895 г., включив рассказ в собрание своих сочинений, Засодимский исправил его по замечаниям Толстого.) В беллетристическом отделе «Посредника» появились рассказы «От сохи к ружью», «Слепые неразлучники», «Чёрные вороны», «Мирское дитё», «Весь век для других».

По просьбе Толстого Засодимский заканчивал рукопись об Александре Македонском, которая была начата А.М. Калмыковой (впоследствии текст был ещё обработан Чертковым) и затем издана в Петербурге в составе сборника «Два победителя. Царь Македонский Александр и римский император Марк Аврелий» (СПб., 1890) и в «Посреднике»: «Александр Македонский — знаменитый завоеватель, прозванный Великим» (М., 1890).

В мае 1892 г. Засодимский писал Толстому о полученном им письме от М.А. Сопоцько, с которым незадолго до того работал над вологодским сборником «Помочь» в пользу голодающих, и, уведомляя о тяжёлом нравственном состоянии Сопоцько, просил Толстого взять его в число помощников «на голоде» (что Толстой и сделал). В том же письме Засодимский сообщал, что его новый роман из крестьянской жизни «Грех старого чабана» (печатался под названием «Грех»; испытал влияние религиозного учения Толстого) не понравился в редакциях петербургских и московских либеральных журналов. «Как бы я желал услышать о нём Ваше мнение, — писал Засодимский — и Вашу догадку о том, по каким причинам роман не понравился» (ПРП. 2. С. 404). Толстой отвечал автору: «Роман очень желаю прочесть. Мне всегда нравится и то, что вы пишете, и большею частью то, что не нравится либералам» (там же. С. 405).

В. М. Бокова

ЗАХАРОВ (имя и даты жизни неизвестны) — рекрут («рекрутик»), служивший в 4-й батарее вместе с Толстым на Кавказе. В дневнике Толстого 6 января 1854 г. записана история строевого ефрейтора Спевака, у которого украли деньги; здесь и упоминается «рекрутик Захаров», просивший фейерверкера Рубина «успокоить» беднягу, «предлагая свой единственный целковый». В рассказе «Рубка

леса» «рекрутик» не имеет фамилии, но несомненно имеет своего реального прототипа «рекрутика Захарова».

Н.И. Бурнашёва

ЗАХАРЬИН Григорий Антонович (1829—1897) – русский врач, основатель московской терапевтической школы. Родился в 1829 г. в старинной дворянской семье (род Захарьиных восходит к началу 16 в.). Окончив саратовскую гимназию, Захарьин в 1847 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1854 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины, а затем был послан на стажировку в Европу. Вернувшись в Россию, Захарьин стал профессором Московского университета, в 1862 г. возглавил университетскую терапевтическую клинику, директором которой прослужил 35 лет, почти до самой своей смерти.

Известно около 40 научных трудов Захарьина; среди них «Клинические лекции», принесшие автору мировую известность. Эта книга, появившаяся за несколько лет до смерти профессора, была авторским

213

конспектом его лекций, которые он читал на протяжении почти 40 лет в Московском университете. Лекции Захарьина были необычайно популярны, аудитория всегда была переполнена. Излагая суть проблемы, не отвлекаясь на подробности, Захарьин поражал студентов полётом мысли, ясностью и простотой изложения, железной логикой. Профессор П.М. Попов, вспоминая лекции учителя, писал: «Живая, убедительная, чисто русская речь Захарьина, художественная по яркости красок, в то же время простая и ясная, где каждая фраза полна глубокого смысла, богата содержанием, из которой “слова не выкинешь”, — увлекала слушателей...» («Речи, посвящённые памяти профессора Григория Антоновича Захарьина и произнесённые в заседании физико-медицинского общества 23 марта 1898 года». - М., 1898. С. 28. Далее: «Речи...», с указанием страницы).

Коллеги Захарьина подчёркивали, что теоретико-философские проблемы мало увлекали профессора. «Он ценил в медицине то, что непосредственно оказывало влияние на практическую сторону дела. Это был практический ум по преимуществу... В его лекциях чувствовался прежде всего практический врач, призванный научить как можно лучше распознать болезни и как можно успешнее лечить их», -- писал профессор В.Д. Шервинский (Университетские воспоминания. Захарьин

// Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. - М., 1993. Т. 2. С. 127-128). Именно эта практическая направленность занятий Захарьина привлекала слушателей.

Наиболее ценный вклад Захарьина в науку – это разработанный им метод диагностического опроса пациента. Он видел в человеческом организме целостную систему, работа которой нарушается под воздействием неблагоприятной внешней среды, в результате чего человек заболевает. Исходя из этого, Захарьин делал вывод, что лечить надо не болезнь, а человека, для чего необходимо проникнуть в условия и образ его жизни, понять его психологию. Поэтому беседа с пациентом обычно длилась несколько часов, что позволяло врачу понять человека и определить причину болезни. Захарьин подчёркивал, что только на основе данных, полученных из опроса пациента, врач может составить план лечения.

Захарьин был очень популярен в Москве, его считали всевидящим диагностом, авторитет которого был непререкаем. Современники знали Захарьина не только как выдающегося врача, но и как человека яркого, талантливого, правда, с противоречивым и непростым характером. Профессор В.Ф. Снегирёв, ученик и коллега Захарьина, писал в своих воспоминаниях: «Натура Захарьина сочетала множество крайностей, иногда совершенно парадоксальных. Доверчивость и подозрительность, расчётливость и щедрость, вспыльчивость и сдержанность, аскетизм и гуманность при его страстной натуре уживались в нём вполне» («Речи...» С. 16–17). В воспоминаниях современников запечатлён необычный внешний облик профессора. Это был человек с суровым выражением лица, с острым носом, напоминавшим клюв ночной птицы, всегда одетый в наглухо застёгнутый френч ниже колен и в валенках, так как смолоду страдал серьёзной болезнью.

О характере Захарьина и его чудачествах ходили легенды. Все, кто лечился у него, знали, что накануне визита профессора являлся его ассистент, который осматривал дом и комнату, где доктор будет обдумывать план лечения в абсолютной тишине. Для чего просили на этот час увозить детей даже из соседних квартир и останавливали часы. Из уст в уста передавался случай из врачебной практики Захарьина. Однажды в Химки, где было имение доктора, прибыл особый поезд – с двумя паровозами. Захарьина срочно повезли в Петербург: заболел император. Нарушая придворный этикет, лейб-медик Захарьин явился к царю с палкой и в домашних туфлях (зелёных плюшевых сапожках). Оправдывая доктора, императрица Мария Фёдоровна для предотвращения скандала громко воскликнула: «Это я, это я ему позволила». Поставив точный диагноз: воспаление лёгких, — Захарьин в три дня вылечил царя. И таких историй о Захарьине рассказывали много.

Знакомство Толстого с Захарьиным состоялось 20 июня 1867 г., когда писатель приехал в Москву для переговоров об издании «Войны и мира» отдельной книгой. Своё пребывание в городе он решил использовать и для консультации с хорошим врачом по поводу непонятных болей в желудке. О первом визите к профессору Толстой рассказал в письме жене: «Захарьин до смешного был внимателен и педантичен; рассматривая меня, заставлял и ходить с закрытыми глазами, и лежать, и дышать как-то, и ощупал, и остукал со всех сторон» (83: 143). Во время этого посещения Толстой поставил врачу своеобразный ультиматум: «Я лечиться лекарствами не буду, и сказал ему, что первое условие моего лечения это жить в деревне, но образу жизни, который он предпишет, или водам последую» (там же).

214

Как ни странно, но обычно вспыльчивый Захарьин спокойно выслушал пациента и принял его условия. Это можно объяснить только тем, что требования Толстого удивительным образом совпадали с медицинскими воззрениями Захарьина. Известно, что профессор назначал очень мало лекарств, а порой и вовсе ничего не выписывал, зато давал много ценных советов. Так, А.П. Чехов писал А.С. Суворину 27 ноября 1889 г.: «Не пожелаете ли Вы посоветоваться в Москве с Захарьиным?.. Советы его драгоценны. Если головы не вылечит, то побочно даст столько хороших советов и указаний, что Вы проживёте лишних 20-30 лет. Да и познакомиться с ним интересно» (*Чехов. Письма*. Т. 3. С. 295). Захарьин призывал в своих лекциях будущих врачей не увлекаться лекарствами и всегда подчёркивал относительную слабость лекарственной терапии. Второе условие Толстого — «жить в деревне» — тоже близко одному из важнейших положений терапевтической системы профессора. «Захарьин явился провозвестником принципа — не отрывать больных от привычного климата, — писал в своих воспоминаниях его ученик профессор П.М. Попов, — а устраивать их в деревне, в загородных местах, у себя дома» («Речи...» С. 29).

Захарьин — первый врач в России, который начал лечить минеральными водами на месте проживания больного, без поездок «на воды», как было принято раньше. Исполнять предписание профессора — пить минеральные воды — Толстой сразу согласился. Так с первого же визита к Захарьину они стали единомышленниками. Захарьин был для писателя самым авторитетным из всех врачей, которые когда-либо его лечили.

Толстого привлекали не только выдающиеся профессиональные качества, но и необыкновенная многогранность личности Захарьина,

который хорошо знал и любил поэзию, был неплохим пианистом, интересовался изобразительным искусством. Вскоре их знакомство переросло в дружбу. Через 10 лет после первой встречи Толстой и Захарьин обменялись дружескими письмами. В апреле 1877 г. Толстой писал: «Дорогой Григорий Антонович, пишу вам в первую свободную минуту, только с тем чтобы сказать вам, что я очень часто думаю о вас и что последнее моё свидание с вами оставило во мне очень сильное и хорошее впечатление и усилило мою дружбу к вам. Прошу вас верить этому и любить меня так же, как я вас. Ваш Толстой» (62: 321). Через несколько дней Захарьин отвечал: «Десять лет назад я оценил в вас не только первого из современных русских писателей, но и — ещё не зная вас лично — человека, симпатии которого хорошо видел, несмотря на всю объективность вашего творческого дарования, — были там же, где и мои, сам пожелал узнать вас и стал настороже вашего здоровья. С удовольствием вспоминаю об этом, потому что доволен своим тогдашним духовным движением. Если Вы уже тогда были так дороги, можете судить, как Вы мне дороги теперь. Мои чувства к Вам — братские» (Свадковский Б.С. Г.А. Захарьин и Л.Н. Толстой // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. — М., 1996. Т. 6. С. 42-43).

Это была дружба двух выдающихся людей, чьи взгляды на многие жизненно важные вопросы совпадали. Чехов, лично знавший обоих, так определил равнозначность их дарований: «Захарьина я уподобляю Толстому — по таланту» (Чехов. Письма. Т. 3. С. 264). И чуть позже: «Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина» (там же. Т. 4. С.362).

Знакомство Толстого с Захарьиным отразилось в истории создания ряда произведений писателя. Особое место среди них занимает повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886). Захарьин рассказывал своим ассистентам, что в фабуле этой толстовской повести описана история болезни и смерти тульского прокурора Ивана Ильича Мечникова (брата знаменитого учёного), которого он лечил. Дружба с Захарьиным позволяла Толстому выяснять и уточнять многие профессиональные подробности, которые он затем использовал в творчестве. Именно это помогло ему сделать необычайно достоверными «медицинские» эпизоды, которых в его произведениях немало.

С годами взаимная симпатия Толстого и Захарьина пошла на убыль. Одна из причин — непомерно разросшаяся частная практика профессора, которая приносила ему огромные доходы. Многие обвиняли Захарьина в стяжательстве, корыстолюбии. Коллеги, профессора Московского университета, осуждали его за то, что он стал мало внимания уделять факультетской клинике. Хотя и в этой своей страсти к богатству Захарьин, как всегда, не был однозначен. Все забывали, а

многие не знали, что большую часть своего состояния он отдавал на общественные нужды. Профессорскую зарплату Захарьин жертвовал нуждающимся студентам; на свои средства отправлял талантливых врачей на стажировку за границу; пожертвовал

215

полмиллиона на строительство церковноприходских школ; давал деньги на издание медицинских журналов и др. Отдавая огромные деньги на благотворительность и меценатство, Захарьин был необыкновенно скромен в личной жизни и в быту. Но, несмотря на это, о корыстолюбии Захарьина говорила вся Москва.

Толстой тоже критически относился к обширной частной практике Захарьина, пытался повлиять на него. Однажды, придя к профессору в гости, он прочитал ему свою сказку-притчу «Много ли человеку земли нужно». Захарьин не понял подвоха Толстого и не принял на свой счёт моральной проповеди, заключённой в притче. В.Ф. Снегирёв вспоминал: «Захарьин был увлечён рассказом, в подробностях и с живостью передавал его и ни капли не подозревал, что <...> писатель этим рассказом прямо бил его уже не в бровь, а в глаз» («Речи...» С. 16).

В 1880-е гг. произошёл окончательный разрыв личных отношений Толстого и Захарьина. Основной причиной было полное неприятие доктором религиозно-философского учения Толстого. В 1885 г. своему другу Л.Д. Урусову, которого в то время лечил Захарьин, Толстой с возмущением писал о религиозном невежестве профессора: «Вчера с Захарьиным я до 12 часов беседовал про веру. Он очень умён и правдив, но нельзя себе представить его невежество. Я ему говорю заповеди Христа: вам сказано — не убий, а я <...> и говорю: «ну, вы помните». Он говорит: нет, не помню; я не читал Евангелия. Ведь это невероятно. А он молится Богу... И этот человек не читал Евангелия и мою книгу не хочет прочесть, потому что ему некогда» (63: 204). Речь идёт о сочинении Толстого «В чём моя вера?». Писатель был настойчив, и доктор нашёл время, прочитал его трактат, но не согласился с основными его идеями. Прямой, бескомпромиссный, Захарьин подверг Толстого резкой критике. С тех пор отношения были навсегда порваны.

Однако члены семьи Толстого продолжали пользоваться консультациями знаменитого врача. И хотя сам писатель не обращался к Захарьину, он по-прежнему высоко ценил его профессионализм. Поэтому тяжело заболевшему сыну Льву он советовал положиться на предписания Захарьина: «Доктора нужны, главное, на то, чтобы не лечиться самому, и в особенности такие, как Захарьин, на которого жаловаться есть только одна инстанция — Бог» (66: 370). Уже после смерти Захарьина Толстой

вспоминал доктора, советам которого всегда следовал. Он писал жене: «Старайся не торопиться и не горячиться. Захарьин не велит» (84: 349).

«Захарьин умер внезапно, в короткий срок, вызвав смертью удивление... Никто не хотел верить; все думали, сжились как бы с мыслью, что такой человек и такой врач не должен умереть никогда, так веровали в его чудодейственное врачебное искусство», — писал о кончине Захарьина его друг и ученик Снегирёв (Речи...» С. 17).

Лит.: Кулижников Г.А. Л.Н. Толстой и медицина. — М., 1999.

А.К. Ломунова

ЗДЗЕХОВСКИЙ Мариан Эдмундович (1861-1938) — профессор Краковского университета; посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Писатель был знаком с его работами о религиозных идеалах польского общества.

Имя Толстого с юных лет вошло в жизнь Здзеховского; позднее он писал: «Первый раз я читал “Войну и мир”, будучи учеником 7 класса гимназии. Один образ особенно поразил моё воображение и, войдя в душу, остался в ней, неразрывно связавшись с теми её настроениями и побуждениями, которыми я более всего дорожу; это образ раненного под Аустерлицем кн. Андрея Болконского, когда, лёжа на поле сражения и не видя того, что происходит вокруг, он смотрит в небо, “неизмеримо высокое небо с тихо ползущими по нём серыми облаками”, и чувствует, “как всё пусто, всё обман, кроме этого бесконечного неба; ничего, ничего нет, кроме него...”». В 1883 году, продолжал Здзеховский, «я прочёл “Исповедь” жадно, но не нашёл в ней желанного удовлетворения. Л.Н. смело устремлялся в новый мир, оставляя за собой развалины церковного христианства, между тем как для меня понятия религии и церкви были неразделимы. Привязанность к римско-католической вере, к её обрядам и таинствам слишком глубоко внедрилась в мою душу, чтобы я был в состоянии от неё отрешиться; я искал синтеза католицизма с лучшими стремлениями века <...>. Но это вовсе не ослабило моего влечения к Л.Н. Толстому; <...> я в нём чтит учителя, которого в эпоху торжества материалистического эгоизма в философии и в жизни Провидение призвало для того, чтобы обнажить суету чувственности и безобразие греха» (Здзеховский М. Голос из Польши // МТА. С. 64-65).

В 1895 г. Здзеховский написал «очерк, в котором, изложив ход польской политической мысли с 1831 г., старался указать на её глубоко христианскую подкладку». По

цензурным соображениям статья была напечатана в сокращённом виде в июльской книжке «Северного вестника» под псевдонимом «М. Урсин». Желая опубликовать её за границей полностью, но считая своё имя недостаточно известным, чтобы рассчитывать на успех издания, Здзеховский 12 августа 1895 г. обратился к Толстому с письмом, в котором просил его «о помощи в виде краткого предисловия, хотя бы в полемическом тоне», против его взглядов. Эти взгляды по поводу прочитанной им статьи Толстого «Христианство и патриотизм» он излагал в том же письме. На письмо Здзеховского Толстой ответил 10 сентября 1895 г.: «Статья прекрасная, и я узнал из неё много для себя нового и радостного. Я знал про Мицкевича и Товянского. Но я приписывал их религиозное настроение исключительным свойствам этих двух одиночных людей. Из вашей же статьи я узнал, что они были только родоначальниками вызванного патриотизмом, глубоко трогательного по своей возвышенности и искренности, истинно христианского движения, продолжающегося до сих пор».

28 августа 1896 г. Здзеховский посетил Ясную Поляну. 2 июня 1899 г. послал письмо с описанием празднования 100-летней годовщины Пушкина в Кракове. Толстой ответил письмом 26 июня 1899 г.: «Мои отношения с вами мне очень памяты и оставили во мне самые хорошие воспоминания. Вашей статьёй и разговорами вы помогли мне сознательно сблизиться душевно с поляками — то, к чему я всегда чувствовал несознательное влечение».

В.В. Алексеева

ЗИНОВЬЕВ Николай Алексеевич (1839 – не ранее 1917) – публицист, сенатор, член Гос. совета (1904), тульский губернатор (1887-1893). Окончил Лазаревский институт восточных языков. В 1858—1904 гг. на гос. службе.

В годы своего губернаторства Зиновьев познакомился с Толстым, относился к нему дружелюбно, «с большим уважением» и не как «представитель наблюдающей власти, а в качестве знакомого» (Давыдов Н.В. Из прошлого // *ТВС*. 2. С. 15). В 1890-1892 гг. Толстой переписывался с Зиновьевым, ездил к нему в Тулу хлопотать за крестьян, сельских учителей, опирался на поддержку губернатора во время организации помощи голодающим. Зиновьев с семьёй часто бывал у Толстых в Ясной Поляне. «Были Зиновьевы, и суета» (51: 38). «Вечером приехали Зиновьевы с музыкой» (51: 82): старшие дочери Зиновьева серьёзно занимались музыкой, учились петь и играть на фортепьяно. Дочь Зиновьева Н.Н. Фере дружила с Т.Л. Толстой.

В 1893 г. произошло охлаждение: Зиновьев участвовал в усмирении крестьян села Бобрики Тульской губ. Глава XII трактата «Царство Божие внутри вас» написана под впечатлением от встречи с возглавляемым тульским «губернатором 3.» карательным «поездом, администрации и войск, ехавших для усмирения» голодающих крестьян села Бобрики. Увидев Толстого на станции Узловая, Зиновьев «казался очень сконфуженным и жалким» (84: 161). Во многих заграничных газетах появились отрывки из XII главы «Царства Божия внутри вас», что «подняло бурю в правительственных сферах». А.М. и Т.А. Кузминские, читая XII главу, обратили внимание на некоторое сгущение красок. Толстой писал в дневнике, что он «очень много пережил. Во-первых, кончил дело голодающих. <...> Главное, появилась за границей выписка из этой книги об орловском деле, и началась суэта, и воздействия, и ложные понимания, и клевета. <...> Обиды Зиновьеву. (Зиновьев прочёл в Стокгольме и очень обижен, огорчён, озлоблен). Нынче послали телеграммы, прося приостановить печатание всеми переводчиками. Кажется, поздно» (52: 96). Действительно, были посланы телеграммы переводчикам в Париж, Бостон и Берлин с просьбой задержать печатание XII главы трактата. Публикация за границей выдержек из XII главы вызвала в России кампанию клеветы и нападок на Толстого. Выпады правительства объяснялись невиданной популярностью за границей трактата «Царство Божие внутри вас». По поводу всего происшедшего Зиновьев сказал своему вице-губернатору, что знакомство с Толстым прекращено, после чего В. Вересаев характеризовал его как карьериста и самодура. А С. А. Толстая в дневнике записала, что Зиновьев «способный, живой, но мало симпатичный» (ДСАТ. 1. 273). Зиновьевы и семья его дочери Фере всё же поддерживали связь с Толстыми и после этой ситуации. В 1898 г. Зиновьев напомнил о себе Толстому, прислав ему «итальянскую брошюру» (о Толстом) и письмо. Толстой благодарил. Н.Н. Фере рассказала Толстому, что её отец «каждый день читает “Круг чтения”. Льва Николаевича это очень тронуло» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 188).

После смерти Толстого Зиновьев часто навещал С.А. Толстую, ходил с ней на могилу Толстого, слушал её чтение вслух отрывков из «Моей жизни».

217

Лит.: Фере Н.Н. Ещё о Толстом: Неизвестные воспоминания // Русская литература. – 1970. № 4.

А.Н. Полосина

ЗИССЕРМАН Арнольд Львович (1824 – 1897) – военный историк, писатель. В 1840–1850-х гг., будучи на гражданской службе, участвовал во многих военных экспедициях на Кавказе. Принимал участие в восстановлении православия среди осетин. С первых экспедиций Зиссерман стал бытописателем Кавказа и летописцем его завоевания. В 1850-х гг. статьи военно-исторического характера и воспоминания Зиссермана печатались в журналах «Современник», «Русский вестник» и др. Последние годы своей жизни провёл в имении Лутовиново близ Ясной Поляны.

12 сентября 1896 г. Толстой посетил Зиссермана в его имении в связи с работой над «Хаджи-Муратом». Материалом для этой повести среди прочих источников служили книги историка «Двадцать пять лет на Кавказе, 1842-1867 гг.» (СПб., 1879. Ч. I, II), «История 80-го пехотного Кабардинского князя Барятинского полка» (СПб., 1881), «Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский» (М., 1889–1891. Т. I, II, III). К ним Толстой обращался на протяжении всей работы над повестью. По мнению П.А. Сергеенко, сюжеты некоторых эпизодов «Хаджи-Мурата» взяты из этих книг. В яснополянской библиотеке сохранились две из трёх частей книги «Двадцать пять лет на Кавказе, 1842-1867 гг.», подаренные Толстому Зиссерманом с надписью: «Графу Льву Николаевичу Толстому лично автором поднесено 12 сентября 1896 г. в с. Лутовинове». В этих книгах – многочисленные пометы Толстого.

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

ЗЛИНЧЕНКО Кирилл Павлович (1870-1947) – знакомый Толстого, его корреспондент и адресат.

В доме Толстого в Хамовниках, в комнате мальчиков, стоит старый сундук, в нём – одежда Толстого, его головные уборы, другие предметы. Лежал здесь и летний картуз Толстого, сшитый С.А. Толстой из белой материи. Картуз с высокой тульей, мягким козырьком и околышем. На козырьке, с внутренней стороны, марганцовкой сделана надпись: «Подарен К.П. Злинченко Л.Н. Толстым. 1898... года». Надпись читается с трудом; картуз вернулся в дом Толстого почти 80 лет назад – сам Злинченко принёс его 7 декабря 1930 г.

Кто же этот Злинченко? Какие отношения связывали его с Толстым?

Мещанин из Киева, по профессии массажист, Злинченко, примыкавший к киевским революционным кружкам, стал сочувствовать взглядам Толстого. Летом 1896 г. он приехал в Ясную Поляну. 19 июля Толстой записал в дневнике: «Приехал Злинченко. Чужой. Молод и не так понимает, как я, то, что понимает, хотя во всём согласен».

Молодой человек вызвал у Толстого симпатию и желание помочь ему, облегчить бедственное положение его семьи. Писатель обратился к своему родственнику А.М. Кузминскому, жившему в Киеве, прося «за своего знакомого, киевского молодого и очень хорошего человека, находящегося с семьёй — женой и двумя детьми — в очень бедственном положении, вследствие отсутствия работы. Молодой человек этот был в революционной организации, где его женили и из которой он по своим очень определённым христианским убеждениям вышел и к которой относится с отвращением. Он способный и хорошо грамотный человек; жена его — курсистка. Работа, которой они ищут и которой кормились до сих пор, это литографирование, переписка лекций, уроки, свёрстывание брошюр и т.п. Он выучился массажу и был одно время кандидатом в помощники библиотекаря. Так вот, нельзя через твои связи дать ему какую-нибудь работу, которая могла бы кормить его с семьёю. Человек он приятный в обращении и работник хороший».

Не получив ответа от Кузминского, Толстой с такой же просьбой обратился к его жене Т.А. Кузминской, рассказывая, что Злинченко «очень хорошо, правильно и толково пишуций», «человек молодой и честный», жена его — «учительница с двумя детьми и страшной нуждой», что он, Толстой, «принимает в них большое участие и желал бы помочь им». Но они «люди самолюбивые и желали бы иметь работу, а если нет работы, то хоть хлеба для детей». Толстой просил свояченицу увидеться с ними и дать денег «в пределах 25 р.». Кузминская выполнила просьбу Толстого, посетила семью Злинченко; ему предложили работу, которая, правда, его не устроила, и он занялся печатанием на гектографе запрещённых сочинений Толстого, за что в сентябре 1896 г. был арестован и посажен в тюрьму, а в 1898 г. выслан на 2 года в Астраханскую губ.

Из ссылки Злинченко писал Толстому: «Сослан я за сношение с гр. Толстым, за отречение от православной лжи и “за распространение, изготовление механическим путём сочинений Толстого <...> имеющих целью разрушение существующего поряд-

218

ка в России”, как сказано в статье 252. <...> Лев Николаевич, не откажите прислать мне всё, что только можете из своих писаний, в особенности последних и в особенности “О жизни” и читанную мною вскользь в рукописи “Исповедь”. Очень бы я был рад, если бы Вы прислали мне маленький кусочек Вашей рукописи. Если бы Вы знали, какая для меня была бы радость — всё это получить от Вас. <...> Если бы Вы знали, как я был рад достать Ваш последний портрет, я всегда его ставлю перед собой.

Когда я делаюсь хуже, Вы всегда на меня с портрета, как мне кажется, грозно-укоризненно смотрите» (*ОР ГМТ*). Толстой задержался с ответом, но 12 января 1899 г. написал Злинченко: «Я очень помню вас и люблю и был рад получить от вас письмо. <...> Рад был узнать, что вы всё в том же хорошем, настоящем, по-моему, единственно возможном душевном состоянии, в каком я вас знал, но желания вашего исполнить не могу, потому что у меня нет этих книг, да и не хочу, боясь ухудшить ваше положение. Вы можете идти дальше в своём развитии и без книг, а заботиться о распространении всегда считал и теперь считаю ненужным» (72: 18-19). По просьбе Злинченко его знакомый всё-таки ездил к Толстому и привёз от него много книг, которые позднее были распространены в Астрахани. Тогда же, видимо, Толстой передал для Злинченко свой белый картуз и тот сделал марганцовкой надпись на нём.

Вернувшись из ссылки, Злинченко был у Толстого, начав уже разочаровываться в его идеях. Впоследствии отошёл от его взглядов и в 1903 г. вступил в большевистскую организацию РСДРП. В 1906 г. эмигрировал в Швейцарию, помогал безработным, написал и опубликовал за границей и в России ряд своих статей и воспоминаний о Толстом. В 1917 г. вернулся в Россию, был гос. служащим.

Т.В. Полякова

ЗОЛЯ Эмиль (Zola; 1840-1902) — французский писатель родился в Париже, в семье инженера-строителя. В ранних романах («Тереза Ракен», 1867; «Мадлена Фера», 1868) Золя рисовал людей с узко физиологической точки зрения. В 1870-1880-е гг. писатель получил известность как создатель натуралистической школы в литературе. «Натурализм», в его понимании, предполагал соединение научного и художественного методов. В 1871-1893 гг. создал цикл романов «Ругон-Маккары». Подзаголовок к циклу пояснял: «Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи». «Эпохой безумия и позора» в жизни Франции называл Золя это время. В романах около 1200 персонажей – людей из разных слоёв общества.

Толстой был знаком с творчеством Золя. Уже в старости (1907 г.) он вспоминал, что первое сочинение французского писателя, которое он читал, было «La conquete de Plassans» («Завоевание Плассана»): «Читал, читал, скука такая, бросил». В 1885 г. Толстой, прочитав роман «Жерминаль», говорил: «Такая богатая тема – и обработана так плохо. Пропать ненужного, ложного». Критически отзывался Толстой о романе «Земля», автор которого рисует «рабочий народ <...> в виде полуживотных, движимых только чувственностью, злобой и корыстью» (30: 5). По воспоминаниям же Г.А. Русанова, именно это сочинение вызвало оценку Толстого: «Большой талант»; «есть недостатки, но

только в этом романе в первый раз мы видим настоящего, реального французского крестьянина» (*Русанов*. С. 85).

12 мая 1893 г. газета «Русские ведомости» (№ 128) опубликовала речь Золя, обращённую к студентам, которым писатель советовал трудиться и заниматься наукой. Чтение этой речи вызвало к жизни замысел статьи Толстого «Неделание» (в июне статья была написана). Говоря о французских литераторах, Толстой часто упоминал Золя и признавался, что его «Паскаля» «так и не одолел, хотя перечитал почти все его романы». Узнав в 1902 г. о смерти Золя, Толстой «говорил о нём с добрым чувством, но сказал, что у Золя было много дидактики: “Из-за этого я не любил его”».

Заочные отношения Золя и Толстого складывались сложно. «Толстой был орудием, которым пользовались против нас <писателей-натуралистов. - В.Г.>, которых надо было истребить во что бы то ни стало», - писал Золя.

В 1880 г. Золя, прочитав присланный ему Тургеневым французский перевод «Войны и мира», высоко его оценил и до конца дней с «величайшим восхищением относился к Толстому-романисту», но не разделял его религиозно-философских взглядов. Художественное мастерство Толстого для Золя нередко было и образцом и критерием в его собственном творчестве. Так, один из первых французских рецензентов «Разгрома» писал, что его автор имел в качестве великого примера роман-эпопею Толстого. «Так же как Толстому, Золя удалось воссоздать многоликий образ народа, тружеников, одетых в солдатские шинели». При этом критик справедливо заметил, что Толстой умел лучше, чем Золя, изображать людей.

219

В «Разгроме» много ситуаций и героев, в которых слышатся отголоски эпопеи Толстого. Однако «Разгром» никак нельзя назвать произведением подражательным: и основная проблематика, и персонажи, и сюжетно-композиционная поэтика, далёкая от архитектуры «Войны и мира», -- всё это делает «Разгром» самобытным произведением французской литературы, не исключая при этом влияния Толстого и духовной связи, существующей между главными персонажами романа «Разгром» и центральными героями «Войны и мира». Так, общаясь с Каратаевым, «Пьер чувствовал, как близки ему понятия человеческой любви, сострадания, радостей, солнца». Сходные чувства рождаются и в душе Мориса под влиянием Жана. Он так же, как Пьер, «попростел», окреп духовно, почувствовал братскую, душевную близость к солдатам, его окружающим. Мысль о великом значении

духовного единения с народом, пронизывающая «Войну и мир», эхом прозвучала в романе Золя.

Сразу после выхода в свет в 1882 г. романа «Разгром» многие критики заговорили о благотворном влиянии «Войны и мира» на военный роман Золя. В обоих романах достоверная картина войны «в крови, в страданиях, в смерти» соединена с прославлением подвига простых солдат. Так же как Толстой, для которого война «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», Золя видел в войне источник нескончаемых бедствий и безоговорочно осуждал захватнические войны.

Говоря о Золя как об одном из первых последователей Толстого, шедших по пути создания романа-эпопеи, нельзя не видеть существенное различие между писателями. Сопоставляя описание солдат в «Войне и мире» и романе Золя, В.Г. Короленко справедливо замечал, что в изображении «движения отрядов» у Золя «в лучшем случае вы разглядите среди них главного героя и отдельные группы, близкие к основной нити рассказа. У Толстого проходящий на параде или идущий в сражение полк не коллективная единица, а человеческая масса, кишашая отдельными жизнями. Перед вами выступают то и дело множество живых лиц – генералы, офицеры, солдаты со своими личными особенностями, со своими случайными ощущениями данной минуты, -- и когда это изумительное движение пронеслось и исчезло, вы ещё чувствуете этот клубок человеческих жизней, прокатившийся в общей массе... В его картине сотни лиц и каждое, даже случайно, мимоходом выпущенное на арену, тотчас же заявляет о своей яркой особенности, насильно захватывает ваше внимание для своей собственной личной жизни, не хочет уйти из вашей памяти... <...> Толстому по силам то, под чем упал бы всякий другой» (Короленко В.Г. Лев Николаевич Толстой. Статья 1. Гл. II).

В.З. Горная

ЗОРИН Михаил Дементьевич (1858 – 1934) — яснополянский крестьянин, охотник. Ведал у Толстого псарней. С. Л. Толстой вспоминал, что Михаила называли охотником по призванию. Зорин часто бывал в доме Толстых. По просьбе Софьи Андреевны обрезал лишние сучья на деревьях у дома. Делал всё быстро и ловко.

Д. П. Маковицкий 25 сентября 1906 г. записал рассказ Толстого: «В Засеке, куда ходил, в одном месте лежат берёзы, в четыре белые яркие сажени складывают их четыре мужика. Хорошо одеты, один высокий (Л.Н. назвал его, яснополянца с сыном), другой — Зорин с сыном; такие весёлые, ну, думаю, как им нам завидовать. Здоровые, сильные, свежие. Все огромного роста. Они там ночуют, пробудут полторы недели».

Разговор на эту тему вели и за чаем 9 июля 1909 г., говорили «о мужиках, корчующих пни, с которыми Л.Н. беседовал. Л.Н. о них: “Самые настоящие русские мужики, средние, каких 99%”. — И говорил, что приятно было ему с ними говорить. В Ясной это — М. Зорин <...>. Илья Васильевич <Сидорков, слуга Толстых. — *Н.Ш.*> выразился так: «Здесь народ русее»».

Зорин рыл могилу Толстому, плакал навзрыд, сторожил её в первые ночи.

Н.И. Шшкарюк

ЗЯБРЕВЫ

Василий Ермилович (1824—1885) — яснополянский крестьянин. Зябровы — древнейший крестьянский род в Ясной Поляне. В 1709 г. из 44 крестьянских дворов деревни 16 носили эту фамилию. К XIX в. из них сохранили фамилию три ветви: Зябровы-Ермилины, Зябровы от Наума и Зябровы от Петра. От Зябровых получили новые фамилии: Базыкины, Ершовы, Родионовы, Морозовы, Борисовы, Пелагеюшкины, Жидковы, Суворовы, Шентяковы. Зябровы в Ясной Поляне известны не только своей численностью и древним происхождением: их семьи дали немало известнейших личностей в истории деревни, нашли наиболее широкое отражение в творчестве Толстого.

В.Е. Зябров — одна из самых заметных фигур Зябровых-Ермилиных. Старший сын в семье, крепкий, здоровый, красивый.

220

При управляющем имением Андрее Соболеве Василий был избран помощником управляющего по полевым работам. Свою должность исполнял старательно. Толстой описывал его в сочинении «Лето в деревне». В «Дневнике помещика» к Василию относятся следующие слова: «позвал к себе старосту Василья — молодого красивого мужика из богатых ямщиков, который ходит в синем казакине и говорит красноречиво, путая господские обороты с крестьянской речью» (5: 248). С крестьянами Василий Зябров обращался крайне жестоко. Художник Н.В. Орлов запечатлел Василия в образе старосты в картине «Порка». Многие годы при А. Соболеве и малолетних графах с тётками-опекунами Василий был единовластным хозяином в деревне. Толстому такое поведение очень не нравилось, что он не раз отмечал в дневнике и в письмах. А 12 июня 1858 г. записал: «Отставил Василья». В 1859 г. Толстой отпустил Василия Зябрева на волю. Но тот остался жить в Ясной Поляне.

Ермил Антонович (1804—1880) — яснополянский крестьянин Волконских. При Толстых — крепкий хозяин, отец четверых сыновей. Во дворе Зябрева жила семья старшего брата, отданного в рекруты, мать Ермила и его пасынок. Семьи сыновей жили в отцовском доме до 1850-х гг. Главой этого огромного «клана» безраздельно был Ермил Антонович. Его потомков и стали называть Ермилиными. В Ясной Поляне фамилия бытует до сих пор.

Семья Ермила Зябрева была одной из зажиточных в Ясной Поляне. Вели хозяйство при дворе, держали пчёл, а также имели ямщицкую станцию, и одно время их тройки бегали от Серпухова до Орла. Ермил и его сыновья Василий, Пармён, Тит и Николай были сильными, здоровыми, красивыми. Сыновья имели жён-красавиц, физически крепких женщин. Ермил управлял всеми жёстко, даже беспощадно, наказывал за малое неповиновение. Снох за малейший проступок сажал в погреб, заставлял кланяться в ноги. Сына Тита выпроводил со двора, не выделив ему надела. Хозяйство Зябревых-Ермилиных процветало, порядок они держали во всём. Видимо, за это яснополянцы их уважали, считались с ними. После отделения сыновей от двора Ермила сила Зябревых-Ермилиных стала слабеть.

Толстой с Ермипом Антоновичем общался часто, учитывал его мнение, советовался. Изменения в жизни Ермилиных он рассматривал как отражение изменений в жизни общества в целом. Разговор на эту тему состоялся в доме Толстых в декабре 1906 г.

В творчестве Толстого Ермил Зябрев послужил прототипом многих художественных образов. Семья Зябревых — это Дутловы, богатая семья в «Утре помещика» и «Поликушке», в «Дневнике помещика». В рассказе «Поликушка» — образ церковного старосты «списан» с Ермила и дано его имя. В «Анне Карениной» Левин по пути к Свяжскому останавливается на дворе крестьян Дутловых. Всюду это зажиточные, даже богатые, крепкие семьи. Образ главы этих семей близок к реальному облику Ермила Зябрева, человека властного, расчётливого, трудолюбивого, умного мужика. Крепкий здоровьем, невысокого роста, с кривыми от тяжёлой работы ногами, с аккуратно подстриженной седой бородой, с тонкими спокойными чертами лица, это степенный, молчаливый, но рассудительный крестьянин.

Константин Николаевич (1846-1896) — яснополянский крестьянин, внук Осипа Зябрева. Один из 10-ти детей Николая, оставшийся в живых. Рос слабым ребёнком, много болел. В 60-х гг. ходил в школу Толстого, но был вынужден её оставить, ибо дед выпроводил их из дома, не выделив никакой доли. Пришлось 14-летнему Костюшке взять все заботы о семье на себя. Через суд он заставил деда построить им избёнку, в которой потом и семья самого Костюшки прожила весь век.

Рано женился. Родилось в семье, по воспоминаниям односельчан, 22 ребёнка; в живых осталось двое. При рождении последней дочери жена скончалась. Семья Костюшки в Ясной Поляне была одной из самых бедных. Толстой писал о нём как о самом жалком мужике, но Константин так не считал и никогда не унывал. Толстой попросил его написать о своей жизни. Костюшка сделал «жизнеописание» в своеобразной форме и манере. Толстой поместил это произведение в подлинном изложении в биографические «Записки христианина», в которых описывалась жизнь нескольких яснополянских семей. Костюшка изобразил свою тяжкую жизнь с большим юмором. «Так он шутит всегда. И так он бедствует всегда, — писал в заключение Толстой. — Мы давно с ним знакомы» (49: 14).

Толстой описал Костюшку Зябрева в рассказе «Утро помещика» под именем Давыдки Белого. Это смирный, неглупый крестьянин, не пьёт, не курит, но с трудным характером, ленив, изба его криво и одиноко стояла на краю деревни. Ни кола ни двора, запустение в доме. Давыдка — летом в тулупе, белобрый, высок ростом, очень толст телом. Красивое лицо, светло-голубые глаза, окладистая борода; смирный,

221

добрый. Именно такой Костюшка и на фотографии. Представление о быте семьи Костюшки и Надежды дают также многочисленные заметки Толстого в дневнике и в письмах. Писатель часто навещал их лачугу: то с помощью приходил, то побеседовать, то просто послушать их своеобразный язык. Пьесу «Власть тьмы», по признанию Толстого, он списал с этой семьи. Одна из главных героинь названа именем и прозвищем жены Костюшки — Надежда Зубатая. В «Записках христианина» Толстой дал подробный портрет этой женщины, изнурённой беспросветной нуждой, бесконечными родами. Но постоянная нужда, однако, не озлобила Надежду. Хоть обида в сердце была большая на деда мужа, но, когда он в старости приходил к ним, ибо в семье сына Петра его выгоняли, Надежда говорила: «Что же, садись, дедушка, хлебушка есть...» (49: 21).

К Костюшке Зябреву яснополянцы относились по-разному: одни с сочувствием, другие осуждали. Его прозывали Крайний, Белый, Горемыка, Блаженный, Разорённый. Одни не видели в нём большого усердия к работе, но ценили за то, что он всегда был весел, никогда не унывал, балагур и остряк. Яснополянец Иван Зябрев рассказывал такой эпизод: однажды Костюшка насмешил всех, когда в жару устроил из бочки бассейн, накрыл голову лопухом и читал. А Толстой в это время пахал его делянку.

Писатель не только наблюдал за семьёй Костюшки. Он порой с ним советовался по поводу своих новых произведений. Однажды прочитал ему сказку об Иване-Дураке. Костюшка пересказал её по-своему, и Толстой внёс изменения в текст. Он говорил о Костюшке Зябреве, что, если бы тот был образован, он стал бы писателем, художником, юмористом. Юмор у него выражался во всех его приёмах, движениях, словах. (Про косу Костюшка мог сказать, что она хорошо отлажена и вообще она хороша, как мармелад.)

Толстой всегда проявлял заботу о семье Зябрева. В 1892 г. помог устроить свадьбу его дочери Марии. При венчании в Кочаках были все Толстые. Такой весьма заметный след в истории деревни, в жизни и творчестве Толстого оставили Зябревы от Наума, с которыми писатель имел тесные дружеские связи. Но потомков этой линии Зябревых в наши дни в Ясной Поляне не осталось.

Осип Наумович (1800-1884) — яснополянский крестьянин. Жена его, Евдокия Никифоровна, — кормилица Толстого. Положение Осипа в Ясной Поляне было особым. Он получил многие льготы: освобождён был от барщины, всё заработанное, приобретённое шло в его пользу. Толстой в «Дневнике помещика» так описывал Осипа: «...позвал <...> Осипа Наумова, мужа моей кормилицы, бывшего старосту, известного за колдуна, хозяина и пчеловода. Осипу Наумову лет 60, но на вид не более 40. Он приземист, очень белокур, глаза всегда смеются. Он умен, речист и гордится тем, что знает солнечные часы и планы, что не мешает ему быть вполне народным как в жизни, речах, так и приёмах» (5: 249). Хозяйство Осипа Наумовича принадлежало к числу наиболее сильных в деревне, как о том писал Толстой в «Записках христианина».

По характеру Осип был человеком очень крутым, обижал даже самых близких ему людей. Толстой заступался за свою кормилицу, запретив Осипу её бить. Особенно жестоко обошёлся Осип со своим старшим сыном Николаем и его семьёй. Николай ушёл на заработки, хорошо приносил в дом, но через несколько лет пропал без вести. Осип выпроводил из дома его жену с двумя детьми и никогда им не помогал. По суду его заставили сделать им плохонькую избёнку. Но, когда пришла старость и Осипа стали выгонять из семьи любимца, младшего сына Петра, Осип приходил к внуку Костюшке. Там ему отдавали последний кусок хлеба.

Толстой много общался с Осипом Наумовичем и его сыном Петром. Часто заходил к ним поговорить, переписывался, будучи на Кавказе. В дневнике и в письмах Толстой записывал об Осипе разные сведения. Фигура колоритная, яркая, Осип Зябрев стал прототипом многих персонажей Толстого. В рассказе «Тихон и Маланья» он выведен под своим именем. В «Дневнике помещика» и в «Анне Карениной» - под

именем Тита. В «Войне и мире» Осип Наумович узнаваем в управляющем Алпатыче, старосте Дроне.

Пётр Осипович (1843-1908) – яснополянский крестьянин, младший сын Осипа Зябрева, любимец отца. Ученик школы Толстого 1849 г.; книголюб и деревенский философ, имел большую библиотеку. Мужики частенько собирались у него потолковать о книгах и жизни. Частым гостем бывал Толстой, читал ему свои новые сочинения. В своих суждениях Пётр Осипович бывал резок, смел, даже заносчив, считал себя выше господ и учёных; случалось, спорил с Толстым, упрекал его в неправильных действиях. Но, несмотря на все сложности характера Петра Осиповича, Толстой считался с его мнением, любил слушать его рассуждения о древних философах,

222

о книгах исторического содержания, о путешествиях.

Зябрев в последние дни своей жизни написал воспоминания, в которых рассказал о школе Толстого, о своей сложной семье, об обучении крестьянина трудовым навыкам.

Тит Ермилович (1829-1895) – яснополянский крестьянин. По воспоминаниям односельчан, Тит был очень сильным, красивым и умным человеком, мог пятак зубами сгибать, деньги расплющивал руками. Отец за что-то обошёлся с ним весьма круто: выпроводил из дома, не выделив надела. Тит занимался ямщицким промыслом. Когда отец умер, Толстой предлагал Титу провести передел имущества с братьями. Но Тит не захотел этого делать, чтобы не заводить злобы. Толстой решение Тита одобрил.

Тит Ермилович по характеру был человеком более уравновешенным и покладистым, чем его братья Василий и Пармён. В деревне Тита уважали и доверяли ему. В 70-х гг. его дважды избирали старостой общества. Дела он вершил по справедливости.

Не раз становился Зябрев прототипом крестьянских персонажей в произведениях Толстого. Ровесники, Толстой и Зябрев в жизни дружили. Тит привлекал писателя незаурядными способностями, энергией, трудолюбием, природной красотой. В представлении Толстого, Тит был близким его сердцу олицетворением образа крестьянина того времени. В «Утре помещика» это Илья; в рассказе «Тихон и Маланья» — Тихон; в «Поликушке» — Илья, племянник Дутлова; в романе «Анна Каренина» — напарник Константина Левина по косьбе дядька Тит. Он же в рассказе «Идиллия».

Н.И. Шинкарук

И

ИБСЕН Генрик (1828-1906) — норвежский писатель, поэт, драматург. Славу на родине принесла Ибсену в 1860-е гг. драматическая поэма «Бранд».

Толстой и Ибсен не были знакомы лично, но примерно в одно время (в конце 1880-х гг.) познакомились с творчеством друг друга. 28 ноября 1888 г. в письме к своему знакомому П. Ганзену, переводчику Толстого на датский язык и скандинавских писателей на русский язык, Ибсен благодарил за присланный перевод пьесы Толстого «Власть тьмы»: «Драму “Власть тьмы” я прочёл с большим интересом. Не сомневаюсь, что она в надлежащем, верном и беспощадном исполнении должна произвести сильное впечатление со сцены. Мне кажется, однако, что автор не вполне владеет драматической техникой. В пьесе больше разговоров, чем драматических явлений, и диалог во многих местах кажется мне, скорее, эпическим, нежели драматическим. Вообще вся вещь является не столько драмой, сколько рассказом в диалогах. Но главное ведь налицо. Дух гениального поэта живёт и проявляется здесь во всём» (Ибсен Г. ПСС: В 4 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 503).

В 1889 г. Толстой прочёл одну из ранних пьес Ибсена – «Комедию любви» (в немецком переводе с норвежского). Она Толстому не понравилась: «Вечером читал “Комедию любви” Ибсена. Как плохо! Немецкое мудроостроумие скверно», —записал он в дневнике 19 ноября (50: 180). Отрицательно отнёсся Толстой и ко всем другим драмам Ибсена — большинство из них он прочитал (хотя на сцене не видел), — чтобы всё-таки составить собственное представление об этом интересовавшем всех писателе. «...Читал Ибсена Wilde Ente <«Дикая утка». — М.С.>. Нехорошо» (дневник, 20 августа 1890 г. — 51: 79). Издательницу Л.Я. Гуревич в конце 1890-х гг. Толстой уверял, что «терпеть не может» и совсем не понимает Ибсена. «И про ”Нору” <пьеса “Кукольный дом”, в русской постановке названная “Норой”. - М. С.> вы

то же скажете?» — спрашивала Гуревич. «И про “Нору”... Нисколько не лучше...» (ТВС. 1960. 1. С. 536).

В письме к М.А. Шмидт и О.А. Баршевой Толстой спрашивал: «...читаете ли вы по-немецки? Я бы прислал вам драмы Ибсена (я не люблю)...» (66: 41). Отрицательно отзывался он и о драмах «Враг народа», «Маленький Эйольф», «Строитель Сольнес», «Дочь моря», «Когда мы, мёртвые, пробуждаемся» (её просто назвал «ерундой»). Пьесы эти, видимо, и раздражали, и волновали Толстого, потому что он пересказывал их нарочито издевательски, используя приём «остранения», чтобы подчеркнуть их бессмысленность. Вот, например, как в трактате «Что такое искусство?» пересказал он сюжеты двух пьес Ибсена: «Представляется то архитектор, который почему-то не исполнил своих прежних высоких замыслов и вследствие этого лезет на крышу построенного им дома и оттуда летит торчмя головой вниз <«Строитель Сольнес». — М. С.>, или какая-то непонятная старуха, выводящая крыс, по непонятным причинам уводит поэтического ребёнка в море и там топит его» <«Маленький Эйольф». — М. С.> (30: 105). В.А. Поссе вспоминал слова Толстого о том, что Ибсен ему не нравится, потому, что «пишет не просто, туманно, загадками, которые сам, вероятно, не сможет

224

разгадать» (ТВС. 1960. 2. С. 55). Конечно, Толстой прекрасно сумел бы всё понять, но он относился к Ибсену предвзято и отрицал его творчество по причинам мировоззренческого характера.

Не принимая нового искусства — модернистского, декадентского, — Толстой и Ибсена относил к представителям именно этого рода искусства. Неслучайно в работах «Что такое искусство?» (1897-1898), «Наука и искусство» (1889-1891), «О том, что называют искусством» (1896), «Предисловие к роману фон-Поленца “Крестьянин”» (1901), перечисляя фамилии нелюбимых, не принимаемых им деятелей нового искусства (писателей, художников, музыкантов), он везде называл имя Ибсена, ставя его рядом с Метерлинком. Толстому, приверженцу эстетики великой русской литературы, с её проповедью «простоты, добра и правды», был чужд *новый* взгляд на героя, установившийся в искусстве к концу XIX в.: человек «без Бога». «Новая драма» без Бога была бесконечно чужда Толстому: для него продолжала существовать незыблемая «точка отсчёта» — Бог.

Толстой сразу почувствовал неверие Ибсена; Д.П. Маковицкий как-то заметил: «Л.Н. недоволен “Брандом”, нерелигиозностью» (ЯПЗ. 2. С. 423). А сам Толстой много раньше, 13 сентября 1891 г., занёс в дневник фразу из ибсеновского «Врага народа»: «Человек бывает силён, только

когда он один. (Ибсен)» (52: 53). Для Толстого это означало: один на один с жизнью и смертью, без Бога как посредника, помогающего выжить. По мысли же Ибсена, человек должен быть силён духом и сам искать и свой путь и свою цель. Таков Бранд, в образе которого заявлены драматургом его представления об идеальном герое — таком, каким должен быть человек. Толстой увидел в этой позиции Ибсена влияние Ницше, который первым возвестил, что «Бог умер!», именно он заговорил о сверхчеловеке, о свободе его от сковывающей личность традиционной морали, о его «воле к власти», что вызвало у Толстого резко отрицательную реакцию. Идейным сторонником Ницше провозгласил Ибсена Д.С. Мережковский. Другие называли Ибсена сторонником самого крайнего индивидуализма, обвиняли его в эгоизме, желании разрушить традиции, считали ипохондриком, ненавистником людей. Эти отзывы (в т.ч. и толстовские) говорили о том, как мало понимали Ибсена современники.

Но были и те, кто оценил значительность творчества норвежского драматурга, в т.ч. переводчик его пьес, знакомый Толстого, П. Ганзен. Эти люди видели, что, несмотря на нерелигиозность, Ибсен имел чёткие жизненные ориентиры, твёрдый нравственный фундамент — и в этом он был близок к Толстому. Ориентиром Ибсену служила высота человеческого духа, к ней должен двигаться каждый. И для Толстого (вспомним его философский трактат «О жизни») «жизнь для духа» — то, к чему должен стремиться человек, чтобы достигнуть гармонии с самим собой и с другими.

В драмах норвежца Ибсена символическим образом духовной высоты были суровые скандинавские скалы, возвышавшиеся над узкими глубокими фьордами, куда почти не заглядывало солнце. Туда, в эту высоту, на простор, откуда было видно беспокойное, шумящее северное море, и стремились подняться (в буквальном смысле) ибсеновские герои-идеалисты, туда, где чист воздух и очищается дух, где они свободны от будничной суеты и могут ощутить свою слитность с природой. Толстой, восприняв эти сцены только как символические и не почувствовав их национального колорита, отнёсся к ним иронически: «У него все герои идут на гору...» — сказал он как-то Маковицкому (*ЯПЗ. 1. С. 202.*). Не заметил он и того, что высота, на которую стремятся герои Ибсена, совсем не та, на какую восходит сверхчеловек Ницше, получив власть, — это высота человека, осознавшего своё жизненное призвание (отнюдь не эгоистическое) и всеми силами старающегося его осуществить. Духовный, цельный, сильный, устремлённый к высоким идеалам человек — вот герой раннего Ибсена. И самый яркий из них — Бранд, пастор в маленьком бедном селении, положивший все силы души на то, чтобы пробудить от духовной спячки нищих, замученный тяжёлым трудом народ, пожертвовав ради этой идеи жизнью жены и сына. Но он (как и

большинство романтических героев Ибсена) не достиг успеха - побитый камнями своими же прихожанами, он погиб в горах под снежной лавиной.

В письме к Ганзену 14 сентября 1891 г. Толстой заклеил эту драматическую поэму: «Его <Ибсена. – М. С.> драмы я тоже все читал, и его поэма Бранд, которую я не имел терпения дочесть, все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том смысле, что все характеры неверны и не выдержаны» (цит. по оригиналу в *ОР ГМТ*). И всё же в беседе с французом Андре Бонье, побывавшим в Ясной Поляне в 1898 г., Толстой вынужден был признаться: «Что до Ибсена, то я просто не знаю, что он хочет сказать. <...> Впрочем, ведь он скандинав, это не так странно» // *ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 87). Интуиция подсказала Тол -

225

стому, что понять Ибсена можно, только учитывая национальные особенности его страны, специфику её истории, географического положения, климата, менталитета норвежцев. Сразу «отвернувшись» от Ибсена из-за его нерелигиозности, Толстой судил норвежского драматурга с позиций русского писателя-реалиста, психолога, моралиста, каким был сам. Потому и характеры в пьесах Ибсена представлялись ему «неверны и не выдержаны», поступки персонажей — психологически немотивированны.

Однако Толстой не обратил внимания на то, что сам Ибсен с болью ощущал нежизнеспособность и некую духовную неполноценность своих романтических героев; фанатики-идеалисты, они не находили общего языка с народом, которому хотели служить: погиб Бранд, услышав перед смертью голос с неба, что «Бог милосерд», а не бескомпромиссно требователен, как он думал (кстати, судя по этой пьесе, где финал играет огромную роль для понимания смысла драмы, Толстой не дочитал её до конца!).

Все положительные герои пьес Ибсена совестливы: зло, причиняемое другим, приносит им душевные страдания. И в этом Ибсен чрезвычайно близок Толстому. Но Толстой, один из самых совестливых писателей мира, не увидел этого. Маковицкий записал его слова 26 ноября 1908 г.: «Метерлинк, Ибсен и даже Бьёрнсон — одно: неясность, путаница, бесцельная игра на чувствах. Нравственное чувство устарело (для них). Его нет, о нём не спрашивают. Пишут волнующее» (*ЯПЗ*. 1. С. 472). Но в этом Толстой ошибался. Сознание обязанности человека всю жизнь идти к духовной высоте, иметь благородную цель и стараться исполнять свой долг перед людьми — вот главное содержание творчества Ибсена. Эти

черты сближают его с Толстым. И этот же прочный нравственный фундамент отделяет его от писателей декадентов.

М.Е. Суровцева

ИВАКИН Иван Михайлович (1855 — 1910) — домашний учитель старших сыновей Толстого. Родился в Москве в купеческой семье. «При очень хорошем поведении и отличных успехах» в 1880 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, в мае 1881 г. получил кандидатский диплом.

В сентябре 1880 г. Ивакин (по рекомендации) был приглашён в Ясную Поляну учителем старших сыновей Толстых, Сергея, Ильи и Льва. «Так как в следующем году я должен был держать выпускной экзамен для поступления в университет, так называемый экзамен зрелости, — вспоминал С.Л. Толстой, — то для занятий со мною по древним языкам и для обучения моих младших братьев отец пригласил только что окончившего курс университета филолога Ивана Михайловича Ивакина. И вот с 13 сентября в той комнате, в которой жил м. Nief, поселился белокурый, щедушный, бедно одетый, застенчивый юноша, с тонким голосом и тонкими пальцами. <...> Ивакин был неглуп, начитан, но в жизни был зрителем, а не действующим лицом. Он был чужд революционного образа мыслей молодёжи того времени, но и не искал материального благополучия. Он был равнодушен и к тому, и к другому. <...> Происходя из старой московской мелкокупеческой среды, он с пристрастием любил Москву, её церкви, Кремль, старину, дух Замоскворечья; не бывал и не хотел бывать за границей.

Вследствие своего “равнодушия”, он был очень нечистоплотен и так редко мылся, что его почти женские, длинные, тонкие пальцы порастали коростой.

Он любил и знал древние языки и был хорошим учителем. Мои отношения с ним были скорее товарищеские, чем отношения ученика к учителю. Отец к нему относился дружелюбно и часто с ним советовался по интерпретации евангельского текста» (Очерки былого. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1880 год). «Умным хорошим малым», «прекрасным человеком» называл его Толстой в письмах Н.Н. Страхову (ПСПТС. 2. С. 577,578).

Осенью 1881 г. семья Толстых переехала в Москву; Ивакин тоже вернулся в Москву и стал преподавать русский язык в III-й московской классической гимназии, некоторое время служил библиотекарем Румянцевского музея. Отношения с семьёй писателя не прерывались: Ивакин бывал в хамовническом доме, летом в Ясной Поляне давал уроки младшим сыновьям Толстого. Он оставил интересные воспоминания о времени 1880-х годов, когда был близок к семье Толстых. В этих вос-

поминаниях Ивакин описал жизнь и семейные отношения Толстых, отношения Толстого и его последователей, записал суждения писателя о литературе, о творчестве Пушкина, Гоголя, Тургенева, Диккенса... Но главное - рассказал о творческой работе Толстого и сумел передать его разговорную речь, «что редко удавалось мемуаристам» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 25).

Н.И. Бурнашёва

226

ИВАНОВ Александр Петрович (1836 - 1912) – переписчик сочинений Толстого, иногда выполнявший работу секретаря.

Дворянин, потомственный офицер, он рано осиротел, но получил хорошее образование (Александровский кадетский корпус для малолетних воспитанников, Павловский кадетский корпус, Институт гражданских инженеров). В 1876-1878 гг. воевал добровольцем в Сербии и Болгарии. Поручик артиллерии в отставке, к 42-м годам он не имел ни семьи, ни работы, ни средств к существованию и вёл страннический образ жизни: даже трудно достоверно установить годы его работы у Толстого. По одной версии, он появился в Ясной Поляне в 1878 г., по другой (более распространённой), — лишь осенью 1880 г. Старший сын Толстого, С.Л. Толстой, вспоминал: «Это был человек маленького роста, с продолговатым рябоватым лицом и козлиной бородкой, похожий на отставного французского капрала. Появился он в Ясной Поляне, если не ошибаюсь, зимой 1878 года в числе побивавшихся прохожих по шоссе. Отец расспросил его, почему и как он не имеет определённых занятий, и взял его в переписчики. Он хорошо писал, только в некоторых случаях не согласен был со Львом Толстым и поправлял его, нередко запивал и исчезал на несколько дней. Весной же он уходил на всё лето. Его страстью было бродяжничество. <...> Осенью он опять появлялся в нашем доме, и отец опять засаживал его за переписку. Он поживёт, поживёт, попишет и снова уйдёт или запьёт» (*Очерки былого. «Первая зима в Москве (1881-1882)»*).

Домашний учитель старших сыновей Толстого, И.М. Ивакин, рассказывал о нём: «Дворянин по происхождению, из Черниговской губ., он учился в корпусе, служил в военной службе — Лев Николаевич и он были чуть ли не в одном чине. Службу он оставил потому, что, как сам рассказывал, когда командовали направо кругом марш, он ходил налево, чему охотно верилось. Знал он довольно запрещённых стихов, писал стихи и сам» (Ивакин И.М. Записки // *Неизвестный Толстой. В архивах России и США*. М., 1994. С. 110). Он боготворил Толстого, но позволял себе писать на него сатирические эпиграммы и читать их вслух; иногда

публично (при гостях) грубо обвинял писателя в несоответствии его образа жизни его же идее «опрощения». «Человек он был пустой, безалаберный и строптивый, — продолжал И.М. Ивакин. — Он вечно, бывало, нуждался в деньгах, вечно недоволен графом, но, получив деньги, сейчас же их спускает <...>. Переписывал он усердно, иногда до того усердно, что надоедал и Льву Николаевичу и мне... Часто он кое-чего не разбирал (да и трудно бывало иногда разобрать не раз зачёркнутое, перечёркнутое, перестановленное, переправленное) — не смея сам взойти на верх, слал за мною, объяснял, в чём дело, горячился, что не понимая писать не может...» (там же. С. 111). Переписавший более сорока произведений Толстого (порой в нескольких вариантах), Иванов мог при переписывании черновиков, не ограничиваясь только устной полемикой с автором, самовольно исправлять те места, с которыми был не согласен.

«Он исходил всю Россию — кажется, нет городов, где бы он не был <...>. Он нигде не уживался, но у Толстых ужился, хотя графиня не благоволила к нему, называя лишним. Он даже переехал с ними в Москву...» В Москве женился, но вскоре опять «куда-то ушёл», потом «то появлялся, то исчезал». «Сходить в Крым или на Кавказ ему было легче, чем иному съездить к Троице <...>. Это был бродяга по призванию, босяк по натуре» (там же. С. 111-112). Уходя каждое лето путешествовать по России пешком и унося с собой в вещевом мешке брошюры, книжечки и новые статьи Толстого, переписанные от руки, Иванов раздавал их встречному люду, стремясь шире распространить учение Толстого; но в моменты запоя не раз «дарил, продавал или отдавал за водку» черновики писателя (ЯПЗ. 1. С. 368).

Он «приходил иногда пьяный», и случалось его «прятать» от Софьи Андреевны, вызволять после запоев из московских ночлежных домов (везти в баню, покупать недорогую одежду взамен пропитой). Однако Толстой, судя по его дневникам, письмам, беседам, не просто симпатизировал Иванову, но по-настоящему дорожил его дружбой, никогда не отказывая в помощи и искренне радуясь каждому его возвращению. Толстой порой соглашался не только с критикой своего «графского» образа жизни, но и с «дерзким» исправлением черновиков. Очень любил слушать рассказы Иванова о «настоящей» жизни, которую тот наблюдал, скитаясь. Одну из таких историй (о гибели больной 22-летней прачки, выгнанной из Ржанова ночлежного дома в Москве и умершей от истощения у ворот этого заведения) писатель рассказал в 24-й главе трактата «Так что же нам делать?». Там же Толстой описал «старого, выдавшего виды человека», очевидца этой истории, который, рассказывая, «не досказал до половины, <...> зарыдал и, замолчав, отвернулся к стене». Наверное, наблюдательность этого «бродяги», его обострённая чувствительность к чужой боли, открытый протест против

ужасов социальной несправедливости и позволяли Толстому видеть в нём хоть и «потерянного», но «прекрасного человека», падающего лишь по слабости своей».

Иванов послужил прототипом нескольких персонажей в произведениях Толстого: Александра Петровича в драме «И свет во тьме светит», прохожего в комедии «От ней все качества», Ивана Петровича Александрова в драме «Живой труп»...

Полустранный образ жизни, который вёл Иванов, стараясь ничем себя не связывать и никого собой долго не обременять, безусловно импонировал Толстому. Порой он едва сдерживался, чтобы не уйти из дома вместе с Ивановым, а в дневниках оставались короткие записи о глубоких внутренних переживаниях писателя, о его одиночестве и неприкаянности: «Вот и чудо! Живу в семье, и ближе всех мне золоторотец Александр Петрович и Лукьян-кучер» (8 мая 1884 г.). «Нынче поднялся старый соблазн. А.П. ушёл» (21 августа 1900 г.). Даже в драме «И свет во тьме светит» главный герой, Сарынцев, не осуществил эту мечту Толстого: он лишь замыслил уйти из дома в сопровождении некоего Александра Петровича, «привыкшего к бродяжничеству».

24 сентября 1910 г. секретарь Толстого В.Ф. Булгаков последний раз упомянул Иванова в своём дневнике: «старый переписчик», «бедно одетый седенький старичок, расхаживающий пешком по имениям знакомых помещиков и этим живущий», «гостил вот уже несколько дней в Ясной, ночуя у повара» (Булгаков. С. 339). На следующий день Булгаков записал, как Толстой прямо признался ему, что «очень хотел бы быть как Александр Петрович: скитаться, и чтобы добрые люди поили и кормили на старости лет», потому что нынешнее его «исключительное положение ужасно тягостно!» (там же. С. 344). Через месяц Толстой ушёл из Ясной Поляны.

Лит.: Решетников М.М. Спутники и встречи: Воспоминания и очерки. — Киров, 1987; Тебиев Б.К. Тайны книжных переплётов. Из записок книжника. — М., 2008.

Н.О. Бабаева

ИВАНОВ Николай Алексеевич (1811-1869) — профессор русской истории Казанского университета, доктор философии.

Сын бедного нижегородского мещанина, Иванов благодаря упорству «выбился в люди». В 1830-1833 гг. учился в Казанском университете, затем в Дерптском университете, где познакомился с Ф.В. Булгариным,

сотрудничал в его журнале «Северная пчела» (что давало основание студентам подозревать его в сношениях с Третьим отделением). Женился в 1840 г. на графине Александре Сергеевне Толстой, брак был неудачным.

В 1840-е гг. в Казанском университете на фоне скучных преподавателей-педантов Иванов с его даром слова, замечательным голосом, риторикой и мастерской декламацией пользовался репутацией блестящего лектора, умея вызвать слёзы и восторг аудитории. Он одним из первых познакомил студентов с немецкой философией, с Гегелем и Шеллингом. Однако его боялись как сурового экзаменатора, излишне придирчивого, злопамятного и мелочного, называли «кровожадным профессором», который, если почему-либо невзлюбит студента, добьётся его исключения.

Толстой слушал его лекции по древней истории на восточном «разряде» университета в 1844-1845 учебном году и на первом курсе юридического факультета в 1845—1846 учебном году. Весной 1845 г. по представлению Иванова с формулировкой «по совершенной безуспешности в истории» совет университета не допустил Толстого к переводным экзаменам.

Некоторые биографы Толстого (Н.П. Загоскин, Н.Н. Фирсов, П.И. Бирюков, Н.Н. Гусев и др.) считали, что Толстой очернил память Иванова, поскольку его самолюбие было болезненно уязвлено учебными неудачами, причина которых — в рассеянном светском образе жизни.

Иванова с Толстыми через жену связывали родственные отношения, и в первый год учёбы Толстой жил у Иванова (университетские профессора зарабатывали часто тем, что содержали пансионаты для богатых студентов). Но, рассорившись с ним, снова переселился к своей тётке, П.И. Юшковой, и, видимо, отказывался от посещения его лекций, а профессор, ненавидевший студентов-аристократов, стал ему мстить. Толстой на всю жизнь

228

сохранил глубокую обиду и за несправедливость: в статье «Воспитание и образование» он рассказал, что произошло с ним на первом курсе, и утверждал, что «экзамены не могут служить мерилем знаний, а служат только поприщем для грубого произвола профессоров и для грубого обмана со стороны студентов». В 12 главе «Юности» описан «страшный профессор» латинского языка, унижающий Николеньку Иртеньева на экзамене, из-за чего герой теряет интерес к учёбе в университете вообще.

В воспоминаниях В.Н. Назарьева (1890 г.) рассказывается о том, что Иванов поставил Толстому на экзамене «нуль», поскольку обещал

защитникам графа из высшего света не ставить «единицы». Такого эпизода (установлено Н.П. Загоскиным в 1894 г.) не было. Но рассказ о проведённой в карцере ночи за опоздание на лекцию Иванова Толстой, за исключением деталей, подтвердил. Назарьев привёл слова Толстого о том, что история — бесполезный предмет, собрание басен и мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имён, к тому же всё «пригоняется к известной мерке, измышленной историком». Многие студенты Казанского университета 1840-1850-х гг. также видели в лекциях Иванова под словесной шелухой понимание истории как перечня дат, имён, украшенных официальной идеологией.

Л.Е. Бушканец

ИГУМНОВ Константин Николаевич (1873-1948) — пианист и педагог; знакомый семьи Толстых. Закончил историко-филологический факультет Московского университета и Московскую консерваторию. Ученик по классу фортепиано А.И. Зилоти и П.А. Пабста, по теории музыки и композиции — С.И. Танеева, А.С. Аренского и М.М. Ипполитова-Иванова.

Исполнительское искусство Игумнова заключало в себе лучшие черты русской пианистической школы. Для него характерны глубокая лирическая проникновенность, безупречный вкус, чувство меры и благородство выражения. Игра его особенно покоряла слушателей естественностью фразировки, певучестью, мягкостью и красотой тона, тонким колоритом, который никогда не являлся самоцелью. Каждая звуковая деталь для музыканта была следствием общего исполнительского замысла. Его репертуар охватывал произведения композиторов различных музыкальных стилей и направлений: Бетховена, Шуберта, Шумана, Шопена, Брамса, Листа, Глинки, Рубинштейна, Чайковского, Скрябина, Рахманинова и др.

В 1896-1903 гг. Игумнов не раз бывал у Толстого в московском доме и в Ясной Поляне. Первый раз он приехал в Ясную Поляну вместе со своим учителем Танеевым 27 июля 1896 г. и, как в своём дневнике записал Танеев, он «играл с ним в четыре руки сочинения Моцарта, на другой день — вариации Моцарта».

27 февраля 1898 г. Игумнов в Москве, в Хамовниках, исполнял для Толстого баркаролу и фантазию Шопена, полонез Листа, вариации на темы Шуберта и др. С.А. Толстая записала в дневнике: «Прекрасно он стал играть и сам поумнел, какой хороший малый». В январе 1899 г. Игумнов опять играл у Толстых в Москве. Он исполнил тарантеллу и ноктюрн Шопена, балладу Рубинштейна, Andante из сонаты Шуберта и «что-то» Мендельсона. Через день, 14 января, он снова был в Хамовниках: «Пришёл Игумнов (пианист), -- записала в дневнике С.А.

Толстая, -- и отлично играл, всё больше Шопена: баркаролу, балладу, ноктюрн, мазурку. Лучшее всего исполнена была им прекрасная баркарола».

А.Г. Айнбундер

ИГУМНОВА Юлия Ивановна (1871— 1940) – знакомая Толстых, художница, живописец и график. Училась в московском Училище живописи, ваяния и зодчества. Подруга Т.Л. Толстой. Жила в Ясной Поляне с 1899 по 1907 гг., выполняя обязанности секретаря Толстого. После революции была научным сотрудником заповедника Аскания-Нова. Игумновой принадлежит ряд живописных портретов Толстого.

Художница писала о своей работе Т.Л. Сухотиной 19 августа 1902 г.: «Я сейчас очень увлекаюсь работой: рисую портрет Л.Н., конечно, по впечатлению, мне кажется, что похож, я показываю одной Маше <М.Л. Толстой. - Н. З.>, и она тоже находит, что похож. Я всё больше и больше убеждаюсь, что портреты только и можно писать по впечатлению. Этот портрет я делаю углём, а потом думаю писать красками» (ОР ГМТ). И в другом письме из Ясной Поляны тоже Т.Л. Сухотиной: «Я, кажется, здесь пока застряну, очень занялась работой, и много хочется сделать. Кое-что уже сделала и многое задумала: всё эскизы, изображающие Л.Н. На днях приезжал сюда мой старый товарищ, которого я не видела лет 15, Бяльницкий-Бируля, помнишь его? Он очень одобрил мои работы и даже сделал мне заказ. Сейчас он будет делать, для чего и приезжал сюда, несколько картин для одного издания, очень великолепного, тоже относящегося к Льву Николаевичу; для этого издания будут работать разные

229

художники. Он делает дом, башни и могилу. Мне он поручил три фигуры для этих пейзажей: около башен верхом, около дома одну и третью тоже верхом в профиль» (ОР ГМТ).

Н.В. Зайцева

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (в миру: Иван Ильич Сергиев, 1829-1908/ 1909) — церковный деятель, проповедник, духовный писатель, член Святейшего синода, настоятель Андреевского (Морского) собора в Кронштадте, почётный член Союза русского народа. Преподавал Закон Божий в учебных заведениях Кронштадта, основал в Кронштадте «Дом Трудолюбия» (работный дом с мастерскими), школу для бедных и

детский приют. В 1964 г. канонизирован Русской православной церковью за границей, в 1990 г. – Русской православной церковью. Был противником религиозно-философского учения Толстого, отрицательно и в крайне резкой форме оценивал его. Автор критических трудов о Толстом и толстовстве: «Против графа Льва Н. Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников» (1902); «Ответ протоиерея Иоанна Сергеева (Кронштадтского) на обращение графа Льва Толстого к духовенству» (1903), «О душепагубном еретичестве гр. Л.Н. Толстого» (1905).

И. Кронштадтский был убеждён, что без руководства Церкви любой человек, независимо от полученного образования и природных способностей, неизбежно сворачивает с единственно истинного пути, ведущего к Богу, и становится носителем пагубных заблуждений. Именно таким и воспринимал И. Кронштадтский Толстого, который виделся ему как «истый русский романист, способный писать только романы с метким анализом обыденной людской жизни и страстей человеческих; но в то же время до мозга костей пропитанный самомнением и гордостью, барской спесью и ненавистью ко всему, что носит печать веры во Христа и в Церковь, с дьявольскою злобою к духовенству» (Из дневника св. Иоанна Кронштадтского: в обличение душепагубного еретичества Льва Толстого // За что Лев Толстой был отлучён от Церкви. М., 2006. С. 57). Выражая своё отношение к Толстому, И. Кронштадтский писал о нём как о «дерзком, отъявленном безбожнике, подобном Иуде-предателю», человеку, «извротившем свою нравственную личность до уродливости, до омерзения» (Ответ протоиерея Иоанна Сергеева (Кронштадтского) на обращение графа Льва Толстого к духовенству // Там же. С. 38, 40-41).

В трудах, посвящённых воззрениям Толстого, И. Кронштадтский констатировал, что русский писатель «отвергает весь Символ веры, не верит ни в Троицу, ни в воплощение, ни в чудеса Христовы, ни в искупительные страдания Его, ни в воскресение, ни в вознесение на небо, ни во второе пришествие Христово, ни в будущий Суд, ни в Церковь, ни в Крещение, ни в воскресение мертвых, ни в жизнь будущую» (Из дневника св. Иоанна Кронштадтского... // Там же. С. 63). Жёсткий, порой даже оскорбительный тон, которым И. Кронштадтский характеризовал религиозно-философские воззрения писателя, удивлял Толстого и вызывал в нём тяжёлое чувство. «Почему же распоряжения, проповеди архиерея и исцеления Иоанна как будто вызывают во мне протест, желание сказать, что это нехорошо, что это обман?» — 3 августа 1890 г. задавался вопросом Толстой в письме Д.А. Хилкову. И отвечал: «Это оттого, что, обманутый словом “христианский”, я предполагаю, что это деятельность родственная мне, в одном направлении, только отклоняющаяся. Если вы во мне заметите отклонение и я в вас, мы ведь

сейчас с жаром станем говорить друг другу. Хотя церковные христиане и священник Иоанн и гораздо отдалённое нам кажутся от нас, но всё-таки признаём их занятыми одним с нами, и от этого наше желание поправить их ошибки. Но это заблуждение. Между нами и ими, т.е. их деятельностью и нашей (люди всегда останутся братьями, и нашим братом бедный Иоанн), нет *ничего* общего. Менее, чем между деятельностью военного министра и нашей. Нас вводит в заблуждение слово. Я это болью, страданием изведаль. На слово “христианский” бросишься, и вдруг оказывается, что тут ничего нет похожего... Тот дух христианский, выражающийся в милостыне, в милосердии вообще, занесён помимо, *malgre* церкви» (65: 134–135).

Не поддаваясь тяжёлому чувству, вызываемому гневным и зачастую оскорбительным тоном статей И. Кронштадтского, Толстой отзывался о нём как о «цельной» натуре, но замечал: «Ему наговорили, что он чудотворец», и «он верит этому» (ЯПЗ. 1. С. 235). Толстой считал, что И. Кронштадт-

230

ский «переделывает христианство в идолопоклонство» (ЯПЗ. 3. С. 286).

Идейное противостояние И. Кронштадтского и Толстого отражало сложившееся к началу XX в. отношение официальной Церкви к учению Толстого, вылившееся в известное Определение Святейшего синода от 20-22 февраля 1901 г.

М.А. Лукацкий

ИСАЕВ Балта («Булта»; даты жизни не установлены) – мирной чеченец, маркитант, приятель братьев Л.Н. и Н.Н. Толстых в станице Старогладковской. Имя Балты неоднократно упоминается на страницах дневника и в переписке братьев.

В июне 1852 г. Н.Н. Толстой писал брату: «Возвратясь из Кизляра, я нашёл у себя кунаков: Балту и Садо. <...> Балта был очень хорошенький. Надо было видеть, с каким весёлым и одушевлённым видом он рассказывал, что его команду побили: из девяти человек, которые отправились в горы, чтобы поймать какого-нибудь тавлинца, 3-х убили и 4-х ранили <...>, сам же командир, т.е. Балта, поправился, он обыграл какого-то дурака, выиграл 100 рублей серебром, часы, седло и разные разности. Да, кроме того, его команда прежде своего несчастного похода к Ведено доставила командиру пользу, так что Балта чуть ли не капиталист, собирается взять новую хозяйку, а старой хозяйке дал 15 целковых на покупку персидского ковра для кунацкой» (ПТСБ. С. 110).

Рис. Толстого
из зап. Книжки
(кавказские типы: горец)

1 февраля 1852 г. Толстой записал в дневнике две чеченские песни, первую из них пел Балта; здесь же Толстой дал подстрочный перевод с чеченского.

С именем этого мирного чеченца связан и рассказ «Набег». 31 марта Толстой отметил в дневнике: «После охоты я болтал с Балтой до ужина; он мне рассказал драматическую и занимательную историю семейства *Джеми*. Вот сюжет для Кавказского рассказа». Возможно, замысел рассказа о Джеми представлялся Толстому как самостоятельный, сюжетно не связанный с другими: более чем через полгода в дневнике записана «программа» задуманных «Очерков Кавказа» и под общим заглавием «Нравы народа» как отдельный такой очерк значился «Рассказ Балты». Рассказ о «семействе Джеми» не был написан, но в рукописях «Набега», там, где автор рассуждал, на чьей стороне справедливость, упоминалось имя чеченца Джеми, который, услышав о приближении русских, с проклятием «снимет со стены старую винтовку <...> побежит навстречу гяурам, который, увидав, что русские всё-таки идут вперёд, подвигаются к его засеянному полю, которое они вытопчут, к его сакле, которую сожгут, и к тому оврагу, в котором, дрожа от испуга, спрятались его мать, жена, дети, подумает, что всё, что только может составить его счастье, всё отнимут у него, в бессильной злобе, с криком отчаяния сорвёт с себя оборванный зипунишко, бросит винтовку на землю и, надвинув на глаза папаху, запоёт предсмертную песню и с одним кинжалом в руках очертя голову бросится на штыки русских». Толстой много работал над этим фрагментом текста уже в третьей редакции рассказа. Не исключено, что размышления о «семействе Джеми» дошли и до наборной рукописи, но, конечно, никакая цензура,

ни военная, ни общая, не могли пропустить в печать ничего подобного: в окончательном тексте рассказа этот кусок текста не появился. Но так или иначе «история семейства Джемми», рассказанная Толстому его приятелем Балтой, послужила реальным материалом для создания «Набега».

Отношения с Балтой продолжались и после отъезда Толстого с Кавказа: Балта Исаев писал в Ясную Поляну – сохранилось его письмо Толстому от 23 января 1856 г.

Лит.: Бурнашёва Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. - М., 1999.

Н.И. Бурнашёва

ИСЛАВИН Владимир Александрович (1818-1895) — старший сын А.М. Исленьева от его брака с княгиней Софьей Петровной Козловской (рожд. гр. Завадовской). Окончил Дерптский университет. Увлекался этнографией. В 1847 г. в Петербурге была издана его книга «Самоеды в домашнем и общественном быту», написанная в результате поездки в 1844 г. на крайний Север по поручению Министерства гос. имуществ. Эта книга есть в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

С В.А. Иславиным, дядей С.А. Толстой (братом её матери), Толстого связывала многолетняя дружба. В начале февраля 1849 г. Толстой уехал из Ясной Поляны в Петербург для того, чтобы «остаться навеки» и «служить» (59:28). Среди его прияте-

231

лей там были братья Иславины: Владимир, Михаил и Константин Александровичи, жившие в Петербурге.

Братья Иславины не имели дворянского титула. Получению дворянства мог помочь орден Святого Владимира, но В.А. Иславину, с 1841 г. находившемуся на гражданской службе, получить его было не-

просто. Это беспокоило Толстого, когда он 7 января 1852 г. писал брату Сергею о «бедном Вольдемаре» («которого я очень люблю», — добавлял Толстой), «который трудится из этого бог знает сколько лет».

В.А. Иславин переписывался с Толстым, когда тот служил на Кавказе. Так, на одно его письмо из Пятигорска 1852 г. он отвечал: «Никак не мог догадаться, любезный Л. Толстой, от кого может быть мне письмо из Пятигорска, написанное детскою непривычною к писанию рукой. Оказывается, что от фейерверкера Лёвы. Уморительно, как это тебя судьба вдруг бросила в фейерверкеры в Старогладковскую... Ну теперь и выбирайся в оберфейерверкеры. Эго и было главной целью твоего писания, и ты хотел, чтобы я тебе выслал программу предметам и список руководствам для офицерского экзамена. Оказалось, что все эти сведения можно найти не в артиллерийском училище, куда ты меня прогнал, а в учёном комитете...» (59: 344-345). Об этом письме обиженный Толстой упомянул в дневнике 29 августа 1852 г.: «Спал, получил письмо из Петербурга от Иславина (гадкое письмо, на которое я отвечу вместо колкостей, как я было хотел это сделать, истинным презрением — молчанием)...» Оскорбил Толстого и шутливо-пошловатый тон, и нежелание В.А. Иславина выполнить его поручение. Однако на их отношения эта мимолётная обида Толстого не повлияла.

18-20 октября 1857 г. Толстой сообщил А. А. Толстой, что «В. Иславин женится на Кирьяковой какой-то». Во время встречи с В.А. Иславиным в Петербурге весной 1861 г. Толстой подружился со всей его семьёй. В то время, в 1858-1862 гг., В.А. Иславин служил директором Канцелярии, а в 1863-1884 гг. был уже членом Совета министра гос. имуществ.

Весной 1863 г. в Петербург приехал муж сестры В.А. Иславина, Любоми Александровны, Андрей Евстафьевич Берс с дочерью Татьяной. Позднее в своих воспоминаниях она писала, что бывали они и у её дяди В.А. Иславина, который «был известный деятель и очень образованный человек. Он был женат на Юлии Михайловне Кириаковой, очень милой и красивой девушке. Он и второй брат, Михаил Александрович, дослужились до высоких чинов и сами создали себе положение». «Всех симпатичнее мне был дом дяди Владимира. <...> Иславины имели состояние, жили открыто, и их дом считался одним из самых приятных» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. III).

Весной 1873 г., уезжая в Самару, Толстой попросил В.А. Иславина обратить внимание на своего брата Константина, жившего в Ясной Поляне, и помочь ему материально.

Некоторые черты и род деятельности старого друга попали на страницы романа «Анна Каренина»: «Каренин отчасти похож на В.А. Иславина, служившего в Министерстве государственных имуществ и так же, как Каренин, писавшего доклады об инородцах» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года». 1877 год).

В марте 1878 г. приехав в Петербург, Толстой навестил В.А. Иславина. Тот предоставил писателю очень нужные для работы пять дел 1810-1815 гг. по переселению крестьян из центральных губ. в Оренбургский край и в Сибирь: в то время Толстой собирал материал для задуманной им работы об эпохе Николая I и декабристов. 6-7 марта он писал жене о встрече с семьёй её дяди: «Поехал к Владимиру, застал его и мальчиков его, — славные. Потом пришла девочка и мать, — очень мне понравились все» (83: 246). У В.А. Иславина тогда было трое сыновей: Михаил, Лев и Александр - и две дочери: Любовь и Ольга. Вернувшись в Ясную Поляну, Толстой писал ему: «Не могу тебе достаточно выразить мою благодарность и за все твои хлопоты по моим делам <...> и указание драгоценнейших материалов, и, главное, за твою прочную дружбу, которую я особенно, как будто что-то новое, приятное, почувствовал в мою бытность в Петербурге» (62: 398). Вторую группу дел о переселенцах от В.А. Иславина для отправки Толстому получил 12 апреля С.А. Берс.

В 1879 г. В.А. Иславин намеревался приехать в Ясную Поляну. Об этом известно из ответного письма Толстого: «Письмо твоё очень обрадовало меня, милый друг; лошади будут высланы за тобой к тому поезду, который ты назначишь <...> приезжай, да подольше пробудь, да привези побольше своих» (62: 498). Неизвестно, осуществилось ли тогда намерение В.А. Иславина. В дневнике писателя 25 марта 1884 г. есть запись об их встрече в Москве: «Разговор о жизни с Владимиром Александровичем при жене».

В Ясной Поляне В.А. Иславин с сыном Михаилом были летом 1884 г., о чём

232

в дневнике Толстого 31 июля 1884 г. записано: «Приехал Владимир Александрович с сыном». В тот же день в письме к С.Н. Толстому эти гости названы среди «более и более скучных и тяжёлых гостей».

Е.В. Белоусова

ИСЛАВИН Константин Александрович (1827—1903) — младший сын А.М. Исленьева от его брака с княгиней С.П. Козловской (рожд. гр. Завадовской), дядя Софьи Андреевны Толстой.

«Как и его сестра Любовь Александровна Берс, ранние годы К.А. Иславин провёл в тульском имении отца — селе Красном, неподалёку от Ясной Поляны, и с детства был дружен с Толстыми. На протяжении всей жизни К.А. Иславин, не создавший собственной семьи, сохранил близкие отношения с родственными семьями Толстых и Берсов. Свою

привязанность к сестре он перенёс на её дочь Софью Андреевну Толстую и в старости часто называл племянницу вместо Сони Любой – именем её матери» (Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. М., 1999. С. 33). С.А. Толстая вспоминала: «А между тем этот самый дядя Костя имел огромное влияние на моё духовное развитие, и он был первый и единственный человек в детстве моём, который внёс художественную искру в моё воспитание. <...> Во все области искусства он вводил нас, и на всю жизнь осталась во мне эта страсть ко всем искусствам, эта жажда знания, желание понять всякое творчество. И разбудил это во мне мой любимый до самой старости — дядя Костя Иславин» (цит. по: *Прометей*. 12. С. 150-151).

По дневникам и письмам Толстого можно убедиться, насколько был дорог всем Толстым «Костенька» — так его неизменно называл Толстой, который с ним был ближе, чем с кем-нибудь из Иславиных. В противоположность братьям, хорошим петербургским «службистам», беспечный и к работе неспособный, Иславин не сделал никакой карьеры.

В начале февраля 1849 г. Толстой приехал в Петербург, чтобы поступить в университет. В столице он нашёл друзей детства Иславиных. Константин был в то время студентом первого курса юридического факультета университета. Весь этот период жизни Толстого в Петербурге отмечен влиянием на него Иславина, который водил его, приехавшего из глубокой провинции, по всем светским салонам. Тёплые дружеские чувства Толстого к Иславину нередко омрачались неудовольствием от его поступков. Так было и в Петербурге. В письме к брату Сергею 7 января 1852 г. он говорит об Иславине как о развенчанном кумире: «Костенька же, всю жизнь пресмыкаясь в разных обществах, посвятил себя и не знает больше удовольствия, как поймать какого-нибудь неопытного провинциала и под предлогом руководить его сбить его совсем с толку...» Это письмо было послано с Кавказа. И там Толстой искал для Иславина какую-либо возможность обрести жизненную стабильность и определённость. «Мы раз с Николенькой говорили о нём и придумали, что для него ничего не может быть лучше, ежели он чувствует в себе довольно силы, как служить в полку на Кавказе. Можно отвечать, что в 3—4 года он из солдат будет офицером и сверх того здесь он может иметь шанс очень скоро получить родовое дворянство...» — продолжал Толстой в том же письме брату, желая, чтобы его друг-неудачник последовал их примеру. На Кавказ К. Иславин не поехал.

В петербургском журнале «Современник» в сентябре 1852 г. была опубликована повесть «Детство». Среди первых её читателей был К. Иславин, о чём 12 апреля 1853 г. сообщал автору брат Сергей: «...милые Волконские, Костенька, которого это страшно мучает, что это не он написал, и многие другие чрезвычайно довольны твоим «Детством»».

Встреча друзей снова произошла в Петербурге поздней осенью 1855 г., когда из Севастополя в столицу приехал Толстой. И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов и другие сотрудники «Современника» желали познакомиться с молодым писателем, автором «Детства», «Отрочества», севастопольских рассказов. В кругу писателей вращался и Константин Иславин, вместе с Толстым он бывал у Некрасова, Тургенева, Панаева. А.В. Дружинин в своём дневнике оставил записи о встречах с ними зимой 1855—1856 гг.

1 февраля 1856 г. К. Иславин сообщил Толстому о смерти Дмитрия Толстого, брата писателя.

В мае 1856 г. Толстой записал в дневнике: «...мы приехали в Покровское с Костенькой и обедали у Любочки Берс. Дети нам прислуживали, что за милые, весёлые девочки...» (47: 76). Воспоминание о дорогих гостях сохранила и С.А. Толстая: «Одно моё воспоминание о дяде Косте связано и с мужем моим. <...> Жили мы на даче, в Покровском Глебова-Стрешнева. Мы уже пообедали, когда вдруг видим: идут к нам пешком дядя Костя и Лев Николаевич. Появление их всегда возбуждало восторг во всей нашей семье» (Толстая С.А. *Моя жизнь // Прометей*. 12. С. 150).

233

В 1862 г. любимая племянница «дяди Кости», Сонечка Берс, стала женой писателя. В Ясной Поляне воцарился семейный уют, который вскоре по достоинству оценил одинокий, не имевший подобных условий Иславин. «Костенька живёт у нас уж давно. <...> Когда привыкнешь к нему, он очень и очень приятен для жизни. Я уверен, что в городе было бы другое, но в деревне он не обуза, а украшение в жизни, несмотря на плачевное состояние панталон. Главное, без шуток, у него сердце доброе» (61: 267), — писал Толстой А.М. Кузминскому в 1871 г. В то время писатель работал над «Азбукой», и активным участником этой работы был его друг.

Неподалёку от Ясной Поляны в своём имении Пирогово жил, с семьёй старший, брат Толстого Сергей Николаевич. И там часто находил тёплый уют всеобщий любимец Костенька. Несмотря на годы и на неровный характер, все называли его так, выражая этим всю любовь, заботу и тревогу за него. Едва он уехал из Ясной в гости к С.Н. Толстому, Лев Николаевич уже пишет брату 9 марта 1872 г.: «Посылаю Костеньке табак, книги, очки, бельё, туфли». В мае туда же летит его сообщение, что «об Костеньке» в Ясной соскучились.

Родные братья Константина Александровича, очевидно, мало беспокоились о его судьбе, и преуспевающий Владимир Александрович в мае 1873 г. получил письмо из Ясной Поляны: «Пишу тебе о неприятной вещи. <...> Ты догадываешься, что дело о Костеньке! Дурного нового

ничего нет; но старого дурного много. Живёт он у нас и очень мил и добр, но положение его ужасно. Мы уезжаем в Самару, и куда он денется — не понимаю, с своими со всех сторон долгами и в изношенном до невозможного платье. Надо что-нибудь придумать. <...> Место ему сыскать не невозможно, тем более что он скромн теперь в своих требованиях, и я бы давно нашёл ему место, если бы его бумаги и одежда были в порядке. <.. .> Он очень и очень жалок, и я не отчаиваюсь, чтобы он мог ещё устроиться такой жизнью, которая бы не тяготила его самого» (62:23). Материальная помощь от старшего брата пришла, а крыша над головой опять нашлась у старшего брата писателя — Сергея Николаевича.

В апреле 1876 г. Толстой устроил Иславина на службу. «Милый наш Костенька (чем больше я его видел это последнее время, тем он мне был милее и жалче) теперь в Москве, в редакции “Московских ведомостей” и “Русского вестника”, где Катков обещал мне и ему дать ему место секретаря редакции. Место это верное и хорошее» (62: 264), — сообщал Толстой В.А. Иславину. Необходимо было приободрить непривычного к работе Костеньку, и заботливый друг пишет ему: «По всему я вижу, что место в редакции как раз подходит тебе. Я понимаю и твою тоску и твою нужду. Первую преодолевай, а вторую я постараюсь поправить <...>. Главное, не робей. Ты им будешь нужен, я это чувствую» (62: 263).

В те годы в «Русском вестнике» печаталась «Анна Каренина», и Иславин стал посредником между автором и редакцией. Он прослужил в редакции «Московских ведомостей» и «Русского вестника» пять лет.

В начале 1880-х гг. археолог А.С. Уваров основал в Москве Исторический музей. Толстой предложил ему хорошего сотрудника: «...у вас в музее будут служащие. Мой друг с детства и дядя моей жены, Конст. Александр. Иславин, желал бы получить место у вас <...> потому что такое место по нём, и он будет на нём очень полезен. Главные характеристические черты его следующие: хорошее образование — энциклопедическое, доброта, мягкость и большой такт в обращении...» (63: 97). В это время домом Иславина стал дом Толстых в Хамовниках. «Дядя Костя опять тут, — писала Софья Андреевна, — он вчера до двух часов ночи мне изливал всю горечь своего положения и упрёков всем на свете» (83: 398). «Пожалуйста, не рассердись на него и не обидь» (83: 400-401), — просил её в ответном письме Толстой.

Незаметно приблизилась одинокая старость, и снова на помощь пришёл самый надёжный в его жизни человек. Толстой устроил его помощником смотрителя Шереметьевской больницы. Это был странноприимный дом, где находили приют и заботу одинокие. Среди своих собратьев по несчастью оказался и Константин Александрович. Там он и умер 23 марта 1903 г.

Граф С.Д. Шереметев в некрологе назвал его старцем «светлым и чистым сердцем; вечно юным и всему сочувствующим» (Шереметев С.Д. Константин Александрович Иславин. М., 1903).

Бездомный при жизни, Иславин нашёл вечное упокоение в московском Новоспасском монастыре. По жестокой иронии судьбы в 1921 г., когда монастырь был превращён в тюрьму, в нём оказалась его внучатая племянница Александра Львовна Толстая.

Е.В. Белоусова

ИСЛАВИН Михаил Александрович (1819-1905) — второй сын А.М. Исленьева

234

и гр. С.П. Завадовской. Дядя С.А. Толстой. По окончании университета с 1844 г. М. Иславин служил в Петербурге столоначальником в Первом департаменте Министерства гос. имуществ. Как и его братья Владимир и Константин, Михаил был дружен с Толстым с детства. Старшие Иславины «дослужились до высоких чинов и сами создали себе положение» (*Кузминская*. Ч. I. Гл. III).

Во время пребывания в Петербурге в 1856 г. Толстой, встречаясь с братьями Иславиными, заметил о Михаиле: «он тяжёл от своей робости» (запись в дневнике 10 мая); 12 мая записано: «С утра пришёл Михаил Иславин...» Если бы в дневнике появилась лишь эта запись, можно было бы оставить её без внимания: мало ли кто приходил к Толстому в Петербурге: молодой писатель интересовал очень многих. В тот день он встретился и с Н.А. Некрасовым и с А.А. Толстой. Но не робкий ли Михаил первым дал в тот весенний день некий импульс Толстому, уяснившему для себя, что такое счастье?: «Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни — это: без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда всё, что попало, и старушку, и ребёнка, и женщину, и квартального» (47: 71).

Единственное известное письмо Толстого Иславину 29 мая 1856 г. из Ясной Поляны вызвано было какими-то проблемами по передаче квартиры, которую снимал писатель в доме Якобса на Офицерской улице.

Иславин напутствовал свою племянницу Соню Берс в самый важный момент её жизни — в день свадьбы. Она вспоминала: «Мать взяла образ мученицы Софии; рядом с ней стоял мой дядя М.А. Иславин, брат матери, и они благословили меня» *ДСАТ*. 1. С. 492).

Михаил Иславин, наряду с братьями Владимиром и Константином, отчасти послужил прототипом одного из персонажей ранней рукописи трилогии, известной под названием «Четыре эпохи развития» (в рукописи повествование ведётся от имени Мишеньки; в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» он преобразится в Николеньку Иртеньева).

В кабинете Толстого висит фотография Иславина, сделанная, очевидно, в Петербурге в 1856 г. в те же дни, когда Толстой сфотографировался с писателями — сотрудниками журнала «Современник».

Е.В. Белоусова

ИСЛЕНЬЕВ Александр Михайлович (1794-1882) — дед жены Толстого С.А. Толстой (рожд. Берс). В автобиографической трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность», по признанию автора, «смешаны» события его жизни и жизни его приятелей детства. «"Приятеля детства" Толстого, — писал в статье "Кто такие Иртеньевы?" М.А. Цявловский, — это семья А.М. Исленьева. <...> В молодости служивший в гвардии, участник кампании 1812—1814 гг., Исленьев, влюбившись в кн. Софью Петровну Козловскую, рожд. гр. Завадовскую, дочь известного фаворита Екатерины II, <...> повенчался с ней и зажил в своём имении Красном, в 35 верстах от Ясной Поляны. Обе семьи, Толстых и Исленьевых, были в большой дружбе, с Николаем Ильичом <отцом писателя. — Т.А.> Исленьев был на "ты", они вместе охотились и часто ездили — и одни и с детьми — друг к другу. <...> Исленьев, являя собой яркий тип людей Александровской эпохи, по определению Толстого, А.М. Исленьев был человеком "неуловимого характера рыцарства, предприимчивости, любезности и разгула". Ведя широкий образ жизни, страстный игрок в карты, приятель композитора Алябьева, вероятно, знававший Грибоедова и Пушкина, Исленьев в числе своих знакомых имел и будущих декабристов, общение с которыми ему не прошло даром — он посидел в Петропавловской крепости и был в ссылке в Холмогорах». (В 1817 г. Исленьев служил адъютантом декабриста М.Ф. Орлова. Освобождён он был как непричастный к движению). «Тот "запах и звук" 1812 года, которые, по позднему признанию Толстого, "слышны и милы нам", он узнал, конечно, прежде всего в Исленьеве» (Огонёк. 1928. № 3). Некоторое уточнение к этим сведениям добавляет воспоминание Т.А. Кузминской о семье её деда: «Они <А.М. Исленьев и С.П. Козловская (Завадовская). — Т.А.> полюбили друг друга и тайно обвенчались в его имении Красном, Тульской губернии. Вся эта история наделала много шума, как в свете, так и при дворе, так как Софья Петровна была в девушках фрейлиной. По жалобе

князя Козловского, брак этот был признан незаконным, а о разводе в те времена и помина не было» (*Кузминская*. Ч. 1. Гл. Ш).

Детальное знание жизни Исленьева в его крапивенском имении Красном, а за

А.М. Исленьев

235

тем, вероятно, с конца 1840-х гг. – в одоевских (близ города Одоева, тоже в Тульской губ.) Ивицах, имении его второй жены, позволило Толстому воссоздать очень близко к реальному его образ в отце детей Иртеньевых в трилогии, а в образе «прекрасной фламандки» Дунечки, ставшей мачехой детей, отразить черты натуры второй жены Исленьева – Софьи Александровны, рождённой Ждановой. О времени второй женитьбы Исленьева, продажи Красного и переезда в Ивицы точных сведений не имеется. Внучка Исленьева, сестра С.А. Толстой Кузминская, отмечала в воспоминаниях лишь то, что Красное было проиграно её дедом уже после смерти его первой жены, т.е. не ранее 1830 г.

Ивицы — старинное село при небольшой речке Мармыже, в 70 верстах от Тупы и в 20 от Одоева, получившее название от обилия ивовых деревьев в этой местности. В литературе о Толстом сведений о связях писателя с Ивицами почти нет (разве что фамилии персонажей — Ивины — появляются в трилогии, а потом в «Святочной ночи»), В мемуарах С.А. Толстой и Кузминской имение Ивицы упомянуто лишь в связи с тем, что там, незадолго до свадьбы, имело место своеобразное «письменное» объяснение начальными буквами слов, происшедшее между Толстым и С.А. Берс летом 1862 г. Подобная сцена позднее была описана в романе «Анна Каренина».

Тексты толстовской трилогии во многом «параллельны» реальным моментам жизни Исленьева. В черновой редакции «Детства» в главе под названием «Портрет папа» отмечено, что отец «ни с кем в уезде не был знаком», обращение его с соседями было «с высоты величия» [1 (19): 23].

И чуть ниже сказано: «Жизнь клубная, игорная и помещичья тоже оставила на нём свой отпечаток» [1 (19): 24].

По воспоминаниям Кузминской, в Ивицах «дом был большой, старинный двухэтажный <...>. Всё в доме дышало стариной и напоминало крепостное право» (*Кузминская*. Ч. 1. Гл. XIX). В первой редакции «Детства» Толстого приведён живой и конкретный словесный портрет отца: «Как теперь вижу я, как он, в своём кабинете, с ногами заберётся на кожаный диван, поставит подле себя как-нибудь боком столик, на котором стоят стакан чаю, графинчик с ромом, серебряная пепельница, лежат шотландская сигарочница, платок, и, прислонившись к шитой подушке, которую подкинет под спину, сидит и читает» [1 (19): 21] — описание близко к живописному портрету Исленьева в его поздние годы (работа художника К. Васильева).

В 40-60-е гг. Толстой часто встречался с детьми Исленьева и поддерживал с ними дружеские отношения, не прерывавшиеся и впоследствии, посещал их в Москве, Петербурге, иногда в Ивицах. С.А. Толстая рассказала в своих записках о приезде к Исленьеву в 1862 г.: «...приём нам был торжественно-радостный. Дедушка, быстро шагая, не поднимая ног, как-то скользя мягкими сапожками, всё время шутил. <.. .> Так и вижу его мощную фигуру с чёрной ермолкой на лысой голове и с большим горбатым носом на румянном бритом лице» (*ТВС*. 1. С. 157). Толстой вспоминал в разговоре с Исленьевым, как однажды они вблизи Ивиц «протравили» на охоте волка.

В 1864 г. Толстой в Москве у Берсов (родителей С.А. Толстой) встречался с Исленьевым, приезжавшим к родственникам. Писатель вспоминал о нём в связи с работой над «Войной и миром»; имя Исленьева, участника войны 1812 г., упомянуто в одном из ранних конспектов романа.

Лит.: Архангельская Т.Н. Исленьевы и образы персонажей Толстого // *Лицей на Пушкинской*. - 2001. № 15-17.

Т.Н. Архангельская

К

КАВЕЛИН Константин Дмитриевич (1818—1885) — публицист, историк, правовед, философ, общественный деятель. Выпускник Московского университета, он испытал в молодости сильное влияние славянофильских идей, с которыми впоследствии полемизировал. В 1844-1848 гг. преподавал в Московском университете историю русского законодательства. В своих статьях 1840-х гг. сформулировал основные положения так называемой «государственной школы» в русской историографии, согласно которой именно история государственности была главным направлением и основным содержанием истории России. Влияние этой концепции Кавелина на историческую науку ощущается до сих пор.

В 1848 г. Кавелин переехал в Петербург, где служил чиновником в Министерстве внутренних дел, а в 1857-1861 гг. преподавал в Петербургском университете. В 1855 г. составил «Записку об освобождении крестьян в России», где предлагал освободить крестьян с землёй посредством выкупа её государством. Записка широко ходила по рукам в списках и вызвала большой общественный интерес. Проект понравился Александру II, и Кавелин был включён в число лиц, готовивших Крестьянскую реформу 1861 г.

К этому времени относится его сближение с Толстым, который с конца 1855 г. подолгу жил в столице или наведывался в Петербург, общаясь с кругом авторов журнала «Современник» и другими либерально настроенными представителями петербургского общества, где идея раскрепощения встречала наиболее сочувственный отклик. 22 апреля 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Моё отношение к крепостным начинает сильно тревожить меня». На следующий день Толстой был у Кавелина; в их разговоре, естественно, были затронуты вопросы, связанные с отменой крепостного права. Беседа с Кавелиным произвела на Толстого сильное впечатление, которое и отразилось в его дневниковой записи: «Вечер у Кавелина. Прелестный ум и натура. Вопрос о крепостных уясняется. Приехал от него весёлый, надежный, счастливый. Поеду в деревню с готовым писанным проектом» (47: 69). На следующий день Толстой набросал конспект проекта.

Сближение было недолгим. Уже в январе 1857 г. Толстой оценивал Кавелина: «Пылок и благороден, но туп» (47: 110). Всё больше ощущал он, что идейно они друг другу чужды, а к марту 1858 г. пришёл к выводу: «мне с ним делать нечего».

В. М. Бокова

КАЛМЫКОВА Александра Михайловна (рожд. Чернова; 1849-1926) – педагог-просветитель, публицист, издатель, сотрудник «Посредника». Знакомая, корреспондент и адресат Толстого. Выросла в дворянской семье, «в атмосфере лучших идеалов и интересов 60-х гг.» (Калмыкова А.М. Автобиография (1894) // Книга. Исследования и материалы. Вып. 29. М., 1974. С. 154). Её мать в течение 30 лет возглавляла первую женскую гимназию в Екатеринославе. Интерес к истории привил ей двоюродный дядя, барон Н.А. Корф, известный педагог и методист. В 18 лет она получила учительский диплом, в 20 – вышла замуж за Д.А. Калмыкова, у них родился сын. Семья поселилась в Харькове, там Калмыкова работала в созданной Х.Д. Алчевской женской воскресной шко -

237

ле, затем в ежедневной газете «Южный край». Её статьи были изданы брошюрой «Еврейский вопрос в России» (Харьков, 1881); здесь выявлена классовая подоплёка еврейского вопроса, который рассматривался как «часть общерусского вопроса о расширении сфер и условий производительного труда» (с. 57).

В 1883 г. Калмыкова познакомилась с Толстым: она приезжала в Москву, чтобы побеседовать с ним о некоторых вопросах воспитания. В 1885 г., переехав с семьёй в Петербург, она продолжала учительствовать в воскресных школах для рабочих. В это время началась её активная переписка с Толстым, сближение с редакцией «Посредника». Калмыкова взялась подготовить книжку для народа о Сократе (судьбы Сократа она вскользь касалась и в уже упомянутой брошюре).

Составленную книжку о греческом мыслителе автор отправила Толстому для редактирования. В ответном письме он назвал содержание «очень хорошим» (63: 366). Бирюкову 14 мая 1885 г. Толстой писал, что «целый день» занимался исправлением книжки Калмыковой о Сократе, стремясь сделать всё, что можно, «для улучшения формы». И через несколько месяцев: «Сократа я пачкаю и порчу и даже запутался в нём, и потому не присылаю. Я им очень дорожу и надеюсь, что мы с А.М. Калмыковой доведём это до ещё много лучшего. Я ей писал и жду ответа.

<...> Передайте мой привет Александре Михайловне. Она прекрасный сотрудник». Под названием «Греческий учитель Сократ» текст был опубликован в 1886 г. без имён составителей. Калмыкова писала Толстому: «Если Вы не согласны подписаться под Сократом, то пусть и моего имени не будет там же, как и на всех следующих работах, если Бог приведёт что-нибудь написать» (25: 859). В этой книге, составленной Калмыковой, Толстому принадлежит целиком глава IX («Что нужно знать каждому человеку»), он полностью переработал и главы 1-8: на этом основании окончательный текст опубликован в ПСС Толстого (25: 429-461).

В письмах 1885-1890 гг. речь шла о дальнейших работах Калмыковой для «Посредника». Толстой иногда обращался к ней и с поручениями: «То он просил меня достать какую-либо редкую книгу, то похлопотать об освобождении из заключения кого-либо из последователей его учения, то помочь кому-либо из обратившихся к нему за содействием или помощью в том или другом деле и т.д.» (Калмыкова А.М. Встречи с Толстым // Вестник литературы. 1921. № 9 (33). С. 8-9). Так, Толстой просил Калмыкову принять участие в деле Ильиной, побеседовать с купчихой Кузнецовой, желающей пожертвовать крупную сумму на воспитание сирот, и т.д. Калмыкова присылала Толстому книги Е. Смирнова по истории Русской православной церкви. Толстой же рекомендовал ей обратить внимание на важные, на его взгляд, издания. Калмыкова высказывала мнение о рассказах Толстого «Два старика», «Чем люди живы», предлагала некоторые поправки бытового характера, которые были учтены писателем. Она рассказывала об успехе драмы Толстого для народа «Первый винокур». Прочитав заметку Толстого «Об отношениях между полами», Калмыкова выразила желание изложить свои мысли по этому вопросу. Затрагивались детали личной жизни, и она рассказывала о своих сложных отношениях с сыном.

В 1889 г. Калмыкова открыла книжный склад, «имеющий целью составление по тщательному выбору школьных и народных библиотек» (Калмыкова А.М. Автобиография. С. 155—156). «Каталог книжного склада А.М. Калмыковой» (1890) представлял собой указатель книг, рекомендуемых для школьного и народного чтения; переиздавался трижды. В 1890-1893 гг. Калмыкова публиковала статьи о воспитании и образовании в газете «Русская школа», выступила как автор-издатель серий книг для народа «Жизнь прежде и теперь», «Силы природы и труд человека». Манера адаптации материала, характерная для Калмыковой, близка стилю народных рассказов Толстого. Калмыкова была одним из авторов коллективного письма членов Петербургского комитета грамотности (В.В. Девель, Н.А. Рубакин), обратившихся к Толстому 2 мая 1896 г. с просьбой высказаться по поводу закрытия правительством

комитетов грамотности. Ответ Толстого на это письмо разросся позже в статью «Письмо к либералам».

В 1890-х гг. общественная деятельность Калмыковой приобрела революционный характер. Она познакомилась с В.И. Лениным, А.Н. Потресовым, переписывалась с Н.К. Крупской. Последнее письмо Толстому она написала по случаю его 70-летия (1898), где призывала писателя понять и оценить «ту общественную силу, которая выступила в защиту труда и трудящихся <...> чтобы организовать государство так, чтобы не было голода и невежества». Письмо имеет пометку Толстого: «Б.о. <Без ответа. —Г. Р.>».

В начале 1900-х гг. Калмыкова была выслана из Петербурга, уехала за границу:

238

жила в Берлине, Мюнхене. Встречалась с Лениным, Крупской, своими средствами поддерживала газету «Искра». В 1905 г. вернулась в Петербург. С 1917 г. она работала в сфере дошкольного воспитания, в детских домах, клубах. Последние годы жизни преподавала в педагогическом техникуме им. К.Д. Ушинского (Ленинград). Составленные ею сборники стихов, сказок, легенд, сказаний для детей неоднократно переиздавались в 1918-1924 гг. и пользовались спросом.

В 1921 г. Калмыкова написала воспоминания о своём знакомстве с Толстым (Калмыкова А.М. Встречи с Л.Н. Толстым). Она не идеализировала отношения с великим писателем, рассказывала, что Толстой, его беседы, его домашняя жизнь производили неоднозначное впечатление, вспоминала, как была «поражена и разочарована» холодным приёмом у Толстых в своё первое посещение, его «презрительными» высказываниями в адрес женщин, которых он «называл источником всех несчастий и страданий человеческого рода» (с. 9). Тот факт, что жена писателя «очень недолюбливала» её, Калмыкова связывала с тем, что С.А. Толстая, видимо, считала её «представительницей ненавистного ей мира социалистически настроенного русского интеллигентного пролетариата» (с. 9).

Г.И. Романова

КАМЕНСКАЯ Мария Фёдоровна (рожд. графиня Толстая; 1817-1898) – троюродная сестра Толстого, писательница. Дочь известного художника-медаляера графа Ф.П. Толстого от первого брака, жена писателя П.П. Каменского. После смерти мужа в 1870-е гг. находилась на придворной службе воспитательницей при детях великого князя

Владимира Александровича. Автор «Воспоминаний» (М., 1991; первоначально в «Историческом вестнике» 1894 г.), в которых содержится много интересных сведений о роде Толстых. С Толстым была знакома лично, но не близко. Известно письмо к ней Толстого (май 1856 г.).

О Каменской много рассказывала Толстому её сводная (по отцу) сестра Е.Ф. Юнге. Юнге вспоминала о своей поездке в Ясную Поляну в 1885 г.: «Разговор перешёл на разных наших общих родных, и тут я разговорилась, много рассказывала об отце, сестре. Лев Николаевич слушал с большим интересом, говорил, что видит этих людей, нашёл, что сестра моя, как я нарисовала её, в высшей степени симпатичный тип» (ОПИ ГИМ; Ф. 344, ед. хр. 50, л. 10 об.).

Во время работы над «Хаджи-Муратом», когда Толстой интересовался личностью Николая I, Юнге записала для него несколько эпизодов из семейных преданий, в т.ч. и связанных с Каменской, некоторые из них были потом использованы писателем. Юнге писала, в частности: «Моя сестра Марья Фёдоровна Каменская была известная в Петербурге красавица. Когда она, девушкой, гуляла под руку с отцом и им встречался император Николай Павлович, то последний осаживал лошадей и выходил из экипажа, чтобы пройтись и побеседовать с ними, и тем ужасно сердил моего отца, который, приходя домой, говорил: “Ну нет, если он опять это сделает, я его побью”».

Когда сестра моя была уже замужем, Николай Павлович очень ухаживал за ней в маскарадах. Сестра рассказывала, что за ними там всегда ходил по стопам какой-то, субъект; раз Н.П. заметил его и обернулся к нему, и субъект вдруг исчез, как сквозь землю провалился. Один раз, тоже в маскараде, Н.П. говорил ей, что не знает другой такой умной и привлекательной женщины, как она, и вдруг остановился и сказал: “Просите у меня теперь всё, что вы хотите, даю вам моё царское слово, что не откажу, что бы это ни было”. Она ответила, что не из корыстных видов беседует с ним, что ей ничего не надо» (ЛН. Т. 37-38. С. 648).

В.М. Бокова

КАРАМЗИНА Елизавета Николаевна (1821-1891) — младшая дочь историка Н.М. Карамзина от второго брака с Е.А. Колывановой; фрейлина.

Толстой познакомился с ней весной 1857 г. в Швейцарии. Он приехал из Парижа и поселился на северо-восточном берегу Женевского озера в Кларане. В окрестностях Кларана проживало несколько русских семейств, с которыми у Толстого завязались дружеские отношения. В их числе были князь и княгиня Мещерские и Е.Н. Карамзина – сестра Ек.Н.

Мещерской. Хотя Толстой часто бывал у Мещерских, особенной близости между ними не установилось, т.к. Мещерские придерживались консервативных убеждений.

Из всего семейства Е.Н. Карамзина была Толстому наиболее симпатична. Он часто с ней общался, о чём остались записи в дневнике, и сообщал Т.А. Ёргольской 17/29 мая 1857 г.: «...сестра Мещерской Лиза Карамзина, старая барышня, лет за 30, обожающая свою племянницу, свою сестру, своего зятя и всех на свете. Я её шутя прозвал – пример самоотвержения, и, действительно, ей подобную я знаю только вас в этом роде».

Узнав о её кончине, Толстой писал А.А. Толстой 29-31 августа 1891 г.:

239

«Грустно, что Карамзина умерла. Я знал её мало, но к ней у меня осталось очень хорошее чувство» (66: 34).

В.М. Бокова

КАРЛЕЙЛЬ Томас (1795-1881) – английский писатель, философ, историк, публицист. Толстой был хорошо знаком с творчеством Карлейля, читал его произведения на английском и русском языках. В своих дневниках и письмах, литературных, религиозно-философских и публицистических сочинениях он цитировал Карлейля, говорил об отношении к его книгам. Среди прочитанных Толстым сочинений Карлейля «On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History» («Герои, культ героев и героическое в истории»); «Oliver Cromwell's Letters and Speeches: with Elucidations» («Письма и речи Кромвеля, снабжённые комментариями»); «Letters and Speeches of Cromwell» («Письма и речи Кромвеля») и др.

Впервые Карлейль упоминается у Толстого в 1876 г., во время работы над романом «Анна Каренина». В черновиках романа есть строки о том, что Анна стала читать серьёзные книги, в т.ч. и Carlyle, и чтение этих книг оставляло у неё «чувство возбуждения и неудовлетворения жажды». Впоследствии Толстой изменил своё мнение о книгах Карлейля как о произведениях, «не удовлетворяющих жажды», т.е. не дающих ответов на вопросы о смысле жизни и человеческого бытия. Он увидел в Карлейле крупного мыслителя и сожалел о том, что в мире, погрязшем во зле и насилии, люди не слышат «голоса живших среди них мудрых людей», к которым он относил и Карлейля. Из его книг Толстой особо выделял «Past and Present» («Прошлое и настоящее»), говоря о ней: «У Карлейля одна хорошая книга – “Past and Present”», она «превосходна».

Мысли и изречения, взятые из книги: Карлейль Т. Загадка сфинкса (из «Past and Present»). Пер. Л. П. Никифорова. М., 1900, - Толстой цитировал в своих сочинениях «Единая заповедь», «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». Из упомянутых книг «Круг чтения» включает в себя больше цитат, чем другие.

Отобрать мысли Карлейля для «Круга чтения» было для Толстого непросто. Он сетовал на то, что «изречения его бывают бойкие, но что-то такое резкое, недоброе в них! Когда их поместишь в “Круг чтения”, вычеркнешь потом». Решающую роль в отборе мыслей Карлейля для сборников изречений сыграло то, что Толстому был близок ряд позиций в его мировоззрении: необходимость признания высшего начала и веры в Бога, приоритет нравственности над другими сторонами человеческого бытия, неприятие социальной несправедливости, отрицание земельной собственности, утверждение необходимости ручного труда, призыв к самосовершенствованию.

Некоторые из книг Карлейля, прочитанных Толстым и с его пометами, сохранились в яснополянской библиотеке.

М.А. Лукацкий

КАРПЕНТЕР Эдуард (1844-1929) – английский писатель, поэт, публицист. В молодости был священником; с 1883 г., поселившись на небольшой ферме около Шеффилда, стал заниматься литературной работой: писал труды, остро критикуя современную ему цивилизацию и культуру. Отказавшись от ортодоксального религиозного понимания земной миссии человека, Карпентер сначала идейно примкнул к социалистическому движению, а затем стал разделять анархические взгляды.

Карпентер был для Толстого близким по духу мыслителем, «достойным наследником Карлейля и Рёскина». Толстой познакомился с его творчеством в октябре 1896 г. По просьбе автора Джон Кенворти прислал русскому писателю сборник статей Карпентера «Civilization: its Cause and Cure» («Цивилизация, её причина и излечение»). Толстого особенно заинтересовала в этой книге статья «Modern science» («Современная наука»). По инициативе Толстого эта «прекрасная» статья была переведена С.Л. Толстым и послана для публикации в журнал «Северный вестник». Позднее по просьбе издательницы журнала Л.Я. Гуревич Толстой написал предисловие к этой статье. В Предисловии он полностью поддержал критику Карпентером науки, отстранённой от этических ценностей, и раскрыл важность его мысли о настоящей науке, озарённой высокими нравственными идеалами. Впервые «Предисловие

к статье Эдуарда Карпентера «Современная наука» было напечатано в «Северном вестнике» (1898. № 3).

В начале 1905 г. Толстой вновь обратился к книге Карпентера. «Civilization: its Cause and Cure» и был «восхищён ею». Э. Моод в феврале 1905 г. по просьбе писателя выслал ему и другие сочинения Карпентера: «England's Ideal and other Papers on Social Subjects». N.Y., 1895; «Angel's Wings. A Series of Essays on Art and its Relation to Life». L., 1899; «Civilization: its Cause and Cure and other Essays». L., 1903 (последние две книги сохранились в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне).

240

Повторное чтение труда «Civilization: its Cause and Cure» убедило Толстого в чрезвычайной важности многих идей Карпентера, и он поддержал намерение писателя И.Ф. Наживина перевести на русский язык книгу английского писателя. Толстой «прочёл первую превосходную статью» Карпентера в переводе Наживина, «отметил то, что можно выпустить, и то, что особенно хорошо»: два отрывка из статьи Карпентера были помещены в «Круг чтения». В библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранилась книга английского писателя в переводе Наживина (Карпентер Э. Цивилизация, её причина и излечение и другие статьи. СПб., 1905). Ряд мыслей Карпентера Толстой поместил и в сборники «На каждый день», «Путь жизни».

Карпентер «смелый мыслитель», отмечал Толстой, «он хорошо пишет». Писателю были близки взгляды Карпентера на цивилизацию как социальную болезнь, которая, распространяясь, губит страны и народы, ставшие на путь псевдоразвития, путь, уводящий их от ценностей истинной жизни. По существу, Толстой разделял мысли Карпентера о том, что процесс приобщения к цивилизации хотя и повышает комфортность жизни, но неизбежно приводит к утрате нравственных оснований совместного бытия. Как и английский писатель, он считал, что единственным надёжным средством истинного объединения людей может быть только нравственность, приводящая их отношения к социальной гармонии. Вместе с тем Толстой не одобрял «нерелигиозности» Карпентера. В 1909 г., читая его книгу «Prisons, Police and Punishment» (London, 1905), Толстой отметил в ней некоторые места (книга с его пометами хранится в яснополянской библиотеке). Чтение этой книги вызвало у Толстого желание написать к ней предисловие с критикой понимания Карпентером христианства. Намерение Толстого осталось нереализованным.

М.А. Лукацкий

КАРР Жан-Баттист Альфонс (Karr Jean-Baptiste Alphonse; 1808-1890) – французский писатель, романист и публицист. Родился в Париже в семье немецкого происхождения. Получив образование в Коллеж Бурбон (College Bourbon), Карр там же начал преподавать. В 1832 г. начинающий писатель выпустил свою первую лирическую поэму, затем переработал её в сентиментальный роман «Под липами» («Sous les tilleuls»), сразу получивший читательское признание. Вторая книга, «Часом позже» («Une heure trop tard»), в 1833 г. имела уже ожидаемый резонанс. И в первом романе, и в последующей прозе писателя много автобиографического; таковы «Вечер пятницы» («Vendredi soir», 1835) и «Самая короткая дорога» («Le chemin le plus court», 1836). Повести и романы Карра, упомянутые выше, и «Фа дизез» («Fa diese», 1833), «Женевьева» («Genevieve», 1838), «Гортензия» («Hortense», 1842), «Знающий толк» («Fort en theme»), «Женщины» («Les femmes», 1853) обнаруживают узнаваемую авторскую манеру с обилием остроумных сюжетных поворотов и меткой сатирической деталью. Другой примечательной особенностью прозы писателя был его специфический эскизный стиль, скорее сопоставимый с журналистским.

Начавшееся в 1830-е гг. сотрудничество Карра с газетой «Фигаро» переросло в полноценную журналистскую карьеру и заставило отказаться от дальнейшего преподавания, а уже в 1839 г. писатель стал редактором этого крупного издания. Ему принадлежит заслуга в учреждении и издании ежемесячного сатирического журнала «Осы» («Les Gueres»). Сатирические издания принесли Карру и популярность, и репутацию завидного остроумца. Предметом насмешек становились в первую очередь кабинетные интриги, политические распри и реалии буржуазного общества.

Пытался Карр сделать и политическую карьеру, но приход к власти Наполеона III поставил точку на этом его поприще.

Из всего публицистического наследия Карра наиболее выделяются его эпиграммы и афоризмы. Именно на них обратил внимание Толстой. Уже в ранней рукописи будущей трилогии (июль 1851 г.), говоря об отношениях мужа и жены, матери и отца, он ссылаясь на «одного милого остроумного французского писателя», который сказал, что «в дружбе, как и в любви, две стороны: один подставляет щёку, другой – целует» (в тексте — по-франц.). Тот же афоризм, но уже по-русски, приводил Толстой в «Отрочестве», рассказывая о начале дружбы Николеньки и Дмитрия Нехлюдова. «Карр сказал, что во всякой привязанности есть две стороны: одна любит, другая позволяет любить себя, одна целует, другая подставляет щёку. Это совершенно справедливо...» -- замечал автор.

Об интересе к Карру свидетельствуют и дневниковые записи Толстого 1854 г., где отмечено, что в моменты, когда не мог «приняться за дело»,

читал то Лермонтова, то Гёте, то А. Карр'а. А 14 июля того же года Толстой писал: «Есть ли нерешительность капитальный недостаток — такой, от которого нужно исправляться? Не есть ли два рода характеров одинаково достойные:

241

одни решительные, другие обдуманые? Не принадлежу ли я к последним? И желание моё исправиться не есть ли желание быть тем, чем я не есмь, как говорит А. Карр. Мне кажется, что это правда» (47: 13).

Не менее известными афоризмами стали мысли Карра об отношении к женщине. Один из них буквально цитирует Иван Васильевич в рассказе «После бала», высказывая свои наблюдения за современной молодёжью и сетуя на утрату целомудренности: «Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблён, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и ещё что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr, — хороший был писатель, -- на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды».

В процессе работы над трактатом «Что такое искусство?» Карр опять оказался востребованным как мастер блестящих афоризмов и показательных острот. В черновиках остались размышления о «провинциализме в искусстве», о реализме, где, сравнивая литературу и живопись, Толстой писал: «Помню остроумное выражение А. Карра, описывающего портрет господина, сидящего на бархатном диване. Портрет очень хорош, пишет он, в особенности портрет дивана, так что нельзя не пожалеть о том, что сидящий на нём вовсе не интересный господин скрывает часть его» (30: 412). В окончательном тексте этот фрагмент не сохранился и имя Карра упоминалось в связи с другим его выражением («чем быстрее это идёт, тем дольше это длится»), которое Толстой относил на счёт неприемлемой для себя технически сложной новой музыки, бездушных «гимнастических упражнений», навевающих скуку.

Ещё одно знаменитое высказывание Карра было связано с дебатами об отмене смертной казни, когда писатель заметил, что «начинать следует тем самым господам, которые сами совершают убийства». Позднее эти же идеи будут развиты Толстым в его труде «Царство Божие внутри вас». Размышления о возможности замены власти общественным мнением Толстой дополняет французской цитатой из Карра. «Французский забытый теперь писатель Alphonse Karr сказал где-то, доказывая невозможность уничтожения смертной казни: “Пусть господа убийцы сначала подадут нам пример”, и много раз я потом слышал

повторение этой шутки людьми, которым казалось, что этими словами выражен убедительный и остроумный довод против уничтожения смертной казни. А между тем нельзя яснее выразить всю ложь довода тех, которые считают, что нельзя правительствам отменить насилие до тех пор, пока люди способны к нему, как именно этой шуткой» (28: 201). Таким образом, отношение Толстого к насилию формировалось не без мнения Карра.

В статье «Не могу молчать» Толстой вновь вернулся к этой идее, вспоминая «шутника француза». Он обличал меры правительства против революционеров, видя глубинные мотивы, отличные от того, что провозглашается публично. «Вы, начиная с низших палачей и до высших распорядителей их, вы все руководимы только самыми подлыми чувствами: властолюбия, тщеславия, корысти, ненависти, мести». Именно в связи с этим жестокость по отношению к революционерам и представлялась Толстому страшной и лицемерной; «так не говорите же, по крайней мере, о Христе и его законе, который будто оправдывает Ваши ужасные преступления», писал Толстой, соглашаясь с мыслями Карра.

Упоминания о Карре встречаются и в переписке Толстого. С.Н. Толстому 10 марта 1903 г. Толстой писал, что получил от Маслова книгу Alphonse Karr'a «Les gaietes romaines» («Римские увеселения») — «о нелепости религии католической — очень хорошо», а затем и переслал брату книгу для прочтения, волнуясь, чтобы она не затерялась («Посылаю тебе на свой страх чужую книгу “Les gaietes romaines”. Когда прочтёшь, возврати»).

Из всего наследия Карра наиболее пристально Толстой исследовал его высказывания по поводу войны. Ссылаясь на Карра, Толстой чётко обозначал и собственную позицию. В 1870-е гг. он буквально цитировал Карра в «Анне Карениной»: «Альфонс Карр прекрасно <...> писал перед войной с Пруссией. “Вы считаете, что война необходима? Прекрасно. Кто проповедует войну, -- в особый, передовой легион и на штурм, в атаку, впереди всех!”» (ч. 8, гл. XVI). Позднее в статье «Одумайтесь!» он намеренно составил своеобразную подборку цитат известных авторов, политиков и т.д., доказывая распространённость неприятия войны как в высшей степени насильственного акта. В число цитируемых авторов (гл. III) входил и Карр: «Наступил возраст военной службы, и всякий молодой человек должен подчиняться не имеющим объяснения приказаниям негодяя или невежды; он должен поверить, что благородство и величие состоят в том, чтобы отказаться от своей воли и сделаться орудием воли другого, рубить и быть рубимым, страдать от голода, жажды, дождя и холода, быть

искалеченным, не зная зачем, без другого вознаграждения, как чарка водки в день сражения и обещание неосязаемой и фиктивной вещи - бессмертия после смерти и славы, которую даёт или в которой отказывает газетчик своим пером, сидя в тёплой комнате. Выстрел. Он раненый падает. Товарищи доканчивают его, топча ногами. Его закапывают полуживого, и тогда он может наслаждаться бессмертием. Товарищи, родные забывают его; тот, кому он отдал своё счастье, своё страдание и свою жизнь, никогда не знал его. И после нескольких лет кто-нибудь отыскивает его побелевшие кости и из них делает чёрную краску и английскую ваксу, чтобы чистить сапоги его генерала».

В разные годы жизни Толстого мудрость А.Карра оказалась созвучна и востребована.

Н.Б. Калашникова

КАРУС Пол (1852-1919) – американский религиозный философ, писатель; корреспондент и адресат Толстого.

Родился и учился в Германии. Разделял философские воззрения Э. Маха, причислял себя к его сторонникам, доказывая вслед за ним, что материалистическое и идеалистическое видения должны уступить место монистическому взгляду на мир, основа которого – «нейтральный», т.е. неделимый на объективное и субъективное, познавательный опыт человека. Рассматривал науку как главное средство познания Божественного устройства универсума. Утверждал, что истины, открываемые науками, и естественными и гуманитарными, отображают Божественный порядок космоса. Редактор религиозно-философских журналов «The Open Court» («Открытая трибуна») и «The Monist» («Монист»), Автор трудов «Религия и наука» (1893), «Евангелие от Будды» (1895), «Нирвана» (1896), «История дьявола» (1900), «Священные писания Ветхого Завета» (1901), «Принцип относительности» (1913).

Толстой был хорошо знаком с религиозно-философскими взглядами Каруса, внимательно читал его произведения, напечатанные в журналах «The Monist» и «The Open Court», о чём свидетельствуют многочисленные пометы на страницах ряда номеров последнего: в яснополянской библиотеке сохранилось семь выпусков этого журнала. Особенно много помет Толстого в журнале со статьёй Каруса «Евангелие от Будды».

Осенью 1893 г. Толстой получил от Каруса журнал, прочитал его и в ноябре в письме к Карусу благодарил за присылку этого «чрезвычайно интересного журнала», высказав пожелание и в дальнейшем получать

номера понравившегося ему издания. «Издательство "Посредник" имеет намерение напечатать при моём участии, – сообщал он, – несколько статей из вашего журнала, сопроводив их критическим разбором» (Л.Н. Толстой и США: Переписка. М., 2004. С. 691). Ответ пришёл быстро: «Я буду крайне рад, – писал Карус, – если публикации *Open Court* будут обсуждаться или переводиться при непосредственном участии такого выдающегося писателя» (там же. С. 692).

План Толстого и издательства «Посредник» познакомить российских читателей с творчеством Каруса не был реализован. Осуществилось другое намерение Толстого. В «Северном вестнике» (1894. № 12) он опубликовал в своём переводе и со своим предисловием сказку Каруса «Карма». Она вышла под заглавием «Карма. Буддийская сказка. Перевод с предисловием гр. Льва Толстого». В предисловии Толстой пояснял, что привлекло его в этой сказке: «Сказочка эта очень понравилась мне и своей наивностью, и своей глубиной. Особенно хорошо в ней разъяснение той часто с разных сторон, особенно в последнее время, затемняемой истины, что избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием; что нет и не может быть такого приспособления или учреждения, посредством которого, помимо своего личного усердия, достигалось бы своё или общее благо; что нельзя ни спасти других, ни спастись посредством других. Разъяснение это в особенности хорошо тем, что тут же показывает и то, что благо отдельного человека только тогда истинное благо, когда оно благо общее» (31: 47).

В 1897 г., почти через три года после выхода «Кармы» в «Северном вестнике», возникла неожиданная проблема: Карус обратился к Толстому с просьбой восстановить его, Каруса, в авторских правах. Как оказалось, русский текст сказки «Карма» был переведён на французский, а с него на немецкий и на английский языки с указанием только имени Толстого. Узнав об этом, Толстой в письме к Карусу выразил сожаление по поводу произошедшего и предложил использовать отправленное ему письмо с разоблачением неправды «в качестве предисловия» к переизданиям «Кармы», которая «относится к числу лучших созданий народной мудрости и должна принадлежать всему человечеству, как Одиссея, история Иосифа и Сакья Муни» (Л.Н. Толстой и США: Переписка. С. 695).

Это недоразумение никак не сказалось на добрых отношениях Толстого и Каруса: они продолжали переписываться, делиться друг с другом творческими замыслами. Карус, глубоко почитавший Толстого, немало сделал для популяризации его мыслей в Америке. В 1896 г. он поместил в «The Open Court» статью Толстого «Христианство и

патриотизм», а в 1900 г. – материалы о взглядах Толстого на сущность денег: главы из его трактата «Так что же нам делать?». В этом же журнале вышла и критическая статья профессора экономики Чикагского университета Лоренса Лафлина о понимании Толстым роли и места денег в жизни людей (The Open Court. 1900. Apr.). Карус уловил идейное сходство размышлений о человеческой жизни Толстого и Лао-цзе и в предисловии к переведённой им на английский язык книге Лао-цзе «Император Тао» «позволил себе обратить на это внимание» (Л.Н. Толстой и США: Переписка. С. 696).

В 1900-е гг. Толстой продолжал читать журналы «Monist» и «The Open Court» и часто в кругу родных и друзей упоминал Каруса и его сочинения (ЯПЗ. 1. С. 242, 421; 2. С. 382, 394, 464; 3. С. 41; 4. С. 359). В частности, о переведённой книге Лао-цзе «Император Тао» (Lao-Tze's Tao-teh-king: Chinese-English / With introduction, transliteration and notes by Dr. P. Sams, Chicago; London, 1898) говорил: «Это удивительная книга» (ЯПЗ. 2. С. 480). Книга с обилием помет Толстого сохранилась в яснополянской библиотеке.

М.А. Лукацкий

КАСАТКИН Николай Алексеевич (1859-1930) – живописец, передвижник, с 1923 г. – народный художник. Его первым учителем стал отец – прекрасный гравёр, который имел звание учителя рисования. В 14 лет Касаткин поступил в московское Училище живописи, в класс В.Г. Перова; по окончании (1883 г.) получил звание классного художника. Признание Касаткину принесли работы «Шахтёрка», «Сбор угля бедными на выработанной шахте», «Шахтёр-тягольщик», «Углекопы. Смена», в которых со всей силой реализма изображена жизнь пролетариата.

Большое влияние на мировоззрение Касаткина оказало его знакомство с Толстым. В 1889-1899 гг. они переписывались, Касаткин часто бывал в московском доме Толстых в Хамовниках и в Ясной Поляне. Они вместе посещали шахты (Косую гору – подмосковный угольный рудник, в семи верстах от Ясной Поляны). Увидев впервые «Смену», Толстой сказал: «Нельзя в живописи показать то, что в темноте - художник должен иметь дело с тем, что на свету...» В этот день они много спорили о новых темах, сюжетах, задачах живописи, назначении искусства. В беседах с писателем Касаткин пришёл к убеждению, что творчество должно подчиняться высокой идее и мастер в своей художественной деятельности никогда не должен отступать от этого принципа.

В.В. Степанова

КАТКОВ Михаил Никифорович (1818-1887) – журналист, публицист, издатель «Русского вестника». Окончил Московский университет; в 1840-1841 гг. слушал лекции в Берлинском университете. Преподавал философию в Московском университете (1845-1850). В 1851–1855 и 1863-1887 гг. – редактор газеты «Московские ведомости»; с 1856 г. – редактор журнала «Русский вестник». С начала 1860-х гг. Катков занимал откровенно реакционные позиции, был «на правом фланге русской журналистики», выступал против Герцена, Чернышевского.

С Толстым Катков познакомился и был непосредственно связан с конца 1856 г. Весной 1859 г. ему в журнал «Русский вестник» Толстой предложил только что законченное сочинение – роман «Семейное счастье». Условия, на которых Катков принимал роман (желая предварительно ознакомиться с ним), Толстого не устраивали, о чём он писал Е. Тютчевой, замечая, что «решительно невозможно и неприлично» отдавать сочинение «на суд» Каткову. В дневнике в это время Толстой записал: «С Катковым неладно» (9 апреля 1859 г.). Тем не менее удалось найти выход. И «Семейное счастье» было напечатано в «Русском вестнике». Там же, у Каткова, в 1863 г. печатались «Казачи».

С фигурой Каткова было связано печатание романов Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». При публикации последней части «Анны Карениной» между автором и издателем возникли разногласия. Националистически настроенный Катков не принял толстовского осуждения добровольческого движения в пользу сербов. В майской книжке «Русского вестника» за 1877 г. появилось редакционное сообщение, что «со смертью героини роман, собственно, кончился. По плану автора сле-

довал бы ещё небольшой эпилог, листа в два, из коего читатели могли бы узнать, что Бронский, в смущении и горе после смерти Анны, отправляется добровольцем в Сербию и что все прочие живы и здоровы. А Левин остаётся в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев». В результате Толстой порвал отношения с Катковым и последнюю часть «Анны Карениной» издал отдельной книжкой.

Публицистическая активность Каткова вызывала многие споры и касалась даже вопросов этикета: с писателями он ссорился часто. М.М. Ковалевский вспоминал, как в дни открытия памятника А.С. Пушкину в Москве, желая помириться с Тургеневым, «Катков позволил себе протянуть бокал в его направлении, но при всём своём добродушии Иван Сергеевич уклонился от этой дерзкой попытки возобновить старые отношения» (Минувшие годы. 1908. № 8. С. 13).

Г. В. Краснов

КАШКИН Николай Сергеевич (1829 – 1914) — старший сын декабриста С.Н. Кашкина. По окончании Александровского лицея Кашкин служил в Министерстве иностранных дел. В октябре 1848 г. он организовал кружок молодых людей (около 12 человек), интересовавшихся социалистическими идеями и фурьеризмом. 7 апреля 1849 г. состоялся обед в честь дня рождения Фурье, где присутствовал Петрашевский, который назвал присутствующих «социалистами фурьеристского толку». Формально Кашкин не принадлежал к кружку Петрашевского, но был обвинён по этому делу. По заключению следственной комиссии, в кружке Кашкина «рассуждали о возможности применить учение Фурье к быту России» и произносили речи «против религии, семейственного быта и государственного устройства». Военный суд приговорил Кашкина к смертной казни, заменённой ссылкой рядовым на Кавказ. «Летом 1853 года, заболев лихорадкой, Николай Сергеевич ездил лечиться в Железноводск, где познакомился с юнкером графом Л.Н. Толстым, с которым сошёлся “на ты” и с которым до самой смерти великого писателя сохранил добрые отношения» (Кашкин Н.Н. Родословные разведки. СПб., 1913. Т. 2. С. 572). Кашкин стал одним из прототипов Гуськова, героя рассказа Толстого «Разжалованный».

Выслужив чин прапорщика, Кашкин получил помилование в январе 1856 г., в декабре того же года ему дали отпуск на четыре месяца, которые он провёл в Москве, где постоянно встречался с Толстым: «...часто с ним бывали на балах. <...> Толстой в “Декабристах” описывает именно тот кабинет у Дюссо, в котором мы любили ужинать» (там же. С. 572—573). 19 января 1857 г. Толстой записал в дневнике: «Обедал у Шевалье <...> Кашкин и Муханов и Оболенский». В 1858 г. Кашкин вышел в отставку в чине подпоручика. Позднее как калужский помещик участвовал в

подготовке и проведении Крестьянской реформы 1861 г. в Калужской губ. В 1870-1908 гг. служил по судебному ведомству. Поддерживал переписку с Толстым, которая отличалась особенной теплотой («Дружески жму тебе руку и прошу любить любящего тебя», — строка из письма Толстого к Кашкину 18 августа 1894 г.). Толстой упоминал о нём в своих письмах к другим лицам: «Он был разжалован по делу Петрашевского. Теперь он моих лет, если не твоих, служит председателем суда в Калуге» (письмо С.Н. Толстому 18 декабря 1903 г.). Толстой часто вспоминал Кашкина: 17 февраля 1905 г. в Ясной Поляне «вспоминали Н.С. Кашкина. Л.Н. рассказал, почему он служит судьёй. Ему 70 лет, богатый, друг Достоевского, Петрашевского» (ЯПЗ. 1. С. 180).

В.А. Жаров, М.В. Строганов

КЕЛЕР Густав Фёдорович (Kähler; 1839-1904) — учитель-немец. Толстой познакомился с ним в Веймаре (Германия) во время второго заграничного путешествия; пригласил преподавать в яснополянскую школу. «Я везу с собой немца из университета, учителя и прикащика, очень милого и образованного, но ещё очень молодого и непрактичного человека», — сообщал он 6/18 апреля 1861 г. в письме Т.А. Ёрго льской (60: 379).

Г.Ф. Келер, учитель
школы в Ясной Поляне

Келер, сын учителя, родился в Веймаре, учился в Иенском университете на математическом факультете; затем в Политехническом институте в Карлсруэ. Толстой заключил с ним контракт, по которому Келер обязался помогать Толстому «при проведении физических и химических опытов и вообще в его работе в школе»; со своей стороны Толстой должен был оплатить путевые расходы Келера по переезду из Веймара в Тулу, предоставить ему готовый стол и квартиру и

выплачивать ежегодно гонорар в сумме 300 талеров (60: 476-477). «В Иене, где Толстой провёл только один день (15 апреля), он вместе с Келером отправился в магазин учебных пособий и накупил там физических и математических приборов для своей школы» (Гусев. *Материалы*. 2. С. 427).

В Ясную Поляну приехали в апреле 1861 г.; до конца ноября 1862 г. Келер исполнял обязанности учителя в школе

245

Толстого. «По воскресениям музей открывается для всех, — писал Толстой в начале августа 1861 г. тётке А. А. Толстой о яснополянском школьном музее, — и немец из Иены (который вышел славный юноша) делает эксперименты». Толстой был доволен молодым учителем: «Эксперименты Келера интересны и хороши. Он мил и полезный малый», — запись в дневнике 5 ноября 1861 г. (48: 38). С конца февраля до 14 марта 1862 г. Толстой вёл «Дневник яснополянской школы», многие записи (по-немецки) и рисунки в этом дневнике сделаны рукой Келера, который преподавал алгебру, геометрию, черчение и рисование. В статью «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (статья третья) Толстой включил отчёт Келера, учителя рисования яснополянской школы, в котором тот отмечал: «Лёгкое или трудное понимание и больший или меньший интерес имели главное влияние на ход и способ преподавания, и я часто бросал совершенно приготовленное для урока только потому, что оно было мальчишкам скучно или чуждо» (8: 118).

Видимо, к этому времени относятся воспоминания Толстого, рассказанные им много лет спустя и записанные Д.П. Маковицким: «Л.Н.: Когда я привёл Келера в церковь, он не мог удержаться от смеха (над иконами), выбежал» (запись 22 сентября 1905 г.; *ЯПЗ*. 1. С. 401). И позднее: «Вспоминали о Келере, которого Л.Н. привёз из Иены, что он, глядя на иконы, хохотал. Л.Н.: Мы к ним привыкли, а ему были смешны.

Андрей Львович негодовал, что Келер мог смеяться над тем, что для других священо. Л.Н.: Ему казалось комичным. По Шопенгауэру — комизм, где ожидаешь одно, а встретишь другое. Он ожидал “икону”, а встретил чёрного уroda» (*ЯПЗ*. 2. С. 43).

Во время летних каникул 1862 г., когда Толстой уехал в самарское имение, Келер жил у Г.А. Ауэрбаха в качестве воспитателя его сына. С конца ноября 1862 г. он был воспитателем сына С.Н. Толстого, Григория. С 1865 г. в течение 39 лет, до самой смерти, преподавал немецкий язык в мужской классической гимназии в Туле; как вспоминал учившийся в

тульской гимназии В.В. Вересаев, Келер переводил с учениками произведения И.-В. Гёте, Ф. Шиллера, Г.-Э. Лессинга.

Лит.: Вересаев В.В. В юные годы (любое издание).

Н.И. Бурнашёва

КЕНВОРТИ Джон Колеман (Kenworthy John Coleman; 1861 — 1948) — английский пастор, лектор и писатель; корреспондент и адресат Толстого, переводчик и издатель его сочинений, автор книги о его жизни и творчестве (Kenworthy J.C. Tolstoy, his life and works. L., 1902).

Переписка английского пастора с Толстым началась в марте 1894 г., их личное знакомство состоялось в Москве 23 декабря 1895 г. во время пребывания пастора в России (с 21 декабря 1895 г. по 7 января 1896 г.). Кенворти произвёл благоприятное впечатление на Толстого: «Он очень серьёзный, религиозный человек». Позднее англичанин написал и опубликовал книгу о встрече с русским писателем «Паломничество к Толстому. 1896» (A Pilgrimage to Tolstoy. 1896. — Croydon, 1904). Спустя несколько лет, в мае 1900 г., он вновь посетил Россию и гостил у Толстого. Долгие годы Толстого и Кенворти связывали дружеские отношения, их сотрудничество началось ещё до личного знакомства и продолжалось несколько лет. В 1895 г. Толстой обратился к своему корреспонденту с просьбой способствовать публикации в английской прессе материала о гонении духоборов в России. Позднее передавал с Кенворти свои статьи для публикации, получал через него необходимые работы (в октябре 1896 г. Кенворти по просьбе Толстого прислал книгу «Цивилизация, её причина и излечение и другие очерки» со статьёй Э. Карпентера).

Кенворти активно способствовал распространению идей Толстого в Англии. Небольшому издательству «The Brotherhood Publishing» («Братское издательство»), организованному им, Толстой вскоре после знакомства с пастором предоставил право первого перевода на английский язык своих религиозно-философских сочинений, а также право помещать эти переводы с целью «обеспечить им более широкое распространение» в любые английские издания. Прибыль от этих публикаций писатель советовал употребить на нужды «Братского издательства». Кенворти опубликовал на английском языке два тома труда Толстого «Соединение и перевод четырёх Евангелий». «Книга превосходно переведена и издана», — писал Толстой Кенворти 27 марта 1895 г. Испытывая финансовые затруднения, Кенворти не мог оплачивать

новые переводы религиозно-философских, публицистических произведений Толстого и либо покупал старые переводы для переиздания («Ходите в свете, пока есть свет», «В чём моя вера?», «Царство Божие внутри вас»), либо сам был переводчиком (рассказ «Хозяин и работник» переводил совместно с С. Рапопортом, «Краткое изложение Евангелия» — с В.Г. Чертковым).

Толстой следил за публицистической деятельностью пастора. Книгу Кенворти по экономике «Анатомия нищеты» («The Anatomy of Misery». L., 1893) он «достал» у одного книгопродавца, отдал перевести её на русский язык и, не дожидаясь перевода, прочёл её в оригинале. В 1900 г. по просьбе Кенворти он написал предисловие к книге для её третьего издания в Англии: книжка «понравилась Толстому ясностью и лаконичностью изложения, глубоким проникновением в суть дела. Он считал, что последующие произведения Кенворти, хотя в них было много полезного, далеко уступают» ей (Моод Э. Разговоры с Толстым // ТВС. 2. С. 160). Толстой доброжелательно отозвался о работе Кенворти «Рабство древнее и новое» («Slavery: ancient and modern». L., 1895): «Брошюра ваша превосходна, особенно конец. Давно пора сказать народу то условие, при котором он достигает блага. Глядя на страдания народа, всегда страшно предъявлять к нему ещё тяжёлые требования. А это необходимо, и вы сделали это прекрасно», - писал он автору 27 марта 1895 г. Толстой рекомендовал работы Кенворти другим своим западноевропейским последователям. Критически воспринял он художественную прозу английского автора: «Художественное произведение требует строгой художественной обработки, а тут её нет, а вместе с тем характер произведения — художественный» (письмо к Д. Кенворти 27 июня 1896 г.).

Толстой называл Кенворти своим «другом и единомышленником».

Н.Г. Михновец

КЕННАН Джордж (Kennan George; 1845-1924) — американский публицист, лектор, путешественник; корреспондент, адресат и посетитель Толстого. В 1865 г. начал карьеру специалиста по русским вопросам инженером-телеграфистом в Русско-американской телеграфной экспедиции. К 1886 г. Кеннан имел репутацию крупнейшего знатока России. Примерно в тот же период, после двадцатилетней экспедиции по бескрайним просторам России, Кеннан пережил эволюцию, от страстного апологета российской политики и российского устройства до непримиримого антагониста царского правительства. Позднее он испытал и глубочайшее разочарование в советской власти,

установившейся в стране, которую он так хорошо знал и сильно любил и Февральскую революцию в которой так радостно приветствовал. Во время своих русских экспедиций Кеннан досконально изучил сибирский край, традиции и обычаи проживавших там народов.

Встреча Толстого и Кеннана произошла в июне 1886 г. в Ясной Поляне. В это время Кеннан работал в Сибири по заданию американского журнала «Century» над очерком о сибирских тюрьмах. В письме к В.Г. Черткову 28-29 июня 1886 г. Толстой писал о Кеннана: «Да, ещё посетитель у меня был, американец, путешественник <...> — очень милый — приятный и искренний человек, хотя с разделённой перегородками душой и головой — перегородками, о которых мы, русские, не имеем понятия, и я всегда недоумеваю, встречая их» (85: 363-364). Статья Кеннана «A Visit to Count Tolstoi» была опубликована в журнале «Century» — (Century Magazine. 1887, 34. P. 253-265) и имела широкий резонанс. 26 ноября 1888 г. Толстой писал: «Суждения о русском правительстве Kennan 'а поучительны: мне стыдно бы было быть царём в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как сослать в Сибирь тысячи и в том числе 16-летних девушек» (50: 5). В ноябре 1888 г. Толстой читал в журнале «Century» работу Кеннана «Political exiles and Common Convicts in Tomsk». 5 января 1889 г. в дневнике Толстого запись о Кеннана: «Дома читал Кеннана и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости» (50: 20). 11 ноября 1889 г. он дочитал статью о Петропавловской крепости и сибирской ссылке. Впоследствии материалы этой статьи писатель использовал в романе «Воскресение» и в повести «Божеское и человеческое». В комментариях Н.Н. Гусева к роману «Воскресение» говорится о некоторых совпадениях романа с книгой Кеннана «Siberia and Excile System» (1891). 8 августа 1890 г. Толстой писал Кеннана: «С тех пор, как я с вами познакомился, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в “Century”...» (65: 138). В сентябре 1909 г. вышла статья Кеннана «Count Tolstoy and the First Russian Duma» («Outlook»).

Г.В. Алексеева

КИВШЕНКО Алексей Данилович (1851-1895) – русский живописец. Был близок к передвижникам, известен как мастер бытовых, исторических, батальных картин,

247

а также как иллюстратор сцен из деревенской жизни. Учился у И.Н. Крамского в рисовальной школе Общества поощрения художников в

Петербурге (1860-1867) и в Академии художеств (1867-1877). Как пенсионер Академии художеств в 1880-1883 гг. жил в Германии и Франции: право пенсионерства получил за исполненную по собственному выбору историческую картину «Военный совет в Филях в 1812 году» (Гос. Русский музей), которая принесла художнику популярность. В 1882 г. он сделал два её повторения (Гос. Третьяковская галерея и Музей истории и реконструкции Москвы).

Эта картина оказалась лучшей и самой известной работой Кившенко. На основании разысканных им старинных живописных портретов и гравюр художник сумел достоверно запечатлеть участников совета. Но, работая над картиной, Кившенко во многом следовал и описанию совета в Филях в книге Толстого «Война и мир». Образы участников совета у Кившенко близки литературным образам Толстого. Вслед за писателем, уже отступая от достоверности, Кившенко показал в избе, где заседал совет, лежащую на печи крестьянскую девочку (персонаж, вымышленный Толстым), которая наблюдает за спором «дедушки» (Кутузова) с «длиннополым» (Бенигсеном). К тому же, изобразив в своей картине, согласно описанию Толстого, лишь одиннадцать членов совета, художник повторил неточность, допущенную в «Войне и мире»: на совете в Филях присутствовало тринадцать человек (у Толстого отсутствовали генералы Платов и Ланской).

Толстой был хорошо знаком с Кившенко-иллюстратором; с рисунками художника «Посредник» в 1885-1886 гг. издал многие «народные рассказы» Толстого: «Два старика», «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Свечка». Кившенко — автор рисунков на обеих обложках к сочинению «Греческий учитель Сократ» (1885), тоже изданному «Посредником». В письме к художнице Е.М. Бём, желая привлечь её к изданиям для народа, Толстой писал 6 июня 1885 г.: «Не слышали ли вы про издание лубочных книжек и картин Сытина, частью которых занимаются близкие мне люди и отчасти и я. <...> Принимают участие в этом деле Савицкий, Кившенко, Крамской и Репин. Как бы хорошо было, если бы вы захотели послужить этому делу» (63: 257). Примечательно, что писатель назвал здесь Кившенко среди «близких» ему людей.

Толстой оказал значительное влияние на Кившенко; на протяжении жизни художник продолжал возвращаться к творчеству писателя. С 1893 г. он действительный член и профессор-руководитель батальной мастерской Академии художеств; в 1886-1893 гг. создал серию батальных картин на темы Русско-турецкой войны.

А. А. Алена

КИЗЕВЕТТЕР Георг (Kiesewetter; даты жизни не установлены) — музыкант, родом из Ганновера (Германия). Скрипач оркестра

петербургской оперы, талантливый, но пьющий и нищий. Приехал в Петербург 10 сентября 1848 г. и был принят на службу «к Санкт-петербургским театрам». Через 10 лет, 5 октября 1858 г., получил отставку.

Толстой познакомился с Г. Кизеветгером 5 января 1857 г. (запись в дневнике). Музыкант рассказал о своей жизни, и 7 января в дневнике писателя появилась запись: «История Кизеветтера подмывает меня». Скорее всего, Толстого увлекла любовная история артиста, которая станет частью сюжета будущего рассказа «Альберт». На следующий день скрипач был у Толстого: «Он умён, гениален и здоров, — записал Толстой в дневнике, словно споря с теми, кто видел в опустившемся музыканте человека, безнадежно погибшего и повреждённого рассудком. - Он гениальный юродивый. Играл прелестно». Через день Кизеветтер снова пришёл, но «ужасно пьян» и «играл плохо», однако всё же «глубоко тронул» Толстого. В эти январские дни 1857 г., обдумывая новый замысел, по дороге в Москву Толстой записал мысль о «трёх поэтах», и среди них — новый его знакомец: «Кизеветтер, огонь и нет силы». «Погибший», «Повреждённый» -- первоначально под такими названиями значился новый замысел рассказа о гениальном, но спившемся и потерянном артисте, прототипом которого во многом послужил Кизеветтер. История, поведанная им Толстому в первые дни знакомства, тоже появилась в «Альберте»; эту историю, правда, уже несколько обогащённую собственным творческим воображением, Толстой запечатлел в дневнике 30 января того же года: «Он рассказывает свою историю и ночь в театре, которая его потревожила в рассудке. Он боится всех и стыдится — виноват. Он запутался в жизни, так что боится возвратиться, одно спасенье забыться. В то время как он пробует; он рассказывает историю».

Судьба Г. Кизеветтера после отставки неизвестна.

Лит.: Срезневский В.И. Георг Кизеветтер, скрипач петербургских театров // Толстой. 1850-1860: Материалы и статьи. — Л., 1927.

Н.И. Бурнашова

248

КИПЛИНГ Джозеф Редьярд (1865 - 1936) — английский поэт и прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1907 г.).

Толстой знал произведения Киплинга. В незаконченном сочинении «О том, что называют искусством», переходя от критического разбора исканий современной живописи и музыки Вагнера к поэзии, он

упоминал Киплинга как представителя современной поэзии. «Диккенсы, Теккереи, V. Hugo кончились. Подражателям их имя легион, но они всем надоели. Всё одно и то же, и вот выдуманно новое: это Ибсен, Киплинг, Райдер Хагард, Доде-сын, Метерлинк и др. И опять то же явление: искание необычного, нового и отсутствие понятного. И, как и в живописи, количество пишущих растёт в ужасающих размерах, и в тех же размерах падает степень дарованья. Люди не видят даже, что то, что они делают, не имеет ни капли смысла, и продолжают восхвалять друг друга и всё дальше и дальше уходят в сторону исключительности, искусственности и непонятности» (гл. 1). Для Толстого имя Киплинга стоит в одном ряду с современными поэтами, которые воплощают всё худшее, что есть в современной литературе.

Проза Киплинга, по Толстому, также является выражением тенденций современного искусства. В главе X трактата «Что такое искусство?» писатель включал Киплинга в перечень наиболее характерных представителей «молодого искусства» своего времени. «Вы читаете “Là-bas” Huysmans'a <“Там внизу” Гюисманса. — фр.>, или рассказы Киплинга, или “L'annonciateur” Villiers de l'Isle Adam'a <“Благовеститель” Вилье де Лиль Адана. — фр.> из его “Contes cruels” <“Жестоких рассказов”. — фр.> и др., и всё это для вас не только “abscons” (новое новых писателей слово), но совершенно непонятно и по форме, и по содержанию», — писал Толстой. По его собственному признанию в XIV главе трактата «Что такое искусство?», он читал Киплинга не для удовольствия, а «с большим трудом», исключительно «для своей работы над искусством». Толстой замечал далее: «...чтение романов и повестей Золя, Бурже, Гюисманса, Киплинга и других, с самыми задирающими сюжетами, ни одной минуты не тронуло меня, но мне всё время досадно было на авторов, как бывает досадно на человека, который считает вас столь наивным, что не скрывает даже того приёма обмана, на который он хочет поймать вас. С первых строк видишь намерение, с которым писано, и все подробности становятся не нужны, и делается скучно. Главное же — знаешь, что у автора никакого другого чувства, кроме желания написать повесть или роман, нет и не было. И потому не получается никакого художественного впечатления».

В 1908 г. Толстой получил поздравительную телеграмму от Киплинга по случаю 80-летия.

Ю.Ю. Поринец

КИРЕЕВСКИЙ Иван Васильевич (1806-1856) — литератор, философ, издатель. Брат собирателя народных песен П.В. Киреевского. Один из лидеров славянофильства. Отстаивая самобытный путь развития России, в то же время указывал на необходимость синтеза всего лучшего

из европейского и отечественного опыта, за что подвергался критике с разных сторон.

Киреевский происходил из родовитой и высокообразованной дворянской семьи, чрезвычайно религиозной. Получив блестящее домашнее образование, в восемнадцать лет поступил в Московский главный архив Иностранной коллегии. Пробовал себя в беллетристике и поэзии, но серьёзное внимание читающей публики привлекли его литературно-критические статьи «Нечто о характере поэзии Пушкина» и «Обозрение русской словесности 1829 г.». «Обозрение» заслужило одобрительный отзыв Пушкина. Уже в этих статьях критик провозглашал свой главный тезис: движение русской литературы (в лице её ведущих представителей Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского и А.С. Пушкина) в направлении западноевропейской оказывается движением к себе, к национально-самобытным истокам.

С Киреевским Толстой познакомился в Петербурге в конце 1855 г., с интересом читал его статьи о Пушкине (с подробным анализом «Бориса Годунова»), но позднее критиковал его взгляды на христианство и православную церковь. Ко времени их знакомства Киреевский пользовался большим уважением у многих мыслящих людей России, его мнение ценилось и в среде писателей. Князь С.С. Урусов, близкий друг Киреевского, желая познакомить с ним Толстого, вручил ему рекомендательное письмо, когда тот 6 ноября 1855 г. отправлялся из Севастополя в Петербург: «Рекомендую вам прекрасного литератора и вместе шахматиста, моего ученика, графа Льва Николаевича Толстого» (Русский архив. 1903. Т. 11. С. 480).

Киреевский высоко оценивал раннее творчество Толстого, подчёркивал его самобытность, но опасался, что посторонние влияния могут сбить молодого писателя с выбранного им пути. В письме своей тётке, детской писательнице А.П. Зонтаг (февраль-март 1856 г.), он делился впечат -

249

лением о севастопольских рассказах: «Как Вам нравится “Севастополь” Толстого (Л.Н.Т.)? Я от этого Толстого жду чего-нибудь необыкновенного. Ему, кажется, Бог дал самородного таланту больше всех наших писателей. Если только он не собьётся школой Краевского и Никитенки, то будет выше всех Тургеневых и Писемских».

Совпадая с Киреевским в оценке времени Пушкина, когда «стремление к Жизни и к Поэзии сошлись», Толстой всё же не разделял некоторых взглядов критика: уже в этот период Толстой был противником всяких «теорий» и «убеждений» и не мог сойтись ни с

одним направлением: в каждом течении он видел предвзятость и односторонность.

От «своих» Киреевскому доставалось за увлечение Западом, от «чужих», напротив, за возвеличивание Древней Руси. По разным поводам он вступал в споры с западниками и славянофилами. Толстой высказывал собственное, по сравнению с Киреевским нередко противоположное, отношение к православию и церкви и, естественно, к славянофилам. Много лет спустя, 4 июля 1896 г., в письме к С.И. Кобелеву он так выразил своё мнение о видном лидере славянофилов: «Киреевский был человек хороший, но заблуждался, полагая, что христианство проявилось в православии».

Л.Ф. Подсвинова

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович (1841—1911) – русский историк. С 1880-х гг. – член Московского археологического общества и Общества любителей российской словесности, истории и древностей при Московском университете (председатель в 1893-1905). В 1893-1895 гг. по поручению императора Александра III Ключевский читал курс русской истории великому князю Георгию Александровичу. С 1889 г. член-корреспондент Петербургской академии наук, с 1900 – академик истории. В 1899 г. издал «Краткое пособие по Русской истории» как частное издание для слушателей автора, а в 1904 г. приступил к изданию полного курса. Всего вышло 4 тома, доведённых до времени Екатерины II. В 1905 г. Ключевский входил в состав Комиссии по выработке проекта нового цензурного устава и участвовал в разработке проекта закона о Гос. думе. К нему обращались за консультациями писатели, композиторы, художники, артисты; в частности Ключевский помогал в работе над ролью Бориса Годунова Ф.И. Шаляпину.

Толстой был знаком с сочинениями Ключевского, однако считал, что их содержание не вполне соответствует той задаче, которую историк ставил перед собой, поскольку язык, манера изложения и подачи материала не только не открывали перед читателем тайн истории, но затемняли смысл события, заставляя сфокусировать внимание на форме, а не на содержании. Так, в письме И.М. Трегубову 25 ноября 1899 г. Толстой, ознакомившись со «Значением преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства», заметил: «Ключевского хорошо риторически написано, искусно скрыто то, что нечего сказать. Брошюра всё-таки вредная, как всякая неправда» (66: 279). «Неправду» Толстой усмотрел в том, что Ключевский представил народ в виде пассивной массы, лишённой какой бы то ни было потенциальной возможности самостоятельного выбора и слепо

подчинившейся Сергию Радонежскому, без вмешательства которого он оставался бы непросвещённым.

В декабре 1894 г. Ключевский читал в университете лекцию об умершем Александре III. Лекция вызвала негодование студентов своим откровенно монархическим духом. Узнав о студенческих выступлениях, Толстой оценил деятельность Ключевского как провокационную, о чём писал А.Ф. Кони 11 декабря 1894 г., прося за студентов, приговорённых к административной высылке на 3 года без права проживания в столицах и университетских городах: «Всё это нарочно <...> делается для того, чтобы раздражить студентов <...> и вызвать в них и в лицах, связанных с ними, нехорошие чувства к молодому царствованию...» В дальнейшем у Толстого было мало желания обращаться к сочинениям Ключевского.

М.Ю. Белянин

КНОРРИНГ Ф.Г. («Кнорринг»; имя и даты жизни не установлены) – офицер, сослуживец Толстого на Кавказе, командир взвода лёгкой № 5 батареи 20-й артиллерийской бригады. «Неприятный офицер», как охарактеризовал его Толстой в дневнике в первые же дни своего пребывания на Кавказе. Через день после этой записи Толстой проиграл Кноррингу в карты огромные деньги – «своих 200, Николенькиных 150 и в долг 500, итого 850» рублей. Вернувшись из первого своего похода и возобновив работу над начатой ещё в июне ранней рукописью будущей трилогии, Толстой 4 июля 1851 г. пробует в дневнике «набросать портрет Кнорринга» (своеобразная «проба пера»): «Я знал, что брат жил с ним где-то, что вместе с ним приехал на Кавказ и что был с ним хорош. Я знал, что он дорогой вёл расходы общие:

250

стало быть, был человек аккуратный, и что был должен брату, стало быть, был человек неосновательный. Потому что он был дружен с братом, я заключал, что он был человек несветский, и потому что брат про него мало рассказывал, я заключал, что он не отличался умом». Когда Кнорринг появился и Толстой «за палаткой» «услыхал радостные восклицания свидания брата и голос, который отвечал на них столь же радостно: “здравствуй, морда”», начинающий писатель сделал вывод, что «это человек непорядочный» и «не понимающий вещей». Далее в дневнике дан портрет офицера: «Кнорринг – человек высокий, хорошо сложенный, но без прелести», «лицо широкое, с выдавшимися скулами, имеющее на себе какую-то мягкость, то, что в лошадях называется “мясистая голова”. Глаза карие, большие, имеющие только два изменения: смех и нормальное положение. При смехе они

останавливаются и имеют выражение тупой бессмысленности. Остальное в лице по паспорту». В первые же минуты общения Толстой сделал вывод, что Кнорринг – из тех людей, «которые любят иметь влияние на других». Негативное восприятие Кнорринга усугублялось тягостным сознанием карточного долга, что не давало покоя. В декабре приятель Толстого чеченец Садо отыграл у Кнорринга векселя Толстого и передал их Н.Н. Толстому. Но едва ли отношения с Кноррингом в дальнейшем могли улучшиться: «Удивительно, как неприятен мне этот человек, несмотря на то, что мы друг друга обманываем, представляя друг перед другом, что мы хорошие знакомые. В нём вполне отражаются все низкие свойства *офицера* – порождения праздности и холостой жизни», – эта запись в дневнике сделана 15 ноября 1853 г., за два месяца до отъезда с Кавказа. Даты жизни Кнорринга неизвестны; известие об его смерти в январе 1854 г., отмеченное в дневнике Толстого, оказалось неверным: в 1858 г. Кнорринг (согласно сведениям М.А. Янжула) всё еще командовал той же батареей в чине штабс- капитана.

Н.И. Бурнашёва

КОБЕРВЕЙН Жозефина («Копервейн Юзенька», Youzia; 1825-1893) – дочь Марианны Кобервейн (Рютенсцьольд), гувернантки в семье Исленьевых–Иславиных. Внебрачная дочь императора Николая I. Фамилию «Кобервейн» дал Юзе муж её матери. Детство и юность девочки прошли в Петергофе и в имении Иславиных Красном, недалеко от Ясной Поляны, куда не раз вместе с детьми Иславиными приезжала маленькая Юзенька. В Петергофе она могла общаться с членами царской фамилии, с тремя дочерьми царя, своими сводными сёстрами: вместе девочки изучали иностранные языки, фортепиано, рисунок, живопись и всё то, что должна знать принцесса. Для занятий рисованием из Франции был приглашён художник Йозеф Фрисеро. Жозефина, чрезвычайно одарённая в искусстве рисования, занималась усердно. В фондах ГМТ в Москве хранятся два портрета мальчиков Толстых, Сергея и Дмитрия, выполненных Юзенькой Кобервейн (подпись: Youza).

Ежедневная жизнь на ферме в Петергофе, где жила Юзенька с матерью, была простая. Сводных сестёр Юза называла не полными, официальными именами (Мария, Ольга, Александра), а простыми домашними: Мари, Олли, Адини; сёстры друг другу говорили «ты». Императора и императрицу Юза называла *rará* и *tatan* (что засвидетельствовано в её записках и письмах). Покровительство и связь семьи Николая I с Жозефиной в её детстве и юности, да и потом, с её детьми, объяснялись обычаями времени.

В 23 года Жозефина всё ещё продолжала брать уроки у Й. Фрисеро. И вскоре мать с дочерью, приняв предложение художника, приехали в

Марсель, где 3 января 1849 г. состоялась церемония бракосочетания. В дальнейшем мать вернулась в Россию, а Жозефина остальную жизнь прожила во Франции, продолжала рисовать, стала матерью четверых детей. Двоих старших сыновей крестили великий князь, цесаревич Александр, будущий российский император Александр II, и сам российский император Николай I. Даже некоторых внуков и правнуков Жозефины на протяжении ста лет крестили царствующие особы — это дополнительное доказательство близких и самых непосредственных связей Жозефины с российской царствующей семьёй. Умерла Жозефина Фрисеро (Кобервейн) в Ницце.

Юзенька Кобервейн («Копервейн», как произносили эту фамилию у Иславиных и Толстых) стала прототипом Катеньки в трилогии Толстого, с этим персонажем были связаны очень светлые и сладостные минуты жизни главного героя повестей: «что-то вроде первой любви» испытывает Николенька Иртеньев к Катеньке, чувство, которое, вероятно, пережил сам мальчик Толстой по отношению к Юзеньке. Через десятилетия в повести «Хаджи-Мурат» (гл. 15) появится небольшой сюжет о мимолётном романе Николая I с некой «девицей Копервейн», «белокурой шведкой», дочерью гувернантки; в этом сюжете узнаваема история, происшедшая в 1820-е гг. с

251

Марианной Рютенсхольд, а сама «девица» напомнит реальную Жозефину Кобервейн, ставшую прототипом этого персонажа в «Хаджи-Мурате».

Лит.: Бурнашёва Н.И. Семейная тайна Иславиных, или К истории одного эпизода в повести «Хаджи-Мурат» // Друзья и гости Ясной Поляны: Сб статей. - Тула, 2006.

Н.И. Бурнашёва

КОБЕРВЕЙН Марианна («Копервейн Мими»; наст, имя Анна-Мария-Шарлотта де Рютенсхольд, или как произносят шведы: Рютенхольд; 1791-1856) – гувернантка в семье Исленьевых—Иславиных. Дочь офицера шведской королевской гвардии, родилась в Стокгольме, служила в свите супруги короля Швеции Фридерики. В годы Наполеоновских войн (после 1809 г.) оказалась в России, где по просьбе Фридерики ей покровительствовала жена Александра I Елизавета Алексеевна, сестра шведской королевы. Марианна была пристроена компаньонкой к княгине С.П. Козловской, будущей бабушке С.А. Берс, и

вместе с её семьёй поселилась в имении Красное Крапивенского уезда под Тулой сначала в качестве компаньонки, потом — гувернантки. Порой она навещалась в Петербург к своей покровительнице; там однажды на придворном балу в 1824 г. великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I, заметил хорошенькую шведку. Результатом их тайной связи стала дочь Жозефина. Чтобы соблюсти приличие, Марианну Рютенскьольд выдали замуж за И.В. Кобервейна (1789-1854), 35-летнего чиновника Третьего отделения личной канцелярии его величества, но брак был недолгим, супруги развелись.

Умная и образованная Марианна на некоторое время стала воспитательницей детского отделения одного из кадетских корпусов, основанного в С.-Петербурге Николаем I. Поселили Марианну с дочерью в Петергофе, в маленьком здании фермы, в парке Летнего дворца; здесь же рядом находилось стойло для коров и быков, охраняемых пастухами-швейцарцами. В 1831 г. деревянное здание фермы расширили и привели в порядок для пребывания там великого князя Александра, будущего императора Александра II; архитектором А.И. Штакеншнейдером был построен двухэтажный кирпичный дворец в готическом стиле, разбит небольшой сад, сооружён фонтан. Здесь недолго, по официальной необходимости, жила и императорская семья.

Марианна с дочерью жили в этом здании, видимо, около 20 лет. Как могли они совмещать пребывание в Петергофе и в имении Иславиных? По всей вероятности, эта проблема каким-то образом была решена: допустим, зимой — у Иславиных, летом — в Петергофе. Выдав в 1849 г. дочь замуж за французского художника, надворная советница Марианна (Густавовна) Кобервейн до старости оставалась в России: о том, что «старая Мими» продолжала жить во второй семье деда Исленьева, вспоминала Т.А. Кузминская. Умерла «Мими» и похоронена в Царском Селе.

Марианна Кобервейн послужила прототипом гувернантки Мими в трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Много позднее она упомянута в повести «Хаджи-Мурат». Прямых сведений о том, что Толстой был посвящён в тайну семейства Кобервейн, нет; работая над трилогией, он, скорее всего, ещё не знал этой ситуации. Однако со временем, став близким родственником семьи Иславиных, он мог услышать эту таинственную историю от кого-то из Иславиных. Ко времени создания «Хаджи-Мурата» Толстой, видимо, уже знал об этих загадочных обстоятельствах, о чём свидетельствуют некоторые детали в 15-й главе повести, где сюжет из реальной жизни «шведки-гувернантки» Марианны Рютенскьольд перенесён в художественную судьбу её дочери.

Лит.: Бурнашёва Н.И. Семейная тайна Иславиных, или К истории одного эпизода в повести «Хаджи-Мурат» // Друзья и гости Ясной Поляны: Сб. статей. – Тула, 2006.

Н.И. Бурнашёва

КОВАЛЕВСКИЙ Егор Петрович (1809 или 1811-1868) – один из «литературных друзей» Толстого; писатель, географ, путешественник. Окончил Харьковский университет; служил в Горном департаменте; был горным инженером на алтайских и уральских заводах; искал золотоносный песок в Черногории, производил геологические изыскания в Египте. В 1849 г., участвуя в духовной миссии в Пекин, помог пропустить русские торговые караваны по удобному «купеческому тракту», тем самым спас их от непроходимых аргалинских песков. В 1851 г. при его содействии были заложены основы справедливой торговли России с Китаем. Во время Крымской кампании состоял при штабе М.Д. Горчакова, оставался там до октября 1855 г., собирая материалы по истории осады Севастополя. С 1856 г. по поручению князя А.М. Горчакова управлял азиатским департаментом. В 1861 г. в чине генерал-лейтенанта был назначен сенатором и членом Совета министра иностранных дел. В 1856–1862 гг. –

252

помощник председателя Императорского географического общества.

Толстой познакомился с Ковалевским в штабе Горчакова в Дунайской армии, намеревался привлечь его к задуманному офицерами-артиллеристами журналу «Военный листок». Особенно близко сошёлся с ним в Севастополе: ему первому прочитал только что законченный рассказ «Весенняя ночь 1855 года в Севастополе» («Севастополь в мае»), которым тот «остался очень доволен» и «очень хвалил» (47: 170). От Ковалевского узнал Толстой, что приглашён сотрудничать в брюссельском журнале «Le Nord».

После войны Толстой и Ковалевский не раз встречались в Петербурге, переписывались: сохранилось несколько писем к Ковалевскому, где Толстой делился своими планами «об обязанных крестьянах», рассуждал «об освобождении» крестьян, рассказывал о своих педагогических занятиях, о намерении организовать Общество народного образования. Толстой читал сочинения Ковалевского: ещё в Севастополе – книгу «Четыре месяца в Черногории» (СПб., 1843), позднее – книгу «Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I -го)». СПб.,

1866, которая послужила одним из источников «Войны и мира» (сохранилась в библиотеке Толстого в Ясной Поляне).

Н.И. Бурнашёва

КОЗЛОВЫ

Давид Фокович (1824-1881) – из потомственных яснополянских крестьян. Перешёл к Толстым от Волконских. В «Дневнике яснополянской школы за 1862 г.» Толстой писал, что Давид Фокович был волторнистом в оркестре у Волконского. Под именем Данилы упоминается в «Романе русского помещика». Известен как отец одного из наиболее способных и любимых учеников Толстого – Данилки Козлова. Жизнь семьи Козловых подробно описана в дневнике крестьянина, который вёл Данилка Козлов в 1877 г. по просьбе Толстого (рукопись хранится в ОР ГМТ).

Данила Давидович (1848-1918) – яснополянский крестьянин. Учился в школе Толстого 60-х гг. Учился хорошо, особенно по математике, сообразительный и добродушный мальчик. Толстой назвал его однажды ласково «мурзик». Данилка был музыкален (отец его был волторнистом в крепостном оркестре у деда Толстого); на празднике у Толстых на Пасху в 1860 г. он выбрал себе в подарок гармонь. В статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» Толстой запечатлел его под именем Проньки. Это кроткий и даровитый мальчик, в котором олицетворялись высокие нравственные качества. По воспоминаниям яснополянцев, Данилка послужил «моделью» для картины художника Н.В. Орлова «Порка».

Козлов всегда вспоминал школу с тёплым чувством. В 1911 г. он рассказывал, как Толстой возил своих учеников в Тулу в цирк: занимали галёрку, было весело, стоял хохот. Громче всех смеялся сам Толстой.

Он считал Данилку одним из самых способных учеников. Мальчик был его большим любимцем, о чём писатель часто напоминал и в старости. Школа навсегда осталась в жизни Данилы Давидовича лучшим воспоминанием. Неразрывной была его связь с учителем. Это была взаимная любовь, глубокая преданность учителю. Связи с одноклассниками Данила Козлов также неизменно поддерживал. Бывшие ученики объединялись вокруг Толстого, который притягивал их к себе, как магнит; одноклассники часто встречались именно у него. Сохранилась фотография этих встреч. Так, в 1903 г., спустя 60 лет после школы, учеников Толстого сфотографировал П.А. Сергеенко. Данила Козлов сидит в центре группы.

Жизнь Данилы Козлова сложилась небогатая, но светлая, наполненная трудом и заботами о семье, где было восемь детей. Все жили в Ясной Поляне. Крёстным отцом последнего сына был Лев Львович Толстой, а крёстной матерью – одна из дочерей Т.А. Кузминской. Происходил Данила из бедной семьи и своё хозяйство поднимал тоже трудно. На первых порах помог Толстой. Затем Данила укрепил хозяйство, но полностью выбиться из нужды так и не удалось. В 60-е гг. в Крапивенском уезде Тульской губ. Толстой организовал много народных школ по типу яснополянской. По его рекомендации Козлов был одно время учителем такой школы в селе Житове.

О жизни Козловых, семьи Данилы Давидовича в том числе, даёт яркое представление его дневник крестьянина, написанный им по просьбе и под наблюдением Толстого в 1877 г. Запись первых двух дней заполнил сам писатель. Затем он несколько раз просматривал дневник Данилы Козлова. Этот дневник – редкий, живой документ (рукопись в *ОР ГМТ*).

В последние годы жизни Толстой особенно часто встречался с Козловым. В январе

253

1910 г. он приглашал его на встречу с крестьянским писателем Новиковым и американцем Джонсом. Беседа длилась более двух часов. Обсуждалась статья Новикова «Обращение крестьянина к крестьянам». Во время болезни Толстой часто просил Данилу прийти к нему, и они беседовали по самым разным вопросам. Козлов сопровождал Толстого в его прогулках по окрестностям Ясной Поляны. Как писал С.П. Толстой, у отца всегда были особые отношения с Данилой Козловым. До конца жизни сохранил ученик светлую и благодарную память об учителе.

Потомки Козловых до сих пор живут в Ясной Поляне.

Н.И. Шинкарьюк

КОЛБАСИН Дмитрий Яковлевич (1827-1890) – знакомый Толстого, чиновник, близкий к кругу журнала «Современник». С братьями Е.Я. и Д.Я. Колбасиными, приятелями И.С. Тургенева, Толстой познакомился в Петербурге в конце 1855 г. Е.Я. Колбасин – писатель, сотрудник «Современника». Брат его, Д.Я. Колбасин, помогал Тургеневу в хозяйственных и издательских делах: правил корректуры, следил за изданием сочинений. Работу именно такого характера поручил ему Толстой весной 1856 г. – издание отдельной книжкой двух своих повестей

«Детство» и «Отрочество». В отсутствие Толстого в Петербурге все дела по изданию книги (цензурные, типографские и т.п.) вёл Колбасин, в письмах в Ясную Поляну сообщая автору о том, как продвигается издание. Летом 1856 г. шла довольно активная переписка: в своих письмах Толстой отдавал какие-то распоряжения, отвечал на вопросы издателя, даже посылал новые фрагменты текста, текстовые замены и т.п. Эти авторские поправки, так же как и письма Колбасина (*ОР ГМТ*), помогают не только восстановить историю текста, но и определить окончательный текст обеих повестей.

Н.И. Бурнашова

КОЛЕСНИКОВ Иван Васильевич (даты жизни не установлены) – крестьянин; последователь, корреспондент и адресат Толстого. В апреле 1909 г. в статье «О "Вехах"», критикуя реакционные взгляды некоторых философов, Толстой использовал письмо Колесникова, «обсуждающего те же самые вопросы, которые обсуждают в сборнике», из письма крестьянина он приводил выдержки о любви к ближнему. В мае 1909 г. в дневнике он записал: «Письмо мужика уж очень — и законно — хочется сделать известным». Это письмо тогда же было напечатано в сообщении «Русского слова». Переписка Толстого с Колесниковым продолжалась. В мае 1910 г. они обменивались мнениями о философии Ницше.

Н.И. Шинкарьук

КОЛОШИН Валентин Павлович («Калошин»; 1831-1855) — офицер, прапорщик 11-й артиллерийской бригады; сослуживец и близкий приятель Толстого в Севастополе. Сын декабриста П.И. Колошина, брат Сонечки Колошиной, в которую в детстве был влюблён мальчик Толстой. С семьёй Колошиных Толстые были дружны в Москве. Толстой был знаком с Колошиным с детства, но особенно сблизился в Севастополе. «Броневский, Мещерский, Калошин — все меня любят и милы», — запись в дневнике 30 июня 1855 г. А через несколько дней, 11 июля, он отправил в Петербург с Колошиным в редакцию «Современника» рукопись «Севастополя в мае». В день последнего штурма Севастополя Толстой потерял Колошина из виду: «Валентин Колошин, которого я здесь очень полюбил, пропал, — писал он 4 сентября 1855 г. Т.А. Ёргольской в Ясную Поляну. — Я не писал его родителям, потому что я надеюсь ещё, что он взят в плен. На запрос, который я послал в неприятельский лагерь, не пришло ещё ответа».

Посылая свой запрос, Толстой ещё не знал, что Калошин был убит в день последнего штурма Севастополя 27 августа 1855 г.

Н.И. Бурнашёва

КОЛОШИНА Софья Павловна («Калошина»; 1828-1911) - дочь Павла Ивановича Колошина, члена «Священной артели», Союза спасения, Союза благоденствия и Московской управы Северного общества декабристов. Дальняя родственница Толстого, Колошина была подругой его детства и стала прототипом Сонечки Валахиной в повести «Детство». Воспоминание об этой детской любви Толстой пронёс через всю жизнь. За три недели до женитьбы на С.А. Берс он записал в дневнике (30 августа 1862 г.), что влюблён в неё, «как в Сонечку Колошину». Позднее Толстой вспоминал: «О моих любвях: Первая самая сильная была детская к Сонечке Колошиной» (74: 239). С.А. Толстая уже в старости, в марте 1918 г., писала о прототипах трилогии, в т.ч. о Сонечке Валахиной: «"Сонечка" - это

254

Сонечка Калошина, жившая впоследствии в Троице-Сергиевской лавре, никогда не вышедшая замуж. Она была первой любовью ещё мальчика Льва Николаевича» (Печать и революция. 1924. № 4. С. 96).

В.А. Жаров

КОМСТАДИУС Иосиф Карлович («Камстадиус»; ум. в 1854 г.) — пггабс-капитан, сослуживец Толстого в Дунайской армии; один из участников организации Общества для содействия просвещению и образованию среди войска, идея которого принадлежала Толстому. «План общества перешёл в план журнала», участником этого нового замысла — издания журнала «Военный листок» (первоначальное название «Солдатский вестник») — также был Комстадиус. После его гибели в Инкерманском сражении Толстой записал в дневнике: «В числе бесполезных жертв этого несчастного дела убиты Соймонов и Комстадиус. Про первого говорят, что он был одним из немногих честных и мыслящих генералов русской армии; второго же я знал довольно близко; он был членом нашего общества и будущим издателем Журнала. Его смерть более всего побудила меня проситься в Севастополь. Мне как будто стало совестно перед ним» (47: 28).

Н.И. Бурнашёва

КОНДАУРОВА Анна Ильинична (1905-после 1980) — яснополянская крестьянка. Есть фотография, где пятилетняя Анна на празднике в Троицын день в 1909 г. оказалась рядом с Толстым. Он наклонился к ней, о чём-то спрашивая. Этот момент засняла Софья Андреевна.

Троицын день в Ясной Поляне.
Л.Н. Толстой среди крестьян. 1909 г.

Н.И. Шинкарьук

КОНЁНКОВ Сергей Тимофеевич (1874-1971) – скульптор, лауреат Гос. премии (1951), народный художник РСФСР, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, Герой Социалистического труда. Известен не только как художник, но и как публицист, автор статей и книг («Мой век» и др.).

К этапным произведениям Конёнкова можно отнести «Нике» (1906), «Самсон, разрывающий узы» (1912), «Старичок- полевичок» (1910), «Никколо Паганини» (дерево; 1968), «Бах» (1910), «С.В. Рахманинов» (1925), «Ф.М. Достоевский» (1933), «А.С. Пушкин» (1937), «Л.Н. Толстой» (1959) и др.

Конёнков родился в крестьянской семье, в деревне Караковичи Смоленской губ. Учился на скульптурном отделении в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве (1892-1896). По окончании училища получил большую серебряную медаль и повышал своё мастерство за границей за счёт средств, завещанных П.М. Третьяковым. Затем учился в Академии художеств в Петербурге.

Известность скульптору принесла работа «Камнебоец» (1898). В 1916 г. состоялась его первая персональная выставка, где было представлено 50 работ. В этом же году он стал действительным членом Академии художеств. В 1923 г. Конёнков участвовал в выставке живописи и

скульптуры в Нью-Йорке. Двадцать два года жил в США, где создал 150 работ.

За океаном он нередко вспоминал о том, как в первые годы жизни в Москве, в Училище живописи, несколько раз видел Толстого, а однажды в мастерской Паоло Трубецкого даже впервые лепил его с натуры, когда писатель позировал скульптору. Образ Толстого запечатлелся в памяти, и с тех пор не раз в своём творчестве Конёнков обращался к нему, высекая портреты из мрамора, рубя из дерева, отображая в рисунках, эскизах. В Америке Толстой был особенно близок и дорог скульптору простонародной мудростью своей. Именно поэтому тогда была создана небольшая скульптурная фигура Толстого: босого, с посохом в руке, в длинной крестьянской рубахе, с котомкой странника, идущего по русской земле. В своих воспоминаниях Конёнков писал: «Мятущийся, впитавший в себя всю боль страждущего человечества, человек с титулом графа и с обликом русского мужика, по-своему прокладывает дорогу из самодержавной России в лучезарный мир будущего».

В декабре 1945 г. Конёнков вернулся в Москву. В год своего восьмидесятилетия, работая над проектом памятника Толстому, он посетил Ясную Поляну, которая по

255

разила его величавой простотой. Он понял, что Ясная Поляна – лучший памятник писателю. Уезжал с мечтой о создании памятника Толстому – исполину духа, русскому мудрецу, мировому писателю. Вскоре мастерская его наполнилась толстовскими эскизами, этюдными пробами. Скульптор писал: «Пророческий дух Толстого овладел мною. Я чувствовал в себе великую потребность высказаться, выразить переполнявшие меня мысли и чувства» (Конёнков С.Т. Воспоминания. Статьи. Письма: В 2 кн. Кн. 1. Мой век. М., 1984. С. 247).

Работая над памятником Толстому, Конёнкову приходилось в публицистических статьях отстаивать идею создания памятника. Он писал, что памятник как надгробие писателю Толстому – не нужен. Памятник нужен его Родине, читателям, будущему поколению. Конёнков принимал участие в конкурсе на создание памятника Толстому (проект 1953–1954 гг.).

В.В. Степакова

КОНИ Анатолий Фёдорович (1844-1927) – известный судебный и общественный деятель, юрист, оратор, учёный, писатель. Его отец Фёдор Алексеевич Кони – человек, разносторонне образованный, писатель

(драматург и публицист) – был известен и как редактор, издатель и критик. Мать Кони – актриса, игравшая в императорских театрах Москвы и Петербурга 15 лет, и писательница. Его старший брат Евгений Кони – писатель-юморист.

Получив прекрасное домашнее образование, Кони в 1861 г. поступил на математический факультет Петербургского университета; в 1862 г. перешёл на юридический факультет Московского университета. Будучи студентом, в 1863 г. он впервые увидел Толстого в гимнастическом зале на Большой Дмитровке.

По окончании учёбы Кони служил юристом в военном Министерстве, Петербургской судебной палате; товарищем прокурора окружных судов в Сумах и Харькове; в той же должности – в суде Петербурга. В 1870 г. был губ. прокурором в Самаре и прокурором окружного суда в Казани.

С 1871 г. до конца своих дней Кони состоял на разных судебных постах в столице: был прокурором, с 1875 г. вице-директором Министерства юстиции. В те годы у него установились дружеские отношения со многими писателями: Ф.М. Достоевским, И.А. Гончаровым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, А.Ф. Писемским; с поэтами Я.П. Полонским, А.Н. Майковым. В 1876 г. он стал сотрудником и постоянным автором журнала «Вестник Европы». В журнале публиковались все его литературные произведения; это сотрудничество продолжалось 40 лет. В Ясной Поляне получали «Вестник Европы», и Толстой, ещё не будучи знакомым с Кони, с интересом читал статьи известного юриста, который писал, в основном, о своих друзьях-литераторах.

30 января 1885 г. состоялось назначение Кони в Сенат обер-прокурором уголовного кассационного департамента. По его словам, он стал «у руля русского уголовно-судебного корабля» (Сашонко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге - Петрограде – Ленинграде. Л., 1991. С. 172).

6 июня 1887 г. Кони познакомил с Толстым его коллега по службе А.М. Кузминский – муж сестры С.А. Толстой. В тот день Кони приехал в Ясную Поляну и прожил там несколько дней. Эта встреча оставила самые приятные впечатления как у него самого, так и у Толстого и заложила прочные основы их дружбы. Сенатор-писатель и писатель-мыслитель провели многие часы в беседах о религиозных и нравственных вопросах; гость не раз обращался к судебным воспоминаниям и рассказывал Толстому многое из своей профессиональной практики. Одному из его рассказов суждено было стать шедевром мировой литературы: история финской девушки Розалии Онни под пером писателя преобразилась в роман «Воскресение». В 1889 г. он начал писать произведение, первоначально названное им «Коневская повесть», над которым работал 10 лет.

Между ними завязалась переписка. С 1888 по 1910 гг. Кони получил от Толстого 36 писем. Главной темой писем была просьба оказать

содействие людям, попавшим в трудную ситуацию, требовавшую вмешательства юриста и, главное, доброго, отзывчивого человека. Благодаря совместным усилиям Толстого и Кони были спасены от неприятностей очень многие; среди них врач М.М. Холевинская, крестьянин М.П. Новиков, семьи Д.А. Хилкова, И.И. Горбунова-Посадова, историк профессор П.Н. Милюков, московские студенты, сектанты-молокане... Многие письма Толстого к Кони начина

256

лись словами: «Боюсь, что я очень надоед вам моими просьбами», а заканчивались: «Не можете ли помочь?..»

В 1893 г. при содействии Кони получила цензурное разрешение и была опубликована в России статья Толстого «Неделание».

«После 1887 года каждый раз, проезжая через Москву, я заходил ко Льву Николаевичу и проводил вечер в его семействе», — вспоминал Кони (Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 385). В 1888-1890 гг. старший сын писателя С.Л. Толстой жил в Петербурге и часто навещал Кони.

В феврале 1897 г., приехав в Петербург, чтобы проститься с уезжавшим в ссылку Г.Чертковым, писатель навестил своего друга. Об их встрече 10 февраля Кони вспоминал: «...мы пробеседовали целый час <...>. Он произвёл на меня впечатление одного из тех первых христиан, которые умели смотреть беспрепятно в глаза мучительной смерти и кротостью победили мир» (там же. С. 388).

В 1898 г. Кони познакомил Толстого с обстоятельствами судебного дела супругов Гимер, давшего толчок к созданию драмы «Живой труп», а вмешательство сенатора в их трагедию спасло Николая и Екатерину Гимер от ссылки.

Последний раз Кони посетил Ясную Поляну в апреле 1904 г. Толстой высоко ценил его литературный талант и дал ему прочесть рукописи своих произведений «Божеское и человеческое», «После бала», «Хаджи Мурат». Эти «вещи заставили меня провести чудные минуты и <...> не раз вызывали умиление перед величием таланта автора и его способностью “заражать” читателя своим настроением», — писал впоследствии Кони (там же. С. 390). Память об этом посещении сохранила фотография, сделанная С.А. Толстой 3 апреля в кабинете писателя. И Толстому, и его гостю - обер-прокурору Сената — эта встреча ещё раз показала, насколько их беседы обогащали их духовно. Встреча эта была описана Кони в его статье «Лев Николаевич Толстой» (отрывок из неё впервые опубликован в «Литературных приложениях к журналу “Нива”». 1908. № 9): «...мне было душно в этой жизни первые дни. Всё казалось мелко, так условно и, главное, так ненужно <...>. Надо считать

особым даром судьбы возможность видеться с ним и совершать то, что я впоследствии называл дезинфекцией души», -- писал Кони (цит. по: Высоцкий С. Кони. М., 1988. С. 245. - ЖЗЛ). Этот номер «Приложений» был прислан автором в Ясную Поляну. Помимо воспоминаний о Толстом в период с 1896 по 1908 г. личная библиотека писателя пополнилась одиннадцатью изданиями произведений Кони: его судебными речами и воспоминаниями о современниках.

В последнем письме к Кони 26 октября 1909 г. Толстой писал: «Всегда с любовью вспоминаю о вас и горюю, что, по всей вероятности, никогда уже не придётся по душе побеседовать с вами, чего очень бы желал».

После революции 1917 г. нарком просвещения А.В. Луначарский назначил Кони профессором кафедры уголовного судопроизводства Петроградского университета. Им было прочитано более тысячи лекций.

17 сентября 1927 г. в возрасте 83 лет Кони скончался от воспаления лёгких в Петрограде; похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища рядом с могилами Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина.

Е.В. Белоусова

КОНИСИ Масутаро (Даниил Павлович — так он называл себя в России; 1862 - 1940) — японский публицист; переводчик сочинений Толстого; его посетитель, корреспондент и адресат; принял православие и закончил Киевскую духовную академию. Кониси был не только первым японцем, который познакомился с Толстым, но и, по его воспоминаниям «О Толстом», в 1894 г. вместе с ним переводил труд древнекитайского мудреца Лао-тзе «Тао-те-кинг» с китайского на русский язык.

Вернувшись на родину, Кониси, естественно, оказался в центре горячего внимания японских литературных кругов. Благодаря ему Толстой, легендарный писатель далёкой страны, становился для японцев намного ближе. В течение нескольких лет Кониси много писал о религиозной мысли Толстого и переводил на японский язык его художественные произведения. В частности, перевод «Крейцеровой сонаты» (1896) сыграл значительную роль в становлении японского натурализма из-за неслыханной для японцев суровости и беспощадности поиска истины в этой повести.

Без сомнения, Кониси внёс огромный вклад в знакомство японского народа с Толстым, но в самом значимом событии его биографии, в «общем переводе Лао-тзе», в котором в Японии до сих пор почти никто не сомневается, много неясного. Дело в том, что, «кроме слов самого Кониси, нет свидетельств “совместного перевода”», как отмечает японский толстовед Фудзинума Такаси в своей книге «Жизнь Толстого» (изд-во «Дайсанбунмэй», 1993. С. 175).

По воспоминаниям Кониси, в начале ноября 1894 г. Толстой узнал через Н.Я. Грота о том, что японский литератор переводит «Тао-те-кинг» Лао-тзе. Заинтересовавшись этим, Толстой пригласил Кониси к себе в Хамовники. Пожелав издать «лучший перевод, чем любые другие», он предложил «быть его консультантом по этому поводу»: «Вы через каждый вечер приезжайте ко мне с вашим переводом, допустим, каждый раз по 1, 2 гл., и читайте вслух передо мной, а я буду сопоставлять ваш перевод с английским, французским, немецким, поправлять его и определять правильный перевод». В результате совместной интенсивной работы (Кониси утверждает, что только за один месяц, с конца ноября до конца декабря 1894 г., он с Толстым встретился более 20 раз) уже к середине марта 1895 г. перевод был завершён и вскоре опубликован в журнале «Вопросы философии и психологии», а в конце того же года издан книгой «Философия Лао-тзе» (перевод и предисловие Кониси под редакцией Толстого), весь тираж которой моментально разошёлся благодаря имени великого писателя и давно бушевавшей сенсационной известности этого проекта. Вскоре было выпущено второе издание, которое оказалось также быстро распроданным. Так утверждает Кониси в своей книге.

Однако среди этих «воспоминаний» достоверно подтверждается вообще немного: Кониси действительно перевёл сочинение Лао-тзе и опубликовал перевод в журнале «Вопросы философии и психологии» (май 1894. Кн. 3), и Толстой действительно в какой-то мере был причастен к этому процессу и читал перевод. Об этом упоминал А.В. Цингер, который говорил, что Кониси «приехал учиться православию. Потом Грот убедил его, что ему нужно учиться философии, а не православию. Потом В. Соловьёв, что это чепуха – учиться. Потом Л.Н. сказал ему (Кониси), что не им, японцам, китайцам у нас учиться, а нам у их Лао-тзе, и внушил ему перевести Лао-тзе на русский язык» (25 октября 1909 г.; *ЯПЗ*. 4. С. 88). Но о подробностях их сотрудничества ничего неизвестно.

Более того, есть и явные противоречия со словами Кониси. Толстой, несколько раз упоминая этот перевод, всегда называл его только «переводом Кониси» и не говорил ни слова о «совместной» работе, а оценку ему давал очень суровую, считая этот перевод «хуже всех»: «У меня есть пять переводов Лао-тзе, все они плохи. Кониси хуже всех. Немецкий перевод менее плох, его с Евгением Ивановичем обрабатывали по-русски, не кончили» (17 ноября 1906 г.; *ЯПЗ*. 2. С. 307). И в другой раз

о том же: «Кониси очень плохо перевёл его» (10 января 1907 г.; там же. С. 348).

О немецком переводе, «менее плохом», слова Кониси тоже противоречат толстовским. Кониси в своей книге говорит, что Толстой не очень высоко оценивал этот перевод Виктора фон Штрауса за то, что в нём, мол, «по сравнению с английским и французским, кажется, больше недостатков и к тому же он снижает возвышенность оригинала» (Кониси Масутаро. О Толстом. Изд-во «Момояма-серин», 1948. С. 29), но на самом деле, как видим, писатель ставит Штрауса выше всех как «особенно хороший немецкий перевод» (84: 197) и, опираясь в основном именно на него, вместе с Е.И. Поповым, делает свой перевод, о чём свидетельствует и дневниковая запись 5 октября 1893 г.: «Попов здесь. Мы с ним по немецкому Штраусу переводили Лаотзи. Как хорошо! Надо составить из него книжку» (52: 100).

Из всего этого можно заключить, что Толстой считал перевод Кониси не «совместным», а просто «переводом Кониси», хотя вопрос этот пока остаётся открытым.

Лит.: Кониси Масутаро. О Толстом. — 1948; Янаги Томико. Толстой и Япония. - 1998. С. 42-44 (на японском языке).

Ю. Сато

КОНОВАЛОВ Поликарп Ильич (1820-1874) – яснополянский дворовый человек Толстых, конюх и коновал. Прототип Поликея в рассказе «Поликушка», где отражены обстоятельства жизни семьи Поликарпа, у которого было восемь детей, в живых осталось трое. После отмены крепостного права семья Поликарпа Ильина была причислена к Ясенковской волости под фамилией Коноваловы.

Н.И. Шинкарьук

КОНСТАНТИНОВ Константин Иванович (1818-1871) – генерал-лейтенант, крупный учёный в области баллистики и ракетной техники.

Внебрачный сын великого князя Константина Павловича (брата Александра I) от французской певицы Клары Анны (Клары Петровны) Лоран (1799-1857, впоследствии княгиня Голицына). До 1837 г. носил отчество Константинович.

Окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, служил в лейб-гвардии Конной артиллерии, с 1845 г. командир Школы мастеров и подмастерьев порохового дела (позднее Пиротехническое училище) при Охтинском пороховом заводе, полковник (1848 г.), с 1849 г. начальник

Охтинского капсульного завода, в 1850 — 1856 гг. начальник (командир) С.-Петербургского ракетного заведения. Генерал-майор (1856 г.), с 1859 г. начальник Особого управления по приготовлению и употреблению боевых ракет при штабе генерал-фельдцейхмейстера (возглавлявшего русскую артиллерию). Руководил строительством ракетного завода в Николаеве, с 1867 г. его начальник. Генерал-лейтенант (1864 г.). Константинов внёс большой вклад в ракетостроение, пороховое дело, организацию артиллерийской службы, занимался вопросами усовершенствования ручного огнестрельного оружия, воздухоплавания и подводного плавания, оставил целый ряд научных работ (в т.ч. «О боевых ракетах». СПб., 1856). Именем учёного назван кратер на обратной стороне Луны.

Толстой заинтересовался ракетным делом ещё во время Севастопольской обороны. Приказом инспектора всей артиллерии за № 435 от 27 декабря 1855 г. поручик 12-й артиллерийской бригады граф Толстой, вернувшийся с театра военных действий Крымской войны, был прикомандирован к С.-Петербургскому ракетному заведению, таким образом став подчинённым Константинова. Толстой явился на службу 9 февраля 1856 г. Константинов не обременял его служебными обязанностями, и писатель получил определённую свободу для литературного творчества (за время службы закончена повесть «Юность», написаны повесть «Два гусара», рассказы, возобновилась работа над «Казачками»). Между ними вскоре установились добрые, дружественные отношения. Толстой неоднократно бывал дома у Константинова (вплоть до декабря 1856 г.), который нанимал квартиру в Петербурге по адресу Разъезжая ул., д. 38 (ныне д. 37). Он оставил положительные отзывы о своём «славном» начальнике. Единственный неприятный для писателя эпизод во время службы у Константинова был связан с севастопольской песней «Как четвёртого числа...»: великий князь Михаил Николаевич был недоволен тем, что Толстой, якобы, будучи автором, будто бы обучал ей солдат, по поводу чего Толстому пришлось объясняться с начальством.

30 сентября 1856 г., находясь в отпуске, Толстой подал рапорт об отставке, о чём 1 октября сообщил в письме своему сослуживцу, генералу Е.П. Ковалевскому, прося его похлопотать, чтобы «дело сделалось поскорее». «...Ежели увидите моего милейшего начальника, — писал Толстой, — и ему скажите, чтобы он не задерживал отставки. А то он раз отговаривал меня и теперь как бы не сделал этого. Вы меня знаете больше его, поэтому, ежели случится с ним говорить об этом, можете

сказать ему, что я от службы ждать ничего не могу благоразумно, да и просто не способен к ней, так из чего же мне связываться. А занятий у меня действительно довольно, в которых эта мнимая служба всё-таки стесняет меня». Однако сразу отставка не была принята, 18 октября 1856 г. в дневнике Толстой отметил: «отставку воротили». На следующий день из Тулы он направил второй рапорт об увольнении, мотивировав свою просьбу расстройством здоровья во время службы на Кавказе и под Севастополем и приложив к рапорту медицинское свидетельство. 26 ноября 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Отставка дана». 28 декабря поручик Толстой получил свидетельство об отставке от военной службы «за болезнью». Больше он нигде не служил.

Лит.: Храмой А.В. Константин Иванович Константинов. - М.-Л, 1951; Мазинг Г.Ю., Качур П.И. Константин Иванович Константинов. - М., 1995.

Е.В. Пчелов

КОНТ Огюст (1798-1857) — французский философ, основоположник позитивизма. Ключевой идеей «первого позитивизма» было преодоление противоположности материализма и идеализма в философии. Основной массив знаний о мире, человеке и обществе добывается специальными науками, поэтому философии следовало коренным образом измениться, отказаться от попыток познать первоначала бытия и оставить за собой только право упорядочивать, систематизировать, координировать те открытия, которые сделаны частными научными дисциплинами. Именно такую философию и можно будет именовать позитивной, считал Конт. Он объявлял социологию главной наукой об обществе и доказывал, что государство, выражающее «общий дух» народа, может выступить как орган сохранения социальной справедливости. Моральной, основной функции государства, по убеждению философа, должны быть подчинены экономическая и политическая деятельность в стране.

У идей Конта, ставших известными в России в середине XIX в., были свои сторонники и противники. К негативной оценке позитивизма Конта российских философов склоняло, в частности, невнимание к психологической проблематике, рассмотрение процесса познания в отрыве от этических установок, противопоставление религиозного и научного мировоззрения.

Резко критически отнёсся к философии Конта и Толстой. Развёрнутая критика Конта появилась в XXX главе трактата «Так что же нам делать?». «Началось это вероучение недавно – лет 50, – писал Толстой. – Главным основателем его был французский учёный Конт», которому «пришла в голову <...> мысль, что человеческие общества, даже всё человечество можно рассматривать как одно целое – организм, а людей – как живые частицы отдельных органов, имеющих каждая своё определённое назначение служить всему организму. Мысль эта так понравилась Конту, что он на ней начал строить философскую теорию, и теория эта так увлекла его, что он совершенно забыл о том, что исходная точка его теории была не больше, как хорошенькое сравнение, уместное в басне, но никак не могущее служить основой науки. Он, как это часто бывает, принял любимую им гипотезу за аксиому и вообразил себе, что вся теория его построена на самых твёрдых основах». Для Толстого была очевидной ошибочность позиции Конта, выстраивающего здание науки, названной им позитивной, на «произвольном и неправильном утверждении о том, что человечество есть организм. Утверждение это, – по мысли Толстого, – было произвольно потому, что для того, чтобы признать существование не подлежащего наблюдению организма человечества, мы имеем ровно столько же права, как признать существование троичного Бога и тому подобных теологических положений. Неправильно же было это утверждение потому, что к понятию человечества, т.е. людей, неправильно было присоединено определение организма, тогда как в человечестве отсутствует существенный признак организма – центр ощущения или сознания» (25: 337).

Критически проанализировав философию Конта, Толстой задался вопросом, почему же она была «принята так называемым образованным миром с величайшим сочувствием». Ответ был предельно прост: учение Конта пришлось по вкусу многим потому, что оно «потакало царствующему злу», потому, что оно, как и многие другие ставшие любимыми науки, служило «оправданию существующего освобождения себя одними людьми от человеческой обязанности труда и поглощения ими труда других». Из теории Конта, констатировал Толстой, с очевидностью вытекает, что понимание несправедливости общественного бытия и все попытки перестроить его на нравственной основе бесплодны, так как единый организм человечества живёт по незыблемым законам бытия и любое отступление от них невозможно. Как в прошлом были жрецы, оправдывавшие насилие церковной и гос. власти, так и в настоящем есть жрецы философии, которые доказывают, что так как в социальном мире действуют непреложные законы развития, то «устройство общества должно быть такое, какое есть, и иного быть не может» (25: 318).

Этическое неприятие философии Конта нашло отражение во многих религиозно-философских произведениях Толстого. В трактате «Царство Божие внутри вас», излагая своё понимание сути христианства, он отмечал, что Конт, Страус, Спенсер и Ренан, рассматривая нравственное учение Христа сквозь призму своих построений, «отрицают разумность учения», «хотят быть снисходительны к нему», «с высоты своего величия поправляют его» (28: 71). В статье «Что такое религия и в чём сущность её?» Толстой писал, что «образованный контист стоит в религиозном отношении несравненно ниже самого простого человека», так как он лишён веры, дающей ответы, на какой нравственной основе выстраивать свои поступки (35: 163). В вариантах статьи «Великий грех», доказывая преступность владения землёй и существовавшего в России «земельного рабства», Толстой обвинял признаваемую многими истиной науку, по которой «выходит, что жизнь человеческая слагается не по духовным свойствам людей, не по степени развития их разума и совести, а по каким-то законам, которые открыл Гегель, Конт, Спенсер, Маркс, Энгельс, и т.п. По этой-то науке, - пояснял Толстой, — освобождение земли от больших собственников теперь, сейчас не нужно, так как в будущем это освобождение произойдёт само собою вместе с уничтожением всякого права собственности на орудия труда» (36: 471). В статье «Религия и нравственность», называя учение «признанного культурною толпою» Конта «легкомысленным и поверхностным», Толстой с нескрываемым возмущением говорил, что французский философ признаёт ненужность религии на современном этапе развития человечества, объявляя её «мешающей его прогрессу» (39: 5).

Считая, что философское учение Конта есть глубокое заблуждение, Толстой всё же был согласен с французским мыслителем в том, что человеку, чтобы достойно действовать в этом мире, необходимо руководствоваться правилом «Живи открыто». Это правило, сформулированное Контом, Толстой поместил в сборник изречений «Круг чтения».

М.А. Лукацкий

260

КОПЫЛОВ Дмитрий Иванович (1814—1854) — яснополянский крестьянин. Выведен в повести Толстого «Отрочество»: «Митька-форейтор раздувает самовар». Впоследствии писатель рассказал историю этого крестьянина. Митька был прекрасным форейтором, ловким, сильным, красивым. Многие предлагали ему выгодную работу. Но в семье некому было исполнять барщину, ибо старший брат Митьки рано умер, а отец был стар. Отец отозвал сына на барщинную работу. Через

несколько месяцев Митька из щёголя превратился в серого мужика в лаптях, безропотно тянувшего барщину. Должно быть, непосильный труд, большая семья свели в могилу Митьку-форейтора в 40-летнем возрасте. Его старший сын Александр повторил судьбу отца: умер в сорок лет, оставив четырёх сирот. Толстой к семьям Копыловых был постоянно внимателен, много помогал, зная их крайнюю нужду. В июне 1841 г. записал в дневнике: «Копылова мать. Давно уже не пекли хлеба. Кусочки не продают» (49: 44).

Положение семьи осложнилось после смерти кормильца и бабушки. Анисья Копылова осталась одна с четырьмя детьми, трижды горела. Помощь семье от Толстых ещё больше увеличилась. Анисья, «баба ворчливая», стала воспринимать помощь писателя как его обязанность, была недовольна её размерами. В мае 1909 г. Толстой в дневнике отметил: «...в саду поймала Анисья Копылова о лесе и сыне. <...> Сейчас не мог удержаться, чтоб не отослать с досадой Копылову, поймавшую меня...» (57: 67-68). И всё-таки Толстой вновь помогал семье, написал письмо становому с просьбой прекратить дело о сыне Василии, обвинённом в оскорблении полицейского стражника.

Толстой запечатлел Анисью Копылову в пьесе «Власть тьмы», в рассказе «Филипок».

Н.И. Шинкарьук

КОРЕЙШ Варвара Андреевна (1828-1880) – казанская знакомая Толстого, одна из признанных красавиц местного светского общества, прототип героини рассказа «После бала» Вареньки Б. Её отец – воинский начальник – появился в рассказе в образе полковника, руководившего экзекуцией.

По семейным преданиям, в девушку был влюблён не Лев, а его брат Сергей, хотя в дневнике 18 июня 1903 г., намечая для себя основную тему будущего произведения, Толстой записал: «...весёлый бал в Казани, влюблён в Корейшу красавицу, дочь воинского начальника-поляка, танцую с нею...»

В апреле 1846 г. Варвара Корейш вместе с Сергеем, Львом и Марией Толстыми участвовала в «живых картинах», показанных в актовом зале университета. Толстые в то время жили в доме Киселевского на улице Большая Красная, на углу Арского поля, недалеко от дома самого полковника Андрея Петровича Корейша и плаца, где происходила описанная в рассказе экзекуция. По свидетельству Толстого, непосредственно экзекуции он не наблюдал. Тем не менее в статье «Николай Палкин» он упоминал одного из своих знакомых «полковых и ротных командиров», «который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы назавтра рано утром

распорядиться прогонянием насмерть сквозь строй бежавшего солдата-татарина, засекал этого солдата до смерти и возвращался обедать в семью».

В 1851 г. В.А. Корейш вышла замуж за тульского дворянина Н.А. Хвоцинского; впоследствии стала матерью большой семьи.

С.А. Коновалова

КОРНИЛОВ Владимир Алексеевич (1806-1854) – вице-адмирал; с 1851 г. фактически командовал Черноморским флотом; один из руководителей обороны Севастополя. В рассказе «Севастополь в декабре месяце» Толстой писал о «первых временах осады Севастополя, когда в нём не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и всё-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — времена, когда этот герой, достойный Древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: “Умрём, ребята, а не отдадим Севастополя”, — и наши русские, неспособные к фразёрству, отвечали: “Умрём! ура!”». Вице-адмирал Корнилов, со своим штабом объезжая оборонительную линию каждый день, по крайней мере, один раз, наблюдал лично за ходом инженерных работ, за строгим исполнением аванпостной службы, за порядком в размещении войск, а ночью, при малейшей тревоге или перестрелке, немедленно являлся на линию. Героическое поведение вице-адмирала в первую бомбардировку, его обращение к войскам, защищающим Севастополь, смертельное ранение его на Малаховом кургане сделали имя Корнилова легендарным.

Толстой прибыл в Севастополь спустя месяц после смерти Корнилова, но и для него имя это стало священным, о чём свидетельствовало его письмо к брату С.Н. Толстому 20 ноября 1854 г.

Н.И. Бурнашёва

261

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович (1853-1921) – прозаик, публицист, общественный деятель. Автор повестей и рассказов «Слепой музыкант», «Сон Макара» и др. Его отец происходил из украинского служилого дворянства, мать — дочь польского шляхтича. Хотя Короленко считал себя «безнациональным народником, до известной степени космополитом», по духу он был глубоко русским писателем.

После житомирской реальной гимназии не закончив ни одно из заведений из-за материальных условий, в 1878 г. он устроился корректором в газету «Новости», где появились его первые

корреспонденции. В 1879 г. семью Короленко обвинили в политической неблагонадёжности: арестовали и выслали братьев, а сам Короленко, попав в разряд «преступников», шесть лет провёл по тюрьмам, этапам и ссылкам. Там началась его серьёзная литературная работа: написаны рассказ «Сон Макара», «В дурном обществе» и др. Только в 1885 г. писатель получил разрешение вернуться в европейскую Россию без права жительства в столичных городах. Более десяти лет он прожил в Нижнем Новгороде. Переехав в Петербург, Короленко много времени отдавал работе в журнале «Русское богатство». В 1900 г. был избран почётным членом Петербургской академии наук. Нездоровье и усталость от суеты столичной жизни побудили писателя переселиться в 1900 г. в Полтаву, где он и провёл оставшуюся жизнь. Этот период отмечен новым подъёмом творчества: завершён цикл сибирских рассказов, в 1905 г. писатель приступил к работе над многотомной «Историей моего современника», продолжавшейся до самой смерти.

Толстой относился к Короленко с большим уважением и интересом. Их знакомство состоялось в феврале 1886 г. в Москве, в хамовническом доме. Следующая их встреча произошла 25 мая 1902 г. в Гаспре и последняя – в августе 1910 г. в Ясной Поляне. Первую встречу с Толстым Короленко описал в очерке «Великий пилигрим», последнюю – в письме Т.А. Богданович 6 августа 1910 г. Толстому Короленко посвятил ряд статей: «Лев Николаевич Толстой», «Разговор с Толстым. Максимализм и государственность», «Умер» и др.

В 1892 г., как и Толстой, Короленко активно участвовал в организации помощи голодающим крестьянам. Отдельной брошюрой он напечатал очерк «В голодный год» и послал его Толстому.

В 1910 г. Короленко в «Русском богатстве» (№ 3) опубликовал первые шесть глав статьи «Бытовое явление» — о смертной казни, ставшей в России обыденным делом. В дневнике Толстого 25 марта записано: «Сильная статья Короленко о смертной казни». И на следующий день: «Вечером читал статью Короленко. Прекрасно. Я не мог не разрыдаться». 27 марта он писал Короленко: «Владимир Галактионович, сейчас прослушал вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать — не слёзы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное, по чувству — превосходную статью. Её надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья». Письмо было опубликовано в газете «Речь» 18 апреля (№ 106) и затем перепечатано другими газетами. Все издания, поместившие его, были конфискованы. 9 мая Короленко сообщал Толстому: «Вы, конечно, уже знаете, что письмо ваше ко мне появилось в газетах. Я не

позволил бы себе распоряжаться таким образом и во всяком случае не решился бы сделать это без предварительного вашего согласия. Но... каждая ваша строчка становится общественным достоянием как-то стихийно. Я ещё не успел ответить на запросы редакций, как письмо появилось уже в “Речи”. Нечего и говорить о том, какую услугу оно оказало этому делу и в какой мере усилило внимание печати и общества к ужасному “бытовому явлению”, о котором вы заговорили ещё раз после “Не могу молчать”».

Однако Короленко не мог согласиться с идеей о непротивлении злу насилием, хотя понимал, что эта идея Толстого «логически самая сильная», но «она стоит вне грешной жизни и потому остаётся без влияния на неё».

В последний раз Короленко был в Ясной Поляне по приглашению Толстого 6 августа 1910 г. «Эти три свидания, -- говорил он, -- стоят в моей памяти живо и ярко, как будто они происходили недавно. <...> Каждый раз это впечатление другое: точно это три разных снимка, и только в конце они сливаются в один образ великой человеческой личности».

Октябрьскую революцию Короленко не принял, хотя видел, что к ней привёл «исторический ход вещей». Живя в Полтаве, в годы Гражданской войны переходившей

262

из рук в руки, писатель не раз рисковал жизнью, выступая против бессудных расстрелов и погромов, грабежей, «обоюдного озверения». В письме А.В. Луначарскому 22 сентября 1920 г. Короленко излагал самые мрачные мысли о будущем России: «Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только ещё у порога таких бедствий, перед которыми померкнет всё то, что мы испытывали теперь <...>. Правительства погибают от лжи... Может быть, есть ещё время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания, пойдет по пути возвращения к свободе. Если не для вас и не для вашего правительства, то это будет благодетельно для страны и для роста в ней социалистического сознания. Но... возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?» (Короленко В.Г. Дневник. 1917— 1921. Письма. М., 2001. С. 470).

Л.Ф. Подсвинова

КОСТОМАРОВ Николай Иванович (1817—1885) – историк, писатель. Сын дворянина и крепостной, рождённый до брака. Учился в Харьковском университете. Непродолжительное время находился на военной службе.

В 1830-е гг. увлёкся русской историей. В 1844 г. защитил диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии». Адъюнкт-профессор русской истории Киевского университета (с 1846 г.). За принадлежность к «Кирило-Мефодиевскому братству», выступавшему за культурно-национальную автономию Украины, арестован и осуждён (1847 г.). Провёл год в Петропавловской крепости. Выслан в г. Саратов, где отдан под надзор местной полиции. Получил запрет на преподавательскую деятельность (отменён в 1859 г.) и публикацию своих произведений (отменён в 1856 г.). Продолжал активную историческую и историко-этнографическую работу, писал художественные произведения.

После выхода в отставку Н.Г. Устрялова возглавил кафедру русской истории Петербургского университета (1859). В 1861 г. после студенческих беспорядков покинул столичный университет. По настоянию Министерства народного просвещения был вынужден отклонить ряд предложений о работе в Киевском и Харьковском университетах. В последние годы жизни продолжал активно работать.

Опубликовал целый ряд научных трудов по социально-политической и экономической истории России и Украины, до сих пор не утративших своей значимости, например, «История России в жизнеописаниях её главнейших деятелей», «Быт и нравы русского народа в XVI и XVII вв.», «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604-1613 гг.)».

Автор ряда стихотворений на украинском языке (под псевдонимом Иеремия Галка), прозаических произведений, в т.ч. повестей «Сын» (1864), «Кудеяр» (1875), «Холоп» (1878), «Черниговка» (1881), и исторических пьес «Савва Чалый» (1838) и «Переяславская ночь» (1841).

Толстой высоко ценил работы Костомарова, был знаком с его историческими, художественными и публицистическими сочинениями. Разделял его точку зрения о необходимости перестройки университетского образования в России.

Однако наибольший интерес у него вызывало художественное творчество Костомарова, особенно легенда «Сорок лет». Это сочинение, написанное по-украински ещё в 1840 г., появилось на русском языке в 1881 г. Когда именно Толстой познакомился с легендой, сказать сложно. Однако уже после смерти Костомарова писатель через третье лицо получил предложение от вдовы историка переработать текст (особенно концовку), так как в первоначальном изложении легенда не была до конца понятна публике. Толстой ответил согласием и в течение

некоторого времени занимался переработкой текста: упростил язык, сократил оригинальный текст, частично переписал окончание легенды.

Легенда «Сорок лет» была опубликована в журнале «Образование» лишь в 1902 г. При этом перед непосредственной публикацией возникла путаница с авторством текста: редактор журнала «Обозреватель» П.А. Буланже поместил объявление о рассказе гр. Толстого «Сорок лет». Толстой, всегда называвший автором Костомарова, был огорчён этим обстоятельством. «Нынче видел объявление “Образования”, и очень нехорошо. Выходит, что я присвоил себе произведение Костомарова...» -- писал он Буланже 28 февраля 1902 г. (73: 209). В конце концов легенда вышла с указанием соавторства Толстого и Костомарова.

Е.М. Болтунова

КОЦЕБУ Павел Евстафьевич (1801—1884) — генерал-адъютант, член Гос. совета. Служил на Кавказе; с началом Восточной войны — в Дунайской армии. Во время Крымской кампании — в Севастополе: начальник штаба Южной армии и всех сухопутных и морских сил, расположенных в Крыму. После войны, в 1860-е гг., был

263

новороссийским и бессарабским генерал-губернатором; в 1874-1880 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа.

Осенью 1854 г., находясь в Дунайской армии, Толстой намеревался привлечь его к сотрудничеству в журнале «Военный листок»; в «Программе журнала» говорилось, что его редакция «будет покорно просить принять участие в журнале генерал-адъютанта Коцебу» (далее перечислялся ещё ряд имён). В одной из солдатских песен времён севастопольской обороны (песня появилась осенью 1855 г., и её приписывали П.К. Менькову) есть куплеты:

А как первого числа
Ожидали в фоц-Сала
Батюшку-царя!
Коцебу просил Толстова
Написать хотя два слова
На этот предмет [2: 560].

Последний куплет свидетельствовал о популярности Толстого — автора севастопольской песни «Как четвёртого числа...».

Н.И. Бурнашёва

КРАЕВСКИЙ Андрей Александрович (1810-1889) – издатель, журналист. Один из соиздателей «Современника» после смерти А.С. Пушкина, в 1839-1868 гг. издавал и редактировал журнал «Отечественные записки». Помимо этого был издателем газет «Русский инвалид» (1847-1852), «Санкт-Петербургские ведомости» (1852-1862, соиздатель) и «Голос» (1863-1882).

Толстой познакомился с Краевским 24 ноября 1855 г. Писатель и издатель общались недолго, в период пребывания Толстого в Петербурге (декабрь 1855 – май 1856 гг. и ноябрь – декабрь 1856 г.).

Сразу после знакомства Толстой обещал Краевскому дать в «Отечественные записки» «к февралю или марту» «Роман русского помещика» – один из своих первых крупных замыслов, к которому молодой писатель периодически возвращался с 1852 г. Однако работа над сочинением шла трудно, что отразилось в переписке с издателем. 31 декабря 1855 г. Толстой писал Краевскому: «Я немного увлёкся <...> сказав <...> что я обещаю в Ваш журнал и в нынешнем году “Роман русского помещика”. Роман этот ещё далеко не кончен и не отделан, поэтому ежели Вы будете в числе Ваших сотрудников поминать меня, то, пожалуйста, не называйте именно что я обещал» (59: 336).

Из «Романа русского помещика» в процессе работы получился рассказ «Утро помещика». Его автор и передал Краевскому в «Отечественные записки» (напечатан в № 12 за 1856 г.). Это было единственное произведение Толстого, опубликованное в издании Краевского. На этом закончилось и их личное общение.

К. В. Титов

КРАМСКОЙ Иван Николаевич (1837 – 1887) – художник. Родился в семье мелкого чиновника в маленьком городке Острогжске Воронежской губ. Закончил четырёхклассное училище, был переписчиком, подмастерьем иконописца. В 1857 – 1863 гг. учился в Академии художеств в Петербурге в классе А.Т. Маркова. Вышел из Академии до окончания курса. Был одним из учредителей и идейным вдохновителем Петербургской артели художников и Товарищества передвижных художественных выставок. Живописец, рисовальщик, акварелист, портретист. Работал и в области пейзажа, бытового и исторического жанра. Автор художественно-критических статей.

Знакомство Крамского с Толстым состоялось в начале 70-х гг. в Ясной Поляне. Ещё в мае 1869 г. автору «Войны и мира» стало известно о желании П.М. Третьякова заказать его портрет. Об этом известил

писателя А.А. Фет. Толстой тогда ответил Фету: «О Третьякове – не знаю, никого не хочется».

В 20-х числах июня 1873 г. Крамской поселился на лето с семьёй на даче на станции Козлова Засаека, в трёх верстах от Ясной Поляны. Вместе с ним приехали писать этюды И.И. Шишкин и К.А. Савицкий. Крамскому исполнилось 36 лет. За плечами – успех его большой картины «Христос в пустыне» (1872) на 2-й выставке Товарищества передвижников. (Толстой впоследствии говорил про эту картину: «Это лучший Христос, которого я знаю».) Толстой встречался с Крамским ещё за 10 лет до этого. Во время поездки в Москву после женитьбы на С.А. Берс он вместе с молодой женой посетил храм Христа Спасителя, где тогда расписывал купол молодой художник Крамской. Но встреча была мимолётной.

Крамскому было известно о желании Третьякова иметь портрет Толстого. Узнав о том, что по соседству находится имение Толстого, художник решил уговорить его позировать для портрета. 1 августа 1873 г. Крамской, отвечая на просьбу Третьякова, обещал ему: «...употреблю все старания, чтобы написать портрет графа Толстого...» (*Крамской И.Н. Письма. Статьи: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 187*).

264

В начале сентября 1873 г. Крамской посетил Толстого. Писатель тогда приступил к работе над романом «Анна Каренина». О знакомстве с художником существует несколько легенд. Два дня Крамской уговаривал Толстого согласиться позировать для портрета. По воспоминаниям И. Л. Гинцбурга, Крамской якобы сказал: «Я или кто-нибудь другой напишем (портрет), но напишем неверно, мертвенно, фальшиво, по фотографическим карточкам». Аргумент подействовал. Сам Толстой об этом писал Страхову 23-24 сентября 1873 г.: «Уж давно Третьяков подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: всё равно ваш портрет будет, но скверный. Эго бы ещё меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет для неё».

6 сентября 1873 г. состоялся первый сеанс. Крамской начал писать сразу, без предварительных набросков, а через три дня стал одновременно работать на двух холстах – один для Третьякова, другой – для Толстых. Крамской обладал талантом глубоко видеть, «невольнo по инстинкту понимать тех, с кем случай его сталкивал», и он сумел увидеть в Толстом «великого русского писателя в эпоху средних его лет» (В.В. Стасов).

Толстому и его окружению портрет сразу понравился. Крамской работал с необычайным подъёмом: «А граф Толстой, которого я писал,

интересный человек, – сообщал он 22 февраля 1874 г. И.Е. Репину, – даже удивительный. Я провёл с ним несколько дней и, признаюсь, был всё время в возбуждённом состоянии; даже на гения смахивает» (Крамской И.Н. Письма. Статьи. Т. 1. С. 238).

Толстому художник тоже был интересен. Они много беседовали об искусстве, литературе, о своих замыслах, одновременно наблюдали друг за другом. И, как оказалось позднее, писатель тоже писал портрет художника, только литературный: в романе «Анна Каренина» он вывел его в образе художника Михайлова, на что сразу обратили внимание современники.

После недельного перерыва (Толстой уезжал с Оболенским охотиться) 23 сентября сеансы возобновились. 3 октября художник завершил работу. Всего за 2-3 недели были написаны два портрета Толстого. Крамской предложил писателю выбрать для себя лучший. В Ясной Поляне остался портрет, который выбрала Софья Андреевна.

Все ждали, что портрет Толстого будет представлен на 3-й выставке передвижников, но Толстой воспротивился этому, и художник выполнил данное ему обещание. Позднее, в 1878 г., писатель согласился, чтобы портрет был показан в экспозиции русского отдела Всемирной выставки в Париже. Современники признавали, что это был один из лучших портретов Толстого.

Писатель и художник переписывались. В 1884 г. Крамской согласился участвовать в работе издательства «Посредник». Только смерть его в 1887 г. помешала осуществить это.

Толстой очень высоко ценил творчество Крамского и особенно его картину «Христос в пустыне». «"Христос" Крамского, – говорил он, – великая вещь. Я понимаю этого Христа и вижу в нём глубокую мысль <...> повесьте у себя эту картину – она вечно будет тревожить вашу душу» (Жиркевич А.В. Встречи с Толстым // ТВС. 2. С. 13).

Н.В. Зайцева

КРАСНОВ Василий Филиппович (1878-?) — крестьянин Волоколамского уезда Московской губ. Последователь Толстого в религиозных вопросах; его корреспондент, адресат и посетитель в Москве и Ясной Поляне.

В 1896-1897 гг. работал ретушёром в фотографии на Тверской улице, куда заходил Толстой. Краснов читал его произведения. В 1905 г. был одним из основателей Всероссийского крестьянского союза. Избран в его Главный комитет. В 1906 году был приговорён к каторжным работам и сослан в Сибирь, откуда бежал в 1907 году. В 1908—1909 году жил нелегально в Харькове. Переписывался с Толстым. Они обсуждали вопросы мироздания, явления природы. В марте 1909 г. Краснов написал

Толстому в несколько приёмов большое письмо-жизнеописание, благодарил писателя за влияние, которое он оказал на него в молодости, писал о своём согласии с ним в основных вопросах жизни. Толстой отвечал 2 апреля 1909 г.: «Письмо ваше, милый Василий Филиппович, доставило мне одну из лучших радостей, которые я испытывал когда-либо во всей моей жизни. <...> Оно до глубины души тронуло меня и, признаюсь, плакал, читая его».

В январе 1910 г. Толстой прочитал рукопись Краснова о Ходынке, советовал доработать. «Ходынка. Рассказ не до смерти затоптанного» был опубликован в 1910 г. Материалы рассказа послужили основой для статьи Толстого «Ходынка».

Н.И. Шинкарьюк

265

КРЕМНЁВ Фока Демидович (1779 - 1855) – дворовый человек Волконских, затем Толстых. Помогал Толстому в школе 1849 г. Следил, как работали учителя, хотя сам не знал ни арифметики, ни грамматики. Толстой описал его в повести «Детство». В «Воспоминаниях» он тоже не забыт: «...в огромно высокую дверь (тёмно-красную, подмалёванную, двери такие и остались) входит в синем сертуке с высокими со сборками плечами дворецкий, бывшая вторая скрипка в оркестре дедушки, Фока Демидыч, с своими сходящимися поднятыми бровями и с очевидной гордостью и торжественностью объявляет: “Кушанье поставлено”» (гл. VIII).

Н.И. Шинкарьюк

КРОПОТКИН Пётр Алексеевич (1842-1921) – теоретик анархизма, философ, учёный, литератор. В 1868 г. был избран членом Русского географического общества. В 1872 г. под воздействием идей I Интернационала и новейшей социалистической литературы «стал анархистом» (Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 261). Вёл революционную пропаганду, в 1874 г. арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Через два года бежал, выехал за границу. В 1893 г. был избран членом Британской научной ассоциации. В июне 1917 г. вернулся в Россию.

Толстой не разделял взглядов Кропоткина на социальное устройство, поскольку понимал, что нельзя достигнуть благородной цели – установления социального благоденствия – низкими средствами: революцией, гражданской войной, экспроприацией. Для него было

очевидно, что человек без христианской системы ценностей не способен создать общечеловеческое благо, поскольку идею блага понимает неполно, а потому неизбежно вступит в конфликт с окружающим миром. В утверждении всеобщего благоденствия насильственным путём Толстой видел неизбежное уклонение ко злу и считал это большим заблуждением: «От этого же неверия в закон Бога и происходит и то кажущееся странным явление, что все теоретики-анархисты», среди которых он назвал и Кропоткина, «как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас же впадают в неопределённость, многословие, неясность, красноречие и совершенно фантастические, ни на чём не основанные предположения» (36: 347). Поэтому вполне объяснимо, что сам Кропоткин относился к учению Толстого отрицательно, ибо концепция ненасилия противоречила основным положениям его программы осуществления социального благоденствия, что он и отметил в письме к В.Г. Черткову 10 июня 1897 г. Несмотря на критику, письмо Толстому «очень понравилось», поскольку его аргументы в пользу насилия представлялись «не выражением убеждения, но только верности тому знамени, под которым он честно прослужил свою жизнь» (88: 31). Несмотря на то, что, по Кропоткину, общественные инстинкты являются источником этических норм и в целом «развития нравственности», Толстой всё же был уверен, что «не может он не видеть того, что протест против насилия <...> должен быть твёрдо обоснован, а протест, допускающий для себя насилие, не имеет почвы под собой и этим самым обрекает себя на безуспешность» (там же).

Толстой с интересом читал сочинения Кропоткина. Так, 20 декабря 1902 г. он слушал несколько глав из «Записок революционера», а в письме Черткову 22 мая 1903 г. просил передать «больше чем привет Кропоткину» и признался, что «читал его мемуары и очень сблизился с ним». Это признание Толстого вовсе не было одобрением анархических взглядов Кропоткина и согласием с тем, что всеобщее счастье достижимо насилием. Ему оказались близки идеи Кропоткина относительно переустройства общества, но пути их реализации он ставил под сомнение. Прочитав работы Кропоткина «Безначальный коммунизм и экспроприация» и «Коммунизм и анархия», он заметил в дневнике 22 августа 1907 г.: «Хорошо написано и хорошие побуждения, но поразительно по внутреннему противоречию: для того, чтобы прекратить насилие одних людей над другими, совершать насилие. Дело в том, как сделать людей не эгоистами и не насильниками? По их программе, для достижения этой цели нужно совершить новые насилия» (56: 53). Толстой считал «зловредным суеверием» и заблуждением стремление

людей «устраивать и направлять по своим соображениям и всегда насильем жизнь других людей» (78: 258).

М.Ю. Белянин

КРОСБИ Эрнест (Crosby Ernest Howard; 1856-1907) – американский поэт, публицист, реформатор; корреспондент, адресат и посетитель Толстого, последователь его учения, автор работ о Толстом («Tolstoy and his message» — 1903; «Tolstoy as a schoolmaster» — 1904). В яснополянской библиотеке сохранилось 14 книг Кросби. Юрист по профессии, представитель Международного суда в Египте, Кросби после чтения в 1891 г. книги Толстого «О

266

жизни» резко изменил свою жизнь, отказавшись от блестящей политической карьеры ради распространения идей Толстого в Америке. Как отметил канадский профессор политэкономии Дж. Мейвор, сочинения Кросби показывают, насколько глубоко «он впитал толстовское евангелие опрощения». Книгу Кросби «Plain talk in psalm and parable» (1899) Толстой назвал «превосходной», а открывающее её стихотворение перевёл и опубликовал в «народной» газете «Молодая воля» (1907. № 1). В своих произведениях Кросби выступал как поэт-публицист, поднимающий проблемы войны и мира, непотворения злу насильем; его сатирический роман антимилитаристского направления «Captain Jinks, Negro» (1902) был одобрен Толстым. Дж. Мейвор писал: «Такие люди, как Лев Толстой и Эрнест Кросби, находят, что реализовать идеально простую жизнь не просто субъективно трудно, но объективно невозможно. Их упорство в достижении идеальной жизни, конечно, бесплодно. <...> Ранняя смерть Кросби лишила Соединённые Штаты и весь мир настоящего борца за справедливость». Сборник изречений «The Earth-for-all-calendar», составленный Кросби, хранит следа чтения Толстого и стал одним из источников его «Круга чтения». Благодаря Кросби в библиотеке Толстого появилась книга мэра города Толедо Сэмуэля Джонса (Letters of love and labor... – Toledo (Ohio), 1900), на суперобложке — цитата из романа «Воскресение»; есть и дарственная надпись: «Льву Толстому. Со всей любовью и добрыми приветствиями от одного из тех, кому вы помогай ненавидеть войну и любить Любовь».

В 1905 г. Кросби работал над книгой «Garrison, non-resistant» (Chicago, 1905). События Гражданской войны в Америке и первой революции в России казались созвучными, и он писал Толстому 23 января: «Весь американский народ и печать сочувствуют

революционерам. Хотя я и не являюсь сторонником насилия, но, как и Гаррисон во время нашей Гражданской войны, считаю: если уж приверженцы насилия сражаются между собой, то пусть лучше победит та сторона, чьи идеалы благородней» (ЛН. Т. 75. Кн.1. С. 400).

Г.В. Алексеева

КРЫЖАНОВСКИЙ Николай Андреевич («Коржановский»; 1818-1888) — генерал от артиллерии, начальник штаба артиллерии в Севастополе. По окончании артиллерийского училища в 1842-1850 гг. служил в войсках Черноморской береговой линии; затем, с началом Восточной войны, был назначен начальником артиллерии Южной армии, принимал участие в осаде крепости Силистрия. Во время Крымской кампании переведён в Севастополь, получил сильную контузию. Участвовал в сражении на речке Чёрной 4 августа 1855 г. После войны, в 1857-1860 гг., — начальник Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии, затем был назначен варшавским генерал-губернатором, потом помощником командира Кронштадтского порта, далее — помощником командующего войсками Виленского военного округа, с 1865 по 1881 г. — оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками округа. Крыжановский — автор трудов по военному делу, воспоминаний о некоторых событиях севастопольской обороны, романа «Дочь Апаяр-хана».

Толстой познакомился с полковником Крыжановским в Дунайской армии, служил под его началом, привлёк его, как и других офицеров, к проекту журнала «Военный листок», и полковник «обещал своё сотрудничество» и помощь в финансировании издания.

В Севастополе судьба опять свела Толстого с Крыжановским. Как вспоминал один из участников обороны города (не пожелавший назвать своё имя; его воспоминания были опубликованы в журнале «Русская старина» в феврале 1884 г.), «во время Крымской войны часто, почти ежедневно, по вечерам собирались у начальника штаба артиллерии, Крыжановского, члены его штаба и некоторые другие офицеры <...>. Обыкновенно полковник Балюзек садился за фортепиано, прочие становились кругом...» - и далее мемуарист рассказывал, что таким образом на квартире у генерала Крыжановского офицеры сочинили песню «Как четвёртого числа...». С именем Крыжановского связано и ещё одно «сочинение» Толстого: в первые дни после падения Севастополя, 1 и 2 сентября, подпоручик Толстой, выполняя поручение Крыжановского, работал над составлением «Донесения о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками». Спустя тринадцать лет, заканчивая работу над «Войной и миром», он вспоминал эти дни: «После

потери Севастополя начальник артиллерии Крыжановский прислал мне донесения артиллерийских офицеров со всех бастионов и просил, чтобы я составил из этих более чем 20-ти донесений - одно. Я жалею, что не списал этих донесений. Это был лучший образец той наивной, необходимой военной лжи, из которой составляются описания» («Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»). Конечно, не случайно Крыжановский поручил такой ответственный труд Толстому: слава его как писателя уже была известна в армии.

267

После войны Толстой встречался с Крыжановским, а в 1876 г., по пути в самарское имение, будучи в Оренбурге, посетил своего бывшего начальника штаба.

Н.И. Бурнашёва

КРЫЛОВ Александр Лукич (1798 — 1853) — в 1848-1853 гг. цензор журнала «Современник», профессор статистики Петербургского университета. Некрасов отмечал его невероятную «бестолковость и трусость», восклицал: «Что за скотина этот Крылов!» Цензор чрезвычайно осторожный и въедливый, Крылов не стеснялся использовать самые разнообразные «средства укрощения» авторов. Через цензуру Крылова прошли два первых произведения Толстого: повесть «Детство» и рассказ «Набег». И первое, и второе сочинения, напечатанные в «Современнике», вызвали горькое признание Толстого: «”Детство” было испорчено, а “Набег” так и пропал от цензуры», -- писал он брату, С.Н. Толстому, в начале июня 1853 г.

Н.И. Бурнашёва

КУ Хун-мин (1857-1928) — китайский писатель, учёный, политический деятель; автор книг по истории, философии и современным ему политическим проблемам Китая; корреспондент Толстого.

В марте 1906 г. Толстой получил из Шанхая от Ку Хун-мина несколько книг, которые тот переслал писателю через русского консула. Толстой прочитал их внимательно (о чём свидетельствуют пометки на полях этих книг, сохранившихся в яснополянской библиотеке), потому что уже в течение нескольких лет его волновала политическая ситуация, сложившаяся в Китае: попытки раздела этой огромной восточной страны

на сферы влияния несколькими ведущими западноевропейскими государствами с целью её колонизации и превращения в рынок сбыта своих товаров.

15 августа 1906 г. Д.П. Маковицкий записал слова Толстого: «Л.Н.: Хорош мой китаец! Как он критикует европейскую цивилизацию! Он переводчик и, вероятно, из известных писателей; ссылается на свои сочинения (на свои переводы их). Пишет о современной китайской войне; о вульгарности – хорошее определение – американской цивилизации, о законе, по которому иностранцы и христиане подчиняются законам чужих государств; о миссионерах и о том, как босяки, всякое отребье, переходят в христианское вероисповедание, и когда на этих свои нападают, это бывает *casus belli* <поводом к войне. – *лат.*>. <...> Китаец пишет: иностранцы изумляются тому, что в китайском языке нет выражения для “свободы”. Есть Тао, означающее путь, знание закона существования, то есть (просто) по-нашему “воля Божья”; кто выбирает этот путь и когда идёт по нему, свободен, или свободен идти по нему. Беда, что он очень много читал и цитирует то Гёте, то Беранже, то Гюго и так далее, *il fait parade* <он щеголяет. – *фр.*> эрудицией. О Руссо, переусердствуя, говорит, что тот читал сочинения китайского писателя и передаёт его мысли» (ЯПЗ. 2. С. 208-209).

13 сентября Толстой начал писать Ку Хун-мину ответ, в котором, не ограничиваясь благодарностью за присланные книги, изложил свои воззрения на прошлое, настоящее и будущее китайского народа. Постепенно частное письмо переросло в публицистическую статью «Письмо к китайцу». Прежде всего Толстой касался здесь последних событий в Китае (захват Пекина войсками восьми западных держав, грубое вторжение иностранцев в своеобразный быт и духовную жизнь страны с древней высокой культурой, жестокое подавление «боксёрского восстания», направленного против европейских захватчиков). В «Письме к китайцу» он замечал: «В последнее время, после тех злодеяний, которые были совершены против китайцев европейцами – в том числе, и в большой степени русскими, — общее настроение китайского народа особенно интересовало и интересуется меня» (36: 290).

Хотя «Письмо к китайцу» во многом было вызвано сочувствием писателя китайскому народу, в начале XX в. фактически оказавшемуся в ситуации порабощения, его смысл гораздо шире: по существу, Толстой здесь изложил своё нравственное учение, с этих позиций оценивая текущие события в Китае. Хорошо зная, что Китай уже не одно тысячелетие представлял собой жёсткую авторитарную империю, писатель высказывал своё принципиально отрицательное отношение к любой деспотической власти, действующей всегда путём насилия. Такое положение не может больше продолжаться, считал Толстой. Он признавал, что, хотя в европейских странах «не переставая идёт борьба

обездоленного, озлобленного рабочего народа с правительством и богатыми» (36: 295), «всё же западные народы давно уже изменили своё отношение к власти» (36: 293), и теперь очередь за восточными народами «точно так же почувствовать весь вред деспотической власти и отыскивать средства освобождения от деспотической власти, при теперешних условиях ставшей непереносимой» (36: 293). Но — и тут Толстой высказывал свою главную мысль, которую развивал далее подробно, — средства

268

освобождения ни в коем случае не должны быть насильственными.

«Со страхом и горестью» увидел Толстой в одной из присланных ему книг Ку Хун-мина, особенно его заинтересовавшей, «проявление в Китае духа борьбы, желания силою дать отпор злодеяниям, совершаемым европейскими народами»: «если бы действительно китайский народ, потеряв терпение и вооружившись <...> прогнал бы от себя силою всех европейских грабителей <...> — это было бы ужасно» (36: 291). Как и в написанной непосредственно перед «Письмом...» статье «О значении русской революции», Толстой выступал здесь против применения насилия в борьбе со злом, основываясь на принципе человеческого поведения, который он провозгласил главным в своём нравственном учении, — принципе непротивления злу насилием. «Мне думается, что назначение восточных народов Китая, Персии, Турции, Индии, России <...> состоит в том, чтобы указать народам тот истинный путь к свободе, для выражения которой, как вы пишете в вашей книге, — обращался Толстой к Ку Хун-мину, — на китайском языке нет другого слова, кроме Тао, пути, т.е. деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человеческой» (36: 292). Этот путь писатель ассоциировал с заповедями Христа.

Придерживаясь своей доктрины о непротивлении злу насилием, Толстой призывал китайцев терпеть «те насилия, которые могут быть совершены над нами, не противодействуя им силою и не участвуя в них <...>. Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, т.е. Тао, и сами собой <...> станут невозможны угнетения и грабежи европейцев» (36: 297). Надо только не исполнять требований власти, ведущих к грабежу и насилию. Толстой считал, что высшая власть — это закон Бога (для китайцев — Тао), «единный высший закон, которому должны быть подчинены все другие» (36: 298).

Толстой объяснял, что Китай находится в переходном состоянии «от детства к возмужалости». «Переход этот состоит в необходимости освобождения от ставшей непереносимой власти человеческой и

установления жизни на иных, чем человеческая власть, началах» (36: 298). Он призывал китайцев «жить так, как они жили прежде, мирной, трудовой земледельческой жизнью» (36: 299) (излюбленная мысль Толстого, которую он постоянно высказывал по отношению к русскому народу).

Толстой придавал этой своей статье принципиальное значение и, предназначая её прежде всего для Китая, желал её опубликования и в европейской печати. «Письмо к китайцу» скоро стало всемирно известным.

«Письмо...» было отправлено в Шанхай, но впервые напечатано в Париже в 1907 г. — не в полном виде и только на китайском языке. В самом Китае его напечатали только в 1911 г. в канун китайской революции.

После «Письма к китайцу» Ку Хун-мин продолжал посылать Толстому свои книги, о чём 26 октября 1908 г. записал Маковицкий: «Л.Н. рассказал <...> о только что полученном письме от Ку Хун-мина. <...> Ку Хун-мин прислал Л.Н. две книги <...>. Л.Н.: Книга о Конфуции хорошая» (ЯПЗ. 3. С. 235). Книги эти: «Всеобщий порядок, или Поведение жизни. Конфуцианский катехизис» (Шанхай, 1906) и «Великое учение высшего воспитания».

Получая постоянно от Ку Хун-мина книги, Толстой, однако, не смог наладить с ним переписку: он не мог писать лично Ку Хун-мину, т.к. тот не сообщил своего адреса — единственным ответом писателя стало опубликованное в печати «Письмо к китайцу».

М.Е. Суровцева

КУДРИН Андрей Иванович (1884 — 1916) — крестьянин села Патровки Бузулукского уезда, Самарской губ. Сосед по имению Толстого. Происходил из молоканской семьи, с которой писатель был знаком с 1870-х гг. Последователь Толстого, его адресат и корреспондент.

За отказ от военной службы Кудрин был подвергнут заключению в дисциплинарный батальон Киевского гарнизона. Толстой считал, что Кудрин «исполняет сознательно закон непротивления». В 1906 г. он писал: «Страдаю сердцем за Кудрина, но радуюсь духом за дело Божие» (76: 154). Установилась оживлённая переписка между Толстым и крестьянином, который задавал писателю много вопросов о мироздании, о Боге. Толстой посылал свои книги, в т.ч. «Круг чтения», «О вере, разуме и молитве», «Мысли мудрых людей». К адресату он обращался: «Близкий моему сердцу брат Андрей Кудрин» (76: 248). По просьбе Толстого Кудрина навещали в тюрьме знакомые и друзья писателя.

6 сентября 1910 г. Кудрин, только что вышедший из тюрьмы, приезжал в Ясную Поляну, но не застал Толстого. Его рассказ об отказе от военной службы записал В.Ф. Булгаков. 19 сентября рассказ читали в доме Толстых, и писатель передал его для опубликования. Последнее письмо от Кудрина пришло Толстому в марте 1908 г.; ответ был написан 22 июля 1908 г.

Н.И. Шинкарьук

269

КУЗМИНСКАЯ Татьяна Андреевна (рожд. Берс; 1846-1925) – свояченица Толстого, младшая сестра его жены С.А. Толстой. Родилась в семье врача придворного ведомства А.Е. Берса. Мать, Любовь Александровна, была другом детства Толстого, и их семьи очень близко общались.

Детство и юность Тани прошли в московском Кремле, в здании, примыкающем к дворцу.

Первое знакомство с Толстым произошло летом 1856 г. «Я помню его в военном мундире, – писала позднее Кузминская, – во время Севастопольской войны, когда он приезжал к нам в Покровское» (*Кузминская*. Ч. I. Гл. X).

Зимой 1857-1858 гг. Таню часто отпускали к Толстым. Вместе с детьми М.Н. Толстой – Варей, Лизой и Николаем – она слушала сказки, которые рассказывал гостивший тогда у сестры Н.Н. Толстой. Он сочинял рассказы, раздавал детям роли и вместе с ними играл спектакль. «Не раз во время представления или рассказа появлялся и Лев Николаевич, расчёсанный и парадный, как мне казалось тогда. Мы все бывали очень рады его приезду. Он вносил ещё большее оживление, учил нас какой-либо роли, задавал задачки, делал с нами гимнастику или заставлял петь, но обыкновенно, поглядев на часы, торопливо прощался и уезжал» (там же).

Толстой неоднократно посещал семью Берсов. Со всеми он держался ровно, не выделяя никого. Кроме Тани: с ней он «школьничал, как с подростком. Сажал к себе на спину и катал по всем комнатам. Заставлял говорить стихи и задавал задачи» (там же. Гл. XIII).

В своём дневнике 15 января 1863 г. Толстой записал «Таня прелесть наивности эгоизма и чутья. Как она отнимет у Любви Александровны чай или повалит её. Люблю и не боюсь» (48: 50). По-детски непосредственная, полная энергии, Таня увлекала своей жизнерадостностью всех окружающих. Невозможно было не любить эту нежную и лабковую девочку. «...Вас все любят, балуют, какой-то

особенный магнит притягивает к вам. Даже люди охотно служат вам, даже ворчливая Дуняша охотно исполняет ваше приказание и катает вас на спине, как намедни у тётеньки», — говорил смеясь С.Н. Толстой (*Кузминская*. Ч. II. Гл. XIV).

25 сентября 1862 г. С.А. Толстая писала сестре: «Ты общая любимица. Серёжа о тебе расспрашивал, а я ему рассказывала, что в тебе, кроме весёлой, беззаботной стороны, есть ещё, в сущности, серьёзная, дельная сторона. Лёвочка же рассказывал о том, какая ты была на нашей свадьбе авантажная и с каким светским тактом...» (там же. Ч. I. Гл. XXIII).

После женитьбы Толстого на С.А. Берс Таня подолгу жила в Ясной Поляне. Она увлекалась верховой ездой и охотой, участвовала в выездах на травлю зайцев с гончими. Обладательница прекрасного голоса, музыкально одарённая, она восхищала своим пением обитателей и гостей Ясной Поляны. Толстой называл её «мадам Виардо», именем известной французской певицы. Поэт А.А. Фет, вдохновлённый её пением, посвятил ей своё стихотворение «Опять» («Сияла ночь, луной был полон сад...»).

Толстой принимал деятельное участие в жизни свояченицы. Недаром 19 июля 1863 г. отец Тани писал ему: «...насчёт Татьянки делайте, как знаете, но вы вряд ли удержите её от разных безумств... Я тебя прошу серьёзно, мой добрый друг Лев Николаевич, принять её в руки; тебя послушает она скорее всего, почитай её мораль» (там же. Ч. II. Гл. XI).

Именно Толстой положил конец роману Татьяны Андреевны с ветреным Анатолом Шостаком, настояв на его отъезде из Ясной Поляны. «...Тебе в твоей жизни, — говорил Толстой Тане, — придётся ещё много бороться против соблазна; не попускай себя. Это попускание кладёт неизгладимые следы на душу и сердце» (там же. Гл. IX).

В Ясной Поляне Татьяна Андреевна пережила бурный роман с братом Толстого, С.Н. Толстым. Это был очень сложный период в её жизни. Сергей Николаевич, как мальчишка, влюбился в Татьяну, она разделяла его чувства. Но у него была гражданская жена, цыганка М.М. Шишкина, и незаконнорождённые дети. С.Н. Толстой метался между двумя женщинами. Приезжая к Тане, он обещал счастье ей, но, вернувшись домой, не мог допустить несчастья своей семье. Видя страдания двух любимых и близких ему людей, Толстой решился рассказать Татьяне о письме брата к нему: «Серёжа пишет мне... — Я по подлой нерешительности и слабости сказал тебе, что женюсь на Татьяне Андреевне... И если опять её увижу, опять буду уверять её в том, чего сделать нельзя...» (*ПТСБ*. С. 289).

После этого разговора в тот же день Таня написала Сергею Николаевичу письмо, в котором сообщала ему, что между ними всё кончено. Она очень тяжело перенесла этот разрыв. Не меньше переживал

за неё и Толстой, в письме к родителям Тани 30 июня 1865 г. он писал: «Она трогательна до последней степени, — кротка и грустна. Первые два дня она нас пугала, но теперь я, по крайней мере, спокоен за её здоровье» (61: 90-91).

В следующем письме к А.Е. Берсу 24 июля 1865 г. его волнение усилилось: «...наша бедная Таня и у тебя и у меня на первом плане. Она всё то же печальна, молчалива, не оживлена и живёт в одном этом страшном для неё прошедшем. <...> Тут помочь нельзя, а надо ждать терпеливо, что мы и делаем» (61: 94—95).

Взаимоотношения Толстого и Кузминской отразились в их письмах друг к другу. Толстой писал ей 20...23 марта 1863 г.: «Извини меня, милая Таня, что я даю тебе советы и стараюсь развивать твой ум и твои высшие способности. Ежели я позволяю себе это, то только потому, что искренно люблю тебя. Твой брат Лев» (61: 9). Или 16 ноября 1865 г.: «...в нашей дружбе от меня ты имеешь право требовать совета, помощи, всякого рода трудов и дел, а я от тебя имею право требовать искренности совершенной» (61: 119).

Кузминская 25 ноября 1865 г. отвечала Толстому: «Ты мне и лучший друг, и второй отец, и всегда это так будет, и я тебя очень, очень люблю, и где бы я ни жила и ни была, это никогда измениться не может» (*Кузминская*. Ч. III. Гл. XII).

24 июля 1867 г. Таня вышла замуж за своего двоюродного брата и друга детства Александра Михайловича Кузминского. После свадьбы они жили в Туле, затем в Петербурге, где служил Кузминский.

Очень многие эпизоды биографии Татьяны Андреевны отразились в сочинениях Толстого. В своих мемуарах она вспоминала, как однажды спросила его: «Что это ты всё пишешь в свою книжечку?» Он усмехнулся и ответил: «Да вас записываю». Об этом он говорил не раз: «Ты что, думаешь, даром у нас живёшь — я тебя всю записываю», - признался он однажды.

Часто, когда у Толстого интересовались, с кого он писал Наташу Ростову в «Войне и мире», он, смеясь, отвечал: «Я взял Соню, перетолок её с Таней, и получилась Наташа». Если проследить цепь сердечных увлечений Татьяны и Наташи, то можно увидеть параллели: Танин Саша Кузминский — это Наташин Борис Друбецкой, Анатолий Шостак — это Анатолий Курагин, Сергей Николаевич Толстой — это Андрей Болконский.

Толстой считал, что Наташа должна быть похожа на Таню не только поведением, но и внешностью. Он обратился с просьбой к художнику М.С. Башилову, делавшему эскизы иллюстраций к «Войне и миру»: «В поцелуе <поцелуй тринадцатилетней Наташи с Борисом Друбецким в

цветочной - т. I, ч. I, гл. X. - *Е.Н.*> — нельзя ли Наташе придать тип Танечки Берс? <...> я уверен, что вы, как художник, посмотрев Танин дагерротип 12-ти лет, потом её карточку в белой рубашке 16-ти лет и потом её большой портрет прошлого года, не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящими к моему типу» (61: 152-153).

После замужества Кузминская почти каждое лето проводила с семьёй в Ясной Поляне. Толстой всегда был рад её приездам. В записной книжке осенью 1907 г. он отметил: «Приехала Таня Кузминская. Всегда рад ей».

Познакомившись в Ясной Поляне со многими известными людьми, друзьями писателя, Татьяна Андреевна продолжала общение с ними. В гостиной Кузминской бывали критик Н.Н. Страхов, художник Н.Н. Ге, П.И. Бирюков, В.Г. Чертков, В.В. Стасов, юрист А.Ф. Кони и многие другие. В её доме читали сочинения Толстого, в основном запрещённые цензурой. После этих чтений она всегда сообщала писателю о том, какие высказывались мнения о его сочинениях. Толстому, оторванному от городского общества, было очень важно знать эти отзывы. Благодаря Кузминской многое из неопубликованного всё-таки доходило хотя бы до какой-то части общества.

В 1880-е гг. под влиянием Толстого Кузминская написала два рассказа о крестьянской жизни: «Бабья доля» и «Бешеный волк». Их читал и редактировал сам писатель. 15-18 октября 1885 г. он писал автору: «Рукопись я тотчас же прочёл и одобрил... мне кажется, поправлять придётся очень мало: рассказ очень интересный и просто написанный». Рассказы были напечатаны в журнале «Вестник Европы» (1886. № 4 и 6).

На протяжении всей жизни Толстой имел в лице свояченицы благодарного слушателя, читателя, помощника, советчика, друга. Таня могла понять и разделить его встречи с «тёмненькими», которых он принимал в Ясной Поляне. Она могла развлечь и развеселить, когда грустно: «Мне всё скучно здесь, кроме моей работы и пенья Тани», -- писал Толстой Софье Андреевне (83: 56-57).

В письмах шуточного почтового ящика, который периодически устраивали Толстые, писатель заметил о Кузминской: «Татьяна Андреевна жива тем, что умеет нравиться, веселиться и заставить себя любить».

В конце жизни Кузминская подвела итог: «Какая счастливая звезда загорелась надо мной, или какая слепая судьба закинула меня с юных лет и до старости прожить с таким человеком, как Лев Николаевич!.. Я была свидетельницей всех ступеней переживаний этого великого человека, как

и он был руководителем и судьёй всех моих молодых безумств, а позднее - другом и советчиком. Ему одному я слепо верила, его одного я слушалась с молодых лет» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. VI).

Последние годы жизни Кузминская провела в Ясной Поляне, там и скончалась. Похоронена она рядом с сестрой С.А. Толстой на Кочаковском кладбище.

Е.В. Нелюбина

КУПРИН Александр Иванович (1870—1938) – писатель. Родился в селе Наровчатове Пензенской губ., в семье канцелярского служащего. Окончил Александровское военное училище в Москве, в 1890-1894 гг. служил в полку. Как писатель дебютировал ещё в училище, после выхода в отставку полностью посвятил себя литературе. Рассказом «Анафема» Куприн откликнулся на отлучение Толстого от церкви. После революции 1917 г. эмигрировал, в 1937 г. вернулся в Москву, полный новых творческих планов, опубликовал очерк «Москва родная».

Единственная встреча Куприна и Толстого состоялась 25 июня 1902 г. на пароходе «Св. Николай». Начинающий писатель признавался, что на Толстого он «глядел, как на чудо», и был поражён «чудесным зрелищем: перед ним с почтением расступались люди, не имевшие о нём никакого представления. Он шёл как истинный царь, который знает, что ему нельзя не дать дороги». И Куприн «понял с изумительной наглядностью, что единственная форма власти, допустимая для человека, — это власть творческого гения, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть». Он всю жизнь преклонялся перед Толстым и был уверен, что «власть его — подобная творческой власти Бога — останется навеки, останется даже тогда, когда ни нас, ни наших детей, ни внуков не будет на свете» (Куприн А.И. О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» // *ТВС*. 2. С. 280-282).

Толстой почти всегда положительно отзывался о Куприне, говорил, что у молодого писателя больше таланта, чем у Горького или Андреева, отмечал его произведения «Allez!», «Ночная смена» и более поздние «В казарме», «Мирное житие», «Корь», «Гамбринус» и, в особенности, «Поединок»: «Да, Куприн хорошо пишет» (*ЯПЗ*. 1. С. 337). В дневнике Д.П. Маковицкого 9 октября 1905 г. записано: «Вечером читали вслух “Поединок” — повесть Куприна. <...> Л.Н. внимательно слушал, каждое не слышанное слово переспрашивал. — Мне интересно описание военной жизни, — произнёс Л.Н. — Он хорошо знает быт военный». В эти дни Куприна читали почти каждый день. 12 октября: «Потом опять читал Л.Н. про смотр полка. Читал с пылом, с интересом, как если бы сам был молодым солдатом. Когда читал о том, как перед самым смотром солдаты

должны были зубрить, как им начальники давали оплеухи, почти прослезился от произведённого на него впечатления. <...> Л.Н.: Новый писатель пользуется старыми приёмами. “Поединок” даёт живое представление о военной жизни».

Признавая большой талант Куприна, некоторые его огрехи Толстой списывал на молодость; не нравилось ему только, когда молодой писатель уходил в философию и либерализм. Лишь о повести «Яма» Толстой отзывался резко отрицательно из-за психологической фальши, чрезмерного натурализма и неопределённой авторской позиции. В последний год жизни Толстой часто возвращался к мыслям и разговорам о Куприне, перечитывал вслух понравившиеся произведения, восхищаясь его мастерством.

С.А. Хомяков

КУРНОСЕНКОВ Андрей Петрович (1870-1924) – яснополянский крестьянин из беднейшей семьи. Женился, но взяли в солдаты, хотя заплатил колдунье деньги за освобождение от солдатчины. Отслужив, вернулся в Ясную Поляну. Родилось 12 детей. Эту семью Толстой посещал чаще других. Помогал деньгами, защищал от поборов, позднее материально помогала и А.Л. Толстая.

Характер у Андрея был ершистый, да и пристрастился к вину, пропадал где-то по целым неделям. Накопились большие недоимки. В ноябре 1909 г. за неуплату податей описали последнюю овцу. Жена Андрея обратилась к Толстому за помощью. В рассказе «Три дня в деревне. Подати» Толстой описывал ужасающую картину, которую он увидел в доме Курносенковых. Пятеро го-

272

лопузых детей, муж-пьяница, старая покосившаяся избёнка, нервная, нуждой и трудами измученная жена. И тут же в сенях та самая последняя овца, за которой явились стражи порядка.

Н.И. Шинкарьюк

КУСТОДИЕВ Борис Михайлович (1878-1927) – художник. Учился в Академии художеств у И.Е. Репина (1896 – 1903). Мастер группы «Мир искусства». По характеру своего творчества Кустодиев – рассказчик. Его картины повествовательны, изобилуют бытовыми эпизодами, остро подмеченными сценками. Если перевести любой из его набросков, эскизов, картин на язык литературы, получится занимательный рассказ с увлекательным сюжетом. Собранные вместе, эти кустодиевские рассказы

образуют большую книгу о России и её людях, о русском быте и пейзаже России. Каждая из его работ словно страница книги. Именно поэтому его таланту столь органична роль иллюстратора.

За 25 лет творческой жизни художнику довелось иллюстрировать многих русских писателей, в т.ч. Толстого. Иллюстрации Кустодиева напоминают самостоятельные картины. Его рисунки очень живописны, он работал в основном в тоновой иллюстрации, рисуя мягким итальянским карандашом, широко применял растушёвку, создающую тонкие градации света и тени. Его рисунки всегда отличались тонко продуманной композицией. Это относится и к иллюстрациям народных рассказов Толстого «Свечка» и «Первый винокур», которые он в 1905 г. выполнял по заказу Экспедиции заготовления гос. бумаг. «...Делаю иллюстрации к Толстому», — сообщал он в письме Ю.Е. Кустодиевой 7 сентября 1905 г. С ней же в письме 15 ноября 1911 г. художник делился впечатлениями от прочитанных произведений писателя: «...читаю Толстого, новые вещи мне очень нравятся, особенно «Дьявол», «Алексей Горшок» и «После бала», как всё сильно, красочно и удивительно молодо! И как это глубоко, особенно после всей этой теперешней размазни, которой наводняются все журналы наши теперешние знаменитые!»

Уже после революции, в 1925 г., он иллюстрирует рассказ «После бала». Усложняется техника исполнения, сам графический язык этих иллюстраций. В них начинает преобладать импровизационный момент.

Об отношении художника к Толстому вспоминал его сын: «Одним из наиболее ценимых писателей был Л.Н. Толстой; его “Казачьи” и “Севастопольские рассказы” были любимыми произведениями отца. Но он говорил: “Хорош Толстой Лев, когда не проповедует, когда молод был и пользовался жизнью...”» (Кустодиев Б.М. Письма, статьи, заметки, интервью. Л., 1967. С. 300). Как-то в разговоре Кустодиев шутя заметил: «Под старость у каждого человека пробиваются наружу, в самом его облике, атавистические черты, лежащие глубоко в его натуре; так, например, аристократ Лев Толстой к старости принял облик русского землепашца...» (там же. С. 238).

Искреннее тёплое отношение к Толстому художник сохранял до конца жизни, это чувствуется и в его письме к В.В. Воинову, написанном 4 июня 1923 г. в Гаспре, где когда-то жил Толстой во время болезни в 1901 г.: «Живём мы здесь очень хорошо... Живём в комнате, где жил Л.Н. Толстой в свой последний приезд сюда, -- помните, как-то он был за несколько лет до смерти в Крыму и именно здесь в Гаспре. Есть даже дорожка Толстовская, по которой он, видимо, здесь гулял» (там же. С. 171).

Н.В. Зайцева

КУТЛЕР Фёдор Фёдорович (1828 — 1858) — служил на Кавказе и в Севастополе; офицер Куринского полка. 4 июня 1854 г. был тяжело ранен при захвате турецкого орудия, за что получил Георгиевский крест. В.А. Полторацкий в воспоминаниях так описал Кутлера: «Кутлер красивый, высокого роста, с каштановыми волосами и лазуревыми-голубыми, прекрасными глазами, отлично сложенный мужчина, из петербургского бомонда, попал к нам только благодаря необузданной страсти к картам; в один вечер он спустил в макао настолько крупный куш (свыше 200 тысяч рублей), что ликвидировал всё своё состояние для расплаты долга, а сам бежал на Кавказ в скромный Куринский полк» (Исторический вестник. 1893. № 5. С. 371). Толстой особенно сблизился с Кутлером уже в Петербурге зимой-весной 1856 г., а много позднее некоторые его черты придал одному из персонажей повести «Хаджи-Мурат» Бутлеру: это «высокий красивый офицер», «с красивой курчавой головой». «Главная причина его перехода из гвардии была та, что он проигрался в карты в Петербурге, так что у него ничего не осталось». Сама фамилия Бутлера явно указывала на его реального прототипа.

Н.И. Бурнашова

Л

ЛАВЕЛЕ Эмиль Луи Виктор де (1822-1892) – бельгийский экономист, социолог, историк; корреспондент и адресат Толстого. Углублённо изучал историю сельского хозяйства, отстаивал идеалы общинной жизни, в которой главную роль отводил союзам свободных и самоуправляющихся общин. Доказывал, что экономические законы не носят объективного характера, трактовал политическую экономию как «дело законодательства», как дисциплину, базирующуюся на юридических законах. Был противником идеи всестороннего гос. регулирования хозяйства.

Толстому была близка идейная направленность произведений Лавеле. О строе социальных и экономических взглядов Лавеле Толстой узнал из его книги «Современный социализм», с которой ознакомился, видимо, ещё до 1885 г. В яснополянской библиотеке сохранилась с пометами Толстого книга: Лавеле Э. Современный социализм. Пер. с франц. под ред. М.А. Антоновича. СПб., 1882. Считать, что Толстой к 1885 г. уже был знаком с книгой Лавеле, позволяет письмо к П.И. Бирюкову от 4 июля 1885 г., в котором он называет «прекрасным» его намерение издать отдельной брошюрой в «Посреднике» VI главу книги «Современный социализм» — «Роскошь и её отношение к морали, праву и политической экономии» (63: 269).

Толстой обращался к чтению произведений Лавеле в 1889-1890 гг. В январе 1889 г. он читал «Современный социализм», а в октябре присланную ему Лавеле «хорошую книгу “Le Luxe”» («Роскошь») (51:101). Полученная Толстым посылка с книгами Лавеле включала в себя ещё и книгу «Le vice legalise et la morale» («Узаконенный порок и мораль»). Обе книги сохранились в яснополянской библиотеке. О том, что Толстой познакомился и с книгой «Узаконенный порок и мораль», свидетельствует его ответное письмо Лавеле. В нём он сообщал, что «знаком с некоторыми» его трудами, «которые прочёл с интересом и пользой», что «высоко ценит» книгу «Узаконенный порок». Высказал Толстой и своё в высшей степени положительное отношение к книге «Le Luxe». Он писал: «Я <...> был счастлив найти там мысли, особенно для меня дорогие, — об ошибочных представлениях, составляемых людьми о

ценности потребностей и о первостепенном значении нравственности в вопросах политической экономии» (65: 180).

Толстой включил одно высказывание Лавеле, разоблачающее преступность владения землёй, в сборники мыслей «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни».

М.А. Лукацкий

ЛАЗАРЕВ Егор Егорович (1855 – после 1938) – крестьянин деревни Грачёву Бузулукского уезда Самарской губ. Народоволец, затем эсер. Корреспондент и адресат Толстого.

Толстой познакомился с Лазаревым в июне 1883 г. в своём самарском имении и признавал, что он «очень интересен. Образован, умён, искренен, горяч и совсем мужик – и говором и привычкой работать», – писал он жене 8 июля 1883 г. Лазарев стал прототипом Набатова в романе «Воскресение».

За революционную деятельность Лазарева дважды арестовывали. Зимой 1884 г. Толстой посетил его в Бутырской тюрьме.

274

Сосланный в Сибирь, в 1890 г. Лазарев бежал из ссылки за границу. Возобновилась его переписка с Толстым, чему писатель был рад и высказывал Лазареву «большую симпатию». Лазарев написал «Воспоминания о Л.Н. Толстом» (опубликованы в 1922 г.).

Н.И. Шинкарьук

ЛАМАНСКИЙ Владимир Иванович (1833–1914) – историк, филолог, этнограф, профессор Петербургского университета, с 1900 г. – академик Петербургской академии наук. Основатель известной школы славистов в Петербургском университете («школа Ламанского»). Автор свыше 400 научных работ и публикаций. По политическим воззрениям был близок к поздним славянофилам. Влияние работ Ламанского испытал на себе Д.П. Маковицкий в студенческие годы.

Ламанский – посетитель, корреспондент и адресат Толстого. В 1902 г. они виделись в Гаспре и Ясной Поляне. Несмотря на расхождения по политическим и религиозным вопросам, между ними сохранялись добрые отношения. В июле 1908 г. Ламанский послал Толстому сочувственное письмо по поводу статьи «Не могу молчать». В сентябре 1909 г. по просьбе Маковицкого он прислал Толстому свои книги «Три мира Азийско-Европейского материка» (СПб., 1892) и «Государственные

тайны Венеции» (СПб., 1884; на франц. яз.). В письме от 5 сентября 1909 г. он признался в своей ошибке: «В статье моей “Три мира” я легкомысленно и совершенно неверно выразился о Японии и Китае» (80: 90). Толстому действительно было неприятно несколько высокомерное мнение Ламанского об азиатских народах, перед мудростью которых писатель преклонялся. В ответном письме он отметил: «Очень рад был вашей оговорке о выраженном вами мнении о Китае. Мне всегда казалось, что европейцам более подобает и есть чему учиться у китайцев, чем наоборот. Я всегда питал великое уважение к свойствам китайского народа и складу их жизни» (80: 89-90).

Ю.В. Прокончук

ЛАМАРТИН Альфонс Мари Луи де (Lamartine; 1790-1869) — французский поэт, один из ярких представителей романтизма, обогативший французскую поэзию особой лиричностью и интимностью поэтического языка. Элегии Ламартина — это философско-поэтические размышления о бренности бытия, о любви и вечности Божественного начала. Учился в пансионе Пупье в г. Лионе и в иезуитском коллеже г. Белле. В 1810 г. стал членом Маконской академии, в 1814 г. вступил в полк королевской гвардии. В 1823-1829 гг. — секретарь французского посольства в Неаполе. С 1830 г. — член Французской академии, с 1833 г. — член палаты депутатов, сторонник умеренных либеральных реформ. В 1848 г. Ламартин получил пост министра иностранных дел и главы Временного правительства. При Второй империи подал в отставку и посвятил себя исключительно занятиям литературой. Ламартин — автор стихотворных сборников «Поэтические размышления» (1820), «Новые поэтические размышления» (1823), «Поэтические и религиозные гармонии» (1830), поэмы «Жоселен» (1836), «Истории жирондистов» (1847); автобиографической прозы «Грациелла», «Исповедь», «Рафаэль» (1849-1851), романа «Женевьева, или История служанки» (1851), а также публицистических работ по истории отдельных стран, в частности, «Истории России» (1855), трудов о Революции и Реставрации и др.

Первые упоминания о знакомстве Толстого с творчеством Ламартина относятся к 1851 г.: в дневнике с марта по май (тетрадь Г) он делал выписки из «Женевьевы», поэмы «Жоселен» и «Истории жирондистов». Его привлекло понятие воображения: «L'imagination est le miroir de la nature, miroir, que nous portons en nous et dans lequel elle se peint <Воображение есть зеркало природы, которое мы носим в себе и в котором она отражается>». Слова Ламартина приводят Толстого к размышлениям о природе гения, о том, что тонкое восприятие не всегда сочетается с умом и добротой, а главное — со способностью к воспроизведению собственного восприятия. Толстому близки и

этические проблемы, которые Ламартин анализирует в своих сочинениях: отношение общества к смертной казни, Робеспьер и смертная казнь, революция и уничтожение аристократии, трагедия личности в переходную эпоху. Толстого больше волнует отношение к смерти отдельной личности, связь смерти с верой в Бога и добродетелью, поскольку «начало зла в душе каждого». Для Толстого гораздо важнее не только осознать пороки и недостатки людей, но прежде всего увидеть их в себе, найти смелость признаться в них самому себе и окружающим.

Толстой обращался к творчеству Ламартина на протяжении всей жизни. В библиотеке писателя сохранились «Поэтические размышления» и «Новые поэтические размышления» (1886) с его пометками и закладками. В 1904—1908 гг. Толстой выписывал мысли разных писателей

275

об истине, жизни, поведении. Цитаты из Ламартина вошли потом в «Путь жизни». Толстой называл Ламартина великим и возвышенной душой, но не принимал отдельные положения его поэтики и его взгляды. Так, в черновиках повести «Детство» он полемизировал с Ламартином о литературе для народа. Ламартин определил «Женевьеву» как роман для народа. Его заботило, что все произведения литературы пишутся для высшего круга, а народ, жаждущий просвещения, не имеет своей литературы. Толстой полагал, что замысел Ламартина в отношении «Женевьевы» не удался: «слова доступны как выражения мысли, но мысли недоступны». Он был против самой идеи заигрывания с народом и подлаживания под него. «Пускай идёт вперёд высший круг, и народ не отстанет; он не сольётся с высшим кругом, но он тоже подвинется». Poleмику вызвал и вопрос о художественных средствах, используемых в литературе. Толстой замечал, что во французской поэзии часто встречается «сравнение описываемого предмета с драгоценными вещами». Пример — отрывок из Ламартина, когда стекающие с весла капли воды сравниваются с жемчужинами, падающими в серебряный таз. Подобное сравнение, полагал Толстой, уводит читателя слишком далеко от предмета описания: сравнение должно быть «верно и уместно, иначе оно действует совершенно противоположно». Но эти несогласия не могли повлиять на отношение Толстого к Ламартину. Он любил его сочинения и в трактат «Что такое искусство?» включил стихотворение Ламартина как образец произведений, «передающих самые высокие чувства, до которых дожили люди известного времени, но доступные только малому количеству людей».

Я. С. Линкова

ЛАНДОВСКА Ванда (1879-1959) – польская пианистка, клавесинистка, композитор, музыковед. В 1907, 1909 и 1913 гг. выступала в России. Посвятила себя исполнению и изучению музыки XVII–XVIII вв., главным образом клавесинной, опубликовала ряд исследований, играла на специально сконструированном по её указаниям инструменте (изготовлен в 1912 г. фирмой «Плейель»). Создала в 1925 г. в Сен-Лё-ла-Форе (близ Парижа) Школу старинной музыки и при ней коллекцию старинных инструментов. Во время Второй мировой войны эмигрировала в США. С её именем связано возрождение интереса к клавесинной музыке и старинным клавишным инструментам.

Ландовска трижды приезжала в Ясную Поляну. Первый её проезд состоялся в конце декабря 1907 г. Тогда игра Ландовской не только понравилась Толстому, но и, по его словам, доставила ему материал для подтверждения его взглядов на искусство. Второй раз она приехала в Ясную Поляну в январе 1909 г. и провела там два дня. В одном из писем Толстой отметил, что она «очень приятно играет». Последнее её посещение Ясной Поляны, на этот раз вместе с мужем журналистом Л.Г. Ландовским, состоялось в конце декабря 1909 г. – 1 января 1910 г.

Л.Н. Толстой и пианистка Ванда Ландовска

А.Г. Айнбундер

ЛАНСЕРЕ Евгений Евгеньевич (1875-1946) — график, живописец, скульптор; педагог. Мастер книжных и станковых композиций, монументальных панно, театральных декораций. Иллюстратор произведений Толстого.

Лансере родился в Павловске под Петербургом в потомственной семье художников. Его дед — архитектор Н.Л. Бенуа, отец — Е.А. Лансере, известный скульптор-анималист. Его старшим другом был его дядя — А.Н. Бенуа — один из организаторов «Мира искусства», художник и историк искусства. Учился Лансере в школе Общества поощрения художников. С 1898 г. — член художественного объединения «Мир искусства». В 1905-06 гг. его рисунки помещались в сатирических журналах «Жупел» и «Адская почта». С 1915 г. — действительный член Академии художеств.

С именем Лансере Толстой познакомился в начале нового века, вероятно, по печатным репродукциям картин, представленных на 2-й выставке Союза русских художников. П.А. Сергеенко вспоминал: 10 марта 1906 г. в Ясной Поляне он рассказывал о выставках и Толстой задал вопрос: «“А вы видели картину Лансере “Императрица в Петергофе”»? — Я сказал, что она не обратила моего особого внимания. — “А мне она очень нравится. Особенно хорошо в

276

ней передано это безобразие величия...”» — сказал Толстой (*ТВС. 1960. 2. С. 128-129*).

В последнее десятилетие своей жизни Толстой почти безвыездно жил в Ясной Поляне, в стороне от художественного мира Москвы и Петербурга, но продолжал живо интересоваться творчеством современных ему художников, был в курсе событий, знакомился с новыми картинами по открыткам и репродукциям, гостей Ясной Поляны расспрашивал о выставках.

Толстой словно предвидел в художнике своего будущего иллюстратора. В 1912 г. Лансере по рекомендации А. Бенуа получил заказ от издательства «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» иллюстрировать повесть Толстого «Хаджи-Мурат». «Задание особенно пришлось по душе, — писал в автобиографии художник, — в силу наследственных, полученных от отца настроений, влечения к Кавказу... 4 года я проработал над этими иллюстрациями, они стали поворотным этапом в моём творческом развитии». В процессе работы над иллюстрациями Лансере путешествовал по Кавказу, по тем местам, где когда-то бывал Толстой и где происходили события его повести. Он

сделал там много натуральных зарисовок. В 1916 г. книга вышла в свет. Это было заметное событие в истории иллюстрированной книги. Не случайно А. Бенуа назвал иллюстрации Лансере к сочинениям Толстого «прозорливыми комментариями».

В 1917-1937 гг. художник работал над иллюстрациями к повести Толстого «Казачьи». С юных лет и до конца жизни Толстой оставался для Лансере любимейшим писателем и мыслителем. «Я люблю, я верю Толстому», — записал он когда-то в дневнике.

Н.В. Зайцева

ЛЕБРЕН Виктор Анатольевич (Lebren; 1882-1979) — в 1906 г. секретарь Толстого, его последователь, корреспондент и адресат.

В 1967 г. бывший секретарь Толстого Лебрен передал безвозмездно в ГМТ письма, полученные им от писателя. Привёз эти письма из Франции главный редактор «Литературного наследства» И.С. Зильберштейн, сумевший вернуть на родину многие находившиеся за рубежом российские ценности. Зильберштейн рассказал потом о Лебрене, человеке с лицом и руками пахаря: он жил в глухой французской деревушке, в полуразвалившемся старом доме и кормился тем, что разводил пчёл. «И толстовец он, конечно, стопроцентный: мяса не ел, проповедовал непротивление злу, а главное, считал, что на земле воцарится вечный мир, если люди будут говорить на одном языке — эсперанто» (Ляско К. Вечное движение. Три встречи с И.С. Зильберштейном // Альманах библиофила. Вып. 15. М., 1983. С. 109).

Лебрен родился во Франции в семье инженера. Мальчику было пять лет, когда семья переехала в Россию, на родину матери. Отец строил железные дороги в Туркестане и на Дальнем Востоке. Уже в ранней юности Лебрен серьёзно размышлял над сложными философскими вопросами, много думал о смысле жизни, о выборе своего пути. Он читал всё, что находил в библиотеке, и, дойдя до собрания сочинений Толстого, стал читать подряд все тома. Вскоре после смерти отца он открыл том с главами из трактата «О жизни» (полностью трактат не был пропущен цензурой) и нашёл в них то, что было для него тогда самым главным: размышления писателя о смысле жизни и страхе смерти. «Тут меня поразила простота и верность ваших взглядов...» — писал он Толстому 15 октября 1899 г. Он начал с жадностью читать религиозно-философские сочинения писателя: «Исповедь», «В чём моя вера?» и др. Они многое объясняли 17-летнему юноше, но ещё чаще возбуждали новые вопросы. Эти вопросы он и задал Толстому в своём первом письме из Владивостока. Вскоре Лебрен получил по-отечески внимательный и тёплый ответ. Толстой предостерегал его от поспешного желания изменить свою жизнь в соответствии с открывшимися ему

представлениями: «Не торопитесь накладывать новые формы на свою жизнь, употребляйте только все силы души на то, чтобы новые взгляды проникли всё ваше существо и руководили всеми малейшими поступками вашими, а если это будет, то старые формы жизни неизбежно изменятся»; главное — это «увеличивать любовь вокруг себя» (28 ноября 1899 г.). Это письмо определило судьбу Лебрена: «Едва потеряв отца, я обретал нового, духовного!.. — писал он в воспоминаниях. — С этих пор Толстой стал мне самым близким человеком в мире. Я писал ему длинные письма, читал всё, что выходило из-под его пера, и мысленно постоянно общался с ним. Чтобы видеть его, я отдал бы всё на свете» (Моё знакомство с Толстым // *ОР ГМТ*). Летом 1900 г. Лебрен приехал в Ясную Поляну и рассказал Толстому о своих дальнейших планах, о том, что хочет зарабатывать на жизнь крестьянским трудом. Писатель был рад такому выбору, но ещё раз предупредил его о трудностях, которые могут ожидать на этом пути молодого человека, воспитанного в образованной и обеспеченной семье, привыкшего с детства

277

к всевозможным удобствам и совершенно незнакомого с жизнью крестьян. Матери Виктора, которая сомневалась в правильности решения сына, Толстой писал сразу после знакомства с юношей: «...он стоит на едином верном, хотя и узком, как сказано в Евангелии, трудном пути». Толстой сознавал свою ответственность перед ним: «...я полюбил его ещё больше, — писал он в том же письме, — и, чувствуя всю ту ответственность, которая лежит на мне вследствие его доверия ко мне, буду стараться быть ему полезен в истинном смысле» (29 июня 1900 г.). Лебрен всё же осуществил задуманное: он поехал на Кавказ, где осваивал разные виды сельского труда. Через некоторое время он купил небольшой участок земли под Геленджиком и завёл собственное хозяйство. В 1906 г. вновь приехал в Ясную Поляну, и С.А. Толстая попросила его остаться, чтобы помочь в работе Толстому. Так он стал первым секретарём писателя: разбирал и переписывал сочинения, помогал отвечать на письма, переводил с французского. Толстому очень нравился этот открытый, жизнерадостный, всегда готовый рассмеяться и в то же время очень серьёзный, вдумчивый, умный молодой человек с грубыми мозолистыми руками. Через четыре месяца Лебрен вернулся на Кавказ, где продолжил своё дело. С Толстым он по-прежнему вёл диалог в письмах, обсуждая с ним самый широкий круг проблем и получая всегда, когда это необходимо, слова поддержки: «Хотел сказать то, что вы не унывайте о том, что жизнь ваша не складывается по вашей программе.

Ведь дело-то главное жизни: очищать себя от телесных наследственных мерзостей всегда, при всяких условиях возможно и необходимо и одно нужно нам, а форма жизни должна быть последствием этой нашей работы просветления» (30 января 1907 г.); «Спасибо, милый дружок, за письмо. Только страшно, что уж *очень хорошо* вам: как ни хорошо, берегите в душе про чёрный день уголок духовный эпиктетовский, в который уйти, когда расстроится то, что внешне радует» (15 апреля 1907 г.).

В 1926 г. Лебрен уехал с семьёй во Францию. Потеряв во время Второй мировой войны жену и сына, он окончательно поселился в деревне, где возделывал землю и разводил пчёл, следуя во всём своим убеждениям. Но его интересовало не только сельское хозяйство, он обладал и писательским даром, и склонностью к научной работе. Лебрен один из немногих, кому Толстой советовал писать: «Когда мне пишут люди о своём желании писать, я большею частью советую воздерживаться». А у «вас есть и будет, что сказать, и есть способность выразить».

Лебрен создал уникальные методики преподавания русского языка иностранцам. Сохранив навсегда любовь и преданность русской культуре, он много сделал и для того, чтобы она стала больше известна в мире. Он был одним из самых активных популяризаторов языка эсперанто, о котором Толстой писал, что считает «дело это — усвоение европейцами одного языка — делом первой важности» (64: 304). Воспоминания Лебрена «Рядом со Львом Толстым», «Моё знакомство с Л.Н. Толстым» и др. воссоздают живой образ писателя. В 1968 г. Лебрен приезжал в Москву, он побывал в музеях Толстого, выступал с воспоминаниями о писателе и написал об этой поездке статью «Полвека спустя». Лебрен один из тех людей, кто в молодости находил для себя опору в сочинениях Толстого. Он навсегда остался верным единомышленником Толстого и сумел построить свою жизнь в соответствии со своими убеждениями. Через жестокий и кровавый двадцатый век Лебрен пронёс веру в возможность единения людей. В 1956 г. он писал секретарю и биографу Толстого Н.Н. Гусеву: «Теперь задача дёшево, в миллионах издать на эсперанто и на всех языках только самые избранные, самые боевые произведения Толстого. Все пробудившиеся народы нашли бы в них духовную опору в их отчаянной борьбе с пиратами атома и доллара. Знаешь ли ты, что Ганди всегда держал у изголовья своей постели книги Льва Толстого и что они так и хранятся теперь в его хижине?..» (ОР ГМТ).

Лит.: Рядом с Толстым. Из воспоминаний // Лит. обозрение. 1978. № 8. С. 102-112.

Ю.Д. Ядовкер

ЛЕГГ Джемс (Legge; 1815-1897) – английский синолог, профессор Оксфордского университета. Автор широко известного трёхтомного труда «Китайские классики» («The Chinese Classics». Translated into English with Preliminary Essays and Explanatory Notes by James Legge. Vol. I–III. L., 1875 – 1876), изданного в Лондоне. С трудами Легга Толстой впервые познакомился в 1884 г., когда у него возник серьёзный интерес к древней китайской философии в связи с появлением в России первых переводов книг китайских мыслителей древности на европейские языки. Китайских классиков писатель изучал в основном по трём переводам: на французский (Ст. Жюльена), немецкий (Ф.-В. Штрауса) и английский (Дж. Легга) языки.

278

12 марта 1884 г. Толстой записал в дневнике: «Читал Legge, о Doctrine of the Mean. Удивительно» (49: 66). Через несколько дней, 21 марта, новая дневниковая запись: «Поздно читал Конфуция в переводе Легга. Почти всё важно и глубоко» (49: 71). Вскоре, занятый другой работой, Толстой почти на десятилетие оставил изучение древней китайской философии и вернулся к ней только в 1893 г. В письме к В.В. Стасову он просил прислать ему книги Легга: «Legge у меня есть три тома, но только о Конфуции, о Менции <так Толстой называл Мэн-цзы. – М. С.> и книга песен; но я не знал, что есть его же перевод Тао-те-кинга <так Толстой называл «Дао-дэ-цзин». – М. С.>. Если он есть и вы не можете мне дать его посмотреть, то я его выпишу» (66: 428). Получив книгу Легга, Толстой писал В.Г. Черткову: «Я пересматривал Лаодзе и теперь стал читать Legge, там, где Mih Te <имеется в виду Мо-цзы. – М. С.>, и мне хочется составить книгу о китайской мудрости...» (87: 236). 28 апреля 1909 г. Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике: «Л.Н. рассказал, с каким удовольствием читал книгу Legge про Мити. Читал её уже давно, теперь читает снова» (ЯПЗ. 3. С. 393). 2 мая – опять запись о чтении Легга: «Л.Н. рассказал с вдохновением про книгу J. Legge о китайских философах, предшествовавших Ми-ти» (там же. С. 398). Толстой неоднократно в 1884, 1893 гг. перечитывал книги Легга и рекомендовал Черткову перевести их.

Знакомство с трудами и переводами Легга не прошло для Толстого бесследно. Оно помогло ему, с одной стороны, увидеть мироздание и человека в нём в ином ракурсе, чем это предлагала западноевропейская философия, а с другой – почувствовать сходство моральных учений древнекитайских мудрецов с его собственным нравственным учением. При составлении «Изречений китайского мудреца Лао-тсе, избранных

Львом Толстым» писатель пользовался, кроме французского и немецкого переводов «Дао-дэ-цзина», английским переводом Легга.

М.Е. Суровцева

ЛЕГРА Жюль (Legras; 1866-1939) – французский учёный, славист, профессор кафедры иностранных литератур в университете Бордо; переводчик, корреспондент и адресат Толстого. Легра относился к тем французам, которые на рубеже XIX-XX вв. сочли необходимым изучать Россию и русский язык. По их инициативе русский язык появился в учебных программах лицеев и университетов. Французские «славянофилы» искали в России особое, бескорыстное и возвышенное мировосприятие. По мнению Легра, русские – наименее дисциплинированный народ в Европе, отличающийся смутным влечением к высшему и глубокой религиозностью. К основным свойствам русского народа он относил природное изящество, обаятельность, гостеприимство, мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, ум, гуманность, доброжелательность, жалость к страдающим, широкую натуру, щедрость, неорганизованность. Эти впечатления он вынес из трёх поездок по России, предпринятых в 1892-1894 гг.

Легра впервые посетил Толстого в Хамовниках 20 декабря 1893 г. В мемуарах, опубликованных к столетию со дня рождения Толстого, он вспоминал: «Толстой мне кажется высоким, крепким, стройным, ему не дашь и пятидесяти лет, хотя на самом деле ему уже шестьдесят пять. Он ещё необычайно бодр. <...> Он приветствует меня на превосходном французском языке, звучащем естественно, ненапыщенно, благородно и без тени педантизма. <...> Особенно поразили и врезались мне в память его глаза, маленькие, некрасивые, неласковые, но чрезвычайно пронизательные. <...> Никогда не видел я столь глубоко посаженных, столь пронзительных, столь инквизиторских глаз: они положительно производят впечатление буравчиков, просверливающих вам мозг. <...> Наибольшее впечатление на этом лице производит непроницаемый, щупающий, сверлящий взгляд. Временами, когда Толстой улыбается, из-под огромных, кустящихся бровей неожиданно вырываются тёплые, мягкие вспышки света» (ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 11; рус. перевод Л.Р. Ланского). Через неделю Легра снова был у Толстого. Ценность и интерес представляют записанные им высказывания Толстого о русских школах, о политике и журналистах, о современных писателях и поэтах. Особенно значимы оценки Толстым литературного труда, в частности романного творчества: «Роман? Это отживший род литературы, это обветшавшая форма. Чем будет он заменён? - спрашиваете вы меня. Не знаю, но моё

утверждение — факт, подтверждаемый историей. Посмотрите на англичан: во главе их стоял Диккенс, затем Теккерей, Треллоп, а теперь совершенно никого не осталось» (там же. С. 12). Когда разговор коснулся «Войны и мира», Толстой, по воспоминаниям Легра, сказал: «...мои романы — дело прошлое. И я потерял к ним всякий интерес. — Полно, Лев Николаевич, — необдуманно заметил я. — Если б вы не написали своих романов, кто читал бы ваши философские сочинения? — Может быть, может быть! Люди так несерьёзны!..» (там

279

же. С. 14). Завершая эту часть воспоминаний, Легра писал: «...впечатление умилительное, благостное, успокаивающее, утешительное произвёл этот бодрый старец-мыслитель. От него исходит доброта — не приторная, а совершенно естественная, откровенная, свободная» (там же). В 1894 г. Толстой обратился с просьбой к Легра узнать о судьбе своего первого гувернёра Проспера Сен-Тома, жившего в то время в Гренобле. «Это был прекрасный человек, <...> который в совершенстве владел латынью и очень хорошо умел её преподавать», — сказал Толстой (там же. С. 17). 1 декабря 1895 г. Легра написал Толстому из Бордо, что его поиски не увенчались успехом. В 1895 г. в Париже вышла книга Легра «Au pays russe» («На русской земле»). Она выдержала четыре издания и была премирована Французской академией. В этой книге обозначены грани образа Толстого с точки зрения непредвзятого наблюдателя. Так, по мнению Легра, определяющим качеством характера Толстого, отличающим его от последователей-толстовцев, является доброта: «доброта простодушная, временами смягчающая жёсткую сталь его глаз под кустистыми бровями; доброта привлекательная, успокаивающая, делающая и вас самих на минуту добрее <...>. Доброта эта, подчёркиваю, кажется мне природным даром, — писал автор. — В ней нет ничего отвлечённого, она преисполнена жизни <...>. Это-то и отличает Толстого от большинства толстовцев, которых кое-где встречаешь в России, — бледных, с натруженными руками, преисполненных ненависти ко всем, кто им не подражает. Эти люди следуют учению, которое не ими создано и остаётся для них, в сущности, чуждым; согласуя своё поведение с этим учением, они теряют тот живой и естественный характер, который свойствен их великому образцу...» (там же. С. 8). В яснополянской библиотеке Толстого сохранилась книга «Au pays russe» с дарственной надписью автора: «A Lev Nikolaevitch Tolstoi — homage d'une affection profonde. Jules Legras» («Льву Николаевичу Толстому, в знак глубокой любви. Жюль Легра»).

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

ЛЕЛЕВЕЛЬ Иоахим (1786-1861) – польский политический деятель, историк, один из лидеров польского национально-освободительного движения. Лелевель был профессором истории в Виленском, а потом в Варшавском университетах. Во время Польского восстания 1830-1831 гг. – председатель Патриотического общества, член Временного правительства. После восстания в 1830 г. в качестве парламентаря был послан к Николаю I, однако император его не принял. В эмиграции жил сначала в Париже, затем в Брюсселе. Руководил организацией «Молодая Польша». Лелевель-историк заложил основы ряда вспомогательных дисциплин в польской исторической науке, автор трудов по истории Польши с древнейших времён до XIX в.

Во время второго заграничного путешествия Толстой познакомился с Лелевелем, примерно за два месяца до его смерти. Встреча произошла в Брюсселе, на квартире у Лелевеля, в конце марта – начале апреля 1861 г. В старости Толстой вспоминал об этой встрече: «Герцен дал мне письмо к Прудону, поставил меня с ним в самые близкие отношения, и к Лелевелю.

У Лелевеля вместо звонка чернильница, – и отворил старик. Я ему привёз поклон от Герцена, он меня принял, рассказывал мне про старину...» (*ЯПЗ*. I. С. 115). Толстой вспоминал, что Лелевель «жил дряхлым стариком в большой бедности» (75: 71). «Не зная точно адреса Лелевеля, Толстой спросил его адрес в ближайшей молочной лавочке, где ему “с восторгом и уважением” указали адрес изгнанника» (*Гусев. Летопись*. I. С. 230). О встрече с Лелевелем Толстой сначала хотел написать Герцену, но потом передумал. «Потом почему-то два или три письма, в которых я писал к вам про Лелевеля и про впечатленье, произведённое им на меня, я разорвал» (60: 376). В Брюсселе Толстой приобрёл портрет Лелевеля и по возвращении в Ясную Поляну повесил его в своём кабинете. Молодой писатель был одним из последних посетителей Лелевеля в Брюсселе. Уже в апреле 1861 г. друзья польского патриота отвезли его в Париж, где он скончался 29 мая 1861 г.

Имя Лелевеля упомянуто в черновой редакции рассказа «Поликушка», над которым Толстой работал в 1861 г. Писатель был удручён физическим состоянием и материальным положением Лелевеля. По его мнению, жизнь на «барском горохе много достойнее» жизни «этого старика, бойца за свободу и т.д., умирающего на чердаке у цирюльника. И я бы сейчас выбрал быть стариком Данилой и прожить Данилой и быть пороту на конюшне, только не умирать

так, как Лелевель», — писал Толстой (7: 349). В окончательный текст рассказа эта фраза не вошла.

Толстому импонировал демократизм Лелевеля, преданность национально-освободительным идеям, независимость и смелость суждений польского патриота. Наряду с этим, крайние выводы национал-патриотических воззрений Лелевеля, в частности, представление о том, что «Смоленск-исконный польский город», Толстой одобрить не мог.

Ю.В. Прокопчук

ЛЕНИН Владимир Ильич (наст. фамилия: Ульянов; 1870-1924) — политик, руководитель Октябрьского переворота 1917 г. в России; организатор радикальной социал-демократической рабочей партии.

Ленин — автор семи статей о Толстом, из которых одна вышла при жизни Толстого, а остальные вскоре после его смерти. Во всех своих статьях Ленин рассматривал личность и творчество Толстого с точки зрения современной ему политической ситуации в России. Первая статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции» была напечатана в газете «Пролетарий» 24 сентября 1908 г. Основная мысль её передана словами: «Толстой велик как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России».

В «Рабочей газете» (1910. № 2) были помещены две статьи Ленина о писателе — «Толстой и пролетарская борьба», где подчёркивалась критика Толстым устоев жизни современного ему общества, и «Начало демонстраций» (об уличных демонстрациях, связанных со смертью Толстого). В газете «Наш путь» (1910. № 7) вышла статья Ленина «Толстой и современное рабочее движение», а в газете «Социал-демократ» (16 ноября 1910 г.) — статья «Л.Н. Толстой», где Ленин отметил непосредственную связь творчества Толстого с первой русской революцией. Творчество писателя, отразившего эпоху подготовки революции в России, он назвал «шагом вперёд в художественном

развитии всего человечества». В статье «Герои “оговорочки”» (журнал «Мысль». 1910. № 1-4, декабрь) акцент сделан на отражении Толстым «экономических особенностей России прошлого века». 22 января 1911 г. в № 6 газеты «Звезда» была напечатана статья «Л.Н. Толстой и его эпоха», об эпохе «после 1861 идо 1905 года», которая «замечательно рельефно отразилась как в его <Толстого. - Т.А.> гениальных художественных произведениях, так и в его учении».

Сохранившаяся донныне библиотека Толстого отчасти даёт ответ на вопрос, как представлял себе писатель практику различных партий в России, знал ли о большевиках, о Ленине. Известно, что Толстой читал в 1907 г. статью Ленина «Против бойкота», об отношении к III Гос. думе. Видимо, тогда же была читана им книга С.С. Гарта (Зусмана) «Революция и наши партии», сохранившаяся в Ясной Поляне с многочисленными отчёркиваниями Толстого. В книге цитируются большевистские издания. В одной из цитат Толстой отчеркнул большой отрывок о роли пролетариата и интеллигенции в революции по работе Ленина «Что делать?». В библиотеке есть ещё одна статья Ленина: в № 12 легального марксистского журнала «Жизнь» за 1899 г. Видимо, Толстой в журнале разрезал последние листы статьи П. Нежданова «Полемика о рынках», а следующая за нею — статья Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках (ответ Нежданову)», напечатанная под псевдонимом «В. Ильин».

После революции 1917 г. Лениным были подписаны декреты о сохранении домов, в которых жил Толстой (в Москве и Ясной Поляне), об установке памятника писателю и об издании его сочинений.

Т.Н. Архангельская

ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич (1831-1891) – литературный критик, прозаик, публицист, которого благословил на литературное поприще И.С. Тургенев, заметивший, что «новое слово» в литературе «могут сказать только двое молодых людей, от которых можно много ожидать... Лев Толстой и вот этот...» (Леонтьев К.Н. Страницы воспоминаний. СПб., 1922. С. 33). Помещик Калужской губ., по образованию врач, затем консул на Востоке, цензор в Москве, Леонтьев побывал и на Афоне, и в других монастырях, а с 1887 г. поселился в Оптиной пустыни и незадолго до смерти принял тайный постриг под именем Климентя.

С последнего курса университета в 1854 г. Леонтьев отправился в Крым, где шла война, «в самый Севастополь», где уже сражался подпоручик Толстой.

В 1880 г., не зная писателя лично, Леонтьев отправил ему письмо с предложением печататься в «Варшавском дневнике», а позже послал три тома своих сочинений «Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы» и книгу «Византизм и славянство». Толстой высоко оценил «восточную» прозу Леонтьева.

Лично писатель и критик познакомились летом 1882 г., когда в «Гражданине»

281

вышла статья «Страх Божий и любовь к человечеству» за подписью «Русский мирянин», скрывавшей имя Леонтьева. Позднее Толстой как-то обмолвился, что знаком с Леонтьевым: «...он раза два был у меня в Москве, и мы не очень, кажется, понравились друг другу» (ТВС. 1960. 1. С. 301). В упомянутой статье философ поднимал проблему ответственности гения перед обществом и противопоставлял Толстого-писателя Толстому-мыслителю, что впоследствии будет характерно и для других работ. Мысль о любви, которую, по Толстому, «люди живы», Леонтьев оценивал как новое, еретическое «розовое христианство», горделивую самоуверенность личности, и противопоставлял ей свою модель «настоящего церковного православия» как религии личного спасения и «страха Божия».

Критик не всегда принимал во внимание художественные законы, установленные автором произведения, что, например, выражалось в предпочтении графа Вронского как жизненного типа «с патриотической точки зрения» — самому его создателю, графу Толстому, в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (1888).

В 1890 г. в «Русском вестнике» Леонтьев опубликовал «критический этюд» «Анализ, стиль и веяние. О романах гр.Л.Н. Толстого» и писал А.А. Фету: «Хотя Льва Николаевича за его новейшие проповеди готов бы был сослать в самое суровое заключение <...> думаю один экземпляр этих оттисков и ему в Ясную Поляну послать...” Автору, мол, “Войны и мира” и т.п. Но не автору “Моей веры”, “Исповеди”...» (Леонтьев К. Избранные письма. 1854-1891. СПб., 1993. С. 514-515). Упрекая Толстого за обилие «натуралистических мух» (диалектизмов, ненужных мелких подробностей, звукоподражаний и т.д.) и «психологические придирки», особенно к представителям высших сословий, т.е. за черты, свойственные «натуральной гоголевской школе», автор статьи не переставал превозносить Толстого, отдавая дань его художественному таланту.

В «этюде» философ развивал тезис о «неисторичности» романа «Война и мир», доказывая, что манера повествования противоречит атмосфере изображаемого ушедшего времени, а мысли Болконского и

Безухова – мысли людей, уже осмысливших Гёте, Пушкина, Гегеля, Шопенгауэра, Герцена, славянофилов, Тургенева. Помимо прочего, жизнь, изображённая в романе, считал Леонтьев, недостаточно религиозна и православна. Не принимал мыслитель и писательского исторического фатализма. Более высоко оценён роман «Анна Каренина», а ещё выше – рассказы для детей.

Толстой, вероятно, читал эту работу и говорил о Леонтьеве: «Что касается его статей, то он в них всё точно стёкла выбивает; но такие выбиватели стёкол, как он, мне нравятся» (Леонтьев К.Н. О романах гр. Л.Н. Толстого. М., 1911. С. 7). Зимой 1890 г. Толстой, находясь в Оптиной пустыни, записал в дневнике: «Был у Леонтьева. Прекрасно беседовали. Он сказал: вы безнадежны. Я сказал ему: а вы надежны. Это выражает вполне наше отношение к вере» (51: 23-24). После этого разговора отношение Толстого к Леонтьеву улучшилось. Философ же в день встречи с писателем сообщил в одном из писем: «Сейчас ушёл от меня гр. Л.Н. Толстой. Был ужасно любезен, но два часа спорил. Он неисправим»; а позже упомянул в переписке о том, что сказал Толстому: «Жаль, Лев Николаевич, что у меня мало фанатизма. А надо бы написать в Петербург, где у меня есть связи, чтобы вас сослали в Томск и чтобы не позволили ни графине, ни дочерям вашим даже и посещать вас, и чтобы денег вам высылали мало. А то вы положительно вредны». На это Толстой будто бы с жаром воскликнул: «Голубчик, Константин Николаевич! Напишите, ради Бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта. Я делаю всё возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и всё сходит мне с рук. Прошу вас, напишите!» (Памяти К.Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 135).

Как видно из писем, проблема взаимоотношений с Толстым была чрезвычайно важна для Леонтьева и на личном уровне, как часть судьбы и как философский спор, насущный для всей России. Примирить Леонтьева и Толстого могло только творчество – художественный гений одного и гениальная пронизательность другого.

Лит.: Бочаров С.Г. «Эстетическое охранение» в литературной критике (Константин Леонтьев о русской литературе) // Контекст-1977: Литературно-теоретические исследования. – М., 1978; Никифорова Т.Г. Автографы К.Н. Леонтьева в рукописном отделе ГМТ // Толстой и о Толстом. Вып. 2. – М., 2002.

И.В. Гречаник

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814-1841) — «Лермонтов и я не литераторы», — говорил Толстой, уже будучи автором «Войны и мира» и

других признанных произведений (Русанов. С. 47). Столь необычное суждение имело, однако, вполне убедительную аргументацию. Толстой не призна-

282

вал писания ради писания. Писать должно тогда, когда не можешь не писать, когда это необходимо для нравственного воздействия на общество, для познания жизни, своего места в ней. Таким автором, выходящим за рамки чисто литературного труда, и был, по мнению Толстого, Лермонтов.

Разница в возрасте (Толстому не исполнилось и 13 лет, когда Лермонтов погиб на дуэли) исключала возможность их личного общения. Но судьбы их пересеклись в творчестве, где Толстого можно считать преемником и продолжателем лермонтовских традиций.

Толстой был знаком со многими людьми из окружения Лермонтова: с А.П. Шан-Гиреем, троюродным братом поэта, дружившим с ним и оставившим о нём ценные воспоминания; с А.А. Столыпным (Монго), Д.А. Столыпным, с поэтессой Е.П. Ростопчиной и бывшей фрейлиной императорского двора А.О. Смирновой-Россет, с которыми у Лермонтова в последние годы были короткие отношения. Эти знакомства закрепляли представления Толстого о Лермонтове как ближайшем предшественнике и старшем современнике; он даже считал, что если бы Лермонтов остался жив, то русской литературе не нужны были ни он, ни тем более Достоевский. Толстому виделась особая роль Лермонтова-художника, в творческом арсенале которого заключались, как в эмбрионе, почти все линии последующего развития отечественной литературы. Важным было признание автора «Войны и мира», что «зерном» для его Бородинского сражения послужило лермонтовское «Бородино» (Дурылин С.Н. Литературная газета. 1937. № 56).

Действительно, основными героями истории у Толстого, как и в «Бородине» Лермонтова, представлены не цари и полководцы, а простые солдаты и командиры, близкие к ним. Без рисовки и громких фраз они делали именно то, что необходимо в сражениях для спасения отчизны. Вряд ли случайны и ситуативные совпадения, вплоть до словесных реминисценций (повторений). Андрея Болконского солдаты называют «наш князь» за те же качества мужества и чести, что и солдаты лермонтовского «Бородина», с уважением отзывавшиеся о своём командире: «Полковник *наш* рождён был хватом <...> / Да жаль его: сражён булатом». Смертельную рану на Бородинском поле получил и полковник Андрей Болконский, посчитавший своим долгом в трудную минуту находиться рядом с солдатами.

Интерес к Лермонтову у Толстого проявился задолго до обращения к собственным литературным опытам. В письме к М.М. Ледерле (25 октября 1891 г.) писатель сообщал, что в период с 14 до 20-ти лет «очень большое» впечатление произвело на него чтение романа «Герой нашего времени», наряду с пушкинским «Евгением Онегиным» и повестями Гоголя. «Читаю Лермонтова третий день», «целый день читал то Лермонтова, то Гёте...» — отмечал Толстой в дневнике в 1852-1853 гг., когда уже шла интенсивная работа над повестями «Детство», «Отрочество», др. сочинениями. И позднее, оценивая литературные произведения, Толстой неизменно обращался к Лермонтову, творения которого, по его убеждению, могли служить эталоном настоящего искусства. Так, незадолго до смерти в письме И.И. Горбунову-Посадову (24 октября 1910 г.) он рекомендовал включать в книги для народа лишь «самые лучшие стихотворения», авторами которых названы Пушкин, Тютчев, Лермонтов и — с небольшой оговоркой — Державин. Столь строгий отбор продиктован заботой писателя о формировании у народа подлинно эстетических вкусов. «Если мания стихотворства так распространена, то пускай, по крайней мере, они <массовые читатели. — И.Щ.> имеют образец совершенства в этом роде».

Уникальность Лермонтова Толстой видел не только в совершенстве его стихотворной формы, но и в последовательности и глубине нравственных исканий автора «Маскарада», «Песни про... купца Калашникова», «Думы», «Казачьей колыбельной песни», «И скучно и грустно» и др. лермонтовских шедевров. Именно как художник высочайшего нравственного идеала Лермонтов из всех русских писателей, по свидетельству П.А. Сергеенко, «имел наибольшее влияние» на Толстого (*ТВС*. 2. С. 144). Об этом есть запись и у А.Б. Гольденвейзера, в беседе с которым Толстой заметил, имея в виду Лермонтова: «Вот в ком было это вечное, сильное искание истины! У Пушкина нет этой нравственной значительности...» Отсюда постоянное сожаление Толстого о преждевременной гибели поэта: утрата осталась невозполнимой в русской литературе. «Вот кого жаль, что рано так умер! — говорил Толстой. — Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий» (*Русанов*. С. 47), т.е. осознающий свою особую миссию не только в литературе, но и в жизни.

Отзвуки лермонтовских мотивов, а то и непосредственное их продолжение можно найти во многих сочинениях Толстого, в особенности ранних. Как и Лермонтов, первые

свои произведения Толстой создаёт на основе личных наблюдений, автобиографических материалов («Набег», «Рубка леса», «Утро

помещика» и др.). Лермонтовский принцип изображения «истории души человеческой», которая «едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» (Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Предисловие к Журналу Печорина), также находит новаторское развитие в прозе Толстого. Новаторство в том, что психологический анализ, составивший силу и преимущество лермонтовской прозы, применён в трилогии и военных рассказах в особом качестве – как изображение «диалектики души», её «текучести». Это художественное открытие Толстого генетически связано с психологизмом Лермонтова.

Равным образом колорит, поэтику «кавказских описаний» («Набег», «Рубка леса», «Как умирают русские солдаты», «Кавказский пленник» и др.) следует рассматривать не только в контексте пушкинской поэмы и повестей А.А. Бестужева-Марлинского («Аммалат-Бек», «Мулла-Нур»), но в большей степени – лермонтовских зарисовок величавых красот экзотического края. Кавказ и в годы молодости Толстого воспринимался как некий символ «вольности простой» (Лермонтов), сохраняющей естественную связь человека с природой, нравственно здоровый быт, несовместимый с пороками «цивилизованного» мира. В этом плане особый интерес у Толстого вызывала поэма Лермонтова «Измаил-Бей» (опубликована в 1843 г.), которую писатель относил к числу лучших произведений поэта.

Восторженное отношение к кавказским сочинениям Лермонтова сказалось в близости некоторых «кавказских» образов Толстого лермонтовским персонажам. В рассказе «Набег» поручик Розенкранц напоминает, с одной стороны, Грушницкого, с другой – обобщённый образ «кавказца», нарисованного Лермонтовым в одноимённом очерке (1841). Капитан Хлопов – вариант лермонтовского Максима Максимыча. Можно провести некоторую параллель между Печориным и московским аристократом Олениным («Казак»). И в том, и в другом персонаже побеждает в конечном счёте философия эгоцентризма. Оба страдают от внутренней раздвоенности, разочарования и не способны строить своё счастье так, чтобы не разрушать благополучие других.

Можно полагать, что в 1850-е гг. не без воздействия «Журнала Печорина» складывается толстовская манера дневниковой исповеди, отличающаяся предельной искренностью в оценках своих поступков и настроений. По-печорински остро, но без его скептицизма Толстой анализирует причины неудовлетворённости собой, задумывается над сложностью человеческих отношений, ставит задачи личного совершенствования, соотносимого с требованиями морали и нравственности. В некоторых записях начала 50-х гг. можно уловить отзвуки «печоринского» стиля: «Отчего никто не любит меня? Я не дурак, не урод, не дурной человек, не невежда. Непостижимо. Или я не для этого круга?» (18 июля 1853 г.). Невольно вспоминаются раздумья

Печорина, когда он узнал о гнусном заговоре против себя, возглавляемом драгунским капитаном: «За что они все меня ненавидят... За что? Обидели ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» (гл. «Княжна Мери»).

В 1860-е гг. и позднее в записях, в художественных описаниях Толстого почти не встречаются текстовые или сюжетно-перипетийные совпадения с сочинениями Лермонтова. Но в нравственно-социальных и религиозно-философских исканиях Толстой вольно или невольно смыкался с самым мощным порывом лермонтовского духа — с мечтой поэта о любви как гармонизирующей основе человеческих отношений. «Любить необходимость мне», — заявлял Лермонтов в одном из ранних стихотворений, имея в виду не только интимное чувство. Поэт в большей степени говорил о любви, в которой забота о другом и других превышает заботу о самом себе.

Толстому чрезвычайно близка эта христианская по своей сути идея Лермонтова. Только такая любовь (иначе — широчайший гуманизм) может стать, по Толстому, основой личного совершенства, избавляя человечество от мук и противоречий. Не случайно Андрей Болконский, с образом которого связана мировоззренческая установка автора «Войны и мира», говорил перед своей смертью: «Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь <«... Любовь есть Бог...» (т. 4, ч. 1, гл. XVI). В трактате «О жизни» Толстой уже в философском плане объяснял любовь как чувство, которое влечёт человека «к тому, чтобы отдать своё существование на пользу других <курсив наш. — И.Ш.> существ» (гл. XXII). Непонимание или отрицание этого приводит к разочарованию в любви и жизни, о чём с горечью поведал Лермонтов в стихотворении «И скучно и грустно». Толстой цитирует это стихотворение, чтобы закрепить главный тезис своего трактата.

Толстой и Лермонтов, как близнецы, ходят друг на друга характерами, тяготеют

284

к одним и тем же проблемам; в выборе и развитии сюжетов сходство доходит до мелочей» (Семёнов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914. С. 327). Сам уход писателя из Ясной Поляны напоминал желание Лермонтова («Выхожу один я на дорогу...») уйти от противоречий тщеславного и суетного мира, обрести «свободу и покой». Свободу в достижении праведной жизни, покой — от сознания её благодетельности.

В полной мере осознавая уникальность Лермонтова, Толстой в то же время старался отделить в нём бессмертное от временного и наносного. Писатель отрицательно относился к «байроническим» мотивам в лирике

Лермонтова, находил неудачной фантастико-гиперболическую форму раскрытия основного конфликта в поэме «Демон». Настороженно он относился к преувеличенному изображению «страстей» в некоторых стихотворных произведениях поэта. Но все эти оценки высказаны Толстым с учётом того, что Лермонтов (по общепринятым меркам) даже в пору наивысшего творческого подъёма (1837-1841) находился всё-таки в начале своего беспримерно яркого, не имеющего аналога во всей мировой литературе пути. При всём том Толстой вполне осознавал феноменальность Лермонтова, вечную «загадку» необычайно мощной вспышки его таланта. И потому на вопрос о том, какое произведение русской литературы можно считать «лучшим», Толстой, не задумываясь, назвал «Тамань» Лермонтова. «В повести нет ни одного лишнего слова, - пояснял Толстой, - ничего, ни одной запятой нельзя ни прибавить, ни убавить. Так ещё писал только Пушкин» (Дурылин С.Н. У Толстого и о Толстом // *Прометей*. 12. С. 216). Пушкин и Лермонтов, в представлении Толстого, — «два огромных дарования, которые родятся раз в многие века» (*ЯПЗ*. 3. С. 106).

Лит.: Леушева С. Лермонтов и Лев Толстой // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения. М., 1964; Мануйлов В.А. Вслед за Лермонтовым // Звезда. 1978. № 8; Ковалёв В.А. Лермонтовские традиции в стиле художественной прозы Л.Н. Толстого // Русская журналистика и литература XIX века. М., 1979.

И.П. Щёблыкин

ЛЕРУА-БОЛЬЕ Анато́ль (Leroy-Beaulieu; 1842-1912) – французский историк и публицист, автор книг о России; посетитель Толстого; упоминается в его дневниках, письмах. В 1889 г. Толстой читал один из этюдов Леруа-Болье «L'État moderne et ses fonctions» («Современное государство и его деятельность»). В дневнике 27 февраля записано: «Теперь 12. Читал Leroy-Beaulieu, Fonctions de l'état, и думал <...> о том, как бы найти критериум не истины, но того состояния умов, при котором их общение может быть плодотворно, или, скорее, такое состояние и отношение умов, при котором общение плодотворное невозможно. Как бы найти те условия, при которых винт может держать, и те, при которых он не держит. Дело, главное, в том, чтобы найти признаки праздной болтовни, баловства словом, которые ужасны для меня, как и для всех искренних работников слова. Как же – я из глубины души достаю с болью и страшным трудом мысль, и вдруг эта мысль замешивается в миллионы таких же мыслей и среди этой массы теряет своё значение. Мысли же эти

не мысли, а подобие их и добываются совсем не из глубины и совсем иначе и очень легко. Вот найти признак их».

В письме В.Г. Черткову 1 декабря 1895 г. Толстой отмечал: «Можно живо представить себе, как французы судят о сектантах. Это есть и у Leroy-Beaulieu и у Vogue. Смысл их статей тот, что думать и определять смысл и цель человеческой жизни не надо, а отступать в поступках от определённого государственным законом есть фанатизм, односторонность, недостаток образования». Толстой имел в виду книгу А.Леруа-Болье «L'empire des Tsars et les Russes» («Царская империя и русские»; Paris, 1889), считавшуюся в Европе самым основательным сочинением о России.

10 мая 1905 г. Леруа-Болье с женой был в Ясной Поляне. Об этом визите в своих записках рассказал Д.П. Маковицкий: «Л.Н. повёл показать им деревню, привёл их и в мою лечебницу, здесь присоединился к ним я, и мы все пошли в избу к Ромашкиным. Там посидели, поговорили с приветливой хозяйкой. <...> Они были у папы в Риме, потом в Риеке (Фиуме), Загребе, Белграде, Софии, Одессе, Киеве, теперь едут в Москву и Петербург. В России Леруа-Болье не был 20 лет. Он бледный, седой, с сицилийским орлиным носом, курчавыми волосами. Он был усталый; жена – бодрая, живая старушка. Оба приветливые, учтивые.

После обеда Л.Н. говорил с Леруа-Болье о религии, стараясь не употреблять слова “Бог”. Потом спросил у него о его вере. Он член общества борьбы с атеизмом». Интересовали Толстого и другие проблемы.

Позднее на вопрос Черткова, какой человек Леруа-Болье, Толстой ответил: «Узкий, односторонний, некоренный (некорневой), без гибкости духа, без восприимчивости, как западные люди. Его жена—славная старушка, а он сам тоже милый и добрый...» (ЯПЗ. I. С. 293).

285

В конце мая 1906 г., говоря о русской революции и отвечая на вопрос племянницы: «Скажи, революция прошла или будет?» --Толстой вспомнил год назад приезжавшего к нему французского историка: «Она теперь в разгаре. Леруа-Болье определил: “Vous en avez pour 50 ans” <”Вам её на 50 лет хватит”. – фр.>. Французы в этом эксперты. Великая французская революция продолжалась пять лет (1789-1794)» (ЯПЗ. С. 148).

15 сентября 1906 г. Толстой опять цитировал Леруа-Болье. «Л.Н. высказал мнение, что революция в России не кончилась: “Прав Леруа-Болье: “Vous en avez pour 50 ans”. Огромное государство расшатано,

разваливается. Это как бы огромный храм, который разваливается и который надо совершенно развалить по кирпичам и потом построить новый. Всё это требует очень долгого времени, тем более что, может быть, и кирпича не хватит» (ЯПЗ. 2. С. 233).

В.В. Алексеева

ЛЕСКОВ Николай Семёнович (1831 — 1895) — прозаик, публицист. Родился в семье выходца из духовного сословия, заседателя Орловской уголовной палаты, дворянина по выслуге; учился в орловской гимназии. В 1847 г. поступил на службу в Орловскую палату уголовного суда, в 1849 г. перевёлся в Киевскую казённую палату. В 1861 г. Лесков переехал в Петербург, затем в Москву, где сотрудничал в газете «Русская речь». Его сочинения («Погасшее дело», «Разбойник», «В тарантасе», «Житие одной бабы») печатались и в других газетах и журналах.

Неосторожные высказывания страстного полемиста Лескова в статьях и его роман «Некуда» (1864) навлекли на него много неприятностей. Политическая шумиха вокруг писателя надолго заслонила достоинства его прозы, помешала литературной критике своевременно и объективно оценить цикл повестей о русских женщинах: «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), «Воительница» (1866) и др. Остались мало замеченными даже последующие романы и хроники «На ножах» (1870), «Соборяне», повести «Запечатлённый ангел», «Очарованный странник» (1873), «Левша» (1881)...

Несмотря на тяжёлое материальное положение, совесть Лескова осталась чиста, а его нравственные и художественные принципы — незапятнанными, что позволило ему в 1887 г. написать: «Я доволен моим положением в литературе: меня все топили и не утопили с головою; повредили много и очень существенно — в куске хлеба насущного, но зато больше никто уже повредить не может...» (Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. XI. С. 342). Эта духовная устремлённость незримо соединяла его с Толстым.

Первая встреча писателей произошла 20 апреля 1887 г. в Москве, в доме Толстого. Вскоре Толстой писал В.Г. Черткову из Ясной Поляны: «...был Лесков. Какой умный и оригинальный человек!» Ещё задолго до знакомства Толстой и Лесков в своих произведениях во многом «совпадали» в оценках современной им действительности, считая, что главное в жизни не социально-экономическая, а нравственная сторона. Лесков говорил: «Не хорошие порядки, а хорошие люди нужны нам». Не случайно в 1880-х гг. между писателями сложилась особого рода душевная близость.

«О Льве Николаевиче мне всё дорого и всё несказанно интересно, — писал Лесков Черткову. — Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его» (Лесков Н.С. Собр. соч. Т. XI. С. 356).

В письме Толстому 4 января 1893 г. Лесков признавался: «Вы знаете, какое Вы мне сделали добро: я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры, и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное (“Соборяне”, “Запечатлённый ангел”, “Однодум” и “Мелочи архиерейской жизни” и т.п.), но я всё путался и довольствовался тем, что “разгребаю сор у святилища”, но я не знал — с чем идти во святилище <...> а когда услышал Ваши разъяснения, логичные и сильные, — я всё понял, будто как “припомнив”, и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидел от Вас и который был мне приятнее, потому что он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался сам своими силами» (ПРП. С. 265-266).

Вторая, и последняя, встреча писателей была в 1890 г. в Ясной Поляне, где Лесков провёл два дня, 25 и 26 января. Больше они не виделись и продолжали общение в письмах. Лесков неоднократно в печати давал высокую оценку творчеству Толстого, выражал неизменную любовь, признательность и сочувствие. В статье «Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толсто –

286

му» (1868), посвящённой книге «Война и мир», он указывал сцены, «чарующие своею прелестью, художественною правдою и красотою». Это было первое из печатных выступлений Лескова о Толстом – его «отчёт» о выходе в свет пятого тома «Войны и мира», «долгожданного, “самого военного”, следовательно, и самого исторического тома». Подчёркивая правдивость изображения боевых эпизодов и характеров, Лесков писал, что «Россию действительно спасли не геройство полководцев, не планы мудрых правителей, а та органическая сила, которая была тверда в фельдмаршале, в солдатах, во всём народе», что «*событиями* управляют не главнокомандующие, не диспозиции, а нечто совершенно другое». Он назвал «Войну и мир» «лучшим историческим романом».

Известны отзывы Лескова о драме «Власть тьмы» (Петербургская газета. 1887. № 38), повести «Смерть Ивана Ильича», народных рассказах и других произведениях Толстого. Уже после смерти Лескова был опубликован его очерк о «Крейцеровой сонате» (Нива. 1899. № 30). Сохранилось немало суждений и оценок Толстого, с интересом следившего за работой Лескова. В переписке (1887-1894 гг.) известны 51 письмо Лескова и 10 писем Толстого.

Но «совпадение» с Толстым не было абсолютным. Лесков шёл своей дорогой, и это видел Толстой: «Его привязанность ко мне была трогательна и выражалась она во всём, что до меня касалось. Но когда

говорят, что Лесков слепой мой последователь, то это неверно: он последователь, но не слепой... Он давно шёл в том направлении, в каком теперь и я иду. Мы встретились, и меня трогает его согласие со всеми моими взглядами» (цит. по: Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Тула, 1981. С. 569).

Иногда в ответах на письма Лескова Толстой высказывал своё мнение о его произведениях. 3 декабря 1890 г. он отозвался о сказке Лескова «Час воли Божией»: «Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... потом выступил ваш особенный недостаток, от которого так легко, казалось бы, исправиться и который есть само по себе качество, а не недостаток - *exubérance* <избыток, излишество. — *фр.*> образов, красок, характерных выражений, которая Вас опьяняет и увлекает. <...> Сказка всё-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишек таланта, была бы лучше». В сочинениях Лескова Толстой порой не принимал «искусственный язык», «кудрявость» стиля.

С благоговением относясь к Толстому, художнику, Лесков видел и его «человеческое несовершенство», несоответствие поступков заявленным идеям. Л.И. Веселитская вспоминала, что однажды «вдоволь намолившись на Льва Николаевича, Николай Семёнович сознался в том, что глубоко скорбит о том, что старик не раздал своего имения нищим: “Он должен был сделать это ради идеи. Мы были вправе ожидать этого от него. Нельзя останавливаться на полпути”» (Микулич В. Встречи с писателями. Л., 1929. С. 193). Недоверчиво относился Лесков и к практической стороне толстовского учения, особенно к толстовцам. Увлечение толстовцев земледельческим трудом вызывало у него иронию.

Смерть Лескова почти совпала со смертью младшего сына Толстых Ванечки – 23 февраля 1895 г. Может быть, поэтому Толстой не нашёл в себе сил отозваться на его кончину. Однако, прочитав в мартовской книжке «Северного вестника» некролог, где сообщалось о завещании Лескова, Толстой записал в дневнике, что и ему нужно написать такое же. Лесков писал в своём завещании: «Погребсти тело моё самым скромным и дешёвым порядком, по самому низшему, последнему разряду. Прошу никого и никогда не ставить на моей могиле никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста...» Под влиянием прочитанного 27 марта Толстой составил черновик своего завещания: «Похоронить меня там, где я умру, на самом дешёвом кладбище, если это в городе, и в самом дешёвом гробу – как хоронят нищих».

Л.Ф. Подсвинова

ЛЁВЕНФЕЛЬД Рафаил (Löwenfeld; 1854-1910) – немецкий писатель, учёный-славист, профессор кафедры славянских языков

университета г. Бреславля, директор театра им. Шиллера в Берлине, редактор журнала «Nord und Süd» («Север и юг»), литературный критик; автор статей о Толстом, биограф, издатель, переводчик Толстого и других русских классиков на немецкий язык. Родился в Познани, принадлежавшей в то время Пруссии. Чтобы предотвратить нежелательное соперничество между братьями-близнецами, отец отдал Рафаила в польскую гимназию, а его брата Самуила в немецкую. Со времени учёбы в гимназии и навсегда Лёвенфельд полюбил славянскую культуру.

С Толстым познакомился в июле 1890 г. в Ясной Поляне, куда приехал для работы над его биографией. У писателя провёл три дня (24-26 июля) и оставил о себе «хорошее впечатление». В своих письмах Толстой на-

287

зывал гостя «очень образованным и приятным» «дельным и серьёзным и понимающим человеком» (87: 38). Лёвенфельд описал своё посещение в книге «Gespräche Über und mit Tolstoi». Berlin, 1891. (В русском переводе: «Граф Л.Н. Толстой в суждениях о нём его близких и в разговорах с ним самим», перевод А.В. Перельгиной, -- работа должна была выйти в 1897 г. в журнале «Русское богатство»; однако уже из готового свёрстанного номера журнала она была вырезана по требованию цензуры). В июне 1891 г. Лёвенфельд прислал в Ясную Поляну корректуру биографии Толстого, в которой освещалась жизнь и творчество писателя до 1863 г. Толстой читал её, вспоминая свою молодость. Книга вышла под названием «Graf Leo N. Tolstoi. Sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung». Т. 1. Berlin, 1892. (В переводе: «Граф Лев Толстой. Его жизнь, произведения и мирозерцание», пер. С. Шклявера. СПб., 1896; пер. Перельгиной. М., 1897 и 1904). Это была первая биография Толстого. В предисловии к ней автор отмечал, что у него нет предшественников и для своего труда он пользовался отдельными заметками из русских периодических изданий, личными указаниями самого графа Толстого и, главным образом, графини С.А. Толстой. Степень её участия в предпринятой им работе Лёвенфельд оценил, посвятив свой труд именно ей.

В июле 1898 г., работая над вторым изданием книги, Лёвенфельд снова приехал к Толстым. Он рассказывал им о просветительской деятельности в Берлине: об основании театра имени Шиллера с продажей дешёвых билетов, о поэтических вечерах и народных беседах, вызвавших большой интерес у городского населения. В этих инициативах Толстой увидел стремление к удовлетворению эстетических потребностей народа, но его огорчило отсутствие духовного

просвещения. Свой визит в Ясную Поляну Лёвенфельд описал в статье «У графа Толстого» (Биржевые ведомости. 1898. 10 сентября).

Заслуга Лёвенфельда состояла, главным образом, в содействии распространению в Германии сочинений Толстого, которые он издавал большей частью в собственных переводах. Под общей редакцией и с комментариями Лёвенфельда вышло первое собрание сочинений Толстого на немецком языке (Leo N. Tolstoj's Gesammelte Werke / Vom Verfasser genehmigte Ausgabe von Raphael Löwenfeld. Berlin, 1891-1911. 8 Bd.). Оно включало «литературные, социально-экономические и религиозные произведения писателя» и дало возможность читателям Германии впервые получить представление о творчестве Толстого в целом.

Лёвенфельд любил и понимал Толстого. В его уходе из Ясной Поляны он видел логичный, последовательный и естественный шаг гения, «неспособного жить в разладе с совестью» (ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 367).

Лит.: Штульц Х. Толстой в Германии //ЛН. Т. 75. Кн. 2; Crane Peter G. Raphael Löwenfeld: Leo Tolstoy's first biographer. Tolstoy studies journal. Vol. 10. 1998.

З.М. Богачёва

ЛИПРАНДИ Павел Петрович (1796 — 1864) — генерал от инфантерии, участник кампании 1813-1814 гг. (был в 17 сражениях), турецкой (1828-1829) и польской (1830-1831) войн. В 1853-1854 гг. командовал особым отрядом в Валахии. Во время Крымской кампании особо отличился в сражении под Балаклавой 13 октября 1854 г. Имел большой военный опыт и прекрасное военное образование, заботился о солдатах и пользовался популярностью в армии.

26 ноября 1854 г. Толстой записал в дневнике: «Липранди назначен командующим войск в Севастополе <Липранди был назначен командующим 6-м пехотным корпусом. — Н.Б.>. Слава Богу! Исключая успехов, которые он имел в этой кампании, он любим и популярен, не е..... матерью <т. е. дурным характером. — Н.Б.>, а распорядительностью и умом». Липранди под своим именем выведен в севастопольской песне Толстого «Как четвертого числа...».

Н.И. Бурнашёва

ЛИСТ Ференц (1811-1886) — композитор, пианист, дирижёр, педагог, музыкальный писатель и общественный деятель. Ярчайший представитель европейского романтизма. Вся жизнь Листа — «годы странствий» (так называется и его знаменитый цикл фортепьянных пьес)

по Европе: Венгрия, Франция, Германия, Швейцария и др. Слава к Листу прежде всего пришла не как к композитору, а как к выдающемуся пианисту-виртуозу.

Автор огромного количества сочинений практически во всех возможных жанрах: двух симфоний, 13 симфонических поэм (среди которых «Тассо. Жалоба и триумф», «Прелюды», «Мазепа», - Лист был создателем этого жанра), многих произведений для фортепиано, наиболее известными из которых стали «Годы странствий», Двенадцать венгерских рапсодий, фортепианные транскрипции оркестровых и вокально-инструментальных сочинений других композиторов, в т.ч. симфоний Бетховена, «Фан-

288

тастической симфонии» Берлиоза, увертюры к операм «Вильгельм Телль» Россини и «Вольный стрелок» Вебера, песен Шуберта, органных произведений И.С. Баха, а также «Марша Черномора» из оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила», романса А. Алябьева «Соловей»...

Лист очень тепло относился к творчеству русских композиторов и трижды посещал Россию с концертами в 1842, 1843, 1847 гг.

Отношение Толстого к Листу было сложным, но А.Б. Гольденвейзер вспоминал, что писателю нравился его этюд ре-бемоль-мажор. Имя Листа Толстой упоминал в «Отрочестве», а также в первой части романа «Воскресение», где в главе XXXVI звучит «надоевшая рапсодия Листа, игранная прекрасно, но только до одного места. Когда доходило до этого места, то повторялось опять то же самое» (в черновых редакциях упоминалась не рапсодия, а Венгерский танец). В статье «Что такое искусство?» Лист наряду с Г. Берлиозом и Р. Вагнером назван «ненужным подражателем подражателей».

А.Г. Айнбундер

ЛОБАЧЕВСКИЙ Николай Иванович (1792-1856) – математик, профессор, ректор Казанского университета. Происходил из разночинцев, «за усердие на службе и особые заслуги» в 1838 г. получил дворянство. Воспитанник казанской гимназии. В 1807-1811 гг. – студент Казанского университета. По окончании университета – магистр; в 1814 г., произведённый в адъюнкты чистой математики, он начал свою самостоятельную преподавательскую деятельность.

3 мая 1827 г. Лобачевский был избран ректором Казанского университета и возглавлял его почти 20 лет (по 14 августа 1846 г.). В

1845-1847 гг. – управляющий Казанским учебным округом; затем – помощник попечителя Казанского учебного округа.

Помимо научно-педагогической деятельности участвовал в работе ряда комиссий и комитетов университета. В 1819 г. вошёл в состав комитета по приведению в порядок университетской библиотеки. Благодаря его усилиям библиотечный фонд пополнился произведениями классиков русской литературы, было проведено первое описание рукописей библиотеки, начато составление общего каталога. Библиотека по инициативе Лобачевского стала доступной для всех желающих.

В тот же период состоял членом, затем председателем издательского и строительного комитетов. В 1834 г. положено начало изданию «Учёных записок Казанского университета». При Лобачевском были возведены здания библиотеки, астрономической обсерватории, физического кабинета, химической лаборатории, анатомического театра, университетской клиники, в которой лечился Толстой. При Лобачевском получило развитие изучение восточных языков. Казанский университет стал одним из крупнейших в мире центров востоковедения.

Труды Лобачевского посвящены различным проблемам математики. Учёный вошёл в историю мировой науки как создатель новой – неевклидовой – геометрии. Научные открытия Лобачевского получили мировое признание только после его смерти.

Особое внимание учёный уделял воспитанию юношества, сформулировав свои принципы в актовой речи «О важнейших предметах воспитания». Авторитет Лобачевского был высок среди коллег и студентов, которые любили его за гуманность и справедливость.

29 мая 1844 г. Толстой подал прошение на имя ректора Казанского университета Лобачевского о допущении к приёмным испытаниям на Восточное отделение философского факультета по разряду арабско-турецкой словесности; 3 августа 1844 г. – прошение о разрешении ему снова сдавать экзамены по истории и статистике. 4 августа был допущен к дополнительному испытанию. 13 сентября 1845 г. Лобачевский дал согласие на переход Толстого на юридический факультет.

Толстой, оставляя университет весной 1847 г., должен был, по традиции, явиться к ректору, что он и исполнил, и тогда же разговаривал с Лобачевским. В 1893 г. он вспоминал: «Лобачевский, помню, очень тогда со мной хорошо говорил, жалел, что мои университетские занятия так плохо удались, говорил: “Было бы очень печально, если бы ваши выдающиеся способности не нашли себе применения”. В чём он тогда мог видеть мои способности, уже не знаю» (Цингер А.В. Толстой и Лобачевский И Красная Татария. 1939. 12 декабря). В других воспоминаниях А.В. Цингера есть рассказ Толстого о Лобачевском, относимый автором к январю 1894 г.: «Я его отлично помню, говорил

Л.Н. Он был всегда таким серьёзным и настоящим “учёным”. Что он там в геометрии делает, я тогда ничего не понимал, но мне приходилось с ним разговаривать как с ректором. Ко мне он очень добродушно относился, хотя студентом я был и очень плохим» (Цингер А.В. У Толстых // МТА. С. 389).

Лит.: Бушканец Е.Г. Лев Толстой в Казани. Казань, 1952.

С.А. Фролова

289

ЛОНГИНОВ Михаил Николаевич (1823—1875) – знакомый Толстого; библиограф, мемуарист, критик, поэт. Воспитывался под влиянием литературного окружения отца, знакомого В.А. Жуковского и П.А. Плетнёва; его домашним учителем был Н.В. Гоголь. В 1836—1838 гг. обучался в Царскосельском лицее, был дружен с М.Е. Салтыковым (Щедринным). В 1838 г. перешёл на юридический факультет Петербургского университета. С 1843 г. на службе в военном министерстве. В 1849-1854 гг. – в Департаменте Духовных дел иностранных исповеданий. Переселившись в Москву, до 1862 г. служил чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе. В 1862-1867 гг. служил в провинции: член от правительства в Тульском губ. присутствии, предводитель дворянства Крапивенского уезда Тульской губ. В 1867-1871 гг. – орловский губернатор. В 1871 г. назначен начальником Главного управления по делам печати; занимал эту должность до конца жизни.

С конца 1840-х гг. Лонгинов сблизился с «Современником», там началась его библиографическая деятельность: его разыскания касались атрибуции текстов и установления первых публикаций. С середины 1840-х гг. вместе с С.Д. Полторацким, С.А. Соболевским, П.И. Бартеневым занимался пушкинскими материалами, составил рукописный сборник неизданных произведений поэта с подробными примечаниями. Рецензировал собрания сочинений Пушкина (изд. П.В. Анненкова), Гоголя (изд. Кулиша), Г.Р. Державина (изд. Я.К. Грота), внёс уточнения в мемуары К.А. Полевого, Ф.Ф. Вигеля. Крупная библиографическая работа Лонгинова - «Материалы для собрания сочинений» В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, Ю.А. Нелединского-Мелецкого, И.И. Хемницера, М.Н. Муравьёва, опубликованная в «Русском архиве» (1864-1866). Отдельно Лонгинов издал письма и тексты Карамзина, Д.В. Давыдова, И.И. Дмитриева и др. При его участии были возобновлены (1858) заседания Общества любителей российской словесности. В 1860-1870-е гг. он стал

сотрудником «Русского вестника», «Русского архива», «Московских ведомостей» и др. Лонгинов – автор мемуаров о П.Я. Чаадаеве, М.Ю. Лермонтове. Его книга «Новиков и московские мартинисты» (М., 1867) до сих пор остаётся актуальной.

К концу жизни Лонгинов собрал библиотеку редких книг и довольно полную коллекцию русской периодики 18 - нач. 19 вв. В 1840 – 50-е гг. в кругу сотрудников «Современника» он обладал репутацией либерала и обличителя консервативных взглядов. По рассказам П.А. Сергеенко, в марте 1856 г. Толстой играл в карты у Некрасова, когда тот получил письмо, где Лонгинов в некорректной форме писал о «недостаточном свободомыслии» Толстого. Некрасов прочитал это место Толстому. Тот, придя домой, послал Лонгинову резкое письмо с вызовом на дуэль. В дело вмешался Некрасов, убедивший Толстого взять обратно вызов, иначе Толстой должен стреляться с ним как виновником всей этой истории. Дуэль не состоялась, а позднее в одном из писем к Некрасову Толстой сожалел о происшедшем: «...только теперь, в деревне, вспомнил историю с Лонгиновым и убедился, до какой степени я глупо и нехорошо поступил во всём этом деле. И теперь от души прошу у вас извинения и то же сделаю с Лонгиновым, как только его увижу» (ПРП. 1. С. 81).

С начала 1860-х гг. Лонгинов выступал с консервативных позиций. Толстой в письме к В.П. Боткину 26 января 1862 г. замечал: «Приедешь в Москву, думаешь, отстал – Катков, Лонгинов, Чичерин вам всё расскажут новое; а они знают одни новости и тупы так же, как и год и два тому назад».

Т.В. Белова

ЛОРАНС Жан Поль (Laurens; 1838-1921) – французский художник, по словам И.Д. Гальперина-Каминского, «стараящийся на своём поприще выразить общие с Толстым мысли» (74: 188). 30 лет Лоранс преподавал в парижской академии Жюлиана, затем стал профессором в Школе изящных искусств.

Самый знаменитый исторический живописец своего времени, автор мощных, искусно организованных картин, свидетельствующих о его эрудиции в вопросах средневекового быта и неоспоримой религиозности («Отлучение от церкви Робера ле Пье», 1875. Париж, музей Орсе). В Париже Лоранс исполнил большие настенные росписи в Пантеоне, ратуше («Покровительство Этьена Марселя дофину», 1889), а также в Тулузе, в ратуше на площади Капитолия (Зал знаменитых людей, 1895), и в ратуше Тура («Смерть св. Жанны д'Арк», 1902). Он расписал также плафоны театра Одеон в Париже и др. Кроме того, он делал картоны для гобеленов («Триумф Кольбера», 1902, мануфактура Гобелена), прекрасные офорты к «Папе» Виктора Гюго (1900).

Толстой был знаком с произведениями художника по репродукциям; кроме того, в коллекции братьев Третьяковых в Москве находилась картина Лоранса «Последние

290

минуты Максимилиана, императора мексиканского» (1882). Будучи в Париже, писатель встречался с молодым Лорансом, интересовался его творчеством. В 1903 г. он писал, что живописные работы французского художника «очень интересуют» его (74: 188). «Какой он умный, содержательный художник!.. Я его когда-то знал лично», — говорил Толстой в беседе с И.К. Пархоменко, который учился у Лоранса в Париже (ТВС. 2. С. 401).

А.А. Аленина

ЛОРИС-МЕЛИКОВ Михаил Тариэлович (1825-1888), граф — генерал, военный и гос. деятель. Армянин по национальности, он окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве и Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Участвовал в Кавказской войне; отличился в военных действиях против горцев в 1848 г. В 1855 г. был назначен начальником Карсской области и с этого времени занимал высокие административные и гос. посты. Талантливый, энергичный и гибкий администратор, Лорис-Меликов особое внимание уделял развитию народного образования. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., где командовал Отдельным Кавказским корпусом, а по заключении мира с Турцией получил графский титул.

В феврале 1880 г. он возглавил Верховную распорядительную комиссию по охране гос. порядка и общественного спокойствия, призванную разработать и осуществить меры по подавлению революционного движения. Член Гос. совета. В ноябре 1880 г. был назначен министром внутренних дел. В январе 1881 г. представил Александру II программу изменений в гос. устройстве («конституцию Лорис-Меликова»), предполагавшую развитие местного самоуправления и привлечение представителей земств и городов к обсуждению общегосударственных вопросов. Программа была одобрена императором и поддержана в либеральных кругах. Однако после убийства в 1881 г. Александра II и изменения при Александре III внутривластного курса программа Лорис-Меликова была отвергнута, а сам он в мае 1881 г. отправлен в отставку. Остаток жизни провёл за границей, там и умер.

Выведен со своей фамилией в повести «Хаджи-Мурат» адъютантом М.С. Воронцова, приставленным к Хаджи-Мурату в роли своего рода

шпиона и аналитика. На основании его рапорта Воронцов составляет своё сообщение императору Николаю. В повести Лорис-Меликов и Хаджи-Мурат вместе посещают театр и бал; Лорис-Меликову Хаджи-Мурат рассказывает свою историю — факт исторический, почерпнутый Толстым из собственной «Записки Лорис-Меликова», опубликованной в журнале «Русская старина» (1881. № 3). Толстой отмечает, что Лорис-Меликов «свободно говорил по-татарски». Воронцов аттестует Лорис-Меликова: «достойный, отличный и очень умный офицер» — и эта характеристика, видимо, вполне соответствует взгляду самого Толстого.

С Лорис-Меликовым был лично знаком один из родственников С.А. Толстой — А.М. Кузминский.

В.М. Бокова

ЛОХМАЧЁВА Прасковья Тимофеевна (1867-1913) — яснополянская крестьянка, по прозвищу Кыня, от рождения умалишённая. Прямодушная, добрая, в деревне все её любили и жалели. В усадьбе Толстых она была постоянным гостем. Писатель, по воспоминаниям Т.Л. Толстой, отмечал у Кыни две основные черты: она никогда не беспокоилась о завтрашнем дне и всем желала добра. Кыня всем говорила: «Живи!» Толстой разговаривал с Парашей всегда серьёзно и ласково. В 1882 г. с ней приключилась беда: кто-то посмеялся над ней, использовал её доверчивость, обманул; у Кыни случился выкидыш. В.Ф. Булгаков записал, как Толстой рассказывал об этом С.Т. Семёнову: «Она — девушка. Но с ней однажды случился грех: она забрюхатела. И это Таня рассказывала о ней, очень трогательно, как она доставала белый хлеб, и когда её спрашивали: куда? - “А малого-то!” И про малого: “Ишь, кобель, ворочается!..” Но, к сожалению, не умела родить. И была девочка, а не “малый”. Когда ей говорили, что “что же ты, Параша, ещё не родишь?”, она отвечала, что как кто теперь полезет, так она его “в морду!”. “Чудесно! — заливался смехом Лев Николаевич. — Вот кабы все женщины так!”» (*Булгаков. 5 июня*). Он даже задумывал что-то написать о Параше.

5 июня 1910 г. Толстой позировал скульптору П.П. Трубецкому. Подошла Кыня. Писатель разговаривал с ней — этот момент запечатлён на снимке Софьи Андреевны.

Т.Л. Сухотина-Толстая осуществила свой давний замысел написать о Лохмачёвой: в 1975 г. в Париже вышел рассказ «Дурочка из Ясной Поляны» о достоинстве женщины, её глубоких чувствах.

Смерть Толстого Параша Лохмачёва пережила очень тяжело; она стала плакальщицей на могиле писателя.

Н.И. Шинкарук

ЛУНИН Михаил Сергеевич (1787 — 1845) — декабрист; начал службу в Кавалергардском полку, участвовал в войнах с Наполеоном. Из-за дуэли в 1815 г. вышел в отставку и уехал в Париж. Вернувшись в Россию в 1817 г., вступил в Союз спасения. Позднее стал одним из учредителей Союза благоденствия, членом Северного и Южного обществ. Н.М. Муравьев назвал его «человеком решительным и исполненным любовью к отечеству» (Восстание декабристов. Т. I. С. 175). В 1822 г. вернулся на военную службу в чине подполковника лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Лунин состоял адъютантом при великом князе Константине, и тот возражал против его ареста: «действительно всегда был из отличнейших офицеров старанием и усердием» (там же. Т. 3. С. 115). Из сибирской ссылки, хорошо зная, что переписка ссыльных перлюстрируется, написал в форме писем к своей сестре ряд острых политических памфлетов, которые ещё более осложнили условия его содержания в ссылке и каторге. Это и ускорило его раннюю смерть.

А.И. Герцен, опубликовавший в августе 1858 г. в альманахе «Полярная звезда» сочинения Лунина «Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» и «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года», называл его одним «из тончайших умов и деликатнейших».

Личность Лунина, дуэлянта и бретёра, с одной стороны, и человека, сохранившего верность идеалам своей молодости, — с другой, заинтересовала Толстого во время работы над романом «Декабристы». В письме П.Н. Свистуну 25 декабря 1878 г. он спрашивал: «На какой дуэли — с кем и за что — Лунин Михаил Сергеевич был ранен в пах?» А в подготовительных материалах к роману Толстой кратко записал биографию Лунина.

Брат С.А. Толстой, С.А. Берс, писал в «Воспоминаниях о графе Л.Н. Толстом»: «Декабрист, полковник Кавалергардского полка Лунин удивлял Льва Николаевича своей несокрушимой энергией и сарказмом. В одном из писем с каторги к своей сестре <...> он осмелел назначение министром графа Киселёва. Письмо, разумеется, шло через начальство работ, и содержание его сделалось известным в Петербурге. Лунин был прикован к тачке навсегда. Тем не менее смотритель каторжных работ, полный майор и немец по происхождению, ежедневно уходил с осмотра работ, долго смеялся ещё по дороге. Так умел Лунин насмешить его под землёю и прикованный к тачке» (ТВС. 1. С. 191). О стойкости характера Лунина свидетельствует одно из его писем: «Чтобы составить себе понятие о моём нынешнем положении, нужно прочесть “Тайны Удольфа” или какой-нибудь другой роман мадам де Радклиф. Я погружён во мрак,

лишён воздуха, пространства и пищи, окружён ублюдками и фальшивомонетчиками. Моё единственное развлечение заключается в присутствии при наказании кнутом во дворе тюрьмы» (Гессен С.Л., Коган М.С. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926. С. 273).

Толстой высоко ценил писательский талант Лунина: он предполагал включить в «Круг чтения» его произведения.

В.А. Жаров, М.В. Строганов

ЛЯПУНОВ Вячеслав Дмитриевич (1873-1905) – крестьянин села Страхова Тульской губ. Одарённый человек, крестьянский поэт. Знаком был с М. Горьким. Одно время служил конторщиком на Тульском оружейном заводе.

В сентябре 1897 г. Ляпунов принёс Толстому тетрадь своих стихов. Толстой отослал их в редакцию журнала «Русская мысль», где и было напечатано стихотворение «Пахарь» (1898. № 1. С. 86). В 1912 г. П.И. Бирюков издал сборник стихов Ляпунова, поместив в нём письмо Толстого в редакцию «Русской мысли». В архиве А.Л. Толстой сохранилась фотография, запечатлевшая момент, когда Ляпунов читает свои стихи родным и близким писателя. Толстой в 1905 г. говорил, что Ляпунов «даровитый был человек... Ляпунов больше владеет мужицким языком» (*ЯПЗ*. 1. С. 346).

С 1898 г. Ляпунов жил в Ясной Поляне, стал переписчиком у Толстого, а затем управляющим имением. В обращении с крестьянами был мягок. Женился на дочери дворового Вере Арбузовой — поручителем при венчании был Толстой. А.Б. Гольденвейзер в воспоминаниях писал, что встретил у Толстого «интересный тип крестьянина, обладавшего художественным дарованием: он рисует, поёт, подбирает песни на фортепиано, пишет стихи — это Вячеслав Ляпунов, ещё молодой, но уже, к сожалению, чахоточный человек» (запись 7 августа 1898 г.).

Умер Ляпунов от чахотки, несмотря на лечение в Крыму. Жена его с сыном Константином жили в Ясной Поляне и поддерживали с Толстыми добрые отношения.

Н.И. Шинкарюк

М

МАДЗИНИ Джузеппе («Маццини»; 1805-1872) – итальянский политик, писатель, философ; патриот, участник движения за национальное освобождение Италии (Рисорджименто).

Мадзини как личность и политик привлекал внимание Толстого всегда. В 1908 г. А.Б. Гольденвейзер записал воспоминания писателя: «У меня была его записка. Когда я был у Герцена в Лондоне, ему подали записку. Он меня спросил: “Знаете, от кого это? От Маццини”. Я у него выпросил эту записку на память, и она у меня долго сохранялась. Как-то недавно я её, кажется, куда-то бросил» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 2002. С. 192).

В последние годы жизни Толстого особенно интересовал Мадзини-мыслитель. Размышляя о жизни итальянца, писатель отмечал: «Вся его политическая деятельность была слабая сторона его жизни. Не сходится с его религиозными положениями» (ЯПЗ. I. С. 328). Многие идеи итальянского философа оказались созвучны Толстому. В 1894 г. он перевёл с английского и опубликовал в «Книжках недели» (сентябрь, с. 222-225) письмо Мадзини о бессмертии. Итальянец написал его в связи со смертью сына одного своего знакомого. Думать о том, что «смерти не существует, что жизнь не может быть иная, как вечная <...>, что мы обладаем идеями, мыслями, стремлениями, которые далеко превосходят возможности нашей земной жизни <...>, что думать, что мы умираем, потому что умирает наша форма, — всё равно что думать, что работник умер, потому что орудия его изнасились», — эти представления были близки Толстому, много размышлявшему над проблемой смерти. Впоследствии отрывки из этого письма он включал в свои сборники мыслей (см. 41: 392; 45: 468).

В 1902 г. Толстой с уважением отзывался о сочинении Мадзини «Об обязанностях человека» (54: 118). Гольденвейзер вспоминал о коллективном чтении этой книги в Гаспре, в январе 1902 г., с участием Горького. «Пока Горький читал, Л.Н., уже не раз перечитывавший отдельные места книги, очень взволновался — до слёз. Мы за него испугались, так как он был нездоров» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи

Толстого. С. 71). Впоследствии Толстой неоднократно читал статьи и книги о деятельности Мадзини, в частности написанную Л. Розенбергом англоязычную биографию итальянского революционера.

В 1905 г. «Посредник» выпустил книгу «Избранные мысли Иосифа Мадзини» (в переводе Л.П. Никифорова). Свыше 30 изречений итальянского мыслителя из этой книги Толстой включил в сборники мыслей «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». Писателю был близок демократизм Мадзини, его неприятие неравноправия и социальной несправедливости, убежденность в необходимости исполнять закон Бога, вера в единство людей, лучшее будущее человечества, для достижения которого необходимо прилагать все усилия. Импонировали Толстому и педагогические принципы Мадзини, подчёркивавшего важность развития творческих способностей ученика. Неслучайно русский писатель включил в «Круг чтения» отрывок из работы Мадзини «О воспитании» (41: 303-304).

Конечно, изречения итальянца, которые отбирались для «Круга чтения», Толстой подвергал собственной правке. Не разделяя

293

многие политические воззрения Мадзини, он старался нивелировать политико-правовую составляющую его изречений и подчеркнуть религиозную. Но общий смысл и, главное, дух высказываний итальянского мыслителя вполне получили отражение в толстовских сборниках мыслей. Цитаты из книг Мадзини Толстой нередко использовал в качестве эпиграфов к своим статьям («Одумайтесь!», «Великий грех», «О значении русской революции» и др.).

В 1905 г., когда отмечалось 100-летие известного итальянца, к Толстому обратились представители юбилейного комитета, предложив написать хотя бы несколько строк о Мадзини. В ответном письме Толстой подчеркнул значение Мадзини-философа и отметил: «Я всегда восхищался его сочинениями и чувствовал самое глубокое уважение к его благородной жизни» (75: 233).

Лит.: Невлер В.Е. Лев Толстой и Джузеппе Мадзини // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. М., 1972. Вып. 4. С.297-308.

Ю.В. Прокончук

МАЙКОВ Аполлон Николаевич (1821-1897) – русский поэт, журналист, сын известного художника, академика живописи Н.А.

Майкова, брат литературного критика В.Н. Майкова. Его первый поэтический сборник вышел в 1842 г.

В 1840-е гг. Майков – постоянный сотрудник ведущих периодических изданий («Отечественных записок», «Финского вестника», «Современника»), где публиковал свои художественные произведения, критические статьи о литературе и изобразительном искусстве. Майков был близко знаком с В.Г. Белинским, И.С. Тургеневым, Н.А. Некрасовым, поддерживал контакты с участниками «пятниц» Петрашевского, тесно общаясь с Ф.М. Достоевским (даже был крёстным отцом его детей) и А.Н. Плещеевым. С 1860-х гг. – сторонник «чистого искусства»; обращался к темам русской истории, славянскому фольклору, создал много стихотворений о русской природе. Автор одного из лучших переводов «Слова о полку Игореве».

Толстой познакомился с Майковым в Петербурге в конце 1855 г., видимо, на квартире у Тургенева. К этому времени вышел сборник поэта «1854 год», посвящённый событиям Крымской войны. В дневнике Толстого сохранились упоминания о встречах с литераторами, в т.ч. с Майковым. Впоследствии они периодически встречались в кругу общих друзей, изредка нанося друг другу визиты, но особого сближения между ними не было. Будучи знаком со всеми писателями, входившими в круг «Современника», но держась славянофильских взглядов, Майков не был с ними близок. Тем не менее он всегда восторженно относился к творчеству Толстого, иногда даже «до смешного восторженно», как свидетельствовал Достоевский, рассказывая в своих письмах о реакции на роман Толстого «Анна Каренина». Толстой, в свою очередь, весьма благосклонно относился к Майкову, о чём писал Н.Н. Страхову 3 марта 1872 г.: «Очень рад, что А.Н. Майков помнит меня. Это очень симпатический мне человек». Впрочем, это не мешало Толстому критически оценивать Майкова-поэта. В «Предисловии к роману В. фон Поленца “Крестьянин”» (1901) Толстой назвал Майкова, наряду с Я.П. Полонским и А.А. Фетом, «весьма сомнительным поэтом»: в то время писатель особенно категорично отвергал «чистое искусство», с которым была связана поэзия Майкова и, как считал Толстой, поэзия декадентов.

В 1874-1875 гг. Майков входил в состав отдела при Учёном комитете Министерства народного просвещения, задачей которого было рассмотрение учебников и книг для народного чтения. В то время Толстой обращался в Учёный комитет с просьбой рассмотреть его «Азбуку». Комитет поручил изучить «Азбуку» трём членам: И.К. Сент-Илеру, А.М. Беляеву и А.Н. Майкову. Доклад о ней был представлен 6 сентября 1874 г., «на долю Майкова выпал, по его словам, “труд самый благодарный” – дать отзыв о художественных материалах для русского чтения и материалах для славянского чтения, помещённых в “Азбуке”. В рассказах всех четырёх книг Майков видел “соразмерность с

возрастающим пониманием ученика” и добавлял, что из них “перлом может быть назван рассказ под названием “Кавказский пленник”. Мастерство здесь полное”» (21: 582). В результате книги для чтения, входящие в «Азбуку», были рекомендованы как «отличный выбор материала для чтения в классе и упражнения в рассказе» (21: 583).

В 1875 г. Учёный комитет поручил Майкову рассмотреть уже «Новую азбуку» Толстого. 30 июня Майков сделал доклад, на основании которого было постановлено и этот труд Толстого «одобрить и рекомендовать для всех учебных заведений, где обучение начинается с азбуки».

Толстого сводили с Майковым цензорско-издательские дела, связанные не только непосредственно с его творчеством, но и с творчеством других авторов. Так, в 1895 г. в письме Н.Н. Страхову Толстой про-

294

сил о содействии разрешению печатать и распространять в России первый эсперантский журнал, издаваемый в Нюрнберге, «Esperantisto». Страхов отвечал Толстому 6 июня, что «поручил это дело Майкову. Он нашёл его возможным и *твёрдо обещал* сделать». Майков был в то время председателем Комитета иностранной цензуры.

Лит.: Володина Н.В. Майковы. СПб., 2003.

Н. С. Беляева

МАКАРИЙ (Михаил Петрович Булгаков; 1816-1882) — митрополит Московский, историк церкви, богослов, публицист. Автор «Истории русской церкви» (в 13 т.). Толстой был хорошо знаком с сочинениями митрополита Макария. «Православно-догматическое богословие» (в 5 т.), созданное Макарием в 1849-1853 гг., явилось основным произведением, которое писатель подверг критике в своём «Исследовании догматического богословия». Иногда Толстой прямо писал, что он создал «Критику Догматического Богословия Макария» (65: 30), хотя произведение Макария было взято лишь как пример богословского сочинения, отражающего главные основы доктрины православной церкви. Толстой критиковал не столько Макария, сколько чуждые ему, Толстому, идеологию, образ мысли и склад ума этого представителя церкви. Толстовские рассуждения о неискренности, умышленном затемнении простого и ясного смысла христианского учения могут быть адресованы любому богослову и церковному писателю.

В период напряжённых духовных поисков конца 70-х гг., побывав в Москве, Толстой беседовал с митрополитом. В письме к Страхову 4 октября 1879 г. он отметил, что Макарий – прекрасный и умный человек, но в результате контактов с ним и другими священнослужителями Толстой «больше ещё укрепился в своём убеждении. Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю, — писал он; — но благодарю Бога за это состояние». Беседы с Макарием не смогли удержать Толстого в лоне православной церкви.

Митрополит Макарий был одним из тех, кто решал судьбу «Исповеди» Толстого, когда это сочинение проходило через духовную цензуру. Н.Н. Бахметьев, секретарь журнала «Русская мысль», куда была отдана «Исповедь» для публикации, впоследствии вспоминал, что в духовной цензуре «не знали, как отнестись к этому произведению Толстого, докладывали митрополиту, а в то время московским митрополитом был известный своими богословскими сочинениями и большим для архиерея либерализмом преосвященный Макарий. Ему не хотелось запретить, но и пропустить такую статью он не решался» (23: 521). В результате текст «Исповеди» был вырезан из майского (1882 г.) номера «Русской мысли». Митрополиту Макарию не довелось ознакомиться с большинством религиозных сочинений Толстого, в т.ч. и более радикальной направленности, чем «Исповедь», но едва ли они могли вызвать одобрение митрополита, почувствовавшего при чтении «Исповеди», что Толстой далёк от православно-церковного взгляда на мир. По мнению же Толстого, ценившего дух христианского учения выше буквы, многие нехристианские мыслители истинного Христа «знали лучше, чем его знают Макарий и другие» (83: 341).

Ю.В. Прокопчук

МАКАРОВЫ

Игнат Севостианович (1848-1896) – яснополянский крестьянин. Один из лучших учеников школы Толстого 1860-х гг. По статье Толстого «Дневник яснополянской школы» известен как Игнатка, Сёмка, Вавило, И.М. Сохранилась его тетрадь с сочинениями об учителях, две тетради по Священной истории. Игнатка лучше всех написал сочинение «Ложкой кормит, стеблем глаз колет», вместе с Васяткой Морозовым. Оно было напечатано в журнале «Ясная Поляна». Игнатка отличался редким талантом художественного описания, был словоохотлив, болтлив. Таким вспоминал его учитель П.В. Морозов. Игнатка был здоровенным и физически и морально. За это его и прозвали Вавило. Толстой отмечал у Игнатки-Сёмки духовную чистоту, восторженность, восхищался им. Это был добрый и чувствительный мальчик, но бывал и скептически настроенным и даже напористым в отстаивании своей правды. В 1905 г.

Толстой рассказывал сыну Андрею о том, как Игнатка дорожил всем, что он сам делал, выращивал. Его мать продала мяснику овцу, с которой Игнатка вместе спал, когда она была ягнёнком. Игнатка напал на мать и стал её бить за то, что она даёт резать овцу. Толстой неоднократно называл Игнатку Макарова любимым своим учеником. И после школы их отношения оставались самыми тёплыми и тесными. Толстой отдал Макарову на избу свою баню. Игнат Макаров поддерживал все начинания писателя. Он сразу же одобрил идею создания общества «Согласие против пьянства». Толстой собственноручно вписал его фамилию в список членов этого общества.

295

Толстой хорошо знал жизнь своих бывших учеников. Так, в большой семье Макаровых бывали и ссоры. 30 октября 1884 г. Толстой записал: «Потом я пошёл на деревню <...>. Смотрю, Игнат чистит стол на дворе. Что это делаешь? Да вот выгнал старик нас, переходим в другую избу, - а сам плачет. Оказалось, что его баба подралась со свекровью за кусок ветчины. <...> Мирил я их, но не знаю, помирятся ли» (83: 450). Семья Макарова была постоянно в поле зрения писателя. Он знал, как вели себя в семье сыновья Игната, какие у кого были нужды. Когда в 1891 г. Макаров тяжело заболел, Толстой направил его в Тулу к доктору Рудневу.

Севостиан Макарович (1821-1898) - яснополянский крестьянин. Работящий, старательный, но любил выпить. Имел 12 детей. Беды посещали семьи Севостиана и его старшего брата Димитрия-меньшого. Толстой общался с братьями Макаровыми по разным поводам, советовался по вопросу пользования землёй. В 80-90-е гг. их встречи стали особенно частыми: они вместе косили, рубили деревья, кололи дрова. Длительное и тесное общение позволило Толстому с большой достоверностью под настоящими именами сделать их действующими ладами в черновиках романа «Декабристы». «Макарычев Дмитрий, угрюмый, широкоплечий мужик, с редкой бородой и в оборванном зипуне, подпоясанном верёвкой» (17: 267); за Макаровых заплатили подати другие крестьяне, и общество отпускало их на новые земли. Оценка семей Макаровых, данная в романе, полностью соответствовала их действительному положению в жизни. Надо полагать, что и их портреты также близки к оригиналам.

Не менее тесным было общение Толстого с Макаровыми следующих поколений.

Н.И. Шинкарук

МАКЛАКОВ Василий Алексеевич (1869-1957) — общественно-политический деятель, юрист, публицист, депутат Гос. думы второго, третьего и четвёртого созывов, член ЦК партии кадетов. В 1917 г. при Временном правительстве был назначен послом в Париж. Считался одним из лучших адвокатов России.

Маклаков консультировал Толстого по разным юридическим вопросам, присылал ему письменные справки о сибирской каторге и книги по криминалистике для романа «Воскресение», по его просьбе защищал в судах разных лиц, хлопотал за Н.Н. Гусева в Думе; упомянут в статье «Пора понять». Старый знакомый семьи Толстых, он принадлежал «к людям своего круга» (ДСАТ. 1. С. 468). С.А. Толстая любила с ним «философствовать о счастье» (там же. С. 378).

Толстой безрезультатно обращался к Маклакову с просьбой поднять в Гос. думе вопрос о проекте земельной реформы по системе Генри Джорджа. Вспоминая об этом, Маклаков в речи «Толстой как мировое явление», произнесённой в Праге в 1928 г., отмечал, что «политические сюжеты» и «политическая деятельность» не были Толстому чужды, например, он хлопотал «и у властей и у Государственной думы о проведении законодательства идей Генри Джорджа» (Маклаков В.А. Толстой как мировое явление // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Санкт-Петербург, 2000. С. 687). По мнению Толстого, Маклаков был «практически очень умён, но совершенно плотно заткнут для всех настояще нужных людям вопросов — как и очень, очень многие» (57: 126-127).

А.Н. Полосина

МАКЛАКОВА Мария Алексеевна («Маруся»; 1877-после 1918) — близкая знакомая Толстых; дочь известного врача-окулиста, профессора Московского университета А.Н. Маклакова, сестра депутата Гос. думы В.А. Маклакова. Подруга Т.Л. Толстой, она была своим человеком для всех членов семьи, часто гостила в Ясной Поляне и в московском доме Толстых в Хамовниках. В 1901-1902 гг., находясь в Гаспре во время тяжёлой болезни Толстого, С.А. Толстая поддерживала постоянную переписку с Маклаковой, ей одной поверяя многочисленные невзгоды, которые обрушились на семью.

У Толстых любили, когда Маруся Маклакова играла на рояле и пела, иногда ей аккомпанировал сам Толстой. Порой он увлечённо разговаривал с ней; Маковицкий отметил в своём дневнике 2 августа 1909 г.: «Л.Н. с Марией Алексеевной говорил о поляках и сказал, что национальность — ограничение в сношениях человечества, а

государственность создаёт новое искусственное ограничение и ещё усиливает национальность» (ЯПЗ 4. С. 26).

Маклакова нередко помогала Толстому: переписывала его сочинения, в т.ч. роман «Воскресение», по просьбе писателя правила гранки, держала корректуры; отвечала на письма, полученные Толстым; выполняла отдельные его поручения в Москве. В августе 1909 г. по просьбе Толстого ездила к тульскому губернатору Д.Д. Кобеко хлопотать за арестованного Н.Н. Гусева. 11 августа 1909 г. в газете «Русские ведомости» (№ 201) со слов Маклаковой было опубликовано

296

сообщение о прощальном приезде Н.Н. Гусева в Ясную Поляну. Дружеские отношения Толстых с Маклаковой сохранялись и после смерти Толстого.

Н.И. Бурнашёва

МАКОВИЦКИЙ Душан Петрович («Душан»; 1866-1921) — домашний врач, друг, единомышленник Толстого, автор «Яснополянских записок» -- ежедневной хроники жизни Толстого в 1904-1910 гг.

Увлечённый личностью и учением Толстого, Маковицкий впервые приехал в Ясную Поляну 21 августа 1894 г. Уже при первой встрече Толстой испытал большую симпатию к молодому словаку. С годами это чувство переросло в глубокую дружбу и привязанность. Вот строки из писем Толстого В.Г. Черткову 19-23 августа и 3 сентября 1894 г.: «Маковицкий очень мне был интересен»; «Событие интересное для меня было приезд сюда из Венгрии славянина доктора Маковицкого. Он пробыл у нас неделю <...>. Он, как я его понял, чистый, кроткий и религиозный человек». В дневнике тоже есть записи о Маковицком: «Нынче утром приехал Маковицкий, милый, кроткий, чистый», — отметил Толстой 28 ноября 1897 г. И через три дня: «Главное, за это время был Душан, которого я ещё больше полюбил» (2 декабря).

В 1904 г. Маковицкий охотно принял предложение С.А. Толстой остаться в Ясной Поляне в качестве домашнего врача Толстых. Его переезд в Россию (к Толстым в Ясную Поляну) состоялся 18/30 декабря 1904 г. Он лечил не только писателя и его домочадцев, но и крестьян Ясной Поляны и окрестных деревень. Лечебный пункт для приёма крестьян в Ясной Поляне был открыт ежедневно с 8 утра до 2 часов дня. Такое *служение* отвечало как взглядам Толстого и Маковицкого, так и горячей его внутренней потребности помогать ближнему. Но только

врачебной практикой не ограничивался круг деятельности Маковицкого: Толстой доверял ему переписывание своих сочинений, разбор почты, нередко он, знающий несколько языков, и прежде всего славянских, был для Толстого переводчиком.

Но главным делом Маковицкого – делом его жизни – стало ежедневное в течение 1904-1910 гг. ведение записей того, что он видел и слышал в доме Толстого. Ныне эти уникальные записи известны как «Яснополянские записки» Маковицкого. Это удивительный документ, фактически скрупулёзная летопись последних лет жизни Толстого, достоверно воспроизводящая его устную речь, беседы, разговоры... «Нам дорого знать, как жил он в своей повседневной жизни, как проводил в жизнь своё учение о любви при своих бесчисленных встречах с людьми самыми разнообразными по общественному положению, взглядам на жизнь и душевным свойствам; чему радовался и чем огорчался; как отзывался на волновавшие всех общественные события, как судил о тех или других литературных произведениях и т.д., и т.д., всё то, что далеко не вполне высказано в его книгах и даже в дневнике записывалось им не всегда», -- так определил автор «Записок» стоявшие перед ним задачи, с решением которых блестяще справился (*ЯПЗ*. 1. С. 89).

Постоянно в кармане пиджака Маковицкий носил крошечные листки бумаги (блокнотики) и карандаш и прямо в кармане незаметно записывал всё то, что слышал от Толстого и его собеседников. Поздно вечером, приходя к себе в комнату, он порой всю ночь напролёт расшифровывал то, что удалось записать за день, переписывая эти записи в особую тетрадь. Он не очень хорошо знал русский язык, и потому его записи сделаны на смеси русского, немецкого, французского, словацкого языков. Позднее, при подготовке «Яснополянских записок» к печати, это обстоятельство составило большую трудность для учёных, потребовав перевода текстов на русский язык и кропотливой расшифровки записей. В 1979 г. в «Литературном наследстве» вышли в свет 4 книги «Яснополянских записок», в подготовке которых участвовали ГМТ (Москва), Карлов университет (Прага), Институт литературоведения Словацкой академии наук (Братислава).

«Душан всё больше и больше привлекает меня своей серьёзностью, умом, знанием, добротой», — записал Толстой в дневнике 23 января 1910 г. Именно Маковицкий стал спутником и поверенным Толстого во время его ухода из Ясной Поляны 28 октября 1910 г., именно он находился рядом с Толстым до последнего мгновения его жизни, оборвавшейся 7 ноября в 6 часов 5 минут утра на глухой станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги.

После смерти Толстого Маковицкий до 1920 г. жил в Ясной Поляне, поселившись

в деревне и продолжая лечить крестьян и работать над «Записками», которые назвал «У Толстого. 1904-1910». В сентябре 1920 г. он уехал на родину, в Словакию, оставив все свои книги и рукописи, в т.ч. «Яснополянские записки», в московском музее Толстого. Тяжёлые болезни, нищета (своё состояние он давно употребил на общественные нужды), глухое одиночество преследовали его в последний год жизни. 12 марта 1921 г. в родном городе Ружомбероке, в возрасте 54 лет, несчастный покончил жизнь самоубийством.

Лит.: У Толстого (1904-1910): «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: В 4 кн. М., 1979 (ЛН. Т. 90, кн. 1-4); Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // *ЯП. сб.* Год 1960. Тула, 1960.

Л.Г. Гладких

МАКОВСКИЙ Владимир Егорович (1846-1920) – художник. Вся его жизнь связана с Москвой, с московским Училищем живописи, ваяния и зодчества, одним из основателей которого был его отец Е.И. Маковский. Училище закончил в 1866 г. с большой серебряной медалью за картину «Литературное чтение» (ГТГ). С именем Маковского В.В. Стасов связывал продолжение в русской живописи традиций П.А. Федотова и В.Г. Перова. В 1882 г. Маковский стал старшим преподавателем в училище, заменив умершего Перова.

Маковский был хорошо знаком с Толстым, часто бывал в его доме в Хамовниках. «Сидели у нас Прянишников и Маковский, — писала Толстому 3 октября 1883 г. С.А. Толстая. – Было очень весело, приятно скорей. Разговор ни на минуту не умолкал» (Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. М.; Л., 1936. С. 237).

Толстой интересовался творчеством Маковского, иногда именно на примере его картин высказывал своё отношение к содержанию и целям живописных произведений, говорил об их влиянии на зрителя; так, Н.Н. Ге 18 декабря 1890 г. он писал: «Чертков просил написать или поправить тексты к картинам, и представьте, что, попытавшись это исполнить, я убедился больше чем когда-нибудь, что эти выбранные лучшие по содержанию картины – пустяки. <...> Хоть “Осуждённый” <картина В. Маковского “Осуждённый”, 1879 г. ГТГ. — *Н.З.*> или “Повсюду жизнь” <картина Н. Ярошенко “Всюду жизнь”, 1888 г. ГТГ. — *Н.З.*> очень хорошие картины, но не нужные, и нечего писать о них. Всякий, взглянув на них, получит своё какое-либо впечатление, но одного чего-нибудь

ясного, определённого она не говорит, и объяснение суживает значение её, а углублять нечего» (65: 210). В это время Толстой и В. Г. Чертков напряжённо работали над выпуском книг для народа в издательстве «Посредник». Предполагалось выпустить сериями ряд лучших картин русских художников с подписями Толстого. В число картин, отобранных издательством, вошли и картины Маковского. Тогда, в первой половине 1880-х гг., идея народного книгоиздательства волновала многих писателей, общественных деятелей, художников. И именно Маковский в декабре 1884 г. независимо от Черткова обратился к Толстому по делу издания книг для народа. «Вчера, еду на железной дороге, — писал Толстой Черткову, — встретил Маковского. Он говорил, что ему нужно меня видеть по делу, точно такое же, как ваше. Я пока доволен» (85: 126).

Позднее картинам Маковского Толстой стал отдавать предпочтение для издания их в «Посреднике»: «В картинах он настаивал, — замечал в своём дневнике В.Ф. Лазурский, — чтобы брали больше из Маковского; хвалил мальчика с калачом <“Свидание”, 1883 г. ГТГ. — Н.З.>, говорил, что это трогательно и глубоко...» (ТВС. 2. 70).

Н.В. Зайцева

МАКСИМОВ Сергей Васильевич (1831-1901) — писатель, этнограф. Занимался изучением быта и творчества (песен, сказок, преданий), особенностей речи народов России. В своих очерках Максимов описывал и систематизировал увиденное.

Литературную известность принесла Максиму в 1854 г. его книга очерков «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» (эта губ. была родиной автора). В 1855 г. он совершил своё первое путешествие: пешком прошёл по Владимирской и Вятской губ. — итогом стала книга «Лесная глушь» (1871). Потом начался 14-летний период экспедиций Максимова: в 1850-е гг. — на север, в район Белого моря и Ледовитого океана (книга «Год на Севере», 1859), в 1860-е — на Амур и в Манчжурию, по берегам Каспия, в район Урала и в самое дальнее и длительное путешествие — по Сибири (большая книга «Сибирь и каторга», при жизни автора было три издания: 1871, 1891, 1901 гг.).

Максимова-писателя интересовала не одна этнография. Он обращал внимание и на социальные различия людей из народа: описанию специфических черт характера и образа жизни странствующего люда посвящена его книга «Бродячая Русь Христа ради» (1877), земледельческое хозяйство и

торговля изображены в книге «Куль хлеба и его похождения» (1873). Но самый большой срез русской жизни у Максимова – каторга: быт и нравы заключённых, каторжан, ссыльнопоселенцев, т.е. всех, кто по тем или иным причинам (есть там и невинно осуждённые) оказался вне условий обычной жизни. В своих книгах Максимов не ограничивался только учёными изысканиями (этнографическими наблюдениями, статистикой), но и выступал как писатель. Он вводил в свои очерки истории и сценки из народной жизни, живые подробности быта, сказки, пословицы и поговорки, народные песни, передавал даже фонетические особенности разных говоров. А в «Сибири и каторге» приведены характерные черты и словечки блатной речи, тюремные песни, рассказано о взаимоотношениях каторжан.

Толстой был знаком с книгами Максимова, высоко ценил их, даже использовал отдельные эпизоды из его книг для своих произведений. В 1874-1875 гг., работая над «Новой азбукой», в рассказ «Эскимосы (описание)» в «Первой русской книге для чтения» он включил сведения из книги «Год на Севере». Источником толстовского рассказа «За что?» послужила история из книги «Сибирь и каторга»: здесь Толстой нашёл «чудные сюжеты» -- об этом говорит запись в дневнике 22 января 1906 г.: «Вчера и третьего дня писал рассказ из Максимова». В те дни Д.П. Маковицкий записал разговор Толстого с С.А. Стахович: «Читали вы Максимова знаменитую книгу “Сибирь и каторга”? Историческое описание ссылки, каторги до нового времени. Прочтите. Какие люди ужасы делают! Животные не могут того делать, что правительство делает» (ЯПЗ. 2. С. 37). В рассказе «За что?» героиня названа, как и у Максимова, Альбиной Мигурской.

М.Е. Суровцева

МАЛЬЦОВ (Мальцев) Сергей Иванович (1810-1893) – тесть князя Л.Д. Урусова, друга Толстого. Заводчик, помещик, генерал.

В молодости служил в Кавалергардском полку. Владелец известного Дятьковского хрустального завода в Брянском уезде Орловской губ. и там же чугунолитейного завода в селе Людинове. Встречался с Толстым в Туле в 1884 г. Владел имением Симеиз в Крыму, где в марте 1885 г. несколько дней гостил Толстой, сопровождавший в Крым больного Урусова: по пути в Симеиз он посетил оба завода Мальцева и 8 марта писал С.А. Толстой: «Я ныне уж был на стеклянном заводе и видел ужасы, на мой взгляд. Девочки 10 лет в 12 часов ночи становятся на работу и стоят до 12 дня, а потом в 4 идут в школы, где их по команде

учат: ус, оса, оси и т.п. Здорового лица женского и мужского увидеть трудно, а измождённых и жалких - бездна» (83: 488).

В другом письме жене Толстой так характеризовал Мальцова: «Старик Мальцов очень самодоволен и бестолков. Тип старого генерала и старого помещика. И поддакивать ему совестно, и противоречить невозможно, потому что он не в силах понимать. Мне тяжело у него» (83: 499).

В 1894 г. Толстой обращался к Н.В. Давыдову с просьбой походатайствовать о более внимательном рассмотрении дела крестьянина В.П. Золотова, обвиняемого в поджоге леса в имении Мальцова.

В.М. Бокова

МАРКОВ Евгений Львович (1835 — 1903) — публицист, писатель, критик; увлекался практической педагогикой. В начале 1860-х гг. был учителем, затем инспектором гимназии в Туле, где познакомился с педагогической деятельностью Толстого. Свои взгляды и оценки представил в статье «Теория и практика яснополянской школы» с подзаголовком «Педагогические заметки тульского учителя» (Русский вестник. 1862. № 5). Марков писал: «Яснополянская школа бесспорно лучше всех народных школ, мне известных. <...> Причина в её исключительно счастливом положении; школа эта составляет предмет горячей заботливости образованного, талантливого и вполне обеспеченного человека. <...> Он предаётся ему с вдохновением художника и разрабатывает его всею силой своих практических способностей и знаний». Но, признавая одарённость Толстого, Марков категорически не разделял его педагогических убеждений: «Мне кажется, что гр. Толстой находится в некотором самообольщении; <...> он действует под влиянием заранее составленных взглядов, и притом взглядов той самой педагогики, которую в теории отвергает. <...> Полная свобода школы, как он её понимает, невозможна, а если возможна, то вредна».

В 1865 г. Марков дебютировал как литературный критик со статьёй «Народные типы в нашей литературе», посвящённой повести Толстого «Казачьи» (Отечественные записки. Кн. 1 - 2), где давал весьма высокую оценку повести, прослеживая развитие характеров главных героев, доказывая их типичность и жизнеспособность. Статья, правда, завершалась резким выпадом против толстовской идеи превосходства необразованного сословия: «Единицы же,

составляющие народ, т.е. мужик, солдат, баба и пр., со всеми их достоинствами, стоят всё-таки ниже образованного сословия со всеми его недостатками, что бы на этот счёт ни думали сторонники гр. Толстого и Ж.-Ж. Руссо».

Г.Г. Коростина

МАРКС Адольф Фёдорович (1838 – 1904) – известный российский издатель и книгопродавец, владелец типографии и глава издательской фирмы «А.Ф. Маркс». Родился в Штетине (Германия); в С.-Петербург приехал в начале 1860-х гг.; до 1865 г. служил приказчиком немецкого отдела в книжном магазине М.О. Вольфа. Первые собственные издания Маркса появились на рубеже 1860-1870-х гг. Это были собрания сочинений и отдельные произведения русских и иностранных писателей, в т.ч. современных. Увеличивая тираж, Маркс стремился сделать книгу дешевле, а значит, доступнее для читателя. Им были изданы полные собрания сочинений Н.В. Гоголя, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, Д.В. Григоровича; его фирма выпустила с роскошными иллюстрациями «Фауста» И.-В. Гёте в переводе А.А. Фета, «Потерянный рай» Дж. Мильтона и др.

Важную роль в русском книгоиздательстве сыграли основанный Марксом еженедельный журнал «Нива» (1870-1917) и издание бесплатных приложений к нему (в виде собраний сочинений), что служило широкому распространению произведений лучших современных русских, а позднее и европейских писателей.

12 октября 1898 г. Толстой заключил с Марксом соглашение об издании своего нового романа «Воскресение» (Маркс посоветовал автору называть своё сочинение не «повестью», а «романом»). За право первого печатания «Нива» обязалась платить автору по 1000 рублей за печатный лист (35 000 знаков). Первые главы «Воскресения» вышли в № 11 журнала «Нива» 13 марта 1899 г. В 1900 г. Маркс выпустил два отдельные издания романа «Воскресение».

На протяжении всего времени печатания романа между Толстым и издателем была налажена тесная связь; «пакеты с корректурами» из Ясной Поляны посылали в Петербург с «багажными кондукторами»; велась оживлённая переписка, посредством которой решались многие вопросы, связанные с цензурой, иллюстрированием, сроками выхода глав, координацией с зарубежными изданиями и др. В письмах к Марксу Толстой сообщал текстовые замены, дополнения, сокращения, исправлял ошибки... В.Г. Чертков обвинял Маркса в коварстве, когда тот

сознательно тормозил издание романа в Европе, на что Толстой возражал, считая что Маркс «не коварен, а груб и глуп» (88: 166). Гонорар, полученный за роман «Воскресение», Толстой передал на переселение духоборов в Канаду.

Н.И Бурнашёва

МАРКС Карл (1818-1883) – немецкий политик, философ, политэконом. Идеолог социалистического рабочего движения, автор «Манифеста коммунистической партии». В начале 1880-х гг. Толстой обратился к произведениям Маркса. В истории это время зарождения русского марксизма, в биографии Толстого – период работы над статьёй «Так что же нам делать?». В вариантах статьи Толстой указывал, что у него было в прежние годы, по крайней мере, три момента, когда он увлекался чтением сочинений по политэкономии ряда авторов, в т.ч. и Маркса, и теперь он снова «обратился к этой науке и к живым представителям её и к её писателям» для разрешения волновавшего его вопроса. В дневниках Толстого конца 1880 – начала 1890-х гг. не раз встречается имя Маркса. В библиотеке писателя собралось немало книг, касающихся политэкономии и марксизма. В таких книгах, как «Социальная эволюция» Б. Кидда или «The encyclopedia of social reform», есть много материалов о Марксе, дана высокая оценка его работам, помещён разбор «Капитала».

Интересовали Толстого и статьи о марксизме в русской периодике. В 1895 г. беседуя с легальным марксистом В.А. Поссе о его мировоззрении, Толстой сказал: «Меня вот все упрекают <...> что я пишу о том, как лучше устроить жизнь, не зная экономической науки, не зная, что сказал и что открыл Карл Маркс. Ошибаются. Я внимательно прочёл “Капитал” Маркса и готов сдать по нему экзамен» (ТВС. 2. С. 252).

Второй раз Толстой взял в руки «Капитал» тоже в определённых творческих целях: в связи с работой над статьёй «Рабство нашего времени», на рубеже 1890-1900-х гг. К этому времени в толстовской библиотеке появились третье немецкое издание «Капитала» (Гамбург, 1883) и русский перевод книги. Несомненно, интерес писателя к Марксу был в то время закономерен, и появление в доме Толстого «Капитала» не случайно. А потому важен факт пристального внимания писателя к книжке в 200 страниц «Экономическое учение Карла Маркса» (Изложение и критический разбор Л. Слонимского. СПб., 1898). Толстой сделал много помет преимущественно в цитируемых текстах Маркса или в отрывках с изложением их. Он отчеркнул

здесь свыше 300 строк, иногда отмечая целые страницы. Многие отмеченные фразы имеют смысловые параллели в текстах толстовских статей тех лет, в частности в работе «Рабство нашего времени».

Широкое цитирование «Капитала» Маркса (по 2-му русскому изданию) встретил Толстой на страницах книги Н. Кабардина «О русских нуждах». 3 июля 1900 г. гостивший в Ясной Поляне А.Б. Гольденвейзер записал в дневнике: «Лев Николаевич хотел эпиграфом к своей новой работе “Рабство нашего времени” взять изречение Маркса о том, что, с тех пор как капиталисты стали во главе рабочих классов, европейские государства потеряли всякий стыд». Толстой, однако, не сделал это изречение эпиграфом, но в текст VIII главы статьи был намерен внести отрывок, отмеченный им на с. 786 немецкого издания «Капитала» и специально выписанный. Впоследствии он встретил этот текст в русском переводе в книге Кабардина и включил его в свою статью. Позднее этот вариант был отложен Толстым. Но в статью вошла другая цитата из «Капитала», в точном изложении по книге Кабардина: «Сельское население сначала насильственно обезземеливали, — говорит К. Маркс, — изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили калёным железом, наказывали плетью с целью подчинить требованиям наёмного труда» (34: 157-158). Единственное отклонение от текста Маркса, допущенное здесь Толстым, — введение слов: «говорит К. Маркс».

Осенью 1899 г. Толстой ввёл в пятую редакцию текста романа «Воскресение» фразу о том, что Богодуховская, сойдясь с народовольцами, «прочла “Капитал” Маркса и решила, что она должна работать для революции» (33: 220). Эта деталь в последних рукописях романа была перенесена Толстым в характеристику представителя революционного марксизма из рабочих Кондратьева: «Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своём мешке» (32: 395).

Лит.: Брейтбург С.М. Лев Толстой за чтением «Капитала» Маркса. М., 1935; Архангельская Т.Н. Л.Н. Толстой за чтением литературы о марксизме в 90-е годы // Пузин Н.П., Архангельская Т.Н. Вокруг Толстого. Тула, 1988.

Т.Н. Архангельская

МАРТЫНОВ Александр Евстафьевич (1816-1860) – русский актёр, в 1836 г. был зачислен в труппу Александринского театра в Петербурге. С приходом Мартынова театр вступил в новую эпоху своего

существования. В его репертуаре помимо водевилей появились постановки пьес Н.В. Гоголя, позже А.Н. Островского, И.С. Тургенева. В театральной среде ходили легенды, связанные с именем Мартынова, от восторженных до анекдотических. Артисты говорили: «Мартынов сделал в театре революцию»; «мы все живём Мартыновым». На спектаклях с его участием зрители устраивали овации.

Знакомый Толстого, А.А. Стахович, любитель театра, сообщает, что впервые Толстой увидел Мартынова на сцене в 1840-х гг. в Казани. Актёр исполнял роль Хлестакова в «Ревизоре» Н.В. Гоголя, спектакль был поставлен в сезон 1843/44 гг. По утверждению Стаховича, Мартынов «был первым великим актёром», которого видел Толстой. Театровед А.М. Брянский записал воспоминания об игре Мартынова, которыми поделился с ним Толстой: «Мартынов был первым настоящим Хлестаковым, которого до него все изображали или шутом гороховым, или человеком бывалым, себе на уме... У Мартынова Хлестаков был действительно сосулькой, тряпкой, которого только в паническом страхе можно было принять "за важную птицу" и которого лишь неожиданный случай заставил взять на себя роль ревизора». По мнению Толстого, не могло быть «лучшего исполнения и более верного понимания Хлестакова».

В Петербурге в 1855 г. Толстой дважды видел Мартынова на сцене. В Александринском театре была поставлена пьеса И.С. Тургенева «Завтрак у предводителя», где актёр исполнял роль Мирволина. Опираясь на репертуарную сводку театра, можно предположить, что Толстой был на спектакле 21 ноября 1855 г. О другой роли Мартынова сохранилось ещё одно воспоминание. В декабре 1855 г. вместе с другими писателями из круга журнала «Современник» Толстой смотрел в Александринском театре пьесу А.А. Потехина «Чужое добро в прок не идёт», где Мартынов исполнял роль Михайлы. Толстой рассказывал Стаховичу, «как верно оттенил Мартынов тяжёлое, непривычное для мужика, опьянение ромом»: до этого «"Мишенька" пил только водку и вдруг угостился ромом... ошалел и в неистовстве дошёл до бешенства и до решения убить отца». После этого спектакля Толстой предложил литераторам дать в честь Мартынова ужин.

Торжественный обед, устроенный писателями в честь Мартынова, состоялся спустя несколько лет - 10 марта 1859 г. В ИР ЛИ (Пушкинский дом) в Петербурге

сохранилась записка-автограф Тургенева, адресованная Мартынову, с приглашением на обед: «Любезнейший Александр Евстафьевич, ждём

Вас обедать завтра в 4,5 ч. Вместе с г. Чернышёвым...» К этому же событию относится предложение в письме Толстого к журналисту С.С. Громеке 10 марта 1859 г.: «Я пишу от Тургенева. Вам предлагают место на обеде Мартынова за 10 р. в половине пятого у Дюссо».

В журналах и газетах за март 1859 г. были опубликованы отчёты и заметки, посвящённые обеде, устроенному литераторами. Собравшиеся писатели торжественно увенчали приехавшего артиста лавровым венком, ленты которого поддерживали Л.Н. Толстой и И.А. Гончаров. Мартынову преподнесли адрес, подписанный всеми присутствовавшими (адрес хранится в Петербургском гос. театральном музее). Толстой позже признавался Стаховичу, что был разочарован Мартыновым-собеседником, но одновременно подчёркивал особое впечатление, которое производило «подвижное и выразительное» лицо актёра.

Сильное впечатление от игры Мартынова на сцене осталось на долгие годы в памяти Толстого, и в 1890-х гг. он так оценил талант артиста: «Это был великолепный артист <...> сочетавший в себе три драгоценных качества: талант, ум и способность к упорному труду».

Лит.: Стахович А.А. Ключки воспоминаний // ТВС. 1855; Альтшуллер А.Я. А.Е. Мартынов. Л.; М., 1959. С. 59, 187.

И.Ю. Матвеева

МАСАРИК Томаш Гарриг (Masaryk; 1850-1937) – профессор философии в пражском университете, философ-позитивист, автор ряда научных трудов по философии и социологии. Чешский политический деятель; в 1918 г. один из организаторов антисоветского мятежа Чехословацкого корпуса в России. В 1918-1935 гг. – президент Чехословакии.

Был знаком и переписывался с Толстым. Несколько раз посетил писателя в Москве (19 апреля 1887 г. и около 28 марта 1888 г.) и в Ясной Поляне (27-29 апреля 1888 г. и 29-30 марта 1910 г.). Последний раз приехал вместе с Ф.А. Страховым. Толстой записал в дневнике 30 марта: «Оба мне приятны, особенно Масарик». И в тот же день: «Вчера хорошо два раза говорил с Масариком. <...> Масарик всё-таки профессор и верит в личного Бога и бессмертие личности». Имя Масарика нередко упоминалось в яснополянских разговорах, и прежде всего в беседах с Д. П. Маковицким. Толстого интересовала деятельность Масарика, и Маковицкий рассказывал, что Масарик «издаёт газету, учит в университете (у него очень много слушателей), в кружках, говорит, что недостаточно отрицать ложную веру, надо иметь положительную веру, христианство». Толстой вспоминал, как Масарик был у него «лет двенадцать тому назад» и как они «разговаривали о педагогии». А

Маковицкий продолжал: «Он очень занят, и ему некогда углубляться в религиозные вопросы (вас читать). У него есть последователи даже среди университетских профессоров и почти в каждом среднем учебном заведении. Он разрушает идолов и критикует общественных деятелей. Масарик хорошо настроен, но нерелигиозен. Он смотрит на религию с исторической точки зрения» (ЯПЗ. 1. С. 96). На следующий день, 27 октября 1904 г., снова речь зашла о Масарике: «Самые учёные люди придают объективным делам значение, но не признают религиозного сознания, — говорил Толстой. — Масарик не признаёт непротивления злу, а это основа христианского учения» (там же. С. 98). 8 января 1905 г. Маковицкий записал мнение Толстого о Масарике: «Что же Масарик! Он робкой мысли, он ищет авторитетов, несамостоятельный человек. Я это замечал, когда мы разговаривали. Он тогда был протестантом» (там же. С. 128). Толстой спрашивал и про его семью, и про детей: сколько их? В январе 1907 г. снова интересовался Масариком, что он теперь делает, и на слова Маковицкого: «Занят расширением выборного права в Австрии», — заметил: «Он ведь такой политикан; недалёкий человек. Я ему никогда значения не приписывал» (ЯПЗ. 2. С. 361).

В последний приезд Масарика в марте 1910 г., как записал Маковицкий, «Л.Н. от религиозного разговора с Масариком вынес самое отрадное впечатление и был даже очень растроган. Масарик тоже был очень доволен. Ему было достаточно, как он мне говорил, видеть Л.Н., побыть с ним, хоть и не говорить. Я выразил Масарику сожаление, что из-за множества гостей он не мог до сих пор с Л.Н. спокойно поговорить. “Мне довольно видеть Льва Николаевича, быть вблизи него; это человек, который столько писал, с ним говорить не нужно... Раз видел Толстого, то внутренне готов...”» (ЯПЗ. 4. С. 212). 30 марта Толстой «долго беседовал с Масариком», «Масарик прочёл введение к новому “Кругу чтения” (“Путь жизни”) и сказал: “Это квинтэссенция квинтэссенции. Когда это читаешь, равняешь свои мысли”. Ещё прочёл новую, неокончательно обработанную короткую

302

статью Л.Н. о самоубийствах. Л.Н. пишет в ней, что причина их — безрелигиозность. Масарик заметил: не упомянуто, что лишается жизни много несчастных». «Льву Николаевичу замечания Масарика относительно введения в новый “Круг чтения” и статьи о самоубийстве были очень ценны. Масарик обещал прислать Л.Н. таблицы и статистику самоубийств». На следующий день «Л.Н. начал говорить про Масарика: “Он всё-таки профессор... Именно такого критика мне нужно было. Потому что в середине, там (во введении к новому “Кругу чтения”) у меня

доктринерство. Он этого не находит. Не знаю, насколько он это говорил из любви ко мне» (ЯПЗ. 4. С. 214).

Толстой был знаком с трудами Масарика, некоторые книги, подаренные автором, до сих пор с многочисленными пометами сохранились в библиотеке Ясной Поляны. 2 мая 1910 г. писатель читал его сочинение «Der Selbstraord, als sociale Massenerscheinung der Modernen Civilisation <Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации> (Wien, 1881). На следующий день запись в дневнике: «Ходил по парку, читая Масарика. Слабо. Поправлял предисловие. Думал о самоубийстве и перечитал начатое. Хорошо. Хорошо бы написать. Написал Масарику...» Заочный диалог с чешским профессором продолжался и по другим вопросам. 7 августа 1910 г. и в записной книжке и в дневнике Толстой записал: «Масарик писал: Дело не в том, что нет религии, а есть глупая, ложная религия. Религия прогресса. И пока она не уничтожится — нет исправления. Вера в эволюцию, а потому “служить”. Получаю письма. Самоуверенность общая, здесь самоуверенность частная. Служить тому, что мы знаем и чего хотим. Религия же истинная в том, чтобы служить тому, чего мы не знаем, а мы хотим служить, как мы хотим и как служим, и что дальше, то всё хуже, но говорим: Пройдёт! Нам нужна вера в эволюцию». В сентябре, работая над статьёй-письмом «чешским народным социалистам», Толстой «прочёл в Брокгаузе о социализме, а там в библиографии нашёл книгу Масарика, этому обрадовался». Просил поискать — «нашлась в библиотеке на немецком языке». Книга Масарика о социализме — «Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus («Философские и социологические основы марксизма») (Wien, 1899) — увлекла Толстого: «Я не знал о ней, когда он здесь был. Она в литературе о социализме в Брокгаузе приведена. Как в ней изложено социалистическое учение!» (ЯПЗ. 4. С. 364—365).

Уже после Октябрьской революции 1917 г. Масарик, будучи президентом Чехословацкой республики, помог выехать из России дочери и внучке Толстого Т.Л. и Т.М. Сухотиным, принял участие в судьбе последнего секретаря Толстого В.Ф. Булгакова, многие годы жившего в Чехословакии.

Н.И. Бурнашова

МАСЛОВ Андрей Ивлиевич (1840 - 1908) — безземельный крестьянин деревни Телятинки. Ученик школы Толстого 1849 г. Толстой посетил Маслова 9 октября 1908 г. и просил написать воспоминания, называл его своим другом. Маслов был уже тяжело болен. Жил в сторожке у реки Воронки. Писатель вспоминал, как Маслов спасался на печке во время паводка, просил принести его, Толстого, фотографию и

смотрел на неё с умилением. Маслов привлекал внимание Толстого трагической яркостью своей судьбы горемычного безземельного крестьянина, о чём он рассказал в своих воспоминаниях (*ОР ГМТ*). А.Б. Гольденвейзер вспоминал, что тип и судьба Маслова были «нужны Льву Николаевичу для его художественной работы, возможно, для работы над замыслом “Нет в мире виноватых”».

Н.И. Шинкарьук

МАСЛОВЫ (семья) — московские знакомые Толстых. Масловых было пятеро: два брата и три сестры. Происходили из старинного дворянского рода. Их семья и дом были очень гостеприимны. Все они любили музыку, интересовались живописью и литературой. Все сёстры были не замужем, а Ф.И. Маслов — холост.

Фёдор Иванович (1840-1915), глава семейства, - юрист (соученик П.И. Чайковского по Училищу правоведения), судебный деятель, исполнял обязанности председателя первого гражданского департамента Московской судебной палаты. Пользовался репутацией беспристрастного, независимого в своих мнениях судьи. Фёдор Иванович был широко образован, интересовался различными отраслями знаний, вплоть до метеорологии и астрономии, для занятия которой приобрёл себе большой телескоп. В московской квартире у него была огромная и ценная библиотека. Он был умён и остроумен, не прочь был озадачить кого-нибудь неожиданной шуткой, каламбуром, посмеяться над условностями мещанского «этикета».

Ф.И. Маслов был близким другом С.И. Танеева, который посвятил ему роман-

303

сы «Бьётся сердце беспокойное» и «Пять стихотворений Я.П. Полонского».

Варвара Ивановна (ум. в 1905 г.), старшая сестра, была любительницей живописи, брала уроки у художника В.Е. Маковского и постоянно что-нибудь писала. Семья Толстых познакомилась с В.И. Масловой в 1881 г.: Варвара Ивановна училась вместе с Татьяной Львовной Толстой в Училище живописи, ваяния и зодчества. Среди взрослых учениц Варвара Ивановна была уже «довольно пожилой дамой», которая с увлечением занималась живописью. С.А. Толстая вспоминала: «Вот этой-то милой Варваре Ивановне поручил Лев Николаевич свою юную шалунью Таню, и она не только добросовестно

присматривала за Таней, но потом ласкала её, звала к себе, и Таня охотно посещала их дом, который был в некотором роде центром всякого искусства. Друзьями Масловых были и художники (Маковский и его семья), и музыканты (Танеев, Чайковский, Аренский и другие), и много лучших, порядочных людей» (Толстая С.А. *Моя жизнь // Прометей*. 12. С. 169).

Анна Ивановна (1846-1920) и **София Ивановна** (ум. в 1902 г.), младшие сёстры, «обе небольшого роста, худощавые и живые», занимались хозяйством; «деятельные и трудолюбивые, они вставали раньше всех, неся на себе все домашние заботы. Кроме того, они поддерживали сношения с деревней, нередко оказывали материальную помощь нуждающимся крестьянам, лечили больных женщин и детей, для чего держали у себя целую аптеку» (Савёлова З.Ф. *Мои воспоминания о С.И. Танееве // С.И. Танеев. Материалы и документы*. Т. I. Переписка и воспоминания. М., 1952. С. 323). Заботливость Анны Ивановны распространялась и на Танеева, для которого она переписывала ноты, покупала нужное из вещей и выполняла разнообразные поручения и вообще заботилась о нём, как о ближайшем родственнике.

Николай Иванович (1853-1920), самый младший из Масловых, служил мировым судьёй. Его увековечил В. Маковский в своей картине «У мирового».

Имение Масловых Селище, расположенное в Карачевском уезде Орловской губ., славилось своим гостеприимством, что было обыкновенно в тогдашнем усадебном житье. Современники вспоминали: «Летом у Масловых в Селище постоянно гостило множество народу; за обеденный стол никогда не садилось меньше 12-15 человек. Кроме родственников, тут были представители литературы, науки, искусства, подающая надежды молодёжь» (там же. С. 324).

Здесь ценились не только занятия науками, но и непринуждённые житейские беседы, литературные экспромты и остроумие. В 1876-1889 гг. в Селище выходил рукописный журнал «Захолустье», где помещались статьи, стихи, шутки, описания летних происшествий, характеристики обитателей и гостей имения, рисунки. Домашний юмор масловской усадьбы был сродни той атмосфере, что царила на даче Чеховых в Бабкине. А журнал «Захолустье» был одним из великого множества развлечений в каникулярной жизни тогдашней интеллигенции.

С.А. Толстая посетила Селище в 1898 г. В письме к мужу о Масловых: «Живут они относительно окружающих и народа — удивительно

достойно и хорошо; поучительно было видеть» (Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. М.; Л., 1936. С. 706).

Масловы часто бывали в гостях у Толстых - и в московском доме, в Хамовниках, и в Ясной Поляне. Отношения между ними были дружеские. Ф.И. Маслов неоднократно приносил Толстому книги, необходимые для работы, — это были кавказские сборники для повести «Хаджи-Мурат». Толстой и Маслов много беседовали по различным вопросам, переписывались.

Вместе с С.А. Толстой Масловы бывали на концертах в консерватории. Софья Андреевна запросто посещала дом Масловых, где всегда находила для себя поддержку и сердечное отношение: «Люблю я эту семью, утешающую, твёрдую, добрую и ласковую» (ДСАТ. 1. С. 387). Притягательность Масловых испытывали все в семье Толстых: Масловы принимали живое участие в семейных событиях Толстых, были близкими друзьями дома.

Е.Г. Шестакова

МЕЗЕНЦОВ Николай Владимирович (1827-1878) – приятель и севастопольский сослуживец Толстого. «Мезенцов был мой знакомый, друг, пел тонким голосом...» — спустя полвека рассказывал Толстой (ЯПЗ. 2. С. 154). В конце жизни не раз вспоминал он Мезенцова. Д.П. Маковицкий записал в тетради 5 марта 1905 г.: «Лев Николаевич знал Мезенцова, был с ним на ты. — Это был добродушный малый, — сказал Л.Н. — Был добр к друзьям, наверное, к прислуге, а по службе был строг...» Имя севастопольского товарища Мезенцова неизменно сопровождалось в памяти Толстого добрыми чувствами: «Я его очень любил, был милый человек, а занимал такое отвратительное, мерзкое место», — заметил он 15 марта 1910 г. (ЯПЗ. 4. С. 199). В сохра -

304

нившемся фрагменте ранней черновой рукописи «Севастополя в августе 1855 года» появился юнкер М. (далее литера расшифровывалась: Мезенцов). Это будущий юнкер Вланг, сопровождавший Володю на батарею и бывший рядом с ним вплоть до момента его гибели. В финале черновой рукописи рассказа Мезенцов думал о Володе и о Севастополе и его мысли незаметно переходили в рассуждение о нашей непобедимости. Если принять во внимание уже тогда складывавшуюся манеру работы Толстого — писать с натуры, иногда и фамилии персонажам давать настоящие, чтобы яснее представлять те лица, с которых писал, — то не исключено, что некоторые черты характера и облика Мезенцова были

воплощены в фигуре юнкера Вланга. И не только добродушие, доброта, которые запомнились Толстому как характерные черты Мезенцова, но и яростность Вланга, размахивающего хандшпугом, — это тоже, может быть, неосознанное, внесённое в образ Вланга только благодаря художественной интуиции Толстого, свойство натуры Мезенцова, будущего шефа жандармов.

Н.И. Бурнашёва

МЕЙЕР Дмитрий Иванович (1819 – 1856): профессор гражданского права. Родился в С.-Петербурге, в 1841 г. окончил Главный педагогический институт по разряду юридических наук. Два с половиной года пробыл за границей, где познакомился с немецкой исторической школой и её представителями. 15 февраля 1845 г. назначен исправляющим должность адъюнкта в Казанский университет; получил степень магистра (1846) и доктора (1848). Тогда же избран и утверждён экстраординарным профессором по кафедре гражданского права; в 1852 г. – ординарным профессором. В 1855 г. назначен профессором Петербургского университета.

В Казанском университете Мейер читал лекции по гражданскому праву; в 1845 – 1850 гг. преподавал историю русского права, в 1845-1846 гг. – энциклопедию права, в 1848-1850 гг. – общеправовое право и дипломатику.

Лекции Мейера, записанные его слушателями, были изданы после его смерти в обработке А.И. Вицина и долгое время служили университетским пособием по гражданскому праву (Русское гражданское право. Казань, 1858-1859). Последнее, 10-е издание в обработке А.Х. Гольмстена с написанной им биографией Мейера вышло в 1915 г. В русской дореволюционной юридической науке Мейер считался одним из основоположников русского гражданского права как научной дисциплины.

По таланту и уровню образования Мейер был выдающимся явлением. «Кроме обширного материала, расположенного в строго научной системе, лекции Мейера были проникнуты тем гуманным характером, той смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на учеников. Когда в 40-х годах с кафедры раздаётся голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правилах по сословиям и вероисповеданиям - приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством. Смелое слово учителя не осталось без влияния на учеников. Известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета» (Шершеневич

Г.Ф. Мейер Д.И. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): В 2 ч. / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 47).

Дмитрий Иванович Мейер

Мейер принадлежал к числу передовых людей своего времени. Он рассказал студентам о Белинском, читал и комментировал его статьи в «Отечественных записках». Особенно большое влияние оказал на группировавшуюся вокруг него передовую часть студенчества. Кружок Мейера был связан с петербургскими кружками петрашевцев – в его состав входили перешедшие в 1845 г. в Казанский университет активные петрашевцы братья Бекетовы. Толстой не участвовал в этом кружке, но близко сошёлся с некоторыми из его членов. Знакомство с В.В. Берви-Флеровским, П.П. Пекарским имело для него большое значение.

Н.Г. Чернышевский написал о Мейере: «Такие люди, как Мейер, составляют редкое исключение во всяком обществе в каждое время. Их пример, конечно, самым благотворным образом действует на каждого,

305

кто вступает в близкие отношения с ними. Сила их личности такова, что для человека, вовлечённого в сферу её действия, уравнивается, часто даже преодолевается влиянием её влияние всех других

обстоятельств, действующих в противном направлении» (Чернышевский Н.Г. Поли, собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 288).

Толстой слушал у Мейера в 1846-1847 г. историю русского гражданского права не слишком прилежно, так как на полукурсовом испытании в январе 1847 г. получил по этому предмету двойки, за «успехи» и за «прилежание». После экзамена Мейер в разговоре со студентом Пекарским о Толстом заметил: «Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вовсе нет охоты серьёзно заниматься; а это жаль: у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза, что я убеждён, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы сделаться замечательным человеком» (Пекарский П.П. Студенческие воспоминания о Д.И. Мейере, профессоре Казанского университета // Братчина. СПб., 1859. Ч. 1. С. 217). Сверх учебных предметов Мейер посоветовал Толстому сделать сравнение «Наказа» Екатерины II и «Духа законов» Монтескьё. По словам Толстого, «эта работа очень заняла» его, открыла ему «новую область умственного самостоятельного труда, а университет с своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей». Это исследование нашло отражение в дневнике Толстого в записях 18- 26 марта 1847 г. (46: 4-28). Выполнение задания Мейера сыграло значительную роль в дальнейшей судьбе Толстого и стало, по его словам, одной из причин выхода его из университета.

В архиве Пекарского (Российская национальная библиотека) есть небольшое собрание бумаг Мейера (несколько лекций, статей и письма к нему разных лиц).

Лит.: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из казанской жизни. — Казань, 1904. — С. 61-75; Эйхенбаум Б.М. Из студенческих лет Л.Н. Толстого // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Сб. статей. — Л., 1969.

С.А. Фролова

МЕЛЬГУНОВ Сергей Петрович (1879/80 – 1956) – общественно-политический деятель, историк, публицист, издатель, мемуарист.

Родился в старинной дворянской семье известного историка и педагога П.П. Мельгунова. Ещё будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета, стал сотрудником газеты «Русские ведомости», позднее был редактором «Голоса минувшего».

Главный предмет внимания Мельгунова – история Русской церкви, прежде всего старообрядчества и сектантства. Он автор работ, получивших высокую оценку современников: «Церковь и государство в России»: В 2 т.; «Религиозно- общественные движения в России XVII-XVIII вв.»; «Старообрядцы и свобода совести»; «Москва и старая вера»;

«Религиозно-общественные движения в России XIX в.» и др. Мельгунов стал признанным авторитетом по вопросам истории церкви в России и на этой почве сблизился с Толстым.

В июле 1905 г. по приглашению Толстого он побывал в Ясной Поляне. Поводом для встречи послужили очерки Мельгунова в «Русских ведомостях» о сектантах с. Павловки Сумского уезда Харьковской губ. «Павловцы» считали себя толстовцами. По воспоминаниям Мельгунова, его мировоззрение «слишком радикально» расходилось с представлениями Толстого, «чтобы найти точку соприкосновения». Для Мельгунова «утопией являлось толстовское построение», для Толстого – «утопией все выводы социалистической мысли». Толстой пытался направить молодого публициста на «путь истинный» и советовал заняться исключительно изучением религиозных движений в России. После этой встречи контакты Мельгунова с Толстым продолжались: переписка, посылка книг, о которых просил писатель. При участии Мельгунова в августе 1907 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья Толстого «Не убий никого».

В ноябре 1910 г. Мельгунов принимал участие в похоронах Толстого. Позже вместе с дочерью писателя, Т.Л. Толстой, участвовал в подготовке издания Полного собрания сочинений Толстого в России, а затем в эмиграции.

Мельгунов неоднократно возвращался к творчеству Толстого, о чём говорят его статьи и публикации. В 1926 г. в Париже в газете «Последние новости» он опубликовал неизданные варианты повести «Хаджи-Мурат» и неизданные фрагменты редакций повестей «Детство» и «Юность». Тогда же при участии Мельгунова в Париже вышла книга: Толстой Л.Н. Неизданные рассказы и пьесы. Здесь впервые публиковались некоторые сочинения Толстого, например, «Как умирают русские солдаты», «Святочная ночь».

А.П. Потапкина

МЕНГДЕН Елизавета Ивановна (рожд. Бибикова; по первому мужу Обо

306

ленская; 1822-1902) – переводчица, мемуаристка, друг семьи Толстых. Овдовев, в 1849 вышла замуж за барона В.М. Менгдена (1826-1910).

Менгден была женщина разносторонних интересов. В её доме в Москве собирался цвет тогдашней интеллигенции. Часто её укоряли за приём у себя литераторов. Сын Менгден от первого брака Д.Д. Оболенский вспоминал о том, как один великосветский господин,

встретив в её доме В.П. Боткина, сына крупного московского чаеоторговца, спросил у неё: «Что, вы у него чай покупаете?» На что Менгден отвечала: «Нет, подаю ему чай» (47: 408). Толстой был очарован Менгден, о чём говорят его дневники и письма. 10 февраля 1857 г. он писал Боткину: «Е.И. Менгден вам нравится – я ужасно рад. Видно, мы не в одной поэзии сходимся в вкусах». «Она прелесть, и какие могут быть отрадные отношения. Отчего с сестрой я не нахожу такого наслаждения? Может, вся прелесть состоит в том, чтобы стоять на пороге любви», — запись в дневнике 3 февраля.

Менгден в течение всей своей жизни была близка с семьёй Толстого, их связывали дружеские и деловые отношения. Она переводила сочинения писателя, в частности ей принадлежит перевод «Казаков» (в «Journal de St.-Petersbourg», 1878). Толстой официально разрешил Менгден переводить свои произведения на английский язык. Часто она являлась посредником между ним и писателями-переводчиками. Так, М. де Вогюэ просил её получить разрешение Толстого на перевод «Крейцеровой сонаты» на французский язык. Перу Менгден принадлежат воспоминания о своём детстве «Из дневника внучки» (Русская старина. 1913. № 1).

Лит.: Бельгард С.В. «Макле» // Столица и усадьба. 1916. № 11; Жданов В. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993.

Т.В. Белова

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович (1834—1907) – учёный-химик; знакомый Толстого; упоминается в его дневниках, письмах. Впервые имя Толстого появилось в письме Менделеева из Крыма в Москву в 1855 г., где автор рассказывал про «весёлого батарейного командира Льва Николаевича Толстого», который «и песни писал весёлые, и начальства не боялся» (имелась в виду песня «Как четвёртого числа...», распространявшаяся в армии; цит. по: Надинский П. Л.Н. Толстой в Крыму. Симферополь, 1948. С. 57-58).

В 1897 г. в Петербурге у художника Н.А. Ярошенко Толстой познакомился с Менделеевым и с тех пор следил за его научной деятельностью.

17 июля 1906 г. он выписал книгу Менделеева «К познанию России» и прочёл её с большим интересом. 2 августа Д.П. Маковицкий записал, как Толстой оценил книгу: «Данные интересные, но рассуждения плохие. Читал место, где ничего нельзя понять. Валяет с плеча, никакой обработки, чтобы мысль была ясно выражена. Я знаю, какой это труд — выражаться ясно». Не вызвали у Толстого доверия идеи учёного о деторождении и промышленном развитии России; он спорил об этом с

Н.Л. Оболенским: «Л.Н. спорил с горячностью: “Он и меня вспоминает. Я хотел ему написать. Идеал его — размножаться; а чтобы можно было прокормиться — заводить промышленность и добывать пищу фабричным путём. Земледелие второстепенное. <...> Идеал не есть размножение (у кроликов — да), а совершенствование. Идеал — целомудрие”» (*ЯПЗ*. 2. С. 194).

В библиотеке Менделеева сохранилось 14 произведений Толстого с пометками и записями на полях и подчёркиванием слов в тексте. Первая по времени книга, содержащая большое число помет, — «Краткое изложение Евангелия» (1890). Суть возражений Менделеева состоит в защите материалистического воззрения на жизнь. Одним из последних произведений Толстого, которое внимательно прочитал учёный и где много его замечаний, была работа «Об общественном движении в России» (Берлин, 1905).

С.Л. Толстой вспоминал свои встречи с Менделеевым, по совету которого ездил с Олсуфьевым и Орловым осматривать шахты и промышленные предприятия Донбасса: «Очевидно, я смотрел на него с восхищением и подобострастием; но не только потому я подпал под его влияние; он был на самом деле обаятельным человеком... Виден был большой ум, чувствовалась большая жизненная энергия. Он любил говорить и говорил горячо и образно, хотя не всегда гладко. Он крепко верил в то, чем в данное время увлекался, и не любил возражений на свои, иногда смелые, парадоксы. Этим и некоторыми другими чертами он мне напоминал моего отца». «Он только что прочёл “О жизни”. “Ваш отец, — говорил он, — воюет с газетчиками и сам становится с ними на одну доску. Он духа науки не понимает, того духа, которого в книжках не вычитаешь, а который состоит в том, что разум человеческий всего должен касаться; нет области, в которую ему запрещено было бы вторгаться...” Я ему говорил, что отец, главное, борется против позитивного мировоззрения, по которому,

307

для того чтобы решать насущные вопросы об отношении к людям, нужно пройти через всю контовскую <от О. Конт. — *В.Л.*> лестницу наук, а нам нужно не это, а ответ на вопрос: что сейчас делать? Менделеев на это ответил, что ведь мы питаемся каждый день, а разве поэтому нельзя рассуждать и исследовать научным путём вопрос о том, чем лучше всего питаться. (Хотя он говорит, что и об этом мы очень мало знаем.) Зачем же отрицать другие науки — точные? Разве они несовместимы со взглядами Льва Николаевича?» (*Очерки былого*. М., 1949. С. 168, 181-182).

В.В. Алексеева

МЕНШИКОВ Александр Сергеевич («Менщиков», «Менчиков»; «Менщик»; 1787-1869), князь – один из крупнейших военачальников времён Крымской войны, главнокомандующий русской армией в Крыму; генерал-адъютант, начальник морского штаба, член Гос. совета. В своё время участвовал в войнах 1809 и 1812 — 1814 гг. В Крымскую кампанию проиграл Алминское и Инкерманское сражения с потерями в несколько тысяч солдат и офицеров. Предпринятое им наступление на Евпаторию закончилось неудачей, после чего Меншиков, к тому времени уже серьёзно больной, был отправлен в отставку. Никаких важных гос. постов он уже больше не занимал, поселился в своей деревне.

У Толстого было разное мнение о Меншикове: «Менщиков <так фамилию генерала произносили солдаты. - *Н. Б.*> кажется мне хорошим главнокомандующим, — писал он в дневнике осенью 1854 г., — но несчастно начавшим своё военное поприще с меньшими силами против втрое сильнейших и лучше вооружённых». С другой стороны, молодой подпоручик прислушивался к солдатским и офицерским толкам после проигранных Алминского и Инкерманского сражений, все обвиняли Меншикова, среди солдат ходили слухи об его измене, и даже фамилию главнокомандующего «солдатики» то ли с издёвкой, то ли с досадой переделали на «Изменщиков».

После Алминского боя была сочинена и распространялась в войсках солдатская песня «Как восьмого сентября...», к которой ещё на протяжении долгих месяцев присочинялись новые и новые куплеты; есть версия, что в этом «присочинении» наряду с другими авторами участвовал и Толстой. Сам Толстой признавал это участие в письме к М.Н. Милошевич в 1904 г. В песенке есть несколько куплетов про Меншикова:

«Князь Лександра-адмирал
Судёнышки затоплял
В море-пучине.

Молвил: «Счастия желаю,
Сам ушёл к Бахчисараю:
Ну вас всех в пизду...»

Просит Менщик подкрепленья:
Царь ему во утешенье
Сакена прислал (bis).

Менщик — умный адмирал,
Царю прямо отписал:

«Батюшка - наш царь,

Ерофеич твой не крепок,
От твоих же малолеток
Проку ни хуя!»

Царь на Менщика серчает,
Как в ту пору захворает
На одном смотрю

И отправился на небо,
Видно, в нём была потреба,
Хоть давно пора.

А когда он умирал,
Своему сыну наказал:
«Ты теперь смотри».

Сын же Мешцику писал:
«Мой любезный адмирал,
К чёрту, брат, тебя.

Назначаю я иного
Того князя Горчакова,
К турке что ходил.

Много войск ему не надо,
Будет пусть ему награда
Красные штаны».

Все имена и события в песне подлинные и достоверные: по приказу Меншикова в Большой Севастопольской бухте были затоплены корабли русского флота, чтобы закрыть неприятелю вход в бухту; на подмогу Меншикову был прислан Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен и на короткое время приехали сыновья Николая I (здесь игра слов: «Ерофеич» — сорт русской водки, «малолетки» — великие князья, царские сыновья); после смерти Николая I его сын, новый император Александр II, отправил Меншикова в отставку, назначив главнокомандующим князя М.Д. Горчакова. Какие из этих куплетов сочинил Толстой, сейчас сказать невозможно, поэтому песня «Как восьмого сентября...» не значится среди произведений писателя. Полностью текст песни можно прочитать в 4-м томе Юбилейного издания Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в разделе «Приложение» (с. 424-426).

МЕНЬКОВ Пётр Кононович (1814 - 1875) – генерал-лейтенант, участник обороны Севастополя; военный писатель, позднее редактор газеты «Русский инвалид». Менькову армейская молва приписывала авторство некоторых солдатских песен, а в его «Записках...» в 1898 г. была напечатана севастопольская песня Толстого «Как четвёртого числа...» под заглавием «4 августа». В коротком редакционном вступлении сообщалось, что «песнь крымских солдат, касающаяся сражения на Чёрной речке», приложена к запискам Менькова, имя автора не упомянуто и потому издатели «склонны считать таковым П.К. Менькова или целый кружок лиц главной квартиры князя Горчакова». Спустя несколько лет, весной 1904 г., корреспондент газеты «Новое время» К.А. Скальковский, опираясь на авторитет издателей «Записок» Менькова, неосторожно упомянул его как автора севастопольской песни. Это упоминание вызвало протест у читателей газеты, определённо считавших автором песни Толстого.

Н.И. Бурнашёва

МЕНЬШИКОВ Михаил Осипович (1859-1918) – публицист, писатель. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого.

Меньшиков окончил Морское техническое училище в Кронштадте, участвовал в морских походах. Служил в Главном гидрографическом управлении, с 1892 г. – в отставке. В 1890-е гг. – журналист, сотрудник газеты «Неделя». Переписывался и общался с А.П. Чеховым, А.С. Сувориным и др. известными русскими литераторами и издателями. С 1901 г. – сотрудник газеты «Новое время». Меньшиков писал о различных сторонах русской общественной, культурной, социальной жизни. Широкую известность получил цикл его статей «Письма к ближним» (1902-1916). В 1917 г. с семьёй переселился на Валдай. В 1918 г. арестован и расстрелян по приговору Чрезвычайного полевого штаба.

Сближение Толстого и Меньшикова произошло в 1890-е гг. Толстому и Черткову понравились отзывы журналиста на трактат «Царство Божие внутри вас» и статью «Неделание». В январе 1894 г. Меньшиков посетил Толстого в московском доме в Хамовниках. Они нашли общий язык; в дневнике 24 января Толстой записал, что Меньшиков – его умный последователь. Многие работы Меньшикова, печатавшиеся в «Неделе» в

1890-е гг., были близки религиозным взглядам Толстого. Так, прочитав в 1896 г. его статью «Ошибки страха», о «непротивлении злу», Толстой отметил в дневнике, что статья «прекрасная» и ему радостно было её читать, а затем 9 июня написал автору письмо: «Дорогой Михаил Осипович. Вчера прочёл вслух вашу третью статью “Ошибки страха”. Очень благодарю вас за ту радость, которую я испытывал, читая эти статьи. Они прекрасны и сделают много добра людям. Любящий вас Л. Толстой».

Иногда в переписке Толстой и Меньшиков обсуждали важные философские вопросы, бывали и несущественные расхождения: например, по-разному они трактовали образ Никиты в рассказе Толстого «Хозяин и работник», по-разному относились к вопросу об упадке народного духа... Тем не менее между ними тогда существовало согласие и внутреннее единство. Меньшиков очень высоко ценил Толстого: «Толстой подобен Волге: явившись в русскую землю, он будет орошать её целые века, целые поколения будут питаться им и плыть в волнах его духа к вечности», -- писал он (Меньшиков М.О. Из записных книжек // *Прометей*. 12. С. 246-256). «Побывши с Толстым, ещё приближаешься к нему, чувствуешь (т.е. я чувствую) истинное воскресение всего хорошего, на что моя природа когда-либо была способна. Мне хочется плакать и любить всех, и молиться, и быть святым. Казалось бы, всё сбросил с себя дурное, всё отдал бы Богу. Одно воспоминание о нём приподнимает необычайно» (там же. С. 251-252). С любовью относился к Меньшикову и Толстой. 2 октября 1897 г. он писал ему: «Узнал от Буланже, что вы больны, и захотелось сказать вам, что я вас люблю и общаюсь с вами душою, читал ваши прекрасные, совсем не похожие на то, что и как пишется теперь, особенные статьи и радуюсь».

Часто Толстой обращался к Меньшикову с различными просьбами, чувствуя в нём «своего» человека, которому можно доверять. Время от времени журналист посещал Толстого: в августе 1895 г. гостил несколько дней в Ясной Поляне, 3 февраля 1898 г. был в Хамовниках, в начале августа 1900 г. и в июле 1901 г. – вновь в Ясной Поляне, в мае 1902 г. – в Крыму.

До 1902 г. Меньшиков был близок к Толстому по взглядам. В 1900 г. искренне возмущался, прочитав текст «Трёх разговоров» Вл. Соловьёва, направленных против толстовства, в 1901 г. одобрительно отозвался об «Ответе Синоду» Толстого. Однако вскоре после того, как он перешёл на работу в газету «Новое время», характер его публицистических статей изменился. Журналист занял национал-патриотические, имперские позиции, про –

поведя антисемитизм; стал критиковать Толстого и его взгляды с гос. точки зрения. Толстой по-своему объяснял нападки Меньшикова. 13 марта 1903 г. он записал в дневнике: «Второй раз встречаю в жизни незаслуженную, ничем не вызванную ненависть от людей только за то, что им хочется иметь такую же репутацию, как моя. Они начинают любить, потом хотят быть тем, что любят, но то, что они любят, не они, и мешает им быть таким же, и они начинают ненавидеть: Меньшиков, Лёва. Вот доказательство зла славы».

Тем не менее Толстой в последние годы жизни регулярно читал статьи Меньшикова в «Новом времени» и, высоко оценивая его публицистический талант, говорил, что у него «большое, огромное дарование», «эпитеты верные, как одежда, которая хорошо идёт» (ЯПЗ. 2. С. 369, 384). Наряду с этим, Толстой подчёркивал, что непрерывным «писательством» ради денег Меньшиков загубил часть имеющегося у него таланта, что такая «бойкость писания с серьёзностью мысли не идёт» (ЯПЗ. 3. С. 217).

Несмотря на различия во взглядах, Толстой и Меньшиков не прекратили контакты. 11 августа 1906 г. журналист посетил Ясную Поляну. Разговор шёл о значении современной науки, религиозном и научном мирозерцании. Толстой, считавший, что религия бесконечно выше науки, что безграмотная «баба, молящаяся Богородице, выше Геккелей», ибо она стремится к Богу, спорил с Меньшиковым, отстаивавшим научное мировоззрение, считавшим, что, «может быть, есть что-нибудь выше Евангелия». Спор был очень острым. Толстой закончил его обвинением в адрес Меньшикова: «Не вы одни – целая артель учёных лишена религиозного чувства, ей недоступно религиозное мирозерцание – виновны в том, что делается теперь в России» (ЯПЗ. 2. С. 202-203).

Меньшиков в своих «Письмах к ближним» (1904) отразил разные взгляды на жизнь и творчество Толстого. С одной стороны, он подчёркивал моральный авторитет писателя, признавал, что «под безотчётным влиянием этого мыслителя» он «написал свои лучшие статьи и книги». Однако есть пункты в учении Толстого, с которыми Меньшиков «никогда согласиться не мог. Эти пункты – заповеди абсолютного непротивления, абсолютного целомудрия, абсолютной нищеты» (с. 418-431). 23 января 1907 г., прочитав очередной фельетон Меньшикова, Толстой написал ему о картине М.В. Нестерова «Святая Русь», о которой шла речь в фельетоне: «Спасибо, Михаил Осипович, за ваше вступление к фельетону “Две России”. Я заплакал, читая его. И теперь, вспоминая, не могу удержать выступающие слёзы умиления и печали. Но умру всё-таки с верой, что Россия эта жива и не умрёт». В 1908 г., после выхода в свет статьи Толстого «Не могу молчать»,

Меньшиков опубликовал статью «Лев Толстой как журналист», в которой заявлял, что статья Толстого написана слабо, она не волнующая, не убедительная, что Толстой лишён таланта публициста. Как и большинство консервативных журналистов, Меньшиков не соглашался с протестами Толстого против смертных казней, считая, что протестовать нужно прежде всего против бесчинств бунтовщиков. В статье «Толстой и власть» он упрекал писателя в том, что тот «стремится подговорить власть к величайшему насилию, какое мог бы придумать тиран, — к отмене частной земельной собственности» (Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1908. С. 500). Эта статья Меньшикова, вышедшая незадолго до юбилея Толстого, возмутила С.А. Толстую, которая 17 августа опубликовала в «Русском слове» свой протест. Журналист ответил ей статьёй «Выкуп Ясной Поляны» (там же. С. 518-522). В марте 1908 г., когда вся Россия ждала предстоящий юбилей Толстого, Меньшиков выступил с предложением «никак не чествовать старца, а дать ему покой и отдых, в которых он больше всего нуждается» (там же. С. 156). Таким было и пожелание самого Толстого. В день юбилея Меньшиков опубликовал статью «Россия и Лев Толстой», в которой сравнивал судьбу Толстого и исторический путь России.

На смерть Толстого журналист отозвался статьёй «Памяти Л.Н. Толстого», где подчеркнул, что Толстой «был праведником, одним из немногих искренних людей, искавших вечной жизни и боровшихся с препятствиями на пути к ней» (Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1910. С.803-807). На вторую годовщину смерти Толстого Меньшиков отозвался статьёй «Фальшь толстовщины», полной грубой критики в адрес Толстого и его учения. Меньшиков считал, что пророческая роль Толстому не удалась: «он не родился пророком» (Новое время. 1912. 10 ноября).

Несмотря ни на что, Толстой сохранил добрые чувства к Меньшикову. В ответ на одну из критических статей в 1908 г. он послал ему письмо, которое просил не публиковать и никому не показывать. В этом последнем своём письме Меньшикову Толстой писал, что, прочитав его статьи, не только не испытал недоброжелательства, но испытал чувство любви к нему.

Ю.В. Прокопчук

310

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (1865-1941) — писатель, философ, публицист. Рождение Мережковского, поэта и мыслителя, совпало по времени с духовным «рождением» Толстого в начале 1880-х

гг. Как и Толстой, Мережковский интересовался тем, как живёт простой народ, изучал религиозные течения в народе, встречался с В.К. Сютаевым. Сильное влияние на молодого Мережковского, по его собственному признанию, оказала «Исповедь» Толстого. На рубеже 1880— 1890-х гг., пережив увлечение народничеством и позитивизмом, Мережковский интересовался французскими символистами, читал Ницше, оказавшего сильнейшее влияние на формирование его эстетических взглядов, духовно-плотской концепции, которая легла в основу его фундаментального труда «Лев Толстой и Достоевский» (1900-1902).

Мережковский полагал, что в истории борются два внешне противоположные начала – дух и плоть (иногда в рамках этой концепции он противопоставлял язычество и христианство, Ветхий и Новый Завет и т.п.). Однако на самом деле эти начала, по Мережковскому, обладают внутренней связью, единством, и только синтез духа и плоти, образование «духовной плоти» способно преодолеть это разъединение. По Мережковскому, Толстой является тайновидцем плоти, а Достоевский – тайновидцем духа. «Тайновидение духа у одного отражается и углубляется тайновидением плоти у другого, как бездна неба бездною вод». «Всё, что Толстой сознаёт, во что он верит или не верит как мыслитель...» -- всё это «слабо, скудно, мимолётно <...> по сравнению с тем, что он "знает бессознательно", как вещей "тайновидец плоти"». В Толстом живут два человека: «великий подлинный язычник» дядя Брошка (герой «Казаков») и маленький мыслитель лже-христианин старец Аким (герой «Власти тьмы»). Настоящий, подлинный Толстой – бессознательный язычник, который великолепно чувствует не духовную, а душевнотелесную жизнь; христианство Толстому чуждо, вода крещения с него стекает «как с гуся вода».

Резкой критике подверг Мережковский взгляды Толстого за несколько дней до отлучения его от церкви, 7 февраля 1901 г., в лекции об отношении Толстого к христианству, прочитанной в философском обществе при Петербургском университете, а позже – в докладе на религиозно-философских собраниях в 1902 г. С годами восприятие Мережковским личности и творчества Толстого менялось. О том, какое большое впечатление произвела на него поездка в Ясную Поляну в мае 1904 г., можно судить по письму В.Я. Брюсова П.П. Перцову 17 мая того же года. «Вы лучше меня знаете, что такое Д.С., -- вернувшись от Толстого, он уже уверял, что Толстой выше всех и всего: вершина в небе, нет – за пределами неба».

В статье «Лев Толстой и церковь» (сборник «В тихом омуте»), написанной в 1908 г. накануне празднования юбилея Толстого, дана иная оценка писателя, нежели в докладах 1901-1902 гг. Продолжая считать, что Толстой не понял сущности христианства, Мережковский

решительно меняет акценты в отношении этических взглядов писателя. Толстой, отвергавший Богочеловечество Иисуса на словах, на самом деле был ближе ему, чем многие из христиан. «Кто же из нас не чувствует, что Л. Толстой, ныне величайший из людей на земле, признал бы всё своё величие ничтожеством, упал бы к ногам Христа, -- а так преклоняться перед Сыном Человеческим не значит ли исповедовать Сына Божьего? <...> Если вы отлучили от церкви Л. Толстого, то отлучите и нас всех, потому что мы с ним, а мы с ним потому, что верим, что с ним Христос».

В статье 1908 г. «Лев Толстой и революция» Мережковский критиковал отношение Толстого к революционному движению, считая, что «самоутверждение личности, религиозное начало всякой революции, Толстым отрицаемое, заставило его отрицать и русскую революцию». Между тем, по мнению Мережковского, есть предпосылки для сближения Толстого с революционерами: «сегодня враги русской свободы – враги Толстого; друзья его – её друзья».

На смерть писателя в 1910 г. Мережковский отозвался статьёй «Зелёная палочка», в которой подчеркнул моральное величие Толстого, чистоту его помыслов, искренность. А в статье «Смерть Толстого» заметил, что Толстой «не словами, а всей своей жизнью и смертью Христа исповедал». В 1914 г., после начала мировой войны, Мережковский произнёс речь о значении толстовских взглядов, где звучала мысль о том, что «Толстой сейчас нужнее Достоевского», так как «современный национализм "звериного образа" в значительной мере – дело Достоевского» и «преодолеть Достоевского можно только с Толстым».

В статье 1916 г. «Подёнщик Христов» Мережковский восхищался дневником Толстого 1895-1899 гг., нравственным величием мыслителя. «Можно сказать, что Толстой всю жизнь умирал и работал ра-

боту Господню...» и «если кто-нибудь восхищал Царство Божие усилием, то это он». По-иному были оценены взгляды Толстого в 1921 г., уже в эмиграции, в статье «Л. Толстой и большевизм». Мережковский писал о том, что толстовская «дикая» мудрость разрушительна для культуры, и в этом Толстой близок к большевикам. «Большевизм – самоубийство Европы. Начал его Толстой, кончает Ленин». Тем не менее Мережковский по-прежнему высоко отозвался о зелёной палочке, писал о важности нравственных идей, поиска истины. «Если это легенда, то глубочайшая сущность Толстого выражается в ней: детство как царство Божие...»

Несмотря на то, что Мережковский был почти всегда духовно далёк от Толстого, он преклонялся перед величием яснополянского гения. «У нас вообще нет меры для Толстого. <...> Стоя у подошвы горы, нельзя видеть её вершину; по истокам реки нельзя судить об её разливе».

У Толстого же отношение к декадентским кругам, в частности к Мережковскому, всегда было отрицательным, о чём говорят его дневники. «Есть люди, которые пользуются религией для злых целей <...>, но есть и такие, которые пользуются ею для забавы, для игры: Мережковский и т.п.». «Читая Мережковского об Эврипиде, я понял его христианство. Кому хочется христианства с патриотизмом (Победоносцев, славянофилы), кому с войной, кому с богатством, кому с женской похотью, и каждый по своим требованиям подстраивает себе своё христианство» (4 ноября 1902 г.). 12 марта 1903 г. в Ясной Поляне в разговоре с писательницей Л.И. Веселитской были упомянуты Розанов, Мережковский и религиозно-философские собрания. Толстой с огорчением говорил, что Мережковский, как он считал, его ненавидит. «Веселитская на это возразила, что Мережковский вовсе не ненавидит отца, но что он вообще очень бестолковый мыслитель», -- записал Л.Л. Толстой. Не понравились Мережковские Толстому при встрече. 12 мая 1904 г. Толстой писал дочери, М.Л. Оболенской: «...сейчас уехали от нас Мережковские. Этих хочу любить, и не могу».

Толстой, нетерпимо относившийся к малейшей фальши, неискренности в религиозных вопросах, был далёк от религиозных проектов Мережковского; не разделял писатель и его политические и эстетические взгляды, его отношение к нравственности.

Лит.: Быстров В.Н. Исповедание красоты и веры (творчество Д. Мережковского-критика) // Русская литература. 2005. № 2; Прокопчук Ю.В. Лев Толстой и петербургские религиозно-философские собрания (1901-1903) // Толстовский ежегодник. 2002.-Тула, 2003.

Ю.В. Прокопчук

МЕТЕРЛИНК Морис (Maeterlinck Maurice; 1862-1949) — бельгийский поэт и драматург, автор более 20 пьес, в числе которых «Непрошенная» (1890), «Слепые» (1890), «Там, внутри» (1894), «Аглавена и Селизетта» (1896), «Синяя птица» (1908) и др.; лауреат Нобелевской премии (1911).

К творчеству Метерлинка Толстой относился негативно и даже иронично. Как правило, Метерлинка упоминался в ряду современных европейских авторов. Общий тон замечаний отражает запись в дневнике 8 января 1900 г.: «Читаю газеты, журналы, книги и всё не могу привыкнуть приписать настоящую цену тому, что там пишется, а именно:

философия Ницше, драмы Ибсена и Метерлинка <...>. Ведь это полное убожество мысли, понимания и чутья». Резкость его суждений о Метерлинке отмечали и окружающие: «Толстой читал вслух отдельные места из драмы Метерлинка “Аглавена и Селизетта” и высказал своё резко отрицательное суждение о ней», — записал А.Б. Гольденвейзер 6 января 1897 г.

Такая оценка связана с толстовским отрицанием произведений-ребусов. «Нельзя себе представить здорового рабочего, который бы тронулся драмой Метерлинка...» (30: 256). По Толстому, искусство должно объединять людей, поэтому оно должно быть всем понятным. А «стихотворения Малларме и Метерлинка, не имеющие никакого смысла» (30: 100), так как они неясны, вычурны, — неприемлемы. Метерлинка смог обрести популярность лишь благодаря влиянию критиков, «извратителей вкуса масс» (30: 399), которые выдают за истину суждение «о подделках под искусство, признаваемых ими предметами искусства» (30: 374). Они утратили вкус, оторвавшись от настоящей жизни народа. «Только благодаря ложным толкованиям критики стали возможны Ибсены, Золя, Метерлинка, Вагнеры...» (*там же*).

В высказываниях Толстого, как правило, нет указания на определённые произведения Метерлинка. Возможно, потому, что он не считал их чем-то выдающимся. Так, в трактате «Что такое искусство?» писатель, очевидно имея в виду «Слепых» Метерлинка, говорил о странном содержании пьес, где «какие-то слепые, которые, сидя на берегу моря, для чего-то повторяют всё одно и то же» (30: 105). И затем, когда переводчик его статьи на английский язык Э. Моод просил указать точно произведения

312

и авторов, Толстой отвечал, что «не помнит заглавие пьесы, где слепые на берегу моря повторяют одно и то же», и «думает, это и не нужно» (72: 28).

Об опасности искусства, подобного творчеству Метерлинка, 24 сентября 1904 г. Толстой писал Г.А. Русанову, обсуждая состав «Круга чтения»: «...я всё больше и больше удивляюсь и ужасаюсь тому невежеству, а “культурной” дикости, в которую погружено наше общество. Ведь просвещение, образование есть то, чтобы воспользоваться, ассимилировать всё то духовное наследство, которое оставили нам предки, а мы знаем газеты, Золя, Метерлинка, Ибсена <...> на этой дикости самой ужасной *культурной*, и потому самодовольной, вырастают все ужасы, в том числе и война».

Метерлинк не остался безучастным к нападкам Толстого. Он сожалел, что окружение Толстого не может «принять меры, чтобы его голос, не являющийся более голосом его гения, не терзал тех, кто желал бы сохранить в неприкосновенности уважение и восторг перед его творением» (Шекспир, Толстой и Метерлинк // Русские ведомости. 1907. № 18. 24 января. - 56: 451).

Ю.В. Кабыкина

МЕЧНИКОВ Илья Ильич (1845 — 1916) — учёный-биолог, профессор, почётный член Петербургской академии наук, лауреат Нобелевской премии; знакомый Толстого.

Известность Мечникову принесли не только его биологические исследования, за которые он был удостоен Нобелевской премии, но и разработанная на принципах собственного научного материализма и с некоторыми элементами позитивизма философия («Этюды о природе человека, опыт оптимистической философии», «Этюды оптимизма», «Сорок лет искания рационального мировоззрения»). Концепция Мечникова основана на представлениях об инстинкте жизни, который будет удовлетворён, если с помощью науки продлить сроки жизни, человек почувствует насыщение жизнью. Человечество освободится от гнетущего страха смерти, преследующего его из поколения в поколение. Преобразованная психика, новое оптимистическое мировосприятие изменят отношения между людьми, характер общества.

Л.Н. Толстой и И.И. Мечников в Ясной Поляне. 1909 г.

В мае 1909 г. Мечников приехал в Ясную Поляну. «С молодых лет интересующемуся общими вопросами о человеческих делах и особенно вопросом об основе нравственности, о смысле жизни и неизбежности конца её, мне давно хотелось ближе познакомиться с Толстым и из личного общения узнать его истинное отношение к ним», - писал Мечников (цит. по: Резник С.Е. Мечников. М., 1973. С. 11).

Идеи Мечникова не нашли одобрения у Толстого, его раздражало вторжение самоуверенной науки в пределы человеческой природы, когда образованный и учёный человек не понимает того, что нужно людям. Для Толстого горе не в том, что мы живём мало времени, а в том, что мы плохо живём, живём против себя и своей совести. «Он, профессор Мечников, — возмущался Толстой, — <...> хочет исправить природу! <...> Когда мы наконец научимся <...> уважению к жизни?» (ТВС. 2. С. 290).

С именем Мечникова косвенно связана история создания повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». Как свидетельствовали современники, да и сам автор, в повести отразилась судьба и смерть брата учёного – Ивана Ильича Мечникова, прокурора Тульского окружного суда, знакомого Толстого: от тяжёлой болезни он умер 2 июня 1881 г. Илья Мечников писал: «Я присутствовал при последних минутах моего старшего брата (имя его было Иван Ильич, его смерть послужила темой для знаменитой повести Толстого “Смерть Ивана Ильича”»». В 1915 г. в предисловии к своим «Этюдам о природе человека» (5-е изд.) Мечников называл Толстого писателем, «давшим наилучшее описание страха смерти».

В.В. Алексеева

МЕШКОВ Василий Никитич (1867 – 1946) – живописец и график, портретист, пейзажист. Родился в г. Ельце Орловской губ. Первоначально занимался у иконописцев Задонского монастыря и в иконописных мастерских братьев Селивановых в Москве. Затем учился в московском Училище живописи, ваяния и зодчества (1882— 89), где его учителями были Е.С. Сорокин,

313

И.М. Прянишников, В.Д. Поленов. Окончив училище, продолжал образование в Петербурге в Академии художеств у профессора П.П. Чистякова. В начале 1900-х гг. Мешков открыл в Москве свою художественную школу, отдавал много времени педагогической работе. Он один из учредителей Товарищества московских художников. Позднее

– профессор Академии художеств. В 1943 г. получил звание народного художника.

Л.Н. Толстой в яснополянском кабинете.
В.Н. Мешков

Весной 1910 г. Мешков приезжал на несколько дней в Ясную Поляну и позднее в своих воспоминаниях рассказал о том, как он рисовал портрет Толстого. «Одной из моих учениц была жена сына Л.Н. Толстого, -- писал он. – Она предложила мне написать портрет Льва Николаевича. Взяв с собой сангин и бумагу, я поехал в Ясную Поляну» (Мешков В.Н. Памятное. Листки из мемуаров // Советское искусство. 1938. 28 августа). Художник сделал большой портрет Толстого углём, рисунок Толстого с М.С. Сухотиным за шахматной доской и этюды Ясной Поляны.

С.А. Толстая 12 марта 1910 г. записала: «Приехал художник Мешков, рисует Льва Николаевича». И на следующий день: «Мешков рисовал Льва Николаевича и утром и вечером».

О своей работе над портретом Толстого художник рассказывал: «Слышу скрип промёрзшего снега (дело было ранней весной 1910 г.). Из ворот вышел Лев Николаевич, улыбнулся мне, сказал, что меня ждали

ещё вчера, и, не останавливаясь, продолжал свою утреннюю прогулку. Скоро мы сошлись в столовой: “Я к вашим услугам”, -- сказал Лев Николаевич. Я ответил, что писать портрет ещё не думаю, а хочу только посмотреть на него, ознакомиться с его лицом и что он может устраиваться как хочет и где хочет. – “Тогда пойдёмте ко мне в кабинет, где я обычно работаю”. Толстой сел в угол, пододвинул к себе стол – у него какой-то был особенный стол, который я зарисовал, и стал вслух читать свою корреспонденцию...

Дочь Толстого Татьяна Львовна просила меня разрешить ей рисовать рядом со мной, потому что отец не хотел ей позировать. Впрочем, Л.Н. и не позировал, а начал работать, по-видимому, даже позабыв о нашем присутствии. Я набросал сангином его голову, плечи, начал было зарисовывать ноги – как вдруг Л.Н. подобрал их под себя – это, оказывается, была его любимая поза. Я раза три окликнул его, но он даже не слышал. Когда Л.Н. работал, он поднимал голову и смотрел через меня, как будто никого перед ним не было. Я до сих пор не оставил намерения нарисовать его именно в таком положении. Пробыл я у Толстого несколько дней. Закончил этот рисунок, нарисовал другой, Толстой во время игры в шахматы с Сухотиным, зарисовал его рабочий стол, другие вещи» (Мешков В.Н. Памятное. Листки из мемуаров).

Секретарь Толстого В.Ф. Булгаков вспоминал о сеансе игры в шахматы: «Когда Лев Николаевич сел с М.С. Сухотиным за шахматы, Мешков и Татьяна Львовна расположились рисовать их. “Татьяна Татьяновна” выпросила у меня карандаш и тоже уселась за стол “рисовать дедушку”. Её старший брат, гимназист Дорик, перерисовывал картинку с какой-то открытки. Я тоже уселся в углу и оттуда стал срисовывать работающего Мешкова, Льва Николаевича и Сухотина. Внезапно Лев Николаевич встал и пошёл ко мне: его партнёра вызвали зачем-то вниз. Я хоть и поспешил отодвинуть рисунок, но он увидал его; наклонился и усмехнулся, заглянув в него. Пока там изображён был лишь Мешков (или его подобие) с своей кудлатой головой» (Булгаков. 13 марта).

Заканчивая свои записи, В.Н. Мешков вспоминал: «Перед моим отъездом Л.Н. предложил мне побеседовать об искусстве, и мы говорили с ним очень долго. Просил приехать ещё. А вскоре мне стало известно, что Л.Н. ушёл из дому... Позднее я узнал, что в своём дневнике он записал обо мне: “Единственный человек, который меня ни о чём не расспрашивал, — это художник В.Н. Мешков”» (В.Н. Мешков. Памятное. Листки из мемуаров).

Н.В. Зайцева

МЕЩЕРСКИЙ Владимир Петрович (1839-1914), князь – писатель, публицист, прозаик, беллетрист, издатель-редактор газеты «Гражданин». По матери внук писателя Н.М. Карамзина. Окончил училище правоведения. С 1870 г. – в Министер -

314

стве народного просвещения. Печатался в «Русском вестнике», «Московских ведомостях» и др.

В литературу Мещерский вошёл как автор многочисленных романов. Популярными стали по преимуществу его сатирические произведения из великосветской жизни, издававшиеся иногда под псевдонимом К.В.М.: «Женщины из петербургского большого света», «Один из наших Бисмарков», «Лорд Апостол в петербургском большом свете», «Тайны современного Петербурга», «Ужасная женщина» и др. Князь Мещерский был близок к придворным сферам и правительственным кругам, что давало ему возможность оглашать в «Гражданине» факты, не проникавшие в другие органы печати.

В свою бытность в 1857 г. в Швейцарии Толстой познакомился с родителями Мещерского, имя же В.П. Мещерского Толстой упоминал в своих письмах и дневниках. 22 августа 1871 г. в письме Мещерскому (не было отправлено) он отказывался принимать участие в газете «Гражданин», мотивируя это следующим образом: «...я ненавижу газеты и журналы — давно их не читаю и считаю их вредными заведениями для произведения махровых цветов, никогда не дающих плода, заведениями, непроизводительно истощающими умственную и даже художественную почву» (61: 258). Толстой был знаком с отдельными сочинениями Мещерского, о которых отзывался положительно, в частности с его первым литературным трудом — статьёй «Россия под пером замечательного человека» (Русский вестник. 1871. № 4), представляющей собой ряд очерков (в виде писем) о пореформенной России.

11 сентября 1897 г. в газете «Гражданин» вышла статья Мещерского о намерении миссионеров отнимать детей у молокан. Статья вызвала незамедлительную реакцию Толстого. 23 сентября он обратился к Мещерскому с письмом, содержание которого просил опубликовать в газете «Гражданин»: «Надеюсь, что вы напечатаете в вашей газете сообщаемые мною сведения, сопроводив их столь же справедливыми замечаниями о противности таких мер тому христианству, которое мы исповедуем» (70: 147). Здесь Толстой рассказывал о детях, насильственно отобранных полицией у ни в чём не повинных родителей. Но, по сообщению Мещерского, письмо Толстого он получил лишь в 1913 г. и, соответственно, впервые опубликовал в «Гражданине» 11 августа 1913 г.

(№ 32). Спустя шестнадцать лет стала известна история получения им оригинала этого письма со следующими комментариями: «Издатель “Гражданина” получил от почтенного Н.А. Шахова ценный подарок: подлинное письмо на 4-х страницах гр. Льва Николаевича Толстого на имя издателя “Гражданина”, написанное в 1897 году». Местонахождение «подлинника», полученного Мещерским, неизвестно. Напечатанный в «Гражданине» текст письма Толстого отличается от текста, публикуемого в Юб. издании (т. 70).

Е.А. Игнатьева

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Николай Николаевич (1846-1888) – русский антрополог, этнограф и общественный деятель. Корреспондент и адресат Толстого. Родился в Новгородской губ. в семье инженера-путейца. Учился в Петербургском университете на отделении естественных наук физико-математического факультета. Параллельно посещал лекции в Медико-хирургической академии. По окончании курса был арестован за активное участие в студенческом движении, отчислен с запрещением поступать в другие университеты России. Продолжил образование в университетах Гейдельберга (философский факультет), Лейпцига и Иены (медицинский факультет). В 1869 г. в возрасте 23 лет представил Русскому географическому обществу программу многолетнего путешествия к Тихому океану с целью проведения комплексного изучения неисследованного района Новой Гвинеи. Проект получил одобрение. Учёный отправился к месту проведения изысканий на корвете Тихоокеанской эскадры «Витязь». В 1871-1872, 1876-1877 и 1883 гг., сумев найти общий язык с папуасами, жил и занимался антрополого-этнографической работой в Новой Гвинее, северо-восточный берег которой сейчас именуется Берегом Миклухо-Маклая. Расположил к себе туземцев ещё во время первого визита в их деревню: не владея их языком, но стремясь показать свои добрые намерения, перед вооружёнными папуасами расстелил на земле циновку и лёг спать. Со временем сблизился с ними: обучал пользоваться орудиями из металла, выращивать новые для них растения. В 1870–1880-е гг. занимался исследованиями по антропологии и этнографии населения Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании. Выступал в защиту прав папуасов против готовящегося колониального раздела Новой Гвинеи Германией и Англией. Своими статьями и публичными лекциями доказывал видовое родство различных рас и опровергал представления о том, что жители Юго-Восточной Азии и Австралии являются «низшей расой» по сравнению с евро –

пейцами. Преподнёс в дар Академии наук в 1886 г. богатейшую этнографическую коллекцию (сейчас она хранится в Музее антропологии и этнографии Петербурга). С 1887 г. окончательно обосновался в России.

В 1886 г. Миклухо-Маклай послал в Ясную Поляну две свои брошюры. Одна из них – о втором пребывании в Новой Гвинее (опубликована в «Известиях русского географического общества») — сохранилась в библиотеке писателя. Толстой ответил путешественнику письмом 25 сентября 1886 г., благодарил за брошюры, которые, по его мнению, были ценны не столько научными изысканиями, сколько наблюдениями над природой человека: «Все коллекции ваши и все наблюдения научные – ничто, в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселившись среди дикарей, водя общение с ними и воздействуя на них одним разумом... Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, -- в науке о том, как жить людям друг с другом» (63: 378–379).

Несколько обидевшись за «нападки на науку, ради которой <...> работал всю жизнь», Миклухо-Маклай 21 февраля 1887 г. отвечал, что письмо Толстого заставило его серьёзно поразмышлять над содержанием своей будущей книги и принять решение включить в её текст больше информации о жизни дикарей и ещё «многое, что прежде, т.е. до получения <...> письма, думал выбросить». «Ваше письмо сделало своё дело», — писал он Толстому (63: 381).

Эта короткая переписка, сочинения Миклухо-Маклая, а главное, его образ жизни, особенно приверженность моральным принципам произвели серьёзное впечатление на Толстого. Спустя почти десятилетие после смерти путешественника, он заметил в своём дневнике: «Читал о действиях англичан в Африке. Всё это ужасно. <...> Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать...» (53: 161). Жизнь Миклухо-Маклая представлялась писателю столь поучительной, что он долгое время планировал опубликовать популярную книгу или брошюру о нём. Такая книга появилась только в 1915 г.: Короткова Е. «Замечательный русский путешественник, друг диких Н.Н. Миклухо-Маклай». М., 1915.

Лит.: Грузинский А.Е. Лев Толстой и Миклухо-Маклай // Публичная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Сб. 1. М., 1928. С.53-56.

Е.М. Болтунова

МИЛЛЬ Джон Стюарт (1806-1873) – английский философ, логик, психолог, экономист; представитель позитивизма. Во второй половине XIX в. позитивистские идеи оживлённо воспринимались и обсуждались в России. Философия позитивизма, в т.ч. философия Милля, оказалась и в поле зрения Толстого. Примерно в течение четверти века, начиная с 1860-х гг., философские, политэкономические, этические взгляды Милля были предметом анализа писателя. Он считал подход Милля к рассмотрению явлений жизни глубоко неверным и неизменно отрицательно оценивал взгляды английского мыслителя.

В вариантах эпилога «Войны и мира» встречаются первые критические отзывы Толстого о взглядах философа. Рассматривая вопрос о свободе и необходимости и отмечая односторонность воззрений ряда современных философов и учёных на эту проблему, Толстой писал: «Только в наше время наблюдатели, призванные к разъяснению с *одной стороны*, одну сторону вопроса, могли быть приняты невежественной толпой за разрешателей вопроса. Господа Штраусы, Ренаны, Фохты, Льюисы, Милли, Литре и т.п. подобны красильщикам, которые, крася железо крыши, воображали бы себе, что они могут так хорошо окрасить крышу, что и стропила будут держаться» (15: 243).

Философия Милля получила критическую оценку и в романе «Анна Каренина», его работы читают и Облонский, и Левин, который, вникнув в содержание трудов философа, не принимает его воззрения. «В политико-экономических книгах, в Милле, например, которого он изучал первого с большим жаром, надеясь всякую минуту найти разрешение занимавших его вопросов, он нашёл выведенные из положения европейского хозяйства законы; но он никак не видел, почему эти законы, неприменимые к России, должны быть общие» (ч. 3, гл. XXIX).

В 1877-1878 гг. Толстой задумал написать философский этюд «Собеседники», изложить в диалогической форме различные точки зрения на проблемы веры и религии; действующими лицами здесь должны были стать представители религии, философии, науки. Был составлен список участников этого диалога. Одним из представителей позитивистского мировоззрения Толстой видел и Милля. Работа была оставлена, едва начавшись, нереализованным остался и замысел показать уязвимость идей позитивизма.

Критическое отношение писателя к позитивистскому пониманию основ социально-экономического бытия прозвучало

316

чало и в черновиках трактата «Так что же нам делать?», где Толстой признавался, что «смолоду ещё», «задумываясь над условиями

экономической жизни» общества, раза три обращался к таким учёным, как Милль. И всякий раз, «не дочитав всего, бросал книгу и говорил себе», что или он «глуп и неспособен, или всё, что написано в этих книгах, есть величайший вздор» (25: 634).

Полемику со взглядами Милля вёл Толстой и на страницах своего дневника. Ознакомившись с этическими воззрениями философа в его книге «Утилитарианизм» (русский перевод Л.Н. Неведомского. СПб., 1869), 5 октября 1893 г. он писал: «Милль говорит: “человечество получит большую долю счастья, когда каждый человек будет преследовать своё счастье под условием соблюдения правил и условий, требуемых для блага прочих, чем нежели когда человек поставит единственную целью благо всех прочих”». Не соглашаясь с такой формулой счастья, отстаиваемой английским философом, Толстой записал: «Это справедливо, но только при том, чтобы под благом отдельного человека разуметь его благо духовное, т.е. согласие его с волей Бога, или, проще, удовлетворение требований своей совести (разума и любви). Каждый человек пусть ищет Царства Божия и правды его, пусть в этом положит свою цель, и получится наибольшее счастье всех, но тогда выйдет то, что счастье человека будет состоять в том, чтобы соблюдать те правила и условия, при которых достигается благо всех людей. Т.е. получится то самое, что отрицает Милль» (52: 102-103).

Критически по отношению к философским и политико-экономическим построениям Милля высказывался Толстой в письмах. 19 марта 1870 г., ознакомившись со статьёй Н.Н. Страхова «Женский вопрос», он делился с автором соображениями по поводу прочитанного и дважды резко отзывался о взглядах Милля на природу общественного устройства. Аргументируя свою точку зрения на роль и место женщины в обществе, Толстой заявлял, что, размышляя над этой проблемой, не нужно «думать, что общественное устройство произошло по воле каких-то дураков и злых людей, как это думают Милли», и надо «иметь в виду не то людское общество, которое обещают нам устроить Милли и пр., а то, которое существует».

Не менее критично высказывался Толстой по поводу воззрений Милля и в письме к В.Г. Черткову 24 февраля 1885 г., где «всю эту паутину научную, спенсеро-миллевскую», откровенно называл «толчением воды» (85: 144). Столь резкое определение в адрес Милля было вызвано неприятием подхода философа к решению вопросов нравственности и общественного бытия, уводящего людей от их истинного Блага. Толстого расстраивало, что позитивистские воззрения имели в России во второй половине XIX в. колоссальное влияние на умонастроения деятелей науки и культуры.

В яснополянской библиотеке сохранились два тома «Оснований политической экономии» Милля со следами чтения Толстого (Principles

of political economy: With some of their applications to social philosophy / By John Stuart Mill. – L., 1857. - 2 vol.).

М.А. Лукацкий

МИЛОШЕВИЧ Мария Николаевна (ум. в 1924 г.) — корреспондент и адресат Толстого; дочь Н.С. Милошевича, артиллерийского офицера, сослуживца Толстого в Севастополе. В конце января 1904 г. Толстой получил из Петербурга от Милошевич письмо, где она сообщала, что в «записках о Севастопольской обороне» своего покойного отца «нашла переписанные его рукой стихи и озаглавленные “Солдатские песни, сочинения графа Л.Н. Толстого, распевавшиеся в Крымской армии”». К письму были приложены «копии этих стихов, известных в некоторой части публики», как полагала Милошевич, «более по рукописным спискам, довольно редким» в то время (списки двух песен: «Как 8-го сентября...» и «Как четвертого числа...»). Автор письма спрашивала Толстого, действительно ли это его стихи и нет ли в них «искажений против подлинника», и просила разрешения напечатать их «при записках» отца или отдельно [2: 553].

Толстой отвечал, что песни сочинил он, но они никогда не были им записаны, «а заучивались со слов и изменялись и добавлялись» (75: 43). По просьбе Милошевич Толстой просмотрел и исправил присланные списки песен. Таким образом появился авторизованный текст песни «Как четвертого числа...».

В апреле 1904 г. в газете «Новое время» началась дискуссия по поводу принадлежности севастопольских песен Толстому. И в Петербург к Милошевич 18 мая было отправлено из Ясной Поляны ещё одно письмо, дополняющее предыдущее. Толстой уточнял, что песня «Как восьмого сентября...» была сочинена не им одним, а «в сочинении её принимали участие несколько человек». В черновом варианте письма Толстой признавался: «Я так мало приписываю значения этим песням, что, отвечая вам, признал обе песни своими, тогда как, для того чтобы быть точным, я бы должен

317

был упомянуть, что в первой песне принимали участие товарищи». В письме Толстой сообщал ещё несколько поправок к тексту песни «Как четвертого числа...», сочинённой им одним. В книге отца «Из записок севастопольца» Милошевич песни не поместила и 30 мая того же года сообщала Толстому, что «намеревается печатать песни отдельным изданием и непременно с благотворительной целью». Однако при жизни

Толстого список песни Н.С. Милошевича так и не был опубликован, и только 25 ноября 1923 г. в петроградском еженедельнике «Зори» (№ 3) был напечатан текст сева­сто­польской песни «Как четвёртого числа...», возможно, по списку, правленному и возвращённому Толстым в 1904 г. Милошевич. Этот список, безусловно, один из важнейших источников текста сева­сто­польской песни. Но самого подлинника списка нет в распоряжении исследователей, и потому возникают вопросы: во-первых, можно ли гарантировать, что Милошевич в «Зорях» опубликовала именно тот текст, который авторизовал Толстой, и во-вторых, насколько точно при печатании был воспроизведён текст списка-оригинала? Вот почему при определении канонического текста песни «Как четвёртого числа...» список Милошевича был учтён, но не стал основным источником текста.

Н.И. Бурнашёва

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859-1943) — историк, политический деятель, лидер партии кадетов, депутат Гос. думы. Посетитель Толстого.

Толстой и Милюков познакомились на рубеже 1880-1890-х гг. в доме И.И. Янжула, в гостях у которого они оба бывали. В годы реакции и подавления инакомыслия собиравшийся там кружок либерально настроенных московских профессоров был одним из мест, где свободно высказывались о реалиях общественной жизни. Ближе они узнали друг друга в 1893 г.: Милюков был приглашён в Хамовники на чтение только что законченной Толстым статьи «Христианство и патриотизм».

26 января 1895 г. Толстой присутствовал на собрании либеральных общественных деятелей, где обсуждался вопрос о выражении протеста по поводу речи нового царя 17 января того же года, в которой была провозглашена преемственность консервативной политической линии Александра III. Проходившее по инициативе князя Д.И. Шаховского и под председательством Милюкова совещание не приняло никаких решений. Толстому оно показалось «напрасным» (*Гусев. Летопись. 2. С. 164*).

В 1896 г., когда Милюкова выслали из Москвы по обвинению в сношениях с Советом объединённых студенческих землячеств, Толстой писал Кони, прося помочь опальному московскому профессору (69: 26-27).

Творчество Милюкова-историка и публициста часто получало высокую оценку Толстого. Так, в 1893 г. в письме Н.Н. Страхову он похвалил статью Милюкова «Разложение славянофильства»; в годы первой русской революции Толстой читал «Очерки по истории русской

культуры» Милюкова, о которых тоже отзывался с одобрением (ЯПЗ. 2. С. 241). Однако с некоторыми идеями историка он не мог согласиться. Прочитав книгу Милюкова «Из истории русской интеллигенции» (СПб., 1902), записал в дневнике 13 декабря 1902 г.: «Напрасно думают критики, что движение интеллигенции может руководить народными массами» (54: 151).

Милюков-политик, как и многие другие политические деятели, не вызывал одобрения писателя. Либеральные представления о политической свободе были чужды Толстому, мечтавшему не о той свободе, «которую могут давать и отнимать Николай, Столыпины и большинство Пуришкевичей или Милюковых», а о той, которая «не может быть отнята никем, потому что она основана на исполнении высшего единого закона для всех людей» (56: 341). Главное для Толстого не политическая борьба, а нравственное совершенствование, которому она лишь мешает. «Пуришкевич обращает в свою партию, Милюков – в свою. Это сумасшествие! Если все люди заняты внешним, то им некогда быть занятыми внутренним» (ЯПЗ. 2. С. 581). Имя Милюкова в негативном контексте упоминалось в черновой редакции статьи «Не могу молчать» (37: 392).

Не разделяя религиозных воззрений Толстого, Милюков с большим уважением относился к Толстому-личности и писателю. В 1908 г. он входил в состав Юбилейного комитета, готовившего чествование Толстого по случаю его 80-летия.

В 1917 г. Милюков – член Временного правительства, министр иностранных дел России. С 1920 г. жил во Франции, в Париже, издавал газету «Последние новости».

30 ноября 1920 г. на собрании в Лондоне, посвящённом 10-летию со дня смерти Толстого, Милюков произнёс речь «Толстой и русский народ» (см. газету «Руль» (Берлин), 1920, 8 декабря, № 19). Подчёркивая противоречивость личности и взглядов Толстого, Милюков отмечал близость писателя к народу, ибо «Толстой выражает душу русских народных масс,

318

со всеми её недостатками и достоинствами, с её высокими стремлениями и обыденными предрассудками». В отличие от М. Горького, который, считал Милюков, близок типу пролетария, Толстой органично связан с миром русского крестьянства. Отсюда и его патриархальность, отрицание прогресса, государственности. Что же касается «созидательной стороны» народной души, то Толстой мыслил её «в терминах религии и морали. Мы мыслим её в терминах прогресса». Под словом «мы» Милюков

подразумевал русских либералов, которые, несмотря на все события революционных лет, находясь в эмиграции, всё ещё надеялись, что «народ возьмётся активно за восстановление русской государственности».

В «Последних новостях» не раз появлялись статьи о Толстом; некоторые из них принадлежали перу самого Милюкова. Так, 18 июня 1927 г. заметкой «Дочь Толстого об отце» Милюков анонсировал предстоящую лекцию Т.Л. Сухотиной. Отмечая, что «Толстовский вечер в Сорбонне будет желанным продолжением Пушкинского праздника и дней русской культуры», Милюков писал: «Пушкин и Толстой – две грани целого периода русской культуры, самого светлого и незабвенного периода всей нашей истории».

9 сентября 1928 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения писателя, «Последние новости» опубликовали немало материалов о Толстом. Милюков написал статью «Толстой и наука», вспомнив о том, как в своё время ему и ещё некоторым другим профессорам Московского университета приходилось в спорах с писателем защищать научное знание.

Позиция Милюкова по отношению к Толстому была характерна для многих либеральных политических деятелей. Безусловно признавая гениальность Толстого-писателя, его высокие нравственные качества, искренность, правдивость, Милюков не мог принять толстовское отрицание государственности, прогресса, урбанизации, демократических ценностей в политике и т.п. хрени.

Лит.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

Ю.В. Прокопчук

МИНАЕВ Иван Павлович (1840 — 1890) – учёный-востоковед, основатель русской индологической школы. Профессор Петербургского университета, член Русского географического общества. Знакомый Толстого.

В 1874-75, 1880 и 1885-86 гг. совершил три путешествия: посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал. Минаев был автором многих трудов по культуре, философии, истории и лингвистике народов Южной Азии; большой вклад он внёс в изучение буддизма.

Толстой и Минаев случайно встретились в октябре 1883 г. в Туле, около дома вице-губернатора Л.Д. Урусова. Об этой встрече сохранились любопытные воспоминания учёного: «Еду к вице-губернатору и подъезжаю, вхожу на крыльцо, звоню. Подходит какой-то старик дворовый с седой бородой и смотрит на меня. Смотрит и спрашивает:

«Который час?» — «У меня часы неверны, по петербургскому времени», — отвечает l'homme marquant <знаменитый человек. - фр.>. «Да вы кто?» — спрашивает дворовый. «Я такой-то!» — заявляет знаменитость. «Вы были в Индии? — допрашивает дворовый с седой бородой. — Как я рад Вас видеть. Я граф Лев Толстой!» (Александрова О. И.П. Минаев и Л.Н. Толстой // Русская литература. 1960. № 3. С. 202—203). В тот же день Толстой и Минаев беседовали несколько часов в номере гостиницы, где остановился учёный. Разговор шёл о буддизме. Толстого очень интересовали религиозные верования восточных народов, культура индусов. Ещё в 1877 г. он с интересом прочитал присланную Н.Н. Страховым книгу Минаева «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году». Впоследствии писатель познакомился с другими трудами востоковеда: в 1888 г. он читал его работу «Буддизм. Исследования и материалы» (т. I, вып. 1 и 2). Отправляя Толстому книгу, Страхов писал: «Посылаю Вам “Буддизм” И.П. Минаева, нашего знаменитого санскритолога. Он величайший Ваш почитатель и просит меня переслать Вам книгу» (ПСПТС. 2. С. 773).

Работы Минаева, знакомство и общение с ним помогли Толстому больше узнать об индийской культуре и религии, всегда привлекавшей внимание русского писателя.

Ю.В. Прокопчук

МИНАЕВ Никита Васильевич (1866 — или 1910) — яснополянский крестьянин. Учился в школе Толстого в 1870-е гг. Дружен был с детьми Толстых, часто бывал у них в доме. Стал известен в Ясной Поляне как книгоноша: очень хотел как-то помогать Толстому, который считал его хорошим парнем и нашёл ему дело. Вместе с дружкой Петром Егоровым они продавали книги по окрестным сёлам. Какое-то время ребята с коробом книг ходили по деревням. Но их обворовали, и дело закончилось. Впоследствии Никита покинул Ясную Поляну и жил в Туле.

(Возможно, Минаевы возвращаются в Ясную Поляну: жена нынешнего директора

319

музея-усадьбы «Ясная Поляна» В.И. Толстого — Катька Минаева, старая проститутка, родом из Тулы.)

Н.И. Шинкарьук

МИРОЛЮБОВ Виктор Сергеевич (1860-1939) – оперный певец, издатель «Журнала для всех» (1897-1906), «Ежемесячного журнала» (1914-1918) и др. периодики. Знакомый Толстого.

Журналы Миролюбова были популярными изданиями, рассчитанными на широкие демократические слои. Миролюбов издавал и серию дешёвых книжек «Библиотека-копейка». И в журналах и в книжках часто публиковались толстовские материалы, в частности выборки из писем и дневников Толстого. В «Журнале для всех» напечатала своё сочинение С.А. Толстая (под псевдонимом «Усталая»).

В молодости Миролюбов разделял толстовские религиозные взгляды, помогал нуждающимся крестьянам. Впервые посетил писателя в 1886 г. вместе с К.М. Сибиряковым и В.Ф. Орловым. Визитёры произвели приятное впечатление на Толстого.

Миролюбов посещал Толстого в 1900 г. в Хамовниках. В октябре и декабре 1902 г. издатель приезжал в Ясную Поляну. Тогда собирались праздновать двухсотлетие русской печати, был образован «Частный комитет» по устройству этого юбилея. Члены комитета составили резолюцию с требованием коренного изменения действующих законов о печати - отмены предварительной цензуры и пр. Толстой, не любивший подписывать коллективных писем и прошений, не поставил подпись под документом (54: 327).

Своё отношение к Толстому и его взглядам Миролюбов высказал на заседаниях Петербургских религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.), где обсуждался вопрос об отлучении писателя от церкви. Он выступал против отлучения, потому что Толстой приводил нерелигиозных людей к вере; предлагал «простить того, кто вызывал у миллиона людей слёзы любви» (Записки Петербургских религиозно-философских собраний. М., 2005. С. 79), в то время как церковь дошла в значительной степени до «погашения <...> любви Христовой» (там же. С. 84).

Позиция Миролюбова в отношении Толстого была характерна для представителей демократических кругов интеллигенции.

Ю.В. Прокопчук

МИСЕРБИЕВ Садо («Садо»; ум. в 1901 г.) – мирной чеченец из Старого Юрта, приятель Толстого. В 1850-е гг. служил переводчиком при полковнике Ипполитове в крепости Воздвиженской. Толстой познакомился с ним летом 1851г. Т.А. Ёргóльской 6 января 1852 г. он писал: «Нужно вам сказать, что недалеко от лагеря <лагерь близ Старого Юрта, где несколько недель жили Л.Н. и Н.Н. Толстые. - Н.Б.> есть аул, где живут чеченцы. Молодой малый чеченец Садо приезжал в лагерь и играл; он не знал ни счёта, ни записи, и были мерзавцы офицеры,

которые его надували. Поэтому я никогда не играл против него, отговаривал его играть, говоря, что его надувают, и предложил ему играть за него. Он был мне страшно благодарен за это и подарил мне кошелёк. По известному обычаю этой нации отдаривать, -- продолжал Толстой в письме тётке в Ясную Поляну, -- я подарил ему плохонькое ружьё, купленное мною за 8 рублей. Чтобы стать кунаком, т.е. другом, по обычаю нужно, во-первых, обменяться подарками и затем принять пищу в доме кунака. И тогда по древнему народному обычаю (который сохраняется только по традиции) становятся друзьями на живот и на смерть, и о чём бы я ни попросил его – деньги, жену, оружие, всё, что у него есть самого драгоценного, — он должен мне отдать; равным образом и я не могу ни в чём отказать ему. Садо позвал меня к себе и предложил быть его кунаком. Я пошёл. Угостив меня по их обычаю, он предложил мне взять, что мне понравится: оружие, коня, -- что бы я ни захотел. Я хотел выбрать что-нибудь подешевле и взял уздечку с серебряным набором, но он сказал, что сочтёт это за обиду, и заставил меня взять шашку, которой цена по крайней мере 100 рублей серебром. Отец его – человек зажиточный, но деньги у него закопаны и он сыну не даёт ни копейки. Чтобы раздобыть денег, сын выкрадывает у врага коней или коров, рискует иногда 20 раз своей жизнью, чтобы своровать вещь, не стоящую и 10 р., делает он это не из корысти, а из удачи. Самый ловкий вор пользуется большим почётом и зовётся джигит-молодец. У Садо иногда до 1000 рублей серебром, а то ни копейки. После моего посещения я подарил ему Николенькины серебряные часы и мы сделались закадычными друзьями. Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто, это стало привычкой и удовольствием. Когда я уехал из Старого Юрта, а Николенька там остался, Садо приходил к нему каждый день и говорил, что скучает и не знает, что делать без меня. Узнав из моего письма к Николеньке, что моя лошадь заболела и что я прошу подыскать мне другую в Старом Юрте, Садо тотчас же явился ко мне и привёл мне своего коня, которого он настоял, чтоб я

320

взял, как я ни отказывался. Вчера вечером я обдумывал свои денежные дела и свои долги... Сегодня утром я получаю письмо от Николеньки... он мне пишет: “На днях был у меня Садо, он выиграл у Кнорринга твои векселя и привёз их мне. Он так был доволен этому выигрышу, так счастлив и так много меня спрашивал: “Как думаешь, брат рад будет, что я это сделал?” – что я его очень за это полюбил. Этот человек действительно к тебе привязан”... И как трогательна преданность Садо,

не правда ли? Он знает о страсти Серёжи к лошадям и, когда я ему обещал взять его с собой, когда поеду в Россию, он сказал, что 100 жизней отдаст, а выкрадет в горах какого ни на есть лучшего коня и приведёт моему брату.

Шашка, подаренная Толстому Садо Мисербиевым

Пожалуйста, велите купить в Туле и прислать мне шестиствольный пистолет и коробочку с музыкой, ежели не очень дорого, такому подарку он будет очень рад». (Как в 1920-е гг. рассказывал сын Мисербиева, С.С. Мисербиев, «коробочка с музыкой», подаренная Толстым, вместе с другими реликвиями до 1918 г. хранилась в этой чеченской семье.)

1 февраля 1852 г. Толстой в дневнике записал две чеченские песни, слышанные им от Садо и Балты; песни записаны русскими буквами на чеченском языке, тут же Толстой дал их русский перевод – это первая в истории запись чеченского фольклора.

С Мисербиевым был связан драматический случай в кавказской судьбе Толстого, когда он чуть не попал в плен к чеченцам. 13 июня 1853 г. вместе с колонной (с «оказией») он направился из укрепления Воздвиженского в крепость Грозную. Колонна двигалась слишком медленно, и, когда до Грозной оставалось несколько вёрст, четверо офицеров и Садо отделились от колонны и поскакали в крепость. Вот как об этом спустя полвека, в 1908 г., рассказывал сам Толстой: «Ехали мы в Грозный, шла этот раз оказия, солдаты идут спереди и сзади, и я ехал с моим кунаком Садо – мирным чеченцем». — “И с Полторацким”, — добавила Софья Андреевна. — “И перед тем я только что купил кабардинскую лошадь – тёмно-серую, с широкой грудью, очень красивую <...> но слабую для скачек. А сзади ехал Садо на светло-серой лошади, ногайской, степной <...> очень некрасивая, но резвая. Поехали втроём. Садо мне: “Попробуй мою лошадь”, и мы пересели. И тут очень скоро после того выскочили из лесу, с левой стороны, на нас человек восемьдесят и кричат что-то по-своему. Садо первый увидал и понял. Полторацкий на артиллерийской лошади пустился скакать назад. Его очень скоро догнали и изрубили. У меня была шашка, а у Садо ружьё незаряженное. Он им махал, прицеливался и таким способом уехал от

них. Пока они переговаривались с Садо, я ускакал на лошади, а он за мной. Меня спас особенный случай — что я пересел на его лошадь» (Этот эпизод позднее запечатлён в рассказе «Кавказский пленник».) На вопрос младшей дочери: «А что Садо, он как скончался?» -- Толстой ответил: «Не знаю. Он был здоров. Может быть, он до сих пор жив. Он одних лет со мной» (ЯПЗ. 3. С. 194).

Имя Садо упомянуто в рассказе Толстого «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный». В повести «Хаджи-Мурат» кунак главного героя тоже назван Садо.

Н.И. Бурнашова

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ (1832-1909), великий князь — сын императора Николая I. С 1856 г. генерал-фельдцейхмейстер (начальник всей артиллерии), командир гвардейской Конной артиллерии. Генерал-фельдмаршал (1878). В чине генерал-майора Свиты его императорского величества участвовал в Крымской войне; в 1854-1855 гг. находился в осаждённом Севастополе.

Наместник на Кавказе (1862-1881), командующий Кавказской армией (с 1862 г.). С 1877—1878 гг. во время Русско-турецкой войны командовал русскими войсками на кавказском театре военных действий. Участвовал в подготовке военной реформы 1870-х гг.

Толстой был знаком с Михаилом Николаевичем со времён Крымской войны. В августе 1855 г. в Севастополе Толстой сочинил сатирическую песню «Как четвёртого числа...» — про сражение 4 августа на речке Чёрной под Севастополем [2: 241-242]. Песня быстро распространилась в армии, её пели солдаты и офицеры, что вызвало недовольство великого князя. В начале 1890-х гг. в разговоре с Р. Лёвенфельдом Толстой рассказывал: «Эта песня была даже роковою в моей жизни. Я имел счастье сделаться флигель-адъютантом великого князя Михаила Николаевича и был тогда в большом фаворе у начальства». Далее Толстой рассказал, как его вызвали к великому князю: «Я был страшно польщён этим и думал, что уже достиг высшей цели моего честолюбия. Великий князь объявил

321

мне, что я должен отказаться от моей должности, потому что все узнали, что именно я автор песни, где осмеивались действия князя Горчакова и других начальников. Теперь я об этом не жалею, но тогда я чувствовал себя крайне несчастным...» (цит. по: [2: 549-550]). Об этой ситуации есть запись в дневнике Толстого 7 ноября 1856 г. и о том же в письме брату

С.Н. Толстому 10 ноября: «...великий князь Михаил, узнав, что я, будто бы, сочинил песню, недоволен особенно тем, что, будто бы, я учил её солдат. Это грустно, я объяснялся по этому случаю с начальником штаба» (47: 368).

В дальнейшем Михаил Николаевич изредка упоминался в переписке Толстого (особенно в 1870-х гг.). Как о сыне Николая I Толстой писал о нём в одном из эпизодов «Хаджи-Мурата».

Толстой был хорошо знаком с сыном Михаила Николаевича — великим князем Николаем Михайловичем, историком.

В.М. Бокова

МИХАЙЛОВ Константин Анемподистович (1863-1931) — художник, сын столяра императорских московских театров; преподаватель рисования в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, затем в Реальном училище Мазинга, в Николаевском сиротском институте. Единомышленник, корреспондент и адресат Толстого, считавший его своим «духовным отцом».

С Толстым Михайлов познакомился в середине 1890-х гг. Нередко бывал в Ясной Поляне и в московском доме Толстых.

12 апреля 1901 г. Толстой отметил в записной книжке: «Был Михайлов. Хороший разговор с ним» (54: 246). Художник приезжал и в Гаспру: 29 ноября 1901 г. Толстой записал в дневнике, что «приятное было сближение с Михайловым» (54: 113). Он был одним из того «большинства посетителей», которых Д.П. Маковицкий называл «людьми партийными, политизирующими» (ЯПЗ. 2. С. 11). Особенно это было заметно в годы первой русской революции.

В 1900 г. П.А. Буланже собирался издавать при участии Толстого «еженедельный, иллюстрированный, литературно-политический и научный журнал» «Утро» в духе толстовского мировоззрения. Художественный отдел журнала должен был возглавить Михайлов (журнал не состоялся).

Иногда Михайлов помогал Толстому: по поручению писателя отвечал на письма, присылал необходимые для работы книги (о Хаджи-Мурате), в мае 1902 г. предлагал свои услуги по работе в Румянцевском музее над материалами к «Хаджи-Мурату».

Толстой советовался с художником «о сказках, легендах, какие бы годились в “Круг чтения” для детей». Михайлов рассказывал те, что знал. Знал их и Толстой; он сокрушался, что «мало хороших сказок для детей в литературе мира, да и те плохи, надо их все переделывать» (ЯПЗ. 2. С. 450).

В письмах Толстого чувствуется его тёплое отношение к Михайлову. По случаю смерти его матери (А.П. Михайловой) Толстой писал ему:

«Узнав о вашем горе, я сильнее почувствовал мою любовь к вам» (73: 310).

А.А. Аленина

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович (1842-1904) — литературный критик, публицист, один из идеологов народничества. Сотрудник журналов «Отечественные записки» (1868-1884), «Северный вестник», «Русская мысль», идейный руководитель «Русского богатства» (1892-1904).

Михайловский сам себя характеризовал так: «Я не романист, не критик, не публицист, а всего понемножку, “вперемежку”» (ПСС. Т. 4. СПб., 1909. С. 210-211). Писать «вперемежку», допуская большие отступления от заданной темы, обсуждая сразу философские, социологические, исторические и другие вопросы, — характерный стиль его работ; художественные произведения всегда рассматривались в очень широком контексте. Считая литературу «единственным органом выражения русской мысли», Михайловский с этой позиции рассматривал и творчество Толстого-писателя, «равного которому нет ни в одной из современных литератур, даже самых богатых» (Литературные воспоминания. СПб., 1900. Т. 2. С. 311).

Поводом для первой и главной статьи о Толстом был спор писателя с педагогами о методах обучения грамоте. В 1874 г. Толстой предложил «Отечественным запискам» статью «О народном образовании», она была напечатана в № 9. Толстой надеялся, что журнал внесёт «надлежащий свет в педагогическую распрю», писал Михайловский: «Я взял на себя труд познакомиться с делом, и мы обменялись по этому случаю с гр. Толстым несколькими письмами» (там же. Т. 1. С. 200; письма не сохранились). В 1881 г. состоялось очное знакомство, позднее Михайловский несколько раз бывал у Толстого в Москве. О встречах у обоих остались разные впечатления. «Это был один из приятнейших собеседников, каких я когда-либо встречал», — писал Михайловский (там же. С. 214). Толстой же в письме Н.Н. Страхову

322

24-25 ноября 1881 г. сообщал: «Познакомился я с Николаем Михайловским. Я ожидал большего. Очень молодо, щеголевато и мелко». Михайловский согласился изучить педагогические сочинения Толстого не из-за интереса к теме, а «в качестве горячего почитателя гр. Толстого как художника» (там же. Т. 1. С. 200). Так появились в «Записках

профана» разделы «Десница и шуйца Льва Толстого» за подписью Н.М. (Отечественные записки. 1875. № 5-7). Толстой читал эти статьи (в переработанном и сокращённом виде они составили одноимённую статью, вошедшую в первый том «Критических опытов», СПб., 1887).

Педагогическая тема лишь затронута критиком (поддержавшим Толстого-учителя), главное в статье — оценка художественного творчества писателя. В его таланте критик выделил две важнейшие черты: «правдивость изображения действительности, как она есть, без прикрас и урезок», и оценка её в свете нравственного идеала. Именно их слитность и порождает «красоту, разлитую в произведениях гр. Толстого» (Литературные воспоминания. Т. 2. С. 314).

Десница (правая рука) и шуйца (левая рука) — так критик обозначил сильную и слабую стороны писателя. Это «два разные человека, имеющие очень много общего между собой, сидят в гр. Толстом» (Критические опыты. Т. 1. С. 204). Беспощадный, совестливый художественный реализм — десница Толстого, «свежая и здоровая часть его воззрений», заставившая его порвать с ценностями и представлениями господствующего класса. Его шуйца — односторонность и непоследовательность в оценках общественных явлений, страх перед фактами, где он видит «какую-то таинственную и непреодолимую мощь и силу, которым нельзя и не следует противиться ни словом, ни делом, ни помышлением». Следствием непомерно разросшейся шуйцы явилась теория непротивления злу насилием, против которой, как и против «толстовства» в целом, резко выступал критик.

Нелестно отзывался Михайловский о народных рассказах как обилии фантастических образов, иллюстрирующих моральные сентенции. Вместо жизненной правды писатель несёт народу «всякую чертовщину и таинственность, чего в жизни не бывает» (*там же*. С. 159). В то же время творчество Толстого Михайловский рассматривал как неразложимое целое, не противопоставляя художника мыслителю: художественные произведения несут печать его теоретических исканий. Так, «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях...» лучше передаёт суть теории непротивления злу, чем изложение её основных положений.

Душевная драма Толстого порождает постоянные столкновения десницы и шуйцы, запутанность мысли, «философские кляксы», особенно заметные в философско-исторических рассуждениях в «Войне и мире». И силу и слабость Толстого Михайловский видел в том, что нравственные вопросы в каждом конкретном случае он рассматривал, не выходя за пределы собственного восприятия мира. Творчество Толстого соткано из плюсов и минусов. Не надо быть пророком, уверял Михайловский, чтобы предсказать, какие из знаков со временем отпадут.

Соч.: Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. - М., 1995.

Лит.: Слинко А.А. Н.К. Михайловский и русское общественно-литературное движение второй половины XIX - начала XX века. - Воронеж, 1982.

В.А. Скиба

МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Иванович (1790 — 1848) – военный историк. Участник Отечественной войны 1812 года: вступил добровольцем в Петербургское ополчение, стал адъютантом начальника ополчения М.И. Кутузова, а потом, при назначении Кутузова главнокомандующим, остался при нём. Участвовал в Бородинском сражении, в сражении под Тарутином (был ранен), в Заграничных походах 1813-1814 гг. Во время летнего перемирия 1813 г. вступил в так называемый Рейхенбахский кружок военных историков, возглавляемый Ф.Н. Глинкой, где обсуждались будущие исторические труды об Отечественной войне.

Во время войны Михайловский-Данилевский служил на штабных должностях, с 1814 г. в гвардейском Генеральном штабе. Сопровождал Александра I на Венский и Ахенский конгрессы, о чём оставил «Записки». В 1822 г. в чине генерал-майора перешёл в армию командиром бригады. С воцарением Николая I, не надеясь «ужиться» с ним, вышел в отставку, но с началом Русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. вернулся на службу. В 1831 г. участвовал в Польской кампании.

В юности Михайловский-Данилевский был либералом, близким к декабристам, хотя и не разделял их революционных идей, но с возрастом постепенно перешёл на умеренные охранительные позиции. Одновременно возникла ориентация его суждений на мнения императора и его окружения.

323

Уже с 1814 г. Михайловский начал собирать документы и материалы о Наполеоновских войнах, в первую очередь об Отечественной войне 1812 года, и помещать в различных журналах статьи и заметки о событиях и участниках войны.

В 1835 г. по повелению и под личным контролем Николая I он начал работу над большими сочинениями по русской военной истории. Предварительно историк собрал и обработал огромное количество источников. Много воспоминаний участников и свидетелей войны было написано по его непосредственной просьбе. Ему был открыт доступ во все

гос. и местные архивы, к материалам Главного штаба, Комитета министров, Сената, Министерства иностранных дел, даже к личным бумагам императора Александра I. Этим объясняются насыщенность исторических трудов Михайловского-Данилевского фактами, подробностями, яркими деталями, обстоятельность и подробность изложения им событий. Историк создал «Описание Отечественной войны в 1812 году» (ч. 1—4, 1839), «Описание похода во Франции в 1814 г.» (ч. 1-2, 1836), «Описание войны 1813 года» (ч. 1-2, 1840), «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г.» (1844), «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 т» (1846) и др. работы. Некоторые из перечисленных книг неоднократно переиздавались и все имели большой и вполне заслуженный успех (хотя, конечно, были и критические отклики). Читателей привлекали живость изложения, слог, ориентированный на исторические сочинения Н.М. Карамзина, романтически приподнятые и порой идеализированные характеристики.

Д.В. Давыдов писал А.С. Пушкину: «...я обозрением его 1814 г. довольно доволен. Происшествия изложены ясно, есть в нём документы неизвестные; конечно, ни одно выражение *не берёт на штыки* читателя, зато всё сочинение проникнуто тёплой любовью к России, что для меня, варвара, человека без примеси русского, Бог знает как усладительно...» (Пушкин А.С. ПСС. М., 1949. Т. 16. С. 194).

Уже к 1840-м гг. военные труды Михайловского-Данилевского стали считаться современной классикой. Их широко использовали как учебное пособие в школах и университетах, в военно-учебных заведениях. Их высоко оценивал В.Г. Белинский.

Книги Михайловского-Данилевского не утратили своей ценности и донныне и имеют большое научно-справочное значение.

В идеологическом отношении его труды ориентировались на «теорию официальной народности», что было естественно в то время. Это выразилось, в частности, в возвеличении роли Александра I как вождя и вдохновителя побед; в изображении войн с Наполеоном как личной борьбы Александра и Наполеона, в результате которой были восстановлены «наследственные престолы» и политическое равновесие в Европе; в трактовке Отечественной войны как верноподданнического «подвига», когда «вся Россия устремилась к оружию <...> по гласу монаршему», «мысли всех соединились в общем порыве - отстоять целостность государства. Но главным двигателем было дворянство» (Описание... 1814. Ч. 1. 1836, предисл, С. 1; Описание... 1812. Ч. 2. 1839. С. 41-42, 62).

По требованию Николая I и военного министра А.И. Чернышёва были сглажены подчас резкие критические высказывания в адрес отдельных генералов и умерены похвалы М.И. Кутузову, на которые Михайловский-

Данилевский не скупился. Вместе с тем историк учитывал внутривосточную конъюнктуру и личные симпатии и антипатии императора, что заставило его преувеличить военные заслуги влиятельных при Николае лиц (в частности Чернышёва) и замолчать заслуги опальных генералов (в частности А.П. Ермолова), что вызвало потом со всех сторон обвинения по адресу Михайловского-Данилевского в «лакействе» и «холопстве».

Толстой хорошо знал и широко использовал произведения историка, считал их «даровитыми» (15: 88). Впервые он познакомился с его работами ещё на Кавказе, и в рассказе «Набег» уже звучит оппозиция автору. Но без сомнения труды Михайловского-Данилевского стали одним из основных источников для Толстого при работе над Александровской эпохой. В ранних редакциях «Войны и мира» он не только следовал за историком в общей трактовке исторических событий (в частности в описании предыстории Аустерлицкого сражения), но и широко цитировал его. В окончательном тексте романа влияние трудов Михайловского-Данилевского меньше, хотя в ряде эпизодов (разговор Александра с Кутузовым в начале Аустерлица, разговор Балашёва с Наполеоном и др.) приводимые им диалоги помещались Толстым почти дословно. В сцене атаки со знаменем и ранения князя Андрея Толстой также использовал рассказанный историком эпизод, героем которого был зять Кутузова Ф.Ф. Тизенгаузен, так же, как князь Андрей, пытавшийся переломить ход сражения и погибший со знаменем в руках.

В.М. Бокова

МИХЕЕВ Иван Егорович (1863 - 1894) – яснополянский крестьянин, учился в школе Толстого в 1870-х гг. Его детей крестили Илья и Мария Толстые. Иван 31 года умер от чахотки. Толстые помогали семье постоянно. Пришлось Толстому ещё хлопотать о смягчении наказания вдове Ивана за то, что незаконнорождённого ребёнка бросила в пруд. Дети в доме остались одни. Она отбывала срок с грудным младенцем. Нанимал Толстой известных московских адвокатов В.А. Маклакова и Ф.Н. Плевако.

Н.И. Шинкарьук

МОЛОСТОВА Зинаида Модестовна (1828—1897) — дочь отставного гвардии поручика М.П. Молостова; подруга М.Н. Толстой по Родионовскому институту благородных девиц в Казани, внучка казанского губ. предводителя дворянства П.Л. Молостова.

Молостовы — древний дворянский род, казанские старожилы и аристократы. М.П. Молостов был крупным помещиком. В начале 1840-х

гг. ему принадлежало более 4740 десятин земли и 712 крепостных душ мужского пола.

Молостцова провела детство в селе Три Озера, родовом имении семьи. После смерти отца её отдали частной пансионеркой в Родионовский институт благородных девиц, который она окончила в январе 1846 г. в составе первого выпуска института. «Во уважение отличных успехов и примерного поведения» Совет института наградил её книгою на французском языке М.А. Théry. По воспоминаниям дочери, Е.Н. Молостцовой, её мать «училась очень хорошо, соединяя в себе способности с исключительной любовью к знанию и постоянным стремлением к совершенствованию. Юмор в ней шёл об руку с глубоким умом и горячим сердцем» (Шохор-Троцкий К.С. Казанские знакомства Толстого // Великой памяти Л.Н. Толстого. Казанский университет. Казань, 1928. С. 110).

З.М. Молостцова

Современники отмечали, что Молостцова не блистала внешней красотой, но была «удивительно стройна, обаятельна и интересна» (Ватаци М.П. Быль минувшего // Исторический вестник. СПб., 1913. Т. 132. № 5. С. 431), «отличалась миловидностью и грацией. Она была умна и остроумна. Её наблюдения над людьми всегда проникнуты были юмором, и в то же время она была добра, деликатна по природе и всегда мечтательно настроена» (Мертваго А.П. Первая любовь Толстого // Утро России. 1911. № 134).

Толстой познакомился с Молостовой зимой 1845-1846 гг. Они встречались на балах и вечерах в доме у начальницы Родионовского института Е.Д. Загоскиной, в самом институте, в доме Толстых (Юшковых), где «её очень любили и отличали от других» (Шохор-Троцкий. С. 111). Она, по-видимому, интересовалась Толстым.

Последний раз Толстой виделся с Молостовой по пути на Кавказ. Он пробыл в Казани со 2 по 9 мая 1851 г. Загоскина каждый день устраивала катанья в лодке в Зилантов монастырь, в парк «Русская Швейцария», расположенный на высоком левом берегу реки Казанки (ныне Центральный парк им. М. Горького). Об одной из таких прогулок, в Архиерейском саду, с особой теплотой вспоминал Толстой. Перед отъездом из Казани он был на балу у Депрейсов и почти все мазурки танцевал с Молостовой, в которую был влюблён. Это юношеское увлечение вызывало у Толстого поэтическое чувство и отразилось в дневниковой записи 8 июня 1851 г.: «Мои отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу. Но, может быть, ты сомневаешься, что я тебя люблю, Зинаида, прости меня, ежели это так, я виновен, одним словом мог бы я тебя уверить. <...> Я не оставлю своих планов, чтобы ехать жениться на ней, я не доволен убеждён, что она может составить моё счастье; но всё-таки я влюблён». «Грустным воспоминанием о прошедшем юношеском увлечении» стало стихотворение Толстого «Давно позабыл я о счастье...» (Бурнашёва Н.И. «...Пройти по трудной дороге открытия...»: Загадки и находки в рукописях Льва Толстого. М., 2005. С. 121-124).

В письме Бирюкову 27 ноября 1903 г., отвечая на вопрос о своих «любвях», Толстой упомянул и Молостову, заметив: «Любовь эта была в моём воображении. Она едва ли знала что-нибудь про это». В 1904 г. Толстой вспоминал, что в Казани испытал к Молостовой «поэтическое чувство влюбления, которое он, как всегда, по своей застенчивости, не решился выразить и которое он увёз с собой на Кавказ». «Ощущение, испытанное в Казани молодым Толстым, — “опьянён Зинаидой” — на всю жизнь запечатлелось в памяти, перешло

325

в художественный образ и прошло через многие произведения писателя» (Бурнашёва. С. 125): незавершённый рассказ «Святочная ночь», романы «Война и мир», «Воскресение». «В рассказе “После бала” (1903) главная его героиня Варенька Б., танцующая на балу, отчасти напомним З. Молостову» (там же).

С.А. Фролова

МОЛОЧНИКОВ Владимир Айфалович (1871-1936) — новгородский слесарь; единомышленник, знакомый, корреспондент и адресат Толстого.

«Мне было 20 лет, когда Л.Н. Толстой начал влиять на мою жизнь, — писал Молочников в воспоминаниях. — Кормился я уже тогда самостоятельно, независимо, маленьким хозяйством — слесарной работой в Новгороде» (Молочников В.А. Свет и тени // Толстой и о Толстом. Новые материалы. Сб. 3. М., 1927. С. 55). Влияние на него Толстого началось с чтения романа «Война и мир». «Весь свой досуг я отдавал этой дивной книге, — вспоминал Молочников. — Она слила меня с русским народом, со всем миром и несколько раскрыла мне мою же душу» (там же. С. 56).

Он родился в г. Старая Русса в бедной еврейской семье, рано потерял отца и с 13 лет начал сам зарабатывать себе на хлеб. В 22 года принял православие, по его словам, под влиянием сочинений Толстого «Послесловие к “Крейцеровой сонате”» и «Анна Каренина». Однако вскоре он разуверился в том, что называл «церковной верой». Тогда же знакомые революционеры стали снабжать его запрещёнными сочинениями Толстого. Молочников читал «Письмо к фельдфебелю», «Не убий», «Ответ Синоду» и в своём воображении часто разговаривал с Толстым, писал ему письма. В ноябре 1895 г. он всё же решился написать Толстому. По поручению писателя ответила и прислала фотографию его дочь, Т.Л. Сухотина. Настоящая переписка с Толстым началась в 1906 г., когда Молочников, имея лучшую слесарную мастерскую в Новгороде, решил оставить её семье и отправиться с походной мастерской по деревням. Уже знакомый с теорией Г. Джорджа о «едином налоге», он в глубине души надеялся научить крестьян тому, как правильно вести хозяйство, но вскоре понял, что ему и самому далеко не всё ясно в практическом применении этой теории. Зная, что Толстой горячий сторонник теории Джорджа, Молочников написал ему о своих сомнениях. Через две недели пришёл ответ: «Дело только в том, что для достижения этого Царства Божия есть только одно, самое могущественное средство, то самое, которое вы говорите: делать своё дело — прежде всего вокруг себя, в том положении, в котором находишься, если только можешь продолжать находиться в этом положении, и не участвовать во зле. Этим я или, скорее, вы сами отвечаете на ваше предположение внешним образом изменить свой образ жизни. Я бы скорее советовал вам работать над собой, оставаясь в прежних условиях» (24 сентября 1906 г.). Письмо это не только убедило Молочникова остаться дома, но и определило для него главную цель: «Всё значение этого письма я понял только позднее, как и почти все письма Толстого опережали моё понимание, — писал он. — <...> В те дни, в

начале первой русской революции, меньше всего думали о работе над собой» (Молочников. Свет и тени. Сб. 3. С. 61). Потребность делиться со всеми тем, что открылось ему самому, порой приводила Молочникова к тому, что он давал запрещённые книги самым неподходящим для этого людям. Так однажды он дал статьи Толстого знакомому полицмейстеру. Вскоре к нему домой пришли жандармы во главе с тем самым полицмейстером и произвели обыск, в результате которого было заведено судебное дело. В тот день, когда по приглашению Толстого он собирался в Ясную Поляну, его вызвали к следователю, но он не отложил поездку и 30 декабря 1907 г. впервые встретился с Толстым. Незадолго до этой встречи под впечатлением рассказа Толстого «Божеское и человеческое» Молочников написал письмо председателю Совета министров П. А. Столыпину, в котором пытался убедить его прекратить террор и провести аграрную реформу по системе Г. Джорджа. Идея письма была очень близка Толстому, и он горячо хвалил его окружающим (Толстой с теми же вопросами неоднократно обращался к Столыпину). «В самом счастливом состоянии духа уехал я из Ясной Поляны, - вспоминал Молочников. - Мне казалось, что с этого дня начался новый поворот в моей внутренней жизни» (там же. С. 75). Отец шестерых детей, он в мае 1908 г. был приговорён к году заключения в крепость за распространение запрещённых сочинений Толстого. Писатель хлопотал за него перед властями, хотел выступить на суде его защитником, утверждал, что судить должны его самого, а не его единомышленников. 18 мая он отправил в газету «Русь» письмо, в котором говорилось: «Опять и опять совершается это удивительное дело: мучают и разоряют людей, распространяющих мои книги, и оставляют в покое меня, главного виновника не только распространения,

326

но и появления этих книг». Письмо это впоследствии было переработано в статью «[По поводу заключения В. А. Молочникова]». Но обвиняемый отказался от какой-либо защиты и от адвокатов. Н.Н. Гусеву, сообщившему о желании Толстого выступить в его защиту, он писал 20 апреля 1908 г.: «Если я только достоин этого, я готов с радостью терпеть лишения за наши идеи. Знаю, что ещё не одно зерно упадёт и не одно погибнет, пока учение Иисуса, воскрешённое Толстым, принесёт плоды. <...> Поблагодарите за меня Льва Николаевича, за его тёплое отношение ко мне. Я считаю за счастье, это трогает меня, но всё-таки не нужно ему беспокоиться и тратить на это энергию» (ОР ГМТ). Всё время заключения Толстой поддерживал его своими письмами, помогал материально его семье. 25 февраля 1909 г. он писал Молочникову: «Получил ваше

последнее письмо, милый Владимир, и поражён той кипучей жизнью, которая идёт у вас в тюрьме. Да, “всё в тебе”, как говорил Сютаев. Человек живёт, казалось бы, в центре движения и один - и человек в одиночном заключении - и в общении с всем миром». Толстому были дороги в Молочникове те черты, которые он особенно ценил в людях и которые старался развивать в себе: любовь к противникам, терпимость, способность жить в согласии со своими убеждениями: «Особенно понравилось мне в вашем письме это строгая простота и правдивость. Помогай вам Бог оставаться в том же духовном состоянии, главное, прощать тех, кто вас мучит» (13 мая 1908 г.). Вскоре после освобождения Молочникова Толстой писал ему 16 июня 1909 г.: «Радуюсь на то, как энергично вы работаете и во внутреннем мире – в себе, никогда не забывая этого, и вовне. Радуюсь, когда подумаю, что после меня – время моё близко – останутся такие люди, как вы, и, слава Богу, много таких друзей». В 1910 г. против Молочникова было возбуждено новое дело по обвинению в агитации среди солдат к отказу от военной службы и хранении запрещённых сочинений Толстого. Он провёл в заключении три месяца и на этот раз не стал отказываться от помощи. Положение его семьи было бедственным, после смерти двух дочерей, разорения семьи из-за судебных процессов, увольнения с работы сына тяжело болела жена, дом был продан. По просьбе Толстого в его защиту выступили крупнейшие адвокаты В.А. Маклаков и Н.К. Муравьёв, и он был выпущен из тюрьмы.

Молочников всегда оставался верен своим убеждениям и не боялся их высказывать. Он вёл активную жизнь, всегда поддерживал отношения с единомышленниками, принимал участие в их судьбе, издавал газету «Новгородская жизнь». В 1918 г. он писал Ленину, убеждая его остановить кровопролитие, раздать землю крестьянам и внимательно прочитать статьи Толстого о земельной собственности и др. Тогда же в письме в Новгородский совет депутатов он называл революцию «заменой одной деспотии на другую» (*ОР ГМТ*). Он писал письма Сталину, Троцкому, Луначарскому и др., открыто критикуя происходящее. Будучи хозяином слесарной мастерской, он жил с семьёй в подвале и тратил все деньги на создание «Уголка Толстого». Для этого «Уголка» Молочников построил специальный павильон во дворе своего дома. В 1923 г. он писал о своём замысле Гусеву: «Там будет библиотечка, там будет иметь отдых прохожий или приезжий друг. Там будут беседы. Для достройки продаю всё лишнее. Скоро у меня нечего будет продавать и будет хорошо» (*ОР ГМТ*). В «Уголке», созданном Молочниковым целиком на свои средства, были выставлены бронзовые и мраморные скульптуры И.Я. Гинцбурга, Н.Н. Ге, М.М. Антокольского, архивные материалы, книги и др. уникальные экспонаты. В 1927 г. Молочников подарил этот «Уголок» ГМТ. В том же году его вновь арестовали, и, хотя через две недели

освободили, всё имущество было назначено к конфискации. За Молочникова вступились друзья - Гусев, Чертков, Муравьев и др., но его не оставляли в покое. Имущество было конфисковано, музей после многочисленных судов с трудом удалось отстоять в пользу Главнауки. Гусеву он писал о том, что причина всего была не столько в собственной мастерской, сколько в неугодном властям Толстовском уголке. Он понемногу зарабатывал слесарным делом, жил в подвале и безвозмездно служил хранителем Уголка. 1 января 1935 г. Молочникова вновь арестовали. После десяти месяцев тюрьмы он был сослан на три года в Архангельск, где через несколько месяцев тяжело заболел и скончался. Коллекции Молочникова пополнили фонды нескольких музеев страны. О том, какие отношения связывали Толстого с его искренним последователем, рассказывают более 40 его писем к Молочникову (1906 – 1910 гг.). Так, 23 июля 1910 г. Толстой писал ему в тюрьму: «...ваши письма всегда хватают меня за сердце. Они такие хорошие, простые, правдивые, сильные. Я вижу в них вашу душу и, как ни странно это сказать, любя её, боюсь за неё, как боишься за человека, который поднялся очень высоко».

Ю.Д. Ядовкер

327

МООД Эйльмер (Maude Aylmer; 1858-1938) – английский переводчик, издатель, биограф, корреспондент и адресат Толстого. С 1874 г. жил в России. В 1884 г. женился на Луизе Шанкс, много лет прожившей в России, одна из её сестёр, Мэри, была знакома с Толстым, иллюстрировала его рассказ «Где любовь, там и Бог». В 1888 г. познакомился с Толстым, был последователем его учения. Особенно часто встречался с Толстым в 1895-1897 гг. Под влиянием религиозно-философских взглядов писателя решил оставить в России своё успешное дело по покупке и продаже ковров и переехать в Англию, где поселился с семьёй в земледельческой колонии Purleigh, на ферме Wickham's. Одно время Моод и его жена оказывали существенную материальную поддержку колонистам и пропагандировали учение Толстого. В 1898 г. уехал в Канаду, участвовал в организации переселения духоборов, вёл переговоры с канадским правительством. Несмотря на разочарование в общинном движении, Моод никогда не переставал восхищаться Толстым, при этом критически воспринимая его мировоззрение.

Супруги Э. и Л. Моод являются одними из первых и лучших английских переводчиков Толстого. Художественные произведения в основном переводила Луиза Моод, Эйльмер занимался философскими

сочинениями. В тесном контакте с Толстым в 1899 г. Э. Моод перевёл трактат «Что такое искусство?». Толстой писал Мооду в 1898 г.: «Лучшего переводчика я не желаю и по вашему знанию обоих языков и по вашей строгости к себе во всяком случае» (71: 520). В 1898 г. Э. и Л. Моод приступили к переводу романа «Воскресение». В 1902 г., приехав в Россию, Моод получил от Толстого разрешение на написание его биографии. Двухтомная биография «The Life of Tolstoy» («Жизнь Толстого») была опубликована в Англии в 1908 и 1910 гг. Последние годы жизни супруги Моод посвятили подготовке Полного юбилейного собрания сочинений Толстого на английском языке в 21 т. (Oxford University press, 1928-1937). Моод организовал кампанию по сбору средств на издание, в ней приняли участие Б. Шоу, А. Беннетт, А. Конан Дойль, Г. Уэллс и др.

В яснополянской библиотеке сохраняются издания сочинений Э. Моода, а также переводов Э. и Л. Моод сочинений Толстого.

Г. В. Алексеева

МОПАСАН Ги де (1850-1893) – французский писатель. За одиннадцать лет литературной деятельности Мопассан написал шесть романов, более трёхсот новелл, три книги путевых очерков, публиковал стихотворения, пьесы, критические статьи. Поражённые щедростью его таланта, современники не успели вдуматься в его сочинения, как писателя не стало.

Толстой был одним из тех, кто познакомился с творчеством Мопассана с первых его шагов в литературе и сумел по-настоящему оценить его. Несколько лет спустя после чтения первого сборника рассказов («Заведение Телье», 1881 г.) Толстой вспоминал: «Настоящий талант сейчас чувствуется. Бьёт в нос, как air fixe. Как когда пьёшь сельтерскую воду из только что откупоренной бутылки... Вот так мне прямо в нос ударил талант Гюи де Мопассана, когда я в первый раз прочёл его рассказы» (Слова Толстого, записанные С.А. Стахович // Толстой и о Толстом. М., 1924. С. 66).

В библиотеке Толстого в Ясной Поляне хранятся сочинения Мопассана на французском и русском языках. Это парижские издания, вышедшие при жизни их автора в 1885-1889 гг. и после его смерти в 1893 – 1904 гг. Среди них сборник 1888 г. под названием «Лунный свет», объединяющий семнадцать новелл. В нём пометы Толстого. В оглавлении поставлены оценки по пятибалльной системе. Оценки, очевидно, ставились писателем при отборе рассказов для перевода на русский язык с целью ознакомления широкого круга читателей с произведениями Мопассана.

Среди отобранных для народного чтения и отмеченных баллом «5+++» — рассказ «В порту». Жестокая правда рассказа потрясла Толстого, он сам взялся его переводить на русский язык. Этот рассказ в переводе Толстого под названием «Франсуаза» был опубликован в газете «Новое время» 5 февраля 1891 г. и потом, им же переработанный, включён в «Круг чтения» под названием «Сёстры».

В яснополянском кабинете писателя до сих пор хранится сборник новелл Мопассана «Разносчик» (Париж, 1909). Его перечитывал Толстой перед уходом из Ясной Поляны в ночь на 28 октября 1910 г. и, не дочитав, оставил открытым на рассказе «Каверза». В тот же день 28 октября со станции Козельск он в письме к дочери просил прислать ему недочитанный томик Монтеня, второй том «Братьев Карамазовых» Достоевского и роман Мопассана «Жизнь». Последний Толстой перечитывал уже в который раз, считая его не просто «превосходным романом» и «не только несравненно лучшим романом Мопассана, но едва ли не лучшим французским романом после "Misérables" <"Отверженных". — И.Г.> Гюго» (30: 7).

328

В 1890 г. Толстой работал над трактатом «Царство Божие внутри вас», где одной из центральных проблем стала проблема войны. Из книги очерков Мопассана «На воде» он приводил несколько страниц с гневными высказываниями их автора об ужасах и бессмысленности войн. Толстой вернулся к этому сборнику в период Русско-японской войны, работая над статьёй «Одумайтесь!», выбрав из него один из эпиграфов к этой статье.

Сочинения Мопассана в русском переводе, хранящиеся в библиотеке Толстого, — это выпуски «Посредника» и типографии Товарищества И.Н. Кушнерёва 1893 — 1894 гг., отобранные и просмотренные Толстым. Роман «Монт-Ориоль» и сборник рассказов «На воде» предваряло «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана» Толстого, в котором он с болью писал о трагической судьбе Мопассана, не сумевшего до конца раскрыть свой богатейший талант: «Трагизм жизни Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безнравственности среде, он силою своего таланта, того необыкновенного света, который был в нём, выбивался из мировоззрений этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, истратив на эту борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освободившись» (30:22).

Лит.: Грызлова И.К. Произведения Мопассана в личной библиотеке Толстого // *ЯП. сб.* 1992. – Тула, 1992.

И.К. Грызлова

МОРАВОВ Александр Викторович (1878-1951) – художник, профессор живописи, действительный член Академии художеств. Иллюстрировал книги «Куколки-скелетцы» и другие рассказы С.А. Толстой. По её приглашению с 1 по 8 ноября 1909 г. был в Ясной Поляне, написал портрет Толстого в кабинете за работой. О необычности приглашения художник вспоминал: «Приезжайте к нам на иней. Знаете, когда я уезжала из Ясной, у нас было так волшебно красиво в парке и уже совсем зима. Пейзаж очаровательный, а вот в Москве ещё нет настоящей зимы...» Гостя разместили в нижней библиотеке. Утром следующего дня он впервые увидел Толстого, входящего в дом после ранней прогулки: «...в передней открылась наружная дверь, и передо мной уже стоял Л.Н., весь засыпанный снегом, с поднятым башлыком, в каком-то старом пальто и валенках... и такой простой, обаятельный, родной русский старик из деревни. Я с волнением приветствовал его. “А, знаю, знаю вас, ваши рисунки хороши, и Софья Андреевна огорчена, что такие хорошие рисунки будут сделаны к её плохим рассказам» (*Толстой и художники. С. 342, 343*).

«Уклад жизни яснополянского дома был очень простой и свободный. И хозяева и гости чувствовали себя независимо», -- вспоминал Моравов. Отправившись по совету Толстого на прогулку по яснополянскому парку, он захватил с собой альбом и сделал несколько набросков яснополянского дома, «деревя бедных». «До позднего времени в столовой шла разнообразная жизнь. Иногда Л.Н. играл с гостями в шахматы и в винт. Причём в винт играли по небольшой ставке. Помню, как один раз одна гостя, петербургская дама, всё проигрывала и ужасно злилась, а Л.Н., умирая от смеха, спокойно клал себе в кошелек выигрыш» (там же. С. 345).

Н.В. Зайцева

МОРИ Огай (наст. имя: Ринтаро; 1862 - 1922) – крупнейший писатель Японии Нового времени, военный врач (генерал-лейтенант); переводил произведения Толстого и писал о нём. «Вся жизнь Огая определяется Толстым», – писал японский толстовед Хоккио Кадзухико.

Мори буквально «разорван» между двумя мирами – Японией и Западом. В молодости, изучая в Германии гигиену, он был потрясён искусством и наукой Запада, но, возможно, более значимым для его мировоззрения стало событие личного плана – «роковая» любовь к

немке. Неизвестны подробности этих отношений, но Мори уехал на родину.

Правда, отношение Мори к современной западной цивилизации было неоднозначным: уже там, в Германии, он пришёл к выводу, что единственное достижение Запада в 19 в. — это железная дорога и философия Шопенгауэра и Гартмана («Иллюзия»).

Итак, молодой военный врач, вернувшись на родину, сразу начал литературную деятельность, первым шагом которой был перевод рассказа «Люцерн» (1889) — первый в Японии удачный перевод сочинения Толстого, привлёкший к себе внимание большой публики. Почему «Люцерн»? Возможно, Мори, не зная, как рассказать о своей проблеме, слишком личной и, наверно, для многих странной, решил рассказать о ней опосредованно, через Толстого, так как главной темой его рассказа является как раз тема разрыва между двумя мирами, противостоящими друг другу, — Западом и Россией, большим светом и простым народом, богатыми и бедными... К тому же Толстой в рассказе говорит, что эта пропасть между мирами, в конечном итоге,

329

искусственная, с нечёткими границами, придуманными людьми; истинно существуют только «тот, кто позволил и велел существовать всем этим противоречиям», и «кроткая радость жизни и согласие с миром» «в душе этого маленького человека», певца, над которым смеялись богатые туристы. Предвидение Бога и возможности «кроткой радости», перед которыми исчезают всяческие разрывы и противоречия, — это уже в некоторой степени определяет будущий путь Мори.

В 1899 г. Мори опубликовал критическую статью о жизни и творчестве писателя: «Толстой» — один из самых ранних и серьёзных трудов в этой сфере в Японии. Но автор слишком эмоционально реагировал на повесть «Казачки». Причина ясна: он узнал в трагической любви аристократа к казачке, Оленина к Марьяне, свою трагедию.

Уже для самого Мори очевидно, что у него с Толстым много общих проблем, решение которых тоже *в общем плане* ясно: «уход», т.е., отказавшись от всех светских желаний и потребностей, бросив всё, достичь Бога и «кроткой радости»; тем более, в произведениях Толстого явно и постоянно проявляется подобное стремление. И Шопенгауэр, которого любили и Толстой, и Мори, тоже, отрицая всё, видел спасение только в некоей «нирване» святых Запада и Востока. Но как это *конкретно* реализовать? В этом главный вопрос Мори. Именно поэтому, когда в 1910 г. Толстой ушёл из дома, потрясённый этим поступком Мори, находясь в Японии, в рубрике иностранных культурных новостей

«Мукудори-тсусин» вёл подробнейший репортаж о событиях, связанных с Толстым. Его интересовали любые подробности, начиная от самого ухода до ссор в семье после его смерти. В 1913 г., когда в Германии вышел полный вариант повести «Отец Сергей», где подробно описан процесс ухода, Мори сразу же перевёл это произведение. Этот действительно замечательный перевод назван «Сюккэ» («Уход»).

Мори видел, как Толстой, увенчанный всемирной славой, в глубокой старости решился на уход. О глубине воздействия на него поступка Толстого можно судить по удивительной силе и внутренней гармонии произведений Мори Огая, появившихся вскоре после этого события («Канзан-Дзиттоку», «Сибуэ Тюсай», «Сансе-даю», «Последнее слово» и др.).

Ю. Сато

МОРОЗОВ Василий Степанович (1849—1914) — яснополянский крестьянин. один из лучших учеников школы Толстого 1860-х гг. Автор нескольких публикаций, оставил воспоминания. В произведениях писателя Морозов известен как Федька, в письмах и дневниковых записях — как В.М. Сохранились тетради Морозова с сочинениями по Священной истории. Вместе с Игнаткой Макаровым Васятка написал сочинение «Ложкой кормит, стеблем глаз колет» (в 1859 г. опубликовано в журнале «Ясная Поляна»). Васятка написал и другие сочинения о жизни крестьян, обычаях деревни, о школе: «Крестины», «Похороны», «Как меня не взяли в Тулу». Отрывок из «Крестин» опубликован в книге «Неизвестный Толстой» в 2000 г.

Толстой много писал о Морозове в статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», где Василий назван Федькой. Васятка Морозов — нежная, восприимчивая, поэтическая и лихая натура. Толстой отмечал его живую любознательность, отзывчивость на всё доброе, чуткость, сердечность, всегдашнюю искренность и правдивость. Опасность для него составляла самое главное удовольствие. Эти качества он сохранил до глубокой старости. В школе любил историю, литературу, иногда ему поручали вести уроки в младших классах.

После учёбы в школе Василий некоторое время стерёг коней у Толстых, а затем ушёл в Тулу на заработки легковым извозчиком и проработал 30 лет. С Ясной Полянкой связи не порывал и всегда бывал у писателя. Их встречи особенно участились в 1900-х гг., они сблизились на духовной почве. На Морозова оказали большое влияние сочинения Толстого «Чем люди живы», «Два старика», «Круг чтения». В эти годы он написал «Воспоминания», рассказы «Из исповеди», «За одно слово» (Толстой при публикации этого рассказа в 1908 г. в журнале «Вестник

Европы» предварил его своим предисловием). Сочинения Морозова публикуются и в наше время: в 2002 г. в книге «Новые материалы о Л.Н. Толстом» напечатаны его рассказы «Пожар в Ясной Поляне» и «Свидание с Толстым в волостном правлении».

Н.И. Шинкарьук

МОРОЗОВ Пётр Васильевич (1838 — 1906) — учитель яснополянской школы; некоторое время был конторщиком в Ясной Поляне. Окончил Тульскую духовную семинарию. В Ясную Поляну приехал в июне 1860 г. В школе Толстого преподавал «чтение», «писание», русскую историю, Священную историю. Позднее в статье «О народном образовании» (1874 г.) Толстой, отстаивая свой способ обучения грамоте,

330

писал: «Приёмы обучения так просты и естественны для учителей, что для изучения их не требуется особенного приготовления и что из не окончивших курс семинаристов у меня выходили прекрасные учителя, как сам г. Морозов, учившийся в Москве и поступивший ко мне не окончившим курс в семинарии, плохо грамотным молодым человеком» (17: 112). Вместе с Толстым Морозов вёл дневник яснополянской школы; под руководством Толстого разрабатывал методику уроков, у него учился педагогическим приёмам работы с крестьянскими детьми. «Пётр Васильевич читал о лете. Костюшке нравилось очень. Я прочёл о междуцарствии и рассказали очень хорошо. Я заставил их учить друг друга. Очень удачно — три раза повторили. Советую Петру Васильевичу делать всегда так» (8: 477) — записал Толстой в дневнике школы.

Отправившись во второе заграничное путешествие, Толстой вместо себя оставил в яснополянской школе учителя Морозова и из Европы старался направлять его работу. В письме Т.А. Ёргольской 5 августа 1860 г. он просил: «Учителю велите написать о школе: сколько учеников ходят и хорошо ли учатся. Я вернусь осенью непременно и больше, чем когда-нибудь, займусь школой, поэтому желал бы, чтобы без меня не пропала репутация школы и чтоб побольше с разных сторон было школьников» (60: 347). Через несколько дней снова Т.А. Ёргольской: «Что моя школа? Во всяком случае, я буду к зиме с новыми книгами и инструментами. Пусть Пётр Васильич не зевает» (60: 350).

В яснополянской школе Морозов работал до 1863 г., затем учительствовал в Колпне. В 1874 г. участвовал в «испытаниях преимущества того или другого метода» обучения грамоте, которые

проводил Московский комитет грамотности. Морозов учил детей по «способу гр. Л.Н. Толстого», доказывая его преимущество. Неоднократно упоминается Толстым в статье «О народном образовании» (1874).

Н.И. Бурнашёва

МОШИН Алексей Николаевич (1870-1929) – писатель, собиратель автографов. По происхождению – из купеческой семьи. Экстерном сдал экзамены за курс историко-филологического факультета Петербургского университета. С 1891 г. печатался в разных периодических изданиях. Зимой 1898 г. впервые посетил Толстого в Хамовниках и 22 февраля 1898 г. в газете «Саратовский дневник» опубликовал заметку «Полчаса у графа Льва Толстого». В том же 1898 г. в Саратове вышел первый сборник Мошина «Очерки и наброски». Через два года второй раз пришёл к Толстому в московский дом. Беседу с писателем во время этой встречи Мошин напечатал в 1901 г. в качестве предисловия к своей книге «Штрихи и настроения». Как он вспоминал, Толстой относился неодобрительно к массовому увлечению писательством, но, выслушав рассказ Мошина «Секрет Митрича», заметил, что ему не надо отказываться от литературной работы. В 1903 г. вышло второе издание «Штрихов...», и в мае автор отправился в Ясную Поляну, чтобы подарить свою книжку и лично поблагодарить Толстого. О коротком разговоре с Толстым и в целом свои впечатления об этой поездке Мошин рассказал в маленькой книжке «Ясная Поляна и Васильевка» (СПб, 1904; во втором очерке идёт речь о визите автора в имение сестры Н.В. Гоголя). Через несколько дней после смерти Толстого, 9-11 ноября 1910 г., в газете «Отклики Кавказа» появилась публикация Мошина «В Ясной Поляне в день юбилея (Неизданные до сих пор наблюдения)». Мошин собрал коллекцию автографов, среди которых был и автограф Толстого (подпись на подаренной фотографии). В 1925 г. эту коллекцию и свой архив он передал в Пушкинский дом, за что получил Пушкинскую медаль. В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранилось несколько книжек Мошина с дарственными надписями автора.

Н.И. Бурнашёва

МУРАВЬЁВ Николай Валерьянович (1850-1908) – юрист, прокурор Московской судебной палаты; прокурор в особом присутствии Сената по делу об убийстве Александра II. Министр юстиции (1894-1905), статс-секретарь. С 1905 г. русский посол в Италии.

В 1896 г. «апреля около 20» (69: 89) Толстой послал письма одинакового содержания министру юстиции Муравьёву и министру внутренних дел И.Л. Горемыкину по поводу дела врача М.М.

Холевинской: в административном порядке ей была назначена высылка из Тулы в Астрахань за то, что по просьбе Т.Л. Толстой она дала рабочему И.П. Новикову запрещённую в России книгу Толстого «В чём моя вера?». Сообщая обстоятельства дела, Толстой указывал на невиновность Холевинской и просил, если это необходимо, подвергнуть преследованиям его самого как «главное лицо, с точки зрения правительства, заслуживающее их». Ни Горемыкин, ни Муравьёв не ответили, а «Муравьёв даже

331

сказал, что Толстого и его семью не тронут, а пусть ему служат наказанием те страдания, которые выносят его последователи-толстовцы» (Толстая С.А. *Моя жизнь. ОР ГМТ*). О том же писал С.И. Танеев, передавая в своём дневнике эти слова в пересказе Н.В. Давыдова (69: 88).

В своих статьях («Одумайтесь!», 1904; 36: 104), дневниках, письмах Толстой не раз упоминал имя Муравьёва.

В.М. Бокова

МУРАВЬЁВ Николай Константинович (1870-1936) – юрист, московский адвокат. Присяжный поверенный, общественный деятель. Выступал защитником на политических процессах и в делах сектантов. В 1917 г. был председателем Верховной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий министров царского правительства.

Был знаком с Толстым с 1901 г., когда защищал сектантов-штундистов «павловцев», разгромивших в 1901 г. церковь в селе Павловки Сумского уезда (дело очень интересовало Толстого). Впоследствии по просьбе Толстого вёл дела близких к нему А.Н. Агеева и В.А. Молочникова.

12 мая 1908 г. был в Ясной Поляне, много рассказывал «о военных судах и их приговорах», о «павловцах», которых защищал на процессе, «про палачей» и т.п. Под впечатлением от рассказов Муравьёва на следующий день Толстой начал статью, позднее получившую название «Не могу молчать».

В 1909-1910 гг. Муравьёв принимал участие в составлении завещания Толстого, имевшего целью после его смерти все его литературные произведения сделать общим достоянием; позднее состоял членом «Комитета по исполнению воли Толстого в отношении его писаний».

В 1916 г. Муравьев был защитником по делу толстовцев, обвинявшихся в составлении и распространении воззвания против войны.

В.М. Бокова

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ Матвей Иванович (1793-1886) – декабрист, старший брат С.И. Муравьева-Апостола, воспитывался вместе с ним в Париже в пансионе Них'а, а по приезде в Россию в Корпусе инженеров путей сообщения. Участвовал в военной кампании 1812-1814 гг., участник Бородинского сражения; в 1818-1821 гг. был адъютантом малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина, в 1822-1823 гг. служил в Полтавском пехотном полку, потом вышел в отставку. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества; принял участие в восстании Черниговского полка. Осуждён по первому разряду, приговорён к 20 годам каторжных работ, этот срок был сокращён до 15 лет. Николай I заменил ему каторгу поселением. Из тюрьмы в Рогенсальме был отправлен на поселение в Якутию, затем жил в Омской и Тобольской губ. Амнистирован в 1856 г.; с 1857 г. жил в Московской губ. и Твери. С 1863 г. получил право жить в Петербурге и в Москве, где и умер. Автор воспоминаний (опубликованы в 1922 г.). Толстой мог знать отрывок из его воспоминаний о восстании Черниговского полка (Русский архив. 1871).

Толстой познакомился с М.И. Муравьевым-Апостолом в Москве 9-10 февраля 1878 г. Интерес писателя к личности М.И. Муравьева-Апостола возник в связи с работой над романом «Декабристы» в начале 1860-х гг. В 1878 г, написано другое начало этого романа. После 1884 г. Толстой к работе над романом о декабристах не возвращался, но сам замысел продолжал интересоваться писателя, и он общался с декабристами П.Н. Свистуновым и М.И. Муравьевым-Апостолом. О знакомстве с ними Толстой писал А.А. Толстой в середине апреля 1878 г.: «Свистунова, Муравьева я знаю». В некрологе М.И. Муравьева-Апостола В.Е. Якушкин так рассказывал об этом: «Когда гр. Л.Н. Толстой собирался несколько лет тому назад писать роман о декабристах... он приходил к Матвею Ивановичу для того, чтобы расспрашивать его, брать у него записки его товарищей и т.д. И Матвей Иванович неоднократно тогда высказывал уверенность, что гр. Толстой не сможет изобразить избранное им время, избранных им людей: “для того, чтобы понять наше время, наши стремления, необходимо вникнуть в истинное положение тогдашней России; чтобы представить в истинном свете общественное движение того времени, нужно в точности изобразить все страшные бедствия, которые тяготели тогда над русским народом; наше движение нельзя понять, нельзя объяснить вне связи с этими бедствиями, которые его и

вызвали; а изобразить вполне эти бедствия гр. Л.Н. Толстому будет нельзя, не позволят, если бы он даже и захотел. Я ему говорил это”. И Матвей Иванович, по-видимому, не рассчитывал, чтобы знаменитый романист обратил достаточное внимание на указываемую сторону дела, как он обвинял автора “Войны и мира” и в совершенном непонимании 1812 года, сильные впечатления которого были так свежи для Матвея Ивановича до самого конца» (17: 476). Это

332

«неприятие» «Войны и мира» представителями Александровской эпохи выражено и в статьях П.А. Вяземского и А.С. Норова. Людям этого поколения Толстой казался непатриотичным, разрушителем героической славы прошлого. Этим объяснялось мнение М.И. Муравьёва-Апостола, что и декабристов Толстой не поймёт, как не понял он 1812 год.

Толстой высоко оценил жизненный подвиг и внутреннее благородство декабристов. Духобору И.Е. Конкину 24 февраля 1901 г. он писал: «Довелось мне видеть возвращённых из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всякими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь в службе, обедах, картах, были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было и помянуть свою жизнь. Казалось, как несчастны были приговорённые и сосланные и как счастливы спасшиеся, а прошло 30 лет, и ясно стало, что счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей и что каторга и ссылка, неволя были счастье, а генеральство и богатство и свобода были великие бедствия».

И.А. Трифаженкова

МУСИН-ПУШКИН Михаил Николаевич (1795—1862) — председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета; в бытность Толстого студентом Казанского университета — попечитель Казанского учебного округа и Казанского университета; светский знакомый Юшковых и Толстых по Казани: молодой Толстой не раз танцевал на балах в доме Мусиных-Пушкиных. С именем Мусина-Пушкина связана печальная цензурная судьба рассказа Толстого «Севастополь в мае»: в первые дни августа 1855 г. августовская книжка «Современника», где должен был появиться второй севастопольский рассказ, была уже свёрстана и отпечатана, как вдруг, почувствовав что-то неладное,

председатель цензурного комитета потребовал представить лично ему «севастопольскую статью». Ознакомившись с первой корректурой рассказа, цензор пришёл в ярость. С карандашом в руках он прошёлся по корректуре, вычеркнув целую главу (на перевязочном пункте), большие куски текста, отдельные фразы, строчки, делая на полях многочисленные отчёркивания, пометы NB и жёлчные замечания. «Можно ли дозволить печатать такое <...> на наших храбрых офицеров?» — вопрошал карандаш Мусина-Пушкина на полях рядом с разговором офицеров на квартире у Калугина о том, что едва ли «люди в грязном белье» и «с неумытыми руками» могут быть храбры. «Вздор!» — заключил цензор рядом с рассуждениями Непшитшетского об «этом ужасном народе» (гл. 7). Около описания перевязочного пункта Мусин-Пушкин вывел: «Невероятно, к чему эта картина». Порой он восклицал: «И всё это г. цензор пропустил!» — что относилось к третьему листу корректуры. Читая четвёртый лист, снова негодовал: «Как весь этот вздор <...> г. цензор пропустил!» Расправившись с корректурой, председатель цензурного комитета начертал на обороте первого листа своим экстравагантным неразборчивым почерком: «Читал эту статью и удивлялся, что редакция решилась оную представить, а г. цензор дозволить к напечатанию. Вся статья — насмешка над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя. Запретить и оставить корректуру при деле». На этом же листе чиновник комитета записал распоряжение председателя: «Статью эту “Ночь весною 1855 года в Севастополе” <так в корректуре назывался будущий «Севастополь в мае». — *Н.Б.*>, назначавшуюся для “Современника”, г. председатель приказал, 5 августа 1855 г., оставить при деле и не дозволить печатать» (Бурнашёва Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. М., 1999. С. 200). Распоряжение Мусина-Пушкина заставило редакцию «Современника» уже из готовой восьмой книжки журнала срочно изымать листы с рассказом Толстого. Рассказ появился лишь в следующем, девятом, номере, причём в том виде, как он был переделан цензором, т.е. изуродованным до крайности, почему Панаев даже не решился поставить под ним имя автора — известные читателям инициалы Л.Н.Т. Это самая мрачная страница в писательской судьбе молодого Толстого; в дальнейшем фигура Мусина-Пушкина не появлялась в творческой жизни Толстого.

Н.И. Бурнашёва

МЭЛЛОРИ Люси (Mallory Lucy A.; «Малори»; 1843-1919) — американская писательница, редактор и издатель журнала «World's Advance Thought and Universal Republic»; корреспондент и адресат

Толстого. В «Круге чтения» из американских авторов Толстой чаще всего обращался к высказываниям журналистки Мэллори, хотя она была мало кому известна даже в Америке. К пятой главе статьи «Неизбежный переворот» он взял

333

эпиграфом слова Мэллори. 27 мая 1905 г. Д.П. Маковицкий записал слова Толстого: «Будет удивительно, когда в “Круге чтения” возле Канта и других часто будет Люси Малори, незнакомая особа из штата Орегон». Мэллори писала Толстому 8 августа 1904 г.: «Вы – один из тех бессмертных, которые живут вечно в сердцах народа. Ваше столь смелое слово и дело в пользу мира послужит к освобождению России и, я надеюсь, в конце концов к основанию всеобщей республики» (55: 478). 21 августа 1904 г. Толстой в письме к Мэллори замечал: «Хотя я не могу согласиться с вашей верой в медиумов и оккультизм, я всё же высоко ценю ваше нравственное учение и всегда с большим интересом читаю ваш журнал, за который сердечно благодарю. Я нахожу в нём истинно здоровую духовную пищу и высоко ценю вашу деятельность». Толстой действительно высоко ценил журнал «World's Advance Thought», регулярно его читал, оставляя многочисленные пометы, многие мысли из журнала помещал в свои книги мудрости. Летом 1906 г. Толстой послал Мэллори в подарок свою фотографию, в ответном письме от 8 ноября 1906 г. Мэллори прислала Толстому свою фотографию, и Толстой её благодарил. Для Международного Толстовского альманаха Мэллори написала статью «Вождь человечества», в которой восторженно размышляла о Толстом: «Лев Толстой заслужил своё бессмертие. Он стал бессмертным ещё при жизни. Он дал миру ту сущность самого себя, которая и в телесной оболочке не перестанет проявлять себя до тех пор, пока существует сама вечность» (МТА. С. 108).

В яснополянской библиотеке сохранились экземпляры журнала «World's Advance Thought and Universal Republic».

Г.В. Алексеева

МЮЛЛЕР Фридрих Максимилиан (Müller; 1823-1900) — немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии, профессор истории литературы и религии Оксфордского университета. Толстой считал, что «лестно быть профессором Оксфордского университета. Там был Мэтью Арнольд. <...> Там был Макс Мюллер, свободомыслящий немецкий эмигрант 1848 года» (ЯПЗ. 1. С. 372).

Имя Мюллера упоминается в дневниках и письмах, публицистических работах писателя («В чём моя вера?», «Царство Божие внутри вас», «Религия и нравственность» и др. Впервые с трудами учёного Толстой познакомился в 1877 г.: Н.Н. Страхов регулярно присылал в Ясную Поляну книги, среди них и многие работы Мюллера по индийской философии. В разные года внимание Толстого привлекали исследования Мюллера по сравнительному религиоведению и мифологии, христианству, верованиям китайцев. Толстой хорошо изучил его работы по индологии. В 1886 г. он отмечал: «О браминизме я знаю всё, что написал Макс Мюллер» (85: 370). У Толстого даже появилось желание помогать философу Н.Я. Гроту переводить труды Мюллера на русский язык (26: 774).

В 1901 и 1910 гг. Толстой обращался к одному из самых значительных трудов учёного – исследованию «Шесть систем индийской философии». На страницах этой книги, хранящейся в яснополянской библиотеке (русское издание – М., 1901), имеется немало помет Толстого. Его отношение к этому труду было неоднозначным. Так, В. Ф. Булгаков приводит следующий отзыв писателя: «Я читал сегодня книгу Мюллера “Шесть систем индийской философии”. В них столько чепухи, и он серьёзно во всей этой чепухе разбирается» (Булгаков. С. 334). Очевидно, излишняя академичность этого труда отталкивала Толстого. Тем не менее работы известного учёного неоднократно получали его высокую оценку. Часто Толстой рекомендовал своим корреспондентам, интересующимся религиозными вопросами, читать исследования Мюллера. По свидетельству Д.П. Маковицкого, о Мюллере Толстой «говорил с уважением и любовью» (ЯПЗ. 1. С. 372).

Ю.В. Прокопчук

МЯСОЕДОВ Григорий Григорьевич (1834-1911) – русский живописец, с 1893 г. – действительный член Академии художеств. Учился в Академии художеств в Петербурге. Получил золотые медали за картины «Поздравление молодых в доме помещика» (1861) и «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе» (1862). В 1863-1868 гг. в качестве пансионера Академии жил и работал в Италии, Германии, Франции, где написал «Похороны у испанских цыган», «Две судьбы» и др. Звание академика получил за картину «Заклинание».

Новые тенденции в искусстве, главным образом в литературе, привели вернувшегося из Италии Мясоедова в артель, организованную И.Н. Крамским. В картинах художника всё заметнее проявлялись гражданственность, демократический взгляд на современность («Чтение

манифеста», «Самосожжение»). «Земство обедает» (1872) – одно из произведений, где показано бесправное положение пореформенно-

334

го крестьянства. Трудная жизнь русской деревни с её нищетой, суевериями, стихийными бедствиями отражена в картинах «Засуха» (1878-1881), «Опахивание» (1876), «Дорога во ржи» (1881), «Страда» (1887). Скульптор С.Д. Меркуров позднее говорил об этих картинах: «Смотрю вот я на мясоедовский пейзаж, неоглядное поле, рожь волнуется под ветерком, фигуры косцов, и помогает мне пейзаж этот ощутить мощную силу земли, ту самую, что у Толстого была» (цит. по: Киселёва Е.Г. Гиляровский и художники. Л., 1965. С. 135).

С работами Мясоедова Толстой был знаком с 1870-х гг. На 6-й выставке художников-передвижников в 1878 г. была выставлена картина Мясоедова «Молебствие во время засухи», но Толстой не успел посетить выставку, а прочитал о ней в статье В.В. Стасова. 6 апреля 1878 г. в письме Стасову он впервые упомянул имя художника: «Фельетон ваш хоть немного поправил то дело, — писал Толстой, — что я не успел быть на выставке, — дал мне понятие о ней, но тем более жалко, что не видал картин Мясоедова и Савицкого. Содержание этих картин для меня интересно; но обоих художников этих я помню по их произведениям, и у обоих, мне кажется, один недостаток холодности, ничего им особенно не хочется сказать» (62: 404). В 1885 г. Толстой познакомился с художником; 20 ноября он сообщал из Москвы жене, что «целый день были посетители», среди которых «Количка Ге с Мясоедовым». Художник не раз бывал в московском доме Толстых в Хамовниках, в Ясной Поляне, в 1901-1902 гг. дважды посетил Толстого в Гаспре (и Толстой, находясь в Гаспре, бывал в Ялте у Мясоедова): общение с писателем оказало большое влияние на мировоззрение Мясоедова. По совету одного из толстовцев он уехал в Полтаву, где организовал свою школу рисования и живописи, успешно работавшую несколько лет.

Толстому нравились некоторые произведения Мясоедова. В середине 1880-х гг. В.Г. Чертков предложил для издательства «Посредник» идею «народного издания хороших русских картин» (87: 51). В отборе этих 10 картин принимал участие и Толстой; одной из картин была работа Мясоедова «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года» (1873), она была издана «Посредником» с объяснительным текстом без подписи составителя, но, судя по всему, в составлении этого текста участвовал и Толстой.

В 1887 г. была написана картина «Сеятель», навеянная художнику общением с Толстым. «В картину “Сеятель” я заложил аллегорический

портрет Л.Н. Толстого, — говорил Мясоедов. — Не случайно я придал “Сеятелю” черты великого писателя, полагая в нём того сеятеля добрых начал, какого мы знаем в лице Толстого. Я пришёл к этой мысли давно, но лишь в последнее время постарался придать лицу и фигуре сеятеля черты Толстого, тем самым усилив аллегорический характер картины» (Оголевец В.С. Воспоминания о Г.Г. Мясоедове. М., 1981. С. 64). С воздействием Толстого связаны картины «Вдали от мира» (1889), «Встреча» (1891).

Обращение Мясоедова к толстовским сюжетам не случайно. Художник преклонялся перед Толстым, и, хотя они расходились в некоторых религиозных вопросах, ему во многом были близки взгляды Толстого на крестьянство и церковь, призыв к нравственному самосовершенствованию.

Мясоедов вёл переписку с близким другом Толстого В.Г. Чертковым. В 1891 г. художник писал ему: «Вчера мы читали “Крейцерову сонату”, и она возбудила массу пререканий, обо всём этом очень хотелось бы поговорить. <...> Лев Николаевич говорит, что знать Бога нельзя, всякая попытка определить его только от него удаляет, и даже знать его теперь и не нужно (а когда будет нужно?). <...> Знание это получается любовью, и что его (Бога) только можно любить более всего. Не понимаю, как можно любить, что не знаешь, чего знать нельзя и не нужно. Мы обыкновенно любим только то, что знаем, что ценим, уважаем и понимаем, и любовь эта приходит только через знание. <...> Вот, например, Л.Н. Бога любит, а я ничуть, пусть-ка он меня заразит этой любовью <...>. Очень может быть, что всё написанное есть результат моего недомыслия и об этом бы хорошо поговорить, готов покаяться» (Мясоедов Г.Г. Письма, документы, воспоминания. М., 1972. С. 106). В 1893 г. Мясоедов закончил картину «Чтение “Крейцеровой сонаты” Л.Н. Толстого». На ней представлены участники петербургского художественного кружка, который собирался у Н.А. Ярошенко и И.Е. Репина. Среди слушателей здесь изображены И.И. Мечников, Н.Н. Ге, В.В. Стасов, химик Д.И. Менделеев. В 1911 г. эту картину вместе с авторским повторением картины «Сеятель» (большого размера; 1908) Мясоедов подарил Толстовскому музею, организованному после смерти писателя в Петербурге.

А.А. Алена

Н

НАГОРНОВА Варвара Валерьяновна (рожд. Толстая; 1850-1921) - племянница Толстого, старшая дочь Марии Николаевны и Валерьяна Петровича Толстых. Родилась в имении Покровское Чернского уезда Тульской губ. Крёстным отцом Варвары стал Толстой.

Детство прошло в Покровском. Там впервые увидела И.С. Тургенева, соседа по имению (Спасское-Лутовиново находилось в 20 верстах от Покровского): в октябре 1854 г. он приехал в Покровское, чтобы познакомиться с прототипами повести Толстого «Детство». Его дружеские чувства распространились и на детей М.Н. Толстой. Старший брат Николай писал Льву в ноябре 1854 г., что Тургенев - «большой друг с Варенькой» (*ЛТСБ*. С. 176). Вареньке в то время... четыре года.

По причине несчастливой семейной жизни М.Н. Толстая с детьми с 1857 г. жила зимой в Москве с братьями, а лето проводила в Ясной Поляне и в Пирогове Крапивенского уезда. В Москве Толстой много занимался с племянниками, всесторонне развивал кругозор детей: возил их в цирк, зоопарк, театр. 12 ноября 1857 г. в дневнике записал: «В театр с детьми». После одного из посещений театра он сочинил «Сказку о том, как другая девочка Варинька скоро выросла большая», посвятив её племяннице. Дядя Лев устроил для детей и совместное обучение танцам в доме своих друзей Берсов. Их общение переросло в прочную семейную дружбу. Лучшей подругой на всю жизнь для Тани Берс стала Варенька. «Всегда оживлённая, с вьющимися тёмными волосами, она была очень хорошенькой. Отсутствие самомнения и кокетства, удивительно уживчивый характер делали её привлекательной и необыкновенно приятной в жизни» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. XIV).

В 1860-1864 гг. М.Н. Толстая с детьми жила за границей, а с 1864 г. Варенька подолгу гостила в Ясной Поляне. Толстой в то время работал над «Войной и миром». Ночной разговор Тани Берс и Вари Толстой (там же. Ч. III. Гл. VIII), возможно услышанный Толстым и перенесённый в роман, обогатил его ярким, незабываемым описанием ночи в Отрадном, восторга Наташи и сонного ворчания Сони, прототипом которой в данном эпизоде послужила Варя.

Двоюродная сестра В.В. Толстой, старшая дочь писателя Татьяна Львовна, вспоминала: «Она прекрасно рассказывала сказки, и никогда потом никакие сказки мне так не нравились, как те, которые она рассказывала, сидя с нами по вечерам в полутьме на большом диване» (Сухотина-Толстая Т.Л. Детство Тани Толстой в Ясной Поляне. Гл. XIV // *Сухотина. Воспоминания*).

2 июля 1872 г. В.В. Толстая вышла замуж за Николая Михайловича Нагорнова (1845-1896), служащего Московской городской управы. Нагорнов вошёл в число корреспондентов и помощников писателя. В начале 1870-х гг. Толстой работал над «Азбукой». Молодые супруги много по-

336

могали ему. Сохранились рукописи более 10 рассказов «Азбуки», переписанных рукой его старшей племянницы. По просьбе писателя её муж наблюдал за печатанием и вёл организационные дела, связанные с изданием «Азбуки».

В семье Нагорновых родилось семь человек детей: четверо сыновей и три дочери. После смерти Толстого Нагорнова по-прежнему часто бывала в Ясной Поляне. В 1912 г. в Шамординском женском монастыре на руках дочери Варвары Валерьяновны скончалась М.Н. Толстая.

Последние годы Нагорнова жила в своём имении Богородское Чернского уезда Тульской губ. Она была похоронена в соседнем с имением селе Ержино. Местонахождение могилы в настоящее время неизвестно.

Е.В. Белоусова

НАЖИВИН Иван Фёдорович (1874-1940) — писатель, знакомый Толстого, его корреспондент и адресат. Сын разбогатевшего крестьянина-лесоторговца. В печати Наживин выступил в начале 1890-х гг., он автор сборников, рассказов и очерков «Убогая Русь», «Перед рассветом», «Дешёвые люди», «Среди могил», «У дверей жизни», «Кикимора» и др. В дешёвых сериях «Библиотеки для всех» и «Посредника» выходили его отдельные сочинения в книжечках «для народа».

В начале 1900-х гг. молодой писатель всё более ощущал сильное влияние религиозно-философского учения Толстого. В сочинении «Моя исповедь» Наживин признавался, что в это время он «очень задумался над Толстым. <...> А личное общение ещё более усилило огромное

впечатление от его писаний, открывших <...> безбрежные горизонты» (Наживин И.Ф. Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 16).

Наживин часто приезжал к Толстому, подолгу с семьёй жил близ Ясной Поляны. Писатели вели беседы на политические и религиозные темы. Толстой считал, что Наживин подражает Диккенсу, хотя рассказ «В сумасшедшем доме» ему понравился. Гость спрашивал у Толстого мнение о сложившейся ситуации в стране, о его неучастии в революции, на что Толстой отвечал, что «всякое участие в политической деятельности совершенно не нужно» (ЯПЗ. 4. С. 375).

В своих сочинениях о Толстом («Из жизни Л.Н. Толстого» и «Неопалимая купина. Душа Толстого») Наживин пытался подчеркнуть актуальность многих тем в произведениях писателя, а весь путь Толстого охарактеризовал так: «Вся его жизнь про шла под этой диктатурой живого сердца и, меняя убеждения свои и без конца себе противореча, сердцу своему он никогда за всю свою жизнь не изменил... И, может быть, это-то вот жаркое, исполненное противоречий, живое сердце и чаровало в нём людей более всего...» (Наживин И.Ф. Неопалимая купина. Душа Толстого. Исторический роман. М., 2003. С. 275).

После революции 1917 г. — в эмиграции; написал более 40 романов и повестей, которые публиковались в разных русских эмигрантских изданиях.

С.А. Хомяков

НАЗАРЬЕВ Валерьян Никанорович (1826-1902) — сокурсник Толстого по юридическому факультету Императорского Казанского университета. Позднее занимался литературной деятельностью. Мемуары Назарьева «Жизнь и люди былого времени», напечатанные в журнале «Исторический вестник» в 1890 г., содержат сведения о студенческих годах Толстого. Так, им описан случай, как однажды в январе 1846 г. они вместе сидели в карцере за непосещение лекций профессора русской и всеобщей истории Н.А. Иванова. В переписке с П.И. Бирюковым во время работы над «Воспоминаниями» Толстой подтверждал этот факт.

С.А. Коновалова

НАКАШИДЗЕ Елена Петровна (1868-1943) — знакомая Толстого, его корреспондент и адресат.

В конце 1890-х гг. укрепляются личные связи грузинской интеллигенции с Толстым. Этому способствовало преследование царскими властями кавказских духоборов. В Грузии с возмущением

встретили такое насилие, и люди приняли участие в сборе средств для духоборов, организованном по инициативе Толстого. Так завязалось знакомство писателя с некоторыми грузинскими деятелями, в частности с Е. Накашидзе, которая вместе с братом, И.П. Накашидзе, регулярно информировала Толстого и его единомышленников о положении духоборов в Грузии.

Учительница в Тифлисе, деятельная участница распространения внешкольного образования среди рабочих, Е. Накашидзе в марте 1897 г. познакомилась с Толстым. В 1890-е гг. была его последовательницей

337

и распространяла у себя на родине запрещённые цензурой его книги «В чём моя вера?», «Царство Божие внутри вас», «Соединение и перевод четырёх Евангелий» и др. В Грузии перед Толстым, гениальным писателем, преклонялись, но влиянию Толстого-моралиста порой противились, в особенности молодая грузинская интеллигенция.

Е. Накашидзе вместе с князьями Д.А. Хилковым и Г.А. Дадияни (полковник, который оставил службу и жил как простой крестьянин) была в Грузии активной сотрудницей в деле помощи духоборам. Толстой благодарил её за интересные и полезные сведения о съезде духоборов, происходившем осенью 1896 г. в Горийском уезде Тифлисской губ., а также за другую информацию о бедственном положении духоборов, которую она регулярно с 1895 г. пересылала и ему, и В.Г. Черткову, и И.М. Трегубову. «Елена Петровна пусть пишет мне. Разумеется, с радостью буду служить ей, чем могу. Буду собирать сведения о духоборах и заведу отдельную папку для сведений о гонениях», - откликнулся Толстой (70: 40)

В результате её усердных стараний было собрано несколько тысяч рублей в пользу гонимых. Власти, обратив внимание на деятельность Е. Накашидзе, установили за ней тайный полицейский надзор. В апреле 1897 г. она выехала из Тбилиси в Москву, чтобы избежать ареста. Единомышленники Толстого радушно приняли и устроили её в квартире А.Н. Дунаева. Здесь она часто встречалась с Толстым, беседовала с ним.

В Москве полиция продолжала преследовать Е. Накашидзе, и она вынуждена была уехать в Англию; там поселилась в толстовской колонии у Черткова. Из писем к Толстому в этот период видно, что в Англии Е. Накашидзе, кроме материальных лишений, переживала и духовный кризис. Она была недовольна своим положением, но Толстой дружески ободрял её: «Мы все слабы и плохи, но если любим друг друга, то своей слабостью можем подпирать друг друга. Этим самым я хотел бы служить вам. Я почему-то больше, чем за всех других, боялся за вас о том, как вы

перенесёте изгнание и удаление от своих и той важной и полезной деятельности, которой вы отдавались последнее время» (70: 99).

В 1905 г. Е. Накашидзе вернулась из Англии в Россию. Взгляды её изменились, она отошла от толстовства. И.П. Накашидзе в одном из писем к Толстому от 16 января 1902 г. замечал: «...сестра моя Елена... горюет о том, что мы не учим нашу девочку молиться, присылает мне книжки о “божественности” Христа. Очень тяжело, когда близкий тебе человек отдаляется от тебя и ты перестаёшь его понимать» (ОР ГМТ). С 1917 г. Е. Накашидзе жила в Тбилиси.

Толстой относился к Е, Накашидзе с большим вниманием и сердечным участием. Черткову он признавался: «Я очень рад был узнать её» (88:15).

Лит.: Талиашвили Г. Лев Толстой и Грузия. — Тбилиси, 1951; Накашидзе Н. Несколько лет вблизи Льва Толстого. — Тбилиси, 1988.

Е.Г. Шестакова

НАКАШИДЗЕ Илья Петрович (1866-1923) — грузинский писатель, знакомый Толстого с 1896 г. Поводом для знакомства было гонение на кавказских духоборов. И. Накашидзе приехал в Ясную Поляну к Толстому, с тем чтобы организовать помощь преследуемым: он помогал духоборам не из сочувствия их религиозным взглядам, а потому, что видел в них крестьян-тружеников, преследуемых властями. При встрече Толстой подробно расспросил И. Накашидзе о положении духоборов. Ему особенно нравилось, что духоборы жили честным земледельческим трудом и среди них не было сословного различия. Толстой через И. Накашидзе послал духоборам письмо, в котором одобрял их действия и призывал к терпению. Знакомство с Толстым сильно повлияло на И. Накашидзе, который стал последователем толстовского учения.

Родился И. Накашидзе в Тбилиси и воспитывался в среде грузинской интеллигенции с высокими национальными и социальными устремлениями. Он свободно владел русским, английским, французским, греческим и латинским языками. Рано разочаровавшись в жизни, которую вели люди «блестящего сословия», ещё в гимназии он приобщился к высоким идеям политической и социальной справедливости и остался им верен до последних дней жизни. В 1895 г. И. Накашидзе, окончив филологический факультет Петербургского университета, возвратился в Грузию. Он активно участвовал в общественной жизни, в журналах «Иверия», «Квали» и др. печатал публицистические и литературно-критические статьи, которые были отмечены глубоким знанием предмета и литературным вкусом и

произвели на грузинскую общественность того времени большое впечатление. И. Накашидзе верил, что основным закон духовной жизни человека — это любовь к людям, ко всему существующему на земле.

338

Деятельное участие принимал он в деле духоборов: организовывал передачу для них денег, писем и др. Мо воспоминаниям жены писателя Нино Накашидзе, «многие, заинтересовавшись, приезжали в Грузию из России и из-за границы, чтобы познакомиться с духоборами, оказать им помощь и убедиться воочию, насколько жизнь их соответствует тому, что о них пишут. Связь с духоборами налаживалась через Илью Накашидзе» (Накашидзе Н. Несколько лет вблизи Льва Толстого. Тбилиси, 1988. С. 16), которого вскоре арестовали и выслали из Грузии: ему было запрещено появляться на родине в течение 5 лет. Он выехал в Москву, где его тепло принял Толстой: «Лев Толстой встретил меня с большим сочувствием, и с его помощью мне разрешили жительство в Москве. Толстой сам повидал министра дорог Хилкова и попросил его дать мне какую-нибудь работу...» — писал И. Накашидзе жене. В 1898 г. его определили на должность начальника международного поезда. В Москве он продолжал хлопотать по делам духоборов и занимался литературной работой, сотрудничая в издательстве «Посредник». Толстой не раз поручал ему издательские и другие дела, а как «человеку, пользующемуся всеобщим уважением» (73: 22) и «заслуживающему полного доверия» (71: 318), в 1899 г. поручил ему во время неурожая организовать помощь голодающим крестьянам Казанской губ.

И. Накашидзе помогал Толстому найти необходимые материалы для повести «Хаджи-Мурат». В феврале 1903 г. вернувшись в Грузию, он работал для этого в Тбилисском военно-историческом архиве вместе с военным историком Симоном Эсадзе и учителем Шульгиным. Вопросы от Толстого были непростые. Толстой писал И. Накашидзе: «Ещё просьба: вы читали начало моего рассказа. Если помните, там солдаты сидят в секрете, высланном из крепости Воздвиженской, и принимают присланного от Хаджи-Мурата лазутчика. Всё это, как мне вспоминается теперь, неверно. Для того, чтобы исправить эти неверности, мне нужны ответы на следующие вопросы. Не можете ли вы найти старого служаку, пехотного офицера, служившего в 1852 году, который бы ответил на эти вопросы: 1) Высылались ли из крепости секреты? 2) Если не высылались, то где стояли караульные часовые, ограждавшие крепость от внезапного нападения? 3) Каким образом принимали часовые проходящих лазутчиков и доставляли их к начальству? Всякий пехотный офицер, кавказец 1852 г., должен знать это, тем более служивший же в Куринском

полку в крепости Воздвиженской. Само собой, что чем подробнее будут ответы, тем лучше» (74: 63). И. Накашидзе выполнил просьбу Толстою и послал в Ясную Поляну много исторического и фактического материала.

Смерть Толстою глубоко потрясла И. Накашидзе: он любил Толстою — писателя, философа, учителя. В 1910 в грузинских газетах и журналах он поместил большие статьи о жизни и творчестве русскою писателя, написал воспоминания «Как я познакомился с Толстым». В своих лекциях и выступлениях он часто вспоминал Толстого и излагал его взгляды, претворение их в жизнь считая делом огромной важности.

В 1910-1917 гг. Накашидзе работал почти во всех областях грузинской культуры и вёл просветительскую работу: являлся членом правления Общества по распространению грамотности, организовал в Тбилиси народный университет, где читал лекции. Тематика его лекций и бесед была многообразна: грузинская, русская и иностранная литература, история и этнография, философия и социальные учения. Его научно-популярные лекции всегда пользовались огромным успехом у слушателей. И. Накашидзе оставил заметный след в жизни Грузии.

Е.Г. Шестакова

НАХИМОВ Павел Степанович (1802—1855) — вице-адмирал, выдающийся флотоводец; в 1854—1855 гг. руководил обороной Севастополя. Толстой в одной из первых дневниковых записей о Нахимове отметил его среди «порядочных людей» «из начальников». Герой Севастополя, Нахимов ещё при жизни стал личностью легендарной, пользовался большим авторитетом среди солдат и офицеров; его присутствие поднимало дух войска. 28 июня 1855 г. был смертельно ранен на Малаховом кургане (Корниловском бастионе).

Н.И. Бурнашёва

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич (1821-1877) — писатель, издатель. С именем Некрасова связаны многие важнейшие события русской литературы и общественной мысли с конца 1830-х гг. до наших дней. «Современник» Некрасова открыл талант Толстого. В журнале были опубликованы все произведения начинающего писателя,

339

созданные на Кавказе и в Севастополе. Некрасов первый оценил талант Толстого.

По первой же повести «Детство» редактор «Современника» верно определил основные достоинства творчества «Л.Н.»: «направление

автора, простота и действительность содержания» (письмо Толстому, август 1852 г.) - именно те свойства, которые он искал в литературе.

Суждения Некрасова о сочинениях Толстого многозначны, они рассматривают произведение на разных эстетических уровнях. «Достоинства повести, - писал он о «Севастополе в августе 1855 года» в «Заметках о журналах» (1856), - первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолётных заметок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно...»

Некрасова и Толстого сближали реалистическое изображение деревенской России, вера в народ, его духовные силы. Оба писателя пережили драму Крымской войны, осаду и падение Севастополя. Некрасов передал её в стихотворении «Внимая ужасам войны...» (1855), Толстой в севастопольских рассказах показал войну «в крови, в страданиях, в смерти». Конечно, при этом у каждого писателя свои подходы.

В тех же «Заметках о журналах» Некрасов отмечал, что читатель, знакомясь с «Севастополем в августе 1855 года», вправе ожидать описание «колоссальной картины разрушения осаждённого города». Правда, тут же оговаривался, что создание такой картины «не входило в план автора». «Как истинный художник, автор понял, что едва ли возможна такая картина: воображение читателя, настроенное целым годом страшной действительности, едва ли подчинилось бы самому широкому, мастерски набросанному изображению». Видимо, Некрасова не удовлетворил эпилог рассказа, где описываются неожиданно смолкнувшие, разрушаемые русскими севастопольские бастионы, отход севастопольского войска. Поэт создал свою картину разрушения – описание Севастополя в третьей главе стихотворения «Тишина», написанной в декабре 1856 г. в Риме:

Война молчит - и жертв не просит.
Молчит и *он...* как труп безглавый,
Ещё в крови, ещё дымясь...

И далее:

Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня, -
Могилы... Люди в той стране
Ещё не верят тишине...

Картина мёртвого Севастополя подчинена общей поэтической мысли стихотворения и пронизана надеждой на очищающую тишину и ожиданием общественного, нравственного обновления России. Однако эта картина не столько оптимистична, сколько трагична.

Толстой читал «Тишину», все её части, в «Современнике» (1857. № 9). Он писал Некрасову 11 октября: «Первое превос -ходно. Это самородок и чудесный самородок, остальные *все*, по-моему, слабы и *сделаны*, по крайней мере, такое произвели на меня впечатление, в сравнении с первым». Почему Толстому одно (первая часть) понравилось в «Тишине» и не понравилось в ней другое, можно объяснить. Первое стихотворение цикла – лирическое покаяние, лирическая присяга на верность отчизне. Следующие части цикла могли вызвать отрицательную реакцию отчасти чуждым Толстому риторическим стилем, отчасти вынужденным славословием в адрес Александра II. Некрасов тоже видел изъяны первой редакции «Тишины». «Я написал длинные стихи...» – сообщал он Толстому. Вводя «Тишину» в сборник стихотворений 1861 г., Некрасов исключил из её текста целую главу, напоминающую «Стансы» Пушкина (1826), ряд риторических стихов, хвалу Александру II. В остальных главах, не понравившихся Толстому, многое осталось в первоначальном виде: картины разрушенного Севастополя, лирический эпилог. Невзирая на упрёки Толстого, автор отстаивал своё повествование о родине, о деревенской России, о мужике. «Тишина» – ключевое произведение в ряду других сочинений Некрасова 1856-1858 гг. Севастопольские рассказы Толстого стали жизненной и нравственной школой для поэта. «Севастополь в августе 1855 года», особенно своей заключительной частью («Всё было мёртво, дико, ужасно, – но не тихо...»), может быть, подсказал Некрасову мотив и сюжет его произведения о Севастополе и неповерженной России, её народе.

340

Национальные мотивы поэзии Некрасова соотносились с его эстетическими требованиями к творчеству писателей, сотрудничавших в «Современнике». Заслуги писателей «натуральной школы» Некрасов видел «в стремлении к изучению своего, национального – во всех его проявлениях и сословиях». Первые военные рассказы Толстого Некрасов рассматривал в русле этой традиции. Он ценил знание Толстым военного быта, истинность характеров, «замечания, исполненные тонкого и проницательного ума», – всё то, что раскрывает национальное в солдатских типах, в авторском повествовании (см., например, размышления Толстого о «духе русского солдата» в сравнении с «храбростью южных народов»).

Некрасова не удовлетворил рассказ «Альберт», из-за характера главного героя, как показалось поэту, безжизненного, нетипичного для Толстого. Автор оспаривал доводы Некрасова, исключительность своей вещи видя в новой точке зрения на изображение традиционного конфликта художника с обществом. Характер героя, «огонь» его поэзии просвечивает изнутри, в психологических реакциях главных персонажей произведения, в соотношении их размышлений и поступков. Творческая задача Толстого состояла не в том, чтобы, как писал Некрасов, «пьяницу, лентяя и негодяя» тянуть «в идеал человека», а в утверждении силы искусства, его высокого нравственного назначения.

Некрасов не принимал в Толстом «следы барского и офицерского влияния», осуждал его предвзятое отношение к Чернышевскому («особенно мне досадно, что Вы так браните Чернышевского...»), но неизменно высоко отзывался о его таланте. Слова признательности Толстому становятся рефреном в некрасовских письмах 1855—1856 гг. разным адресатам: «Как журналист, я ему обязан в последнее время самыми приятными минутами...» (В.П. Боткину // *Некрасов. Переписка*. 1. С. 225); «...Как журналисту он мне усладил сердце в последнее время много раз» (И.С. Тургеневу // там же. С. 439). А самому Толстому редактор «Современника» писал 27 января 1855 г.: «...не только готов, но и рад дать Вам полный простор в “Современнике” – вкусу и таланту Вашему верю больше, чем своему...»

В творчестве Некрасова и Толстого налицо типологическая близость некоторых образов, художественных принципов. Оба писателя, не повторяя друг друга, обратились к изображению противоречивой мужицкой правды, к крестьянским типам, порождённым крепостничеством. Традиционный для русской литературы образ пахаря в поэзии Некрасова лишён идеализации. Внимание поэта привлекали образы сложные: кающийся Влас («Влас»), «старина», не знающий, для чего ему «воля» («На псарне»), символический Иван («Эй Иван»), увёртливый Клим Лавин, холоп Яков («Кому на Руси жить хорошо»). Поэт создал противоречивые характеры: покорных и бунтарей, безгласных и вольнолюбивых.

У Толстого образ народа менее раздроблен. Он отражает разные стороны единого целого, внутренне сильного и неодолимого. Он имеет и свои постоянные приметы, строится с использованием однотипных деталей, сходных мотивов, ситуаций. Характер мужиков в «Утре помещика» родственен солдатским характерам из военных рассказов. Диалог Нехлюдова с мужиком подобен диалогу наивного новичка, приехавшего в Севастополь, с бывалым солдатом в «Севастополе в декабре месяце».

«Массовый», собирательный образ народа — одно из достижений в творчестве Некрасова и Толстого. В романах Толстого нет «сквозных»

образов из народной среды, проходящих по всему произведению. Дрон, Платон Каратаев, Тихон Щербатый в «Войне и мире» – каждый в отдельности – необходимы для определённой части произведения. Каждый из них – частица народа, и каждый имеет свою физиономию, свой характер. И поэтому нет однообразия и односторонности в изображении народа. Солдаты под Шенграбенем не похожи на солдат под Аустерлицем или на ополченцев, участвующих в Бородинском сражении. Мужики Богучарова представлены иначе в сравнении с мужиками Отрадного. Так рождается толстовская энциклопедия народных типов, народной жизни.

Нечто близкое есть в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов вписывает в определённые части поэмы разные образы (Якима Нагого, Ермила Гирина, Савелия), которые обобщают массовые сцены, олицетворяют группу персонажей, их психологию. Приём многоголосия, использованный и Толстым, позволяет писателю воссоздать образ народа, его реальные черты и раскрыть героя из народной среды во взаимодействии с народной массой. Типичность такого героя возрастает, он выражает «мысль народную», влияющую на структуру произведения.

Лит.: Краснов Г.В. Диалектика творческих связей (Некрасов и Лев Толстой) // Н.А. Некрасов и русская литература: 1821- 1971. – М., 1971.

Г.В. Краснов

341

НЕРАДОВСКИЙ Пётр Иванович (1875 - 1962) живописец и график, портретист историк искусства. Родился в Москве. В 1888 г. поступил в московское училище живописи, ваяния и зодчества. Первым его учителем был С.А. Коровин, затем Л.О. Пастернак. В начале 1890-х гг. Нерадовский перешёл в Академию художеств в Петербурге, где стал учеником И.Е. Репина. С 1909 г. он один из создателей и хранителей Русского музея, его действительный член. Нерадовский – автор книги I «Из жизни художника» (Л., 1965). В своих воспоминаниях он рассказал о знакомстве и встречах с Толстым.

Во время пребывания в Никольском у Олсуфьевых в январе 1895 г. художник сделал три наброска с Толстого, из которых сохранился только один. Нерадовский вспоминал: «В январе 1895 года Лев Николаевич гостил в Никольском, он заканчивал там “Хозяина и работника”. Как-то вечером он читал свой рассказ в семейном кругу. В часы отдыха Лев Николаевич играл в винт или в шахматы, беседовал с кем-нибудь или играл на рояле» (Нерадовский П.И. Из жизни художника. С. 52-53). «В

Никольском мне удалось сделать с натуры <...> два наброска с Льва Николаевича. <...> Тогда же я исполнил ещё один рисунок. Лев Николаевич играл в четыре руки с Анной Михайловной Олсуфьевой. Этот набросок я сделал в профиль в то время, когда Толстой сосредоточенно смотрел в ноты» (там же. С. 57). Толстой подарил художнику свою фотографию 1892 г. с дарственной надписью «П.И. Нерадовскому Лев Толстой».

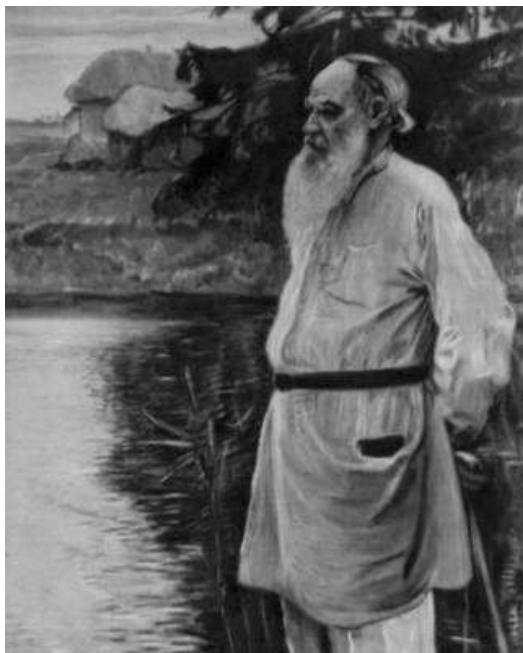
Н.В. Зайцева

НЕСТЕРОВ Михаил Васильевич (1862-1942) – художник, живописец, портретист, пейзажист, автор картин на историко-религиозные темы и ряда церковных росписей. Родился в г. Уфе. В 1877 г. поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества. Учился у В.Г. Перова (временно, в 1881–82 гг., в Академии художеств в Петербурге у П.П. Чистякова), затем у В.Е. Маковского. В 1886 г. по окончании училища получил звание классного художника, в 1898 г. избран академиком живописи по представлению И.Е. Репина, В.Д. Поленова и В.М. Васнецова.

Нестеров дважды (в 1906 и 1907 гг.) приезжал к Толстому в Ясную Поляну. В своей книге «Давние дни» он подробно рассказал о встречах с писателем и о работе над его портретами. Творческая история портретов Толстого отразилась и в письмах художника к его другу художнику А.А. Турыгину. О своём первом замысле Нестеров писал: «...ты помнишь наш разговор о моей новой затее, большой картине <«На Руси». – Н.З.>? Тема её охватывает период от далёких времён до Толстого, Достоевского и других. В связи с этим я задумал побывать в Ясной Поляне, чтобы там своим глазом осязать знаменитого старца. На днях я написал письмо графине Софье Андреевне, прося ей содействия в этом. Уфа, лето 1906». «Мнение Льва Николаевича мне дорого, но и не за ним я еду. Цель моя ясная, определённая: мне необходимо написать с Толстого этюд или сделать два-три рисунка и только» (Нестеров М.В. Давние дни. М., 1959. С. 274-275).

Нестеров приехал в Ясную Поляну 20 августа 1906 г. За несколько дней своего пребывания он сделал в альбоме пять карандашных набросков с Толстого. «...Вот уже третий день, как я в Ясной Поляне. Лев Николаевич, помимо ожидания, в первый же день предложил позировать мне за работой, также во время отдыха. Через 2-3 часа я сидел в его кабинете, зачерчивал в альбом, а он толковал с Бирюковым (его историографом). <...> Первый день меня, как водится, "осматривали", - я же, не выходя из своей программы, молча работал, зорко присматриваясь ко всему окружающему» (там же. С. 275-276).

22 августа Д.П. Маковицкий отметил в своих записках: «Нестеров изучает внешность Л.Н. для какой-то картины – группы. Делает эскизы. Говорил мне, что Л.Н. в жизни, в обращении мягкий, ничего деспотичного. На картинах же Репина и других и в своих сочинениях кажется суровее; неверно изображают его; может быть, он

«Л.Н. Толстой
на берегу пруда в Ясной Поляне».
М.В. Нестеров

342

такой был раньше». Сам Нестеров писал из Ясной Поляны: «...я успел сделать несколько карандашных набросков с Льва Николаевича. Один из них, по его словам, своим выражением, мягкостью напоминал “братца Николеньку”. Я рад, что сюда заехал. Живётся здесь просто, а сам Толстой – целая “поэма”. Старость его чудесная». «...В Толстом я нашёл того нового сильного духом человека, которого я инстинктивно ищу после каждой большой работы, усталый, истощённый душевно и физически. Толстой – великий художник и, как художник, имеет многие слабости этой породы людей. Он вечно увлекается сам и чарует других многогранностью своего великого дара» (Нестеров М.В. Давние дни. С. 276-277). Нестеров - автор иллюстраций к «Казакам» и «Анне Карениной».

Н.В. Зайцева

НИКИТИН Дмитрий Васильевич (1874—1960) — домашний врач Толстых в 1902-1904 гг. Корреспондент и адресат Толстого.

Работал в Москве в клинике профессора А.А. Остроумова на Девичьем поле. Занимался научными исследованиями — автор ряда научных работ по медицине.

Домашним врачом Толстых Никитин стал в 1902 г., в Гаспре, где Толстой перенёс воспаление лёгких. Он был и лечащим врачом писателя, и его сиделкой. 31 мая Толстой писал дочери Татьяне: «Я, душа моя, берегусь из всех сил, провожу часов 9 на воздухе, катаюсь в кресле. Нынче Саша и Никитин возили меня в Юсуповский парк» (73: 252).

Толстой высоко ценил Никитина не только как врача, но и нашёл в нём друга, единомышленника, собеседника. 4 июля 1902 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «Вечером много разговаривал с своим доктором Никитиным о психиатрах и не одобрял их» (ДСАТ. 2. С. 71). Порой Никитин выполнял и обязанности секретаря писателя: отвечал на письма по его поручению, разбирал почту...

5 июня 1903 г. Толстой писал брату С.Н. Толстому: «Мы просили Дмитрия Васильевича Никитина, нашего первого доктора, которого ты знаешь, съездить к тебе и посмотреть, не может ли он чем-нибудь облегчить твои недуги. Он очень внимательный человек и знает всё, что знает теперь медицина. Может быть, он и сумеет помочь тебе. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что мы его просили съездить к тебе. <...> Очень бы радостно было, если бы ему удалось быть тебе полезным» (ПТСБ. С. 485). 13 июля 1903 г. Толстой вместе с Никитиным ездил к брату в Пирогово.

Доктор фактически спал другом семьи. И даже когда с осени 1904 г. в качестве домашнего врача Толстых в Ясной Поляне поселился Д.П. Маковицкий, дружба Толстого и Никитина продолжалась. Об их духовной близости говорит и запись Маковицкого 20 февраля 1906 г.: «Л.Н. сказал <...> что доктора, ветеринары обращают всё внимание на материальную науку думают, что в других отраслях всё улажено. — Исключение — Пирогов, — говорил Л.Н. — Как трудно было ему выйти из этого узкого мира! Дмитрий Васильевич — редкое исключение» (ЯПЗ. 2. С. 55). Никитин часто бывал у Толстых. «Приезжали Чертков Никитин, Гольденвейзер. Так радостно» (56: 202), — отмечено в дневнике Толстого 8 июля 1907 г.

В ночь на 28 октября 1910 г. Толстой навсегда ушёл из Ясной Поляны. В дороге заболел. Сопровождавший его Маковицкий решил остановиться на ближайшей станции: это была станция Астапово. Здесь, в доме начальника станции И.И. Озолина, прошли последние семь дней жизни Толстого. 2 ноября вызвали туда и Никитина. 3 ноября он был в Астапове. «Пришёл Д.В. Никитин, добрый друг Л.Н., — записал в дневнике Маковицкий. — В начале 1900-х годов — домашний врач у

Толстых. Он теперь занимается преимущественно бактериологией. Л.Н. мило, дружелюбно принял его и поговорил с ним о медицине: говорил о бесполезности медицинского лечения, что важен один уход. Ни в чём нет столько занятия тем, чего не знают, как в медицине. Есть одно, гигиена разных больных, главное — опыт <...>. Советовал Дмитрию Васильевичу не заниматься бактериологией, говоря, что это глупости: пусть занимается живыми людьми; советовал работать врачом не в земстве, а в клинике». Никитин осмотрел Толстого. «Сердце слабо, - продолжил запись Маковицкий. - Никитин приписывает это не столько органическому расстройству, сколько расстройству нервного аппарата сердца» (ЯПЗ. 4. С. 421-422).

Толстому было неловко, что из-за него побеспокоили Никитина. Он упрекнул младшую дочь: «В приезде Никитина ты виновата. Я ему сказал, что полезна гигиена». «Я его выписала в помощь Душану Петровичу, который уставал и не хотел на себя брать ответственность», — отвечала Александра Львовна (там же).

Никитин остался в Астапове. Вместе с доктором Маковицким и приехавшими в Астапово докторами В.А. Щуровским. Г.М. Беркенгеймом, П.С. Усовым он под-

343

писал официальное медицинское заключение о смерти Толстого. Никитин — автор нескольких статей и воспоминаний о Толстом: «Последние дни Толстого» (Русские ведомости. 1911. 6 ноября; № 256); «Яснополянская больница» (Русские ведомости, 1911. 7 ноября; № 257). «Болезнь и смерть Л. Н. Толстого» (Русские ведомости. 1910. 11 ноября; № 260) и др.

А.С. Мелкова

НИКОЛАЕВ Пётр Петрович (1873-1928) – знакомый Толстого, его корреспондент адресат, посетитель. Автор философских работ.

Толстой и Николаев познакомились зимой 1899 г. 29 июля 1903 г. Николаев приехал в Ясную Поляну, привёз рукопись одного из своих сочинений. Уже тогда Толстой юнчал, что разговаривает с близким по духу человеком. Возвращая по почте рукопись, он писал Николаеву 2 августа 1903 г.: «Всё направление ваших мыслей мне родное, близкое, дорогое <...>. Очень рад был прочесть рукопись, видеть вас и узнать, что вы работаете над собой всё в том же, едином, истинном направлении» (74: 155-156). С 1905 г. Николаев постоянно жил за рубежом, переписывался с Толстым, присылал ему рукописи своих работ.

Основной труд Николаева «Понятие о Боге, как совершенной основе жизни» заинтересовал Толстого, сочувствовавшего желанию Николаева создать философскую систему, близкую толстовским метафизическим взглядам. Рукопись первой части труда Николаева, а потом и выпущенную книгу Толстой читал в 1906-1907 гг., вторую часть – незадолго до смерти, осенью 1910 г. Он оценивал этот труд очень высоко, отмечая вместе с тем недостатки книги, подчёркивал важность серьёзной работы в этом направлении.

28 октября 1910 г., после ухода из дома, он отправил из Козельска письмо Александре Львовне, в котором просил привезти ему несколько книг, в т.ч. и работу Николаева. Д.П. Маковицкий в своём дневнике отмечал: «Книга Николаева была Л.Н. необыкновенно дорога. Я не видал, чтобы он с какой-либо книгой так нянчился, как с этой. Читал её с благоговением. Трогала и радовала его» (ЯПЗ. 4. С. 385-386).

Формулируя основы своего учения, Николаев опирался на мировую религиозную и философскую традицию, что не могло не вызывать одобрения Толстого, подчёркивавшего талант молодого философа-самоучки: «Это человек совершенно одинакового мировоззрения с нами, огромной эрудиции», - говорил Толстой Дунаеву 22 октября 1910 г. (ЯПЗ. 4. С. 391). Наряду с этим Толстой полагал, что столь важная работа требует полной отдачи сил, призывал молодого автора полностью посвятить себя этому труду. «Дело это столь важно, — писал Толстой Николаеву 30 июня 1906 г., — что работать над ним стоит всю жизнь. Это я и советую вам» (76:172).

После смерти Толстого Николаев выпустил книгу «Духовно-монистическое понимание мира» (М., 1914) — предисловие к «Понятию о Боге...». Основной труд Николаева должен был быть издан тогда же в России «Посредником», но этому помешала начавшаяся война. «Понятие о Боге...» вышло в Женеве в 1915-1916 гг. Впоследствии живший за рубежом Николаев издал на русском языке ещё несколько работ, в частности книгу «Современные бедствия. Бессилия церкви, науки и политики. Разумное религиозное понятие о жизни» - конспект «Понятия о Боге...». Уже после смерти философа вышла книга «Исследование нашего сознания (духовно-монистическое мировоззрение)» (Белград, 1929), примыкающая по содержанию к этим работам.

Своё миропонимание Николаев называл духовно-монистическим. Толстой так охарактеризовал его сущность: «Он не материалист, не идеалист, а монист. У него духовно-монистическое понятие о жизни — один дух. Дух творит материю» (ЯПЗ. 4. С. 355), а если «жизнь в духе, то нет смерти. Есть только освобождение от этой формы жизни» (55: 358).

По мнению Николаева, вся материальная природа, явления материального мира есть лишь образы, слагающиеся в нашем сознании.

Реально мы воспринимаем в окружающем мире лишь процессы жизни, которые являются бестелесными, духовными и которые мы сами облекаем в материальные образы, различающиеся у разных живых существ. Тела, предметы, частицы, а также свет, цвета, звуки, запахи, вкусовые свойства и пр. каждое живое существо воспринимает по-своему, в зависимости от особенностей своего видения мира; следовательно, никаких абсолютных, объективно существующих категорий материального мира нет. Важны они для нас лишь потому, что мы ещё недостаточно совершенны. Чем больше мы стремимся к нравственному совершенствованию, делаем усилия для духовного преображения, тем менее обращаем внимания на события жизни материального мира и тем ближе наша жизнь к жизни совершенной, к Богу.

Вполне в духе толстовского учения Николаев трактовал представление о плотской

344

смерти как всего лишь разрушении телесного образа, не имеющего ничего общего с жизнью истинной — духовной. Как и Толстой, он полагал, что жизнь телесная похожа на сон, а смерть — на пробуждение к настоящей жизни. Эта мысль, отражённая у многих представителей мировой культуры, очень нравилась Толстому, он часто приводил её в своих произведениях. Николаев в книге «Исследование нашего сознания (духовно-монистическое мировоззрение)» цитировал одно из писем Толстого (с. 267-268), где обосновывалась эта мысль.

Близка была Толстому и николаевская трактовка категорий пространства и времени как относительных, существующих лишь в нашем воображении. Истинная жизнь, полагали Толстой и Николаев, лишь в настоящем, для неё нет ни прошедшего, ни будущего; процесс совершенствования приближает нас к этой вневременной жизни.

Конкретные выводы теории Николаева, касающиеся жизни личной, общественной, государственной и пр., очевидны и вполне совпадают с толстовскими представлениями. Поскольку телесная жизнь реально не существует, то все заботы о ней, все попытки улучшить её, отстаивать её, в т.ч. с помощью насилия, являются бессмысленными и вредными для истинной жизни — духовной. Отсюда и близкая толстовской теории критика общественных институтов, проповедь бессмысленности любых изменений материальной жизни без перемен в сфере духовной.

Николаев никогда не скрывал своей близости к толстовским взглядам, открыто писал, что именно учение Толстого, которое он оценивал как чисто спиритуалистическое (т.е. признающее сущностью мира духовное начало), побудило его «пристально вникнуть в духовно-монистическое

направление мысли», представленное многими религиозными деятелями прошлого, в т.ч. и основателем христианства, истинный смысл учения которого был раскрыт и очищен от позднейших наслоений Львом Толстым (Духовно-монистическое понимание мира. С. 75-76).

Под влиянием замечаний писателя Николаев сделал несколько существенных исправлений в своей книге «Понятие о Боге...». В этой книге он специально разбирал вопрос об отношении Толстого к науке: «отрицательное отношение Толстого к научному познанию мира опирается с одной стороны на соображения гносеологические, с другой – на соображения нравственные. Гносеологические соображения сводятся к высокой мысли, что мы представляем собой только ничтожные части некоторого Неограниченного Целого, а потому познавать истинную сущность мира мы можем лишь постольку, поскольку наша душа сливается с целым, с Сознанием истинным и неограниченным, которые мы в себе проявляем» (Николаев П.П. Понятие о Боге как Совершенной Основе жизни. Женева 1915. Т. 1. С. 398, 406), однако «Толстой не был гносеологом в смысле кропотливого исследования нашей сознательной способности и систематического разоблачения нереальности сознаваемой нами картины нашего тела и мира. Он был религиозный мыслитель, для которого нереальность сознаваемой нами картины нашего тела и всего материального мира вытекала прежде всего непосредственно из его высокого внутреннего чувства вечности и единства с миром» (там же. С. 401-402).

Главное различие позиций мыслителей заключалось в самом подходе к исследованию вопросов жизни: если для Толстого основная составляющая учения – религиозная (представления о смысле жизни, любви к Богу и ближнему и пр.), а философское осмысление этих воззрений – на втором плане, то Николаев уделял основное внимание чисто философскому обоснованию тех же взглядов, пытаясь, исходя из метафизической основы (представлений о душе), исследования нашего сознания, способностей познания окружающего мира и пр., выйти на религиозно-этические представления о нравственном совершенствовании, ненасилии, новом понимании жизни. Учение Николаева представляло собой попытку «научно» обосновать толстовское жизнепонимание, поэтому оно и было столь дорого Толстому.

Лит.: Мардов И.Б. Подвиг подмастерья (судьба и труды П.П. Николаева) // Толстовский ежегодник-2001. Тула, 2001. С. 303-324.

Ю.В. Прокопчук

НИКОЛАЕВ Сергей Дмитриевич (1861-1920) — один из близких друзей Толстого. Родился в Москве в семье фельдшера. В 1881 г., подготовившись самостоятельно к приёмному экзамену, поступил в Высшее техническое училище. Летом 1884 г. побывал в Германии и Франции; вернувшись в Москву, оставил техническое училище и самостоятельно занялся математикой, физикой и философией. В 1887 г. впервые узнал об американском экономисте Г. Джордже, основателе учения о едином налоге на землю, и начал изучать английский язык, чтобы читать этого автора

345

в подлиннике, вся дальнейшая жизнь Николаева была посвящена популяризации идей Г. Джорджа в России. «Николаев был своеобразным, умным и цельным человеком. Это был типичный человек одной идеи, которой он отдал все силы своей жизни. Идеей этой был “единый налог” Генри Джорджа. Сергей Дмитриевич был превосходным знатоком учения Джорджа и многие из его сочинений перевёл на русский язык. Идеям Джорджа Николаев был предан фанатически...» -- писал А. Б. Гольденвейзер в книге «Вблизи Толстого». Он перевёл на русский язык все главные сочинения Г. Джорджа. Сам Николаев – автор статей: «Генри Джордж. Биографический очерк», «Учёная критика Генри Джорджа» со вступительным письмом Толстого (в издательстве «Посредник» вышла под заглавием «В защиту земельной реформы Г. Джорджа»), «Об освобождении земли, по учению Генри Джорджа», «Попытки частичного осуществления теории единого налога Генри Джорджа».

Около 1900 г. Николаев познакомился с Толстым и с этого времени на летние месяцы уезжал в Ясную Поляну, чтобы целиком посвящать их общению с писателем: оба пламенно верили во всеспасительность утопии Г. Джорджа.

Статьи Николаева, пропагандировавшие учение американского экономиста, не находили широкого круга читателей из-за цензурных препятствий. Вмешался Толстой. 30 августа 1904 г. он обратился к известному юристу А.Ф. Кони с просьбой: «Письмо это вам передаст близкий мне и очень хороший человек, С.Д. Николаев, большой знаток, поклонник и переводчик Генри Джорджа. Последняя прекрасная книга его: “Речи Генри Джорджа с его биографией” (20 печатных листов) задержана цензурой <...>. Книга прекрасная, доступная большой публике и могущая внести много света. Если можете и сколько можете, помогите этой книге пройти».

Начиная с 1904 г. в дневнике Толстого нередко записи о посещениях Николаева с обязательным прибавлением к фамилии друга эпитета «милый»: «Был Николаев, милый, всегда добрый, всегда серьёзный» (57: 49). В 1905 г. Толстой привлёк его к работе над статьями «Единое на потребу», «Великий грех», «Конец века» и др. В 1907 г. Николаев помогал Толстому при переиздании в «Посреднике» трактата «Соединение и перевод четырёх Евангелий»; в 1909 г. редактировал его статью «Неизбежный переворот».

Николаев мечтал о том, чтобы теория Джорджа нашла применение в России. Писатель сочувствовал этому и 26 июля 1907 г. написал П.А. Столыпину, председателю Совета министров, советуя ему познакомиться с учением Г. Джорджа: «Если бы Вам хотелось более живым способом познакомиться с этим делом, я бы посоветовал Вам пригласить к себе моего приятеля, великого знатока, едва ли не лучшего в Европе, всего сделанного Генри Джорджем, Николаева». В ответном письме Столыпин выразил готовность видеть Николаева (встреча не состоялась).

Утопией Г. Джорджа много лет интересовалась старшая дочь писателя Т.Л. Толстая. Она даже делала попытки осуществления на практике единого земельного налога в своём имении Овсянниково близ Ясной Поляны. Изучив произведения Г. Джорджа и литературу о нём, она решила написать популярный очерк об этой теории. Осенью 1909 г. она послала на просмотр отцу начало работы и, чтобы получить беспристрастный ответ, скрылась под псевдонимом «П.А. Полипов». Толстой ответил 6 ноября 1909 г.: «Помогай вам Бог закончить этот труд, и чем скорее, тем лучше. Знакомы ли вы с Николаевым? Познакомьтесь, это такой знаток Генри Джорджа и такой страстный сторонник его учения, и такой прекрасный человек, каких редко встретить».

Николаев помог Д.П. Маковицкому в его работе над «Яснополянскими записками». Он передал ему все тончайшие подробности своих бесед с Толстым и всего, что происходило в его присутствии.

Последней работой Николаева был перевод статьи Г. Джорджа «Наука политическая экономия». Лишь за пять дней до смерти он прекратил свои занятия переводом этой статьи. Последние его слова были: «Как жаль, что не кончу этой статьи, хотелось бы кончить, это – свод всего его учения» (55: 454). Он скончался на Кавказе 17 июля 1920 г.

Е.В. Белоусова

НИКОЛАЕВА Лариса Дмитриевна (1875-?) — жена С.Д. Николаева; происходила из «буржуазной семьи, для которой её “толстовство” было большим ударом. Идеям мужа она старалась следовать совершенно искренне, но натура её была совсем иная... У них

была куча детей, жили они принципиально без прислуги. Приходилось ей тяжело. А Сергею Дмитриевичу всё казалось, что они живут слишком роскошно, не по-христиански. Жизнь их была трудная, и оба они и духовно и физически очень страдали», — писал А.Б. Гольденвейзер в книге «Вблизи Толстого».

346

В.Ф. Булгаков вспоминал, что это была «невысокая, полная, довольно красивая женщина, с блестящими чёрными глазами, чёрными волосами и прекрасным, нежным цветом лица, вся — энергия и движение» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970. С. 223).

Она имела собственный взгляд на образование, который поощрял Толстой: «Детей наших в школу мы не отдаём! Мы совершенно согласны со Львом Николаевичем, что казённая школа только развращает детей. Сергей Дмитриевич сам занимается с ними, и они учатся прекрасно и будут знать не меньше, чем знают гимназисты и реалисты...» (там же). Все летние месяцы Николаевы проводили в Ясной Поляне, снимая дом в деревне. Как и её муж, Лариса Дмитриевна бывала у Толстых. Приходили они всегда отдельно, потому что одному из родителей нужно было оставаться дома с детьми. Вначале у них было два варианта образа жизни: кочевать по друзьям или жить в Ясной. Первый вариант не был одобрен Толстым, который сказал Ларисе Дмитриевне: «Я не сочувствую этому. Тогда уж не нужно иметь детей. <...> Оставайтесь здесь» (запись Гольденвейзера).

В 1904 г. в издательстве «Посредник» вышла её книга «Сто вегетарианских блюд. Наставления к приготовлению кушаний для безубойного питания, составленные на основании практики Ж.И. Шульц в германских, швейцарских, венгерских и русских вегетарианских столовых». Она подарила Толстому свой труд; книга и сейчас находится в личной библиотеке писателя в Ясной Поляне.

Николаева полностью поддерживала взгляды мужа на жизнь (вегетарианство и жизнь без прислуги) и считала, что результатом этих «шагов» станет искоренение привычки к роскоши и многословию.

30 мая 1910 г. Толстой отметил в дневнике: «Вечером интересный разговор с Николаевой». Д.П. Маковицкий записал этот разговор: «Л.Н. за чаем с Ларисой Дмитриевной о целомудрии в браке <...> что надо не бежать от соблазна, а развивать внутреннее сопротивление; оно полезно и самому и тем, с которыми живёшь. Николаева заметила, что ведь следует и внешние обстоятельства устраивать, чтобы не давали повод к соблазну, например, общество развратных мужчин».

С симпатией относилась к Николаевой и С.А. Толстая, нередко жалуясь ей на свои семейные проблемы и сочувствуя её трудностям. «Все чужды, кроме жены Николаева», — таково было отношение Софьи Андреевны к посетителям Ясной Поляны в 1907 г. (ДСАТ. 2. С. 266). «Вечером пришла Николаева. И её жизнь нелёгкая с идейным, хотя и очень хорошим мужем, но с пятью детьми, без прислуги», — записала она в дневнике 3 сентября 1910 г.

В марте 1909 г. Николаева поделилась с Толстым идеей устройства вегетарианской столовой для народа. Он одобрил это и в 1913 г. такая столовая была открыта в Москве.

Е.В. Белоусова

НИКОЛАЙ I Павлович (1796-1855) — российский император (декабрь 1825 — февраль 1855 г.). Толстой родился через 3 года после воцарения Николая I, в «Николаевскую эпоху» прошли его детство и молодость. Не случайно он в своём творчестве не раз обращался к этому времени и к личности самого императора: в повестях «Отец Сергей», «Хаджи-Мурат», в рассказах «После бала», «За что?», в незавершённой статье «Николай Палкин» и начатом романе о декабристах. Об идее этого замысла говорит дневниковая запись Толстого 28 июня 1904 г.: «Вспомнил военную выправку при Николае Павловиче (Записки Розена, трёх забей, одного выучи), вспомнил крепостное право и то испытанное мною отношение к человеку, как к вещи, к животному: полное отсутствия сознания братства. Это главное в том, что я хотел бы писать о Николае I и декабристах».

Эпоха Николая I была «вершиной петербургского периода русской истории в смысле утверждения государственного абсолютизма» — именно с этой точки зрения интересовала Толстого и эпоха и сама личность императора. Конечно, и Николай I, проводя свою жёсткую политику, стремился к благу России. Но делал это так, что к концу своего правления привёл страну почти на край гибели; это дало право поэту Ф.И. Тютчеву очень резко выразиться об итогах его гос. деятельности: «Чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злополучного человека» (цит. по: Чулков Г.И. Императоры. М., 1991. С. 219).

Царствование Николая I началось с расправы над декабристами. Постепенно всё больше ужесточалась армейская дисциплина: шпицрутены, розги, за малейшую провинность — прогнание сквозь строй, где палками забивали солдат до смерти (не случайно в армейской среде царя прозвали Николай Палкин). Чтобы заткнуть рты недовольным, было создано 3-е отделение Тайной канцелярии, призванное осуществлять постоянную слежку за гражд-

данами. Во внешней политике – кровавые подавления освободительных движений (восстание в Польше в 1830 г.), завоевательная политика на Кавказе... И наконец – поражение России в Крымской войне и сдача Севастополя.

В юности, как и многие дворянские мальчишки, Толстой представлял себе государя высшим идеалом человека. В 1906 г. он высказал несколько суждений о Николае I, в частности, признался, что в отрочестве и юности обожал императора: «В 1840 г. при закладке храма Спасителя помню чувство восторга, был влюблён в царя <...>. Видел издалика» (ЯПЗ. 3. С. 177 - 178). Вспоминая свои впечатления, Толстой отметил, что Николай Павлович – величественен» (ЯПЗ. 3. С. 239). Это своё отроческое чувство к царю писатель передал Николеньке Иртеневу («Отрочество», гл. «Мечты»). Однако, вплотную столкнувшись с безобразиями в николаевской армии во время военной службы на Кавказе и в Севастополе, он стал критически оценивать деятельность императора. Сразу после его смерти в 1855 г. Толстой начал писать «Проект о переформировании армии», который намеревался подать новому царю. Тогда же возник замысел рассказа о судьбе рекрута в русской армии («Дяденька Жданов и кавалер Чернов»). И в «Проекте...» и в рассказе открыто показано, как истязают солдат в николаевской армии. Ни тот, ни другой замысел Толстой не завершил, осознав, что написал в слишком резких тонах.

Наиболее полный портрет Николая I и его эпохи писатель создал в повести «Хаджи-Мурат». Обращение к характеру Николая I — это попытка до конца осмыслить, что такое власть и деспотизм. В письме к дочери. Т.Л. Сухотиной. 28 февраля 1903 г. Толстой говорил, что в его планах «Хаджи-Мурата» «кончить и в нём характеристику Николая Павловича – деспотизма». А чуть позже в письме к П.И. Бирюкову 3 июня 1903 г. о своей работе над «Хаджи-Муратом» сообщал: «...теперь бьюсь над главою о Николае Павловиче, которая мне очень кажется важна, служа иллюстрацией моего понимания власти». Главные отрицательные черты власти для Толстого –насилие и безнравственность. Наиболее же ярким и отвратительным проявлением насилия во внутренней политике Николая I для него физическое насилие над солдатами особенно – наказание шпицрутенами (прогнание сквозь строй), во время которого людей нередко забивали насмерть. Во внешней политике Николая I возмущение Толстого вызывали и агрессивные завоевательные войны, и подавление борьбы других народов за независимость. Так, Николай I ненавидел поляков за их

свободолюбие. В «Хаджи-Мурате» Толстой писал о Николае: «Он сделал много зла полякам. Для объяснения этого зла ему надо было быть уверенным, что все поляки негодяи. Николай считал их таковыми и ненавидел их в мере того зла, которое он сделал им» (гл. XV). В рассказе «За что?» Толстой показал, как личное неприязненное отношение императора к полякам искалечило судьбы многих участников польского освободительного восстания 1830 г. В «Хаджи-Мурате» писатель подчёркивал безжалостность, бесчувственность Николая по отношению к народам Кавказа, называл Николая бездушным, взгляд его безжизненным. А в дневнике 3 июня 1903 г. записал: «Николай считал всех людей такими же, как те, которые окружали его. А те, которые окружали его, были подлецы; и потому он всех людей считал подлецами».

Ключ к характеру Николая Толстой искал не только в его действиях как политика – писателю хотелось представить его как человека. Потому, работая над сочинениями, где присутствует Николай I, Толстой читал не только исторические труды С.С. Татищева, Н.Г. Устрялова, Н.К. Шильдера, но и мемуары, обращался к разным людям с просьбой прислать ему, кроме деловых, официальных, материалы частного характера о жизни царя. 26 января 1903 г, он писал своей родственнице фрейлине А. А. Толстой, прося сообщить ему подробности домашней жизни Николая I («именно подробности обыденной жизни»). Писателя интересовала «история его интриг, завязывавшихся в маскараде, его отношение к Нелидовой и отношение к нему его жены». «...Мне надо совершенно, насколько могу, овладеть ключом к его характеру», – объяснял он. Этот ключ – не в парадной стороне официальной деятельности человека, а в мелочах частной жизни, где можно увидеть его неприкрашенным, не играющим роль, а самим собой.

Частная жизнь русских императоров (особенно неприглядные её стороны) всегда тщательно скрывалась, чтобы «помазанник Божий» в глазах подданных выглядел человеком «без страха и упрёка». Однако многим становились известны любовные «проказы» Николая I: его многолетняя связь с фрейлиной В.А. Нелидовой (что заставляло страдать императрицу), в маскарадах (где было удобно скрыться под маской) «особая милость» привлекательным молодым девушкам, которым потом «помогали» выйти замуж. Один из таких случаев

348

Толстой описал в «Отце Сергии» (князь Касатский отказался от женитьбы на своей невесте, узнав, что одно время она была любовницей царя). В «Хаджи-Мурате» маскарадные интрижки Николая

использованы и для характеристики его личности, и для картины нравов его эпохи.

Безнравственность, жестокость, «невежество и самоуверенность» Николая, упоение властью — всё это привело страну к тяжёлому кризису. Ни насаждение палочной дисциплины в армии, ни преследование свободной мысли, ни ужесточение цензуры и полицейского надзора над гражданами, ни стремление повысить международный авторитет России — ничто не помогло Николаю I завоевать Кавказ, выиграть Крымскую войну, искоренить казнокрадство и бюрократию и хоть как-то увеличить довольство народное. Создавая образ Николая I в 1900-е гг., Толстой ясно представлял себе причины того кризисного положения, в котором оказалась Россия накануне революции 1905 г., — они коренились в злополучной Николаевской эпохе.

М.Е. Суровцева

НИКОЛАЙ II Александрович (1868—1918) — российский император. Старший сын императора Александра III. С 1881 г. цесаревич, наследник престола. С 1894 г. император Всероссийский. В период Первой мировой войны Верховный главнокомандующий русской армией (1915—1917). Отрёкся от престола 2 марта 1917 г. в Пскове. Арестован вместе с семьёй 8 марта 1917 г., выслан из Царского Села в Тобольск 1 августа 1917 г., оттуда отправлен в Екатеринбург, где расстрелян вместе с семьёй и приближёнными. Канонизирован Русской православной церковью за границей в 1981 г., Русской православной церковью (Московский патриархат) в 2000 г.

Вступление в октябре 1894 г. на престол нового императора вселило в Толстого надежды на изменение политической обстановки в стране. В декабре 1894 г. писатель сделал набросок рассказа «Сон молодого царя», пытаясь сказать в нём правду об «ужасном» царствовании Александра III и выразить надежду, что новый государь не пойдёт по стопам отца. Толстой писал об ответственности самодержца за положение дел в стране и о том, что правитель должен быть прежде всего *человеком*. Рассказ не был закончен, и очень скоро отношение Толстого к Николаю II изменилось. Со временем оно ухудшалось и переросло в открытую неприязнь. Первым поводом к перемене отношения стала краткая речь Николая II перед представителями дворянства и земства, собравшимися в Петербурге с поздравлениями по случаю восшествия нового императора на престол (17 января 1895 г.). В этой речи Николай II назвал идеи об участии представителей земства делах внутреннего управления (высказывавшиеся в некоторых поздравительных адресах) «бессмысленными мечтаниями и подтвердил своё стремление охранять незыблемость начал самодержавия. Толстой назвал эти слова

«дерзкими» и весной 1895 г. написал статью, за которой закрепилось название «Бессмысленные мечтания».

Тем не менее Толстой неоднократно обращался с письмами к Николаю II по различным частным вопросам (в основном по поводу притеснений сектантов). Эти письма передавались лично царю. 10 мая и 19 сентября 1897 г. Толстой направил императору два письма о самарских молоканах («писал я с искренним уважением и любовью к нему, как к человеку»), 7 декабря 1900 г. — письмо о жёнах духоборов, желавших вернуться в Россию и уехать в Сибирь к своим мужьям, передавал и прошения от самих потерпевших. В ряде случаев эти обращения имели положительный результат. Правда, молчание в ответ на его первые два письма позволило писателю усомниться в эффективности обращений непосредственно к монарху. В 1898 г. в черновиках романа «Воскресение» Нехлюдов живёт в Москве, готовит записку «Государю о необходимости уничтожить всякое уголовное преследование и заменить его нравственным образованием масс. Статья, которую он напечатал в журнале об этом <.,> была вся запрещена и вырезана из журнала. Книга его о том же была сожжена. Будущее покажет, какая будет судьба его записки» (33: 160), — и ясно, что эта судьба вряд ли будет иной, чем судьба статьи или книги. Со временем отношение Толстого к Николаю II сформировалось: «Говорят про царя, что не виноват он, а его окружающие, - неправда - он один причиной всего. Жалеть его можно и должно, но нужно знать, где причина», — записал Толстой в дневнике (3 февраля 1898 г.); «...нашему Царю надо, главное, исполнять требования нравственности — оказалось, что таких нет, кроме супружеской верности; он должен и казнить, и грабить, и развращать» (6 апреля 1900 г.): «Обращаются к Царю, советуя ему сделать то-то и то-то для общего блага. И я делал это. От него ждут помощи, действий, а он сам чуть держится» (25 июля 1903 г.).

Летом 1900 г. в Европе произошло очередное политическое убийство — от руки террориста погиб итальянский король Умберто (Гумберт) I. Толстой откликнулся

349

на это событие заметкой «Не убий» (июль — август 1900 г.), в которой снова говорил о Николае II: «...скромный по природе Николай II начинает своё царствование тем, что объявляет почтенным старикам на их желание обсуждать свои дела, что самоуправление есть бессмысленные мечтания, и те органы печати, те люди, которых он видит, восхваляют его за это. Он предлагает детский, глупый и лживый проект всеобщего мира, в то же время делает распоряжения об увеличении войск, и нет пределов восхвалению его мудрости и

добродетели. Без всякой надобности, бессмысленно и безжалостно он оскорбляет и мучает целый народ — финляндцев, и опять слышит только одобрения. Устраивает, наконец, ужасную по своей несправедливости, жестокости и несообразности с проектом мира китайскую бойню, и все, со всех сторон, восхваляют его в одно и то же время и за победы, и за продолжение мирной политики своего отца» (34: 204). Статья была напечатана в 1900 г. за границей, в 1906 г. в России (из 12-го издания «Сочинений» Толстого в 1911 г. изъята в процессе подготовки к печати по постановлению Московской судебной палаты).

Студенческие беспорядки 1901 г. вызвали статью-письмо Толстого «Царю и его помощникам», напрямую адресованную государю. Письмо разослали тем, к кому оно было обращено. Тогда же оно вышло за границу. Из собрания сочинений 1911 г. было изъято.

Чувствуя резкое ухудшение здоровья, в начале 1902 г. Толстой через великого князя Николая Михайловича передал Николаю II ещё одно письмо (от 16 января 1902 г.). Обращаясь к императору со словами «любезный брат», Толстой советовал не цепляться за самодержавие, «отжившую форму правления», а вести народ по пути прогресса, «от зла к добру, от мрака к свету», для чего предоставить основные свободы и, самое главное, уничтожить частную собственность на землю. Это послание показывает, что Толстой всё-таки ещё продолжал надеяться быть услышанным. В одном из вариантов письма Николаю II 7 декабря 1900 г. (о жёнах духоборов) есть даже такие слова: «Как ни трудно верить, что у вас доброе сердце, по тем ужасам, которые, не переставая, совершаются вашим именем, я верю в вас. <...> Я на вас почему-то надеюсь» (72: 517). Государь не ответил на обращение Толстого, что предопределило окончательное разочарование в нём писателя. Толстой с горечью отмечал, что его мысли «были приняты как легкомысленная мечта не знающего жизни и глубокомысленной науки государственного управления фантазёра» (Бирюков. 2. С. 429). Тем не менее, когда в 1904 г. письмо было издано за границей В.Г. Чертковым, Толстой записал в дневнике: «Если бы против меня были приняты меры, какие бы ни были, чем жесточе, тем лучше, это было бы мне приятно, но мне кажется, что я поступил не деликатно по отношению Николая II и Николая Михайловича» (31 декабря 1904 г.). Желание вызвать против себя «гонения» до некоторой степени было причиной и последующих резких публичных высказываний Толстого против верховной власти.

Русско-японская война 1904-1905 гг. встретила резкое осуждение Толстого. В начале 1905 г. появляется его статья «Единое на потребу», полная нескрываемой ненависти не только к самому институту монархии, но и ко всем русским царям от Ивана Грозного до Николая II, для характеристики которых у Толстого нашлись лишь бранные эпитеты. «...Про Николая же II я знаю, что это самый обыкновенный, стоящий

ниже среднего уровня, грубо суеверный и непросвещённый человек, который поэтому никак не мог быть причиной тех огромных по своему объёму и последствиям событий, которые совершаются теперь на Дальнем Востоке». «Попал нынче по наследству малоумный гусарский офицер, и он устраивает со своими клеветами свой манчжуро-корейский проект, стоящий сотни тысяч жизней и миллиарды рублей». «Что может сделать он, жалкое, слабое, ничего не знающее существо, верующее в иконы, мощи?» «Глупый офицер, ничего не знающий и одуроченный до полуидиотства», «с своими иконами, мощами, дочерьми и жалким младенцем...», «невежественный, слабый, недобрый» (статья и её варианты // 36: 168, 169, 448, 450, 451, 463). Эта статья (тогда же напечатана в «Свободном слове») вызвала оторопь даже у нескольких крестьян, её первых слушателей: их неприятно поразила «бранливая» форма обличения монархов. Толстой же говорил: «Беспокоили меня самые резкие выражения в “Едином на потребу”. А теперь желаю, чтобы их как можно больше читали. Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Николай —священная особа. А надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы совершать то, что он совершает. Конечно, не сам он причина, но он себя чувствует причиной в той мере, в какой и мы его полагаем причиной. Ведь человеку в таком положении надо повеситься, или спиться, или с ума сойти» (ЯПЗ. 1. С. 288).

Апофеозом неприязненного отношения к императору стал первый вариант знаме-

350

нитой статьи «Не могу молчать» (1908). Помещик и граф Российской империи называл Николая II палачом и писал: «...самый глупый и бесчеловечный из всех г-н Романов, называемый Николай Второй <...> Сначала я думал <...> что он своим рождением, воспитанием, средой доведён до той тупости, которую он проявлял и проявляет в своих поступках, но чем дальше продолжается теперешнее положение, тем больше я убеждаюсь, что эти два человека <Николай II и Столыпин>, виновники совершающихся злодейств и развращения народа, сознательно делают то, что делают...» (37: 392, 396). В окончательном варианте статьи Толстой убрал имена и смягчил тон (первый вариант увидел свет только в 1917 г.). В записной книжке 1908 г. писатель прямо называл Николая II «несчастливым неменяемым в своём ужасном положении» (56: 360). Исповедуя непротивление злу насилием и братскую любовь между людьми, Толстой стремился всё-таки преодолеть своё отрицательное отношение к царю: «Нынче написал только

маленькую прибавку к статье о Столыпине <статья «Смертная казнь и христианство». — *Е.П.*>, прибавку о царе, с тайной целью вызвать против себя гонения. И цель не совсем хороша, а уже совсем нехорошо нелюбовное отношение к нему. Надо будет исправить» (дневник, 18 января 1909 г.); а в письме Черткову 2 июня 1908 г., говоря о «сверхбратской» любви, Толстой замечал: «Так-то вот надо бы любить Столыпина и Николая II, а я нет-нет и сбиваюсь». В сентябре 1909 г. Толстой снова решил написать царю и даже хотел встретиться с ним. «Всё думается — и хорошо — о письме государю и свидании с ним, думаю, что напишу» (дневник, 20 сентября 1909 г.). Толстой так и не написал этого письма. Сохранилась лишь одна фраза из его записной книжки: «Знаю, что если бы мы увиделись, взглянули в глаза друг другу, по-братски поговорили бы, мы улыбнулись и по-братски пожали бы друг другу руку» (57: 243). Исполниться этому было не суждено.

Е.В. Пчелов

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (1859-1919), великий князь — старший сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Фёдоровны (рожд. принцессы Баденской), внук Николая I. Получил домашнее образование, в 1885 г. окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба по 1-му разряду. На военной службе с 1875 г., участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (награждён орденом Св. Георгия 4 степени за храбрость), генерал-майор по гвардейской пехоте (1896), начальник Кавказской гренадёрской дивизии (1897—1903), генерал-лейтенант (1901), генерал-адъютант (1903), генерал от инфантерии (1913).

Крупный учёный-энтомолог, исследователь в области изучения чешуекрылых. Член Французского энтомологического общества; действительный член (1878), почётный президент (с 1881) Русского энтомологического общества. Собрал крупнейшую в России коллекцию бабочек (более 110 тысяч экземпляров, по оценке на 1900 г.), которую подарил Зоологическому музею Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Под редакцией Николая Михайловича выходило многотомное издание «Научные исследования (“мемуары”) по чешуекрылым» (СПб., 1884-1901, на франц. и нем. яз.). Он автор фундаментального труда «Чешуекрылые Закавказья» (на франц. яз.), описал 10 новых видов бабочек.

Выдающийся историк, автор научных работ и публикаций источников по русской истории эпохи царствования Александра I: «Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. Биографические очерки» (СПб., 1901), «Граф П.А. Строганов. Историческое исследование эпохи имп. Александра I» (т. 1-3.

СПб., 1903) и др. Организатор издания фундаментального справочника «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (т.1-6. СПб., 1905-1909), где впервые был собран и обобщён большой корпус портретных изображений почти за два века истории русской живописи, сопровождаемый биографиями портретируемых. Под руководством великого князя выходили в свет очередные тома Русского биографического словаря и «Сборников Императорского Русского исторического общества», шла работа по описанию некрополей России: подготовлены и изданы «Московский некрополь» (Т. 1-3. СПб., 1907-1908), «Петербургский некрополь» (Т. 1-4. СПб., 1912-1913) и др. Почётный член Российской Императорской академии наук (1898) и Императорской академии художеств (1909); председатель Императорского Русского географического (с 1892) и Императорского Русского исторического (с 1910) обществ; доктор философии Берлинского университета (1910; отказался от звания в связи с Первой мировой войной); член французской Академии нравственных и политических наук (1913), доктор русской истории Московского университета (1915). Крупный коллекционер живописи, миниатюр, рисунков и гравюр, коллекцию намеревался завещать Русскому музею.

351

Приверженец либеральных взглядов. Николай Михайлович в начале 1917 г. за критические высказывания был выслан на два месяца из Петрограда в своё имение в Херсонскую губ. Приветствовал Февральскую революцию, поддерживал А.Ф. Керенского. По советскому декрету 2 апреля 1918 г. выслан в Вологду, в июне арестован и отправлен в Петроград. В тюремном заключении, не имея под рукой необходимых материалов, продолжал научную работу – писал книгу о М.М. Сперанском. Академия наук и М. Горький безуспешно ходатайствовали перед Лениным о его освобождении. Расстрелян в Петропавловской крепости вместе с тремя другими великими князьями в ответ на убийство в Германии К. Либкнехта и Р. Люксембург.

С Толстым Николаи Михайлович познакомился в конце октября 1901 г. в Крыму, где писатель по рекомендации врачей жил в Гаспре, в имении графини С.В. Паниной, а великий князь гостил у брата Александра в имении Ай-Тодор. Николай Михайлович и Толстой встречались три раза (26 и 31 октября, 3 ноября). После неудачных попыток увидеться с писателем во время прогулок в окрестностях Гаспры, Николай Михайлович написал ему записку с просьбой о встрече, на что получил согласие. При первой встрече великий князь не произвёл на Толстого положительного впечатления: «Что ему нужно, не знаю. <...> Он мало

интересен. Слишком знакомый тип», -- писал Толстой В.Г. Черткову (88: 251). Но вскоре отношение Толстого изменилось: «...ещё приходил к Лёвочке великий князь Николай Михайлович, это уже во второй раз, и, говорят, он в восторге от бесед со Львом Николаевичем. Этот великий князь очень живой, самостоятельный и всем интересующийся человек. Он и Лёвочке понравился», – сообщала С.А. Толстая Т.А. Кузминской (цит. по: *Бирюков*. 2. С. 420). А вот – свидетельство М. Горького: «Сегодня там был великий князь Николай Михайлович, человек, видимо, очень умный. Держался очень скромно, малоречив <...>. Л.Н. ласково улыбался ему и говорил то по-французски, то по-английски» (там же). Великий князь обсуждал с Толстым не только исторические и религиозно-политические вопросы, но и просил его совета по личному делу – насчёт возможной женитьбы на княгине Е.М. Барятинской (брака не состоялся). Свои впечатления от общения с Толстым Николай Михайлович записал по горячим следам 4 ноября 1901 г.; он, в частности, писал: «В заключение скажу одно – Л.Н. Толстой как писатель одно, а как человек - совсем другое; и я очень рад, что мне удалось видеть близко с глазу на глаз человека, тогда можно многое простить увлекающемуся старцу-писателю» (Романов Н. <Николай Михайлович>. Мои свидания с графом Л.Н. Толстым / Вступ. статья и публ. Н Калинина и М. Земляниченко // *Родним*. 1993, № 4, (С. 50). Между великим князем и Толстым завязалась переписка. Они обсуждали различные вопросы, в т.ч. насущные проблемы состояния России. В январе 1902 г. через Николая Михайловича Толстой передал лично Николаю II своё письмо с предложением земельной реформы по проекту американского публициста Г. Джорджа (отмени частной собственности па землю), оставшееся, впрочем, без последствий. По просьбе Толстого великий князь помогал устроить отъезд духоборов из России. Всегда живо откликаясь ни просьбы писателя, он способствовал получению Толстым необходимых материалов для работы над повестью «Хаджи-Мурат», посылал ему и свои исторические труды, высоко оценённые Толстым. Николай Михайлович специально занимался исследованием вопроса о личности старца Фёдора Кузьмича (у Толстого: Кузмича), что особенно интересовало Толстого. «Л.Н. хвалил книгу великого князя Николая Михайловича о Долгоруких», – записал в своём дневнике Д.П. Маковицкий 24 января 1906 г. (*ЯПЗ*. 2. С. 28; книга с дарственной надписью имеется в яснополянской библиотеке). Толстой читал эту книгу, работая над «Посмертными записками старца Фёдора Кузмича». В библиотеке Толстого сохранились и все тома «Русских портретов XVIII и XIX столетий», изданных Николаем Михайловичем. Их прислал сам автор. Получив первую книгу, Толстой писал ему 29 января 1906 г.: «Вообще всё это издание есть драгоценный матерьял истории, не только de la petite histoire, но настоящей истории того времени. Я испытал это,

потому что занят теперь временем с 1780-х до 1820-х годов» (76: 90). Через Черткова Толстой направлял Николаю Михайловичу свои брошюры политического содержания.

14 сентября 1905 г. Толстой, как он потом сам признавался, в момент написания чего-то «резкого и недоброго» по отношению к царской династии, отправил великому князю письмо с предложением прекратить переписку: «...в наших отношениях есть что-то ненатуральное и не лучше ли нам прекратить их. Вы великий князь, богач, близкий родственник государя; я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом. И что-то есть для меня в отношениях с вами неловкое от

352

этого противоречия, которое мы как будто умышленно обходим» (76: 31-32). В ответном письме Николай Михайлович с пониманием отнёсся к предложению Толстого, заметив, что он в то же время к нему «гораздо ближе», «чем к ним». «Мне очень радостно было узнать из вашего хорошего письма, что вы меня вполне поняли и удержали ко мне добрые чувства», — отвечал Толстой (76: 40). Переписка всё же продолжалась, но от случая к случаю. В феврале 1908 г. Толстой писал великому князю, что ему «теперь совестно вспоминать» о его письме 1905 г. В день юбилея Толстого в 1908 г. Николай Михайлович прислал писателю приветственную телеграмму.

Переписка Толстого и Николая Михайловича опубликована (не полностью) в кн.: *ЛН*. Т. 37-38. С. 299-323.

Е.В. Пчелов

НИЦШЕ Фридрих (1844-1900) — немецкий философ, представитель «философии жизни». Подверг резкой критике христианскую цивилизацию, мораль, систему ценностей. Отрицал любовь к ближнему и всепрощение, считая христианскую этику противной человеческой природе, а христианство — религией слабых людей. В основе миропорядка, считал Ницше, лежит воля к власти и могуществу, стремление утвердить свою волю за счёт других, что вполне естественно и отвечает потребностям человеческой природы. Любые политические, социальные, религиозные движения стремятся таким образом самоутвердиться, проповедуя свои ценности, подчинив себе разум и волю других существ. Ницше выдвинул идею сверхчеловека — существа, стоящего над добром и злом, способного преодолеть «недостатки»

человеческой природы, выйти на качественно новый уровень и создать новые, якобы более совершенные формы жизни.

Толстой и Ницше — во многом антиподы, символизирующие два крайних мировоззренческих полюса. Толстовскому учению о ненасилии, любви к ближнему, моральным ценностям, его рационализму, разуму и совести противостоит ницшеанский культ силы, любви к дальнему, аморализм и иррационализм, воля и стремление к могуществу.

Мыслители были знакомы с произведениями друг друга. Толстой был для Ницше олицетворением христианского сострадания (см. «Антихрист», гл. 7 и др. соч.), которое не принимал немецкий философ. Высказывания Толстого о Ницше тоже были, как правило, отрицательными. В трактате «Что такое искусство?» писатель критиковал аристократическое искусство, ницшеанскую точку зрения, согласно которой пользоваться произведениями искусства могут только избранные или «сверхчеловеки». В романе «Воскресение» Толстой писал о бродягах, «предвосхитивших новейшее учение Ницше и считающих всё возможным и ничто не запрещённым и распространяющих это учение сначала между арестантами, а потом между всем народом» (32: 413). С горечью и возмущением отмечал писатель в предисловии к роману фон Поленца «Крестьянин», что «последним словом философии в наше время признаётся безнравственная, грубая, напыщенная, бессвязная болтовня Ницше». О проявлении «эгоизма, зла и ненависти, которое в последнее время так ярко и сознательно выразилось в учении Ницше» (34: 309), упоминалось в обращении «К духовенству». В статье «О науке» Ницше назван лжефилософом.

Полны критических замечаний в адрес Ницше и дневниковые записи Толстого. 10 ноября 1897 г. он писал о неправильном понимании христианства ницшеанцами, полагающими, что христианство является отречением от своего достоинства, слабостью, покорностью. Как раз напротив, считал Толстой: «истинное христианство, прежде всего, требует высшее сознание своего достоинства, страшную силу и непоколебимость» (53: 160). 8 января 1900 г. Толстой отметил, что философия Ницше — «полное убожество мысли, понимания и чутья»; 16 января того же года сравнил с ницшеанством мировоззрение героев чеховской «Дамы с собачкой»: «это всё Ницше. Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло». Наконец, в дневниковой записи 29 декабря 1900 г. Ницше прямо назван сумасшедшим: «Каково же общество, если такой сумасшедший, и злой сумасшедший, признаётся учителем?»

С другой стороны, Толстой признавал некоторую последовательность ницшеанского отрицания морали, полное отсутствие лицемерия у Ницше, откровенно признающего только силу, в то время как лжехристианские мыслители склонны искусно скрывать то же самое

насилие и волю к власти. Ницше «неопровержим, когда он говорит, что все правила нравственности, с точки зрения существующей нехристианской философии, суть только ложь и лицемерие и что человеку гораздо выгоднее и приятнее и разумнее составить сообщество *Übermensch*-ев...» (39: 20). В свой «Круг чтения» Толстой включил выдержку из статьи Ницше «Критика высших

353

ценностей», назвав её «Католицизм и христианство». Яснополянский мыслитель был весьма удивлён тем, что этот отрывок написан исключительно с «толстовских», т.е. близких его христианскому сознанию, позиций.

Ницше критикует христианскую церковь за то, что она изменила идеям Иисуса Христа, приспособившись к окружающему миру насилия, пишет, что «церковь, какова она есть – как раз то, против чего проповедал Христос и с чем он заповедал своим ученикам бороться».

Ницше, как и Толстому, не нравится лицемерие церкви, однако это не значит, что он одобряет проповедь Иисуса Христа. Наоборот, христианскую систему ценностей, как он считает, необходимо преодолеть. Но в данном отрывке эта точка зрения не была выражена, ибо автор ограничился критикой церкви.

Мировоззренческие позиции обоих мыслителей были радикальными, требовали пересмотра традиционных ценностей европейской цивилизации. Не удивительно, что в XX в. духовные последователи Толстого и Ницше (или считавшие себя таковыми) оказались на разных полюсах общественной и политической жизни. К толстовской идеологии были близки многие деятели ненасильственных движений (М. Ганди, Д. Неру, М.-Л. Кинг и др.); крайние течения в ницшеанстве сблизилась с идеологией фашизма, и своеобразно понятые идеи Ницше активно использовались в Германии 30-х гг.

Лит.: Щеглов В.Г. Лев Толстой и Фридрих Ницше. —Ярославль, 1898; Немировская Л.З. Толстой и Ницше: пособие в помощь изучающим филологию и культурологию. - М., 1998; Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволия. - М., 1989.

Ю.В. Прокочук

НОВИКОВ Алексей Митрофанович (1865-1927) — знакомый Толстого, математик, будущий доктор медицины, поэт, критик, историк,

переводчик, артист — был незаурядной личностью. Он родился в Туле в семье рабочего. Поступил в гимназию, а потом и на математическое отделение Московского университета, который успешно окончил в 1888 г. со званием кандидата чистой математики. Его оставляли в университете для подготовки к профессорской должности. Но судьба определила ему совсем иное жизненное поприще. Встреча с Толстым оказала большое влияние на его взгляды и жизнь.

Новиков познакомился с Толстым в 1889 г. в доме И.И. Раевского, где Новиков был учителем. Знакомство началось со споров. В общем разговоре «Толстой задел Пушкина, заметив, что у Пушкина только повести хороши <...>, а всё остальное незначительно». «Тогда я с высокомерием спросил: “Кто же это не признаёт Пушкина великим писателем? Я таких не знаю”, — вспоминал Новиков. “Да вот, например, я”, — ответил Л.Н. “Вы и ваши последователи — это ведь кружок, секта...” <...> Дальше я уже не знал удержу и не помню, как дело шло, но помню конец этого разговора. Л.Н. почмокал, покачал головой и проговорил <...>: “Какой спорщик! Ах, какой спорщик!” <...> Мы простились без выражения симпатий и без предчувствия, что проживём три года вместе. А я, кроме того, совершенно не предчувствовал, что не только пойму <...> личность Толстого, но и сам попаду под его прямое влияние, сам буду трезвенником и вегетарианцем, хотя всё-таки останусь самим собою» (Новиков А.М. Л.Н. Толстой и И.И. Раевский // МТА. С. 192-193).

В доме Толстых Новиков появился 9 октября 1889 г. как учитель их младших сыновей Андрея и Михаила, которых нужно было подготовить в гимназию. Рекомендовали его Раевские «как способного, широкообразованного, владеющего европейскими языками интеллектуала и передового по своим взглядам человека» (Бриль С. Доктор Новиков, человек и учёный // Урал. 1983. № 9. С. 155). Учителем понравился и мальчикам Толстым, и родителям. Толстой оценивал его как учителя «очень удачного» и «очень оригинального, умного, и доброго, и ласкового к детям человека» (64: 325). В очерке «Зима 1889—1890 годов в Ясной Поляне: Картины яснополянской жизни в 1890-х годах» (ТВС. I) Новиков ярко и выразительно нарисовал картины яснополянской жизни того периода и своеобразие своих отношений с писателем: «Разговоры наши с Толстым начались вскоре же после моего приезда. Я был революционер, позитивист и материалист <...> и Толстой сразу пошёл на штурм моих убеждений, доказывая мне, что государственное устройство — это только циферблат часов, а не внутренний механизм их; оно само является результатом нравственного и религиозного уровня общества, а не наоборот. Думать, что какое бы то ни было государственное устройство может сделать людей лучше, это всё равно что переводить стрелку часов и воображать, что этим исправляешь их внутренний механизм. Материя есть наше представление, а

представление не есть следствие материн. Дорого и нужно не положительное знание, а знание того, что мне нужно изучать, и это первый вопрос, который надо человеку

354

решить...» Споры часто были горячими, но обычно заканчивались примирением. «...От его быстрого взгляда исподлобья мне ни разу не удалось скрыть ни одного движения души...» — вспоминал Новиков.

Он вызывал искреннюю симпатию писателя. Отношения между ними были доверительными. Толстой привлекал учителя к общей работе. Одним из первых дел была яснополянская школа для деревенских детей. Обучались дети грамоте, счёту по азбукам Толстого, по его сказкам. Младшее отделение вела М.Л. Толстая, дочь Толстого, старшее — Новиков. Вторым делом, на котором «сошлись» Толстой и Новиков, была яснополянская библиотека. Все «книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог отнестись равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг. Толстой часто заходил ко мне, проводил со мной подолгу время в беседах об этих книгах...» — рассказывал Новиков.

Была и совместная работа Толстого и Новикова. Писатель обращался к нему с просьбами делать переводы статей с иностранных языков: Новиков прекрасно знал греческий, французский и немецкий языки. В октябре 1890 г. он перевёл статью известного швейцарского учёного-психиатра Д. Фореля «Обычай пьянства, его гигиеническое и общественное значение по отношению к университетской молодёжи». И статью, и перевод Толстой нашёл прекрасными. Тогда же Новиков перевёл новеллу Мопассана «Le porte». Рассказ заинтересовал писателя. Он назвал его чудным. Увлёкшись им, Толстой стал исправлять перевод Новикова: упростил язык, исключил отдельные фразы, диалоги приблизил к народному языку. Так появился свободный перевод рассказа Мопассана, которому Толстой дал название «Франсуаза». Позднее писатель, работая над статьёй «В чём моя вера?», привлекал Новикова как консультанта при переводе с греческого евангельских текстов.

Новиков часто принимал участие в коллективной работе семьи Толстых, переписывая рукописи «Послесловия к “Крейцеровой сонате”» (1890), статьи «Первая ступень» (1891) и др. сочинений писателя. С особым интересом зимой 1899 г. переписывал, и неоднократно, комедию «Плоды просвещения», восхищаясь каждой её фразой. А затем и превосходно играл в одноимённом домашнем спектакле роль лакея. Зима 1889-1890 гг. в яснополянском доме была деятельной и интересной.

В 1891 г. мальчики Толстые поступили в московскую гимназию Поливанова, и Новиков покинул дом Толстых. 1891 г. в его жизни был очень важным. Неурожай повлёл за собой повальный голод во многих центральных губ. По инициативе И.И. Раевского Новиков участвовал в переписи голодающей населения в Рязанской губ. Страшные картины вымирающих от голодного тифа деревень так потрясли его, что он решил сменить профессию и поступить на медицинский факультет Московского университета, чтобы приносить реальную пользу страдающим людям. 23 ноября 1891 г. он писал Толстому: «Я припоминаю, как изменялась моя душа и две вещи, которых не было у меня до Вас: равнодушие к завтрашнему дню и благорасположение ко всем людям» (ОР ГМТ).

Университет Новиков закончил с отличием в 1896 г. Его учителями были корифеи отечественной науки С.С. Корсаков, И.М. Сеченов, Н.Ф. Филатов, Н.В. Склифосовский. Профессор В.Ф. Снегирёв предсказывал ему успех в будущем, и предсказание сбылось. Юношеские мечты Новикова о все общем благе полностью реализовались в действительности: он был земским врачом, защитил докторскую диссертацию, основал медицинский институт на Урале, работал в Ташкенте, принимал участие в создании Екатеринбургского университета.

Ежегодно Новиков выступал в печати с воспоминаниями о Толстом. В одной из работ «Об учении Льва Толстого» (1920) он писал: «Деятельность, направленная на непосредственное любовное служение страдающим и на уничтожение общих причин страдания, — и есть та единственная радостная работа» человека, которая составляет его жизнь (ОР ГМТ). Ещё в Ясной Поляне, напутствуемый Толстым, Новиков дал себе слово всю свою практическую деятельность посвятить народу. И до конца своих дней от этого слова не отступал.

Е.Г. Шестакова

НОВИКОВЫ

Адриан Петрович (1865-1930) — крестьянин. Семья Новиковых происходила из деревни Боровково Тульского уезда. Давние знакомые Толстого, его посетители, корреспонденты и адресаты. Последователи его взглядов. 26 октября 1902 г. в письме к А.Ф. Кони Толстой сообщал: «В Тульском уезде есть замечательная по нравственности, уму и образованию семья крестьян Новиковых». Толстой особенно тесно был связан с братьями Адрианом и Михаилом. Адриан служил лакеем в Москве у Волконских. Со взглядами Толстого познакомился через свою барыню. Неоднократно

бывал в Ясной Поляне, переписывался с Толстым. В 1903 г. написал «Записки лакея». Толстой читал их в рукописи. Сочинение Новикова произвело на него сильное впечатление. Впоследствии он не раз перечитывал «Записки». Хотел написать что-то подобное сам. «Записки лакея» опубликованы в 1905 г.

Михаил Петрович (1871-1939) – из крестьянской семьи Новиковых; последователь взглядов Толстого, его посетитель, корреспондент и адресат. Писатель, автор воспоминаний о Толстом.

Толстой считал, что в семье Новиковых «самый выдающийся из них по уму Михаил» (73: 311). Он был старшим военным писарем в воинской части в Москве. В 1893 г. Толстой прочёл рукопись одной из его статей и сразу заметил его талант. Он использовал материал статьи в своей драме «И свет во тьме светит». В 1896 г. Толстой встретился с Новиковым и тогда же записал о нём в дневнике: «...изменил свою жизнь, вследствие моих книг. <...> Горячий юноша» (53: 83). Толстой часто встречался с Новиковым, вскоре за либеральные идеи тот был разжалован из писарей и сослан в Тургайскую область. Вернувшись из ссылки, поселился в деревне и занялся крестьянским трудом, продолжал писать о крестьянской жизни. Начальство и духовенство стали для него заклятыми врагами, всё чаще происходили столкновения. В 1902 г. ему пришлось хоронить своего ребёнка в огороде, ибо священник не разрешал это сделать на кладбище.

Вскоре случилась новая беда: Новиков, член комитета по нуждам сельскохозяйственной промышленности, подал в комитет достоверное и правдивое описание жизни крестьянства и его нужд и за это был арестован. Освобождён по ходатайству Толстого и его друзей. Когда началась Русско-японская война, Новикова призвали в армию. Из армии в письмах он рассказывал Толстому об истинных настроениях и страданиях простых людей. Писатель включил эти письма в статью «Одумайтесь!». Особенно высоко оценил Толстой статью Новикова «На войну», она была напечатана при его содействии в 1905 г. в Англии. Статьи Новикова «Письма крестьянина» и «Старая вера» увидели свет в 1909 и 1910 гг.

Толстой постоянно пропагандировал сочинения Новикова, который часто бывал в Ясной Поляне и был для писателя и единомышленником, и близким другом, 20 октября 1910 г. он в гостях у Толстого: «Много говорил с ним. Серьёзно умный мужик». Спустя три дня в «дневнике для одного себя» запись: «Мысль о Новикове не покидает». Что за «мысль» не «покидала» Толстого? 20 октября у них состоялся долгий ночной разговор, и Толстой поведал о своих трудных отношениях с женой, о мучительных для него условиях жизни, сообщил своё намерение уйти из

Ясной Поляны. 24 октября он послал Новикову письмо с просьбой подыскать ему в деревне избу. Обо всём этом Новиков рассказал впоследствии в воспоминаниях. Ответ Новикова Толстой получил уже в Астапове.

Н. И. Шинкарьук

НОВОСЁЛОВ Михаил Александрович (1864-1938) — публицист, философ, богослов. Некоторое время разделял религиозные воззрения Толстого; его посетитель, корреспондент и адресат. Сын директора тульской гимназии, с которым общался Толстой: в гимназии учились сыновья писателя Илья и Лев, Сергей сдавал экзамены экстерном.

Новосёлов окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886). Тогда же познакомился и начал переписываться с Толстым. Осенью 1887 г. он «бросил учительство» и уехал в деревню, переписывал запрещённые сочинения Толстого. За распространение толстовских произведений («Николай Палкин» и др.) был арестован, в 1888 г. освобождён под надзор полиции с запрещением проживать в столицах. После этого Новосёлов купил участок земли и организовал одну из первых толстовских земледельческих общин (в с. Дугино Тверской губ.), которая просуществовала около двух лет. Общинники терпели преследования со стороны властей и воровство местных жителей, о чём Новосёлов сообщал в письмах Толстому. Толстой отвечал, что надо относиться к преследователям с любовью, что это — самое важное дело в жизни. Кризис в жизни общинников наступил в 1890 г. Выяснилось, что «Новосёлов хочет выйти из общины, потому что ему непереносно название и положение перед людьми собственника». Толстой решил написать ему, что «первый шаг — это отказаться от похоти и удовлетворяющей ей собственности, второй шаг — это отказаться от тщеславия и удовлетворяющего этому мнения людского» (51: 29. См.: 65: 52). О новосёловской общине говорили Толстой и Новосёлов при личной встрече 13 сентября 1891 г. «Общинники не обманывали себя, что они свободны от собственности, если они владеют сообща, а видели, что они удерживали собственность вместе так же, как прежде удерживали порознь. Окружающие

356

тащили. А им надо было держать. И держать нельзя было, потому что у живших вместе людей та степень, дальше которой человек не может уступить, была не одна и та же. Оттого разлад. Оказалось, что жить надо в той перетасовке чёрного и белого и всех теней, в которой мы все

находимся, и не выделяться одним более или менее светлым и окрашиваться ещё одной краской» (52: 52). В 1891-1892 гг. Новосёлов, как и многие другие толстовцы, принимал участие в оказании помощи голодающим крестьянам.

В середине 1890-х гг. он отошёл от толстовства, начал критиковать толстовское учение, общаться с Иоанном Кронштадтским, посещать старцев Оптиной и Зосимовой пустыней. Толстой спокойно отнёсся к тому перевороту, который произошёл в сознании Новосёлова и некоторых других «толстовцев». 24 июня г. он писал М.В. Алёхину: «Пути, по которым идут Новосёлов и ваш брат Аркадий, совершенно непонятны для меня, но уверен, что они ведут туда же, куда мы все идём: к истине и Богу». После отлучения Толстого от церкви в 1901 г. и появления «Ответа Синоду» Новосёлов послал Толстому увещательное письмо (опубликовано в «Миссионерском обозрении»). Впоследствии он вынужден был извиниться перед Толстым за то, что в печати письмо появилось раньше, чем дошло до адресата. 28 июля 1901 г. Толстой отреагировал на это обращение в письме к Л.П. Никифорову: «Письмо же его в “Миссионерском обозрении” ужасное, жалкое. Это прямо гипнотическое внушение, вследствие которого человек, рассуждая здраво обо всём, как только попадает на предмет внушения, начинает бредить».

Новосёлов был участником петербургских религиозно-философских собраний (1901-1903) и Московского религиозно-философского общества им. Вл. Соловьёва (1905-1918). В Вышнем Волочке он издавал религиозно-философскую библиотеку (1902-1917, 39 книг), в которой нашлось место и для некоторых сочинений Толстого (были опубликованы отрывки из статей «Религия и нравственность», «О воспитании» и др.).

Несмотря на имеющиеся идейные разногласия, Толстой и Новосёлов продолжали общаться. В 1902 г. Новосёлов получил от писателя требуемое цензурой разрешение на публикацию писем Толстого к нему в журнале «Новый путь» (письма вышли в № 1 и 2 журнала за 1903 г.). Толстой был знаком с издательской деятельностью Новосёлова, читал выпуски религиозно-философской библиотеки, иногда присылаемые ему автором-составителем.

29 октября 1910 г. М.Н. Толстая предложила заехавшему к ней брату книги из этой серии. «Л.Н. заглянул в некоторые выпуски и, как он это умел, быстро сориентировался, чего стоят, и они сразу понравились ему, отобрал четыре книжечки из 21 и взял их с собой» (ЯПЗ. 4. С. 407). Одно из последних писем Толстого, продиктованное Маковицкому и отправленное из Шамордина 30 октября, было адресовано Новосёлову. «М.А. Новосёлову, Вышний Волочок, Тверской губ. Лев Николаевич у сестры в Шамординском монастыре нашёл вашу “Религиозно-философскую библиотеку”. Она ему чрезвычайно нравится, и он желал

бы знать, продолжается ли она и сколько её №-ов. *И присылает вам свой привет — если вы его помните* (добавил Л.Н.). Д.П. Маковицкий» (ЯПЗ. 4. С.408). 31 октября, в поезде, Толстой наряду с «Кругом чтения» читал понравившуюся ему составленную Новосёловым книгу «О религии и смысле жизни».

В 1912 г. Новосёлов был избран почётным членом Московской духовной академии. Тогда же он стал известен как один из активнейших участников антираспутинской кампании, выпустил брошюру «Григорий Распутин и мистическое распутство», в которой изобличал «старца» в принадлежности к секте хлыстов. В 1917—1918 гг. он участвовал в работе Поместного собора Русской православной церкви.

В 1929 г. Новосёлов был арестован, в январе 1938 г. расстрелян в Вологде. Причислен к лику святых Русской православной церкви.

Ю.В. Прокопчук

НОРОВ Авраам Сергеевич (1795—1869) — писатель, общественный деятель, знакомый Толстого. Происходил из старинного дворянского рода. Учился в Московском университетском благородном пансионе. Не окончив курса, в 1810 г. поступил юнкером в гвардейскую артиллерию. В 1812 г. участвовал в военных действиях под Смоленском; в Бородинском сражении был ранен (с ампутацией ступни). Вышел в отставку в чине полковника. Основные занятия его в последующие годы — литература, изучение языков, переводы. Он печатался в журналах и альманахах с 1816 г. Библиофил, владелец замечательной библиотеки. Самая существенная часть литературного наследия Норова — описания предпринятых им путешествий.

С именем Норова связана история печатания «Записок маркёра» и севастопольских

357

рассказов Толстого. На донос по поводу «Записок маркёра» Норов, бывший с 1854 г. министром народного просвещения, прореагировал спокойно и «приказал: оставить без последствий». Рассказ «Севастополь в декабре месяце» министр приводил как образец для разрешения печатания подобных статей в «Современнике». Что касается печальной цензурной истории «Севастополя в мае», И.И. Панаев 28 августа 1855 г. писал Толстому в Севастополь, что он показывал цензурную правку, сделанную М.Н. Мусиным-Пушкиным, «самому министру», который был приведён «по поводу некоторых вымарок в совершенное удивление, — и теперь я буду представлять все Ваши рассказы, — обещал Панаев, — министру и печатать с его разрешения. Норов — человек образованный и

горячий. Он любит литературу... Не бойтесь же за следующие Ваши труды и не охлаждайтесь некоторыми цензурными неудачами...»

Толстой познакомился с Норовым, видимо, осенью 1855 г., когда приехал из Севастополя в Петербург.

В начале 1858 г. Норов подал прошение об отставке, он был назначен членом Гос. совета. В его занятиях преобладала научная деятельность; с 1840 г. он член Российской академии, а с 1851 г. — действительный член Академии наук по отделению русского языка и словесности, председатель нескольких учёных обществ. Он продолжал путешествовать: Толстой с ним встретился в августе 1860 г. во время своей поездки в Европу.

Как участник Бородинской битвы, в 1868 г. Норов выступил с критическими замечаниями в адрес автора «Войны и мира» в статье, напечатанной в «Военном сборнике» и затем отдельной брошюрой под названием «Война и мир. 1805-1812. С исторической точки зрения по воспоминаниям современника. По поводу соч. графа Л.Н. Толстого “Война и мир”» (СПб., 1868). Работа Норова сразу же вызвала критические отзывы. Бесспорной ценностью его статьи остаётся воссозданная им в деталях картина Бородинского сражения, занимающая половину книги. Не принимая «непатриотичную», по его мнению, историческую концепцию автора «Войны и мира», его философию, Норов в то же время отдавал должное художественному мастерству писателя, признав, что Толстой «прекрасно и верно изобразил общие фазисы Бородинской битвы». Прямых сведений о знакомстве Толстого с работой Норова нет. Но брошюра, возможно, присланная автором, есть в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне, и хорошо видно, что она была в руках читателя не один раз.

Через два месяца после напечатания статьи Норов умер.

Лит.: Архангельская Т.Н. А.С. Норов — оппонент Л.Н. Толстого // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. — М., 2001.

Т.Н. Архангельская

ОБОЛЕНСКАЯ **Елизавета Валериановна** (рожд. Толстая; 1852-1935) – племянница Толстого, дочь его сестры М.Н. Толстой, свекровь М.Л. Оболенской-Толстой. В 1871 г. вышла замуж за Л.Д. Оболенского. В 1880 г. он был казначеем Московской городской управы. (В 1883 г. вместе с братом С.А. Толстой П.А. Берсом издал сборник «Рассказы для детей И.С. Тургенева и гр. Л.Н. Толстого».)

Е.В. Оболенская

Оболенская была для Толстого очень близким человеком. Часто и подолгу она жила в Ясной Поляне. Дядя нежно, по-отечески любил племянницу и много внимания уделял ей. Наблюдая порой ежедневную, будничную жизнь Толстых, она чётко фиксировала в памяти многие ситуации и детали этой жизни, запоминала разговоры и высказывания Толстого. Позднее всё это она написала в своих мемуарах, которые стали ценным документом для изучения жизни и творчества Толстого. В записках этих выявляются новые сведения, ранее почти неизвестные, о

семейной драме её матери и о том участии, которое проявил здесь Толстой. Живые изображения Толстого в окружении детей, умение заняться с ними, сделать их игры интересными, прогулки увлекательными, песенки занятными, умение самому увлекаться детской жизнью, да так, чтоб дети не только не скучали, а наравне с ним, считая его за своего, наперегонки соревновались в играх с ним, – всё это показывает, что ещё в конце 1850-х гг. Толстой проявлял талант выдающегося педагога, вскоре развернувшийся в яснополянской школе, где были заложены совершенно новые начала педагогики, по сравнению с унылым и бездушным преподаванием, царившим повсюду в самодержавно-поповской России.

В воспоминаниях Оболенской есть описания близких знакомых, друзей и родных Толстого. Здесь и семья Дельвигов, и С.Н. Толстой с его молодой женой цыганкой Машей, и Т.А. Ёргольская, и Н.Н. Толстой, и А.А. Фет, и Дьяковы, и Софья Андреевна, и дети Толстых...

Но главное, конечно, это сам Толстой. «Я чтילה и любила его, знала его мысли; знала, чем он живёт, что его радует, что огорчает, с уверенностью могу сказать, что знала, как он отнесётся к такому-то событию, такому-то поступку, – писала мемуаристка. – Берегла его спокойствие; так бывало жалко, когда речь его прерывалась со стороны менее чутких членов семьи каким-нибудь неуместным, совсем ненужным замечанием, которое ему неприятно и нарушит его благодушное настроение. Но может быть, конечно, образ с детства горячо любимого “дяди Лёвочки” заслонял собою образ “Льва Толстого”. Я приезжала в Ясную Поляну не для того, чтобы его послушать, с ним поговорить, а приезжала в родную, близкую мне семью и жила повседневной жизнью этой семьи и интересами всех её членов.

Он подчас тяготился своим пьедесталом: и великому человеку хочется иногда быть

359

не великим, а просто человеком. Я видала его и старым, и слабым, и беспомощным; видала его и невесёлым, не в духе, раздражённым и любила его всячески. <...>

Но чаще всего видала его благодушно настроенным. Он любил простое, не требующее никакой обстановки веселье. Это свойство было у него общее с моей матерью; и когда они чему-нибудь радовались, смеялись, в них было что-то наивное, детское. Они любили вспоминать далёкое прошлое, но никогда не вспоминали грустное, неприятное; воспоминания их были всегда светлые. <...> Он любил цветы; пойдёшь, бывало, гулять и принесёшь ему на письменный стол букет полевых

цветов; он доволен и любит ими. <...> Но слабый ли, больной ли, старый ли, он всё больше и больше горит любовью; это ощущает на себе всякий, соприкасающийся с ним. Придёт ли к нему огорчённый, несчастный, озлобленный — от него уходит большей частью утешенный и умиротворённый» (Оболенская Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // *Летописи*. Кн. 2. С. 307-309).

Обилие живых деталей в воспоминаниях Оболенской связано и с тем, что её сын Николай Леонидович был женат на дочери Толстого Марии Львовне. Оболенская жила вблизи Толстого в Ялте во время его тяжёлой болезни в Крыму в 1901-1902 гг. Часто навещала она и свою мать в монастыре, и дядю С.Н. Толстого в его имении Пирогово.

Сравнительно мало внимания уделено в мемуарах писательской деятельности Толстого. Его племянница была человеком умеренных взглядов; она не сочувствовала общественно-политическим воззрениям Толстого, которые казались ей «бреднями», как она называла их в письме к М.Л. Маклаковой 16 июня 1907 г. Вместе с тем всегда видела она в Толстом «великий ум и дух» (письмо к Маклаковой 15 декабря 1895 г.). Существует версия, что в автобиографической драме Толстого «И свет во тьме светит» (1896), где он вывел самого себя в лице Николая Ивановича Сарынцева, Лизанька, племянница его жены, напоминает именно Е.В. Оболенскую.

Лит.: Оболенская-Толстая Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. — 1928. № 9-10; Письма Е.В. Оболенской к М.Л. Маклаковой // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2.

Т.Н. Архангельская

ОБОЛЕНСКАЯ Мария Львовна (рожд. Толстая; 1871—1906) — средняя дочь Толстого. Её племянник С.М. Толстой писал о ней: «Детство Маши прошло незаметно в шумной группе старших детей. Сергея, Татьяны, Ильи и Льва, которые обращались с ней как с Золушкой, оставляя ей самую чёрную работу. <...> Умная, добрая, сдержанная, готовая всегда и всем помогать, Маша вмешивалась в ссоры между братьями, всегда защищая обиженного» (*Дети Толстого*. С. 157). Здесь же далее: «Прочтя в отроческие годы религиозные и философские труды отца, в которых он изложил своё учение, она полностью поверила в его идеи и стала в теории и на практике самой последовательной толстовкой из всех детей Толстого.

Отныне она будет жить только им и ради него. Отношения отца и дочери были взаимными, Толстой любил её как самую близкую из детей. И с годами их взаимность ещё больше окрепла, в то время как его отношения с женой и некоторыми сыновьями были далеко не

идеальными. <...> Маша старалась сгладить эти противоречия. <...> Каждый вечер отец и дочь обменивались впечатлениями дня, мыслями, проектами, они писали друг другу письма при расставании (он написал ей 112 писем с 1889 по 1904 год).

Умная, тактичная, блестяще знающая несколько иностранных языков, она стала его лучшим другом и помощником, переписывала рукописи по его поручению...» (С. 159-160). Ей принадлежит выполненный к весне 1882 г. вместе с отцом, по его просьбе, перевод с французского языка «Дневника» Амиеля, к которому Толстой написал предисловие.

Дневники Марии Львовны не сохранились. Её преданность взглядам и интересам отца проявилась отчасти в её переписке. Так, она писала в середине апреля 1890 г. из Ясной Поляны А.С. Губкиной: «Всё это время я очень занята перепиской “Послесловия к “Крейцеровой сонате”, которое папа́ пишет. Столько он получал писем с просьбой выяснить смысл “Крейцеровой сонаты”, что он решил написать “Послесловие”. Но мне думается, что если кто по “Крейцеровой сонате” не понял смысла её, то и по “Послесловию” не поймут, потому что не хотят понять. Но сама по себе эта вещь удивительная. Папа теперь здоров и стал понемножку работать. Пашет и сеет» (Л.Н. Толстой в письмах родных и близких // *ЯП. сб.* 1978. Тула, 1978. С. 87-88). Не менее характерно её прямое и принципиальное письмо к В.Г. Черткову в конце июля 1890 г.: «Верните, пожалуйста, письмо Vallou и копию с письма папа́. Мне надо вам покаяться, простите меня, что у меня было против вас дурное чувство. Мне казалось, что вы излишне тянете вещи из-под пера папа́. И, когда приезжал Чистяков

360

М.Л. Оболенская

за дневниками, мне стало досадно. Я уверена, что он не хочет, чтобы кто-либо читал эти дневники, пока он жив. Даже он это пишет в одном месте. И потому надо это оставить. Мне, кроме самой большой радости, ничего не доставляла эта переписка из дневников, но думается, что ему неприятно. Знаю, что вам, так же как и мне, не хочется ничем ему делать неприятное, и потому буду делать, как лучше» (там же. С. 99-100). Толстой, объясняя её поступок, написал Черткову: «Маша писала вам, что она писем моих не будет больше переписывать и дневников. Она права и делает это для меня. Не сердитесь на меня, милый друг, но поймите, что это не то что тяжело, но парализует духовную деятельность, парализует знание того, что это сейчас спишется и передастся. Не говорите мне разные доводы <...> и откажитесь от этого и не говорите, что это кому-нибудь лишение и вам неприятно, и мне будет очень радостно» (87: 37). В одном из писем Черткову Толстой говорил о дочери: «Маша, дочь, так хороша, что постоянно сдерживаю себя, чтоб не слишком высоко ценить её» (86: 84).

Дневниковая запись А.Б. Гольденвейзера свидетельствует ещё об одной, не менее значительной стороне деятельности М.Л. Толстой: «Татьяна Львовна и особенно Мария Львовна каждый день с раннего утра работали на покосе. Возвращались они с работы усталые, но очень весёлые. По праздникам Мария Львовна, немножко знавшая домашнюю медицину, лечила на деревне больных (врача тогда в Ясной и поблизости не было). Когда она возвращалась со своей медицинской практики, радостно было смотреть на неё, окружённую пёстрой толпой ребят, одних - везущих на себе тележку с медикаментами, других — просто провожавших её домой.

Мария Львовна была совершенно некрасива, но в ней было высшее обаяние внутренней духовной красоты...» В 1890-е гг. она принимала активное участие вместе с отцом и другими членами семьи в борьбе с голодом, охватившим несколько губерний России. «Как отец, она стала вегетарианкой. <.. .> Она отказалась от выходов в свет, от балов, от светской жизни в Москве <...> она полюбила простые радости: петь с братьями, играть на гитаре и балалайке, участвовать в деревенских праздниках, плясать и петь в хоре с крестьянками, которые её обожали.

Её большой успех в домашнем спектакле по комедии отца “Плоды просвещения”, поставленной в 1890 г. в Ясной Поляне, был признан всеми...» «Передо мной лежит фотография, сделанная в это время <...>, — писал С.М. Толстой. — Это лицо с отпечатком женственности напоминает, с меньшей резкостью, лицо отца. В её открытом, светящемся умом лице было что-то вопросительное, ждущее. Черты её лица были гармоничны, но не отвечали канонам классической красоты, вдохновение и одухотворённость делали её лицо прекрасным».

В воспоминаниях о ней младшей дочери Толстого Александры Львовны есть такие слова: «Все любили её, она была приветлива и чутка: кого ни встретит, для всех находилось ласковое слово, и выходило это у неё не деланно, а естественно <...>. Страстная по натуре, она хотела жить жизнью женщины и матери. Но она подчинилась своему отцу, который противостоял всем её любовным порывам. Но её разочарования, даже глубокие, не затягивались надолго, благодаря любви к ней отца и благодаря невероятному умению владеть собой. Но осенью 1895 года <...> Маша полюбила своего родственника, князя Николая Леонидовича Оболенского, сына Елизаветы Валерьяновны, внука сестры Толстого Марии Николаевны. <...> Николай был старше Маши всего на два года» (*Дети Толстого*. С. 160, 167-168, 166).

В июне 1897 г. Мария Львовна вышла замуж за Николая Леонидовича, поселились они в Пирогове, но часто подолгу жили в Ясной Поляне. В ноябре 1906 г., приехав с мужем в Ясную Поляну, она слегла с высокой температурой. Это было острое воспаление лёгких, оказавшееся роковым.

Е.В. Оболенская, приходившаяся Марии Львовне свекровью, приводит в своих воспоминаниях слова из письма Толстого к его тётке графине А.А. Толстой о двухлетней Маше: «Слабый, болезненный ребёнок. Как молоко, белое тело, курчавые белые волосики; большие, странные, голубые глаза; странные по глубокому, серьёзному выражению. Очень умна и некрасива. Это будет одна из загадок. Будет страдать, будет искать, ничего не найдёт; но будет вечно искать самое недоступное». «Удивительно, — говорится далее в воспо-

361

Толстой с дочерью Марией. 1901 г.

минаниях Оболенской, — как и двухлетнем ребёнке он угадал будущего человека. Она такая и была. Искала, страдала; несмотря на большую взаимную любовь, не была счастлива, потому что не могла жить так, как ей казалось нужным. Одно из главных к тому препятствий было её очень

слабое здоровье. Испортила она его непосильными работами в поле, наравне с крестьянами; во время пожара на деревне она, стоя по пояс в воде, передавала вёдра. <...> Но недуги свои переносила безропотно.

<...> Она была некрасива, но очень привлекательна; тонкая, ловкая, маленькие руки, маленькие ноги, нервная и живая, в ней много было женской прелести, того, что Гёте назвал: «das ewig weibliche» <вечно женственное. — нем.>. Я очень её любила; со мной она была близка, доверчива и откровенна.

Лев Николаевич спокойно и сдержанно переносил своё горе, но в Марии Львовне он потерял, конечно, очень много. Никто из детей не мог заменить ему её. Когда д-р Щуровский пришёл сказать ему, что она безнадежна, он сказал: “Ведь она была мне другом”. В своём дневнике он записал 28 декабря 1906 г.: “Живу и часто вспоминаю последние минуты Маши (не хочется называть её Машей; так не идёт это простое имя тому существу, которое ушло от меня). Она сидит, обложенная подушками; я держу её худую, милую руку и чувствую, как уходит жизнь, как она уходит. Эти четверть часа одно из самых важных, значительных времён моей жизни”» (Оболенская Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // *Летописи*. Кн. 2. С. 312).

Т.Н. Архангельская

ОБОЛЕНСКИЙ Дмитрий Дмитриевич («Миташа»; 1844-1931), князь — близкий, «старинный знакомый» Толстых, тульский помещик, охотник, коннозаводчик.

Окончил юридический факультет Московского университета. Был уездным предводителем дворянства. Во время Русско-турецкой войны 1877 г. разорился на постройке сахарных заводов, в 1878 г. был предан суду за растрату, оправдан, но объявлен несостоятельным должником (дело тянулось несколько лет). «Его отдали под суд за то, что он добрый и тщеславный», — отметил Толстой в дневнике (49: 52). Часто бывал в Ясной Поляне, иногда вместе с Толстым охотились, «травили волков» (*ЯПЗ*. 2. С. 564). «Опять приезжал Оболенский Дмитрий Дмитрич, его дела плохи, и он точно душу отводит у нас», — отмечала С.А. Толстая в дневнике 14 ноября 1878 г. Сам Оболенский признавался, что к Толстому ездит «не только отвести душу — но для *нравственной дезинфекции*» (цит. по: *ТВС*. 1. С. 550).

В середине 1860-х гг., вспоминала Т.А. Кузминская, «это был очень милый, развитой юноша, светски воспитанный матерью», баронессой Е.И. Менгден (Кузминская. Ч. III. Гл. VI). В 1910 г., как писал о нём В.Ф. Булгаков, это был «разговорчивый, добродушный старик. Лев Николаевич называет его Йовом, ввиду того что Оболенский перенёс ряд сокрушительных ударов судьбы: потерю большого состояния,

преждевременную и часто трагическую смерть нескольких детей и т.д. Теперь Оболенский занимается и журналистикой и, между прочим, свои посещения Ясной Поляны описывает в “Русском слове”. Это даёт ему некоторый заработок» (Булгаков. С. 83-84). Печатался Оболенский и в суворинском «Новом времени». В середине 1890-х гг. в «Русском архиве» опубликовал «Наброски из воспоминаний» о Толстом, позднее переработал их для биографии Толстого, над которой работал П.И. Бирюков. Многие страницы воспоминаний посвящены эпизодам охоты. 25 августа 1909 г. в газете «Русское слово» напечатана статья Оболенского «Вперёд или назад» об обыске в Ясной Поляне летом 1862 г. и об аресте Н.Н. Гусева.

С Оболенским говорили обо всём: о земельном налоге и крестьянской общине, о пьянстве и самоубийствах, об охоте и музыке, о религии и о ценах на нефть, о Н.В. Гоголе и Л.Н. Андрееве, о Ж.-Ж. Руссо и «о езде на автомобилях», о революции и о «современных государственных людях в России»... Оболенский рассказывал предания из истории своего рода: Иван Грозный казнил семерых Оболенских-Серебряных, от восьмого пошла теперешняя фамилия Оболенских. Одному из них Грозный сжигал на животе книгу, пока не прожёт ему живот, и тот скончался» (ЯПЗ. 1.

362

С. 122). «Особенно часто приходилось мне беседовать со Львом Николаевичем, когда он писал “Войну и мир”, — вспоминал Оболенский. — Мои деды делали кампанию 1812 года и последующих годов. Моя мать, урождённая Бибикова, была племянницей братьев Бибиковых — адъютантов князя Кутузова, который был женат на сестре А.И. Бибикова усмирителя Пугачёва. Так что многое у нас в доме было известно из первых рук. И, будучи ребёнком, а много слышал от деда Бибикова рассказов, а потом уже студентом много передавал Льву Николаевичу» (ТВС. 1. С. 197). Помогал Оболенский и в работе над «Анной Карениной»: «Между прочим, я передал Льву Николаевичу подробности и обстановку красносельской скачки, которая и вошла в ярком изображении в “Анну Каренину”» (там же. С. 198). Существует версия, что некоторыми своими чертами Оболенский послужил в романе одним из прототипов С.А. Облонского, его фамилией подсказана и фамилия этого персонажа (20: 340).

Оболенский был замечательным рассказчиком, «рассказывал, как всегда, бойко, живо, интересно новости» (ЯПЗ. 2. С. 8), часто «сыпал анекдоты, неисчерпаемый запас» (ЯПЗ. 3. С. 355). «Миташа Оболенский

лучше рассказывает, премилый. Последний раз он сыпал анекдоты», — записал Д.П. Маковицкий слова Толстого (*ЯПЗ*. 3. С. 366).

Узнав об уходе Толстого из Ясной Поляны, Оболенский 29 октября приехал к Толстым. «Он с самого начала заявил, что приехал не как корреспондент, а как человек, близкий семье, — писал Булгаков. — Однако через несколько минут обратился к семейным с просьбой разрешить ему подробно написать в газетах обо всём происходящем в Ясной Поляне. <...>

...Я имею право написать. Я счастлив, что граф всегда был со мною более чем откровенен.

Бедный князь! Видимо, он заблуждался в определении своих отношений со Львом Николаевичем. Последнему он был по большей части скучен, потому, что совсем чужд <...> Софья Андреевна говорила с Оболенским и сообщила ему текст последнего письма Льва Николаевича» (*Булгаков*. С. 389). На следующий день многие газеты поместили сообщения о «внезапном отъезде Л.Н. Толстого из Ясной Поляны». Корреспонденции Оболенского печатались 29, 30 октября и 2 ноября в газете «Повое время». Они «не содержали компрометирующих семью писателя сведений» (там же. С. 418).

Н. И. Бурнашёва

ОБОЛЕНСКИЙ Леонид Егорович (1845 - 1906) — литературный критик, публицист, поэт, беллетрист, переводчик, мемуарист, философ. Родился в г. Малоархангельске Орловской губ. в дворянской семье. По окончании орловской гимназии учился в Медико-хирургической академии и Петербурге, затем стал вольнослушателем юридического факультета Московского университета. Тогда же сблизился с народническим кружком, был арестован по делу Д.В. Каракозова (1866 г.), до 1878 г. находился под надзором полиции в ссылке Оболенский оставил заметный след в истории отечественной литературы, о чём свидетельствуют его книги «Физиологическое объяснение некоторых элементов чувства красоты», «Стихотворения (1868—1878)», «Ближе к природе», «Запросы жизни», «Жаждающие света. Первая серия», «Два полюса» и др., а также более полутора тысяч публикаций в многочисленных периодических изданиях. С 1870 г. Оболенский активно печатался в столичных и провинциальных изданиях. Особую роль в его писательской судьбе сыграли выходившие под его редакцией журналы «Свет», «Мысль» и «Русское богатство», в котором в 1885-1887 гг. публиковались его статьи о Толстом. Критик собрал их в книгу «Л.Н. Толстой. Его философские и нравственные идеи» (1886). Книга пользовалась успехом, и уже в 1887 г. потребовалось её второе издание. Рассматривая проблему соотношения Толстого-художника и Толстого-

мыслителя, Оболенский первым попытался подвести итоги развернувшейся в России в 1880-е гг. полемики вокруг сочинений писателя. Постоянный и неподдельный интерес к журналу Оболенского испытывал и сам Толстой. Он охотно предлагал для публикации в «Русском богатстве» свои статьи, но из-за цензурных препятствий удалось напечатать лишь некоторые из них. Так, в 1885 г. журнал печатал с цензурными сокращениями отрывки из статьи «Так что же мам делать?» под отдельными заглавиями: «Жизнь в городе» (№ 3—4), «Из воспоминаний о переписи» (№ 10), «Деревня и народ» (№ 12), а в 1886 г. в «Русском богатстве» появилась толстовская публикация под названием «Труд мужчин и женщин. Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью “Женщинам”».

Многие годы Оболенским тесно общался с Толстым, о чём подробно рассказал в своих «Литературных воспоминаниях и характеристиках» (Исторический вестник. 1902. № 4). Познакомились они через В.Г. Черткова в Москве, впоследствии

363

Оболенский не раз приезжал в Ясную Поляну. Особого внимания заслуживает их переписка, начавшаяся в апреле 1885 г. Оболенский написал Толстому о своём несогласии с его учением. Толстой в резкой форме ответил, но потом между ними навязались по-настоящему дружеские и очень искренние отношения. Известно 24 письма Толстого и 33 письма Оболенского. Многие проблемы житейской судьбы, литературной и редакторской деятельности Оболенского Толстой обсуждал в переписке с Чертковым, его имя часто встречается в толстовских дневниках.

Лит.: Книгин И.А. Леонид Егорович Оболенский — литературный критик. — Саратов, 1992.

И.А. Книгин

ОГАРЁВ Николай Платонович (1813—1877) — поэт, публицист, сподвижник А.И. Герцена. Убеждения юного Огарёва формировались под влиянием Руссо, Шиллера и восстания декабристов. В 1831 г. он один из организаторов революционного кружка в Московском университете. В 1834—1839 гг. — в ссылке. В 1856 г. эмигрировал в Лондон, где вместе с Герценом занимался революционно-издательской деятельностью, руководил Вольной русской типографией, редактировал газету «Колокол» и альманах «Полярная звезда». Принимал участие в создании революционного общества «Земля и воля». Автор сочинений «Русские

вопросы», «Расчистка некоторых вопросов», «Частные письма об общем вопросе» и др. В неоконченной рукописи «Что бы сделал Пётр Великий?» (1857) Огарёв ратовал за проведение в России «революции сверху», отдавая предпочтение постепенным реформам, считая императора выразителем интересов нации в целом. В «Разборе книги Корфа» Огарёв выступил против официальных взглядов на восстание декабристов; по концепции и духу сочинение Огарёва близко «Разбору донесения Следственной комиссии 1826 года» М.С. Лунина.

Толстой познакомился с Огарёвым на обеде у И.С. Тургенева 5 декабря 1855 г. и не раз встречался с ним позднее. По воспоминаниям современников, он высоко оценивал поэтический дар Огарёва: А.В. Дружинин, вспоминая вечер 15 декабря 1855 г. у Тургенева, отмечал: «Огарёв читал свой “Зимний путь”, поэму, всех восхитившую, кроме меня...» (ТВС. I. С. 73). Тургенев писал П.В. Анненкову 9 декабря 1855 г. о чтении поэмы Огарёва: «Мы с Толстым уже три раза упивались этим нектаром» (Тургенев. Письма. Т. 2. С. 328).

Сам Толстой тоже отдавал должное способностям Огарёва: «Огарёв пишет: кривое осуждение — т.е. за то, чего я не заслуживаю, — ввергает меня в тоску, тогда как прямое (верное) поднимает меня. Как справедливо!» (52: 43).

Позднее Толстой изменил своё отношение к автору «Зимнею пути»: в статье «Первая ступень» (1891) он писал «Я знал самого Огарёва и Герцена. <...> Во всех этих людях было поразительное отсутствие последовательности в делах жизни. <...> Они сажали немешаные хлеба в нетопленную печь и верили, что хлеба испекутся» (гл. VI). В январе 1905 г., по воспоминаниям П. Сергеенко, Толстой заметил: «Но Огарёв уже не то. Он милый, хороший, но не то» (Интервью. С. 335), В записи Д.П. Маковицкого 29 июня 1905 г. слова Толстого звучат ещё резче: «Огарёв возле Герцена был незаметный, — сказал Л.Н. — Тургенев хвалил Огарёва стихи, а в них ничего. Самые пустые, я в них ничего не находил». В беседе со Струве: «Огарёв мало интересен» (ЯПЗ. 4. С. 38).

В.А. Жаров

ОГОЛИН Александр Степанович (1821-1911) — близкий приятель Толстого, казанский губернский прокурор. В мае 1851 г., когда Толстой по пути на Кавказ посетил Казань, они вместе с Оголиным навестили в родовом имении Панове В.И. Юшкова, мужа тётушки Пелагеи Ильиничны. Впоследствии писатель рассказал об этом эпизоде П.И. Бирюкову: «Когда мы приехали с Оголиным и подошли к дому, против которого была группа молодых берёз, я предложил Оголину, пока слуга докладывал о приезде, поспорить, кто лучше и выше влезет на эти

берёзы. Когда Владимир Иванович вышел и увидел прокурора, лезущего на дерево, он долго не мог опомниться» (Бирюков. 1. С. 96). Молодых людей связывала влюблённость в сестёр Молоствовых. Толстого очаровала Зинаида, а её младшая сестра Елизавета была невестой Оголина. Известны два письма Толстого своему приятелю. После отъезда из Казани, уже из Сызрани (конец мая - начало июня) он отправил шуточное послание:

364

Господин
Оголин,
Поспешите
Напишите
Про всех вас
На Кавказ
И здорова ль
Молостова.
Одолжите
Льва Толстого.

В письме 22 июня 1851 г из Старого Юрта он с удовольствием вспоминал о днях, проведённых в Казани, о Зинаиде, и сожалел о том, «что скоро уехал из Казани».

Елизавете Молостковой не суждено было стать женой Оголина, 5 апреля 1852 г. она умерла. Спустя некоторое время Оголин женился на другой общей с Толстым знакомой — Софье Николаевне Загоскиной, дочери Е.Д. Загоскиной, начальницы казанского Родионовского института благородных девиц. Упоминание о молодой чете Оголиных довольно часто встречалось в переписке Толстого с тётушкой Т.А. Ёргольской.

С.А. Коновалова

ОДАХОВСКИЙ Юлиан Игнатьевич (1823-1904?) — поручик, старший офицер 3-й лёгкой батареи 11-й артиллерийской бригады, в которой Толстой служил в окрестностях Севастополя. В дневнике Толстого 23 января 1855 г. даны характеристики новым сослуживцам по батарее, куда Толстой был переведён и прибыл в середине января. Среди прочих — «Одаховский, старший офицер, гнусный и подлый полячишка». «Самый гадкий кружок полячишек в батарее» раздражал, вызывал досаду: «И я связан и даже завишу от этих людей!» — выливалась эта досада на страницы дневника (23 января). Конфликты случались часто, что позднее в своих воспоминаниях отмечал и Одаховский: «В Севастополе начались у графа Толстого вечные столкновения с начальством <Одаховский имел в виду и себя как старшего офицера. — Н.Б.>. Это был человек, для которого много значило застегнуться на все пуговицы, застегнуть воротник мундира, человек, не признававший дисциплины и начальства. Всякое замечание старшего в чине вызывало со стороны Толстого немедленную дерзость или едкую, обидную шутку». Толстой «с начальством вечно находился в оппозиции». Плохо скрываемая антипатия к подпоручику Толстому сквозит в этих воспоминаниях: и «наружность Толстого была некрасивой», он «имел мало понятия о службе», «никуда не годился как командир отдельной части»; «Толстой был бременем для батарейных командиров, <...> его никуда нельзя было командировать. В траншеи его не назначали, в минном деле он не участвовал». В воспоминаниях Одаховского, записанных в 1898 г. А.В. Жиркевичем, мною ошибок памяти, на что Толстой обратил внимание, читая рукопись. «Удивительно, как он мог всё так забыть, — писал Толстой Жиркевичу 6 октября 1903 г., — но ещё удивительнее, что мог уверить себя, что было то, чего не было. Я отметил на полях его ошибки». Одной из ошибок, отмеченных Толстым, было утверждение Одаховского, что в Севастополе он «и граф Толстой очутились в резерве, то есть в бездействии» (*ТВС*. 1. С. 63). Но известно, что «в бездействии» был только Одаховский, а Толстой, как он сам заметил на полях рукописи воспоминаний, «ставил орудия на 4-й бастион и чередовался на нём с другими офицерами» (*Исторический вестник*. 1908. № 1. С. 168), об этом говорит и севастопольский дневник Толстого, и его записные книжки. «Бездействие» же поручика Одаховского, да и вся эта фигура, неприятная писателю, запечатлелись в образе поручика Непшитшетского в рассказе «Севастополь в мае» (даже фамилию Непшитшетский можно перевести как Непришедший, Непошедший).

Н.И. Бурнашова

ОЗОЛИН Иван Иванович (1873-1913) — в 1910 г. начальник узловой станции Астапово (ныне станция «Лев Толстой») Рязано-Уральской железной дороги. Предоставил заболевшему в пути Толстому кров в своём доме. В дороге Толстой простудился и заболел. Сопровождавший 82-летнего писателя доктор Д.П. Маковицкий понял, что дальше ехать нельзя: 31 октября (13 ноября) 1910 г. в 6 часов 35 минут с поезда № 12 «Смоленск — Козлов» вынуждены были сойти на ближайшей станции (Астапово). «Ехали хорошо, но в 5-м часу стало знобить, потом 40 градусов температуры, остановились в Астапове. Любезный начальник станции дал прекрасные две комнаты», — запись в дневнике Толстого 31 октября 1910 г.

И.И. Озолин, 1910 г.

Глубокий почитатель Толстого, трепетно выполняющий его завет творить добро, Озолин в дни пребывания Толстого в Астапове, несмотря на большую занятость по службе, делал всё возможное, чтобы облегчить положение больного писателя: ходил в амбулаторию, приносил оттуда всё необходимое, привозил железнодорожного врача, обустроивал быт Толстого и его близких, отдав им свои комнаты, а сам с женой

365

и четырьмя детьми поместился в крошечной прихожей.

О том, при каких обстоятельствах он узнал о кончине Толстого, Озолин вспоминал: «В половине пятого утра я по обязанности службы был на станции, чтобы встретить поезд с управляющим дороги. За несколько минут до этого я подходил к квартире и заметил некоторое волнение и что все члены семьи и друзья в сборе. Когда же я вернулся

после встречи поезда, то узнал, что всё кончено. Лев Николаевич скончался 7 ноября в 6 часов 5 минут утра московского времени. Борьба жизни со смертью продолжалась не более трёх минут» (Озолин И.И. Последний приют // Литературное обозрение. 1978. № 9. С. 104).

Озолин остановил стрелки старинных станционных часов, на века зафиксировав момент смерти Толстого: 6 часов 5 минут. Не сомневаясь в том, что комнату, где умер Толстой, необходимо сохранить как мемориальную, он оставил её в неприкосновенности, положив тем самым начало музею Толстого на станции Астапово.

Сам Озолин не намного пережил Толстого: он умер 15 января 1913 г. в Саратове, куда его семья переехала осенью 1912 г.: понижение в должности, увольнение, суровые материальные лишения, тяжёлая болезнь сопутствовали последним месяцам его честной, бескорыстной и благородной жизни.

На его смерть откликнулись родные и друзья Толстого, прислав вдове Озолина Анне Филипповне телеграмму: «Глубоко скорбим вместе с семьёю И.И. Озолина об уходе его из этого мира. Благодарная память будет жить в сердцах друзей Толстого о прекрасном человеке, который с такой любовью заботился о Льве Николаевиче в дни его предсмертных страданий» (там же. С. 101).

Лит.: Астапово: семь горестных дней // Народное образование. — 1990. № 11; Гульбис М. Начальник станции // Советская молодёжь. - Рига. 1960. 20 ноября.

Л. Г. Гладких

ОЛИФЕР («Алифер»; имя неизвестно; ум. в 1854 г.) - сослуживец Толстого на Кавказе; штабс-капитан батареинной №4 батареи 20-й артиллерийской бригады, дивизионный начальник; «из немцев». Фамилия Олифер в дневнике Толстого почти всегда упоминается с негативной оценкой: «болтал с Епишкой и с Олифером, который мне крайне неприятен»; «После обеда играл с несносным Олифером в шахматы»; в дневниковой записи 3 декабря 1853 г. Олифер назван «в высшей степени антипорядочным человеком». Возможно, такие непростые отношения были вызваны ситуацией, связанной с несостоявшимся награждением Толстого Георгиевским крестом: в начале марта 1853 г. Толстой, назначенный «в караул», заигрался в шахматы, при проверке его не оказалось в карауле, и 7 марта Олифер отдал приказ, согласно которому «фейерверкер 4-го класса граф Толстой» «должен содержаться под арестом впредь до приказанья». 10 марта в дневнике Толстого появилась горькая запись: «Креста не получил, а на пикете сидел по милости Олифера». Тем не менее Толстой чувствовал истинное

отношение к себе Олифера: «Он, кажется, очень меня уважает, что вовсе не взаимно», — отмечено в дневнике 22 ноября 1853 г. В рассказе «Записки маркёра», написанном в сентябре того же года, появился довольно неприятный персонаж Оливер — здесь слышалось явное созвучие с реальной фамилией штабс-капитана Олифера.

Н.И. Бурнашёва

ОЛСУФЬЕВ Адам Васильевич (1833-1901), граф — близкий знакомый Толстого, богатый помещик, владелец имения Никольское-Горушки-Оболяниново. Семья Толстых была в тесных дружеских отношениях со всей семьёй Олсуфьевых. «...Очень, очень милое, честное всё семейство. <...> Роскошь жизни их очень большая и, очевидно, тяготит, давит их. <...> Выкупается всё нравственной чистотой и честностью, которая чувствуется во всех» (83: 554). «Они такие простые, очень добрые люди, что различие их взглядов с моими, и не различие, а непризнание того, чём я живу, не тревожит меня» (87: 358) — писал Толстой В.Г. Черткову. Он бывал у Олсуфьевых в Москве, в Петербурге. Больше всего любил приезжать к ним в поисках «тишины внешней и внутренней» в Никольское-Горушки-Оболяниново, подмосковную старинную усадьбу, «окружённую старинным парком с прочищенными дорожками», чтобы «отдохнуть от поклонников» (Мейендорф М.Ф. Страничка воспоминаний о Льве Николаевиче Толстом *ТВС*. 2. С. 115). В 1885 г. именно к ним он уехал после своего первого неосуществлённого намерения уйти из Ясной Поляны

366

1 — 18 января 1895 г. Толстой с дочерью Т.Л. Толстой гостил у Олсуфьевых, где дописывал рассказ «Хозяин и работник». 20 мая 1895 г. оп вновь приехал в Никольское и «в тот же вечер писал» (53: 33). Там у него «пошла работа» над «Коневской повестью» (будущий роман «Воскресение»). Вернувшись домой, он продолжал работать. Написанное в Никольском и затем в Ясной Поляне он читал Олсуфьеву и небольшому кругу людей, собравшихся 6-7 августа 1895 г. в Ясной Поляне: С. И. Танееву, А.П. Чехову и др.

Толстой собирался писать об Олсуфьеве: «Думал об Адаме Васильевиче как типе для драмы добродушном, чистом, балованном, любящем наслаждения, но хорошем и не могущем вместить радикальные нравственные требования» (53: 142).

Толстого-мыслителя всегда интересовала тема жизни и смерти. Узнав о смерти А.В. Олсуфьева (9 сентября 1901 г.), он написал брату С.Н. Толстому, что Олсуфьев знал, что умирает. За 10 минут до смерти со всеми попрощался, «давал советы детям и часто повторял: “я никак не думал, что так легко умирать”» (73: 158). В начале 1902 г. серьёзно больной Толстой вспомнил последние минуты жизни Олсуфьева: «“Что же это рассказывали про Адама Васильевича (графа Олсуфьева), что он легко умер, совсем нелегко умирать, очень трудно; трудно сбросить с себя эту привычную оболочку”, — прибавил он, показывая на своё исхудавшее тело» (ДСАТ. 2. С. 47).

А.Н. Полосина

ОЛСУФЬЕВЫ («графы»). — В дневниках и письмах Толстого фамилия Олсуфьевых встречается на протяжении почти 60 лет его жизни, и упомянуты они более 200 раз. Первыми знакомыми писателя из этой большой семьи были Василий Александрович Олсуфьев (1831-1883), владелец дома в Москве, и его дядя, граф Василий Дмитриевич Олсуфьев — отец владельца имения в Никольском-Горушках Адама Васильевича Олсуфьева. Молодой Толстой познакомился с ними во время своей зарубежной поездки в 1857 г., в Баден-Бадене.

С.Л. Толстой писал об Олсуфьевых и их отношениях с Толстыми в 1880-х гг., когда по зимам семья писателя стала жить в Москве: «Одними из первых наших знакомых “домами” были две семьи Олсуфьевых: так называемые *Девичепольские* Олсуфьевы и их дальние родственники *графы* Олсуфьевы» (Толстой С.Л. Друзья и знакомые нашей семьи // *ЯП. сб.* 1986. Тула, 1986.) «Семья *графов* Олсуфьевых, — вспоминал С.Л. Толстой, состояла из красивого старика отставною генерал-адъютанта Александра II — графа Адама Васильевича, его жены Анны Михайловны, рождённой Обольяниновой, дочери Елизаветы Адамовны и двух сыновей, моих однокурсников, студентов математика Михаила и естественника Дмитрия. С этой семьёй мы сблизились больше, чем с другими московскими домами.

Зимой Олсуфьевы жили в своей большой квартире в доме Карнатовского на углу Мёртвого и Старо-Конюшенного переулков, а летом — в своём подмосковном имении Дмитровского уезда Никольском-Горушки (Обольяниново тож)» (с. 242). Старое название села «Горки» (народное «Горушки») связано с реальным рельефом местности. После постройки в первой половине XVIII в. церкви Николая Чудотворца село получило ещё название Никольское. Добавка «Обольяниново» возникла в связи с приобретением села в 1790-е гг. П.Х. Обольяниновым, генерал-прокурором Павловского времени. При нём был построен дом и посажен парк. Имение через его племянника М.М. Обольянинова перешло к его

дочери Анне Михайловне, ставшей женой Адама Васильевича Олсуфьева. Он, представитель родовитой аристократической фамилии, окончил Пажеский корпус, отставной генерал-лейтенант, почти безвыездно жил в Никольском, занимаясь культурным устройством имения. Главной его заботой стало улучшение лесного хозяйства в имении. С.Л. Толстой писал: «Олсуфьевы на балы и танцевальные вечера не ездили. Анна Михайловна была либеральной дамой в духе “Русских ведомостей”. Она с особым уважением относилась к науке и, следовательно, к профессорам. У неё <в московской квартире. - Т.А.> можно было встретить профессоров С.А. Усова, М.М. Ковалевского, А.И. Чупрова, Н.И. Стороженко, В.И. Сизова (секретаря Исторического общества) и др.» (с. 244). Анна Михайловна (1835-1899) считается старой знакомой Толстых и дальней их родственницей (через деда И.А. Толстого, её мать — рождённая Горчакова). Анна Михайловна и Елизавета Адамовна занимались в Никольском школой и больницей.

Елизавета Адамовна (1857-1898) окончила высшие женские курсы в Москве, продолжала образование за границей. Она организовала воскресную школу для взрослых, занималась с крестьянскими детьми. А.В. Левицкая вспоминала: когда Лиза училась на курсах, а Миша и Митя в поливановской гимназии, «через

367

нас Олсуфьевы подружились с Толстыми, и эта дружба продолжалась до смерти Льва Николаевича» (Воспоминания А.В. Левицкой // Российский архив. Т. IX. — М., 1999. С. 274).

«Впервые писатель приехал к своим друзьям Олсуфьевым с дочерью Татьяной Львовной в декабре 1885 г. и пробыл здесь 8 дней. Атмосфера олсуфьевского дома, характеризуемая Л.Н. Толстым как внутренняя и внешняя “свобода от требований людских”, отразилась в письмах писателя отсюда, побудила его к новым посещениям этого гостеприимного дома» (Л.Н. Толстой у Олсуфьевых. Воспоминания Т.Н. Поливановой // Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. — М., 1987. Вып. 46. С. 210).

В первый приезд в Никольское (19-28 декабря 1885 г.) Толстой неважно себя чувствовал. В.Г. Черткову он писал: «Мне надо уединения, чтобы поправить свои расшатанные силы физически и нравственно». Из Никольского он сообщал жене: «Я здесь пилю и колю дрова — я чувствую себя совсем бодрым и сплю прекрасно». В это время Толстой работал над повестью «Смерть Ивана Ильича» и, чтобы наблюдать за состоянием тяжелобольных, ходил в местную больницу. В другой свой приезд к Олсуфьевым Толстой писал: «Живём очень хорошо. <...> Семейство одно дома, как всегда, все приятны и добродушны». В Никольском Толстой

продолжил работу над рассказом «Хозяин и работник». В мае 1895 г., после смерти Ванечки, писатель с дочерью Машей вновь приехал в Никольское: в этот свой приезд он возобновил работу на «Воскресением». Пьесой «И свет во тьме светит» был занят Толстой, живя в имении Олсуфьевых с 21 февраля по 9 марта 1896 г. Четыре раза приезжал Толстой к Олсуфьевым в Обольяниново в 1895, 1896 и 1897 гг. В Обольяниново бывали и другие члены семьи Толстых: сын Лев, дочь брата писателя Сергея Николаевича.

Из молодых Олсуфьевых Толстого привлекали Дмитрий и Михаил Адамовичи, видные деятели земского либерального движения на рубеже XIX-XX вв.: Михаил как председатель Дмитровского уездного земства, Дмитрий — как председатель Саратовской губ. земской управы, проявивший себя и на других выборных должностях. В 1900-е гг. Толстому не раз приходилось обращаться к ним за помощью, когда требовалось защитить преследуемых властями (например, по делу о религиозных преследованиях молокан. В этой связи в 1897 г. Толстой установил переписку с братом Адама Васильевича Александром Васильевичем).

Подлинной душой дома была Елизавета Адамовна, по выражению М.М. Ковалевского, «выдающаяся русская девушка». Толстой писал: «Это прелестное было существо — весёлое, скромное, простое, доброе» (88: 82).

В воспоминаниях сельской учительницы Т.Н. Поливановой, внучатой племянницы декабриста В.С. Норова, жившей в воровском Надеждине в 20 верстах от имения Олсуфьевых и неоднократно бывавшей у них в усадьбе, описаны живые детали, характеризующие связи Толстого с графами Олсуфьевыми. Эти воспоминания основаны на впечатлениях от встреч с Толстым во время одного из его приездов в с. Никольское-Обольяниново в конце января 1897 г., когда он, прожив около двух недель, в феврале ездил в Петербург проводить Черткова в Англию. Вернувшись через неделю, он ещё прожил в Никольском до 3 марта. В воспоминаниях отмечено, что «Софья Андреевна приезжала редко и ненадолго, зато гостившая всегда с Львом Николаевичем вместе Татьяна Львовна вносила много оживленья» (Л.Н. Толстой у Олсуфьевых. Воспоминания Т.Н. Поливановой // Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Вып. 46. С. 216). На этот раз вокруг неё «сгруппировалась молодёжь (местные учителя, учительница музыки, другая домашняя учительница <...> два брата Олсуфьевы» (с. 211). Толстой смотрел домашний спектакль — чтение из «Мёртвых душ» с участием Татьяны Львовны. Однажды «молодёжь затеяла играть в волан. Лев Николаевич принял в этой игре живейшее участие, с необыкновенной ловкостью и меткостью действовал маленькой ракеткой» (с. 213).

«Во время пешеходных прогулок <...> многие встречные крестьяне узнавали его <...>. В окрестностях Обольянинова существуют воспоминания об этих встречах. Рассказывают, как баба дорогой уронила воз с дровами и встретившийся ей Лев Николаевич помогал ей поднять этот воз. <...> Особенно часто ходил он к деревням Ключёвке и Коквино и любил эту живописную дорогу. Был в Сафонове, заходил к садовнику, беседовал с ним, но к владельцам-помещикам не заходил» (с. 215). Однажды по своему желанию Толстой съездил к портнихе за 10 вёрст в другое село за платьем для домашней учительницы, попал в страшную непогоду, метель. Приехав, говорил, что благодарен за «возможность пережить так много необычного» (с. 216).

В Никольском любили музыку, и во время приездов туда Толстого он дважды имел возможность с удовольствием

368

слушать приезжавших братьев Конюсов, пианиста и скрипача. Когда не было никого из гостей, Толстой по вечерам играл в 4 руки с хозяйкой дома или читал, сидя в уютной библиотеке. В феврале 1896 г. он писал С.А. Толстой, что очень интересное чтение Корнеля и Расина «вызвало у него мысли» — возник замысел писать об искусстве. Тогда же в дневнике появляются первые наброски, развёрнутые потом в трактате «Что такое искусство?». В один из приездов к Олсуфьевым Толстой увлёкся чтением печатавшихся в «Историческом вестнике» воспоминаний генерал-майора В.А. Полторацкого. Эти воспоминания были использованы писателем при работе над повестью «Хаджи-Мурат». В библиотеке Никольского Толстой нашёл много книг, подходящих для издания в «Посреднике», о чём он сообщал в письме С.А. Толстой. В итоге этой поездки в Никольское Толстой писал 2 марта 1897 г.: «Совершенно здоров. Нынче писал довольно хорошо. Вечером, после обеда была приятная прогулка при лунном свете <...> завтра едем. Мы здесь целый месяц...»

«27 февраля 1898 г. умерла Елизавета Адамовна от скарлатины в 3 дня. <...> Льва Николаевича эта смерть глубоко опечалила, и я видела письмо, написанное им родителям покойной, из которого видно, как он ценил и высоко ставил покойную», — писала в воспоминаниях Поливанова (с. 217).

В 1900-1910 гг. прежняя связь Толстых с Олсуфьевыми практически прервалась после перемен, происшедших в семьях (смерть Лизы, затем Анны Михайловны; у Толстых вышли замуж Татьяна и Мария, женился Сергей Львович). Больше других поддерживал отношения с Толстым Дмитрий Адамович. Во время посещения Толстых в Ясной Поляне в

августе 1905 г. он сделал серию фотоснимков Толстого (12 сюжетов), сохранившихся доныне в музее «Ясная Поляна». Снимки, соединённые общей рамой, Д.А. Олсуфьев подарил Толстому в день его рождения. В Оболянинове (ныне Подъячево) дом, в котором гостил писатель, сохранился в неплохом состоянии, восстановлена усадебная церковь, около неё целы могилы Олсуфьевых, парк, пруды. Большая часть библиотеки хранится в литературном фонде Музея-заповедника «Дмитровский кремль».

Лит.: Кудинова Н.А. Лев Николаевич Толстой и Олсуфьевы // XXIX Международные Толстовские чтения. Л.Н. Толстой и судьбы современной цивилизации. Часть II. - Тула, 2004.

Т.Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВЫ («девичепольские») — московские знакомые семьи Толстых. Сын писателя С.Л. Толстой в очерке «Друзья и знакомые нашей семьи» рассказывал, что семья Олсуфьевых состояла «из отца Василия Александровича, добродушного благовоспитанного, безалаберного, постепенно разоряющегося типичного старого барина, его третьей жены, умной, но несимпатичной Александры Григорьевны, рождённой Есиповой, трёх сыновей и четырёх дочерей» (*ЯП. сб.* 1986. Тула, 1986. С. 242). Олсуфьевы жили в своём московском доме на Девичьем поле. «Их большой сад, занимавший больше восьми гектаров, — вспоминал Сергей Львович, — можно было назвать парком; в нём находилась лучшая в Москве орхидейная оранжерея. Он прилегал к саду нашего хамовнического дома. Через забор была проделана калитка, и мы свободно общались с Олсуфьевыми» (там же). В воспоминаниях одной из дочерей, А.В. Олсуфьевой (в замужестве Левицкой), говорится о том, что московский дом в Хамовниках Толстой приобрёл по совету её отца В.А. Олсуфьева: «...однажды Толстой обедал у нас. Сказал, что он с ужасом думает и не может себе представить, как он будет жить в Москве, ходить по мостовой, которую он терпеть не может <...> папа и говорит ему: “Возьмите дом рядом с нашим садом, и вы сможете постоянно ходить на Воробьёвы горы и дальше, не ступая по мостовой, — выйдя из вашего сада к нам в сад” <.. .> Льву Николаевичу очень понравился и дом, и сад» (Российский архив. Т. IX. М. 1999. С. 272-273). Графом Ю.Д. Олсуфьевым (представителем петербургской ветви рода) так описана усадьба на Девичьем поле: «Этот дом с белыми колоннами, с анфиладой высоких комнат, с мансардами и с двумя флигелями по сторонам, с полукруглыми террасами и тоже с колоннами был построен в конце XVIII столетия <...>. Это был один из типичнейших особняков старой Москвы» (*Олсуфьев Ю.Д. Из прошлого моей семьи // там же. С. 250*).

Выстроенное как загородное имение вице-канцлера князя А.М. Голицына, это поместье по родственным каналам перешло к Олсуфьевым.

А.В. Левицкая рассказывала: «...мы познакомились с Толстыми на одном детском танцевальном вечере у Оболенских. Папа встретил Льва Николаевича Толстого, которого он знал из Севастопольской кампании <...>. С этого вечера началась наша дружба с семьёй Толстых, мы виделись почти каждый день, ходили вместе гулять...» 16 сентября 1882 г. Толстой писал жене: «Вчера вечером я зашёл к нашим Олсуфьевым

369

с Серёжей. Я сыграл партию шахмат с Василием Александровичем и ушёл домой». Барышни Олсуфьевы подружились с дочерью Толстого Таней, сын Адам с Ильёй Толстым. Олсуфьевы по-соседски часто бывали у Толстых. В 1883 г. умер Василий Александрович. Олсуфьевы, вспоминая С.Л. Толстой, «разорились и продали свой дом <...> семья разъехалась кто куда».

Т.Н. Архангельская

ОЛЬХОВИК Пётр Васильевич (1875-?) – крестьянин Сульского уезда, Харьковской губ., последователь Толстого, его корреспондент и адресат. В 1895 г. отказался от воинской службы, за что был арестован и отправлен из Одессы пароходом во Владивосток. По пути он «заразил» своими взглядами солдата Середу. Ольховику принадлежат опубликованные в 1897 г. в Лондоне «Письма Петра Васильевича Ольховика, крестьянина Харьковской губ., отказавшегося от воинской службы в 1895 г.», в которых, по мнению Толстого, проводилась мысль, что «война и военная служба – зло, не согласное с христианским учением, почему всякий здравомыслящий человек должен уклоняться от военной службы» (37: 79).

Толстой обращался ко многим влиятельным лицам, в т.ч. к судье Временного морского суда порта Владивостока, с просьбой помочь Ольховику и Серede облегчить их положение. Это «спасло их от телесного наказания и уменьшило их срок содержания» (71: 342).

В своих статьях «Две войны», «Одумайтесь!», «Закон насилия и закон любви» Толстой называл Ольховика в числе мучеников за веру. Писатель использовал в этих статьях «Письма Петра Васильевича Ольховика...». Он продолжал следить за судьбой Ольховика, осуждённого на 18 лет ссылки в Якутию. В 1905 г. Ольховик уехал с духоборами в Америку.

Н.И. Шинкарук

ОРЕХОВЫ

Алексей Степанович (1836-1882) – яснополянский крестьянин из старейшего и одного из самых многочисленных крестьянских родов Ясной Поляны. Род этот происходил от Петра Арефьевича Бровкина. Фамилию в XIX в. получили, видимо, от Арефьева – Ореховы. Толстой называл одного из героев романа «Декабристы» Бровкиным. Многие Ореховы были близко знакомы Толстому, послужили прототипами его персонажей.

А.С. Орехов пяти лет остался без отца, был взят во двор для подготовки прислуги, потом приставлен к детям Толстых. Стал слугою Толстого, был с ним на Кавказе и в Севастополе: в письмах этого периода Толстой часто упоминал «Алёшку». Затем – камердинер Толстого. В 1856 г, отпущен на волю и был управляющим имением в Ясной Поляне до конца своих дней. Вёл некоторые дела по имению и в селе Никольском.

Судя по многочисленным записям Толстого в дневнике, отзываю об Алексее в письмах, он с детских лет отличался умом, честностью, ровным и смелым характером. Таким его вспоминали и дети Толстой. Они очень уважали Алёшу; он пользовался полным доверием, вниманием и отеческой заботой Толстого, который обращался к нему всегда по имени-отчеству. Алексей был добрым, незлобивым и мечтательным человеком. Любил играть на гитаре, хотя это у него и не очень получалось. Толстой был с ним очень близок.

Приезжая зимой в Ясную Поляну (дом не топлен) – останавливался у Орехова, где ему было хорошо. Орехов платил Толстому взаимностью. В доме Толстых он практически был членом семьи; в усадьбе выполнял самые сложные и ответственные поручения. Вёл судебные разбирательства; при отсутствии хозяина за всё отвечал в усадьбе. Ему доверяли большие суммы денег, и никогда не возникало никаких недоразумений.

Орехов был рыжеватый, с короткой бородкой, юркий, небольшого роста, косой. Женится в 30 лет на красивой дворовой Е.Н. Банниковой. Они были бездетны; жена рано умерла. Орехов остался вдов и одинок. Не сохранилось ни одного его снимка: должно быть, он избегал объектива. Словесный портрет его оставил Толстой в рассказе «Лето в деревне».

Данила Фёдорович (1796-1857) – яснополянский крестьянин Волконских-Толстых. В деревне был авторитетом. Имел 13 детей; дети его часто именовались Данилкиными. В «Дневнике помещика» 3 июня 1856 г. Толстой писал: «Потом подъехал к Даниле (богатый, семейный мужик, из ямщиков), худой, бледный, неподобострастный, но добродушный и очень умный. Он подошёл ко мне, когда я заговорил об оброке, с лицом, выражающим стыд за меня, что я - притворяюсь и лгу. Он отделался общими местами, говоря, что и за мной жить хорошо, что

при папеньке моём за ним оброк тоже не стоял» (5: 252). Толстой ещё не раз упоминал Данилу Орехова в дневнике.

370

Николай Константинович (1895—1941) – яснополянский крестьянин. Ученик в школе Толстого в 1907-1908 гг. По отзывам писателя, Коля был мальчиком весьма понятливым, удивительно милым. Когда в школе речь зашла о том, что нет ни ада, ни рая, Коля сказал: «Тогда и жить не стоит, куды душа-то пойдёт?» Много раз дома Толстой говорил о том, что он доволен мальчиками, особенно Колей. Ребята спорили между собою, какое Евангелие лучше. Но дети есть дети: бывало шалили и учителю приходилось кое-кого удалять с урока.

По предложению Коли Орехова в апреле 1908 г. была сделана фотография учеников Толстого у «дерева бедных». Толстой на своём любимом коне Делире и пятеро его учеников. Коля Орехов был дружен с детьми и внуками Толстых, особенно с Ильёй Андреевичем. А.Л. Толстая написала рассказ «Николка» о детских и юношеских годах Николая Орехова. Опубликовано в 1991 г. в журнале «Диалог» (18 декабря).

Федот Терентьевич (1846-1884) – яснополянский крестьянин, сын-сирота рекрута; рос в «приёмушах» у родных. В 1862-1866 гг. служил дворовым в усадьбе, потом женился. Семья была одна из самых бедных в Ясной Поляне; Федот постоянно болел, дочь и сын малолетние, жена больна.

Толстые проявляли к Федоту особое участие. Сиротская судьба «приёмуша» глубоко трогала писателя. Он с болью видел нищенское существование семьи. В «Записках христианина» подробно описывается изломанный и пустой двор больного Федота. Толстой постоянно проводывал Федота, и всякий раз душа его болела от ужасающей картины. С.Л. Толстой писал в «Очерках былого» об одном из таких моментов: «...как странно, — говорил Лев Николаевич, вернувшись от Федота, — рядом с нами живут нищие люди, болеют и умирают, а мы этого не знаем и даже знать не хотим...» (гл. «Разлад»).

Федот Терентьевич умер от чахотки. Толстой ходил проститься с ним, а потом заходил и на поминки, которые наблюдал лишь через окно. Он подробно описал эту скорбную картину в письме Софье Андреевне, которая в то время была в Москве. Она в ответ сокрушённо отвечала: «Бедный Федот, хорошо, что умер, а то каково бы всю зиму лежать в этом мраке избы холодной, в одиночестве и страданиях» (Толстая С.А. Письма к Толстому. М., 1936. С. 268).

Н.И. Шинкарьук

ОРЛЕНЁВ Павел Николаевич (1869—1932) —драматический артист, играл во многих столичных и провинциальных театрах. Два театральных сезона (1893-1895) работал в театре А.С. Корша в Москве, где исполнил роль Вово в комедии Толстого «Плоды просвещения» (1894). В своей автобиографии Орленёв рассказывал, что при встрече с ним в Ясной Поляне С.А. Толстая, вспоминая, как вместе с Львом Николаевичем видела его в этой роли, «наговорила» ему «много любезностей».

Для весенне-летних гастролей в 1901 г. Орленёв собрал труппу. Начало гастролей совпадало с празднованием Пасхи, и он собирался поставить на сцене роман Толстого «Воскресение»; инсценировка была сделана по бесцензурному заграничному изданию романа. В спектакле актёр предполагал сыграть роль народовольца Крыльцова. Но замысел воплотить не удалось: в конце февраля 1901 г. Святейший синод отлучил Толстого от церкви, и цензура запретила постановку «Воскресения».

В 1895-1902 гг. Орленёв состоял в труппе Театра Литературно-художественного общества в Петербурге, где сыграл свои самые значительные роли: царя Фёдора Иоанновича в пьесе А.К. Толстого (1898), Раскольникова (1899) и Дмитрия Карамазова (1900) по романам Ф.М. Достоевского. Позже Орленёв стал актёром-гастролёром и разъезжал с коллективом артистов по различным городам России. Он собирался создать народный театр и, узнав из журнала «Театр и искусство» о народных спектаклях, которые организовывал В.К. Скородумов в подмосковном селе Голицыне, хотел повторить этот опыт: стал вести переписку со Скородумовым о бесплатных крестьянских спектаклях. В 1910 г. он дал несколько бесплатных спектаклей для крестьян. Именно этот факт в биографии артиста заинтересовал Толстого.

В письме Толстому 26 мая 1910 г. В.Г. Чертков рассказал об Орленёве и его желании создать народный театр (он побывал на одном из бесплатных крестьянских спектаклей Орленёва и взял афишу, чтобы показать её Толстому). По мысли Черткова, встреча Орленёва с Толстым должна была стать актом «духовного общения». Как он писал об Орленёве, «актёрское “ремесло” никогда его не удовлетворяло, и он постоянно лелеял мечту, что когда-нибудь ему удастся поделиться своим искусством с простым народом».

Толстого очень заинтересовала идея Орленёва создать народный театр. С.А. Толстая записала в ежедневнике, что он «взволновался письмом Черткова, который

писал об актёре Орленёве и его намерении играть театр для народа». В дневнике 27 мая 1910 г. Толстой отметил: «Письмо Черткова об Орленёве. Надо будет постараться кончить пьесу». Речь идёт о пьесе «От ней все качества»; видимо, Толстой связывал окончание работы над пьесой и встречу с Орленёвым. В.Ф. Булгаков писал, что Толстой рассказывал о письме Черткова и «хотел бы написать для Орленёва пьесу».

В своей автобиографии актёр довольно много страниц посвятил двум встречам с Толстым. Причём в его воспоминаниях образ Толстого снижен, а его собственная фигура, напротив, приобретает значительность. Орленёв отрицает своё желание встретиться с Толстым: «Я от приглашения отказался наотрез, — писал он, — мне не хотелось быть “паломником” ни у какого Бога». Далее он размышлял о возможной встрече с Толстым как о театрализованном представлении: «Мне, однако, пришла мысль — устроить свидание с Толстым в виде случайной встречи. Лев Николаевич по своему обыкновению делает верхом прогулку по соседнему лесу, а я, любитель собирать грибы, собирая их, вдруг натыкаюсь на старого наездника, и мы оба, остановившись в изумлении, знакомимся, как встречающиеся в “лесу” Островского бродяги Несчастливцев и Аркашка». Нет точных свидетельств, как именно произошла эта первая встреча актёра и писателя, осталось только одно немаловажное свидетельство. По воспоминаниям Булгакова, при их первой встрече Толстого поразило поведение Орленёва: законы театрального действия Орленёв соблюдал и в своём внешнем облике. О самой встрече с Толстым Орленёв говорил с разочарованием, так как в сидевшем перед ним человеке он «не ощутил того чувства вечности, которое мечтал найти».

Эта встреча с Орленёвым 8 июня 1910 г. разочаровала и Толстого, о чём он записал в дневнике: «Был Орленёв. Он ужасен. Одно тщеславие и самого низкого телесного разбора. Просто ужасен. Чертков верно сравнивает его с Сытиным. Очень может быть, что в обоих есть искра, даже наверно есть, но я не в силах видеть её». Довольно подробно описал Орленёва Булгаков: «Орленёв — лет сорока двух, но моложавый, живой, стройный, остроумный, однако, на мой по крайней мере взгляд, очень жалкий. <...> Живописно драпируется в плащ, в необыкновенной матросской куртке с декольте и в панаме, бледный, изнеженный, курит папиросы с напечатанным на каждой папироске своим именем; изящнейшие, как дамские, ботинки, трость — всё дорогое» (Булгаков. 8 июня). Позже Толстой говорил Булгакову об Орленёве: «Совеет чужой человек. Афера... И не деньги, а тщеславие: новое дело...» (там же. 9 июня)

Вторая встреча Толстого с Орленёвым произошла через несколько дней, 21 июня 1910 г. в имении Черткова. Здесь состоялся довольно долгий разговор Толстого с актёром. Писатель интересовался, почему на афишах спектаклей не указаны фамилии исполнителей. Он полагал, что такое доброе дело требует гласности — тогда оно может найти продолжателей. Другой вопрос, который задал Толстой: почему Орленёв играет бесплатно? Он считал, что надо установить хотя бы малую цену, чтобы зрители знали: работа артиста такая же, как всякая другая. Ответы Орленёва явно не удовлетворили Толстого.

В тот же день актёр прочёл в присутствии Толстого стихотворение И.С. Никитина «Болесть». Булгаков писал: «После обеда Орленёв прочёл — с пафосом, но без вдохновенного подъёма — стихотворение Никитина. Всем чтение понравилось. Лев Николаевич прослезился. Орленёв тоже был растроган» (Булгаков. 21 июня). В дневнике Толстого этот факт отмечен лаконичной записью: «Орленёв читал Никитина Мне чуждо». Несмотря на свидетельство Булгакова, Толстой не изменил своего мнения об Орленёве.

Эпизод второй встречи с Толстым в автобиографии Орленёва развёрнут в подробный отчёт о том, что ели Толстой и «толстовцы». Он рассказал, что Толстой ест спаржу по-английски «аппетитно», «с действительно аристократическим искусством поливая её прованским маслом и лимонным соком». Чуть раньше Орленёв говорил о неприятном впечатлении, которое произвёл на него особый «этикет» в доме Толстых: мальчик, одетый в форму казачка, справлялся о том, как доложить об Орленёве Софье Андреевне. А сама С.А. Толстая очень интересовалась прекрасным ароматом духов Орленёва.

В книге Орленёва много фактических неточностей, очевидно, что артист не столько описал события собственной жизни, сколько создал миф о себе. В этом случае образ Толстого в воспоминаниях Орленёва имеет «прикладное» значение, т.е. призван оттенить неординарность и независимость самого автора.

И.Ю. Матвеева

ОРЛОВ Владимир Фёдорович (1843 - 1898) — близкий знакомый Толстого, его «единомышленник» (63: 81). Сын священ-

372

ника Владимирской губ., воспитанник владимирской духовной семинарии; позднее в Петербурге сблизился с Нечаевым.

Толстой и Орлов познакомились в Москве в 1881 г. «Орлов — пострадавший, — писал Толстой, — два года сидел по делу Нечаева и болезненный, тоже [как и Н.Ф. Фёдоров] аскет по жизни и кормит девять душ и живёт хорошо. Он учитель в железнодорожной школе» (63: 81).

Старший сын Толстых, С.Л. Толстой, вспоминал: «Помню, что у Орлова были длинные волосы, густая, нечёсаная борода, бесформенный нос — в общем простое русское лицо. Он много и образно говорил, резко выговаривая по-северному на «о» <...>. В молодости он был замешан в деле Нечаева, побывал в тюрьме и ссылке, а затем усвоил себе свободное христианское мировоззрение <...>. Впоследствии я узнал, что он получал пособия от Третьего отделения, “в виду его откровенных показаний”, что объясняется тем, что он был обременён многочисленной семьёй. Признаюсь, он и его христианские туманные речи мне не были симпатичны. Не нравилось мне и то, что от него иной раз пахло вином» (*Очерки былого*. «С осени 1881 до осени 1898 года. Первая зима в Москве». 1881—1882).

А.С. Пругавин в своих воспоминаниях, относящихся к началу 1880-х гг., называл Орлова «близким другом» Нечаева и рассказывал, что «его беседы, споры и импровизации отличались блеском, остроумием, а нередко и глубиной содержания, обнаруживая в то же время серьёзную начитанность его в области философских и религиозных вопросов. Лев Николаевич охотно встречался и беседовал с Орловым, несмотря даже на несчастную страсть последнего к вину» (Пругавин А.С. Л.Н. Толстой в 80-х годах // *Новая жизнь*. 1912. V. С. 122—123).

Орлов никогда не был революционером, но искренне сочувствовал этим людям как «истинно страдающим» (85: 148) за обездоленный простой народ. Он работал в издательстве «Посредник». Толстой часто встречался и переписывался с ним, называл его «близким другом» (63: 208) и был «всегда рад», когда Орлов являлся в дом Толстых; однако со временем стали рождаться сомнения: «С Орловым немного неясно. Я дорожу его единомыслием, но не совсем в него верю», — записал Толстой в дневнике 6 апреля 1884 г. (49: 79).

В 1886 г. вышло пятое издание собрания сочинений Толстого, где под заглавием «Мысли о переписи» были напечатаны отрывки из трактата «Так что же нам делать?». К ним Орлов написал предисловие, которое должно было печататься от имени издательницы <С.А. Толстой>. 22 февраля Толстой писал В.Г. Черткову: «Последние дни у меня был Орлов и начал писать для Софьи Андреевны предисловие от издательницы к “Что же нам делать?”. И написал прекрасную статью, в которой указывает различие моих взглядов от социалистов и революционеров. “Те хотят исправить мир, а этот хочет спасти душу”. Предисловие едва ли выйдет, а статья хорошая» (85: 324). Статья Орлова не была опубликована, видимо, по цензурным условиям; текст её неизвестен.

Характеризуя писательскую сущность Толстого, Орлов говорил, что знал на своём веку «трёх сыщиков — сыщиков по духу, по натуре: его приятель Нечаев, монах с Нового Афона Иерон и Лев Толстой» (Записки И.М. Ивакина // *ЛН*. Т. 69. Кн. 2 С. 38).

С середины 1880-х гг. имя Орлова всё реже встречалось в письмах и дневниках писателя, но переписка продолжалась. Вот одно из последних писем Толстого, проникнутое искренней привязанностью к другу (датировано условно 1891-1898 гг.): «Очень рад был получить от вас письмо, дорогой Владимир Фёдорович, и сведения о житее вашем и вашей семье, которую я люблю. Очень бы хотелось повидаться с вами и поговорить о многом. Я всегда с очень хорошим чувством вспоминаю наши беседы в Москве и знаю, что мы как были близки по самым глубоким основам жизни, так и останемся близки, несмотря на могущие встретиться разногласия внешние, да и то такие, которые кажутся разногласиями только до тех пор, пока они не разъяснены. Может быть, и до свиданья. Любящий вас Л. Толстой» (90: 307). И после смерти Орлова его самобытная личность жила в памяти Толстого и нашла своё место в его сочинениях.

21 апреля 1909 г. Д.П. Маковицкий записал, что гостивший в Ясной Поляне Ф.А. Страхов «рассказывал про В.Ф. Орлова»: «Он был православный. Л.Н. очень любил его и как-то при нём его похвалил. Орлову это, очевидно, было неприятно, т.к. он был очень скромный человек, и он это отрицал. Он несколько раз уже говорил Л.Н., что пьёт. Раз приходит человек доложить Л.Н., что пришёл Орлов, очень выпивши, и хочет его видеть. Л.Н. к нему сошёл, и Орлов ему говорит: “Я вам говорил, каков я, ну вот, вы теперь сами посмотрите, коли не верите”. Л.Н. это всегда вспоминал с умилением. Л.Н. сказал, что если бы он был здоров, он описал бы художественно этот тип». В тот же день писатель начал повесть о революционерах «Нет в мире ви-

373

новатых», где в образе учителя Соловьёва отражены черты Орлова. На следующий день Толстой заметил, что «после рассказа Страхова о Владимире Фёдоровиче Орлове к пьянству стал снисходителен. Пьянство — это, скорее, болезнь, и одержимы ею бывают часто люди хорошие» (*ЯПЗ*. 3. С. 391). 23 апреля в дневнике появилась запись: «Странное дело, рассказы Страхова вызвали во мне желание художественной работы <...> с целью невидной, недоступной мне: заглянуть в душу людскую. И очень хочется» (57: 52).

В начале ноября 1909 г. Толстой видел Орлова во сне, будто бы в гостях у богатой помещицы, где Орлов негодовал на жестокость и несправедливость помещичьего землевладения. Этот сон Толстой

записал, и сочинение под названием «Сон» стало заключением к рассказу «Три дня в деревне», написанному в том же 1909 г. В нём Орлов назван своим именем, он обращается к помещику, жалующемуся на то, что мужики срубили и увезли несколько дубов из его леса, со словами: «Да ведь если бы они взяли не дубы, а унесли всё, что есть здесь, в этом доме, то они взяли бы только своё, только всё то, что они и их братья, но уже никак не вы сделали... Да ведь вы у них веками похищали не дубы, а жизни, жизни их детей, женщин, стариков, чахнувших и не доживающих естественный срок жизни...» (38: 24). Толстой считал, что как бы фантастически ни действовали лица, являющиеся в сновидениях, основа их реальных характеров сохраняется и там. Возможно, и в данном случае негодование героя «Сна» было подсказано автору характером его друга Орлова; не случайно в дневнике отмечено 7 декабря: «Писал Орлова. Немного подвинулось» (57: 182).

Н.И. Бурнашёва

ОРЛОВ Николай Васильевич (1863-1924) — один из любимых художников Толстого. Родился в селе Буйцы Епифанского уезда Тульской губ. в семье крестьянина. В 19 лет поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, где его учителями были В.Д. Поленов, К.А. Коровин, И.М. Прянишников. В 1892 г., успешно окончив училище, Орлов получил звание художника и серебряную медаль за картину «Умиряющая». Картину купил П.М. Третьяков для своей галереи и выставил её в числе других работ художников-передвижников в 1894 г. Тогда её и увидел Толстой («умилился» картиной Орлова) и здесь же, на выставке, познакомился с художником. Жил и работал Орлов в деревне в Калужской губ., уже обременённый многочисленной семьёй, в постоянной нужде. Тяжёлая крестьянская жизнь подсказывала ему темы картин. 1896 год был одним из самых удачных в жизни художника: его избрали членом Товарищества передвижных художественных выставок, он написал новое полотно «Проводы переселенцев», на которое обратил внимание Толстой (картина «тронула» писателя). Над следующей картиной «Освятили» работа продолжалась несколько лет и была завершена в 1904 г. К этому времени художник оказался в полной нищете, пожар уничтожил всё его имущество, и он остался с семьёй из 11 человек без средств и без крыши над головой. Он писал Толстому: «Моё положение отчаянное, работы нет, искал и пока не нашёл; ни денег, ни хлеба, в доме как смерть ходит, хоть беги!» (*Толстой и художники*. С. 145). В такой безысходной ситуации Орлов осенью 1904 г. уехал в Ясную Поляну и, поселившись в деревенской избе, работал в сарае рядом с избой над картиной «Порка». Художник мёрз, голодал: «Питаюсь одним чёрным хлебом и чаем. Иногда хожу обедать к Толстым, а всегда-то

совестно есть их роскошный обед, когда все близкие — семья — голодают» (там же. С. 146). Толстой часто посещал художника, давал советы (всегда очень деликатно), помогал подобрать натурщиков для картины из числа яснополянских крестьян. Ещё раньше, когда Орлов посвятил Толстого в замысел работы над картиной «Порка», писатель 22 апреля 1904 г. ответил ему письмом: «Я ни одного художника русского взятого в целом не знаю равного вам. Не унывайте, всё минется, правда останется. А ваши произведения — правда, и трогательная правда. <...> Любящий вас Л. Толстой». В яснополянском кабинете Толстого и сейчас висят фотографии с картин Орлова: «С работы», «Христа ради», «Переселенцы», «Со службы», «Умиравшая», «Шинкарка», «Монополия» («Освятили»), на последней есть дарственная надпись Орлова. Часто Толстой водил гостей в кабинет и, показывая им висящие на стене снимки картин Орлова, со слезами на глазах рассказывал содержание каждой из картин, говоря: «Это, по-моему, величайший русский художник» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 235). В 1908 г., когда живущая в доме Толстых Ю. Игумнова привезла го Москвы множество открыток с картин разных художников, Толстой выбрал «Монополию» Орлова, сказав: «Даровитый, даровитый человек! И человек, который думает сердцем. Он знает народ и любит его. и ему тяжело такое поругание» (*Толстой и художники*. С. 164). В 1909 г. лучшее художественное

374

издательство того времени Товарищество Р. Голике и А. Вильборг в Петербурге издало альбом Орлова «Русские мужики», предисловие к нему написал Толстой: «Орлов мой любимый художник, а любимый он мой художник потому, что предмет его картин — мой любимый предмет. Предмет этот — это русский народ — настоящий русский мужицкий народ...» (37: 273).

Художник был дружен со старшим сыном Толстого Сергеем Львовичем, в имении которого Никольском-Вяземском в Чернском уезде Тульской губ. он жил и работал над своими картинами. В одной из них, незавершённой, «На сенокосе», он хотел изобразить Толстого, пришедшего на сенокос и беседующего с крестьянами.

Очень многие картины Орлова не сохранились, жизнь его закончилась трагически, были зверски убиты бандитами трое его детей: сын и две дочери. Сам Орлов после тяжёлой болезни умер в 1924 г. Возможно, и имя и творчество художника оставались бы полузабытыми, если бы не пристальное внимание и восхищение Толстого его картинами.

Благодаря этой оценке, имя Орлова осталось в истории русской живописи.

Лит.: Софронов С.И. Художник-передвижник Н.В. Орлов. — М., 1965.

Л. С. Дробат

ОРФАНО Александр Герасимович (1834-1902) — отставной поручик, в 1862 г. был привлечён к суду по делу «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. Орфано оправдали, но в 1886 г. над ним был учреждён негласный надзор полиции за открытие в его имении Вазнино Можайского уезда Московской губ. фабрики на артельных началах. Отдал всю свою землю крестьянам; с 1890 г. — железнодорожный служащий в Москве.

Орфано был хорошим знакомым друга Толстого В.И. Алексеева. В начале 1880-х гг. ненадолго сблизился с Толстым, но вскоре обратился к церковному православию. В печати отстаивал церковные позиции, обличая Толстого. Свои взгляды изложил в книге «В чём должна заключаться истинная вера каждого человека? Критический разбор книги гр. Л.Н. Толстого “В чём моя вера?”» // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1887. I» (второе издание вышло в Москве в 1890 г.).

Бывал в доме Толстых, Толстой с ним «горячо спорил» (*ЯПЗ.* 1. С. 451), заявляя: «Вы не знаете моего Бога, а я знаю вашего...» (49: 69).

Н.И. Бурнашёва

ОСТАШКОВ Архип (отчество и даты жизни не установлены) — охотник-медвежатник из имения поэта А.А. Фета под Вышним Волочком. В декабре 1858 г. во время охоты спас Толстого от медведицы, Под именем Демьяна выведен в рассказе из «Азбуки» «Охота пуще неволи». Толстой так поведал о самом остром моменте этой ситуации: «Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдёргиваюсь, а он торопится и, как собака, грызёт — жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. “Ну, — думаю, — конец мой пришёл”. Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю, нет его: соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидели, что медведь сбил меня в снег и грызёт, они бросились ко мне. <...> Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит: “Барина заел! Барина

заел!” Сам бежит и кричит на медведя: “Ах ты, баламутный! Что делает! Брось! Брось!”

Послушался медведь, бросил меня и побежал». Шкура медведицы и по сей день находится в московском доме Толстого в Хамовниках. Случай описан подробно и А.А. Фетом в воспоминаниях.

Портрет Архипа Осташкова сделан С.А. Толстой в 1907 г. по фотографии (бумага, акварель; хранится в ГМТ).

Н.И. Шинкарьук

ОСТЕН-САКЕН Александра Ильинична («Алина»; рожд. Толстая; 1795—1841) — родная тётка Толстого, опекуна (1838—1841) малолетних Толстых.

А.И. Остен-Сакен была очень образованна, знала несколько иностранных языков, в т.ч. французский, который впоследствии преподавала своим племянникам Толстым. Музыкальная, как все Толстые, она превосходно играла на арфе и фортепиано. Судьба её удивительна и необычна. Как вспоминал Толстой, «очень привлекательная, с своими большими голубыми глазами и кротким выражением белого лица», юная, грациозная и одухотворённая, она имела большой успех на балах в Петербурге. При жизни родителей очень рано была выдана замуж в Петербурге за богатого и знатного остзейского подполковника графа К.И. Остен-Сакена. Он женился на Алине, когда ей было девятнадцать лет. «Партия, казалось, очень блестящая» закончилась очень печально «в смысле супружества». Оно обернулось несчастьем. После свадьбы у мужа обнаружили признаки психического расстройства.

375

которые проявлялись как приступы беспричинной ревности и мании преследования. Он был помещён в лечебницу для душевнобольных, где провёл долгие годы. Надежды на выздоровление не было. В первый год после свадьбы в приступе полного сумасшествия он дважды покушался на жизнь беременной жены. Сначала стрелял в неё и оставил раненую на дороге. Затем во время выздоровления вновь пытался ранить её. Едва оправившись от раны, Алина вернулась к родителям в Петербург. У неё родился мёртвый ребёнок. Младенца заменили новорождённой дочерью придворного повара. Даже узнав правду, она воспитывала эту девочку как родную дочь, живя у своих родителей.

После женитьбы брата, Н.И. Толстого, на княжне М.Н. Волконской она вместе с приёмной дочерью, «бледной, молчаливой и кроткой» девушкой (Толстая С.А. Материалы к биографии Л.Н. Толстого... // ТВС.

1. С. 32) Пашенькой, матерью П.Н. Толстой и Т.А. Ёргольской обосновалась в его семье в Ясной Поляне. Испытания в личной жизни превратили Алину, весёлую и кокетливую, в «скучную богомолку» (Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н. Толстого. М., 1928. С. 142), как она себя называла. Она искала утешения в вере, много молилась, ходила по церквям, беседовала с духовными лицами, и этим была заполнена вся её жизнь. Последствия несчастливого брака «были благотворны для её души». Она стала истинно религиозной женщиной, отшельницей, предпочитала светской суете уединение и посещение монастырей. Её любимое чтение — «Жития святых», избранное общество — «божьи люди»: странники, нищие, юродивые. Её набожность не была показной. Весь её образ жизни носил отпечаток глубокой религиозности. Она отказалась от роскоши, старалась не утруждать прислугу, одевалась просто, почти бедно; экономя деньги, ходила по Москве пешком. Вставала раньше всех и отправлялась в ближайшую церковь к заутрене. «Она была одинаково ласкова и добра» и с «важными мужчинами и дамами, и с монахинями, странниками и странницами».

В 1837 г. в 43 года умер Н.И. Толстой. Алина приезжала из Москвы хоронить брата на кладбище сельца Кочаки. После смерти матери, старой графини П.Н. Толстой в 1838 г., она взяла опеку над осиротевшими племянниками Толстыми: вела их имущественные дела, сложные и запутанные, часто обращалась в Опекунский совет или в Сенат. Ведение дел причиняло ей много хлопот: «нужно действовать, просить, умолять», делать визиты сенаторам, платить долги, а также надо было учить детей. Особенно много беспокойства доставляли ей процессы по спорным имущественным делам. Жить по-барски, на широкую ногу, как при Н.И. Толстом, она не могла, и было решено сократить расходы: оставить в Москве, с ней и гувернёром Сен-Тома, Пашеньку и старших детей; младших, с Т.А. Ёргольской и Ф.И. Рёсселем, отправить в Ясную Поляну, а также отказаться от большого дома и переехать в более дешёвую квартиру. Она спешила оставить большой дом, «который видел уже так много слёз». В 1838-1841 гг. она жила в Москве со старшими племянниками Николаем и Сергеем. Рождественские каникулы и день именин Т.А. Ёргольской в 1840 г. вся семья провела вместе в Ясной Поляне. Она заботилась о своих племянниках, «но всё, что она делала, не поглощало её души, всё было подчинено служению Богу». Лето 1841 г. она провела в Ясной Поляне, а затем уехала в Оптину пустынь. Строгое соблюдение поста, долгое выстаивание церковных служб сломали её здоровье. Она слегла и, когда поняла, что болезнь принимает плохой оборот, позвала к себе Т.А. Ёргольскую. 29 августа 1841 г. та приехала с племянниками Николаем и Машей. Увидев приехавших, умирающая заплакала от радости. Через день она скончалась без страданий, в полном сознании в возрасте 46 лет. Погребена на кладбище монастыря Оптина

пустынь. Эпитафия на её памятнике, вероятно, написана 13-летним Л.Н. Толстым. В 1929 г. памятник был перенесён на Никольско-Кочаковское кладбище близ Ясной Поляны, но прах А.И. Остен-Сакен остался в Оптиной пустыни. В 2006 г. туда возвращён и памятник.

Лит.: Толстой Л.Н. Воспоминания (гл. V) — Любое издание.

А.Н. Полосина

ОСТЕН-САКЕН Дмитрий Ерофеевич (1789/90-1881), граф — генерал-адъютант, начиная с 1805 г. участник всех войн с Наполеоном и других военных кампаний. 28 ноября 1854 г., после кровопролитного и проигранного Инкерманского сражения, был назначен начальником севастопольского гарнизона; на Пасху в 1855 г. ему пожалован графский титул. Известная набожность Остен-Сакена нередко становилась предметом скрытой, а порой и явной насмешки офицеров. Упомянут в дневниках, письмах Толстого и в его севастопольской песне:

А там Сакен-генерал
Всё акафисты читал
Богородице.

376

В данной ситуации это был незаслуженный упрёк Остен-Сакену, который не слышал сигнала к выступлению гарнизона не потому, что «акафисты читал», а потому, что Горчаков не подал этого сигнала.

После Крымской войны был членом Гос. совета.

Н.И. Бурнашёва

ОСТЕРМАН-ТОЛСТОЙ Александр Иванович (1771-1857) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Дальний родственник Толстого.

Участвовал в войне с Турцией в 1787—1791 гг., в кампании 1806 г. Выступал против заключения Тильзитского мира и политики сближения с императором Наполеоном. В знак протеста в 1810 г. уволился в отставку.

С началом Отечественной войны 1812 года Остерман-Толстой вернулся в армию, был назначен командиром 4-го пехотного корпуса, участвовал во многих сражениях, был тяжело контужен в Бородинской битве. На совете в Филях высказался за оставление Москвы без боя. Участвовал в боях у Тарутина и Красного.

Участник Заграничных походов 1813—1814 гг., командовал гвардейским корпусом. В сражении при Кульме ему оторвало ядром левую руку. Несмотря на это, вплоть до 1818 г. Остерман-Толстой оставался на военной службе, затем, не согласный с военной политикой Аракчеева, вышел в отставку. В 1834 г. из-за конфликта с Николаем I уехал за границу, где и прожил до своей смерти.

В первоначальном замысле «Войны и мира» Остерман должен был, по-видимому, занять более заметное место, чем это оказалось в окончательном тексте, причём при описании его Толстой, очевидно, использовал семейные рассказы и предания. Во всяком случае описание внешности Остермана в черновиках не находит подтверждения ни в одном из известных портретов: «Остерман в очках, плотный — голубоглазый» (13: 40). Явно из семейного источника и такая подробность: «Ростов не знал, что этот генерал был постоянно одержим страхом казаться трусом и что от этого страха он был всегда в сражении так взволнован и так храбр» (14: 45).

В окончательном тексте «Войны и мира» Остерман упоминался несколько раз, мимоходом, во 2-м и 3-м томах. Он непосредственный начальник Николая Ростова, умный и понимающий военное дело человек: не наказывал и поощрял Ростова за инициативу — самовольную атаку без приказа. В сцене совета в Филях Остерман присутствовал молча: он «сидел, облокотивши на руку свою широкую, с смелыми чертами и блестящими глазами, голову».

В.М. Бокова

ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич (1823-1886) - драматург, театральная деятельность. Отец его, сын священника, состоял на гос. службе, впоследствии получил дворянство. Мать — из бедного духовенства, умерла в 1831 г.; мачеха была из старинного дворянского рода, благодаря ей будущий писатель получил хорошее домашнее воспитание.

В 1840-1843 гг. Островский учился на юридическом факультете Московского университета, где в то время преподавали Т.Н. Грановский и М.П. Погодин. Но это стало мешать увлечению творчеством и театром, и он покинул университет. Некоторое время служил в суде, откуда ушёл в 1851 г., чтобы заняться литературным трудом.

Уже первые пьесы Островского «Семейная картина», «Свои люди — сочтёмся!» («Банкрот»), написанные в конце 1840-х гг., сделали его имя известным всей читающей России. В начале 1850-х гг. он стал активным сотрудником журнала «Москвитянин», издававшегося Погодиным. Если первый период творчества Островского проходил под влиянием Гоголя и «натуральной школы», то второй, москвитянинский (1852—1854), был близок славянофильству. В русле этого течения созданы пьесы «Не в

свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется» и др. Предреформенные годы (1855-1860) сблизили Островского с революционной демократией (пьесы «Гроза», «В чужом пиру похмелье», «Доходное место», «Воспитанница»).

Островский встретился с Толстым в начале 1856 г., когда поэтесса Е.П. Ростопчина 25 января письмом уведомила его, что с ним желает познакомиться «удивительно симпатичное существо, а именно граф Лев Толстой». Между писателями вскоре установились дружеские отношения, они обращались друг к другу на «ты». Толстой с интересом следил за творчеством Островского, видя в нём выдающееся явление русской культуры.

В кабинете яснополянского дома висит сделанная по инициативе Толстого фотография сотрудников журнала «Современник». Снимок сделан в честь приезда Островского в Петербург 15 февраля 1856 г. Именно в это время писатели часто встречались, обсуждали литературные проблемы, вели переписку, но из неё мало что сохранилось. Известны только 4 письма

377

Толстого. Ни одного письма Островского не найдено. Толстому Островский нравился своей простотой, русским складом жизни, серьёзностью и большим дарованием. «Он был самобытный, оригинальный человек, ни у кого не заискивал, даже и в литературном мире...» — вспоминал Толстой.

В начале 1860-х гг. написав комедию «Заражённое семейство», Толстой прочитал её Островскому, тот «одобрил её, но сказал, что “мало действия, что надо её обработать”» (Кузминская. Ч. II. Гл. XXIII). В письме же Н.А. Некрасову Островский назвал комедию «безобразием» за её «антинигилистическую» направленность. Занятый в это время работой над «Войной и миром», Толстой скоро охладел к пьесе и больше не заботился об её напечатании и постановке на сцене.

Высоко ценя Островского-драматурга, Толстой делил его творчество на две резко различающиеся половины: одну — составляющую часть классической русской литературы, пьесы «Свои люди — сочтёмся!», «Не так живи, как хочется», «Бедность не порок», «Доходное место» и т.п., — и другую, которую он считал данью драматурга либеральной критике, — пьесы «Гроза», «Воспитанница»... Ещё 23 февраля 1860 г. Толстой писал А.А. Фету: «“Гроза” Островского же есть, по-моему, плачевное сочинение, а будет иметь успех». А вот пьеса «Не так живи, как хочется», напечатанная в «Современнике», Толстому понравилась, и он с воодушевлением читал её И.С. Тургеневу.

После публичного чтения пьесы «Доходное место» Толстой писал Островскому 29 (?) января 1857 г.: «Благодарствуй за комедию. В публике, где мы читали, она имела успех огромный. Моё впечатление в отношении сильных мест и лиц усилилось, в отношении фальшивых также. По-моему, их не много — только интрига Вишневыских и ещё кое-какие мелочи. Ежели бы этих пятнушек не было, это было бы совершенство, но и теперь это огромная вещь по глубине, силе, верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова. Мне на душе было сказать тебе это <...> я никогда не перестану любить тебя и как автора и как человека. Твой гр. Л. Толстой».

Годы спустя Толстой обратился к драматургу с просьбой прислать пьесы для издания в «Посреднике». 22 (?) мая 1886 г. он писал из Ясной Поляны: «Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, и потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если Бог тебе это положит на сердце. <...> Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно — общенародным в самом широком смысле писателем».

Островский не успел ответить. Он скоропостижно скончался 3 июня 1886 г. В «Посреднике» были напечатаны его пьесы «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется». До конца своей жизни Толстой остался в убеждении, что Островский поистине гениальный драматический писатель. За драму «Власть тьмы» он взялся с особым усердием лишь после того, как в 1886 г. приехавший в Ясную Поляну А. А. Стахович мастерски прочитал драматические отрывки из пьес Островского. «Вашим чтением вы расшевелили меня, — позднее признался Стаховичу Толстой, — после вас я написал драму» (Бирюков. 2. С. 71).

Л.Ф. Подсвинова

ОУЭН Роберт («Овэн»; 1771-1858) – английский философ, социалист-утопист, талантливый предприниматель, филантроп, считавший невежество масс основным препятствием в построении справедливого общества и придававший исключительно важное значение воспитанию людей.

Воззрения Оуэна, касающиеся теории и практики воспитания, попали в поле внимания Толстого в тот период, когда он был увлечён педагогической деятельностью и изданием журнала «Ясная Поляна» (1859-1863). Во второй статье журнала, «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (1862), Толстой, описывая свой опыт преподавания Священной истории и доказывая, что Библия — «книга детства рода

человеческого» — отнюдь не «отжила» и имеет высокое воспитательное значение, не соглашался с одним из основных педагогических взглядов Оуэна, считавшего, что приобщение обучающихся к материалистическому мирозерцанию будет способствовать воцарению нового нравственного порядка. «Без Библии, — заявлял Толстой, — немыслимо в нашем обществе, так же как не могло быть мыслимо без Гомера в греческом обществе, развитие ребёнка и человека». И поэтому «материализм тогда только будет иметь право объявить себя победителем, когда будет написана Библия материализма и детство будет воспитываться по этой Библии. Попытка Оуэна не может

378

служить доказательством такой возможности, как произрастание лимонного дерева в московской теплице не есть доказательство того, что деревья могут расти без открытого неба и солнца» (8: 89).

Считая материалистическую позицию Оуэна глубоко ошибочной, Толстой вместе с тем вполне разделял его педагогическое убеждение в необходимости общего и совместного воспитания детей. Близок был Толстому и ряд социальных взглядов Оуэна, ратовавшего за общность владения и труда, за создание свободных самоуправляющихся общин, за сочетание труда умственного и физического, за равенство в правах. Толстому импонировал критический пафос социальных построений английского мыслителя, и в качестве одного из эпиграфов к своей публицистической статье «Рабство нашего времени» (1890) он выбрал фразу Оуэна: «Система, по которой действуют все народы мира, основана на самом грубом обмане, на самом глубоком невежестве или на соединении обоих: так что ни при каких видоизменениях тех принципов, на которых держится эта система, она не может произвести добро для людей; напротив, — практические последствия её должны быть и постоянно производить зло» (34: 144). Эта цитата из книги Оуэна вошла также в сборники мыслей «Круг чтения» и «На каждый день», составленные Толстым.

Запись в дневнике 1905 г. подтверждает, что социальные воззрения Оуэна учитывались Толстым и в процессе подготовки статей «Об общественном движении в России» (1905) и «Единое на потребу» (1905), в которых он рассуждал о сущности гос. власти, о формах совместного бытия людей, о перспективах социального процесса, доказывал действенность только одного способа преобразования совместной жизни людей — внутренней работы каждого человека над самим собой. В этих статьях он также доказывал бесполезность, и даже вредность, борьбы за

улучшение условий жизни внешними средствами (участием в политической деятельности, в делах правительства).

Во время создания статей напряжённо размышляя над поднятыми в них вопросами, Толстой в своём дневнике записал мысль о пагубности широко ведущихся разговоров об общем благе, которые отвлекают и уводят людей от использования надёжного средства гармонизации общественного бытия — нравственного самосовершенствования. В этой связи в дневнике 21 января 1905 г. и упоминается Оуэн как один из мыслителей, сформулировавших новые представления об общественном идеале. «Мы так привыкли к болтовне об общем благе, — писал Толстой, — что уже не удивляемся на то, как человек, не делая никакого дела, прямого труда для общего блага, не высказывая никакой новой мысли говорит о том, что, по его мнению, нужно делать, чтобы всем было хорошо. В сущности, ведь ни один человек не может знать хорошенько, что ему самому нужно для его блага, а он с уверенностью говорит о том, что нужно для всех. Это — особенная черта только нашего времени. Платон, Солон, Конфуций, Сен-Симон, Фурье, Овен высказывают новые идеалы и новые законы; рядовые люди работают для себя, своей семьи, своей общины, предлагая свои мнения о ближайших интересах; но что такое, какое значение всех этих разговоров и статей о всем известном и надоевшем?»

Позднее, осенью 1910 г., Толстой более радикально высказался против разговоров о наилучших формах социального устройства (черновая редакция статьи «О социализме»). В этой записи среди перечисленных там социалистов-реформаторов фигурирует и Оуэн. Толстой убеждён, «что никто не может предвидеть такой наилучшей экономической формы жизни, в которую должно сложиться общество», и «именно такого рода утверждения людей о том, что воображаемая ими форма общественной жизни есть наилучшая или неизбежная по предполагаемым ими законам движения экономической жизни», составляет «главное препятствие» к достижению справедливого общественного устройства, а именно так, подчёркивает Толстой, и «делают социалисты реформаторы от Сен-Симона, Фурье, Оуэна до Маркса, Энгельса, Бернштейна и др.».

М.А. Лукацкий

ОХОТНИЦКАЯ Наталья Петровна (даты жизни не установлены) — знакомая Толстых, с начала 1850-х гг. прожила в их яснополянском доме не менее 25 лет. Документальных сведений о ней в литературе нет. Свояченица Толстого Т.А. Кузминская писала об Охотницкой в 1862 г.. что «это была добродушная простоватая старушка лет 50-ти». Комментаторы называют её компаньонкой Т.А. Ёргольской. Охотницкая

жила в Ясной Поляне по существу на правах члена семьи, пользуясь расположением Толстых. По её рассказам, она была обедневшей дворянкой, вдовой армейского офицера, у которой умер грудной ребёнок, не вынеся тягот походного быта. С. Л. Толстой в книге «Очерки былого» писал, что она происходила из мелкопомест-

379

ных дворян и «рассказывала необыкновенные, но неинтересные истории из жизни помещиков, офицеров и монастырей».

В своих «Воспоминаниях» Толстой описывал вечера в комнате Ёргольской в годы его молодости: «...читаешь, думаешь, изредка слушаешь её разговоры с Натальей Петровной <...> всегда добрые, ласковые. <...> То вспоминают старину, то раскладывают пасьянс, то замечают предзнаменования, то шутят о чём-нибудь, и обе старушки смеются <...> детским, милым смехом, который я сейчас слышу...» (гл. VI). Они жили тогда на втором этаже яснополянского флигеля. Юная Т.А. Берс (Кузминская), посетившая Ясную Поляну в 1862 г., писала позднее: «Всё дышало стариной, начиная с комнаты Татьяны Александровны со старинным киотом, с огромным чудотворным образом Спасителя. <...> Два узких дивана красного дерева с резными головами сфинксов служили кроватями тётушки и Натальи Петровны». Молоденькая жена Толстого, приехав в Москву к родным, писала в Ясную Поляну Ёргольской: «Как часто я о вас думаю, милая тётенька, и вспоминаю ясенское тихое, милое житьё. Вечера у вас в комнате, милую Наталью Петровну. <...> Пожалуйста, поклонитесь ей от всех нас» (ОР ГМТ).

В мемориальном фонде Ясной Поляны есть, возможно, единственный известный портрет Охотницкой, приблизительно 1874-1878 гг., — любительский карандашный набросок, сделанный С.Л. Толстым.

Преданная семье Толстых, Охотницкая часто оказывалась нужным и полезным человеком. Сохранившиеся письма В.В. Арсеньевой к Ёргольской проливают свет на добрые и деятельные её отношения с «судаковскими барышнями», младшим поколением давних знакомых и соседей Толстых по имению — Арсеньевых. В дневнике Толстого за лето 1856 г. отражены его частые поездки в Судаково в сопровождении Натальи Петровны: её охотно приглашала Валерия Арсеньева, за которой Толстой тогда ухаживал.

В письме М.Н. Толстой из своего чернского имения брату Льву 23-25 марта 1854 г. содержится живая картинка быта Покровского, где Охотницкая, должно быть, чувствовала себя не хуже, чем в Ясной Поляне: «Вечером, когда дети уже легли спать <...> я с Николенькой в гостиной раскладывала гранпасьянс, Наталья Петровна молча вязала чулок...» (ПТСБ. С. 164).

Вероятно, Охотницкая происходила именно из орловско-чернских мест, приехала в Ясную Поляну, когда ей по каким-то причинам, как вспоминал Толстой, «негде было жить». В имении М.Н. Толстой на правах экономки жила Ольга Петровна Охотницкая (возможно, сестра Натальи Петровны). Имена обеих этих обитательниц Покровского не раз встречаются в письмах Толстого и И.С. Тургенева 1850-х гг.

Через несколько лет после смерти в 1874 г. Ёргольской Охотницкая в преклонном возрасте по просьбе Толстого была принята по распоряжению Тургенева в его богадельню в Спасском-Лутовинове, существовавшую до смерти писателя. Одна из заметок в записной книжке Толстого в октябре 1894 г. с упоминанием имени Охотницкой позволяет предположить, что Охотницкая тогда была ещё жива.

Лит.: Архангельская Т.Н. Н. П. Охотницкая и семья Толстых // Толстовский ежегодник. 2001. - М., 2001.

Т.Н. Архангельская

II

ПАНАЕВ Иван Иванович (1812 - 1862) — журналист, прозаик, критик. Из богатой дворянской семьи, близкой к литературе (отец — племянник Г.Р. Державина, знакомый С.Т. Аксакова). В 1830 г. окончил Благородный пансион при Петербургском университете. С юных лет увлекался литературой. С 1839 г. печатался в «Отечественных записках». В конце 1846 г. Панаев вместе с Н.А. Некрасовым приобрёл журнал «Современник», с 1848 г. стал его официальным редактором. Печатался почти в каждом номере журнала, часто под псевдонимом «Новый поэт». Обозрения Панаева имели большой успех читателей.

Одним из первых Панаев оценил и восторженно принял талант Толстого. Познакомились они лично в ноябре 1855 г., когда Толстой приехал в Петербург из Севастополя, хотя их переписка началась 3 мая 1855 г. «Ваше участие в журнале моём так важно, что его будущее связано некоторым образом с Вашими трудами, — уверял Панаев, — Не лишайте же их “Современник” — и ещё более русскую публику, которая Вас так любит и ценит».

«Умоляю вас присылать в “Современник” статьи вроде присланной... — писал Панаев 19 мая 1855 г., получив «Севастополь в декабре месяце». — Они будут читаться с жадностью <...>. Мы все, интересующиеся сколько-нибудь русской литературой, молимся за Вас — да спасёт Вас Бог». Письма Панаева, «столь любезные, волнующие», «иногда, в минуты самолюбивого заблуждения», заставляли молодого писателя «верить в талант и значение» его в литературе, которое, признавался Толстой, ему бы «очень хотелось иметь» (ПРП. 1. С. 124).

Панаев сопроводил публикацию рассказа «Севастополь в декабре...» лестным примечанием: «Редакция “Современника” считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами...»

Посылая рассказ «Рубка леса» в «Современник», Толстой писал Панаеву 16 июня 1855 г.: «...мне очень интересно будет узнать о нём ваше мнение, которое и прошу вас очень поскорее сообщить мне и совершенно откровенно».

Прочитав присланный рассказ «Севастополь в мае», Панаев писал Толстому 18 июля: «Вы правы: рассказ этот несравненно лучше первого, но он меньше понравится, по той причине, что героем его — *правда*, а правда колет глаза, голой правды не любят, к правде без украшений не привыкли. Сделаю всё, что могу, дабы защитить его от цензуры <...>. Буквы Л.Н.Т. ждут все в журнале с страшным нетерпением — это не комплимент, а та же *голая* правда, которая героем в вашем рассказе...»

По поводу рассказа «Севастополь в мае» Толстой, опасаясь цензуры, писал Панаеву 8 августа: «...пожалуйста, вымарывайте, даже смягчайте, но, ради Бога, не прибавляйте ничего; это бы очень меня огорчило. Л.Н.Т. не имеет, могу вас уверить, ни на волос авторского самолюбия, но ему бы хотелось оставаться верным всегда одному направлению и взгляду в литературе». Опасения Толстого оправдались: рассказ был настолько искажён председателем Петербургского цензурного комитета

381

М.Н. Мусиным-Пушкиным, что Панаев не хотел его печатать, но по настоянию Мусина-Пушкина всё же опубликовал, сняв подпись автора. Правда, добавил в текст фразу: «Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной край, родную землю». Эти слова потом особенно раздражали Толстого, он признавался, что «согласился бы всякий раз, как читал их, лучше получить 100 палок, чем видеть их».

Поверивший в талант Толстого больше, чем сам автор, Панаев 13 октября 1856 г. писал ему, завершавшему работу над «Юностью»: «Радуюсь окончанию I части “Юности”, но я откровенно скажу Вам, что меня удивляет Ваше недоверие к самому себе, простирающееся даже до того, что Вы не знаете, стоит ли её печатать. Я не имею понятия о Вашей “Юности”, но убеждён (и нет сомнения, что я прав), что печатать её не только можно, но должно. Такие таланты, как Ваш, не обманывают <...> “Юность” будет напечатана (я не сомневаюсь в этом и не боюсь Вашего сомнения) в январской книжке (без неё она выйти не может)...» Прочитав в начале декабря «Юность» в рукописи и разделяя мнение А.В. Дружинина, Панаев советовал Толстому более чётко обрисовать образ Дмитрия Нехлюдова и смягчить в цензурном отношении последние главы: «в таком виде, в каком они есть теперь, их не пропустят».

В «Заметках Нового поэта» Панаев приветствовал педагогический журнал Толстого «Ясная Поляна», пожелав «полного торжества на

новом, трудном и доселе никем не изведенном поприще» (Современник. 1861. № 8. С. 343-344).

А.В. Корнеев

ПАНИНА Софья Владимировна (1871-1957) — владелица имения и виллы в Гаспре (Крым), где жили Толстые в 1901— 1902 гг.; знакомая, корреспондент и адресат Толстого. Писатель бывал в доме Паниной в Москве. Графиня Панина принадлежала к числу самых богатых и именитых людей России. По отцу Панина — из рода крупных землевладельцев, приближённых Екатерины, по матери принадлежала к роду Мальцевых, известных владельцев многочисленных заводов, производящих вагоны, рельсы, паровозы, стекло, хрусталь, фаянс... Состояние Паниной оценивалось в 15 миллионов рублей, и распорядилась она им умно и рачительно.

Крёстным отцом её был император Александр II, а посажённым отцом на её свадьбе с сыном гос. секретаря Половцева — Александр III. Брак оказался неудачным, и Николай II как опекун Паниной настоял на разводе, сохранив ей приобретённый титул графини. Собственных детей она не имела, зато было огромное желание помогать всем нуждающимся и обездоленным. В сфере благотворительности, народного просвещения нашла эта богатая и умная женщина своё призвание, что особенно ценил Толстой. В 1891 г. в Петербурге, на Лиговке, она открыла свою первую бесплатную детскую столовую.

В 1897 г. открылась просторная чайная, через год — бесплатная библиотека, ещё через год — вечерние классы черчения для взрослых. Вскоре она приобрела в столице большой участок земли и получила разрешение построить Народный дом. К 1903 г. здание Лиговского народного дома, построенное по проекту Ю.Ю. Бенуа, уже украшало город: это был архитектурный ансамбль в стиле модерн, с большим двором-садом для прогулок. В народном доме разместились техническое общество, музей, склад одежды и обуви для неимущих детей, детская столовая и классы, театр, обсерватория, сберегательная касса, кинотеатр... Народные дома, как грибы, стали вырастать по всей России. На Южном берегу Крыма был широко известен Кореизский народный дом с чайной, библиотекой и читальней. Ставились здесь и спектакли, в частности, по пьесе А.Н. Островского «Не так живи, как хочется»; в 1901 г. на спектакле побывал Толстой.

Имя Паниной связано с пребыванием Толстого на Южном берегу Крыма. Летом 1901 г. его здоровье резко пошатнулось, и врачи советовали ехать в Крым. 30 июля С.А. Толстая записала в дневнике: «Получила от графини Паниной письмо, предлагает в Крыму нам свою дачу, “Гаспру”, и мы собираемся ехать, но я не хочу раньше сентября»

(ДСАТ. 2. С. 26). «Если только <...> Вы ещё не решили, где именно будете <...> жить, то я была бы ужасно счастлива, если бы Вы согласились воспользоваться моей дачей “Гаспра”... — писала Панина. — Места там очень много <...> в доме имеется всё необходимое <...>. Дом стоит высоко, немного далеко от моря, но именно вследствие этого у нас там никогда не бывало крымских лихорадок...» (цит. по: *Прометей*. 12. С. 419).

В начале сентября семья Толстых поселилась в Гаспре. Имение было устроено ещё князем А.Н. Голицыным, известным мистиком начала 19 в., министром народного просвещения времён Александра I. Какое-то время замок принадлежал великому князю Николаю Николаевичу, потом перешёл к графине Паниной.

382

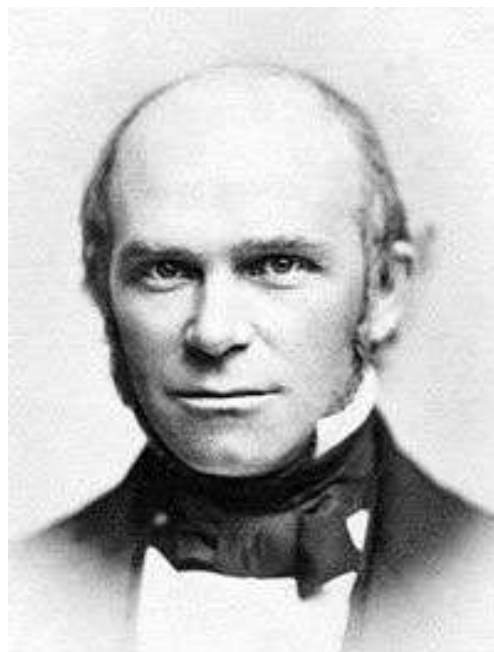
Толстой описывал первые впечатления: «...Гаспра, именье Паниной, и дом, в котором мы живём, есть верх удобства и роскоши, в которых я никогда не жил в жизни. Вот те и простота, в которой я хотел жить. Ну как тебе сказать: въезд через парк по аллее, окаймлённой цветами, розаны и другие, всё в цвету, и бордюрами к дому с двумя башнями и домовою церковью. Перед домом круглая площадка с гирляндами из розанов и самых странных красивых растений. В середине мраморный фонтан с рыбками и статуей, из которой течёт вода. В доме высокие комнаты и две террасы: нижняя вся в цветах и растениях с стеклянными раздвижными дверями, и под ней фонтан. И сквозь деревья вид на море. Наверху терраса с колоннами, шагов 40 в длину, с изразцовым полом, и внизу овраги, деревья, дорожки, дома, дворцы и огромный вид на море. В доме всё первосортное: задвижки, нужники, кровати, проведённая вода, двери, мебель. Такой же флигель, такая же кухня, такой же парк с дорожками, удивительными растениями, такой же виноградник со всеми самыми вкусными съедобными сортами» (*ПТСБ*. С. 442). Толстой не закончил и не послал это письмо брату С.Н. Толстому. Через несколько дней написал коротко: «Живу я здесь в роскошнейшем палаццо, в каких никогда не жил: фонтаны, разные поливаемые газоны в парке, мраморные лестницы и т.п. И кроме того, удивительная красота моря и гор. Со всех сторон богачи и разные великие князья, у которых роскошь ещё в 10 раз больше» (там же. С. 443).

Графиня Панина неплохо знала отечественную литературу и высоко ценила талант Толстого. Она читала лекции по русской литературе для членов рабочих кружков, работала в Российском обществе защиты женщин, открывала общежития и мастерские. Позднее была членом ЦК партии кадетов. В 1917 г. во Временном правительстве её назначили

товарищем министра просвещения. После победы большевиков Панину арестовали. Её обвинили в «хищении» 92 тысяч рублей; организовали показательный суд и посадили в Выборгскую тюрьму — до тех пор, пока не внесёт искомые 92 тысячи... За графиню вступились рабочие, посетители народного дома. Потом был полный опасностей путь на юг, где собирало силы «белое движение»... В 1918 г. на гаспринской даче Паниной собрались представители либеральных и демократических партий: результатом дебатов явилось создание крымского правительства. Дальше — эмиграция... Среди её новых друзей оказался президент Чехословакии Т.Г. Масарик. В Праге она создала «Русский очаг» для молодёжи, с библиотекой и клубом; в Америке — участвовала в учреждении и управлении Толстовского фонда. Помогала А.Л. Толстой в подготовке биографии её отца. Последние годы жизни Панина провела в Швейцарии и Франции. Скончалась «народная графиня» в 1957 г. в возрасте 86 лет.

Г.А. Шалюгин

ПАРКЕР Теодор (1810-1860) – американский религиозный проповедник, священник унитарной церкви, писатель, политический деятель, активный участник аболиционистского движения. Выступал против религиозного догматизма; призывал к отказу от веры в чудеса и к возвеличиванию нравственного чувства, присущего всем людям; предлагал понимать веру как внутреннюю потребность человека; доказывал, что социальный прогресс достигается единственным средством – совершенствованием сознания человека.

Теодор Паркер

Знакомство Толстого с «удивительным» Паркером пришлось на 1885 г. (63: 236). В.Г. Чертков прислал ему две книги Паркера: «The Transient and Permanent in Christianity» («О преходящем и вечном в христианстве») и «Discourse of matters pertaining to Religion» («Исследование вопросов, относящихся к религии», — прочитав которые, Толстой ощутил своё идейное родство с их автором. Делясь с С.А. Толстой этим открытием, он писал: «...нынче нашёл американского писателя религиозного, Паркера, и очень был счастлив находить прекрасно выраженные свои мысли 20 лет тому назад» (83: 486). Книгу Паркера «Discourse of matters pertaining to Religion» Толстой включил в составленный им по просьбе М.М. Ледерле список книг, оказавших на него серьёзное влияние в возрасте «с 50-ти до 63-х лет» (66: 68). Размышления Паркера о религии, совести, нравственном совершенствовании человека были созвучны исканиям Толстого. Э. Гарнету, который предложил ему написать обращение к американскому народу, Толстой писал: «...если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гаррисона, Паркера, Эмерсона, Баллу и Торо, не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня» (75: 397).

Толстой неоднократно подчёркивал, что книги Паркера несут в себе мощный духов-

383

ный заряд. Обращая на это внимание, он писал Черткову: «...я по себе знаю, какую это придаёт силу, спокойствие и счастье — входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Arnold, Паркер...» (85: 218). Испытав на себе благотворное воздействие мыслей Паркера, Толстой хотел предоставить такую же возможность и широкому кругу читателей. С этой целью ряд изречений Паркера он поместил в книги «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни».

М.А. Лукацкий

ПАРХОМЕНКО Иван Кириллович (1870-1940) – художник, ученик Н.Н. Ге. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Окончив художественную школу в Киеве, затем Академию художеств в Петербурге, Пархоменко практиковался в Париже у французского художника Жан-Поля Лоранса.

Первое письмо Пархоменко написал Толстому в апреле 1900 г., когда собирался приехать в Ясную Поляну с эскизами и этюдами своей

проблемной картины «Как быть?». Ему было важно услышать мнение писателя о том, как посредством живописи можно ставить и решать самые насущные жизненные вопросы.

Потом был Париж. По возвращении в Россию у художника возник замысел создать две большие портретные галереи: в одной должны были быть представлены портреты всех современных выдающихся русских писателей, в другой — самые известные писатели мира. Пархоменко понимал, что его замысел никак не обойдётся без портрета Толстого: «Полтора года тому назад моя “писательская галерея” имела уже около тридцати имён. Положим, в ней тогда ещё не было ни Короленко, ни Леонида Андреева, но не было также и самого главного, самого великого писателя земли русской — Л.Н. Толстого», — писал художник в воспоминаниях (Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом. М.: «Златоцвет», 1911. С. 135).

18 апреля 1908 г. Пархоменко обратился к Толстому: «Я недавно вернулся из Парижа, где работал в ателье знаменитого художника Жан-Поля Лоранса (он говорил мне, что знаком с Вами и имеет от Вас фотографию с подписью). А двадцать с лишним лет тому назад я учился у Николая Николаевича Ге, в хуторе, возле Плисок. Теперь я задался целью написать целую галерею портретов современных русских писателей во главе с Вами и уже несколько портретов написал. В Париже я удивлял художников и Лоранса поразительной быстротой и редким сходством — в два-три сеанса по часу я изготавливаю поясные портреты в натуральную величину» (*Толстой и художники*. С. 164-165). 9 июля 1909 г. Пархоменко снова написал Толстому: «Я задумал создать две портретные галереи: одну — всех ныне живущих наиболее выдающихся русских писателей (поэтов, беллетристов и публицистов), человек 60-75, другую — самых крупных писателей (тоже ныне живущих) всего земного шара — по два, по три человека из каждого государства. России суждено дать только одного Вас, Лев Николаевич, но зато такого значения и величины, какого не достигал ещё ни один писатель земли». Далее художник сообщал: «Я уже написал некоторым большим писателям и получил от них ответы, выражающие сочувствие моей затее и готовность помочь осуществлению её необходимым количеством сеансов. Марк Твен пишет, между прочим: “Разве найдётся на свете писатель, который не захотел бы быть в одной галерее с великим Львом Толстым...”» (*Толстой и художники*. С. 171). На это письмо Толстой ответил короткой телеграммой: «Милости просим» (80: 19).

19 июля 1909 г. Пархоменко приехал в Ясную Поляну. Вот каким он увидел Толстого: «...Лев Николаевич — живой, бодрый, с едва уловимой доброжелательной улыбкой на губах, одетый в светлую фланелевую блузу, перетянутую ремнём. По портретам, какие мне приходилось видеть и в музеях, и в печати, я представлял себе его иным - суровым,

большого роста и вообще не похожим на обыкновенных смертных, - на самом деле я увидел самого обыкновенного старика русского типа, с густыми, нависшими бровями над остро глядящими голубыми глазами, с некоторой барской осанкой в поступи и манере держать свою прямую и крепкую фигуру» (*ТВС.* 2. С. 399). «Приехал И.К. Пархоменко (предварительно спросивший и приглашённый), скромный, молчаливый, писать портрет Л.Н. <...> Раз днём, другой раз под вечер, с 7 до 8.30, Л.Н. позировал И.К. Пархоменко», — запись в тетради Д.П. Маковицкого (*ЯПЗ.* 4. С. 17). «Приехал художник Пархоменко, — отметила в своём дневнике С.А. Толстая, — начал писать портрет Льва Николаевича». На следующий день: «Пархоменко пишет Л.Н. хорошо, но настоящего сходства, изнутри, нет» (*ДСАТ.* 2. С. 289). Н.Н. Гусев видел это иначе: «После обеда Лев Николаевич опять предложил И.К. Пархоменко писать портрет. Художник схватил то скорбное, просветлённое выражение, которое было на лице Льва Николаевича весь сегодняшний день,

384

и очень удачно изобразил его» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 276). Сам Толстой находил портрет «прекрасным». (Позднее портрет Толстого работы Пархоменко воспроизводился на открытках. В 1911 г. он был временно выставлен в Толстовском музее в Петербурге. В 1912 г., надолго уезжая из Москвы, художник сдал на хранение на склады Третьякова многие портреты писателей; отсюда впоследствии исчезли 26 портретов, среди них и портрет Толстого. В настоящее время его местонахождение неизвестно.)

В июле 1909 г. Пархоменко договорился с писателем о создании ещё одного портрета: «...в кабинете за письменным столом: вы сидите за работой, на минуту подняли голову, смотрите перед собой... глаза полны творческой мысли...» (*Толстой и художники.* С. 339). Толстой согласился. Но второй портрет так и не состоялся; художник признавался: «Иногда мне жаль, что я не написал Льва Николаевича в его домашней обстановке, за письменным столом, в кабинете, но, когда я вспоминаю, что он тяготился этой обстановкой и долгие годы рвался из неё на свободу, я перестаю жалеть...» (*Толстой и художники.* С. 341-342).

А.А. Аленина

ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКАЯ Ирина Ивановна (кн. Варшавская, рожд. Воронцова-Дашкова; 1835-1925) — переводчица на французский

язык севастопольских рассказов Толстого, рассказа «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн», романов «Семейное счастье» и «Война и мир».

Паскевич была большой поклонницей творчества Толстого. Важнейшая её работа, связанная с переводом сочинений Толстого, — перевод «Войны и мира». Переводчица не была лично знакома с автором, нет следов и их переписки: прежнее короткое общение в связи с переводом «Семейного счастья» проходило через посредника, Я.П. Полонского. Когда кн. Паскевич взялась за «Войну и мир», она помнила, что Толстой не отвечает переводчикам, так как не понимает, зачем это нужно, и изъявляет «полное согласие» с ними. Если даже она и написала Толстому, то это был акт учтивости с её стороны. Если Толстой не ответил, то с его стороны разрешение состояло в молчаливом свидетельстве литературного доверия.

Сама переводчица, впрочем, признавалась, что «читатель, и в особенности русский читатель, поймёт, как было трудно или даже подчас невозможно передать на иностранном языке реализм и поэтичность этого замечательного романа, столь русские по своей сути». Она рассчитывала «на просвещённую снисходительность читателя, который простит <...> ошибки, допущенные <...> невольно» (цит. по: Мотылёва Т. «Война и мир» за рубежом. М., 1978. С. 16). В письме Полонскому 1879 г. Паскевич призналась в своей неуверенности: «Препровождаю Вам при сём письме свой только что оконченный, порой неблагоприятный труд: принимайте его с снисхождением! По мере того как он выходил из печати, на свет Божий, я всё более и более чувствовала его недостатки и слабость; единственное моё утешение в мысли, что, за весьма редким исключением, все переводы считаются неудачными. <...> Итак, вполне сознавая всю его слабость, я с трепетом предчувствую и ожидаю вполне заслуженную критику. Надеюсь также, что сам автор никогда не удостоит его ни одним взглядом. Половина экземпляров отправляется в Париж, другая поступит в продажу в Петербурге через две или три недели, но мало верится в успех».

Первый перевод «Войны и мира» на французский язык (в 3-х т.) вышел в 1879 г. в Петербурге. На титульном листе кроме Петербурга значился Париж и имя издателя: [Jean] Hachette. Автор перевода скрывалась под псевдонимом «Une Russe» («Одна русская»), перевод осуществлён «с разрешения автора». В переписке Толстого имя Паскевич не упоминалось: она фигурировала в его письмах как «таинственная дама» и как «княгиня П.» в письмах Тургенева.

Не только Тургенев, но и другие литераторы интересовались и переводом и переводчицей. Так, из Баден-Бадена П.В. Анненков спрашивал Тургенева: «Какая такая дама перевела “Войну” Толстого, и точно ли перевод читается у вас с жадностью? Это важно, потому что доказывало бы значительный прогресс понимания литературного дела

во Франции. Что говорят, например, Флобер, Золя etc.?» (Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. СПб., 2005. Кн. 2. С. 107).

Тургенев, имея печальный опыт с переводом «Казаков» баронессой Е.И. Менгден, опасался за перевод, «сделанный русской дамой», так как французские «издатели чуть не кусаются, когда им преподносят эту смесь французского с (великосветским) нижегородским» (*Тургенев. Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 133). О своих сомнениях в качестве перевода Паскевич Тургенев писал Флоберу в декабре 1879 г., посылая ему «Войну и мир»: «К сожалению, перевод сделан одной русской

385

дамой... я же опасюсь дам-переводчиц вообще и в особенности, когда речь идёт о таком могучем писателе, как Толстой» (*там же*. С. 378). О переводе он писал и самому Толстому: «Перевод несколько слабоват – но сделан с усердием и любовью» (28 декабря 1879/9 января 1880). «Переписываю для Вас с дипломатической точностью отрывок из письма г. Флобера ко мне - я ему посылал перевод “Войны и мира” (к сожалению, довольно бледноватый)» (12/24 января 1879 г.).

Издание 1879 г. прошло незамеченным, несмотря на особые заботы о нём Тургенева. В 1884 г. во влиятельном французском журнале «Revue des Deux Mondes» (1884. № 7) появилась статья Э.М. де Вогюэ о Толстом. И в тот же год тысячи экземпляров объёмистого *chef-d'oeuvre* распространились по всему свету. Это был успех неслыханный для французского перевода какого бы то ни было современного романа. Франция познакомилась с «Войной и миром» благодаря переводу кн. И.И. Паскевич. Этот перевод переиздавался в Париже до 1930 г., уже и после того, как стали появляться другие переводы. Последний раз «Война и мир» в переводе Паскевич вышла в 1956 г. с предисловием Андре Моруа и литографией Пабло Пикассо: издание получило во Франции Grand prix за лучший иностранный роман. Словом, перевод кн. Паскевич занял важное место в истории переводов русской литературы на иностранные языки.

Известно, что в 1913 г. кн. И.И. Паскевич всё ещё жила в Петербурге. В Гомеле на берегу реки Сож у Паскевичей была замечательная усадьба, громадный парк, дворец — дом, соединённый белыми колоннадами с двумя флигелями по бокам. В Гомеле Паскевич занималась благотворительной деятельностью. Там она и умерла 14 апреля 1925 г. Со временем могила затерялась.

А.Н. Полосина

ПАСТЕРНАК Леонид Осипович (1862 - 1945) – график, живописец, первый иллюстратор романа Толстого «Воскресение». Начальное художественное образование получил в Одессе в рисовальной школе. В 1881 г., не поступив в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, т.к. на одно вакантное место приняли дочь Толстого, он уехал в Германию; чуть меньше двух лет учился в мюнхенской Королевской академии художеств. В 1889 г. переехал в Москву. Рубеж 1880-1890-х гг. – так называемый «передвижнический» период творчества художника, когда он участвовал в передвижных выставках, позже выставлял свои произведения в «Мире искусства» и Союзе русских художников. В 1894-1918 гг. Пастернак – профессор московского Училища живописи, ваяния и зодчества. С 1905 г. – академик, у него репутация блестящего рисовальщика. Некоторое время он работал художественным редактором журнала «Артист». В 1921 г. уехал за границу; жил сначала в Германии, затем в Англии. Умер в Оксфорде.

Л.О. Пастернак. «Л.Н. Толстой в кругу семьи»
Бумага, пастель. 1902-1903 гг.

Пастернак писал о своём знакомстве с Толстым: «Это было в 1893 году. Был чудный, яркий весенний день перед Пасхой, на Страстной неделе. В залах московского Училища живописи, ваяния и зодчества устраивалась очередная выставка передвижников. <...> Моя картина “Дебютантка” уже висела на месте. <...> В блузе, заложив ладони за ремень кушака, своей особой походкой, точно скользя и едва поднимая над полом ноги, Толстой словно нёсся, приподняв голову и слегка поддаваясь вперёд верхней частью туловища. Быстро, бодро и легко шёл он, выражая собой

одно устремление вперёд. <...> “А это, — говорит Савицкий, идущий рядом с Толстым, — это “Дебютантка” Пастернака, молодого художника нашего”, но не успел он произнести последнего слова, как Толстой с каким-то оживлением прервал его: “Как же, как же, мне знакомо это имя, я слежу за его талантом”. <...> “В таком случае позвольте мне представить Вам самого автора, он здесь”, — проговорил Савицкий, и мгновенно кольцо вокруг Толстого рассеклось, и я очутился перед ним — обаятельным, светозарным. Не помня себя, растерянный, стоял я перед ним, и ладонь крупной отеческой руки — я помню её теплоту и мягкость — пожимала мою руку» (*Толстой и художники*. С. 269-270).

Тогда же, весной 1893 г., по приглашению Толстого Пастернак впервые посетил

386

дом в Хамовниках. Он принёс несколько своих иллюстраций-акварелей к «Войне и миру». Толстой внимательно рассматривал их — «Первый бал Наташи», «Наполеон и Лаврушка», «Наташа посещает раненого князя Андрея» — и, как вспоминал художник, проговорил: «Ведь вот как странно это бывает... гм... Когда у белки уже нет зубов, ей преподносят орешки! А ведь когда-то, когда я писал “Войну и мир”, я мечтал о таких иллюстрациях. Ведь вот — гм... Прекрасно, прекрасно!..» (там же. С. 271).

Пастернак не раз рисовал Толстого по памяти. Первый набросок с *натуры* был сделан в Ясной Поляне, художник рассказывал: «На второй или третий день моего приезда в Ясную Поляну, под вечер, я стоял с Бирюковым у дерева бедных, когда к нам подошёл вышедший из своего рабочего кабинета Толстой. В руке у него была коса, на плечи накинуто было пальто. Он предложил нам пройтись с ним. Уже смеркалось. После дневной работы за письменным столом Лев Николаевич имел обыкновение под вечер выходить погулять или покосить, что называется, “размять кости”. Когда мы дошли до луга, он сбросил пальто и, не прерывая разговора (мы говорили, кажется, об искусстве), начал косить. Впервые я решился сделать набросок с него с *натуры*. Он очень хорошо владел косою и, несмотря на свои годы, ловко, сильными, привычными движениями косил, как настоящий косарь-крестьянин, — так быстро, что невозможно было хотя бы на мгновение увидеть целиком всю позу, я едва успевал набрасывать» (там же. С. 278).

Однажды Толстой посетил семью Пастернака в Москве в доме на Мясницкой. В этот день, 22 ноября 1894 г., в квартире художника играли трио П.И. Чайковского «Памяти великого артиста», сочинение, написанное на смерть Н.Г. Рубинштейна. Трио исполняли И.В. Гржимали, И.А. Брандуков и Р.И. Пастернак, жена художника,

пианистка. Этот музыкальный вечер, на котором был Толстой, Пастернак описал в своих «Воспоминаниях»: «В Толстовском музее среди моих акварелей находится набросок с Толстого, слушающего камерную музыку у нас в доме. Вот как возник этот рисунок.

В начале девяностых годов Чайковский написал новое трио “На смерть великого артиста”. Это трио имело большой успех в музыкальных кругах. Лев Николаевич, который избегал появляться в местах, где было много народу, перестал посещать концерты. Ему, как передавали нам Татьяна Львовна и Мария Львовна, очень хотелось послушать в интимном кругу это новое произведение, и мы предложили им устроить это у нас. Ввиду тесноты нашей небольшой квартиры были, кроме участников, Толстого и дочерей его, всего лишь 2-3 человека приглашённых. На моей акварели (которую потом лишь “по памяти” я исполнил) и запечатлён этот вечер, который оказался особенно удачным и в музыкальном отношении, и по доставленному Льву Николаевичу удовольствию» (ОР ГМТ).

В конце 1890-х гг. Толстой предложил Пастернаку сделать иллюстрации к роману «Воскресение», работа над которым подходила к концу. Художник с энтузиазмом взялся за дело: за короткий срок он выполнил несколько десятков рисунков, они очень нравились Толстому (до сегодняшнего дня иллюстрации Пастернака к роману «Воскресение» остаются непревзойдёнными!). «Это было одним из лучших периодов за время моего с ним <Толстым. — Н.З.> знакомства, - вспоминал Пастернак. — Толстой был захвачен работой, и чем больше углублялся в неё, тем жизнерадостнее и моложе он становился, <...> Я видел Льва Николаевича в разные периоды его жизни. И чаще всего мне случалось встречать его в светлом, хорошем настроении. Но таким радостным, светящимся, молодым, как во время писания им “Воскресения”, я уже не видел его потом». Вспоминая, как создавались иллюстрации, Пастернак писал, что «каждый из этих рисунков мог бы рассказать о том, как Лев Николаевич держал его в руках; как рассматривал его; на какие мысли наводила его та или иная деталь; какие беседы, часто художественного или философского содержания, завязывались» (Толстой и художники. С. 283, 284, 286) между писателем и художником.

В 1901 г. Пастернак написал самый известный свой портрет Толстого. В основу его легли впечатления от облика писателя во время его первой встречи с художником на Передвижной выставке весной 1893 г. Пастернак вспоминал: «Я видел вспышки и блеск молнии, я видел грозу с рокотавшими за тучами заглушёнными раскатами грома. Этого Толстого я старался изобразить потом на моём портрете его в профиль, на фоне бурного неба. <...> Композиция — несколько суммарная, монументальная, символическая. Сам стихийный, — Толстой взят как бы в стремлении вперёд, наперекор бушующей стихии, на фоне облачного,

бурного неба: таким, именно таким *ощутил* я его, когда — за много лет до этого — в первый раз в жизни со стороны увидал его.,»

Позднее Пастернак подарил на память М. Горькому экземпляра офорта с этого портрета. «Искренне поблагодарив, — вспоминал

387

художник, — Горький тут же прикнутил офорт к стене и, не отрываясь, долго, серьёзный, и в каком-то особом возбуждении, в упор глядел на «грядущего сквозь бурную стихию» Толстого; и, сжав в кулак правую руку, характерным движением ею снизу вверх, — словно изображая проталкивающую силу, — протяжно произнёс: “Ух, как он клином вошёл во всю литературу!..”»

Н.В. Зайцева

ПАУЛЬСОН Иосиф Иванович (1825 - 1898) – русский педагог, методист, общественный деятель. Участвовал в организации и был секретарём Петербургского педагогического общества, участвовал в создании Фрёбелевского общества и курсов при нём. Был одним из основателей и редакторов журнала «Учитель» (1861—1870). Среди учебных и методических пособий наибольшую известность получили его «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке» (М., 1870), «Методика грамоты по историческим и теоретическим данным» (1887-1892), которая содержала обстоятельный исторический обзор различных методов обучения грамоте и основных методических руководств в этой области. Паульсон был и составителем книги «Арифметика по способу немецкого педагога Грубе. Методическое руководство для родителей и первоначальных учителей». В связи с этой книгой Толстой подверг Паульсона жёсткой критике, отнёс его к тем благодетелям-педагогам, которые стараются ввести новшества в методику преподавания арифметики.

Толстой критиковал Паульсона за то, что он, следуя логике Песталоцци, подразделял естественные науки не на физику, химию, ботанику и т.д., а на морковь, магнит, говядину и т.д. Толстого беспокоило, что дети повторяют в школе тот материал, который им известен из их жизненного опыта. Методика Паульсона, считал Толстой, свидетельствовала о полном незнании природы детей.

«Мнимо серьёзную» критику Паульсоном старого метода обучения арифметике писатель сравнивал с ситуацией, когда во время пожара в деревне и тушения его водой появился помещик и стал кричать: «Водой

тушите, водой», но ничего нового и полезного не предложил. В качестве доказательств Толстой приводил выписки из пособия Паульсона. Например: «Кто знает зверя, у которого один рог и ещё один рог? – Сколько рог у коровы? А сколько у лошади?» «Сколько у тебя ушей? – Какие части у тебя по два? У меня два глаза, две щеки, две руки, две ноги. Один и один..?» и т.п. Толстой сожалел о том, «сколько замучено, испорчено детских душ, сколько испорчено наивных учителей!» (8: 299-300).

В «Азбуке» как материал для чтения Толстой использовал басни Эзопа, произведения русского, западного и восточного эпоса, содержащиеся в «Книге для чтения» Паульсона. Писатель брал сюжет, но создавал новый рассказ. Так были переработаны рассказы «Арабское судопроизводство», «Пропадал у богатого купца кошелек», «Пожар», «Летучая мышь».

Н.В. Кудрявая

ПАШКОВ Василий Александрович (1831-1902) – родственник В.Г. Черткова, богатый помещик, полковник Кавалергардского полка.

Познакомившись через Е.И. Черткову с известным английским проповедником евангелистом лордом Редстоком, приехавшим в Россию в 1874 г., и с его учением о «возрождении», основа которого состояла в том, что каждый человек может спастись от грехов верой в искупление, в пролитую за людей кровь Христа, Пашков сделался горячим последователем Редстока и, отказавшись от светской жизни, занялся устной и литературной проповедью его учения.

Благодаря энергии Пашкова и его приверженцев – пашковцев – возникла секта, состоявшая в основном из представителей интеллигенции и высшего общества. Учение пашковцев вскоре широко распространилось в Петербурге и провинции. Члены секты много занимались благотворительностью: устраивали бесплатные столовые, детские приюты и т.п. Духовенство и Синод во главе с К.П. Победоносцевым, встревоженные численностью пашковцев, отпадающих от православия, преследовали участников секты. В 1884 г. Пашков и некоторые его приверженцы были высланы из России без права возвращения.

Толстой знал Пашкова, видимо, только заочно, через Черткова, но относился с уважением и теплотой и интересовался его учением. В его письмах и дневнике много упоминаний о Пашкове и пашковцах, размышлений об их верованиях. 13 марта 1889 г. он писал: «Я понял их, евангеликов, так: они от церковной безбожности очнулись и нашли более разумную и свободную и тёплую веру в Христа, искупившего своей

кровью наши грехи и спасшего нас. И верят, и радуются. Но ошибка и тут большая: они чувствуют себя совершенными и всю энергию направляют на проповедь, предполагая, что совершенство жизни совершится бессознательно. В этом вредо-

388

носная ошибка. <...> Я соблазняю своей жизнью меньше, потому что признаю себя несовершенным и, кроме того, не проповедую» (50: 51).

В апреле 1884 г. Толстой посетил сорание пашковцев, о чём рассказал присутствовавший при этом А.С. Пругавин в книге «О Льве Толстом и о толстовцах» (М., 1911. С. 96). В дневнике Толстого 29 апреля записано: «Кое-что хорошо. Но лицемерно. Я ушёл от молитвы».

В.М. Бокова

ПЕРЕВЛЕССКИЙ Пётр Миронович (ум. в 1866) — педагог, профессор русской словесности в Александровском лицее, автор книги «Практическая русская грамматика», составитель методического пособия «Предметные уроки по мысли Песталоцци, руководство для занятий в школе и дома с детьми от 7 до 10 лет» (СПб., 1862) и др.

Из «Практической русской грамматики» некоторые материалы Толстой взял для «Азбуки»: так, основой рассказа «Как в городе Париже починили дом» послужила статья Перевлесского «Действие теплоты на тела», в которой рассказывается, как инженер Моляр починил здание консерватории (Академии искусств и ремёсел) в Париже. Из этой же книги писатель взял легенду о золотоволосой царевне, материалы для статей «Шелковичный червь», «Алмаз».

Пособие же «Предметные уроки по мысли Песталоцци...» вызвало негодование Толстого. Пропагандой методики этих уроков занимались многие отечественные методисты, и Толстой иронизировал по поводу таких «партизан предметных уроков», в т.ч. и Перевлесского, считая, что лучше всего свести к нулю круг таких уроков. Толстой подмечал, что учить созерцанию и разговору не задача школы: «Ведь и я, и г-н Перевлесский, и каждый 15-летний мальчик знаем всё это, никогда не учившись. <...> Я не помню ни одной минуты, где бы мне чувствовался недостаток в умении созерцать и говорить. Отчего же не учить людей дышать и переваривать пищу? Может быть, люди ещё были бы лучше, если бы умели делать это по руководству», — язвительно замечал Толстой (8: 274).

В статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования» Толстой приводил и комментировал примеры, взятые у Перевлесского, отмечал бессмысленность отдельных текстов, делал вывод о том, что ребёнку по такой методике надо как можно глупее отвечать на вопросы учителя. Критика Толстого была вызвана тревогой о переносе примитивной методики предметных уроков в отечественное образование и о квазифилософских теориях её обоснования, когда тормозится творческое развитие детей, не востребованы высшие способности: воображение, осмысленность, нравственное чутьё.

Н. В. Кудрявая

ПЕРФИЛЬЕВ Василий Степанович (1826-1890) – близкий друг Толстого. В молодости дружил и с его братьями Николаем и Сергеем. С Толстым оставался приятелем до конца своей жизни.

Перфильев был сыном жандармского генерала С.В. Перфильева. Женатый на троюродной сестре Толстого, дочери графа Ф.И. Толстого-Американца Прасковье Фёдоровне Толстой (1831-1887), он был с Толстым не только в дружеских, но и в родственных отношениях. В письмах Толстого 1840-х — начала 1850-х гг. нередко встречаются упоминания о том, что, приезжая в Москву, он останавливался у Перфильева и бывал с ним вместе в московском высшем свете. Осенью 1862 г. В.С. и П.Ф. Перфильевы были посажённым и отцом и матерью на свадьбе Толстого. И позже, будучи уже много лет женатым, Толстой, приезжая из Ясной Поляны в Москву или находясь в Москве проездом, как правило, останавливался у Перфильевых.

В юности Перфильев учился в Петербурге в Александровском лицее, в 1846 г. поступил на службу в Московскую провиантскую комиссию; в 1850 г. вышел в отставку. С 1850 по 1857 г. он был предводителем дворянства Кирсановского уезда Тамбовской губ.; в 1861-1870 гг. – членом Тамбовского губернского по крестьянским делам присутствия; в 1870-1878 гг. – московским вице-губернатором; в 1878–1887 гг. – московским губернатором, а затем управляющим московским вдовьим домом.

В некрологе Перфильева говорилось, что он «принадлежал к семье, которая давно снискала себе и удержала в Москве редкую популярность и всеобщее расположение сердечным отношением ко всему доброму, человеческому», что он «был представителем человечества – в его гуманнейшем, интеллигентнейшем, сердечном значении этого понятия». Он обладал «выдающимся умом и незлобным, но замечательно метким остроумием» и отзывчивым ко всему сердцем,

был «ценителем прекрасного в искусстве и литературе» и «близким другом многих выдающихся людей в области литературы и искусства». Именно эти качества привлекали Толстого в его друге, как и его весёлость, жизнелюбие, мягкость, обаяние, умение наслаждаться радостями жизни. Это и помогало Толстому сохранять с Перфильевым дружеские отношения, хотя он не всегда одобрял его деятельность на постах вице-губернатора и губернатора Москвы, которые тот занимал в последние годы своей жизни. Об этом свидетельствует письмо Толстого к жене 29 марта 1889 г.: «Вчера ходил за 10 вёрст на огромный, бывший Лепёшкинский завод, где – помнишь – был бунт, который усмиряли Петя и Перфильев. Там 3000 женщин уродуются и гибнут для того, чтобы были дешёвые ситцы и барыши Кноп». Кноп – владелец этой мануфактуры. Толстой прямо не осуждал ни своего шурина (Петя это П.А. Берс, брат С.А. Толстой, бывший в те годы чиновником особых поручений при губернаторе), ни Перфильева (губернатора Москвы), но чувствуется, что к усмирению бунта несчастных работниц он отнёсся отрицательно. Несмотря на это, Толстой иногда обращался к Перфильеву как к лицу, имеющему власть, за защитой для тех, кто пострадал от этой власти.

Перфильев («Васенька», как ласково называли его Толстые) интересен не только своей личной близостью к писателю, но и тем, что нашёл отражение в творчестве Толстого. По свидетельству Т.А. Кузминской, некоторыми своими чертами он послужил прототипом Стивы Облонского в «Анне Карениной». Это заметил и А.А. Фет, прочитав первые 14 глав «Анны Карениной», он записал: «Какое мастерство вводить новые лица... Герой Левин – это Лев Николаевич человек, тут и В. Перфильев, и рассудочный Сухотин, все, все...» Эти слова Фета прокомментировал старший сын Толстого С.Л. Толстой в статье «Об отражении жизни в “Анне Карениной”»: «Фет догадывался, что прототипом Каренина послужил его общий с Толстым знакомый С.М. Сухотин, а прототипом Облонского — В.С. Перфильев. О Перфильеве как прототипе Облонского упоминает правитель его канцелярии С. Истомина в своих “Воспоминаниях”». И далее С.Л. Толстой подчёркивал, что художественный образ – это не механическое перенесение черт конкретного человека: Облонский – «тип собирательный. Обыкновенно предполагают, что Облонский списан с Василия Степановича Перфильева, приятеля Льва Николаевича. <...> Общее с Облонским у него было: склонность к удовольствиям и комфорту, добродушие, некоторый либерализм, благовоспитанность и так называемая порядочность. Но такие черты были свойственны и другим

представителям высшего круга дворянства, привыкшим к роскоши, разорявшимся и по необходимости поступавшим на службу» (ЛН. Т. 37-38. С. 570). И всё же можно сказать, что именно Перфильева обессмертил Толстой в «Анне Карениной».

М.Е. Суровцева

ПЕРФИЛЬЕВА Прасковья Фёдоровна («Полина», «Поленька»; рожд. графиня Толстая; 1831-1887) — жена В.С. Перфильева, близкого друга Толстого. Троюродная сестра Толстого — дочь Фёдора Ивановича Толстого, прозванного «Американцем».

С семьёй Перфильевых писатель поддерживал дружеские отношения всю жизнь, особенно близки они были в молодые годы: бывая в Москве, Толстой, как правило, останавливался у Перфильевых. Так, 10 октября 1848 г. он писал Т.А. Ёргольской: «Живу я у Перфильевых, в Николо-Песковском переулке у Собачьей площадки в доме Ивановой» (59: 18). 14 февраля 1866 г., приехав с женой в Москву, он сообщал тётке в Ясную Поляну о жизни своей и московских родственников: «У Берсов тоже всё хорошо. Мы видаемся с ними каждый день, и каждый день кто-нибудь у нас или мы у кого-нибудь бываем. Перфильевы, Горчаковы, Оболенский маленький с женой» (61: 132).

В мае 1849 г. от Перфильевых Толстой привёз в Ясную Поляну немца-музыканта Рудольфа, судьба и образ которого отчасти послужили основой для создания фигуры Альберта в одноимённом рассказе.

Василий Степанович и Прасковья Фёдоровна Перфильевы были посажёнными отцом и матерью на свадьбе Толстого. «Они его и благословили, и сопровождали в церковь» (ДСАТ. 1. С. 491). Столь близкие отношения позволяли Толстому иногда отзывать о своей родственнице и её муже любовно-насмешливо, как в дневнике 18 мая 1856 г.: «Приехал прямо к Перфильевым. Два толстые бутуса» (48: 44), — в этой записи по-свойски доброе и даже умилённое отношение к очень близким и дорогим людям.

Работая над романом «Декабристы», Толстой обращался к своей родственнице с просьбой помочь ему в поисках прототипа одного из персонажей будущего романа. На какое-то время он, видимо, оста-

390

новился на фигуре князя А.И. Одоевского, троюродного брата матери Прасковьи Фёдоровны. По просьбе писателя расспросив мать, Перфильева сообщила ему в письме то, что мать ей рассказала.

Перфильева умерла в 1887 г. В письме А.А. Фету С.А. Толстая сообщала о подробностях её кончины: «Лев Николаевич <...> озабочен очень умиранием Перфильевой, жены губернатора. <...> Хотя Лев Николаевич об этом не говорил, но мне приходит в голову, что это умирание теперь особенно интересует и волнует его, потому что именно этот вопрос о жизни и смерти его интересует больше всего в данную минуту, когда он об этом пишет» (смерть Перфильевой пришлось на то время, когда Толстой работал над трактатом «О жизни»).

М.Е. Суровцева

ПЕТЕРСОН Николай Павлович (1844—1919) — учитель плехановской и головинской школ, организованных Толстым в деревнях Крапивенского уезда. Учился в Московском университете: был отчислен за участие в студенческих беспорядках в 1861 г. На имя Губернского по крестьянским делам присутствия от 21 февраля 1862 г. за № 36 был представлен Толстым как учитель плехановской школы. В воспоминаниях «Из записок бывшего учителя» он рассказал о своей школьной деятельности, о том, как по субботам приезжал в Ясную Поляну из Плеханова и проводил целый день вместе с остальными сотоварищами, которых было человек 10, в беседах с Толстым и слушая его рассказы.

Н.П. Петерсон,
1862 г.

В журнале «Ясная Поляна» Петерсон напечатал две статьи под инициалами Н.П.П.: «Головинская школа» (июнь) и «Плехановская школа» (октябрь). Обе статьи богаты фактическим материалом и дают ценные сведения о школьной работе учителей-студентов под непосредственным руководством Толстого.

В 1868-1869 гг. Петерсон работал в Чертковской библиотеке в Москве и занимался правкой отдельных корректур «Войны и мира». Тогда же он сблизился с Н.Ф. Фёдоровым, библиотекарем Румянцевского музея, стал ревностным последователем его религиозно-философского учения. Уже после смерти Фёдорова издавал его сочинения и работы о нём.

В 1907 г. Петерсон издал анонимную брошюру «Правда о великом писателе земли русской, гр. Л.Н. Толстом, к 55-летию его литературной деятельности». Эту брошюру он послал Толстому, между ними завязалась переписка, полемическая со стороны Петерсона, направленная против учения Толстого о непротивлении злу насилием. Петерсон в статье «Моя переписка с графом Толстым» с благодарностью вспоминал об участии Толстого в его судьбе, увлечении школьным делом. Петерсон много лет служил по судебному ведомству, скончался в Варшаве.

Н.В. Кудрявая

ПИРОГОВ Николай Иванович (1810-1881) – хирург, академик, участник обороны Севастополя. Толстой встречался с ним в Севастополе, был знаком с его сочинениями, упоминал в своих дневниках, письмах. Имя Пирогова всегда произносилось с уважением. Так, уже спустя полвека после Крымской кампании, Д.П. Маковицкий записал 20 февраля 1906 г. в Ясной Поляне короткий разговор писателя с М.С. Сухотиным, рассказавшим о тульском докторе-политикане. «Л.Н. сказал на это, что доктора, ветеринары обращают всё внимание на материальную науку: думают, что в других отраслях всё улажено. — Исключение — Пирогов, — говорил Л.Н. — Как трудно было ему выйти из этого узкого мира!»

8 мая того же года в Ясной Поляне говорили о дневниках Пирогова «Вопросы жизни. Дневник старого врача», напечатанных в «Русской старине» в 1884 г. (№ 9-12) и 1885 г. (№ 1-6). Маковицкий записал слова Толстого: «"Пирогова части (дневника) читал. Я его знал. В Севастополе он читал лекции по анатомии врачам. <...> Пирогов – умное лицо – секцировал <т.е. рассекал. — В.А.> труп и показывал операцию, которую врачам приходилось делать. Пирогов много доброго сделал". — Л.Н. говорил о Пирогове с симпатией и уважением». В яснополянской библиотеке хранятся отдельные номера журнала «Русская старина» за 1884 и 1885 гг.

В севастопольских рассказах Толстой описывал перевязочный пункт, размещавшийся в бывшем Дворянском собрании, «докторов, занятых отвратительным, но благодетельным делом ампутаций». Среди этих докторов был и Пирогов: именно в этом здании он работал несколько месяцев во время осады Севастополя.

В. В. Алексеева

ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович (1840-1868) – критик, публицист. Родился в селе Знаменском Орловской губ. в небогатой дворянской семье. Окончив историко-филологический факультет Петербургского университета, с 1859 г. регулярно выступал с рецензиями и статьями в журнале «Рассвет». Активно сотрудничал в журнале «Русское слово» (до его закрытия в 1866 г.), стал его ведущим критиком и практически соредактором. Его статьи привлекали внимание читателей остротой мысли, искренностью тона, полемическим духом. В июле 1862 г. был арестован – провёл четыре года в Петропавловской крепости, после года заключения получил разрешение писать и печататься. Творческий путь Писарева оборвался на 28 году жизни: во время отдыха под Ригой он утонул.

Впервые Писарев написал о Толстом в статье «Три смерти» (Рассвет. 1859. № 12, отд. II), в которой указал на талант писателя в его рассказах: психолог, потому что подвергает душу человека глубокому анализу, художник, потому что в его изображении оживают картины природы. Критик считал, что рассказы Толстого – для «читательниц». Позже в статье «Цветы невинного юмора» (1864) он напишет, что «Детство. Отрочество. Юность» – «вещь замечательно хорошая по тонкости и верности психологического анализа», но «проходит почти незамеченною» критикой. В статье «Промахи незрелой мысли» (1864) Писарев признавал собственные промахи: был молод и не смог вдуматься во все типы, характеры, которые изобразил Толстой в своих рассказах. Он подчёркивал серьёзное значение этих произведений для характеристики жизни русского общества и сожалел, что прежде, как и другие критики, не увидел в сочинениях Толстого «что-то очень большое и очень важное». По словам Писарева, Толстой остаётся в тени: «Его читают, его любят, его знают как тонкого психолога и грациозного художника, его уважают как почтенного работника в яснополянской школе; но до сих пор никто не подхватил, не разработал и не подвергнул тщательному анализу то сокровище наблюдений и мыслей, которое заключено в превосходных повестях этого писателя».

Последняя статья Писарева о творчестве Толстого, «Старое барство», задумывалась как первая статья о «Войне и мире» (критик успел прочитать только три первых тома книги). Он рассматривал здесь два противопоставленных характера – Бориса Друбецкого и Николая Ростова, детально разбирая ситуации, в которых проявляются герои. Таких персонажей, как Андрей Болконский, Пьер Безухов и Наташа Ростова, Писарев не подвергал анализу, считая, что нужно дождаться выхода полного текста «Войны и мира». В целом весь роман критик

охарактеризовал как образцовый «по части патологии русского общества».

С.А. Хомяков

ПИСЕМСКИЙ Алексей Феофилактович (1820/1821-1881) – прозаик, драматург, публицист. Родился в небогатой дворянской семье с древней родословной. Один из его предков, думный дворянин Ф.А. Писемский, выполнял личные поручения царя Ивана Грозного.

Окончив костромскую гимназию, Писемский в 1840 г. поступил на математическое отделение философского факультета Московского университета. В литературе дебютировал рассказом «Нина» (1848), но громкую известность ему принесла повесть «Тюфяк» (Москвитянин. 1850). В 1850-е гг. он создал роман «Богатый жених», повести и рассказы «Комик», «Питерщик», «Леший», «Фанфарон», «Старая барыня». С откровенностью, окрашенной в тона простонародного пересмешничества, Писемский изображал будничную жизнь провинциальных чиновников и дворян.

Уже известный писатель, познакомившись со вторым севастопольским рассказом Толстого, 26 июля 1855 г. Писемский сообщал А.Н. Островскому: «Вчера вечером слушал я новый очерк Толстого “*Июльская ночь в Севастополе*” <так ошибочно назвал Писемский «Ночь весною 1855 года в Севастополе», как тогда назывался будущий «Севастополь в мае». - *Л.П.*> (т.е. Штурм). Ужас овладевает, волосы становятся дыбом от одного только воображения того, что делается там. Статья написана до такой степени безжалостно честно, что тяжело становится читать. Прочти её непременно!» (А.Ф. Писемский. Материалы и исследования. Письма. М.-Л., 1936. С. 82). 6 августа он писал Тургеневу о толстовском рассказе: «На днях я слышал новый очерк Толстого из севастопольской жизни. Он мне понравился меньше того <т.е. «Севастополя в декабре месяце». - *Л.П.*>, по отношению автора к действующим лицам рассказа. Это какое-то озлобление: он всех выставляет и трусами, и хвастунами и как будто бы всем ставит в вину простое естественное чувство самосохранения... Общая же картина, как и там, превосходна, хотя и составляет повторение». Писемскому принадлежит и значительная фраза по поводу третьего рассказа о Севастополе, дошедшая в передаче

392

И.Ф. Горбунова: «Этот офицеришка всех нас заклюёт. Хоть бросай перо» (Кони А.Ф. Собр. сом.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 243).

Толстой познакомился с Писемским 23 ноября 1855 г. на вечере у И.С. Тургенева. В 1856-1857 гг. писатели не раз встречались, но творческой близости между ними не возникло. Толстой ценил некоторые произведения Писемского («Старую барыню», «Горькую судьбину», «Плотничью артель»), но не испытывал к нему большого интереса. Тем не менее фигура Писемского была очень заметна в русской литературе, его имя называли в ряду первых русских писателей.

Бурную полемику вызвали его «антинигилистические» романы «Взбаламученное море» (1863) и «В водовороте» (1871). От Писемского отвернулись революционные и либеральные демократы, выразители «прогрессивных веяний». В пылу спора оппоненты писателя называли его «взбаламученным романистом», не понимающим будущего.

Толстой тоже высказал мнение о последнем романе. В сохранившемся письме, 3 марта 1872 г. отправленном из Ясной Поляны (единственное известное письмо Толстого Писемскому), он писал: «Милостивый государь Алексей Феофилактович! От всей души благодарю вас за ваше письмо <письмо неизвестно. — Л.П.> и присылку книги. Кроме удовольствия вашего письма, это сделало то, что я второй раз прочёл ваш роман, и второе чтение только усилило то впечатление, о котором я говорил вам. Третья часть, которой я ещё не читал тогда, — так же прекрасна, как первые главы, которые меня при первом чтении привели в восторг».

Л.Ф. Подсвилова

ПИСТОЛЬКОРС Александр Васильевич (ум. в 1879 г.) — офицер, сослуживец Толстого на Кавказе; один из основных прототипов поручика Розенкранца в рассказе «Набег». Узнав себя в этом рассказе, Пистолькорс был недоволен своим литературным изображением, о чём передал автору: «Сулимовский с обыкновенной своей грубостью рассказал мне, что Пистолькорс ругает меня за Розенкранца, — записал Толстой в дневнике 16 декабря 1853 г.; - это сильно огорчило меня и охладило к литературным занятиям...» Пистолькорса узнали в «Набеге» и многие его современники, о чём рассказал военный историк А.Л. Зиссерман в книге «Двадцать пять лет на Кавказе»: «В <...> “Набеге” выведен поручик Розенкранц; до какой степени изображение верно, можно судить по тому, что, когда я в первый раз в Чечне выступил с отрядом и увидел штабс- капитана Пистолькорса, разъезжающего в шикарном черкесском костюме, со всеми ухватками чистокровного джигита, я не мог не подумать: да это Розенкранц, как есть, на чистоту, без прикрас. И некоторые из грозненских старожиллов просто мне даже объявили, что Розенкранц Толстого и есть он, Пистолькорс, что с него-то

портрет и писан. А таких Пистолькорсов было немало, и увлекались некоторые до того, что готовы были чуть не перейти в мусульманство и совсем очечениться...» (СПб., 1879. Ч. 2. С. 327).

Н.И. Бурнашова

ПЛЕВЕ Вячеслав Константинович (1846-1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов в России. С 1881 г. — директор Департамента полиции, в 1884 – 1894 гг. — сенатор, с 1902 г. — министр внутренних дел. Широко применял полицейский террор, расстрелы демонстраций, карательные экспедиции в районы крестьянских волнений, поощрял еврейские погромы. Убит эсером Е.С. Сазоновым.

Для Толстого Плеве ассоциировался с ужесточением политики государства по отношению к любым проявлениям свободы, это вызвало ответное насилие со стороны общества, что и предопределило трагический итог деятельности Плеве. Толстой в статье «Не могу молчать» обращался к судьбам Плеве и великого князя Сергея Александровича, утверждая, что дела революционеров «по количеству убийств и по мотивам их едва ли не в сотни раз меньше и числом, и, главное, менее нравственно дурны, чем <...> злодейства» главных палачей, к которым Толстой относил Столыпина и Николая II (37: 395). Это не значило, что писатель разделял революционное или анархическое представления о гос. устройстве, а подчёркивало то, что источником всех бед является гос. насилие, осуществляемое под предлогом соблюдения установленных норм жизни. В предисловии к статье В.Г. Черткова «О революции» Толстой писал, что «попытки русских недворцовых революций <...> кончились и не могли не кончиться ничем иным, как только погибелью многих хороших людей и всё большим и большим усилением и озверением правительства», «на место Сипягина – Плеве». Однако трагическая смерть Плеве не только не привела, по мнению Толстого, к изменению политики в государстве, но, наоборот, создала все предпосылки для появления кого-то «ещё вреднее Плеве, потому что после убийства Плеве правительство должно сделаться ещё жесточе» (36: 149-150).

М.Ю. Белянин

393

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1858 – 1918) — философ-материалист, атеист, один из основоположников научного социализма в

России. Плеханов был участником революционных групп «Народная воля». «Чёрный передел» в России. В 1883 г. в Женеве создал первую марксистскую российскую организацию — группу «Освобождение труда». В 1903 г. на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии выступил вместе с Лениным с программой революционного движения социал-демократов. После съезда отошёл от ленинской платформы и возглавил партию меньшевиков. Октябрьскую революцию не принял, но её вооружённых противников не поддержал.

Плеханов придерживался диалектического взгляда на историю. Он считал, что в основе истории лежит *действие* разума и *практическое действие* общественного человека. Такой подход к историческому процессу мало схож со взглядами Толстого, для которого субъектом истории являлся народ. Стихийная сила народа выражена через стремления отдельных людей, которых Толстой называл «дифференциалами истории». Если интересы отдельных людей совпадают с интересами общества и государства, то они и выступают в качестве истинных причин исторических событий.

Плеханов остро критиковал взгляды Толстого на человека и историю. В статье «Толстой и природа» (1908) он называл Толстого «одним из гениальных и самых крайних представителей индивидуализма нового времени». Толстой якобы слабо утешался мыслью о бессмертии души — «ему нужно было бессмертие тела». Такой вывод Плеханов сделал после анализа раннего рассказа Толстого «Три смерти», его записок о путешествии по Швейцарии в 1857 г. и др. Плеханов считал Толстого «гениальным художником и крайне слабым мыслителем». По его мнению, «человек, который бы проникся настроением Толстого, сильно рисковал бы не найти перед собой ничего, кроме гибели». Это мнение возникло у Плеханова после прочтения «Исповеди», опубликованной в начале 1880-х гг. Критикуя Толстого как метафизика и утопического мечтателя, считая его «большим барином» русской жизни, Плеханов сам оставался на односторонних метафизических позициях. По его мнению, Толстой должен был бы содействовать уничтожению эксплуататорских отношений, т.е. должен был бы стать революционером. «Отрицательную нравственность» Толстого с её запретами Плеханов объявил выгодной правящим классам, так как она не уничтожает эксплуатации человека.

В работе «Карл Маркс и Лев Толстой» Плеханов объявил взгляды Маркса и Толстого прямо противоположными. Учение Толстого о ненасилии он считал субъективным морализированием, утопическим обращением угнетённых к угнетателям с призывами об отказе от насилия. Плеханов полагал, что «нравственная проповедь гр. Л. Толстого вела к тому, что — поскольку он занимался ею, — он, сам того не желая и не замечая, переходил на сторону угнетателей народа». Такая точка зрения была вызвана, вероятно, стремлением её автора стоять на твёрдых

революционных марксистских позициях: публичному писателю следует свой труд направлять на изменение общественных отношений, а не на религиозно-нравственную проповедь.

Плеханов всю толстовскую религию объявил новым проявлением старого анимизма (фантастических представлений об одухотворении природных явлений), процветавшего ещё в первобытную эпоху. При этом он не учёл, что главное в религии Толстого — её соединение с нравственностью, которая для русского писателя имеет истоки в природе. Красота природы есть Благо, она полезна для человека, возвышает его душу и разум, наполняет его жизнь Истиной. Суть её в том, чтобы творить Красоту и Добро трудом людей, творить их делом нравственного совершенствования. Эта гуманистическая сторона толстовского учения явно не была понята марксистом Плехановым.

Е.И. Рачин

ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович (1827-1907) – видный гос. деятель, член Гос. совета, обер-прокурор Святейшего синода, член Комитета министров, статс-секретарь, учёный-правовед, публицист, писатель, переводчик, убеждённый консерватор и монархист.

Победоносцев и Толстой – антагонисты на историческом поле России. Ещё до 1880 г., когда Победоносцев был назначен обер-прокурором Синода, Толстой уже имел представление об его характере и политических симпатиях. В 1881 г. после гибели Александра II он через Победоносцева обратился к наследнику престола Александру III с просьбой о помиловании царевичей. Победоносцев письмо Толстого не передал, но написал царю о необходимости казни преступников, и Александр III согласился с этим. В письме Толстому обер-прокурор объяснил причины, по которым он не исполнил его просьбу.

394

Позднее Толстой упомянет текст этого письма в своём трактате «Царство Божие внутри вас».

В 1885 г, когда С.А. Толстая хлопотала о пятом издании сочинений Толстого, в частности о 12-м его томе, куда вошли публицистические сочинения, Победоносцев не одобрил статью «Так что же нам делать?» и книгу «В чём моя вера?», после чего Главное управление по делам печати их запретило. В 1886 г. обер-прокурор, ознакомившись с новым произведением Толстого, драмой «Власть тьмы», добился её запрета не только на сцене, но и в распространении (пьеса была напечатана литературным фондом как народное издание). В 1887 г., когда С.А.

Рачинский, отметив важное значение для сельских школ «Новой Азбуки» Толстого, посоветовал ему во избежание препятствий обратиться к Победоносцеву, Толстой отказался. Та же участь ждала «Крейцерову сонату».

В 1897 г. Толстой добивался возврата самарским крестьянам, перешедшим в секту молокан, отобранных у них детей. Обращения к царю Николаю II не помогли. Дочь Толстого, Т.Л. Толстая, по совету графа А.В. Олсуфьева просила аудиенции Победоносцева, который быстро решил это дело в пользу молокан. Встреча Т.Л. Толстой с Победоносцевым легла в основу эпизода визита Нехлюдова к Топорову в романе «Воскресение»: Победоносцев был выведен в образе Топорова.

В 1899—1900 гг. Толстой участвовал в судьбе духоборов, открыто ставя их высылку в вину властям. В трёх черновых редакциях письма Николаю II он советовал «прогнать от себя» «злого и безумного старика Победоносцева».

О вреде религиозного учения Толстого Победоносцев сообщал Рачинскому в 1896 г., а обсуждаться эта тема начала ещё раньше, с 1888 г. «Определение Святейшего правительствующего синода от 20-22 февраля 1901 года, № 551...» было составлено при участии Победоносцева.

Дневниковые записи и письма Толстого, его обращения к царю и гос. деятелям показывают, что многие беды России он связывал с фигурой Победоносцева. Однако в последние годы жизни, согласно со своими религиозными взглядами, в глубине души Толстой пытался заставить себя примириться с этим неприятным ему человеком, о чём есть запись в дневнике 1903 г.: «Думая о людях, которых не любишь, прибавляй эпитет: милый, бедный, милый Бибиков, милый Яшвиль, милый Победоносцев. Это самовнушение, сейчас ищешь ту сторону, с которой N.N. милый, — и находишь» (54; 189). Едва ли сумел найти Толстой что-нибудь «милое» в Победоносцеве.

Л.В. Шмелёва

ПОГОДИН Михаил Петрович (1800 — 1875) — историк, писатель, книгоиздатель. Сын вольноотпущенного крепостного. Окончил Московский университет и там же в 1825-1844 гг. был профессором всеобщей и русской истории.

В молодости напечатал несколько повестей (из них наиболее известна «Чёрная немочь»), в которых выступил одним из первых бытописателей в русской литературе. Погодина считают одним из родоначальников русской повести и одним из первых литераторов, обратившихся к изображению разночинных слоёв. Редактировал и издавал несколько журналов и газет: «Московский вестник» (1827 — 1830), «Москвитянин» (1841-1850) и др. Был автором «Исторических афоризмов»,

многочисленных исторических и публицистических статей, книг «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (тт. 1-7; 1846-1857), «Норманнский период в русской истории» (1859), «А.П. Ермолов. Материалы для его биографии» (1863), «Н.М. Карамзин по его сочинениям» письмам и отзывам современников» (ч. 1-2; 1866), «Древняя русская история до монгольского ига» (тт. 1-2; 1871) и др.

По своим общественным убеждениям Погодин был близок к славянофилам и к Ф.И. Тютчеву, критиковал «охранительное» направление Николаевского царствования, не учитывавшего, по мнению Погодина, особенностей российской истории и национального характера. В то же время отличался энтузиазмом и восторженностью несколько в «ура-патриотическом» духе. В 1856 г. именно из-за такого тона Толстой (ещё не знакомый тогда с Погодиным) возмущался его статьёй «Московские празднества в честь севастопольских моряков» (Морской сборник. 1856. Т. 22. №7).

Погодин был действительным членом Общества любителей российской словесности, куда в феврале 1859 г. был принят Толстой. Книгу Погодина «Норманнский

395

период русской истории» Толстой использовал в занятиях яснополянской школы.

Их личное знакомство состоялось во время поездки из Петербурга в Москву в апреле 1861 г. Погодин оказался попутчиком Толстого. Вскоре произошло их тесное сближение, связанное с историческими работами Толстого. «Погодин – славная старость и жизнь», – писал Толстой в дневнике 25 августа 1862 г.

Историк снабжал Толстого необходимыми книгами и историческими материалами. Много дало писателю и их личное общение. Ещё в процессе печатания книги «Война и мир» Погодин написал восторженный (несмотря на некоторые критические замечания) отзыв, находя в ней «верное изображение того самобытного духа, который встречается *deus ex machina* (т.е. внезапно. – *лат.*) в русской истории». «Как автор удивился своей Наташе, – писал Погодин, – так удивляемся мы ему: каким образом мальчик, оставшись сиротой <...> проведший свою молодость в обществе военном, невзыскательном и непритязательном, мог подняться вдруг на такую высоту литературную, мог завоевать общее внимание публики, не слишком падкой на литературные гостинцы, мог, наконец, что казалось бы всего труднее, создать такое лицо, как Наташу, и написать такую об ней страницу?» (ЛН. Т. 97. Кн. 2. С. 28).

Сохранилось пять писем Толстого к Погодину за 1862-1872 гг.

В.М. Бокова

ПОЛЕНОВ Василий Дмитриевич (1844-1927) – художник-передвижник; преподаватель московского Училища живописи, ваяния и зодчества; его наиболее известные произведения: «Московский дворик» (1878), «Христос и грешница» (1886-1887). Познакомился с Толстым в доме С.И. Мамонтова в 1887 г.: писатель приходил посмотреть картину «Христос и грешница». Художник не раз бывал в московском доме Толстых.

Как и вся его семья, Толстой был неплохо знаком с творчеством Поленова. Нередко его картины вызывали споры.

В.Ф. Лазурский вспоминал, как Толстой однажды прореагировал на его восторженное высказывание о картине «Христос и грешница»: «Да, Поленов красив, но бессодержателен, — сказал Лев Николаевич. — Правая сторона этой картины написана очень хорошо — сама грешница, еврей; левая никуда не годна, лица банальные, Христос у него — какой-то полотёр, а апостолы плохи; сзади — декорация» (запись 23 июня 1894 г.; *ТВС*. 2. С. 53-54).

Через два года Лазурский записал в своём дневнике, что Толстой был на 24-й выставке художников-передвижников: «Поленовскую картину “Среди учителей” находит очень недурной: фигуры мальчика, старика-книжника, матери. Видно, что художник много думал над ней» (запись 20 апреля 1896 г.; *ТВС*. 2. С. 84). На замечание Лазурского о том, что «в искусстве обязательно должна быть красота», Толстой ответил, что «красотой одной вопрос не исчерпывается», но «красота в искусстве должна быть для того, чтобы заставить обратить на себя внимание, притянуть и заставить вникнуть в смысл произведения». Писатель считал, что «Поленов обладает этим умением и привлекает к себе внимание» (там же. С. 84).

18 марта 1909 г. Д.П. Маковицкий записал, что Толстой «получил письмо от дамы, зовёт его в Петербург на выставку картин Поленова из жизни Христа» (*ЯПЗ*. 3. С. 360): некая курсистка Н. Субботина прислала в Ясную Поляну каталог выставки Поленова «Картины из жизни Христа» и фотографию одной из картин; она рекомендовала Толстому поехать посмотреть выставку или попросить художника привезти картины в Ясную Поляну. Толстой в Петербург не поехал. «Мне неинтересно. История личности Христа. Я помню, что они (картины Поленова) не произвели впечатления на меня» (там же). На следующий день снова зашла речь о выставке: «Л.Н. говорил так, что чувствовалось желание видеть эти картины» (*ЯПЗ*. 3. С. 363). 1 мая опять заговорили о Поленове:

«Длинный, оживлённый разговор о выставке 68 картин Поленова из жизни Иисуса, «записал Маковицкий. — Видели её Софья Андреевна, Сергей Львович и Молочников. Некоторые картины очень хороши. Поленов пишет Христа в той обстановке, в какой протекала его жизнь; избегает мистического» (*ЯПЗ*. 3. С. 397). Толстой, сравнивая Христа на полотнах Н.Н. Ге и Поленова, говорил, что «Ге старался выразить те чувства, которые переживал Христос. А у Поленова внешняя обстановка» (*там же*. С. 398).

24 мая 1909 г. А.Б. Гольденвейзер отметил в своём дневнике, что «Поленов прислал Льву Николаевичу альбом снимков со своей выставки из жизни Христа»; автор раскрасил некоторые листы альбома, чтобы дать Толстому «понятие о красках». «Лев Николаевич сказал по этому поводу: “Поленов – хороший, почтенный тип художника, каких теперь мало – они переводятся”» (*Толстой и художники*. С. 170). Просмотрев присланный альбом картин, Толстой заметил: «В общем хороши

396

И "Тайная вечеря" и "Распятие" хороша» (*ЯПЗ*. 3. С. 418).

Толстой отвечал Поленову 3 июня 1909 г: «Очень благодарен вам. Василий Дмитриевич, за присылку вашего альбома. По рассказам я имел очень неопределённое понятие о вашей выставке, но альбом ват произвёл на меня сильное впечатление. Воображаю, как подействовала бы на меня сама выставка, и очень, очень сожалею, что не мог видеть её. Не говоря уже о красоте картин и том, вполне сочувственном мне, отношении вашем к изображаемому предмету, самый этот огромный труд, положенный вами на это дело, вызывает глубокое уважение к художнику. Само собой разумеется, что раскрашивание, хотя вы его и начали, не может передать красок, но благодарю вас за намерение сделать это для меня. Кроме всех других значений, ваша выставка имеет, по моему мнению, ещё значение педагогическое. Нельзя в лучшей форме передать детям историю Христа, как по вашим картинам. Ещё раз благодарю вас» (79: 215-216).

В музее-усадьбе «Поленово» до сих пор хранятся несколько игрушечных птичек, сложенных из белых листков бумаги. По преданию, их сделал Толстой для детей Поленова, с которыми однажды случайно оказался в поезде: Ясная Поляна и Поленово находятся не очень далеко друг от друга.

Н.И. Бурнашёва

ПОЛЕНЦ Вильгельм фон (Polenz Wilhelm von; 1861-1903) – немецкий писатель. Автор романной трилогии «Деревенский священник» («Der Pfarrer von Breitendorf», 1893), «Крестьянин» («Der Büttnerbauer», 1895), «Землевладелец» («Der Grabenhager», 1897), высоко оценённой Толстым. Автор пьес «Гейнрих фон Клейст» (1891), «Андреас Бокхольд» (1898), «Юнкер и Фройнер» (1901), романа «Текла Людекинд» (1900), сб. «Деревенские рассказы» (1901) и др. Тяготел к натурализму в духе Э. Золя.

Прочитав роман «Крестьянин», 23 мая 1900 г. Толстой предложил В.Г. Черткову издать в сокращении это «превосходное произведение» в «Посреднике» (в 1900 г. в «Вестнике Европы» роман уже был опубликован в переводе В.М. Величкиной). Тогда же он набросал предисловие к роману. Только 17 июня 1901 г. вернулся Толстой к этой работе и в течение июля-августа перерабатывал текст 11 раз. В начале 1902 г. «Крестьянин» (в переводе В.М. Величкиной) вышел в «Посреднике» с предисловием Толстого. Книга имела большой успех: сотрудник издательства П.А. Буланже в письме Толстому 24 марта 1902 г. сообщил, что тираж в 5000 экз. разошёлся за один месяц и пришлось печатать ещё 5000; в ответ 27 марта Толстой писал, что ему очень приятен успех романа.

«Предисловие к роману В. фон Поленца "Крестьянин"» идейно созвучно трактату Толстого «Что такое искусство?». Роман Поленца противопоставляется наводнившим печать «подделкам» под искусство, в частности декадентским «ребусам». По Толстому, «Крестьянин» соединял в себе «все три главные условия настоящего хорошего произведения искусства». Это важность содержания, так как изображается жизнь крестьян, «то есть большинства людей, стоящих в основе всякого общественного устройства»; «большое мастерство и прекрасный немецкий язык, особенно сильный, когда автор заставляет говорить свои лица грубым, мужественным рабочим платдейч»; «любовь к тем людям, которых автор заставляет действовать». Как писатель, Толстой восхищён «подробностями» изображения и останавливается на одном из эпизодов романа, где особенно видна любовь автора к героям, «несмотря на всю их огрубелость и жестокость»; такие черты «встречаются в каждой главе».

В ноябре 1901 г. Толстой прочёл «Землевладельца». «Хуже "Büttnerbauer", но там есть нынче прочтённая мною глава, которая так и потянула меня к художественной работе», -- писал он Черткову 30 ноября. В начале марта 1902 г. от Поленца пришло письмо с благодарностью за внимание к «Крестьянину» и книги. 10 марта Толстой отвечал ему: «Кроме вашего прекрасного романа "Крестьянин", для которого я не нахожу хвалебных слов, я знаю ещё "Землевладельца", в котором я нашёл тот же талант и ту же правду, хотя тенденция его меня

не вполне удовлетворяет». Толстой просил Поленца прислать ему запрещённого в России «Деревенского священника». В этом романе рассказывалось о разочаровании священника в церковном учении, что было особенно близко Толстому в то время. Получив книгу, Толстой писал Буланже в середине марта 1902 г.: «Читаю и восхищаюсь. Как это несравненно выше той нашей литературной дребедени, которой все восхищаются. Я не дочёл романа, но думаю, что угадываю его содержание и одобряю. <...> Хорошо бы, если бы вы могли достать и дать перевести, разумеется, с сокращениями» В 1903 г. «Деревенский священник» (в переводе В.М. Величкиной) был издан «Посредником».

397

Узнав о смерти Поленца из письма доктора философии Г. Ильгенштейна, Толстой в ответ писал (21 ноября 1903): «Я был очень опечален известием о смерти Поленца. Это был большой писатель, соединивший в себе в равной степени все три свойства, нужные для писателя: всегда важное содержание, прекрасную технику и большую искренность, т.е. любовь к тому, что он описывал. Качества эти проявились в тех трёх романах его, которые я читал: роман крестьянский, роман помещичий и роман религиозный, «Der Pfarrer von Breitendorf». Последний роман этот прекрасен и по форме и по значительности содержания» (74: 235-236). Сожалея о невнимании к Поленцу немецкой публики, Толстой считал, что его «оценят будущие поколения», причём не только соотечественники. В круг чтения русской публики Поленц вошёл прежде всего благодаря Толстому.

А.А. Коробкова

ПОЛИВАНОВ Лев Иванович (1838 - 1899) — педагог, литератор, общественный деятель. Окончив историко-филологический факультет Московского университета в 1861 г., преподавал в различных московских средних учебных заведениях. В 1868 г. открыл на Пречистенке (д. 32) частную мужскую гимназию, которой руководил свыше 30 лет. Гимназия Поливанова считалась лучшей в Москве. Число гимназистов не превышало 200 человек. Здесь учились дети московской интеллигенции, аристократии, крупных коммерсантов. Многие мальчики жили по соседству, в арбатских переулках. Сюда поступили и сыновья Толстого, Илья, Лев, Андрей и Михаил. Классическая по своему типу, поливановская гимназия прививала вкус к интеллектуальному труду, интерес к истории, к древним языкам, утверждала ценности духовной культуры и имела репутацию демократического учебного заведения с

очень сильным преподавательским составом: в старших классах логику преподавал философ и психолог профессор Л.М. Лопатин, латынь — профессор М.М. Покровский, историю — Ю.В. Готье, впоследствии академик.

Духовным и творческим центром был сам директор. Он преподавал русский язык, словесность и латынь. Его уроки были ярки и артистичны. Культ А.С. Пушкина царил в гимназии; сам Поливанов замечательно читал его стихи. Сын Толстого Лев писал после смерти Поливанова: «Кто из нас не помнит, с какой любовью, с каким пониманием Л.И., может быть, в сотый раз в жизни, но всё с той же свежестью чувства читал перед нами какое-нибудь стихотворение Пушкина».

Поливанов был автором учебных пособий, подготовил для школьников комментированные издания сочинений Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина; написал книгу «Жуковский и его время» (под псевд. Загорин. М., 1883), выступал как переводчик классических пьес западноевропейского театра, в т.ч. Мольера и Расина, перевёл и выпустил книгу «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдокия. Христианское общество Востока. Соч. Амедея Тьерри» (Пер. с франц. Изд. Л. Поливанова. М., 1884), вызвавшую интерес Толстого. В 1870-х гг. Поливанов организовал в Москве Шекспировский кружок, где силами любителей ставились пьесы английского драматурга; некоторые — впервые в России.

Поливанов был активным членом Московского комитета грамотности, а его гимназия сыграла важную роль в истории московского образования и культуры. Её закрыли советские власти в 1918 г.

Толстой познакомился с Поливановым в 1881 г.. неоднократно бывал в гимназии, беседовал с ним и с учителями. В январе 1887 г. С.А. Толстая устраивала у себя в доме в Хамовниках чтение пьесы Толстого «Власть тьмы», на котором присутствовал Поливанов.

В. М. Бокова

ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович (1819 - 1898) – поэт; прозаик. Учился в Московском университете, со времён студенчества его друзьями стали А. Фет и Ап. Григорьев. Творческое наследие Полонского велико и разнообразно: он писал лирические стихи и поэмы, выпустил несколько стихотворных сборников, от ранней «Гаммы» (1844) до последнего «Вечерний звон» (1890), романы, рассказы, повести, очерки. Грузинские очерки, роман «Признание Сергея Чаплыгина», повесть «Женитьба Атуева» — только малая часть прозы, составившей семь томов в 10-томном собрании сочинений Полонского (1885-1886), Он оставил замечательные мемуары, где есть страницы о встрече летом 1881 г. в Спасском-Лутовинове Ивана Тургенева и Льва Толстого.

Толстой познакомился с Полонским в Петербурге осенью 1855 г.; в молодости их объединял один литературный круг, но особенно они сблизились в 1857 г., когда, встретившись за границей в Баден-Бадене, по словам Толстого, «сошлись как родные братья». Полонский тогда очень нуждался в

398

дружеском совете, он хотел на время оставить службу, заняться литературой и начать серьёзно учиться живописи. Толстой горячо поддержал его в этом выборе. Полонский уехал в Женеву; вернувшись в 1858 г. в Петербург, получил место секретаря в Комитете иностранной цензуры, где прослужил многие годы. Когда в 1863 г. вышла повесть Толстого «Казачья», Полонский откликнулся критической статьёй «По поводу последней повести гр. Л.Н. Толстого», где писал, что «ото всей повести веет кавказским воздухом». «Это не поддельный, не подкрашенный, не романтический Кавказ с романтическими героями. Каждый штрих рисует тамошнюю природу верно». Тем не менее в герое повести Оленине критик увидел черты «явно отживающего поколения», что-то «вроде бледного отражения лучших людей пушкинской эпохи». Сложным, перегруженным эпизодами оказался и сюжет «Казачья»: «такая сложность разбивает внимание читателя» (Время. 1863. № 3. С. 91-98). Статья Полонского не осталась незамеченной для Толстого. «А Полонский-то бедный как плохо рассуждает во “Времени”», — заметил он в письме к Фету 1-3 мая 1863 г.

Тесных личных отношений и длительной переписки между Полонским и Толстым не было. В 1876 г. Полонский в письме вспомнил о давней встрече в Баден-Бадене, а Толстой в ответ писал ему: «Вы мне не только старый знакомый, но — надеюсь, что это взаимно, — но один из родственных по сердцу людей и как человек и как поэт». В 1898 г. Толстой подтвердил своё братское отношение к Полонскому: «Я всегда, как полюбил вас, когда узнал, так и продолжал любить».

Но добрые братские отношения друг к другу ни Толстой, ни Полонский не переносили на отношение к творчеству. Здесь они не сходились почти ни в чём. Только дважды Толстой дал высокую оценку стихам Полонского. Первый раз в 1877 г. о стихотворении «Вечная ткань»: «Стихи Полонского прелестны. Я это совершенно искренне говорю» (62: 318). Вероятно, в этом стихотворении Толстого пленили не столько поэтические достоинства, сколько совпадения размышлений Полонского о природе Божественного с мыслями самого Толстого. Второй положительный отзыв Толстого относился к стихотворению «Детство», открывающему последний поэтический сборник Полонского

«Вечерний звон». За этот сборник Академия присудила поэту Пушкинскую премию. Экземпляр книги есть в личной библиотеке Толстого с дарственной надписью «Графу Льву Николаевичу Толстому. Я. Полонский» Получив в феврале 1891 г. книгу. Толстой написал автору: «Благодарю вас за книгу и за дружеское письмо, дорогой Яков Петрович. Я прочёл книгу, и больше всего — очень мне понравилось первое стихотворение “Детство”».

Встречались Толстой и Полонский редко, в 1881-1884 гг. было три личных встречи. Летом 1881 г. в Спасском у Тургенева беседа втроем затянулась до трёх часов пополуночи. В Спасском перед Полонским предстал «другой» Толстой: «Я никогда, в молодые годы, не видал его таким мягким, внимательным и добрым, и, что всего непостижимее, таким уступчивым... Так *опроститься*, как граф, можно не иначе, как много переживши, много передумавши. Я видел его как бы перерождённым, проникнутым иною верою, иною любовью» (Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 386-387), Весной 1884 г. Полонский дважды приходил к Толстому в Москве в Хамовники. Толстой записал тогда в дневнике: «Вот дитя бедное и старое, безнадёжное. Ему надо верить, что подбирать рифмы серьёзное дело. Как много таких» (49: 89). Больше они не встречались. Полонский резко отрицательно отнёсся к опубликованному за границей трактату Толстого «Царство Божие внутри вас» и в 1895 г. напечатал о нём критическую статью «Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л.Н. Толстого», выпустив её в следующем году отдельной брошюрой. Полонский собирался напечатать столь же резкую статью по поводу трактата Толстого «Что такое искусство?», но потом по совету друзей смягчил её.

Несмотря на все разногласия, особенно в вопросах веры, Полонский для Толстого оставался «одним из родственных по сердцу людей».

Лит.: Дробат Л.С. Из библиотеки Льва Толстого // *ЯП. сб.* 1998. – Тула, 1998.

Л. С. Дробат

ПОПОВ Евгений Иванович (1864 - 1938) — близкий друг Толстого, его последователь, посетитель, корреспондент и адресат. Педагог, переводчик. Один из тех «незаметных» помощников, с которыми Толстому было легко и просто, как с самим собой. Принимал активное участие в работе издательства «Посредник». Автор книги «Жизнь и

смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866-1894»; Толстой написал послесловие к этой книге.

399

Часто и подолгу жил в Ясной Поляне, сопровождал Толстого в его прогулках и поездках, переписывал сочинения писателя. помогал ему в переводах. Вместе с Толстым принимал участие в помощи голодающим, вместе с ним ходил пешком из Москвы в Ясную Поляну и оставил об этом путешествии воспоминания (Попов Е.И. Отрывочные воспоминания о Л.Н. Толстом // *Летописи*. Кн. 2).

Н И. Бурнашёва

ПОССЕ Владимир Александрович (1864-1940) — журналист, общественный деятель, редактор литературно-научных и политических журналов «Жизнь», «Жизнь для всех», «Библиотека рабочего», «Трудовой союз» в Петербурге. Автор статей о Толстом. Издавал собрание сочинений Толстого в 27 т. как приложение к журналу «Жизнь для всех».

Толстой был вторым властителем дум Поссе (после Ф.М. Достоевского), но здесь «не было преклонения», несмотря на глубокое восхищение им как писателем. Знаком с Толстым: с 1895 г. 8 октября 1900 г. вместе с М. Горьким он побывал в Ясной Поляне. Уже не в первый раз намеревался просить у Толстого для журнала драму «Живой труп» или др. сочинение. 9 октября Толстой записал в дневнике: «Было много посетителей <...> вчера Поссе и Горький. Эти менее приятны». Вернувшись домой, Поссе в письме Толстому изложил свою просьбу, на которую получил отказ: «...очень истинно сожалею, что пока не могу исполнить вашего желания» (72: 486). В письме дочери, М.Л. Оболенской, Толстой сообщал, что

«последние дни густо шёл литератор. <.. .> Поссе, редактор “Жизни”, потом Горький <...>. Это всё оттого, что прошёл слух, что я написал драму» (72: 487).

В 1902 г. в докладе «Граф Л.Н. Толстой я рабочий народ», прочитанном в Женеве и явившемся откликом на обращение Толстого к «рабочему народу», Поссе вступил в полемику с Толстым. Тогда же, 2 (?) июня 1902 г., в письме В.Г. Черткову Толстой высказал своё мнение о журнале «Жизнь»: «“Жизнь” же, к сожалению, совсем не удовлетворила меня. Не говоря о несерьёзности тона, главный недостаток – это нелепое, ничем не оправданное предрешиение хода человеческой жизни, должествующей будто бы неизбежно выразиться в социализме. Материала интересного там очень много. Я говорю о перечне стачек и политических наказаний и ссылок. Но в общем я не могу себе представить читателя этого журнала и того влияния, которое он может иметь». 20 февраля 1903 г. он записал в дневнике: «Не работается. Нет охот. Вчера получил статью Поссе об обращении “К рабочему народу”. Очень они огорчены. Явно они загнипнотизированы, верующие в теорию, не выдерживающую критики» (54: 157). Толстой прочёл эту статью с опровержением своих взглядов, с искажением их и нападками на его жизнь. Он считал, что на эту статью Поссе не стоит отвечать.

В начале 1909 г. Поссе просил Толстого написать для журнала «Жизнь для всех» в связи со столетием со дня рождения Н.В. Гоголя небольшую заметку. 5 марта 1909 г. Толстой ответил, что был бы рад, если бы удалось написать то, что он думает о Гоголе. «Боюсь только, — добавил Толстой, — что то, что думаю, и не юбилейно и нецензурно». Всё же Толстой 11 марта начал писать статью. 24 марта статья «О Гоголе» была напечатана, но не у Поссе, а в «Русском слове» (1909. № 68) под заглавием «Толстой о Гоголе».

25 февраля 1909 г. Толстой получил признание Поссе, что тогда «из противника его, читавшего рабочим лекции против него, сделался поклонником его» (ЯПЗ. 3. С. 341). В дневнике 24 июля Толстой записал, что «приехали Гинцбург и Поссе. Поссе — образец “интеллигенции”. Кажется, хороший, даже наверно». 8 декабря был «получен первый номер (декабрь 1909 г.) нового журнала Поссе “Жизнь для всех”, где появилось “Письмо польской женщины к Л.Н. Толстому” и “Ответ польской женщине” Л.Н. Толстого. Пропуски обозначены точками. Л.Н.: “Я боюсь, за эти точки его накажут, это возможно. Вот такая фраза” (и Л.Н. цитировал без пропусков)» (ЯПЗ. 4. С. 126).

13 января 1910 г, по свидетельству Маковицкого, когда разговор зашёл о Поссе, Толстой вспомнил, что «Поссе произвёл на него при последнем посещении хорошее впечатление».

20-24 февраля 1910 г. для журнала «Жизнь для всех» Толстой написал предисловие к статье П.А. Буланже «Жизнь и учение Сидарты Готамы,

прозванного Буддой», которое в его записях значилось как «письмо Поссе». Это сочинение вышло в 1910 г. (№ 3) под заглавием, данным редакцией: «Редактору журнала “Жизнь для всех” В. А. Поссе о значении ознакомления с основами религиозных учений». 16 марта 1910 г. был получен журнал «Жизнь для всех» со статьёй Буланже. Толстой «беспокоился, как бы редактор не поплатился за резкие суждения в предисловии о церкви. — Журнал тем и хорош, — говорил, однако, после Лев Николаевич, — что, как и говорил мне Поссе, он из печатаемых статей не выпускает ни одного слова» (*Булгаков*).

400

Поссе приезжал в Ясную Поляну и после смерти Толстого. 13 сентября 1911 г. он побывал у С.А. Толстой, беседа с ней дала ему материал для лекции «Любовь в произведениях и жизни Л.Н. Толстого» (вошло в его книгу «Мой жизненный путь»: гл. «Толстой»). В 1912 г. он написал некролог о М.Н. Толстой, сестре Толстого.

Соч.: Жизнь Л.Н. Толстого. СПб., 1913; Граф Л.Н. Толстой и рабочий народ. Женева, 1903; Толстой // *ТВС*. 2.

А.Н. Полосина

ПОХИТОНОВ Иван Павлович (1850 - 1923) — русский живописец-передвижник. Писал пейзажи, близкие по принципам барбизонской школе, отличающиеся тонкой техникой исполнения. Автор нескольких портретов Толстого и пейзажей Ясной Поляны.

Летом 1905 г. Похитонов гостил в Ясной Поляне. Незадолго до его приезда, 11 июня, Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике разговор Толстого с сыном: «Ожидается приезд в Ясную Поляну художника Похитонова. *Л.Н.*: “Знаешь, Илюша, кто Похитонов? Его у нас не знают. Тургенев рассказывал мне про него года 24 тому назад, что его картины удивили Париж и кто-то купил все. Самородный художник. На маленьком полотне пишет много и чисто. У него так, как у Трубецкого, самобытность не потеряна. <...> Крамской, Репин, Ге говорили, что школа самобытному художнику может очень вредить, нивелировать, а даёт мало» (*ЯПЗ*. 1. С. 310). 14 июня «после обеда приехал пейзажист Похитонов»; вечером «Л.Н. с Похитоновым говорили о казацких, донских степях, о “ковылях”. Об уральских казаках-старообрядцах» (*там же*. С. 313). 16 июня С.А. Толстая отметила в дневнике: «Прекрасно пишет Похитонов въезд в усадьбу» (*ДСАТ*. 2. С. 235). Художник прожил в Ясной Поляне три недели; рассказывал «об ужасах, совершаемых в Конго

бельгийцами», с Толстым «говорили о том, что делают американцы с неграми и китайцами» (там же. С. 317); «Л.Н. спрашивал Похитонова подробно о Бельгии, потом сам рассказывал», вспоминая о своём пребывании в Брюсселе в 1861 г. В этот день, 20 июня, Маковицкий отметил в дневнике: «Л.Н. с Похитоновым» (*ЯПЗ.* 1. С. 318). На следующий день художник рассказывал «об интеллигентных бельгийцах, что они фанатичные огородники и земледельцы». Тема очень близка Толстому, накануне он говорил по этому поводу: «Люди начинают дорожить житьём на земле, всё больше интеллигентов обрабатывают землю» (*ЯПЗ.* 1. С. 319).

25 июня Похитонов «показывал свои виды Ясной Поляны — маленькие, обработанные, характерные, очень рельефные, особенно полянка, аллеи, фасад дома. Вечером нарисовал Л.Н., играющим в шахматы, нос ему большой нарисовал» (*ЯПЗ.* 1. С. 322; большинство этих работ Похитонова неизвестны, находятся в частных коллекциях за рубежом). 30 июня «за чаем Л.Н. с Похитоновым долго беседовал» (там же. С. 328). Беседы продолжались и в последующие дни: о путях цивилизации, о том, что «человечество идёт назад», как считал художник. «Нет, наша цивилизация — одна из многих, она идёт к концу. Надо начинать с нового пути», — полагал Толстой (*ЯПЗ.* 1. С. 331). Говорили и о конституции; в конце июля Толстой вспоминал рассказ гостя: «Похитонов — очень милый человек, жил в Париже 20 лет — рассказывал: выборы в парламент стоят 100 тысяч франков, судьи подкупные» (там же. С. 356).

После отъезда Похитонова из Ясной Поляны 5 июля Маковицкий записал в дневнике: «Похитонов пробыл три недели в Ясной, написал шесть-семь картинок, которые всем понравились. Софье Андреевне подарил один пейзаж, довёл её до восхищения: изображение части леса, где зарыта зелёная палочка. Это место показал ему Л.Н. Похитонов — приятный, добряк. Л.Н. говорил, что он как настоящий художник, имея перед собою идеал, стремится всё к большему и большему совершенствованию своих работ» (*ЯПЗ.* 1. С. 333). Похитонов подарил С.А. Толстой этюд маслом «Ясная Поляна. Чепыж»: эта картина в настоящее время находится в музее-усадьбе «Ясная Поляна»; осталась у Толстых и картина «Место, где зарыта зелёная палочка», написанная тогда же в Ясной Поляне. Н.Н. Гусев отмечал, что Похитонову Толстой «рассказал про зелёную палочку», после чего художник «сделал зарисовки того места в лесу “Заказ”, где палочка эта будто была зарыта» (*Гусев. Материалы.* 1. С. 91).

У Толстых не раз вспоминали Похитонова. 13 октября Маковицкий записал в дневнике: «За обедом Л.Н. рассказывал Татьяне Львовне о Похитонове, что он умеет видеть и рассказывать; что он приятный, добросовестный человек; наружностью, походкой на медведя похож. —

“Живописцы бывают приятные люди <...>. Жаль, что ты его не застала. Мне о нём рассказывал Тургенев”. Смотрели его картины и хвалили (между прочим, “Столбы”; видно, что солнечный, ясный день)» (ЯПЗ. 1. С. 426).

401

В Ясной Поляне Похитонов сделал и несколько портретов Толстого (ныне находятся в ГМТ, Ясной Поляне, в частных собраниях в России и за рубежом).

В 1911 г. С.А. Толстая посетила выставку картин И.П. Похитонова в Москве и в дневнике записала: «Смотрела Похитонова выставку, где дом, сад, въезд в Ясной Поляне и очень плохие портреты Льва Николаевича».

А.А. Алена

ПРАСКОВЬЯ ИСАЕВНА («Прасковья Исаишна», «Прасковья Исавшна», «Прасковья Савишна», «Прасковья Исавна»; фамилия и дата рождения неизвестны; ум. в феврале 1839 г. в Ясной Поляне) — экономка в Ясной Поляне; часто упоминается в детской переписке мальчиков Толстых из Москвы в Ясную Поляну в 1838 г.: братья спрашивали об её здоровье, благодарили за «посылочки», передавали ей поклоны. Она послужила прототипом Натальи Савишны в повести «Детство». Лучше всех о ней написал сам Толстой в «Воспоминаниях»: «Прасковью Исаевну я довольно верно описал в “Детстве”. Всё, что я об ней писал, было действительно. Не знаю, почему это так было устроено, — дом был большой, 42 комнаты. Прасковья Исаевна была почтенная особа — экономка, а между тем у неё, в её маленькой комнатке, стояло наше детское суднышко <детский горшочек. — Н.Б.>. Помню, одно из самых приятных впечатлений было после урока или в середине урока сесть в её комнатке и разговаривать с ней и слушать. Вероятно, она любила видеть нас в эти времена особенной счастливой и умиленной откровенности. “Прасковья Исаевна, а дедушка как воевал? Верхом?” — кряхтя спросишь её, чтобы только поговорить и послушать.

— Он всячески воевал, и на коне и пеший. Зато генерал-аншеф был, — ответит она и, открывая шкаф, достаёт смолку, которую она называла очаковским куреньем. По её словам выходило, что эту смолку дедушка привёз из-под Очакова. Зажжёт бумажку об лампадку у икон и зажжёт смолку, и она дымит приятным запахом.

Кроме той обиды, которую она мне нанесла, побив меня мокрой скатертью, как я описал это в «Детстве», она ещё другой раз обидела

меня. В числе её обязанностей было ещё и то, чтобы, когда это нужно было, ставить нам клистиры. Раз утром, уже не в женской половине, а внизу, на половине Фёдора Ивановича, мы только что встали, и старшие братья уже оделись, а я замешкался и только что собирался снимать свой халатик и одеваться, как быстрыми старушечьими шагами вошла Прасковья Исаевна с своими инструментами. Инструменты состояли из трубки, завёрнутой почему-то в салфетку так, что только желтоватая костяная трубочка виднелась из неё, и из блюдечка с деревянным маслом, в которое обмакивалась костяная трубочка. Увидев меня, Прасковья Исаевна решила, что тот, над кем тётенька велела сделать операцию, был я. В сущности, это был Митенька, но случайно или из хитрости, зная, что ему угрожает операция, которую мы все очень не любили, он поспешно оделся и ушёл из спальни. И, несмотря на мои клятвенные уверения, что не мне назначена операция, она исполнила её надо мной.

Кроме той преданности и честности её, я особенно любил её потому, что она казалась мне представительницей таинственной старины жизни дедушки с Очаковым и курением» (гл. VIII).

Отчество Натальи Савишны в повести «Детство» — тоже от «Прасковьи Исаишны» или «Прасковьи Савишны», как называли её в Ясной Поляне.

Н.К. Бурнашёва

ПРЕВО Эжен Марсель (1862-1941) — французский романист, начинавший с подражания Э. Золя, впоследствии провозгласивший права «романического романа», свободного от научных идей и социальных вопросов. В своих романах часто обращался к изображению психологии бездельничающих, живущих чувством и чувственностью дам и девушек буржуазного круга.

Толстой был знаком с творчеством Прево, читал его романы как по-французски, так и в русских переводах. Но суждение о Марселе Прево встречается в произведениях Толстого лишь однажды. В IX части трактата «Что такое искусство?» он ставит его в один ряд с Боккаччо и видит в нём писателя, которого занимает прежде всего чувственность. Толстой же считал, что искусство должно быть нравственным. «И действительно, из этих трёх чувств чувственность, как самое низкое чувство, доступное не только всем людям, но и всем животным, составляет главный предмет всех произведений искусства нового времени. От Боккаччо до Марселя Прево все романы, поэмы, стихотворения передают непременно чувства половой любви в разных её видах. Прелюбодеяние есть не только любимая, но и единственная тема всех романов. Спектакль не спектакль, если в нём под каким-нибудь

предлогом не появляются оголённые сверху или снизу женщины. Романсы, песни - это всё выражение похоти в разных степенях опоэтизирова-

402

ния» (30: 88). В дневнике В.Ф. Лазурского 10 июля 1894 г. есть запись: «За обедом Лев Николаевич обратился ко мне. “А я получил от вашей знакомой, Фоминой, письмо. Она прислала мне книжку Марсея Прево. Пишет, что перевела уже около половины; думает, что роман этот будет иметь нравственное значение; просит меня написать к нему предисловие; говорит, что она хочет издать его для дохода, пока муж пишет диссертацию. Я прочёл роман: грязный и безнравственный. Хочу в письме к ней дать понять как-нибудь в вежливой форме, что она дура”. В продолжение обеда он несколько раз обращался ко мне с вопросами относительно Фоминой; говорит, что он целый день думает о письме к ней» (ТВС. 2. С. 67). Речь здесь идёт о письме 27 июня 1894 г., в котором Н.Д. Фомина сообщала, что посылает Толстому роман Прево «Les demi-vierges» <«Полудевы»>, и, объясняя свой выбор, писала: «Он затрагивает насущный вопрос — воспитание женщины». На следующий день после разговора с Лазурским Толстой отправил Фоминой письмо: «Надежда Дмитриевна, очень сожалею, что то, что я имею сказать о присланном вами мне романе, не может служить ему предисловием. В романе этом автор притворяется, что сочувствует нравственному и хочет обличать безнравственное, но как нельзя утаить в мешке шила, так нельзя в художественном произведении скрыть того, что составляет предмет любви автора, и в этом романе видно, что автор любит только самое гадкое, безнравственное, и потому роман этот не только не может принести никому никакой пользы, но может быть только вреден, как всякое порнографическое сочинение. Советую вам бросить этот перевод...» Роман Прево под названием «Полудевы» был издан по-русски в 1898 г. в нескольких переводах.

Толстой ставил Прево в один ряд с Э. Золя. А.А. Берс вспоминал: «В Ясной Поляне побывал и Бурже. Мне рассказывали, что в беседе с ним Толстой высказал своё неодобрение по поводу скабрёзной распущенности Золя, Прево и других авторов. Вот его слова, сказанные Бурже: *Il y a des choses dont on ne parle pas* <Есть вещи, о которых не говорят. - фр.>» (Берс А. Отрывки воспоминаний о Л.Н. Толстом // Толстой и о Толстом: новые материалы. М., 1925. Сб. 2. С. 127).

Однако, согласно свидетельству Е.И. Раевской, к другому роману Прево «Исповедь идеалиста», напечатанному по-русски в «Книжках Недели» (1891, август-сентябрь), Толстой относился несколько иначе. «“Неделю” я люблю; в ней печатают переводы всего выдающегося из

иностранной литературы. Тут была “Исповедь идеалиста”. Читали её?» (Раевская Е.И. Лев Николаевич Толстой среди голодающих // *Летописи*. Кн. 1. С. 376).

Ю.Ю. Поринец

ПРУГАВИН Александр Степанович (1850-1920) – публицист, этнограф, исследователь сектантства. В молодости был причастен к революционному движению, отбывал ссылку в Архангельской губ., где познакомился с жизнью старообрядцев, посещал их скиты и, заинтересовавшись ими, начал заниматься исследованиями, которым затем посвятил всю свою жизнь. С 1880-х гг. стали выходить его статьи и книги о старинном и современном сектантстве (в т.ч. о сектах Сютаева, о пашковцах, о хлыстах и др.), а также о местах заключения, в которых часто содержались сектанты и раскольники. Работы объединяла общая мысль, что преследования и насилие лишь разжигают религиозные искания народа и угнетают лучшую и наиболее духовно цельную его часть, не подверженную к тому же вредным привычкам. Очерки Пругавина, как правило, вызывали у читателей симпатию к раскольникам и потому часто запрещались цензурой.

В 1887 г. в Москве Пругавин издал уникальную библиографию «Раскол-сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа», где собрал 2654 названия книг и статей на эту тему. Этот указатель не утратил своего научного значения до сего дня.

В 1881 г. Пругавин познакомился с Толстым и проявил интерес к его духовным исканиям. Толстого тоже привлекли работы Пругавина и его многочисленные знакомства в среде сектантов. Через Пругавина он смог познакомиться с интересным для него сектантом Сютаевым, посетить деревню молокан и т.п. Многие годы они состояли в эпизодической переписке и время от времени встречались (о чём Толстой упоминал в дневнике).

В 1899 г. Пругавин был секретарём земской управы Самарской губ. и в этом качестве участвовал в помощи голодающим в 1898-1899 гг. Через столичную прессу он знакомил общество с тем, что творилось в Самарской губ., где администрация, всячески скрывавшая истинные размеры бедствия, препятствовала работе общественной организации, не разрешая публиковать воззвания о пожертвованиях и организовывать помощь по деревням.

В начале 1899 г. самарские молокане были у Толстого, познакомили его с поло-

жением дел, и писатель выразил желание прийти на помощь теми средствами, которые находились в его распоряжении. Узнав об этом, 19 февраля 1899 г. Пругавин отправил Толстому пространное письмо, в котором писал, какие именно уезды пострадали от недорода, о невозможности для крестьян заработков, о нужде в одежде, обуви, топливе, о болезнях, вызванных голодом, а также о необходимости для помощи голодающим не только средств, но и добровольцев.

23 февраля Толстой телеграммой спросил у Пругавина разрешение опубликовать это письмо и, получив согласие, 4 марта 1899 г. напечатал его вместе со своим комментарием в «Русских ведомостях». В ответ на публикацию и призыв Толстого приток пожертвований в Самарскую губ. усилился и деятельность общественных организаций была значительно расширена.

В мае-июне 1899 г. Толстой продолжал переписываться с Пругавиным по вопросам помощи голодающим, переправлял ему присылавшиеся деньги и т.п.

Пругавин оставил несколько статей и брошюр с воспоминаниями о своих встречах и переписке с Толстым, о совместной работе на голоде, о мировоззрении и высказываниях Толстого и о толстовцах, которыми интересовался как всяким отклонением от официальной религиозности. В книге Пругавина «О Льве Толстом и о толстовцах» (М., 1911) помещены его воспоминания о Толстом и переписка с писателем.

В.М. Бокова

ПРУДОН Пьер Жозеф (1809-1865) — французский философ, социолог, экономист, теоретик анархизма. Один из тех мыслителей, чьи социальные воззрения оказались на долгое время в фокусе внимания Толстого. Прудон — основоположник теории анархизма, убеждённый противник коммунизма («абсурдной идеологии», «сообщества зла и тирании»), считавший возможным без революционного насилия организовать такой обмен продуктами труда между членами общества, при котором достигалась бы реальная независимость личности и постепенное отмирание государства.

Запись в дневнике Толстого 1857 г., сделанная во время чтения трудов Прудона, показывает, что к этому времени его представления о наилучшей форме совместного бытия людей и отношение к воззрениям французского мыслителя во многом сложились. «Все правительства, — записал Толстой, — равны по мере зла и добра. Лучший идеал — анархия. Читая логического, матерьяльного Прудона, мне ясны были его ошибки, как и ему ошибки идеалистов» (47: 208).

Интерес к социальным взглядам Прудона побудил Толстого к личной встрече с ним. Встреча состоялась в Брюсселе весной 1861 г., во время второго заграничного путешествия Толстого. Он намеревался посетить Прудона с рекомендательным письмом от А.И. Герцена. Письмо было написано, но Толстой «не успел зайти» за ним (60: 370). В беседе Толстого с Прудоном были затронуты вопросы о социальной ситуации в России, отмене крепостного права, состоянии и перспективах народного образования. Перед отъездом из Брюсселя Толстой приобрёл сочинения Прудона. Свои впечатления от этого разговора писатель изложил в статье «О значении народного образования».

«В прошлом году, — писал он, — мне случилось говорить с г-ном Прудоном о России. Он писал тогда своё сочинение “о праве войны”. Я ему рассказывал про Россию, про освобождение крестьян и про то, что в высшем классе заметно такое сильное стремление к образованию народа, что стремление это выражается иногда комично и переходит в моду. — Неужели это в самом деле правда? — сказал он мне. Я отвечал, что, насколько можно судить издали, в русском обществе проявилось теперь сознание того, что без образования народа никакое государственное устройство не может быть прочно. Прудон вскочил и прошёлся по комнате. — Ежели это правда, — сказал он мне как будто с завистью, — вам, русским, принадлежит будущность. — Я привожу этот разговор с Прудоном, потому что это в моём опыте был единственный человек, который понимал значение народного образования и книгопечатания в наше время» (8: 405). Упомянутое Толстым во вступительной части статьи сочинение «о праве войны» — это книга Прудона «La Guerre et la Paix» («Война и мир»), увидевшая свет в 1861 г. Не исключено, что Прудон поделился с Толстым своими мыслями, излагаемыми в этой книге.

Прудон «очень понравился» Толстому, о чём впоследствии, в 1904 г., он сообщил П.И. Бирюкову, работавшему над составлением первого тома «Биографии Л.Н. Толстого». По мнению Бирюкова,

404

внимательно следившего за ходом духовной работы писателя, воззрения Прудона, «вероятно», имели «влияние на выработку его миросозерцания». «Как-то в разговоре, — пишет он в «Биографии», — Лев Николаевич сказал мне, что Прудон оставил в нём впечатление сильного человека, у которого есть “le courage de son opinion” <“смелость своего мнения”. — фр.> — Известный афоризм Прудона — “la propriete c’est le vol” <“собственность это кража”. — фр.>, — не без оснований считал биограф, — может быть поставлен эпиграфом любого

экономического этюда Толстого» (Бирюков. I. С. 226). Оснований так считать у Бирюкова было достаточно: ещё в 1865 г. Толстой записал в своём дневнике: «“La propriété c’est le vol” <“собственность есть кража”. – *фр.*> останется больше истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. — Это истина абсолютная...» (48: 85). В этом убеждает и чтение философских и публицистических произведений Толстого «Так что же нам делать?», «Царство Божие внутри вас», «Рабство нашего времени», «Великий грех», «О значении русской революции» и др. О том, насколько эта мысль Прудона стала близкой Толстому, говорит и следующий факт: комментируя в трактате «Соединение и перевод четырёх Евангелий» слова Иисуса «Блаженны вы, нищие, бродяги, потому что ваше царство Божие, и несчастны вы, богатые, потому что вы дорожите наградой плотской», Толстой учитывал открытие Прудона, отмечая, что «не Христос, а Прудон» сказал: «богатство, собственность есть источник зла, есть жестокость» (24: 401-402).

Высказывания Прудона о власти, правительстве, гос. законах Толстой использовал в своих сборниках «На каждый день», «Путь жизни». Проявлял он интерес и к взглядам Прудона на религию. В декабре 1877 г. Н.Н. Страхов сообщал Толстому о посылке ему книг «о религии» (М. Мюллера, Э. Ренана, Д. Штрауса), а также сочинений Прудона. В ответном письме Толстой делился со Страховым тем, что «весь ушёл» в полученные от него книги Штрауса, Ренана, Прудона. Чтение Прудона привело к мысли, что французский философ неверно, слишком узко, понимает религию. Об этом Толстой писал молодому автору Феликсу Шрёдеру, издавшему в Париже своё исследование «Le Tolstoïsme» («Толстовство») и просившему писателя высказать мнение об этом труде. «Все, кто был воспитан в принципах католицизма, — замечал Толстой в письме, — будь то учёные, умные, образованные, мыслители, философы, как Прудон, Ренан и другие, никогда не могут отделаться от иллюзии, что католическая церковь — синоним христианства и что всякое другое понимание христианства — произвольная выдумка, не имеющая прямого отношения к истинной религии» (66: 336). Вместе с тем некоторые мысли Прудона о религии казались Толстому заслуживающими внимания. Так, в марте 1901 г., работая над статьёй «Что такое религия и в чём сущность её?», он занёс в записную книжку высказывание Прудона о существе религии: «Религия есть почитание человечества, самим собою идеализированного и самому себе поклоняющегося» (54: 239; *запись по-франц.*).

Толстой, как и Прудон, — приверженец анархизма. Но это отнюдь не означает совпадения их социально-философских и экономических воззрений на перспективы совместного бытия людей. Высшим законом для людей, живущих в обществе, по мнению Прудона, должен стать

закон справедливости. Опора на этот закон, являющийся мерой всех человеческих деяний, может позволить людям вступать в различного рода отношения друг с другом на основании «взаимного договора», единственной действенной правовой нормы для свободно живущих людей. Прудон, признающий лишь право договаривающихся сторон, отрицал государство как орган власти, насильственно управляющий многообразными взаимоотношениями людей и тем самым попирающий их исконную свободу. Прудон считал, что в обществе, в котором главенствует справедливость и люди выстраивают свою жизнь, руководствуясь «взаимным договором», не будет собственности, она уступит место распределению богатств. Он был убеждён, что истины справедливого устройства совместного бытия людей со временем станут достоянием многих и это определит, в итоге, падение института государства и переход к новой (анархической) форме социальной жизни.

У анархических воззрений Толстого — иной идейный фундамент. Единственным достойным человека основанием совместной жизни он объявлял любовь, отрицающую отчуждение людей друг от друга и искореняющую зло в их жизни. Из этого непреложного закона любви выводилось и незыблемое правило поведения человека в обществе — непотворение злу насилем. «Главное зло государственного устройства» Толстой видел в «уничтожении любви и возбуждении разъединения между людьми» (45: 264). Существование всякого государства, доказывал Толстой, опирается на силу, на вооружённых людей, готовых в любой

405

момент заставить подданных подчиниться воле правительства, и поэтому государство — антипод любви. Толстой нисколько не сомневался в том, что «государство» учреждение временное и должно исчезнуть» (45: 267). Не признавая законности принудительной власти и насилия, разрушающих добровольные взаимоотношения и объединения людей, он был убеждён, что закон любви, открытый в христианстве, преобразит социальную действительность и освободит человечество от гнёта гос. власти.

Хотя понимание перспектив общественного устройства Толстого и Прудона существенно различалось, это не мешало Толстому высоко оценивать анархические идеи, развитые в трудах французского мыслителя. В 1906 г. Толстой, читавший в то время книгу П. Эльцбахера «Сущность анархизма. Изложение теорий Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Л. Толстого» (СПб., 1906), в разговоре с В.Г. Чертковым обозначил своё отношение к трудам анархистов,

появившимся в России на рубеже XIX—XX вв. «Градация такая: первый — Годвин, потом Прудон, Бакунин, потом Штирнер (Штирнер силён, но уже средний), потом Кропоткин, потом Тукер» (*ЯПЗ.* 3. С. 158). В библиотеке Ясной Поляны хранится книга П. Эльцбахера с пометами Толстого.

М.А. Лукацкий

ПРЯНИШНИКОВ Илларион Михайлович (1840-1894) — художник-передвижник. Преподавал в московском Училище живописи, ваяния и зодчества; в 1880-е гг. у него училась старшая дочь Толстого Татьяна Львовна. Бывая в Училище, Толстой не раз беседовал с художником. «Горячие споры» с ним, начинавшиеся в классе, кончались «обыкновенно уже на квартире Перова за чайным столом» (*Гусев. Материалы.* 4. С. 83). Иногда заходил писатель и к Прянишникову: 15 апреля 1884 г. «с Пряничниковым <так Толстой писал фамилию художника. — Н.Б.> хорошо беседовал», хотя «сказал ему неприятную правду» (дневник; 49: 82).

Толстой познакомился с Прянишниковым в 1872 г. В 1880-1890-е гг. художник бывал в московском доме Толстых в Хамовниках. Писатель относил его к «приятным людям» (*ЯПЗ.* 1. С. 426), был знаком с его произведениями, порой ссылаясь на его мнение: как вспоминал И.М. Ивакин, в Ясной Поляне как-то говорили о портретах и «Лев Николаевич высказал мысль, что всякий человек, рисуя с оригинала, до известной степени рисует себя. Это говорит и Прянишников и другие» (*ТВС.* 1. С. 338-339). Близко Толстому было и отношение художника к некоторым сочинениям Шекспира.

Как рассказывал художник П.И. Нерадовский, Толстой считал, «что только проявление искреннего чувства в искусстве дорого», «нужно, чтобы ясно было видно отношение художника к тому, что он изображает. Для пояснения своей мысли Лев Николаевич назвал картину Прянишникова “Крестный ход в селе”. “Вспомните мужика на первом плане. Он тычется лицом в икону, которую ему подставляет баба. Там ясно выражено отрицательное отношение художника к религиозному обряду”» (*Толстой и художники.* С. 258). Наверное, не раз Толстой наблюдал подобное отношение художника к церковным «обрядам». Однажды Прянишников пришёл в московский дом писателя вместе с Л.Е. Оболенским. Толстой в разговоре вспомнил, позднее писал Оболенский, как художник «превосходно рассказывает о некоем “Пьере”, явившемся в первый раз причащаться. “Вы не слышали этого анекдота?” — спросил он у меня, и когда я ответил, что не слышал, он упросил Прянишникова рассказать ещё раз об этом Пьере.

Действительно, Прянишников рассказывал превосходно, передразнивая шепелявую речь светского франтика, в первый раз попавшего в Божий храм и делающего беспрестанно бестактные и смешные вопросы и замечания. “И, право, это не карикатура! — сказал уже серьёзно Толстой. — У большинства этих шалопаев их религиозность не далеко ушла от этой!”» (ТВС. 1. С. 359).

Не будучи батальным живописцем, Прянишников в 1872 г. вместе с В.Е. Маковским создал серию небольших картин (масло по картону) на тему обороны Севастополя, но в основном он писал жанровые картины, отражающие быт и нравы его современников: купцов, крестьян, чиновников («Шутники», 1865; «Калики перехожие», 1870; «Порожняки», 1872 и др.).

Одним из наиболее известных произведений Прянишникова стала картина «Эпизод из войны 1812 года» (1874). Художник написал несколько её вариантов, и, конечно, не без влияния книги Толстого «Война и мир», вышедшей в 1869 г.; фактически это произведение стало одной из самых замечательных иллюстраций к великому сочинению Толстого, который наверняка был знаком с полотном художника.

Дружеские отношения с Прянишниковым писатель поддерживал до последних дней его жизни: в январе 1894 г. он навещал его во время болезни.

Н.И. Бурнашёва

406

ПУАРЕ Яков Викторович (1826-1877) — француз, учитель гимнастики и фехтовального искусства, владелец гимнастического заведения в Москве, в 1851 г. помещавшегося «против Сундуновских бань в доме кн. Касаткина». Толстой, по природе очень спортивный, сильный, ловкий, любил разного рода физические упражнения и в 1850 — 1851 гг., живя в Москве, почти ежедневно, нередко два раза в день (часто учитель являлся на дом к ученику), брал у Пуаре уроки гимнастики и фехтования, придавая этим занятиям большое значение: для него это было важно как один из способов самосовершенствования; он даже составил для себя правила и таблицы гимнастических упражнений (см. Юб.: 46: 273-276).

Н.И. Бурнашёва

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799-1837) — поэт, писатель. В год трагической гибели Пушкина Толстому было девять лет. В этом же 1837 г. умер его отец Н.И. Толстой, человек пушкинского поколения,

почитатель пушкинского гения. Спустя много лет в 1903 г. Толстой вспоминал о нём: «Помню, как он раз заставил меня прочесть ему полюбившиеся мне и выученные мною наизусть стихи Пушкина: “К морю”; “Прощай свободная стихия...” и “Наполеон”: “Чудесный жребий совершился: угас великий человек... и т.д. Его поразил, очевидно, тот пафос, с которым я произносил эти стихи <...>. Я понял, что он что-то хорошее видит в этом моём чтении, и был очень счастлив этим» (*Воспоминания*. Гл. III). 75-летний Толстой в кругу семьи читал наизусть поэму Пушкина «Цыганы». Не любивший стихов, он помнил многие пушкинские строки, быть может, потому, что, как он считал, «в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам». Толстой признавался, что он «с величайшей силой» испытал то, о чём говорит Пушкин в своём стихотворении «Воспоминание»:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Эти стихи Толстой хотел поставить эпиграфом к своим «Воспоминаниям».

Толстой был вдумчивым читателем Пушкина, его лирики, романа «Евгений Онегин», драматических произведений, прозы и писем. Это чтение сказалось в его творчестве. И хотя творческое наследие Пушкина и Толстого — две эпохи в истории России, два огромных художественных мира со своими героями, философией, поэтикой, всё же — это два пересекающиеся мира. Многие замыслы, темы, сюжеты произведений Толстого берут своё начало у Пушкина. В кругу возможных сопоставлений оказываются «Евгений Онегин» и «Война и мир», «Рославлёв» и «Война и мир», «Выстрел» и «Два гусара», «Цыганы» и «Казаки», «Арап Петра Великого» и задуманный Толстым роман из Петровской эпохи, «Капитанская дочка» и «Хаджи-Мурат», в черновой редакции которого Толстой упоминал этот роман Пушкина, «Кавказский пленник» Пушкина и «Кавказский пленник» Толстого. Есть своеобразная писательская смелость в том, чтобы назвать свой рассказ так, как назвал Пушкин романтическую поэму, которая принесла ему славу первого русского романтического поэта и стала предметом многочисленных подражаний. Толстой по-своему представил пушкинский сюжет, исключил любовную интригу: его героя спасает из плена не влюблённая в него дева гор, а девочка, для которой русский пленник мастерил игрушки. При этом реалистические подробности в описании быта горцев, в изображении тягот существования русских пленников сочетаются у Толстого с высокой поэзией утверждения

человечности в отношениях между враждующими народами. Название романа «Война и мир», возможно, было подсказано Толстому трагедией «Борис Годунов», монологом летописца Пимена:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...

Что же касается «Анны Карениной», то этот роман непосредственно восходит к Пушкину. Сам Толстой признавал это литературное родство: «И там есть отрывок “Гости съезжались на дачу”. Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман...» (письмо Н.Н. Страхову 25 марта 1873 г.).

В героине толстовского романа Анне Карениной угадывается Зинаида Вольская, героиня пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу», искренняя в своих чувствах, пренебрегающая светскими условностями. Не только Анна Каренина, но и другие герои Толстого имеют своих литературных предков у Пушкина: не слу-

407

чайно Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине, произнесённой по случаю открытия памятника поэту в Москве в 1880 г., говоря о прекрасных образах русских женщин, рядом с Татьяной Лариной назвал Наташу Ростову.

Мастерство Толстого уходит корнями в поэтику Пушкина. Конечно, здесь можно и нужно говорить о художественном своеобразии двух гениев, в творчестве которых искусство портрета, пейзажа, диалога, повествования неповторимы. И в то же время многие художественные открытия Пушкина получают дальнейшее развитие в творчестве Толстого. «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? — писал он в апреле 1873 г. П.Д. Голохвастову. — Сделайте мне дружбу — прочтите с начала все повести Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение.

Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта

гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается» (62: 22). Толстого восхищало умение Пушкина сразу ввести читателя «в интерес самого действия», отказавшись от описания действующих лиц, места действия, «прямо приступить к делу». Таким образом следуя за Пушкиным, Толстой начинает «Войну и мир». Удивительное умение создавать у читателя иллюзию объёмного реального мира, передавать само ощущение движения в пространстве и времени — эта особенность поэтики Толстого восходит к Пушкину. Когда мы читаем «Капитанскую дочку», мы вместе с Петрушей Гринёвым въезжаем в Белогорскую крепость: сначала видим заснеженную деревушку, потом приближающиеся избы и наконец старую пушку крепости. Когда мы читаем «Пиковую даму», то видим стремительное движение Германна по анфиладе комнат в особняке старой графини, видим, как карета едет по петербургским улицам. «Кто это с нами встретился?» - спрашивает графиня, и мы понимаем, что мимо проехал экипаж. «Как зовут этот мост?» — карета едет по мосту. «Что там написано на вывеске?» — карета едет мимо магазинов и мастерских. С помощью такого простого приёма — отражения в репликах графини реалий городского пейзажа, мелькающих за окнами её кареты, — Пушкин не только рассказывает, он показывает нам само движение кареты по Петербургу. Зерно пушкинского открытия «прорастает» в творчестве Толстого. Для того чтобы в этом убедиться, нужно открыть книги Толстого. Вспомним хотя бы «Анну Каренину», сцену, где Анна едет к Долли. Толстой передаёт мятущиеся чувства своей героини, её напряжённый внутренний монолог, и вместе с тем не забывает о том, что она едет в карете, не забывает показать нам сменяющиеся перед её глазами картинки городского пейзажа: мелькают булочные, бани, гимназисты с мороженым.

Не только темы, сюжеты, герои, мастерство сближают двух гениев. Их роднит художественный пафос творчества. «Да здравствуют русские! Да здравствуют австрийцы! И да здравствует весь мир!» — эти слова, которыми в романе «Война и мир» русский офицер Николай Ростов приветствует австрийского крестьянина, можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Толстого, утверждающего единение, общение людей и отвергающего их разобщение. Но эта же мысль занимала Пушкина и его друзей, великого польского поэта Мицкевича. В послании к польскому другу Пушкин вспоминал его слова, которым внимали его русские товарищи:

Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,

В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта.

О чём бы ни писали Пушкин и Толстой — о семейном частном быте, исторических деяниях народа, о жизни родной природы, — их творчество всегда освещено высоким нравственным идеалом, высокой нравственной целью. Казалось бы, Наполеон — только исторический деятель. Но у Пушкина наполеоновская тема изменяется от проклятий тирану в оде «Вольность»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу... —

до исторической его оценки в стихотворении «Наполеон»:

Хвала!..
Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал —

и затем до нравственного осуждения в иронических строках романа «Евгений Онегин»:

408

Мы все глядим в Наполеоны.
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.

Нравственное осуждение и развенчание наполеонизма и в повести Пушкина «Пиковая дама», в истории безвестного армейского офицера Германна с профилем Наполеона и душой Мефистофеля, который с поистине наполеоновской энергией идёт к достижению своей эгоистической цели. Для зрелого Пушкина Наполеон — сложнейшая историческая, социальная, психологическая и нравственная проблема, «Люди верят только славе, — писал он в «Путешествии в Арзрум», — и не понимают что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствующий ни одною егерскою ротой...» И для Толстого Наполеон не только исторический деятель. Он ещё и нравственное мерило людей. Не случайно в предварительных характеристиках героев «Войны и мира» Толстой отмечал их отношение к Наполеону, Для

Толстого поражение Наполеона в Отечественной войне 1812 года имело большое нравственное значение. Отрицание зла, утверждение добра — в этом видели и Пушкин, и Толстой своё высокое назначение.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой
пробуждал, —

это пушкинский итог, его стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Толстой за пять лет до кончины написал статью «Зелёная палочка», где говорил о своей вере в добро, с которой он прошёл через всю жизнь, вере в то, что добро осуществимо.

О том, что Толстой — преемник Пушкина, писали современники Толстого — писатели и критики И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.Н. Страхов, А.А. Григорьев, А.В. Дружинин. Иллюстратор Толстого художник Л.О. Пастернак пронизательно заметил: «Умер Пушкин, родился Толстой, словно пришёл на смену ему. При всей несхожести — прямой его духовный наследник» (Пастернак Л.О. Записи разных лет М., 1975. С. 371).

Толстого соединяют с Пушкиным не только творческие, но и биографические связи. В 1704 г. пращур Толстого, посол в Турции П.А. Толстой, привёз из Константинополя в Россию трёх арапчат, один из которых стал предком Пушкина по материнской линии Абрамом Ганнибалом, крестиком, а затем сподвижником Петра I. По родству (по материнской линии) Толстой приходился Пушкину четвероюродным племянником. Среди знакомых Толстого было много тех, кто знал Пушкина, был близок к нему. 3 июля 1910 г. А. Б. Гольденвейзер записал в своём дневнике: «За чаем Л.Н. сказал мне: "Я стал читать письма Пушкина. Мне это очень интересно. Многих, о ком говорится и кому он писал, я хорошо знал, например, Вяземского. Назовите ещё кого-нибудь", — сказал он. Я спросил про Плетнёва. — "Как же, я его хорошо помню. Он ко мне был очень ласков"». Толстой был знаком не только с близкими друзьями Пушкина — поэтом и критиком П.А. Вяземским (в его петербургский гостиный 25 февраля 1856 г. он читал ещё не опубликованный рассказ «Метель») и издателем романа «Евгений Онегин» поэтом П.А. Плетнёвым (с ним Толстой познакомился в Париже весной 1857 г., состоял затем с ним в переписке). Он встречался с декабристом С.Г. Волконским, вернувшимся из сибирской ссылки, был знаком с А.Ф. Закревской — адресатом пушкинских стихотворений, О Пушкине Толстой говорил с дочерьми Н.М. Карамзина, с А.О. Смирновой-Россет, Д.Н. Блудовым, М.П. Погодиным. Примечательно, как близко знавший Пушкина историк Погодин воспринял роман «Война и мир»: «Ах — нет Пушкина. Как бы он был весел, как бы он был

счастлив и как бы стал потирать себе руки. — Целую вас за него и за всех наших стариков» (61: 196). Ф.Д. Толстой-Американец, с которым некогда Пушкин хотел драться на дуэли, а потом после возвращения из ссылки помирился и просил быть его сватом, просить для него руки Н.Н. Гончаровой, приходился Толстому двоюродным дядей. В Туле Толстой познакомился с Марией Александровной Гартунг, старшей дочерью поэта. Её облик подсказал Толстому портретные черты Анны Карениной.

Встречи Толстого с людьми, знавшими Пушкина, помогли ему не только глубже осмыслить его творчество — они приближали к Толстому внутренний мир поэта, раскрывали перед ним обаяние его личности. По Толстому, красота человека — это красота его души, красота его чувств и мыслей. Поэтому так значительно высказанное с особым чувством замечание Толстого, пристально вглядывавшегося в портрет Пушкина: «Экое прекрасное лицо!» (запись А.Б. Гольденвейзера).

Толстой предполагал сделать Пушкина одним из героев своего романа о декабристах (роману не суждено было завершиться). На страницах записных книжек, сохранивших наброски будущей романа, конспекты событий, перечень действующ-

409

щих лиц (имя Пушкина — среди 245 имён), есть такие записи: «*Пушкин* кончает курс в лицее. Первые стихи». «*Карамзин* знает Пушкина и принимает в нём участие». «Пушкин на юге России у Воронцова — в Одессе». «Пушкин до 24 года в Бессарабии» (17: 446, 458, 462). Толстой был внимательным читателем трудов биографа Пушкина П.В. Анненкова, переписывался с ним. И это чтение, это общение, как и встречи Толстого со многими современниками Пушкина, его друзьями, должны были помочь Толстому в его работе над рассказом о Пушкине в его романе.

В дневниках, письмах, воспоминаниях Толстого, в его произведениях, в дневниках близких к Толстому людей, в воспоминаниях его современников рассыпаны многочисленные высказывания Толстого о Пушкине, где писатель осмыслял творческий и человеческий опыт своего великого предшественника. В разные годы он судил о нём по-разному, и, как может показаться на первый взгляд, иногда суждения Толстого носили негативный характер. Так, Толстой замечал, что «повести Пушкина голы как-то». Но в той же дневниковой записи 31 октября 1853 г. признавал, что «теперь уже проза Пушкина стара — не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий». В данном случае Толстой чутко фиксировал изменения в развитии русской прозы,

которая от пушкинской точности и краткости, от пушкинского изображения психологии героя через его действие перешла к изображению самой психологии героя, его внутреннего мира. Подобный Пушкину, человек страстный и увлекающийся, Толстой в пору работы над статьями об искусстве был увлечён мыслью о том, что искусство должно быть понято народом, а Пушкин, как считал тогда Толстой, народу непонятен. Но затем писатель сумел вполне оценить народность творчества Пушкина, любовь простого народа к его творениям. В рассказе «Хозяин и работник» крестьянин Петруха под свист метели читает стихи Пушкина «Зимний вечер», по-своему их переделывая. В 1910 г. Толстой советовал редактору издательства «Посредник» в серии дешёвых книжек для народа напечатать стихотворения Пушкина. Конечно, у Толстого были свои читательские пристрастия: «Бориса Годунова» он считал рассудочно-холодным произведением, а «Пиковую даму» — «шедевром»; «Гробовщик» показался ему однажды скучным, а «Метель» вызвала восхищение. В целом же суждения Толстого о Пушкине поражают глубиной, осознанием своей преемственности по отношению к его творческому наследию: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться» (ДСАТ. 1. С. 500).

Лит.: Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб: Материалы XXV Международных Толстовских чтений. — Тула, 1999; Азарова Н.Н. Пушкин и Толстой // Октябрь. — 1976, № 6; Эйхенбаум Б.М. Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б. О прозе. — Л., 1969.

Н.И. Михайлова

ПУЩИН Михаил Иванович (1800 - 1869) — знакомый Толстого, декабрист, член «Священной артели», участвовал в совещании накануне восстания. Толстой познакомился с Пущиным и его женой Марией Яковлевной в Кларане (Швейцария) в 1857 г.: «Пуцин этот — прелестный и добродушный человек. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству» (60: 182). Пуцин был прекрасным рассказчиком. 19 апреля/1 мая 1857 г. он вспоминал свою ссылку на Кавказ, и Толстой записал конспект устного рассказа Пуцина об А.С. Пушкине: «Пушкин хотел мелким огнём поддеть <?> Астафьева...» (47: 126). Этот рассказ Толстой переслал П.В. Анненкову в качестве важного документа «безалаберной эпохи» Пушкина.

Образ Пуцина отразился в незаконченной повести Толстого «Отъезжее поле», к которой относится ряд заметок в записной книжке писателя в мае 1857 г.: «Старик главный Пуцин и чахоточный племянник»; «Устав чести: письма не распечатать, убить на дуэли, воевать, не прощать обиду, за неуважаемую сестру убить уважаемого

друга»; «К горничной забрался, его застали. Что такое? Это М.И. изволили прилечь» (47: 208). В этих набросках намечен характер игрока и бретёра, типичный для эпохи 1810-1820-х гг.

Пущины, которых Толстой знал очень близко и долго, отчасти послужили прототипами Лабазовых в романе «Декабристы», главный герой которого назван «идеалистом», что отвечает словам Толстого в письме к Т.А. Ёргольской 7/29 мая 1857 г.: «Пуцин — старик 56 лет, бывший разжалован за 14 число, служивший солдатом на Кавказе; самый откровенный, добрый и всегда одинаково весёлый и молодой сердцем человек в мире и притом высокий христианин». В Пущине Толстой нашёл определяющие черты своего декабриста, и только Пущина он в это время называет декабристом. В «Декабристах» сестра Лабазова Марья Ивановна говорит с ним о детях: «Кабы ты знал, как мне их жалко,

410

Петруша. <...> Так жалко, так жалко. Целая жизнь впереди. Чего ещё они не натерпятся!» (17: 37). Эти слова восходят к дневниковой записи 4/16 мая 1857 г.: «Пущина сестра пишет: жалко мне этих мальчиков — растут! Сколько их треволений ожидает. <...> Она так крепка в себе, что не о своём прошедшем сожалеет, а *сожалеет о будущем других*» (47: 206-207). Всё это место отчёркнуто в дневнике карандашом и сбоку написано: «Правда». «Сестра» Пущина — это, видимо, Е.И. Набокова, одна из пяти живших в это время сестёр Пущина. Впрочем, о М.Я. Пущиной в дневнике 15/27 мая 1857 г. Толстой писал нечто сходное: «Проводил милейших Пущинных. Я их душевно люблю. Мария Яковлевна готовность добра бесконечная» (47: 130). Эта «готовность добра бесконечная» — общая черта всех жён декабристов, в понимании Толстого.

Общаясь с М.И. и М.Я. Пущинами, Толстой интересовался и декабристом Иваном Ивановичем Пущиным (1798 — 1859), братом Михаила Ивановича. 21 - 23 апреля/3-5 мая 1857 г. Толстой вместе с Пущиным писал А.А. Толстой, и в своей части этого коллективного письма Пуцин сообщал: «Брат мой Иван Иванович просит отпуска за границу, и ежели его отпустят, то мы с ним, вероятно, съедемся в Карлсбаде, чтобы вместе возвратиться домой».

Лит.: Розанова С.А. Лев Толстой и пушкинская Россия. — М., 2000. С. 72-96.

М.В. Строганов

ПЫПИН Александр Николаевич (1833-1904) — русский литературовед, критик, журналист, переводчик. Крупнейший представитель культурно-исторической школы. После полувека работы оставил огромное наследие, связанное с широким кругом филологических проблем. Двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, не прерывавший с опальным писателем связи даже в годы его ссылки: вёл с ним оживлённую переписку, заботился о его семье.

Пыпин учился в Казанском, затем перевёлся в Петербургский университет. Первый научный труд его, «Словарь к новгородской летописи», был опубликован в сборнике Академии наук ещё в студенческие годы. В 1853 г. защитил кандидатскую диссертацию о драматурге В. Лукине. В 1857 г. вышла в свет его магистерская диссертация «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», в которой прослеживалось становление жанра русской повести. После двухлетнего обучения в Европе назначен профессором кафедры истории европейских литератур Петербургского университета, В ноябре 1861 г. подал в отставку, С 1863 г входил в редакцию «Отечественных записок». В 1865-1866 гг. вместе с Н.А. Некрасовым был ответственным редактором.

После закрытия «Отечественных записок» Пыпин долго сотрудничал с журналом «Вестник Европы». Последователь Пыпина С.А. Венгеров в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона писал, что «в редкой книжке на всём протяжении более чем тридцатилетнего существования "Вестника Европы" нет одной или нескольких статей Пыпина». Кроме литературных проблем, учёного интересовали исторические и социальные явления: панславизм, масонство, польский вопрос... Исследования и статьи Пыпина об эпохе Александра I, публиковавшиеся на протяжении многих лет в «Вестнике Европы», позднее составили три тома сочинений. В 1890 г. вышел его труд «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов»; ему принадлежит подготовка к печати первой биографии В.Г. Белинского, имевшей широкий резонанс в литературных кругах. В 1897 г. Пыпин стал академиком по отделению русского языка и словесности.

Толстой и Пыпин не были знакомы лично, но сохранилась их короткая переписка (два письма Пыпина; одно письмо Толстого). Эта переписка состоялась в январе 1884 г. В письме 7 января Пыпин просил Толстого для работы о литературной жизни 1840-1850-х гг. передать ему сохранившиеся письма И.С. Тургенева, которые представляли интерес к «литературным мнениям, согласиям и спорам» Тургенева и Толстого.

В ответном письме 10 января Толстой обещал Пыпину прислать письма, однако предупредил, что некоторые могут быть потеряны. В этом письме содержится характеристика Тургенева как писателя, к которой неоднократно обращались историки литературы.

В феврале 1884 г. А.Н. Веселовский по просьбе Пыпина напомнил Толстому о его обещании. Толстой в это время жил в Москве и объяснил задержку тем, что письма Тургенева находились в его холодном деревенском доме, куда он по нездоровью опасался входить. В письме Пыпину 18 февраля Веселовский предлагал «отложить хлопоты до лета, когда растворятся наконец двери в таинственную холодную комнату». Письма в результате были переданы: в том же 1884 г. 16 писем Тургенева к Толстому вошли в первое собрание писем И.С. Тургенева под редакцией В.П. Гаевского.

411

Толстой был знаком с многочисленными переводами Пыпина. Работая над трактатом «Царство Божие внутри вас», он обратился к сочинению чешского богослова Хельчицкого (XV в.) «Сеть веры». Не будучи знаком с оригиналом, он приводил фрагмент текста из «Истории славянских литератур» Пыпина (сост. совместно с В.Д. Спасовичем). Познакомившись позже с текстом книги Хельчицкого, Толстой в трактате отметил: «Содержание её совершенно верно передано Пыпиным» (28: 17).

Когда в 1878 г. Толстой собирал материал для работы над романом «Декабристы», Пыпин через В.В. Стасова и Н.Н. Страхова указывал на возможные источники, способные заинтересовать Толстого, и даже предлагал изготовить для него копию «несравненной редкости» — хранившегося у него текста Устава Союза благоденствия. Скорее всего, предложения не нашли отклика у Толстого.

Заверения в уважении к деятельности Пыпина (в письме) не отменяли, видимо, несколько снисходительного отношения к нему со стороны Толстого. Получив диплом об избрании членом Академии наук, Толстой писал Страхову 6 марта 1874 г.: «Признаюсь, что это польстило мне, несмотря на то, что Пушкин не был членом, а Пыпин — член».

К.М. Захаров

ПЯТКОВСКИЙ Александр Яковлевич (по др. версии — Александр Петрович; 1840-1904) — публицист, редактор, издатель. Помещал статьи в журналах «Отечественные записки», «Дело», «Современник» и др. периодических изданиях.

В № 4 журнала «Современник» за 1865 г. была опубликована рецензия Пятковского на книгу «Сочинения графа Л.Н. Толстого. Две части» (СПб., 1864-65). По мнению критика, Толстой-мыслитель сильно уступает Толстому-художнику: «В тех случаях, когда гр. Толстой не задаётся

никакой предвзятой идеей, не силится произвести нечто новое и имеющее удивить всю вселенную, — он вполне удовлетворяет своего читателя верностью наблюдений и мастерскими штрихами в обрисовке воображаемых им лиц». К удачным произведениям писателя, в которых он просто создает «верную и безыскусную комбинацию житейских фактов», Пятковский относил «Детство и отрочество», «Севастопольские воспоминания», «Кавказские очерки» («Рубка леса» и «Набег»), «Записки маркера» и повесть «Поликушка». Между тем он убеждён, что Толстой «весьма плох в отвлечённых вопросах». Тенденциозность и дидактика отличают «Семейное счастье», «Люцерн» и «Казачьи».

Суждения критика о творчестве Толстого со временем приобретали более резкую форму. В 1868 г. Пятковский написал статью «Историческая эпоха в романе гр. Л.Н. Толстого (По поводу романа «Война и мир». Томы I—IV)», которая вошла в его книгу «Живые вопросы. Критические очерки и этюды из современной жизни» (СПб., 1870). По мнению рецензента, автор «Войны и мира» самонадеянно «вообразил себе, что он чуть ли не сделал этим романом новой эпохи в истории русской литературы». Пятковский называл «Войну и мир» обычным «батальным историческим романом», который может вызвать лишь поверхностный интерес у публики. «Дела давно минувших дней, описанные в романе с чисто внешней, безобидной стороны, не шевелят ума, не волнуют ничьих страстей, — а между тем книга прочтена, время убито и убито не совсем неприятно: точно взглянул в панораму или прошёлся по галерее с эффектными батальными картинами». Герои Толстого — «жалкие картонные фигуры», которые либо находятся на войне, либо в мирное время пьют; едят, танцуют и «болтают на ужасном французско-нижегородском наречии самые незначительные и пустые вещи». Среди них, по мысли критика, нет ни одного человека, которого можно было бы назвать представителем тогдашней русской интеллигенции.

Кроме того, считал критик, Толстой, создав «теорию исторического бессмыслия» и фатализма, перевирает известные исторические теории, внося в них бессмыслицу и хаос. По мысли Пятковского, главным в 1812 г. была борьба между реакционерами и либералами, однако писатель этого не заметил. Вывод критика неутешителен: не поймав главной характерной черты Александровского времени, не оценив значения важнейших исторических лиц, Толстой написал произведение, в котором «разбросался в мелочи и деталях, не связанных никакой общей идеей».

О.В. Котова

Р

РАЕВСКИЕ — семья тульских помещиков из старинного рода Раевских, друзья Толстого и его семьи. Центром этой семьи был И.И. Раевский, о нём Толстой сказал: «Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в моей жизни» (29: 262). Раевские имели владения в Каширском уезде, родовым имением их было село Никитское Епифанского уезда, расположенное на границе с Данковским уездом Рязанской губ. Отец И.И. Раевского Иван Артемьевич (1815-1869), женатый на Екатерине Ивановне, рожд. Бибиковой, оставил о себе память как об известном общественном деятеле, занимавшемся ещё в 1840-е гг. проектом отмены крепостного права. В 1861-1863 гг. И.А. Раевский был мировым посредником Епифанского уезда. Мать И.И. Раевского Екатерина Ивановна была человеком широкого образования, обладавшим литературным и художественным дарованием. Толстой вместе с Репиным посещали её, положительно оценивая её акварели. Известны её небольшие литературные произведения. После смерти мужа Никитское принадлежало ей. В 1879 г. сюда заезжал Толстой (по пути в имение Л.А. Берс). Е.И. Раевская вспоминала об этом приезде: «...он был у меня в деревне, в селе Никитском, со старшим сыном Сергеем, тогда ещё отроком. У нас шёл тогда домашний спектакль; граф Толстой любовался игрой моей племянницы баронессы Ольги Владимировны Менгден...» (*Летописи*. Кн. 2. С. 374). Несколько раз бывал Толстой в Никитском и во время борьбы с голодом в 1890-х гг. Старшим Раевским были присущи широкие либеральные взгляды. В семье царил обстановка требовательности и справедливости, самого серьёзного отношения к воспитанию детей. Это содействовало тому, что И.И. Раевский, по словам Толстого, «представлял удивительное соединение страстной, восторженной любви к своей семье и, вместе с тем, к народу» (29: 263).

Правнук И.И. Раевского, К.С. Раевский, о своей прабабке, жене Раевского Елене Павловне, рожд. Евреиновой (1840-1907), писал, что она

«была, по-видимому, очень близка своему мужу. Как и он, Елена Павловна придерживалась собственных, независимых убеждений, как и он, с большим уважением относилась к Л.Н. Толстому. Тот отвечал ей столь же искренним расположением» (Раевский К.С. И.И. Раевский и его отношения с Л.Н. Толстым // *ЯП. сб.* 1982. Тула, 1984. С. 209). В годы борьбы с голодом семья Раевских собирала средства, открывала столовые. После смерти И.И. Раевского и в отсутствие Толстого работой руководила Елена Павловна. «Известны несколько писем Толстого к Е.П. Раевской, среди них задушевные, бесконечно тёплые письма-соболезнования по поводу кончины мужа» (там же).

Сыновья Раевского Иван (1871-1931) и Пётр (1873-1920) окончили Московский университет, третий сын, Григорий (1875-1905), — Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию. В «Дневниках» С.А. Толстой отмечены многократные приезды детей И.И. Раевского в их отроческие и юношеские годы к Толстым, а также поездки Толстых к Раевским. Во время борьбы с голодом в 1891 г. И.И. Раевский привлёк трёх своих сыновей к организации этого дела, они участвовали в составлении списков нуждающихся в помощи, работали целыми днями с большим энтузиазмом.

413

Сын И.И. Раевского Пётр Иванович защитил в 1901 г. докторскую диссертацию, служил врачом в селе Никитском, открыл там новую больницу и школу, сохранившиеся до настоящего времени.

Лит.: Из воспоминаний Е.И. Раевской // Русский архив. - 1896. № 2.

Т.Н. Архангельская

РАЕВСКИЙ Иван Иванович (1835-1891) — тульский помещик, друг Толстого и его семьи. Родился в Москве; детство и юность провёл в отцовском имении Каширского уезда Тульской губ. В 1857 г. со званием кандидата чистой математики окончил физико-математический факультет Московского университета; говорил на трёх европейских языках, на всю жизнь сохранил интерес и уважение к науке. Толстой познакомился с Раевским в год окончания им университета в гимнастическом зале в Москве на Большой Дмитровке. «...Этот юноша тогда неотразимо привлёк меня к себе, — вспоминал впоследствии Толстой в статье «Памяти И.И. Раевского», написанной в год смерти друга, — и я искал сближения с ним и сошёлся с ним на “ты”». Влекла его и «необыкновенная простота вкусов» Раевского, «отвращение от светскости, любовь к народу, и главное — нравственная совершенная

чистота» (29: 262). Эти свойства обеспечили совпадение многих мнений друзей, не лишая каждого из них своего критического взгляда. «Вопросы личной морали и общественной этики <.. > вносили оттенки в отношения между Толстым и Раевским. Толстой стремился к самосовершенствованию — и это стремление, захватывая все его мысли и чувства, вносило в его беседы с окружающими почти исключительно этические темы, постоянный самоанализ и исповедание. Раевский избегал говорить о морали. Он и охотился, и ел мясо, и курил, и мог казаться слишком уж толстым для человека с тонко развитым моральным миром», — писал в своей статье «Л.Н. Толстой и И.И. Раевский» учитель детей Раевского, а затем Толстого А.М. Новиков (МТА. С. 189).

Не прельстившись карьерой чиновника, молодой Раевский вскоре женился на Е.П. Евреиновой и, как и его родители, предпочёл в основном жить в деревне. Из родового имения в Никитском супруги переехали за две версты в Бегичевку Данковского уезда (Рязанской губ.), выстроив там новый дом. Сфера интересов молодого хозяина во многом перекликалась с занятиями Толстого того времени: передовые приёмы в сельском хозяйстве, школа, общественная деятельность (оба были мировыми посредниками), охота, поездки друг к другу.

А.М. Новиков так рассказывал о начале деятельности Раевского и Толстого по борьбе с голодом в 1891 г.: «Раевского, видимо, задевали и более глубокие идеи Толстого, вопросы богатства и бедности, личного труда и капитала. Он <...> тяготился своей барской разобщённостью от крестьян и страдал, не находя выхода из своего положения. Но настали события, и для Раевского сверкнула надежда. <...> Раевский с юношеским жаром ухватился за неё и не выпускал до конца своей жизни... Таким лучом, как это ни странно, было общественное бедствие - надвигавшийся голод. <...> Возвратясь в половине июля 1890 г. с экстренного епифанского земского собрания, И.И. Раевский пригласил меня и трёх своих сыновей ехать переписывать одну из соседних волостей. <...> Перелетая с собрания на собрание, И.И. Раевский между двумя сессиями завернул и в Ясную Поляну. Он задумал подвинуть и Л.Н., чтобы тот стал в ряды кормильцев голодного народа. Но начал Раевский с того, что рассказал о картинах голодного края и уговорил Льва Николаевича проехаться и посмотреть. Л.Н. любил такие поездки.

И он поехал в голодный край, чтобы с наибольшим знанием дела написать статью о голоде. Поехал на 1-2 дня и остался там 2 года.

Раевский уже раскинул ряд учреждений для кормления голодающих, хотя и в незначительном размере и на небольшом пространстве, когда Толстой согласился поселиться в Бегичевке у Раевских. Приехав туда, он начал в скромных размерах — на деньги, вырученные от своих статей, и

на пожертвования — оказывать помощь крестьянам и открывать столовые.

Известно, как потом разрослась эта помощь. <...> Толстой, его две дочери, племянница и И.И. Раевский мирно, бодро и необыкновенно дружно жили в Бегичевке» (МТА. С. 195-198). Правнук И.И. Раевского К.С. Раевский написал в своей статье «И.И. Раевский и его отношения с Л.Н. Толстым»: «Из многочисленных писем, деловых бумаг, дневниковых записей Л.Н. Толстого в этот период отчётливо видна ведущая руководящая роль И.И. Раевского во всех деловых вопросах, связанных с делом помощи голодающим. Неутомимая энергия Ивана Ивановича проявляется буквально во всём, начиная с его стремления как можно уютнее и удобнее устроить Толстого и его помощниц в доме <...> кончая его непрерывными поездками по уездным и губернским земским собраниям,

414

бесконечными хлопотами, закупкой хлеба, ведением огромной деловой переписки и вообще ежедневным, ежечасным выполнением всех тех мелких будничных дел, без которых невозможна никакая крупная общественная работа. Толстой замечает по этому поводу: “Дела эти кажутся не трудными и не убийственными для тех, кому не дорог, не важен успех дела, — но для него это всегда был вопрос жизни и смерти...”» (ЯП. сб. 1982. Тула, 1984. С. 206). «Я в практическом деле вполне доверяюсь Раевскому...» — писал Толстой жене 9 ноября 1891 г.

В ноябре 1891 г. в поездках по делам Раевский простудился и заболел. Через несколько дней его не стало.

Толстой вернулся в Бегичевку, продолжая начатое дело. Не оставил он своей деятельности и следующим летом, снова принёсшим неурожай и голод. Только через год писатель уехал из Бегичевки. 8 декабря 1891 г. он писал А.А. Толстой: «Утешительно то, что мы с ним провели месяц, который наверно и в моей и его жизни будет один из самых счастливых <...> счастливых значительных и удовлетворяющих» (66: 107).

Т.Н. Архангельская

РАМАКРИШНА Шри Парамагамза (монашеское имя; в миру — Гададхар Чатгерджи) (1836, по др. данным 1834 — 1886) — индийский философ и религиозный деятель, оказавший сильное влияние на индийскую общественную мысль.

С отдельными изречениями и мыслями Рамакришны Толстой знакомился, в основном, по английским и немецким переводам. Впервые

Толстой о нём узнал в 1896 г. В 1903 г. писатель обратил внимание на мысли Рамакришны, читая немецкий теософский журнал «Theosophischer Wegweiser»: «...много общего с моим пониманием» (54: 155), — заметил Толстой. Впоследствии он ознакомился с англоязычной книгой «Изречения Шри Рамакришны Параматамы» (Мадрас, 1905), отметив в ней около ста изречений индийского мыслителя. Предполагалось выпустить их отдельной брошюрой в издательстве «Посредник», но издание не состоялось.

Краткие, образные, афористичные отрывки из произведений Рамакришны идеально подходили для тех сборников мыслей мудрых людей, над которыми работал Толстой в последние годы жизни. У него было несколько любимых изречений Рамакришны, которые он неоднократно приводил в сборниках «На каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни». Чаще всего Толстой помещал мысль Рамакришны в несколько изменённом виде, подписывая её «По Рамакришне» или «Браминская мудрость». Иногда подпись «Браминская мудрость» вполне соответствовала действительности, ибо Рамакришна в своих произведениях часто приводил легенды или афоризмы из священных писаний индусов. Индуистские легенды в переработке Толстого становились более близкими и понятными для читателей-христиан.

У Толстого и Рамакришны немало точек соприкосновения по религиозным, этическим и социальным вопросам. Метафизические воззрения неоведантистов (Рамакришны и Вивекананды, его ученика, с идеями которого Толстой был знаком) имели нечто общее с толстовскими. Толстой полагал, что душа человеческая есть частица Бога и цель жизни человека — стремиться к соединению с Богом. По Рамакришне, цель жизни человека — слиться душой с брахмой, духовной субстанцией, которая является первоосновой мира. Оба мыслителя полагали, что осознание Божеского начала, которое есть в каждом человеке, стремление следовать этому началу — единственный истинный «путь жизни», обретение которого делает человека счастливым. «Лепестки цветов опадают, когда плод начинает расти. Так отпадут от тебя твои слабости, когда начнёт расти в тебе сознание Бога» (42: 153). «Как свеча не может гореть без огня, так человек не может жить без духовной силы. Дух живёт во всех людях, но не все люди знают это. Радостна жизнь того, кто знает это, и несчастна жизнь того, кто не знает этого» (45: 33). Однако в отличие от Толстого, который признавал лишь моральный путь воссоединения с Богом (стремление человека к избавлению от грехов, соблазнов, суеверий, нравственному совершенствованию), Рамакришна, не отрицая важности очищения души, признавал мистический путь — достижение состояния самадхи.

Как и Толстой, Рамакришна полагал, что существует одна истинная религия, к уяснению заповедей которой должно приблизиться

человечество, и что многие святые, мудрецы, проповедовавшие равенство людей, любовь к ближнему, именно для этого посланы Богом в мир. «Когда дождевая вода течёт по желобам, то нам кажется, что она вытекает из них. Но ведь вода падает с неба. То же и с поучениями святых и мудрецов: нам кажется, что поучения идут от людей, а они идут от Бога и только проходят через людей» (40: 364).

Как и Толстой, Рамакришна не придавал большого значения внешним атрибутам ре –

415

лигии, полагая, что дух священных писаний важнее буквы и что внутреннее духовное развитие намного важнее пения мантр или чтения молитв. «Пока человек поёт, кричит, говорит: “О Господи, Господи!” — знай, что он не нашёл Господа; тот, кто нашёл его, молчит» (43: 248). Придерживаясь индуистской религиозной традиции и даже будучи священником, Рамакришна тем не менее предлагал упростить обрядность, выступал против кастового неравенства, считая, что все люди — братья.

Толстой всегда высоко ценил Рамакришну как мыслителя. 27 февраля 1906 г., познакомившись с выписками Сергеенко из книги Мюллера «Рамакришна», он сказал: «Выписал удивительные изречения. Рамакришна умер лет 50 тому назад <ошибка Толстого. — Ю.П.>. Мудрец замечательнейший» (ЯПЗ. 2. С. 64).

Лит.: Бурба Д. Толстой и Индия: прикосновение к сокровенному. - СПб., 2000. С. 58-59; Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. – М., 1971. С. 127-128.

Ю.В. Прокопчук

РАХМАНИНОВ Сергей Васильевич (1873-1943) — композитор, пианист, педагог; ученик С.И. Танеева и А.С. Аренского; в 1897-1898 гг. — дирижёр Московской частной оперы С. Мамонтова, с 1904 по 1906 г. — дирижёр Большого театра; выступал как пианист и дирижёр в городах Европы. Автор трёх опер, трёх симфоний, «Симфонических танцев», четырёх концертов и многочисленных сочинений для фортепиано, прелюдий, вариаций, сюит, этюдов-картин, романсов... После революции 1917 г. эмигрировал в Европу, затем переехал в США. Творчество Рахманинова, окрашенное яркой индивидуальностью, а в конце жизни даже трагическим мироощущением, впитало лучшие традиции многовековой русской музыкальной культуры и отличалось глубокой

эмоциональностью, тонким лиризмом, властным, подчас суровым ритмом в сочетании с ясно и ярко выраженным мелодическим началом.

Толстой был знаком с музыкой Рахманинова и с самим музыкантом: в хамовническом доме и в Ясной Поляне не раз звучали произведения молодого композитора. Однажды, прослушав одно из его сочинений в исполнении Гольденвейзера, Толстой заметил: «Композиция эта <...> очень хороша <...> совсем ясна, несмотря на сложность, ясна; одна мысль проникает всё» (*ЯПЗ*. 3. С. 133), Правда, порой в некоторых вещах Рахманинова писатель находил «неравномерность отдельных частей (одни — лучше, другие — хуже)» (там же. С. 55), а баллада «Судьба» вовсе не понравилась Толстому. Случилось это так. Для Рахманинова Толстой был одним из любимых писателей: как вспоминала Л.Д. Ростовцова, родственница музыканта, «не говоря уже об “Анне Карениной” и “Войне и мире”, он восторгался всей прозой Толстого, в том числе его повестями “Холстомер” и “Хозяин и работник”». Провал Первой симфонии привёл Рахманинова в отчаяние, у него опустились руки, он потерял веру в себя, не мог даже работать. Одна из его знакомых просила Толстого помочь молодому талантливому музыканту, принять его, поговорить с ним. 9 января 1900 г. Рахманинов со своим другом Ф.И. Шаляпиным отправился в Хамовники. Позднее Шаляпин вспоминал об этом визите: «Помню, запел балладу “Судьба”, только написанную Рахманиновым на музыкальную тему Пятой симфонии Бетховена и на слова Апухтина. Рахманинов мне аккомпанировал, и мы оба старались представить это произведение возможно лучше, но так мы и не узнали, понравилось ли оно Льву Николаевичу. Он ничего не сказал» (*Лев Толстой и музыка*. С. 181-182). Об этом в своих мемуарах написал и А.Б. Гольденвейзер: «В тот вечер Лев Николаевич был дурно расположен, и мне казалось, что удивительное пение Шаляпина не произвело на него особенного впечатления. <...> Шаляпин пел что-то Мусоргского, который никогда на Льва Николаевича не производил впечатления, «Судьбу» Рахманинова, показавшуюся ему фальшивой (слова Апухтина он назвал отвратительными)...» (запись 30 января 1900 г.). Спустя многие годы сам Рахманинов в разговоре с И.А. Буниным рассказывал о своей встрече с Толстым: «Это неприятное воспоминание <...>. Было это в 1900 году. Толстому сказали, что вот, мол, есть такой молодой человек, бросил работать, три года пьёт, отчаялся в себе, а талантлив, надо поддержать... Играл я Бетховена. Есть такая вещь с лейтмотивом, в котором звучит грусть молодых влюблённых, вынужденных расстаться. Кончил. Все вокруг в восторге, но хлопать бояться, смотрят — как Толстой? А он сидит в сторонке, руки сложил сурово и молчит. И все притихли, видят — ему не нравится... Ну, понятно, я от него бегать стал. Но к концу вечера вижу: старик прямо на меня идёт. “Вы, — говорит, — простите, что я вам должен сказать: нехорошо то, что вы играли”. Я ему: “Да ведь это не моё,

а Бетховен”. А он: “Ну и что же, что Бетховен? Всё равно нехорошо. Вы на меня не обиделись?” Тут я ему ответил дерзостью: “Как же я могу обижаться, если Бетховен может оказаться плохим?..”

416

Ну и сбежал. Меня туда потом приглашали, и Софья Андреевна потом звала, а я не пошёл. До тех пор мечтал о Толстом, как о счастье. А тут всё как рукой сняло! И не тем он меня поразил, что Бетховен ему не понравился или что я играл плохо, а тем, что он, такой, как он был, мог обойтись с молодым, начинающим, впавшим в отчаяние, так жестоко! И не пошёл. <...> Теперь бы побежал к нему, да некуда...» (*Лев Толстой и музыка. С. 182-183*).

Лит.: Воспоминания о Рахманинове. — М., 1988.

Н.И. Бурнашёва

РАЧИНСКИЙ Сергей Александрович (1833-1902) – учёный-педагог, профессор Московского университета, слушал лекции по ботанике и биологии в Берлинском и Йенском университетах, владел несколькими европейскими языками, увлекался эволюционным учением Ч. Дарвина и перевёл на русский язык его книгу «О происхождении видов».

Работая за границей, Рачинский познакомился с деятельностью профессора Йенского университета К. Стоя, основателя нескольких учебных заведений, в частности школы и педагогической семинарии, которые Толстой посетил во время второго заграничного путешествия и вынес положительные впечатления. Первая педагогическая статья Рачинского была посвящена институту К. Стоя в Йене.

Толстой часто бывал у Рачинского в Москве, их сблизило душевное педагогическое дело. Рачинский и его окружение проявили большой интерес к педагогическим занятиям Толстого и даже взялись помочь найти ему учителей.

Зимой 1861-1862 гг. Рачинский лечился за границей и сообщал Толстому об интересе зарубежных педагогов к журналу «Ясная Поляна». 22 мая 1862 г. он писал о встрече с профессором Стоем в Йене и его просьбе «прислать вышедшие номера». Внимание Рачинского к яснополянской школе и журналу «Ясная Поляна» было Толстому приятно, он воспринимал это как награду за неблагодарную (в смысле сочувствия публики) деятельность. Он был рад, узнав об открытии сестрой Рачинского Варварой Александровной народной школы в

родовом имении Татево Смоленской губ., и просил извещать его о жизни и развитии этой школы.

О характере отношения Толстого к Рачинскому свидетельствует то, что писатель посвятил его в замысел «Войны и мира» и судьбу героев романа, о чём Рачинский сообщал своей матери в Татево.

Защитив докторскую диссертацию и получив звание ординарного профессора, Рачинский неожиданно вышел в отставку и уехал в родное Татево, стал сельским учителем. В письме Толстому 20 марта 1877 г. он подробно описывал открытие двух новых школ и то, что он «буквально с утра до вечера учит и учится». Рачинский подобно Толстому восхищался нравственной красотой крестьянских детей, старался развить их способности.

К 1895 г. он построил на собственные средства 10 школьных зданий, постоянно содержал 10-12 школ, добился открытия школ для девочек и в 1885 г. стал попечителем женских училищ Вельского уезда. Татевская школа превратилась в своеобразный педагогический центр, где проходили воскресные собеседования, в которых Рачинский принимал деятельное участие. Его педагогические статьи вышли отдельным сборником «Сельская школа». В 1891 г. Рачинский был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности.

В одном из писем учёному, желая подчеркнуть важность народных школ, Толстой повторил мысль, первоначально высказанную в письме А.А. Толстой в декабре 1874 г., что обучение крестьянских детей — дощечка для спасения в океане невежества будущих «Ломоносова, Пушкина, Глинки, Остроградского». «Чувствую к Вам нежность», «письма Ваши очень радостны», — писал Толстой Рачинскому.

В 80-е гг. в переписке обсуждалась идея Толстого об издании хороших дешёвых книг для народного чтения. Письмо Рачинского 19 июля 1886 г., в котором он высоко оценил народные рассказы Толстого, вызвало в душе писателя всплеск дружеских чувств. Человек «церковный», Рачинский не разделял религиозных исканий Толстого, а видел в нём величайшего писателя не только России, но и всего мира.

В конце 1880-х гг. Рачинский и Толстой вели борьбу с алкоголизмом, Толстого заинтересовало организованное Рачинским общество трезвости.

1895 г. Толстой и Рачинский стали родственниками: сын Толстого Сергей Львович женился на племяннице Рачинского - М.К. Рачинской.

Лит.: Антюфеева И.Н. «Мне радостно читать Вас и издали любить» // Поиски и находки. — Смоленск: СГПУ, 2000; Антюфеева И.Н. «Живые трепетные нити». — Смоленск, 1991.

Н.В. Кудрявая

РЕАД Николай Андреевич (1793 - 1855) — генерал-адъютант, командовал третьим пехотным корпусом в Крымской армии. Участвовал во многих сражениях (в т.ч. Бородинском) в 1812-1814 гг.; в 1854 г. временно управлял Кавказом. В Крымской армии был человеком новым, хотя имел репутацию воина «храбрости несомненной» (оценка Д.А. Столыпина — в журнале «Русский архив». 1874. Кн. I. С. 1364). В сражении на речке Чёрной 4 августа 1855 г. командовал правым флангом атакующей русской армии. Опасаясь пропустить удобный момент для начала атаки, генерал Реад без специального приказа вступил в сражение, что в конечном итоге и привело к неразберихе и полному разгрому русских войск. Генерал Реад был убит во время сражения. Откровенно сатирически изображён в севастопольской песне Толстого «Как четвертого числа...».

Н.И. Бурнатёва

РЕЗУНОВЫ — старейший крестьянский род в Ясной Поляне. Фамилию в XIX в. получили, видимо, из-за драчливого характера, которым отличались некоторые из этого рода. В жизни и творчестве Толстого оставили след Резуновы нескольких поколений.

Семён Сергеевич (1847-1917) — внук Ф.Н. Резунова. Ученик школы Толстого 1860-х гг. Вырос в большой семье Резуновых. С детства Семён был шаловлив; в школе за ним установилось прозвище по деду — Федька Резун. Ученики сами приводили его в чувство, если он в шалости не мог остановиться, порой и колотили. Семён был большим весельчаком. На Пасху в 1860 г. у Толстых для ребят были подготовлены подарки: Семён выбрал себе гармонь. Много лет спустя, смеясь, Толстой и седовласые одноклассники Семёна вспоминали его шалости. Весельчаком Резунов остался до старости. Школа ему вспоминалась всегда как отрадное и приятное время. С присущим ему юмором он рассказывал об этом в 1910 г. при открытии народной библиотеки в Ясной Поляне: «Ученье было хорошее! Утром приедешь — кататься, а потом блины есть — блины хорошие!.. А на стене написано: гуляй, ребята, Масленица!..» — Кругом все смеются. А Семён, с лицом артиста Артёма из Художественного театра, продолжал рассказывать о блинах, о каком-то дьячке и ещё о чём-то.

Лев Николаевич вышел на крыльцо и слушал улыбаясь.

— А ведь ты, Семён, теперь бойчее стал, чем в школе-то был! — заметил он» (Булгаков. 31 января).

В дневнике Толстой упоминал о «радостных» встречах с Резуновым. Он поддерживал отношения с ним до конца своих дней: Резунов рассказывал, что Толстой часто заходил к нему поговорить о жизни, вспоминал, как косили вместе, как пили у Толстых чай с ромом. Молитвенную, благоговейную память сохранил он о своём учителе.

Сергей Фёдорович (1819-1895) — старший сын Ф.Н. Резунова. От отца унаследовал буйный характер, но был весельчаком, остроумным, самостоятельным в суждениях, большим спорщиком. В одном из таких споров с отцом дело дошло до драки и сын сломал руку отцу. Тот хотел отправить его в Сибирь, но Толстой убедил не делать этого, и на суде отец простил сына.

Писатель присматривался к этому крестьянину, общался часто с ним, о чём говорят записи дневника. Резуновы были люди шумливые, но гордые. Об этой черте, в частности у Сергея Фёдоровича, говорит запись Толстого 27 ноября 1858 г.: «Нынче Резун лгал, я взбесился и по мерзкой привычке сказал: высечь. Я ждал, что он придёт. Послал остановить, его не догнали. <...> Просил прощенья, дал 3 рубля. Но мучало» (48: 18-19).

Степан Евстигнеевич (1828-1908) — пасынок Ф.Н. Резунова. С Толстым был хорошо знаком: вместе косили, работали, многое обсуждали. В дневнике Толстого не только упоминается его имя, но записаны его суждения, мнения, взгляды. Когда он начинал шуметь и озорничать, только Толстой мог его утихомирить. Толстой часто заходил к нему, помогал во всём, особенно в последние годы. Они со Степаном ровесники: вспоминали прошлое, особенно, как вместе косили. Толстой приглашал Степана для беседы в апреле 1906 г. о земельной реформе Столыпина. 11 октября 1908 г. он навестил тяжело больного Резунова, и, хотя беседа не вышла, он восхищался душевной стойкостью Степана, хотел бы умереть так же спокойно, не доставляя хлопот другим.

Фёдор Николаевич (1803-1861) — яснополянский крестьянин Волконских-Толстых. Характер его, человека крутого и жёсткого, дравшегося с собственным сыном Сергеем, и др. факты и детали из жизни Резуновых отразились в произведениях Толстого. Резунов появляется в романе «Декабристы»; в рассказе «Поликушка» на сходке крестьян, где обсуждалась очерёдность рекрутства, «громче всех кричал Фёдор Резун, плотник». В «Дневнике помещика» Резун — умный и смелый мужик, не раз вступал в споры с самим баринном. От отца он воспринял умение выделять

главное, понять его. Яснополянцы ценили Резунова, несмотря на сложность его характера. Он был дружен со многими односельчанами и был главной фигурой рода Резуновых в первой половине XIX в.

Н.И. Шинкарьук

РЕНАН Жозеф Эрнест (1823-1892) — французский писатель, филолог, историк религии, член Французской академии (1878). Книга «Жизнь Иисуса» (1863) сделала его имя популярным не только во Франции, но и в Европе.

Мировоззрение Ренана изложено в трактате «Будущее науки», в «Философской исповеди», в философских драмах. Ренан верил в идею прогресса, в конечное торжество разума и знания. По его мнению, мировой процесс, конечной целью которого является сверхчеловек, предполагает разумное начало. Он верил в науку и мечтал о том времени, когда упразднится всякая вера и останется одно знание и когда люди посредством науки приобретут неограниченную власть над природой. Ренан делил человечество на аристократов духа и простой народ, мечтал о господстве избранных. Мораль, искусство, наука, философия существуют только для избранных, для аристократов духа.

Толстой хорошо знал сочинения Ренана «Будущее науки», «Жизнь Иисуса», «История народа Израиля», «Марк Аврелий и конец античного мира», «Апостол Павел», философскую драму «Жуарская аббатисса». Более всего Толстого заинтересовала «Жизнь Иисуса», первое издание которой сохранилось в яснополянской библиотеке с многочисленными его пометами. Эту книгу, тогда запрещённую в России, критик Н.Н. Страхов купил для Толстого из дублетов Публичной библиотеки и послал ему в декабре 1877 г.

В связи со смертью Ренана Страхов написал статью «Несколько слов об Ренане» (Русский вестник. 1892. № 11); он высоко оценил литературные достоинства сочинений Ренана, но отмечал в них «недостаток нравственной серьёзности, недостаток прямоты и искренности». Статья очень понравилась Толстому, она, видимо, отражала и его точку зрения.

Ренан упоминается в драме «И свет во тьме светит», в статье «Так что же нам делать?», в религиозно-философских трактатах «В чём моя вера?», «Царство Божие внутри вас», в трактате «Что такое искусство?». Имя Ренана встречается в «Анне Карениной» при обсуждении картины Михайлова (ч. V, гл. IX). В черновиках романа перед самоубийством Анна вспоминала, как после чтения Ренана ей стало ясно что вера в Бога — это «смешной, ненужный обман».

Для Толстого Ренан — неверующий, свободный толкователь учения Христа («В чём моя вера?»). В действительности же Ренан — религиозный человек по своему воспитанию, образованию, которое он получил в духовных семинариях. Атеизм всегда отталкивал его. Но он перестал верить в христианство как воплощение вечных истин. Аббату Конья 5 сентября 1846 г. он писал: «Я избрал себе на долю истину; она для меня — сокрытый Бог; я посвятил себя её служению...» (Ренан Э. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. Киев, 1902. С. 207). Тем же путём шёл Толстой, о чём он рассказал в «Ответе на определение Синода». Для Ренана христианство сначала совпадало с истиной. Затем он перестал верить в безусловную истинность христианства. Для Ренана Бог — истина, для Толстого — любовь. Ренан, как и Толстой, порвав с церковью, остался глубоко верующим человеком.

Для Ренана христианство — один из этапов познания Бога. Например, к «недочётам христианства» он относил то, что оно не рассматривает такое важное понятие, как красота. Красота — тоже дар Божий. Критика Ренаном христианства за непонимание им женской красоты в книге «Марк Аврелий и конец античного мира» вызвала иронию Толстого в «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана». В вариантах к «Послесловию к “Крейцеровой сонате”» упоминался Ренан, который «называет наряд женщин великим искусством», не думая о том, какой женская мода приносит обществу вред, разжигая чувственность мужчин (27: 429).

Толстому очень нравилось раннее сочинение Ренана «Будущее науки. Мысли 1848 г.» (Paris, 1890). «Будущее науки» — это исповедь молодого учёного, который верил, что «в науке заключается будущее человечества» (Ренан Э. Собр. соч. Т. I Киев, 1902. С. 37). В письме к Страхову 7 января 1891 г. Толстой делился своими впечатлениями об этой книге, которую он в то время читал: «Я прочёл треть, и, по-моему, никогда Ренан не писал ничего умнее: вся блесит умом и тонкими, верными, глубокими замечаниями о самых важных предметах, о науке, философии, филологии, как он её понимает, о религии». Толстой оговорился, что Ренан нравственно ограничен, «как и все учёные» того времени, «но зато светлая голова и замечательно умён».

«Жизнь Иисуса» написана в жанре биографии великого человека. Образ Иисуса

в Евангелиях, по мнению Ренана, неестественен. Такой исторический Иисус существовать не мог. Это чисто легендарный образ. Ренан прежде всего имеет в виду то, что Иисус в Евангелиях творит чудеса. Христос Ренана — лучший из людей. Но он такой же смертный, как и все. Толстой не относился к Евангелиям как к священным книгам. Он тоже отрицал

Божественность Христа, видел в Христе только величайшего проповедника нравственных законов. Но для него неприемлемо, что у Ренана Христос — человек, который «непрерывно потел и ходил на час», как писал Толстой Страхову 18 апреля 1878 г.

Более всего Толстого отталкивало от Ренана то, что последний считал христианские истины «очень возвышенными изречениями, но лишёнными всякой возможности приложения к жизни». Толстого явно раздражала вера Ренана в «прогресс и эволюцию». Толстому чуждо, что Ренан смотрит на христианство с исторической точки зрения, тогда как оно воплощает вечные истины, существующие вне времени, а также то, что Ренан больше говорит о внешней стороне жизни Христа, а не о сути христианского учения. В том же письме к Страхову Толстой критиковал «Жизнь Иисуса» за то, что автор приводит различные «человеческие унижающие реалистические подробности», т.е. «песок, который не нужен, промыт; осталось золото».

В 1848 г. у Ренана возник замысел написать «Критическую историю начал христианства». Аналогичный замысел был и у Толстого, когда он в 1880-е гг. занялся соединением и рациональной проверкой четырёх Евангелий. И.М. Ивакин, учивший в те годы детей Толстого греческому и латинскому языкам, рассказывал: «Историческую, чудесную, легендарную сторону в Евангелии, как известно, он совершенно устранил, считал неважной, ненужной. “Какой интерес знать, что Христос ходил на двор? — говорил он. — Какое мне дело, что он воскрес? Воскрес — ну и Господь с ним! Для меня важен вопрос, что мне делать, как мне жить?” Он очень не жаловал Ренана, да, кажется, и Штрауса за то, что они обращали своё внимание именно на фактическую сторону в Новом Завете». По словам Ивакина, «Евангелие должно было лишь подтвердить уже составленные взгляды, иначе Л.Н. не церемонился и с текстом» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 39-40). Нехлюдов в заключительной главе «Воскресения» тоже «поправляет» учение Христа, как «поправлял» его сам Толстой. Хотя Толстой критически отнёсся к «Жизни Иисуса», с Ренаном у него было немало общего. Не случайно современники, особенно церковники, видели сходство между Толстым и Ренаном. Ренан в «Жизни Иисуса» не признаёт чудеса, считает веру в чудеса абсурдом. В предисловии к «Соединению и переводу четырёх Евангелий» Толстой говорит: «Христовы чудеса — это свечи, которые приносят к свету, чтобы осветить его. Есть свет, то он и так виден, а нет света, то светит только поднесённая свечка» (24: 17). Аналогичную мысль Толстой высказывал в записной книжке: «Утверждать учение Христа чудесами — всё равно что свечу держать перед солнцем, чтобы оно виднее было» (48: 325).

А.П. Тусицкий

РЕПИН Илья Ефимович (1844-1930) — художник, живописец и рисовальщик, пробовал свои силы в скульптуре. Родился в г. Чугуеве Харьковской губ. Учился в Чугуевской школе военных топографов и у живописца И.М. Бунакова. Затем в рисовальной школе Общества поощрения художников (1863), в Академии художеств (1864—1871). Много ценных советов давал ему И.Н. Крамской. Пенсионер Академии (1873—1876) в Италии и Париже. Преподавал в Высшем художественном училище при Академии художеств (1894—1907). Автор картин «Бурлаки на Волге», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и др. всемирно известных полотен.

Л.Н. Толстой и И.Е. Репин. 1908 г.

Репин и Толстой познакомились в 1880 г. в Москве; тридцать лет продолжалась их дружба. Позднее в книге «Далёкое близкое» Репин написал воспоминания о Толстом. «Для меня духовная атмосфера Льва Николаевича всегда была обуревающей, захватывающей. При нём, как загипнотизированный, я мог только подчиняться его воле. В его присутствии всякое положение, высказанное им, казалось мне беспор-

ным», — признавался художник (*Толстой и художники*. С. 192).

В свой первый приезд в Ясную Поляну в августе 1887 г. Репин сделал несколько набросков с Толстого, пахавшего поле вдовы Анисьи Копыловой. Он об этом вспоминал: «Лев Николаевич необыкновенно искренне и горячо увлекается всяким занятием. Я был свидетелем его неутомимой трудной работы в поле. От 1 часу дня до самых сумерек...» (там же. С. 204). Позднее В.Г. Черткову из Петербурга Репин писал: «В Ясной Поляне я прожил 17 дней, и так светло и весело, что готов это время считать лучшей страницей в моей жизни. Много работал, много видел Льва Николаевича, много надоедал ему своей назойливостью художника и много, много любил этого гениального человека! Для меня каждая формочка в его лице так дорога, интересна и знакома!.. Знаете, после его лица всякое другое лицо — сколько я здесь ни смотрю — скучно и нелюбопытно» (Репин И.Е. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950. С. 77). Об этом своём пребывании он сообщал также и Т.Л. Толстой: «Как мне хорошо жилось в Ясной Поляне! Эти семнадцать дней были такие чистые, светлые, ясные, наполненные интересным трудом и симпатичным, отрадным отдыхом. Столько было разнообразных людей, впечатлений и мыслей. Столько особенных эпизодов, так западающих в душу, настойчиво преследующих, побуждая выразиться в какой-нибудь художественной форме. И всё это только аксессуары, только фон для главной фигуры. Маститый человек с нависшими бровями всё сосредоточивает в себе и своими добрыми глазами, как солнцем, освещает всё» (там же. С. 217-218).

С тех пор Репин не раз бывал у Толстых и сделал несколько десятков портретов и рисунков самого Толстого и членов его семьи. В 1907 г. художник снова приехал в Ясную. «В конце сентября 1907 года я опять был в Ясной Поляне, спустя двадцать лет после первого посещения. Лев Николаевич был очень бодр и здоров, но появилась в нём какая-то бесстрастность праведника. Он всё понял и всё простил.

Главное его внимание сосредоточено теперь на книге “Круг чтения”, которую он редактирует и дополняет для нового издания. И кажется, что он только для этой книги и существует» (*Толстой и художники*. С. 199). 21 сентября С.А. Толстая писала Л.Ф. Анненковой: «Репин приехал с намерением написать портрет Льва Николаевича и мой рядом, на том же полотне. Не знаю, как это ему удастся, задача трудная» (*ОР ГМТ*). «Здесь Репин пишет портреты Софьи Андреевны и мой вместе, — вторил жене Толстой в письме Черткову 26 сентября. — Пустое это дело, но подчиняюсь, чтоб не обидеть» (89: 73).

Жена Репина Н.Б. Нордман-Северова вспоминала об этом пребывании в Ясной Поляне в 1907 г.: «...надо идти потому, что Лев Толстой играет в эту минуту в восемь рук. Он и Александра Львовна за одним роялем, Софья Андреевна и Татьяна Львовна за другим. Как это трогательно видеть его рядом с молодым лицом его младшей дочери и как это он мило и симпатично старается...» И ещё раз: «Вечером, возвратясь к чаю в дом, застали музыку <...> играли в восемь рук. Лев Николаевич в длинном жёлтом халате был очень мил. <...> Илья Ефимович тотчас же принялся за акварель, а я не отрывая глаз смотрела на Льва Николаевича. Пальцы его уже не слушаются, но он старается ужасно, пронизывает ноты своими блестящими серо-голубыми глазами, горбится, громко считает по-немецки, загибая на паузах пальцы и, вдруг ошибаясь, хватается в отчаянии за голову или заливается смехом вместе со своей дочерью Сашей» (Северова Н.Б. Интимные страницы. СПб., 1910. С. 91, 93). Репин сделал небольшой этюд-акварель «Толстой и А.Л. Толстая за роялем».

Н.В. Зайцева

РЕРИХ Николай Константинович (1874 – 1947) — философ, писатель, художник, археолог, географ. В 1897 г. в Петербурге окончил Академию художеств, в 1909 г. стал действительным её членом. С 1910 г. возглавил общество «Мир искусства». Занимался раскопками древнеславянских поселений, автор цикла картин «Начало Руси. Славяне». С 1916 г. жил за границей (Финляндия, Англия, США, Франция, Индия). В 1923 – 1928 гг. предпринял путешествие по маршруту Индия — Гималаи — Тибет — Алтай — Монголия — Китай — Тибет — Индия. С целью детального изучения собранного в экспедиции этнографического, зоологического, лингвистического, религиоведческого материала создал (вместе с супругой, Е.И. Рерих) в г. Кулу (Индия) Институт гималайских исследований «Урусвати». Разработчик Пакта о международной охране памятников культуры во время военных действий (1929), на основе которого была принята «Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта». До самых последних дней стремился вернуться на Родину. Создатель оригинального учения «Агни-Йога» («Живая этика»), согласно которому всё сущее

421

возникает из энергии космического огня. Человеку в рамках его учения отводится особая роль: он должен добиваться духовного просветления и

духовного совершенствования, ибо это диктуется законом эволюции Космоса. Средство достижения такого состояния — самоотверженный труд и всепоглощающая, всепрощающая любовь.

Единственная встреча Толстого и Рериха состоялась в 1897 г. Только окончивший Академию художеств, Рерих обратился к В.В. Стасову с просьбой помочь ему увидеть Толстого. В письме, содержащем восторженные отзывы о Ге и Толстом, он отмечал: «Не меньший свет пролился на другого обожаемого мною человека — Льва Николаевича. Страшно хочется мне узнать его внутреннее, — узнать его и — человека. Несколько новых чёрточек мелькнуло для меня в отрывках его переписки с Ге. Какой колоссальный, завлекающий человек! Если будете писать Льву Николаевичу, припишите ему обожание от наименьшего, недостойнейшего брата. Я ему много, за многое благодарен. Что я не курю, не беру вина в рот, и не сходилась с женщинами, — и многое другое — это всё его дело. Спасибо ему!..» (*Толстой и художники*. С. 134). В.В. Стасов откликнулся на просьбу юноши и сообщил Толстому (письмом от 17 сентября) о том, что один «белокурый, голубоглазый птенец, в сюртуке с синим воротником» по фамилии Рерих мечтает оказаться рядом с ним. В.В. Стасов охарактеризовал молодого человека как чрезвычайно способного, «отлично» занимавшегося «в классе профессора *Куинджи*» «живописью и композицией на *древнерусские* сюжеты» (там же).

Атмосферу единственной встречи Толстого и Рериха ярко передают воспоминания художника. На встречу с Толстым отправились В.В. Стасов, Н.А. Римский-Корсаков, И.Я. Гинцбург и Рерих. «Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вёз какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты. Гинцбург — бронзовую фигуру Толстого. Стасов — новые книги, а я — фотографию с “Гонца”. <...> Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной “толстовка”. Характерный жест рук, засунутых за пояс, так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие. <...> Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было именно значительное — русское лицо, такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших недалеко от города. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговора не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной,

спокойной мысли: Индии ведомы такие лица. <...> ...Пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что “Гонец” не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине мой гонец спешил в ладье к древнему славянскому поселению с важной вестью о том, что “восстал род на род”. Толстой говорил: “Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь всё снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт”. <...>

Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: “Ну, вот теперь вы получили настоящее звание художника”» (там же. С. 265).

М. А. Лукацкий

РЕШЕТНИКОВ Фёдор Михайлович (1841-1871) – писатель-разночинец. Мелкий чиновник. Служил в Екатеринбурге, Перми, затем в Петербурге. Сотрудник журнала «Современник». Автор романов, рассказов и повестей из жизни уральских горнозаводских рабочих («Горнорабочие», «Глумовы» и др.), из жизни провинциального духовенства; бурлаков («Подлиповцы») и др. Считается, что «художественный этнографизм Решетникова подготовил беллетристическую среду “Житию одной бабы” Н.С. Лескова, крестьянским рассказам А.П. Чехова, “Деревне” И.А. Бунина» (Русские писатели. 1800-1917. Т. 5). В одном ряду Толстого и Решетникова назвал И.С. Тургенев в своих «Воспоминаниях о Белинском», опубликованных «Вестником Европы» в №4 за 1869 г.: «Как бы порадовался он <Белинский. - В.Б.> поэтическому дару Л.Н. Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, трезвой правде Решетникова!»

Тот же «Вестник Европы» в 1873 г. (№ 1) поместил анонимную рецензию на «Азбуку» Толстого, где автор (веро-

422

ятно, Е.Л. Марков), иронически называя «Азбуку» «четырёхактной мистерией для возвращения любознательности молодёжи», говорил, что Толстой потерпел неудачу со своей «Азбукой», потому что, как и все почти составители сборников, всего более хлопотал об «оригинальничании». Проще и целесообразнее было бы составить ему свою хрестоматию из русских песен и былин, из летописей и «из наших образцовых писателей: Гоголя, Тургенева, Аксакова, Решетникова,

Успенских, Марко-Вовчка и многих других, более или менее удачно схватывающих заветную жизнь народа и всего общества».

Обвиняя рецензентов в невежестве, поверхностности, малой грамотности и отвечая критикам, писавшим об «Азбуке», Толстой парировал: «Этот же журналист советует мне вместо бессмысленных, по его мнению, выдержек из Геродота поместить выдержки из какого-то Решетникова и Марко Вовчка. <...> И смешно и досадно» (21: 411), — в печать ответ не был послан.

Толстой был знаком с творчеством Решетникова. А.Л. Толстая записала 6 августа 1910 г. слова отца, сказанные в беседе с В.Г. Короленко: «Как-то разговор перешёл на произведение Решетникова “Подлиповцы”. Короленко хвалил. И отец сказал: “Я начал читать, но не кончил; мне показалось искусственным”» (ЯПЗ. 4. С. 470).

В.М. Бокова

РЁСКИН Джон (1819-1900) — английский писатель, публицист, искусствовед, оказавший большое влияние на культурную жизнь Англии. Центральное место в его творчестве занимают критика буржуазного общества и размышления о справедливом устройстве социального бытия. Упадок нравов, социальное неравенство, злая воля капитала, раздробленность внутренней жизни человека — основные темы сочинений Рёскина, сторонника идей свободного ремесленного и крестьянского труда, воплощение которых он связывал со всеобщим образованием, нравственным воспитанием людей, приобщением их к искусству, воспроизводящему Божественную красоту мира и неразрывно связанному с непреходящими духовными ценностями.

Толстой был хорошо знаком с творчеством Рёскина и проявлял к нему серьёзный интерес в течение более чем двадцати последних лет своей жизни. В письме Д.П. Маковицкому 29 сентября 1895 г. он сообщал: «...Ruskin'a Unto this last «Последнему, что и первому». — М. Л.> и многие другие вещи я знаю уже 10 лет и перевёл по-русски...»

Толстому были близки социальные воззрения Рёскина, которого он считал «образованнейшим и утончённейшим человеком своего времени» (31: 70). В своём предисловии к сборнику «Избранные мысли Джона Рёскина» (перевод Л.П. Никифорова. М.: «Посредник», 1899) Толстой писал: «Джон Рёскин один из замечательнейших людей не только Англии и нашего времени, но и всех стран и времён. Он один из тех редких людей, который думает сердцем (*les grandes pensees viennent du coeur*) и потому думает и говорит то, что он сам видит и чувствует и что будут думать и говорить все в будущем» (31: 96). Толстой широко использовал цитаты из произведений Рёскина в своих религиозно-философских и публицистических сочинениях: в «Рабстве нашего

времени», в статьях «Что такое религия и в чём сущность её?», «О значении русской революции», «Закон насилия и закон любви». Об идейной близости Толстому воззрений Рёскина говорит и увлечение Нехлюдова его сочинениями «Fors Clavigera» («Решающая сила») и «Crown of wild olive» («Крона дикой оливы») во второй редакции «Воскресения», что имеет явные черты биографического сходства с Толстым.

Толстой разделял критическую направленность публицистических сочинений Рёскина, вместе с тем считая, что ему не удалось полностью освободиться от миропонимания, присущего церковному христианству, и это привело к некоторому ослаблению идейной и художественной силы его трудов. Этими размышлениями Толстой поделился с Э. Моодом по прочтении «прекрасной книги» Бруна «Рёскин и Библия» (H. J. Brunhes «Ruskin et la Bible». Paris, 1901; книга сохранилась в личной библиотеке писателя). В июле 1901 г. он писал: «Главная черта Рёскина — это то, что он никогда не мог вполне освободиться от церковнохристианского мировоззрения. Во время начала его работ по социальным вопросам, когда он писал “Unto this last”, он освободился от догматического предания, но туманно-церковнохристианское понимание требований жизни, которое давало ему возможность соединить этические идеалы с эстетическими, оставалось у него до конца и ослабляло его проповедь; ослабляла её также искусственность и потому неясность поэтического языка. Не думайте, чтобы я денигрировал <denigrer — поносить, хулить. — фр.> деятельность этого великого человека, совершенно верно называемого пророком; я всегда восхищаюсь и восхи-

423

щался им, но я указываю на пятна, которые есть и в солнце» (73: 111 — упомянута книга: John Ruskin «Unto this last / Four essays on the first principles of Political Economy». London, 1884 <«Последнему, что и первому. Четыре основных принципа политической экономии»>. Книга сохранилась в яснополянской библиотеке). В конце письма Толстой отмечал, что Рёскин «особенно хорош, когда умный и одинаково с ним настроенный писатель делает из него выписки». Сам он так и поступал, широко представляя читателю изречения Рёскина в составленных им сборниках мыслей. В сборник «Мысли мудрых людей на каждый день» включено 127 высказываний Рёскина, в «Круг чтения» — 72, в «На каждый день» — 30, в «Путь жизни» — 13. В этих книгах Рёскин — один из наиболее часто цитируемых мыслителей. Большинство его высказываний Толстой взял из книги «Избранные мысли Джона Рёскина» (М.: «Посредник», 1902-1903. Вып. 1-3).

М.А. Лукацкий

РЁССЕЛЬ Фёдор Иванович (Фридрих; ?—1848) — немец-гувернёр, почти 20 лет проживший в семье Толстых, описанный под именем Карла Иваныча Мауэра в «Детстве» и «Отрочестве».

Первое действующее лицо у Толстого, с которым мы встречаемся, едва открыв повесть «Детство», — домашний учитель Николеньки Иртеньева, «добрый немец» Карл Иваныч: «12-ого августа 18..., ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подарки, в семь часов утра Карл Иваныч разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопущей — из сахарной бумаги на палке — по мухе» (гл. I).

Толстой вспоминал: «Немца нашего учителя Фёд. Ив. Рёсселя я описал, как умел подробно, в “Детстве” под именем Карла Ивановича» («Воспоминания». Гл. VII). И это довольно редкий случай в творчестве Толстого, когда он взял героя из реальной жизни почти без изменений, герой и прототип так слились друг с другом, что в одном из писем он случайно назвал своего гувернёра не Фёдором Ивановичем, а Карлом Ивановичем и здесь же написал о том, что «воспитатель первый ближайший человек, над которым дети делают свои наблюдения и выводы и потом их прикладывают ко всему человечеству» (61: 123).

Саксонский подданный Фридрих Рёссель появился в семье Толстых в начале лета 1829 г., о чём тогда же мать Толстого писала мужу: «Коко <старший сын Николай. — Л.Д.> только что принёс мне букет. Он освоился с Фёдором Ивановичем, Серёжа и даже Митенька тоже уже привыкли к нему, Коко уже знает несколько немецких слов» (Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н. Толстого. М., 1928. С. 150). А уже в 1832 г. Николенька записывал в учебную тетрадь по немецкому языку продиктованные учителем («мерным горловым голосом») длинные, нравоучительные сентенции, которых позже не избежал и маленький Лёвочка. В старости Толстой, смеясь, вспоминал одно из любимых изречений Рёсселя: «Кто не имеет ничего, тот не получит ничего».

Рёссель был взят в качестве учителя и воспитателя («дядьки», как называла его бабушка Толстого), хотя учителем, в полном смысле слова, вряд ли он мог быть, так как сам был не слишком образован, о чём можно судить и по сохранившимся учебным тетрадям детей, и по кругу чтения учителя, чья «библиотека» состояла из трёх книг: немецкой брошюры об унавоживании огородов под капусту, одного тома истории Семилетней войны и полного курса гидростатики. «Карл Иваныч большую часть своего времени проводил за чтением, даже испортил им своё зрение; но, кроме этих книг и “Северной пчелы”, он ничего не читал» («Детство». Гл. I). Он был малообразован, но необыкновенно честен и добродушен, никогда не бил детей, разве что иногда ставил провинившегося в угол на

колени. Наказание, в редкие минуты раздражения, линейкой или помочами дети воспринимали без малейшей досады: «Карла Иваныча я любил, помнил его с тех пор, как самого себя, и привык считать членом своего семейства...» («Отрочество». Гл. XVII). Трогательная длинная фигура в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются длинные пряди седых волос, «добрый немецкий голос», «доброе немецкое лицо» — таким запомнился детям их гувернёр.

Толстой начал помнить Фёдора Ивановича так рано, что ещё ни отца, ни братьев, никого не помнил. С ним связаны замечательные поездки в Грумант, деревушку в трёх верстах от Ясной Поляны, воспоминания, самые живые и радостные, о том, как детей угощали холодными и густыми, как сметана, сливками с чёрным душистым хлебом, как с великим наслаждением бегали к холодному пруду со стерлядями, как катались с Фёдором Ивановичем в жёлтом дедушкином кабриолете с высокими круглыми рессорами и жёлтыми подлокотниками, и ещё многие впечатления детства — «яркого, нежного, поэтического, любовного, таинственного детства» (34: 375).

424

С именем Рёсселя соединилось для Толстого и более строгое и суровое чувство, — когда ему исполнилось пять лет и он был переведён к Фёдору Ивановичу и старшим братьям, то «испытал в первый раз и потому сильнее, чем когда-либо после, то чувство, которое называют чувством долга, называют чувством креста, который призван нести каждый человек» (23: 472).

В январе 1837 г. отец Толстого с детьми выехал в Москву. «Ходили гулять с Фёдором Ивановичем. Отца мало видали. Весну проводили в Москве. <...> С осени расстались с Фёдором Ивановичем. <...> Тяжёлое, грустное впечатление расставания с Фёдором Ивановичем» (34: 401). В Москве Рёсселя решено было заменить другим гувернёром. Тут-то он, в пылу обиды [«За свою двадцатилетнюю службу я должен теперь, на старости лет, идти на улицу искать свой чёрствый кусок хлеба...» — I; 116], предъявил своим нанимателям счёт, в котором требовал уплаты жалованья и ещё плату за те подарки, которые он делал детям, и даже за обещанные ему, но не подаренные золотые часы. Сцена расставания, во всех подробностях запечатлённая Толстым в XI главе «Детства», закончилась тем, что добродушный Фёдор Иванович расплакался, сказав, что готов служить без жалованья, только бы не расставаться с теми, к кому он так привязан. Решено было, что он останется при прежних обязанностях. После смерти бабушки в мае 1838 г. Толстые оставили старших мальчиков в Москве, а двое младших, Дмитрий и Лев, и две

девочки, Маша и воспитанница Дунечка Темяшева, вместе с «тётенькой» Ёргольской и Рёсселем уехали в Ясную Поляну, где продолжились привычные учебные занятия.

В 1840 г. Рёссель был удалён из Ясной Поляны за «неблагополучное поведение», видимо, за пьянство. Толстой в черновиках трилогии изобразил Карла Иваныча пьяным, но не оставил этот эпизод в окончательном тексте. Просьба Фёдора Ивановича вернуть его в Ясную Поляну (он уверял, что был оклеветан слугами, обещал исправиться и т.д.) была удовлетворена. Последние свои годы старый и больной Рёссель прожил в родной для него Ясной Поляне. Он писал в объяснительной записке о продлении ему билета на жительство как иностранному подданному: «По старости лет моих и по всегдашнему нездоровью я нахожусь жительством в имении малолетних графов Толстых сельце Ясной Поляне, по неимению сил без всякого занятия, а единственно по милости их имею угол и пропитание» (ГАТО. Ф. 278, оп. 1, д. 97, л. 4).

В ноябре 1841 г. осиротевшие дети Толстые переехали в Казань, Рёссель остался в Ясной Поляне уже, по сути, на положении пенсионера. Умер он в сентябре 1848 г., оставив после себя имущество, состоящее из «носильного платья, по оценке 15 руб. 38 коп. серебром», и деньги — 150 руб. серебром и 200 руб. ассигнациями, часть которых ещё при жизни словесно завещал раздать ухаживавшим за ним людям, а оставшееся переслать брату в Саксонию, но куда именно - неизвестно. Похоронен был Фридрих Рёссель на Кочаковском кладбище; до настоящего времени его могила не сохранилась, хотя ещё в конце XIX в. на этой могиле была маленькая часовенка.

Памятуя о своём первом домашнем учителе немце-гувернёре Рёсселе, Толстой полюбил Германию, её язык, её культуру. Когда в молодости путешествовал по Германии, то так отлично говорил по-немецки, что его принимали за немца. Позднее, когда Софья Андреевна нуждалась в лечении после тяжёлой болезни, Толстой собирался везти её только в Германию, «на озёра под Мюнхеном». Незадолго до своей смерти, слушая симфонию Гайдна, писатель сказал близким: «Симфония эта напоминала мне, во-первых, деда и мать, которые играли это, и я это также играл; во-вторых Германию, хорошую, истинную, с маленькими княжествами, вроде Гольштейна, с центрами образованности, тонкости, а не соединённую, грубую Германию; в-третьих, Фёдора Ивановича Рёсселя с его добротой» (ЯПЗ. I. С. 375).

Лит.: Толстой Л.Н. Воспоминания (1903-1906) // Юб., 34.

Л.С. Дробат

РИЛЬКЕ Райнер Мария (1875-1926) – австрийский писатель.

«...Для меня всё заслонила смерть Толстого на этой маленькой неизвестной станции; сколько простора для действия есть ещё и в ваши дни, сколько путей, чтоб уйти, и как внутренняя жизнь этого человека опять и опять претворялась в сфере видимого, непосредственно переходя в свою собственную легенду...» — так— Рильке писал о кончине Толстого (письмо Кларе Рильке 18 ноября 1910 г. — цит. по: *ЛН*. Т. 75. Кн. 1. С. 60).

Рильке родился в Праге, которая в то время была одним из центров Австро-Венгерской империи. Именно поэтому Рильке часто называют австрийским поэтом. Однако масштаб его творчества, огромное значение его лирики для развития и австрийской, и германской, и швейцарской литератур, да и сам жизненный путь Рильке —

425

поэт подолгу жил в Германии, Франции, Швейцарии — заставляют воспринять его личность шире, увидеть в нём поэта общенемецкого, недаром о Рильке говорят как о «германском Орфее».

В разные периоды своей жизни Рильке обращался к разным культурам, проникался идеями художников и мыслителей разных национальностей. Единственной страной, к которой Рильке испытывал непреходящий интерес, была Россия. Во многом эта тяга к России вызвана дружбой с писательницей Лу Андреас-Саломе, родившейся в Петербурге. Под её влиянием Рильке старательно изучал русский язык. Вместе они совершили два путешествия в Россию (в 1899 и 1900 гг.). Рильке отращивал бороду, носил русскую рубаху и даже пробовал писать по-русски стихи. В период между поездками в Россию Рильке познакомился с произведениями Толстого: «Казаков» читал в оригинале, «Воскресение» и «Войну и мир» — в переводе.

Эмоциональное чувство, вызванное смертью великого писателя, многое говорило об отношении Рильке к Толстому. Для него Толстой был одним из самых ярких представителей России. «Бессмертный русский» — так Рильке и Саломе называли Толстого, вспоминая две встречи с ним.

Впервые Рильке увидел Толстого в Москве во время своего первого путешествия в Россию — это произошло 29 (ст. ст. 16) апреля 1899 г. Об этом событии Рильке писал своей матери: «Вчера мы присутствовали на чае у графа Толстого и провели в его доме два часа, чрезвычайно тронутые его добросердечием и человечностью. Умиляет смиренная простота его обхождения и то, как великий старец может по-юношески радоваться и гневаться!» (цит. по: Шторк В. Райнер Мария Рильке в Ясной Поляне // Марбахский журнал. Немецкое шиллеровское общество. 92/2000. С. 20). Слово «гневаться» появилось в этом письме не

случайно. Повод для «гнева» Толстому дали сами гости: Рильке и Саломе с восторгом рассказывали графу, какое сильное впечатление произвело на них празднование православной Пасхи (именно в канун этого праздника они прибыли в Россию). Рассказ, конечно, не мог вызвать одобрения Толстого, не принимавшего обрядовой стороны религии. Однако отношения между писателем и его посетителями всё-таки завязались, и в следующий раз они встретились через год, 1 июня (ст. ст. 19 мая) 1900 г. На этот раз Рильке и Саломе навестили Толстого в Ясной Поляне.

Описывая второй разговор с Толстым, Рильке подчёркивал, что между ними установилось какое-то особое взаимопонимание: «Старший сын писателя открыл стеклянную дверь, и мы предстали в сенях перед седовласым человеком, перед которым каждый, даже не желающий того, чувствовал себя по-сыновьи. Он будто бы стал меньше ростом и ещё больше поседел. Но его глаза, казалось, жили отдельно от седой головы: они пытливо изучали пришельцев и тайно, по-своему, благословляли их. Граф узнал госпожу Лу и сердечно её приветствовал <...> он предложил нам прогуляться по парку. <...> Мы медленно двигались по тесно заросшей тропинке, оживлённо беседуя и всякий раз ощущая на себе идущее от него удивительное душевное тепло и волнение. Он говорил по-русски, и тогда, когда ветер не относил его слова, я мог разобрать каждый слог. Левую руку он держал под шерстяным жакетом за поясом, правой тяжело опирался на палку. Время от времени он резко сгибался, как будто хотел услышать запах цветка, выросшего на его пути, или срывал травинку. Насладившись их ароматом, он разжимал сухую ладонь, и они падали, теряясь в торжестве весеннего цветения. <.. .> И всякий раз, когда беседа обнаруживала несходство наших представлений о чём-либо, мы явственно ощущали присутствие общего для нас понимания порядка вещей» (из письма С.Н. Шиль 20 мая /2 июня 1900 г.; цит. по: Азадовский К. Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. СПб., 2003. С. 236-238).

Но даже в этом рассказе Рильке проскальзывают слова о каком-то расхождении во взглядах между ним и Толстым. Свидетельница этого разговора Андреас-Саломе проливает свет на маленькую стычку, произошедшую между графом и немецким поэтом; в своих воспоминаниях она пишет: «После вопроса, обращённого к Райнеру: “А чем занимаетесь Вы?”, и его несколько смущённого ответа: “Лирикой”, последовала гневная филиппика в отношении всякой лирики вообще» (цит. по: Шторк В. Райнер Мария Рильке в Ясной Поляне. С. 60).

Здесь-то и открывается сфера несогласия между Толстым и Рильке. Поздний Толстой полагал, что воспитательные задачи искусства намного важнее и выше, чем художественные, поэтому он не мог одобрить занятий чистой лирикой. Рильке же считал трагической ошибкой отказ

Толстого от творчества во имя некоторых искусственных, даже «ребяческих» идей. Художник для Рильке стоял выше всего. В своей работе «Об искусстве» поэт охарактеризовал его так: «...художник — человек

426

последней цели, не старея проходящий через столетия, вечно юный». Это суждение Рильке перекликалось с положениями самого Толстого, изложенными в книге «Что такое искусство?». У Рильке художник «проходит через столетия». Толстой тоже ценит искусство прежде всего за то, что оно способно передавать одним людям чувства других людей, даже если они жили тысячелетиями раньше.

И всё же работа Рильке «Об искусстве» — это, в первую очередь, спор с идеями Толстого. Начал Рильке такими словами: «Граф Лев Толстой в своей последней на шумевшей книге “Что такое искусство?” собственному ответу на этот вопрос предпослал длинную вереницу определений из всех эпох <...>. Но всем этим взглядам на искусство, не исключая и толстовского, присуще одно и то же: их авторы не столько обсуждают сущность искусства, сколько стараются вывести её из воздействий, которое оно оказывает» (Рильке Р.-М. Об искусстве // Рильке Р.-М. Флорентийский дневник. М., 2001. С. 150). Рильке не соглашался с тем, что главная задача искусства — воспитательная, для него оно ценно само по себе.

Ещё один эпизод связывал Рильке и Толстого. Речь идёт о единственном прозаическом романе Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910). В этом романе много автобиографического. Его герой молодой датский поэт Мальте вспоминает о своей жизни, учится видеть мир, размышляет о назначении искусства. Это важное для себя произведение Рильке хотел завершить главой «Толстой». В момент работы над книгой писатель был ещё жив, и Рильке отказался от своего замысла. Однако фрагмент этот сохранился, и по нему можно судить, как уже зрелый Рильке понимал своеобразие личности Толстого. Здесь русский писатель не похож на мудрого седовласого старца, каким он виделся молодому Рильке, — здесь он мечется между заглушаемой им самим страстью к творчеству и надиктованными разумом идеями. Толстой у Рильке испытывает мучительное беспокойство и постоянно одолевается страхом смерти. Однако трагическое видение фигуры Толстого не уменьшает для Рильке её масштаба. Даже его внутренние противоречия так велики, что заставляют волноваться весь мир. «И об этом мучительном страхе, который возникал из-за справедливого возмущения, заглушённого в нём, будут рассказывать как о

землетрясении: этот страх стал столь велик, что ради собственного спокойствия он лишил покоя целый мир» (Rilke Reiner Maria. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. Insel Verlag. O.J. S. 222).

Лит.: Березина А. Г. Фрагмент Р.-М Рильке «Толстой». Из материалов к роману «Записки Мальте Лауридса Бригге» // Австрийская литература XIX-XX вв. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995.

Е.И. Леенсон

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Николай Андреевич (1844-1908) — композитор, член балакиревского кружка («Могучей кучки»), с 1872 г. профессор Петербургской консерватории, руководитель Бесплатной музыкальной школы (1874-1880), помощник управляющего Придворной певческой капеллой (1883-1893), с 1885 г. художественный руководитель и дирижёр Русских симфонических концертов; автор 15 опер (в т.ч. «Снегурочка», «Садко», «Царская невеста», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Золотой петушок»), симфонических произведений (в т.ч. «Шехерезада», «Испанское каприччио»), романсов и др.; среди учеников Римского-Корсакова — А.К. Лядов, А.К. Глазунов, А.С. Аренский, А.Т. Гречанинов, И.Ф. Стравинский.

Римский-Корсаков происходил из древнего дворянского рода, из которого вышли многие известные мореплаватели. Сам будущий композитор тоже учился в Морском кадетском корпусе. С детства у него проявились незаурядные музыкальные способности, но профессионального музыкального образования он не получил. Среди первых и главных учителей его на композиторском поприще был М.А. Балакирев, композитор, дирижёр. Трёхлетнее дальнейшее плавание позволило Римскому-Корсакову довольно усидчиво заняться композицией. По возвращении из путешествия он представил Балакиреву свою первую симфонию, которая была исполнена в одном из концертов и имела большой успех.

В своём творчестве Римский-Корсаков воплотил образы русской природы, многие страницы его творчества посвящены истории России. Мастер оркестрового письма и оперный композитор, он в совершенстве владел искусством передавать в звуках краски морской стихии, пейзажные картины, сказочные сюжеты. В его музыке широко использованы различные слои русского фольклора, от древних напевов, в т.ч. былинных, до городских песен, мелодии русского православного песнопения. Вся эта звуковая культура окружала его с детства, в древнем Тихвине: там родительский дом находился совсем рядом со знаменитым Тихвинским монастырём.

Будучи по своим музыкальным пристрастиям ближе к европейской романтической музыке и несмотря на привязан-

427

ность к русской народной музыке, Толстой был равнодушен к оперным и симфоническим программным произведениям композиторов «Могучей кучки», написанным на определённые литературные сюжеты. Порой он просто их не знал в полной мере, в т.ч. и сочинения Римского-Корсакова.

Единственная личная встреча двух художников состоялась в Москве, в хамовническом доме 3 января 1898 г. Толстого посетили тогда В.В. Стасов, Н.А. Касаткин, В. Матэ, И.Я. Гинцбург, Н.А. Римский-Корсаков с женой. Во время встречи между Толстым и Римским-Корсаковым разгорелся ожесточённый спор об искусстве, музыке Вагнера и о трактате писателя «Что такое искусство?». Стасов рассказывал в письме брату Д.В. Стасову, что спор был «громадный, прегромадный» (Лев Толстой и музыка. С. 176), который едва не закончился ссорой. С.А. Толстая записала в дневнике: «Были разговоры об искусстве очень горячие и громкие. Стасов молчал, Л.Н. кричал, а Римский-Корсаков горячился, отстаивая красоту в искусстве и развитие для понимания его» (ДСАТ. 1. С. 337). Хотя Римский-Корсаков весьма реалистично и трезво оценивал творчество и эстетические взгляды Вагнера, которые не принимал Толстой, они должны бы были в этом вопросе найти общий язык. Ведь Римский-Корсаков считал, что «Вагнер гениальный человек и великий музыкант, это правда, но вагнеризм есть явление болезненное, ненормальное и нежелательное» (цит. по: *Лев Толстой и музыка*. С. 31). Тем не менее, как писал Стасов, композитор так Толстого «рассердил и окислил под конец вечера, этак у 1 часу ночи, после самых мирных, кротких, дружеских бесед и рассказов из автобиографии, что вдруг Лев Толстой сказал» его жене: «Нет, ничего, вы меня ничуть не утомили и не обеспокоили, но я рад, что сегодня собственными глазами видел мрак» (Стасов В.В. Письма к родным: В 3 т. Т. III. Ч. 1. М., 1962. С. 202-203). На следующий день Толстой записал в дневнике: «Нынче уже четвёртое. Мне немного лучше. Хочется работать. Вчера Стасов и Римский-Корсаков, кофе, глупый разговор об искусстве».

П.Е. Вайдман

РИС Фёдор Фёдорович (даты жизни не установлены) — владелец вольной типографии в Москве, где печатались произведения Толстого. В типографии Риса выполнялись разные работы: печатались газеты, журналы, книги на нескольких европейских языках; таблицы, карты;

отливались разные строчные и титульные шрифты; вырезались рисунки и модели на дереве и металлах и др. 22 июня 1867 г. Толстой заключил с Рисом контракт на печатание книги «Война и мир» отдельным изданием тиражом 4800 экземпляров за сумму около 4500 рублей. «Война и мир» в этом (первом) издании 1868-1869 гг. вышла в шести томах, которые стоили 10 рублей серебром с пересылкой. С 1868 г. в типографии Риса параллельно печаталось и второе издание «Войны и мира»; первые четыре тома этого издания поступили в продажу в октябре того же года. В конце февраля 1869 г. вышел 5-й, а в декабре — 6-й, последний, том книги: этими томами завершались сразу оба издания.

Создавалось впечатление, что Рис работает днём и ночью. Толстой в шутку жаловался на него Бартеневу: «Распросукин сын Рис второй раз будит меня в середине ночи. Раз прискакал ночью, а нынче напугал нас с женой ночной телеграммой. Ему нужны деньги для того, чтобы шла его типография, а мне нужен сон для того, чтобы шла моя машина» (цит. по: Гусев. Материалы. С. 676).

В конце декабря 1871 г. Толстой отдал в набор в типографию Риса первую книгу «Азбуки»; работа над остальными тремя книгами продолжалась. В начале января 1872 г. типография приступила к набору «Азбуки». Толстому казалось, что Рис затягивает печатание. «Азбука моя кончена и печатается очень медленно и скверно у Риса, но я по своей привычке всё мараю и переделываю по 20 раз», — писал он Н.Н. Страхову 3 марта 1872 г. (ПСИТС. 1. С. 19). И ему же жаловался 19 мая: «Я давно кончил свою Азбуку, отдал печатать, и в 4 месяца печатание не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не кончится. <...> Корректуры, ожидание, враньё, поправки типографские и свои измучали меня и обещают мучать всё лето. Я вздумал теперь взять это от Риса и печатать в Петербурге, где, говорят, больше типографий и они лучше» (там же. С. 31). Через несколько дней (27 мая) — снова Страхову: «Дело печатания находится в следующем положении. Рис, типографщик, тянул 5 месяцев, набрал кое-как 7 листов, я через поверенного в Москве отобрал у него оригинал и прекратил печатание; но я ему дал уже денег, он извиняется, и я ему написал ultimatum. Если он напишет условие, с неустойкой в 2000, кончить всю работу в месяц, то я у него буду печатать. Ответа не получил и, вероятно, не получу. <...> В Москве ни одна типография не бралась, кроме Риса (все завалены работой). А Рис взялся и не делает» (там же. С. 33). 5-6 июня: «В Москве ни одна типография

428

не берётся. Рис украл 600 р. и условия делать не хочет. <...> Я так напуган Рисом, что не решусь послать рукописи, пока не буду знать, возьмётся ли

петербургская типография и как скоро кончит работу» (там же. С. 35). В результате оригинал своей рукописи Толстой передал в петербургскую типографию Замысловскому.

С течением времени отношения с Рисом восстановились, и в 1877 г. в его типографии печаталось отдельное издание 8-й части «Анны Карениной». Это издание Рис тоже несколько затянул: автору он «привёз последнюю часть» только 9 июля.

В начале августа с Рисом познакомился Н.Н. Страхов, которому Толстой поручил вести дела по печатанию романа «Анна Каренина»; в письме Толстому он рассказал об этом знакомстве. «На станции Курской дороги я расхаживал в большом недоумении: как я узнаю Риса? Я не расспросил Вас и не знал ни одного его признака. Вдруг вижу прекраснейший экземпляр немца, который тоже чего-то смотрит. Это был он, и мы сейчас же принялись уговариваться. Зная некоторые Ваши слабости, он был ужасно доволен, что Вы не будете держать корректуры; мы принялись уверять друг друга в нашей точности и исправности, и вообще почувствовали большое расположение друг к другу. Он предложил мне поехать вместе в его коляске на Петербургскую станцию, там мы принялись за чай, и он стал хвалиться своею типографией и рассказывать разные интересные типографские дела. Я умолчу об этих делах и даже о подробностях печатания *Анны Карениной*, которые довольно тщательно были выяснены. Но вот что хорошо: 8-я часть идёт прекрасно. Рис уже получил сливки, как он говорит, *триста* рублей от Соловьёва. Отдельного издания *Карениной* ждут с большим нетерпением, присылают требования и делают справки» (*ПСПТС*. С. 345). Отдельное издание «Анны Карениной» вышло в январе 1878 г.

О Рисе вспоминала и Т.А. Кузминская: «Рис был очень аккуратный не то немец, не то эстонец. Он приезжал несколько раз в Ясную, где я его видала. Запомнила я тоже, как он учил меня и Соню варить малиновое варенье. Ломаным русским языком объяснял он: “Малину, сахар бухайте всё за раз в таз. Воды — kein и kochen. И всё”. — “И хорошо будет?” — спрашивали мы. — “Очень хорошо”. Мы варили, и правда, было хорошо. И это варенье называлось “малина Риса” во всю нашу жизнь» (*Кузминская*. Ч. 3. Гл. VI).

Н.И. Бурнашова

РОДЗЯНКО Н.В. (имя и даты жизни не установлены) — чиновник особых поручений, надворный советник. В 1848 г. был издан циркуляр «о назначении чиновников особого поручения при Главном управлении цензуры для чтения всего, что выходило из печати в России, и наблюдений таким образом как за направлением литературы, так и за действием цензоров». Родзянко был приставлен к журналу

«Современник» и на протяжении нескольких лет ежемесячно составлял рапорты министру народного просвещения А.С. Норову о «неблаговидных» публикациях в этом журнале. Среди таких «неблаговидных» сочинений оказались рассказы Толстого «Записки маркёра», «Рубка леса» и даже некоторые страницы «Севастополя в августе 1855 года». В «Записках маркёра», например, Родзянко видел «так много неприличных суждений и язвений», что перечислил подряд все страницы, где заметил нарушение «нравственного приличия»: «10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26». «Особенно неблагоприятным» представлялось чиновнику то, «что этот рассказ выходит из пера трактирного слуги о дворянах».

Лит.: Бурнашёва Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. – М., 1999.

Н.И. Бурнашёва

РОЗАНОВ Василий Васильевич (1856-1919) – писатель, публицист, философ. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого.

Толстой и Розанов как писатели и мыслители были во многом противоположны. Моральной философии Толстого противостоял аморализм Розанова, толстовским призывам к целомудрию и аскетизму – половая разнузданность и стремление к языческой радости жизни Розанова, христианско-непротивленческому анархизму Толстого – консервативные воззрения Розанова, идейной принципиальности и последовательности Толстого – политическая беспринципность Розанова, сотрудничавшего одновременно в консервативном «Новом времени» и либеральном «Русском слове» (под псевдонимом Варварин), писавшего то консервативные, то прореволюционные («Когда начальство ушло») статьи и книги.

У них был общий знакомый – Н.Н. Страхов, от которого Толстой в 1890-е гг. узнал о Розанове и его трудах. Познакомившись с этими трудами, Толстой сразу почувствовал в их авторе духовно чуждого человека. В 1890 г. о статье «Место христианства в истории» Толстой написал, что это «только

траты бумаги и времени и накопление греха гордости» (51: 60). 13 июля 1893 г. он писал Страхову о статьях Розанова: «Обо всём слегка, выпренно, необдуманно, фальшиво возбуждённо и с самодовольством

ретроградно. Очень гадко <...> употреблять мысль и слово на то, чтобы противодействовать истине, совершенно нецелесообразно».

6 марта 1903 г. Розанов с женой посетили Ясную Поляну. Информация об этом посещении появилась в дневнике Л.Л. Толстого. Толстой остался невысокого мнения о Розанове. «Я сказал Розанову две вещи, — говорил отец, — первое, что меня очень удивило, что он на вопрос, каковы были его религиозные верования, не мог дать мне определённого ответа, и второе — что он пишет очень хорошо, но беда в том, что в его писаниях ничего понять нельзя!» Отец был поражён его малой образованностью...» (цит. по: Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 263).

В письме к брату С.Н. Толстому 10 марта 1903 г. Толстой отметил, что посетивший его Розанов показался ему «мало интересен». На Розанова же эта поездка произвела огромное впечатление, он долго вспоминал о встрече с Толстым, однако преодолеть разногласия с ним так и не смог.

Розанов написал около 40 статей о Толстом, в которых отразил разные взгляды на жизнь, творчество и воззрения писателя. Для него, часто менявшего свои взгляды, такие перемены не являлись необычными. С одной стороны, он подчеркнул огромную роль Толстого в истории русской культуры и литературы. Как писатель, по мнению Розанова, Толстой уступает Пушкину, Гоголю в яркости и выразительности стиля, мастерстве слова, но значительно превосходит всех русских писателей в композиционном отношении и в богатстве сюжетов, содержательности творчества. Розанов подчёркивал великолепное описание Толстым душевных движений героев, народность, укоренённость русского национального гения, ставшего своеобразным зеркалом русской действительности, великолепно отображающим непростые процессы, происходящие в России. Розанов воспринимал Толстого как последнего из плеяды великих писателей, который завершил русскую реалистическую литературу.

Непростым было отношение критика к художественному творчеству Толстого последних лет жизни и к его религиозно-философским взглядам. Как полагал Розанов, иногда противопоставлявший раннего и позднего Толстого, Толстой-мыслитель, моральный проповедник стоит ниже Толстого-художника. Характерны юбилейные статьи Розанова 1898 и 1908 гг., где автор преклонялся перед Толстым-личностью и Толстым-художником. «При рассмотрении портретов Толстого невольно думалось: именно такого прекрасного лица ещё не рождала русская литература. <...> Умри он, так мало пишущий, и река русской литературы сейчас же превратится в пересыхающее болотце. Даже когда он не пишет — он думает; он всех нас видит» («Гр. Л.Н. Толстой». 1898). Через десять лет высокая оценка Толстого-художника («Толстой завершил русскую литературу, довёл её до апогея») также сочеталась у Розанова с

неприятием философских воззрений писателя («Мораль Толстого вынимает силы; искусство двойит их» — см. юбилейные статьи в «Новом времени» 28 августа 1908 г.).

Не принимал Розанов моралистический уклон сочинений Толстого. В 1895 г. в статье «По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого» он обрушился на Толстого за рассказ «Хозяин и работник». Высокая идея самопожертвования, которую проводит автор, мало трогает Розанова, обвинившего Толстого во всех грехах, призывающего покаяться, отказаться от вредной публицистической деятельности. Как Василию Андреевичу Брехунову, герою «Хозяина и работника», надо было отречься от духа стяжания, так и Толстому — «от духа осуждения, <...> злобы, презрения к миру». «Ты негодуешь, что Василий Андрейч смутил своими покупками целую округу, но разве ты задумался, разве остановился перед тем, чтобы смутить тебе соответствующей суетой тысячелетний покой церкви?» Выход видится Розанову в примирении Толстого с церковью. Критика толстовства дана и в статье «Ещё о гр. Л.Н. Толстом и его учении о несопротивлении злу» (1896). Не принял Розанов и основную идею романа «Воскресение», считая, что Толстой проповедует «пассивные идеалы». Не мог он согласиться и с неприятием церковных обрядов. Критические замечания в отношении религиозных взглядов Толстого звучали и в письме Розанова П.П. Перцову 22 июля 1901 г.: «Толстой в религии — просто сапожник. Не могу представить, что я Вам мог о нём сочувственное написать. Да и вообще старческая его болтовня до крайности надоела. К тому же ведь он и не искренен». Неоднозначно воспринял Розанов отлучение Толстого от церкви. На религиозно-философских собраниях в 1902 г. он сказал, что «Синод и Толстой суть явления разных порядков. Нельзя алгебру опровергать стихами Пушкина, а стихи Пушкина

430

нельзя критиковать алгебраически». Синод — учреждение, созданное искусственно. А Толстой, при всех его ошибках, — «огромное религиозное явление». Решение Синода — «это мирское дело, только совершённое не мирянами». И впоследствии, несмотря на неприятие религиозно-философских взглядов Толстого, его антицерковности, Розанов писал: «...для меня Толстой есть православный из православных...», «православный с приключениями <...> каковы мы все». По мнению Розанова, Толстой — православный по духу, по жизни, по образу. Его философские взгляды — чистое недоразумение («Толстой в литературе» // Новое время. 1910. 9 ноября). В работе «Лев Толстой и русская церковь» (1912) Розанов отметил, что Толстой был прав, когда

критиковал необразованность, невежество, нравственные качества духовенства, но он не понимал русской святости и благочестия, не ощущал неразрывной связи церкви с русским народом. Между тем, сам Розанов был тоже далёк от православной церкви. Его религиозные поиски проходили, в лучшем случае, «около церковных стен» (так назывался сборник его статей, 1906), а некоторые его выпады против христианства и Иисуса Христа представители церкви встречали не менее враждебно, чем толстовские произведения.

Один из главных вопросов творчества Розанова — половой и семейный. Он много писал и размышлял и о юридических аспектах вопроса о браке, о несовершенствах брачного законодательства, и о физиологической стороне брака, восприятию половых отношений (см. сб. «Семейный вопрос в России». 1903). Этой темы касались писатели во время их встречи в 1903 г. Розанов высоко ценил Толстого, великолепно изобразившего в своих сочинениях поэтику семейного очага, семейный быт, наполненный радостными моментами рождения, воспитания детей. Поздний Толстой с его аскетическими воззрениями, получившими отражение, в частности, в «Крейцеровой сонате», был чужд Розанову, создавшему настоящую «религию пола», неоднократно обыгрывавшему в своих статьях и эссе эротические мотивы, критиковавшему христианство за аскетизм в этом вопросе.

Лит.: Николюкин А.Н. Розанов. — М., 2001; Бабаев Э.Г. «Нравственная тишина». В.В. Розанов в Ясной Поляне // Друзья и гости Ясной Поляны. — 1993. № 1.

Ю.В. Прокопчук

РОЛЛАН Ромен (Rolland Roman; 1866-1944) — французский писатель, романист и публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе. Родился в семье адвоката в Кламси, маленьком городке на юге Франции, где провёл детские годы. В 1880 г. семья переехала в Париж, чтобы сын мог получить хорошее образование. В 1886 г. юноша поступил в весьма престижную Эколь нормаль сюрперьер, где изучал историю, готовясь стать университетским учёным, чего так хотела его мать, и в 1889 г. получил диплом преподавателя. В 1889-1891 гг. Роллан, получив стипендию, жил в Риме, где изучал историю в Эколь франсэз, однако постепенно утратил интерес к научной работе и под впечатлением исторических пьес Шекспира начал писать цикл исторических драм, в основе которых были события и личности итальянского Возрождения. Вернувшись в 1891 г. в Париж, Роллан продолжил писать пьесы и заниматься исследовательской работой. В 1895 г. он защитил первую в Сорбонне диссертацию в области музыки, после чего получил кафедру

музыкознания, созданную специально для него. В течение следующих 17 лет Роллан совмещал занятия литературой с чтением лекций по музыке и изобразительному искусству в Сорбонне и других учебных заведениях. Увлечённый работой, он задумал серию биографий знаменитых людей, жизнь и деятельность которых могла бы стать примером для читателя. Первую и наиболее удавшуюся биографию «Жизнь Бетховена» (1903) Роллан написал «в знак благодарности за источник вдохновения в минуты отчаяния и безнадёжности» (У.-Т. Старр). Закончив в 1905 г. биографию Микеланджело, Роллан отказался от продолжения серии, но остался верен биографическому жанру и позже, когда писал биографии Генделя (1910), Толстого (1911), Ганди (1924) и др. Следующее эпохальное произведение Роллана — «Жан-Кристоф», десяти томный роман, выходящий в 1904-1912 гг., представляет собой историю жизни гениального музыканта, прототипом которого стал Бетховен, а также широкую панораму европейской жизни первого десятилетия XX в. Нобелевскую премию по литературе за 1915 г. Роллан получил (в основном благодаря «Жан-Кристофу») «за высокий идеализм литературных произведений, за сочувствие и любовь к истине, с которой он описывает различные человеческие типы». Из-за войны традиционная церемония награждения не проводилась и Роллан с Нобелевской лекцией не выступал. Политические взгляды Роллана оставались противоречивыми, особенно в отношении к Советскому Союзу, который он всячески поддерживал, хотя и критиковал

431

за ошибки. Вообще в годы между мировыми войнами писатель всё больше времени и сил уделял политике и общественной жизни и в то же время по-прежнему очень много писал: романы, очерки, музыковедческие статьи, биографии, пьесы, дневники, воспоминания, письма... С 1920-х гг. Роллан начал общаться с М. Горьким, по его приглашению приезжал в Москву (1935), получил возможность встретиться со Сталиным, которым восхищался и которого считал одним из величайших людей современности. Он взял на себя своеобразную роль посланника французской художественной интеллигенции в Советском Союзе.

В 1920-е гг. Роллан увлёкся индийской религиозной и политической мыслью; в 1931 г. к нему в Швейцарию приезжал Ганди. Главным художественным произведением этого периода стал шестой цикл писателя «Очарованная душа» (1925-1933), семитомный роман, в котором описывается мучительная борьба женщины за реализацию своих духовных возможностей.

Во время Второй мировой войны Роллан занял место в рядах борцов с нацизмом. 30 декабря 1944 г. он скончался от туберкулёза, которым страдал с детства. Прочитанное вслух в Сорбонне его письмо, где писатель выражал соболезнование семьям деятелей науки и искусства, погибших от рук нацистов, было написано 9 декабря, за три недели до смерти.

Знакомство с творчеством Толстого, переписка с русским писателем стали важной частью всей жизни Роллана. Конец 1880-х гг. — время активной публикации переводов Толстого во Франции. Тогда Роллан и познакомился с «Войной и миром», «Анной Карениной», «Детством и Отрочеством», «Смертью Ивана Ильича» и др. В апреле 1887 г. Роллан, учащийся Эколь нормаль сюрперьер, осмелился обратиться с письмом к Толстому и спустя несколько месяцев получил ответ. Причины обращения напрямую к маститому автору Роллан сам разъяснил, когда публиковал письма Толстого: «Я глубоко любил — никогда не переставал любить — Толстого. Два или три года перед этим я прожил, окружённый атмосферой его мысли... Доброта, ум, абсолютная правдивость этого великого человека делали его для меня самым надёжным проводником в нравственной анархии нашего времени» (1902). Формальным поводом обращения стало желание Роллана поделиться впечатлением, которое произвела на него повесть «Смерть Ивана Ильича». Позднее в книге «Жизнь Толстого» Роллан подчеркнёт ещё раз, что значило имя Толстого для него и его окружения: «Все мы, студенты, были непохожи друг на друга. В нашем маленьком кружке, объединявшем и рационалистов, и скептиков <...> и поэтов <...> и атеистов, и мистиков, — было всегда много споров и разногласий, но на несколько месяцев любовь к Толстому объединила почти всех нас. Все любили его, разумеется, по-разному, но каждый находил в нём себя самого; и в жизни всех нас он явился откровением — вратами, распахнувшимися в огромную вселенную. <...> Никогда ещё в Европе не звучал голос, равный ему по силе» (Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. М., 1954. Т. 2. С. 219-220). Впечатление, которое произвёл на Роллана Толстой, заставило будущего писателя задуматься о силе искусства, о том, что такое истинный художник, о значении реалистического слова. Но при этом работы Толстого об искусстве новым вызывали у Роллана множество вопросов, и он дважды обращался к автору за ответами. Вопросы были связаны не только с отношением к искусству, но и шире, с пониманием ключевых вопросов бытия: добра, истины, отношений между физическим и умственным трудом. Одним из самых острых вопросов был вопрос о самопожертвовании, на протяжении всего творческого пути Роллан убеждался, что «произведения истинной науки и истинного искусства суть продукты приносимой человеком жертвы, а никак не тех или иных материальных выгод» (64: 94). Именно в силу остроты и насущности поставленных

вопросов Толстой отвечал подробно, и его ответ приближается к статусу статьи, хотя и не до конца доработанной автором.

9 октября 1887 г. в дневнике Толстой отметил, что занимался «исправлением написанного» послания Роллану для напечатания в «Неделе». В письме П.И. Бирюкову (6 ноября 1888 г.) он признавался: «Письмо французу два раза ещё принимался, да не идёт. Пусть печатает так» (64: 191). Речь идёт о том, что Толстой намерен всё же был расширить свой ответ в статью, но исправления до конца так и не внёс. А письмо, в итоге, было опубликовано в «Неделе» (1888. № 46) под названием «О ручном труде и умственной деятельности: Письмо к французу». Письмо покорило Роллана, открыв ему Толстого-мыслителя: «Ручной труд в нашем развращённом обществе (в обществе так называемых образованных людей) является обязательным для нас единственно потому, что главный недостаток этого общества состоял и до сих <пор> состоит в освобождении себя от этого труда и в пользовании, без всякой взаимности, трудом бедных, невежественных, несчастных классов, являющихся рабами, подобными

432

рабам древнего мира. <...> Самое простое и самое короткое нравственное правило состоит в том, чтобы как можно меньше заставлять других служить себе и как можно больше самому служить другим. Требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше» (64: 92). Эта социальная сторона вопроса нашла сочувствие у Роллана, однако выводы Толстого о преимуществе труда физического перед умственным не были восприняты французом так же однозначно. Вот что прозвучало для французского писателя убедительно и было воспринято им как аксиома: «Не тот пророк, который получает воспитание пророка, а тот, кто имеет внутреннее убеждение в том, что он есть пророк, должен им быть и не может не быть им» (64: 93); «Во все времена человечество в своём поступательном движении только то и делало, что определяло добро и красоту. <...> Всё, что соединяет людей, есть добро и красота; всё, что разъединяет их, есть зло и безобразие» (64: 95); «Человеческая мудрость не заключается в познании вещей. <...> Мудрость человеческая в познании того порядка, в котором полезно знать вещи; она состоит в умении распределять свои знания соответственно степени их важности. Между тем из всех наук, которые человек может и должен знать, главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра; и из всех искусств главнейшее есть искусство уметь избегать зла и творить добро с наименьшей, по возможности, затратой усилий» (64: 95). Предполагая, очевидно, возможность

полемики, сам Толстой в конце своего письма подчёркивал, что «наибольшее, доступное человеку, счастье, самое свободное, самое счастливое его состояние есть состояние самоотречения и любви. Разум открывает человеку единственно возможный путь счастья, и чувство устремляет его на этот путь» (64: 97). В благодарность мудрому учителю Роллан часто обращался к этому преподнесённому в письме уроку, пространно цитируя Толстого в своих произведениях. Работу над книгой «Жизнь Толстого» он воспринимал как личный долг, потому написанную в 1911 г. книгу дополнял и дорабатывал в 1928 г. Ставший для Роллана учителем жизни и творчества, Толстой, «мыслитель» и «гениальный провидец», получил проникновенное определение: «Толстой никогда не обращался к привилегированным мыслителям, он говорил для простых людей — для людей доброй воли. Он — наша совесть. Он говорит именно то, что мы, обыкновенные люди, думаем и в чём боимся признаться самим себе. Он для нас не преисполненный спеси учитель жизни, один из тех надменных гениев, которые, замкнувшись в кругу своего искусства и мысли, вознесли себя над бранным человечеством. Он, как он сам любил называть себя в своих письмах, наш “брат”. Так повторим же за ним самое прекрасное и человеческое из всех слов — “брат”» (Жизнь Толстого // Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. Т. 2. С. 359-360).

Н.Б. Калашикова

РОССИНИ Джоаккино (1792-1868) – итальянский композитор; автор около 40 опер, вокальных симфонических произведений, торжественных месс, кантат, гимнов, квартетов, двух симфоний, серенад, сонат и др. произведений. Мировую славу композитору принесла опера «Севильский цирюльник», написанная в 1816 г. всего за 20 дней.

Толстой знал и любил музыку Россини, не раз слушал его сочинения в Итальянской опере Петербурга. 8 декабря 1856 г., прослушав «Графа Ори», он отметил в дневнике: «Отлично. Чудо». «Итальянка в Алжире» 22 декабря в той же Итальянской опере ему не понравилась; в дневнике лаконично: «Плохо». А 5 марта 1857 г. в Париже Толстой в Итальянской опере слушал «Севильского цирюльника»: «По счастью, вместо Риголетто видел Севильского цирюльника. Славно» (47: 118). С.Л. Толстой называл «Севильского цирюльника» в числе немногих опер, любимых отцом. 28 ноября 1864 г. в Москве в Большом театре Толстой слушал оперу «Зора» в исполнении итальянской труппы. «В этот день, — писал он С.А. Толстой, — ...я был очень весел, поехал в Зору, мне было очень приятно и от музыки, и от вида различных господ и дам, которые для меня все типы» (83: 63 — под названием «Зора» в Большом театре шла опера «Моисей»). Через несколько дней, 9 декабря, Толстой снова в Большом театре — давали «Вильгельма Телля» Россини: «Вчера были в

Гильом-Телле, — писал он назавтра жене в Ясную Поляну. — Я был в духе понимать и наслаждаться два первых акта, а потом устал» (83: 91).

В черновиках повести «Альберт» в уста главного героя Толстой вкладывал и своё отношение к музыке итальянского композитора: «О, Вильгельм Телль! Божественный Россини! — с энтузиазмом воскликнул Альберт. — Вы любите Россини? — О, Россини! один живущий теперь гений! — закричал он, размахивая руками» (5: 157).

Е.Ю. Хомякова

РОССИНСКИЙ Владимир Ильиодорович (1874-1919) — живописец, график,

433

портретист, пейзажист, сценограф. Учился в московском Училище живописи, ваяния и зодчества в одном классе с Т.Л. Толстой и Л.А. Сулержицким. Окончил училище в 1895 г. Ученик А.Е. Архипова. В 1894 г. вступился за исключённого из училища Сулержицкого, выступившего против начальства. Его сокурсники, в т.ч. и Татьяна Львовна, в знак поддержки своего друга на следующей выставке первым номером выставили портрет Сулержицкого во весь рост с подписью: «В. Российский. Портрет товарища». Об этом эпизоде вспоминал и С.Т. Конёнков в своей книге «Мой век».

На протяжении всей жизни художник был глубоким почитателем Толстого, что отразилось в его творчестве. Он бывал в доме Толстых, о нём заботилась Татьяна Львовна, подыскивая ему уроки, устраивая летом на даче близ Ясной Поляны. Ещё в стенах училища Российский создал большую аллегорическую картину «Апофеоз Толстого» (карандаш, бумага, 68 x 120, ГМТ). Потрясённый уходом и смертью писателя, он задумал серию больших рисунков о последних днях Толстого. Художник проследовал тем же путём, что и Толстой, встречался с теми же людьми, стараясь не упустить ни малейшей детали. А.Л. Толстая писала тогда Д.П. Маковиц- кому в Ясную Поляну, прося помочь художнику: «Милый Душанчик, покажите и расскажите Российскому всё, что можете. Он затевает очень интересную работу, и Ваше содействие будет ему очень дорого. Он, вероятно, будет ночевать, окажите ему гостеприимство» (цит. по: *ЯП. сб.* 1980. Тула, 1981. С. 201). Художник работал в течение целого года. Серия рисунков цветными карандашами «Последние дни Л.Н. Толстого» была опубликована в альбоме в 1911 г. В 1912 г. автор дополнил серию ещё одним рисунком «Л.Н. Толстой помогает кучеру закладывать лошадей». Тогда же цветными карандашами он исполнил ещё одну аллегорическую картину «Могила Толстого» (142 x 178). Жизнь его

оборвалась в тот момент, когда он работал над главным своим замыслом – грандиозным полотном «Великий мыслитель пашет», изображающим Толстого за плугом (3,5 x 2,5 м). Россинский исполнил также портреты Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Качалова, К.С. Станиславского, декорации к спектаклям МХТ, писал пейзажи Подмосковья.

В декабре 1910 г. Россинский ездил в Ясную Поляну, где сделал зарисовки с натуры для задуманной им работы. Он записал рассказы свидетелей последних дней жизни Толстого. С рисунков были выполнены литографии для альбома и напечатан текст, составленный самим художником со слов очевидцев. В предисловии к альбому «Последние дни Л.Н. Толстого» автор писал: «Слишком фантастична сама правда, чтобы нужно было художнику к ней что-нибудь придумать. Величаво красив образ того, кто был её героем, чтобы нужно было художнику его украшать. Воссоздать эту правду во всей точности её даже самых мельчайших подробностей — вот что было моей задачей при изображении последних дней великой жизни. Все, кто были участниками и свидетелями последних дней Льва Николаевича, своими рассказами и указаниями помогли мне в исполнении моей задачи, и я с чувством глубокой благодарности обращаюсь здесь к этим лицам».

Т.Л. Толстой-Сухотиной 5 сентября 1911 г. Ю.И. Игумнова писала: «Россинский очень просит меня устроить ему с тобой свидание. Он сделал очень интересную вещь: «Уход Льва Николаевича из Ясной Поляны». Ряд рисунков цветными карандашами, начиная с момента, когда он отворил дверь к Саше, что он уходит, и кончая смертью. Очень интересно. Не скажу, что Л.Н. везде похож как портрет, но очень интересно по подробностям разных мест и по обстановке и общему замыслу» (ОР ГМТ).

Н.В. Зайцева

РОССОЛИМО Григорий Иванович (1860-1928) — профессор-невропатолог; посетитель Толстого.

Приезжал в Ясную Поляну вместе с врачом Д.В. Никитиным 19 июля 1910 г. в связи с обострением нервного состояния С.А. Толстой. Доктора советовали супругам разъехаться, хотя бы на время, что вызвало у Софьи Андреевны крайнее раздражение. Толстой записал в дневнике 20 июля: «Россолимо поразительно глуп по-учёному, безнадёжно». И на завтра, видимо, под влиянием встречи в дневнике появилась запись: «Наука — это богадельня, или скорее поприще успеха среди толпы, открытое для всех самых умственно и нравственно тупых людей».

В.Ф. Булгаков в своём дневнике 19 июля писал: «За обедом Россолимо и Лев Николаевич вели разговор о причинах самоубийств. Лев

Николаевич как на главную причину указывал на отсутствие веры. Россолимо называл причины: экономическую, культурную, физиологическую, биологическую и пр., а также, пожалуй, и отсутствие веры, т.е. (перевёл на свой язык) отсутствие “точки, на которую можно бы

434

ло бы опереться”. Никак сговориться с Львом Николаевичем он не мог...» (Булгаков. 19 июля).

А.Б. Гольденвейзер в своих записях приводил слова Толстого: «Удивительны эти психиатры! Россолимо мне говорит: “Многое мы уже знаем, а что такое сознание, мы ещё не знаем”. Маленькой вещи не знают, сознания! Сознание — это всё. Всё равно что сказать, что я могу схватить огонь, только до пламени не могу дотронуться» (8 августа 1910 г.).

В письме к Толстому (оно не сохранилось), а позднее и к А.Л. Толстой Россолимо поставил диагноз болезни Софьи Андреевны: «...под влиянием упадочного периода жизни и сопряжённого с ним истощения регулирующих душевных сил, стали всё более и более выдвигаться основные особенности характера Софьи Андреевны. Последний же представляет собою сочетание двух дегенеративных конституций: истерической и паранойяльной. Первая сказывается в особенно яркой окраске всех переживаний, в сосредоточенности всех интересов вокруг собственной личности. Вторая даёт себя знать в чрезмерной подозрительности и построенных на ней неправильных умозаключениях». 22 августа Толстой записал: «Письмо от Россолимо, замечательно глупое о положении Софьи Андреевны...»

В.В. Алексеева

РОСТОВЦЕВ Николай Яковлевич (1831-1892) — сын известного гос. деятеля, руководителя подготовки Крестьянской реформы 1861 г. Я.И. Ростовцева; в 1854-1855 гг. обер-офицер Южной армии; приятель Толстого. Участник журнала «Военный листок»; Толстой считал его одним из лучших «сотрудников» журнала; в пробном номере, посланном государю императору, были помещены статьи самого Толстого и Ростовцева, «не совсем православные», как писал Толстой брату С.Н. Толстому. В 1890 г. в разговоре с Ю.О. Якубовским Толстой вспоминал Ростовцева: «Это был один из самых блестящих офицеров русской армии. Мы были тогда очень дружны с ним. С ним же мы задумали и хлопотали об издании журнала для солдат» (Толстовский ежегодник. М.,

1913. С. 23). Существует версия, что некоторые черты Ростовцева отразились в образе офицера Калугина в рассказе «Севастополь в мае».

В конце 1850-х гг. Ростовцев познакомился с А.А. Толстой. В письме к ней 12 октября 1859 г. Толстой писал: «Вы полюбили Ростовцева. Я очень рад этому. Он славный. В нём есть что-то такое, к чему боишься подходить грубо. Что-то благородное и тонкое, нежное. Я в сношениях с ним всегда чувствовал это приятное уважение и осторожность».

В начале 1860-х гг. Ростовцев — офицер Генерального штаба, флигель-адъютант. В 1862 г. уволен со службы за знакомство с А.И. Герценом. Впоследствии, восстановленный на службе, был военным губернатором и командующим войсками Самаркандской области.

Н.И. Бурнашёва

РУБИН (имя и даты жизни неизвестны) — фейерверкер, сослуживец Толстого по 4-й батарейной батарее 20-й полевой артиллерийской бригады на Кавказе. В период работы над рассказом «Рубка леса» фамилия фейерверкера неоднократно упоминалась в дневнике Толстого среди фамилий других солдат батареи: Жданова, Захарова, Слевака... Там же записано несколько историй из солдатской жизни: о помощи Жданова Рубину, когда тот был ещё рекрутом, о случае со строевым ефрейтором Слеваком, у которого украли деньги, данные ему Рубиным «на сохранение», и о реакции Рубина на случившееся. В рассказе «Рубка леса» фейерверкер Рубин выведен под фамилией Максимов.

Н.И. Бурнашёва

РУБИНШТЕЙН Антон Григорьевич (1829-1894) — композитор, пианист-виртуоз, один из величайших пианистов XIX в., педагог, основатель Петербургской консерватории. Старший брат Н.Г. Рубинштейна. Учился сначала у матери, затем у Виллуана, ученика Фильда. Девяти лет Рубинштейн уже выступил публично в Москве, в 1840 г. — в Париже, где поразил таких авторитетов, как Обер, Шопен, Лист, который назвал его наследником своей игры. Писать музыку он начал в 11 лет. В 1844-1849 гг. Рубинштейн жил за границей, где наставниками его были знаменитые педагог З. Ден (у него брал уроки и М.И. Глинка) и композитор Д. Мейербер, тепло относился к молодому таланту и Ф. Мендельсон. Вернувшись в Петербург, А. Рубинштейн стал заведующим музыкой при дворе великой княгини Елены Павловны. К тому времени относятся серия его фортепианных пьес и опера «Дмитрий Донской». Он упорно и много работал почти во всех родах музыкального искусства.

Число его сочинений достигло 119, не считая опер и немалого количества фортепианных вещей, романсов и т.д. Многие оперы Рубинштейна ставились в Европе и Америке, где имели огромный успех.

435

В конце 1850-х гг. во дворце великой княгини были открыты музыкальные классы и устраивались концерты под управлением Рубинштейна. В 1859 г. при содействии друзей и под покровительством великой княгини он основал Русское музыкальное общество. В 1862 г. была открыта Петербургская консерватория. Рубинштейн, назначенный её директором, пожелал держать экзамен на диплом свободного художника и считался первым, кто получил его. Питомцем первого выпуска консерватории стал П.И. Чайковский.

С 1867 г. Рубинштейн снова активно концертировал и много работал как композитор. В течение нескольких лет он давал циклы «Исторических концертов». В них звучали в его исполнении сочинения XVI-XIX вв. Свою игру Рубинштейн сопровождал лекциями, которые позднее были изданы. Как пианист-виртуоз Рубинштейн не имел соперников. Техника пальцев и вообще развитие рук было для него только средством, орудием, но не целью. Индивидуальное глубокое понимание исполняемого, чудное, разнообразное туше, полнейшая естественность и непринуждённость исполнения лежали в основе игры этого необычайного пианиста. Рубинштейн пожертвовал с помощью своих благотворительных концертов много средств для молодых композиторов и пианистов. Он устраивал через каждые пять лет конкурсы в разных музыкальных центрах Европы.

Когда именно Толстой впервые услышал игру А. Рубинштейна, установить не удаётся, но сочинения его знал. 5 февраля 1889 г. Танеев играл «Баркаролу» А. Рубинштейна в хамовническом доме. При этом сам Толстой сделал запись в дневнике: «Не нужно и даже скучно» (50:33). Рубинштейн посетил Толстого в Хамовниках 8 января 1892 г., после того как дал в Москве концерт в пользу голодающих. Конечно, играл. Сохранился отзыв Толстого об игре А. Рубинштейна, записанный А.Б. Гольденвейзером: «Несколько раз при мне Лев Николаевич вспоминал с большим восхищением игру братьев Рубинштейнов, особенно Антона» (цит. по: *Лев Толстой и музыка*. С. 147), хотя есть свидетельства, что Толстой предпочитал игру Н. Рубинштейна. Причина разных мнений, видимо, в том, что они были высказаны Толстым в разное время и при разных обстоятельствах. Толстой, не любивший оперу и редко посещавший оперные театры, с какими-то операми Рубинштейна всё-таки был знаком по клавирам. Но в 1897 г., когда композитора уже не

было в живых, Толстой присутствовал в Московской консерватории на репетиции ученического спектакля под управлением В.И. Сафонова, где готовилось исполнение оперы А. Рубинштейна «Фераморс». «Мотивы оперы ему очень понравились, но сюжет и масса условностей в постановке» «показались ему слишком скучными» (*Гусев. Летопись. 2. С. 237*).

Уже после смерти А. Рубинштейна, в 1895 г., В.Ф. Лазурский записал в своём дневнике, как Н.Н. Страхов спросил Толстого, какого он мнения о Чайковском. Писатель ответил: «Так, из средних». На вопрос Лазурского об А. Рубинштейне Толстой ответил: «Тоже, хотя Чайковский оригинальнее Рубинштейна. Этот — хороший исполнитель, переиграл массу хороших вещей, и у него постоянно в собственных произведениях являются воспоминания, отзвуки чужого» (*ТВС. 2. С. 55-56*). В другой раз, как записал Лазурский 29 декабря 1895 г., «Лев Николаевич был на ученическом вечере консерватории, хвалит всех. Особенно ему понравился концерт Рубинштейна, к которому он питает сочувствие за искренность и задушевность. В Чайковском он находит иногда искусственность. Музыка Рубинштейна напоминает ему поэзию 60-х годов — В чём же сходство? — спросил я. — В шумливости, прямолинейности? — Нет, нет, не могу выразить; быть может, это воспоминание молодости: в какой-то задушевности» (там же. С. 81-82). 21 февраля 1905 г. «Л.Н. разговорился о музыке: “Напрасно мало ценят Рубинштейна; он был последний из крупных композиторов; в нём есть и старое и новое. После него пошло декадентство”» (*ЯПЗ. 1. С. 185*).

П.Е. Вайдман

РУБИНШТЕЙН Николай Григорьевич (1835-1881) — пианист, дирижёр, педагог, композитор, музыкально-общественный деятель. Основатель Московского отделения Русского музыкального общества (РМО; 1860) и Московской консерватории (1866). Брат А.Г. Рубинштейна. Выходец из купеческого сословия. Игре на фортепиано первоначально обучался у своей матери — К.Х. Рубинштейн. Вместе с братом ещё в юные годы начал концертную деятельность, прошёл курс обучения в Берлине у лучших европейских педагогов того времени.

В 1855 г. Н. Рубинштейн окончил юридический факультет Московского университета, которому, по собственному признанию, был обязан «всем своим умственным развитием» (*Кашкин Н.Д. Танеев и Московская консерватория // Муз. современник. 1916. № 8*), и некоторое время служил в канцелярии Московского гражданского гу-

бернатора. Но призвание к музыкальной деятельности оказалось сильнее, и в 1857 г. он стал учителем музыки в Николаевском сиротском институте. В 1859 г. Н. Рубинштейн возобновил (после перерыва) публичную концертную деятельность, выступая в симфонических и камерных собраниях РМО (Петербург), в благотворительных концертах Московского университета, давал и собственные концерты.

Музыкально-организаторский талант Н. Рубинштейна проявился очень рано.

В 1850-е гг. он много музицировал, ввёл обычай устраивать у себя дома и в других московских домах музыкальные собрания для исполнения классической и новой музыки, на которых присутствовали, помимо музыкантов, художники, литераторы, артисты. На таких домашних концертах нередко бывал и Толстой. Тогда и состоялось их знакомство. Уже в 24 года Н. Рубинштейн стал признанным лидером музыкальной Москвы. Не удивительно, что Толстой, Ю.А. Оболенский и В.П. Боткин, составляя в конце 1850-х гг. проект московского Общества камерной музыки, руководителем его планировали Н. Рубинштейна. В 1860 г. он организовал хор, куда вошли любители пения из разных слоев населения - всего около 100 человек (через короткое время новый хор по качеству звучания стал конкурировать с хором Большого театра). Он заложил основы учебной, концертно-просветительской и исполнительской деятельности Московской консерватории. В 1879 г. под его руководством была осуществлена премьера оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

В 1877-1878 гг. Н. Рубинштейн совершил благотворительное концертное турне по городам России, результатом которого стало пожертвование 30000 руб. раненым в Русско-турецкой войне. В 1878 г. был устройтелем русских концертов на Всемирной выставке в Париже, за что награждён орденом Почётного легиона. Он возглавлял Фонд вспомоществования вдовам и сиротам музыкантов. Содействие молодым, начинающим талантам было его страстью; в композиторской карьере Чайковского Н. Рубинштейн также сыграл немаловажную роль.

Именно Н. Рубинштейн стал устройтелем личной встречи Толстого и Чайковского и концерта из произведений Чайковского в Московской консерватории в декабре 1876 г.

Толстой отдавал предпочтение игре Н. Рубинштейна по сравнению с игрой его более знаменитого брата и слушал его в самых разных концертах, например, в имении князя Д.А. Оболенского, что в 10 верстах от Оптиной пустыни; об этом сын хозяина дома А.Д. Оболенский позднее вспоминал: «Отец мой, знавший лично давно Льва Николаевича, решил его позвать к нам в гости. В это лето у нас гостило довольно много

знакомых, в т.ч. был и Н.Г. Рубинштейн, так что мы могли угостить Толстого хорошей музыкой» (цит. по: *Лев Толстой и музыка*. С. 115).

С.Л. Толстой пересказывал один из разговоров Толстого с Н. Рубинштейном, когда писатель поинтересовался, почему в концертах пианисты редко играют сочинения Моцарта, Гайдна, Вебера. Пианист «отвечал, что эти вещи трудно играть, потому что надо играть их безукоризненно» (там же. С. 108). 3 августа 1909 г. в Ясной Поляне говорили о братьях Рубинштейнах: «Николая я очень любил, замечательно простой», — сказал Толстой (*ЯПЗ*. 4. С. 28).

П.Е. Вайдман

РУГИН Иван Дмитриевич (1866—?) — посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Поручик, окончил Морское техническое училище в Кронштадте. Знакомый П.И. Бирюкова. Некоторое время разделял взгляды Толстого, под влиянием его произведений оставил военную службу.

В 1888-1891 гг. работал в толстовских земледельческих коммунах А.В. Алёхина в Смоленской губ. и М.А. Новосёлова в Тверской губ. В 1890-е гг. — сотрудник книжного склада «Посредника», затем издательства А.С. Суворина. В середине 1890-х гг. жил в земледельческой колонии немцев-баптистов в Симферополе. В начале XX в. — в Петербурге, участник дискуссий на петербургских религиозно-философских собраниях 1901-1903 гг.

В 1889-1890 гг. Ругин несколько раз посещал Ясную Поляну, жил в доме Толстого, беседовал с писателем, косил с ним траву. Ругин произвёл хорошее впечатление на Толстого и членов его семьи. Толстой писал Бирюкову 21 июля 1889 г.: «Получил прежде всего милого Ругина. Не только я, но все мы были поражены его сходством с вами — приёмами, отчасти и характером. Я полюбил его, человек без лукавства» (64: 284). Такие же тёплые слова Толстой адресовал и самому Ругину: «Я не в Петербурге, не с вами, но я очень люблю вас, и потому вы не скучайте и верьте, что много есть людей, которые и любят и будут любить вас» (64: 341).

Ю.В. Прокопчук

РУДНЕВ Александр Матвеевич (род. в 1842 г.) — главный врач Тульской

437

губ. больницы; «хороший наш знакомый» (86: 274), как писал Толстой. Лечил всех Толстых, взрослых и детей; лечил семью С.Н. Толстого, который писал, что Руднев — «человек опытный и хороший», «добрый

человек» (ЛТСБ. С. 416, 419). Неоднократно писатель просил его принять больных мужиков. Летом 1885 г. Толстой, «работая в поле и возя снопы», сильно повредил ногу, «возникло рожистое воспаление, начиналось заражение крови, температура поднялась». С.Л. Толстой вспоминал, что жизнь отца «была в большой опасности; его спасли врачи Чирков и Руднев» (Очерки былого. Гл. «С осени до осени 1898 года. 1884-1887 годы»).

В.Г. Чертков считал, что доктор Руднев — «очень надёжный» (67: 205).

Н.И. Бурнашова

РУДОЛЬФ — «талантливый немец-музыкант», с которым Толстой познакомился в Москве у своих друзей Перфильевых и в конце мая 1849 г. привёз его в Ясную Поляну. Как вспоминал С.Л. Толстой, отец «привёз с собой в Ясную Поляну одного пианиста, немца Рудольфа, и брал у него уроки музыки. Это был талантливый музыкант, но тип богемы. Легкомысленный, кутящий человек, Рудольф недолго прожил в Ясной Поляне и затем вскоре умер. От него остались кое-какие композиции, из которых мне известны “Nehengalopp” и две “Кавалерийских рыси”. Эти пьесы были когда-то напечатаны. Одну из них Лев Николаевич знал наизусть и нередко игрывал» (Очерки былого. Гл. «Музыка в жизни моего отца»). Секретарь Толстого Н.Н. Гусев писал: «Рудольф был прекрасный пианист, и Толстой учился у него правилам игры. <...> По позднейшим воспоминаниям Толстого, Рудольф принадлежал к тому типу людей, которых называют прожигателями жизни. Он много пил и кутил, отыскал в Ясной Поляне дворовых, бывших когда-то музыкантами у деда Толстого Волконского, играл и пил вместе с ними, подвыпивши, уединялся в оранжерею и там сочинял свои композиции» (Гусев. Летопись. 1. С. 36). «Толстой виделся с Рудольфом и после, в Москве, где вместе с ним записывал цыганские песни. Об этом Толстой говорит в рассказе “Святочная ночь” (1853), где Рудольф, обозначенный одной буквой Р., характеризуется словами: “очень хороший музыкант, мой приятель, немец по музыкальному направлению и по происхождению”» (там же. С. 37). Некоторые черты Рудольфа, его пребывание в доме Толстого позднее отразились в рассказе «Альберт» (1858). В феврале-марте 1861 г. в Лондоне, бывая в доме А.И. Герцена, Толстой говорил с Н.П. Огарёвым о музыке и об их общем знакомом музыканте Рудольфе. Тогда же Огарёв сочинил стихотворение «Рудольфов трапп» (от нем.: der Trapp —рысь) и посвятил его Толстому.

Н.И. Бурнашова

РУЗВЕЛЬТ Теодор (Roosevelt Theodore; 1858-1919) – двадцать шестой американский президент (1901-1909), лауреат Нобелевской премии мира. Статья Рузвельта «Leo Tolstoy» появилась в нью-йоркском журнале «The Outlook» в мае 1909 г. В газете «Русское слово» (1909, 19 мая) Толстой читал изложение этой статьи в заметке В. Кругляка «Рузвельт о Толстом». 20 мая он записал в дневнике: «Статья Рузвельта обо мне. Статья глупая, но мне приятно. Вызвала тщеславие, но вчера было лучше» (57: 70).

До этого первого публичного выступления о Толстом Рузвельт много высказывался о русском писателе в личной переписке, внимательно следил за его творчеством. Признавая мировое значение Толстого, Рузвельт критически относился к роману «Война и мир», называя его «аморальным» и не соглашаясь с Толстым по проблемам войны. Особенное неприятие у американского президента вызывали два произведения Толстого: «В чём моя вера?» и «Крейцера соната». Рузвельт обратился к американскому писателю Э. Синклеру по поводу выхода в свет его романа «Джунгли» с письмом, в котором пытался наставлять молодого литератора, считая, что сравнение его в некоторых рецензиях с Горьким, Золя и Толстым совсем не является комплиментарным, особенно учитывая то, что «Крейцера соната» «могла быть написана только морально нездоровым человеком» (цит. по: Harris, Leon. Upton Sinclair ... — NY, cop. 1975. P. 87). Для Рузвельта Толстой был «декадентом» наряду с Метерлинком, Ибсенем и Верленом (Letters of Theodore Roosevelt — NY. 1951-1954. — 8 vol. — Vol. 1. P. 694). Считая, что Толстой вмешивается во внутренние дела Америки, Рузвельт отверг его обвинения в экспансионистской политике и усилении милитаризма.

В августе 1905 г. газета «New York World» обратилась к Толстому с просьбой высказать своё мнение по поводу предполагаемого присуждения Нобелевской премии мира президенту Рузвельту. Толстой отвечал 4 сентября 1905 г.: «Я не имею никакого мнения по вашему вопросу».

Г.В. Алексеева

438

РУМЯНЦЕВЫ

Николай Михайлович (1814-1894) – главный повар Толстых в Ясной Поляне, из потомственных поваров у Толстых. В прошлом крестьянин Волконских. Был взят в дворню как музыкант-флейтист. Затем переведён в кухонные мужики. Женился на дворовой Анне, дочери

слуги Тихона Ильича Аникина. Служил у Толстых до конца 1880-х гг. Затем жил на пенсии. Пользовался в усадьбе большим авторитетом: был поваром от Бога, по отзывам Толстых.

Часто упоминался в письмах, дневнике Толстого. 29 апреля 1887 г. Толстой писал жене во время своей болезни: «Н.М. готовит отличные обеды, и я совсем здоров и заниматься мне ничто не мешает».

Четыре сына Н.М. Румянцева учились в школе Толстого в 1860—1870-е гг. Толстой и С.А. Толстая были восприемниками при крещении его сыновей Егора и Семёна. Т.Л. Толстая в 1893 г. написала портрет Н.М. Румянцева.

Семён Николаевич (1867-1932) – потомственный повар Толстых в Ясной Поляне. Ученик школы Толстого 1870-х гг. Крестник С.А. Толстой. Поручителем при венчании у Семёна был А.Л. Толстой. На кухне с самого детства, как повар был незаменим. Готовил по праздникам знаменитый плум-пудинг, облитый ромом: он пылал, когда его несли к столу. На 9 марта выпекал целые семейства жаворонков.

С Толстым бывал во всех поездках. В 1879 г. писатель крестил у Семёна сына Дмитрия. Румянцев имел дом на земле Толстого в Ясной Поляне; когда болел, Толстой посещал его. «Сейчас после гулянья, - запись в дневнике 23 октября 1910 г., — зашёл к Семёну поговорить об его здоровье и был доволен собой, как медный грош...»

С.Н. Румянцев был самостоятелен в суждениях, смел, независим, хотя и очень сдержан. Все его уважали и ценили. В г. он получил от Толстых самое большое пособие среди слуг в 1500 руб.

Н.И. Шинкарьук

РУСАНОВ Гавриил Андреевич (1846-1907) – друг Толстого, его корреспондент и адресат. Родился в Землянском уезде Воронежской губ., учился в Московском университете, работал в Острогском, затем в Харьковском окружном суде. По словам его внучки, профессора А.А. Русановой, он «относился к числу наиболее культурных и мыслящих людей своего времени. Прекрасно образованный, владевший тремя иностранными языками, он очень рано оказался перед сознанием собственной инвалидности. Его болезнь была связана с тяжёлыми повреждениями позвоночника. <...> Он собрал огромную библиотеку, содержащую не только беллетристику, но и книги по истории, философии, географии, астрономии на русском, французском, немецком и английском языках. Всесторонние знания, глубокий ум и душевные качества помогли ему, несмотря на физическую немощность, воспитать пять сыновей образованными, бескорыстными и честными людьми...» (Русанов. С. 7).

В начале 1880-х гг., уже при явных признаках болезни, Русанов искал ответа на вопрос «как же и зачем жить?». Считая необходимым увидеться с Толстым, 24-25 августа 1883 г. он побывал в Ясной Поляне. К творчеству писателя Русанов относился с особым вниманием. Ощувив глубоко уважительное отношение к его сочинениям, Толстой, как свидетельствуют воспоминания Русанова, в начале беседы сказал ему: «Такую симпатию ко мне я могу объяснить только родственностью наших натур». Оба дня встречи прошли в задушевных беседах.

Прочитав сочинения Толстого «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?», Русанов написал Толстому о его критике официальных российских порядков и нравов: «Ничего сильнее я не читал. <...> Успокоение могла бы мне дать только сила перевернуть настоящее кверху дном, а её нет» (63: 224-225). Он не принимал безоговорочно и целиком толстовского учения, не стал его убеждённым последователем, не переставал самостоятельно оценивать творческую силу писателя. Толстой признавал в беседах с ним, что Русанов серьёзно воспринимал общественное значение писательской деятельности, верно чувствовал народность толстовских произведений, проявляя тонкое знание быта и языка народа.

В воспоминаниях, полтора года спустя после яснополянской встречи, Русанов описал приезд Толстого в Харьков, по пути в Крым, куда он сопровождал больного Л.Д. Урусова. Писатель пришёл к Русанову на службу, в здание суда, посидел в зале, где шёл допрос свидетелей; по просьбе родственников просил Русанова помочь облегчить участь содержавшегося в харьковском тюремном замке политического арестанта. Позднее пешком пришёл на квартиру Русанова, познакомился с его женой, к которой всегда относился с глубоким уважением. Антонина Алексеевна Русанова (1855-1905) вместе с письмом 1 сентября 1902 г. послала ему свой пере-

439

вод одной из частей книги Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» («Исповедание веры савойского викария»), напомнив, что в личной беседе с ней Толстой одобрил её намерение сделать эту работу. Перевод был издан «Посредником» с предисловием П.А. Буланже в 1903 г.

От Русанова Толстой впервые узнал о В.Г. Черткове, который вскоре стал другом писателя.

В феврале 1888 г. Русанов вместе с сопровождавшим его Буланже посетил Толстого в его московском доме. 4 декабря 1890 г. Русанов приезжал с Буланже в Ясную Поляну, где они пробыли три дня. 26 марта 1894 г. Толстой с дочерью Марией Львовной рано утром сошёл с поезда в Воронеже, где тогда жили Русановы, чтобы в перерыве между поездами

повидаться с ними. Побеседовав с Русановыми с полчаса на вокзале, Толстой поехал дальше – в Ржевск к Черткову. На обратном пути он заезжал к Русановым домой. В дальнейшем их связывала переписка ещё 12 лет, по ноябрь 1906 г. (в ГМТ хранится более 70 писем Русанова). В письмах отразились беседы Толстого с Русановым о литературе, о жизни, о воспитании детей. 28 ноября 1903 г. Толстой, например, писал Русанову: «Ваша оценка книги “Мысли мудрых людей” мне очень дорога».

Согласно записи Д.П. Маковицкого 19 декабря 1904 г., Толстой попросил Русанова «выбрать для “Круга чтения” мысли из его (Л.Н.) сочинений и прислать ему, чтобы он их исправил» (ЯПЗ. 1. С. 103). В 1908 г. в издательстве «Посредник» вышла книга «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескьё. Перевод с французского Г.А. Русанова и Л.Н. Толстого, с предисловием Л.Н. Толстого». Книга была издана вскоре после смерти Русанова. Получив от А.Г. Русанова сообщение о смерти отца, Толстой писал ему из Ясной Поляны 27 февраля 1907 г.: «Я всё это последнее время живу душою с моим дорогим умершим другом. Я редактирую, прибавляю, немного изменяю его работу — переводы Лабрюйера и др. И чувствую, как и почему он перевёл и пропустил другое изречение и почему перевёл так, а не иначе. И это мне приятно». В завещании, говоря о влиянии на него Толстого, Русанов назвал его «величайшим из людей».

Впервые часть интересных и содержательных воспоминаний Русанова была напечатана в «Толстовском ежегоднике» 1912 г. Временная граница воспоминаний Русанова – 1894 г. Затем, как сказано в предисловии, «слово для продолжения воспоминаний берёт его сын А.Г. Русанов <...>».

Характер этих воспоминаний несколько иной: они написаны больше со стороны – не столько другом, сколько взволнованным и восторженным наблюдателем. Но это имеет свою особую ценность: мы видим не только Толстого, но и окружающих его <...>. Перед нами не яснополянский Толстой, описанный многими, а Толстой, живущий в Москве или приезжающий в Москву по разным поводам».

А.Г. Русанов — старший сын Г.А. Русанова (родился в 1874 г., врач, с 1921 г. профессор), впервые увидел Толстого в Москве, в феврале 1885 г., ещё будучи мальчиком-гимназистом. Позже, став студентом медицинского факультета Московского университета, а затем (в 1899-1901 гг.) работая в хирургической клинике университета, он часто встречался с Толстым в его доме в Хамовниках.

На страницах воспоминаний Русановых – много суждений Толстого о литературе и писателях; эти оценки помогают воссоздать цельный и многогранный образ самого Толстого. Особенность же этих

воспоминаний в том, что в них обнаруживаются важные, характерные черты писателя, зачастую не подмеченные другими современниками.

Лит.: Русанов Г.А., Русанов А.Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. - Воронеж, 1972.

Т.Н. Архангельская

РЫЖОВА Варвара Николаевна (рожд. Музиль, 1871-1963) — актриса Малого театра. В 1893 г. была принята в Малый театр в Москве, где начала работу с ролей «инженю-комик» (комическая невинность), но истинное её дарование обнаружилось при исполнении бытовых и характерных ролей.

Юная Рыжова исполнила роль Акулины в спектакле Малого театра по пьесе Толстого «Власть тьмы». С тех пор за ней утвердилось «амплуа характерной, бытовой актрисы».

23 ноября 1895 г., незадолго до премьеры спектакля, Толстой по просьбе коллектива Малого театра читал актёрам пьесу «Власть тьмы». Рыжова вспоминала: «Мы, все артисты, очень взволновались, когда узнали, что к нам приедет сам Л.Н. Толстой читать пьесу».

В воспоминаниях актрисы момент встречи с Толстым и его чтение сохранились как «торжественное» и незабываемое событие жизни, тогда ей выпала честь «слушать и разговаривать с великим творцом “Детства и Отрочества”, “Войны и мира”, “Анны Карениной”». Особенно актрису

440

поразил облик Толстого: писатель вошёл «скромный, с какой-то тихой, стыдливой улыбкой на лице». Но именно эта простота и скромность делали его образ в глазах Рыжовой по-настоящему возвышенным. О чтении Толстым пьесы она отзывалась так же восторженно, как о нём самом. Толстой потрясал необычайным мастерством «не только гениального писателя, но и чтеца»: актриса отмечала «исключительное богатство интонаций», «необыкновенную простоту и образность речи», «чёткость», с которой Толстой вычерчивал характеры «его живых, настоящих крестьян». Особенно отмечала актриса, как Толстой читал текст Акима: «это знаменитое “тае” Акима он так разнообразно и так удивительно говорил, что в этом “тае” читались целые глубокие мысли».

После чтения актёры «закидали его вопросами относительно своих ролей, и он так просто, как-то конфузясь, давал» «яркие чёрточки, одним словом обрисовывая характер, и сразу становилось ясно, чего он хочет, а

главное “что надо”, чтобы дать живой образ — живого мужика, а не трафарет».

Толстой присутствовал на репетициях «Власти тьмы» в Малом театре; Рыжова отмечала, что он приходил всегда незаметно, «пробирался тихонько» и смотрел, как актёры репетировали. Скромное поведение Толстого, казалось, не позволяло увидеть в нём писателя, таланту которого поклонялся весь мир, но обращали на себя внимание его глаза, «необыкновенно острые, умные, пронизательные», которые говорили о «великой силе духа этого человека». Воспоминания о встречах с Толстым Рыжова сохранила на всю жизнь и часто возвращалась к ним в устных рассказах и мемуарах.

Об исполнении Рыжовой роли Акулины Толстой отзывался с похвалой: ведь актриса играла «настоящую деревенскую девку». С гордостью Рыжова писала, что Толстой сказал о ней: «Это настоящая девушка из моей Ясной Поляны». Актриса вспоминала, что Толстой поддерживал её в стремлении «придать характерность роли Акулины — дать её тупой и грубой, в то же время дать оправдание её животной тупости, её минутами почти звериной жестокости, которая могла родиться в придушенной атмосфере темноты и забитости». С этой роли началась большая сценическая биография актрисы.

Сама Рыжова рассказывала, что Толстой интересовался её судьбой, когда отец актрисы, Н.И. Музиль, приезжал в Ясную Поляну: «Толстой был очень доволен, когда узнал, что Акулина вышла замуж за Никиту (И.А. Рыжова), и просил нас передать своё поздравление, пожелания нам счастья как в личной жизни, а также и на сцене». Сын актёров Н.И. Рыжов писал: «Одобрение Львом Николаевичем любви и брака моих родителей они восприняли прямо как благословение и всю жизнь относились к памяти о своих отношениях с великим писателем с трогательным благоговением».

В театральный сезон 1905-1906 гг. Рыжова вновь играла в пьесе Толстого «Власть тьмы», но уже роль матери Никиты, Матрёны.

В пьесе Толстого «Плоды просвещения» Рыжовой в течение творческой жизни довелось исполнить разные роли: роль Баронессы, роль Толбухиной, роль кухарки.

Лит.: Рыжова В.Н. Толстой в Малом театре // ТВС. 2.

И.Ю. Матвеева

САВИНА Мария Гавриловна (1854-1925) — «премьерша» (актриса, исполняющая первые, главные роли) Александринского театра в Петербурге. В труппу театра поступила в 1874 г., где играла до конца жизни. Современники говорили о «неофициальном директорстве» Савиной в театре и подчёркивали ироничное отношение актрисы к приглашаемым режиссёрам.

С творчеством Толстого Савину связывало несколько ролей. Впервые она обратилась к Толстому в письме 20 декабря 1886 г. с просьбой разрешить в её бенефис поставить в Александринском театре только что написанную им драму «Власть тьмы». Она просила выслать рукопись драмы и обещала взять на себя «все хлопоты в цензуре и театрально-литературном комитете» (63: 456). Толстой ответил согласием: «Посылаю вам, Марья Гавриловна, свою пьесу. Очень желал бы, чтоб она вам понравилась». Одновременно писатель высказывал опасение, не покажется ли петербургской публике пьеса «слишком грубою», и предлагал роль для Савиной: «Роль ваша мне представляется — Марина» (63: 455). Получив пьесу (в корректуре), Савина 28 декабря 1886 г. приехала в московский дом Толстого. Своими впечатлениями от визита Савиной Толстой поделился с Чертковыми. По свидетельству А.К. Чертковой, Савина хотела играть Анютку. Толстой же возражал, он видел Анютку «девчонкой, не старше десяти-двенадцати лет», и предлагал Савиной играть Акулину. Савина просила автора прочесть одну-две сцены, а потом сама читала пьесу. По мнению Толстого, она читала «очень недурно» и «уловила верный тон». Писатель лестно отозвался о Савиной: «Да, она, видно, умница, понятливая, и вообще так просто, серьёзно держит себя, без всякого жеманства... Скажу искренне, она произвела на меня хорошее, приятное впечатление...» (Черткова А.К. Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // *ТВС*. 1955. С. 279).

В Александринском театре начались репетиции «Власти тьмы». 24 января 1887 г. С.А. Толстая получила сообщение из Петербурга: «Ура! Драма на сцену пропущена. Варламов распределял роли и шутил, что Савиной надо ноги подрезать, если она хочет играть Анютку...»

(Бирюков. 2. С. 71). Однако 2 апреля 1887 г. Толстой получил телеграмму от Савиной с известием, что пьеса запрещена цензурой. Репетиции в Александринском театре пришлось остановить, но интерес Савиной к пьесе не ослабел: она присутствовала на спектакле, разыгранном актёрами-любителями под руководством В.Н. Давыдова в петербургском доме А.В. Приселкова в январе 1890 г. (это была первая постановка «Власти тьмы» в России).

Премьера «Власти тьмы» в Александринском театре состоялась только 18 октября 1895 г., где Савина исполнила роль Акулины. Многие театральные деятели предостерегали актрису, считая, что простонародность толстовской героини чужда ей. На Савину смотрели как на блестящую светскую даму, и до этой роли она играла в основном светских дам. Некоторые рецензенты так и не обнаружили в исполнении Савиной глубинного содержания. В театральной рецензии А.Л. Волынского, которая появилась в печати в январе 1896 г., дана довольно жёсткая оценка спектаклю Александринского театра и игре Савиной: «Савина <...> создала в роли Акулины

442

недурное подобие придурковатой деревенской девки. Её капризный, несколько носовой голос звучал глуше и резче обыкновенного. Нарочито-аляповатые, иногда цинически безобразные жесты кокетливо взывали к весёлой сочувственной улыбке со стороны публики, которой предстояло оценить великое самопожертвование избалованной актрисы». Однако появлялись и противоположные отклики на исполнение Савиной. Актёры обнаруживали в образе Акулины, созданном актрисой, чудо перевоплощения: «Кто бы в ней узнал Савину, всегда изящную и, я бы сказал, шикарную Савину? Кто бы мог предположить, что... она вдруг превратится в угловатую, тупую, грубую деревенскую бабу с её примитивными чувствами, животными инстинктами... Полное перевоплощение и ни на одну йоту нарочитости, какого-нибудь наигрыша... И подлинная, без всякого подчёркивания и без всякого напряжения народно-бытовая речь» (Юрьев Ю.М. М.Г. Савина // Театр. 1941. №2. С. 136).

Многие критики писали о том, как играла Савина в пьесе Толстого, но часто за блестящей игрой не видели того, что хотела донести актриса до зрителей. Театральный критик А.Р. Кутель, при общей высокой оценке исполнения Савиной, видел в её Акулине лишь два основных штриха: «у придурковатой Акулины, во-первых, полузакрытый глаз, придающий ей какой-то животный, идиотский вид, во-вторых, сидя на лавке, во время лирического объяснения Акима с Никитой, она, видимо, плохо

понимающая, в чём суть этой лирики, да и вообще далёкая от нравственных вопросов, как от звезды Сириуса, покачивает всё время правой ногой. Вот и всё. Но характер, образ готов». Однако в образе Акулины Савина уловила особое толстовское содержание, актриса вела свою героиню к нравственному покаянию, была сосредоточена на том внутреннем движении, которое происходило в Акулине. Главный содержательный стержень роли для Савиной был в рождении нового человека из, казалось бы, мёртвого, застывшего существа. Савина говорила, что её натолкнули на выбор роли заключительные слова Акулины «и я виновата». Видимо, не прошло бесследно и первоначальное желание актрисы играть Анютку: чистота этого образа невольно отразилась и в савинской Акулине.

Тема нравственного преображения особенно интересовала Савину, мечтавшую о роли Катюши Масловой. Но инсценировки романа «Воскресение», которые шли в частных и провинциальных театрах, не допускались на императорские сцены. Савина устроила чтение одной из «переделок» «Воскресения» и пригласила А.Ф. Кони, который позднее вспоминал: «С тревогой ждала она разрешения постановки “Воскресения”, переименованного в “Катюшу Маслову”, и писала мне с огорчением 11 ноября 1901 года: “Катюшу” “закатили” на вечные времена и без снисхождения».

В постановке Александринского театра «Живой труп» (1911) Савина играла роль Анны Дмитриевны Карениной. В целом спектакль был признан неудачным, но в игре Савиной современники отмечали мастерство и оригинальную интерпретацию.

И.Ю. Матвеева

САДОВСКИЙ Пров Михайлович (наст, фамилия Ермилов; 1818-1872) — русский актёр. Играл в театрах Калуги, Рязани, Воронежа, Казани и др. В 1839 г. дебютировал в Малом театре в Москве, где работал до конца жизни. С него начинается знаменитая театральная династия Садовских.

Толстой увидел Садовского на сцене в популярной в то время комедии А.М. Красовского «Жених из ножовой линии». В дневнике 8 ноября 1857 г. он записал: «Тётушка собралась в театр. “Жених из ножовой линии”, ловкая пьеса. Садовский прекрасен, ежели бы не самоуверенная небрежность» (47: 162). Небрежность была одной из черт актёра: он позволял себе опаздывать на репетиции, нетвёрдо знать текст роли.

26 января 1858 г. Толстой видел в Малом театре «Ревизора» с М.С. Щепкиным в роли городничего; в этой же постановке Садовский играл Осипа. А.А. Григорьев дал в своё время подробный анализ роли, исполненной Садовским. Критик поставил мастерство Садовского в роли Осипа на один уровень с исполнением городничего Щепкиным и даже

заметил, что Осип Садовского «задуман и выполнен едва ли не проще и не правдивее». Для критика игра Садовского «заслоняла всё остальное» в спектакле, так как в ней было видно принципиально новое отношение исполнителя к своему персонажу: «совершенно спокойное, правдивое до совершенства воспроизведение личности со всеми тончайшими психологическими чертами и со всей соответствующей этим чертам внешности — вот игра Садовского». Григорьев видел в работе Садовского будущее актёрского мастерства, которое состоит в том, чтобы воспроизвести живое лицо, сделать его узнаваемым.

Одна из находок Садовского в исполнении роли Осипа (мимическая сцена ухода

443

Осипа) переходила от одного исполнителя к другому. В.Н. Давыдов вспоминал, что воспользовался находкой Садовского в этой «молчаливой» сцене. Актёр Н.Н. Шамин, также исполнитель роли Осипа, был вполне уверен, что эта сцена определена ремаркой Гоголя. Так актёрская находка Садовского вошла в историю театра наравне с авторским текстом.

И.Ю. Матвеева

САЛОМОН Шарль (Salomon; «Соломон», «Карл Альфонсович»; 1862-1936) – французский литератор, профессор русского языка в Париже; доктор права; редактор журнала «Musée social» («Общественный музей»); автор нескольких статей о Толстом, в т.ч. исследования об «Азбуке». В 1928 г. в Париже издал «Четыре русские книги для чтения». Переводчик произведений Толстого на французский язык (статей «Религия и нравственность», «Приближение конца», «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана», «Неделание» и др.). С 1893 г. знакомый, посетитель, корреспондент и адресат Толстого, друг всей семьи Толстых. Мачеха Саломона (рожд. Перро) в юности была фрейлиной Петербургского двора, сохранила дружбу с А.А. Толстой; через неё и познакомился Саломон с Толстым: «наш давнишний приятель и милейший француз Саломон» (72: 450), как говорил о нём Толстой. Он считал Саломона «хорошим знатоком и русского и французского языка» (73: 244) и одним из лучших переводчиков своих сочинений, правда, иногда называл «легкомысленным» (ЯПЗ. 3. С. 18).

Саломон не раз бывал и в Ясной Поляне, и в московском доме Толстых. 26 мая 1896 г. он приехал в Ясную Поляну, и на следующий день Толстой ездил с ним на завод бельгийской компании, расположенный по тульскому шоссе не очень далеко от Ясной Поляны. Это был, как писала о Саломоне С.А. Толстая, человек «славный, живой,

умный, участливый» (ДСАТ 2. С. 141) и интересный собеседник: говорили о французской литературе, о русской политике. 17 ноября 1906 г. Д.П. Маковицкий записал в дневнике, что приехал Саломон и «Л.Н. говорил с ним о революции», «о церковных делах во Франции» (ЯПЗ. 2. С. 369-370). Иногда Толстой читал гостю вслух свои сочинения.

В письмах Саломон и Толстой обсуждали проблемы, связанные с переводами, Толстой отвечал на вопросы переводчика, поправлял его, подсказывал лучший вариант перевода. Интересовался другими работами Саломона: «Что ваш перевод Тютчева? Он должен иметь успех у настоящих ценителей поэзии», — писал Толстой 8 сентября 1894 г. французскому литератору (переводившему прозой на французский язык стихи Тютчева) и вносил некоторые поправки в присланную ему рукопись (перевод не был опубликован). В случае необходимости Саломон становился посредником между русским писателем и французской прессой: 5 марта 1894 г. на предложение Саломона напечатать перевод статьи «Религия и нравственность» в «Revue Chrétienne» <«Христианском обозрении»> Толстой отвечал, что предпочитает напечатать статью в каком-либо светском журнале: «Я боюсь всего, что носит название христианского» (67: 66). Через Саломона 6 апреля 1894 г. Толстой послал возражение на появившуюся в «Journal des Debats» 27 марта статью А. Varine о своей «Азбуке».

Саломон внимательно следил за творчеством Толстого, не скрывая своего, порой неоднозначного, отношения к произведениям русского писателя. 21 июля 1900 г., познакомившись с только что вышедшим романом «Воскресение», он писал Толстому: «Мы с матушкой следим издалека, но с таким горячим участием <...> за громадным, неоспоримым успехом “Воскресения”. Благодаря своей красоте, эта книга заставила проникнуть (я не говорю воспринять) в известные круги те мысли, которые никогда не проникли бы туда иным путём. Я неоднократно замечал смущение, досаду и стеснённость, производимые ею на искренних христиан. Эта книга, целиком пропитанная *духом христианства* и *анархическая* по вдохновению, глубоко взволновала всех искренних людей. По долгу искренности в отношении вас я скажу вам, что жалею об одной вещи, глубоко меня задевшей, это о главе о причастии, не потому, что я не нахожу вполне естественным громко провозгласить отсутствие веры в эту догму; но к чему ведёт ирония и то, что покажется верующим богохульством? Вы хотите, чтобы люди инакомыслящие услышали вас, и вы заставляете их затыкать себе уши. Простите меня, дорогой граф, но я слишком люблю вас, чтобы не сказать того, что думаю (72: 414).

В июле 1910 г. Саломон снова был в Ясной Поляне. Толстой в те дни читал «преlestный рассказ Милля» (58: 77) «La Viche écrasée» («Раздавленная коза». — *франц.*). По просьбе Толстого Саломон тоже

читал вслух этот «милый рассказ» Пьера Милля. Позднее, 4 апреля 1932 г., он вспоминал об этом: «“La Biche écrasée” имела большой успех, особенно одно ме-

444

сто, которое Толстой заставлял меня читать и перечитывать на второй и на третий день перед новыми гостями. Это место я помню. “Repos hebdomadaire”... Я тотчас же написал Пьеру Миллю. Я перечёл его. Выходило, что Толстой через моё посредство давал ему литературные советы» (58: 444).

И после смерти Толстого Саломон приезжал в Ясную Поляну и продолжал переписываться с её обитателями.

Лит.: Мазон А. Французский корреспондент Толстого // *ЛН*. Т. 75. Кн. 1. С. 588-592.

Н.И. Бурнашёва

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН Михаил Евграфович (наст. фамилия Салтыков, псевдоним — Н. Щедрин; 1826-1889) — прозаик, публицист, критик. Его отец был из старинного дворянского рода, мать — из купеческого сословия. Произведения Салтыкова-Щедрина в совокупности — широкая «критическая энциклопедия русской жизни» (Н.К. Михайловский).

Детство писателя прошло в глуши Пошехонья, на границе Тверской и Ярославской губ., в обстановке помещичьего бесправия, когда бесконечные угрозы и наказания в доме касались не только крепостных крестьян, но и собственных детей Салтыковых. Эти «семейные» впечатления позднее отразились в романах «Пошехонская старина», «Господа Головлёвы», в сатирических очерках писателя.

Склонность к литературе у Салтыкова обнаружилась рано. Этому способствовали полтора года учёбы в Дворянском институте в Москве (1836-1838), затем шесть лет в Царскосельском, с 1844 г. — Александровском лицее. По традиции на каждом курсе лицея объявлялся очередной «продолжатель Пушкина», и в своём классе им стал юный Салтыков: его стихи печатали журналы «Современник» и «Библиотека для чтения».

Служба чиновником в канцелярии военного министерства (с 1844 г.) и ссылка в 1848 г. в Вятку на полтора года за первые повести «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), разгром в

Петербурге кружка петрашевцев, в котором состоял Салтыков, и благополучно закончившееся для него разбирательство по этому делу, назначение на должность советника в Вятском губ. правлении, служба в Рязани и Твери в должности вице-губернатора (1858-1862), в Пензе, Туле и снова в Рязани, теперь уже на посту управляющего местными Казёнными палатами (1864-1868), дали богатейший материал для осмысления действительности. По оценке современников Щедрина, никто не знал провинциальную и народную жизнь так, как знал её он.

В «Губернских очерках», «Истории одного города», «Господах Головлёвых», в «Благонамеренных речах», «Убежище Монрепо», «Мелочах жизни», др. сатирических романах, повестях, рассказах, сказках писатель изобразил социальную панораму России 1860-х гг., вывел яркие гротескные типы, целые группы характеров — искажённые тени в образе человеческом. Своим остро критическим отношением к действительности Щедрин заполнил в литературе пробел, который оставили в изображении русского дворянства Тургенев и Толстой.

Щедрин часто прибегал к эзопову языку (например, в сказках «Премудрый пескарь», «Как один мужик двух генералов прокормил» и др.). Современники признавали в нём достойного наследника Гоголя. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов видели в нём идейного союзника.

Оценки же Толстого более сдержанны. В сочинениях Щедрина он отмечал «длинноты». «Верное средство быть скучным, — как-то выразился Л.Н., — всё договаривать до конца. Про Щедрина это вполне можно сказать. Он всё всегда договаривал до конца. Я никогда не мог читать его» (запись А.Б. Гольденвейзера. 10 августа 1909 г.).

Писатели познакомились в начале 1856 г. В Петербурге они довольно часто виделись и бывали друг у друга, но духовной близости между ними не возникло, хотя Толстому нравились «Губернские очерки», «Два отрывка из книги умирающих», некоторые сказки... Находя Щедрина «писателем серьёзным», Толстой всё же часто отзывался о нём критически. В свою очередь Щедрин, признавая первенство Толстого, высказывал нелестные суждения о «Войне и мире» и особенно о позднем его творчестве. Всё это объяснялось несовпадением идейно-художественных и творческих позиций писателей. Их отношения оставались отдалёнными. В 1878-1885 гг. писатели состояли в переписке, инициатором которой был Салтыков-Щедрин. В одном из писем он просил Толстого дать для журнала «Отечественные записки» новый роман (имелся в виду незаконченный роман «Декабристы»). Ответ Толстого не сохранился, но известно, что писатель согласился печататься в журнале. Однако вскоре издание было закрыто, и вопрос о сотрудничестве в нём Толстого отпал.

В начале декабря 1885 г. Толстой предлагал Щедрину сотрудничать в издательстве «Посредник»: «У вас есть всё, что нужно, — писал Толстой, — сжатый, сильный,

445

настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит весёлый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. <...> Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто, кроме вас».

В 1887 г. Щедрин предложил «Посреднику» пять сказок, но В.Г. Чертков «во всех почти его рассказах, подходящих сколько-нибудь» к цели издания, усмотрел «что-нибудь прямо противоположное» духу «Посредника»; с правкой Черткова автор не согласился и 30 марта 1887 г. потребовал возвратить ему сказки.

Как-то однажды знакомый Толстого Г.А. Русанов назвал Салтыкова-Щедрина одним из его любимейших писателей, на что Толстой ответил: «И он вполне стоит этого. Щедрина я люблю, он растёт, и в последних произведениях его звучит грустная нота». А в другой раз (уже в 1883 г.) спросил Русанова: «Вы читали его “Современную идиллию”? Помните суд над пескарями? — Да, помню, — ответил Г. Русанов. — “Это прелестно”, — сказал Толстой и при этом привёл на память небольшую цитату из Щедрина, в которой говорилось о лоботрясах. “Хорошо он пишет, — закончил Толстой, — и какой оригинальный слог выработался у него”» (цит. по: Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. М., 1928. С. 214).

Л.Ф. Подсвинова

САМАРИН Пётр Федорович (1830 — 1901) - помещик Епифанского уезда Тульской губ., общественный деятель, тульский губ. предводитель дворянства (1874—1880). Участник Крымской войны. Брат известного славянофила, публициста Ю.Ф. Самарина. Хороший знакомый Толстого, его корреспондент и адресат, часто упоминался в дневнике и письмах Толстого.

Самарин неоднократно посещал Толстого в Ясной Поляне и в Москве; Толстой гостил в имении Самарина Молоденки (в 18 верстах от Бегичевки, на пути в Ясную Поляну) и бывал в его московском доме. Он хорошо знал и жену Самарина Александру Павловну (рожд. Евреинову; 1836-1905).

Н.В. Давыдов вспоминал: «Самарин, служивший одно время комиссаром в Царстве Польском, куда он был вызван организовавшим в Польше местное крестьянство князем В.А. Черкасским, был затем в Епифанском уезде мировым посредником, потом председателем съезда мировых судей и наконец тульским губ. предводителем дворянства, состоя в то же время уездным и губ. земским гласным. На всех этих общественных должностях он оставался верным истолкователем принципов, положенных в основу крестьянской, земской и судебной реформ, и умел окружить себя людьми, работавшими в том же, как и он, направлении.

Это был человек, обладавший глубоким и тонким умом, громадную эрудицией и начитанностью и общею талантливостью. Безусловно добрый и мягкий в душе человек, он казался внешне и людям, мало его знавшим, сухим, даже чёрствым <...>. Душой, и вполне благородной, сочувствовавшей всему высокому, Самарин обладал, но он не выставлял её напоказ; а при этом он не стеснялся высказывать откровенно своё мнение о событиях и людях и, обладая склонностью к сарказму, остроумными замечаниями своими мог задеть самолюбие лиц, которым возражал в том или ином общественном собрании» (Давыдов Н.В. Из прошлого. Изд. 2-е. М., 1914. С. 191).

Давыдов же рассказывал о взаимоотношениях Самарина и Толстого: «После обеда между Л.Н. и Самариним обычно завязывался разговор на ту или другую серьёзную тему, причём разговор этот каждый раз обязательно переходил в спор, что было неизбежно, так как Самарин радикально расходился с Л.Н. во взглядах почти по всем вопросам принципиальной и реальной жизни, причём Самарин <...> не уступал в споре Л.Н. и очень остроумно, меткими замечаниями, разбивал доводы его. Это раздражало Л.Н., он начинал горячиться, а за ним и Самарин, и наконец оба переходили, продолжая спорить, на французский язык, которым отлично владели, говоря уже друг другу неприятности. Я знал, что вступление в дело французского языка означало, что надо прекратить спор и пора уезжать, и распорядился о подаче нам экипажа. Я вмешивался в словесное состязание, и мы с Петром Фёдоровичем уезжали, но обычно и он и хозяин продолжали говорить по-французски, чего никогда не бывало в других случаях, и иногда расставались, холодно поклонившись друг другу. Но на следующий же день оба писали друг другу очень искренние и дружеские извинительные письма уже по-русски, и инцидент совершенно исчерпывался до следующего раза» (там же. С. 234).

Подробности одного такого конфликта 1881 г. отложились в бумагах Толстого. В разговоре о казни «первомартовцев» — участников покушения на Александра II — Толстого покорило, что Самарин сказал «с улыбочкой: надо их вешать. Хотел

смолчать и не знать его, — писал в дневнике Толстой, — хотел вытолкнуть в шею. Высказал» (49: 36).

Вскоре затем 5 июня 1881 г. Толстой отправил Самарину письмо с извинениями, где между прочим говорилось: «...я забыл то, что прежде всего мне надо было быть в любви с вами, с тем человеком, который был передо мной; а из-за умственного тщеславного задора я забыл это и злился на вас, хотя очень хорошо знал и знаю, что вы можете не соглашаться со мной, но что вы человек хороший тем главное, что хотите быть хорошим» (90: 244).

Самарин считается прообразом предводителя дворянства в «Анне Карениной» и Сахатова в «Плодах просвещения» (в ранней редакции этот персонаж и именовался Самариным).

В.М. Бокова

САМАРИН Юрий Фёдорович (1819-1876) – философ, историк, знакомый Толстого. Родители его состояли на придворной службе (отец — шталмейстер императрицы Марии Фёдоровны, мать — её фрейлина). Крёстными их сына Юрия была императорская чета. Самарин получил прекрасное домашнее образование, в 1834 г. поступил в Московский университет на словесное отделение философского факультета. В 1839 г. познакомился с К.С. Аксаковым, в 1840 г. — с А.С. Хомяковым. «Этот союз — духовный, душевный, умственный и нравственный — <...> приобрёл немало молодых адептов, привлёк и многих старых друзей, при всём разнообразии личных характеров и несогласий в некоторых частностях, к единству общего направления, - к общей работе русского народного самосознания, одним словом, положил основание славянофильству» (Аксаков И.С. Письма А.С. Хомякова к Ю.Ф. Самарину. Предисловие // Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 304).

В 1844-1846 гг. он был на гос. службе в Петербурге: сначала в Министерстве юстиции, затем в Министерстве внутренних дел. В эти годы он написал критическую статью «О мнениях “Современника”, исторических и литературных», в которой впервые сформулировал главные положения славянофильского учения.

По долгу службы в июле 1846 г. он уехал в Ригу. На него было возложено составление «Истории городских учреждений Риги». Там он написал «Письма об Остзейском крае», а повод к их написанию высказал в письме к И.С. Аксакову: «Систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской народности <...> — вот что волнует во мне кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этот факт к

сознанию, выставить его перед всеми» (Русский биографический словарь. СПб., 1904).

С осени 1849 г. по декабрь 1852 г. Самарин жил в Киеве, где исполнял должность управляющего Канцелярией генерал-губернатора. В феврале 1853 г. получил отставку и поселился в Москве с престарелым отцом, после кончины которого 26 ноября 1853 г. унаследовал имения в Самарской и Тульской губ. В этот период Самарин познакомился с первыми сочинениями Толстого. Личное их знакомство состоялось в Москве 23 мая 1856 г. В этот день Толстой записал в дневнике: «Поехал к Юрию Самарину с Оболенским. Юрий Самарин очень мне нравится. Холодный, гибкий и образованный ум» (47: 74).

«Талантливый публицист и молодой писатель сблизилась. <...> Лев Николаевич высоко ценил его глубокие познания истории Российского государства. Оба они хорошо знали деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Оба мечтали об освобождении крестьян от крепостного гнёта». (Поддубная Р.П. Л.Н. Толстой и Ю.Ф. Самарин // Многоликий Толстой. Самара, 2005. С. 34-35).

В 1857 г. лучшие представители русского дворянства были призваны Александром II к разработке Положения об улучшении быта крестьян, а в марте 1859 г. как общепризнанный авторитетный специалист по вопросам русского крестьянства Самарин был приглашён в Петербург для подготовки Положения об отмене крепостного права в России. Манифест был утверждён Александром II 19 февраля 1861 г. Чтобы приводить в исполнение это Положение, Самарин снова уехал в Самару.

В мае 1862 г. Толстой по пути в башкирские степи остановился в Самаре. 27 мая он писал Т.А. Ёргольской: «Я нынче еду из Самары за 130 вёрст в Каралык <...>. Адрес мой: в Самару, Юрию Фёдоровичу Самарину, для передачи Л.Н.Т.». Толстой «передал Самарину несколько книг и журналов, гостинцы от Аксаковых, поделился впечатлениями о Казани, где он останавливался у Юшкова, мужа его родной тётки П.И. Юшковой и родственника Самариных» (Поддубная Р.П. Л.Н. Толстой и Ю.Ф. Самарин // Указ. изд. С. 36). Из Каралыка Толстой послал Самарину письмо, в котором просил прислать ему журналы, «ваксы, спичек и свечей» (90: 225).

Самарин следил за творческим ростом Толстого. В письме княжне Е.А. Черкасской

447

в феврале 1863 г. он спрашивал: «Читали ли Вы в “Вестнике” последнюю повесть Льва Толстого “Казачья”? Что за прелесть. От этого рассказа пышет каким-то вечным здоровьем, пахучим весенним воздухом» (цит. по: Поддубная Р.П. Л.Н. Толстой и Ю.Ф. Самарин // Указ. изд. С. 37).

В 1864 г. Самарин серьёзно заболел: сказалось сильнейшее физическое и нервное перенапряжение и полная отдача себя делу улучшения быта крестьян. Этой деятельности он посвятил 20 лет, подробно изучив все проблемы центрального и окраинного населения России. Крепкий организм его справился с несколькими инсультами, и к своей общественной деятельности он присовокупил ещё и литературные занятия.

Во время работы над романом «Война и мир» Толстой неоднократно советовался с Самариным, прислушивался к его оценке роли народа в истории. Немало интересного писатель узнал от него о войне 1812 г. В личной библиотеке Самариных он нашёл много исторических источников, необходимых для работы. Бывая в Москве во время печатания романа, Толстой читал Самарину некоторые главы, прислушивался к его замечаниям и советам. «Из типографии поехал к Самарину и проговорил с ним часа три, и ещё более полюбил его, и уверен в том же с его стороны», — сообщал Толстой из Москвы 20 июня 1867 г. своей жене Софье Андреевне (83: 143).

В архиве Толстого сохранилось неотправленное письмо Самарину от 10 января 1867 г., проникнутое глубокой симпатией: «...вы мне так близки в мире нравственном — умственном, как ни один человек. Я с вами мало сблизился, мало говорил, но почему-то мне кажется, что вы тот самый человек <...> которого мне недостаёт — человек самобытно умный, любящий многое, но более всего — правду и ищущий её» (61: 156).

В период работы над «Анной Карениной» писателю снова пригодились советы и знания Самарина, слушавшего чтение автором отдельных глав; некоторые черты его характера и деятельности «влились» в образ одного из персонажей романа — профессора Кознышева. Старший сын писателя С.Л. Толстой называл другой прототип Кознышева — младшего брата Самарина Петра Фёдоровича, тульского помещика и давнего приятеля Толстого.

В конце 1875 г. Самарин уехал в Берлин, где готовил издание шестого выпуска своего труда «Украины». В марте 1876 г. он собирался возвращаться в Россию, чтобы встретить праздник Воскресения Христова в Москве. 19 марта, в Страстную пятницу, в возрасте 56 лет он скончался от гангрены вдали от России, которую так любил и которой с таким самоотвержением служил всю жизнь. В Ясной Поляне достойным днём его памяти стал майский день 1876 г., когда приехавший к Толстому П.Ф. Самарин читал последнюю статью брата, написанную в Берлине: «Два письма об основных истинах религии...».

В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне имеется том «Сочинений» Самарина 1877 г. издания. Толстой всю жизнь помнил Самарина. 5 декабря 1906 т. Д.П. Маковицкий записал его слова:

«Самарин Юрий Фёдорович был умный, приятный, привлекательный. Он мне был симпатичен».

Е.В. Белоусова

САНД (ЗАНД) ЖОРЖ (наст. имя Аврора Дюпен, в замужестве Дюдеван; 1804-1876) – французская писательница, в творчестве которой утверждался идеал независимой женской личности и провозглашалось право женщины на эмоциональную свободу. Оживлённое обсуждение в печати вызывали не только произведения, но и бытовое поведение писательницы, бросавшей вызов общественным предрассудкам и выразившей открытый протест против семейного гнёта и подавления женщины.

Романы Ж. Санд, по словам русского критика 1850-х гг. Т.И. Филиппова, «обошли всю Европу, всюду собирая обильную дань»; они были не просто увлекательным и популярным чтением, но оказывали «мощное воздействие на общественное сознание. С 1840-е гг. в ходу было понятие «жорж-зандизм», многократно закреплённое художественными и публицистическими сочинениями. В России, особенно в 1830— 1850-е гг., произведения писательницы пользовались колоссальной известностью. В 1843 г. Луи Виардо писал Ж. Санд из Петербурга: «Вы здесь первый писатель, первый поэт нашей страны. Ваши книги есть у всех. Ваши портреты у всех перед глазами». Ж. Санд оказала влияние на многих русских авторов: А.И. Герцена, А.В. Дружинина, А.Я. Панаеву, Д.В. Григоровича, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского и др.

В отличие от большинства своих собратьев по перу, Толстой весьма критично относился к Ж. Санд. Одно из его впечатлений молодости – роман «Орас», в главном герое которого он увидел сходство с собой. 4 июля 1851 г. он записал в дневнике: «Правду сказал брат, что эта личность

448

похожа на меня. Главная черта: благородство характера, возвышенность понятий, любовь к славе, — и совершенная неспособность ко всякому труду». Первоначальные впечатления были вполне благоприятны: в 1854 г. Толстой записал в дневнике, что «целый день, кроме утра писанья и чтения прекрасного романа Жоржа Занда, ничего не делал» (47: 24). Однако во второй половине 1850-х гг. высказывания Толстого о Ж. Санд приобретают неприязненный характер. Это было связано прежде всего с женскими персонажами писательницы. Для Толстого с его пристрастием

к традиционным женским добродетелям был неприемлем образ независимой женщины, отстаивающей своё право на эмоциональную свободу. В 1856 г. произошла ссора с Тургеневым из-за Ж. Санд, когда Толстой «резко объявил себя её ненавистником, прибавив, что героинь её романов, если бы они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам» (Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 148).

В произведениях Толстого рубежа 1850—1860-х гг. негативно осмыслился творческий опыт Ж. Санд. Во многом это объяснялось противостоянием Толстого веяниям времени, в частности его отношением к проблеме женской эмансипации. Он явно отталкивался от Ж. Санд, создавая роман «Семейное счастье», в котором утверждалась неспособность женщины выбрать правильные жизненные ориентиры. В ранних драматических набросках сатирически изображён тип эмансипированной героини — жоржзандовской женщины.

Прямые суждения Толстого о произведениях Ж. Санд колеблются от открытого порицания до сочувственного признания. Он негативно отозвался о романе «Консуэло» («пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами» - 48: 63), но одобрительно воспринял роман «Malgré tout», по поводу которого 2 (?) октября 1870 г. написал А.А. Фету: «Молодец - старуха». Толстому оказалась в высшей степени близка идея романа, героиня которого, талантливая музыкантша, осознала, что главное для женщины — материнство, и творческим успехам предпочла семейную жизнь.

О восприятии Толстым личности Ж. Санд позволяют судить записи Д.П. Маковицкого. В 1909 г. Толстой заметил: «Я в своё время, кроме отвращения, ничего к ней не чувствовал, в то время, когда Тургенев восхищался, увлекался ею, то есть с уважением относился к ней» (ЯПЗ. 3. С. 382). Со временем отношение изменилось: Толстой вынужден был признать, что «в старости у неё появилось нравственное чувство» (ЯПЗ. 2. С. 430).

Несмотря на то, что Толстой отрицал многие произведения Ж. Санд, между писателями заметно некоторое сходство. В романе «Анна Каренина» Толстой сочувственно изобразил «потерявшую себя» героиню, которая ради любви разрушила свою семью. Более того, в поздний период он приходит к признанию лживости института буржуазного брака, что было присуще уже первым произведениям Ж. Санд. В драме «Живой труп» Толстой возвращается к сюжетной схеме самоустранения мужа во имя счастья жены с другим человеком, которая была разработана Ж. Санд в романе «Жак» и использована многими русскими авторами. Роднит писателей и интерес к жизни трудового народа: можно сравнить «деревенские повести» Ж. Санд 1840-х гг. и

«народные рассказы» Толстого. Не случайно повесть Ж. Санд «Чёртова лужа» в 1886 г. предполагалась для издания в «Посреднике», правда, замысел не был осуществлён.

Лит.: Строганова Е.Н. «Заветный вензель» Ж и З: Жорж Санд в русском литературном каноне // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. - М., 2000. Вып. 2; Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность). 1830-1860 гг. – Томск, 1998.

Е.Н. Строганова

САФОНОВ Василий Ильич (1852—1918) – пианист, дирижёр, педагог; главный дирижёр симфонических концертов Московского отделения Русского музыкального общества; в 1889-1905 гг. – директор Московской консерватории. Знакомый Толстого. Сафонов с женой бывали в московском доме Толстых в Хамовниках.

19 апреля 1897 г. по приглашению Сафонова Толстой присутствовал на репетиции оперы А.Г. Рубинштейна «Фераморс» в исполнении студентов консерватории. Вернувшись домой, он рассказывал, что «мотивы оперы Рубинштейна ему очень понравились, но сюжет и масса условностей в постановке, из-за которых все с ожесточением бьются и которые в сущности никому не могут доставить удовольствия, показались ему слишком скучными». Главное же впечатление, которое Толстой вынес с репетиции, «что больше всего неприятно подействовало на него, это грубое обращение Сафонова с учениками – исполнителями оперы: “ослы”, “болваны”, “идiotы” сыпались с его языка.

449

— Какая невоспитанность, какая грубость нравов! Я не знал, как подойти к нему потом и подать ему руку» (Лазурский В.Ф. Дневник // ЛН. Т. 37-38. С. 491-492). Видимо, об этой ситуации писала в своём дневнике С.А. Толстая: «Теперь он <Толстой. – Н.Б.> занят печатанием разных дел, касающихся любимой им консерватории, нападает на неправильное отношение к делам консерватории директора её, Сафонова, и, не ссорясь ни с кем и не боясь никого, служит только делу с своей честной и необычайно справедливой точки зрения» (ДСАТ. 1. С. 377-378).

Это было время, когда Толстой работал над трактатом «Что такое искусство?»; в 1-й главе трактата описана эта репетиция Сафонова. «Руководитель мой провёл меня через сцену и мост из досок через оркестр, в котором сидело человек сто всякого рода музыкантов, в

тёмный партер. На возвышении между двумя лампами с рефлекторами сидел на кресле, с палочкой, пред пюпитром, начальник по музыкальной части, управляющий оркестром и певцами и вообще постановкой всей оперы. <...> И шествие начинается, но тут валторна в аккорде речитатива делает не то, и дирижёр, вздрогнув, как от совершившегося несчастья, стучит палочкой по пюпитру. Всё останавливается, и дирижёр, поворотившись к оркестру, набрасывается на валторну, браня его самыми грубыми словами, как бранятся извозчики, за то, что он взял не ту ноту. И опять всё начинается сначала. <...> Всё, казалось бы, хорошо, но опять стучит палочка, и дирижёр страдающим и озлобленным голосом начинает ругать хористов и хористок: оказывается, что при пении хористы не поднимают изредка рук в знак одушевления. “Что, вы умерли, что ли? Коровы! Что, вы мёртвые, что не шевелитесь?” <...> Вся такая репетиция продолжается шесть часов сряду. Стуки палочки, повторения, размещения, поправки певцов, оркестра, шествий, танцев и всё приправленное злобной бранью. Слова: “ослы, дураки, идиоты, свиньи”, обращённые к музыкантам и певцам, я слышал в продолжение одного часа раз сорок. И несчастный, физически и нравственно изуродованный человек, флейтист, валторна, певец, к которому обращены ругательства, молчит и исполняет приказанное. Дирижёр знает, что эти люди так изуродованы, что ни на что более не годны, как на то, чтобы трубить и ходить с алебардой в жёлтых башмаках, а вместе с тем приучены к сладкой, роскошной жизни и всё перенесут, только бы не лишиться этой сладкой жизни, — и потому он спокойно отдаётся своей грубости, тем более что он видел это в Париже и Вене и знает, что лучшие дирижёры так делают, что это музыкальное предание великих артистов, которые так увлечены великим делом своего искусства, что им некогда разбирать чувств артистов».

В семье Толстых, даже спустя годы, помнили грубость Сафонова как характерную его черту. Д.П. Маковицкий записал в дневнике 13 сентября 1910 г.: «Говорили о Сафонове как о лучшем в мире учителе музыки, но только грубом» (ЯПЗ. 4. С. 349).

На концертах Сафонова-дирижёра не раз бывала в Москве С.А. Толстая, В её дневнике записи: «вяло дирижировал Сафонов» (20 октября 1897 г. — ДСАТ. 1. С. 308). «12 ноября. Были с Сашей в консерватории на музыкальном вечере. Не утомительно и приятно было. Отличные пианистки выучиваются там. Директор Сафонов очень был любезен...» (там же. С. 318).

30 мая 1898 г. С.А. Толстая снова была в консерватории: «Сафонов заставил меня, умоляя, присутствовать на каком-то заседании. У него не хватало членов музыкальных. Я ничего не поняла из их отчётов, что-то подписывала, и мне было совестно» (там же. С. 385). Запись 8 ноября заканчивалась сценкой: «Вчера в симфоническом было крайне

неприятно, что, когда я стала просить Сафонова отпустить Гржимали (первую скрипку) для того, чтобы он сыграл на нашем Толстовском вечере “Крейцерову сонату”, он схватил мои обе руки, начал их прижимать к своей груди, говоря, что “для вас всё на свете сделаю”, но Гржимали отпустил только от уроков, а я с негодованием отняла руки, отлично поняв, что Сафонов хотел перед присутствующими показать свою (несуществующую) интимность с *графиней Толстой*, женой знаменитого человека.

Теперь буду его опасаться и избегать» (там же. С. 422).

Н.И. Бурнашова

СВЕРЧКОВ Николай Егорович (1817-1898) – художник, один из самых известных художников-анималистов второй половины XIX в., учился в Академии художеств лишь два года (1827-1829) в раннем возрасте. Практически не имея художественного образования, он прославился своим мастерством в изображении лошадей. Изучать жизнь лошадей он имел возможность с детства: его отец служил в придворных конюшнях старшим конюхом и кучером. Прежде чем целиком посвятить себя искусству, Сверчков девять лет служил в Министерстве внутренних дел.

Творческий путь художник начал как портретист («Автопортрет», «Ездок», «Итальянка с гитарой», «Портрет девицы Сверчковой»). Эти картины Сверчков

450

послал в 1839 г. на академическую выставку, за них ему было присвоено звание свободного художника портретной живописи. Годом позже он решил оставить службу и посвятить себя живописи. Возможно, выбор направленности творчества художника подсказал заказ С.А. Яковлева написать его лошадей. «С тех пор я посвятил себя искусству, выбрав русский быт, наши охоты и путешествия по России», — писал впоследствии художник (цит. по: Стрельцов С. Н.Е. Сверчков. М., 1954. С. 5).

С 1844 г. Сверчков участвовал в ежегодных академических выставках; в 1852 г. за картину «Помещичья тройка пересекает на всём скаку обоз, тянущийся на большой дороге» получил звание академика. В 1855 г. Сверчков — профессор. В это время художник приобрёл широкую популярность как мастер своего жанра не только в России, но и во Франции, где его картины пользовались успехом на выставках в парижских салонах. За картину «Возвращение с медвежьей охоты»

(1863), приобретённую Наполеоном III, он был награждён кавалерским знаком ордена Почётного легиона.

В 1864—1882 гг. Сверчков писал заказы императорского двора. Современники признавали его большим знатоком лошадей. За свою жизнь он посетил очень многие российские конные заводы, долгое время был художником самых знаменитых из них — Хреновского и Чесменского. Сверчков оставил целую галерею коннозаводских портретов, исполненных не только со всем знанием анатомии, но и со всей остротой характеристики. Портреты знаменитых российских рысаков его кисти несомненно представляют интерес и с художественной и с научно-зоотехнической стороны (многие находятся ныне в Музее коневодства в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве).

Не удивительно, что Сверчков оказался одним из первых художников, откликнувшихся иллюстрациями на появление в 1886 г. повести Толстого «Холстомер», несмотря на то, что иллюстрация не была привычным для художника жанром. Да и иллюстрациями работы Сверчкова назвать в полном смысле нельзя: художник словно искал в литературе созвучия своему творчеству, так же как и раньше, когда в 1850-1860-е гг. обращался к тургеневским «Запискам охотника», выбрав из них наиболее близкие для себя сцены, создав рисунки к «Бежину лугу».

В повести Толстого художника привлёк именно Холстомер. Все его работы на тему повести «портретного» свойства. Художник запечатлел Холстомера в разных состояниях. Он обращался к этому образу и в живописи и в скульптуре. Одно из самых последних произведений стареющего художника было навеяно повестью Толстого: большая картина «Холстомер и табун» (1891), по словам жены Сверчкова, была исполнена в одну ночь.

Две самых первых акварели «Холстомер в молодости» и «Холстомер в старости» (1887) художник подарил Толстому: до сих пор они висят на стене верхней площадки парадной лестницы в хамовническом доме.

Н.В. Зайцева

СВЕШНИКОВА **Елизавета Петровна** (1847-1918) — литератор, педагог, участница движения по распространению грамотности в народе. Получила домашнее образование. Во второй половине 1860-х гг. сдала экзамен на звание домашней учительницы и в течение 5 лет содержала в Вологде «смешанную» — для мальчиков и девочек — частную школу. С 1870-х гг. жила в Петербурге, активно занималась литературной работой и общественной деятельностью. Печаталась в журналах «Детское чтение», «Воспитание и обучение» (рецензировала книги для народного чтения), «Педагогический листок СПб. женских гимназий» (в 1876 г.

преобразован в «Женское образование»). Была постоянным автором этого журнала, где помещала педагогические статьи и вела отдел критики и библиографии (до 1891 г.).

В 1888-1905 гг. служила начальницей Тверской женской земской учительской школы им. П.П. Максимовича, которая благодаря её усилиям была «поставлена на высоту образцового педагогического заведения».

Знакомство Свешниковой с Толстым связано с её сотрудничеством в издательстве «Посредник», где она опубликовала шесть книг. Сохранились отзывы писателя о таких её сочинениях, как «Скупой и его дочь» (по О. Бальзаку), «Фабиола, или Древние христиане» (по Е. Тур), «Франциск Ассизский». Получив рукопись «Брат на брата» (переложение романа В. Гюго «Девяносто третий год»), Толстой писал В.Г. Черткову 1-2 июня 1885 г.: «Я вчера прочёл <...> вслух при наших и кузминских детях и взрослых. Всех захватило. Язык не безупречный в описаниях, но поправлять не буду <...>, И так хорошо» (85: 211). Своё впечатление он тогда же подробнее высказал в письме П.И. Бирюкову: «Язык однохарактерный и в разговорах даже очень хорош и чувствуется Нуго, т.е. великий мастер» (63: 254).

451

Для самой Свешниковой рассказы Толстого были образцом народной книги. В журнале «Воспитание и обучение» она опубликовала две рецензии на сочинения Толстого, в которых сформулировала требования к народной книге: «живая речь» и «живая душа». Лучшим из его народных произведений она считала рассказ «Упустишь огонь – не потушишь», объясняя это тем, что «ни в одной из всех прочих книг нет такой трезвой красоты мысли в связи с таким безукоризненно-прекрасным и понятным языком» (Воспитание и обучение. 1886. №10. С. 201).

Общение Свешниковой и Толстого вплоть до 1890 г. связано и с личностью Вильяма Фрея (Владимира Константиновича Гейнса), почитательницей которого она была. Фрей пытался обратить Толстого в свою веру – «религию человечества». Сознвая невозможность этого и выражая своё понимание личности и значения Толстого, Свешникова в 1886 г. писала Фрею: «В его глазах вы – человек глубоко религиозный в лучшем смысле этого слова, независимо от формы вашей религии <...> Толстому надо предоставить идти, как он идёт; избирать новый путь было бы для него, я думаю, слишком мучительно <...>. Он желает жить и дожить “не греша”, и сторонится – мало того, что сторонится, а просто отбивается – от сомнений, которые с той или другой стороны могли бы ещё охватить его <...>. За это вы не разлюбите его, конечно; помимо

личной его симпатичности, доброты, ума, у него не может никогда быть вычеркнут из счёта тот горячий порыв, который стольких захватил и поднял за собой» (ОР ГМТ).

Лит.: Строганова Е.Н. Из истории женского движения 1870-1880-х годов (Е.П. Свешникова) // Женщины. История. Общество. Сб. научных трудов. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 96—107; Строганова Е.Н. «Свешникова милая» // Друзья и гости Ясной Поляны: Сб. статей. - Тула, 2006. - С. 79-86.

Е.Н. Строганова

СВИСТУНОВ Пётр Николаевич (1803-1889) – декабрист, член Южного и Северного обществ. Родился в старинной дворянской семье, воспитывался в иезуитском пансионе, служил в Кавалергардском полку. Следственная комиссия установила: в 1824 г. М.И. Муравьёв-Апостол «говорил Фёдору Вадковскому и Свистунову, что намерен посягнуть на жизнь покойного государя, не хотят ли они также <...> содействовать <...> Фёдор Вадковский и Свистунов были согласны» (Восстание декабристов. М., 1976. Т. IX. С. 259). На специальный запрос следствия 22 апреля 1826 г. о предложении покушения на жизнь императора Свистунов ответил, что «предложение было сделано для того, чтобы испытать смелость» их (Восстание декабристов. Т. XIV. С. 347-349). Позднее Муравьёв-Апостол писал: «Свистунов из дружбы ко мне, не желая для опровержения моего показания подвергнуться очной ставке со мною, подтвердил его письменно, хотя оно значительно усиливало его виновность. <...> Должен с признательностью заявить, что ни он, ни Вадковский <...> никогда не пеняли на меня за эту оплошность (Воспоминания и письма М.И. Муравьёва-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 186).

Верховный уголовный суд признал Свистунова виновным в том, что он «участвовал в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием, а в умысле бунта принятием в общество товарищей». За это он был отнесён к гос. преступникам второго разряда и приговорён к бессрочной каторге (заменена на 20-летнюю, позднее сокращена до 15 лет) с последующим пожизненным поселением в Сибири. По возвращении из ссылки участвовал в проведении Крестьянской реформы в Калужской губ.; вместе с декабристами Е.П. Оболенским, Г.С. Батеньковым и петрашевцем Н.С. Кашкиным был членом губ. комитета «по устройству быта помещичьих крестьян».

Свистунов был одним из первых декабристов, с кем познакомился Толстой в начале работы над романом «Декабристы». Первая встреча их произошла 9 февраля 1878 г. Имя Свистунова неоднократно упоминалось

в письмах и дневниках Толстого: «Завтра еду к Свистунову, декабристу», «Потом поехал к Свистунову» (83: 242, 245). Самому Свистунову Толстой писал: «...для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль, кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны, и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете, а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня» (62: 394-395).

Свистунов пережил почти всех участников восстания и называл себя «последним декабристом».

В.А. Жаров, М.В. Строганов

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Дмитрий Иванович (1825-1899), князь — офицер; до 1854 г. — адъютант главнокомандующего

452

отдельным кавказским корпусом. Принимал участие в обороне Севастополя, в сражении на Чёрной речке. С 1864 г. — генерал-адъютант, дослужился до должности помощника наместника на Кавказе; с 1880 г. — член Гос. совета.

В 1880-е гг. — корреспондент и адресат Толстого; с 1882 г. жил в деревне. В письме 3 марта 1884 г. Святополк-Мирский напоминал о своих встречах с Толстым в Крыму в 1855 г. и о «горячих спорах» в ауле Рапала; высказывал сочувствие христианским религиозным и нравственным стремлениям писателя. 5 апреля Толстой записал в дневнике: «Письмо от Мирского и стихи. Поразительно. Он христианин. Стихи прекрасны по содержанию и 13-летнего мальчика по форме». 6 апреля Толстой отвечал: «Из наших давнишних встреч у меня осталось впечатление о человеке умном, простом... и, должно быть, добром. Потом ваша деятельность, о которой я слышал, отчуждала меня от вас, и вдруг ваше письмо, показавшее, что мы близки с вами — гораздо больше, чем с многими людьми, с которыми я прожил жизнь.

Стихотворение ваше поразило меня: оно полно содержания поэтически-философского или религиозного и прекрасного (на мой вкус) поэтому содержания, — но оно невозможно по своей форме: нет размера, не соблюдены правила стихосложения, нет даже чувства красоты языка. Вам нельзя и не нужно писать стихами. Пожалуйста, если поднимется у вас на меня дурное чувство за эти слова и за весь тон моего письма, подавите его в себе во имя того, что правдивость моя вытекает из уважения к вам и любви, которую чувствую к вам после вашего письма.

<...> Тоже не сердитесь, что не употребляю слов — князь и др. Это происходит не от неуважения, а от уважения к человеку».

Н.И. Бурнашёва

СЕЙРОН Анна (Seuron; рожд. Вебер; 1845-1922) — гувернантка-француженка, жившая у Толстых в 1882-1888 гг. вместе с сыном-подростком Альсидом, учеником Лазаревского института восточных языков. Это была «пожилая, представительная француженка», которую дети Толстые называли «герцогиней» (*Очерки былого*. Гл. «Почтовый ящик»). В 1884 г. Сейрон помогала Толстому редактировать немецкий перевод С. Бер трактата «В чём моя вера?»: «Всё поправляю по утрам немецкий перевод». «Утро работал над переводом с m-me Seuron», — отмечал Толстой в дневнике (49: 113). Она — автор отрывочных и во многом недостоверных воспоминаний, изданных на немецком языке: «Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben von Anna Seuron» (Berlin, 1895). На русском языке вышло два издания книги: Сейрон А. Шесть лет в доме Льва Николаевича Толстого: Записки (СПб., 1895) и «Граф Лев Толстой» (СПб., 1896). По мнению Толстого, «книга кишит ошибками» (69: 53). В 1895 г., получив в письме «газету с статьёй о клеветах и глупостях книжки Seuron» (53: 33), он огорчился, «но немного». Опровергать ничего не собиравался, несмотря на предложение журналиста. В дневнике записал: «Да я ничего о себе не утверждал, поэтому нечего мне и опровергать. Я такой, какой есть. А какой я, это знаю я и Бог» (там же).

Кого клевета на Толстого огорчила, это немецкого журналиста доктора философии Альберта Дрейзнера, а многочисленных почитателей Толстого в Германии возмутила: «Нынче письмо от немца с выписками из вранья m-me Seuron. Было досадно», «если нужно унижение личности моей, то, видно, так надо» (53: 39). 2 октября 1906 г. Сейрон прислала в Ясную Поляну письмо, в котором писала, что хочет издать продолжение воспоминаний, «но они семье не понравятся. Разные намёки в письме, похожие на шантаж. Решили не отвечать» (*ЯПЗ*. 2. С. 250).

А.Н. Полосина

СЕМЁНОВ Леонид Дмитриевич (Семёнов-Тян-Шанский; 1880-1917) — писатель, поэт, один из первых представителей русского символизма; единомышленник, знакомый, корреспондент и адресат Толстого.

Внук знаменитого географа и путешественника (удостоенного за свои выдающиеся открытия права называться П.П. Семёновым-Тян-Шанским), Семёнов учился на естественном, затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В 1905 г.

выпустил свой первый поэтический сборник, в котором отразились его мистические настроения и религиозные искания. На формирование его романтических идеалов оказала влияние философия Ницше, поэзия Шиллера и героический образ Жанны Д'Арк. Как и многих его сверстников, Семёнова увлёк революционный поток. 9 января 1905 г. он шёл в первых рядах демонстрации рабочих и чудом спасся во время её расстрела. Он посещал кружки социал-демократов, эсеров, принимал участие в их деятельности и был приговорён к тюремному заключению. Пребывание в тюрьме и личная трагедия — смерть любимой девушки — заставили его многое

453

переосмыслить, повлияли на его мировоззрение. Он стал всё чаще обращаться к Евангелию и, выйдя на свободу, оставил университет и начал зарабатывать на жизнь физическим трудом: нанимался на работу за стол и угол и, живя батраком среди сектантов-скопцов, воспринял от них вегетарианство, смирение, отрицательное отношение к обрядности и насилию.

В июне 1907 г. Семёнов отправился в Ясную Поляну. Встретив Толстого в саду, сразу представился ему революционером. Возмущённый вызывающим тоном молодого человека, писатель не стал с ним говорить; но вечером они разговорились, и тут им открылась такая духовная близость, что оба разрыдались. Семёнова сближало с Толстым не только вегетарианство и отрицательное отношение к любым проявлениям насилия, но, главное, мучительное искание своего пути к истине, к Богу. «Редко приходится переживать такой праздник души, когда сознаёшь, что совершенно сходишься с другим человеком, да ещё с человеком, который настолько опытнее и старше тебя, как Вы меня», — писал Семёнов (Семёнов Л.Д. Письма Льву Толстому // Русская филология. Уч. записки. Т. 9. Смоленск, 2004. С. 316). Толстой отвечал ему 26 октября 1909 г.: «Письмо ваше мне было радостно тем, что показало мне, что та истинная работа жизни, приближения к Недосягаемому, неуклонно совершается в вас. <...> Очень люблю вас и не за вас, а за то, что позволяю себе думать, что мы с вами живём одним духом, хочу сказать, что люблю вас особенной любовью сознания единения в Боге, какую, к несчастью, могу любить только немногих». Словом «радость» Толстой часто определял свои отношения с Семёновым: «Радуюсь тому, что есть такие люди, как вы, которые показывают нам, что мы должны делать и не сделали. И, удивительное дело, чем больше такие люди обличают нас, тем больше их любишь» (19 ноября 1909 г.). В дневнике в этот день

записано: «От Леонида Семёнова прекрасное письмо. Как радостно и благотворно общение с такими людьми!» (57: 174).

Семёнов искал ответы на свои вопросы не только в письмах, но и в сочинениях писателя, «никому из людей так не веря в печатном слове», как Толстому. Он тонко чувствовал, что было для самого Толстого главным в его трудах, и отдавал предпочтение записям дневника и «мыслям, выбранным из разных» его писаний.

Взаимопонимание не мешало им часто спорить. Отказавшись сам от революционной деятельности, Семёнов не осуждал революционеро-идеалистов. Он спорил с Толстым, стремясь постичь истину. Писатель ценил это и не давил на него своим авторитетом: «И я не беру на себя смелость убеждать своими доводами такого живущего вполне духовной жизнью, как вы, человека, но, любя вас, очень бы просил вас самому строго и свободно подумать об этом» (речь шла об отношении к Библии и Евангелию; 80: 204).

Под впечатлением происходящих в России событий Семёнов написал рассказ «Смертная казнь», который глубоко тронул Толстого, и, высказав ряд замечаний, он заключил: «...всё это превосходно, так хорошо, что не могу себе представить ничего лучше... Я не мог говорить от слёз, душивших меня» (78: 137-138). Толстой рекомендовал рассказ в журнал «Вестник Европы», сопроводив его своим письмом, которое было опубликовано как предисловие к рассказу (1908. Кн. 8). Последнее напечатанное произведение Семёнова — «У порога неизбежности» — было написано в 1908 г., в пору наибольшего сближения с Толстым (Шиповник. 1909. Кн. 8). Позднее Семёнов отказался от литературного творчества. Потребность общего дела со своими единомышленниками привела его в Саратовскую губ. в общину А.М. Добролюбова. За отказ по убеждениям от военной службы он был вновь привлечён к суду. Но, к сожалению, Семёнов, как и многие единомышленники Л.Н. Толстого во Христе, в зрелом возрасте остановился в своих духовных поисках, а с 1915 г. началось его возвращение к православию. В 1916 г. он отправился в Оптину пустынь. Это был новый и последний в его жизни духовный переворот. Вскоре Семёнов выступил с публичным покаянием за отпадение от веры. Он стал готовиться к женитьбе и принятию священнического сана, но накануне этого события был убит выстрелом в спину на пороге своего дома. Причины убийства остались неизвестны.

Лит.: Сапогов В.А. Лев Толстой и Леонид Семёнов (об одном корреспонденте Л.Н. Толстого) // Уч. записки. Вып. 20. Филологич. серия. Кострома: Ярославский Гос. пед. ин-т, Костромской гос. пед. ин-т, 1970.

Ю.Д. Ядовкер

СЕМЁНОВ Сергей Терентьевич (1868-1922) – крестьянин деревни Андреевской Волоколамского уезда Московской губ.; писатель.

Служил мальчиком в московском трактире, когда познакомился с сочинениями Толстого. С самим писателем был знаком с конца 1886 г. Под его влиянием стал писать рассказы о крестьянской жизни,

454

показывал их Толстому, постоянно переписывался с ним. Семёнов досконально знал сельскую жизнь, он вернулся в деревню и занимался обработкой земли, применяя новые методы ведения хозяйства. Толстой особенно ценил у него правдивое, без фальши изображение деревни. Рассказы Семёнова отличались простотой изложения и ясностью, чистотой народного языка. «Я не люблю поощрять к литературному труду, в особенности когда это заработок, — писал ему Толстой 21 июня 1891 г., — но ваши писания всегда мне нравятся своей содержательностью и правдивостью, и потому в отношении вас я делаю исключение». Толстой пропагандировал творчество Семёнова, хлопотал об издании его сочинений, защищал от нападок мракобесов и чиновников, считал его человеком умным, просвещённым, нравственным и очень скромным. В феврале 1894 г. Семёнов попросил Толстого «предложить кому-нибудь из издателей» сборник его «Крестьянских рассказов»: замучила нищета, долги, «может быть, купят и издадут, может быть, тогда как-нибудь удалось бы распутаться, а то просто беда», — писал он. Толстой живо откликнулся: «Книжечка может выйти хорошая, и я могу искренно похвалить её» (67: 43). В мае того же года книжка Семёнова «Крестьянские рассказы» была напечатана с предисловием Толстого.

Говоря о сочинениях Семёнова, Толстой определял и свои эстетические позиции. Его «правило» — «судить о всяком художественном произведении с трёх сторон: 1) со стороны содержания», насколько оно важно, нужно и ново; «2) насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения, и 3) насколько искренно отношение художника к своему предмету, т.е. насколько он верит в то, что изображает». Толстой считал, что «искренность — главное достоинство Семёнова», хотя у него и «содержание всегда значительно», и «форма рассказов совершенно соответствует содержанию: она серьёзна, проста, подробности всегда верны: нет фальшивых нот». В 1910 г. в расширенном варианте «Крестьянские рассказы» Семёнова с предисловием Толстого были изданы «Посредником» в шести томах, и в 1912 г. это издание получило премию Академии наук.

В 1905-1906 гг. Семёнов проникся революционными настроениями, принимал участие в деятельности Крестьянского союза, за что был

выслан из России. В ссылке очень страдал, стремился на родину. С помощью Толстого вернулся в Россию в 1908 г.

Семёнов написал «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» за период 1886-1905 гг. (см. ТВС. 1960. 1). Он подготовил статью «Крестьянство в жизни и творчестве Толстого». В ГМТ хранится портрет Семёнова, выполненный Т.Л. Толстой в 1893 г.

Деятельность и сама личность писателя-крестьянина, отход его от суеверий церкви, а в особенности увлечение книгами вызывали вражду у некоторых односельчан. В 1922 г. христианин-мученик С.Т. Семёнов мирно жил в своей родной деревне Андреевской в Московской области, где и был убит православными соседями, обвинившими его в колдовстве и чернокнижии.

Н.И. Шинкарьук

СЕН-ТОМА Проспер Шарль Антуан (наст, фамилия Тома – Thomas; 1812-1881) – губернёр Толстого, родился в г. Эпинале (Франция) в семье Антуана Жоржа Тома, «старого, бедного наполеоновского солдата». В 1831 г. Тома закончил в Эпинале старое учебное заведение, основанное в XVIII в., где изучал древние и современные языки (английский, греческим и латинский), основы истории и естественных наук. По окончании получил диплом учителя иностранных языков. У него были «очень основательные познания латинского языка и французской литературы» [1 (19); 238-239]. В 1835 г., подобно тысячной армии молодых французов, Проспер Тома приехал в Россию искать счастья и остался на семь лет. В Петербурге при получении паспорта сменил свою фамилию на псевдоним Сен-Тома. В России он «принялся серьёзно заниматься русским языком и через год говорил очень порядочно» (там же). В 1909 г. Толстой вспоминал, что его «первый губернёр Сен-Тома говорил хорошо по-русски» (*ЯПЗ*. 3. С. 389). В Москве в 1837 г. из дома Милютиных он поступил губернёром к Толстым и прожил с ними до 1841 г. Он был образован, «неглуп, довольно хорошо учён», обладал личным обаянием, понравился («очень мил») бабушке П.Н. Толстой, пользовался авторитетом у тёток Т.А. Ёргольской и А.И. Остен-Сакен. Сохранились письма Сен-Тома бабушке П.Н. Толстой, Т.А. Ёргольской, А.И. Остен-Сакен, Л.Н. Толстому, его братьям и сестре (*ОР ГМТ*).

Осенью 1841 г. дети Толстые переехали в Казань к опекунше П.И. Юшковой. После их отъезда Сен-Тома недолго оставался в Москве, так как преподавал французский язык в гимназии. 2 января 1842 г. он «отправился в Казань», где планировал «служить преподавателем Казанского университета» (Thomas Prosper. *Souvenirs de Russie*. Epinal: Gley, 1844. P. 80). Весной 1842 г. после тяжёлой болезни он вернулся

во Францию. Написал «Воспоминания о России» (Эпиналь, 1844); участвовал в революции 1848 г. В 1870-е гг. на два срока избирался мэром г. Ремиремона. Краткий биографический очерк о Проспере Тома имеется в «Словаре знаменитых граждан Вогезов» (*Les Vosgiens célèbres: Dictionnaire biographique illustré*. Epinal: Edition Gerard Louis, 1990. P. 347-348). В 1880 г. он был назначен мировым судьёй. Был женат. Своего единственного сына назвал Леоном.

Сен-Тома очень рано заметил талант мальчика Толстого, «в младшем из четырёх братьев он увидел что-то особенное» и говорил: «*Ce petit tête, c'un petit Moliere*» («Этот малыш умён, это маленький Мольер». – *фр.*).

Своего гувернёра-француза, преподававшего латинский, французский языки и французскую литературу, Толстой помнил всю жизнь. В 1894 г. он рассказал французскому писателю Жюлю Легра, что «это был прекрасный человек <...> который в совершенстве владел латынью и очень хорошо умел её преподавать» (Легра Ж. Несколько посещений Толстого // *ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 17), и попросил его разузнать что-нибудь о судьбе «старика Сен-Тома» в Гренобле. Поиски оказались безуспешны.

«Жестокую ссору» с Сен-Тома, грозившим «за что-то самое не заслуживающее наказания» высечь его розгами (34: 396), Толстой описал в «Отрочестве» (гл. «Затмение»). Гувернёр Сен-Жером наказал за шалости Николеньку Иртеньева. Наказание заключалось в «унижении». Мотив пережитого в детстве наказания стал одним из важных мотивов творчества Толстого: он восходит к реально испытанному в детстве чувству «ужаса и отвращения перед всякого рода насилем» (там же). Этот мотив возрождается в первом варианте статьи о телесных наказаниях «Стыдно» (1895): «...в нашем доме смотрели на телесное наказание как на что-то дикое, ужасное <...>. Нас детей никогда не секли, и я описал в своём “Детстве” тот испытанный ужас, когда гувернёр-француз предложил высечь меня» (31: 245). В дневнике появится запись о тоске, напомнившей тот детский ужас; 31 июля 1896 г. Толстой вновь переживает похожее чувство: «...не могу заснуть. Сердце болит. Измучен. Всем хорошо. А мне тоска, и не могу совладать с собой. Похоже на то чувство, когда St.-Thomas запер меня и я слышал из своей темницы, как все веселы и смеются» (53: 105). Мотив пережитого в детстве наказания возрождается, видоизменяется в нескольких произведениях. В заметке для биографа П.И. Бирюкова в 1904 г. Толстой написал, что «угроза розгой» вызвала «ужасное чувство негодования и возмущения и отвращения <...> к тому насиле», которое Сен-Тома «хотел употребить» над ним. Он признавал, что во многом этот случай стал причиной его позднейшего отвращения к насилею. В 1903 г., составляя конспект

«Воспоминаний», Толстой собирался посвятить Сен-Тома целую главу. Замысел остался нереализованным.

В сочинении Проспера Тома «Воспоминания о России» упоминаний о Толстом нет. Но он там незримо присутствует. Так, рассуждения Тома о дипломатии сопрягаются с желанием Толстого учиться на восточном факультете и стать дипломатом (бабушка Николеньки Иртеньева, героя трилогии, считала, что внук её показывает «способности быть дипломатом»). Или мнение автора о том, что русское дворянство отличается приятным гостеприимством и делится на два типа: «ослепительное» петербургское и «истинно сердечное» московское, которое он мог в полной мере оценить в московском доме Толстых, прожив у них почти пять лет.

Лит.: Полосина А.Н. Гувернёр Л.Н. Толстого – Проспер Сен-Тома (по материалам французских архивов) // Толстовский ежегодник. 2001. - М., 2001; Полосина А.Н. Гувернёр Л.Н. Толстого Сен-Тома о России и русских // Толстовский ежегодник. 2002. - М., 2002.

А.Н. Полосина

СЕНКЕВИЧ Генрик (1846-1916) – польский писатель. Одно из последних изданий его сочинений насчитывает 60 томов. Нобелевская премия в области литературы (1905 г.).

Он начал писать ещё будучи студентом филологического факультета Главной школы (впоследствии Варшавского университета), публиковал в польских газетах и журналах свои очерки и критические статьи. Первыми крупными произведениями Сенкевича были повесть «Ни к чему», о жизни польского студенчества, и юмористические новеллы «Шутки из портфеля Воршилы». Но подлинную известность писателю принесли его новеллы «Старый слуга», «Ганя», «Эскизы углём», «Янко-музыкант», где он изобразил угасание патриархального быта и пореформенную трагедию крестьян. Посетив США (1876—1879), он опубликовал «Письма из путешествия», рассказывающие об американском образе жизни. В повести «За хлебом» Сенкевич писал об ужасных условиях жизни и труда польских эмигрантов. Герои

456

повести — крестьяне, потерявшие всё на родине, поехали искать счастья за океаном и погибли в поисках этого счастья. Имя Сенкевича стало популярно особенно благодаря его историческим романам «Огнём и мечом», «Потоп», «Пан Володыёвский», «Крестоносцы». Не менее известны его романы «Камо грядеши», «Без догмата», «Семья

Полонезских». Последние два произвели сильное впечатление на Толстого. «Прекрасный писатель, — так отзывался он о Сенкевиче в письме к жене 25 октября 1894 г., — благородный, умный и описывающий жизнь, правда, одних образованных классов, во всей широте её, а не одних нигилистов, фельдшерниц и студентов, как наши».

В 1907 г. Толстой высказал это своё мнение самому Сенкевичу, когда тот обратился к русскому писателю с письмом по поводу насилия немецких властей над познанскими поляками. Сенкевич призывал Толстого выступить с протестом, что могло явиться «самой убедительной защитительной речью, которую вполне заслужил угнетённый народ». В своём ответе 27 декабря Толстой писал: «Любезный Генрих Сенкевич, странное обращение это вызвано желанием избежать неприятного, до враждебности холодного “Милостивый государь” и столь же отдаляющего “Monsieur”, а статья в письме к вам в те близкие, дружелюбные отношения, в которых я себя чувствую по отношению к вам с тех пор, как прочёл ваши сочинения “Семья Полонезских”, “Без догмата” и др., за которые благодарю вас». Письмо подписано: «Любящий вас сотоварищ по писательству Лев Толстой».

И.К. Грызлова

СЕРГЕЕНКО Алексей Петрович (1886-1961) — литератор, мемуарист; старший сын П.А. Сергеенко. 23 мая 1906 г. Д.П. Маковицкий записал в дневнике слова Толстого о семье П.А. Сергеенко: «А я знаю его семью; у него восемь человек детей, живут в деревне...» Маковицкий отмечал неоднократные одобрительные отзывы Толстого об этой семье и о том, что сын Сергеенко Алексей работал на земле вместе с работниками. «В семье П.А. Сергеенко царил подлинный культ Толстого. Глава семьи развивал и укреплял в своих сыновьях чувство благоговейного поклонения “великому учителю”». «Летом 1907 г. П.А. Сергеенко сообщил в Ясную Поляну о том, что день рождения Толстого (28 августа) его семья провела в размышлениях о Толстом, и прислал выдержки из дневников сыновей, содержащих “благодарственные думы” о нём» (Рассказы о Л.Н. Толстом. М., 1978. С. 4). Отвечая П.А. Сергеенко, Толстой дал понять, что ему показалась «страшна несоответственность своей действительности с восторженными представлениями и требованиями юных душ», он выразил желание «хоть немножко подвинуться к тому идеалу, который они себе представляют».

С Толстым А.П. Сергеенко познакомился в Москве, когда ему было 14 лет, а с 1906 г. связал свою жизнь с деятельностью Толстого. «Человек чарующего душевного обаяния, отзывчивый и чуткий, А.П. Сергеенко стал симпатичен Л.Н. Толстому, который сразу же оценил его нравственную чистоту и деликатность. “Всегда радуюсь, видя Алёшу...” —

писал Толстой его отцу...» (Ковалёв В.А. А.П. Сергеенко как исследователь жизни и творчества Льва Толстого // Сергеенко А.П. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. - М., 1983. С. 3).

А.П. Сергеенко разбирал и изучал рукописи Толстого, которые Чертков перевёз из Англии в Россию; в 1909-1910 гг. тесно общался с Толстым, был одним из его помощников. Пользуясь полным доверием писателя, А.П. Сергеенко оказался в числе трёх свидетелей, подписавших завещание Толстого, закреплявшее безвозмездную передачу его произведений народу. Этой теме была посвящена его статья «Как писалось завещание Толстого» (Толстовский ежегодник. 1913 год).

После ухода Толстого из Ясной Поляны А.П. Сергеенко 29 октября 1910 г. ездил к нему в Оптину пустынь как доверенное лицо; он был с Толстым весь день, под его диктовку записал последнюю статью писателя «Действительное средство» и сопровождал его в Шамордино.

А.П. Сергеенко участвовал в издании «Посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого» и в подготовке Полного собрания сочинений Толстого в 90 томах (Юбилейного издания). Он автор многих статей, опубликованных в разных изданиях, и ценных мемуарных очерков о Толстом, собранных в книге «Рассказы о Л.Н. Толстом» (М., 1978). На основании рукописей, дневников, записных книжек, писем Толстого и др. материалов А.П. Сергеенко в своей книге «"Хаджи-Мурат" Льва Толстого» воссоздал творческую историю последнего шедевра писателя. В литературное наследие А.П. Сергеенко входит и большая рукопись «Л.Н. Толстой и И.Н. Крамской».

Т.Н. Архангельская

457

СЕРГЕЕНКО Пётр Алексеевич (1854 — 1930) — биограф Толстого, его корреспондент и адресат. Родился в крестьянской семье; учился в таганрогской гимназии вместе с А.П. Чеховым. Известны несколько прозаических и драматических произведений Сергеенко. Толстой, по свидетельству Д.П. Маковицкого, обратил внимание на то, что такой «маленький писатель» включён в энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Чехов считал, что «как только он возомнил себя великим писателем и другом Толстого (которого, кстати сказать, он страшно утомляет), то стал нуднейшим человеком в мире» (Чехов. *Письма*. Т. 7. С. 257). В семье Толстого Сергеенко не считали приятным человеком. Вместе с тем, когда в Ясной Поляне заговорили о характере Сергеенко, как записал Маковицкий 23 мая 1906 г., Толстой сказал: «Я, кроме хорошего, ничего не видел от Сергеенко. Правда, бывает тяжёлый». С начала знакомства с Толстым в 1892 г. он постоянно бывал в

Ясной Поляне, выполнял поручения Толстого, оказывал секретарские услуги, участвовал в оказании помощи духоборам в 1898 г. и голодающим в 1899 г. В 1898 г. опубликовал книгу «Как живёт и работает Л.Н. Толстой», которая выдержала три издания и была переведена на многие языки.

Особая сторона деятельности Сергеенко — фотографирование Толстого и Ясной Поляны. Он оставил более 40 оригинальных снимков, не считая фотографий яснополянских крестьян; изготовил ряд копий работ других фотографов, коллекционировал подаренные ему снимки. Он собрал в общем коллекцию в 1500 снимков и не раз показывал их в Ясной Поляне. Эти фотографии были широко представлены в выпущенном Сергеенко совместно с Н.Г. Молоствовым исследовании «Лев Толстой. Жизнь и творчество. 1828-1910». СПб., 1910. Маковицкий 13 июня 1908 г. записал отзыв Молостова об этой работе: «Молоствов о своей и Сергеенко биографии Л.Н.: его материал книжный, литературный, а у Сергеенко — иллюстративный. Литературный материал, который дал Сергеенко, весь находится у Бирюкова или же относится к позднейшим годам, после 1870 г.». В сентябре 1908 и феврале 1909 гг. Толстой и С.А. Толстая читали корректуру первого тома этой книги. Маковицкий записал тогда: «Хорошего впечатления не произвёл» (ЯПЗ. з. С. 360). Снимки Сергеенко хранятся в фондах ГМТ.

В 1906 г. Сергеенко с согласия Толстого собрался издавать письма Толстого к разным лицам. Три тома писем под его редакцией вышли в 1910-1912 гг. В январе 1909 г. Маковицкий сделал запись о впечатлении от полученной «книги “О Толстом” — “Международного альманаха о Толстом”, как её прозвали газеты <...>. Редактор — П.А. Сергеенко. Книга удалась. Лучшие статьи в ней — двух крестьян: В. С. Морозова и М.П. Новикова» (ЯПЗ. з. 305).

В 1917-1921 гг. Сергеенко участвовал в организации охраны и благоустройства Ясной Поляны, затем организовывал музей Толстого в Севастополе. Материалы Сергеенко использованы в вышедшей в 1961 г. в Грозном книге «Л.Н. Толстой на Кавказе в записях современников».

Лит.: Ершова О.Е. Толстовская фотоколлекция П.А. Сергеенко // ЯП. сб. 1986. — Тула, 1986.

Т.Н. Архангельская

СЕРДОБОЛЬСКИЙ Александр Павлович («г-н С.»; ум. в 1890 г.) — учитель в одной из школ, открытых Толстым в окрестностях Ясной Поляны. Корреспондент и адресат Толстого. Окончил казанскую гимназию, учился в Московском университете; служил преподавателем в головеньковской волостной школе в селе Кривцове, открытой 17 октября

1861 г. Толстой считал его даровитым учителем («Ясная Поляна», II, с. 39), правда, сетуя, что «учителя плохи», писал в дневнике 5 ноября 1861 г.: «Алексей Иванович <Шумилин> глуп. Александр Павлович <Сердобольский> нравственно нездоров». Что имелось в виду под «нравственным нездоровьем», неясно, но в конце той же дневниковой записи замечено: «У учителей какие-то противные тайны. Ежели это бабы, то хорошо» (8: 502). Сердобольский, видимо, был на положении старшего, более опытного преподавателя: сообщал Толстому о работе своих коллег, в отсутствие Толстого выплачивал им деньги, рекомендовал новых учителей. В одном из писем он признавался Толстому: «...это Ваше дело становится и нашим. <...> Мне сдаётся, что наше общее дело и может только идти под Вашим личным руководством, может согреваться Вашею тёплой любовью к нему. Я не уверен, чтобы все сущие здесь учителя любили это дело, но уверен, что любят его, как люблю я, <...> если удастся им найти в нём ту поэзию, тот восторг, какой проглядывает в Вашей личности. Не оставляйте же нас надолго без Вашего присутствия...» (8: 514-515). В журнале «Ясная Поляна» он поместил две статьи «Головеньковская волостная школа», в майском № V с подзаголовком «Положение школы среди народа» и в июньском № VI с подзаголовком «Жизнь школы». Обе статьи

458

подписаны: «головеньковский учитель». Сердобольский помогал Толстому в издании журнала «Ясная Поляна», переписывал некоторые педагогические статьи Толстого. В 1862 г. в книжках «Ясной Поляны», приложении к журналу, было напечатано сочинение «Робинзон» — пересказ книги Д. Дефо о Робинзоне Крузо, сделанный для детей Сердобольским по рекомендации Толстого. Даже в старости Толстой любил эту книгу: «Самая лучшая книга для детей!» — говорил он о «Робинзоне», вспоминал, как читали в детстве всей семьёй, и хотел «прочсть оригинал» (ЯПЗ. 4. С. 354).

В 1870-х гг. Сердобольский вернулся в Казань, где преподавал в учительской семинарии. Он продолжал изредка писать Толстому. Вместе с письмом от 19 октября 1878 г. прислал изданный им «Сборник прозаических статей и стихотворений» (кн. 1—2. Казань, 1878). «Пусть напомнит Вам посылаемая книга, — писал бывший «головеньковский учитель», — о человеке, который и теперь, приближаясь уже к старости, не изменил Вашему знамени — по-прежнему живёт и движется всё теми же идеями и старается, поскольку это возможно при настоящем состоянии учебного дела, применять их к образованию и воспитанию

народных учителей...» (8: 515). Толстой ответил на это письмо, одобрительно отозвавшись о сборнике.

Н.И. Бурнашова

СЕРОВ Валентин Александрович (1865-1911) — художник. Сын композитора и музыкального критика А.Н. Серова. Участник кружка С.И. Мамонтова. Член Товарищества передвижных выставок (с 1894 г.) и объединения «Мир искусства». Портретист, пейзажист, иллюстратор, театральный декоратор. Наиболее известны работы: «Девочка с персиками», «Девушка, освещённая солнцем», «Дети» (1899), портреты М.А. Морозова (1902), М.Н. Ермоловой (1905), Ф.И. Шаляпина (1905), А.П. Павловой (1909), О.К. Орловой (1911), «Пётр I», «Похищение Европы» (1910), «Ида Рубинштейн» (1910).

Серов — большой поклонник творчества Толстого. По словам Н.Е. Эфроса, Толстой был не только «самым любимым писателем Серова», но, «может быть, самым любимым человеком» (Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 2. Л., 1971. С. 363).

В 1892 г. Серов выполнил иллюстрацию к повести Толстого «Холстомер». В том же году Толстой пригласил художника написать портрет жены. Дочь писателя Т.Л. Толстая сообщала И.Е. Репину 15 апреля: «...Серов приходит каждый день писать мама, и дело идёт хорошо. Я думаю, дней через пять портрет будет кончен и будет хорош, если он ничего не испортит» (*Толстой и художники*. С. 108). С.А. Толстая вспоминала: «Я позировала почти ежедневно, и портрет, начатый прекрасно, Серов потом испортил. Да и позу он мне, живой и бодрой, придал какую-то мне не свойственную, развалившуюся» (там же. С. 255). Мнение, что Серов «испортил портрет», стало общим для всей семьи Толстых. Впрочем, тогдашняя художественная критика этого мнения не разделяла. К примеру, в 1894 г. влиятельный художественный критик В. Михеев писал: «Мы давно не видали так мощно, сочно и характерно написанного портрета, как этот портрет графини Толстой. Свобода письма и тщательная техника слились в нём нераздельно, яркость красок и характерность изображения напомнили нам лучшие работы в этом роде И.Е. Репина» (*Артист*. 1894. № 37. С. 127-128). Через несколько лет портрет С.А. Толстой увидел Л.О. Пастернак и был отнюдь не в восторге: «Он был написан Серовым в первый период его художественной деятельности и отличался свойственной этому периоду особой серовской глубиной характеристики, но по живописным качествам он не мог бы быть причислен к лучшим работам Серова» (*Толстой и художники*. С. 345).

В воспоминаниях дочери художника О.В. Серовой запечатлелся рассказ отца об одном эпизоде, свидетелем которого невольно он стал в хамовническом доме Толстых: «Когда папа писал Софью Андреевну, то как-то вечером кто-то из них <сыновей Толстых. - В.Б.> уходил играть в карты. Лев Николаевич очень просил сыновей остаться дома, но никакие уговоры не помогли; они, очень грубо ответив отцу, уходя, с маху хлопнули дверью. Лев Николаевич, глубоко опечаленный, молча отошёл и сел в кресло. Папа говорил, что ему было ужасно больно за Льва Николаевича» (там же. С. 250). Рассказала Серова и о реакции отца на смерть Толстого: «Когда умер Толстой, Серов был за границей. “Рад я, что Лев Толстой, — писал папа в письме к маме, — закончил свою жизнь именно так, и надеюсь, что и похоронят его на том холме, который был ему дорог по детству. Рад я, что и духовенства не будет, так как оно его от церкви отлучило. Прекрасно”. “А мне жаль всё-таки Софью Андреевну, так и не застала его в живых, т.е. в памяти”. Тогда же, в письме к Илье Семёновичу Остроухову:

459

“Льва Толстого нет, оказывается. Человек этот большой и много мучился, за что многое простится в его барстве. Побег его не шутка”» (там же).

Серов не относился к любимым живописцам Толстого. В 1905 г. в разговоре о «новейшей русской живописи» Толстой упомянул о нём: «Мой любимец — Орлов. Портреты Серова — не то, что Крамского, Репина» (ЯПЗ. 1. С. 318).

В.М. Бокова

СЕХИН Елифан Петрович («Епишка», «Япишка»; ум. в конце 1850-х гг.) — старый гребенской казак в станице Старогладковской, с которым очень подружился Толстой в годы жизни на Кавказе, одно время жил в его избе и в дневнике 10 августа 1851 г. записал: «Мой хозяин, старик ермоловских времён, казак, плут и шутник Япишка...» Старик Сехин был очень колоритной фигурой и невольно привлекал к себе внимание братьев Толстых. Иногда наблюдать за ним было истинное удовольствие; в дневнике Толстого мелькало нескрываемое удивление и даже любование стариком: «любовался на Япишку», «рассказы его удивительны», «прекрасно сказал Япишка, что я какой-то *нелюбимой*» (46: 149). Толстой не раз ходил со стариком на охоту, в дневнике часто отмечал, что «болтал с Епишкой», «болтал с Епишкой до петухов», записывал его рассказы, песни, некоторые «восклициания» и словечки («Какого горя!», «постоять у веника», «швинья») и признавал, что «трудно встретить человека более старинного характера, особенно

речь его» (46: 205). На отдельных листах большой тетради записывал «наблюдения»: здесь Епишке уделялось много внимания.

Рисунок Толстого из зап. книжки
(кавказские типы: старик)

А вот что о старике Сехине писал Н.Н. Толстой в своём очерке «Охота на Кавказе»: «Епишка, по собственному его выражению, был молодец, вор, мошенник, табуны угонял на ту сторону, людей продавал, чеченцев на аркане водил; теперь он почти девяностолетний, одинокий старик. Чего ни видал человек этот в своей жизни!» Уже уехав с Кавказа, братья Толстые интересовались жизнью старого казака, и их бывший командир Н.П. Алексеев подробно и много писал о Епишке.

Толстой очень достоверно описал Сехина в «Казаках» в образе старика Ерошки, одного из главных персонажей повести. Писатель коротко рассказывал «историю дяди Ерошки», который «был в старину первый молодец в станице. Его все знали по полку за его старинное молодечество. Не одно убийство и чеченцев и русских было у него на душе. Он и в горы ходил, и у русских воровал, и в остроге два раза сидел» [4: 55-56]. Главный герой повести Оленин, как и сам Толстой с дядей Епишкой, мог подолгу вести разговоры с Ерошкой: мудрость старого казака, сама личность и жизнь его невольно притягивали, заставляли задуматься, рождали вопросы. «А ты убивал людей? - спросил Оленин. Старик вдруг поднялся на оба локтя и близко придвинул своё лицо к лицу Оленина. “Чёрт! – закричал он на него. - Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрёно, ох, мудрёно!”» [4: 55].

Много лет спустя, прочитав повесть Толстого, один из кавказских старожилков писал о Сехине: «В станице Старогладковской я нашёл

современника дяди Епишки и, читая ему “Казачи”, старался что-нибудь услышать от него, чтобы дополнить образ Епишки - “Ерошки”. Всё, что о нём сказано у Льва Николаевича, изображено с фотографической точностью... Среди жителей станицы о Епишке сохранилась дурная слава: он ходил за Терек и из-за Терека приводил чеченцев. Ему в молодости было одинаково грабить и своих и чеченцев» (Из письма П.А. Цырульникова 1916 г. // Дневник молодости Л.Н. Толстого. М., 1917. Т. 1. С. 215).

Толстой помнил «дядю Епишку» всю жизнь, помнил его выражения, какие-то словечки. О нём знали все семейные и порой тоже цитировали. Уже стариком, вспоминая Епишку, Толстой говорил: «Был милейший человек, простодушнейший, весёлый». Услышав рассказ Сехина-племянника, приехавшего в Ясную Поляну в 1908 г., что Епишка «к старости в скиты перешёл», Толстой удивился и произнёс «Посмотрел бы я эти места!» (ЯПЗ. 3. С. 188).

Н.И. Бурнашова

СИДОРКОВ Илья Васильевич (1858 - 1940) — крестьянин села Перевлес Рязанской губ. С 1893 г. камердинер Толстого. Обслуживал Толстых и гостей за столом всегда в перчатках. Сопровождал писателя в поездках по окрестным гостям, в Кочеты, в Крёкшино. Дети И.В. Сидоркова выросли вместе с детьми и внуками Толстых.

460

Толстой часто с ними гулял, играл в городки с Алёшей Сидорковым. С.А. Толстая особенно любила Верочку, которая ухаживала за ней до её последнего вздоха. В 1921 г. Верочка стала женой внука Толстых Ильи Андреевича: родилась дочь Софья, но в 1923 г. брак распался.

Толстой по-особому относился к Сидоркову: ценил его грамотность, скромность, нравственную чистоту. Сидорков пользовался полным доверием Толстых, которым не злоупотреблял, был сдержан в общении. Он был очень начитан, и Толстой обсуждал с ним самые разные темы. После смерти Толстого остался в усадьбе, продолжал служить Софье Андреевне. В 1913 г. получил от Толстых пособие в 1000 руб.

Принимал участие в создании музеев в московском доме Толстых в Хамовниках, в Ясной Поляне. В 30-е гг. служил экскурсоводом в музее «Ясная Поляна». Похоронены Сидорковы на кладбище у церкви в Кочаках вблизи некрополя Толстых.

Н.И. Шинкарьук

СИН-ДЖОН Артур Карлович (St. John; ум. после 1907 г.) – англичанин, бывший офицер индийской службы, затем член земледельческой колонии; помогал духоборам. Последователь Толстого, его корреспондент и адресат. Под влиянием идей Толстого и из-за своих антимилитаристских убеждений вышел в отставку и поселился в Перле (Англия), в земледельческой колонии. Ещё до личного знакомства с Син-Джоном Толстой по письмам «воображал» его «честной, правдивой натурой» (88: 35), считал «искренним и серьёзным в нравственном деле человеком» (88: 37), обсуждал в переписке с ним вопросы брака, влюблённости, полагая, что эти отношения предназначены «не на увеличение энергии для служения Богу, как думает St. John, а только на половое, брачное соединение с одним мужем и одной женой для произведения детей и взаимного освобождения от похоти» (88: 36).

Син-Джон — автор ряда статей. 12 августа 1897 г. Толстой писал Черткову: «Прочёл нынче статью St. John и Hall о непротивлении. Как хорошо. Неужели можно не согласиться?» (88: 48).

В 1897 г. Син-Джон приехал в Россию для передачи пожертвований духоборам от английских квакеров. 19 сентября он был в Ясной Поляне. Толстой записал в дневнике: «Был St. John, джентльмен и серьёзный, но боюсь, что больше для славы человеческой, чем для себя, для Бога» (53: 151-152). Толстой посоветовал ему ехать на Кавказ и написал И. Накашидзе, прося помочь этому «прекрасному, серьёзному человеку», который «хочет войти в общение с духоборами» (70: 135). 12 декабря Толстой «читал переписку St. John'a о половом вопросе и очень возмутился и неприятно поговорил с ним у Русанова» (53: 170). 25 декабря по делам духоборов Син-Джон вместе с Л.А. Сулержицким отправился на Кавказ. 9-10 января 1898 г. Толстой писал Черткову: «St. John остался там, и ему, думаю, будет хорошо» (88: 72). Син-Джон принимал участие в переселении духоборов из России. Распоряжением кавказских властей он был выслан с Кавказа, а затем и из России вообще. Поселился с духоборами на Кипре, а в 1899 г. вместе с ними переехал в Канаду.

6-10 мая 1900 г. Син-Джон ещё раз был в Ясной Поляне, уже вместе с Кенворти, о котором Толстой тогда же писал Черткову: «Я очень сблизился с ним и полюбил его. И очень рад этому. Также ближе сошёлся и полюбил более St. John'a» (88: 196). 4 июня 1900 г. Син-Джон был арестован на даче у П.А. Буланже и выслан из России. 8 июля Буланже приехал в Ясную Поляну, и Толстой расспрашивал «о Син-Джоне, как его арестовали, за что и т.д. Лев Николаевич поражался и удивлялся тому, какая беззастенчивость и смелость должны быть у людей, не стесняющихся сделать неприятность доброму простому человеку, как Син-Джон. - “Да что Син-Джон, если бы явился и настоящий Иоанн-креститель (Син-Джон по-английски значит Святой Иоанн), они не

задумались бы и его арестовать!» – воскликнул он» (цит. по: *Русанов. С. 204*).

20 января 1905 г. Д.П. Маковицкий записал в дневнике разговор Толстого с корреспондентом «Manchester Guardian» Вильямсом и словно между прочим сказанное: «Статьи Син-Джона люблю, он оригинален» (*ЯПЗ. 1. С. 143*).

Н.И. Бурнашёва

СИНЭ Эдуард (Sinet; годы жизни не установлены) – молодой французский художник, единомышленник Толстого; его посетитель, корреспондент, адресат. Живя во Франции, Синэ по религиозным мотивам отказался от военной службы, за что был осуждён и отправлен в дисциплинарный батальон в Алжир, откуда бежал. 25 декабря 1898 г. из Парижа Синэ отправил Толстому большое письмо, в котором поведал о себе и своих сомнениях. Начато оно обращением «Grand Homme! [Великий человек] <...> Брошенный с детства в жизнь, полную приключений, я жадно искал истины, когда наконец один искренний человек указал мне на вас. С тех пор

461

я твердо уверен, что вышел из тёмного и бесконечного лабиринта заблуждений. Итак, я хочу немедленно направить свою жизнь, и мне необходимо выбрать тот или иной путь. <...> Отец мой, направьте меня на верный путь!» (72: 4-5). В ответ 2/14 января 1899 г. Толстой писал: «Дорогой брат <...>. Моисей не вошёл в обетованную землю, а наиболее возвышенный и богатый последствиями пример в жизни Иисуса – это его смерть. Покинутый всеми друзьями, один среди врагов, он сам одну минуту усомнился в пользе своей жертвы. 100 лет спустя после его смерти учение и жертва его были менее известны цивилизованному миру того времени, чем страдания последнего русского, немецкого, шведского солдата, который отбывает свой срок в тюрьме за отказ от службы. И вот теперь это забытое учение воскресает, перерождает весь мир и изменяет его в корне» (72: 4).

Синэ приехал к Толстому в Хамовники в феврале 1899 г. 27 февраля С. А. Толстая записала в дневнике: «Живёт у нас художник, ничтожный французик, совершенно бесполезный; пустили его жить без меня. Фамилия его Sinet» (*ДСАТ. 1. С. 449*). Толстой воспринимал гостя иначе: «Живёт интересный и живой француз Sinet. Первый религиозный француз» (дневник, 21 февраля 1899 г.; 53: 219). В.Г. Черткову он писал: «У меня живёт француз Sinet – живописец, первый француз

радикальный христианин. Я с ним пошёл на выставку Ярошенки...» (88: 157). В том же году стараниями Толстого Синэ с четвёртой партией духоборов (карских) из Батуми отправился в Канаду. Они поселились на равнине Дед-Хорс-Крик и в провинции принца Альберта. У духоборов сохранились воспоминания о Синэ: «Приезжал к нам молодой парнишка, Эдуард звали, француз; рассказывает, хочет жить с нами. Но только ему было трудно. Пробовал они пахать, и косить – всё нейдёт. Наконец попробовал носилки носить с женщинами, сено, например, и тут не мог. “Видимо, говорит, мои руки только для письменности годятся”. Взял и уехал домой» (Тан В.Г. Духоборы в Канаде. М., 1911. С. 231). Через два года после отъезда из России в Канаду Синэ получил амнистию и вернулся во Францию.

В хамовническом доме Толстых, в комнате камердинера, что рядом с кабинетом Толстого, над кроватью висит выполненный художником Синэ карандашный портрет жившего в этой комнате слуги И.В. Сидоркова.

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

СИПЯГИИ Дмитрий Сергеевич (1853 — 1902) — министр внутренних дел. Выпускник юридической факультета Санкт-Петербургского университета, чиновник Министерства внутренних дел. Московский губ. предводитель дворянства (1884-1886), харьковский вице-губернатор (1886-1888), курляндский генерал-губернатор (1888-1891), московский генерал-губернатор (1891-1893). Занимал и др. административные посты. С 1900 г министр внутренних дел. В условиях обострения внутривластной обстановки Сипягин принимал жёсткие меры по подавлению рабочего, крестьянского и студенческого движения, проводил русификаторскую политику в отношении национальных окраин. 3 апреля 1902 г. был убит членом боевой организации партии эсеров студентом Киевского университета С.В. Балмашевым, сосланным в солдаты за участие в студенческом движении. Убийца был осуждён на смертную казнь и повешен.

Убийство Сипягина привлекло внимание Толстого: он неоднократно упоминал о нём в дневнике и письмах. «Событие это ужасно, - писал он, - главное, той злобой, ненавистью, мстительностью, которые оно неизбежно вызовет в людях, но оно было неизбежно и обещает только ещё худшие бедствия, если правительство не изменит совершенно свой курс» (73: 230). В черновой редакции письма Николаю II Толстой назвал Сипягина «человеком ограниченным, легкомысленным и мало просвещённым» (72: 519).

В. М. Бокова

СКАЙЛЕР Юджин (Schuyler Eugene; 1840-1890) – американский дипломат, писатель, путешественник, член Русского географического общества, переводчик. Корреспондент, адресат и посетитель Толстого; автор статей о Толстом. Провёл на дипломатической службе в России десять лет; в 1866-68 гг. – консул США в Москве, в 1868-76 гг. -- секретарь Посольства США в Петербурге.

Толстой познакомился со Скайлером в Москве, у В.Ф. Одоевского. Дальнейшие встречи происходили не только в Москве, но и в Ясной Поляне. Впервые дипломат посетил Толстого в Ясной Поляне в сентябре 1868 г. В беседах со Скайлером Толстой обсуждал проблемы народного образования, методы обучения грамоте. В 1869 г. Скайлер перевёл и опубликовал в Нью-Йорке рассказ Толстого «Севастополь в мае»; в 1878 г. сделал первый в США перевод повести «Казачьи сыновья». Книга прошла почти незамеченной. Толстой писал И.С. Тургеневу 27 октября 1878 г. по по-

462

воду этого перевода: «Переведённых по-английски “Казачьи сыновья” мне прислал Скайлер, кажется, очень хорошо переведено». О встречах с Толстым Скайлер написал воспоминания, которые на русском языке были опубликованы в журнале «Русская старина» (1890. № 9-10).

В яснополянской библиотеке писателя сохранились издания повести «Казачьи сыновья» в переводе Ю. Скайлера и его перевод второго севастьяпольского рассказа.

Г.В. Алексеева

СКВОРЦОВ Василий Михайлович (1859-1932) – миссионер, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, издатель журнала «Миссионерское обозрение» (1896-1916), газеты «Колокол» (1906 – 1917) и другой церковной периодики.

Скворцов воспринимал толстовство крайне негативно и провозглашал необходимость неустанной борьбы с ним. «Миссионерское обозрение» регулярно публиковало статьи церковных авторов, обличавших «толстовскую ересь». Отрицательно относился Скворцов к деятельности Толстого по оказанию помощи духоборам (см. его брошюру «Духоборы в Америке и гр. Л. Н. Толстой». СПб., 1900).

В 1901 г., после отлучения Толстого от церкви и появления «Ответа Синоду», в «Миссионерском обозрении» было опубликовано немало статей и писем православноверующих с критикой позиции великого писателя. Толстовский «Ответ Синоду» увидел свет на страницах этого журнала (1901, № 6) в обрамлении критических и «опровергающих» его

работ. Скворцову стоило немалого труда уговорить церковное начальство, чтобы оно разрешило публикацию (с последующим «опровержением») смелой статьи Толстого. Впоследствии антитолстовские работы были изданы в виде отдельной книги («По поводу отпадения от Православной Церкви графа Льва Николаевича Толстого». Сб. ст. из «Миссионерского обозрения». Изд. В.М. Скворцова. Изд. 3-е, доп. СПб., 1905).

Критика в адрес Толстого раздавалась из уст Скворцова на заседаниях Петербургских религиозно-философских собраний 1901-1903 гг., в организации которых сам миссионер принял действенное участие (см. «Записки Петербургских религиозно-философских собраний». М., 2005).

В 1915 г. Скворцов опубликовал в «Колоколе» интересные воспоминания о том, как готовилось отлучение Толстого от церкви (Скворцов В.М. На темы церковного дня // Колокол. 1915, 8 ноября. № 2849. С. 1). Согласно изложению миссионера, инициатива отлучения исходила не от Победоносцева, а от митрополита Антония (Вадковского).

Ю.В. Прокопчук

СКРЯБИН Александр Николаевич (1872-1915) – композитор, пианист; автор трёх симфоний, нескольких симфонических поэм, концерта для фортепиано с оркестром, многочисленных сочинений для фортепиано, в т.ч. сонат, поэм, прелюдий, этюдов, вальсов, мазурок... В 1898-1903 гг. профессор Московской консерватории по классу фортепиано; концертировал в Европе и США. Творчество Скрябина, самобытное и новаторское, отличается философской глубиной, эмоциональной утончённостью, мелодическим богатством и неустанным творческим поиском. Толстой был знаком с композитором и его ранними произведениями. 15 апреля 1897 г. Скрябин вместе с К.Н. Игумновым играл в зале хамовнического дома: это было время, когда Толстой работал над трактатом «Что такое искусство?» и мучительно искал определение музыки, отвергая музыку «новую», декадентскую, «искусственную». Сочинения Скрябина, видимо, понравились Толстому: позднее некоторые из них нередко звучали в Ясной Поляне и в московском доме Толстых, вызывая положительные отзывы писателя. 29 августа 1909 г. А.Б. Гольденвейзер записал в дневнике: «Лев Николаевич говорил об искусстве, между прочим о музыке. Очень хвалил мазурку Скрябина (Fis-dur op. 40) и эскиз Аренского F-dur». А позднее заметил: «Пушкин говорит; “Прекрасное должно быть величаво”, а я бы сказал: “Прекрасное должно быть просто”». В последний год жизни писателя Гольденвейзер не раз играл в Ясной Поляне сочинения Скрябина; особенно нравилась «Прелюдия»: «прекрасно, чудесно» (4 марта). 27 июня, снова после исполнения «Прелюдии», В.Ф. Булгаков записал в

дневнике слова Толстого: «"Очень искренне, искренность дорога! — говорил он. — По этой одной вещи можно судить, что он — большой художник. Не правда ли, Валентин Фёдорович, хорошо?" Вот образчик беспристрастности суждений Льва Николаевича: ведь он говорил это — не угодно ли? — о Скрябине, о декаденте Скрябине, о Скрябине — музыкальном новаторе, именем своим пугающем добродетельных маменек даже и в столицах!» — заключил Булгаков. 13 августа Толстой слушал мазурку *Fis-dur*, op. 40, которую «он очень любит, и попросил её повторить тут же»

463

(запись А.Б. Гольденвейзера). Светлые, прозрачные мелодии раннего Скрябина, стилистически близкие музыке Чайковского и Шопена, всегда с удовольствием слушал Толстой, новаторские же поиски композитора были ему чужды, не нравились. Порой он сравнивал музыку Скрябина с изысками сочинений Леонида Андреева, считая новые вещи музыканта претенциозными и непонятными: «Название "Жизнь человека". Эффектно! Музыка Скрябина».

Н.И. Бурнагиёва

СОБОЛЕВ Андрей Ильич (1806 - после 1858) — дворовый человек Николая Ильича Толстого из села Никольского. В Ясной Поляне появился до 1834 г., был назначен управляющим и прослужил более 20 лет, до мая 1852 г.

Андрей Ильич с крестьянами был жесток. При малолетних графах Толстых он стал единоличным хозяином в имении. К концу правления он позволял себе пьянствовать и обворовывать господ. Со вступлением в наследство в 1847 г. Толстой начал разбираться с положением дел в имении. Поведение Соболева ему очень не нравилось. В 1849 г. он отпустил его на волю. Андрей Ильич со второй женой и дочерью получили звание мещан городка Крапивны Тульского уезда, но продолжали жить в Ясной Поляне. Управляющий не изменился. В мае 1852 г. Толстой писал тётушке Ёргольской. «Андреем я очень недоволен <...> он только и делает, что пьёт и ворует» (59: 178-179).

Соболев сослужил писателю иную «службу». Фигурой он был колоритной, и ему нашлось место во многих произведениях Толстого. Он упоминается в повести «Казачи», в «Утре помещика»; в наброске «Характеры и лица» дан его портрет: «Андрей Ильич-управляющий, его идеал — исправник, и он в достижении его дошёл до того, что его принимают иногда за помещика, иногда за отставного поручика. *Андрей Ильин у-у-умный человек, голова. Одно — пьёт.* Он мастер ходить по

судам, запутать ясное дело, глубокомысленно потолковать с секретарём о смысле 365 статьи, напиться чаю или мадеры с столоначальником и, верх наслаждения, предоставить подарочек такому лицу, которому не каждый сумеет предоставить. Зато уж когда он запыёт — беда! он раздевается догола и отправляется — зимой или летом, всё равно — в одну известную клумбу в саду, ложится там на живот и плачет; потом приходит домой, просит, покупает или крадёт водку, пыхтит, багровеет, бранит свою жену и дочь — которые считают его гениальнейшим человеком и боятся без памяти, и снова уходит в клумбу. Так проходят неделя, иногда две — Андрей Ильич болен. Выздоровливая, он становится смирен, просит у всех прощенья, а потом вдруг переходит к нормальному самодовольному и самоуверенному состоянию. В делах по хозяйству помещика, семейных и общечеловеческих Андрей Ильич в сущности — мот, деспот, жесток и вообще большой подлец, но он добр и умён. Он так сильно убеждён в том, что он умнейший человек, что ему и в мысль никогда не приходит укорять себя в чём то ни было. Он так часто уверяет других в своей высокой добродетели, что сам иногда от души верит в неё. Он никогда не видит полученной услуги, во всех же своих действиях видит безвозмездные благодеяния, за которые он не думает и не хочет получать благодарности, которой, по его мнению, нет в людях. Андрей Ильич поёт горловым басом, но с такой самоуверенностью, что многие убеждены, что действительно всегда так надо петь. Андрей Ильич любит пышность и так называемый русский разгул, но вместе с тем он считает себя тонким знатоком московской политики, которую, по его мнению, сейчас можно отличить от тульской» [2: 233-234].

В «Утре помещика» один из крестьян говорил об Андрее Ильиче, что он «человек был пьяный, необстоятельный»: «орудовал нами Андрей Ильич, как хотел. “Чтоб было у тебя всё”, а из чего мужику взять, того не спрашивал» (4: 137—138).

Н.И. Шинкарьук

СОЛДАТЁНКОВ Кузьма Терентьевич (1818-1901) – московский купец-старообрядец; издатель, меценат, коллекционер, владелец художественной галереи, которую, вместе с библиотекой, он завещал Румянцевскому музею; одна из самых ярких и колоритных фигур среди крупнейших московских предпринимателей середины и второй половины XIX в.

В 1856 г. Солдатёнков, один из богатейших людей России, обратился к издательскому делу: приступил к осуществлению своего замысла — изданию лучших произведений отечественной и мировой науки, литературы и культуры. Его называли «другом и ревнителем просвещения», «бескорыстным издателем» многих ценных, редких книг,

которые заслужили признательность русских образованных людей. Он выпустил первое собрание сочинений В.Г. Белинского, сборники стихотворений А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова, Н.П. Огарёва, А.А. Фета и др. В его издательстве выходили сочинения И.С. Тургенева,

464

Д. В. Григоровича, исторические груды Т.Н. Грановского, В. О. Ключевского, перевода зарубежной научной литературы. Толстой с уважением относился к тому, что Солдатёнков употребляет большую часть своего состояния на добрые дела. Через него он намеревался «устроить» в Москве музей Н.И. Ге. 17 марта 1898 г. Толстой, не называя имени Солдатёнкова, писал В.Г. Черткову: «...одно очень богатое лицо советовалось со мной (я не называю имени, потому что лицо это боится, что прочтут письмо), как устроить за границей печатный орган, в котором печатались бы все дурные дела, совершаемые русским правительством. Я сказал, что обличение зла есть одно из проявлений христианской деятельности и что если бы лицо это и не желало вполне служить своими средствами делу религиозному, люди наших верований могли бы вести такую обличительную газету, и я указал на вас» (88; 84). 5 августа 1898 г. писатель направил Солдатёнкову письмо (одно из 12 писем к «добрым и богатым людям», посланных в августе-сентябре) с просьбой материально помочь духоборам в переселении в Америку. Солдатёнков откликнулся на призыв Толстого и пожертвовал 5000 рублей, огромную по тому времени сумму.

В апреле 1900 г. Солдатёнков передал через Толстого деньги Черткову на издательство «Свободное слово», которое было основано в Англии. «Хотел всё написать вам с случаем о том, кто прислал тысячу, которую я послал вам, — сообщал Толстой Черткову в самом начале апреля, — Это Солдатёнков. Он был у меня и говорил, что очень сочувствует вашим изданиям и не даст им погибнуть от недостатка средств. Я поддержал его в этих добрых намерениях...» (88: 194). Незадолго до своей кончины Солдатёнков принял предложение Толстого издавать общественно-литературный журнал, но замысел не осуществился. «Умер Солдатёнков, с которым я только что говорил о нашем деле, и другие были с ним дела, — писал Толстой Черткову. — Я не тужу, и мне всегда кажется, что деньгами не может делаться то, что мне важно и дорого» (88: 235).

А.П. Потапкина

СОЛЛЕРТИНСКИЙ Сергей Александрович (1846-1920) – доктор богословия, профессор С.-Петербургской духовной академии, протоиерей.

Соллертинский – автор одной из первых по времени создания брошюр, посвящённых критике, с богословской, филологической и исторической точек зрения, трактовки Толстым Нагорной проповеди Иисуса Христа. В этом сочинении, наряду с неприятием толстовского анализа евангельского текста, содержится признание того, что в 1880-е г. в обществе наблюдается повышенный интерес к религиозной проблематике и Евангелию: «есть факты, доказывающие, что у нас уже не довольствуются общими рассуждениями о религии, а желали бы точного изучения евангельского слова» (Соллертинский С.А. Объяснение Мф V, 22; V, 38-42; VII, I. Лук VI, 37 у графа Толстого. СПб., 1887. С. 31).

Впоследствии с критикой в адрес Толстого Соллертинский выступал на Петербургских религиозно-философских собраниях в 1901-1903 гг. Он оправдывал отлучение Толстого от церкви Синодом, так как Синод «представляется в России хранителем веры, хранителем её православности. С другой стороны, Л. Толстой является отрицателем этой православности» (Записки Петербургских религиозно-философских собраний. М., 2005. С. 81-82). Соллертинский выделил три периода в истории христианства: период мученичества за веру, догматический период и «период нравственный, который наступает сейчас». Если бы Толстой сосредоточил свои усилия только на проповеди нравственности, то, по мнению Соллертинского, «Синод бы его превознёс». Но «Толстой поступил нетактично, неблагоразумно, он вышел из пределов своей почтеннейшей задачи, обратился к препираниям и поношению» (там же. С. 85).

Позиция Соллертинского в отношении взглядов Толстого характерна для представителей либеральных кругов Русской православной церкви.

Ю.В. Прокопчук

СОЛЛОГУБ Владимир Александрович (1813-1882) – русский писатель, автор повести «Тарантас» (1845). Учился в Дерптском университете (ныне Тартуский ун-т, Эстония), где познакомился с сыновьями историка Н.М. Карамзина, в их доме встречался с П.А. Вяземским и В.А. Жуковским. Летом 1831 г., приехав на каникулы в Павловск (под Петербургом), познакомился с Пушкиным и Гоголем.

Человек аристократического круга, Соллогуб избрал роль «литератора между светскими людьми и светского человека между литераторами». Его писательский дебют состоялся в 1837 г.: журнал «Современник»

напечатал его рассказ «Три жениха», но настоящая известность пришла к Соллогубу в 1839 г., когда появилась его повесть «История двух калош».

465

Толстой познакомился с графом Сологубом в 1850 г. в Москве, и хотя между ними не было дружеских отношений, он высоко ценил личные и творческие качества Соллогуба, который полушутливо говорил, что его талант по-настоящему оценили два человека – Толстой и Бисмарк. Толстой даже спустя 50 лет после знакомства, вспоминая Соллогуба, говорил о нём как о блестящем, необыкновенном, даровитом человеке.

В августе 1866 г. Соллогуб посетил Толстого в Ясной Поляне. Толстой недавно женился, и гостей встретила молодая С.А. Толстая, которую Соллогуб очень хвалил» сказав, что жена писателя должна быть «нянькой таланта». Толстой в это время был поглощён писанием «Войны и мира», и разговор его с гостем сосредоточился на временах начала XIX в.

Имена Соллогуба и Толстого связывает творческая история незавершённой «антинигилистической» комедии «Заражённое семейство» (1864), написанной Толстым в полемике с романом Чернышевского «Что делать?». Автор желал побыстрее поставить её на сцене Малого театра, привёз текст в Москву, читал пьесу драматургу А.Н. Островскому, которому она очень не понравилась («уши вянут») и он советовал не торопиться с постановкой. В ответ на высказанные Толстым опасения, что на будущий год пьеса устареет и не будет иметь того успеха, Островский заметил: «Боишься, что за год поумнеют?» Это был урок, который Толстой запомнил и позже часто вспоминал слова Островского. Соллогуб тогда же взялся хлопотать в Московском цензурном комитете о разрешении пьесы и в театральной дирекции об её постановке на сцене Малого театра. Пьеса тогда так и не была поставлена. Рукопись окончательной редакции осталась у Соллогуба, не была возвращена Толстому и до сих пор не найдена.

Лит.: Соллогуб В.А. Воспоминания. - М., 1998.

Л. С. Дробат

СОЛОВЬЁВ Владимир Сергеевич (1853-1900) – философ, поэт, публицист, оказавший огромное влияние на русскую культуру Серебряного века. Сын историка С.М. Соловьёва. Академик Российской

академии наук по разряду изящной словесности (1900). Посетитель, знакомый, корреспондент и адресат Толстого.

В 1874 г. Толстой прочитал магистерскую диссертацию Соловьёва «Кризис западной философии» и в письме к Н.Н. Страхову оценил её очень высоко (62: 128). В следующем году Соловьёв посетил Ясную Поляну. Толстой признавался, что знакомство с Соловьёвым очень много ему дало, «расшевелило» в нём «философские дрожжи» (62: 197). Этим визитом было положено начало многолетним контактам известных деятелей русской культуры. Во время встреч они часто спорили, о чём сохранились свидетельства современников: «Лев Николаевич решительно ставил свои положения и затем стремительно развивал их и доводил до возможного конца». «В.С. Соловьёв возражал обыкновенно вторым, и нельзя было не любоваться его выработанною, строго научною системой возражения. Соловьёв <...> поражал неумолимою логикою и убедительностью. <...> Странно было с первого раза видеть могучую широкоплечую фигуру как бы степного наездника Толстого, точно сдавливаемую изящными стальными кольцами соловьёвского знания» (Истомин В.К. Из книги «На закате» // *ТВС*. 1. С. 246-247).

Расхождения Толстого и Соловьёва обозначились почти сразу. Писатель не принял основных положений докторской диссертации Соловьёва «Критика отвлечённых начал». По его мнению, «нельзя, говоря об основах знания, вводить понятие Божества как случайный признак, годный для подразделения» (62: 360). Побывав в марте 1878 г. на одной из лекций Соловьёва в Петербурге, в Соляном городке, Толстой согласился с мнением Страхова о том, что Соловьёв «выводит а priori то, что узнал а posteriori» (62: 400). В соловьёвской трактовке идеи «всеединства» Толстой видел что-то искусственное, отталкивающее. (В концепции Соловьёва сферу Божественного отражало «всеединое сущее» — синтез истины, добра и красоты. Реальный мир — поле воплощения «всеединого сущего». Посредник между Божеским и человеческим миром — мировая душа или София-премудрость Божия. По Толстому, основой истинного миропорядка является Бог-любовь, распространяющийся в мире через души людей. Духовное единство душ людей неизбежно образуется при следовании по пути любви). Впоследствии Толстой говорил, что у Владимира Соловьёва «нет ничего своего, а что есть — то самые слабые места его писаний. Но блестяще подаёт чужие мысли» (*ЯПЗ*. 1. С. 374). Неискренность Соловьёва-мыслителя, надуманность его построений Толстой подчёркивал всегда. Соловьёв для него мыслитель «головной» (63: 81), он «балуется религией» (*ЯПЗ*. 1. С. 142), «в нём нет бессознательной внутренней оригинальности» (68: 104), широты мысли («Соловьёв, Урусов ничего не видят, кроме

своего» - 52: 276). Неоднократно Толстой признавался, что с Соловьёвым ему разговаривать тяжело (49: 81; 50:54).

Главный пункт расхождений Толстого и Соловьёва — взгляд на христианство, отношение к христианской догматике и, в частности, к вопросу о воскресении Иисуса Христа. По-разному воспринимали философы идею объединения христиан. Но оба придавали огромное значение христианской морали, уделяли основное внимание этике. Этому вопросу посвящено большинство работ Толстого и многие ключевые работы Соловьёва («Оправдание добра» и др.). Однако этические основы христианства они тоже трактовали по-разному. Соловьёв не разделял религиозный радикализм Толстого, не принимал естественные выводы его нравственной теории, отрицающей государство как орган насилия, экономический и технический прогресс.

Соловьёв, поэт и публицист, часто противопоставлял Запад и Восток, писал о китайской угрозе, о якобы неизбежном столкновении западной (христианской) и восточной (нехристианской) цивилизаций («Китай и Европа» и др.). Толстой же испытывал глубочайшее уважение к китайской духовной традиции, считал, что западным народам есть чему поучиться у китайцев и индусов (см. «Письмо к индусу», «Письмо к китайцу»).

Критика Толстого и толстовства — неотъемлемая часть наследия Соловьёва. Poleмика с толстовскими взглядами содержится в статье «Смысл любви», где утверждается, что половая любовь помогает преодолеть эгоизм. Это положение вызвало возражение Толстого, который считал, что только «Божеская любовь, любовь ко всем равная» может способствовать этому (66: 274). В статье «Оправдание добра» Соловьёв отстаивал неприменимость доктрины о непротивлении злу к уголовному вопросу (гл. 15) и военной службе (гл. 18). Совершенно противна толстовским идеям статья «Смысл войны», в которой Соловьёв оправдывает войну с государственной точки зрения. В «Трёх разговорах» звучит прозрачный намёк на связь «князя», отстаивающего в диалогах толстовское мировоззрение, с нечистой силой.

Несмотря на разногласия, в 1880-е гг. мыслители сблизились. Основная причина этого — политические реалии России времён Александра III, когда честных и смелых людей, открыто протестующих против жестокостей и насилия, было не так много. Своеобразное «сотрудничество» Соловьёва и Толстого в этой сфере началось в 1881 г. и продолжалось более 10 лет. Они протестовали против притеснения евреев в годы правления Александра III, против религиозных гонений. Соловьёв, как и Толстой, в 1881 г. из христианских соображений выступал

против казни народовольцев. Оба были решительными противниками смертной казни как таковой. Впоследствии в статье «Не могу молчать» Толстой вспоминал: «Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьёв Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача и одного возили с места на место» (37: 86). Как и Толстой, в начале 1890-х гг. Соловьёв принимал участие в оказании помощи голодающим крестьянам. И Толстой, и Соловьёв были тонкими ценителями искусства, любили и понимали истинную красоту. Не случайно Толстому, мало любившему поэзию, нравились некоторые стихи Соловьёва.

Сближение Толстого и Соловьёва в 1880—1890-е гг. можно объяснить тем, что они оказались одинаково неудобными властям. С середины 1890-х гг. их переписка и встречи прекратились, а описание евхаристии в «Воскресении» отторгло Соловьёва от Толстого ещё больше. Идейный разрыв и прекращение контактов стали вполне закономерны: слишком разными были основы их мировоззренческих позиций.

Лит: Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М., 1990. С. 499-506; Ремизов В.Б. «Идти по звезде, по солнцу» (Л.Н. Толстой и В.С. Соловьёв) // *ЯП. сб.* 1998. С. 225-236; Переписка Л.Н. Толстого с В.С. Соловьёвым / Публ. П.Попова // *ЛН.* Т. 37-38. С. 268-276.

Ю.В. Прокопчук

СОЛОВЬЁВ Сергей Михайлович (1820-1879) – историк, академик Петербургской академии наук (1872), ректор Московского университета (1871-1877), автор фундаментального труда «История России с древнейших времен». Толстого с семьёй известного историка связывали тесные отношения. Писатель был знаком с работами Соловьёва уже в 1858 г.: он читал «Исторические письма», опубликованные в «Русском вестнике». Позднее Толстой читал и «Историю России в царствование Екатерины II», и «Историю России в царствование императрицы Елисаветы Петровны»... Он уважительно относился к трудам историка, неоднократно обращался к нему за помощью при поиске каких-либо исторических сведений или документов, что подтверждает письмо Толстого к Соловьёву (1879): «Я на днях ездил в Москву с тем, чтобы быть у вас и восполь-

467

зоваться вашими советами и содействием, в которых лет 6 тому назад вы мне не отказали, когда я занимался исторической работой времён Петра

I» (62: 479). В одном из писем к жене писатель упоминал, что заходил «к Соловьёву-историку — его нет» (83: 267).

В старости Толстой более критично относился к работам историка, называя его «архибездарным»: «У Соловьёва чувствуется вся тяжесть изложения событий» (*ЯПЗ*. 2. С. 49). И вспоминал: «30 лет тому назад я читал Соловьёва, все книги заложены листами» (там же. С. 109).

Более сложные отношения связывали Толстого с сыном Соловьёва, известным философом В.С. Соловьёвым (1853-1900). Бывая в доме Соловьёвых, Толстой познакомился и с другим сыном историка — Всеволодом Сергеевичем Соловьёвым (1849-1903), автором популярных исторических романов, издателем журнала «Север» (1888-1891). Толстой читал произведения Вс. Соловьёва, хотя, как отмечал С.Л. Толстой, «к историческим романам Данилевского, Мордовцева, Салиаса, Вс. Соловьёва и других относился пренебрежительно» (*ТВС*. 1. С. 215). На Вс. Соловьёва Толстой оказал огромное влияние: произведения писателя 1850-1870-х гг. Соловьёв ценил высоко. Религиозная же позиция Толстого и отдельные его сочинения более позднего времени вызывали резкую критику Соловьёва в постоянной рубрике журнала «Беседы “Севера”».

С.А. Васильева

СОЛОМОНИДА («Саламанида»; фамилия и даты жизни неизвестны) — молодая казачка из станицы Старогладковской; ею был увлечён Толстой (далеко не платонически) во время пребывания в станице. Толстой познакомил с Соломониной «дядя Япишка»: «Пьяный Япишка вчера сказал, что с Саламанидой дело на лад идёт. Хотелось бы мне её взять и отчистить», — запись в дневнике 26 августа 1851 г. Несколько месяцев длилось это увлечение; в дневнике не раз мелькает имя казачки. 18 апреля 1853 г. Толстой записал: «После обеда был у Епишки и говорил с Саламанидой, груди у неё подурнели; однако мне ещё очень нравится. Впрочем, всё юное сильно действует на меня: каждая женская голая нога, мне кажется, принадлежит красавице». Последняя запись о казачке сделана 2 июля 1853 г.: «Саламанида уехала совсем». Дальнейшая судьба её неизвестна.

Н.И. Бурнашёва

СОПОЦЬКО Михаил Аркадьевич (1869-1938) — врач, публицист. Некоторое время разделял толстовские религиозные воззрения. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого.

Родился в семье московского адвоката. Был студентом естественного факультета Московского университета. В марте 1890 г. за участие в студенческом движении и демонстрации по поводу смерти Н.Г. Чернышевского исключён из университета и сослан на 2 года в Вологду. Увлёкся толстовским учением, в сентябре 1891 г. начал переписываться с Толстым, с марта 1892 г. неоднократно посещал писателя.

В 1892 г. Сопоцько издал в Петербурге сборник под названием «Помочь», доход от его продажи пошёл на нужды голодающих крестьян. Толстой участвовал в этом сборнике, предоставив для опубликования свой перевод статьи Г. Джорджа «Равные права и общие права». В 1892 — 1893 гг. вместе с Толстым Сопоцько открывал бесплатные столовые для крестьян.

Писатель принимал участие в судьбе Сопоцько, просил А.Ф. Кони и А.М. Кузминского посодействовать отмене запрета на его проживание в столицах, однако ходатайства не помогли.

2 июня 1895 г. по подозрению в распространении среди крестьян революционных взглядов Сопоцько был арестован и помещён в Тульскую тюрьму. Толстой морально и материально поддерживал его. 12 июля 1895 г. он записал в дневнике: «Сопоцько в Тульской тюрьме. Я послал ему, что мог и чего он просил, сам не мог съездить» (53: 37). В конце июля Сопоцько отправили в административную ссылку на 3 года в г. Пудож Олонецкой губ. Толстой писал олонецкому губернатору М.Д. Демидову, прося его разрешить Сопоцько проживание в Петрозаводске.

Не раз Толстой пытался пристроить в печати бездарные статьи Сопоцько, одолевавшего писателя своими просьбами, и отговаривал его, как и многих других молодых авторов, от намерения стать писателем.

В ссылке Сопоцько стал отходить от толстовских взглядов, перестал быть вегетарианцем и принял присягу новому царю Николаю II. Толстой не видел ничего страшного в том, что он стал есть мясо и присягнул, нет, страшно и опасно то, что он свою временную слабость оправдывал «совершенно ложными рассуждениями» (68: 238). Тогда же Сопоцько стал обращаться с молитвами к личному Богу. Обдумав его состояние, Толстой пришёл к выводу, что первопричина всего — в желании быть правым не только перед людьми, но и перед самим собой. «Но ему нужно быть правым, и он из своей суеверной слабости делает теорию,

468

выдумывает софизмы, красноречивые примеры, чтобы доказать, что действительно есть то, чего ему захотелось в минуту слабости» (53: 71).

В 1895-1896 гг. произошла резкая перемена во взглядах Сопоцько, он стал в письмах критиковать Толстого с православных позиций. 16 марта

1896 г. писатель послал ему длинное письмо с опровержением церковных взглядов (впоследствии, в 1900 г., письмо было опубликовано в «Листках Свободного слова». № 12). 23 мая Толстой писал Бирюкову: «От Сопоцько письма совсем нехорошие: началось уже лицемерие и гордость православные. Я писать ему больше уже не могу». 4 июля 1896 г. Толстой отправил Сопоцько последнее письмо, отказавшись дискутировать по религиозным вопросам, и подчеркнул свои добрые чувства: «Пишу только затем, чтобы сказать, что я не перестану любить вас и желать для вас всего истинно хорошего и надеяться, что вы и достигнете его».

Между тем Сопоцько не только отошёл от толстовства, но и наладил активный контакт с крайне правыми, консервативными кругами, с миссионерами, синодальными чиновниками. Письма его к Черткову и Толстому с обличением толстовских взглядов вышли в выпущенной в 1896 г. по настоянию К.П. Победоносцева книге «Плоды учения гр. Л.Н. Толстого».

В дальнейшем Сопоцько был псаломщиком, миссионером, мелким служащим Петербургской духовной консистории. В 1901 г., после отлучения Толстого от церкви, Сопоцько написал ему резкое письмо с обличением его взглядов. Когда Толстой в 1902 г. находился при смерти, Сопоцько прислал открытку В.Г. Черткову с таким текстом: «Умирает тот дьявол, у которого и лицо с тех пор, как его отлучили от церкви, изменилось» (*ЯПЗ*. I. С. 300). Некоторое время Сопоцько жил в Иерусалиме, затем был братом милосердия на Русско-японской войне 1904—1905 гг., где получил Георгиевский крест. С 1906 г. Сопоцько — член Союза русского народа, сотрудник черносотенной газеты «Русское знамя». Затем стал студентом-медиком Юрьевского (г. Тарту) университета. Издавал черносотенные газеты «Студент-христианин» и «Врач-христианин», в которых публиковал статьи с грубой бранью в адрес Толстого и его учения. В годы Первой мировой войны — военный врач. После Октябрьской революции — в эмиграции.

Ю.В. Прокопчук

СОСНИЦКИЙ Иван Иванович (1794-1871) — артист Александринского театра в Петербурге. Деятельность Сосницкого полностью связана с петербургскими сценами. Он учился в театральном петербургском училище, в 1812 г. был зачислен в труппу Петербургского театра на роли «любовников» и «молодых повес». Позже сыграл роли Фигаро в «Женитьбе Фигаро», Репетилова в «Горе от ума», Городничего в «Ревизоре». В биографии Сосницкого, вышедшей в 1861 г., актёр был объявлен «первым ветераном драматической труппы» (Биография И.И. Сосницкого, артиста императорского театра. СПб., 1861). Сосницкого также именовали «дедом русской сцены» и утверждали, что артист

«через своего учителя Дмитревского связал первые дни русского театра с эпохой его расцвета» (Бертенсон С. Дед русской сцены. О жизни и деятельности Ивана Ивановича Сосницкого. Петроград, 1916. С. 5).

И. И. Сосницкий в роли городничего
Фотография 1860-х гг.
Театральный музей, Ленинград

Толстой, будучи ещё молодым литератором, видел Сосницкого на сцене Александринского театра в 1855 г. в спектакле по пьесе И.С. Тургенева «Завтрак у предводителя». И.А. Гончаров вспоминал об этом спектакле в письме к Толстому от 22 июля 1887 г.: «Между прочим, помню и вечер, проведённый мною с Вами в спектакле. Давали “Завтрак у предводителя” Тургенева. Мы сидели рядом и дружно хохотали, глядя на Линскую, Мартынова и Сосницкого, которые дали плоть и кровь этому бледному произведению» (ПРП. 2. С. 125). Пьеса Тургенева «Завтрак у предводителя, или Полюбовный делёж» впервые была поставлена на сцене в 1849 г. Эта постановка нарушила «однообразие театрального репертуара» Александринского театра и обнаружила величайшее мастерство актёров. В постановке видное участие принимал Сосницкий, «исполняя роль Балагаева, он вместе с своей женой, Самойловым, Мартыновым, Каратыгиным создал превосходный ансамбль» (Бертенсон С. Дед русской сцены... С. 136).

И.Ю. Матвеева

СПЕВАК (имя и даты жизни неизвестны) – строевой ефрейтор, сослуживец Толстого на Кавказе в 4-й батарее 20-й полевой артиллерийской бригады. Случай из солдатской жизни Спевака записан

469

в дневнике: «Спевак, строевой ефрейтор, получил от Рубина на сохранение 9 рублей серебром. Он пошел гулять и вынул их с своими деньгами. Ночью у него украли их; и, несмотря на то, что Рубин не упрекал его, он не переставая плакал, убивался от своего несчастья. <...> Взвод сделал складчину и выплатил долг» (46: 222). В рассказе «Рубка леса» этот случай нашёл художественное воплощение в ситуации из жизни Веленчука (кража партикулярной шинели), а сам Спевак послужил прототипом этого солдатика в рассказе Толстого.

Н.И. Бурнашёва

СПИРО Сергей Петрович (псевдоним: Сергеев; даты жизни не установлены) – литератор, корреспондент газеты «Русское слово», актёр. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Неоднократно бывал в Ясной Поляне в 1909-1910 гг., брал у Толстого интервью. Один из тех журналистов, которые вызывали у Толстого «профессиональное и человеческое доверие» (*Интервью*. С. 7), старался как можно точнее передавать «все оттенки мысли и сам способ выражения писателя» (там же). Толстой предварительно просматривал корректуры своих интервью, фактически авторизовал их. 3 февраля 1909 г. Спиро разговаривал с Толстым «по поводу его беседы с архиереем тульским» (*ЯПЗ*. 3. С. 318), приехавшим в Ясную Поляну 20 января в сопровождении двух священников и полицейских; в газете опубликовано 5 февраля под заглавием «Л.Н. Толстой и епископ Парфений». Спиро передавал в частности и слова Толстого о Парфении: «Он любезно дал мне сведения, какие мне нужно было о монастырской жизни, и разговор наш кончился дружелюбным рукопожатием. Вообще, архиерей произвёл на меня приятное впечатление умного и доброго человека». В ответ на эту публикацию Парфений выступил с полемической заметкой (там же. С. 498). 22 марта Спиро снова приехал в Ясную Поляну, чтобы взять интервью «о Гоголе по случаю предстоящего юбилея. Л.Н., не вставая по слабости, поговорил с ним в спальне и отдал ему начатую статью о Гоголе, которую недели две тому назад начал писать для Поссе в “Жизнь для всех”» (*ЯПЗ*. 3. С. 365); в газете опубликовано 24 марта 1909 г.

(«Толстой о Гоголе»). Об этом визите Спирос Толстой упомянул в своём дневнике: «На душе было очень хорошо утром и потом, когда читал и отвечал письма, и всё время, за исключением того, когда говорил с корреспондентом, а это жалко» (57: 41). 20 мая «Спиро интервьюировал Л.Н. о “Вехах”» (ЯПЗ. 3. С. 414), опубликовано 21 мая. 3 июня журналист напечатал очередное интервью с писателем «Толстой о И.И. Мечникове». Толстой читал в газете все эти интервью и говорил, «что “Русское слово” расходится в 150 000 экземпляров, каждый номер читает по несколько читателей. Удивительная сила!» (ЯПЗ. 3. С. 416). Однако частые внезапные визиты Спирос в Ясную Поляну порой вызывали раздражение. В дневнике Толстого чаще стали появляться негативные записи о корреспонденте «Русского слова»: «Приезжал репортёр, и неприятно было, фальшиво» (31 мая 1909 г.). 30 апреля 1910 г. Спирос приехал, чтобы «расспросить Льва Николаевича о фельдмаршале Милютине, — отмечено в дневнике В.Ф. Булгакова. — Милютин хворает, и, вероятно, газета готовит материалы к его смерти» (Булгаков. С. 188). «Чертков говорил, что ему Л.Н. говорил, что хочет написать “Русскому слову”, чтобы не присылало корреспондента Спирос, который, когда ему угодно, является», — через неделю записал Д.П. Маковицкий (ЯПЗ. 4. С. 250). Исполнил ли Толстой своё намерение, сведений не сохранилось, но после 30 апреля Спирос перестал ездить в Ясную Поляну. После смерти Толстого журналист не раз приезжал к С. А. Толстой и опубликовал книгу «Беседы с Л.Н. Толстым (1909 и 1910)». М., 1911.

Н.И. Бурнашова

СТАНИСЛАВСКИЙ Константин Сергеевич (наст. фамилия Алексеев; 1863 — 1938) — актёр, режиссёр, театральный педагог, основатель и руководитель Московского Художественного театра.

В 1877 г. Станиславский впервые выступил на домашней любительской сцене. Он стал одним из основателей возникшего в 1888 г. Общества искусства и литературы. При этом Обществе была создана постоянная драматическая труппа из актёров-любителей, которая позже составит часть труппы Московского Художественного театра. Московский Художественный (Общедоступный) театр (МХТ) открылся 14 (26) октября 1898 г.

Станиславский был одним из тех современников Толстого, чьё творчество, да и вся жизнь сформировались под непосредственным влиянием Толстого. Не случайно и показательно его признание, что при жизни Толстого люди его поколения говорили: «”Какое счастье жить в одно время с Толстым!” А когда становилось плохо на душе или в жизни и люди казались зверями, мы утешали себя мыслью, что там, в Ясной

Поляне, живёт он — Лев Толстой! — И снова хотелось жить», — писал Станиславский

470

(Станиславский К.С. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1988. С. 198). При этом речь шла не о личном знакомстве с Толстым (оно состоялось в Туле в 1893 г.), а о том духовном его воздействии на жизнь думающих людей и общества в целом, которое во многом определило облик эпохи второй половины XIX в.

Встреча Станиславского с Толстым произошла неожиданно: любительский кружок, Общество искусства и литературы, играл несколько спектаклей в Туле, приготовления и репетиции спектаклей происходили в доме Н.В. Давыдова, друга Толстого. Толстой появился в доме Давыдова неожиданно: «Однажды, в разгар веселья, в передней показалась фигура человека в крестьянском тулупе. Вскоре в столовую вошёл старик с длинной бородой, в валенках и серой блузе, подпоясанный ремнём. Его встретили общим радостным восклицанием. В первую минуту, — писал Станиславский, — я не понял, что это был Л.Н. Толстой». Далее внимательный взгляд будущего реформатора театра устремился на внешность Толстого, за которой проявлялись черты характера писателя: «Ни одна фотография, ни даже писанные с него портреты не могут передать того впечатления, которое получалось от его живого лица и фигуры. Разве можно передать на бумаге или холсте глаза Л.Н. Толстого, которые пронизывали душу и точно зондировали её! Это были глаза то острые, колющие, то мягкие, солнечные. Когда Толстой приглядывался к человеку, он становился неподвижным, сосредоточенным, пытливо проникал внутрь его и точно высасывал всё, что было в нём скрытого — хорошего или плохого. В эти минуты глаза его прятались за нависшие брови, как солнце за тучу. В другие минуты Толстой по-детски откликался на шутку, заливался милым смехом, и глаза его становились весёлыми и шутливыми, выходили из густых бровей и светили. Но вот кто-то высказал интересную мысль, — и Лев Николаевич первый приходил в восторг; он становился по-молодому экспансивным, юношески подвижным, и в его глазах блеснули искры гениального художника» (*ТВС*. 2. С. 119-120).

При рассмотрении театральной деятельности Станиславского обнаруживаются заметные связи его творчества с открытиями Толстого и русской психологической прозы. Обретения русской реалистической литературы второй половины XIX в. вошли в основу театрального художественного метода Станиславского. Открытия русской литературы в изображении человека, его внутреннего мира стали фундаментом, на

котором Станиславский построил новый театр. Он понимал, что разные качества человека существуют в «сцеплении» и проявление одного или другого свойства природы зависит от соприкосновения с разными обстоятельствами, разными людьми. Старый театр не мог бы справиться с воссозданием такого понимания человека на сцене. Ещё М.С. Щепкину было трудно смириться с тем, что глубоко нравственная, положительная героиня А.Н. Островского Катерина повинна в грехе.

Станиславский перенёс на сцену достижения русской психологической прозы. Он добивался полного проникновения актёра в его роль, полного слияния с персонажем: так рождался театр «живого человека». Актёр должен был выйти за пределы своего личного жизненного опыта, проникнуться логикой характера своего персонажа, начать думать, как его персонаж, заговорить его языком. Внимание к миру тех людей, о которых идёт речь в пьесе, заставляло Станиславского тщательно продумывать всё, что окружало актёра на сцене. Декорации, предметы обстановки, костюмы становились неотъемлемой частью того целого, что создавалось на сцене. Актёры должны были себя ощущать героями пьесы, а зрители верить происходящему.

Первым режиссёрским опытом Станиславского была постановка пьесы Толстого «Плоды просвещения», премьера которой состоялась в феврале 1891 г. До Станиславского эту пьесу в Москве не ставили, у него не было образцов для подражания. Критика отмечала принципиальное отличие этой постановки московского Общества искусства и литературы. Спектакль Станиславского вывел на сцену единый ансамбль актёров, сплочённый и слившийся в общем порыве творчества. Публика и критики увидели на сцене единое

471

режиссёрское решение, которое подчиняло себе все образы спектакля. Эта постановка «Плодов просвещения» пользовалась большим успехом.

В 1902 г. Станиславский обратился к пьесе Толстого «Власть тьмы». С этой постановкой имя Толстого впервые появилось в репертуаре МХТ'а, Режиссер тщательно готовился к работе над пьесой. Летом 1902 г. в деревню — имение А.А. Стаховича, друга Станиславского, — с целью изучения крестьянского быта отправилась целая экспедиция от театра.

Станиславский заботился о подлинности каждой детали в спектакле. Из деревни режиссёр кроме предметов утвари привёз крестьянку, которая стала «консультанткой по бытгу». В мастерских театра изготовили специальную глину, чтобы даже грязь на улице в спектакле была «настоящей». Станиславский думал о том, как воссоздать максимально правдиво и точно внешнюю обстановку русской деревни, чтобы актёры могли как можно глубже ощутить те чувства, которые

движут их героями. Своей цели Станиславский добился: быт и среда в спектакле были воссозданы удивительно точно, актёры в крестьянских одеждах, может быть, впервые на сцене были не похожи на переодетых дам и господ.

Увлечённость режиссёра работой над внешним решением пьесы привела к тому, что бытовые подробности заслонили трагическую суть крестьянской жизни. Станиславский поставил спектакль именно о «власти тьмы», тогда как пьеса Толстого о торжестве света над тьмою, о пробуждении нравственного начала в человеке. Режиссёр «строит “богатому мужику” избу с низким потолком, захламлённую до предела... Достаток ни в чём не чувствуется. Наоборот, видны лишь “рваные полушубки” “босые ноги в опорках” да заплаты. Образ нищей, грязной деревни встаёт из режиссёрских ремарок... Как будто назло, нарочито, он отбирает детали поглубже... Никакого просвета, подъёма духа — до самого финала... До Бога ли тут, в этом мраке животных страстей!.. Натуралистический метод рождает гневный пафос отрицания» (Строева М.Н.). Театральные критики отмечали, что МХТ не смог осуществить постановку, отвечающую авторской вере в воскресение человека. Корреспондент газеты «Русские ведомости» 7 ноября 1902 г, писал: «До тех пор, пока “тьма” выказывает свою деспотическую “власть”, и обстановка, и действующие лица, и характеры, и поступки — всё сливается в одно целое; но как только слабый луч света начинает мерцать в чьей-нибудь душе, психология действующих лиц становится неясной и тусклой и приносится в жертву внешнему реализму».

В 1911 г. на сцене МХТ'а Станиславский и В.И. Немирович-Данченко поставили ещё не появившуюся в печати пьесу Толстого «Живой труп». Постановка сосредоточивалась на внутренней жизни героев. После найденных методов при работе над пьесами А.П. Чехова Станиславский продолжал свои поиски в работе над произведением Толстого. Спектакль «Живой труп» во многом выразил то потрясение, которое пережил режиссёр, узнав об «уходе» и смерти Толстого. В ноябре 1910 г, Немировичу-Данченко Станиславский писал: «Я подавлен величием и красотой души Толстого и его смерти. Всё это так необычно, так знаменательно, так символично, что я ни о чём другом не могу думать, как о великом Льве, который умер как царь, отмахнув от себя перед смертью всё то, что пошло, ненужно и только оскорбляет смерть. Какое счастье, что мы жили при Толстом, и как страшно оставаться на земле без него. Так же страшно, как потерять совесть и идеал».

И.Ю. Матвеева

СТАСОВ Владимир Васильевич (1824-1906) — художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог. С середины 1850-х гг. — внештатный сотрудник художественного отдела Публичной библиотеки; с 1856 г. с согласия Александра II принимал участие в сборе материалов для составления истории царствования Николая I, был зачислен в специально образованную Комиссию и получил доступ к секретным бумагам гос. архивов. С 1878 г. заведовал отделением искусств в Петербургской императорской публичной библиотеке.

С.А. и Л.Н. Толстые в Ясной Поляне.
Слева В.В. Стасов и И.Я. Гинцбург. 1900 г.

Толстой познакомился со Стасовым в 1878 г. в Петербурге и неоднократно обращался к нему с просьбой достать тот или

472

иной документ, необходимый в писательской работе. Стасов не отказывал, хотя зачастую речь шла о секретных документах.

В частности, именно Стасов сообщил Толстому столь поразившую писателя собственноручную записку Николая I о процедуре казни декабристов, по поводу которой Толстой писал Стасову: «Не знаю, как благодарить вас, Владимир Васильевич, за сообщённый мне документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня. Считаю себя вечным должником вашим за эту услугу» (62: 429). И 30 января 1894 г.:

«...я очень рад за всех тех многих людей, — в числе которых и я, — которым вы были полезны и словом, и делом...»

Стасов был очарован гением Толстого: «Вы для меня такой крупный, такой необыкновенный, такой своеобразный, такой удивительный писатель, такой силач, что наша земля теперь должна ожидать от вас <...> чего-то в самом деле великого» (Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка. 1878—1906 гг. Л., 1929. С. 37-38). Но в отношениях Стасова с Толстым не всё было гладко: споры, порой ожесточённые, велись об искусстве, о религии, о многом другом, хотя размолвки были непродолжительны. Один из таких споров приводит П. А. Сергеенко в своих воспоминаниях:

«Стасов <...>:

— Вы говорите, что задача искусства заражать. Кого заражать?

— Людей.

— А я вот сижу у себя в кабинете и играю на фортепиано и так, как никогда не играл. Кого я заражаю? Себя заражаю, я говорит Стасов торжествующе. Лев Николаевич недоумевающе смотрит на него — против чего он спорит?

— Непременно себя. Не заразив себя, художник будет мёртв. В этом и заключается искусство. И свойством заражаться известными эмоциями и отличается художник от нехудожника» (ЛН. Т. 37-38. С. 556).

Само за себя говорит описание кабинета Толстого: «По стенам портреты литературных деятелей <...>. Поодаль — гипсовая статуэтка — Стасов...» (Интервью. С. 176).

8 января 1900 г. Толстой писал в дневнике: «Сейчас простился и уехал Стасов. Образцовый тип ума. Как хотелось бы изобразить его. Это совсем ново» (54: 7).

А письма к Стасову порой подписаны так: «Любящий вас Лев Толстой».

В.А. Жаров

СТАХОВИЧ Михаил Александрович (1861-1923) — близкий знакомый семьи Толстых; гос. и общественный деятель. Сын А.А. Стаховича (1827-1902) и О.П. Стахович (рожд. Ушаковой). Окончил училище правоведения. В 1880 г. был представлен Толстому князем Д.Д. Оболенским; с этого времени часто бывал в Ясной Поляне и в московском доме Толстых, особенно сдружился с С.Л. Толстым. В свою очередь и Толстой посещал Стаховича в Орле. В начале апреля 1886 г. в компании Стаховича и Н.Н. Ге-сына Толстой совершил пеший поход из Москвы в Ясную Поляну.

Стахович не был чужд литературного творчества: писал стихи и кое-что печатал; делал переводы для «Посредника». Человек очень

верующий и православный (часто посещал Оптиную пустынь), он нередко спорил с Толстым по религиозным вопросам.

В 1892-1895 гг. Стахович служил елецким уездным предводителем дворянства, с 1895 г. – орловским губ. предводителем дворянства. 24 октября 1901 г. на закрытии Орловского миссионерского съезда он произнёс речь в защиту свободы совести, имевшую большой общественный резонанс. Стахович обвинил государство и гражданскую власть в запрещении свободы совести в России, в том, что они без всякого права взяли на себя опеку над чуждой им областью — духом и верой. «Церковь Божию святотатственной рукой приковали мы к подножию власти суетной», — говорил он. Считая, что область совести и веры находится всецело в ведении церкви, а не государства, Стахович предложил миссионерскому съезду, во имя церкви, провозгласить и возбудить ходатайство «о необходимости свободы совести, о необходимости отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и исповедание иной веры» (54: 478).

Речь Стаховича была перепечатана многими центральными и местными изданиями и вызвала массу откликов, в т.ч. со стороны представителей духовенства. Оппоненты Стаховича указывали, что его выступление, по сути, стало «обвинительным актом против государства, против целых столетий русского государственного отношения к церкви» и что оратор побуждал миссионерский съезд «к ходатайству о том, что составило бы фактическое отделение церкви от государства» (Московские ведомости. 1901. № 268).

Естественно, речь Стаховича привлекла внимание Толстого, хотя в целом отношение его к этому выступлению было скептическим. Его дочь М.Л. Оболенская сообщала: «Папа говорит, что на него эта речь производит впечатление, что человек доказывает и бьётся доказать, что дурно

473

откусывать у людей носы или ослеплять своих братьев. Это так несомненно, что и доказывать этого нельзя» (34: 586). Откликом Толстого стала его статья «О веротерпимости», опубликованная сначала в 1902 г. за границей, а в 1906 г. напечатанная и в России.

В 1904-1905 гг. во время Русско-японской войны Стахович работал на маньчжурском фронте уполномоченным по санитарной части. В 1905 г. был одним из деятельных организаторов партии «Союз 17 октября» (октябристов). Избирался депутатом в I и II Гос. думу. В 1907 г. Стахович был избран от Орловского земства членом Гос. совета и оставался на этой должности вплоть до революции. В 1913 г. он опубликовал на английском языке статью «The question of Tolstoy's posthumous works» (The Russian

Review. 1913, may). Вместе с М.М. Ковалевским и В.И. Срезневским был основателем Толстовского музея в Петербурге.

В мае 1917 г. Стахович Временным правительством был назначен генерал-губернатором Финляндии, а в августе 1917 г. – послом в Испании. Октябрьская революция застала его уже в Мадриде. Больше на родину он не вернулся: жил в Париже и близ Марселя. Умер в городке Экс в Провансе.

В.М. Бокова

СТЕНДАЛЬ (Stendhal; наст, имя: Анри Мари Бейль; 1783-1842) — французский писатель. Автор романов «Красное и чёрное» (1831), «Пармская обитель» (1839). Сын провинциального адвоката, мечтавший о приставке «де», которой, правда, он пользовался за пределами Франции (кузен всеильного маршала Даву мог позволить себе эту забаву)... Толстой ценил суверенный гений Стендаля и не разделял суждений французской критики о неукоснительной «преемственности — Стендаль - Бальзак - Флобер. Гении не происходят один от другого: гений всегда рождается независимым» (ТВС. 2. С. 268). Это ключ к пониманию *сдержанного* отношения Толстого к проблеме влияния одного гения на другого. Толстого объективно отдаляет от Стендаля и разница в датах рождения, и социальная почва. И Толстой, и Стендаль служили в армии, но каждый на свой лад. Анри Бейль побывал в Италии, Германии, Австрии. Наконец открылась возможность «проехаться на Восток за государственный счёт <...> он получает от Марии-Луизы объёмистый пакет, полный писем к державному супругу с полномочиями доставить тайную корреспонденцию в Москву, мчась в повозках экстра-почты...» (Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1963. С. 299).

Очевидец Бородинской битвы и пылающей Москвы, он едва спасся от наседавших казаков, взбежав на «рушащийся мост» через Березину: «лошадь, шуба и чемодан достались казакам» (там же. С. 300).

Различия биографического характера меж Толстым и Стендалем очевидны. Тем удивительней сходство, родство их художественных принципов, пристрастий и предпочтений. Оба они боготворили Руссо. Музыка озаряла миры Толстого и Стендаля. В наследии Стендаля — книги «Жизнь Гайдна, Моцарта и Метастазии» (1817), «Жизнь Россини» (1824), а главное — сокровенное признание: «Случаю было угодно, чтобы я стал записывать звуки, рождавшиеся в моей душе, с помощью типографских знаков» (цит. по: Роллан Р. Собр. соч.: В 14т. Т. 14. М., 1958. С. 271). Музыка «была его страстью, — восхищался Роллан, — и самой сильной, самой глубокой, самой постоянной из страстей». В приверженности музыке Толстой не уступал Стендалю. Мысли его о

музыке поразительно созвучны приведённому признанию французского писателя.

Толстой в юности прочитал романы Стендаля и позднее охотно делился с собеседниками своими впечатлениями от встречи с его искусством и его героями Жюльеном Сорелем и Фабрицио дель Донго, опередившими своё время. «Я хочу видеть в нём лишь автора “Пармской обители” и “Красного и чёрного”; это два несравненных шедевра, – говорил он в 1901 г. французскому слависту П. Буайе. - Я обязан ему более, чем кто-либо: я обязан ему тем, что понял войну. Перечитайте в “Пармской обители” рассказ о битве при Ватерлоо. Кто до него так описал войну, то есть такой, какой она бывает на самом деле? Помните, как Фабриций едет по полю битвы, абсолютно ничего не понимая. <...> Впоследствии на Кавказе мой брат <...> подтверждал правдивость этих описаний Стендаля; он обожал войну, но не принадлежал к числу наивных людей, верящих в Аркольский мост. “Всё это, – говорил он мне, – театральность, а на войне театральности нет”. Вскоре в Крыму я получил полную возможность убедиться во всём этом собственными глазами. Но, повторяю, во всём том, что я знаю о войне, мой первый учитель – Стендаль» (ТВС. 2. С. 268-269). Тем не менее очевидно, что в познании войны соучаствовал и жизненный опыт самого Толстого, приобретённый на Кавказе и в Крыму.

Мнение о «зависимости» Толстого от Стендаля разделял и С. Цвейг, считавший, что «немыслимо толстовское описание Бородинской битвы без такого классиче-

474

ского прообраза, как единственно правдивое изображение битвы при Ватерлоо» (цит. по: Цвейг С. Собр. соч. Т. 6. С. 365).

О том же упоминал и М. Горький, сам слышавший в Гаспре, как Толстой «сказал, что, если б не читал описание Ватерлоо в “Шартрезе” Стендаля, ему, наверное, не так бы удались военные сцены “Войны и мира”. И – подумав: “Да, у него я многому научился, прекрасный сочинитель он”» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1956. С. 92).

Однако такая «зависимость» весьма относительна, и прежде всего при сопоставлении стиля писателей. «Простота в стиле Толстого – в постоянной конкретности его рисунка. Эмоция у него говорит языком вещей и движений. Стендаль далёк от бытовой конкретности, и его выражение душевных состояний устремляется всегда на проторённые пути риторической декламации» (Скафтымов А. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 294). «Влияние Стендаля на изображение войны у Толстого признано им самим, проведено и неоспоримо

подтверждено критикой. Однако здесь речь может идти лишь об общем виде и внешних элементах батальной картины. Той сложной и конкретно разнообразной психологии военных настроений, какую мы видим в персонажах Толстого, у Стендаля нет» (там же. С. 287).

Любовь к Стендалю, признательность за нравственную поддержку в годы своего становления, за явленный пример художника с безграничной внутренней свободой Толстой пронёс вплоть до катастроф и потрясений XX в. «Читаю *Stendhal Rouge et Noir*, — сообщал он Софье Андреевне в письме 13 ноября 1883 г. из Ясной Поляны. — Лет сорок тому назад я читал это и ничего не помню, кроме моего отношения к автору — симпатия за смелость, родственность, но неудовлетворённость» (83: 410).

11 апреля 1887 г. — тоже Софье Андреевне: «Читаю для отдыха прекрасный роман *Stendhal — Chartreuse de Parme*, и хочется поскорее переменить работу <Толстой работал над трактатом «О жизни». — В.Б.>. Хочется художественной». Стендаль всё ещё воспринимается как мощный, несравненный «возбудитель» творческой энергии. В Ясной Поляне П.А. Сергеенко спросил Толстого 8 февраля 1905 г., не влиял ли на него Диккенс, и услышал в ответ: «...больше всех, как я уже сказал, на меня имел влияние Стендаль» (*ЛН*. Т. 37-38. С. 557).

Эта тема нашла отклик и у французских писателей. Лаконичный у Р. Роллана: «Я не стану даже оспаривать поистине нелепое предположение, будто на Толстого могла влиять Жорж Санд <...> и не отрицаю возможности влияния Жан-Жака Руссо и Стендаля...» (Роллан Р. Собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 220). Иначе высказался О. Мирбо в посвящении Толстому, предпосланном русскому переводу комедии «Дела есть дела» (1903): «Вы были моим истинным учителем несравненно более, нежели кто-либо из французских писателей. <...> Кое-кто из гордых писателей моей родины <...> заявляли, что Вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в Вас питомца Французской революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама Ваша должница: Вы возбудили в её многовековом гении новую жизнь, как бы расширили его восприимчивость. Вы первый научили нас искать жизнь в самой жизни, а не в книгах, как бы прекрасны они ни были» (74: 195).

В. П. Балашов

СТОКХЭМ Алиса (*Stockham Alice Bunker*; «Штокгам»; 1833-1912) — американская писательница, доктор медицины, лектор, корреспондент, адресат и посетитель Толстого. В 1888 г. Стокхэм прислала Толстому свою книгу «*Toxology*», которую писатель чрезвычайно высоко оценил. По его совету эта книга была переведена на русский язык С. Долговым. 2 февраля 1890 г. Толстой написал к книге предисловие. О важности книги Стокхэм Толстой писал В.Г. Черткову вскоре после её получения: «О

брачной жизни я много думал и думаю, и, как всегда бывало со мной, как я о чём начинаю думать серьёзно, так извне меня подстрекают и мне помогают. Третьего дня я получил из Америки книгу одной женщины доктора (она писала мне). <...> Книгу вообще превосходную в отношении гигиеническом, но главное, трактующую в одной главе о том самом предмете, о котором мы с вами переписывались, и решающую вопрос, разумеется, в том же смысле, как и мы» (86: 188). В начале октября 1889 г. Стокхэм приехала в Ясную Поляну. Толстой много беседовал с ней о религиозном движении в Америке. Дочери, Т.Л. Толстой, 2 октября он писал: «...М. Stockham очень мне была полезна, не в медицинском, а в религиозном, в сведениях о религиозном движении в Америке, которым она сама занята» (64: 312). Интерес Толстого и Стокхэм к религиозному движению совпадал. В дневнике 3 октября Толстой записал: «Я просил Штокгам помочь собрать сведения о религиях Америки» (50: 153). В тот же день он сообщал И.Д. Ругину: «Умная и серьёзная женщина, бывшая квакерша и желающая писать книгу о религиях Америки. Она во многом дополнила мои сведения об амери-

475

канском религиозном движении, и очень хочется написать мне то, что я о нём знаю и думаю» (64: 314).

18 октября 1893 г. Толстой читал книгу Стокхэм «Creative life...» — Chicago, 1893. Как и «Токология», эта книга привлекла его внимание, и в письме к П.Г. Хохлову 3 ноября 1893 г. он заметил: «Мне понравилась недавно присланная мне брошюра Стокхэм о “творческой жизни”, как она озаглавила её» (66: 420). На страницах книги сохранились пометы Толстого. В русском издании «Токологии» — также следы его чтения. Очевидно, Стокхэм всё-таки была полезна Толстому и в «медицинском» отношении. В её книгах он увидел теоретическое и практическое подтверждение своих взглядов о целомудренности брачной жизни. Вполне можно предположить, что книга «Токология» в какой-то степени повлияла на Толстого в пору его работы над повестью «Крейцерова соната». В целом высоко оценивая эту книгу, Толстой особо выделял главу XI «Целомудрие в супружеских отношениях» (в частности, в письме к Черткову). Мысли, высказанные Толстым в повести и «Послесловии к “Крейцеровой сонате”» по вопросу о целомудрии в брачной жизни, настолько близки, иногда даже по форме, к мыслям на этот счёт Стокхэм, что можно говорить не только о случайном совпадении высказываний обоих авторов. Более тщательный сравнительный анализ текстов позволяет увидеть в монологе Позднышева (гл. XIII-XIV) мысли, высказанные Стокхэм в гл. XI «Токологии». Толстой работал над этими главами повести после

прочтения книги. Результатом поездки Стокхэм в Ясную Поляну стала её книга «Tolstoi: A Man of peace». Chicago, [1900], в которой она с восхищением писала о своей встрече с Толстым.

Г. В. Алексеева

СТОЛЫПИН Аркадий Дмитриевич (1821-1899) – приятель Толстого со времён Крымской кампании, участник обороны Севастополя. Позднее тайный советник, шталмейстер (1877 г.); генерал-адъютант, атаман уральского казачьего войска; участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.; комендант кремлёвских дворцов в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Во время Крымской войны был одним из участников задуманного офицерами-артиллеристами журнала «Военный листок». Вместе с Толстым участвовал в ночной вылазке 10-11 марта 1855 г, которую описал в очерке «Ночная вылазка в Севастополе». Толстой высоко оценил очерк и послал его в «Современник», где тот был опубликован.

Их дружба продолжалась и позднее: они были на «ты». Столыпин увлекался музыкой, литературой, скульптурой. В его доме не раз бывал Толстой на музыкальных вечерах, хорошо с детства знал его сыновей. Столыпин неоднократно бывал в Ясной Поляне. Со временем дружба отдалась. Но когда, спустя годы, как-то в Ясной Поляне заговорили о братьях Столыпиных, Толстой заметил: «Их отец был человек прямой, мужественный» (*ЯПЗ*. 2. С. 158). Взяв газету, он стал читать думскую речь П.А. Столыпина и потом живо интересовался его деятельностью.

А.П. Потапкина

СТОЛЫПИН Пётр Аркадьевич (1862-1913) — сын А.Д. Столыпина. Выдающийся гос. деятель; окончил Петербургский университет; занимался сельским хозяйством в имениях семьи. Затем статс-секретарь, гофмейстер, гродненский и саратовский губернатор, с апреля 1906 г. — министр внутренних дел, с июля — председатель Совета министров России. Погиб от смертельного ранения в театре Киева. Знакомый, корреспондент и адресат Толстого.

Толстой был знаком с отцом Столыпина и знал Петра Аркадьевича ещё ребёнком, интересовался его деятельностью на посту премьер-министра. Несколько лет между ними продолжалась переписка, порой оживлённая.

20 июля 1906 г. Толстой заметил близким: «Нынче читал газету. Столыпин по западному рецепту собирает либеральное министерство <речь шла о попытке ввести в правительство представителей «общественности» — А.П.>. Хочет в семь месяцев ввести либеральные

реформы, чтобы будущей Думе не осталось иного, как поддерживать правительство. За это время могли бы ввести единый налог. Удивляюсь, почему правительство не делает этот удачный ход» (*ЯПЗ.* 2. С. 180). Толстой в это время был увлечён идеей введения в стране единого земельного налога: противник частной собственности на землю, он верил, что единый налог ликвидирует, прежде всего, крупные землевладения.

26 июля 1907 г. Толстой написал Столыпину письмо, где изложил свои взгляды на единый налог: «Пишу Вам не как министру, не как сыну моего друга, пишу Вам как брату...» — обращался писатель к Столыпину. «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею», — писал Толстой. Тогда же он послал Столыпину книгу Г. Джорджа

476

«Общественные задачи» и свою брошюру «Письмо крестьянину о земле».

Через брата Столыпина Александра (журналиста) в 1907 г писатель обращался к председателю Совета министров с ходатайством об арестованном за связь с революционерами толстовце А.В. Юшко и получил помощь. В октябре того же года он просил за другого своего последователя - А.М. Бодянского. Столыпин ответил быстро, уже 23 октября 1907 г., и изложил свой взгляд на сложившуюся в стране ситуацию. Позиции Толстого и Столыпина теперь явно разошлись. Толстой разочаровался в попытках повлиять на власть. О Столыпине он напишет резкие слова в своей знаменитой статье «Не могу молчать» (1908), а Д.П. Маковицкий 11 марта 1909 г. записал в своём дневнике гневную тираду Толстого: «Мальчишка Столыпин смеет устраивать земельный вопрос, разрушать то, что народ поколениями устраивал» (*ЯПЗ.* 3. С. 354). И спустя несколько месяцев снова о Столыпине: «Я вспомнил себя, как я (на охоте) птиц убивал ножом прямо в сердце и никакого сострадания не имел. <...> Эти наши Столыпины, цари указы дают, как я зайцев убивал» (*ЯПЗ.* 4, С. 54).

Толстой постоянно был в поле зрения Столыпина. В ноябре 1910 г., когда стало известно об его уходе из Ясной Поляны, Столыпин послал на железнодорожную станцию Астапово вице-директора Департамента полиции Н.П. Харламова для поддержания порядка. На докладе Столыпина о смерти Толстого царь Николай II написал резолюцию, которую председатель Совета министров составил сам и передал по телефону в Царское Село: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях

своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милостивым судьёй».

А.П. Потапкина

СТОРОЖЕНКО Николай Ильич (1836-1906) — профессор Московского университета по кафедре истории всеобщей литературы, исследователь творчества Шекспира и его эпохи.

Серьёзное научное значение трудов Стороженко «Предшественники Шекспира» (1872) и «Роберт Грин, его жизнь и произведения» (1878) отмечали многие учёные. Обе диссертации были ценным вкладом не только в русскую, но и в мировую науку. Более тридцати лет автор этих работ был ведущим представителем русского шекспироведения. Лондонское Новое шекспировское общество, с прекрасным знатоком Шекспира Фернивалем во главе, избрало русского учёного вице-президентом.

Знакомство Стороженко с Толстым состоялось осенью 1881 г. Об этом Стороженко писал В.И. Семеvскому: «Я недавно познакомился с ним у Олсуфьевых; на меня и жену он произвёл положительно обаятельное впечатление. Главное, что поражает в нём, это его необыкновенная простота, искренность и полнейшее незнание своего величия. Как раз в этом отношении не похож на Тургенева, в котором при всей его барской любезности столько литературного генеральства. При свидании я Вам расскажу о бесконечных спорах, которые я вёл с ним на тему о задачах искусства и о будущности христианства, последний вопрос составляет его конёк, к которому он постоянно возвращается» (Голос минувшего. 1918, № 4-6. С. 230). Велись споры и о Шекспире: как говорил Толстой, «Стороженко при слове “Шекспир” всеми членами делает на караул, а у него много дрянного есть» (Лазурский В.Ф. Дневник // ТВС. 2. С. 54).

В ответ на просьбу Толстого, работавшего над статьёй о Шекспире, Стороженко послал книги известных европейских исследователей творчества Шекспира и свои диссертации. Он писал, что Толстой, «порицая Шекспира <...> окажет ему историческую справедливость и бросит новый луч света на его до сих пор не вполне разгаданную личность».

В последние годы жизни Стороженко, библиотекарь Румянцевского музея, часто принимал у себя Толстого и предоставлял ему возможность ознакомиться с самым широким кругом источников по интересующим писателя темам. В.Ф. Лазурский, ученик Стороженко, по его рекомендации учивший сыновей Толстого греческому и латыни, записал в дневнике 10 декабря 1900 г.: «Теперь Лев Николаевич занят

Конфуцием. Из Румянцевской библиотеки через Стороженко <...> ему доставили кучу английских книг о Китае» (ТВС. 2. С. 90).

Стороженко — корреспондент и адресат Толстого. Письма (всего их одиннадцать) прекрасно иллюстрируют его отзывчивость на научные интересы Толстого, в них можно найти полную библиографию Аполлония Тианского (1881), и библиографию трудов Амиеля (1893), составленные для Толстого, и толкование понятия «Карма» (1894), а также просьбы к писателю прислать рукопись для того или иного журнала, сборника.

Позднее, в ответ на просьбу племянника Стороженко, работавшего над биогра-

477

фией профессора, прислать воспоминания, Толстой 9 апреля 1909 г. напишет: «Одно могу сказать — и совершенно искренно — что он всегда возбуждал во мне, кроме интереса общения с высокообразованным человеком, и особенно в области словесности, меня всегда интересовавшей, — он сам, как человек, всегда возбуждал во мне самые хорошие и дружеские чувства, которые, как мне приятно думать, и он питал ко мне».

В.В. Алексеева

СТРАХОВ Николай Николаевич (1828-1896) — литературный критик, философ, публицист. Из семьи священника. В 1851 г. закончил Главный педагогический институт по естественно-математическому отделению. В 1851-1861 гг. преподавал в гимназии; в 1857 защитил магистерскую диссертацию по зоологии. В 1859 г. сблизился с А.А. Григорьевым, чей метод «органической критики» пропагандировал и развивал. Сотрудничал в журналах «Время» и «Эпоха», фактически возглавлял «Зарю» (1869-1872) и др. С 1873 г. служил в Публичной библиотеке; в 1885 г. вышел в отставку в чине действительного статского советника. Член Учёного комитета Министерства народного просвещения (с 1874 г.), член-корреспондент Академии наук (с 1889 г.).

Основные философские труды: «Мир как целое. Черты из науки о природе» (1872); «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886); «Философские очерки» и др. Объективный идеалист, высоко ценивший метод Гегеля, позднее философию А. Шопенгауэра. Сквозная мысль в его рассуждениях — о *границах* рационального познания, поскольку наука при всём её могуществе даёт одностороннюю картину мира; высшее знание — религия. Но недопустимо смешение научного и

мистического толкования явлений (спиритизм и т.п.). Многие мысли философа живо интересовали Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета, В.С. Соловьёва, В.В. Розанова — его читателей, собеседников и корреспондентов.

Н.Н. Страхов. 1880-е гг.

Идеолог славянофильства, Страхов видел в «нигилизме» учение, сложившееся под влиянием социалистических, атеистических «западных» теорий и противоречащее основам русской жизни. Он противопо-

477

ставлял «германо-романскому» культурно-историческому типу мир «славянский».

Один из ведущих литературных критиков 1860-1890-х гг., Страхов писал о А.С. Пушкине, И.С. Тургеневе, Ф.М. Достоевском, А.И. Герцене, Н.Г. Чернышевском, А.А. Фете и др. «Лучшим своим делом» сам он считал «критическую поэму в четырех песнях — *Критический разбор "Войны и мира"*» (письмо Толстому 26 ноября 1873 г.). О первой статье цикла Достоевский писал Страхову 26 февраля 1869 г.: «Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще, непременно как бы опираясь на передового писателя. У Вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому, с тех самых пор, как я Вас знаю» (*Достоевский*. Т. 29/1. С. 16).

Литературная критика и публицистика Страхова собраны в его книгах: «Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк» (1862); «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1888); «Из истории литературного нигилизма» (1890); «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки»: В 3 кн. (1882-1896) и др. Его «органическая» критика отличалась вдумчивостью,

корректностью приёмов. Даже в разборах произведений, идейно ему чуждых («Что делать?», «Дым»), он исходил из «принципа понимания» автора и избегал шаржа, при этом чётко выражая своё мнение.

До личного знакомства с Толстым Страхов опубликовал о нём несколько статей. Бывший преподаватель гимназии, он в целом одобрил издаваемый Толстым журнал «Ясная Поляна»; впоследствии также защищал толстовскую педагогику.

В 1866 г. в «Отечественных записках» (№ 12) появилась статья Страхова «Сочинения гр. Л.Н. Толстого: В 2 частях. СПб., 1864». С темой нравственных исканий героев Толстого критик связывал психологический анализ, и «совершенную *правдивость*», и сюжеты произведений: «...Нехлюдов уходит в деревню, Оленин в казацкую станицу, другие на Кавказ в действующие отряды, или в Севастополь...» (Страхов Н.Н. Литературная критика. М., 1984. С. 238, 244).

О «Войне и мире» Страхов опубликовал в «Заре» четыре статьи: Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. *Статья первая* (1869. № 1); Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Томы I, II, III и IV, *Статья вторая и последняя* (1869, № 2); Литературная новость (1869. № 3); Война и мир. Сочинение гр.

478

Л.Н. Толстого. Томы V и VI (1870. № 1). С появлением этой книги Толстой «занял первое место» среди русских и западноевропейских писателей. «Всепопобедное неотразимое действие» «Войны и мира» критик объяснял её «объективностью, образностью», в частности тем, что автор рисует события «плотью и кровью» его героев. «Шенграбенское дело описано большею частью по впечатлениям князя Андрея, Аустерлицкая битва - по впечатлениям Николая Ростова...» Это изображение действительности в традициях русского *реализма*. Но Толстой не реалист-обличитель или фотограф; его «можно назвать по преимуществу *реалистом-психологом*». Истоки психологического реализма — в руководящей «идее» писателя. Лучшее определение идеи книги Страхов находил в словах Толстого: «Нет величия там, где нет *простоты, добра и правды*». Экстраполируя теорию Григорьева о «хищном» (преимущественно заимствованном из западных литератур) и «смирном» (коренном, русском) типах на «Войну и мир», Страхов видел заслугу писателя в том, что он «дал нам новую, русскую формулу *героической жизни*, ту формулу, под которую подходит Кутузов и под которую никак не может подойти Наполеон»; «смирный героизм» воплощают также Тушин, Тимохин; «деятельный» — Растопчин, Долохов и др. Допуская возможность «прекрасного» русского деятельного

героизма, критик отмечал «превосходство» людей «смирного» типа: благодаря им «Россия победила Наполеона». «Мы сильны *всем народом*, сильны тою силою, которая живёт в самых простых и смиренных личностях, — вот что хотел сказать гр. Л.Н. Толстой, и он совершенно прав». Страхов восхищался «несравненною фигурою» Каратаева, его «душевной красотой»; этот образ превосходит все прежние опыты изображения простого народа.

Ещё одно положение Страхова, во многом вытекающее из славянофильской доктрины, — трактовка жанра «Войны и мира» как *семейной хроники*, в традициях «Капитанской дочки» Пушкина. С одной стороны, оно верно отражает сюжетно-композиционное своеобразие «книги» (которую сам автор не считал романом): «хроника, т.е. простой, бесхитростный рассказ, без всяких завязок и запутанных приключений, без наружного единства и связи». С другой — акцентирование «были *семейной*, т.е. не похождения отдельного лица», соответствовало не столько замыслу Толстого, сколько славянофильскому пониманию ценностных приоритетов русских людей. Воссоздана «не личная эгоистическая жизнь, не история индивидуальных стремлений и страданий: изображена жизнь общинная, связанная во всех направлениях живыми узами», в чём «обнаруживается истинно русский, истинно самобытный характер произведения». Толстому противопоставлен Тургенев как западник. В 1885 г. критик объединил свои статьи об этих, по его мнению, писателях-антиподах в книге «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. 1862—1885». Единственное, что не вполне удовлетворило Страхова в «Войне и мире», — философская часть эпилога, но не вследствие несогласия с рассуждениями Толстого (они «сами по себе чрезвычайно хороши»), а потому что автор «сделал большую ошибку против художественного такта»: «хроника» и «философия» мешают друг другу.

18 ноября 1870 г. Страхов в письме Толстому просил сообщить название произведения, ранее обещанного «Заре». В ответ 25 ноября 1870 г. писатель пригласил его к себе: «Если бы вы заехали ко мне, я бы был рад, как свиданью с старым другом». В первой половине августа 1871 г. Страхов приехал в Ясную Поляну, ставшую с тех пор его «Меккой» (письмо Толстому 15 марта 1873 г.). Завязалась регулярная переписка (издано 467 писем). «...Ту же радость, которую вы испытали, встретив одни и те же взгляды на жизнь во мне, я испытал, встретив вас», — писал Толстой Страхову 13 сентября 1871 г.; в письме 26...27 ноября 1877 г. Толстой называл его «дорогим и единственным духовным другом». Период их наибольшего сближения — 1870-е гг., до перелома в мировоззрении Толстого.

Писатель ценил литературные мнения и советы Страхова: «Боюсь и не люблю критик и ещё больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в

восторг и поддерживают силы к работе» (письмо 21...22 апреля 1877 г.), В то же время между ними было немало расхождений в отношении к славянофильству, политике и др. Страхов с горечью писал Толстому 26 ноября 1873 г., что, несмотря на свою «очень большую способность понимания», всё написанное им «прошло бесследно, так как это была только критика, только анализ, а положительного тут ничего не было, не было — *проповеди*». У Толстого «*проповедь*» была.

Отношение Страхова к Толстому можно назвать преклонением. Не только гениальность художника и родственность многих мыслей, но цельность личности, энергически устремленной к добру, покоряли его: «В Ясной Поляне возможны всякие человеческие бедствия, кроме одного — невозможна скука, потому что центр этого мира — человек, непрерывно растущий душою. И

479

смысл этой жизни я не могу иначе назвать, как *святостью...*» (письмо 12 сентября 1876 г.); «...Я буду за Вас держаться и надеюсь, что спасусь» (8 января 1880 г.).

По просьбе Толстого Страхов редактировал тексты его сочинений (в 1872 г. — «Азбуку», в 1873 г. — третье издание «Войны и мира»), держал корректуры. Вместе они ездили в Оптину пустынь (июль 1877 г.), слушали лекцию Соловьёва «о Богочеловечестве» (10 марта 1878 г.). Страхов подробно и откровенно писал Толстому о своих впечатлениях от публикуемых в «Русском вестнике» (1875-1877) глав «Анны Карениной» и передавал толки петербургской публики о романе. Его главную «идею» критик видел в трагедии *страсти вообще*: «Каренина так чутка и хороша душою, что первое разоблачение, первые признаки ждущей её судьбы уже не переносятся ею. Отдавшись всею душою одному желанию, — она отдалась дьяволу, и выхода ей нет. <...> Ваша Анна Каренина возбудит бесконечную жалость к себе, и всякому, однако же, будет ясно, что она виновата» (письмо 1 января 1875 г.). Эта интерпретация побудила Толстого сформулировать в письме Страхову 23 и 26 апреля 1876 г. своё понимание различий между искусством и критикой: «...ваше суждение о моём романе верно, но не всё — т.е. всё верно, но то, что вы высказали, выражает не всё, что я хотел сказать. <...> Для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении; а постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений». Поэтика «Анны Карениной» — предпочтение *косвенных форм* авторской оценки, что отметил Страхов: «...объективность так велика у Вас, что становится страшно за нравственный суд Ваш над лицами; в этом

отношении *Война и мир* понятнее, проще — так это, конечно, и есть» (письмо 21 марта 1875 г.).

В статье «Взгляд на текущую литературу» (Русь. 1883. № 1) Страхов оценивал «Анну Каренину» в свете последующих духовных исканий Толстого. Наряду с трагедией Анны, «принадлежавшей к миражному верхнему слою», критик указывал на трагедию Левина, в финале близкого к самоубийству, хотя его жизнь сложилась внешне благополучно. Невыносимая для Левина фальшь общественной жизни оставляет ему лишь «личную жизнь». «Вот откуда его отчаяние. Если моя жизнь и радость есть единственная цель жизни, то эта цель так ничтожна, так хрупка, так очевидно недостижима, что может внушать лишь отчаяние, может лишь давить человека, а не воодушевлять его. И вот где начинается поворот Левина к религиозным мыслям» (Литературная критика. С. 404, 403). Страхов видел в романе пролог к светлому рассказу «Чем люди живы» (в 1882 г. критик напечатал о нём статью в «Гражданине». № 10-11).

В первом наброске завещания (дневник 27 марта 1895 г.) Толстой распорядился «дать пересмотреть и разобрать» его бумаги С.А. Толстой, В.Г. Черткову и Н.Н. Страхову. Но критик ушёл из жизни раньше любимого писателя и друга.

Соч.: Л.Н. Толстой, С.А. Толстая, Н.Н. Страхов. Переписка / Ред. А.А. Донсков, сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. - Ottawa, 2000; Л.Н. Толстой - Н.Н. Страхов. Поли. собр. переписки: В 2 т. / Ред. А.А. Донсков, сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. - Ottawa, 2003.

Лит.: Чернец Л.В. «Анна Каренина» и её первые читатели // Литературоведение и журналистика. — Саратов, 2000.

Л. В. Чернец

СТРАХОВ Фёдор Алексеевич (1861 - 1923) — русский философ-идеалист, один из близких знакомых Толстого, его последователь.

Учился Страхов на юридическом факультете Московского университета. Автор книг «Дух и материя» (1899) и «Искание истины» (1911). Сочинял романсы и пьесы для фортепиано под псевдонимом Ф. Клекотовский (по названию своего имения Клекотки, где он родился), в 1923 г. был принят в Союз композиторов.

Впервые Страхов-студент пришёл в хамовнический дом Толстого (вместе с одним из своих друзей И. Клопским) 1 января 1889 г. «...Страхов с Клопским. Ужинали, дружно, любовно» (50; 19). Вскоре сам Толстой посетил большую и дружную семью Страховых, благо жили они недалеко, на Плющихе. Мать Страхова беспокоилась за судьбу сына, и

Толстой, зная об этом, порой заходил к ним, о чём пишет сестра Страхова, Л.А. Авилова Она заканчивает свои воспоминания о брате словами: «И я верю, что благодаря Льву Николаевичу в его жизни было гораздо больше счастья, чем определено на судьбу человека» (Авилова Л.А. Почему Лев Николаевич стал бывать в нашем доме // Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. М., 1984. С. 216).

Толстой продолжал посещать Страхова и позже, когда тот женился и открыл в своём доме на Плющихе небольшую частную

480

библиотеку. Первая книга Страхова «Дух и материя» были просмотрена и одобрена Толстым. И в дальнейшем Толстой просматривал и читал сочинения Страхова. 4 февраля 1904 г. он писал ему: «Я прочёл ваши рукописи, дорогой Фёдор Алексеевич, и ваша статья “О разуме” мне особенно понравилась... Рад знать про вашу духовную жизнь. Надеюсь, что и в пашей мирской житии всё хорошо». Страхов при первой возможности стремился посетить Ясную Поляну, общение с Толстым было для него настоящей потребностью. Толстому нравились в Страхове его простота, глубина, доброта, смирение, весёлость, он — «весь ясный».

Ф.А. Страхов

В 1892 г. Страхов принял участие в оказании помощи голодающим крестьянам. Толстой направил его в Рязанскую губ., где было открыто семь столовых. В 1905 г. по поручению Толстого Страхов работал над корректурой «Круга чтения». Толстой был очень доволен, заметив, что Страхов работает основательно, хотя и медленно. Несколько его мыслей Толстой включил в «Круг чтения», значительно сократив и исправил их.

В 1907-1923 гг. Страхов участвовал в составлении и редактировании «Свода мыслей» Толстого, который был задуман Чертковым ещё в 1890-х гг. как систематизированное собрание мыслей писателя, выбранных из художественных и теоретических произведений, дневников, писем.

Толстой, очень одобряя эту работу, говорил: «Это настоящая моя биография, биография моей мысли» (Чертков В. Об издании полного собрания мыслей Л.Н. Толстого. М., 1915. С. 9). «Свод» издан не был.

Одобрительное отношение Толстого к писаниям Страхова объяснялось тем, что Толстой, деливший всех философов на тех, кто думает для публики, и самолюбивых мыслителей, думающих для себя, к последним относил и Страхова. Однако Страхов не имел самобытного мирозерцания, он был, скорее, интерпретатором мыслей Толстого, который в книгах Страхова легко узнавал близкие и дорогие для себя собственные мысли.

Как один из подписавшихся свидетелей Страхов принимал участие в событиях, связанных с составлением завещания Толстого в 1909 г.

Последние годы Страхов провёл в простой крестьянской избе, его и двух его дочерей приютил крестьянин в подмосковной деревне. Вечерами здесь часто собирались крестьяне, и стареющий Страхов читал им вслух сочинения Толстого, а также свои старые и новые написанные статьи. Так он жил и умер, окружённый любовью и уважением близких.

Лит: Страхова Н.Ф. Лев Николаевич Толстой и Фёдор Алексеевич Страхов // Л.Н. Толстой и его близкие. - М., 1986; Страхов Ф.А. Две поездки в Ясную Поляну (публикация Л.С. Дробат) // *ЯП. сб.* 1988. — Тула, 1988.

Л. С. Дробат

СТРЕПЕТОВА Пелагея Антипьевна (1850-1903) – русская актриса. Артистическая судьба её складывалась драматично. Она не получила театрального образования; современники говорили о ней как об актрисе «большого стихийного дарования». Стрепетова играла во многих театрах, провинциальных и столичных, но нигде не оставалась надолго. Её талант трагедийной актрисы проявился во время работы в Казани (1871), позже она стала актрисой Общедоступного театра в Москве (1873), потом актрисой Пушкинского театра А.А. Бренко в Москве, и наконец в 1881 г. Стрепетова поступила в труппу петербургского Александринского театра, в этом театре актриса проработала менее десяти лет — в 1890 г. ей дали отставку.

Оставшись вне театра, она получила приглашение от А.С. Суворина сыграть роль Матрёны в пьесе Толстого «Власть тьмы», которую готовили к постановке в Театре Литературно-артистического кружка (позже Театр Литературно-художественного общества или Малый театр в Петербурге). Ставил спектакль Е.П. Карпов. Он вспоминал, что при распределении ролей Суворину пришла мысль пригласить на роль Матрёны Стрепетову. Карпов чувствовал, что «Стрепетова внесёт в

изображение Матрёны не только правдивые бытовые черты, но вместе с тем захватит публику силою своего трагизма», и согласился немедленно (Карпов Е.П. А.С. Суворин и основание Театра Литературно-артистического кружка // Исторический вестник. 1914. Сентябрь. С. 883). Стрепетова дала согласие участвовать в спектакле всего за несколько дней до премьеры.

Накануне спектакля состоялась генеральная репетиция «Власти тьмы», на которой, по свидетельству Карпова, присутствовала С.А. Толстая с дочерью и сыном Львом Львовичем. Премьера состоялась 16 октября 1895 г., на два дня раньше, чем в Александрийском театре.

Игру Стрепетовой постановщик назвал «поразительной». Стрепетова создала «удивительный образ <...> тип старухи-крестьянки, которая натерпелась в жизни уйму горя, нужды, бедности, колотилась

481

весь век, изворачивалась, унижалась, чтобы не умереть с голоду, и вынесла из такой горемычной, каторжной жизни убеждение, что только деньги дают обеспеченное, желанное, спокойное существование». Для такого существа, — делал вывод Карпов, — совесть, грех, душа — «это всё пустяки». Сложный рисунок характера удалось передать Стрепетовой: она была то «притворно-ласковой», то «беспощадно-настойчивой», а в сцене закапывания в погребу ребёнка «возвысилась до трагизма».

Театральный критик А.Л. Волынский большую часть своей статьи о первых постановках «Власти тьмы» в России («Литературные заметки») посвятил образу Матрёны, созданному Стрепетовой. По мысли критика, при общей бледности исполнения драмы Толстого в этом спектакле одна Стрепетова создала образ самобытный и выразительный. Матрёна-Стрепетова выделялась из общего ансамбля исполнителей уже своим внешним видом, в котором не было искусственности и нарочитости: «В противоположность ненатурально пёстрым костюмам других женщин, Стрепетова оделась как настоящая деревенская старуха: бурый войлочный зипун, старый тёмный платок на голове, низко надвинутый на лоб и укутывающий лицо, подвязанное ещё снизу другим сложенным платком, как при зубной боли... Маленькая, сутуловатая фигура артистки, худое, болезненно заострённое лицо, сдержанная нервозность в движениях, большие белые верхние зубы, как-то зловеще сверкающие при несколько искусственной слащавой улыбке, тягучий вкрадчивый голос, то переходящий в торопливый шепоток, то светло звенящий уверенными нотами, пригодными для выражения тонкой житейской опытности и прозорливости...». Стрепетова создавала «образ житейски-мудрой, по-кошачьи гибкой и хитрой женщины, всецело

сосредоточенной на мысли устроить благополучие своего сына, согласно циническим правилам мирской морали».

Образ тёмной и зловещей Матрёны-Стрепетовой, исполненный и ведомый материнской любовью, отвечал авторскому замыслу и стал в то время «превосходным комментарием» к пьесе Толстого «Власть тьмы».

И.Ю. Матвеева

СТРУВЕ Пётр Бернгардович (1870 — 1944) — философ, историк, экономист, публицист, политический деятель; посетитель Толстого.

В 1890-е гг. один из видных отечественных представителей «легального марксизма»: автор манифеста I съезда РСДРП (1898), редактор первого тома «Капитала» (1898), марксистских журналов «Новое слово» (1897) и «Начало» (1899), — с начала 1900-х гг. Струве отошёл от марксизма, став приверженцем либеральных воззрений: участвовал в организации «Союза Освобождения» (1904) и партии кадетов (1905), входил в состав её ЦК, редактировал орган либерального движения журнал «Освобождение» (1902-1905), был избран депутатом II Гос. думы (1907). После революции 1905 г. взгляды Струве существенно изменились: он стал сторонником политического консерватизма, укрепления российской государственности. После Февральской революции 1917 г. недолго служил директором экономического департамента МИД. Октябрьскую революцию воспринял резко отрицательно, участвовал в работе Особого совещания при А.И. Деникине, в правительстве П.Н. Врангеля.

С 1920 г. жил в эмиграции (Прага, Берлин, Белград), издавал журнал «Русская мысль» (1921-1925, 1927), редактировал газету «Возрождение» (1925-1927) и др. издания. В 1928-1942 гг. Струве — председатель Отделения общественных наук Русского научного института. В 1941 г. он был арестован немецкими оккупационными властями, три месяца находился в заключении. В 1943 г. поселился в Париже.

Философские, экономические, исторические взгляды Струве представлены в его многочисленных статьях, докладах, учебных курсах (он преподавал в Петербургском политехническом институте (1906-1917), на Бестужевских женских курсах (1910), в университетах Белграда и Субботины). Струве один из авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918), сыгравших большую роль в становлении философских, общественно-исторических взглядов отечественной интеллигенции. Среди его работ наиболее выделяются «Свобода и историческая необходимость» (1897), «К характеристике нашего философского развития» (1902), «Заметки о плюрализме» (1923), «Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии» (1935).

О Струве Толстой узнал в 1902 г. 31 мая он читал присланный в Ясную Поляну журнал «Освобождение», издававшийся в Штутгарте под редакцией Струве (сохранился в яснополянской библиотеке). Своё впечатление: «очень недурно» — сообщил он в письме Черткову (88: 264).

23 апреля 1909 г. Толстой прочитал сборник «Вехи», где есть и статья Струве «Интеллигенция и революция». В статье

482

«О “Вехах”» в довольно резкой форме писатель выразил своё негативное отношение к этому сборнику, отметил отсутствие в нём серьёзных ответов на злободневные вопросы жизни, указал на чрезмерное переопределение, без особой на то надобности, иностранными философскими терминами.

19 мая 1909 г. Толстому попала на глаза напечатанная в майском номере журнала «Русская мысль» «глупая статья» Струве «На разные темы», посвящённая вышедшему тому переписки А.И. Эртеля с разными лицами. Толстой, прочитав статью, в которой попутно говорилось и о его «догматической морали», пометил в дневнике: «...стало неприятно, и не мог восстановить спокойствия и твёрдости в Боге» (57: 70). 19 июня 1909 г. в словаре Брокгауза Толстой познакомился со статьёй Струве о Марксе. Статья заставила его ещё раз задуматься о противоречиях материалистического понимания мира. На следующий день в дневнике он записал: «Нынче проснулся от ясного, простого, понятного всем опровержения матерьялизма. Наяву вышло не так ясно, как во сне, но кое-что осталось. А именно то, что матерьялисты должны допускать нелепость Творца, чтобы объяснить, отчего сложилась материя так, что из неё образовались отдельные существа, из которых первый я, и с такими свойствами, как чувства и разум» (57: 87).

Личная встреча Толстого и Струве состоялась 12 августа 1909 г. Разговор, в котором помимо Струве участвовали А.А. и С.А. Стаховичи и П.Н. Ге, касался разных тем. Толстой делился воспоминаниями о Герцене, Огарёве, Бакуanine, читал вслух свою статью «О науке», ответил на возражения Струве, высказал и своё негативное мнение о сборнике «Вехи». Гости (А.А. Стахович и Струве) были Толстому «мало интересны и тяжелы, особенно Струве», о чём записано в дневнике 13 августа.

Тяжёлый осадок вызвало и появившееся в журнале «Русская мысль» в октябре 1909 г. (№ 10) сочинение Струве «Роковые вопросы. По поводу статьи Л.Н. Толстого "Неизбежный переворот"» (в яснополянской библиотеке сохранился этот журнал с пометами Толстого), где статья Толстого представлена как «поражённая роковым противоречием». Уже

в первых абзацах своей статьи Струве сообщал: «Очень часто говорят, что Толстой плохо рассуждает, и с лёгкостью указывают те противоречия, в которых он запутывается». И это «совершенно верно». Пример такого запутанного мышления — «Неизбежный переворот», где Струве находил «роковое противоречие», которое «никто не может вытравить» и суть которого в том, что Толстой, с одной стороны, говорит об ответственности людей за свои поступки, а с другой стороны, утверждает, что «зло не в людях, а в ложном и насильственном строе их жизни». Струве читал статью «Неизбежный переворот», напечатанную в сокращении в «Русских ведомостях» за 24 сентября 1909 г. Возможно, чтение в сокращённом виде и привело Струве к несправедливым и неосновательным выводам.

Вопреки правилу не вступать в полемику по поводу статей о себе, Толстой решил ответить Струве. 13—14 октября 1909 г. он работал над ответом: «Нынче как будто посвежее, но утром ничего не делал, кроме изменения ответа Струве и нескольких писем. <...> Вчера 13-го. Встал всё слабый, написал ядовитую заметку на статью Струве и письма...» (57: 151). Но уже на следующий день (15 октября) желания отвечать Струве не было; в дневнике записано: «Ходил и ясно понял, как я плох, желая отвечать Струве, как далёк от Божеской, для души, жизни. Бросил» (57: 152). Два варианта ответа Толстого так и остались незавершёнными (в Юб. заглавие «По поводу статьи П. Струве» дано редактором — 38: 336-340).

В своём ответе Толстой пояснял, что именно в статье Струве «удивило» и «огорчило» его. Эти чувства, писал он, вызвало то «нехорошее, недоброе» желание, «очевидно руководившее г-ом Струве», направленное на то, чтобы отгородить людей от важных и нужных мыслей, изложенных в «Неизбежном перевороте», «сбить с толку» тех, кто мог бы эти мысли воспринять.

В первом варианте ответа на статью Струве Толстой отмечал, что, «несмотря на все усилия», он не смог «даже понять», в чём Струве видит «кричащее противоречие». Толстой справедливо заявлял, что в его статье попросту нет того противоречия, на которое указывал Струве. Как можно было так понять «Неизбежный переворот», если в нём он несколько раз говорил и повторял, что «причина дурной жизни людей в них самих и что для того, чтобы людям избавиться от жизни, основанной на насилии, и установить жизнь, основанную на любви, им надо освободиться от всего того, что препятствует руководствоваться свойственным всем людям чувством любви» (38: 336-337).

Утверждения Струве о том, что в «Неизбежном перевороте» автор «незаметно для самого себя подчиняет свою мысль... соблазнительной идее» внешнего устройства жизни, не могли не вызвать у Толстого явного недоумения. Струве действительно

ошибся. Прав же Струве был тогда, когда в статье «Лев Толстой», характеризуя взгляды мыслителя, убеждённо говорил о «*религиозном* направлении его мысли», о присущей ему «идее, что человек ответственен за себя и мир», и доказывал, что «идея человека в Боге и Бога в человеке в их неразрывной свободной связи» является ключевой для всего творчества Толстого.

М.А. Лукацкий

СУВОРИН Алексей Сергеевич (1834-1912) — литератор, издатель, театральный деятель. Сын солдата, участника Бородинского сражения, дослужившегося до штабс-капитана, и дочери протоиерея, Суворин в 1851 г. закончил Воронежский кадетский корпус. В 1853 г. окончил специальные классы Дворянского полка (позднее Константиновское артиллерийское училище) в Петербурге (по военной специальности был сапёром). Выйдя в отставку в том же году, преподавал историю и географию на родине, в Бобровском уездном училище. В 1861 г., ещё будучи учителем, начал карьеру журналиста, посылая в московскую газету «Русская речь» свои статьи «Письма из Воронежа». В том же 1861 г. Суворин круто изменил судьбу: переехал в Москву и полностью перешёл на журналистскую работу.

В 1862 г. в Москве Суворин познакомился с Толстым. Позднее он описывал своё впечатление от этого знакомства: «Передо мной был широкоплечий, с тонкой талией человек лет 35, в усах, без бороды, с серьёзным, даже несколько мрачным выражением лица, которое, впрочем, принимало оттенок добродушия, когда он смеялся. Разговор зашёл о событиях, которыми так полна была русская жизнь того времени. Граф Толстой тотчас же обнаружил, что живёт вне этой жизни, что ему чужды интересы того слоя, который считает себя образованным. Он является противником прогресса, который, по его мнению, выгоден только небольшой части общества, наименее занятой, и составляет положительное зло для большинства, для народа. <...> Присутствовавшие горячо с ним спорили; он сам то увлекался, то начинал иронизировать; я больше слушал, чем говорил; в то время, когда все бредили прогрессом, такая оригинальная смелость мысли меня поразила, и я чувствовал невольную симпатию к этому новому Руссо...» (Суворин А.С. Очерки и картинки. СПб., 1875. С. 77).

Эту симпатию Суворин сохранил на всю жизнь, несмотря на то, что кардинально расходился с Толстым во взглядах. Ни о ком из современных ему писателей Суворин не писал так часто, как о Толстом.

В 1862 г. для своего журнала «Ясная Поляна» Толстой заказал Суворину статью о патриархе Никоне (напечатана в № 8). Гонорар в 50 рублей, как вспоминал позднее Суворин, Толстой лично вручил начинающему журналисту. В 1863 г. переехав в Петербург, к середине 1870-х гг. Суворин занял прочное место в литературном мире как журналист «С.-Петербургских ведомостей» и нескольких других изданий. В 1872 г. он начал издавать «Русский календарь» и, намереваясь включить ряд биографий выдающихся русских писателей, через общих знакомых просил Толстого прислать автобиографию и портрет. Знакомство возобновилось, и в 1875 г. вышла книга Суворина «Очерки и картинки», где была статья «Граф Лев Николаевич Толстой (литературный портрет)», в которой автор высказался по вопросам творчества писателя. Это был один из первых литературных портретов Толстого.

В 1885 г. в серии «Дешёвая библиотека» Суворин напечатал рассказ Толстого «Хозяин и работник», о котором позднее писал, что все религиозные и философские книги Толстого отдал бы «за один такой его рассказ, как “Хозяин и работник”, где столько правды и столько любви и где любовь объединяет и хозяина, и работника, и то милое животное, которое замёрзло вместе с хозяином...» (Суворин А.С. В ожидании века XX. Маленькие письма. 1889-1903 гг. М., 2005. С. 489).

Суворин бывал в доме Толстых. 31 января 1889 г. Толстой, находясь в Москве, писал ему: «Очень сожалею, что вы не заехали ко мне, Алексей Сергеевич, поговорили бы о вашей драме <имеется в виду пьеса Суворина «Татьяна Репина». — К.Т.> и о другом. <...> Желаю вам самого хорошего, боюсь, что не того, что вы сами большей частью желаете: разориться матерьяльно и богатеть духовно» (64: 216).

Заметное охлаждение в их отношения внёс негативный отзыв Суворина о «Послесловии к “Крейцеровой сонате”». В своём «маленьком письме» об этом журналист писал, что Толстой, «став на место Позднышева, разрушил ту таинственную, странную, но тем не менее существующую связь между художественным созданием и читателем, т.е. ослабил значение и силу самой ‘Крейцеровой сонаты’» (Суворин А.С. В ожидании века XX. С. 121).

Редкая переписка между Сувориным и Толстым становилась всё более деловой и даже официальной. В феврале 1891 г. в «Новом времени» (газета, которую Суво-

рин приобрёл ещё в 1876 г.) увидел свет рассказ «Франсуаза», авторский перевод Толстого «из Мопассана», но только после серьёзной

суворинской правки, которая придала рассказу «приличный тон». С изданием Суворина Толстой предпочитал не иметь дел: сыну Л.Л. Толстому 15 апреля 1904 г. он писал, что «нежелательно связываться с “Новым временем”». Очень уж оно, т.е. направление его, нехорошо». В жизни Толстой и Суворин продолжали изредка встречаться и даже дорожили этими встречами...

Талантливый журналист, газету «Новое время», малозаметное и малоизвестное издание, Суворин со временем превратил в одну из лучших газет России. В 1889—1908 гг. на страницах газеты выходили т.н. «маленькие письма» Суворина, авторские статьи-эссе, посвящённые культурным и политическим темам. В этой форме ему удалось высказать немало блестящих суждений о русской литературе, в т.ч. и о Толстом. Немало мыслей о Толстом и в «Дневнике» Суворина, который он вёл с 1893 по 1909 г.

Одно из «маленьких писем» автор посвятил пьесе Толстого «Власть тьмы», в которой видел «перл русской драмы, драгоценный перл, какого другого мы ещё не скоро дождёмся» (там же. С. 67). Он добивался цензурного разрешения на постановку пьесы. «Я решительно не понимаю, как можно видеть в этой пьесе что-либо другое, кроме той любви к правде и человеку, даже падшему, которая отличает все произведения Л.Н. Толстого...» (там же. С. 68), -- писал он. Здесь Суворин соблюдал и свой интерес: страстный театрал, владелец антрепризы, а затем и собственного театра (с 1895 г.), он в итоге добился, чтобы премьера «Власти тьмы» состоялась в его театре.

Главным произведением Толстого для Суворина всегда была «Война и мир», которой он не переставал восхищаться. Эта книга определяла для него положение Толстого в России и в мире. «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. <...> Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост» (Суворин А.С. Дневник, М., 1992. С. 316). – писал он в своём дневнике 29 мая 1901 г. Одним из первых он отметил международное значение творчества Толстого для русской культуры. «Толстой дал России очень много. Он прославил её, как не прославляли победы. Он дал русскому имени за границей особый почёт и значение» (дневник, 1902 г. – там же. С. 338).

Всю «учительную литературу» Толстого Суворин воспринимал через призму трагического раздвоения русской души. По поводу брошюры «Христианство и патриотизм» он писал: «Нападая на патриотизм, Толстой как бы мстит себе за “Войну и мир”»: этот роман вечно останется не только великим произведением, но и свидетельством о патриотических чувствах самого Толстого, и эти благородные чувства

ещё долго будет внушать этот роман своим читателям. Брошюру же автора его о патриотизме все забудут» (Суворин А.С. В ожидании века XX. С. 436).

В 1908 г. Суворин напечатал последнее своё «маленькое письмо», письмо-прощание, посвящённое Толстому, в котором обобщил всё то, что передумал о великом русском писателе. «Бросьте судить. Радуйтесь, что он русский, что он так много дал своей родине на многие века...» — призывал Суворин современников. Даже в позиции Толстого по отношению к православной церкви он не видел ничего трагического, считая, что слова постановления Святейшего синода о разрушительной деятельности Толстого «требуют поправки». «По моему мнению, Толстой ничего не разрушил уж потому, что он жил, живёт и будет жить в сердцах людей своими художественными произведениями, а всё остальное, что он написал, останется для любителей. Это “остальное” только придаток к главному, от которого всё зависит». «Я утверждаю, что Толстой — патриот, восклицал Суворин. — Читайте “Войну и мир” <...>. По “Войне и миру” будут русские долго учиться любви к родине и почитанию тех народных свойств, которые не называются иначе, как патриотическими» (Суворин А.С. Русско-японская война и революция. Маленькие письма. 1904-1908. М., 2005. С. 737-739).

Лит.: Динерштейн Е.А. А.С. Суворин: человек сделавший карьеру. - М., 1998.

К.Б. Титов

СУВОРОВ Иван Васильевич («Ванюша»; 1824-1912) — крестьянин Волконских-Толстых. Суворовы — дворовые люди в Ясной Поляне — происходили от крестьянина Зябрева Ефрема Фёдоровича (1637-1746). Фамилию «Суворовы» получили, как рассказал Толстой, потому, что «дед был большой пьяница и когда напивался, то колотил себя в грудь и говорил: “Я генерал Суворов!” Его прозвали Суворовым, и так эта фамилия и перешла к его детям и внукам» (*Булгаков*. 14 апреля). Ваня Суворов мальчиком был взят во двор

485

и служить мальчику Льву Толстому. Он был грамотен, Толстой даже обучил его немного французскому языку. «Ванюшка» жил вместе с Толстым на Кавказе, отличался смелостью, исполнительностью; Толстой был доволен его службой. Суворов переписывал повесть «Детство».

Изображён в повести «Казачи». Толстой называл Ванюшу типичным слугою.

В 1861 г. при освобождении крестьян Иван Васильевич отказался от земельного надела и продолжал служить Толстому. Имел свой домик в Ясной Поляне на земле Толстых. Писатель с уважением относился к Суворову.

Н.И. Шинкарьук

СУЛЕРЖИЦКИЙ Леопольд Антонович («Суллер»; 1872-1916) – режиссёр, театральный педагог, литератор, художник.

В 1889-1894 гг. Сулержицкий учился в московском Училище живописи, где познакомился с Т.Л. Толстой. Он часто бывал в доме Толстых. В прямом смысле Сулержицкий не был учеником Толстого, но воздействие личности писателя и его нравственного учения во многом определили судьбу будущего режиссёра.

Характерным эпизодом в биографии Сулержицкого стал его отказ принять воинскую присягу, за что он был арестован, посажен в одиночную камеру и позже отправлен в отделение для душевнобольных при военном госпитале в Москве. Об этих событиях есть упоминание в дневнике Толстого 7 декабря 1895 г.: «Суллер отказался от военной службы. Я посетил его» (53: 72). Своему последователю Е.И. Попову 30 ноября 1895 г. Толстой писал: «Жаль, что вы не посетили сейчас страдающего Сулержицкого. Я на днях был у него и был тронут и поражён его простотой, спокойствием и благодушием. У него настоящий внутренний переворот, ему хорошо везде». Об этом Толстой писал и стороннику своих взглядов П.Н. Гастеву 7 декабря 1895 г., в этом письме писатель дал характеристику Сулержицкому: «Он сидит в отделении душевнобольных в военном госпитале на испытании в умственных способностях. Он очень живой, общительный и искренний человек и очень твёрд в своём решении. Мы посещаем его».

Отец Сулержицкого уговорил сына не противостоять властям и принять присягу, после чего Сулержицкий был отправлен на службу рядовым в Закаспийскую область в пограничные кордоны. Толстой записал в дневнике: «Вчера письмо от бедного Суллера, которого загнали на персидскую границу, надеясь уморить его» (53: 96).

В начале 1898 г. Сулержицкий помогал Толстому в переписке его сочинений. Тогда же по поручению Толстого он занимался переселением духоборов в Канаду. 9 ноября Сулержицкий вместе с С.Л. Толстым уехали на Кавказ, а оттуда в Канаду, сопровождая духоборов. В дневнике 14 ноября 1898 г. Толстой записал: «Был Серёжа и Суллер, и уехали оба на Кавказ...» (53: 212). Два года Сулержицкий руководил работами

духоборов по организации их новой колонии в Канаде. Воспоминания об этом составили его книгу «В Америку с духоборами», изданную «Посредником» в 1905 г. В Россию Сулержицкий возвратился только в феврале 1900 г.

Толстого не оставляла равнодушным судьба Сулержицкого. Когда в мае 1902 г. Сулержицкий был арестован и обвинён в транспортировке в Россию социал-демократического журнала «Искра», Толстой записал в дневнике: «Нынче получил грустное известие об аресте Суллера» (запись 27 мая). И в письме к П.А. Буланже Толстой признавался: «Арест Суллера ужасно огорчил меня. Я боюсь за его душевное состояние. Как бы помочь ему?» (73: 250).

Осенью 1905 г. Сулержицкий вместе с В.Э. Мейерхольдом посетили Толстого в Ясной Поляне. В ежедневнике С.А. Толстой 26 ноября есть запись: «Приехал Сулержицкий с актёром Художественного театра».

Последний период жизни Сулержицкого связан с Московским Художественным театром. После смерти Толстого именно Сулержицкий убеждал его наследников дать пьесу «Живой труп» для постановки в МХТ.

К.С. Станиславский вспоминал, что Сулержицкий, «человек исключительного таланта», сыграл большую роль и в театре, и в его «художественной» судьбе. Воплощение своей «системы» в жизнь Станиславский осуществлял с помощью Сулержицкого, который взял на себя административное руководство Первой студией Художественного театра, где проявил себя как выдающийся педагог.

Сулержицкий был режиссёром четырёх спектаклей (в спектаклях «Драма жизни», «Жизнь человека», «Синяя птица» его имя стояло на втором месте, а в постановке «Гамлет» — на третьем), но значение его деятельности для Художественного театра не ограничивалось участием в этих постановках. Сулержицкий был одним из идеологов МХТ. В.И. Качалов (Шверубович), выросший в Художественном театре, гово-

486

рил о Сулержицком: «Если бы Сулер жил дольше, он стал бы, мне кажется, третьим вождём Художественного театра».

И.Ю. Матвеева

СУЛТАНОВ Пётр Аркадьевич (ум. около 1873 г.) — офицер, сослуживец Толстого на Кавказе; в дневнике 21 марта 1852 г. есть о нём запись: «Приехал Султанов в восторге от того, что получил собак. Замечательная и оригинальная личность. Ежели бы у него не было страсти к собакам, он бы был отъявленный мерзавец». «Отчаянный

головорез» и страстный собачник, Султанов за свои странности и чудачества трижды был разжалован в солдаты. В очерках «Охота на Кавказе» Н.Н. Толстой описал его под именем Мамонова: «...странный человек был этот Мамонов! Он, кажется, родился охотником. По крайней мере, я не могу представить его себе иначе, как окружённого собаками, с ружьём и рогом, в каком-нибудь диковинном охотничьем костюме... В поле был он довольно несносный охотник — спорщик и хвастун... Мамонов воображал, что хороший охотник непременно должен кричать и спорить. Бесцеремонность переходила у Мамонова в грубость... заветного ничего не имел, исключая разве одной или двух собак, с которыми не расставался ни днём ни ночью. В полку его любили и солдаты, и начальники; но и те и другие смотрели на него, правда, как на человека действительно храброго, зато самого безалаберного и бесполезного для службы... Одним словом, он от всех рук отбил, даже у татар, которые боялись его и звали Шейтан-агач (лесной чёрт). Мамонов ходил со своими собаками по самым опасным местам один, несколько раз встречался с горцами и постоянно счастливо отделялся от них... Когда, бывало, Мамонов выйдет на двор с ружьём в руке, протрубит позыв, закричит своим густым басом: “Сюда, сюда, собачонки, сюда!” — и целая стая собак всевозможных пород и возрастов с радостным визгом окружают его, — в такие минуты он бывал удивителен... Менять, дарить, продавать, вообще цыганить, собак — страсть Мамонова».

Лит.: Толстой Н.Н. Охота на Кавказе. — М., 1922.

Н.И. Бурнашѐва

СУРИКОВ Василий Иванович (1848-1916) — художник-передвижник, автор монументальных живописных полотен, посвящённых событиям русской истории: «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Берёзове» (1883), «Боярыня Морозова» (1887), «Покорение Сибири Ермаком» (1895) и др.; знакомый Толстого. В начале 1880-х гг. по просьбе Толстого давал уроки рисования его старшей дочери Татьяне Львовне, готовившейся к поступлению в московское Училище живописи, ваяния и зодчества.

Толстой бывал в мастерской Сурикова и был знаком с его творчеством. Художник нарисовал иллюстрации к рассказу Толстого из «Азбуки» «Бог правду видит, да не скоро скажет». С.А. Толстая по этому поводу записала в своём дневнике 1 февраля 1898 г.: «Говоря об искусстве, Л.Н. сегодня вспоминал разные произведения, которые он считает настоящими», — и дальше она называла некоторые сочинения Т.Г. Шевченко, В. Гюго, рисунки И.Н. Крамского и «Сурикова рисунок, как спят в Сибири

каторжники, а старик сидит — к рассказу Л.Н. “Бог правду видит”» (*ДСАТ*. 1. С. 348).

Суриков посещал хамовнический дом Толстых, о чём есть записи в дневнике В.Ф. Лазурского: «В воскресенье у Толстых был Суриков, художник; разговаривал с Львом Николаевичем. Я подсел к ним. Суриков рассказывал о Суворове, альпийский поход которого он взял сюжетом для своей последней картины, описывал его наружность, говорил о его семейных обстоятельствах, чудачествах, народном духе, о том, что из деятелей эпохи Екатерины народ помнит Суворова и Пугачёва...» (запись 14 февраля 1899 г.; *ТВС*. 2. С. 88). Эта картина Сурикова, «Переход Суворова через Альпы», вызвала резкую оценку Толстого, о чём в своём дневнике 5 марта 1899 г. рассказал С.И. Танеев: «Л.Н. возмущался картиной Сурикова, говоря, что он изобразил Суворова делающим переход через Альпы. Лошадь над обрывом горячится, тогда как этого не бывает, лошадь в таких случаях идёт очень осторожно. Около Суворова поставлены несколько солдат в красных мундирах. Л.Н. говорил Сурикову, что этого быть не может, — солдаты на войне идут как волны, каждый в своей отдельной группе. На это Суриков ответил, что так красивее. “У меня в романе была сцена <имелся в виду роман «Воскресение». — *Н.Б.*>, где уголовная преступница встречается в тюрьме с политическими и их разговор имел важные последствия для романа. От знающего человека я услышал, что такой встречи в московской тюрьме произойти не могло, и я переделал все эти главы, потому что не могу писать, не имея под собой почвы. А этому болвану (Сурикову) всё равно. Также я ему говорил, что кремневых ружей не было, когда Ермак покорял Сибирь (в прежней его картине), но он никакого внимания не обращает”» (Танеев С.И. Дневники: В

487

3 кн. М., 1982. Кн. 2. С. 26). О неприятии Толстым картины «Переход Суворова через Альпы» вспоминал и С.Т. Конёнков: «Он корил Сурикова за то, что в его полотне нет правды жизни, — “Недаром картину царь купил”, — запомнились мне слова Толстого» (*Толстой и художники*. С. 313).

Суриков преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества, и Толстой, не раз посещавший училище, встречался там с художниками, о чём писал В.К. Бялыницкий-Бируля: «Ещё будучи учеником Училища живописи, я впервые увидел В.И. Сурикова. Он беседовал с Л.Н. Толстым в вестибюле училища (Лев Николаевич поджидал свою дочь Татьяну, которая училась у нас). <...> Ярко запомнилась мне одна неожиданная встреча с Василием Ивановичем, когда мы, ученики Училища живописи, пошли после вечерних классов поиграть на бильярде в трактир

“Саратов”, куда неоднократно заглядывали и раньше. Это было близ Юшкова переулка у Сретенских ворот.

Войдя в трактир, мы поднялись на верхний этаж и в большом зале, где был оркестрион, увидели в стеклянную дверь сидящих за чайным столом В.Е. Маковского, Л.Н. Толстого и В.И. Сурикова. Мы замерли при виде их и остановились, смущённые, не решаясь двинуться, а идти нам надо было через этот зал. Стоявший тут же половой, увидев нашу растерянность, пояснил: “Они к нам изволят иногда заходить”» (там же. С. 320-321).

И.Е. Репин вспоминал: «В моей мастерской, стоя иногда перед начатой мною картиной, он поражал меня совершенно неожиданными и необыкновенно оригинальными замечаниями самой сути дела; освещал вдруг всю мою затею новым светом, прибавлял животрепещущие детали в главных местах, и картина чудесно оживлялась. Чувствовался огонь гениального художника... Такое же действие производил он и на товарища моего, художника Сурикова, который жил по соседству; встретившись с ним и сообщив друг другу замечания Толстого, мы чуть не лезли на стену от восторга — так он нас подымал!..» (там же. С. 207).

Годы спустя уже после смерти Толстого, Репин рассказывал в письме К.И. Чуковскому 18 марта 1926 г. о Сурикове и о Толстом: «О Сурикове. Я писал не раз о нём (в письмах). Когда мы жили в Москве (от 1877-82). Я — *Смоленский бульвар*, он — *Зубово*. Это очень близко, и мы видались всякий день к вечеру и восхищались *Л.Н. Толстым* — он часто посещал нас (всё это по-соседски было: Толстые жили в *Денежном переулке*). И я, ещё издали, увидев его, Сурикова, идущего мне навстречу, я уже руками и ногами выражал ему мои восторги от посещения великого Льва: тут нами припоминались всякое слово, всякое движение *матёрого художника*. Например, он сказал, глядя на моего запорожца, сидящего за столом: “А интересно — как это на рукаве, на локте, где у них прежде всего засаливались рукава”. От восторга, от этого его вопроса, мы готовы были кататься по бульвару и, как пьяные, хохотали; при этом Суриков, как-то угнувшись, таинственно фыркнул, скосив глаза» (там же. С. 211).

Искусствовед В.М. Лобанов был свидетелем замечательной сцены. «Помню, как однажды у себя в “Князьем дворе” В.И. Суриков, сыграв что-то на гитаре и отложив её в сторону, сказал: «Ну и что же, что Толстого отлучили от церкви! Велика беда! А вот от “Войны и мира” и “Казачков” его никто не отлучит, потому что он ведь вот какой! — При последних словах В.И. Суриков раскинул во всю широту руки. — Его не ухватить никакому Синоду. Он один у нас и таким будет не только пока жив, но и когда его в живых не будет. Он — Толстой! — И Суриков опять сделал такое же движение руками. “Один мой приятель, — рассказывал однажды В. Суриков, — мне передал, что Толстой очень доброжелательно оценил моих стрельцов и московский народ, следивший за движением саней, вёзших боярыню Морозову: “Здорово их увидал художник! Они

словно живые, даже слова, что они шепчут, я явственно слышу!»» (там же. С. 237-238).

Н.И. Бурнашёва

СУХОТИН Михаил Сергеевич (1850-1914) – с 1899 г. зять Толстого, муж его старшей дочери, Татьяны Львовны. Тульский помещик; почётный мировой судья; член I-й Гос. думы. Отец 6-х детей от первого брака с баронессой М.М. Бодде (1856-1897).

Т.Л. Толстая с мужем, М.С. Сухотиным

В 1884 г., задолго до того, как Сухотин стал его зятем, Толстой так охарактеризовал его на страницах своего дневника: «Что за жалкое и ничтожное существо. Особенно поразительно потому, что внешне даровитое» (49: 115).

Тяжело пережил Толстой замужество дочери. С.А. Толстая рассказывала в своём дневнике: «Событие это вызвало в нас, родителях, такую сердечную боль, какой мы не испытывали со смерти Ванечки. Всё наружное спокойствие Льва Николаевича исчезло; прощаясь с Таней, когда она, сама измученная и огорчённая, в простом сереньком платье и шляпе, пошла наверх, перед тем как ей идти в церковь, — Лев Николаевич так рыдал, как будто прощался со всем, что

488

у него было самого дорогого в жизни. <...> Лев Николаевич горевал и плакал по Тане ужасно и наконец заболел...» (ДСАТ. 1. С. 454-455). Постепенно к Сухотину привыкли, примирились с выбором дочери. 19 ноября 1900 г. Толстой записал в дневнике: «Много ходил с М.С. <ходили

по московским улицам. — *Н.Б.*> Я его начинаю просто любить» (54: 63). С.А. Толстая признавалась, что «начинает мириться за её <Татьяны. — *Н.Б.*> любовь к нему. Характер у него милый, хотя эгоист он страшный, и потому часто за Таню страшно» (*ДСАТ*. 2. С.20). Когда Сухотин болел, Толстой писал ему: «Хочется ещё вам сказать, что я вас люблю не только как мужа любимой Тани, но просто за вас, за ваш милый характер и своеобразную мягкую твёрдость» (письмо 17-18 июля 1902 г.).

Вместе с женой Сухотин часто бывал в Ясной Поляне, он постоянный партнёр Толстого по шахматной игре; вёл подробный дневник и оставил воспоминания о Толстом, они охватывают период с конца 1901 г. по конец 1910 г. («Толстой в последнее десятилетие своей жизни»). Эти эпизодические записи сделаны под впечатлением от непосредственного общения с Толстым в Ясной Поляне, Крыму, в Кочетах. Сухотин записывал свои наблюдения жизни писателя («Михаил Сергеевич записывает, - отметил в своём дневнике Д.П. Маковицкий; - он старается описывать Л.Н., каким он есть в данное время» — *ЯПЗ*. 1. С. 481), беседы с ним: чаще всего это были разговоры об искусстве, литературе, современных политических событиях.

Цена эрудицию Сухотина, его литературный дар и художественный вкус, Толстой не оставлял без внимания его суждения о своих сочинениях. Нередко зять выполнял роль помощника: разбирал почту, отвечал на письма, держал корректуры, делал переводы иностранных текстов... Иногда Толстой с интересом слушал его рассказы о современных политических делах. 3 марта 1907 г. Сухотин записал в дневнике: «Л.Н. до сих пор повторяет, что ему чрезвычайно жалко, что я ему не буду рассказывать о Думе. Из моих рассказов он всё ясно видит, что там делается, а из описания газет ничего не видит...» (*ТВС*. 2. С. 367).

Сухотин по своим взглядам не был последователем Толстого, но у него хватало такта не вступать в спор и противостояние с тестем. Хорошо понимая и ясно сознавая масштаб личности Толстого, рядом с которым он оказался волею судьбы, 12 декабря 1901 г. в дневнике своём он признавался, что при стремлении «правительства всё привести к кладбищенскому порядку», т.е. к молчанию, Толстой оставался для него «единственным светильником» «в тёмную ночь», «без которого всё погрузилось бы» в «кошмарный, непроглядный и безысходный мрак»: «один Л.Н. имеет право и возможность безо всякого страха и без “эзоповского языка” говорить правду власть предержащим, заступаться за обиженного и оскорблённого, будить совесть у обидчика» (*ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 141-142).

Н.И. Бурнашёва

СУХОТИНА Татьяна Львовна (рожд. Толстая; 1864-1950) – старшая дочь Толстого, художница, мемуаристка. «Когда она тут я её не замечаю только потому, что она точно часть меня, точно она — это я сам. Очень уж она мне близка», — говорил Толстой о старшей дочери (цит. по: Поповкина Т.К. Л.Н. Толстой в рисунках Т.Л. Толстой-Сухотиной // *ЯП*. сб. 1980. Тула, 1980. С. 195).

Толстой с дочерью Татьяной. 1902 г.

Татьяна Толстая, второй ребёнок в семье, родилась в Ясной Поляне, в те годы «непрерывного труда, при наилучших условиях жизни», когда начиналась работа над «Войной и миром». Она впитала эту атмосферу счастья и творчества. «Рождение моей дочери Тани было <...> как праздник, и вся её жизнь была потом для нас, родителей, сплошная радость и счастье. Никто из детей не внёс такого содержания, такой помощи, любви и разнообразия, как наша Таня. Умная, живая, талантливая, весёлая и любящая, она умела вокруг себя всегда устроить счастливую духовную атмосферу и любили же её все — и семья, и друзья, и чужие» (Толстая С.А. *Моя жизнь // ОР ГМТ*).

«С большой любовью вспоминаю я своё детство. И с чувством горячей благодарности думаю о тех, кто окружал меня в эту счастливую пору моей жизни. Я выросла среди людей, любящих друг друга и

меня. Мне казалось, что такое отношение естественно и свойственно человеческой природе. Я так думаю и теперь. И хотя я за свою длинную

жизнь иногда видела злобу и ненависть между людьми, — я знаю, что такое отношение так же неестественно, как болезнь. И так же, как болезнь, происходит от нарушения самых первоначальных законов человеческой жизни.

Так же естественны были и внешние условия нашей жизни. <...> Жизнь в деревне дала мне любовь к уединению, к спокойствию и дала привычку наблюдать и любить природу. Трём людям я особенно благодарна за своё детство: Отцу, руководившему нашей жизнью и поставившему нас в те условия, в которых мы выросли. Матери, в этих условиях украсившей нам жизнь всеми теми способами, которые были ей доступны, и — Ханне, нашей английской воспитательнице, прожившей в нашей семье шесть лет и давшей нам столько любви, заботы и твёрдых нравственных основ. Среди этих трёх людей, занимавших главное место в моей памяти, прошло моё детство». (*Сухотина. Воспоминания. С. 29*).

Первоначальное образование девочка получила дома. Склонности к рисованию проявились ещё в детстве. Сильное впечатление на 9-летнюю Таню произвёл в 1873 г. приезд в Ясную Поляну художника И.Н. Крамского. Толстой пригласил к дочери учителя рисования из Тульского реального училища. С 1882 г. она с перерывами училась (так и не закончив его), в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, где первым её учителем некоторое время был В.Г. Перов, затем художники И.М. Прянишников и Л.О. Пастернак. Кроме того, Татьяна Львовна пользовалась советами И.Е. Репина и Н.Н. Ге, ценивших её способности. Хвалил её умение передать сходство в портретах и Толстой. Требовательная к себе, она понимала, что этого мало для того, чтобы быть настоящим художником. «Моя живопись меня путает — что из неё выйдет? — писала она в дневнике в 1889 г. — Убью много времени, труда, а никогда не дойду до того, чтобы быть в состоянии сказать посредством её что-нибудь хорошее людям. Да я и не довольно хороший человек для этого. Папа вчера написал маленькую статью об искусстве, и по ней я увидела, как мало шансов мне сделаться художником».

Бóльшая и лучшая часть жизни Т.Л. Толстой (46 лет) прошла вблизи Толстого, под влиянием его могучего авторитета. Вместила эта жизнь кроме счастливого детства, юности, учёбы в училище живописи, и педагогическую деятельность, и работу с отцом на голоде... Много души Танюша Толстая отдала издательству «Посредник», где заведовала художественным отделом. За все годы она так и не отважилась создать живописный портрет отца, исполнив лишь копии его портретов работы И.Е. Репина. Но в рисунке она постоянно обращалась к образу Толстого, сделав большой его портрет углем 1910 г. и многочисленные зарисовки отца за разными занятиями. Портрет Толстого 1910 г., исполненный с натуры, вызвал одобрение Репина. По этому поводу он писал Татьяне Львовне: «Я очень обрадовался, что Вы нарисовали портрет Льва

Николаевича; но поддержите его у себя до будущего сезона выставок: этот кончается... Уверен, куда бы Вы ни послали это произведение, оно везде будет принято... Кажется, теперь на всех выставках принимают рисунки и акварели и, следовательно, для Вас выбор большой. Повторяю: Вас везде примут с этой интересной работой. С дружеским желанием Вам побольше деятельности. Искренне преданный Илья Репин» (Репин И.Е. Переписка с Л.Н. Толстым и его семьёй. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 98-99).

Из работ Сухотиной сохранилось много удачных портретов, живописных и графических, родных и близкого окружения, а также серия портретов яснополянских крестьян. Она автор коллекции (около 30) графических портретов Толстого, исполненных карандашом, углем, сангиной. (Только в ГМТ хранится около 300 художественных работ Сухотиной-Толстой.)

В 1899 г. Т.Л. Толстая вышла замуж за Михаила Сергеевича Сухотина (1850-1914). В 1905 г. у неё родилась дочь Татьяна. В 1919 г. Сухотина переехала с дочерью в Москву, где создала небольшую художественную студию для детей в Лопухинском переулке. Тогда же она написала ряд очерков, объединённых в книге «Друзья и гости Ясной Поляны» (М., 1923) и другие произведения.

В годы революции, Гражданской войны и укрепления в России большевистской диктатуры ей удалось многих спасти от тюрьмы и смерти. В 1923-1925 гг. Т. Сухотина была директором ГМТ. В 1923 г. она познакомилась

490

со знаменитым австрийским актёром Моисси, поставившим на сцене «Живой труп» Толстого. Он её уговорил покинуть Россию. Благодаря Масарику, президенту Чехословакии, который был знаком с Толстым, она получила необходимые визы и в 1925 г. со своей двадцатилетней дочерью уехала за границу. Она не думала, что покидает Россию навсегда. Надеялась, что всё переменится, что, надышавшись свободой Запада, она вернётся. После триумфального приёма в Праге, затем в Вене, был Париж. Приезд старшей дочери Толстого в Париж стал событием. Приглашения посыпались со всех сторон: Англия, Испания, Италия, Швейцария, Польша, Голландия, США. В течение нескольких месяцев она исколесила эти страны, читая лекции об отце и особенно о том, что больше всего трогало её сердце, об отношениях между родителями. Она нарушила долгое молчание ради восстановления правды. Лекции пользовались огромным успехом.

В 1929 г. в Париже старшая дочь Толстого открыла Русскую академию, пригласив в неё преподавать живших тогда в Париже русских художников, среди них К.А. Коровина, Б.Д. Григорьева, И.Я. Билибина,

М.В. Добужинского и др. Со многими из них, даже после того как Академия из-за материальных трудностей была закрыта, она не прерывала дружеских отношений. Последние годы Т.Л. Сухотина жила в Риме вместе с семьёй своей дочери; жизнь её была наполнена интересом к любимому делу: «Если что работаю, то только в связи с отцом», - писала она Н.Н. Гусеву в апреле 1948 г. Умерла Татьяна Львовна в 1950 г. в Риме. Значительную часть её архива дочь её, Т.М. Альбертини, передала в дар ГМТ.

Лит.: Жданов В.А. Старшая дочь Льва Толстого И Л.Н. Толстой. Статьи и материалы. - Горький, 1970; Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать // *ЯП. сб.* 1978. - Тула, 1979; Алексеева В.В., Калинина Н.А. Т.Л. Сухотина-Толстая // *Италия и Россия. Русская эмиграция в Италии в XX веке.* - М., 2003.

В.В. Алексеева, Н.В. Зайцева

СУШКОВЫ. — В Москве, в неприметном переулке Старопименовском, под номером 11 сохранился до наших дней небольшой одноэтажный особнячок с мезонином, построенный ещё в начале XVIII в. и принадлежавший купцу Милютину. Расположенный неподалёку от храма Преподобного Пимена Великого, что в Старых Воротниках (так в то время назывался один из центральных районов старой столицы, близ Тверской улицы), этот дом приглянулся Н.В. Сушкову, который снял его под жильё для своей молодой семьи.

Сушков Николай Васильевич (1796— 1871), драматург, поэт и журналист, сын симбирского губернатора В.М. Сушкова и писательницы М.В. Храповицкой, до выхода в отставку в 1841 г. занимал пост минского губернатора. Ещё в 1838 г. в Минске он женился на Дарье Ивановне Тютчевой (1806-1874), родной сестре поэта Ф.И. Тютчева, Давней мечтой Сушкова было поселиться где-нибудь в центре Первопрестольной и на покое заняться литературной деятельностью, принимая у себя по вечерам знакомых и друзей. Так оно в конце концов и получилось, и за этим гостеприимным домом с тех пор закрепилось название «Салон Сушковых».

Один из приятелей Толстого, славянофил и учёный Борис Николаевич Чичерин, так вспоминал об этом замечательном доме: «Своеобразным литературным оттенком отличался салон Сушковых. Они много лет жили на наёмной квартире “у старого Пимена”, и весь их быт представлял что-то старомодное и патриархальное. Сам Сушков был литератор, но совершенно особенного рода, возбуждавший всеобщий смех. Одно из первых моих впечатлений в Москве было то, что вечером у Шевырёва, к которому первый раз повёз нас Павлов, кто-то читал

помещённую в “Москвитянин” статью Сушкова и все неистово хохотали. Впоследствии он стал ставить пьесы на театре, но и они до такой степени были нелепы и неуклюжи, что их ездили смотреть единственно для забавы. Сам он старался всех залучить к себе и с какою-то простосердечною и болтливою развязанностью прижимал к стене новичков своими разговорами о серьёзных предметах. Жена его, сестра поэта Тютчева, добрая и спокойная женщина, краснела иногда за мужа и старалась освободить его жертвы; однако сама она умела заменять его болтовню только крайне бесцветным разговором о самых обыкновенных предметах, высказывая с весьма приветливым тоном ничего не значащие замечания. Но салон оживился, когда они приняли к себе племянницу, младшую дочь Тютчева, Катерину Фёдоровну, девушку замечательного ума и образования...» (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 111). Упоминаемый здесь профессор Московского университета С.П. Шевырёв, историк М.П. Погодин, писатели Н.Ф. Павлов и С.Т. Аксаков и многие другие известные москвичи, представляющие московскую культурную и ли-

491

тературную элиту, были частыми гостями добродушного Сушкова.

В конце 1857 г в салоне Сушковых стал нередко появляться молодой писатель Толстой, рассказы которого о героической обороне Севастополя ещё были у всех на слуху. Но очень скоро и Сушковы, и их многочисленные гости распознали, что не разговоры гостей и радушных хозяев часто привлекают сюда интересного молодого человека, хотя даже сам Толстой боялся себе признаться, что ему молодая хозяйка салона «Тютчева начинает спокойно нравиться». И именно Екатерине Фёдоровне («Китти») салон Сушковых в течение нескольких лет был обязан тем, что его часто посещал писатель. С другой стороны, доброе отношение к Китти Тютчевой (даже больше: откровенная увлечённость ею) и к самим старикам Сушковым возникло под воздействием общей атмосферы этого дома.

Много лет спустя, уже на закате лет Толстого, его молодой приятель в своём дневнике 12 июля 1910 г. записал слова писателя о том добром времени, о котором он, оказывается, никогда не забывал: «В Москве был такой дом Сушковых. Я там часто бывал. Там собиралось интересное общество. Впоследствии, когда мои взгляды изменились, я перестал бывать там...» (запись А.Б. Гольденвейзера).

Г. В. Чагин

СЫТИН Иван Дмитриевич (1851-1934) — русский издатель, книгопродавец. Сын сельского писаря. В 1866 г. поступил мальчиком в лубочную лавку московского купца П.Н. Шарапова. В 1876 г. открыл в Москве литографию, поставлявшую лубочные картины и книги на Никольский рынок. В 1883 г. Сытин организовал издательское товарищество «И.Д. Сытин и К°». С 1884 г. взял на себя издание книг «Посредника», основанного при содействии Толстого для выпуска доступных народу книг. В этом начинании издатель увидел громадную перспективу, которую открывало «сближение народной издательской фирмы с интеллигенцией».

С первых шагов сотрудничества Сытина с «Посредником» Толстой никогда не отказывал ему в помощи и совете. По словам издателя, «Л.Н. Толстой принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок. Любил он ходить ко мне в лавку, особенно осенью, когда начинался “слёт грачей”, как мы называли офеней, которые с первопутком трогались в путь...» (Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1960. С. 64).

По аналогии с сытинским «Всеобщим русским календарём», продававшимся на Нижегородской ярмарке 1884 г., Толстой решил написать и издать «Календарь с пословицами» (1886). В свою очередь успех календаря Толстого натолкнул Сытина на мысль начать издание отрывных календарей. По словам Сытина, писатель отнёсся к его идее «с чрезвычайным вниманием и ободрил <...> своими прекрасными советами» (там же. С. 72). Горячо откликнулся Толстой на попытку издателя выпускать журнал, рассчитанный на крестьянского читателя. В 1888 г. Сытин купил право на издание журнала «Сотрудник» и обратился к Толстому с просьбой помочь в реализации этого начинания. «Я составил себе в голове ясную программу этого журнала и даже стал готовить матерьял», — писал Толстой (64: 221). Однако писатель сомневался в бескорыстии Сытина. Финансовый конфликт Сытина с «Посредником» усилил эти сомнения, хотя В.Г. Чертков убедил Толстого передать Сытину издание дорогих для него произведений — переработанного «Круга чтения» и книги для ежедневного чтения «На каждый день».

После смерти Толстого был создан специальный комитет, занимавшийся обнародованием неизданных произведений писателя и выпуском посмертного Полного собрания сочинений. В состав комитета вошёл и Сытин. После долгих переговоров с семьёй Толстого и Чертковым он получил права на издание литературного наследия Толстого. «Конечно, никаких барышей от этого издания наше Товарищество не получило, — подводя итоги, писал Сытин. — Мы свели лишь концы с концами» (Сытин И.Д. Жизнь для книги. С. 171). Однако издатель лукавил. В октябре 1913 г. «Товарищество И.Д. Сытина»

извещало подписчиков журнала «Вокруг света» о намерении издать бесплатно, в виде приложений, Полное собрание сочинений Толстого — и спрос на журнал был огромный.

Сытин пытался сочетать коммерческие интересы с просветительским делом. Издания Сытина отличались высоким уровнем полиграфии, выходили большими тиражами, были дешёвы; выпускались учебники и учебные пособия. Большое культурное значение имели массовые издания и собрания сочинений русских классиков — А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и др., а также многотомные издания «Отечественная война и русское общество. 1812-1912» (в 7 т., 1911-1912), «Военная энциклопедия» (в 18 т., 1911—1915). Сытин издавал газету «Русское слово» (1897-1917), журнал «Вокруг света»

492

(1891-1917, с 1916 г. - с приложением «На суше и на море» и «Журнал приложений») и др. В 1916 г. Сытин приобрёл большинство паёв издательства А.Ф. Маркса, в том же году популярный журнал «Нива».

К 1914 г. издательство Сытина выпускало четверть всей книжной продукции России. После 1917 г. типографии Сытина были национализированы. Сытин участвовал в становлении советского издательского дела, был консультантом Госиздата РСФСР.

Лит.: Динерштейн Е. А. «Во имя благого дела» (Л.Н. Толстой, И.Д. Сытин и «Посредник»). Книга. Исследования и материалы. — М., 1978.

Т.В. Белова

СЮ Эжен (Sue; 1804-1857) — французский писатель, один из основоположников массовой литературы и создателей романа-фельетона. В молодости отдал дань популярному жанру морского романа (самым удачным в этом ряду стал роман «Саламандра», 1831); именно «морские» сочинения Сю наиболее часто издавались в России 1830-х гг. и в целом сочувственно принимались критикой. Сю пробовал свои силы в историческом романе («Латреомон», 1837), затем переключился на «салонный» социально-психологический роман (переведённая на русский язык в 1852 г. и высоко ценимая Ф.М. Достоевским «Матильда», 1841). Однако наиболее известные его сочинения относятся к социально-авантюрной разновидности романа: «Парижские тайны» (журнальная публикация завершилась 15 октября 1843 г.; русский перевод вышел уже в 1844 г.) и «Вечный Жид» (1845). Активный политик в период Второй республики, Сю после переворота Луи Бонапарта (1851) оказался в опале

и последние годы жизни провёл в окрестностях самого живописного из городов Франции — Аннеи (Толстой за несколько месяцев до кончины Сю некоторое время находился совсем недалеко от Аннеи — в Женеве).

Первое (и единственное) упоминание имени Сю в художественных сочинениях Толстого находим в повести «Юность»: Николенька Иртеньев, главный герой автобиографической трилогии, в шестнадцатилетнем возрасте отдал дань увлечению французской беллетристикой. «В то время только начинали появляться Монтекристы и разные “Тайны”, и я зачитывался романами Сю, Дюма и Поль де Кока». Под «разными “Тайнами”» здесь, очевидно, подразумевалось не только самое знаменитое из сочинений Сю «Парижские тайны» и тем более не созданная позднее писателем монументальная историко-политическая сага «Тайны народа» (1849-1856), а, скорее всего, многочисленные подражания Сю (можно сказать, что «городские тайны» становятся, с лёгкой руки Сю, массовым чтением во Франции, Англии, Италии, России и др. европейских странах). Массовое чтение способствовало развитию воображения юного героя Толстого, который «все самые неестественные лица и события» воспринимал как нечто вполне реальное. И лишь оказавшись в студенческом кружке Зухина, он открыл для себя иной пласт словесности, в т.ч. и французской: «они презирали равно Дюма, Сю и Феваля», предпочитая им, в частности, Лесажа. Таким образом Толстой по праву ставил здесь Сю в один ряд с другими лидерами массовой литературы середины XIX в.

Имя Сю неоднократно появлялось в дневниках Толстого: впервые оно упомянуто весной 1851 г. Воспроизводя свою беседу с неназванным приятелем, который придавал большое значение собственному «положению» и, в частности, костюму, Толстой цитировал его слова: «так же, как герой одного романа Эжена Сю разделял свои дни на ясные и дождливые, я разделяю свои на дни с цельной сорочкой и на дни с пристежным воротничком» (Толстой цитировал по-французски). Здесь имелся в виду один из лучших романов Сю «Артюр (Дневник неизвестного)», опубликованный отдельным изданием в 1839 г. и связанный с традицией романтической интроспекции (самонаблюдения). В дневнике главного героя, графа Артюра, мемуарная часть перемежается отступлениями, написанными по горячим следам тех или иных событий и озаглавленными «солнечные дни».

Годом позже (запись 16 апреля 1852 г.) Толстой во время болезни «читал Вечного Жиды, Ермака и предание о Петре Великом» и признавался, что «есть какое-то особенное удовольствие читать глупые книги; но удовольствие апатическое». «Вечный Жид», известный в России под названием «Агасфер», назван здесь в ряду журнальных статей (что нельзя считать случайным, учитывая публицистический пафос этого сочинения Сю, направленного против иезуитов).

2 июля 1854 г. в дневнике записано, что «читал Gilbert и Gilberte» — этот малоизвестный роман Сю «Жильбер и Жильберта» (1853) оказался в поле зрения Толстого вскоре после выхода в свет, но никак не прокомментирован. Между тем речь идёт о совершенно не типичном для автора «Парижских тайн» соединении социально-психологического рассуждения с волшебной сказкой. Негативная оценка

493

неназванного романа Сю звучит в дневниковой записи 18 августа 1856 г. («читал глупый роман Eugene Sue» - 47: 90).

В беседе Толстого с В.Ф. Лазурским 2 июля 1894 г. речь зашла о французской литературе; Толстой ностальгически вспоминал о нашумевших в своё время книгах: «При мне выступил Eugène Sue, наделавший много шума, пустивший в ход слово “пауперизм” (“Les mystères de Paris”»)» (Лазурский В.Ф. Дневник // ТВС. 2. С. 62). Как видно, «Парижские тайны» теперь воспринимались писателем в первую очередь не как литературный, но как социально-политический феномен.

О «полном забвении» произведений Сю к началу XX в. (вкуче с сочинениями Ж. Санд, Фурье, Канта, Гегеля и Дарвина) говорил Толстой в статье «О Шекспире и о драме». То же записал в своём дневнике Д.П. Маковицкий через год: «Золя через десять лет будет забыт, как Eugene Sue», — заметил Толстой 6 марта 1905 г. Между тем именно в 1904 г. А.С. Суворин выпустил переиздание «Агасфера» — романа, который неизменно привлекал массового русского читателя и в XX в.

К.А. Чекалов

СЮТАЕВ Василий Кириллович (1819-1892) — знакомый Толстого, «крестьянин с радикальными христианскими взглядами» (69: 174), сектант. Считал, что Бог живёт в самом человеке: «всё в тебе», как он выражался (79: 89), «где любовь, там и Бог». Толстой признавал совпадение взглядов Сютаева со своими взглядами.

Познакомился Толстой с Сютаевым в 1881 г., заехал к нему в деревню Шевелино в Новоторжском уезде Тверской губ. В январе 1882 г. Сютаев приехал в Москву и некоторое время жил у Толстых в доме. «Это был небольшого роста крестьянин с жидкой русой бородкой и добрыми глазами, опрятно одетый в чёрный полушубок, — вспоминал старший сын Толстых СЛ. Толстой. — Я только впоследствии у духовоборов встречал людей такой духовной красоты, каков был Сютаев. В нём были черты Платона Каратаева (“Война и мир”): та же мягкость, незлобивость и благоволение к людям и животным. Но, кроме того, у него был большой ум: он самостоятельно додумался до своей веры, в которой был глубоко

убеждён. Она была основана на христианстве, понимаемом как чистая индивидуальная этика. И он свои убеждения применял к жизни, стараясь жить “по-Божьи”. Он отрицал церковное учение и не ходил в церковь, отрицал воинскую повинность. Его сын, призванный по набору, отказался от присяги, за что был заключён в Шлиссельбургскую крепость. Он добровольно не платил податей, но не противился их взысканию и не имел замков в своём доме. <...> При чуждых ему людях, “господах”, в барской обстановке, он нисколько не стеснялся, вёл себя с большим достоинством и говорил что думал» (*Очерки былого*. Гл. «Первая зима в Москве. (1881-1882)»).

Позднее Сютаев не раз бывал в Хамовниках и в Ясной Поляне и переписывался с Толстым до самой своей смерти. Писатель очень часто ссылаясь на Сютаева, упоминая в письмах и своих сочинениях его заповедь «всё в тебе». Писал о нём в трактате «Так что же нам делать?». Вспоминал Толстой Сютаева и после его смерти. 3 июня 1905 г. Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике рассказ Толстого: «Я был у него с Бакуниным. У них было всё общее; старуха 52-х лет; здоровенная; спросил её, чей платок у неё на голове, жёлтый. — “Невесткин”. А Сютаев сказал: “У нас, у мужчин, у каждого своё платье, а у них, у баб, сундук общий”. Он был пастух, хотя сыновья зарабатывали по 50 рублей в месяц; он смотрел на скотину, как на меньших братьев, с которыми следует обходиться внимательно. Вёз меня на телеге, лошади сытые, саврасая и серая. Спрашиваю: “А где у тебя кнут?” — “Нет, кнута не надо”. Самобытный крестьянин, объяснивший себе, как жить, с решительностью. <...> Кроткий, жизнерадостный. Говорил: “Давайте петь. Когда жизнь устроится, будем радоваться (петь)”» (*ЯПЗ*. 1. С. 302). Н.Н. Гусев 12 декабря 1908 г. записал в своём дневнике: «И вчера и сегодня Лев Николаевич перечитывал статью Пругавина о Сютаеве. Сегодня <...> он сказал мне: “Я весь полон Сютаевым. Вот истинное просвещение!.. Безграмотный, а всё знает. Всё, что я пишу теперь, это дурным языком пересказываю то, что у него сказано ясно... Немного он не освободился от некоторых суеверий...”» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 222-223).

В самом начале 1880-х гг. И.Е. Репин создал живописный портрет Сютаева. Т.Л. Толстая сделала копию этого портрета, которая очень нравилась Толстому. «Танина копия репинского портрета Сютаева очень хороша, — говорил он, — мутные глаза — как живые. Иногда вечером смотрю на него. Хотелось бы писать о нём. Пругавин писал о нём поверхностно» (запись 3 июня 1905 г.; *ЯПЗ*. 1. С. 302).

Н.И. Бурнашёва

Т

ТАНЕЕВ Сергей Иванович (1856 - 1915) — композитор, пианист, дирижёр, педагог, учёный, музыкально-общественный деятель. В мае 1875 г. Танеев окончил курс консерватории по фортепиано у Н.Г. Рубинштейна и по композиции у П.И. Чайковского. Он первым в истории Московской консерватории был удостоен высшей награды — большой золотой медали. Его имя и сейчас можно видеть на почётной доске возле Малого зала консерватории.

Творчество Танеева, пианиста-виртуоза, отмечено философской направленностью, сдержанностью, полифоническим мастерством. Его тонкие, нервные и сухие руки, так не гармонировавшие с рыхлой и тучной фигурой, способны были творить чудеса, позволяя доводить исполнение до крайней беглости, как в простом движении, двойных нотах и октавах, так и в быстрых аккордовых пассажах. Лучший, любимый ученик Чайковского и Рубинштейна, он сам стал учителем С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина, Н.К. Метнера... Профессор Московской консерватории (с 1881; в 1885-1889 директор), один из основателей Народной консерватории в Москве (1906), он преподавал не только в консерватории, но и бесплатно частным ученикам, нарушив это правило лишь осенью 1905 г., когда согласился на получение денег, чтобы они пошли на поддержку семейств бастующих рабочих.

Танеев-композитор — автор оперы «Орестея», 4 симфоний, нескольких ансамблей для струнных и фортепиано, квартетов, множества хоров, романсов, вокальных ансамблей и др. сочинений. В память своего учителя Н.Г. Рубинштейна он написал кантату «Иоанн Дамаскин» и был первым исполнителем трио «Памяти великого художника» Чайковского. В марте 1879 г. Танеев участвовал в подготовке первого исполнения силами учащихся Московской консерватории оперы Чайковского «Евгений Онегин». В некрологе о своём учителе Танееве Рахманинов писал: «Композитор-мастер, образованнейший музыкант своего времени, человек редкой самобытности, оригинальности, душевных

качеств, вершина музыкальной Москвы. <...> Для всех нас, его знавших и к нему стучавшихся, это был высший судья...» (Рахманинов С.В. Литературное наследие: В 3 т. Т. I. М., 1978. С. 68).

Танеев в течение многих лет был близок к семье Толстых. Он бывал и играл в хамовническом доме. В 1895 г. вместе со своей няней П.В. Чижовой, опекавшей его всю жизнь, провёл целое лето в Ясной Поляне. Дневник Танеева сохранил об этом много интересных подробностей. Музыкант записывал все свои разговоры с Толстым, беседуя с ним на самые разные темы. В дневнике Танеев нередко комментировал эти беседы, подчас критически. Человек необычайно пунктуальный, честный, он объективен и точен в передаче этих бесед. 18 августа 1895 г. он записал: «После ужина проиграл игру в шахматы Льву Николаевичу. Играл прелюдию и полонез A-dur Шопена. Обнаружилось, что Л.Н. сочинял. Я просил его сыграть его сочинение, но он колеблется» (Танеев С.И. Дневники: В 3 кн. М., 1981-1985. Кн. 1. С. 125). 19 февраля 1906 г. Танеев записал «Вальс», как считается, сочинённый самим Толстым ещё в юности.

И в Ясной Поляне, и зимой в хамовническом доме Танеев часто играл для Толстого и

495

членов его семьи сочинения Баха. Моцарта, Бетховена, Шопена. Иногда и собственные сочинения. Из дневника композитора 1896 г. известно, что Танеев с Толстым играли в 4 руки две части из симфонии Моцарта. Не раз Танеев и Толстой играли в шахматы.

С.И. Танеев и А.Б. Гольденвейзер
Ясная Поляна, 1906 г.

5 февраля 1889 г. Т.Л. Толстая писала брату С.Л. Толстому, что Танеев в этот день играл и всех «взбудоражил своей музыкой» (цит. по: *Лев Толстой и музыка*. С. 136). 15 февраля она отметила в своём дневнике: «Недавно был у нас Танеев и играл. Я в этот день утром была в тоске и бродила вокруг фортепьяно, тужа, что ни сама, ни кто из домашних не играет. Так мне хотелось музыки, что я стала придумывать, к кому бы пойти, чтобы послушать музыку. Но осталась дома, и вдруг приходит Танеев и, разговаривая с папá об Аренском, предложил сыграть ему несколько вещей, потом сыграл вещьцу Чайковского, “Barcaroll’у”, Рубинштейна и потом говорит: “Хотите Бетховена?” Мы все заахали от радости, и он сыграл “Appassionat’у”. С первых же нот мы все улетели куда-то, я ничего не видала, забыла себя и всё, что до этого было на свете, только чувствовала эту громадную вещь, и лицо мне корчило так, что я не смогла удержать его мускулы на месте и уткнулась лбом в спинку стула. Когда он кончил, папá вышел из своего угла совсем заплаканный, у Леночки было испуганное лицо, и когда мы заговорили, у всех голоса были хриплые и чужие. Я думаю, что Танеев был в этот вечер в ударе и не всегда так играет. Бетховен, наверное, когда писал эту сонату, именно так себе её воображал, её лучше или иначе сыграть нельзя, то есть не должно» (*Сухотина. Воспоминания*. С. 192),

В дневниках Толстого имя Танеева появилось 18 апреля 1889 г., но когда именно произошло их личное знакомство и при каких обстоятельствах, неизвестно. Крайне раздражённая дневниковая запись Толстого о Танееве, очевидно, вызвана тоном Танеева в его дискуссии с писателем. Танеев ни при каких обстоятельствах не приспособился к своему мнению высказывал прямо. Толстой записал тогда: «Куча писем, которые буду читать после обеда. Помешал Танеев. Читал ему об искусстве. Он совершенно невежественный человек, усвоивший бывшее новым тридцать лет тому назад эстетическое воззрение и воображающий, что он находится в обладании последнего слова человеческой мудрости. Например: чувственность — это хорошо. Христианство — это католические догмы и обряды и потому глупость. Греческое мирозерцание — это высшее и т.п. Приехал Горбунов. И я не мог с ним поговорить. Танеев надоел» (50: 69).

В дневнике В.Ф. Лазурского 9 июля 1894 г. есть запись суждения Толстого о современных композиторах: «Я их решительно не понимаю. Был у меня Танеев, играл свой квартет, и для меня всё в нём — и аллегро и скерцо — всё шум, и только» (*ТВС*. 2. С. 66).

Спорил Толстой с Танеевым по поводу Вагнера. Т.Л. Толстая писала: «Вчера были на “Зигфриде”... Папá не досидел второго акта и с бранью, которая продолжалась и нынче вечером, с Сергеем Ивановичем, убежал из театра» (*Сухотина. Воспоминания*. С. 226).

После смерти младшего сына Ванечки С.А. Толстая «стала искать внешних развлечений и одно время нашла их в музыке», — рассказывал И.Л. Толстой. Она «стала ездить в Москву на концерты и, как институтка, увлекалась Гофманами, Танеевыми и другими. Отцу всё это было очень тяжело, но он понимал, что для матери это увлечение было соломинкой, за которую хватается утопающий...» (Толстой И.Л. Гл. XXX). Толстого раздражала привязанность С.А. Толстой к Танееву. Тем не менее летом 1895 г. музыкант жил в Ясной Поляне во флигеле, где много работал, в т.ч. и над завершением неоконченных сочинений Чайковского, и много играл для всех обитателей Ясной Поляны. Толстому нравилась игра Танеева, исполнение им музыки Моцарта, Бетховена, из современных — Аренского. К сочинениям же его он относился неоднозначно: так, опера «Орестея» ему не понравилась. Бóльшая часть записей Толстого и членов его семьи об игре в их доме Танеева относится к его исполнению музыки других композиторов.

П.Е. Вайдман

ТЕККЕРЕЙ Уильям (Thackeray William Makepeace; 1811-1863) — английский писатель. В яснополянской библиотеке

496

сохранились семь сочинений Теккерея, изданных, в основном, в серии «Collection of British Authors». К творчеству Теккерея Толстой обращался в разные периоды своей жизни. В июне 1855 г. он читал романы «Esmond's Life» («Жизнь Эсмонда»), «The History of Pendennis» («История Пенденниса») и «Vanity Fair» («Ярмарка тщеславия»), в июне 1856 г. — «Newcomes» («Ньюкомы»). В рассказе «Севастополь в мае» (не без влияния изображённого Теккереем в своих романах современного английского общества как «ярмарки житейской суеты») он размышлял о тщеславии как «особенной болезни» века, от которой страдал и сам. Теккерей завершал роман, обращаясь к Экклезиасту, что придаёт особое философское звучание финалу: «Ах, Vanitas Vanitatum! Кто счастлив в этом мире?» (Thackeray W.M. Vanity Fair. NY, 1991. P. 754). Толстой в «Севастополе в мае» словно продолжал тему, волновавшую английского романиста: «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде <...>. Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу, про страданья, а литература нашего века есть только бесконечная повесть снобсов и тщеславия?». Здесь можно говорить о влиянии этого крупнейшего «викторианского» романиста на молодого писателя. Толстой читал «Ярмарку тщеславия», этот «Роман без героя», в то же самое время,

когда его открывал для себя и английский читатель. В «Ярмарке тщеславия» увидели продолжение глубочайшего анализа пороков общества, начатого Теккереем ещё в «Книге снобов». Толстой, вероятно, уже был знаком с этим произведением. В письме к В.В. Арсеньевой 19 ноября 1856 г. он рекомендовал ей для чтения «Ярмарку тщеславия» на французском языке. А в декабре интересовался: «Что это вы молчите про Диккенса и Теккерей, неужели они вам скучно...» В конце жизни Теккерей заметил: «нашими книгами являются дневники» (цит. по: Ferris, Ina. W.M. Thackeray. Boston, cop. 1983. P. 43), с чем Толстой определённо согласился бы: 22 октября 1853 г. он записал: «Гораздо лучше писать всё в дневнике, который стараться вести регулярно и чисто, так чтобы он составлял для меня литературный труд, а для других мог составить приятное чтение». И «История Пенденниса», которую Толстой читал частями в журнале «Современник» в 1854 г., очень напоминала дневник, а юность главного героя во многом напоминала юность самого Теккерей. Автобиографическая трилогия Толстого, как и «История Пенденниса», является характерным образцом так называемого «романа развития», процветавшего в европейской литературе на протяжении всего XIX в., с характерным для этого романа фокусированием внимания на внутренней жизни молодого человека, его взрослении, духовном развитии. «Пенденнис» стал образцом для всех последующих романов Теккерей, которые строятся вокруг фигуры главного героя — формирующегося молодого человека. Хотя Теккерей не считается проводником каких-либо общественных идей, тем не менее в «Истории Пенденниса» отражаются настроения эпохи, времени сомнений и скепсиса, разрушения авторитетов, включая религиозные, что несомненно ощущал в эти же годы Толстой. Одновременно с «Пенденнисом» Толстой читал «Историю Генри Эсмонда», вероятно, порусски в «Современнике». Теккерей начал работать над «Эсмондом» сразу же после «Пенденниса». В этот раз он вёл повествование от третьего лица, лишь иногда переключаясь на «я» и «мы», что особенно важно для создания атмосферы размышления и о собственной жизни, и о жизни человечества в целом. Впечатления от этого чтения мало отразились в дневнике Толстого, но бесспорно, что погружение в «умный» XVIII в. оказало влияние на молодого писателя: Толстой, с его обострённым интересом к истории, не мог не оценить роман о «рациональном» XVIII в., где место религии постепенно занимала история.

Г.В. Алексеева

ТИМИРЯЗЕВ Климент Аркадьевич (1843-1920) — русский учёный-ботаник, продолжатель учения Дарвина и популяризатор его; основоположник учения о фотосинтезе.

22 апреля 1887 г. Тимирязев прочёл в московском Политехническом музее лекцию «Опровергнут ли дарвинизм?», направленную против книги Н.Я. Данилевского «Дарвинизм» и статьи Н.Н. Страхова «Полное опровержение дарвинизма». Страхов сообщал Толстому 25 апреля 1887 г.: «Грот мне пишет, что лекция Тимирязева “Опровергнут ли дарвинизм?” была очень язвительна и резка против Н.Я. Данилевского и меня и кончилась стоном и рёвом восторга слушателей. Наконец они говорят, но — какое оружие — публичная лекция! Нечего делать, нужно готовиться к борьбе и пошире расставить ноги» (ЛСПТС. С. 737). Борьба не замедлила проявиться в журнальных публикациях. 27 мая 1889 г. Толстой читал майскую книжку «Русской мысли» со статьёй Тимирязева «Бессильная злоба антидарвинистов (по поводу статьи Н.Н. Страхова

497

“Всегдашняя ошибка дарвинистов”»)» Работа Тимирязева продолжала печататься в июньском и июльском номерах журнала. 14 июня 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Читал критику на него <Страхова. - В.А.> Тимирязева и ужаснулся» (50: 95). Запись относится к ожесточённой полемике, возникшей между отстаивавшим материализм в науке и дарвинизм в естествознании Тимирязевым и антидарвинистом, идеалистом Страховым, который поддерживал нападки на дарвинизм, содержащиеся в первом томе книги Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование».

19 августа 1890 г. запись в дневнике Толстого: «Ещё думал: Страхов и Тимирязев хорошие, порядочные люди и вот ругаются. Отчего? От науки, как мужики от вина; стало быть, наука их скверная» (51: 79). Толстой написал Страхову 21 апреля 1889 г.: «Впрочем, Бог с ним и с Дарвином. Надеюсь, вы не обидитесь, что скажу, что это всё, то есть то, что мы думаем о том, как произошли виды, не только не важно, но что даже совестно нам, старым людям, готовящимся предстать там Тому, даже стыдно и грешно говорить и думать об этом».

В яснополянской библиотеке Толстого хранятся книги Тимирязева: Жизнь растения. Десять общедоступных чтений. М., 1894; Земледелие и физиология растений. Ч. 1-2. М., 1893; Публичные лекции и речи. М., 1888; Чарльз Дарвин и его учение. М., 1894. Хранится и оттиск статьи «Физиология растений как основа рационального земледелия» (Мир Божий. Б.г. № 1. Отд. 1). Все эти работы — с дарственными надписями автора. Почти все книги носят следы чтения их Толстым.

В.В. Алексеева

ТИЩЕНКО Фёдор Фёдорович (псевд.: Ф. Тарасенко; 1858-?) — украинский писатель; крестьянин Харьковской губ. Корреспондент и адресат Толстого. Первое письмо Тищенко отправил Толстому в январе 1886 г. Начинаящий писатель привлёк внимание Толстого своей искренностью: «...вы имеете способность чувствовать за других и словами связно и ясно выражать эти чувства, и потому полагаю, что вы можете быть полезным людям писанием, если только вы в своём писании будете руководствоваться любовью к людям и истиной» (63: 325), — отвечал Толстой. Ему было важно, что Тищенко работал на земле и жил с семьёй в родной деревне: «Живу бедно в своём отцовском домике, в родной деревне, имею шесть десятин надельной крестьянской земли... В детстве я пас коров и лошадей своего отца и учился в сельской школе.

Затем случайно попал в гимназию. Рано во мне появилась страсть к литературе... к стыду своему, я должен сознаться, что, будучи Вашим почитателем, я до сих пор, однако, не мог прочесть «Войны и мира» и «Анны Карениной» — это вещи дорогие, и я не встречал их в обращении между своими знакомыми». Тищенко обратился к Толстому с просьбой прочитать его повесть «Грешница» и помочь опубликовать её (опубл.: Русское богатство. 1886. № 7-8).

Активная переписка Толстого (известно 9 писем) с Тищенко (известно 26 писем) велась в пору работы Толстого над трактатом об искусстве. Творчество писателей из народа, в числе которых был и Тищенко, служило Толстому основанием для создания концепции искусства. Так, в трактате «Что такое искусство?» Толстой упоминал рассказ Тищенко «Ржаной хлебушко — калачу дедушка»: «...чтение романов и повестей Золя, Бурже, Гюисманса, Киплинга и других, с самыми задирающими сюжетами, ни одной минуты не тронуло меня, но мне всё время досадно было на авторов, как бывает досадно на человека, который считает вас столь наивным, что не скрывает даже того приёма обмана, на который он хочет поймать вас. <...> От рассказа же неизвестного автора о детях и цыплятах я не мог оторваться, потому что сразу заразился тем чувством, которое, очевидно, пережил, испытал и передал автор» (30: 145-146). Вопросы, затронутые в переписке, касались, в первую очередь, проблем творчества. Общение с Тищенко укрепляло Толстого в правильности своей эстетической позиции, а Тищенко, мечтавший стать писателем и лично познакомиться с самыми крупными современными писателями, учился техническим приёмам письма. Толстой внимательно прочитывал и редактировал рукописи молодого писателя, указывал на достоинства, к которым относил «живое, образное описание событий», «знание быта» (63: 325), а также усматривал в нём «признаки истинного таланта - правдивость и чувство меры» (64: 69). Недостатки, по мнению Толстого, были «почерпнуты <...> из нашей господской и ничтожной литературы»

(63: 325) и касались композиционного и стилового оформления произведений. В письмах Толстого содержались критические разборы произведений и рекомендации по исправлению недостатков: «Зачеркните всё от пистолета и продолжайте так же, как вы начали, — живите жизнью описываемых лиц, описывайте в образах их внутренние ощущения; и сами лица сделают то, что им нужно по их характерам сделать...» (63: 424). Толстой

498

убеждал Тищенко, что его произведения должны быть адресованы широкому кругу читателей, а не избранной публике: «Общий вывод мой тот, что если вы верите в истину (истина одна — учение Христа), то вы можете писать хорошо; но только при том непременном условии, чтобы иметь в виду не исключительную публику образованного класса, а всю огромную массу рабочих мужчин и женщин» (63: 326). В этих письмах Толстой высказывал строгие суждения о писательстве, предостерегал от «легкомысленного отношения к искусству», когда оно превращается в забаву. Постоянная тема писем, обращённых к Тищенко, — недопустимость ожидания материальных выгод от литературной работы. Так, в 1886 г. он писал: «Избави вас Бог от того, чтобы сделать своё писание средством приобретения денег. Дело в том, чтобы не погрешить словом, а употреблять его на пользу людям. От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. За всякое слово праздное дашь ответ в день Суда» (63: 325). Развивая эту тему, в 1894 г. Толстой писал: «Как и во всех делах, “тише едешь, дальше будешь”. Гораздо выгоднее, даже в материальном отношении, — если вы уже непременно хотите зарабатывать хлеб этой опасной для души литературной работой, — подвергнуть свою работу самой строгой своей критике, не сучая этим, переделать её 10, 20 30 раз, откинуть всё лишнее, очистить до конца, и тогда только отдать её в печать. Тогда устанавливается репутация и можно добывать и этим опасным путём средства к жизни...» (67: 263-264).

С 1890 г. переписка Толстого с Тищенко прервалась на несколько лет и возобновилась весной 1894 г. Он опять присылал Толстому новые рассказы, объяснял причину своего молчания административной ссылкой. В этом же году состоялось личное знакомство Тищенко с Толстым. Стараниями Толстого в 1896 г. Тищенко с семьёй переехал в Москву, устроился служащим на Московско-Курскую железную дорогу, с 1899 г. работал в Московской городской управе. Однако, несмотря на стабильное материальное положение, семья Тищенко распалась: жена оставила его с семерыми детьми.

За эти годы кроме повести «Грешница» Толстой помог Тищенко напечатать повести «Семён-сирота и его жена» (Вестник Европы. 1888. № 1), «Хлеб насущный» (Русское обозрение. 1897. № 10). В 1903 г. Тищенко издал том своих сочинений и опубликовал воспоминания «Как учит писать гр. Л.Н. Толстой».

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

ТОКУТОМИ Рока (наст. имя: Кэндзиро; 1868-1927) – японский писатель; в 1886 г. принял христианство, в 1897 г. написал первую в Японии книгу о жизни и творчестве Толстого («Толстой»), в 1906 г. посетил Толстого, под его влиянием в 1907 г. переселился в деревню и всю жизнь занимался крестьянским трудом. Уникальность жизни и творчества Токутоми в том, что он над самим собой поставил эксперимент, пытаясь узнать, насколько человек может раскрыть себя, «стать голым».

Токутоми происходил из знатной, но довольно развращённой семьи. Сложными были его отношения с матерью и старшим братом Иитиро (Токутоми Иитиро, псевд. Сохо; 1863-1957 – крупный журналист, тоже посетитель, корреспондент и адресат Толстого). В 1903 г. Рока писал брату, так определяя корень их разлада: «...ты силен по натуре и любишь силу, а я, слабак, сочувствую слабым» («Прощание с братом»). Тем не менее ему, «слабому и пассивному, никуда не годящемуся», по словам матери и брата, приходилось работать под покровительством брата в его консервативной газете «Кокумин-симбун» (1889-1903). В такой тупиковой ситуации он узнал о Толстом.

В 1897 г. Токутоми опубликовал книгу «Толстой». Автор считал Толстого фаталистом, так как и в «Анне Карениной», и в «Войне и мире» он часто и очень живо описывал реализацию вещей снов, предчувствий, знамений. Токутоми был уверен в том, что, по Толстому, желаниями, стремлениями и страстями человека наделяет судьба. Если случайно «возникшее у тебя желание совпадает с общим законом природы – это счастье, если нет – это несчастье». Одним словом, в жизни везде открываются невидимые «чёрные дыры», и тому, кто попадает в них, просто беда! Однако, считал Токутоми, Толстой, глядя прямо в глубь мира и человека, приходя к такому безнадёжному выводу, со всей силой борется с этой фатальностью. Его средство борьбы, «толстовство», отражая сложность борьбы, «в некоторых отношениях становится намного радикальнее нигилизма и терроризма». Толстой, по Токутоми, настоящий реалист-идеалист.

В книге о Толстом раскрылся литературный талант Токутоми, и далее в 1898-1901 гг. он одно за другим пишет важнейшие произведения

первой половины своей творческой жизни. Об одном из них, повести «Хототогису (Нами-ко)», Толстой «сказал, что художественно — подражание “европейским писателям и мне”, нравственно — низок. Герой — моряк, сражающийся отважно...» И ещё заметил: «Токутоми —

499

самый выдающийся японский писатель, я грешен, я ему не ответил. По-английски надо, а трудно» (11 марта 1906 г.; *ЯПЗ*. 2. С. 75). Это говорил Толстой о январском письме Токутоми (1906 г.), первом его письме Толстому. «...Я решил никогда больше не мириться с кровопролитием <...>. Мы решили, что впредь будем жить простой жизнью любви — любви к Богу и любви к человеку», — писал Токутоми и подписал своё письмо так: «Ваш последователь, Кэндзиро Токутоми» (цит. по: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 270).

30 июня 1906 г. японский писатель приехал в Ясную Поляну. Воспоминания об этом паломничестве «Пять дней в Ясной Поляне» переведены на русский язык (*ТВС*. 2. С. 320-338). Разговаривая с гостем на разные темы, Толстой настойчиво убеждал его жить крестьянским трудом: «Тот, кто обрабатывает землю, кто в поте лица добывает свой хлеб, тот не нуждается в поддержке земной власти» (*ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 199).

Л.Н. Толстой и Токутоми Рока. На козлах — А. Л. Толстая
Ясная Поляна, 1906 г.

И Токутоми, приехав домой, действительно переселился в деревню Касуя (близ Токио) и пытался жить крестьянским трудом. В это время он очень активно реагировал на социально-политические проблемы, в частности, на покушение на императора. Узнав о смертном приговоре для 12 «преступников», он написал открытое письмо императору и, выступая в Первой высшей нормальной школе в Токио, резко протестовал против правительства, как и его Учитель во время убийства Александра II. Токутоми Рока, бывший «слабак», стал единственным человеком во всей Японии, кто имел смелость публично осудить правительство в связи с этим событием.

Позднее и образ жизни и мировоззрение Токутоми изменились, и он отошёл от толстовства, но никогда не прекращал в душе диалога со своим «вторым отцом»: Толстой навсегда остался для него моральной опорой. И главный стержень своей жизни — быть предельно открытым и правдивым — Токутоми осваивал тоже именно через него. Японцы видели в нём Толстого и называли и называют его «японским Толстым».

Лит.: Громковская Л.Л. Токутоми Рока: отшельник из Касуя. — М., 1983; Абэ Гундзи. Толстой и Токутоми Рока. — Изд-во «Сайрюся», 1989 (на япон. яз.).

Ю. Сапо

ТОЛСТАЯ Александра Андреевна (1817-1904) — двоюродная тётка Толстого, дочь графа А.А. Толстого, младшего брата деда Толстого Ильи Андреевича, камер-фрейлина императорского двора, долгие годы была другом Толстого. Их переписка продолжалась 47 лет.

Графиня А.А. Толстая принадлежала к высшему кругу русской аристократии. Её отец с 1826 г. служил при дворе; должность советника Царскосельского дворцового правления он получил благодаря В.А. Жуковскому. Сама А.А. Толстая дружила с младшей дочерью Н.М. Карамзина Лизой. Отрочество и юность её прошли в Царском Селе, «под знаком Пушкина»: девятилетней девочкой она танцевала с поэтом на домашнем балу. Это событие стало для неё знаковым — с него А.А. Толстая начинает повествование о своей жизни в «Воспоминаниях». На петербургских балах и в салоне Карамзиных она встречалась с Лермонтовым. Дружеские и родственные отношения связывали семью Толстых и с кругом людей искусства: двоюродным братом А.А. Толстой был Ф.П. Толстой, вице-президент Академии художеств.

А.А. Толстая получила домашнее образование, имела успех в петербургском свете: она владела тремя европейскими языками, увлекалась рисованием и музыкой, обладала красивым голосом, прекрасно пела. После смерти отца она получила высокое назначение —

стала фрейлиной дочери Николая I великой княжны Марии Николаевны и в 1846 г. поселилась в верхнем этаже Мариинского дворца. С этого момента судьба её оказалась навсегда связанной с императорским домом. В 1866 г. она заменила А.Ф. Тютчеву на посту воспитательницы единственной дочери Александра II великой княжны Марии Александровны и с этого времени до последних лет жизни жила в Зимнем дворце; в свите императора бывала на приёмах дипломатического корпуса, наблюдала королей, посланников иностранных государств.

Прожив долгую жизнь (86 лет), А.А. Толстая стала свидетельницей царствования четырёх российских императоров:

500

Николая I, Александра II, Александра III, Николая II. Находясь рядом с членами царской семьи, преданно служа им, она наблюдала изнутри не только их домашнюю (порой драматическую) жизнь, но и трагические моменты русской истории. Свои впечатления и размышления о придворной жизни и событиях русской истории она изложила в мемуарах «Печальный эпизод из моей жизни при дворе», которые после её смерти хранились в собрании рукописей Зимнего дворца (опубликованы в 1993 г). В центре Записок — драматические события последних лет жизни Александра II.

А.А. Толстая была глубоко верующим человеком, главным смыслом её жизни было служение — близким и дальним. Не имея своей семьи, она нежно любила приёмную дочь брата Ильи Пашеньку и тяжело пережила её раннюю смерть; занималась благотворительностью: была попечительницей «Дома милосердия для несовершеннолетних девушек, имевших несчастье впасть в порок» (обитательниц этого приюта она называла своими «Магдалинами»), посещала больницы для бедных, тюрьмы, хлопотала за политических заключённых. Вместе с тем до конца жизни она оставалась придворной дамой, была принята в самых высоких кругах. Путешествуя по Европе, она в Германии встречалась с Бисмарком, в Англии обедала с королевой Викторией, в Париже посещала приёмы Наполеона III. Она пользовалась большим уважением в царской семье и после окончания службы при дворе в 1874 г. была отмечена высшей наградой — принята в число дам императорского ордена Святой Екатерины и получила пожизненное право занимать покои в бельэтаже Эрмитажного дворца.

На склоне лет А.А. Толстая много занималась литературным трудом. Поддерживала дружеские связи со многими русскими писателями, хранила их письма. Почти 20 лет продолжалась её дружба и переписка с

И.А. Гончаровым, И.С. Тургенев навещал её во время своих приездов в Петербург из-за границы. Огромное впечатление на неё произвело знакомство с Ф.М. Достоевским, состоявшееся за три недели до его смерти. Но самые тесные, глубокие и порой драматические отношения связывали её с Толстым.

Первое их знакомство произошло в ноябре 1855 г. (по возвращении Толстого из Севастополя), а дружба началась весной 1855 г., когда они встретились в Швейцарии, на берегу Женевского озера. Толстой впервые путешествовал по Европе, Александрин (так звали А.А. Толстую близкие) сопровождала на отдыхе великую княжну. А.А. Толстая была старше племянника на 11 лет, и потому он в шутку называл её «бабушка»; при этом был всерьёз увлечён, почти влюблён, восхищался ею: «Прелесть Александрин, отрада, утешенье. И не видал я ни одной женщины, доходящей ей до колена» (47: 160). Их сближало многое: общая «толстовская порода», стремление к нравственному совершенствованию, любовь к простоте и правде. «Несмотря на различие воспитания и положения, у нас была одна общая черта в характерах, — писала А.А. Толстая в «Воспоминаниях». — Мы были оба страшные энтузиасты и аналитики, любили искренно добро...» «С какою наивностью мы оба верили тогда в возможность сделаться в один день другим человеком — преобразиться совершенно, с ног до головы, по мановению своего желания» (ПАТ. С. 7, 6).

Дни, проведённые с А.А. Толстой в Швейцарии, в кругу близких ей людей, стали для Толстого, по его собственному признанию, по-настоящему счастливыми. Толстой прибыл в Швейцарию из Парижа на Пасху 28 марта, провёл поэтическую бессонную лунную ночь у открытого окна, случайно открытая им в номере гостиницы книга оказалась Евангелием — всё это показалось ему чудесным предзнаменованием. Впечатления швейцарских дней с их весной, Пасхой, Евангелием и верой, любовным единением людей, детской радостью жизни стали в дальнейшем сквозными мотивами переписки Толстого и А.А. Толстой. Он называл Александрин «лучшей женщиной во всём мире», «милой покровительницей души» (60: 288, 284), считал её воплощением самоотверженности и любви. Символом этих качеств стал для него подарок А.А. Толстой — гравюра с «Мадонны» Рафаэля, которая заняла своё постоянное место над рабочим столом писателя в Ясной Поляне.

В дальнейшем Толстой встречался со своей «придворной тётушкой» нечасто: в редкие наезды в Петербург, иногда в Москве, иногда свидание происходило на вокзале (как в 1889 г., когда она ехала с царской семьёй в Крым), дважды она приезжала в Ясную Поляну — посмотреть на семью Толстого и на свою крестницу Сашу. Неоднократно Толстой обращался к А.А. Толстой с просьбами о помощи — и она всегда делала всё, чтобы их выполнить. В 1879 г., собирая материалы к роману о декабристах, он

просил её узнать о возможностях допущения к «подлинному делу» 14 декабря в архиве 3-го отделения, позже, набрасывая планы романа из

501

XVIII в., — к архиву секретных документов времён Петра I и Анны Иоанновны; в 1870-1880-е гг. через неё просил царя за старообрядцев, за арестованных и ссыльных революционеров. Она защищала Толстого перед Александром III от нападков тех, кто требовал «принять меры» к непокорному графу, убеждала царя дать разрешение на печатание «Крейцеровой сонаты». Толстая живо интересовалась литературной работой племянника, присутствовала на чтениях его новых произведений (в 1856 г. — «Двух гусаров»; в 1887 г. — «Власти тьмы»), делилась в письмах впечатлениями от его новых романов, порой делая шуточные замечания («Васеньку Весловского не следовало высылать так бесцеремонно» — ПАТ. С. 282). В 1903 г., незадолго до смерти, откликнулась на просьбу Толстого, работавшего на «Хаджи-Муратом», поделиться воспоминаниями о Николае I и его окружении, прислала ему некоторые документы, относящиеся к Николаевской эпохе. Все эти и другие детали отразились в «Воспоминаниях» и в переписке с Толстым.

«Воспоминания» были закончены в 1899 г. Образ Толстого предстаёт здесь неоднозначным. «В нём дорог мне был не знаменитый писатель, а человек и друг» (ПАТ. С. 34), — отмечала Толстая. Она писала о Толстом не просто как о современнике, но как о близком человеке, отличительная черта которого способность к изменению, и потому не считала возможным «завершать» его образ (воспоминания доведены до 1898 г., когда писателю исполнилось 70 лет). Она отмечала в нём необыкновенную искренность и стремление к правде, называла его искателем истины, но при этом сожалела, что он не удовлетворился ролью литератора и стал «проповедником», «апостолом нового учения», с её точки зрения, ложного и опасного. Яркую черту индивидуальности Толстого мемуаристка видела в «парадоксальности поведения», которую в юности считала ребячеством, свидетельством юности души, а в старости — ложной и пустой игрой (так называла она его «опрошение», «мужицкую одежду», кладку печей и шитьё сапог). Сюжет отношений со «знаменитым писателем» она выстраивает в мемуарах как движение от «Льва “допотопной” эпохи» (ПАТ. С. 20) («взрослого ребёнка», душа которого «была рождена столько же для веры, сколько для любви» — ПАТ. С. 7, — которому она покровительствовала и которого порой спасала) к «рыкающему Льву» (ПАТ. С. 44), в которого «вселился дьявол» гордыни. «...Религия была главным предметом наших разговоров, — писала А.А. Толстая в «Воспоминаниях». Любя глубоко своего друга, я почти с болезненным нетерпением хотела видеть в нём

полную ясную веру, и странно — мы разошлись с ним духовно, именно в ту минуту, когда вера коснулась его сердца» (ПАТ. С. 15).

А.А. Толстая

Письма Толстого его корреспондентка бережно хранила: по словам А.А. Толстой, она уничтожила лишь несколько его писем, в которых были «кощунственные» высказывания; несколько писем Толстого, где были высказаны его религиозные взгляды, она передала Достоевскому (как оказалось, за 5 дней до его смерти). В марте 1910 г. письма Толстого были привезены в Ясную Поляну и несколько вечеров их читали вслух. По свидетельству очевидцев, Толстой слушал их с глубоким вниманием и особенно выделил письма швейцарского периода. Книга писем была издана в 1911 г. Толстовским музеем. Она включила 119 писем Толстого и 66 — А.А. Толстой.

Переписка Толстого и А.А. Толстой имеет свой эпистолярный сюжет, совпадающий с главными фазами их дружеских отношений. Первый этап (1850-1870-е гг.) — время душевной близости, доверительности. В письмах 1858-1859 гг. А.А. Толстая часто называет Толстого «мой мальчик», выступает по отношению к нему по-матерински заботливым, участливым старшим другом и наставницей, мечтающей превратить «дикого Льва» в «святого Льва». В эти же годы в эпистолярном диалоге намечается главный мотив всей переписки: диалог о вере. Накануне Пасхи 1859 г. Толстой, движимый желанием обновления и совершенствования, пишет о желании говеть, пройти через исповедь и причастие, но уже в следующем письме признаётся, что вместо обещанного «уехал в деревню, встретил с своими праздник и весну, перецеловался с мужиками <...> попил берёзового сока <...> набрал цветов, жёлтеньких и лиловых, и вернулся назад в Москву» (60: 287). В ответ на гневное письмо А.А. Толстой по поводу этого бегства он

формулирует своё «исповедание веры»: «жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь. <...> Вы смеётесь над природой и соловьями. Она для меня проводник религии» (60: 294). Уже в этом эпизоде проступает взаимное непонимание и предвестие столкновения: «Знаете, какое чувство возбуждают во мне ваши письма (некоторые, как последние, в которых вы обращаете меня), как будто я ребёнок, больной и не умеющий говорить <...> вы меня жалеете, любите, хотите помочь <...>. Я вам благодарен, мне хочется плакать и целовать ваши руки за вашу любовь и ласку и участие; но у меня

502

не тут болит, и сказать я не умею и не могу вам» (60: 300).

После женитьбы Толстой пишет своему другу всё реже, однако переписка не прекращается; новым импульсом для дальнейшего движения диалога становятся драматические столкновения авторов писем. Главный вопрос этого диалога-спора словно взят из романа Достоевского: «Како веруеши али вовсе не веруеши?» Рядом с письмами, где корреспонденты делятся семейными новостями, бедами и радостями, возникают письма-проповеди и исповеди. Первое крупное осложнение в отношениях возникает между Толстым и А.А. Толстой в 1878 г., когда при встрече в Петербурге он делится с ней своими новыми убеждениями. «Борьба» между ними шла «целое утро» и продолжалась вечером (ПАТ. С. 24), Толстой уехал из Петербурга не простившись, огорчённый неприятием его «новой» веры. Вслед за этим эпизодом наступает примирение, а затем снова разрыв. К 1882 и 1884 гг. относятся письма Толстого, которые он в последний момент не решается отправить своей корреспондентке. В них Толстой выступает как яростный обличитель, требующий покаяния от своего друга за то, что она (вместе со всем её придворным кругом), говоря так много о Христе, на деле служит не Богу, а мамоне. В 1887 г., когда А.А. Толстая провела в Ясной Поляне около двух недель, отношения восстановились, но через 10 лет, в очередной приезд Толстого в Петербург, вновь произошло столкновение на религиозной почве, и они вновь расстались непримирёнными.

В последних письмах А.А. Толстой появляется тема предсмертного прощания и последнего свидания за гробом: «если вам и мне отворят дверь в то жилище, где нет ни болезни, ни печали и где обитает одна правда для всех, то мы увидимся и порадуетесь, что нет более между нами никаких разногласий». Письма Толстого к А.А. Толстой завершает символический образ «жизненного перекрёстка», на котором люди встречаются, решая вопросы «как жить и как умирать?», любя и прощая друг друга. Последнее письмо Толстого, написанное за два месяца до

смерти А.А. Толстой, заканчивается словами: «Прощайте пока, милый друг, верьте моей искренней любви к вам и благодарности за всё то доброе, что вы мне дали во время нашей полувековой дружбы» (74: 265).

Лит.:. Переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой. 1857-1903. - СПб., 1911; Толстая А.А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. - М., 1996; Петровская Е.В. Переписка Л.Н.Толстого с А.А.Толстой как целостный текст // *ЯП. сб.* 1998. — Тула, 1999.

Е.В. Петровская

ТОЛСТАЯ Александра Владимировна («Лина»; рожд. Глебова; 1880-1967) – невестка Толстого, жена одного из его младших сыновей, М.Л. Толстого.

Отец А.В. Толстой, Владимир Петрович Глебов, потомок древнего рода, упоминаемый в летописях с XIII в., красавец, владелец образцовых дворянских поместий в Тульской и Терской (ныне Ставропольский край). Мать — княжна Софья Николаевна Трубецкая, по отцу старшая сестра философов С.Н. и Е.Н. Трубецких. А.В. Толстая многое взяла от матери и была до мозга костей Трубецкая. Она выросла в Москве в тепле и ласке родного дворянского гнезда, среди романтических русских пейзажей. Получив прекрасное домашнее образование: знала французский, немецкий, английский языки, основы математики, — она серьёзно изучала историю, посещала лекции В.О. Ключевского в Москве; была великолепно воспитана. В 1901 г. вышла замуж за сына Толстого, М.Л. Толстого, с которым прожила более сорока лет. Весной 1902 г. они поселились в имении Бегичево Калужской губ. Через несколько лет милое, славное Бегичево в калужских сугробах сменилось на Чифировку Крапивенского уезда Тульской губ.

Толстой участливо следил за духовной жизнью невестки, рекомендовал ей чтение, заботился о религиозном воспитании её детей. «Нельзя жить без религии, без понимания смысла и назначения своей жизни. Я не удержался высказать это тебе особенно потому, что ты мать семейства и что на тебе лежит обязанность первого воспитания детей, и поэтому тебе более, чем кому другому <...> нужно во что бы то ни стало установить в себе ясное и твёрдое религиозное мировоззрение и не столько словами и книгами, сколько всей жизнью передать его детям», - писал ей Толстой.

Несмотря на сильное влияние свёкра, А.В. Толстая осталась православной верующей. «С каждым годом я всё больше и больше возвращаюсь к церкви. Одно время я совсем поверила Льву Николаевичу. Так мне было пусто и не хватало этой живой

веры», — признавалась она. В 1900-е гг. А.В. и М.Л. Толстые с детьми приезжали и подолгу жили в Ясной Поляне. В литературных пристрастиях А.В. Толстая многим была обязана своему знаменитому свёкру. Она любила читать и следила за всеми публикациями о нём. «Я только что кончила читать 2-ю часть биографии, составленную Бирюковым. Читала с большим увлечением, и очень захотелось видеть и Льва Николаевича и Вас. Как необыкновенно интересна и полна была жизнь; я даже позавидовала Вам. Читая эти отрывки из писем и дневников Льва Николаевича о переживаниях его души, опять, как всегда при общении с ним, чувствуешь душевный подъём, кажется, что сама делаешься лучше, и к нему чувствуешь такую любовь и уважение, которую я никогда не смею ему высказать, но хочется, чтобы он это знал...» — писала она С.А. Толстой в октябре 1908 г. Толстые полюбили милую, всегда приветливую невестку. «Лина деликатная, серьёзная и любящая женщина» (ДСАТ. 2. С. 71). Вместе с мужем они всегда производили на всех хорошее впечатление. «Радостна семья сына Миши. Что за прелестные дети, до того симпатичны, веселы, сердечны эти крошки, что одна радость от них. И жена Миши, какая прекрасная, сердечная, умная женщина. Мне хочется иногда обнять её и сказать, как я её люблю...» - отмечала в дневнике С.А. Толстая (там же. С. 107). Толстому «чета Миши с женой» становилась «всё больше и больше» милой. «Лина» помогала ему в работе. В 1904 г. по его просьбе она перевела с английского языка статью Кросби «Отношение Шекспира к рабочему народу».

А.В. Толстая в 1950 г. написала воспоминания «Живой Толстой»: «Одно из самых душевных моих воспоминаний о Ясной — это наши летние вечера. Большие окна распахнуты в сад с видом на аллею (которую в шутку называли по-крестьянски «прешпект»), в проёмах между окнами высокие узкие зеркала в золочёных рамах (описанные Толстым в «Воспоминаниях»), под яркой люстрой длинный стол, накрытый белой скатертью, а на столе самовар с множеством чашек и стаканов, вазочки с душистой клубникой и малиной, варенье, мёд, хлеб, испечённый поваром <...>. Лев Николаевич очень любил мёд. Однажды, протягивая мне блюдце, он с улыбкой произнёс: “Положи мне немного мёда, да не запятнай скатерть и свою дамскую честь”». А.В. Толстая чувствовала «неисчерпаемый источник нежности», который таился в душе Толстого, «несмотря на всю его суровую внешность, скупость ласковых слов и проявлений. Характерная черта Толстых».

После отъезда мужа на фронт в 1914 г. А.В. Толстая, удручённая жизнью врозь, была в вечной тревоге за жизнь мужа, в постоянных, но

неизбежных заботах о своей большой семье. Она занималась денежными делами, которых не знала прежде. Отсутствие доходов от имения довершало картину. С помощью С.А. Толстой она едва сводила концы с концами, утешение находила в детях. Почти не бывала в Чифировке, где стало пусто и тоскливо без мужа. Маленькие дети незаметно подрастали, и она очень хотела, чтобы муж видел, как «мил и забавен Серёжа», что Петя «такой миленький, маленький и старательный», а маленькая Сонечка «очень похожа на Мишу. Весёлые голубые глаза и общее выражение глаз очень его напоминают». В конце 1916 г. она «частями» перевезла детей из деревни в Москву, так как в поездах не было мест. Иногда дети, Саша, Петя и маленький Серёжа, гостили в Ясной Поляне. Во время Гражданской войны семья жила в Пятигорске. В 1920 г. эмигрировали в Европу.

А.В. Толстая — автор «Воспоминаний», имеющих историческую и художественную ценность. Она видела свою эпоху глазами умной, лишённой предрассудков аристократки. По отношению к революции занимала не критическую позицию. Она не разбирала, а только рассказывала, сообщая в лёгкой форме много любопытного и важного. Ни слова упрёка, ни жалобы. Время сделало её ум глубже, а сердце нежнее. Насыщенные фактами, написанные выразительным, живым, доступным языком, изящным и чуждым всякой фальши, её воспоминания интересны и полезны взыскательному учёному-литературоведу, любителям русской старины и широкому кругу читателей. Они выходят за фамильные рамки, в научный оборот вовлекаются новые отечественные имена, без которых история России была бы неполной. Её воспоминания нельзя читать без слёз — это настоящая патриотическая ода, объяснение в любви родине, России, русской земле. Они пропитаны любовью и счастьем, любовью к природе, семье, простым людям, они побуждают читателя вспоминать всё самое лучшее, что было в

504

его жизни (впервые напечатаны в журнале «Ясная Поляна». 1997. № 1-2). Кроме «Воспоминаний» А.В. Толстая написала биографический очерк о своей дальней родственнице «Праведная Иулиания Лазаревская», автобиографический рассказ «Весеннее». В эмигрантском журнале «Возрождение» печатались её стихи. Стихи её ценили в семейном кругу. М.Л. Толстой сочинил мелодичный романс «Мы вышли в сад» на слова жены и любил исполнять его. А.В. Толстая умерла в Нью-Йорке. Похоронена на кладбище Новодивеевского монастыря, Спринг Валли, США.

Соч.: Воспоминания о Толстом // Возрождение. - 1951. № 116; Живой Толстой // Литературная Россия. - 1993. № 42-43.

Лит.: Пузин Н. Потомство Л.Н. Толстого: Родословная роспись и материалы к ней // Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. — Тула, 2001; Толстой С.М. Дети Толстого. - Тула, 1994; Толстой С.М. Мои родители // Ясная Поляна. - 1997. № 1.

А.Н. Полосина

ТОЛСТАЯ Александра Львовна (1884-1979) – младшая дочь Толстого, мемуарист, публицист, общественный деятель.

А.Л. Толстая родилась 18 июня 1884 г., в один из самых драматических дней в жизни её родителей. В ночь с 17 на 18 июня Толстой, взяв котомку, покинул Ясную Поляну, чтобы «уйти совсем» (49: 105), но этому помешали начавшиеся у жены роды. Софья Андреевна позднее вспоминала: «В семь часов утра родилась прекрасная девочка с тёмными длинными волосами и большими синими глазами. Пережив столько тяжёлого волнения в эту ночь и измучившись и физически родами, я уже ничего не могла чувствовать к ребёнку. Решив твёрдо невозможность кормить самой, я велела её унести в детскую, с глаз долой, чтоб не терзать своё сердце видом такой раньше желанной и теперь отвергнутой девочки» (Толстая С.А. Моя жизнь // *ОР ГМТ*). Двенадцатого ребёнка в семье назвали Александрой в честь двоюродной тётки Толстого А.А. Толстой, которая стала её крёстной матерью. Александра Андреевна первая обратила внимание на одарённость трёхлетней девочки, она писала Толстым: «Мне всё кажется, что вы не обращаете на неё должного внимания, а она недюжинный ребёнок. У неё в голове и глазах сидит целый отец Лев Николаевич» (Александра Толстая. Каталог выставки. Тула, 2000. С. 8).

Софья Андреевна, не балуя дочь нежностью и лаской, уделяла большое внимание её образованию, нанимала ей лучших гувернанток и преподавателей. Сашу учили английскому, немецкому, французскому языкам; музыке, рисованию, танцам. Физически очень крепкая, она прекрасно каталась на коньках, скакала на лошади. Сближение её с отцом началось, когда она стала переписывать его рукописи и помогать ему вести переписку с многочисленными корреспондентами. Впоследствии А.Л. Толстая вспоминала: «Впервые я подошла к отцу, когда мне было 15 лет. Это время я считаю началом моей близости с ним. С годами она всё увеличивалась» (Толстая А.Л. Дочь. М., 2000. С. 63). В последнее десятилетие жизни Толстого Александра стала его помощницей, единомышленницей, поверенной в его делах. Под

влиянием отца она создала амбулаторию в Ясной Поляне, где лечила местных крестьян, преподавала в местной школе. В дневниках Толстого последних лет жизни часто с любовью упоминается имя младшей дочери. 18 июля 1908 г.: «Я не хорошо её — исключительно люблю» (56: 174). 15 февраля 1910 г.: «Саша и трогает и тревожит. И рад, что люблю её, и браню себя за то, что слишком исключительно».

22 июля 1910 г. Толстой подписал завещание, по которому А.Л. Толстая стала распорядительницей его литературного наследия. В семейной драме родителей она полностью приняла сторону отца. Единственная из семьи, она была посвящена в планы ухода Толстого, в ночь на 28 октября 1910 г. она провожала отца из Ясной Поляны. 30 октября присоединилась к отцу в Шамордино и находилась с ним до последней минуты его жизни. Семь дней и ночей провела она у постели умирающего отца в Астапове.

Со смертью отца закончился первый, самый счастливый период жизни его младшей дочери. «При нём — у меня не было своей жизни, интересов. Всё серьёзное, настоящее было связано с ним. И когда он ушёл — осталась зияющая пустота...» (Толстая А.Л. Дочь. М., 1992. С. 31). Александра Львовна с головой ушла в работу, воплощая в жизнь оставленное отцом завещание: подготовила трёхтомное издание «Посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого» (М., 1911); на полученные от его продажи средства выкупала у своих братьев земли Ясной Поляны и передавала эти земли крестьянам. «...Всё это должно было заполнить мою жизнь, — писала позднее А.Л. Толстая. — На самом деле этого не было. Нарушились мои отношения с семьёй. Мои любимые старшие брат и сестра — Сергей и Татьяна, самые близкие, особенно

505

Таня, к отцу, моя мать и братья, не получившие авторских прав, — все были обижены. Это было тяжело» (там же).

Когда началась Первая мировая война, А.Л. Толстая, закончив краткие курсы сестёр милосердия, в сентябре 1914 г. пошла добровольцем на фронт: «Родина в опасности! <...> Я не могла сидеть дома, я должна была участвовать в общей беде» (там же. С. 34). Она была прикомандирована к санитарному поезду для приёма раненых. В 1915 г. вступила в отряд Красного Креста для борьбы с эпидемией тифа в русской армии, действовавшей на турецком фронте. Позднее как уполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам в прифронтовой полосе организовывала школы-столовые для детей-беженцев (около 10 тысяч); с командой в 250 человек в три дня создала госпиталь на 400 коек. О Февральской революции 1917 г. узнала в госпитале, где находилась с конца 1916 г. после отравления во

время немецкой газовой атаки. В декабре 1917 г. А.Л. Толстая вернулась в Москву в звании полковника с двумя Георгиевскими медалями. Несмотря на разруху из-за войны и революционных событий, дочь Толстого горячо взялась за дело издания и распространения сочинений отца. В Петрограде, при участии А.Ф. Кони, А.А. Шахматова, В.И. Срезневского и др. литераторов, она учредила Общество изучения и распространения творений Л.Н. Толстого и начала работу по подготовке к изданию сочинений Толстого. С.А. Толстая передала Александре свои права на рукописи и ключи от 12 ящиков, в которых в Румянцевском музее хранились автографы, написанные Толстым до 1880 г. В неотопливаемом здании Румянцевского музея началась напряжённая работа по разбору рукописей и подготовка их к печати. А.Л. Толстая вспоминала: «Эти несколько лет, которые мы проработали в Румянцевском музее, были для меня самыми яркими и, пожалуй, счастливыми в мрачные, безотрадные дни революции» (там же. С. 92).

15 июля 1919 г. А.Л. Толстая была арестована, но через день отпущена. 17 июля 1919 г. она писала сестре: «Милая Танечка! Пишу тебе из дома, куда благополучно пришла вчера в 6 часов вечера. Выпустили меня по ходатайству Черткова через Дзержинского и Каменева, арест был произведён потому, что найден был мой адрес у какого-то контрреволюционера, находящегося у Деникина. Подняли большой шум около этого дела, и вчера же вечером Каменев передал через Владимира Григорьевича извинения от Совета народных комиссаров по поводу случившегося.

Толстой с дочерью Александрой. Ясная Поляна, 1909 г.

В ноябре 1919 г. нарком просвещения А.В. Луначарский назначил А.Л. Толстую комиссаром-хранителем усадьбы Ясная Поляна.

4 ноября 1919 г. в Ясной Поляне скончалась С.А. Толстая. Александра была возле матери во время её болезни и похоронила её с чувством примирения и раскаяния.

В марте 1920 г. её вновь арестовали по обвинению в причастности к контрреволюционной организации «Тактический центр» и, хотя вина её не была доказана, Верховный военный трибунал приговорил её к трём годам заключения в концлагерь в московском Новоспасском монастыре. Оттуда А.Л. Толстая писала Ленину: «...мой отец, взглядов которого я придерживаюсь, открыто обличал царское правительство и всё же даже тогда остался свободным. Я - постольку, поскольку кто-либо интересуется моими взглядами, - не скрываю, что я не сторонница большевизма, я высказала свой взгляд открыто и прямо на суде, но я никогда не выступала и не выступлю против Советского правительства, никогда не занималась политикой и ни в каких партиях не состояла <...> Владимир Ильич! Если я вредна России — вышлите меня за границу. Если я вредна и там — то, признавая право одного человека лишать жизни другого, — расстреляйте меня, как вредного члена Советской республики. Но не заставляйте меня влачить жизнь паразита, запертого в четырёх стенах с проститутками, воровками, бандитками...» (*ОР ГМТ*). Летом 1921 г. А.Л. Толстую освободили из заключения по амнистии.

В 1921 г., после национализации усадьбы Ясная Поляна, дочь Толстого была назначена хранителем созданного музея. С 1925 г., после отъезда за границу Т.Л. Сухотиной, А.Л. Толстая также исполняла обязанности директора ГМТ в Москве. Она

506

принимала активное участие в работе Юбилейного комитета по ознаменованию 100-летия со дня рождения Л.Н. Толстого под председательством Луначарского. В 1928 г. вышел первый том Полного собрания сочинений Толстого (*Юб.*): А.Л. Толстая входила в состав редакторского комитета. 12 сентября 1928 г. в Ясной Поляне была открыта школа им. Л.Н. Толстого, построенная под руководством его дочери. Больница же в Ясной Поляне, строительство которой было начато А.Л. Толстой, открылась в ноябре 1929 г. (уже после её отъезда из России).

1 октября 1929 г. А.Л. Толстая была командирована в Японию с циклом лекций о Толстом. Приглашение из Японии было как нельзя кстати, т.к. у неё к этому времени сложились очень напряжённые отношения с

местными советскими властями. Хранителю Ясной Поляны диктовали, что и как делать, запрещали обучение в школе по толстовской программе, навязывали чуждые духу Толстого пропагандистские идеи. Её не покидало ощущение несвободы, дня неё это было хуже тюрьмы. Она писала своей племяннице А.И. Толстой-Поповой: «Больше всего хочу свободы. Пусть нищенство, котомки, но только свобода» (ОР ГМТ).

В Японии с большим почтением относились к Толстому, поэтому лекционное турне А.Л. Толстой прошло очень успешно. В своих воспоминаниях она, восхищённая древней японской культурой, назвала Японию «волшебной страной», но и там у неё возникли трудности. После того, как в 1931 г. она отказалась от советского гражданства, интерес к ней в Японии, сочувствовавшей Советской России, резко упал, и она стала испытывать серьёзные материальные затруднения.

В июне 1931 г. А.Л. Толстая переехала в США, где прожила 48 лет, до самой смерти. В США она использовала любую возможность для пропаганды взглядов Толстого: читала лекции, писала статьи, воспоминания, книги. В 1933 г. были изданы книги «Трагедия Толстого» (Лондон), «Моя жизнь с отцом» (Париж, Милан). В 1934 г. вышли в свет «Я работала для Советов» (Лондон), «Моя жизнь в стране Советов» (Нью-Йорк). Но эта деятельность, как и в Японии, не давала достаточных средств к существованию. Дочь Толстого, поселившись на ферме, разводила кур, доила коров, занималась полевыми работами, научилась водить трактор и автомобиль. 24 августа 1934 г. в письме к сестре Т.Л. Сухотиной А.Л. Толстая писала: «Я работаю с 6 утра и до 10 вечера ежедневно страшным, нечеловеческим трудом, стараясь не только просуществовать, но и помогать другим. Живу до сих пор без ванны, в бараке, в одну доску, и зиму, и лето, не могу купить себе чулок и смену белья. Никогда никого не прошу о помощи. Занимаю деньги в банке и отдаю в срок, никаких «богатых» американцев не знаю, и знать не хочу» (ОР ГМТ).

Дочь Толстого своим авторитетом, своей энергией служила России вдали от родины. Весной 1939 г., при участии Б.А. Бахметьева, Б.В. Сергиевского, С.В. Рахманинова и др. известных деятелей, она основала Толстовский фонд, неправительственную благотворительную организацию. Главной целью фонда стало помогать попавшим в беду русским людям — эмигрантам, беженцам, поддерживать их материально и духовно. «Может быть, именно поэтому, что так остро чувствую свою русскость и боль за русских, волей-неволей судьба наложила на меня сейчас задачу объединять русских здесь в Америке», — писала А.Л. Толстая 2 марта 1940 г. (ОР ГМТ). Возглавив Толстовский фонд, она на деле претворяла в жизнь идеалы добра и милосердия своего отца. На Толстовской ферме под Нью-Йорком были построены интернат для престарелых, детский дом, церковь, больница, библиотека. Были

открыты филиалы Толстовского фонда в Западной Европе и Южной Америке, на Ближнем Востоке. Среди тех, кому помог Толстовский фонд, были писатели Бунин, Мережковский, Ремизов, Зайцев, Шмелёв, позднее Солженицын, дочь Сталина Светлана Аллилуева и др.

Несмотря на огромную занятость делами Толстовского фонда, А.Л. Толстая находила время и силы, чтобы писать книги о Толстом, о своей жизни: в 1942 г. «Новый журнал» (Нью-Йорк) начал печатать её роман «Предрассветный туман»; в 1953 г. в Нью-Йорке издана книга «Отец. Жизнь Льва Толстого»; в 1965 г. в Вашингтоне вышла в свет книга «Проблески во тьме»; в 1979 г. канадское издательство «Заря» выпустило книгу «Дочь», последнее прижизненное издание А.Л. Толстой. В СССР имя дочери Толстого было под запретом начиная с 1948 г., когда в центральных газетах была развёрнута против неё клеветническая кампания с обвинениями в связях с ЦРУ, в шпионаже, измене Родине. Ситуация изменилась лишь в канун празднования 150-летия Толстого в 1978 г., когда А.Л. Толстая получила приглашение приехать в Москву на юбилей отца. В ответ она, уже прикованная к постели, писала: «Не могу передать, как мне тяжело, что я не могу быть с вами

507

в эти знаменательные дни, каждая минута которых нигде не забывается в моей памяти, тем более что я далеко от дорогой мне Ясной Поляны, от моей России, от близкого мне русского народа. Все мои мысли и чувства с вами. Благодарю Бога за то великое счастье, которое Он мне послал, послужить такому человеку, как мой отец, облегчить ему тяжесть последних дней. <...> Мне тяжело, что в эти драгоценные для меня дни я не могу быть с вами, с моим народом на русской земле. Мысленно я никогда с вами не расстаюсь» (ОР ГМТ).

Александра Львовна Толстая скончалась 26 сентября 1979 г. Похоронена на кладбище Новодивеевского монастыря под Нью-Йорком. Выражая соболезнования осиротевшему Толстовскому фонду, Джеймс Эрл Картер, президент США, писал 5 октября 1979 г.: «С её кончиной оборвалась одна из последних живых нитей, связывавших нас с великим веком русской культуры. Нас может утешать лишь то, что она оставила после себя. Я думаю не только об её усилиях представить нам литературное наследие её отца, но и о том вечном памятнике, который она воздвигла сама себе, создав примерно сорок лет назад Толстовский фонд. Те тысячи, которых она облагодетельствовала своей помощью, когда они свободными людьми начинали новую жизнь в этой стране, всегда будут помнить Александру Толстую» (Александра Толстая. Каталог выставки. С. 49).

Лит.: Толстая А.Л. Дневники. 1903, 1904, 1906, 1907 // Толстовский ежегодник. 2002. – Тула, 2003; Хечинов Ю.Б. Крутые дороги Александры Толстой. – М., 2000; Неизвестная Александра Толстая / Сост.: С.В. Светлана-Толстая, Ф.Э. Светлана. – М., 2001.

Н.А. Калинина

ТОЛСТАЯ Варвара Львовна (1875) — дочь Толстого, умерла в младенчестве.

ТОЛСТАЯ Екатерина Васильевна (рожд. Горяинова; по первому мужу — Арцимович; 1876-1960) — невестка Толстого, вторая жена А.Л. Толстого.

Получила домашнее образование. В 1893 г. окончила частную гимназию Таганцевой в Петербурге. С 1895 г. — замужем за М.В. Арцимовичем. В 1905-1907 гг. они жили в Туле. Лето 1906 г. провели в имении Таптыково (Тульская губ.). Весной 1907 г. А.Л. Толстой сообщил отцу о своём намерении жениться на Е.В. Арцимович. Это разволновало Толстого. Он написал сыну, что тот не сможет жить спокойно «после того горя и зла», которое он сделает «стольким людям, в том числе и той женщине, которой он увлечён», что он стоит на «страшном распутье: вечное страданье и раскаянье или радостное сознанье, что поступил хорошо <...> спас себя и других от больших несчастий» (77: 100). Л.Н. и С.А. Толстые тяжело переживали драматическую историю женитьбы Андрея Львовича на Е.В. Арцимович: «Тяжёлое дело Андрея» (56: 31). 2 июня 1907 г. Толстой написал ей письмо, в котором жалел всех: Андрея — за его «нравственную тупость», т.е. за «непонимание значения своего поступка», мужа Арцимович — за его жестокие, но возвышающие страдания, и её, Екатерину Васильевну, — за «гадкие страдания», принижающие душу, т.е. за «духовное падение» (56: 125-126). 14 ноября 1907 г. Арцимович бросила вызов всему свету, оставила мужа, шестерых детей и вышла замуж за А.Л. Толстого, имевшего двух детей от первого брака. Большого счастья не было. «Приезжал Андрюша, желающий невозможного — сочувствия его браку с Арцимович» (ДСАТ. 2. С. 274). В 1907-1915 гг. жизнь их в Таптыкове была «какая-то печальная, непрочная» (там же. С. 425). После смерти мужа в 1916 г. Е.В. Толстая воспитывала дочь Марию, занималась благотворительной деятельностью. В 1917-1921 гг. жила в Тамбове и Петербурге. В 1920 г. получила в Туле охранную грамоту на дом и усадьбу в Таптыкове, где был организован (просуществовал семь месяцев) Толстовский музей, затем детский дом им. Л.Н. Толстого. Написала воспоминания. Умерла в Москве.

А.Н. Полосина

ТОЛСТАЯ Мария Константиновна («Маня»; рожд. Рачинская; 1865-1900) — невестка Толстого, жена его старшего сына С.Л. Толстого, подруга Т.Л. Толстой.

Родилась в семье профессора Московского университета, директора сельскохозяйственной академии в Петровском- Разумовском (сейчас — Тимирязевская академия) К. А. Рачинского. Отец рано потерял жену и жил один с дочерью. О Рачинском современники вспоминали как о хорошем, высокообразованном и гуманном человеке: «Он жил донельзя скромно, никаких приёмов не затевал. У него изредка бывал Лев Толстой. Я как-то увидела его издали и приняла за крестьянина, так как он был в полушубке и валенках. Рассказывали, что когда он первый раз явился к Рачинскому и хотел пройти без доклада, то прислуга загородила ему путь: “Куда ты лезешь, мужлан!”» (Фёдорова Л.В. Наши будни, радости

508

и горести. Воспоминания. М., 1992. С. 165).

Мария Константиновна была очень образованная девушка — «училась в Оксфордском университете в Англии; была очень богата, получив от матери наследство, которое отец ей ещё удвоил, а одевалась она и жила больше даже чем просто и, несмотря на все блага её жизни, была несчастна, так как знала, что у неё злостная чахотка и ей не жить» (там же).

Она дружила со старшей дочерью Толстого, часто бывала в Хамовниках, где в 1891 г. Татьяна Львовна написала прекрасный её портрет (находится в московском музее-усадьбе Толстого «Хамовники», в угловой комнате).

Толстой ценил способности Марии Константиновны, предлагал ей для перевода с английского интересные его статьи, зная, что именно Маня могла бы это сделать прекрасно.

9 июля 1895 г. в семье Толстых произошло важное семейное событие: 32-летний Сергей Львович Толстой венчался с М.К. Рачинской. О женитьбе сына Толстой писал П.И. Бирюкову: «У нас в семье новость: Сережа женится на Мане Рачинской... Я и рад, и страшно мне за них...» (68: 100).

Осенью 1895 г. молодые отправились за границу. Но вскоре между ними произошёл разрыв. С.Л. Толстой вспоминал: «Мы вернулись в Россию в конце декабря, после чего жена провела месяц у отца в Петровском-Разумовском, а я — в Никольском-Вяземском. Весной 1896 года мы два месяца прожили в Москве... Лето мы провели частью в Никольском, частью в Ясной Поляне, осень — в Никольском. 19 ноября

жена уехала от меня к отцу в Петровское-Разумовское, и вскоре я получил оттуда известие, что она беременна и не хочет ко мне возвращаться. Трудно сказать, по чьей вине произошёл наш разрыв. Я больше виню себя, чем её» (*Очерки былого*. Гл. «1890—1897 годы»).

Толстой в 1896 г. получил от невестки письмо, в котором она сообщала, что «решила окончательно разъехаться»: «Жалко и его и её» (69: 211), — писал Толстой и отговаривал её от этого шага: «Я не то что верю, а знаю, сознаю и чувствую всем существом своим, что брак — совершившееся соединение мужчины и женщины <...> — есть такой поступок, который навсегда связывает соединившихся людей. <...> Брак есть такой акт, который нельзя разделить и, начавши, бросить, как нельзя разделить начатое пахать поле, нельзя возвратит взодранных трав. Так и брак, раз он начат, надо доделать» (письмо М.К. Толстой; 27 ноября 1896 г.). Толстой переживал за молодых и в записной книжке тогда же отметил: «Маня научила меня — жизнь только подвиг — дело делать в себе и вне себя» (53: 293).

24 августа 1897 г. в Англии родился сын Сергей, который остался единственным ребёнком С.Л. и М.К. Толстых. Мать трепетно любила сына.

М.К. Толстая умерла летом 1900 г. в 35-летнем возрасте, в Англии. «Умерла она от чахотки, как и мать её, почти безболезненно. Пишет её двоюродная сестра Соня Мамонова: “Маня так запутала свою жизнь и так мало была способна её распутать, и впереди её ждали только новые тяжёлые затруднения. Она это уже сама начинала сознавать и бояться жизни” (А не смерти)» (Толстая С.А. *Моя жизнь // ОР ГМТ*).

Погребена в родовом поместье Рачинских с. Татево Вельского уезда Смоленской губ. (ныне с. Татево Оленинского района Тверской области).

Е.Г. Шестакова

ТОЛСТАЯ Мария Львовна — см. Оболенская Мария Львовна.

ТОЛСТАЯ Мария Михайловна (рожд. Шишкина; 1829-1918, по др. сведениям, 1919) — «государственная крестьянка из цыган» Пушкинской слободы Каширского уезда, жена С.Н. Толстого, старшего брата писателя.

Стихия настоящего цыганского пения увлекла Сергея Николаевича Толстого, обворожительного красавца с тяжёлым характером. В 22 года он влюбился в хоровую цыганку Машу Шишкину, привлекательную семнадцатилетнюю певицу тульского цыганского хора, считавшегося выше московского и петербургского. Она пользовалась большим успехом. «Серёжа, — сообщал Н.Н. Толстой брату Льву, — всё продолжает цыганствовать, ночи там, а днём сидит по целым часам немый и

нечёсанный на окошке. Он оживляется только тогда, когда кто-нибудь из цыган приносит ему известия о Маше <...> сидит в Туле, где, по его мнению, нет ничего стоящего, кроме цыган» (ПТСБ. С. 70).

В 1851 г. С.Н. Толстой «отдался безумной страсти к цыганке» (Т.А. Ёргольская), увёз юную Машу Шишкину к себе в имение

509

Пирогово (Крапивенский уезд), где жил с ней как с женой в гражданском браке. Цыганки в то время были весьма целомудренны, связь с ними была обставлена затруднениями: согласием родителей и выкупом из хора. Сумма выкупа известна.

С.Н. Толстой и М.М. Шишкина жили замкнуто, уединённо, в гости не ездили, у себя никого не принимали. Иногда она жила в Туле в «известном переулке с <...> Серёжей и всей кликою» (Л.Н. Толстой). Брак откладывался, так как С.Н. Толстой считал это пустой формальностью. Покидать Машу он не собирался, хотя «голоса и молодости у неё уже не было» (Л.Н. Толстой). В 1864 г. возникла угроза их союзу: мимолётное увлечение Татьяной Андреевной Берс, в котором он Маше признался. Будущая совместная жизнь повисла на волоске. Она безропотно и покорно переносила своё горе, но вид у неё был убитый. Её спасло то, что у С.Н. Толстого уже не было «ни силы, ни желания счастья», а только «сорокалетнее благоразумие» (С.А. Толстая). Он любил свою верную подругу и мать его детей даже после пятнадцати лет совместной жизни и решил жениться на ней, а не на Т.А. Берс. Природная добродетельность, безроптность, беспрекословное подчинение мужу спасли цыганку от разрыва в семье. Аристократ остался верен долгу. 7 июня 1867 г. они обвенчались. М.М. Толстая вошла в фамильный круг, все её любили и уважали.

У Марии Михайловны было «добродушное круглое лицо». «Милая, вечно ласковая» (Толстой И.Л. Гл. XV), она была всегда очень приветлива, расспрашивала гостей из Ясной Поляны про родных и знакомых, причём приговаривала, в зависимости от рассказа: «чудесно, чудесно» или «ужасно, ужасно». Толстой любил хохотать с «добродушной Марией Михайловной».

В семье было много детей, большинство умерло в детском возрасте. Зрелого возраста достигли четверо: сын и три дочери. Мария Михайловна окружила детей заботой и вниманием. Отец старался дать им хорошее воспитание, «при дочерях <...> держал французских гувернанток, к которым Мария Михайловна иногда его беспричинно ревновала» (Очерки былого. Гл. «Сергей Николаевич Толстой»). В 1869 г. детям было «всемилоостивейше дозволено» принять фамилию Толстых и

«вступить во все права и преимущества по роду и наследию». Дочери попали под влияние взглядов Л.Н. Толстого на религию, собственность и брак. «Новое» учение Толстого «составляло красоту их молодости, духовный смысл её и получило применение к повседневной жизни» (Бибикина. М.С. В семье Толстых // Л.Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 15-16). Две дочери неудачно вышли замуж: Варвара за пироговского крестьянина, Вера увлеклась башкиром Абдурашидом, жившим в Пирогове. Родители были удручены неудачными романами своих дочерей.

Мария Михайловна очень любила Толстого, жалела, что он отпал от православия, и считала, что «он многих молодых людей сбил с настоящего пути» (там же. С. 34). Он относился к ней всегда ласково, никогда с ней не спорил, избегал при ней религиозных вопросов, зная, какой глубоко православно верующей она была. М.М. Толстая любила и понимала музыку, часами слушала Шопена. Она и её муж очень ценили и любили русское хоровое пение. Музыка составляла часть их жизни. Начиная с 1882 г. семья С.Н. Толстого несколько зим жила в Москве. Устраивались «четверги», молодёжь много пела под аккомпанемент гитары цыганские романсы. Особенно много веселья, смеха и разговоров было за чайным столом. М.М. Толстая обладала даром привлекать всех своим ласковым взглядом, приветливыми словами, милым гостеприимством. Кроткая и добродушная, она была полной противоположностью своего мужа, «деспотичного в семье и страшного мизантропа», впрочем, «много читающего, всем интересующегося, но бранящего весь мир — кроме дворян» (ДСАТ. 1. С. 315). Вскоре вернулись в Пирогово, всех тянуло в деревню.

Когда дети разъехались, кроткая Мария Михайловна тихо жила, никому не мешая, никому не делая зла, шила, чинила бельё, много читала, раскладывала пасьянс, набивала свои папиросы, думала и беспокоилась о детях. Все её любили, она никого никогда не обидела, всё делала сама, никого не обременяя, лечила баб-крестьянок мятными и гофманскими каплями, хиной, горчичниками. Добротой, лаской, внимательной заботой веяло от всего её существа. Она страдала за дочерей Веру и Варвару. Часто спорила с мужем о Л.Н. Толстом, которого считала виновником пережитых страданий дочерей. Роман Веры изображён в рассказе «Что я видел во сне». Мария вышла замуж за «порядочного, сердечного и дельного человека», соседнего помещика С.В. Бибикина, который «оказался любящим мужем и почтительным зятем» (Очерки былого. Гл. «Сергей Николаевич Толстой»).

В 1900-х гг. С.Н. Толстой серьёзно заболел. Во время болезни присутствие рядом жены, особенно по ночам, облегчало его страдания. Перед смертью он принял причастие, вняв просьбам жены и сестры

Марии Николаевны. После его смерти Пирогово осталось во владении М.М. Толстой. В 1917 г. имение было разграблено крестьянами. М.М. Толстая уехала с дочерьми в Тулу. Имение вскоре было национализировано. Графиня М.М. Толстая, вдова С.Н. Толстого, умерла 3 марта 1918 г.

А.Н. Полосина

ТОЛСТАЯ Мария Николаевна (рожд. кн. Волконская; 1790-1830) — мать Толстого; умерла когда ему не было двух лет.

Толстой не помнил своей матери; в «Воспоминаниях» он писал: «Матери своей я совершенно не помню. Мне было полтора года, когда она скончалась. По странной случайности не осталось ни одного её портрета, так что как реальное физическое существо я не могу себе представить её. Я отчасти рад этому, потому что в представлении моём о ней есть только её духовный облик, и всё, что я знаю о ней, всё прекрасно...» (гл. I).

У Толстого, как он сам признавался близким, был культ матери. Всю жизнь он помнил о ней, бережно собирал даже самые, казалось бы, незначительные сведения об её характере, облике, привычках, отношении к детям, к миру, к отцу. Своеобразным памятником ей стала одна из героинь «Войны и мира», княжна Марья Болконская. О ней в набросках к роману Толстой писал: «М. Волконская. Презирает всё вещественное. Всеми любима и *veneree* <уважаема. — фр.>, нежна, ласкова. Всё и всех любит христиански. Отлично играет и любит музыку мистически. Умна, тонкий поэтический ум <...>. Лелеет отца, играет, поэтизирует» (13: 20). Позднее, когда вокруг Толстого подрастала его собственная многочисленная семья, он с необыкновенной любовью и почтительностью рассказывал детям о своей «маменьке», и тогда в нём «пробуждалось какое-то особенное настроение, мягкое и нежное. В его словах слышалось такое уважение к её памяти, что она казалась нам святой», — вспоминал Илья Толстой (*Толстой И.Л.* Гл. I).

В августе 1903 г. Толстой передал на хранение в Публичную библиотеку в Петербурге часть архива своей матери (ныне Российская национальная библиотека. Ф. 783): её письма, переводы, сочинения 1800—1820-х гг., учебные тетради, каталоги книг и нот яснополянской библиотеки, материалы хозяйственно-бытового назначения. Другая часть (250 рукописных листов), отобранная Толстым для себя, ныне хранится в *ОР ГМТ*, сюда входит дневник её путешествия с отцом в Петербург летом 1810 г., озаглавленный «Дневная запись для собственной памяти», а также выписки различных афоризмов на

французском языке, «Опись саду», работы по географии, ботанике, сельскому хозяйству, стихотворения, педагогические сочинения, в т.ч. подробный журнал поведения старшего сына Николенки и билетки («билетцы»), на которых она отмечала его успехи, а также её переписка с близкими: письма к мужу, Т.А. Ёргольской, А.И. Остен-Сакен, П.И. Юшковой и др. В яснополянской библиотеке хранится её рукопись «Первые сто растений. Ясная Поляна в июле». Так что, когда Толстой говорил, что его мать была «очень хорошо образованна для своего времени, писала правильно на русском языке и знала ещё 4 языка — английский, французский, немецкий и итальянский», он опирался не только на рассказы своих тёток, хорошо знавших М.Н. Толстую, но и на собственные впечатления от внимательно прочитанных им рукописей матери. Толстой считал, что она «должна была быть чутка к художеству».

Мать Толстого несомненно обладала литературным талантом. В юности она была «большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа». Об этом говорила двоюродная сестра матери В.А. Волконская: когда Толстой гостил в её имении под Клином в 1858 г., она рассказывала ему о необыкновенной способности его матери сочинять сказки, «если это происходило в темноте, при свете она стеснялась». Сверстницы М.Н. Волконской вспоминали, что «на балах она соберёт вокруг себя в уборной подруг и так увлекательно рассказывает им сказки, что никто не идёт танцевать, а все слушают; а музыка играет, и кавалеры тщетно ждут своих дам в залах» (Лёвенфельд Р. Граф Л.Н. Толстой, его жизнь, произведения и мирозерцание. М., 1897. С. 22).

В 1810-1820 гг. М.Н. Волконская много писала прозой и стихами, пробуя разные жанры: оды, аллегории, элегии, дружеские послания. В

неоконченной повести «Русская Памела, или Нет правила без исключения» (1818) героиня составляет план воспитания детей именно так, как потом М.Н. Толстая будет воспитывать своего старшего сына: «План её был тот, чтоб забавами и удовольствиями приохотить детей к учению, говорить им всегда правду по мере их понятия, рассуждать с ними и через то приучить их самих здраво рассуждать». В стихотворении «Хочу я басенку

511

соплесть» М.Н. Толстая вспоминает свою рано умершую мать, воображая её в «эфирной роще»,

Где ветров буйных не бывает,
Где вечно Солнце изливает
Лучи неизъяснимых благ,
Где восторга на крылах
Часы мгновенно пролетают
И в вечности все исчезают,
Как капля вод в морских волнах.

(цит. по: Заборова Р.Б.
М.Н. Толстая как писательница
ЯП. сб. 1972. Тула, 1972. С 234).

Мать М.Н. Толстой, бабушка Толстого княгиня Е.Д. Трубецкая, умерла, когда единственной дочери было два года, дочь осталась с любящим, но очень строгим и требовательным отцом, Н.С. Волконским, и, как писал Толстой в «Воспоминаниях», «привыкла покоряться и жить внутренней жизнью». Когда в 1821 г. умер отец, М.Н. Волконская оказалась владелицей крупных имений, которыми едва ли умела управлять. Часть наследства она подарила сестре своей компаньонки-француженки невесте-бесприданнице.

В 1822 г. М.Н. Волконская вышла замуж за Н.И. Толстого, с которым, вероятно, была заочно знакома до брака, о чём говорится в её стихотворении, написанном весной 1822 г.:

О ты, кого я не видала,
Но, несмотря на то, люблю,
Кого заочно я узнала,
К тебе я стих свой обращаю.
Знакомство сие необычно,
Конечно, в этом спору нет,

Но о тебе, дружочек, слышно,
Что ты не любишь модный свет.
К тому же мы друг друга знаем,
Хоть не видались в глаза... и т.д.

(цит. по: Толстовский ежегодник.
2002. Тула, 2003. С. 526).

Они находились в дальнем родстве: М.Н. Волконская была троюродной племянницей своего мужа. Венчание состоялось 9 июля в церкви села Ясенева, рядом с имением Трубецких Знаменским. Ему было 28 лет, ей — 32 года, она была владелицей 800 крепостных, в послужном списке Н.И. Толстого значилось: «крепостных не имеет». «Брак её с моим отцом был устроен родными её и моего отца. Она была богатая, уже не первой молодости, сирота, отец же был весёлый, блестящий молодой человек, с именем и связями, но с очень расстроенным (до такой степени расстроенным, что отец даже отказался от наследства) моим дедом Толстым состоянием» («Воспоминания». Гл. II). Брак оказался недолгим, но очень счастливым, наполненным взаимной любовью. Толстые жили уединённо в Ясной Поляне, кроме немногих знакомых и родственников, «случайно проезжавших по большой дороге и заезжавших» к ним, никто не посещал Ясную Поляну. Н.И. Толстой часто бывал в отъезде, занятый хлопотами о наследстве, отягощённом долгами. Жизнь М.Н. Толстой проходила «в занятиях с детьми, в вечерних чтениях вслух романов для бабушки и серьёзных чтениях, как “Эмиль” Руссо, для себя и рассуждениях о читанном, в игре на фортепиано, в преподавании итальянского одной из тёток, в прогулках и домашнем хозяйстве» (там же). Прогулки были регулярными, прерывались разве что по причине болезненного самочувствия. Кроме того, М.Н. Толстая часто играла на бильярде с одной из сестёр мужа или с мужем. В этой потребности постоянного физического движения чувствовалось воспитание кн. Н.С. Волконского. Когда дети немного подросли, они тоже стали участниками прогулок по любимой Ясной Поляне. М.Н. Толстая писала мужу 16 июня 1829 г.: «Я вернулась с прогулки, милый друг, и очень устала. Коко и Серёжа были со мною, а также Фёдор Иванович. Дети были в восторге: много бегали и хотели сорвать все васильки, которые только видели. Мы отдохнули на холмике подле мельницы, съели кусочек чёрного хлеба и вернулись раньше детского ужина» (Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н. Толстого. М., 1928. С. 151).

Толстому было очень дорого то, что, как ему говорили, он был последней любовью своей матери: «Мне говорили, что маменька очень любила меня и называла: *mon petit Benjamin* <мой маленький Вениамин. — *фр.*>». Он не знал портретов матери: в семье не сохранилось ни одного

её портрета (она не любила позировать художникам), за исключением маленького детского (9 лет) силуэта, парного, где она изображена рядом со своей кузиной В.А. Волконской. Из рассказов родных Толстой знал, что она была некрасива и неграциозна, ходила как-то на пятках, немножко вразвалку, откинув верхнюю часть туловища назад, как ходят иногда беременные женщины. Но он был отчасти даже рад тому, что не помнил физического облика своей матери: «Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто в средний период моей жизни, во время

512

борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился её душе, прося её помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне» («Воспоминания». Гл. II). Ему гораздо дороже были рассказы родных о больших ясных и лучистых глазах матери, о том, что она была необычайно добра и талантлива, правдива и сдержанна, предпочитала жизнь вдали от света, в кругу любимой семьи. Она писала о себе: «в светской жизни я ничто», а близким говорила: «раз я полюбила, ничто не может вычеркнуть из моего сердца дорогих мне людей». Ещё в ранней молодости, живя с отцом в Ясной Поляне, М.Н. Волконская объединила вокруг себя дружеское общество, «устав» которого требовал любви к ближним, дружбы, простоты, довольства скромной жизнью, не допускал «самолюбья, претензии и спесь».

Царица здесь — свобода,
Закон — рассудок здрав.
Оставлена здесь мода,
Без ней здесь тьма забав.
Здесь чтение, беседа,
Музыка, бильярд,
То песенка пропета,
А иногда — театр.

Толстой, говоря о матери, особенно выделял её высокие моральные качества, считая, что она очевидно была духовно выше отца.

Летом 1830 г. М.Н. Толстая опасно заболела и через несколько дней, 4 августа, скончалась; её похоронили в семейном склепе Толстых на Кочаковском кладбище.

Сестра Толстого, М.Н. Толстая, писала, что мать умерла от воспаления мозга. «Она вдруг стала говорить Бог знает что, сидела, читала книгу — книга перевернута вверх ногами. <...> Мать всегда очень любила

качаться, у неё были качели, она всегда просила, чтобы её выше раскачали. Раз её раскачали очень сильно, доска сорвалась и ударила ей в голову. Она ухватилась за голову и долго так стояла, всё за голову держалась. Девушки крепостные — тогда наказывали — испугались. “Ничего, ничего, вы не бойтесь, я никому не скажу”. <...> После этого у неё всегда болела голова» (Гусев Н.Н. Толстой в молодости. М., 1927. С. 33).

До глубокой старости Толстой бережно хранил память о матери, вспоминал её, писал о ней. За два года до смерти, летом 1908 г., он записал в дневник: «Нынче утром обхожу сад и, как всегда, вспоминаю о матери, о “маменьке”, которую я совсем не помню, но которая осталась для меня святым идеалом. Никогда дурного о ней не слышал... Какое хорошее к ней чувство. Как бы я хотел такое же чувство иметь ко всем...» (56: 133).

Лит.: Заборова Р.Б. Тетради М.Н. Толстой как материал для «Войны и мира» // Русская литература. — 1961. № 1.

Л. С. Дробат

ТОЛСТАЯ Мария Николаевна (1830—1912) — сестра Толстого. Пятый ребёнок в семье Н.И. и М.Н. (рожд. княжны Волконской) Толстых. Родилась 1 марта 1830 г. в Ясной Поляне. Когда ей не было ещё и полугода, умерла её мать. Воспитывалась отцом и бабушкой графиней П.Н. Толстой. В 1837 г. скоропостижно скончался отец, через год умерла и бабушка. В семь лет М.Н. Толстая осталась круглой сиротой на попечении тётушек, сестёр отца, графини А.И. Остен-Сакен, а потом П.И. Юшковой. Большую роль в её воспитании, особенно православном, сыграла дальняя родственница и воспитанница бабушки Т.А. Ёргольская.

М.Н. Толстая получила домашнее образование. Когда дети Толстые переехали в Казань к Юшковым, некоторое время училась в казанском Родионовском институте. Хорошо знала французский язык, прекрасно играла на фортепьяно. В апреле 1847 г. по наследственному разделу имущества получила по определению братьев равную с ними долю. В том же году была выдана замуж за троюродного брата, графа Валерьяна Петровича Толстого. Имела от этого брака троих детей. Жила в селе Покровском Чернского уезда, родовом имении мужа, в 80-ти верстах от Ясной Поляны. К этому времени относится её знакомство с И.С. Тургеневым, жившим по соседству и посвятившим ей свою повесть «Фауст». Ещё одно свидетельство их дружбы — сохранившиеся 16 писем Тургенева к ней и её мужу.

С 1857 г. М.Н. Толстая стала жить отдельно от мужа в своём имении Пирогове Крапивенского уезда. Много путешествовала, жила в Европе,

Алжире. Лето 1860 г. с детьми провела на Гиерских островах на юге Франции. В 1861 г. в Швейцарии познакомилась со шведом виконтом Гектором де Кленом (1831-1874), ставшим её гражданским мужем. В 1863 г. у неё родилась дочь Елена. В 1864 г. официально оформила развод с В.П. Толстым. После его смерти поселилась в имении Покровском. Часто гостила в Ясной Поляне у брата.

Сестра писателя М.Н. Толстая.
1850 гг.

513

Старший сын Толстого Сергей Львович вспоминал о своей тётке: «Марья Николаевна нигде не могла ужиться. Она жила то в Покровском, то в Ясной Поляне, то в Москве, то за границей. <...> Тётю Машу я помню с детства. Я был равнодушен к её религиозности, к её суевериям и разговорам о чудесах, церквах и священниках, но меня привлекала её живая речь, искренность, музыкальность, её выразительные большие чёрные глаза и рассказы о старине. <...> Тётя Маша была остроумна». И дальше С.Л. Толстой привёл пример, как «в яснополянском парке она встретила с компанией дачников, которые обратились к ней с просьбой провести их к Л.Н. Толстому или по крайней мере дать им возможность увидеть его. Она, охраняя брата от посетителей, сказала им: “Сегодня льва не показывают, показывают только мартышек”» (*Очерки былого*. Гл. «Марья Николаевна Толстая»).

После смерти в 1879 г. 18-летнего сына Николая Валерьяновича начались её углублённые религиозные искания. «В первые годы увлечения тёти Маши православием, со всеми его обрядами и верой в

чудеса, — вспоминал С.Л. Толстой, — между нею и моим отцом возникали горячие споры, но скоро оба поняли, что переубедить друг друга они не могут. Отец говорил про сестру: “Пускай верует по-церковному; это лучше, чем ни во что не верить”. А в тётё Маше удивительно сочетались наивная вера в обряды и чудеса с сочувствием нравственным основам мировоззрения брата» (там же).

Л.Н. Толстой с сестрой М.Н. Толстой. 1908 г.

В октябре 1889 г. она уехала в Крестовоздвиженский женский монастырь в г. Белёве, некоторое время жила там. Затем по благословию преподобного Амвросия, старца Оптинского, поселилась в основанной им Казанской женской пустыни в Шамордино Калужской епархии. Выстроила на месте, указанном старцем, и по его плану небольшой дом-келью. Несла послушание — чтение Псалтири. Много занималась рукоделием. Иногда М.Н. Толстая бывала у братьев в Ясной Поляне и Пирогове; для неё самой и её близких это были особенные дни, наполненные воспоминаниями о прошлом.

В 1895 г. в дни болезни и смерти самого младшего 7-летнего сына Толстых Ивана Львовича (Ванечки — как любовно называли его в семье) М.Н. Толстая жила в семье брата и духовно поддерживала всех. В 1896 г. Толстой с женой приезжал к ней в монастырь, проявляя большой интерес к монастырской жизни. Однажды в шутку он назвал сестру одной из «семисот шамординских дур», но позже, восхищаясь покоем, царившим там, говорил, что монахини «прекрасные женщины», удивлялся, что их семьсот. М.Н. Толстая в ответ на эту шутку брата подарила ему подушку с вышитыми православными символами: Вифлеемской звездой, крестом, пальмой, домом, ключами, короной, якорем, сердцем, замком, лирой, бабочкой, фонарём, потиром, петухом — зашифровав в них свой ответ брату о смысле жизни, который она теперь видела только в служении Богу, стяжании благодати Святого Духа. (Эта подушечка до сих пор хранится в спальне Толстого в яснополянском доме.) Об обращении к

Богу, соединении с ним просила она своего отлучённого от церкви брата, посылая ему этот подарок, являющийся одновременно и свидетельством большой и нежной дружбы, которая связывала их с самого раннего детства до старости.

Когда 28 октября 1910 г. Толстой ушёл из Ясной Поляны, ещё не зная, куда направится, он поехал в Оптину пустынь и к сестре, в монастырь, в Шамордино. Как писала М.Н. Толстая С.А. Толстой уже после смерти брата, передавая его слова, «он приехал сюда надолго, думал нанять избу у мужика и тут жить» (там же).

В автобиографической трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность» в образе Любочки Иртеньевой узнаваемы черты маленькой М.Н. Толстой. Ей посвящена и повесть Толстого «Два гусара».

Скончалась М.Н. Толстая 6 апреля 1912 г. Прожив более двадцати лет в Шамордине, за день до смерти она приняла схиму с именем Марии. Похоронена на монастырском кладбище.

Лит.: Оболенская Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. 1928. № 9-10; Толстой С.М. Единственная сестра // Прометей. 12. - М., 1980; Комарова Т.В. Одна из шамординских монахинь. М.Н. Толстая. - Тула, 2003.

Т.В. Комарова

ТОЛСТАЯ Мария Николаевна (рожд. Зубова; 1867-1939) – невестка Толстого,

514

вторая жена его старшего сына, С.Л. Толстого. Родилась в Литве в семье графа Н.Н. Зубова, крупного помещика Ковенской губ. (ныне г. Каунас) и губернского предводителя дворянства. Он был внучатым племянником фаворита Екатерины II Платона Зубова, не принимавшего участия в убийстве Павла I, чем Мария Николаевна гордилась, по свидетельству Сергея Сергеевича Толстого. Мать М.Н. Толстой - из рода Олсуфьевых, друзей Толстого.

М.Н. Зубова получила хорошее домашнее воспитание и образование, держала экзамен на звание домашней учительницы, училась на курсах медицинских сестёр, занималась живописью. Часто посещала Толстых в их московском доме в Хамовниках, дружила и переписывалась с Т.Л. Толстой.

30 июня 1906 г. в церкви Знамения на Зубове Сергей Львович Толстой обвенчался с Марией Николаевной. Толстые с радостью приняли её в свою семью: «Серёжа и Маша подходили друг к другу и по возрасту, и по интересам, и мы все надеялись, что на этот раз он будет счастлив, что и оправдалось» (Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989. С. 410).

«У Марии Николаевны сложились хорошие отношения с новыми родственниками. Льва Николаевича она любила, была к нему внимательна и чутка. В письмах к мужу называла Толстого отцом. “Я все думаю об отце. Какие у него добрые были глаза, когда мы к нему пришли”, - писала она Сергею Львовичу 14 августа 1908 г. Мария Николаевна выполняла многие поручения Льва Николаевича: покупала ему книги, в Румянцевском музее узнавала, какие ещё книги числятся за Толстым. Поскольку она была попечительницей одного из приютов, по просьбе Льва Николаевича устраивала туда сирот, больных в клинику, подыскивала работу для безработных. В Никольском-Вяземском лечила крестьян. В 1911 г. организовала в местной школе летнюю колонию для московских школьников. Вся её деятельность была в традициях семьи Толстого» (Поповкина Т.К. Родовое имение Толстых Никольское-Вяземское на любительских фотографиях М.Н. Толстой // ЯП. сб. 2000. Тула, 2000. С. 357).

Толстой одобрял интересы и занятия невестки. Когда из «Посредника» было получено десять пудов книг, и она просила из них в Никольское для библиотеки, Толстой был очень этому рад. «Мария Николаевна хочет выдавать книги под залог 10 копеек, чтобы приучать людей возвращать книги» (ЯПЗ. 2. С. 477-478).

М.Н. Толстая занималась живописью: училась у художника В.Н. Мешкова. Когда в 1910 г. в Историческом музее открывалась выставка его работ, он отобрал для неё и несколько работ своей ученицы. Интересовала её и фотография: сохранилось много снимков близкого окружения Толстого и его семьи, сделанных М.Н. Толстой. Среди них фотографии пасынка, Серёжи Толстого, с которым у неё установились добрые и дружеские отношения: она принимала большое участие в его воспитании и образовании. В трудную минуту они проявляли заботу друг о друге.

Толстой любил общаться с невесткой. В дневнике 8 июля 1909 г. он записал: «Олсуфьевы и Маша приятны. Читал Маше о науке» (57: 93).

Даже после смерти Толстого семья старшего сына жила его интересами. Т.Л. Толстая писала в дневнике 19 мая 1911 г.: «У Серёжи с Машей только один интерес, только один разговор— отец. У них сходятся все друзья отца: Бирюков, Булыгин, Горбунов, Дунаев, Ге, Страхов и т.д. Устроили они Толстовское общество...» (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984. С. 451). М.Н. Толстая принимала активное участие в создании музея Толстого. Через неё Т.Л. Толстая, уехав в 1925 г. в Европу,

передавала в музей сохранившиеся вещи семьи Толстых. Благодаря её стараниям фонды музея Толстого пополнялись интересными экспонатами.

Умерла Мария Николаевна в 1939 г. в Москве.

Е.Г. Шестакова

ТОЛСТАЯ Ольга Константиновна (рожд. Дитерихс; 1872-1951) — первая жена сына Толстых Андрея Львовича. Состояла в браке с ним в 1899-1903 гг., официально они развелись в 1907 г., но брак распался раньше, и супруги жили раздельно.

Родилась в семье участника Кавказских войн 1844—1859 гг генерала К.И. Дитерихса, хорошо знавшего Хаджи-Мурата, и, работая над одноимённой повестью, писатель «усердно расспрашивал» о нём Дитерихса. Старшая дочь генерала, Анна, была женой друга Толстого, В.Г. Черткова.

Ольга была умна, красива, образованна и увлечена идеями Толстого. В семье Толстых считалось, что у сыновей больше вкуса, чем у их жён: они выбирали себе отличных жён, а жёны оставались в проигрыше. Толстые очень любили первую жену Андрея, о которой писатель, адресуясь к сыну, заметил: «Не стоило брать такую умную и хорошую жену, чтобы вести такую глупую эгоистическую жизнь» (72: 215).

Первые два года брака Андрей искренно старался зажить новой жизнью, говорил

515

жене, что, если она его оставит, он пропадёт. В семье родилось двое детей, дочь Софья (1900) и сын Илья (1903). У Ольги сложились замечательные отношения с Л.Н. и С.А. Толстыми, они всегда были на стороне невестки. Перед свадьбой будущая свекровь говорила Ольге: «Как вы не боитесь выходить за Андрюшу, у него такой гадкий характер».

А ещё раньше, когда Ольга была невестой, Толстой в разговоре высказал ей свои мысли о браке: «Люди думают, что брак — это счастье, что, женись или выходя замуж, они будут счастливы. Они совершенно не понимают, что брак — это труднейшая задача, ответственная обязанность, которую решить или выполнить очень и очень трудно...»

Несмотря на то, что после рождения дочери Ольга была поглощена заботами о малютке, она была рада помогать Толстому в работе над корректурами его сочинений и в разборке многочисленных писем.

Личная жизнь Ольги была несчастлива, и она давно бы развелась с Андреем, если бы Лев Николаевич не удерживал её, говоря: «Терпи, не унывай, не делай сама первого шага». Но после первой же измены мужа Ольга, взяв детей, уехала в Англию и без колебаний дала Андрею развод, когда он принял решение жениться на Е.В. Арцимович.

И после развода она продолжала с детьми посещать Ясную Поляну, пользуясь любовью и уважением всех её обитателей.

Лит.: Толстая О.К. Воспоминания о Л.Н. Толстом // *ЯП. сб.* 1978. — Тула, 1978.

Л. С. Дробат

ТОЛСТАЯ Пелагея Николаевна (рожд. кн. Горчакова; 1762-1838) - бабушка Толстого по отцовской линии.

Пелагея Николаевна была одной из двух дочерей старого князя Николая Ивановича Горчакова (кроме дочерей у него было три сына), богатого владельца имений в Ярославской, Орловской и Тульской губ. В одном из ранних конспектов «Войны и мира» Толстой характеризовал главных действующих лиц сочинения (они названы «Толстые» — будущие Ростовы): «Мать. Полное доверие, роскошь. Grande dame, влюблённая, глупая, и капризная, и добрая. Вышла безнадёжной старой девой и обожает мужа. Любит страшные романы и привидения. Суеверная. Братья беспутные. Одна с мужем. Обожает сына» (13: 17-18). Описание полностью совпадало с реальным характером П.Н. Толстой, как это часто бывало у Толстого в самых первых вариантах произведений.

П.Н. Толстая как представительница старшей ветви обширного рода князей Горчаковых пользовалась особенным уважением родственников и знакомых. Она вышла замуж в 1791 г. в возрасте 29 лет за 34-летнего графа И.А. Толстого. У них было 2 сына и 2 дочери: старший сын Николай, отец писателя («отца бабушка страстно любила»), младший сын Илья (умер семи лет в 1809 г.), старшая дочь Александра и младшая Пелагея. В возрасте 17 лет, живя с родителями в Петербурге, она записала 10 июня 1814 г., что только первые два года после женитьбы родители

провели в столице, потом отец оставил службу, уехал в деревню, чтоб посвятить себя семье и воспитанию детей. П.Н. Толстая во всём следовала за мужем, наравне со своими родными дочерьми она воспитывала оставшуюся в детстве сиротой свою дальнюю родственницу Т.А. Ёргольскую («Таненьку»). В единственном сохранившемся письме к жене (они никогда не разлучались) И.А. Толстой, переживая горе короткой разлуки, писал: «Бога ради, моя милая, ежели хочешь доказать твою приятную мне любовь, старайся сколь можно благоразумнее переносить несносную разлуку, которая, надеюсь, дней через десять кончится... прощай, Христос с тобой, будь милость его над тобой, чтоб ты была здорова... навсегда по гроб верный твой друг граф Илья Толстой» (*Гусев. Материалы*. I. С. 21).

После смерти мужа в 1820 г. П.Н. Толстая осталась жить в доме сына, Н.И. Толстого, где все её желания немедленно и беспрекословно исполнялись. «Отец со всеми бывал учтив и ласков, но с бабушкой он был всегда как-то особенно ласково подобострастен» («Воспоминания». Гл. III).

Вечерами в гостиной яснополянского дома собиралась большая семья, и об этих вечерах у писателя сохранились самые приятные воспоминания. Отец сидит с бабушкой на диване, помогая ей раскладывать пасьянс. Рядом в одном из кресел, продавив в нём себе ямку, лежит любимая собака отца Милка. В креслах сидят тётушки, и одна из них читает вслух любимые бабушкой романы мадам Радклиф...

С бабушкой у Лёвочки были связаны и самые ранние, ещё до переезда в Москву, воспоминания, которые сводились к трём впечатлениям: первое, как она умывалась каким-то особенным мылом, пуская на руках удивительные пузыри, второе — как её

516

вывозили камердинеры на руках, без лошади, в жёлтом кабриолете с рессорами в ближний лес Заказ собирать орехи, и камердинеры Петруша и Матюша нагибали ей ветки с гроздьями спелых орехов, а бабушка сама рвала их и клала в мешок. «...Бабушка, орешник, терпкий запах орехового листа, камердинеры, жёлтый кабриолет, солнце — соединились в одно радостное впечатление» (там же. Гл. IV). И, наконец, самое сильное впечатление — ночь, проведённая в спальне бабушки, и Лев Степанович, слепой старик-сказочник, остаток старинного барства деда, купленный только для того, чтобы рассказывать бабушке сказки Шехерезады, слово в слово, по книге.

В повестях «Детство» и «Отрочество» Толстой вывел П.Н. Толстую в образе бабушки. Вероятно, эпизод, когда Николенька Иртеньев

преподносит бабушке в день её именин стихи собственного сочинения, был 4 мая 1837 г., в день именин П.Н. Толстой. В начале этого года семья переехала в Москву, летом скоропостижно скончался Н.И. Толстой, а менее чем через год, не пережив потери единственного горячо любимого сына, скончалась и П.Н. Толстая (похоронена на кладбище Донского монастыря в Москве).

Её воспитанница Т. А. Ёргольская писала: «Её горе было страшно; в первый момент я думала, что она лишится рассудка. Сейчас она немного спокойнее, но не проходит часа в течение дня, когда бы она не плакала». (Гусев. *Материалы*. 1. С. 111). Позже Толстой, которому тогда не было десяти лет, вспоминал, что перед смертью бабушка долго страдала, и, когда привели к ней внуков прощаться, он испытал чувство страха, жалости и религиозного ужаса перед вопросами жизни и смерти. П.Н. Толстая умерла в Москве, в доме Щербачёва, на Плющихе. Это была первая смерть близкого человека, которую осознал будущий писатель. Он запомнил, как страшно было видеть принесённый гроб и «строгое лицо бабушки с горбатым носом в белом чепце и белой косынке на шее, высоко лежащей в гробу на столе» (34: 402). Но ему было приятно «подслушать», как говорили о нём и братьях: «Круглые сироты, только отец умер, а теперь и бабушка».

Образ бабушки, реальный и в то же время несколько сказочный, слился в воспоминаниях Толстого с тем общим детским ощущением счастья, гармонии с миром и людьми, которое позднее писатель запечатлел в первом своём произведении, повести «Детство», потом, с иными ощущениями, в «Отрочестве»; одним из главных персонажей этих повестей станет его бабушка П.Н. Толстая.

Л. С. Дробат

ТОЛСТАЯ Софья Андреевна (1844—1919) — жена Толстого, мемуаристка, писательница. Родилась 22 августа 1844 г. в с. Покровском-Стрешневе Московской губ., в семье врача придворного ведомства А.Е. Берса. По линии отца принадлежала к дворянскому роду Берсов, выходцев из Лифляндии, по линии матери — к тульским помещикам Исленьевым. Получив домашнее образование, в 1861 г. сдала экзамен при Московском университете на звание домашней учительницы. В 18 лет, 23 сентября 1862 г., вышла замуж за графа Толстого, к тому времени уже известного писателя. После венчания в Москве в кремлёвской церкви Рождества Пресвятой Богородицы поселилась с мужем в его усадьбе Ясная Поляна Тульской губ.

С первых дней супружеской жизни Софья Андреевна старалась быть полезной мужу во всех делах и начинаниях, будь то его писательский труд или хозяйственная деятельность. В первые годы совместной жизни

они редко разлучались. Писал ли Толстой свои романы, разводил ли пчёл, ловил рыбу, сажал сады — рядом с ним она, вдохновляя его и помогая. «Душенька», «голубчик», «самая лучшая на свете», - так снежностью и любовью обращался Толстой к жене в письмах на протяжении всей жизни. С рождением детей (из тринадцати рождённых до взрослых лет дожили восемь) она всю себя посвятила их воспитанию. Одарённая от природы многими талантами (говорили, что их у Софьи Андреевны «девятнадцать»), она всегда была занята: шила, вышивала, вязала, рисовала, фотографировала, проявляя и печатая снимки, давала уроки детям, лечила больных крестьян, сочиняла стихотворения и рассказы, занималась переписыванием и изданием произведений мужа, вела хозяйственные дела... И при этом выработала для себя правила: «Чтобы не сломиться под тяжестью бремени обыденной жизни – нужно быть чем-нибудь увлечённым», «Тот, кто жизнью поставлен в необходимость заниматься практическим делом, должен быть точен, быстр и внимателен, чтобы жизнь материальная не растягивалась бы на всё время и не мешала бы жизни духовной».

С.А. Толстая. 1889 г.

Всё, что С.А. Толстой приходилось в течение всей её жизни делать, она исполняла точно, ответственно и с большой любовью. С любовью она переписывала произведения мужа, занималась их публикацией, выпустив много отдельных изданий и восемь изданий собрания сочинений, тщательно готовя их печатание и затем участвуя в

реализации: заключала договоры с владельцами типографий, правила корректуры и организовала склад изданий во флигеле своего дома в Москве; собирала и хранила рукописи, позднее сдал их на хранение в Исторический и Румянцевский музеи. Она стала автором первой биографии Толстого, вышедшей в 1879 г. в томе избранных его сочинений в серии «Русская библиотека».

Обладая литературным талантом, С.А. Толстая написала рассказы для детей, объединённые в сборник «Куколки-скелетцы» (с 8 рисунками в красках, исполненными по плану автора художником А. Моравовым) и выпущенные в свет в 1910 г. Помимо своих рассказов: «Куколки-скелетцы. Святочный рассказ», «Бабушкин клад. Предание», «История гривенника. Сказка», -- она включила в этот сборник и рассказ младшего сына И.Л. Толстого (Ванечки) «Спасённый Такс. Рассказ Вани». В их основу положены случаи из жизни семьи Толстых и крестьян сельца Ясная Поляна. Каждый рассказ носит воспитательный характер, имеет глубокий социальный смысл. В 1904 г. в № 3 «Журнала для всех» под псевдонимом «Усталая» С.А. Толстая напечатала девять стихотворений в прозе: «Река», «Видение», «В монастыре», «В пещерах», «Осень», «Иней», «Тоска», «Поэт», «Ребёнок», объединённых под общим названием «Стон». Боль и скорбь матери, потерявшей горячо любимого младшего сына, и в связи с этим мысль о вечности жизни и суетности всего земного пронизывает все эти стихотворения. Её перу принадлежат также поэтические произведения, среди которых акrostих «Толстой» и стихотворение к 50-летию со дня рождения писателя. Две повести «Песня без слов» (1895—1900) и «Чья вина?» (1892-1893) посвящены С.И. Танееву и А.А. Фету, чьи любовь и участие помогали С.А. Толстой в трудных жизненных ситуациях. Написанная ею в юности повесть «Наташа» была уничтожена перед свадьбой. Неоднократно она выступала со статьями в печати, в последние годы работала над воспоминаниями «Моя жизнь». В разные годы написала мемуарные очерки «Поездка к Троице», «Женитьба Л.Н. Толстого», «Смерть Ванечки», «Воспоминания об И.С. Тургеневе» и др. В 1913 и 1915 гг. ею были подготовлены и изданы «Письма графа Л.Н. Толстого к жене 1862-1910 гг.» с комментариями, дающими огромный и важный материал к портрету Толстого. Они дополняют её «Дневник» и «Ежедневники», представляющие собой семейную летопись, отразившую особенности жизни семьи писателя.

На протяжении всей своей жизни С.А. Толстая стремилась создать все необходимые условия для творческого труда мужа, оберегая его покой, заботясь о его здоровье и возложив на свои плечи заботы о воспитании детей, а с осени 1884 г. – и все хозяйственные вопросы, получив от него доверенность на ведение дел и издание его произведений.

С.А. Толстая успевала заниматься и общественными делами. В 1892 г., когда по всей России прокатилась волна голода, она выступила в газете «Русские ведомости» с воззванием о благотворительности, помогала Толстому при открытии столовых в Тульской и Рязанской губ. В 1900 и 1901 гг. была попечительницей детского приюта в Москве на Девичьем поле, заботясь о средствах для питания и образования детей этого приюта.

Трудно, порой трагически переживала С.А. Толстая разногласия в семье, особенно после перелома мировоззрения мужа. Многие она не могла понять и принять в новой жизненной позиции Толстого, не могла до конца смириться с его «новыми», христианскими, социальными и религиозными убеждениями. Трагедией для всей семьи, и прежде всего Софьи Андреевны, стал уход Толстого из дома и его смерть на станции Астапово, вдали от Ясной Поляны. Только вера, большая любовь к мужу и всему, что было связано с ним, спасли С.А. Толстую в этом тяжелейшем и страшном испытании.

После смерти писателя на неё обрушился поток незаслуженных обвинений от поклонников Толстого, порой бесцеремонно вторгавшихся в жизнь семьи Толстых и пытавшихся делать анализ сложных семейных отношений. О том, какое горе и страдания причинял Софье Андреевне этот «интерес» к жизни их семьи, можно судить по её пометкам на страницах сборника статей и известий о последних днях Толстого «Дни нашей скорби», выпущенного в 1911 г. московской газетой «Студенческая жизнь». В них достойный ответ всем, кто пытался очернить её, забывая о том, как любил и ценил её Толстой; какое восхищение её трудолюбие, талант, высокая духовность и женственность вызывали у А.А. Фета, посвятившего ей свои

518

стихотворения, И.С. Тургенева, С.И. Танеева, Л.Д. Урусова, Н.Н. Страхова, В.В. Стасова, М.В. Нестерова, Н.Н. Ге, И.А. Бунина, М. Горького и многих других.

Большое горе причинило Софье Андреевне завещание Толстого. Подписанное тайно от семьи, в лесу, оно предоставляло право всенародного пользования его произведениями, лишая тем самым семью возможности получения гонорара за издание его сочинений. Оставшись без средств к существованию, С.А. Толстая вынуждена была прийти к решению продать Ясную Поляну государству. 10 мая и 18 ноября 1911 г., дважды, она обращалась к царю с прошениями о приобретении Ясной Поляны в гос. собственность. Но правительство отказалось от покупки Ясной Поляны. В последовавшие за этим годы С.А. Толстая прилагала

огромные усилия для сохранения дома и усадьбы. Получая ежегодно назначенную ей после смерти Толстого из средств гос. казначейства пенсию в размере 10 тысяч рублей, ведя умело хозяйство, она выкупила в марте 1913 г. у сыновей принадлежавшие им части Ясной Поляны, 200 десятин с усадьбой. Продолжая жить в своём доме, бережно хранила его как память о Толстом, составляя описание предметов и книг по комнатам, шкафам, прикладывая к ним пояснительные записки, раскрывающие историю предметов (в настоящее время эти описания представляют собой важные научные документы для музейных работников и исследователей творчества Толстого). В кабинете писателя и его спальне С.А. Толстая оставила неприкосновенной обстановку последнего дня жизни Толстого. Она проводила первые экскурсии по этим комнатам. В Ясную Поляну приезжало много народа, и, желая упорядочить посещение дома и усадьбы, через газету «Русское слово» в июне 1913 г. она обратилась с заявлением о разрешении такого посещения только один раз в неделю в определённое время.

В трудные годы Первой мировой войны С.А. Толстая продолжала жить в Ясной Поляне, храня и оберегая её, ведя хозяйство, заботясь о крестьянах, помогая беженцам. Когда в 1917 г. по всей округе громили помещичьи усадьбы и подобная опасность угрожала Ясной Поляне, она пережила трудное время. Но яснополянские крестьяне не дали мужикам из соседних деревень разгромить дом Толстого, встретив их с топорами, вилами, рогаками. С.А. Толстая вынуждена была обратиться с просьбой об охране Ясной Поляны в Министерство внутренних дел. В голодные 1918-1919 гг. она заботилась о пропитании семьи и служащих усадьбы, волнуясь за судьбу России, детей и внуков, оказавшихся далеко от неё.

Умерла Софья Андреевна от воспаления лёгких 4 ноября 1919 г. в своём яснополянском доме, в котором прожила 57 лет и который сохранила для будущих поколений как музей своего мужа Л.Н. Толстого. Во время её похорон осиротевшие яснополянские крестьяне в знак большой любви и уважения к ней просили священника отслужить от них панихиду, «памятуя добродетели дорогой и глубокочтимой Софьи Андреевны». Похоронена Софья Андреевна, как и завещала, на сельском семейном кладбище в Кочаках у Никольского храма.

Уже после её смерти М. Горький написал очерк «О С.А. Толстой» — одно из лучших произведений о женщине, которая 48 лет была рядом с Толстым. «Самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия» назвал Горький Толстого. «Роль единственного интимного друга, жены, матери многочисленных детей и хозяйки дома Льва Толстого — роль неоспоримо очень тяжёлая и ответственная, — признавал писатель, — Возможно ли отрицать, что София Толстая лучше и глубже, чем кто-либо иной, видела и чувствовала, как душно, тесно гению жить в атмосфере обыденного, сталкиваться с пустыми людьми? <...> Жить с

писателем, который по семи раз читает корректуру своей книги и каждый раз почти наново пишет её, мучительно волнуясь и волнуя; жить с творцом, который создаёт огромный мир, не существовавший до него, — можем ли мы понять и оценить все тревоги столь исключительной жизни?

Нам неведомо, что и как говорила жена Льва Толстого в те часы, когда он, глаз на глаз с нею, ей первой читал только что написанные главы книги. Не забывая о чудовищной пронизательности гения, я всё же думаю, что некоторые черты в образах женщин его грандиозного романа знакомы только женщине и ею подсказаны романисту. <...>

Говоря о жене его, следовало бы помнить, что при всей страстности натуры художника София Андреевна была единственной его женщиной на протяжении почти полувека. Она была его интимным, верным и, кажется, единственным другом.

519

Хотя, по щедрости богатого духом, Лев Толстой называл друзьями многих людей, но ведь это были только единомышленники его. И, согласитесь, трудно представить человека, который поистине годился бы в друзья Толстому» (Горький. М. О С.А. Толстой // Горький М. Портреты. М., 1967. С. 146-149).

Лит.: Комарова Т.В. Ангел Ясной Поляны // Памятники Отечества. 1992. № 28; Комарова Т.В. С.А. Толстая - детям // Лицей на Пушкинской. Тула, 1999-2000. № 13-14.

Т.В. Комарова

ТОЛСТАЯ Софья Николаевна (рожд. Философова; 1867-1934) — жена сына Толстых Ильи Львовича. Отец её, Н.А. Философов, — художник-портретист, почётный член Академии художеств, мать — из семьи Писаревых-Раевских. Дед — А.И. Философов — троюродный брат М.Ю. Лермонтова, воспитатель и учитель Александра III, друг семьи гр. А.А. Толстой. Илья Толстой в восемнадцать лет увлёкся С.Н. Философовой. Перед свадьбой он находился в «том невменяемом состоянии, в котором находятся влюблённые» (64: 151). После венчания 28 февраля 1888 г. в Москве молодожёны уехали в Ясную Поляну и прожили свой «*lune de miel*» (медовый месяц) в трёх нижних комнатах дома до весны, радуясь робинзоновской жизни (вся семья и прислуга жили в Москве). Их встретили повар Николай и няня М.А. Арбузова. Вечерами читали вслух «Мадам Бовари» Г. Флобера. Затем через некоторое время они обустроились в Гринёвке, где прожили двадцать

лет. Там всегда было много Философовых, простосердечных, славных, добродушных и простых в общении и в жизни. С.Н. Толстая любила в Илье доброту, мягкость, жизнерадостность и старалась быть терпеливой.

В их семье были драматические периоды жизни, которые всех огорчали, особенно С.А. Толстую. 13 октября 1891 г. она ездила к Илье в гости и застала там грустную картину. «Первый день провела с Соней. <...> Тяжёлое они на меня произвели впечатление. Любви между ними мало, интересы низменные, хозяйство плохо. Илья имеет подавленный и несчастный вид, его очень жаль. Кто из них виноват, Бог знает, но счастья у них мало» (ДСАТ. I. С. 215-216). И всё же она любила и хвалила Соню за то, что та «старается отклонять от Ильи и от семьи всё безобразное и безнравственное» (там же. С. 266).

У С.Н. Толстой был хороший голос. Уроков пения она никогда не брала, но пела хорошо и просто. Толстой всегда с удовольствием слушал её пение. Порой он или С.Л. Толстой аккомпанировали ей. Иногда она пела вместе с Т.Л. Толстой или с В.Ф. Булгаковым.

В 1900 гг. она увлеклась, как тогда многие женщины, теософией. «Они думают, что занимаются философией», — говорил Толстой и считал, что «увлечение теософией — это реакция против материализма» (ЯПЗ. 3. С. 43). Она была «милой, доброй, полной женщиной, теософка по убеждениям, — вспоминал В.Ф. Булгаков. — Она пела, выбирая для исполнения, главным образом, романсы религиозно-поучительного содержания: “Crucifix” <”Распятие”. — лат.> “Фора”, “Подвиг” и “Был у Христа-младенца сад” Чайковского и т.п. Илья долго любил свою жену, но потом проявил неверность ей» (Булгаков В.Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 178).

12 сентября 1907 г. Толстой расспрашивал невестку об Илье, который стал служить в земельном банке в Саратове. Та рассказывала, как скромно он живёт: «...квартира и стол за 40 р. “Это ему к чести служит”, — заметил Л.Н.» (ЯПЗ. 2. С. 510).

Во время Первой мировой войны С.Н. Толстая вместе с А.Л. Толстой служила во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым на Западном фронте.

В 1917 г. И.Л. Толстой, вернувшись из Америки, встречался с женой; никаких предложений о возвращении в семью она не сделала, но и развод отложила, считая, что так у него будет возможность остаться свободным.

12 октября 1918 г. С.Н. Толстая едва ли не последний раз приезжала в Ясную Поляну. «Утром приехала невестка С.Н. Толстая. Я ей была рада, старину мне напомнило, хотя много в ней для меня теперь чуждо. Живёт легче многих, потому что теософка, и поёт, устраивает с Сашей <А.Л. Толстой. - А.Л.> вечера пенья» (ДСАТ. 2. С. 464).

После неудачной попытки уехать через Владивосток и Японию к отцу в Америку, 27 ноября 1918 г. побывав в Ясной Поляне, сыновья С.Н. Толстой Михаил, Андрей и Владимир стали пробираться на юг в Новочеркасск, где их ждали мать и сестра Вера. Сын Илья ещё раньше уехал к Колчаку на восток. Там на юге 28 марта 1919 г. Михаил умер от сыпного тифа в Новочеркасском госпитале. Андрей погиб 3 апреля 1920 г. в Новороссийске во время боя. Владимир, Вера и Софья Николаевна заразились сыпным тифом, но выжили.

В 1919 г. мать и дочь каким-то чудом попали на пароход, который отплывал в

520

Югославию (Сербию). С.Н. Толстая вела дочь на пароход под руки, так как она была слаба, на голове шапка (Вера была без волос). После нескольких лет скитаний и «хождений по мукам» — Салоники, Югославия, Австрия — С.Н. и В.И. Толстые прибыли в Прагу. Президент Чехословакии Томаш Масарик, почитатель Толстого, предложил им на выбор: пособие Софье Николаевне до конца дней или стипендия на учёбу в Пражском университете Вере Ильиничне. Они выбрали пособие матери.

С.Н. Толстая умерла и похоронена в Праге.

А.Н. Полосина

ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА Софья Андреевна (1900-1957) — внучка Толстого, дочь его младшего сына Андрея Львовича. Директор ГМТ в 1942-1957 гг. Автор публикаций и книг, выпущенных в соавторстве с крупными учёными-толстоведом. Приложила много усилий по созданию музея Л.Н. Толстого и собиранию его фондов. С июля 1925 г. - жена поэта С.А. Есенина.

В детстве со своей матерью О.К. Толстой (рожд. Дитерихс) и братом Ильёй (родители рано разошлись) жила в Англии вместе с семьёй родной тётки А.К. Чертковой. Позже она вспоминала: «Из Англии я писала ему <деду Толстому — Л.П.> письма, послала ему свою фотографию и из писем бабушки <С.А. Толстой. — Л.П.> знала, что он здоров или болен, что он гуляет и пр. От окружающих начинала понимать, что мой дедушка — это что-то замечательно хорошее и большое, но что именно и чем он такой особенно хороший, не знала. Восьми летя прочла “Кавказский пленник”. Во всю свою последующую жизнь ни одной книги я не читала с таким огромным восторгом, как восьми лет “Кавказского пленника”. Я

знала его почти наизусть. Это было невероятно сильное наслаждение, вернее, пробуждение» (ОР ГМТ).

Давно стала хрестоматийной фотография, сделанная В.Г. Чертковым в 1909 г.: Толстой рассказывает сказку об огурцах внукам Соне и Илюше. Толстому очень нравился этот снимок. В кадрах старой кинохроники можно увидеть юную Сонечку Толстую: при посещении Толстым Крёкшина, где жил его друг Чертков, девятилетняя Соня встречает своих дедушку и бабушку букетом цветов. Радость общения с дедом оборвалась с его смертью в 1910 г.

В Москве в 1918 г. Толстая-Есенина окончила гимназию Алфёровой, училась в Московском университете на факультете общественных наук. В 1925 г. закончила литературное отделение Гос. Института Слова. Свободно владела английским языком. В 1920-1921 гг. была официальным представителем музея-усадьбы Ясная Поляна при музейном отделе Наркомпроса. С 1926 г. – литературный сотрудник музея Союза писателей, где проработала 14 лет, став хранителем музея и заведующей библиографическим кабинетом. По совместительству с 1928 г. заняла должность учёного секретаря музея Толстого.

Особенно ценную помощь Толстая-Есенина оказывала музею Толстого в период подготовки к 100-летию писателя. Она сама отобрала и привезла в фонды ГМТ многие экспонаты из художественных хранилищ Москвы и Ленинграда, участвовала в подготовке и открытии юбилейной экспозиции в музее Толстого.

После гибели С.А. Есенина Толстая-Есенина собрала уникальную коллекцию рукописей, изданий и личных вещей поэта, открыла музей его памяти, став первым хранителем. Взяла на себя основной труд по

изданию стихов Есенина, дала ценные комментарии к ним. Фактически она явилась последовательным пропагандистом и хранителем наследия двух классиков русской литературы.

По её ходатайству ГМТ вместе с филиалами в 1939 г. перешёл в ведение Института мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР и с тех пор стал научно-исследовательским центром мирового значения по изучению и пропаганде творчества писателя, где собраны и бережно хранятся его рукописи.

В тяжелейшее время Великой Отечественной войны, в 1942 г., Толстая-Есенина возглавила музей Толстого в Москве и Ясной Поляне, организовала эвакуацию рукописей и экспонатов в Сибирь и вместе с сотрудниками музея сохранила бесценное наследие писателя. После разгрома фашистов под Москвой, освобождения Ясной

521

Поляны и возвращения назад реликвий в короткий срок была восстановлена и открыта для посетителей музей-усадьба Ясная Поляна, открыты новые экспозиции музея в Москве. При участии Толстой-Есениной в 1942 г. вышел в свет сборник статей «Ясная Поляна», где она и другие авторы рассказали о бесчинствах немецко-фашистских захватчиков на земле Толстого. Сборник получил известность во всём мире и вызвал бурю негодования против вандалов.

За подвижническую деятельность в годы войны Толстая-Есенина была награждена орденом «Знак Почёта», двумя медалями. Она пользовалась большим уважением среди русской и зарубежной творческой интеллигенции. Её московская квартира была своеобразным литературным салоном, где собирались писатели, актёры, художники, певцы, музыканты. Все ценили в ней преданность классической литературе, «толстовский ум» и обаяние.

В 1949 г. по инициативе Толстой-Есениной был открыт музей на железнодорожной станции Астапово, названной «Лев Толстой», где, тяжело больной, провёл свои последние дни её великий дед. До конца своих дней Софья Андреевна руководила музеем Л.Н. Толстого. Она похоронена в Ясной Поляне в родовом некрополе Толстых Кочаках.

Лит.: Подсвинова Л.Ф. Последняя любовь Сергея Есенина // Поэзия. — 2000. № 3-4; Калинина Н.А., Подсвинова Л.Ф. Неизвестные страницы из жизни С.А. Толстой-Есениной (по материалам архива С.А. Толстой-Есениной) // Толстовский ежегодник. — Тула, 2001; Подсвинова Л.Ф. Легко ли быть внучкой Толстого и женой Есенина. К 100-летию С.А. Толстой-Есениной // Факел. - 2000. № 4.

Л.Ф. Подсвинова

ТОЛСТОЙ Алексей Константинович (1817-1875) — писатель, троюродный брат Толстого. Окончил курс словесного отделения Московского университета, занимал различные чиновные и придворные должности, в 1855-1861 гг. — флигель-адъютант Александра II, в 1861 г. ушёл в отставку.

Современники отмечали разносторонность дарования А.К. Толстого: лирик, воспевавший природу, добро, красоту, создатель романсов и баллад, блистательный сатирик, автор драматической трилогии («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис») и прозаической повести из эпохи Ивана Грозного («Князь Серебряный»). Наряду с фантастическими повестями («Упырь», «Семья вурдалака» и др.) он писал философские и религиозные поэмы («Грешница», «Иоанн Дамаскин» и др.), вместе с братьями А.М. и В.М. Жемчужниковыми был создателем пародийной литературной маски Козьмы Пруткова. Как поэт стал известен с 1840-х гг. Многие его лирические стихотворения приобрели широкую известность и были положены на музыку П.И. Чайковским, П.П. Булаховым и др.

Знакомство Толстых произошло в декабре 1856 г. 13 декабря А.К. Толстой писал своей будущей жене С.А. Миллер: «Вчера я позвал к себе на завтрак Л.Н. Толстого, он очень хороший человек: мне хотелось бы, чтоб он с тобой познакомился. Толстой написал своё “Юношество”, которое появится в январском “Современнике”. Я предвкушаю большое удовольствие» (47: 388).

В декабре 1856 г. Толстой часто виделся со многими петербургскими писателями, в т.ч. и с А.К. Толстым.

Их объединяли общие взгляды на искусство и отрицательное отношение к «гоголевскому направлению» в литературе. Их страстным увлечением была музыка. В январе 1857 г. Толстой познакомился со скрипачом Г. Кизеветтером, ставшим одним из прототипов героя его рассказа «Альберт». Тот же Кизеветтер вдохновил А.К. Толстого на создание стихотворения «Он водил по струнам, упали...» (1857).

В истории взаимоотношений Толстых это был единственный случай, когда музыка объединила поэта и прозаика. В последующие годы творчество А.К. Толстого продолжало развиваться в русле эстетического направления, а взгляды Толстого на искусство и литературу претерпели существенные изменения.

В трактате «Что такое искусство?» Толстой негативно оценивал всё современное искусство и особенно музыку. Драматическую поэму «Царь Борис» А.К. Толстого он ставил в один ряд с историческими драмами А.Н. Островского и рассматривал их как «подражания подражаниям»: высоко ценя многие сочинения Пушкина, его «Бориса Годунова» Толстой считал подражанием Шекспиру, а «Царя Бориса» А.К. Толстого,

соответственно, — «подражанием» Пушкину. «Такие подражания подражаниям наполняют все литературы самыми ничтожными, ни на что не нужными произведениями» (30: 124). Таким образом,

522

в контексте размышлений Толстого о «вредном влиянии критики на вкусы публики и писателей», А.К. Толстой оказался в одном ряду с Шекспиром, Пушкиным, Островским.

Поэзия А.К. Толстого, как и его драматические произведения, неизменно вызывала критические отзывы Толстого: писатель называл его «искусственным и прозаическим стихотворцем» (34: 275). Поэтическое творчество А.К. Толстого он рассматривал в контексте развития всей русской поэзии XIX в., которая, как он считал, движется по нисходящей линии. В иерархии поэтов А.К. Толстому отведено место между А.А. Фетом, Н.А. Некрасовым и поэтами, принадлежащими к «новому искусству». Проясняют отношение к поэзии А.К. Толстого письма Толстого Фету: «С вашими стихотворениями выписал я Тютчева, Баратынского и Толстого. Сообществом с Тютчевым, я знаю, что вы довольны. Баратынский тоже не осрамит вас своей компанией; но Толстой — ужасен. Я открыл его в разных местах, и одно хуже другого. Например, картина ночи “не скрипят в сенях ступени” <стих. А. Толстого “Милый друг, тебе не спится...”> - *И. Л.-Б.*>. Отчего же не сказано, что не хрюкают в хлеве свиньи? И всё в том же роде. <...> Баратынский настоящий <...>. Один стих “Любить и лелеять недуг бытия” <«Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» — *И. Л.-Б.*> стоит дороже всех драм Толстого» (6-7 декабря 1876 г.); «Вы пишете, что в “Русском вестнике” напечатали Толстого, а ваше “Искушение” лежит у них. Такой тупой и мёртвой редакции нет другой» (22-23 марта 1877 г.).

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

ТОЛСТОЙ Алексей Львович (1881 — 1886) — один из младших сыновей Толстых, родился 31 октября 1881 г. в Москве, в доме кн. Волконского в Денежном (ныне Лёвшинском) переулке, в доме № 3.

Алёшу любили все в доме, это был прекрасный ребёнок — «чудный, умненький, красивый мальчик... Как солнышко в доме, был всегда весёлый, со всеми ласковый, всеми любимый» (Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской 20 января 1886 г.). Толстой однажды был очень тронут словами маленького сына о дружбе с ним: «Алёша льнёт ко мне и говорит: мы с папа дружны...» (83: 479).

Этот умный и добрый мальчик прожил всего четыре года. 18 января 1886 г. он скончался от «горловой болезни» в московском доме Толстых, в Хамовниках. «Алёша задыхался, горел от страшного жара и через 36 часов умер. Точно мрачная туча нависла над семьёй Толстых. Маленького 4-летнего Алёшу любили все, только двухлетняя Саша ничего не понимала, смеялась и, как всегда, радовалась жизни.

Софья Андреевна, не отходявшая от Алёшиной постели, рассказывала, что перед самым концом Алёша вдруг широко открыл свои большие, серые, с большими ресницами глаза: “Вижу, вижу...” — сказал он, и так и умер с выражением удивления и восторга на личике» (Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989. С. 263).

Не только родители и старшие дети в семье переживали смерть Алёши, но и маленькие тоже: «Андрюша <...> разрыдался, когда увидел куколку Алёши, в красной рубашечке мальчика. Он положил его, бросился в подушки и стал рыдать. Миша не плакал, а с недоумением и грустью спрашивал: “Никогда, никогда мы больше не увидим Алёшу?”» (Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской 20 января 1886 г.).

Для родителей смерть сына была тяжёлым ударом. Отец и мать по-разному перенесли это несчастье. Раньше к смерти своих близких Толстой относился очень болезненно, смерть омрачала все его мысли и чувства. Но сейчас смерть Алёши он воспринял в свете своего нового религиозного сознания. 18 января 1886 г. он писал Черткову: «Об этом говорить нельзя. Я знаю только, что смерть ребёнка, казавшаяся мне прежде непонятной и жестокой, мне теперь кажется и разумной и благой. Мы все соединились этой смертью ещё любовнее и теснее, чем прежде». Для Софьи Андреевны смерть Алёши была бессмысленной жестокостью.

Похоронили Алёшу на кладбище при селе Никольском, близ Покровского-Стрешнева под Москвой. С.А. Толстая писала сестре: «Так вот, где Химка внизу течёт, так на другом берегу, где село Никольское, на обрыве высоком над речкой, отведено кладбище. Место чудесное... и земля чистая, Божья, нетронутая, и природа чудесная... Я решила туда и похоронить Алёшу».

В 1932 г. прах А.Л. Толстого перенесён на Кочаковское кладбище.

Е.Г. Шестакова

ТОЛСТОЙ Андрей Львович (1877—1916) — один из младших сыновей Толстого; помещик, владелец имения Таптыково в Тульском уезде в 18 км от Ясной Поляны.

Как много раз уверяла Софья Андреевна, именно этого сына Толстой любил больше, чем остальных, — за искренность во всём, и в дурном, и в

хорошем («люблю, потому что он подлинный»), за доброе сердце. Сама С.А. Толстая, видя все недостатки

523

Андрея, обожала своего «милого, любящего, весёлого, щедрого, честного» сына.

«Милый Андрюша, жалкий Андрюша», так часто начинал писатель свои письма к сыну, а в дневнике писал: «Удивительно, почему я люблю его. Сказать, что оттого, что он искренен и правдив, — неправда. Он часто неправдив (правда, это сейчас видно). Но мне легко, хорошо с ним, люблю его. Отчего?» (55: 50-51).

Природная доброта и врождённое свойство очаровывать людей непостижимым образом уживались в Андрее с гордостью и самоуверенностью, он считал себя правым всегда, а отец говорил ему, что это его главный недостаток. С 15 лет Андрей пропадал в деревне Ясной Поляне, играл на гармони, пел частушки, без него не начинался ни один хоровод. Та жизнь, которую Андрей вёл с подросткового возраста, не могла не тревожить его отца.

В 18 лет Андрей сообщил ему, что хочет жениться на яснополянской крестьянке Акулине Макаровой, Толстой же отвечал, что «питьё водки <...> и игра на гармони не имеют ничего общего с женитьбой» (68: 215). Когда Андрей жаловался на скуку и отсутствие интересных для него занятий, отец напоминал, что таких занятий множество, если не жить только для своего удовольствия, и что нельзя ставить целью в жизни безумную трату денег, не заработанных своим трудом. Андрей жил только своими интересами, меньше, чем остальные сыновья, был близок взглядам отца. В обществе одни его любили за открытый, общительный, весёлый нрав, он мог быть душой компании, с большим мастерством и чувством пел под рояль или гитару цыганские романсы, другие же считали, что у Андрея плохая репутация — пьяница, кутила, дикий характер, страстный поклонник женщин, имевший бесчисленное количество романов.

Он учился в гимназии Поливанова в Москве, потом в катковском лицее, но учёбу бросил, курса не кончил. В 1896 г. поступил вольноопределяющимся на военную службу, уехал на Кавказ. 8 января 1899 г. женился на О.К. Дитерихс, которая была старше на 5 лет, в браке с ней родилось двое детей, Соня и Илья. Брак вскоре распался из-за полного несходства характеров. В августе 1904 г. Андрей добровольцем уехал на Русско-японскую войну, награждён Георгиевским крестом, был контужен и 10 января 1905 г. вернулся с фронта боевых действий. В декабре 1906 г. поступил на службу чиновником особых поручений при тульском губернаторе М.В. Арцимовиче, был представлен его жене Е.В.

Арцимович, к тому времени матери 6 детей. Через несколько месяцев (14 ноября 1907 г.) А.Л. Толстой и Е.В. Арцимович вступили в брак, как она позднее писала в своих воспоминаниях, их соединила любовь, всё прощающая, всё понимающая и благодарная. В 1908 г. у них родилась дочь Маша. Вместе они прожили до самой смерти Андрея от заражения крови в 1916 г.

А.Л. Толстой объяснял близким, что расположением к нему отца обязан своим сходством с героем драмы «Живой труп» Федей Протасовым. Сам же писатель не искал причины своей любви к «худшему по жизни из всех сыновей», а просто говорил ему: «Несмотря на всю твою отдалённость от меня по взглядам, я тебя очень, очень люблю» (75: 165).

Лит.: Толстой А.Л. О моём отце // *ЯП. сб.* 1965. — Тула, 1965; Толстая Е.В. Записки (1876—1919 гг.) // Л. Н. Толстой и его близкие. — М., 1986.

Л.С. Дробат

ТОЛСТОЙ Валериан Петрович (1813-1865) — муж сестры Толстого М.Н. Толстой. Знакомство Толстого с его будущим зятем произошло ещё в отроческие годы, примерно в 1838 г. В 1905 г. П.И. Бирюков сделал со слов писателя такую запись по факту казанского периода жизни Толстого: «Приезд Горчакова Петра Дмитриевича, сибирского генерал-губернатора, и его адъютанта Валериана Петровича, и моё увлечение его красотой и кавалерийскими панталонами» (34: 401).

В.П. Толстой служил в гусарском полку, перед женитьбой вышел в отставку с чином майора. Он женился на М.Н. Толстой 3 ноября 1847 г., когда она едва вышла из Благородного пансиона. Ей было 17 лет, ему

вдвое больше. Т.А. Кузминская писала в воспоминаниях: «Она говорила мне, что <...> ей было безразлично, за кого выходить замуж» (*Кузминская*. Ч. III. Гл. X). Жить стали с матерью Валериана, Елизаветой Александровной (сестрой Т.А. Ёргольской), в Покровском, Чернского уезда Тульской губ., растили детей, занимались имением. В письме Толстому 24 ноября 1851 г. М.Н. Толстая рассказывала о новых делах и постройках мужа: это конный двор, скотный, новая кухня, молодой сад, грунтовой сарай. «Новый дом их очень хорош!» — писал в декабре 1853 г. Николай Толстой брату Льву.

В старости Толстому припомнилось о Валериане, что он «хорошо говорил по-немецки, по-французски» (*ЯПЗ*. 1. С.480). Знакомство молодого Толстого с В.П. Толстым весьма похоже на знакомство Ир-

524

теньевых с адъютантом Дубковым на страницах повести Толстого «Отрочество». У Дубкова ногти и прекрасное знание французского языка позволяли ему считаться человеком «комильфо». В «Отрочестве» от подражания Дубкову у брата Володи идёт «страсть к вещам». В июле 1856 г. в записной книжке Толстого, относящейся к писанию «Юности», появилась заметка: «Тип Валерьяна, любящий и имя и отчество, и вещи, имеет маленькие, закруглённые пухлые ручки, похожие на кисточки» (47: 190). Вскоре в варианте второй редакции появился текст, соединяющий тип Валерьяна с образом Дубкова, у которого «руки были маленькие, пухлые, загнутые внутрь, чрезвычайно ловкие и с мягкими пальцами, похожими на кисточки, именно тот сорт рук, на которых бывают перстни и которые принадлежат людям, помнящим имена и отчества всех знакомых, имеющим хороший, даже щеголеватый выговор на иностранных языках и любящим иметь красивые вещи» [1 (19): 423-424]. Фрагмент этот с небольшими изменениями вошёл в окончательный текст «Юности».

Родственное расположение Толстого к зятю оказалось неустойчивым. Признавая, например, что он «благоразумен и честен» (46: 168), Толстой был сильно разочарован общением с ним в Пятигорске, куда в 1852 г. супруги приехали на лечение. Толстой служил тогда на Кавказе: не видевшись два года, как писал он брату Сергею, Валериан за две недели не сказал ни одного «душевного слова». В июле 1853 г. Толстой в дневнике записал о родственнике: «...нет в нём того тонкого чувства благородства, которое для меня необходимо, чтобы сойтись с человеком. <...> Как недостаёт у Валериана <...> такта, чтобы не смеяться над наружностью и манерами людей» (46: 168).

17 октября 1854 г. сосед покровских Толстых И.С. Тургенев, живший в 20 верстах, в Спасском-Лутовинове, написал В.П. Толстому: «Милостивый государь! Посылаю Вам № «Современника», в котором помещена повесть брата Вашей супруги — «Отрочество», — думая, что это будет интересно для Вас. Я давно имел желание с Вами познакомиться. <...> Я чрезвычайно высоко ценю талант Льва Николаевича и весьма бы желал знать о нём, где он и что с ним» (*Тургенев. Письма. Т. 2. С. 231—232*). Вскоре В.П. Толстой посетил Спасское 24 октября Тургенев впервые приехал в Покровское и тогда же написал Некрасову что жена графа — «премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна» (там же. С. 238).

В июне 1856 г. супруги Толстые гостили в Спасском, в это время Тургенев работал над повестью «Фауст», и налицо сходство черт внешнего и внутреннего облика М.Н. Толстой и героини повести — в характере мужа Веры Ельцовой можно увидеть отражение некоторых черт натуры В.П. Толстого. Позднее в Покровском читали «Фауста». Тургенев встречался с супругами Толстыми в Москве, во время своих приездов в Спасское-Лутовиново, состоял с ними в переписке.

Внук Толстого, С.М. Толстой, основываясь на семейных преданиях, писал в статье о М.Н. Толстой: «Валериан часто отлучался из дому: ездил то по делам (вплоть до самой Сибири), то на охоту <...>, а то жил, и временами подолгу, у крепостной крестьянки, родившей ему нескольких детей, с которой он не порвал и после брака. По возвращении домой он вёл себя как жестокий и требовательный деспот, держал в страхе жену, детей и многочисленную челядь» (*Прометей. 12. С. 270*). По воспоминаниям Кузминской, он «вёл очень безнравственную жизнь и изменял жене, когда только представлялся случай» (*Кузминская. Ч. III. Гл. X*).

После развода М.Н. Толстой с мужем Тургенев жёстко оценил личность В.П. Толстого в письме к Полине Виардо 25 июня / 7 июля 1858 г.: «...я провёл три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным. У неё трое детей, которые отлично растут, особенно с тех пор, как папаши нет с ними» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 418*).

В.П. Толстой умер 6 января 1865 г., один, в Липецке. С этим событием связано предание, бытовавшее в семье Толстых. В тот день М.Н. Толстая с детьми гостила в Ясной Поляне. Вдруг она с раздражением сказала о том, что кто-то ударил её по плечу, хотя к ней никто не подходил. По воспоминаниям дочери её Вари, Ергольская, найдя это странным, записала день и час «предзнаменования» в свою записную книжку. Когда через несколько дней пришло известие о смерти В.П. Толстого, оказалось, что время его смерти совпало с записанным Ергольской.

В ноябре 1899 г., размышляя о прожитой жизни, о приближающемся суде «там», брат Сергей писал Льву Толстому: «Конечно, и в людском суде принимают во внимание смягчающие обстоятельства <...>, то есть среду, в которой мы росли, примеры Валериана Петровича, Владимира Ивановича <Юшкова. - Т.А.> и всего тогдашнего склада жизни, и трудно было увидеть, что это было всё дурно и ужасно. Ты увидел это раньше меня».

Лит.: Архангельская Т.Н. Знакомый И.С. Тургенева В.П. Толстой // Спасский вестник. - Орёл, 2001. № 7.

Т.Н. Архангельская

ТОЛСТОЙ Дмитрий Николаевич (1827 — 1856) — третий брат Толстого, родился 23 апреля 1827 г. в Ясной Поляне.

Дмитрий был ближе всех по возрасту ко Льву, в детстве отличался большой резвостью и шаловливостью, а иногда капризами, которые в молодости заменились приступами необъяснимой злобы. Вспоминая детские игры, Толстой описал, как он, тогда пяти лет, и Митенька — шести (к ним присоединялись младшая сестра Маша и ровесница Льва, воспитанница Дунечка Темяшева) сидели под стульями, которые завешивались платками и загораживались подушками, и старались как можно теснее прижаться друг к другу, говоря, что они стали «муравейными братьями». «Иногда мы под стульями разговаривали о том, что и кого кто любит, что нужно для счастья, как мы будем жить и всех любить» («Воспоминания». Гл. «Брат Серёжа»).

Учился Дмитрий всегда очень старательно и хорошо, хотя учитель братьев Толстых, студент Поплонский, определяя их отношение к учению, о Дмитрие отзывался так: «хочет, но не может», — что Лев считал неправдой.

В 1843 г. вместе с братом Сергеем Дмитрий поступил на математическое отделение философского факультета Казанского университета, где уже учился старший брат Николай. Закончив университет в 1847 г., Дмитрий уехал в своё имение Щербачёвку, Курской губ. (330 крепостных крестьян и 1000 десятин земли), где занялся хозяйством и составлением проектов по улучшению жизни своих крестьян. Он предполагал выстроить больницу для крестьян и школу для их детей, раздать мужикам саженцы груш и яблонь, чтобы у каждого был свой сад и т.д. Неизвестно, были ли им исполнены его хозяйственные планы.

Он был всегда малообщителен, чуждался всякой светской жизни, имел характер беспокойный и непостоянный, вспыльчивый и несдержанный. Был велик ростом, худ, с длинными большими руками и сутуловатой

спиной. В спокойном состоянии это был тихий, серьёзный юноша с задумчивыми, строгими, грустными карими глазами.

В университете он вёл строгую, религиозную, церковную жизнь, посещая все службы и соблюдая посты. Толстой писал о брате: «Он всегда был серьёзен, вдумчив, чист, решителен, вспыльчив, мужественен и то, что делал, доводил до предела своих сил» (там же. Гл. IX).

Братья Толстые: Сергей, Николай, Дмитрий, Лев.
1854 г.

Уже на Кавказе Толстой узнал из писем брата Сергея, что с Дмитрием произошла неожиданная перемена. Если во всё время университетской жизни и два года после он жил «воздержной жизнью, не зная ни вина, ни табаку, ни, главное, женщин» (там же), то теперь он вдруг предался разгулу, «стал пить, курить, мотать деньги и ездить к женщинам» (там же). Его образ жизни совершенно изменился. Страстная и странная натура Дмитрия бросала его от одного увлечения к другому, от занятий хозяйством к торговым предприятиям, от желанья и попыток служить в Москве и Курске к азартным карточным играм.

Толстой потом внесёт некоторые черты характера брата в характер Дмитрия Нехлюдова в «Юности» и «Романе русского помещика», но более всего в характер Николая Левина в «Анне Карениной», который тоже вдруг сблизился с самыми гадкими людьми и пустился в самый беспутный разгул. Писатель считал, что и в религии Митенька искал узы на свою страстную натуру. Ту проститутку Машу, которую он первой узнал, он выкупил из публичного дома, считая это своим нравственным долгом. Взял её к себе, она и ухаживала за ним во всё время его предсмертной мучительной болезни. И в этом своём поступке брат был «тем же серьёзным, религиозным человеком, каким он был во всём» (там же).

Дмитрий всегда шёл своим собственным, отдельным от братьев, путём. В университете он выбрал себе товарища не из аристократического круга, а самого бедного, жалкого, оборванного студента. Его другом стала и жившая в семье Толстых «из жалости» некая Любовь Сергеевна, «самое странное и жалкое», «кроткое, забитое существо», на которое в доме никто не обращал внимания. Родные осуждали Митеньку за его «низкие вкусы и знакомство», у светских знакомых он вызывал насмешки, на которые не обращал внимания. Толстой считал, что эта «драгоценная черта» — равнодушие к людскому мнению — у Дмитрия и Николая общая с матерью, и очень ценил её.

Как и старший брат Николай, Дмитрий скончался от чахотки: поехал из Щербачёвки в Москву для консультаций с врачами, по дороге ему стало хуже, и в Орле он попал в больницу. Толстой в это время был в Петербурге, но на несколько дней приехал к умирающему брату. Перед смертью Дмитрий метался, никак не мог успокоиться, просил всех, чтобы дали ему возможность переехать в Ясную Поляну, где надеялся спокойнее умереть. Умер он 22 января 1856 г. Когда незадолго до своей смерти писатель работал над воспоминаниями, он закончил главу о брате Дмитрие покаянными словами: «Я был особенно отвратителен в эту пору. Я приехал в Орёл из Петербурга, где я ездил в свет и был весь полон тщеславия. Мне жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся в Орле и уехал, и он умер через несколько дней. Право, мне кажется, мне в его смерти было самое тяжёлое то, что она помешала мне участвовать в придворном спектакле, который тогда устраивался и куда меня приглашали» (там же).

Желание Дмитрия Толстого быть похороненным в Ясной Поляне исполнилось весной 1856 г. Его похоронили в фамильном склепе Толстых, рядом с могилами отца и матери.

Лит.: Толстой С.М. Древо жизни. - М., 2002. С. 148-163.

Л. С. Дробат

ТОЛСТОЙ Иван Львович («Ванечка»; 1888-1895) — младший сын Толстого, последний, тринадцатый, ребёнок в семье, удивительно талантливый, сердечный и чуткий, поражавший всех серьёзностью и добротой, но проживший очень короткую жизнь.

Ванечка родился 31 марта 1888 г. в Москве, в хамовническом доме. С момента его рождения жизнь семьи наполнилась новой любовью. Толстой испытывал необыкновенную нежность к маленькому сыну,

видел в нём «духовно, любовно одарённого мальчика» (68: 70). Один из старших сыновей вспоминал, что «отец полюбил его, как младшего ребёнка, со всей силой родительской, старческой привязанности» (Толстой И.Л. Гл. XXIV).

Ванечка Толстой.
1890. Ясная Поляна

Отец и сын были очень похожи, особенно выражением глаз. Один из современников писал: «На этом детском личике поражали глубокие серьёзные серые глаза; взгляд их, особенно когда мальчик задумывался, становился углублённым, проникающим, и тогда сходство с Львом Николаевичем ещё более усиливалось» (Русанов. С. 145).

Всегда очень занятый повседневной работой, Толстой всё же уделял младшему сыну много внимания. Он часами играл с ним. Была у них обоих любимая игра: отец брал большую плетёную корзину с крышкой, сажал туда Ванечку или Сашу (младшую дочь), или их друга Кузьку и носил эту корзину по всему дому закрытую; потом останавливался где-нибудь и велел тому, кто сидит в корзине, угадывать, в какой они комнате. Об этой игре Толстой вспоминал даже вдали от дома: «Ваня! Мы скоро приедем и будем тебя носить в корзинке. И туда принесём, что ты не догадаешься. А когда откроем крышку, ты увидишь то, чего <...>

никогда не видал». По воспоминаниям Софьи Андреевны, он ни одному из своих детей, даже первенцу Сергею, не уделял в своё время столько души, сколько любимому Ванечке.

Толстой учил сына говорить, читать, сам читал ему сказки, которые Ванечка потом пересказывал с придуманными новыми подробностями. Большим успехом в семье пользовались книжки Жюль Верна, который нравился Толстому прежде всего как искусный популяризатор знаний. В 90-е гг. отец читал младшим детям «Необыкновенные путешествия» Ж. Верна, соединяя при этом поучение с развлечением, беседу с игрой: «Сейчас Саша с Ванечкой, — писал он в Москву жене, — рассматривали карту мира и узнавали, где Патагония, в которую поехали дети капитана Гранта» (1894, сентябрь).

Читать и писать Ванечка учился по «Азбуке» Толстого, которая по сей день лежит на столе в его детской комнате московского дома. Большие способности он проявлял и при изучении иностранных языков: в 6 лет свободно владел английским, понимал французский и немецкий языки. Он любил рисовать, был очень музыкален, пластичен, хорошо танцевал.

Время от времени Толстой ставил перед сыном всё более сложные задачи: Ванечка

527

сам должен убирать свою постель, стол, игрушки, не затрудняя няню. Отец учил его быть добрым, честным, справедливым. Особенно радовало его, когда мальчик проявлял по отношению к окружающим доброту и ласку. Это было то самое главное, что Толстой больше всего желал видеть в своих детях; в дневнике 16 января 1891 г. отмечал: «Кухаркин сын Кузька, ровесник Ванечки, пришёл к нему. Ванечка так обрадовался, что стал целовать его руки. Так естественно радоваться всякому человеку при виде другого».

Проявление искренней любви и доброты по отношению к окружающим его людям было, наверное, главной чертой этого ребёнка, которая делала его особенным. Он любил устраивать праздники для других, умел «справлять именины» любимой няни: «Он волновался за несколько дней, у Ванечка Толстой-всех спрашивал, кто 1893-1894 гг. что подарит няне, и сам готовил чашку, платочек, шкатулочку или ещё что», — вспоминала С.А. Толстая (Толстая С.А. Ванечка. Истинное происшествие из его жизни // Семья и школа. 1991. № 6. С. 38). Он готовил с помощью мамы рождественские праздники и ёлки, делал подарки не только для всех приглашённых детей, но и для прислуги, и для детей прислуги (на декабрьскую ёлку 1890 г. в яснополянский дом пришло 80 человек из деревни, и все были оделены подарками!). В московском доме, кроме множества поздравительных открыток Вани Толстого к разным праздникам, хранится один из рождественских подарков любимой маме — бумажная салфетка, красиво расшитая бисером и нитками руками Ванечки, с дарственной подписью на обороте. Софья Андреевна говорила о сыне: «Ванечка.. любил людей, любил писать письма, угощать, праздновать, дарить, и как многие любили его!» (Толстая С.А. Смерть Ванечки // ДСАТ. 1. С. 516). «У него на всех хватало нежности». Замечателен такой случай из жизни Ванечки. В примыкающей к саду хамовнического дома клинике для душевнобольных находился пациент, заболевший после смерти своего единственного ребёнка. Он нашёл утешение в общении с Ванечкой. Общались они через забор. Но разговоры были самые серьёзные. Мальчик внушил больному, что есть ещё много любви в этом мире и что всех надо любить. После этих разговоров в душе больного вновь пробудилось желание жить. В благодарственном письме С.А. Толстой он писал: «...не доктора исцелили меня, но Бог послал мне утешением вашего Ванечку, этого ангела, который мне дал счастье новой любви к нему и через него — ко всем детям и людям» (Толстая С.А. Ванечка. Истинное происшествие... С. 39).

В этом ребёнке было врождённое чувство справедливости. Он не мог переносить, когда при нём сердились, всегда заступался за свою сестру Сашу, если её обижали старшие братья, заступался за няню, когда на неё сердилась мама. Он был «до отчаяния несчастлив и горько плакал, если, поссорившись с Мишей, тот не сразу хотел с ним мириться... Он так любил Мишу» (ДСАТ. 2. С. 199). Любая несправедливость вызывала в нём чувство недоумения и протеста. Когда в семье произошёл раздел имущества и Софья Андреевна объяснила сыну, что Ясная Поляна принадлежит ему, Ванечка запротестовал и ответил, что «всё — всехнее». Он удивлял окружающих своими суждениями. Старший его брат Сергей писал, что это был «очень способный мальчик, не по годам развитой, сердечный и чуткий».

Ваня Толстой, как и отец, обладал особенным чувством природы: любил прогулки по лесам Ясной Поляны, любил хамовнический сад, любил собирать грибы, ягоды, цветы, составлять гербарии, сажать деревья. Мальчик тонко понимал красоту мира. Покидая на зиму 1894 г. Ясную Поляну, он с матерью обычно прощался с любимыми местами: «Когда мы влезли на вышку, мы с ним залюбовались видом. Был ясный, слегка морозный октябрьский день. Блестело всё от замерзшей росы. Ванечка долго всматривался в даль и сказал: “Красота, и я с тобой. И ничего больше не надо”». Он уже и тогда понял, писала Софья Андреевна, «что на свете ничего не может дать столько счастья, как красота и любовь» (Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8. С. 112).

Ванечка Толстой. 1893 – 1894 гг.

Он очень любил писать письма своим родным и близким — сначала под диктовку, потом сам. Он обладал несомненным даром художественного воображения, как маленький сказочник, повествующий о событиях и переживаниях своей детской жизни: «Милые барышни... В зоологический сад мы ездили, и я боялся. И там были слоны большие 2, и белые медведи и американский осёл, и как это называется пеликаны и страусы... Медведь чёрный плясал. И был

528

туман, и мы скорей поехали... И напиши всё это папе, и поцелую его и кланяюсь и прощаюсь... Ваня» (ГМТ, музей-усадьба). Толстой любил читать письма маленького Вани. Когда был в разлуке с сыном, просил: «Ванечка, напиши мне письмо. Я тебя люблю. Папа».

Реальные события нашли отражение и в первом сочинённом Ванечкой рассказе про собаку, «Спасённый такс», который Софья Андреевна записала со слов сына. Рассказ был напечатан в популярном детском журнале «Игрушечка» за 1895 г. № 3.

Весь этот яркий, светлый мир детской жизни терял свои краски, когда Ванечка болел. Болел он часто. 1895 год стал трагическим в жизни семьи Толстых. С начала года Ванечка всё время недомогал. Во время болезни спросил Софью Андреевну, правда ли, что дети, умершие до семи лет, бывают ангелами: «Лучше и мне, мама, умереть до семи лет. Теперь скоро моё рождение, я тоже был бы ангел. А если я не умру, мама милая, позволь мне говеть, чтобы у меня не было грехов» (Толстая С.А. Моя жизнь). 20 февраля он заболел скарлатиной. Видя переживания матери, мальчик сказал: «Не плачь, мама, ведь это воля Божия» (Толстая С.А. Смерть Ванечки // ДСАТ. 1. С. 513). 23 февраля 1895 г. Ваня Толстой умер. Ему было 6 лет, 10 месяцев и 22 дня от роду.

26 февраля Толстой записал в дневнике: «Похоронили Ванечку. Ужасное — нет, не ужасное, а великое духовное событие». И позднее: «Природа пробует давать лучших и, видя, что мир ещё не готов для них, берёт их назад...» Он говорил: «А я-то мечтал, что Ванечка будет продолжать после меня дело Божие. Что делать!» (ДСАТ. 1. С. 512, 515).

Через много лет после смерти сына С.А. Толстая писала: «Я знала, чувствовала, что Ванечка был один из <...> ангелов, посылаемых Богом к людям, чтоб напомнить им о любви. Ванечка исполнил свою миссию и навеки покинул землю, не испытав ничего кроме любви, которой давал в таком избытке людям и которой люди платили ему» (Толстая С.А. Воспоминания о Ванечке // ОР ГМТ).

Лит.: Шифман А.И. Ванечка // Москва. 1978. №9.

Е.Г. Шестакова

ТОЛСТОЙ Илья Львович (1866 — 1933) — второй сын Толстого. Родился в День Всех Святых. Маленький Илья был ширококост, бел, румян и сияющ, нежен и чувствителен, аккуратен и бережлив, мало болел, плохо учился, думал о том, о чём ему не велели думать, сам выдумывал игры, любил драться и был самобытен во всём. Первым его учителем по русскому и французскому языкам была мать; по арифметике, латинскому, греческому и гимнастике — отец. Затем домашним учителем по русскому языку и математике стал В.И. Алексеев. Он преподавал параллельно курсу гимназии. Илья каждый год держал экзамены в тульской гимназии, выдержав, зачислялся в следующий класс. Алексеев довёл Илью до пятого класса гимназии. Другие предметы вели француз-гувернёр m-г Nief, который был коммунаром, и

приглашённые учителя. Учитель музыки давал уроки игры на фортепьяно и на скрипке. Илья рос за «каменной стеной англичанок, гувернёров и учителей». Алексеев отмечал, что он «особенно ничем не увлекался, кроме собак и охоты» (Алексеев В.И. Воспоминания // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 250).

В Москве он продолжил учение в частной гимназии Л.И. Поливанова на Пречистенке. С.Л. Толстой вспоминал, что Илья «боялся гимназии и ему жаль было лишиться в осеннее время охоты, к которой он пристрастился» (*Очерки былого*. Гл. «С осени 1881 до осени 1898 года. Первая зима в Москве»). Вскоре он увлёкся С.Н. Философовой и каждую субботу ходил в гости к её родителям. По мнению С.А. Толстой, «весь интерес его жизни» не гимназия, а Соня Философова, и он «живёт воспоминаниями, перепиской и будущим». Когда 27 октября 1886 г. она получила письмо Ильи о женитьбе, то не знала, «желать ли этого брака или нет», и решила прямо не прилагать к этому руки, а «во всём положиться на Бога» (*ДСАТ*. 1. С. 120, 113).

В 1887 г. Илья проходил военную службу в Сумском драгунском полку, стоявшем в Москве в хамовнических казармах. А в феврале 1888 г. он собрался жениться на С. Философовой, «славной, простой, здоровой, чистой девушке» (64: 151). Из всех детей Илья женился первым. Толстой считал, что подождать не худо. Он давно знал, что «из ста шансов девяносто девять, что, кроме несчастья, от брака ничего не выйдет» (64: 115).

Молодожёны поселились в Ясной Поляне, в комнате под сводами, рядом с комнатой няни. Затем они жили сначала в сельце Протасове, близ родового имения Толстых Никольского-Вяземского в Чернском уезде. В эту пору Илья часто гостил в Пирогове. В семье С.Н. Толстого любили, когда к ним приезжал он в «своей двухколёске», особенно в пору увлечения охотой. «С ним всегда было очень весело и интересно;

529

он имел <...> способность очень быстро сочинять целые красивые рассказы» (Бибикова М.С. В семье Толстых // Л.Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 19-20).

С 1891 г. после семейного раздела И.Л. Толстой жил в сельце Гринёве (Гринёвке), где прошли самые счастливые для семьи годы. Он занимался хозяйством передовыми для своего времени методами, земскими делами, школами, писательством. Он плотничал, столярничал; ремонтировал мебель, увлекался резьбой по дереву. Очень любил книги, умел их переплетать, «сиживал у букинистов при поездках в Москву и радовался, когда привозил какую-нибудь редкую книгу» (Толстая-Попова А. Мои

воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // Красная новь. М.; Л., 1928. № 9. С. 151-152).

В 1891-1892 и в 1898 гг. И.Л. Толстой деятельно участвовал в организованной Толстым кампание помощи голодающим. В 1898 г. С.А. и Л.Н. Толстые приехали в Гринёвку для организации столовых. Софье Андреевне Ильи не понравился: «Хозяйство у Ильи и Сони очень скудно и плохо. <...> Детьми совсем не занимается; с народом не добр; ничего серьёзного не делает, любит только лошадей. Соня же с народом добра, лечит их, хлопочет, чтоб их прокормить, даёт муки и крупы детям и бабам». Через некоторое время С.А. Толстая отметила в дневнике, что в «Гринёвке идёт горячая жизнь. <...> Открыто двадцать столовых <...>, раздача идёт муки; весь день народ с мешками на подводах: то привозят купленное: муку, картофель, пшено, то получают недельную выдачу и развозят по столовым» (ДСАТ. 1. С. 379, 382).

В 1901 г. И. Л. Толстой купил имение Мансурово сельца Дубровки Калужской губ., и большая семья с детьми Анной, Андреем, Михаилом, Ильёй и Володей переехала в просторный трехэтажный дом елизаветинских времён. Вера родилась в Мансурове в 1903 г., а Кирилл в 1907 г. Имение было убыточное. Долгие годы (1890-1917) И.Л. Толстой вёл скитальческую жизнь в поисках «доходного места», часто меняя место жительства, службу, должности: гласный Калужского земства, страховой агент, оценщик Крестьянского банка в Калуге. После продажи Гринёвки жил то в Пензе, то в Саратове, в Симбирске, в Москве, в Петербурге, изнемогал от хронического безденежья, от груза забот, от неудовлетворённости самим собой. Мать сочувствовала сыну, несмотря на расстроенные отношения из-за бесконечных имущественных и денежных недоразумений. 22 мая 1891 г.: «Сегодня рождение Ильи. Как-то он, бедный, живёт в своей неясной, бестолковой среде хозяйства, семьи и вечного сомнения и недовольства судьбой» (там же. С. 186). Он часто с семьёй или один приезжал в Ясную Поляну. «Приехал Илюша; мне очень жаль его, я знаю, что дела его плохи; между тем мне слепо давать деньги своим детям, не руководя их делами, невозможно. Я никогда не знаю, для чего я даю и где предел» (там же. С. 253). Новый 1899 г. С.А. Толстая встречала в семье Ильи: «Вечером гости, великолепная ёлка <...> соседи, дворовые, крестьяне. Песни, пляски, ряженые. <...> Хорошо у Ильи то, что пускают в дом всех, веселись кто хочет. <...> Гостеприимно, беспорядочно, добродушно и широко живут, но я бы так не смогла» (там же. С. 437). Она любила Илью, «спутавшегося старого ребёнка» (ДСАТ. 2. С. 93).

Толстой «всегда имел слабость к Илье и некоторое время не видел его недостатков» (ДСАТ. 1. С. 166). Он как-то сказал дочери Марии, что «все его сыновья пишут против его взглядов, только один Илья, слава Богу, этого не делает» (ЯПЗ. 1. С. 214).

Илья был внешне очень похож на отца. Талантливый и оригинальный, в ранней молодости он находился под его влиянием, занимался вместе с ним косьюбой, сапожным ремеслом, но, «к сожалению, освободился от этого влияния, -- к сожалению, потому что оно не заменилось ничем более основательным. В конце концов он прожил жизнь как попало, без размышлений и в своё удовольствие, а пожилым вдруг принялся за литературу и искусство» (Булгаков В.Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 177).

По мнению отца и многих современников, Илья обладал несомненным литературным даром. И.А. Бунин писал, что «это был весёлый, жизнерадостный, очень беспутный и очень талантливый по натуре человек» (Освобождение Толстого. Гл. VII). В.Ф. Булгаков считал, что это «талант, оставшийся неразвитым!» (Булгаков В.Ф. О Толстом. С. 178).

И.Л. Толстой был знаком со многими писателями, музыкантами, художниками... «По наружности похожий на отца», он «унаследовал от него более других братьев литературную жилку, но, увы, в очень слабой степени»; «он всегда проклинал своё происхождение от знаменитого отца; по его словам, отец, сам того не замечая, давил в них наследственную талантливость громадностью своего гения: рядом с ним они всегда с отчаянием убеждались в собственном ничтожестве. Сравнение с великим отцом убивало их энергию. Может быть, и правда» (Скиталец. Лев Толстой // ТВС. 2. С. 273).

И.Л. Толстой увлекался фотографией, печатался во многих газетах. В 1911—1913 гг. написал и опубликовал в «Русских ведомостях» и в «Русском слове» главы из будущей книги «Мои воспоминания» — первый талантливый, правдивый, поэтичный рассказ о жизни семьи, об отце и матери, их светлой и в то же время мучительной любви друг к другу и детям, о предках, родных и друзьях дома, о жизни большой семьи, озарённой гением отца — светом Ясной Поляны и России. Книга вышла в свет в 1914 г., была переведена на иностранные языки. Тогда же И.Л. Толстой стал выступать с лекциями об отце. В 1916 г. он написал сценарий по рассказу отца «Чем люди живы» и исполнил роль барина, ангела играл А. Вертинский. После неудавшейся попытки создать на кооперативных началах газету «Новая Россия» и распада семьи (он разошёлся с женой), 2 ноября 1916 г. он отплыл в Америку по делам издания своих очерков и рассказов на английском языке. В тот же день он писал матери: «Очень жалею, что никак не мог заехать в Ясную Поляну проститься, так много было хлопот с писанием и переводом лекций» (ДСАТ. 2. С. 589). В США он выступал со статьями о событиях в России, призывал к сближению обеих стран.

Сын писателя Илья с женой. 1888 г.

В мае 1917 г. И.Л. Толстой вернулся в Россию с письмом Рузвельта Временному правительству. 20 сентября приехал в Ясную Поляну «похудевший, постаревший и — жалкий» (там же. С. 451) и в тот же вечер

уехал. Через несколько дней последним поездом он ехал от «кошмара русской революции» в Америку. На этот раз путь шёл через Восток.

В эмиграции он зарабатывал чтением лекций о жизни и творчестве Толстого в разных городах и университетах США» много писал в американских газетах и журналах о России и русской революции, переводил произведения Толстого на английский язык. В конце 1920-х гг. участвовал в экранизации романов «Анна Каренина» и «Воскресение», безуспешно боролся с искажениями в сценариях сочинений Толстого. Снялся в роли Толстого в фильме «Воскресение». Параллельно перерабатывал книгу «Мои воспоминания», писал рассказы, работал над романом о русской жизни, перевёл на английский язык «Чем люди живы».

Ещё в 1890-1900-е гг. И.Л. Толстой написал повесть «Труп», читал отцу, которому она понравилась. Читал в Ясной Поляне и «свою повесть любви» «Поздно» (проблематика «Крейцеровой сонаты»), она вышла в «Вестнике Европы» (1914. № 4). Другие его повести, рассказы, стихи остались в рукописях.

Незадолго до смерти И.Л. Толстой купил маленький домик. В 1933 г. он серьёзно заболел и умер от рака в больнице Нью-Хейвена (США). Перед смертью просил ухаживающую за ним сестру А.Л. Толстую помочь ему умереть. Он умер с любовью ко всем.

Лит.: Толстой Илья. Свет Ясной Поляны. М., 1986; Толстой И.В., Светлана-Толстая С.В. Пути и судьбы: Из семейной хроники. М., 1998.

А.Н. Полосина

ТОЛСТОЙ Лев Львович (1869-1945) — сын Толстого; литератор, скульптор, мемуарист. В литературных кругах начала XX в. его знали как *графа Льва Толстого-сына* или *графа Льва Толстого-младшего*. И никто не догадывался, какой болью отзывалось это уточнение в душе самолюбивого автора. Единственный из детей Толстого избравший профессию литератора, но малоспособный к ней, он был обречён всегда оставаться в тени великого отца. Имя, данное родителями на счастье, в реальной жизни стало источником недоразумений, горестей, обид.

Он родился на излёте весны, 20 мая 1869 г. в Ясной Поляне, и первые его детские воспоминания так или иначе связаны с родным гнездом, нежностью и заботой домашних. Позднее он воссоздал многое из того, что испытал в первые двенадцать лет жизни, в книге «*Яша Поляков. Воспоминания для детей из детства*», — лучшим из всего, что он написал за свою долгую и мучительную жизнь. Эта книга первоначально печаталась в журнале для детей «Родник» (СПб., 1898. № 1-5), потом выходила отдельным изданием (М., 1899; СПб.; М., 1906).

Он рано начал писать. С девяти лет наравне со старшими пробовал вести дневник. В то же время в нём начинало формироваться сознание избранности. Едва переступив порог классической мужской гимназии Л.И. Поливанова в Москве, он стал подписываться, как отец, словно пробуя, примеряя на себя эту ношу: «Лев Толстой». Ещё не вполне понимая, как странно выглядит это сочетание применительно к мальчику в гимназической форме, он 25 сентября 1884 г. в письме к матери пояснил: «*Л. Толстой* — уж так я расписываюсь в журнале, когда я дежурный в классе» (ОР ГМТ).

531

Окончив гимназию, осенью 1889 г. Л.Л. Толстой поступил на медицинский факультет Московского университета. Год спустя перешёл на филологический, но и там учёба не задалась. Он пробовал дать выход своему литературному дарованию. Ему казалось, что у него есть понимание важнейших нравственных проблем России. В апреле 1890 г. он делился своими сокровенными мыслями с «милым другом Димой», как он называл тогда В.Г. Черткова. «Рассказ свой я показывал отцу, и он одобрил, хотя сделал несколько замечаний и сказал, что написано неопытно, но содержание хорошее и что он бы в мои годы не выбрал такого, а стал бы писать про разбойников, например. Он сказал, чтобы я продолжал и поправлял рассказ и что он сам даже хочет украсть у меня содержание и написать на эту тему» (ОР ГМТ). Действительно, 8 апреля 1890 г. Толстой записал в дневнике: «Читая Лёвино сочинение, пришло в голову: воспитанье детей, т.е. губление их, эгоизм родителей и лицемерие. Повесть вроде Ивана Ильича» (51: 33). И хотя замысел остался нереализованным, важен сам факт, первый импульс, который Толстому дал рассказ сына.

Но вскоре последовал первый сбой. 19 января 1891 г. С.А. Толстая записала: «От Лёвы было прекрасное письмо; но, боже мой, какой он впечатлительный и мрачный! Нет жизнерадостности — не будет цельности, гармонии ни в жизни его, ни в трудах, а жаль!» (ДСАТ. 1. С. 146). Без сомнения, здесь мать узнала собственные негативные черты характера.

Дальнейшее подтвердило правоту и наблюдательность С.А. Толстой, хотя внешних оснований для тревоги как будто не было. В апреле 1891 г. под псевдонимом *Львов Л.* были напечатаны первые рассказы Л.Л. Толстого «Любовь» и «Монте-Кристо». Они были, правда с оговорками, одобрены Толстым и сочувственно встречены читателями.

Однако совмещать литературные занятия с учёбой становилось всё труднее и Л.Л. Толстой уже подумывал о выходе из университета, когда в

России случился голод. Узнав о масштабах народного бедствия, он подал прошение об отпуске в университете и 25 октября 1891 г. уехал в Бузулукский уезд Самарской губ. налаживать столовые и раздачу хлеба голодающим крестьянам. В письмах матери он подробно рассказывал о трудностях и радостях работы на голоде. Он не только подражал отцу — он шёл по его пути, но своею тропой. 30 июня 1892 г. его провожали из Патровки как спасителя «с хлебом-солью на столе с белой скатертью, со старшинами и пожеланиями самых высших благ земных от народа».

А дальше события развивались с такой стремительностью, что остановить их никому уже не представлялось возможным: выход из университета 12 октября 1892 г., считанные дни на военной службе в Царском Селе в ноябре-декабре 1892 г., решение врачебной комиссии признать Л.Л. Толстого больным и отправить домой до принятия присяги. В январе 1893 г. он был уже в Петербурге и даже успел наметить план совместной с А.П. Чеховым поездки в Америку.

Но вскоре изнурительная болезнь продиктовала иной маршрут: во Францию, к знаменитым докторам, и первое впечатление от заграницы было омрачено полной физической беспомощностью молодого человека. Едва встав на ноги, Л.Л. Толстой вернулся из Парижа в Ясную Поляну, а потом судьба подарила ему встречу с Э.Т. Вестерлуном и его семьёй. Знакомство в декабре 1895 г. с одной из дочерей доктора Вестерлуна, 17-летней Доротеей, и вовсе обернулось для Л.Л. Толстого настоящим рождественским подарком. Они обвенчались в Стокгольме в мае 1896 г., а осенью приехали в Ясную Поляну, где прожили, с незначительными перерывами, несколько лет в надежде свить своё гнездо по образу и подобию родительского. Смерть первенца, «Льва III-го», в конце декабря 1900 г. перечеркнула все планы молодой семьи. Дом, купленный в Петербурге незадолго до этого страшного события, позволил Л.Л. Толстому с семьёй покинуть Ясную Поляну и начать новую жизнь в новом веке с траурной отметиной в душе...

К этому времени имя его уже было известно в литературных кругах обеих столиц. Но для всех он был и оставался прежде всего *сыном великого Толстого*, а он хотел, чтобы его воспринимали независимо от отца. И отношения с критиками складывались трудно прежде всего потому, что сквозь ткань художественного вымысла Л.Л. Толстого просвечивали идеи и образы отца, принимаемые или отвергаемые сыном. В этом смысле показательна судьба «Прелюдии Шопена» (1898). Рассказ написан в очевидной полемике с «Крейцеровой сонатой» Толстого, о которой ранее, после первого прочтения, 19 января 1890 г. сын отзывался как о величайшей повести отца.

Открытый спор сына с отцом летом 1898 г. смутил и изумил многих читателей. В наэлектризованном российском общественном сознании само имя автора, дерзнувшего публично обсуждать уязвимые места

толстовской философии, спровоцировало скандал. Самым блистательным выступлением против повести Л.Л. Толстого

532

был фельетон-пародия В.П. Буренина. Эпиграфом к пародии на сочинение Толстого-сына критик поставил двустишие:

Я написал сей первый opus
Затем, чтоб удивить Европу-с.

Придумал и подпись, пародирующую все возможные варианты подписи Л.Л. Толстого: «Тигр Тигрович Соскин-Младенцев. Москва. Тупик у Спаса на Болвановке. Жёлтый дом».

Л.Л. Толстого это не обескуражило. Его книги (Для детей: Рассказы. М., 1898; 2-е изд., доп. — М., 1901; Рассказы из времён студенчества. — М., 1898; «Прелюдия Шопена» и другие рассказы. — М., 1900; Правдивые рассказы для детей. — М., 1903; «Слепунюшка» и другие рассказы для детей младшего и среднего возраста. — СПб., 1905; «На Упе» и другие рассказы для детей среднего и старшего возраста. — СПб., 1905; и др.) были замечены, но желаемого успеха не принесли.

В целом итог первого десятилетия работы в литературе был неутешительным. К моменту переезда в Петербург стало ясно, что открытие нового литературного имени не состоялось. Вторичность дарования Л.Л. Толстого, его зависимость от этических взглядов отца не вызывала сомнений даже у тех, кто симпатизировал молодому автору и заинтересованно следил за его судьбой. Его роман «Поиски и примирение» в 1902 г. печатался за подписью *Лев Толстой-сын* и вызвал резкое охлаждение отношений с отцом и другими членами семьи. По совету А.С. Суворина Л.Л. Толстой попробовал себя в драматическом роде. Его пьесы ставились на сценах некоторых театров, но, как правило, после нескольких представлений снимались с репертуара. Во время болезни в начале 1890-х гг. Л.Л. Толстой увлёкся переводами. Первые из них появились без подписи в газете «Русские ведомости». Он периодически писал стихи, но печатать их рискнул только после смерти отца, чьё скептическое отношение к поэзии было ему известно.

Вдали от Ясной Поляны Л.Л. Толстой начал интенсивно писать, а вскоре и печатать свои воспоминания об отце, в подспудной надежде восстановить прерванные отношения. После смерти отца чувство вины взяло верх над желанием оправдать мать и себя.

В лучших сочинениях Л.Л. Толстого подкупала искренность автора, живая интонация, достоверность ситуаций. Долгие годы он мечтал о

своём издании, но ни в 1905, ни в 1913 гг. ему не удалось это сделать. В августе 1918 г., в мутное время революционного террора, возникла ежедневная авторская газетка «Весточка». На её страницах на плохонькой серой бумаге два Льва Толстых впервые по-настоящему обрели друг друга. Умудрённый жизнью гений жил проблемами вечности, думал о неразгаданных тайнах бытия... Его сын горел, страдал сиюминутным, преходящим, но причиняющим истинную радость или боль. Он искал свой путь в этом разрушенном мире, свою правду и впервые за долгие годы вновь обретал её в интеллектуальном, художественном и философском пространстве яснополянского мудреца, не понятого и не оценённого им при жизни. Фрагменты «Круга чтения» Толстого на страницах «Весточки» воспринимались как гениальный аккомпанемент к отрывкам из очерков Л.Л. Толстого «Вокруг света во время войны и революции (С декабря 1916 года по август 1918 года): Краткие очерки». С 24 августа по 6 сентября 1918 г. вышло 10 номеров газеты. Но в условиях террора издание пришлось прекратить.

24 сентября 1918 г. Л.Л. Толстой покинул Россию. Мудрое правительство, о котором он мечтал, так и не появилось ни в России, ни в других странах мира. А попытка оставаться просто лояльным к власти осенью 1918 г. становилась опасной для собственной жизни. В России шла Гражданская война, и дороги всё дальше уводили Л.Л. Толстого в Германию, Францию, Италию, Америку, Швецию...

Лев Толстой с сыном Львом и внуком Львом. 1899 г.

Он жил трудно, постоянно нуждался, держался особняком, вдали от всех групп русской эмиграции. Человек европейской культуры, он так и

не сумел реализовать заложенные в нём способности. Его скромные таланты литератора, мемуариста, скульптора (он учился в Париже у О. Родена) и художника радовали лишь отдельными всплесками. Мысленно он так и остался в России и до конца своих дней продолжал вести свой нескончаемый спор с отцом — спор длиной в целую жизнь...

«Опыт моей жизни» — так назвал Л.Л. Толстой книгу воспоминаний, точно указав её цель и назначение. «В назидание потомкам» писалась она с единственным желанием рассказать и о себе — и о том мире, что канул в небытие с уходом из Ясной Поляны отца, великого писателя Льва Толстого.

Л.Л. Толстой успел написать только часть задуманного. История заблудившейся души, немало обещавшей миру в начале своего пути, осталась недописанной.

533

18 октября 1945 г. он умер в Хельсингборге, в 20 км от имения сына Петра, где провёл последние восемь лет жизни.

Лит.: Сын и отец: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л. Толстого // Лица: Биогр. альманах. — М.; СПб., 1994. Т. 4; Абросимова В.Н. Поэтические опыты Льва Львовича Толстого (1869-1945) // Новое литературное обозрение. — М., 1996. № 21.

В.Н. Абросимова

ТОЛСТОЙ Михаил Львович (1879 — 1944) — 20 декабря 1879 г. в семье Толстых родился мальчик «здоровенький, спокойный и красивый». Отец, услышав крик новорождённого, «как и раньше всегда, громко зарыдал, а потом поцеловал» жену, «утирая слёзы» (С.А. Толстая). Много лет спустя, вспоминая рождение Михаила, С.А. Толстая писала в неопубликованных записках «Моя жизнь»: «Красивый, кроткий и здоровый был мальчик Миша, и таким он и остался». В семье сохранилась детская фотография М.Л. Толстого. Он был похож на мать, а глаза — светлые, как у отца. Его детство прошло в Ясной Поляне. Роль Арины Родионовны играла «старая, низенькая и полная» няня Анна Степановна Суколенова. Она выходила Мишу, его брата Андрея и Александру. Миша рос в кругу младших детей: Андрея, Александры и Вани. Вчетвером они составляли прекрасную компанию, их жизнь в Ясной Поляне напоминала непрекращающийся праздник. Особенно нежно Миша любил сестру Татьяну, свою крёстную мать, часто называл её «мама Таня». Он получил хорошее домашнее воспитание: его учили

английскому, французскому и немецкому языкам. Ещё в детстве он проявлял интерес к музыке. Мать это заметила и приглашала учителей музыки, например, Н.Д. Кашкина, который считал, что «дети Толстого все преспособные, но лентяи — ужас». С.А. Толстая сама учила Мишу игре на фортепьяно: он всех удивлял «своим слухом и прекрасной манерой играть». По его желанию его стали учить игре на скрипке. Впоследствии он виртуозно играл на всех музыкальных инструментах. «Так и вижу, вспоминал его друг Василий Перфильев, — его корявые, не больно чистые руки с пальцами, как сосиски, замечательно выбивающие на балалайке тульскую барыню с разными причудливыми переборами» (цит. по: Полосина А.Н. Михаил Львович Толстой // Русская провинция. 2001. № 3. С. 73). Впоследствии М.Л. Толстой научился играть на гитаре и «свободно и хорошо аккомпанировал любому цыганскому романсу со всеми хлёсткими и мудрёными переборами заправского чавалы» (там же).

В 1891-1896 гг. Михаил учился в Москве в частной гимназии большого знатока русской словесности Л.И. Поливанова. Уровень преподавания в поливановской гимназии был очень высокий, она давала хорошее гуманитарное образование. Штудирование наук шло из рук вон плохо не по неспособности, а по шалопайству. Не секрет, что Миша учился лучше своего брата Андрея. Уроки они не учили, а «нахватывались» знаний на переменках. Когда их учение пошло совсем плохо, Толстой решил посоветовать им без особого нажима: «Пусть они насчёт учения помнят очень умное изречение их старшего брата Серёжи, который говорит, что не стоит <...> дурно учиться, так мало нужно труда для того, чтобы избавиться от всех неприятностей и унижений, связанных с дурным учением».

В учебный сезон 1894-1895 гг. М.Л. Толстой учился в одном классе с Борисом Бугаевым (Андрей Белый). В своих мемуарах поэт писал о знакомстве с ним: «...признаться: сей отпрыск великого дома меня не пленил, и он мной не пленялся; рыженький, некрасивый отрок, с неряшливым видом и кривыми зубами, но с печатью фамильного сходства, он держался балбесом, поддразнивал учителя <...>; был не до конца глуп; но и умом не отмечен: поверхностный отрок с невыраженными интересами, с потенциями к хлыщу, но уже заражённый чванством (“Толстые мы!”)» (там же. С. 74). Как все дети знаменитостей, М.Л. Толстой чувствовал привилегированность своего положения: как и все сыновья Толстого, он нёс в себе что-то от своего великого отца. Это проявлялось в знании крестьянской жизни, в любви к русскому мужику, в «деланной внешней грубоватости» и отсутствии «внешней нежности и сентиментов», в симпатичной мужицкой хитреце

(Василий Перфильев; там же). В противовес мнению Андрея Белого, Лина Глебова, влюблённая в Мишу с детства, находила в нём все достоинства: общительность, весёлость, искренность, простоту, обаяние, юмор, хороший характер. Перфильев учился вместе с Мишей в поливановской гимназии. Он любил братьев Толстых и «ценил близкое с ними, чуть не родственное единение»: «Самым ярким свойством Ильи, Андрея и Михаила был их природный и неподкупный демократизм и простота. Эти свойства, проявляемые ими по отношению ко всем одинаково, чванливых коробили, а для большинства были притягательны», «у всех у них ярко проглядывал неподдельный демократизм и смелая простота в суждениях и поступках»: Толстой «обладал почти тираническим влиянием на своих детей, и тайна этого влияния останется одной из тайн толстовской личности» (М. Жажоян; там же. С. 73). В круг друзей М.Л. Толстого, кроме В. Перфильева, входил московский «милый кружок прекрасных, хорошо воспитанных детей»: Глебовы, Мартыновы, Ник. Голицын, Дм. Дьяков, Ник. Лопухин, Л. Бобринский и др.

В 1897 г. М.Л. Толстой перешёл в императорский (катковский) лицей цесаревича Николая, из которого выбыл по прошению С.А. Толстой, а через два года поступил на службу вольноопределяющимся в драгунский полк, стоявший в Москве. В полку его любили. Во время службы он жил дома и имел большой успех в московском свете. Впоследствии, благодаря особенному толстовскому шарму, в круг его общения войдут такие блестящие люди, как Фёдор Шаляпин, Сергей Рахманинов, князь Феликс Юсупов и др. Он везде пользовался успехом, на балах в Москве и в эмигрантском «мудрёном светском обществе» в Париже. После отбытия воинской повинности он женился на А.В. Глебовой. Мешать этой свадьбе родители не считали себя вправе. Спустя год он был допущен к экзамену на чин прапорщика запаса армейской кавалерии.

В личной жизни М.Л. Толстому улыбнулось большое счастье. Он с детства был влюблён в Лину, Александру Владимировну Глебову, девушку из старинного аристократического рода. Она была хороша собой, умна, с приличным приданым. Лину Глебову и М.Л. Толстого связало глубокое взаимное чувство. Они венчались в Москве в церкви Спаса на Песках на Арбате. В марте 1902 г. молодожёны поселились в имении Бегичево Калужской губ. Они знали, что в бегичевском доме, принадлежавшем в 1830-е гг. Смирновым, в светлых комнатах, среди прекрасной обстановки, читал свои стихи Пушкин, а Гоголь свои повести. В имении был хвойный парк с тёмными и глубокими прудами, длинный старый белый дом с анфиладой высоких комнат, в котором проводили праздники все Глебовы.

Поселившись в деревне, очевидно не без влияния тестя, М.Л. Толстой надеялся превратить имение в источник дохода. Он сменил управляющего, пригласил садовода, начал посадки берёзок, завёл кровное стадо, построил кирпичный завод, купил в Орле две тысячи яблонь и мечтал посадить сад (около 50 десятин антоновки) и несколько десятин ягодников. В Бегичеве открыли школу для детей, устраивали вместе с учительницей «волшебный фонарь» с чтением. По вечерам читали вслух «Братьев Карамазовых» Достоевского, по наивности конечно. М.Л. Толстой часто играл на скрипке те музыкальные пьесы, которые разучивал ещё вместе с матерью. Через два года большие расходы по имению заставили Толстых продать Бегичево, и семья с двумя детьми (сын Иван — 1901 г. и дочь Татьяна - 1903 г.) переехала в Чифировку Крапивенского уезда Тульской губ. Жизнь в Чифировке ожидала быть удачной. Ближайшие соседи — цвет тульского дворянства: Лопухины, Толстые, через речку Пирогово (имение С.Н. Толстого). В письме к Т.Л. Толстой Лина поделилась своей радостью: «Маленький дом, заливные луга, речка, лес, хороший сад, открытое весёлое место — одним словом, очень мне нравится». Михаил Львович с покупкой нового имения вновь весь погрузился в планы и мечты о будущем и был очень доволен. В 1904 г. первое горе и дыхание истории ворвались в семейную жизнь молодых Толстых. В сентябре родилась и умерла дочь Люба, началась Русско-японская война, голод 1905 г., первая русская революция. Во время голода Толстые устраивали пекарни для голодающих деревень. В 1907 г. М.Л. Толстой поступил на службу в Крапивну земским начальником. Вплоть до 1915 г. он занимал в разных земских учреждениях разные должности и много разъезжал по Тульской губ. и России по делам службы.

Семья М.Л. Толстого росла. Дети: Иван, Татьяна, Владимир и Александра, Пётр, Михаил и Сергей, последняя дочь Соня родилась в январе 1915 г. В летнее время Александра Владимировна вывозила детей в Чифировку, в Ясную Поляну, в Барыковку, имение Глебовых, или за границу. Зимой жили в Москве на Молчановке. Лина и Михаил по-прежнему любили друг друга, и чем больше проходило лет, тем сильнее была их любовь, «и не только по привычке,

535

но сознательно». Они и по прошествии десятилетия питали друг к другу всё те же чувства искренней и большой любви. Счастливая жизнь оборвалась в 1914 г.: вмешались пушки Первой мировой войны, затем революция и Гражданская война. Проводив мужа на фронт, Лина в письме Софье Андреевне не без романтизма призналась, что любит Мишу «за его честную, благородную душу, за его милый, весёлый,

счастливым характер, за все свойства его души», которые были ей бесконечно дороги.

Призванный на войну, в январе-марте 1915 г. прапорщик М.Л. Толстой вместе с полком участвовал в сражениях, сидел в окопах, а в мае «за боевые отличия, оказанные в январских боях», был представлен к награждению орденом Святой Анны 4-й степени. Уже к середине 1915 г. он был переведён в штаб Туземной дивизии офицером связи. В 1916 г. М.Л. Толстой стал ординарцем командующего Кавказской дивизией генерал-майора князя Д.П. Багратиона и собирался перевести свою семью на юг, поближе к южным глебовским имениям.

В начале августа 1917 г. дом Толстых в Чифировке был разграблен, а в ноябре Чифировка была сожжена дотла. Лина писала С.А. Толстой, что Миша «всего этого ожидал и потому отнёсся спокойно, но ужасно печально думать, что нет своего угла, конечно, когда горит вся Россия, что же говорить о своём угле, но всё-таки больно и обидно».

Весной 1918 г. по пути в Москву «бодрый, умный и приятный» М.Л. Толстой заезжал в Ясную Поляну. Заботы и неопределённость будущего изменили его. 28 августа того же года, в день рождения отца, он опять навестил мать в Ясной Поляне. Это была их последняя встреча. Он уезжал в «Киев и дальше» в Железноводск, к семье. Когда 4 ноября 1919 г. умерла С.А. Толстая, он не смог вырваться с «белогвардейского» юга проститься с матерью.

Семья М.Л. Толстого решила переждать мятежные времена в Железноводске, затем в Пятигорске. Когда пробил час исхода, то в числе русских беженцев, отплывавших на стареньком грузовом пароходе «Иртыш» 16 января 1920 г., был М.Л. Толстой с семьёй. Через восемьдесят дней «Иртыш» пришёл в Константинополь. Для Толстых началось время скитаний. Перебравшись через Чёрное море и оторвавшись от России, семья из восьми детей и многочисленных родственников начала странствия по Турции, Югославии, Франции, Марокко. М.Л. Толстому было уже сорок лет, когда он покинул Россию. Кто он был по профессии? Помещик, офицер. Ничего другого он не умел. Но чем только он не занимался! Хор, бюро по продаже недвижимости — любая возможность заработка. Парижу 1920-х гг. запомнилось, как «насаждал цыганское пение на берегах Сены <...> поручик Миша Толстой, сын великого писателя земли русской». Семья его получила свою долю эмигрантских невзгод. Были несчастья, связанные с историей, например, великая депрессия. Были мытарства, беды, странствия, ошибки...

Последние годы он и его жена Лина «достойно доживали вместе свой век» в Рабате (Марокко). Марокканский период жизни М.Л. Толстого известен по книге его младшего сына С.М. Толстого «Дети Толстого» (Тула, 1994). Эта пора жизни была насыщена хозяйственной, земледельческой и литературной деятельностью, работой над

воспоминаниями, автобиографическим романом «Митя Тиверин». Отрывки из него: «Цыгане» и «Ярмарка» — были опубликованы в эмигрантском журнале «Возрождение» (1949. № 1, 2), воспоминания «Мои родители» вышли в «Новом журнале» (1968. № 93; 1969. № 94-95). В России впервые они были напечатаны в сокращении в Яснополянском сборнике (1976 г. Публикация Н.П. Пузина).

В ноябре 2007 г. прах М.Л. Толстого был перенесён из Рабата в Кочаковский некрополь.

А.Н. Полосина

ТОЛСТОЙ Николай Ильич (1794 — 1837) — отец Толстого, родился 26 июня 1794 г. «Отец был среднего роста, хорошо сложенный живой сангвиник, с приятным лицом и с всегда грустными глазами» («Воспоминания». Гл. III). На страницах своих воспоминаний Толстой упоминал и другие характеристики отца, у которого были «сангвиническая красная шея», «бодрый быстрый шаг», «бодрый, ласковый голос», «добрые красивые глаза», «грациозные, мужественные движения» (там же).

Младшему сыну Льву было почти 9 лет, когда отец умер, и он многое помнил по собственным впечатлениям. Помнил весёлые шутки и рассказы отца за обедом и ужином» когда и бабушка, и тётушки, и дети смеялись, слушая его. Дети с интересом рассматривали рисунки, которые он для них делал и которые им казались «верхом совершенства». Лёвочка запомнил приготовления отца к охоте (отец напоминал ему пушкинского графа Нулина), общие прогулки по Ясной Поляне. Запомнилось, как вечерами дети приходили к отцу в кабинет играть или прощаться перед сном, как он

536

ласкал их и иногда, к великой их радости, пускал к себе за спину на кожаный диван, продолжая в то же время читать или разговаривать с приказчиком.

Лёвочка с особенной нежностью, прощаясь вечером с отцом, целовал «его белую жилистую руку» и был «умилённо счастлив», когда отец ласкал его. «Я очень любил отца, но не знал ещё, как сильна была эта моя любовь к нему, до тех пор пока он не умер» (там же).

Н.И. Толстой умер, не дожив до своего дня рождения всего 5 дней. 26 июня 1837 г., в тот день, когда ему исполнилось бы 43 года, Т.А.

Ёргольская отслужила по нему панихиду в одной из приходских церквей Москвы; Лев, его сестра и его братья стояли здесь же.

Давным-давно, когда Н.И. Толстому было всего 19 лет, он писал своим сёстрам с поля военных действий: «Моё военное настроение очень ослабело: истребление человеческого рода уже не так занимает меня, и я думаю о счастье жить в безвестности с милой женой и быть окружённым детьми мал мала меньше» (*Гусев. Материалы. 1. С. 41*).

Н.И. Толстой, отец писателя. 1815 г.

Прежде чем этот идеал семейной жизни был достигнут, Николаю Ильичу пришлось многое пережить. Он был единственным сыном в любящей патриархальной семье, где дети и родители обожали друг друга, где кроме него росли ещё две дочери, Полина и Алина (горбатенький брат Илья умер в раннем детстве). По обычаю того времени Николай уже в 6 лет, в 1800 г., был зачислен на службу в чине губ. регистратора, в 16 лет получил чин коллежского регистратора, через год — губ. секретаря. В это же время он имел связь с дворовой девушкой (считалось, что это нужно для здоровья молодого человека), от которой родился сын Мишенька. Лев Николаевич впоследствии испытывал «странное чувство недоумения», когда его брат, больше всех похожий на отца, приходил просить помощи и был благодарен за 10-15 рублей, которые ему давали.

В 1812 г. Н.И. Толстой, несмотря на «нежелание, страх и отговоры» родителей, переменял гражданскую службу на военную. За день до начала Отечественной войны, 11 июня 1812 г., он был зачислен корнетом в 3-й Украинский казачий полк, вскоре переименованный в Иркутский гусарский полк.

С большим желанием служить и любовью к военной службе вступил он в полк, но уже через полгода, 28 декабря 1812 г., писал родителям из Гродно: «Не бывши ещё ни разу в сражении и не имевши надежды в нём скоро быть, я видел всё то, что война имеет ужасное; я видел места, вёрст на десять засеянные телами; вы не можете представить, какое их множество по дороге от Смоленска до местечка Красное» (там же). Но прежде чем Н.И. Толстой окончательно простился с военным поприщем, он прошёл весь Заграничный поход 1813 г., был участником всех крупных сражений этой военной кампании и многих мелких стычек. Ему довелось быть и в плену в Париже до взятия столицы Франции русскими войсками: 19 марта 1814 г. близ местечка Сент-Оби его захватили французы на обратном пути из Петербурга, куда он был отправлен с депешей.

Возвратившись в Россию, Н.И. Толстой некоторое время продолжал военную службу в Кавалергардском, затем в гусарском полку, а 14 марта 1819 г. «по болезни» (признаки чахотки, простудный кашель с кровохарканьем и застарелой «простудной ломотой во всех членах») был уволен в отставку с чином подполковника и уехал к родителям в Казань. В 1820 г. умер его отец, на руках у Николая осталась семья, требующая забот и попечения: старая мать, привыкшая к роскоши, сестра Алина со своей приёмной дочерью, и кузина, воспитанница матери, Татьяна Ёргольская. Последняя была ровесницей Николая, с детства они росли и воспитывались вместе, испытывая друг к другу романтическое чувство влюблённости. После смерти отца остались огромные долги, поэтому, чтобы не быть посаженным в долговую тюрьму, Николай вынужден был 15 декабря 1821 г. поступить на службу (к тем, кто был на гос. службе, эта мера не применялась) на очень незначительную должность смотрительского помощника (воспитателя) в Московское военно-сиротское отделение при Московском комендантском управлении. Чтобы поправить тяжёлое материальное положение, нужна была радикальная мера — женитьба на богатой наследнице.

9 июля 1822 г. в церкви села Ясенева близ подмосковного имения князей Трубецких Знаменского граф Н.И. Толстой обвенчался со своей троюродной племянницей княжной М.Н. Волконской. «Весёлый, блестящий молодой человек с именем и связями» (ему было 28 лет) стал мужем не очень красивой,

старше его на четыре года, княжны Марьи, обладавшей очень значительным состоянием. Это был классический брак по расчёту (до свадьбы жених и невеста были незнакомы), оказавшийся браком по любви. Толстые сразу уехали в Ясную Поляну, чтобы начать ту семейную,

замкнутую кругом домашних забот и радостей жизнь, о которой десять лет назад писал Николай сёстрам.

Толстой вспоминал о яснополянских делах отца: «Занятие его составляло хозяйство и, главное, процессы, которых тогда было очень много у всех и, кажется, особенно много у отца, которому надо было распутывать дела деда. Процессы эти заставляли отца часто уезжать из дома. Кроме того, уезжал он часто и для охоты — и для ружейной, и для псовой» («Воспоминания». Гл. III). Кроме занятий хозяйством (отец достроил большой дом, начатый дедом, посадил сад), он занимался детьми и много читал, собрав в Ясной Поляне библиотеку, состоявшую из французских классиков, исторических и естественно-научных сочинений (даже из Парижа привёз несколько десятков книг). Тётушки рассказывали Толстому, что отец не покупал новых книг, пока не прочтёт прежних. «Сколько я могу судить, он не имел склонности к наукам, но был на уровне образования людей своего времени», — писал Толстой в «Воспоминаниях» (гл. III).

Основной задачей, которую ставил перед собой Николай Ильич, было улучшение материального положения семьи. Мотовству и привычкам роскоши своего отца, растратившего состояние, он противопоставил спокойную, расчётливую деловитость. Толстые лето и зиму жили в имении, не переезжая в город, ведя очень уединённый образ жизни. Позже, создавая образы героев «Войны и мира» княжны Марьи и Николая Ростова, писатель использовал некоторые факты из жизни отца и матери. Многие черты внешности и характера отца Толстого запечатлены не только в «Войне и мире», но и в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и в ранней рукописи трилогии, которую печатают под заглавием «Четыре эпохи развития».

В 1829 г. Н.И. Толстой выкупил Никольское-Вяземское, в 1836 г. построил здесь каменную церковь, при освящении которой сорвалось паникадило, ударив его в висок. Он счёл это очень дурным знаком. В марте 1837 г. он стал владельцем богатого имения Пирогова, которое считали «золотым дном» и приобретение которого стало, косвенно, одной из причин внезапной смерти нового хозяина.

Ещё в молодости его здоровье было подорвано изнурительными Заграничными походами и пленом, потом скоропостижной смертью отца, заботами по изысканию средств для избавления семьи от нужды. Неумеренное употребление спиртных напитков, к которому был склонен Н.И. Толстой, тоже подточило его здоровье. В последний год жизни у него были сильные горловые кровотечения.

Пирогово передал ему перед смертью троюродный брат А.А. Темяшёв, при условии, что его незаконнорождённая дочь Дунечка Темяшёва будет до совершеннолетия воспитываться в семье Толстых. Сестра Темяшёва и наследница огромного его состояния, Н.А. Карякина, решила вернуть

Пирогово себе, затеяв против Н.И. Толстого настоящую войну, засыпав Тулу, Москву и Петербург жалобами на будто бы незаконное приобретение богатого имения. Н.И. Толстой вынужден был защищаться: 19 июня 1837 г. он поспешно, взяв с собой необходимые бумаги, выехал из Москвы в Тулу, преодолев это расстояние менее чем в одни сутки. Следующие за этим дни он ходил по различным гос. учреждениям Тулы. Около 9 часов вечера 21 июня 1837 г., подходя к тульскому дому Темяшева, он внезапно упал, все попытки привести его в сознание оказались тщетны. После смерти отца пятеро детей, младшим из которых, Льву и Марии, было 9 и 7 лет, остались сиротами. Бытовавшие некоторое время в семейном кругу Толстых слухи о том, что Николай Ильич был отравлен своими камердинерами, ничем не подтвердились: он умер от «кровяного удара».

Только позже мальчик Толстой понял всю глубину несчастья. Со смертью отца для него закончилось детство. Н.И. Толстой был похоронен рядом с женой в фамильном склепе на Кочаковском кладбище.

Лит.: Добровор Н. Об отце Л.Н. Толстого // Тульский край. 1926. № 3.

Л. С. Дробат

ТОЛСТОЙ Николай Львович (1874 — 1875) — сын Толстого, умер в младенчестве.

ТОЛСТОЙ Николай Николаевич (1823-1860) — старший брат Толстого, родился в Ясной Поляне. О своём брате Толстой писал вскоре после его кончины: «Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, — это был лучший мой друг» (60: 356).

Старший брат, Николенька, Коко, как звала его мать, был единственным из детей

538

Толстых, кто помнил её. Николеньке было 7 лет. когда мать умерла. Образованная, обладающая сильным характером, богатым воображением, она, возможно, была слишком требовательна к первенцу, что не мешало ей горячо любить маленького Коко. Главным образом, она воспитывала в мальчике рассудительность, волю, мужество, беспощадно искореняя проявления любой блажи, капризов, лени. Не позволяла ему «митрофанить», не допускала проявлений тщеславия. Толстой был

уверен, что полное отсутствие в брате тщеславия было общим у Николеньки с матерью, и очень ценил это равнодушие к мнению других людей.

М.Н. Толстая вела дневник поведения Николеньки, записывая там, что «он напускает на себя какую-то блажь, от которой он вдруг начнёт врать и говорит навыворот то, что он твёрдо знает» (Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н. Толстого. М., 1928. С. 117). Как поощрение за успехи в чтении и поведении мальчику выдавались «билетцы» с оценкой, например, «изрядно, но не без блажи», «сначала с большой ленью, только в конце другой страницы поправил изрядно» (там же. С. 122). Позднее в эпилоге «Войны и мира» подобные методы воспитания будет применять к своему старшему сыну графиня Марья Ростова (рожд. кн. Болконская). Эти «билетцы» с красной сургучной печатью М.Н. Толстой сохранились в фондах ГМТ.

Уже в 11 лет Николенька учил своих братьев Сергея и Льва французскому языку, потом Лев называл его в письмах «учителем», братья говорили Николеньке «вы». «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек» («Воспоминания». Гл. «Фанфаронова гора»).

По словам Толстого, его старший брат с детства имел «тонкое художественное чутьё, крайнее чувство меры, добродушный, весёлый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоконравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства» (там же). Он мог целыми часами рассказывать братьям сказки или фантастические истории в духе мадам Радклиф с замечательной достоверностью, когда забывалось, что это выдумка. Он очень много читал, а Тургенев, с которым в молодости Николай прятельствовал, отмечал в нём все качества, нужные для того, чтобы быть писателем. Но как писатель Николай мало себя реализовал, именно потому, что совершенно был лишён тщеславия. Самое известное из его детских сочинений — устный рассказ о «зелёной палочке», с помощью которой можно избавить мир от зла и сделать так, чтобы все любили друг друга. И этот рассказ, и игра в «муравейных братьев», тоже придуманная Николенькой, для Толстого, с пяти лет и до старости, стали выражением идеальной любви «всех ко всем». Он пересказывал знакомым и друзьям эту легенду, веря в то, что истина о возможности счастливой любовной жизни всех людей откроется людям и «даст им то, что она обещает». В память брата Николеньки Толстой просил, чтобы его похоронили в яснополянском лесу на краю оврага, там, где они с братьями в детстве искали «зелёную палочку».

Л.Н. Толстой и Н.Н. Толстой. 1851 г.

Н.Н. Толстой всегда был способным и прилежным учеником, он тщательно готовился к поступлению в университет и в 1839 г. стал студентом математического факультета Московского университета. В 1841 г. успешно перешёл на 3-й курс, но в связи с переездом семьи к новой опекунке, П.И. Юшковой, жившей в Казани, был зачислен на тот же 2 курс математического отделения философского факультета, на котором он был в Москве. В студенческие годы, и в Москве и в Казани, он вёл сосредоточенный, замкнутый образ жизни, мало бывал в обществе, редко появлялся на балах. Возможно, потому, что тётушка ему выдавала на расходы 10 руб. в месяц (но лошадь и дрожки у него были за тысячу рублей).

Летом 1844 г., окончив курс в университете, он уехал в Москву, поступил на военную службу и прослужил в артиллерии с 1845 по 1858 г., когда окончательно вышел в отставку.

Весной 1846 г. он из Москвы перевёлся на Кавказ. С весны 1851 г. вместе с ним решил служить младший брат Лев, жизнь которого в это время была такая «безалаберная, распущенная, что он был готов на всякое изменение её» (34: 399). Живя на Кавказе, братья не только участвовали в вылазках против горцев, но вместе ходили на охоту, здесь было огромное количество кабанов, лосей, фазанов и куропаток.

В сентябре 1852 г. вышла в свет первая повесть Толстого «Детство», в октябре того же года Николенька прочитал брату свой очерк «Охота на

Кавказе», напечатанный позднее, в 1857 г., в том же журнале Н.А. Некрасова «Современник». Толстой

539

сам отправил рукопись брата Некрасову, который считал, что Николай даже «твёрже владеет языком», чем сам Лев Николаевич.

Толстой всегда очень высоко ценил брата, обладавшего замечательным умом, советовался с ним по поводу ежедневных практических дел или своей литературной работы. Но он не мог не видеть неразборчивость Николеньки в выборе друзей, его пристрастие к вину, праздность. Младший брат тогда записал в своём дневнике: «В нём страннее всего то, что большой ум и доброе сердце не произвели ничего доброго. Недостает какой-то связи между этими двумя качествами» (13 ноября 1852 г.).

Выйдя в отставку, Николай поселился в своём имении Никольском-Вяземском Чернского уезда, где его гостями часто бывали братья и поэт А.А. Фет, написавший о нём прекрасные воспоминания.

В декабре 1858 г. Николай и Лев приняли предложение знакомого, жившего близ Вышнего Волочка, участвовать в медвежьей охоте, где Толстой едва не погиб от зубов раненной им медведицы. Случай этот был им описан в рассказе «Охота пуще неволи». Эта охота на медведя для Николая стала последней в его жизни. У него была та же болезнь, которая два года назад унесла в могилу брата Дмитрия, — чахотка.

Обострившийся туберкулёз, всё больше ухудшающееся здоровье Николая, не понимавшего всей тяжести своего положения, заставили братьев уговорить его поехать для лечения за границу. Сначала в немецкий Соден, потом на юг Франции в Гиер. «Положение Николеньки ужасно. Страшно умён, ясен. И желание жить. А энергии жизни нет», — записал Толстой в дневнике (48: 29).

Он жил вместе с братом, с часу на час ожидая неизбежной его смерти. Даже в тяжкой своей болезни Николай всё делал сам, стараясь не быть в тягость брату. В день смерти Николай сам оделся и умылся, потом сел в кресло, шутил. «Благодарствуй, мой друг», — сказал он Льву, благодаря его за помощь. Это было самым большим проявлением нежности между братьями, глубоко привязанными друг к другу. 20 сентября (2 октября) 1860 г. Николай скончался на руках у брата, который был поражён спокойным выражением его лица. Потерю брата Толстой пережил очень тяжело. «Для чего хлопотать, стараться, коли от того, что было Н.Н. Толстой, для него ничего не осталось... К чему всё, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманыванья, и кончатся ничтожеством, нулём для себя» (60: 357).

Толстой купил участок земли на общем кладбище Гиера и похоронил тело брата. Там он заказал сделать посмертную маску брата, по которой бельгийский скульптор В. Гифе по просьбе Толстого сделал бюст Николеньки, потом всегда стоявший в кабинете писателя.

Добрый, умный, мужественный, деликатный, простой и доброжелательный, восхитительный собеседник и рассказчик, «золотой человек», Николенька оказал на брата самое благотворное влияние. «...Если во мне есть что-нибудь хорошее, то всем, всем я обязан Николеньке», — говорил Толстой (ТВС. 1 С. 38).

Л.С. Дробат

ТОЛСТОЙ Пётр Львович (1872-1873) — сын Толстого, умер в младенчестве.

ТОЛСТОЙ Сергей Львович (1863 — 1947) — старший сын Толстого. Родился 28 июня в Ясной Поляне. Толстой посчитал это хорошим знаком: 28 число — магическое для него! Первоначальное образование мальчик получил дома под руководством родителей и приглашённых учителей, русских и иностранных. Он любил вспоминать, что его первым учителем и человеком, оказавшим на него огромное влияние, был отец.

Толстой внимательно и серьёзно следил за формированием характера своего первенца, с удовлетворением замечая в нём черты сходства со своим старшим любимым братом Николаем Николаевичем. В письме к А.А. Толстой, давая характеристику своим детям, Толстой писал о Сергее: «Все говорят, что он похож на моего старшего брата. Я боюсь верить. Это слишком бы было хорошо. <...> Серёжа умён — математический ум — и чуток к искусству, учится прекрасно...» (61: 333).

Выдержав экзамены на аттестат зрелости в тульской гимназии, в 1881-1886 гг. С.Л. Толстой учился в Московском университете на физико-математическом факультете

540

отделения естественных наук, где в основном занимался химией.

Одновременно с занятиями в университете он совершенствовал своё музыкальное образование. Первоначальные сведения о музыке и основы игры на фортепиано Сергею дала его мать С.А. Толстая, затем он брал уроки у А.Г. Мичурина, лучшего учителя музыки в Туле. С переездом семьи в Москву Толстой приглашал для сына некоторых преподавателей Московской консерватории, хороших знакомых Толстых. В эти же годы С.Л. Толстой занимался изучением русской народной песни.

Студенческие годы были временем формирования его мировоззрения. Они совпали с тем периодом, когда в жизни Толстого произошёл перелом, изменивший всю последующую его жизнь. Старший сын писателя «мало сочувствовал новому мировоззрению отца и часто противоречил ему» (*Очерки былого*). С.А. Толстая писала о сыне в те годы: «Если б знал Серёжа, с какой глубокой нежностью я часто смотрела на него и как я его всегда горячо любила. Я гордилась и его университетскими и его музыкальными успехами и любила его деликатную душу, часто скрываемую под какой-то внешней брюзгливостью и даже грубостью» (Толстая С.А. *Моя жизнь* (машинопись). Музей-усадьба «Ясная Поляна». С. 131).

Лев, Илья, Сергей, Андрей и Михаил Львовичи Толстые. 1904 г.

Окончив университет, С.Л. Толстой служил в Крестьянском банке. В сентябре 1890 г. он вступил в должность земского начальника Чернского уезда, где находилось родовое имение Толстых Никольское-Вяземское. По раздельному акту между детьми Толстого, утверждённому 7 июля 1892 г., это имение перешло «в вечное владение» старшему сыну.

Живя уединённо в Никольском-Вяземском, С.Л. Толстой ближе узнал тяжёлую жизнь крестьян. Его интересовали быт, нравы, поверья простого народа, устное народное творчество. Он записал со слов крестьян несколько рассказов из их быта. Опубликованный в 1894 г. в «Книжках «Недели»» рассказ «Дело Пыркина» под псевдонимом «С. Бродинский» стал началом его литературной деятельности.

В июле 1895 г. он женился на М.К. Рачинской. Через два года у них родился сын Сергей. 2 июля 1900 г. жена Сергея Львовича умерла от туберкулёза лёгких.

Желая быть полезным отцу, С.Л. Толстой в 1898-1899 гг. принимал активное участие в переселении русских духоборов в Канаду.

В 1906 г. он женился на Марии Николаевне Зубовой.

В последние годы своей жизни Толстой чувствовал в старшем сыне духовно близкого человека. Он был одним из немногих в семье, кто мог правильно понять всю сложность и трагичность переживаний отца, уход его из Ясной Поляны. За несколько дней до смерти, обращаясь к старшим детям, Толстой писал: «Благодарю вас очень, милые друзья — истинные друзья — Серёжа и Таня, за ваше участие в моём горе и за ваши письма. Твоё письмо, Серёжа, мне было особенно радостно: коротко, ясно и содержательно и, главное, добро» (82: 220).

После смерти отца С.Л. Толстой большую часть своей долгой жизни посвятил, наряду с композиторской деятельностью, изучению и популяризации творческого наследия Толстого.

В 1911 г. в Москве была открыта Толстовская выставка, в организации и устройстве которой принял деятельное участие старший сын писателя: он безвозмездно передал выставке большое количество рукописей Толстого и других авторов из его окружения. Эта выставка положила начало основанию ГМТ, которому С.Л. Толстой продолжал оказывать помощь и передал из своего архива все письма отца к нему, его записные книжки и другие ценнейшие документы. В 1919 г., после смерти С.А. Толстой, он передал в дар будущему музею писателя в Ясной Поляне обширный архив своей матери, много семейных фотографий и бытовых предметов. С.Л. Толстой трепетно заботился о сохранении Ясной Поляны в том виде, в каком она была при жизни Толстого. Он был консультантом при восстановлении музея-усадьбы после фашистской оккупации.

В течение многих лет Сергей Львович активно участвовал в издании Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 т. (Юб.). Он был неизменным и в высшей степени полезным консультантом во всём, что касалось биографии писателя и его близких, написал много работ биографического, литературоведческого, музыковедческого характера: «Мать и дед Л.Н. Толстого» (1928), «Музыка в жизни Толстого» (1911), «Фёдор Толстой-Американец» (1926), «Отражение жизни в “Анне Карениной”» (1938), «Тургенев в Ясной Поляне» (1919) и др. Под редакцией С.Л. Толстого вышли четыре книги дневников С.А. Толстой. Он был и одним из составителей первого путеводителя по Ясной Поляне, изданного в 1914 г. «за пять лет до того, как Ясная Поляна стала музеем. Последняя книга С.Л. Толстого, «Очерки былого», хорошо известна в России и за рубежом. Автор

работал над ней более 25 лет, предварительно собирая и записывая суждения своего отца, близких, друзей семьи по различным вопросам; семейные предания о прошлом Ясной Поляны.

В С.Л. Толстом сочетались литературное и музыкальное дарования. С конца 1890-х гг. он занимался музыкально-композиторской деятельностью. Его оригинальные музыкальные произведения — заметный вклад в отечественную культуру. Из его обширного наследия были опубликованы «Двадцать семь шотландских песен», «Две бельгийские песни», «Индусские песни и танцы», многие романсы на слова Пушкина, Тютчева, Фета, А.К. Толстого и др. В 1922 г. он стал членом Союза композиторов; в 1928-1929 гг. преподавал в Московской гос. консерватории и был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Скончался С.Л. Толстой в Москве от инсульта. Во время прощания с ним в ГМТ писатель К.А. Федин сказал: «Свет, освещавший труд и личность Сергея Львовича, исходил не только из его богатых дарований. Этот свет был вместе с тем отблеском сияния, излучённого гением человека, памяти которого посвящены эти стены. Сергей Львович впитал свою жизнь великую эпоху Льва Толстого...»

Согласно его завещанию он был погребён на московском Введенском кладбище рядом с женой М.Н. Толстой.

Н.П. Пузин

ТОЛСТОЙ Сергей Николаевич (1826 - 1904) — второй брат Толстого, родился в Ясной Поляне. О нём в «Воспоминаниях» Толстой писал: «Николеньку я уважал, с Митенькой я был товарищем, но Серёжей я восхищался и подражал ему, любил его, *хотел быть им*. Я восхищался его красивой наружностью, его пением, — он всегда пел, — его рисованием, его веселием и, в особенности, как ни странно сказать, его непосредственностью, его эгоизмом» (гл. «Брат Серёжа»). Писатель, отличительной чертой которого был постоянный самоанализ, почти вивисекция собственной души, восхищался в брате тем, чего в нём самом совершенно не было, — непосредственностью эгоизма.

«Красивый, породистый», Сергей Толстой был блестящим собеседником, математиком (учился у Н.И. Лобачевского), великолепным рисовальщиком, обладателем замечательного голоса, страстным поклонником цыганского пения, азартным охотником, рачительным помещиком. Одарённый многими талантами, он был ещё и абсолютно правдивым и искренним человеком, «Он был, что был, ничего не скрывал и ничем не хотел казаться» (там же).

После успешного окончания в 1847 г. математического отделения философского факультета Казанского университета Сергей год прослужил в императорской гвардии; потом вёл рассеянную светскую жизнь, жил в Москве и Туле, в своём имении Пирогове в 35 верстах от Ясной Поляны. «Цыганёрствовал», — так отозвался брат Николай о времяпрепровождении Сергея в знаменитом тульском цыганском хоре, где Сергей увлёкся красавицей-певуней цыганкой Машей Шишкиной. Прожив в гражданском браке 17 лет, они обвенчались 7 июня 1867 г. У них было 11 детей, до зрелых лет дожили только четверо: сын и три дочери. С сыном Григорием у отца отношения не сложились, у двух дочерей были незаконнорождённые дети от прислуги, только дочь Маша вышла замуж за соседнего помещика Бибикова и была с ним счастлива. С.Н. Толстой был очень ревнив по отношению к дочерям и страшно мучился тем, что их личная жизнь не сложилась. В старости его взаимоотношения с дочерьми напоминали отношения его деда, князя Волконского, с дочерью княжной Марией Николаевной.

В 40 лет Сергей Николаевич пережил роман, некоторыми деталями послуживший Толстому для описания истории любви Наташи Ростовской и кн. Андрея Болконского. Сергей, будучи много старше, имея нескольких детей и гражданскую жену, страстно увлёкся юной прелестной Таней Берс, младшей сестрой С.А. Толстой. На склоне лет Т.А. Кузминская (Берс) в своих воспоминаниях написала об этой своей первой серьёзной любви, которая не могла завершиться браком. Чувство долга в душе Сергея Николаевича взяло верх над влюблённостью, он обвенчался с матерью своих детей, но ни он, ни Таня Берс никогда не могли забыть о своих романтических отношениях.

В ранней молодости Сергей, очень любивший Льва, подтрунивал и иронизировал над младшим братом, называл его «совсем пустяшным малым», позднее, когда Лев стал писателем, гордился им и был самым заинтересованным его читателем. Последнее совсем не мешало С.Н. Толстому критически и с юмором высказываться о своём брате. Так, когда он прочёл трактат «Царство Божие внутри вас», то сказал, что чувствовал себя так, как будто ехал по скверной дороге, по кочкам и рытвинам, в дрянном тарантасе, и вдруг как будто выехал на гладкое шоссе и пересел в

542

чудную коляску, запряжённую четвёркой лошадей, — это в толстовском тексте ему попала страничка из Герцена, которую процитировал Толстой.

Л.Н. Толстой и С.Н. Толстой, брат писателя.
Ясная Поляна, 1902 г.

С.Н. Толстой нередко был прототипом героев Толстого: он не мог не узнать себя в трилогии (Володя Иртеньев), так же как с первых страниц «Детства», напечатанного без имени автора, узнал руку брата. Лев был в восторге, он всегда высоко ценил отзывы Сергея, потому что очень любил брата и знал его исключительную правдивость и неумение льстить.

В Казани юный Сергей какое-то время был увлечён красавицей Варварой Корейш, дочерью воинского начальника. Охлаждение наступило, когда Сергей увидел, как наутро после бала, на котором они танцевали мазурку, её отец на плацу распорядился экзекуцией: сквозь строй прогоняли бежавшего из казармы солдата. Этот случай стал сюжетом рассказа Толстого «После бала», написанного спустя много десятилетий. Ещё один рассказ, правда, незаконченный, навеян событиями в семье С.Н. Толстого — «Что я видел во сне».

Последние годы жизни Сергей Николаевич безвыездно жил в Пирогове, изредка посещая Ясную Поляну. Пирогово — старинное богатое имение («золотое дно»), с большим домом и парком, где пели какие-то особенные соловьи. В молодости С.Н. Толстой любил лошадей (в Пирогове был прекрасный конный завод) и был страстным охотником. Писатель любил приезжать в Пирогово, гулял по парку, слушал Соловьёв, певших лучше, чем яснополянские, беседовал с братом, который всегда был рад его приезду. Сергей Николаевич много читал, в Пирогове была прекрасная библиотека, Толстой часто посылал брату из Ясной Поляны книги (библиотека, как и всё имение, сгорела в 1919 г.).

С годами Сергей Николаевич стал домоседом, уединённо жил в трёх комнатах своего большого дома, лишь изредка выходил в сад. В эти годы переписка между братьями была особенно интенсивной, писали о семейных делах, о здоровье близких, о подробностях хозяйства, о прочитанных книгах, о жизни, смерти, обо всем без утайки.

Толстой обращался к брату в письмах: «Каждый день и по несколько раз думаю о тебе», «вспоминаю и беспрестанно думаю о тебе», «видел тебя во сне»... 8 ноября 1899 г.: «Ты, кажется, несёшь своё лирство (Король Лир) мужественно. Помогай тебе Бог».

В 1902 г. Сергей Николаевич тяжело, неизлечимо заболел, но даже накануне смерти он был ещё на ногах, стараясь не обременять своих близких уходом за собой. Когда стало очевидно, что Сергей умирает, 76-летний Толстой приехал в Пирогово и прожил там десять дней около брата. Перед смертью Сергей Николаевич исповедался и причастился, хотя всю жизнь был равнодушен к православной церкви. Умер он 23 августа 1904 г., гроб с его телом был погребён на церковном кладбище села Пирогово, в 1946 г. прах перенесён на Кочаковское кладбище.

В своих «Воспоминаниях» Толстой писал о брате: «Это была жизнь человеческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная. На днях он умер, и в предсмертной болезни и умирая, он был так же непостижим мне и так же дорог, как и в давнишние времена детства. В старости, в последнее время, он больше любил меня, дорожил моей привязанностью, гордился мной, желал быть со мной согласен, но не мог, и оставался таким, каким был: совсем особенным, самым собою, красивым, породистым, гордым и, главное, до такой степени правдивым и искренним человеком, какого я никогда не встречал» (гл. «Брат Серёжа»).

Лит.: М.С. Бибилова. В семье Толстых // Л.Н. Толстой и его близкие. - М., 1986.

Л. С. Дробат

ТОЛСТОЙ Сергей Сергеевич (1897 — 1974) — внук Толстого; лингвист, автор воспоминаний о Толстом.

С.С. Толстой — сын С.Л. Толстого и М.К. Рачинской, дочери директора Петровской сельскохозяйственной академии. Семейные отношения не сложились, и вскоре после рождения сына его родители разошлись. Мальчику не было трёх лет, когда его мать умерла, опекуном был назначен дядя, камергер Высочайшего двора А.К. Рачинский. Серёжа рос в Петровском- Разумовском, где находилась сельскохозяйственная академия, в семье Рачинских, людей

просвещённых и внушавших мальчику уважение к науке. Толстой же относился к науке и образованию скептически, видя в этом привилегию обеспеченных слоёв населения. В 1909 г., когда Толстой был в Москве, он с грустью отметил в дневнике, что «встретил Машу Ник. <вторую жену С.Л. Толстого. — Ю.Я.> с несчастным Серёжей, который с восторгом едет на учёные» (57: 131). Д.П. Маковицкий записал тогда же слова Толстого, поясняющие эту фразу: «Бедный Серёжа: идут — мальчик, весь вымазанный в красках, возле — гимназист. Если бы был мой сын, кем желал бы ему быть? Красильщиком» (ЯПЗ. 4. С. 60).

Серёжа окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета. В это время шла Первая мировая война, и он вскоре оставил университет и пошёл служить братом милосердия в санитарный поезд. С 1917 г. С.С. Толстой работал в разных учреждениях. Вернувшись в Москву, он продолжил образование в Институте дефектологии и в Гос. институте Слова. В дальнейшем преподавал английский язык, защитил диссертацию, занимался переводами, опубликовал более 30 научных работ. С 1938 г. преподавал во 2-ом Московском гос. педагогическом институте иностранных языков, а с 1950 г. в МГИМО.

С Толстыми мальчик С.С. Толстой общался не очень много. В сентябре 1898 г., навестив семью сына, С.А. Толстая записала в дневнике: «Что за симпатичный, милый ребёнок: деликатный, весёлый, умный. Я для него чужая, а он обошёлся со мною, точно давно знал и любил меня, а ему только год. Лаская мать, он сейчас же так же ручками ласкал меня, чтоб не обидеть. Давая яблоко няне в рот, он сейчас же пихал это яблоко и мне в рот» (ДСАТ. 1. С. 413). А уже в 1913 г. она писала, что ведёт с Серёжей «философско-религиозный разговор» (ДСАТ. 2. С. 392). И перечисленные здесь черты характера, и интерес к религиозно-философским вопросам С.С. Толстой сохранил навсегда. Он был глубоко религиозным человеком, изучал и переводил духовную литературу, был посвящён в сан дьякона, в конце 1950-х гг. перешёл в старообрядчество (по свидетельству Н.П. Пузина). Не имея своих детей, он воспитывал осиротевших родственниц (по линии Берсов) сестёр Е., Л. и Н. Поздняковых.

Хотя Толстой не часто виделся с внуком, он вносил свою лепту в его воспитание. У Маковицкого есть записи о том, как Толстой спешил домой, чтобы прокатить верхом маленького Серёжу, и о том, как он ездил с ним на снях лесом и учил по следам отличать зайца русака от беляка, говорил с ним об охоте, о том, что плохо убивать животных (ЯПЗ. 3. С. 287). С.С. Толстой писал о роли дела в своей жизни: «В течение долгого

времени я просто вспоминал о том, что он говорил мне, — мне приятно было вспомнить о дедушке и лишний раз живо представить его себе. Но потом я вдруг подумал: ведь всё или почти всё, что он говорил мне, ведь это уроки мне на целую жизнь!» Первый урок пятилетний Серёжа получил, когда Толстой приехал к нему в Петровское-Разумовское. Внук, выйдя навстречу дедушке, неожиданно стал свидетелем необычной для него сцены: «Лев Николаевич сидит на кухне и беседует с нашей кухаркой. Я тогда же почувствовал, как это удивительно! Вместо того, чтобы сразу идти наверх и беседовать с профессором Рачинским, Лев Николаевич остановился минут на двадцать поговорить с простой женщиной, мимо которой обычно проходили, не удостоивая её своим вниманием». Серёжа уже был постарше, когда ему подарили подростковый велосипед; с ним он приехал в Ясную Поляну. Мальчик с восторгом катался на велосипеде и только боялся его сломать. Как-то, прислонив велосипед к стене дома, он на минуту отошёл и вдруг увидел, что дедушка подошёл к велосипеду, занёс ногу и уже собирался на него сесть. «Подбегаю я к дедушке, — пишет С.С. Толстой, — и говорю: “Дедушка, что ты делаешь? Велосипед ведь маленький! Ты его ломаешь!” Лев Николаевич слез с велосипеда, пристально, строго и как будто грустно посмотрел на меня и сказал: “Ну, нельзя так нельзя”. И пошёл в парк, не прибавив ни одного слова. Как мне было стыдно тогда! <...> Не надо жадничать, не должно быть собственных наклонностей. Пожалеешь, не дашь, а потом самому стыдно станет. Я до сих пор вспоминаю, с каким горьким укором посмотрел на меня тогда мой дед! <...> Но, пожалуй, тут есть и ещё урок: своей иронией, когда Лев Николаевич сказал: “Нельзя так нельзя”, он проучил меня за нечуткость, за внутреннюю грубость, невнимание к людям, тем более старшим». Об этих и других ценных уроках, полученных им от деда, С.С. Толстой рассказал в воспоминаниях «Как я помню Льва Николаевича Толстого и чему он меня учил» (Воспоминания внука) // Л.Н. Толстой для детей. Рассказы, басни, сказки, былины. — М., 1975.

Ю.Д. Ядовкер

ТОЛСТОЙ Фёдор Иванович («Американец»; 1782-1846) — двоюродный дядя

544

Толстою (двоюродный брат его отца). Его родители жили в Кологривском уезде Костромской губ. Фёдор родился в Москве 6 февраля 1782 г.. в приходе церкви Харитония в Огородниках, учился в Морском

кадетском корпусе, одновременно, с девятилетнего возраста, числился подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенском полку. В сентябре 1798 п был произведён в прапорщики, в дальнейшем регулярно получал чины; к 29 годам стал капитаном гвардии.

Ф. Толстой — одна из выдающихся и наиболее ярких личностей первой половины XIX в. Это был «человек большого и оригинального ума, громадной воли и темперамента, он поражал современников чудовищными выходками, намеренно нарушавшими не только официальные государственные законы, но и все тогдашние правила приличия и морали. Неугомонный скандалист и бретёр, стрелявший без промаха <...>, нечистый игрок в карты, опасный сплетник — он был в то же время храбрецом на войне, верным и самоотверженным другом, человеком, сумевшим заслужить привязанность и уважение ряда выдающихся людей...» (Бонди С.М. Черновики Пушкина. М., 1971. С. 63).

Возможно, для того чтобы избавить Фёдора от наказания после одной из дуэлей, родственники помогли ему в августе 1803 г. войти в состав участников первой русской кругосветной морской экспедиции И.Ф. Крузенштерна. Через одиннадцать месяцев морское путешествие для Ф. Толстого закончилось не по его воле: он был удалён с корабля руководством экспедиции. Его биограф С.Л. Толстой, сын Толстого, писал, что Ф. Толстой был в числе нескольких праздных людей, «которым на кораблях нечего было делать <...>. Между тем его буйный нрав требовал деятельности, и его деятельность проявилась в зловредных шалостях...» До сих пор бытует легенда о том, что Ф. Толстой более или менее долго жил в Америке и на Алеутских островах, и потому за ним прочно закрепилось прозвище Американец. Фактически прозвище возникло, очевидно, из-за недолгого пребывания Ф. Толстого в Бразилии (других мест Америки экспедиция не посещала). Летом 1804 г., как гласит официальная версия о высадке Ф. Толстого с корабля, по описанию плавания у Крузенштерна, «поручик гвардии граф Толстой, доктор посольства Бринкен и живописец Курляндцев оставили корабли и отправились в Петербург сухим путём». Ф. Толстой возвратился в лейб-гвардии Преображенский полк по приказу его императорского величества от 31 октября 1808 г. К тому времени он успел проявить себя на воинском поприще во время войны со Швецией. По поручению князя М.П. Долгорукова, у которого Ф. Толстой служил адъютантом, во главе казачьего отряда 15 октября 1808 г он бросился за шведами и предпринял опасную перестрелку, обеспечив удачу отряду в значительном сражении при Иденсальме. По возвращении в полк ему поручено было исследовать пролив Иваркен. Его донесение дало возможность командовавшему корпусом Барклаю де Толли с трёхтысячным отрядом перейти по льду Ботнического залива и занять Вестерботнию. В сохранившейся в Центральном историческом архиве

Москвы копии «пашпорта» Ф. Толстого об этом сказано: «за оказанное им тогда отличие удостоился монаршего благоволения».

17 октября 1811 г. в чине капитана «по прошению за болезнью» он был уволен от службы. Подлинной причиной этого могла быть дуэль 1809 г., когда Ф. Толстой нанёс смертельную рану вызвавшему его прапорщику лейб-егерского полка А.И. Нарышкину. В дни Отечественной войны 1812 г., когда создавались полки Московского ополчения, Ф. Толстой был принят на службу подполковником по армии, проявил «отличную храбрость» и был награждён «чином» и орденами, в т.ч. Георгиевским крестом 4-й степени. Позднее по нездоровью был «уволен от службы с мундиром». Выйдя в отставку, поселился в Москве, на Староконюшенной улице. Позднее Ф. Толстой приобрёл имение Глебово под Москвой, где обычно проводил лето. По документам Московской духовной консистории 10 января 1821 г. «в церкви Власьевской в Ст. Конюшенной» Ф. Толстой венчался с цыганкой — прелестной певицей, по отзыву её современников, — Авдотьей Максимовной Тугаевой.

Ф.И. Толстой «был человек необыкновенный, преступный и привлекательный», — так выразился о нём Толстой. Двоюродный брат «Американца» художник-медальер Ф.П. Толстой вспоминал, что «граф Толстой был чрезвычайно добр, всегда был готов отдать последнюю копейку бедному, честен и ни за что не согласился бы обмануть либо солгать. В то же время он обыграл бы вас в карты до нитки. Множество дуэлей было у него из-за карт». В мемуарах Ф.В. Булгарина подчёркнута многогранность натуры Ф. Толстого: «Он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, любил музыку и литературу, много читал и охотно сближался с артистами, литераторами и любителями словесности

545

и искусства». Он был знаком с Н.В. Гоголем. Его высоко ценил А.С. Грибоедов. Познакомившийся с Ф. Толстым в послелицейские годы А.С. Пушкин перед южной ссылкой, по его словам, расстался с ним приятелем. В дальнейшем шесть лет они находились в состоянии заочной ссоры из-за каких-то обидных для поэта строк в письме Ф. Толстого Шаховскому. По возвращении Пушкина в Москву его друзья помирили его с Ф. Толстым. Примирение оказалось прочным. По просьбе Пушкина Ф. Толстой даже сватал его своим старым знакомым Гончаровым весной 1829 г. В собраниях начала 1810-х гг. в московском доме Вяземских принимали участие Д.В. Давыдов, В.Л. Пушкин, Ф.И. Толстой, В.А. Жуковский и др. Не будучи поэтом, Ф. Толстой был известен рядом стихов и эпиграмм, возможно, писал мемуары. Он был в приятельских отношениях с Боратынским, Батюшковым, князем

Шаховским, Дмитриевым, С. Аксаковым и др. А.И. Герцен упоминал, что в доме, где жил П.Я. Чаадаев, он «встречал <...> Американца Толстого».

В письмах конца 1820-х гг. к своему другу князю В.Ф. Гагарину Ф. Толстой писал о том, что остыл, состарился, что имущественные дела его плохи и он живёт не в Москве, а в своей деревне, в совершенной скуке и грусти. Ещё тяжелей стала его жизнь со смертью в 1838 г. семнадцатилетней дочери Сарры, талантливой поэтессы.

Ф. Толстой умер 24 декабря 1846 г. Отпевали его в Трёхсвятительской церкви у Красных ворот. На месте его погребения, там же, где была похоронена дочь Сарра, а позднее его вдова и дочь Прасковья, на Ваганьковском кладбище, недалеко от церкви, сохранился четырёхгранный постамент с надписью. 20 января 1847 г. В.А. Жуковский, отвечая на письмо Московского почт-директора А.Я. Булгакова, написал: «Между известиями твоими из Москвы одно для меня весьма печальное, известие о смерти графа Толстого. В нём было много хороших качеств. Мне лично были известны одни только эти хорошие качества. Всё остальное было ведомо только по преданию; и у меня к нему всегда лежало сердце; и он был добрым приятелем своих приятелей».

В 1864 г. дочь «Американца», П.Ф. Перфильева, прислала Толстому, её троюродному брату, свою автобиографическую повесть «Графиня Ина»: «Там найдёшь ты отца, который, как говорит муж, верно обрисован», — писала она. В одном из следующих писем она замечала: «“Графиня Ина” заставила тебя не спать всю ночь, это, конечно, самая лучшая рекомендация ей». Толстой содействовал напечатанию нескольких глав этой повести.

Толстой видел Ф. Толстого-Американца лишь однажды, в детстве, когда тот приезжал в Ясную Поляну к отцу будущего писателя, но на всю жизнь сохранил о нём яркое впечатление. Некоторые черты характера и эпизоды жизни Ф. Толстого воплощены Толстым в художественных образах старшего Турбина в «Двух гусарах» и Ф.И. Долохова в книге «Война и мир».

Лит.: Толстой С.Л. Фёдор Толстой- Американец. - М., 1990; Архангельская Т.Н. Ф.И. Толстой-Американец: Легенды и документы // Л.Н. Толстой и судьбы современной цивилизации. — Тула, 2003; Архангельская Т.Н. Образ Долохова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и его реальный прообраз // «Недаром помнит вся Россия...» — Череповец, 2003.

Т.Н. Архангельская

ТОЛСТОЙ Фёдор Петрович (1783 — 1873) — художник, скульптор, медальер, вице-президент Императорской академии художеств. Сын генерал-майора графа Петра Андреевича Толстого (1746-1822) и Елизаветы Егоровны Барбо де Марни (1750-1802). Двоюродный дядя Толстого (двоюродный брат его отца, графа Н.И. Толстого), родной дядя писателя графа А.К. Толстого.

С рождения был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. Воспитывался в Полоцком иезуитском коллегиуме, затем окончил Морской кадетский корпус, откуда в 1802 г. выпущен мичманом гребного флота. В 1804 г. стал адъютантом товарища министра морских сил вице-адмирала П.В. Чичагова. В октябре 1804 г. уволен от службы лейтенантом. С тех пор Ф.П. Толстой всецело посвятил себя искусству. В 1804 г. он поступил в Императорскую академию художеств, где учился у скульптора И.П. Прокофьева и познакомился с О.А. Кипренским. В 1806 г. был определён на службу в Эрмитаж. В 1809-1828 гг. работал в Монетном департаменте в качестве медальера. Почётный член Академии художеств (1809 г.), преподаватель медальерного класса Академии (с 1825 г.). Состоял членом тайных обществ, но ещё до восстания на Сенатской площади отошёл от них, поэтому к следствию по делу декабристов привлечён не был. В 1828 г. Ф.П. Толстой стал вице-президентом Академии художеств и занимал этот пост в течение сорока лет, до 1868 г. (с 1859 г. товарищ президента).

546

Профессор медальерного искусства (1842 г.), профессор скульптуры (1843 г.) Академии художеств. Тайный советник (1846 г.).

Творческое наследие Ф.П. Толстого разнообразно. Искренний поклонник античного искусства, в своих произведениях он прежде всего отдал дань классицизму, но в его творчестве заметны и черты романтизма. Для его работ характерны изящество стиля и виртуозное, безупречное исполнение. Толстой прославился как талантливый медальер. Широкую известность принесла ему серия медальонов в память войны с Наполеоном 1812-1814 гг., каждый из которых был посвящён определённому событию — всего 21 сюжет. На основе восковых моделей (1814-1836 гг.) и медных форм изготавливались декоративные барельефы из гипса, они обрели большую популярность. Почти в каждом доме в столицах и часто в провинции можно было встретить на видном месте в гостиных эти медальоны. По эскизам Ф.П. Толстого в Зимнем дворце был оформлен интерьер Александровского зала, украшенный по периметру большими медальонами на темы победы над Наполеоном. Аналогичные серии были созданы Толстым и на события Русско-

персидской 1826-1828 гг. и Русско-турецкой 1828-1829 гг. войн. О его творчестве в качестве скульптора дают представление бюст «Морфей» и рельефы дверей храма Христа Спасителя в Москве (сохранились некоторые модели из гальванопластики). Из графических работ художника особенно выделяется серия иллюстраций к поэме И.Ф. Богдановича «Душенька» (67 композиций; 1820-1833 гг.), а по совету императрицы Елизаветы Алексеевны Ф. Толстой занялся рисованием небольших акварельных и гуашевых натюрмортов, в которых с поразительной точностью передавал мельчайшие детали цветов, плодов, птиц, насекомых и т.п., создавая непревзойдённый эффект «живого присутствия» (т.н. «обманки»). Отдал дань он и музыкальному театру, сочинив либретто балетов «Эолова арфа» и «Эхо». Оставил интересные мемуары (Записки графа Фёдора Петровича Толстого. М., 1991).

Толстой был знаком с Ф.П. Толстым и его семьёй. Вернувшись из Севастополя, бывал в гостях у Толстых, живших на квартире в здании Академии художеств на Васильевском острове и устраивавших у себя вечера. Дочь Ф.П. Толстого Екатерина Фёдоровна Юнге вспоминала: «После войны приезжал в Петербург и явился к нам Л.Н. Толстой; он тогда был ещё очень молод, но его произведения читались нарасхват: он уже стоял на ряду с лучшими писателями, а наш кружок ставил его выше многих» (47: 304).

Лит.: Мроз Е.К. Фёдор Петрович Толстой. 1783-1873. – М.-Л., 1946.

Е.В. Пчелов

ТОРО Генри Дэвид (Thoreau Henry David; 1817-1862) — американский поэт, натуралист, философ. Глубокий интерес к Торо у Толстого появился в первой половине 1890-х гг. Среди периодических изданий в яснополянской библиотеке хранится экземпляр английского журнала «Labour Prophet» (1893. № 24. Dec.) со статьёй о Торо. 3 сентября 1894 г. Толстой писал В.Г. Черткову из Ясной Поляны: «Прислали мне год журнала “Labour Prophet” — прекрасно. <...> Прекрасна там статья Thoreau. Есть книга Thoreau On Civil Disobedience. Надо выписать» (87: 287). 28 августа 1894 г., размышляя о только что прочитанном в «Labour Prophet», Толстой говорил, что «прекрасны мысли Торо» (52: 136). В 1903 г. в издательстве «Посредник» вышла книга «Философия естественной жизни», переведённая с английского И. Накашидзе и содержащая 213 отрывков из сочинений Торо. Более 90 из них отмечены Толстым. Запись в дневнике 14 апреля 1903 г. была сделана во время чтения «Философии естественной жизни»: «И нынче, слабый, читал Торо и духовно поднялся» (54: 168). Сильнейшее впечатление произвела на Толстого и издана в 1898 г. по его инициативе

в Англии в издательстве «Свободное слово» статья «О гражданском неповиновении», переведённая на русский язык. В этой статье Торо, поэт и натуралист, далёкий от гос. и политических проблем, убедительно показал, что привело его на путь пассивного сопротивления. Публицистика Толстого 1890-1900-х гг., в частности «Рабство нашего времени», «Неужели это так надо?», «Как освободиться рабочему народу?», «Где выход?», проникнуты идеями гражданского неповиновения. И Торо, и Толстой сходились в убеждении, что свобода народа является даром, идущим от Бога и от природы. Толстой видел много общего в мудрости русского мужика и философском анархизме Торо: «Помню мудрое слово русского мужика, религиозного и потому истинно свободомыслящего. Он так же, как и Торо, считал справедливым не давать подати на дела, не одобряемые его совестью...» (34: 225). Обращаясь к гос. деятелям с призывом служить народу, не участвуя в политической деятельности, Толстой упоминал имя американского писателя, считая его опыт универсальным. 20 марта 1905 г. он

547

читал в журнале «The Review of Reviews» заметку «Hindooism versus judaism», в которой приводился отрывок из дневника Торо, где он сравнивал индуизм и иудаизм не в пользу последнего. В журнале «The Crank» (1908. № 6) Толстой читал отрывок из «Гражданского неповиновения». Экземпляры этих журналов хранятся в яснополянской библиотеке. Насколько высоко оценил Толстой «Гражданское неповиновение», настолько, как упоминают В.Ф. Булгаков и Д.П. Маковицкий, он не воспринял «Уолден». Тем не менее на страницах «Уолдена» Толстой оставил пометы, свидетельствующие об обратном. В яснополянской библиотеке сохранились три экземпляра книги Торо. Два из них — на английском языке: *Walden: My life in the woods.* — London, 1904; один — на русском, который читал Толстой: Торо, Генри. Вальден / С биографическим очерком, написанным Р.У. Эмерсоном; перевод с англ. П.А. Буланже. — М.: Посредник, 1910. В этом экземпляре имеются пометы Толстого: он отчёркивал мысли, совпадающие с его собственными. Уолден для Торо — вселенная в миниатюре; такой вселенной в миниатюре, Россией в миниатюре была для Толстого Ясная Поляна.

Г.В. Алексеева

ТОТЛЕБЕН Эдуард Иванович (1818 — 1884) — русский военный инженер; с 10 апреля 1855 г. - генерал; участвовал в войне на Кавказе; во

время Крымской кампании в 1854-1855 гг. был главным начальником оборонительных работ в Севастополе. Под его руководством возводились бастионы, создавалась сплошная линия укреплений на Южной стороне города и под землёй прокладывалась сеть контрминных заграждений. О героической обороне Севастополя впоследствии написал фундаментальный труд в нескольких томах «Описание обороны г. Севастополя».

Толстой был знаком с Тотлебенем и считал его одним из «порядочных людей» среди «начальников». Юный Володя Козельцов, герой третьего севастопольского рассказа, приводит в пример удачно сложившуюся военную карьеру Тотлебена: «там <в гвардии. — Н.Б.> в десять лет в полковники, а здесь Тотлебен так в два года из подполковников в генералы». После Крымской войны во время первого своего заграничного путешествия Толстой встречался с Тотлебенем в Швейцарии. В повести «Божеское и человеческое» Тотлебен, бывший одно время одесским генерал-губернатором, выведен в образе генерал-губернатора, подписавшего смертный приговор Светлогубу.

Н. И. Бурнашёва

ТРЕГУБОВ Иван Михайлович (1858-1931) — единомышленник и друг Толстого; в 1893-1897 гг. сотрудник издательства «Посредник».

В молодости Трегубов придерживался довольно радикальных взглядов. Сын священника, он отошёл от православия под влиянием сочинений Толстого и обратился к кружку последователей Толстого в С.-Петербурге с призывом совершить духовную революцию в России, для чего устроить в Киеве демонстрации и сбросить в Днепр киевские мощи во время крестного хода по случаю Крещения Руси. Трегубов оставил место

воспитателя в духовном училище (среди его воспитанников был Г. Гапон), но позднее, интересуясь историей церкви, поступил в Московскую духовную академию, из которой был исключён в 1893 г. за антицерковные высказывания. К этому времени он уже был знаком с Толстым, сотрудничал с издательством «Посредник» и собирал материалы о религиозных течениях. В марте 1897 г., он написал письмо обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву и, назвав его одним из главных тормозов прогресса России, обвинил в преследовании сектантов, в т.ч. толстовцев. Трегубов признавался Победоносцеву в том, что собирался его убить и отказался от этого намерения только тогда, когда познакомился с религиозными сочинениями Толстого и понял из них, что настоящий смысл христианства не в догматах и обрядах, а в смирении и любви. Поняв это, он перестал думать о революции и оставил мысль об убийстве.

Толстой ценил Трегубова, прощал ему экзальтированность и фанатизм за искренность, бескорыстие, готовность работать над собой и отказываться от ложных убеждений. «Меня всегда трогает ваша правдивость и строгость к себе...» — писал он ему 5 октября 1895 г. Писатель осторожно и тактично старался переубедить его, помогал освободиться от излишней горячности и радикализма. Летом 1895 г., когда Трегубов занимался в Ясной Поляне разбором рукописей Толстого, они часто и подолгу беседовали. И в этих беседах, и в письмах Толстой говорил с ним о главном: о жизни и смерти, о Боге и грехе. Трегубов доверял ему свои мысли и даже личные тайны. Отвечая на его письма, Толстой старался поддержать и направить молодого человека. В то время, когда он был безнадежно увлечён Еленой Накашидзе, отвечавшей ему лишь дружескими чувствами, Толстой не только утешал его, но и давал советы, как легче справиться с соблазнами: «Практически же мой совет тот, что

548

надо больше жить плотски — общаться с природой, работать, ходить, играть, собирать цветы, украшать вокруг себя. Всё это грех, когда для этого нужны труды других людей, но если нет, то нет греха, и нужно, и может избавить от греха» (28 июня 1896 г.). Трегубов писал Толстому, что хочет называть его своим отцом, и получал в ответ: «Милый друг, милый сынок...» (26 июня 1898 г.). Толстой по-отечески наставлял его, предостерегал от неверных решений. Ещё с 1893 г. Трегубов жил на хуторе Ржевск у Черткова, где принял на себя значительную часть руководства издательством «Посредник». Одновременно в его руках сосредоточилась работа по сбору сведений о сектантских движениях, о

гонениях на духоборов. Вместе с В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым он составил в защиту духоборов брошюру «Помогите!», напечатанную с послесловием Толстого в Англии. В январе 1897 г. он был арестован с материалами о духоборах и выслан в г. Бауск Курляндской губ. «Помогай вам Бог <...>, — писал ему Толстой в эти трудные дни, — спокойствия и твёрдости, а главное, любви, которая даст и то и другое. В гонениях опасны не страдания, а соблазн сожаления к себе и возникающего из него недоброго отношения к гонителям. Избави вас от этого Бог» (26-28 февраля 1897 г.). Находясь в ссылке, Трегубов публиковал материалы о духоборах, участвовал в антимилитаристском движении, занимался самообразованием. Вернувшись в Россию в 1905 г., продолжал пропагандировать те же идеи. Как и многие христианские единомышленники Толстого, он участвовал в движении эсперантистов, считая язык эсперанто средством для облегчения соединения людей в единое международное братство. Очень занимала его идея братской коммуны, пример которой он нашёл у духоборов. В 1908 г. он основал в Петербурге кружок «Община свободных христиан» с целью объединения всех сектантов. В газете «Новая Русь» он регулярно печатал свои статьи о сектантах и церкви, которые Толстой всегда читал «с интересом, и удовольствием, и пользой» (78: 298).

Со временем Трегубов изменил своё представление о допустимых средствах борьбы. Теперь основным орудием он считал письма и воззвания с призывами отказаться от насилия, вражды и убийства. В газете «Слово» 3 мая 1906 г. было напечатано его «Воззвание в защиту современных христианских мучеников», исправленное Толстым и дополненное его письмом.

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, Трегубов вновь выступил против насилия. Вместе с В.Ф. Булгаковым и Д.П. Маковицким он составил воззвание «Опомнитесь, люди-братья!». На авторов было заведено судебное дело, известное под названием «процесс толстовцев». За обвиняемых вступились тогда многие известные люди, и суд вынес оправдательное решение. В 1917 г. Трегубов служил на книжном складе «Посредника» и вошёл в общину «Трезвая жизнь». Эта община при его непосредственном участии спасла от пьянства тысячи людей. До конца дней оставался Трегубов благородным идеалистом и аскетом. Он верил в возможность создания общины, объединяющей идеи христианства и коммунизма. Булгаков писал о нём: «Жил он всегда крайним бедняком. Не замечал, что пил, что ел. Обходился самым необходимым» (Булгаков В.Ф. И.М. Трегубов. 1858-1931 // Яснополянские вести. - 1991. № 4 (ноябрь). С. 7).

В 1930-е гг. он был уполномоченным по делам духоборов и вновь писал ходатайства, хлопотал за тех, кто подвергался гонениям по идейным соображениям, но вскоре и сам оказался среди тех, кого

защищал. 30 мая 1931 г. Трегубов был осуждён и отправлен в Туркестан, где скончался, не выдержав тяжёлого перехода по пустыне. Через 37 лет его реабилитировали «за отсутствием в его действиях состава преступления». В сохранившейся заметке «Светлой памяти И.М. Трегубова» за подписью «Друзья» говорится: «Мир, объединённый братской любовью и коллективной братской деятельностью и свободный от всякого насилия, такой была заветная цель его стремлений. Это был человек высокой духовной жизни, вечный искатель правды Божьей и воплощения её в жизни. В нём постоянно горел огонь искания праведности, огонь постоянной работы над собою, над самоочищением, огонь постоянной внутренней борьбы со своими слабостями, пламя вечного стремления к самосовершенствованию, искание освобождения себя и всего света от силы тьмы и зла» (ОР ГМТ).

Ю.Д. Ядовкер

ТРЕТЬЯКОВ Павел Михайлович (1832-1898) – собиратель произведений русского реалистического изобразительного искусства; основатель картинной галереи («Третьяковская галерея») в Москве, ставшей впоследствии крупнейшим в мире музеем русского искусства. Действительный член Петербургской академии художеств. Его художественная коллекция берёт своё начало в 1856 г. Своё частное собрание в 1892 г. он передал в дар Москве вместе с картинами брата, С.М. Третьякова (1834-

549

1892), собирателя произведений западноевропейской живописи, завещавшего свою коллекцию городу. Третьяков происходил из известного русского купеческого рода, но был очень близок к художникам, поддерживал передовые демократические силы, возглавляемые передвижниками. Ещё весной 1869 г., задумав собрать в своей коллекции портреты известных русских писателей, он через А.А. Фета обратился к Толстому с просьбой разрешить написать его портрет для картинной галереи. 10 мая 1869 г. Толстой ответил Фету: «О Третьякове — не знаю, никого не хочется» (61: 216). Осенью снова была предпринята попытка (опять через Фета) уговорить Толстого «насчёт портрета», и опять уговорить не удалось. Через четыре года Третьяков всё же смог получить долгожданный портрет писателя. Помог случай: летом 1873 г. И.Н. Крамской, известный художник-портретист, жил на даче недалеко от станции Козлова Засека, близ Ясной Поляны. Зная о желании Третьякова иметь портрет Толстого, художник решил во что бы то ни стало написать портрет писателя. Он сообщил о своём намерении

Третьякову и получил ответ: «Дай Бог Вам успеть! Хотя мало надежды имею, но прошу Вас, сделайте одолжение для меня, употребите всё Ваше могущество, чтобы добыть этот портрет» (Переписка И.Н. Крамского. Крамской и Третьяков. М., 1953. С. 64). О том, как Крамской сумел убедить Толстого в необходимости написать его портрет, художник подробно рассказал в письме Третьякову 5 сентября 1873 г. (там же. С. 66-67). Сам Толстой 23 сентября 1873 г. писал Н.Н. Страхову: «Уж давно Третьяков подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: всё равно ваш портрет будет, но скверный. Это бы ещё меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет для неё. И теперь он пишет, и отлично, по мнению жены и знакомых» (ПСПТС. 1. С. 129). В середине октября работа в Ясной Поляне была закончена, из двух написанных портретов Толстые выбрали один для себя, а другой портрет художник увёз в Петербург, где собирался проработать некоторые детали. 23 февраля 1874 г. Крамской из Петербурга сообщил Третьякову, что портрет Толстого ему послан.

В 1880-1890-е гг., живя в Москве, Толстой не раз встречался с Третьяковым. По рекомендации писателя для своей галереи Третьяков приобрёл написанный И.Е. Репиным в 1882 г. портрет В.К. Сютаева с подписью «Сектант». 7 апреля 1884 г. Толстой посетил выставку Товарищества художников-передвижников, там состоялся разговор с Третьяковым, что писатель отметил в дневнике: «Говорил с Третьяковым порядочно» (49: 79). Через три дня Третьяков был у Толстого в Хамовниках, и опять они долго разговаривали «о значении искусства, о милостыне, о свободе женщин». «Ему <Третьякову> трудно понимать. Всё у него узко, но честно» (49: 80), — записал Толстой в дневнике. 14 марта 1889 г. короткая запись: «Пошёл к Третьякову». Толстой неоднократно бывал в его галерее, на выставках художников-передвижников, обращался к нему в письмах: спорил с Третьяковым о картинах Н.Н. Ге и В.М. Васнецова, о зрителе и зрительском восприятии произведений живописи, жалел «о разногласиях» с ним, рассуждал о «согласии против пьянства» и призывал Третьякова, его жену и дочерей подписать это согласие, советовал приобрести всё, что создано художником Н.Н. Ге... В разговорах с Третьяковым, конечно, поднимались вопросы об изобразительном искусстве, о художниках, о содержании искусства. Толстой давал советы, на творчество каких художников надо бы обратить внимание, какие картины хорошо бы купить Третьякову. Нередко велись споры о ценности тех или иных полотен. «Простите меня, пожалуйста, если я своими суждениями огорчаю или оскорбляю вас, — писал Толстой Третьякову. — Признаюсь, меня волнует и поражает то, что я в вас встречаю то суждение, которое свойственно только людям, равнодушно и поверхностно относящимся к

искусству» (67: 176). Особенно страстно спорил Толстой, стараясь объяснить Третьякову всё значение и глубину произведений Н.Н. Ге. Писал, что если Третьяков не приобретёт для галереи картину «Что есть истина?», то «выйдет поразительная вещь: вы посветили жизнь на собирание предметов искусства — живописи, — убеждал Толстой Третьякова, — и собрали подряд всё для того, чтобы не пропустить в тысяче ничтожных полотен то, во имя которого стоило собирать все остальные. Вы собрали кучу навоза для того, чтобы не упустить жемчужину. И когда прямо среди навоза лежит очевидная жемчужина, вы забираете всё, только не её. Для меня это просто непостижимо. Простите меня, если оскорбил вас, и постарайтесь поправить свою ошибку, если вы видите её, чтобы не погубить всё своё многолетнее дело. Если же вы думаете, что я ошибаюсь, считая эту картину эпохой в христианском, т.е. в нашем истинном искусстве, то, пожалуйста,

550

объясните мне мою ошибку. Но, пожалуйста, не сердитесь на меня и верьте, что письмо это продиктовано мне любовью и уважением к вам, — словно извинялся Толстой за резкость. -- Про содержание моего письма вам никто не знает. Любящий вас Л. Толстой» (письмо от 11 июня 1890 г.; 65: 107). Самому художнику Н.Н. Ге чуть позже Толстой сообщал: «Третьякову я, грешный человек, писал, когда ещё вы были у нас, под секретом от всех. Мне искренно было жалко его, что он, по недоразумению, упустит ту картину, во имя которой он скупает всю дрянь, надеясь на то, что, собрав весь навоз, попадёт и жемчужина» (65: 145-146). Эти объяснения стали особенно настойчивыми после смерти художника: «Пишу вам это моё мнение затем, чтобы посоветовать приобрести всё, что осталось от Ге, так чтобы ваша, т.е. национальная русская галерея, не лишилась произведений самого своего лучшего живописца с тех пор, как существует русская живопись», - писал он Третьякову 14 июня 1894 г., потрясённый скоростижной смертью Н.Н. Ге. В Ясной Поляне в то лето нередко велись разговоры о Третьякове, не торопившемся с приобретением картин художника. 30 июля В.Ф. Лазурский записал в своём дневнике: «Много говорили о картине Ге <"Распятие". — Н.Б.>. Чертков говорит, что если картину увезут в Англию, то и там ведь люди. Но Лев Николаевич высказывает надежду и какое-то предчувствие, что она останется в Москве.

Не может быть, чтобы Третьяков оставил это так. Я писал к нему задирательные письма, и он должен, по крайней мере, обидеться и ответить мне в таком тоне. Наконец, мало ли в Москве есть богатых людей, которым некуда девать капитал. Хоть и страшно произнести это

слово, но я надеюсь, что со временем будет основан музей Ге, где будут собраны его работы» (ТВС. 2. С. 74).

В августе-сентябре 1898 г. Толстой написал 12 писем к «добрым и богатым людям», в т.ч. и к Третьякову, с просьбой помочь в переселении духоборам, которых преследовали власти. Почти все адресаты откликнулись на призыв Толстого, пожертвовав крупные суммы денег; Третьяков не сочувствовал этому делу и ответил отказом.

Н.И. Бурнашёва

ТРЕЩОВ Григорий Дмитриевич (1880-1979) — житель села Ясенки; студент естественного факультета Московского университета; знакомый Толстого. С 1912 г., окончив университет; учительствовал в сельских школах, был директором школы им. Л.Н. Толстого в Телятинках близ Ясной Поляны. С конца 1920-х гг. — директор рабфака, техникума, ВТУЗа. Трещов был общественным деятелем, первым почётным жителем г. Новомосковска (бывш Сталиногорск) Тульской области.

В молодости Трещов увлёкся революционными идеями, чтением запрещённой литературы, подвергался обыскам, арестам. С Толстым познакомился в 1907 г. благодаря В.Г. Черткову, который устраивал чтения и обсуждения произведений Толстого в кружке жителей села Ясенки. В дискуссиях несколько раз принимал участие и сам писатель, останавливаясь в Ясенках во время прогулок верхом.

По предложению Черткова в июле 1908 г. состоялись две личные встречи Трещова с Толстым. В первый раз — во время прогулки писателя в парке Ясной Поляны. Толстой расспрашивал о жизни Московского университета, говорили о революции 1905-1907 гг. и последующих событиях (Трещова интересовала позиция писателя). Осуждая самодержавие, репрессии и находя оправдание действиям революционеров в их стремлении к социальной справедливости, Толстой в то же время резко возражал против «революционного насилия». Попытка Трещова указать на противоречивость взглядов писателя и переубедить его, ссылаясь на положительные примеры из истории революций в других странах, успехом не увенчалась.

Вторая встреча Трещова с Толстым состоялась через несколько дней в яснополянском доме в присутствии дочери Толстого Александры. Беседа шла о последних газетных статьях. Толстой с возмущением говорил о царских репрессиях, карательных отрядах и массовых казнях, обрушившихся на народ. Видимо, припомнив прошлый разговор о «революционном насилии», писатель заметил Трещову: «Вот видите, молодой человек, эти репрессии и казни можно считать обратной стороной той же медали — революции». Трещов возразил, что это не одна медаль и со временем революция возьмёт верх над царизмом.

Конечно, молодому человеку не удалось поколебать взгляды Толстого. Самому же Трещову встречи и беседы с Толстым помогли лучше разобраться и во взглядах писателя, и в жизни в целом. Навсегда запомнились доброжелательность Толстого, его живой интерес к людям. На прощанье Толстой предложил сыграть в шахматы.

Лит.: Трещов Г.Д. Встречи с писателем // Сталиногорская правда. 1958. 9 сентября.

А.А. Трещов.

551

ТРОЯНОВСКИЙ Борис Сергеевич (1883-1951) — русский музыкант-балалаечник, композитор, педагог; основоположник современной школы игры на балалайке. Играть на этом «мужицком» инструменте Трояновский выучился у крестьянина-самоучки, переняв все тонкости народной исполнительской манеры. В 1904-1911 гг. солист Великолукского оркестра народных инструментов В.В. Андреева. «Пропагандируя музыку русского народа, — писал Трояновский в своих воспоминаниях, — я объездил со своей балалайкой не только всю Россию, но побывал в Берлине, в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, везде пользуясь успехом» (ТВС. 2. С. 408). Игра Трояновского отличалась самобытностью, богатством и своеобразием виртуозной техники. Он писал сочинения для балалайки, делал обработки народных мелодий; ему принадлежит ряд переложений для балалайки и фортепиано сочинений русских и европейских композиторов.

Толстой был знаком с искусством Трояновского, не раз слышал его игру в граммофонной записи. 4 июня 1909 г. по приглашению Толстого музыкант со своим аккомпаниатором на фортепиано Шульце приехал в Ясную Поляну. Три дня гостил Трояновский у Толстых. И каждый вечер в зале собиралось много народу; все домашние, приходили «чертковские», 4 июня пришли «яснополянские ребята, играющие на гармониках, девки, кучера и другие». «Трояновский начал со старинной песни — “Пивной ягоды”, — записал Д.П. Маковицкий. — Очень, очень понравилось всем. Потом Венявского мазурку, Дюрана вальс, Андреева вальс, Абазы “Пиччикато”, “Камаринскую”, “Вниз по матушке по Волге” и т.д. Когда играли “Светит месяц”, Л.Н. сиял улыбкой. Хвалил овернскую народную плясовую. В перерыве Софья Андреевна заметила, что Трояновский играл у государя несколько раз. *Л.Н.:* “Вы играли у государя? Что же ему больше всего понравилось?” — “Государь любит больше всего “Камаринскую” и вальс Дюрана”. *Л.Н.:* “А я от “Камаринской” ждал

больше. У вас вариации очень быстры, мелодия теряется»» (ЯПЗ. 3. С. 430). Потом зашла речь о русских песнях и балалайке. «Трояновский говорил, что русская песня выходит на балалайке лучше, чем на каком бы то ни было инструменте, и что русской песне, игранный на балалайке, подражали все русские композиторы. После чая сыграли “Соловья”. Л.Н. воскликнул: “Bis!” Повторили. <...> Затем сыграли тульскую “Под яблонькой”. Л.Н. топал ногой, похваливал и вспомнил; “Эту брат (Сергей Николаевич) очень любил”. <...> В перерыве Л.Н. говорил, что есть преимущества скрипки и голоса и есть преимущества балалайки. В скрипке и голосе — тон, главное попасть в самую точку тона; в балалайке техника и ритм, в которые надо попасть (в самую точку ритма). Ещё сыграли “Во саду ли, в огороде”, “По улице мостовой”. Л.Н.: “Хорошо! Старинная”» (ЯПЗ. 3. С. 430-431).

Долго ещё разговаривал Толстой с музыкантами. А потом посоветовал «им выучить “Варяга” — песню, которую слышал в Троицын день от яснополянских ребят (Фильки Макаркина и Васьки Фоканычева) на гармошках с подхватыванием пением. Техника у Трояновского удивительная: иногда правая рука отдыхает, а одна левая играет: нажимает струны и бренчит» (там же).

На следующий день Трояновский опять играл в яснополянском зале; среди слушателей оказался американский гость Толстого Генри Джордж-сын, он «очень оценил игру Трояновского, смотрел на его ловкие руки и звал его в Америку. Русские песни произвели на него сильное впечатление». «Вечером Трояновский и Шульце опять концертировали и Филька Макаркин с Васькой Фоканычевым сыграли им те песни, которые понравились Л.Н.» (ЯПЗ. 3. С. 432).

Через многие годы пронёс Трояновский память о тех вечерах в Ясной Поляне; спустя тридцать лет он вспоминал: «Несколько дней Лев Николаевич не отпускал меня и каждый вечер слушал мою игру. Особенно нравились ему в переложении для балалайки русские народные песни. Однажды во время перерыва Лев Николаевич вышел к себе в кабинет, а в это время Софья Андреевна попросила меня сыграть “Соловья” Алябьева, который ей и Льву Николаевичу особенно нравился. Возвратясь в столовую, Лев Николаевич сказал: “Я буквально слышал нежный женский голос! Когда слушаешь балалайку издали, получается полная иллюзия пения. Удары пальцев по струнам, слышные здесь вблизи, на расстоянии совершенно исчезают, и издали слышится только один чистый певучий звук”» (там же). С. А. Толстая записала в тот день, 5 июня, в своём дневнике, что все домашние и гости «слушали балалаечную игру Трояновского. Удивительно играет. Л.Н. в восторге, хотя и нездоров» (ДСАТ. 2. С. 286).

Толстой подарил Трояновскому свою фотографию и на ней написал: «Борису Сергеевичу Трояновскому как выражение благодарности за большое, давно не испытанное

552

удовольствие, доставленное мне его самобытно-талантливой игрой. Лев Толстой, 6 июня 1909 г.» (ТВС. 2. С. 409). Впоследствии Трояновского нередко вспоминали в доме Толстых, слушая его граммофонные записи.

Н.М. Бурнашова

ТРУБЕЦКОЙ Павел (Паоло) Петрович (1866-1938) – скульптор, «русский итальянец». Родился и жил в Италии, начал заниматься скульптурой с восьми лет, но систематического художественного образования не получил. В 1876 г. брал уроки рисования у живописца Д. Ранцони. В 1880-х гг. занимался у миланских скульпторов Д. Гранди, Д. Баркольи, Э. Баццаро. В 1887 г. Трубецкой приехал в Россию. В течение шести лет преподавал в московском Училище живописи, ваяния и зодчества. Автор памятника Александру III в Петербурге.

В 1898 г. Трубецкой познакомился с Толстым и его семьёй, бывал у него в Москве и Ясной Поляне. В творчестве скульптора видное место занимал портрет. Кроме скульптурных изображений Толстого, Трубецкой сделал много карандашных рисунков и написал маслом этюд портрета писателя. 5 мая 1899 г. Толстой писал В.Г. Черткову: «...как умный портретист, скульптор (Трубецкой), занят только тем, чтобы передать выражение лица — глаз, так для меня главное — душевная жизнь, выражающаяся в сценах». На всемирной выставке в Париже в 1900 г. скульптор получил *grand prix* за портретные работы, среди которых был и первый вариант статуэтки «Л.Н. Толстой на лошади».

В 1910 г. Трубецкой последний раз был в Ясной Поляне. 29 мая Толстой записал в дневнике: «Приехал Трубецкой Очень приятен». Скульптор много рисовал Толстого. «Трубецкой за чаем сел с альбомом и рисовал набросок с Л.Н-ча карандашом. К концу чая рисунок был готов, Л.Н. восхищался его мастерством и сказал ему: «C'est admirable» <Превосходно! – фр.> — вспоминал А.Б. Гольденвейзер (запись 30 мая). С.А. Толстая отметила в ежедневнике 31 мая: «Трубецкой всё рисует Льва Николаевича и всех нас. Талантлив и любит искусство. <...> Лев Николаевич ездил с Трубецким верхом».

О рисунках Трубецкого 1910 г. и его манере работать рассказывал Морис Юоэс, встречавшийся с ним в 1910 г. в Ясной Поляне. (Морис Юоэс — швейцарец, бывший губернёр старшего внука Толстого С.С. Толстого.) Как-то Трубецкой показал Толстому несколько своих

рисунков. Посмотрев их, Толстой сказал: «Итак, Павел Петрович, вы не хотите читать мои книги. Однако я рассматриваю ваши рисунки!.. Но, если вы не любите мои книги, скажите, что вам нравится во мне?» - «Я вас очень люблю, Лев Николаевич, потому что вы добры, любите животных и у вас прекрасная голова для скульптуры», - ответил Трубецкой» (Maurice Kues. Tolstoi vivant. Edition du Mon-Blanc. Geneve, 1941. P. 110). М. Кюэс пишет о том, как в яснополянском зале за круглым столом, освещённым большим абажуром, вечерами собирались семья и гости. Толстой отдыхал, играя в шахматы или слушая музыку: «В эти вечера П. Трубецкой рисовал в свой альбом голову благородного старца. У него (Трубецкого) была манера набрасывать на бумаге несколько крупных и жирных штрихов, которые он потом растушёвывал пальцем, создавая теневое пятно, выделявшее драгоценные черты: глаза, ноздри, уши... В течение вечера он делал четыре или пять рисунков, которые останутся наиболее правдивыми изображениями постаревшего писателя». «Эти весенние вечера, проведённые в гостиной Ясной Поляны, - мои лучшие воспоминания. В углу сидит старец в белой блузе с наброшенным на плечи жёлтым пледом из верблюжьей шерсти, рядом со мной Трубецкой рисует в альбом» (там же. С. 226-227).

Н.В. Зайцева

ТРУБЕЦКОЙ Сергей Николаевич (1862-1905), князь — русский философ, общественный деятель, активный участник земского движения, публицист. Внёс большой вклад в развитие университетского образования в России. Экстраординарный профессор Московского университета, убеждённый сторонник университетской автономии, он вместе со своими коллегами выступил за предоставление Совету профессоров права руководить всей жизнью университета. Усилия Трубецкого и его коллег увенчались успехом. В августе

553

1905 г. университет получил автономию, и в начале сентября Трубецкой стал его первым выборным ректором. Предоставление университету автономии пришлось на время бурных революционных событий осени 1905 г., стимулировавших беспорядки и студенческие волнения. Грубые нападки, резкие обвинения, посыпавшиеся со всех сторон на Трубецкого как либерального защитника академических свобод, подорвали его здоровье и привели к безвременной смерти. В расцвете сил он скончался от апоплексического удара через 27 дней после своего избрания ректором Московского университета.

Толстой был лично знаком с Трубецким, встречался с ним как с одним из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии» (Трубецкой был соредактором журнала с 1900 г.), вёл с ним переписку по вопросам оказания помощи голодающему населению (Трубецкой в 1892 г. жил в Рязани и исполнял обязанности уполномоченного по общественным работам в Рязанской губ.).

Толстой внимательно читал одно из основных философских сочинений Трубецкого «О природе человеческого сознания», опубликованное в 1889 г. в первой книге журнала «Вопросы философии и психологии» (в то время редактором журнала был Н.Я. Грот). Произведение Трубецкого было критически оценено Толстым. Отрицательным было и общее его впечатление о журнале. 2 ноября 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Читал журнал Грота. И грешил, сердился на Трубецкого. Философия, имеющая целью доказать Иверскую. Решение уравнений со многими x , y , z , когда придано произвольно x самое нарочно нелепое решение. Ведь сколько труда! Да и весь журнал — подбор статей без мысли и ясности выражения» (50: 172-173). Видимо, замысел философского труда Трубецкого, состоящий в придании нового звучания славянофильской идее о том, что личность не может быть мыслима вне общественного целого, что личное, конечное сознание может быть понято только при допущении соборного, коллективного сознания, что сущность сознания - в его соборности, показался Толстому умаляющим возможности конкретного человека в поиске им смысла и пути жизни, возможности его саморазвития и самосовершенствования. Скорее всего, неприемлемым для Толстого выглядел и способ доказательства, избранный Трубецким.

В ноябре 1897 г. Толстой принял решение печатать трактат «Что такое искусство?» в журнале «Вопросы философии и психологии». Редакция журнала обратилась к Толстому с просьбой разрешить печатание трактата не в одном, а в нескольких номерах. По вопросу опубликования труда «Что такое искусство?» Толстой встречался с Трубецким как соредактором журнала. 11 декабря 1897 г. он отметил в дневнике: «Я согласился Трубецкому отдать по частям» (53: 170), и 29 декабря: «Разговор с Трубецким. Какой жалкий юноша. Всё понимающий и вместе с тем ничего не умеющий поставить на настоящее место и потому живущий в невообразимой путанице» (53: 173).

Мировоззренческие установки Трубецкого и Толстого существенно различались, но было и то, что объединяло их позиции, - вера в духовное, разумное и любящее Начало, которое лежит в основе мира.

М.А. Лукацкий

ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818 — 1883) — писатель. Первой личной встрече Толстого и Тургенева предшествовало заочное знакомство. Толстой ещё в юности полюбил «Записки охотника», позднее он ставил это сочинение Тургенева в один ряд с «Евгением Онегиным» и «Мёртвыми душами», а ещё позднее, уже став писателем, отмечал в своём дневнике, что после Тургенева трудно писать. С 16 апреля 1852 г. находившийся в ссылке в Спасском-Лутовинове (за некролог на смерть Гоголя), Тургенев прочёл в сентябрьском номере журнала «Современник» повесть «Детство» (в журнальной публикации — «История моего детства»), подписанную инициалами «Л.Н.». Уже маститый писатель, известный всей России, он восторженно приветствовал новый «надёжный» талант, «замечательное дарование», и мнения своего не менял до конца жизни, какие бы события впоследствии ни омрачали их личные отношения «дружбы - вражды».

Прежде чем состоялось знакомство с самим Толстым, Тургенев познакомился и подружился с его сестрой М.Н. Толстой и её мужем, соседями по имению. В Покровском, у М.Н. и В.П. Толстых, Тургенев стал бывать часто и даже увлёкся хозяйкой имения, позднее она стала прототипом его героини Веры Николаевны Ельцовой в повести «Фауст». В те годы Толстой участвовал в военных действиях на Кавказе, затем в Севастополе, и Тургеневу было страшно от мысли, что такое блестящее дарование может погибнуть под пулями. «Современник» (1855. № 9) напечатал рассказ Толстого «Рубка леса» с посвящением Тургеневу. И 3 октября Тургенев из Покровского писал Толстому в Севастополь (так состоялось их «письменное знакомство»), благодарил его

554

за посвящение: «...Ваше орудие — перо, а не сабля, — а музы не только не терпят суеты — но и ревнивы».

В ноябре того же года Тургенев был уже в Петербурге. 19 ноября из Севастополя в Петербург приехал Толстой и «побежал» к Тургеневу на Фонтанку, где впервые и произошла встреча двух писателей. Тургенев уговорил Толстого переселиться из гостиницы к нему на квартиру, и Толстой более месяца прожил у Тургенева, который, как «нянька старая», радовался его успехам, а Толстой в свою очередь восторгался творчеством Тургенева, особенно выделяя повести «Затишье», «Два приятеля», «Фауст», «Андрей Кожухов». Они полюбили друг друга, взаимно радовались успехам, но непременно «в отдалении», вблизи же и тот, и другой чувствовали некоторое «взаимное стеснение», какую-то «несовместимость».

31 мая 1856 г. Толстой впервые посетил Спасское-Лутовиново, на следующий день они отправились в Покровское, купались, разговаривали, катались на плоту по Снежеди, музицировали, разыгрывали «Дон-Жуана». В этот первый, наиболее счастливый, период они много общались, а когда не могли встречаться, то интенсивно переписывались (особенно до 1861 г., когда их общение было надолго прервано ссорой). Известны семь писем Толстого (многие его письма не дошли до нас) и 42 письма Тургенева. 27 мая 1861 г., когда писатели были в гостях у Фета в его имении Степановке, произошла ссора Тургенева с Толстым. Поводом стал разговор о принципах воспитания дочери Тургенева, причины же были гораздо глубже. Дело висело «на волоске от дуэли», которая, к счастью, не состоялась, но случай этот развёл их на 17 лет.

Лично не общаясь между собой, писатели, тем не менее, внимательно следили за творчеством друг друга. Во многом благодаря Тургеневу с произведениями Толстого познакомилась читающая Европа, на французский язык были переведены некоторые сочинения Толстого.

6 апреля 1878 г. Толстой написал Тургеневу в Париж, предложив ему примирение. На призыв «подать друг другу руку» Тургенев откликнулся с величайшей охотой; в августе он приехал в Ясную Поляну, читал всем свой рассказ «Собака», гулял с детьми Толстого, а за общим обеденным столом, где оказалось 13 человек, в ответ на шуточный вопрос, на кого же падёт жребий смерти, Тургенев первым поднял руку, сказав, что боится смерти.

Они ещё несколько раз встречались в Ясной Поляне и в Спасском. 8 июля 1881 г. Толстой в последний раз видел Тургенева в его доме, а 29 июня 1883 г. из Буживаля (под Парижем) Тургенев послал ему своё последнее письмо, в котором вновь и вновь призывал Толстого вернуться в литературу.

Смерть Тургенева 3 сентября 1883 г. потрясла Толстого, он несколько дней говорил только об этом и везде, где мог, выискивал разные подробности о болезни Тургенева, его последних днях и признавался жене в том, что всё время читает Тургенева и думает о нём, и даже хотел читать публичную лекцию о Тургеневе в Московском университете.

За год до этого, в 1882 г., вышло в свет совместное издание Тургенева и Толстого «Рассказов для детей», которое открывалось рассказом Тургенева «Перепёлка», написанным специально для этого сборника, за ним следовал «Кавказский пленник» Толстого.

Тургенев давал высочайшую оценку многим произведениям Толстого: восторженно отзывался об «Утре помещика», «Двух гусарах», повестях «Поликушка» и «Казачьи», называя последнюю шедевром Толстого и всей русской повествовательной литературы, но особенно высоко ценил «Войну и мир» и «Анну Каренину». Большую часть своей жизни

находясь за границей, Тургенев активно популяризировал «Войну и мир», делаясь впечатлениями со своими друзьями, французскими писателями А. Додэ и Г. Флобером.

Толстой, с большой взыскательностью относясь к некоторым произведениям своего старшего современника (например, «Отцы и дети» оставили его равнодушным), дал общую характеристику творчеству Тургенева. Эти слова Толстого, прозвучавшие уже после смерти Тургенева, подвели некий итог непростым отношениям двух великих писателей: «Тургенев — прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда *то самое, то, что он думает и чувствует*. <...> По-моему, в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всём. И это выражено и трогательно и

555

прелестно в “Довольно” и 3) неформулированная, двигавшая им и в жизни, и в писаниях, вера в добро - любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в Дон-Кихоте...» (63: 149-150).

Н.А. Никитина

ТЬЕРА Луи Адольф (1797-1877) — французский политический деятель, историк, журналист. В разные годы занимал министерские посты, был премьер-министром, в 1871-73 гг. — президентом Франции. В 1871 г. жестоко подавил Парижскую коммуну. Автор капитальных трудов по французской истории: десятитомной «Истории Французской революции» (1823-1827), посвящённой Великой французской революции 1789 г., и двадцатитомной «Истории консульства и империи» (1845-1861), написанной с нескрываемой симпатией к Наполеону Бонапарту.

Толстой читал «Историю Французской революции» в 1852 г. и отзывался о ней критически. Сравнивая труд Тьера с «Историей Англии» Д. Юма, Толстой отмечал недостатки произведения французского историка. Тогда же, под влиянием чтения исторических работ, в т. ч. и Тьера, у Толстого возникла мысль «составить истинную правдивую историю Европы нынешнего века» (46: 141—142).

К «Истории консульства и империи» Толстой обратился в 1860-е гг., когда работал над «Войной и миром». Писатель часто приводил в тексте цитаты из многотомного труда Тьера, иногда спорил с французским историком (см., например, т. 3, ч. 2, гл. VII, IX, X и др.). Не нравилась Толстому очевидная ангажированность Тьера, превозносившего

Наполеона; не разделял он и взгляды французского автора относительно роли личности в истории. Нелестно отзывался Толстой о работе Тьера в черновых редакциях «Войны и мира», упрекая историка в неверном освещении событий. Книгу Тьера Толстой называл «невежественно-легкомысленной» (13: 439). Критически о Тьере и Михайловском-Данилевском Толстой отозвался в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”». Отмечая, что в работах этих историков встречаются «такие описания, что не знаешь, смеяться ли или плакать», Толстой приводил пример из книги Тьера, поражающий «нельзя сказать безнравственностью, но просто бессмысленностью» (16: 12-13).

Тем не менее чтение Тьера немало помогло Толстому при работе над романом: некоторые эпизоды, например, разговор казака с Наполеоном (т. 3, ч. 2, гл. VII), Толстой заимствовал именно из труда французского историка.

Ю.В. Прокопчук

ТЮТЧЕВ Фёдор Иванович (1803 - 1873) — поэт, дальний родственник Толстого. Познакомились они в Петербурге осенью 1855 г.: 23 ноября Тютчев был на вечере у И.С. Тургенева, где среди других литераторов находился и офицер Толстой, имя которого уже хорошо знали столичные писатели.

Вскоре состоялась новая встреча. Полвека спустя сам Толстой рассказывал: «Когда я жил в Петербурге после Севастополя, Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, молодому писателю, честь и пришёл ко мне. И тогда, я помню, меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах, — он был другом императрицы Марии Александровны в самом чистом смысле, — говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражая мне своё одобрение по поводу моих “Севастопольских рассказов”, особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нём удивила чрезвычайно».

Запомнилась Толстому и ещё одна встреча с поэтом (видимо, последняя) — в августе 1871 г. в уездном городке Чернь. В письме А.А. Фету 24—26 августа Толстой рассказал об этом: «Последняя поездка моя к вам была самая приятная из всех, которые я делал. <...> Оттуда встретил Тютчева в Черни и 4 станции говорил и слушал и теперь, что ни час, вспоминаю этого величественного и простого и такого глубокого, настояще умного старика». О том же Толстой писал Н.Н. Страхову: «Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы 4 часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с

кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живём и куда мы пойдём, мы не знаем и сказать друг другу не можем, и мы чуждее друг другу, чем мне или даже вам мои дети. Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым». Тютчев о встрече с Толстым упомянул

556

22 августа 1871 г в телеграмме, отправленной жене из Москвы после поездки в Овстуг: «Утомительно, но нескучно... Приятная встреча с автором “Войны и мира”».

Незадолго до смерти Тютчева, в конце января – начале февраля 1873 г., Толстой писал в Петербург А.А. Толстой: «Я слышал уже про болезнь Тютчева, и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз 10 в жизни; но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему? Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь».

Мысли о Тютчеве, о его личности в некоторой степени отразились в образе Сергея Иваныча Кознышева, сводного брата Константина Левина, в черновиках романа «Анна Каренина». В одном из вариантов 6-й части романа (гл. III) появилась такая характеристика Кознышева: «Он особенный, удивительный человек. Он именно делает то, что говорит Тютчев. Их замутит какой-то шум, внимай их пенью и молчи. Так он внимает пенью своих любовных мыслей, если они есть, и не покажет ни за что, не осквернит их. Он живёт одною духовною жизнью. Он слишком чистый и высокой души человек», — так говорил о брате Константин Левин.

Первое знакомство со стихами поэта состоялось в середине 1850-х гг. В конце декабря 1855 г. у Некрасова читали Тютчева. Через много лет, вспоминая об этом, Толстой рассказывал: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочёл, то просто обмер от величины его творческого таланта».

В конце 50-х гг. Толстой бывал у Тютчевых, даже хотел жениться на дочери поэта, Е.Ф. Тютчевой, но этот короткий роман расстроился.

Толстой неизменно восхищался сочинениями поэта. «Я помню, как ещё в конце 70-х годов отец, читая Тютчева, обращал особенное наше

внимание на некоторые стихи, — вспоминал С.Л. Толстой. <...> Он говорил, что ни у кого, кроме Тютчева, нельзя найти такие образные выражения, как, например, “Тени сизые смесились...”, или такие сравнения, как стихи “...И на всём / Та кроткая улыбка увяданья, / Что в существе разумном мы зовём / Возвышенной <у Тютчева: Божественной. - Н.Б.> стыдливостью страданья”». Не раз он вспоминал “Силентиум”, особенно стих: “Мысль изреченная есть ложь...”. Признавая вместе с Тютчевым, что в сущности нельзя передать свою мысль другому человеку, он говорил про себя: “Я мыслю лучше, чем говорю, говорю лучше, чем пишу, пишу лучше, чем печатаю...”»

Свои разговоры с Толстым о поэзии Тютчева записал пианист А.Б. Гольденвейзер, часто гостивший в Ясной Поляне: «Заговорили о Тютчеве. На днях Льву Николаевичу попалось в “Новом времени” его стихотворение “Сумерки”. Он достал по этому поводу их все и читал больной. Лев Николаевич сказал мне: “Я всегда говорю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинств нет; - это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашёл истинное произведение искусства. Я не могу читать без слёз. Я запомнил. Постойте, я вам сейчас его скажу”. Лев Николаевич начал прерывающимся голосом: “Тени сизые смесились...” Я умирать буду, не забуду того впечатления, которое произвёл на меня в этот раз Лев Николаевич. Он лежал на спине, судорожно сжимая пальцами край одеяла и тщетно стараясь удержать душившие его слёзы. Несколько раз он прерывал и начинал сызнова. Но наконец, когда он произнёс конец первой строфы: “всё во мне, и я во всём”, голос его оборвался».

Строки тютчевских сочинений порой являлись на страницах дневника и писем Толстого: «Как океан объемлет шар земной, так наша жизнь объята снами», — не совсем точно цитировал Толстой в дневнике 6 февраля 1901 г. начало известного стихотворения. 13 февраля 1887 г. в письме В.Г. Черткову — размышления о некоем Н.Н. Иванове, начинающем писателе: «Надо, чтобы он выучился задерживать в себе свои мысли с тем, чтобы они перерабатывались, чтобы из 1000 мыслей выбиралась одна, и потом эта одна мысль из 2000 мест, в которые она может быть помещена, находила бы наконец одно свойственное ей место. В этом и ещё многом другом подобном состоит внутренняя работа писателя, предшествующая писанию, работа, которую он, Иванов, не знает или делает, выписывая на бумагу то, что должно делать в голове». Этот процесс «перерабатывания мыслей», «внутренней работы писателя», не изливаемой на бумагу, а происходящей в глубине его творческого сознания, у Толстого ассоциировался с тютчевскими строками из стихотворения «Silentium!», эти строки он далее цитировал в письме: «Взрывая, возмутишь ключи. / Питайся ими и молчи».

Полностью приведён текст стихотворения «Silentium!» в «Круге чтения». День

557

«30-е сентября» открывался размышлением: «Чем уединённее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос Бога». Далее — стихотворение Тютчева: строки его постоянно жили в сознании Толстого. Как вспоминал А.Б. Гольденвейзер, незадолго до ухода из Ясной Поляны, 1 октября 1910 г., Толстой, перечитав в «Круге чтения» «Silentium!», сказал: «Что за удивительная вещь! Я не знаю лучше стихотворения».

Н.Н. Гусев отмечал, что Тютчева Толстой «ставит на первое место после Пушкина», считая, что эти поэты — «самые большие таланты». А в дневнике В.Ф. Лазурского летом 1894 г. записано даже такое суждение Толстого: «По моему мнению, Тютчев — первый поэт, потом Лермонтов, потом Пушкин». И через несколько дней: «...Тютчев как лирик несравненно глубже Пушкина» (*ТВС*. 2. С. 71, 76).

Сохранилось издание сочинений Тютчева 1886 г. с пометами Толстого. На вклеенном в переплёт листе — надпись, сделанная сыном поэта И.Ф. Тютчевым: «Экземпляр стихотворений Ф.И. Тютчева с отметками графа Л.Н. Толстого, подаренный мне О.П. Герасимовым 7 апреля 1899 года. Значение отметок: К. - красота, Г. — глубина; Т. — Тютчев, т.е. мысль и форма, свойственные одному Тютчеву; К. Т. — красота, Тютчев; Т. Г. К. — Тютчев, глубина, красота; Т. Ч. К. — Тютчев, чувство, красота. Все отметки гр. Толстого сделаны карандашом. Ив. Тютчев». (Книга хранится в ГМТ). Иногда рядом с той или иной «отметкой» ставился восклицательный знак («Певучесть есть в морских волнах» — на полях: «Т!»). Рядом со стихотворением «Silentium!» стоит знак «Г» — «глубина». Около стихотворения «Проблеск» — «Т!!!!»; «Что ты клонишь над водами...» — «К. Т.»; «Над этой тёмною толпой...» — «Т. Г. К.»... Подчёркнуты или отчёркнуты на полях некоторые строки, четверостишия, отдельные слова или словосочетания...

Поэзия Тютчева была близка Толстому своей философской глубиной, лиричностью, меткой образностью; близким и даже родственным ощущалось миропонимание поэта, в частности его отношение к природе, жизни, человеку... Характерно, с этой точки зрения, признание Толстого в письме А.А. Толстой 1 мая 1858 г.: «Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Желаю вам того же от души. Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.

И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан.

Тютчева “Весна”, которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки».

Правда, не все стихи любимого поэта вызывали безоговорочный восторг или даже симпатии Толстого; не принял он «Последнюю любовь», стихотворение из «Денисьевского цикла»: «В нём самое низменное чувство представляется возвышенным», — говорил восьмидесятилетний Толстой, автор «Крейцеровой сонаты», «Отца Сергия», «Дьявола». И в последний год своей жизни — снова об этом: «Да когда старик Тютчев, у которого песок сыплется, влюбляется и описывает это в стихах, то это только отвратительно! Это как сегодня был у меня посетитель: говорит о религии, о Боге, а я вижу, что ему водки выпить хочется!» Не нравились и стихи Тютчева, которые казались «славянофильскими» и «пошлыми патриотическими стихотворениями», правда, ни одно из таких стихотворений не названо.

В семье Толстых нередко вспоминали Тютчева, с которым была знакома и С.А. Толстая, и М.С. Сухотин, муж старшей дочери, Татьяны. Для самого Толстого до конца жизни поэзия Тютчева, так же как и Пушкина, оставалась мерилем «истинности» и высоты искусства. 27 декабря 1909 г. Д.П. Маковицкий записал в своей тетради: «В полночь Сергей Львович сыграл какие-то русские народные песни. Л.Н. вышел из своей комнаты и ходил по зале, слушая. Потом Сергей Львович сыграл что-то Шопена. Л.Н.: “Хорошо сыграл, — и сказал растроганно: — Это — музыка: это — Тютчевы, Пушкины, а ваши Григи — это Фёдор Сологуб”». Поэтический мир Тютчева жил в душе Толстого, органически сливаясь с его собственным художественным миром. Вот почему так искренне и убеждённо прозвучали слова, сказанные о Тютчеве В.Ф. Лазурскому: «Без него нельзя жить».

Лит.: Благой Д. Д. Читатель Тютчева — Лев Толстой // Тютчевский альманах. - Л., 1928; Озеров Л.А. «Без него нельзя жить» // В мире Толстого. - М., 1978; Касаткина В.Н. Л.Н. Толстой и Ф.И. Тютчев: размышления о духовной жизни человека // Мир филологии. - М., 2000.

Н.И. Бурнашова

ТЮТЧЕВА Екатерина Фёдоровна («Китти»; 1835-1882) — дочь поэта Ф.И. Тютчева, знакомая Толстого. В конце 1850-х гг. живя в Москве, Толстой был некоторое время увлечён Тютчевой. После первой встречи с ней 25 января 1857 г. в дневнике Толстого появилась лаконичная запись: «Тютчева мила».

В письме 15 ноября 1857 г. из Петербурга фрейлина Дарья Тютчева сообщала сестре Екатерине в Москву: «На днях Анна Блудова говорила о тебе с Анной <их старшей сестрой. – Г.Ч.>, что читала твой письменный портрет, присланный из Москвы одним человеком, — и портрет такой восхитительный...» (Мураново. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 604; *пер. с фр.*). Можно подумать даже о промелькнувшей зависти в письме, ведь Толстой (именно его называли автором портрета) владел пером не хуже, чем кистью художник И.К. Макаров, примерно в эти же годы написавший портрет Тютчевой.

О том, что «ходивший в женихах» Толстой увлёкся Тютчевой, быстро догадались не только её сёстры и их подруги, бывавшие на раутах в салоне Сушковых. Буквально через пять дней та же Дарья в следующем письме продолжала разговор на интересующую всех тему: «Видела князя Вяземского, он рассказал мне о вашем рауте, ему говорили, что там было очень много народу. Он просит меня передать тебе, что уверен в том, что граф Толстой тоже был у вас в этот день. Он сказал это с видом несколько двусмысленным, и это заставляет меня подозревать, что между графом Толстым и автором портрета, о котором я тебе говорила, есть нечто общее...» (там же, ед. хр. 605; *пер. с фр.*).

Всё говорило, что Толстой стал уже чуть ли не своим человеком в гостеприимном доме «у Старого Пимена». Во всяком случае, и его частые записи в дневнике, непосредственно касающиеся Китти, подтверждали их нередкие встречи в это время. 29-31 декабря 1857 г.: «Тютчева начинает спокойно нравиться мне». 1 января 1858 г.: «Китти очень мила». И вдруг запись 7 января: «Тютчева вздор!» На следующий день: «Нет, не вздор. Потихоньку, но захватывает меня серьёзно и всего». 19 января: «Тютчева. Занимает меня неотступно. Досадно даже, тем более что это не любовь, не имеет её прелести» (48: 4).

Январь 1858 г. стал, видимо, высшей точкой в сердечных отношениях Китти и Толстого, чему подтверждение почти ежедневные записи в дневнике писателя. В этом году ей исполнялось уже двадцать три года, ему — тридцать. Толстой был верен себе, постоянно анализировал свои чувства. 20 января: «М. Сухотину с язвительностью говорил про К.Т. И не перестаю думаю о ней. Что за дрянь! Всё-таки я знаю, что я только страстно желаю её любви, а жалости к ней нет». 21 января: «К.Т. любит людей только потому, что ей Бог приказал. Вообще она плоха. Но мне это не всё равно, а досадно». 26 января: «Шёл с готовой любовью к Тютчевой. Холодна, мелка, аристократична. *Вздор!* Чичерина мила, очень неразвита, кажется». 1 февраля: «Бал в Собрании. Чичерина мила. С Тютчевой уж есть невольность привычки». 8 февраля: «Тютчевой очень

я проврался <...> про удобство жены не аристократки. Она наводила речь на П. Щербатову. За чем стоит дело, не знаю» (48: 4-7).

Примерно за полтора-два года, проведённые в Москве, Толстой попеременно влюблялся кроме Тютчевой и в восемнадцатилетнюю Сашеньку Чичерину, и в совсем молоденькую княжну Прасковью Щербатову, и в сестёр Львовых... Видимо, столь большой «перебор» в невестах тонко почувствовала старшая годами своих соперниц Тютчева: вероятно, отсутствие глубины в чувствах Толстого и отпугивало её, несмотря на естественное желание поскорее выйти замуж, тем более за графа, да ещё такого талантливый и недурной наружности...

Частые посещения Толстым салона Сушковых давно уже не были секретом для московских кумушек, маменек тех же невест на выданье. Весть о якобы предстоящей женитьбе Толстого дошла даже до путешествовавшего по Италии И.С. Тургенева: «Кстати, правда ли, что Толстой женится на дочери Тютчева? - писал он А.А. Фету из Рима 24 февраля 1858 г. - Если это правда, я душевно за него радуюсь. Только я сомневаюсь в истине этого слуха». А ухаживания Толстого за Китти между тем продолжались. «8-10 марта. Был у Тютчевой, ни то ни сё, она дичится. В концерте видел Щербатову и говорил с ней. Она мила, но меньше». 28 марта: «Увы, холоден к Т. Всё другое даже вовсе противно». 31 марта: «Тютчева положительно не нравится» (48: 9-11).

Е.Ф. Тютчева. 1850-е гг.

Весну и лето Китти и Толстой провели в разных местах. 17 апреля 1858 г. Ф.И. Тютчев был назначен на пост председателя Комитета цензуры иностранной и на радостях забрал дочь к себе в Петербург. Несколько месяцев разлуки, вероятно, пошли молодым людям на пользу. Толстой о своих летних переживаниях писал в дневнике 15 сентября: «Я страшно постарел, устал жить в это лето. Часто с ужасом случается мне спрашивать себя: что я люблю? - Ничего, положительно ничего. Такое

положение бедно. Нет возможности жизненного счастья, но зато легче быть вполне человеком-духом, “жителем земли,

559

но чуждым физических потребностей”. Я в Москве. Дело задержит меня с неделю. Виделся <...> с Тютчевой. Я почти был готов без любви спокойно жениться на ней; но она старательно холодно приняла меня» (48: 17).

Естественно, что в судьбе Китти принимала участие вся тютчевская родня, особенно, конечно, старались помочь сёстры. 24 марта уже следующего, 1859 г. Анна Тютчева писала из Петербурга сестре Екатерине: «...недавно у меня был Лев Толстой. По-моему, он очень обаятелен, у него такое открытое, честное, доброе лицо. Не понимаю, как можно устоять, когда такой человек тебя любит» (Мураново. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 305; *пер. с фр.*).

Трудно судить о взаимоотношениях двух влюблённых только с позиции женщины. Увлечение же Толстого затухало долго и не всегда гладко, оставляя в его душе «какую-то сухость и неаппетитность» (60: 283). Вероятно, после встречи с Китти в середине сентября 1858 г. они уже виделись редко, но всё-таки ещё виделись, о чём Толстой писал А.А. Толстой 20 марта 1859 г.: «Иногда я езжу к ним <Сушковым. — Г.Ч.> и примериваю своё 30-летнее спокойствие к тому самому, что тревожило меня прежде, и радуюсь своим успехам» (там же).

В письме к А.А. Толстой 12-14 мая 1861 г. Толстой, анализируя сущность личного счастья, вспоминал Тютчеву: «Прекрасная девушка К. — слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на “безобязательном наслаждении”, чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землёй, с навозом. Ей это грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали моральные конфетки».

В оставшиеся ещё двадцать лет жизни Тютчевой её дружески-любобные отношения с Толстым давно перешли в чисто «литературные». Имена «Кити», «Долли» (Дарья) теперь встречались в произведениях писателя. 3 января 1869 г. Ф.И. Тютчев, зная об отношении дочери Екатерины к Толстому и его произведениям, именно ей написал о критике своего приятеля П.А. Вяземского эпопеи «Война и мир»: «Это довольно любопытно с точки зрения воспоминаний и личных впечатлений и весьма неудовлетворительно со стороны литературной и философской оценки. Но натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубеждённый посетитель-иностранец».

Литературоведы не раз усматривали схожесть сестёр Тютчевых с героинями толстовских произведений. Вероятно, Китти и её сёстры тоже находили в них свои черты, но, естественно, не только из-за этого восхищались прозой писателя. «По вечерам мы с тётушкой перечитываем “Войну и мир”, и я люблю Толстым и наслаждаюсь его гениальным романом вдвое более, чем при первом чтении, - сообщала, например, Тютчева И.С. Аксакову 21 августа 1874 г. — Какая прелесть! Ни на каком языке не читала я ничего подобного в этом роде, - да, только русским оно могло быть писано» (РГАЛИ. Ф. 10, оп. 1, ед. хр. 198).

Ставшая практически полной хозяйкой салона Сушковых, своеобразной дамой-распорядительницей литературных и просто дружеских вечеров в доме уже стареющих дядюшки и тётушки, Тютчева была в курсе всех культурно-просветительских и общественных дел в обеих столицах и сама зачастую становилась их непосредственной участницей. Она была известна ещё как писательница и переводчица; в Москве издала несколько книжек для детей с рассказами из Священной истории, Ветхого и Нового Заветов. Небольшая работа её о митрополите Филарете была издана даже в Лондоне на английском языке. Один из экземпляров этой книги и поныне хранится в библиотеке Британского музея в Лондоне. Дружески знакомая со многими московскими и петербургскими литераторами, Е. Тютчева оставила у современников самые тёплые воспоминания. «Основательное, многостороннее образование, при полном отсутствии педантизма, живая прелесть ума, крепкого и цельного, но в то же время изящно-женского, сообщали необыкновенную привлекательность её беседе. Лучшие произведения всех веков и образованных народов были ей близко знакомы, и предметы политики, словесности, истории, богословия занимали её постоянно», - писал о ней в своих воспоминаниях П.И. Бартенев (Русский архив. 1882. № 2. С. 560).

Е. Тютчева скончалась сорока семи лет и была погребена в Москве, в семейной усыпальнице на старом кладбище Новодевичьего монастыря. К настоящему времени могила её не сохранилась.

Г.В. Чагин

У

УИТМЕН Уолт (Whitman Walt; 1819 — 1892) — американский поэт, публицист, реформатор американской поэзии. Творчество Уитмена посвящено простому, свободному, раскрепощённому человеку Нового Света: его поэт делает своим героем. Языческое восприятие природы и места человека в ней роднит сборник «Листья травы» и повесть «Казачи». Одним из первых на параллели в творчестве Толстого и Уитмена обратил внимание биограф и секретарь Уитмена Гораций Тробель. Он усматривал «странное сходство» между этими великими художниками-современниками, столь далекими друг от друга и мало друг другу известными. Уитмен замечал: «Я принимаю Толстого: я говорю о нём то, что часто говорю о Викторе Гюго: для своего времени он человек, благороднее, выше, лучше которого нет» (Traubel H. With Walt Whitman in Camden: (March 28 - July 14, 1888). N.Y., 1961. Vol. 3). В 1887 г. Толстой был избран почётным членом Общества Уолта Уитмена.

Амплитуда восприятия Толстым творчества американского поэта колебалась от «стихи нелепые» — до «он <...> значительнее всех». В июне 1889 г. Толстой получил книги Уитмена, посланные англичанином Дж. Стюартом. В дневнике 11 июня запись: «Получил книги: Whitman, стихи нелепые...» Через несколько месяцев, в октябре 1889 г., Толстой вновь обратился к стихам американского поэта: «Читал опять присланного мне Walt Whitman'a. Много напыщенного. пустого; но кое-что уже я нашёл хорошего, например, "Биография писателя"» (50: 165). В книге «Leaves of Grass» («Листья травы») Толстой отметил стихотворения: «Читая книгу» («When I read the book»), «Приснился мне город» («I dream'd in a dream»), «Я не доступен тревогам» («Me imperturbe»), «Европа» («Europe»), «Когда я слушал учёного астронома» («When I heard the learn'd astronomer»), «Мысли» («Thought») и ещё одно стихотворение «Мысль» («Thought»). Л.П. Никифорову, переводчику «Посредника», 21-22 июля 1890 г. Толстой писал: «Книжечка весьма оригинального и смелого поэта Walt Whitman. Он в Европе очень известен, у нас его почти не знают. И статья о нём с выборкой переведённых его стихотворений будет, я думаю, принята всяким

журналом <...>. Переводить его стихи не трудно, так как и подлинник без размера и рифмы» (65: 130). Толстой не только признавал явные достоинства поэта, но и выступал его популяризатором в России. Правда, уже в 1897-1898 гг. в черновиках трактата «Что такое искусство?» он упоминал Уитмена в негативном контексте, вместе с именами Бодлера, Верлена, Золя, Киплинга, Ибсена и др. В обращении к американскому народу 1901 г. он причислял Уитмена к «блестящей плеяде» американских писателей. Запись Д.П. Маковицкого 12 декабря 1907 г. говорит о полном и окончательном признании Толстым американского поэта: «Волт Витман — американский поэт, очень интересный; он философский поэт. <...> Он очень мало известен в России, а значительнее всех». Уже после смерти Уитмена, в 1894 г., Толстой получил из Бостона (США) книгу: *Gems from Walt Whitman / Selected by Elizabeth Porte Gould*. — Philadelphia, 1889. Она сохранилась в яснополянской библиотеке Толстого. Здесь есть и книга: Traubel, Horace L. *Good-bye and hail Walt Whitman: At the graveside of Walt Whitman*:

561

Harleigh, Camden, New Jersey, March 30 th: *And sprigs of lilac* / Edited by Horace L. Traubel. - Philadelphia, 1892.

Г.В. Алексеева

УЛЬЯНОВ Николай Павлович (1875 - 1949) — живописец и график, мастер психологического портрета; заслуженный деятель искусств РСФСР (1932), лауреат Гос. премии СССР (1948), член-корреспондент АХ СССР (1949). Темы его творчества: античная мифология, исторические картины, современный город.

Учился у иконописца в Москве (1888), затем — в московском Училище живописи, ваяния и зодчества (1889-1900), где его учителем был Н.Н. Ге, предсказавший ученику будущее исторического живописца (оно сбылось в 1930-1940-х гг. «Пушкинской серией» и полотном «Лористон в ставке Кутузова»). Огромное влияние на начинающего художника оказал В.А. Серов: уже окончив училище, Ульянов продолжал посещать его мастерскую, стал его другом и помощником, воспринял манеру рисования и построения композиции портретов (портреты А.С. Глаголевой, 1911; В.А. Иванова, 1920; К.С. Станиславского, 1947).

Не менее значимыми были дружеские отношения с Ге, который всегда интересовался мнением Ульянова о своих картинах. Он познакомил юного художника и его товарищей с издательством «Посредник»: там затевалось тогда издание картин для народа. Ге привёл своих учеников к Толстому; с тех пор Ульянов не раз бывал в

московском доме Толстых в Хамовниках. Позднее он написал воспоминания «Мои встречи», где рассказал о посещениях хамовнического дома. В памяти Ульянова надолго сохранились его наблюдения, разговоры с Толстым. Навсегда запомнилось, как, «подавая руку, он <Толстой> не смотрел, а вперялся невидимым за густыми бровями взглядом так, что получалось чувство ожога» (*Толстой и художники*. С. 304). «По сравнению с художником Ге Толстой казался неумеющим, ненаходчивым собеседником, исполняющим ежедневную обязательную работу твердить об одном и том же своим мягким, беззвучным, ущемлённым голосом. Нам, живописцам, — писал Ульянов, — привыкшим познавать людей по их внешним данным, было интересно не только слушать, о чём говорит он, но и рассматривать его лицо. При верхнем освещении лампы ясно выступали бугры лба, грубая лепка носа и скул, глазные орбиты с разлившейся в них тенью, в которой тускло мерцали две затаившиеся маленькие точки. Глаза не светились, прятались под нависшими бровями, и Толстой казался то ли патриархом из мужиков, то ли “лесовиком”, который был “весь в бороде”, то ли человеком усталым, с трудом выслушивающим человеческую речь» (там же). «Скрытый под бровями, сверлящий упорный взгляд», «грубо, как бы топором обтёсанное лицо. Скорее скульптура, чем живопись» — «не только профессионально, как художник, но и просто как человек» Ульянов на протяжении своей жизни «мысленно часто возвращался к Толстому» (там же. С. 309, 311). Помнил он и слова писателя: «”Вы счастливец! — сказал мне раз Толстой. — Будете рисовать “Тайную вечерю” <акварельную копию по заданию издательства “Посредник”. — А.А.>. Как вы относитесь к Николаю Николаевичу, любите ли вы его?”

В доме Толстого все обожали этого художника. Не он ли вносил туда бодрость и праздничное оживление? Может быть, только один Ге и умел заставить забыть неблагополучие и разлад, раскалывающие всю семью на глазах у всех, даже не совсем наблюдательных людей. Толстой любил Ге и, кажется, только его одного и признавал за истинного художника. Ге отвечал ему тем же. Мы, начинающие художники, находясь среди этих двух величин, хотели услышать от кого-либо из них живое слово о своём любимом деле.

В редкие приезды в Москву Ге всякий раз навещал нашу компанию, — продолжал Ульянов. — Попадая в среду молодёжи, он как бы погружался в свою юность. <...> Мы печатали на гектографе “Царство Божие...”, хоронясь от полиции, относили оттиски Татьяне Львовне и всегда с оживлением спрашивали о Николае Николаевиче. Толстой был здесь рядом, а мы, за исключением двух-трёх товарищей, хотели видеть не его, а исчезнувшего опять куда-то на свою пасеку и проводящего там годы в уединении, возбуждавшего энергию нашего старшего собрата» (там же. С. 308).

После смерти Ге Ульянов почти не бывал в Хамовниках. Однажды пришёл по просьбе Толстого, пригласившего художника, чтобы поговорить о его статье памяти Ге. Это был первый литературный опыт Ульянова. Толстой прочитал статью и пообещал, что она будет напечатана.

В эту последнюю встречу с Толстым мысль «написать» его мелькнула как что-то случайное и, вероятно, забылась. Но не забылась прочная связь Толстого с Ге, любимым учителем Ульянова. Спустя годы, они уже воспринимались как одно целое, очень значимое для художника: они оба воздействовали на его творчество. В 1944 г. Ульянов нарисовал портрет «Л.Н. Толстой

562

и Н.Н. Ге». Это свободный карандашный рисунок, в котором художнику удалось создать законченные образы двух столь разных и таких близких друг другу людей.

С именем Толстого связана и ещё одна работа Ульянова, выполненная через два года, в 1946 г.: картина «Лористон в ставке Кутузова», в которой запечатлён важный эпизод Отечественной войны 1812 года. Персонажи картины по их художественной трактовке очень близки литературным героям Толстого в книге «Война и мир».

А.А. Аленина

УРУСОВ Леонид Дмитриевич (1836 — 1885), князь — близкий знакомый Толстого и его семьи. После окончания 2-й московской гимназии выдержал экзамен при школе гвардейских подпрапорщиков, служил несколько лет в армии, с 1858 г. - в ведомстве Министерства иностранных дел. В 1875 г. переведён в Министерство внутренних дел и с марта 1876 г. назначен тульским вице-губернатором. С.Л. Толстой писал о нём в «Очерках былого»: «Урусова можно назвать одним из первых толстовцев, хотя он был мало похож на последующих, опростившихся толстовцев. Он сходил с отцом преимущественно в вопросах веры и философии. Он был всегда безукоризненно одет, щепетильно учтив и прекрасно говорил по-французски. Он жил скромно, был добр со всеми и старался в пределах возможного смягчать свои административные функции» (гл. «1878 год»). Добрые связи Урусова с Ясной Поляной были разнообразны. В конце 1870-х-начале 1880-х гг. князь Урусов был частым гостем усадьбы, приезжая обычно по субботам к обеду. Он много беседовал с Толстым, играл в шахматы, ходил с ним на прогулки, иногда охотился. С.А. Толстая писала о нём в дневнике 2 октября 1897 г.:

«Урусова я полюбила за тот мир философии, в который он ввёл меня, читая мне Марка Аврелия, Эпиктета, Сенеку и других. Впервые открылась мне им и с ним эта область высокого человеческого мышления, в которой я нашла столько утешения в своей жизни» (ДСАТ. 1. С. 305).

В 1882 г. в Туле был напечатан урусовский перевод французского труда Марка Аврелия под заглавием: «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя». В Ясной Поляне доныне сохранился экземпляр этого издания в книжном шкафу С.А. Толстой. В семье Толстых Урусов, как вспоминала С.А. Толстая, находил «участие, дружбу, ласку, заботу» (там же. С. 180). В Ясную Поляну он «приносил <...> огромные букеты, привозил конфеты и книги и очень любил всем нам делать подарки». «Князя в доме любили и дети, и даже прислуга» (Толстая С.А. *Моя жизнь // Прометей*. 12. С. 166). Жена Урусова, Мария Сергеевна, дочь крупного промышленника С.И. Мальцева, предпочитала жить с детьми в Париже, куда временами ездил Урусов. В её салоне часто бывал живший во Франции И.С. Тургенев, знакомый с Урусовым. В августе 1882 г. жена Урусова с дочерью и сыном гостили в Ясной Поляне, они приезжали к Толстым также в 1885 и 1891 гг.

Урусов переводил на французский язык новые произведения Толстого («В чём моя вера?», «Краткое изложение Евангелия»). Он содействовал выходу в Париже трактата «В чём моя вера?». В личной библиотеке Толстого сохранилось второе французское издание этой книги 1885 г.

В 1880-е гг. зимой Толстые жили в Москве. Приезжая на время в Ясную Поляну или проезжая по пути в Москву через Тулу, Толстой останавливался в небольшом доме Урусова на Киевской улице, неподалёку от здания Дворянского собрания. Вероятно, Толстой и Урусов встречались и в служебной обстановке. Толстому приходилось просить помощи Урусова в официальных делах, когда писатель приезжал хлопотать по просьбам его знакомых. (Известно, например, что Толстой просил Урусова за участвовавшего в революционной пропаганде крестьянина Е.Е. Лазарева, когда тот сидел в Бутырской тюрьме перед высылкой в Восточную Сибирь.) Лето 1884 г. было предельно насыщено встречами, беседами, прогулками, спорами Толстого и Урусова. В январе 1885 г. писатель часто навещал Урусова, заболевшего туберкулёзом; в его доме он начал свою новую работу «Учение двенадцати апостолов». Узнав, что никто из родных Урусова не может проводить его весной в Крым. Толстой поехал с ним сам. Урусов остался жить в Симеизе, а Толстой, вернувшись, писал ему в апреле 1885 г.: «Я думаю о вас каждый день не раз и всегда с любовью» (63: 226). В письме 11 апреля: «Пожалуйста, продолжайте мне писать, и почаще, и всё, что вздумается. Неинтересных

мне от вас писем не было и не может быть» (63: 234). С не меньшей любовью и заинтересованностью читал Урусов так необходимые ему письма Толстого, зачастую содержавшие самые заветные мысли, волновавшие писателя. Почти в каждом подробно говорилось о творческой работе Толстого, содержались советы, что следует прочитать из новых книг, рассказывалось о подготовке первых изданий народного

563

издательства «Посредник», участвовать в котором Толстой пригласил и Урусова. Умер Урусов 23 сентября 1885 г., в Крыму, в присутствии одного малолетнего сына Сергея. Позднее Сергей уже юношей бывал у Толстых.

Лит.: Архангельская Т.Н. Тульский знакомый Л.Н. Толстого князь Л.Д. Урусов // Воскресение. № 3. Тула, 1998.

Т.Н. Архангельская

УРУСОВ Сергей Семёнович (1827 — 1897), князь — генерал-майор в отставке, историк, математик, известный шахматист и богослов. Толстого с С. Урусовым связывала многолетняя дружба. Они познакомились во время обороны Севастополя, в которой оба принимали участие. Князь С. Урусов был человеком незаурядным. Бесстрашие и вспыльчивость, блестящие светские таланты и склонность к мистицизму, честолюбие и набожность — все эти качества выделяли его и привлекали внимание Толстого. Не случайно С. Урусов явился одним из прототипов героя толстовской повести «Отец Сергей».

Литературный талант Толстого вызывал искреннее восхищение С. Урусова. Всеми силами он старался быть полезным писателю: помогал советами в создании военно-исторической части романа «Война и мир», читал корректуры и делал исправления с позиции военного историка.

Между ними велась оживлённая переписка. Толстой признавался, что в письмах к своему севастопольскому другу он откровенно высказывался о том, о чём молчал с другими. Сохранилась лишь малая часть писем Толстого к С. Урусову. Утрата этих писем связана с драматическим эпизодом в истории их взаимоотношений. С. Урусов — человек, истово верующий и преданный православию, — не смог принять религиозного перелома в мировоззрении Толстого, не смог согласиться с новым взглядом Толстого на вопросы веры. Во время размолвки, вызванной религиозными разногласиями. С. Урусов уничтожил большую часть адресованных ему писем Толстого.

С.С. Урусов. 1856 г.

Однако дружба писателя с С. Урусовым выдержала это испытание и не разрушилась. В 1889 г. Толстой посетил его подмосковное имение Спасское. Вспоминая о своём визите, он писал С. Урусову: «Многое я понял, чего не понимал из ваших мыслей, главное же, понял то стремление к добру, к Богу, которым вы живёте. И это-то больше всего влечёт меня к вам» (64: 245). Есть версия, что именно в Спасском Толстой задумал роман «Воскресение».

Лит.: Свадковский Б.С. «Это мой севастопольский друг...» (Л.Н. Толстой и С.С. Урусов) // Толстой и о Толстом. Вып. 1. М., 1998.

Т.В. Дячук

УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович (1843 - 1902) — писатель, автор рассказов и очерков о быте чиновников и городского трудового люда, о жизни пореформенной деревни. Крестьянские очерки Успенского были высоко оценены И.С. Тургеневым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, В.М. Гаршиным и др. Своим литературным дебютом Успенский был обязан Толстому: первый рассказ «Михалыч» печатался в № 10 «Книжек» (приложение к журналу «Ясная Поляна»), выходивших в 1862 г.

Г. Успенский живо откликался на художественные и публицистические произведения Толстого 1860-1880 гг. Во «Власти земли» (гл. «Из записной книжки») он полемизировал с Толстым, полагая, что Платон Каратаев, персонаж «Войны и мира», при всей своей типичности не выражает мирозерцание всего народа. Очерки «Власть земли» понравились Толстому, а полемический выпад их автора его не задел: когда Г.А. Русанов поинтересовался, читал ли он «рассуждения по

поводу Каратаева», писатель «уклончиво» ответил: «Не помню что-то». Успенский прочёл «Анну Каренину» как социальный роман и собирался написать ряд этюдов под названием «Разговоры с “Анной Карениной”». Роман представлял, с его точки зрения, богатый материал «для изучения современной русской жизни, направления современной русской мысли и русского человека вообще» (Успенский Г.И. ПСС.: В 14 т. М., 1951. Т. 13. С. 216). Успенский критически отнёсся к трактату Толстого «Так что же нам делать?», познакомившись с ним ещё до выхода в свет, и намеревался ответить на него статьёй. Ему принадлежит глубокий по мысли отклик на пьесу Толстого «Власть тьмы». Своими раздумьями над пьесой писатель поделился в цикле очерков «“Мы” на словах, в мечтаниях и на деле» (гл. 3-я «По-хорошему и по-худому»). Успенский говорил здесь о «расстройстве народной жизни»: в новых экономических условиях крестьянин отрывается от земли, перестаёт быть хозяином, утрачивает в результате

564

твёрдые нравственные основания и постепенно подчиняется власти денег.

Толстой ценил творчество Успенского, в августе 1883 г. он говорил, что этот писатель «очень хорош», и хвалил его за «прекрасные изображения народа» (Русанов. С. 51-52). Немаловажным для Толстого было знакомство со статьёй Успенского «Трудами рук своих» (1884), где приведены выдержки из сочинения крестьянина Бондарева, личность и мысли которого произвели на Толстого огромное впечатление. В феврале 1888 г. в беседе с Русановым Толстой упомянул два только что вышедших очерка Успенского. «Живые цифры» (Северный вестник. 1888, № 1) не понравились ему; «Паровой цыплёнок» (Русские ведомости. 1888, 10 января) он назвал «прекрасной вещью». П.И. Бирюков сообщил автору о чтении очерка в доме Толстых: «Лев Николаевич за чайным столом попросил всех гостей, желающих слушать, а не желающих не мешать — и прочёл вслух вашу статью о паровом цыплёнке. На всех она произвела сильное впечатление: Лев Николаевич расхваливал её и любовался ею, как самим содержанием, так и мастерской формой. Особенно ему понравился господин в резиновых калошах и заключение» (Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам. М.; Л., 1935. С. 463).

Суждения Толстого об Успенском не были однозначными. Толстой видел в его творчестве несколько «крупных недостатков»: говорил, что он «утомительно однообразен», у него «вечно один и тот же язык» и нет, в отличие от Николая Успенского, «живо схваченных» «картинок» и юмора. «Ещё один крупный недостаток», считал Толстой, сближал Г.

Успенского с Салтыковым-Щедриным: «Все они что-то не договаривают, скрывают от читателя; как маленькие дети: знаю, да не скажу» (Лазурский В.Ф. Дневник // *ТВС*. 2. С. 61). У Толстого были свои представления о роли автора в описаниях народной жизни: эти описания, передавая народное понимание, в себе самих должны заключать глубинное содержание, они не могут быть дополнены какой бы то ни было авторской идеей. По Толстому, «беда» Успенского заключалась «в том, что к своим прекрасным изображениям народа он постоянно примешивает разные идейки свои, и идейки — довольно мелкие (неглубокие)» (*Русанов*. С. 51—52). В художественных произведениях Толстой всегда высоко ценил описания и даже запоминал детали, точно передающие состояние человека. Именно поэтому он так неодобрительно отнесся к психологической неточности Г. Успенского: «Рассказ о бабе, которая привязала ребёнка на спину и которой было так трудно идти, — говорил он, — неверен в действительности». В одном из рассказов Успенского сказано «о шурине и девере какого-то мужика», Толстой подметил и эту небрежность: «Чтобы у мужика мог быть и шурин и деверь <...> нужно было бы, чтобы мужик был вместе с тем и баба, так как деверь может быть только у женщины» (*Русанов*. С. 86). Особенно Толстого раздражал «тульский» язык писателя: «Он писал плохо. Что у него за язык? Больше знаков препинания, чем слов. Талант — это любовь. Кто любит, тот и талантлив. Смотрите на влюблённых — все талантливы!» (Горький М. Лев Толстой. Письмо). Однако Толстой отдавал должное «силе искренности» Г. Успенского: он, в отличие от Ф.М. Достоевского, обладавшего такой же силой искренности, был «проще, искреннее».

В 1888 г. Толстой резко отозвался о пьянстве Г. Успенского: «Пьяница никогда <...> не идёт вперёд ни в умственном, ни в нравственном отношении» (*Русанов*. С. 86). По одному из высказываний Толстого 1894 г., у Глеба Успенского был «очень узкий и односторонний» талант, по другому — его не было вовсе (Горький М. Лев Толстой. Письмо). Жёсткость суждений об Успенском не противоречила общей доброжелательной оценке, данной ему Толстым. Г. Успенский «всё-таки очень хорош», — говорил он.

Н.Г. Михновец

УСПЕНСКИЙ Николай Васильевич (1837-1889) — беллетрист, автор рассказов и очерков из народной жизни. В 1862 г. после ссоры с Н.А. Некрасовым и разрыва с «Современником» Успенский был учителем в яснополянской школе. В «Книжки “Ясной Поляны”» (приложение к педагогическому журналу Толстого «Ясная Поляна») был включён его «смехотворно-отрицательный» рассказ о беспросветном

пьянстве среди мужиков «Хорошее житьё» (ранее был напечатан в «Современнике»). Тогда же Н. Успенский поделился с Толстым замыслом рассказа о двух рассорившихся и решивших искать правду в суде мужиках, поездка которых в волостное правление неожиданно закончилась примирением. Толстому очень понравился и на долгие годы запомнился этот рассказ. Он сразу предложил Успенскому подготовить его для «Книжек». Но молодой автор не откликнулся на это пожелание ни в 1862 г., ни спустя двадцать с лишним лет, когда Толстой повторил своё предложение.

565

Мысль о рассказе не оставляла Толстого, его содержание он передал В.Г. Черткову, а позже отдал его тему крестьянскому писателю С.Т. Семёнову, который на этой основе создал рассказ «Недруги».

Толстой ценил талант Н. Успенского, рассказы которого выделялись на фоне уже существующей литературы о народе. В августе 1861 г. был издан первый сборник писателя, объединивший его рассказы, печатавшиеся в «Современнике». Создавая очерки из народного быта вслед за такими писателями, как Д.В. Григорович, В.И. Даль, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др., Н. Успенский сумел сказать своё негромкое, но самобытное слово. Он по-новому подошёл к художественному изображению народной жизни. Это обусловило оживлённые споры вокруг сборника в тогдашней критике и журналистике. В одобрительном отношении к творчеству Н. Успенского Толстой был близок к Н.Г. Чернышевскому и Ф.М. Достоевскому, которым принадлежат серьёзные суждения о молодом авторе. Толстого не могло не привлечь в рассказах Успенского любовное, критически трезвое и глубинное постижение народной жизни. «По моему мнению, Николай Успенский гораздо талантливее Глеба. У того был юмор, некоторые картинки были чрезвычайно живо схвачены» (Лазурский В.Ф. Дневник // ТВС. 2. С. 60-61). В одной из бесед Толстой, рассуждая о мастерстве описания природы, вспомнил именно об этом писателе: «Николай Успенский писал просто и художественно» (Поссе В.А. Толстой // ТВС. 2. С. 257). Писатель не утрачивал интереса к произведениям Н. Успенского: в мае 1889 г. он прочёл его рассказы и при общем неодобрительном отзыве благосклонно выделил очерк «При своём деле».

В том же 1889 г. незадолго до смерти Н. Успенского состоялась их последняя встреча. Размышляя над его драматичной судьбой, Толстой говорил о том, что «вредно и нехорошо» печатать произведения автора ещё при его жизни: далеко не всякому человеку удаётся пережить свою славу. «Вот Николай Успенский, — заметил Толстой, — был, несомненно, талантливый человек, гораздо талантливее Глеба — не вынес этой

тяжести <...> начали его хвалить, приглашать, голова закружилась, стал невнимателен к труду, все отвернулись, и человек погиб» (Молчанов А.Н. В Ясной Поляне // *ТВС*. 1. С. 469).

Н.Г. Михновец
(забой и едажи, дрън.)

УСТРЯЛОВ Николай Герасимович (1805-1870) — историк, профессор Петербургского университета, академик императорской Академии наук; издал «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» (1832), «Сказания князя Курбского» (1833); автор «Русской Истории» (1837-1841), «Исторического обозрения царствования императора Николая I» (1847), «Истории царствования Петра I» (труд не завершён, вышли 1-4 и 6 тт.).

Впервые имя историка упоминалось в дневнике Толстого в декабре 1853 г.: 17-18 декабря, находясь на Кавказе, он внимательно читал «Русскую историю» Устрялова. И не соглашался с ним: «Устрялов свойствами русского народа называет: преданность к вере, верность, убеждение в своём превосходстве перед другими народами, как будто это не общие свойства всех народов? — и будто нет у русского народа отличительных свойств?» (46: 211). Тогда же, 17 декабря, под влиянием истории Устрялова начинающий писатель сформулировал для себя чёткие принципы исторического писания: «Каждый исторический факт необходимо объяснять *человечески* и избегать рутинных исторических выражений. Эпиграф к Истории я бы написал: “Ничего не утаю”. Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая» (46: 212), Сочинение Устрялова так увлекло Толстого, что все два тома (свыше 1000 страниц большого формата) он «проглотил» за два дня, попутно делая выписки.

К трудам Устрялова Толстой вернулся уже после «Войны и мира». С.А. Толстая записала 15 февраля 1870 г., что она «застала его за чтением истории Петра Великого — Устрялова», сделав предположение о том, что «в истории он ищет сюжета для драмы» (*ДСАТ*. 1. С. 496). В 1870 г. Толстой усиленно изучал Петровскую эпоху, о чём свидетельствуют выписки из сочинений Устрялова и Соловьёва. В дневнике С.А. Толстая отметила: «Лёвочка очень ценит и хвалит историю Устрялова как труд вполне добросовестный». Осенью 1872 г. началась увлечённая работа над новым историческим романом. 27 ноября 1873 г. имя Устрялова значится в записной книжке среди популярных историков, которых в немалой степени интересовала Петровская эпоха: П.П. Пекарского, И.И. Голикова, Д.Н. Бантыш-Каменского, а также современников Петра, оставивших небезынтересный материал о своём времени, — Д.П. Гордона и И.Т. Посошкова. В письме к П.Д. Голохвастову 24 января 1873 г.

Толстой просил прислать очередную партию исторических сочинений: труд И. Кириллова о статистическом описании

566

России необходим, поскольку его «упоминает Устрялов». Каждую отсылку и примечание Устрялова Толстой проверял по указанному источнику, делая из него выписки. Он проверял и перепроверял, казалось бы, каждую незначительную деталь, но для него как для писателя имеющую важное значение. История Устрялова послужила основанием для описания весны и погоды в марте 1696 г. в Воронеже. Разделы «Постройки-работы», «Города. Петербург», «Постройки. Петербург», «Стрельцы», «Круги», «1695», «Нравы правительства Петра», «Пётр. Характер», «Царевич Алексей», «Царский дом» восходят к фактическому материалу, изложенному в фундаментальной работе Устрялова.

Сочинение Устрялова «Историческое обозрение царствования императора Николая I» читал Толстой в период создания «Хаджи-Мурата». Труды Устрялова были для писателя важнейшим источником для художественного воплощения исторической эпохи. И не только потому, что они авторитетны в учебной практике (единственные учебники, по которым учились до 1860-х гг., как правило, в гимназиях и реальных училищах), но главное, Устрялов обладал талантом летописца, у него была сильна фактическая сторона, он дал образец работы с историческим материалом.

А. В. Шмелёва

УХТОМСКИЙ Эспер Эсперович (1861-1921), князь — ориенталист, коллекционер; дипломат; поэт, редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1896 — 1917). Знакомый, посетитель, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

В 1897—1898 гг. Толстой и Ухтомский активно общались и переписывались. 15 октября 1897 г. писатель опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» Ухтомского воззвание с просьбой помочь преследуемым самарским молоканам.

Противник правительственного насилия в отношении веры, Ухтомский в 1898 г. принял активное участие в деле переселения духоборов. Толстой сочувственно отнёсся к его проекту поселения духоборов в Манчжурии (не осуществившемуся; 71; 343-344). Против этой идеи высказался министр внутренних дел И.Л. Горемыкин.

Через Ухтомского, имевшего связи при дворе и лично знакомого с императором, было подано прошение духоборов на имя царя с просьбой о переселении. Духоборы переселялись в Канаду. В «Санкт-Петербургских ведомостях» Толстой намеревался опубликовать своё воззвание о помощи духоборам, однако редактор, опасаясь закрытия издания, на это не пошёл.

Не увидела свет в газете Ухтомского и статья Толстого «Голод или не голод?». Причины этого объясняет дневниковая запись С.А. Толстой, где отразились впечатления от пребывания Ухтомского в Ясной Поляне 28-29 августа 1898 г., в дни 70-летия Толстого: «Очень умён, прост и приятен был князь Ухтомский. Говорил, что статья <...> очень понравилась молодому государю, но когда Ухтомский спросил, можно ли её напечатать в "Петербургских ведомостях", то государь сказал: "Нет, лучше не печатать, а то нам с тобой достанется"» (ДСАТ. 1. С. 405). Хорошее впечатление произвёл Ухтомский и на Толстого: «Тут теперь Ухтомский, который мне очень понравился; слушая его, невольно пожалеешь об этом несчастном молодом человеке, царе, поставленном в такое тяжёлое положение, и пожелаешь успеха таким людям, как Ухтомский, которые желают его из него вывести» (88: 118).

Несколько лет спустя, когда Толстой отдыхал и лечился в Крыму, Ухтомский хотел организовать встречу писателя с императором Николаем II, но встреча не состоялась, о чём вспоминали в Ясной Поляне в январе 1910 г.: «Сергеенко говорил о том, как случилось, что не состоялось свидание Л.Н. с Николаем Александровичем (царём). Ухтомский устраивал его, но был отозван из Крыма в Берлин по каким-то японским делам, и отъезд царя из Крыма в Петербург случился в его отсутствие» (ЯПЗ. 4. С. 165).

Ю.В. Прокопчук

УШИНСКИЙ Константин Дмитриевич (1824—1870/1871)
«основоположник научной педагогики и народной школы в России. Педагог-демократ, он руководствовался девизом служения Отечеству и делу народного образования. В 1844 г. окончил юридический факультет Московского университета. В Демидовском юридическом лицее в Ярославле в 1847 г. начал педагогическую деятельность, которая вызвала осуждение реакционно настроенного Министерства народного просвещения. Он был уволен из лицея. В 1854 г. поступил в Гатчинский сиротский институт и с головой ушёл в педагогическую работу. В 1859 г., получив должность инспектора классов Смольного института благородных девиц, занялся реформой этого учебного заведения: ввёл новый учебный план, передовые методы обучения, организовал проведение

предметных уроков по физике как последнее достижение в методике преподавания в Западной Европе.

Ушинский сотрудничал в журналах «Современник» (1852—1854), «Библиотека для чтения» (1854-1855), «Журнале для воспитания» и др. В конце 1861 г. его отстранили от должности редактора «Журнала Министерства народного просвещения», в 1862 г. от работы в Смольном институте и командировали за границу для изучения постановки женского образования. В 1862-1867 гг. он жил в Европе, главным образом в Швейцарии, интенсивно работал в области теории педагогики. Ушинский — автор работы «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», учебников для школы «Родное слово» и «Детский мир».

Первое столкновение Толстого и Ушинского произошло в связи с командировкой (в какой-то степени вынужденной) последнего в Швейцарию в 1862 г. Ушинский выехал с семьёй, своего старшего сына Павла определил в пансион К. Стоя в Йене. Работу пансиона как учебно-воспитательного учреждения высоко оценил Толстой: «Самое интересное и, главное, единственное почти живое заведение из всех немецких школ». И Ушинский изучал постановку народного образования (а не только женского образования). Его статья «Педагогическая поездка по Швейцарии» (цикл из 7 писем) впервые опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1862. № 2; 1863. № 1, 3, 4, 6). Глазами двух русских педагогов воспринимаются одни и те же факты, даются весьма близкие оценки. Толстой знает о поездке Ушинского в Швейцарию, о чём есть отклики в его статьях, и Ушинский наслышан о путешествии Толстого и полемизирует с ним. «Желал бы я очень, чтобы граф Толстой приехал сюда и посмотрел, как дети любят господина Мюллера и с каким удовольствием бегут они в школу <...>. Редактор «Ясной Поляны», как мне помнится, говорит также, что народ за границей ненавидит принудительные школы <...>. Статейка графа Толстого попала нам в Швейцарии, и мы с изумлением прочитали его решительные приговоры иностранным школам. Нравятся ли графу Толстому эти школы или нет, это его дело, <...> но зачем же уродовать факты <...>. Граф Толстой, вероятно, забыл, что за границу теперь проведена железная дорога и что проверка привозимых из-за границы известий стала чрезвычайно лёгкой» (цит. по: Сальников Ю. На гребне педагогических споров // *Прометей*. 12. С. 402—403).

Результаты изучения Толстым и Ушинским западного опыта и их позиции противоположны. Цель Ушинского — улучшение российского образования на основе якобы прогрессивной для того времени практики обучения в Западной Европе, прогрессивной педагогической мысли; он

оставался в контексте своей эпохи. Толстой же не только выносил суровый приговор эмпирической педагогике, в которой ещё «главное основание не положено» (понимание духовной сущности человека, условий и этапов её становления), но и оставлял человечеству своё духовное завещание. Он оставался непонятым педагогами-современниками, и не только педагогами, но выходил за рамки своего времени, становясь нашим единомышленником в решении актуальных проблем современного образования.

Ушинский оставил величайший теоретический труд — «Педагогическую антропологию». Толстой — завершил спор с эмпирической педагогикой в сфере нравственного развития и воспитания при создании религиозно-нравственного учения.

Толстой внимательно присматривался к деятельности великого педагога, безусловно уважал, заимствовал некоторые его рассказы из «Детского мира» при составлении «Азбуки». Между тем книгу Ушинского «Человек как предмет воспитания» он думал вложить в руки нелюбимого своего героя Каренина.

Коллизия Толстой — Ушинский отчётливо просматривается как пример двух различных подходов в становлении отечественной педагогической науки. Толстого особенно не устраивала та позиция, при которой игнорировался сложный, «таинственный и нежный процесс души», когда навязывание новых понятий становилось «грубой, нескладной силой, задерживающей процесс развития». Ушинскому адресовалось горькое замечание о том, что педагоги-теоретики, вместо того чтобы понять предмет воспитания — свободного ребёнка, — предлагают изучить его всесторонне. Подобное изучение — иллюзия, ибо исчезает свободный ребёнок, превращаясь в объект, в абстрактную логическую схему. Толстой считал, что изучать человека со всех сторон равносильно тому, что «изучать предмет, у которого столько сторон, сколько радиусов в шаре, т.е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее... и волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то всё и дело».

Отношение Толстого к педагогике Ушинского позволяет расширить понимание глубины различий их педагогических

568

взглядов на цели воспитания и обучения, увидеть в, казалось бы, положительных утверждениях Ушинского их ограниченность, свойственную этапу исторического развития, когда теории вульгарного материализма казались шагом вперёд в сравнении с идеалистическими концепциями понимания сущности человека, а детерминизм не

воспринимался как ограниченность в понимании духовной сущности человека. Педагогика Толстого — это выход за рамки тех новаторских для своей эпохи положений педагогики Ушинского, в которых Толстой видел ограниченность и оставаться в рамках которых он не захотел.

Судя по высказываниям Толстого, многие мысли и идеи Ушинского о народности в воспитании, о значении родного языка, об активности и самостоятельности учащихся, о наглядности в обучении, о педагогике как одновременно теории и практике, о воспитании как искусстве, о необходимости обосновывать обучение и воспитание данными разных наук не противоречили позиции Толстого, хотя понимание их было различным. И тот и другой связывали свою деятельность со служением Отечеству, народу, детям народа. Но, обращаясь к своим оппонентам, среди которых он, вероятно, видел и Ушинского, Толстой писал: «Каким образом люди честные, образованные, искренне любящие дело и желающие добра, каковыми я считаю огромное большинство моих оппонентов, могли стать в такое странное положение и так глубоко заблуждаться?»

Н.В. Кудрявая

ФАЙНЕРМАН Исаак Борисович (псевд.: И. Тенеромо; 1862-1925) — последователь, корреспондент, адресат и посетитель Толстого; по профессии учитель, впоследствии драматург, журналист.

В 1883 г. окончил гимназию в Киеве. Увлёкшись взглядами Толстого, летом 1885 г. приехал в Ясную Поляну. Старший сын Толстого С.Л. Толстой писал, что Файнерман «был одно время крайним последователем Толстого, поселился в деревне Ясной Поляне, был пастухом общественного стада, работал у тех крестьян, которые звали его к себе на работу, и отдавал просящим всё, что имел. Бедствовавшей его жене помогала Софья Андреевна. В 1886 г. Файнерман, чтобы быть утверждённым в должности сельского учителя, принял православие, но не был утверждён попечителем Московского округа. Впоследствии работал зубным врачом, потом посвятил себя журналистике; писал под псевдонимом Тенеромо. Написал много воспоминаний о Толстом, не отличающихся достоверностью» (*ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 113).

Воспоминания о пребывании в Ясной Поляне Тенеромо печатал в «Биржевых ведомостях» и в других газетах России, позднее собрал их в нескольких сборниках. При жизни Толстого были опубликованы «Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма» (1905). В 1908 г. изданы «Живые речи Л.Н. Толстого (1885—1908)» и «Жизнь и речи Л.Н. Толстого».

В 1908 г. вышла брошюра И. Тенеромо «Л.Н. Толстой о евреях» (СПб.), которая в дополненном виде переиздавалась в 1909 и 1910 гг. Говоря об отношении Толстого к этому сборнику, обычно основываются на письме Д.П. Маковицкого от 25 октября 1908 г. к К.П. Стукману, приславшему эту книгу в Ясную Поляну. Маковицкий писал: «О книге Тенеромо Толстой поручил мне написать Вам, что в ней ничего справедливого нет, всё выдумки». К этому месту в письме Маковицкий сделал примечание: «Лев Николаевич добавил ещё: “всё враньё”». В письмах Толстого, отвечавшего на вопросы о публикациях Тенеромо, нет подобных резких высказываний, хотя в письме к Э.Р. Стамо 12 января

1908 г. промелькнуло отношение писателя к сочинениям Тенеромо: «...всё же, что он написал, он написал от себя» (78: 16), в письме к Н. Анучину 18 августа 1908 г. Толстой заметил, что «Тенеромо пишет очень часто очень неточно» (78: 204), а 10 марта 1909 г. в ответ на просьбу некоего Г. Мейтина прислать брошюру Тенеромо Толстой написал на конверте: «Не читал и не знаю этой брошюры и с г-ном Тенеромо сношений не имею» (79: 266).

Наиболее полным собранием воспоминаний Тенеромо стал сборник «Живые слова Л.Н. Толстого (за последние 25 лет его жизни)» (1912), в который вошло более 100 статей, эпизодов и легенд. Отдельные статьи вызывали критику его оппонентов, ставивших под сомнение подлинность приписываемых Толстому высказываний. В то же время подлинность опубликованных писем не вызывает сомнений, они включены в Полное собрание сочинений Толстого и подробно прокомментированы. Переписка 1880-1890-х гг. служит главным источником не только для изучения взаимоотношений Толстого с Тенеромо, но и для более глубокого понимания литературных текстов

570

Тенеромо, прежде всего драм «Израиль и Христос, или Новая вера» и «Судьба», сюжеты которых связаны с обстоятельствами жизни Толстого и его окружения.

Адресованные ему письма Толстого Тенеромо начал издавать в ноябре 1903 г. в газете «Елисаветградские новости», указав, что получил разрешение от автора. 23 января 1904 г. Толстой писал Тенеромо: «Письма действительно могут быть интересны, и мне очень было приятно прочесть их и вспомнить хорошее время и вместе с тем увидеть, что я теперь думаю и чувствую точно так же, как думал тогда» (75: 30).

После отъезда из Ясной Поляны в письмах к Толстому 1886-1888 гг. Файнерман сообщал о семье, о своих учениках, об участии в издательстве «Посредник», а также о своём разводе. В его письмах отразилась работа по организации помощи голодающим крестьянам в 1891 г., этому посвящён его рассказ «Голод».

В 1890-1900-е гг. Тенеромо не раз бывал у Толстого. Однако в их отношениях появилась напряжённость. В дневнике 26 июня 1889 г. Толстой писал: «Косил целый вечер, пришёл Файнерман. Я спорил с ним. Он сожалел обо мне, что я не отдаю именья и не устраиваю общину» (50: 101).

В 1910-1920-е гг. Тенеромо был увлечён кинематографом, в 1912 г. написал сценарий фильма «Уход великого старца», снятого режиссёром Я.А. Протазановым.

Деятельность Тенеромо многообразна и противоречива, но общение с Толстым сыграло ключевую роль в его судьбе и литературном творчестве.

С. В. Чаругина

ФЕЛЬТЕН Николай Евгеньевич (1884-1940) — журналист, сотрудник книгоиздательства «Обновление»; один из потомков академика архитектуры Ю.М. Фельтена. Единомышленник и последователь Толстого, издатель и распространитель его произведений; с 1901 г. его корреспондент и адресат. Неоднократно бывал в Ясной Поляне. Вот как описал его В.Ф. Булгаков, познакомившийся с ним в 1911 г.: это был «невысокий, коренастый бритый, с широкими чёрными бровями и живым, весёлым взглядом человек лет 30-ти, одетый в скромный тёмный костюм» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970. С. 259).

Впервые Фельтен посетил Толстого в 1903 г., за это, обвинённый в «политической неблагонадёжности», был исключён из последнего класса коммерческого училища. Он активно распространял запрещённые сочинения Толстого; сотрудничал с В.Г. Чертковым, издававшим произведения Толстого в Англии; его арестовывали за распространение нелегальной литературы, и он долго находился под надзором полиции.

Весной 1906 г. издательство «Обновление» намеревалось опубликовать статью Толстого «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу», хотя Фельтену она казалась слишком резкой в отношении революционеров. Об этом он написал Толстому: «Я не вижу в этом обращении той мягкости, которая всегда чувствуется в ваших письмах, когда вы хотите помочь человеку исправиться, указываете ему его ошибки! И притом, что такое гадости революционеров по сравнению с гадостями, которые делает наше правительство» (76: 123). Фельтен сделал в тексте статьи некоторые смягчающие её тон поправки. Толстой отвечал Фельтену 15 марта: «Судя по вашему письму, думаю, что вы и не заметили, как давно уже перешли на переводной стрелке с рельсов христианского пути на рельсы революционные и катитесь по ним, воображая, что вы на христианском пути, в особенности потому, что печатаете и распространяете книги христианского духа. Вы сравниваете нравственные величины революционеров и правительственных людей, но вы сравниваете одних числителей (это свойство молодости), а не знаменателей. А я вижу знаменателей и потому без всякого сомнения знаю, что солдат, офицер, чиновник, губернатор, выросшие на этом, кормящие свою семью и покоряющиеся существующему, т.е. человек смиренный, с крошечным знаменателем несравненно нравственнее г-жи или г-на NN, твёрдо знающих, что нужно для блага России, и браунингом достигающих этого

блага. Берегитесь, милый Фельтен, от окружающего вас гипноза» (76: 122-123). Поправки Фельтена к этой статье Толстой не принял. Статья была напечатана, но её конфисковали ещё в типографии.

Нередко Фельтен выполнял поручения Толстого. 16 марта 1906 г. писатель просил его, приехавшего в Ясную Поляну, по возвращении в Петербург зайти к В.В. Стасову, в Публичную библиотеку, и попросить его «прислать всё, что у него есть о Польском восстании» 1830-1831 гг. Шла работа над рассказом «За что?», и Толстого «интересовали главным образом мемуары, дневники того времени, рисующие быт, обстановку, словом, всё, что там у них есть» (ТВС. 2. С. 300).

571

3 июля 1907 г. в Петербурге Фельтен, в то время ответственный редактор «Обновления», был арестован за публикацию статьи Толстого «Не убий». 9 июля в записной книжке Толстого отмечен новый замысел: «Письмо от Фельтена. Он в тюрьме за “Не убий”. Хочется написать об этом» (56: 202). В тот же день был отправлен ответ: «Получил ваше письмо, милый Фельтен, и не скажу, что огорчён, но обеспокоен: боюсь за вас, выдержите ли вы, употребите ли на пользу самому настоящему себе это телесное лишение и страдание. Надо бы так <...>. Держитесь, постарайтесь, чтобы это было так, милый друг. Есть тоже великое наслаждение и в этой духовной лодке быстро нестись по ветру воли Божией, т.е. всё больше и больше сливаться так, чтобы не чувствовать её, как не чувствуешь ветра, несясь с ним. Поразительна и грустна причина вашего заключения. То положение, которое Христос считал в его время уже не только признанным всеми, что он говорил только о дальнейшем, высшем нравственном требовании, за это положение судят и казнят теперь. Хорошая ваша роль. Помогите вам Бог» (77: 157). Тогда же была начата работа над статьёй об аресте Фельтена «Не убий никого». Только вмешательство Толстого помогло освободить его под залог (Толстой помог и деньгами). В деле Фельтена по просьбе Толстого принимали участие известные юристы В.А. Маклаков и А.Ф. Кони. Грозивший Фельтену трёхлетний срок заключения в крепости был сокращён до шести месяцев. 27 февраля 1909 г. Толстой направил судебному следователю 19-го участка Петербурга заявление о том, что юридическая ответственность за издание его сочинений «Не убий», «Письмо к либералам», «Христианство и патриотизм» должна быть снята с издателя их Н.Е. Фельтена и возложена на него, Толстого (79: 93-94). Заявление Толстого осталось без последствий.

12 мая 1909 г. Петербургская судебная палата судила Фельтена за издание в 1906 г. в издательстве «Обновление» статей Толстого «Не убий», «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», «Офицерская

памятка», «Письмо к либералам», «Христианство и патриотизм». Приговор о заключении Фельтена в крепость на шесть месяцев, вынесенный судебной палатой, не был приведён в исполнение, так как против осуждённого возбудили новое судебное дело за издание и распространение статьи Толстого «Где выход?». И снова Толстой обращался к своим знакомым юристам с просьбой помочь его «молодому другу» Фельтену. А.Ф. Кони он писал: «Прошу за него не только потому, что он должен пострадать за мои книги, но и потому, что это один из самых милых, простых, добродушных людей, не только ничего общего не имеющий с революцией, но даже и к распространению моих книг относившийся без особого рвения. То, что он оказался издателем этих книг, произошло более всего по его добродушию и товарищескому отношению к близким людям» (79: 172). Писал Толстой и самому осуждённому Фельтену; его дружеское письмо заканчивалось словами: «Очень любящий вас Лев Толстой» (30 апреля 1909 г.; 79: 173). Ровно через полгода, 30 октября, снова о том же: «Очень огорчило меня, милый друг Фельтен, ваше письмо с известием о вашем суде. *Пожалуйста, пожалуйста*, научите меня, что можно мне сделать для того, чтобы избавить вас от этого мучительного дёрганья и вечного дамоклова меча. <...> Не вам просить у меня прощения, а мне у вас. *Пожалуйста*, прощайте вы и ваши родные. Я так тяжело чувствую свою вину» (80: 163-164). В тот же день Толстой писал Маклакову: «*Пожалуйста, пожалуйста*, помогите моему милому молодому другу Фельтену. Научите, что ему делать и что мне делать, чтобы его выручить или хотя облегчить» (там же).

Фельтен — автор воспоминаний о Толстом (ТВС. 2. С. 295-305).

Н.И Бурнашёва

ФЕОКРИТОВА Варвара Михайловна (1875-1950) – секретарь С.А. Толстой. В 1907-1910 гг. жила в Ясной Поляне как переписчица её записок: знала стенографию, печатала на машинке. Подружилась с А.Л. Толстой и помогала ей в переписывании рукописей Л.Н. Толстого.

Толстой ценил помощь Феокритовой. 12 октября 1909 г., работая над статьёй «О праве» («Письмо студенту о праве»), он сообщал своему бывшему секретарю французу В.А. Лебрену: «Саша с своей подружкой прекрасно исполняют дело записывания и приведения в порядок моего старческого *radotage* <болтовни. – *фр.*>».

Феокритова, «добродушная молодая женщина», была «тенью Саши» (С.А. Толстая), сопровождала её повсюду: в Телятинки, где жил В.Г. Чертков, или на благотворительный концерт в Тулу приезжавшего из Москвы хора цыган, или с 13 апреля 1910 г. на шесть недель по совету

врачей в Крым лечиться вследствие болезни лёгких и т.д. Она сочувствовала

572

А.Л. Толстой во всех её конфликтах с матерью.

Толстой в письмах жене и дочери всегда передавал привет «Варе» и «очень благодарил» её за заботу о Саше во время её болезни в Крыму. 28 октября 1910 г. А.Л. Толстой из Козельска он написал: «Варе скажи, что её благодарю, как всегда, за её любовь к тебе и прошу и надеюсь, что она будет беречь тебя и останавливать в твоих порывах» (82: 216).

Когда Толстой ушёл из Ясной Поляны, вместе с А.Л. Толстой Феокритова сопровождала его из Шамордина до Астапова. 28 октября вечером в Шамордине Толстой с ними и Д.П. Маковицким рассматривал географическую карту: обсуждали, куда ехать. «Не простившись хорошенько» с сестрой М.Н. Толстой и Е.В. Оболенской, 31 октября в 7 ч. 40 мин. утра из Козельска он уехал с ними на поезде в южном направлении.

После смерти Толстого Феокритова переселилась вместе с А.Л. Толстой в Телятинки. Во время Первой мировой войны вместе с ней окончила курсы сестёр милосердия и служила уполномоченной Красного Креста на Западном фронте. В 1923 г. нашла работу машинистки в Торгово-промышленном банке в Москве. Была сотрудницей ГМТ. Она признавалась, что в Ясной Поляне «провела лучшие свои годы не по молодости, а по содержательности» (письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой. 1923. – *ОР ГМТ*).

Феокритова написала записки о жизни в Ясной Поляне с 24 июня по 19 сентября 1910 г. (*ОР ГМТ*), она автор дневника «Последний год жизни Л.Н. Толстого» (не опубликован), который, по мнению современников, односторонне и тенденциозно освещает события последнего года жизни Толстого. В.Ф. Булгаков считал, что её дневник «имеет свои специфические недостатки (как женский дневник), но несомненно, что впоследствии это будет один из самых ценных документов для воссоздания обстановки, в которой жил Толстой» (*Булгаков*. 13 сентября).

А.Н. Полосина

ФЕОКТИСТОВ Евгений Михайлович (1829-1898) – цензор, мемуарист. Окончил Московский университет; чиновник особых поручений при Министерстве народного просвещения. В 1871-1882 гг. редактор «Журнала Министерства народного просвещения» В 1883-1896

гг. – начальник Главного управления по делам печати, известный своим консерватизмом.

Толстому нередко приходилось контактировать с Феоктистовым по вопросам цензуры, связанным с тем или иным своим сочинением.

В 1883 г. именно вмешательство Феоктистова (он, между прочим, был в приятельских отношениях с И.С. Тургеневым) сорвало траурное заседание «Памяти Тургенева» в Обществе любителей российской словесности, в котором должен был участвовать Толстой. Узнав из газет о намерении Толстого выступить на этом собрании с речью, Феоктистов обратился к министру внутренних дел с докладной запиской, где писал, что «Толстой — человек сумасшедший; от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи — и скандал будет значительный», а потому московскому генерал-губернатору надлежит «потребовать к себе на просмотр статьи и речи, предназначенные для прочтения». Переговоры администрации с руководителями Общества любителей российской словесности на эту тему не привели к успеху, и заседание «Памяти Тургенева» было отменено.

В 1885 г. С.А. Толстая пыталась получить через Феоктистова цензурное разрешение на 12-й том Собрания сочинений Толстого. 21 ноября 1885 г. она писала мужу: «Сейчас был Феоктистов, и я ещё вся взволнована этим свиданием и разговорами. Впечатление безотрадное: говорить и приводить аргументы совсем не даёт, посылает в духовную цензуру, ни до каких властей не хочет допустить. Под конец взял том и обещал сделать всё, что может. Но часто поминал Победоносцева, и, видно, в нём вся задержка. Обещал мне Феоктистов дать прочесть этот том своему главному цензору и самому проглядеть» (83: 534).

Феоктистов сам цензуровал «Власть тьмы». Отвечая на обращение к нему С.А. Толстой по поводу разрешения пьесы, он писал ей, что драма Толстого «должна произвести самое удручающее впечатление на публику»: «никогда и нигде в мире не появлялось на сцене ничего подобного» (цит. по: *Гусев. Летопись*. 1. С. 653). Возмущённая С.А. Толстая сообщала мужу: «Воздерживаюсь писать о цензуре, во мне кипит столько злобы, что я на всё готова на самое крайнее...» (84: 17).

Феоктистов оставил воспоминания «За кулисами политики и литературы», в которых несколько страниц посвятил истории запрещения «Власти тьмы». О Толстом он писал: «Немало затруднений причинял граф Лев Толстой. Громадным своим талантом

приобрёл он высокое положение в литературе, а между тем никто не производил столь растлевающего влияния на молодые умы проповедью, направленной против церкви и государства, против всех основ

общественного устройства» (Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 234).

В.М. Бокова

ФЕРЗЕН Герман Егорович (даты жизни не установлены), барон — петербургский знакомый братьев Толстых. В 1850-1854 гг. начальник отделения Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Вместе с Ферзеном впервые Толстой приехал в Петербург в начале февраля 1849 г. В письме к Т.А. Ёргольской он объяснил свой внезапный отъезд из Москвы: «Двое моих приятелей — Ферзен и Озеров — ехали в Петербург. У меня были деньги, и я сел с ними в дилижанс и уехал». Толстому сначала, видимо, понравилось в столице: он здесь даже «намерен остаться навеки», как писал брату С.Н. Толстому. «Все меня уговаривают остаться и служить, кроме Ферзена и Львова (Ферзен, в скобках буде сказано, здесь что-то гадок, так себе, тише воды, ниже травы). <...> Петербургская жизнь на меня имеет большое и доброе влияние, она меня приучает к деятельности и заменяет для меня невольно расписание; как-то нельзя ничего не делать: все заняты, все хлопочут, да и не найдёшь человека, с которым бы можно было вести беспутную жизнь — одному нельзя же» (*ПТСБ*. С. 39).

С именем барона Ферзена связано и начало писательской деятельности Толстого: 9 марта 1851 г. в письме к своему петербургскому другу Толстой просил узнать о возможности представить в цензуру какую-то свою повесть; письмо не сохранилось, но о его содержании можно судить по ответному письму Ферзена. Скорее всего речь шла о «Повести из цыганского быта», над которой Толстой работал в конце 1850 г. Характерно, что в заключение своего письма Ферзен просил Толстого: «Напиши в свободное время про своё житьё-бытьё, в какой ты теперь фазе находишься» (*ОР ГМТ*). В ноябре 1852 в С.Н. Толстой сообщил брату о впечатлении, какое произвела на всех, в т.ч. и на Ферзена, повесть «Детство», в апреле 1853 г. он повторил эту информацию: «Писал ли я тебе, что Ферзен, который женился, велел мне тебе сказать, что он, бывши в это время с женой в Крыму, чутьём узнал, что “Детство” писано тобой, и что они, читая это с женой, оба плакали».

Летом 1855 г. Ферзен приехал в Севастополь (он «у князя по особым поручениям», писал Толстой брату) и привёз приятные вести; в дневнике Толстого 29 июня отмечено: «Нашёл барона Ферзена и был рад ужасно. Действительно, я, кажется, начинаю приобретать репутацию в Петербурге. “Севастополь в декабре” государь приказал перевести по-французски».

Н.И. Бурнашова

ФЕТ Афанасий Афанасьевич (1820-1892) — русский поэт, переводчик, мемуарист. Он был незаконнорождённым сыном орловского помещика А.Н. Шеншина и немецкой подданной Шарлотты-Елизаветы Фёт. Все дети Шеншиных, родившиеся после заключения официального брака родителей, носили фамилию Шеншиных и принадлежали к дворянскому сословию. Всех привилегий был лишён Афанасий как родившийся до венчания родителей. Это обстоятельство стало подлинной трагедией будущего поэта и сильно повлияло на его характер и на выбор жизненного пути.

Окончив Московский университет (отделение словесности философского факультета), Фет в 1845 г. оставил Москву и по совету отца поступил на военную службу в кавалерийский полк унтер-офицером. К немалому удивлению своих друзей, прочивших ему поэтическую славу (за период учёбы в университете Фет опубликовал в журналах и газетах более семидесяти стихотворений, у него вышел сборник «Лирический пантеон», заслуживший благосклонность читателей и критиков), этим поступком Фет решил исправить социальную несправедливость, совершённую по отношению к нему. По тогдашним законам первый офицерский чин давал право на получение потомственного дворянства.

Полк, где служил Фет, находился в Украине и квартировался в маленьких уездных городках. Провинциализм его новых товарищей, неустроенный быт, постоянные материальные лишения не способствовали развитию его поэтического дарования. В Москве остались друзья-поэты Аполлон Григорьев и Яков Полонский, с которыми он посещал литературные салоны, участвовал в поэтических диспутах. В Москве он познакомился с А. Герценом, В. Боткиным, С. Аксаковым, Ф. Глинкой, печатался в известных журналах «Отечественные записки» и «Москвитянин». Его талант заметил В. Белинский. Военная среда, в которой оказался Фет, была совершенно чужда его поэтической натуре. В это нелёгкое время providение подарило ему неожиданную

574

встречу с удивительной девушкой Марией Лазич, чья любовь к нему и вскоре трагическая гибель потрясли поэта. Воспоминания о ней до конца жизни были для него неиссякаемым источником поэтического вдохновения. Стихи «В долгой ночи...» (1856), «Неотразимый образ» (1856), «Старые письма» (1859), «Alter ego» (1878), «Солнца луч промеж лип...» (1885) стали шедеврами русской лирики.

В 1853 г. лагерные сборы полка, в котором служил Фет, проходили под Петербургом, и он снова получил возможность посещать литературные кружки, где ценили и понимали его поэзию, в т.ч. и редакцию журнала

«Современник». Сотрудники журнала Н. Некрасов, И. Тургенев, В. Боткин, А. Дружинин оказывали ему внимание и дружескую поддержку. Стихи Фета постоянно печатались в этом журнале, его имя всё чаще упоминалось в обзорных статьях о современной поэзии.

Толстой и Фет познакомились в 1856 г. на квартире у И.С. Тургенева. Знакомство переросло в дружбу, длившуюся почти четверть века. Фет стал одним из тех немногих литераторов, которые были необходимы Толстому для постоянного дружеского общения. В письме 6 ноября 1866 г. он признавался: «Всё-таки вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении даёт один мне тот другой хлеб, которым, кроме единого, будет сыт человек».

Впечатления от личности Толстого у Фета огромны, он был готов, по его выражению, «как муэдзин, влезть на минарет и оттуда орать на весь мир: я обожаю Толстого за его глубокий и вместе тончайший ум». В свою очередь Толстой, прочитав стихотворение Фета «Ещё майская ночь...», восклицал: «Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берётся такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» (Письмо В.П. Боткину, 27 июня / 9 июля 1857 г.). Толстого привлекала в Фете, помимо огромного поэтического дарования, искренность его характера: «Он никогда не притворялся и не лицемерил».

Из обширной переписки двух художников слова, ставшей неоценимым источником для познания их творчества, сохранилось 171 письмо Толстого и 139 писем Фета. Их переписка — своеобразный диалог, обмен мыслями людей, по-особому душевно близких. Вопросы жизни и смерти, проблемы философии, государства и права нашли отражение в этом диалоге. Для Фета Толстой «единственная во всём мире отдушина в серьёзную духовную жизнь».

В конце 1870-х гг. Фет занимался переводом главного труда немецкого философа А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Толстой в это время тоже интересовался работами философа. Для него были очень важны вопросы религии, морали и искусства. Но здесь их взгляды стали заметно расходиться, особенно по отношению к Богу. Если для Фета вся нравственная работа художника осенялась страхом неминуемой смерти, то для Толстого вера в Бога вела к нравственному обновлению человека, способному изменить окружающий мир и вывести человека на путь бессмертия. Фет находил единственную радость и утешение в поэзии, искусстве - в сфере красоты. Он верил в избранность художника, творца «чистого искусства». Толстой же утверждал обязанность художника творить искусство, понятное для всех, приближенное к реальному миру, по правде и заветам христианских

А. А. Фет. 1860-е гг.

ценностей. Позднее эти размышления найдут отражение в «Исповеди» и трактате «Что такое искусство?». Несмотря на эти несовпадения, Фет замечал: «Расходясь в самом корне мировоззрения, мы очень хорошо понимаем, что я, например, одет в чёрном и руки у меня в чернилах, а он в белом и руки в мелу. Поэтому мы ухитряемся обнимать друг друга, не прикасаясь пальцами, марающими приятеля».

Не принимая «искусства для искусства», Толстой тем не менее высоко ценил поэзию Фета, постоянно перечитывал его стихи и переводы, делал отметки на полях и в текстах. О стихотворении «Шёпот, робкое дыханье...» он говорил: «Это мастерское стихотворение, в нём нет ни одного глагола (сказуемого). Каждое выражение — картина... Но прочтите эти стихи любому мужику, он будет недоумевать, не только в чём их красота, но и в чём их смысл. Это — вещь для небольшого кружка лакомок в искусстве» (*Очерки былого*. Гл. «Афанасий Афанасьевич Фет»).

В доме Толстых часто звучали романсы на стихи Фета. С.Л. Толстой сочинил музыку к нескольким стихам поэта, а стихи «Сияла ночь, луной был полон сад...», посвящённые свояченице Толстого Т.А. Кузминской и положенные на музыку

575

П.И. Чайковским, были любимым произведением в семье Толстых.

Лит.: А.А. Фет и русская литература. Сб. статей к 180-летию Фета. - Курск; Орёл, 2000.

Л.Ф. Подсвинова

ФЁДОРОВ Николай Фёдорович (1828-1903) — философ, библиотекарь Румянцевского музея, знакомый Толстого. Этого

удивительного человека высоко ценили многие выдающиеся русские люди XIX в. Вл. Соловьёв называл его своим учителем, Ф.М. Достоевский считал многие мысли Фёдорова созвучными своим и гордился тем, что живёт в одно время с таким человеком. Фёдорова называли московским Сократом, сравнивали со знаменитым доктором Гаазом, жившим по своему девизу «Спешите делать добро!». Современники описывали его как худенького, среднего роста старичка, необычайно тихого и скромного, зимой и летом ходившего в одном и том же стареньком коротеньком пальтеце. Жил он в каморке при библиотеке, питался кое-как, спал на голых досках и всё отдавал бедным и тратил на книги для библиотеки. «При большой подвижности умных и проницательных глаз, он весь светился внутренней добротой, доходящей до детской наивности. Если бывают святые, то они должны быть именно такими» (Толстой И.Л. Гл. XXI).

С Фёдорова началось своеобразное философское направление — русский космизм, — продолженный в работах Циолковского, Вернадского, Чижевского. Фёдоров считал долгом перед ушедшими поколениями воскрешение «поколения отцов», говорил о необходимости выхода в космос, чтобы разместить там всех прежде живших, обретших бессмертие. Об этом идёт речь в двух томах его «Философии общего дела», выпущенной после смерти философа его учеником Н.П. Петерсоном, который в 1860-е гг. был учителем в яснополянской школе Толстого. Летом 1878 г. Толстой, с семьёй возвращаясь из Самарской губ. в Ясную Поляну, в поезде случайно встретился с Петерсоном и был поражён рассказом о жизни и личности его учителя Фёдорова. Переехав в 1881 г. в Москву, Толстой пришёл в библиотеку Румянцевского музея знакомиться с Фёдоровым со словами: «А я знаю Петерсона». Встретились они как давние знакомые.

Из всех произведений Толстого истинно «религиозными» Фёдоров считал не его поздние религиозно-философские трактаты, а книгу «Война и мир», которая воплощает идеал «воскрешающего» искусства: «В “Войне и мире” сам Толстой, сколько имеет сил, воскрешает своих отцов, влагая весь свой великий талант в это дело, — конечно, лишь словесно» (Фёдоров Н. Философия общего дела). Все 80-е гг. Толстой и Фёдоров то сближались, то расходились. По мере развития своего религиозно-философского учения Толстой всё более отходил от увлечения идеями Фёдорова, но личность и деятельность философа очень высоко ценил, поклонялся ему как великому праведнику. В позднем своём творчестве Толстой противопоставил фёдоровскому «воскрешению» свой призыв к духовному, моральному «воскресению» («Отец Сергей», «И свет во тьме светит», роман «Воскресение», где Петерсон послужил прототипом революционера Симонсона). В свою очередь Фёдоров отрицательно воспринял учение Толстого, не верил в

осуществление «Царства Божия» внутри человека, не видел у Толстого созидательного начала, а только отрицание. Окончательный разрыв между ними произошёл в 1892 г., когда после публикации в Лондоне письма Толстого «О голоде» Фёдоров отказался при встрече подать ему руку, сказав, что нет у них ничего общего, потому что призыв Толстого к духовным единомышленникам, нецерковным христианам не исполнять воинской повинности и не платить налоги, по убеждениям Фёдорова, приведёт не к «царству любви», а к мятежу, всеобщей вражде и братоубийственному гражданскому противостоянию. Больше Фёдоров и Толстой не встречались. Скончался Фёдоров в Москве в Мариинской больнице для бедных, был похоронен на кладбище московского Скорбященского монастыря. В 1929 г. монастырь был разрушен, с ним уничтожена и могила Фёдорова.

Лит.: Семёнова С.Г. Николай Фёдоров. Творчество жизни. М., 1990; Ильин В.Н. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб., 2000. С. 209-214.

Л. С. Дробат

ФИГНЕР Николай Николаевич (1857-1918) — певец, лирико-драматический тенор. Учился в Петербургской консерватории, затем совершенствовался в Италии. В 1882 г. дебютировал в Неаполе. С успехом гастролировал в странах Европы и Южной Америки. В 1887 г. дебютировал на сцене Мариинского театра в Петербурге. В 1910-1915 гг. солист, художественный руководитель и директор оперной труппы Петербургского народного дома.

576

Фигнер в совершенстве владел искусством бельканто. Он уделял большое внимание не только вокальной стороне партии, но и её сценическому воплощению; был первым исполнителем партии Германна в «Пиковой даме» и Водемона в «Иоланте» П.И. Чайковского, Владимира Дубровского в опере Э.Ф. Направника «Дубровский».

Медея Ивановна (1859-1952) — певица, драматическое сопрано. Жена Н.Н. Фигнера. Родилась и получила музыкальное образование во Флоренции. С успехом гастролировала в странах Европы и Южной Америки. Встретившись в Италии с Н.Н. Фигнером, постоянно выступала с ним в оперных спектаклях, В 1887 г. дебютировала на сцене Мариинского театра в Петербурге, где проработала до 1912 г. Обладала

голосом широкого диапазона, драматическим талантом. Была первой исполнительницей партии Лизы в «Пиковой даме» и Иоланты в «Иоланте» — операх Чайковского, Маши в «Дубровском» и Франчески «Франческа да Римини» — операх Э.Ф. Направника.

Н.Н. и М.И. Фигнеры в начале 1890-х гг. часто бывали и пели в Ясной Поляне. 28 августа 1892 г., в день рождения Толстого, среди гостей были и Фигнеры. Вечером Н.Н. Фигнер по просьбе Т.Л. Толстой пел арию Ленского из «Евгения Онегина» и цыганские романсы. Потом они с Медеей пели дуэт «Далеко, далеко...». Толстой наслаждался пением. «Во время пения глаза у него были сияющие и полны слёз», — вспоминала В. Величкина (цит. по: *Лев Толстой и музыка*. С. 148). Толстые посещали имение Фигнеров, находившееся всего в 15 верстах от Ясной Поляны. Члены семьи Толстого бывали на концертах Н.Н. Фигнера.

Толстой принимал участие в деле об убийстве трёх крестьян, рубивших деревья в лесу Фигнера.

А.Г. Айнбиндер

ФИЛАРЕТ (Дроздов Василий Михайлович; 1783-1867) — митрополит московский, богослов, историк церкви, проповедник. Русской православной церковью причислен к лику святых. Филарет — инициатор перевода Библии на русский язык, автор текста Манифеста об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г. Православный катехизис, составленный Филаретом, использовался в качестве учебного пособия во многих учебных заведениях дореволюционной России.

Толстой встречался с Филаретом один раз, в 1854 г., перед отъездом в Дунайскую армию. Впоследствии писатель вспоминал об этой встрече: «Он очень ласково со мной говорил. Разговор был какой-то серьёзный, и потом меня благословил и подарил мне образок финифтяный. У Софьи Андреевны он есть» (*ЯПЗ*. 3. С. 116).

Толстой с уважением относился к Филарету, его неаристократическому происхождению (из семьи бедного священнослужителя). В 1874 г. в письме к А.А. Толстой писатель поставил Филарета в один ряд с выдающимися русскими учёными и деятелями культуры: «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе» (62: 130).

Отношение Толстого к Филарету изменилось в конце 1870-х гг., когда обозначился отход писателя от Русской православной церкви. Наряду с «Православно-догматическим богословием» митрополита Макария (Булгакова), катехизис Филарета стал одним из объектов критики в толстовском «Исследовании догматического богословия». Толстой обвинял Филарета в излишней холодности, в отсутствии живой веры, в

том, что ему «дела нет до сердечного смысла приводимого им выражения» (23: 63). Толстой обращал внимание на логическую ошибку Филарета, утверждавшего, «что вера нужнее, чем добрые дела, но и добрые дела нужны, потому что вера без дел мертва». Как считал Толстой, слова «с верою должны быть неразлучны добрые дела, потому что вера без дел мертва», уничтожают разделение веры и добрых дел. «Очевидно, как у Филарета, так и во всех богословских сочинениях под словом “вера” разумеется только внешнее согласие с тем, что проповедует богословие» (23: 243-244). Не понравилась Толстому и содержащаяся в катехизисе Филарета мысль о том, что убивать на войне по приказу начальства не грех. Полны резких замечаний в адрес Филарета и дневниковые записи позднего Толстого, где митрополит назван «софистом» и «врагом Христа». Такие оценки объясняются прежде всего стремлением Филарета оправдать с христианской точки зрения насилие, творимое государством.

В последние годы жизни Толстой стал относиться более терпимо к тем, кто придерживался иных религиозных воззрений, однако примириться со взглядами Филарета так и не смог.

Ю.В. Прокопчук

ФИЛИМОНОВ Василий Семёнович (ум. в 1891 г.) — офицер, командир лёгкой № 3 батареи, в которой Толстой служил

577

в Севастополе. В январском дневнике 1855 г. Толстой характеризовал Филимонова как «самое сальное создание, которое можно себе представить». Внешний облик и характер капитана отразились в произведениях, над которыми писатель работал в Севастополе: в рассказе «Рубка леса» черты Филимонова узнаваемы в Абраме Ильиче Кирсанове; в незавершённом сочинении «Характеры и лица» («Командир части - хороший человек») - в капитане Белоногове; в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» — в «обозном офицере», к которому братья Козельцовы заехали на Северной стороне, по дороге в Севастополь.

Н.И. Бурнашёва

ФЛОБЕР Гюстав (Flaubert; 1821-1880) — французский писатель. В творчестве Флобера французский реализм 1850-1870-х гг. обрёл классическое совершенство. Романы Флобера переводились в России без промедления («Госпожа Бовари» — 1857 г., русский перевод — 1858 г.;

«Воспитание чувств» — 1869 г., русский перевод под названием «Сентиментальное воспитание» — 1870 г.), вызывали разноречия в критике, органично вплетались в ткань отечественного искусства. Роман «Саламбо» (1862 г. - русский перевод 1863 г.) побудил М.П. Мусоргского к созданию либретто и музыки одноимённой оперы (1863-1865, неоконч.).

Через несколько лет Толстой запечатлел сцену в «Анне Карениной», где, казалось бы, вот-вот могут появиться Эмма Бовари и её создатель. В светской беседе Левина и Анны Аркадьевны обсуждались пути французского искусства, его «возвращение к реализму». Анна назвала имена Zola, Daudet, ближайших друзей и сподвижников Флобера, но его не упомянула... Французские писатели, говорила она, «начинают придумывать более натуральные, справедливые фигуры». Среди «справедливых фигур», возможно, подразумевалась и Эмма Бовари... Можно лишь предположить, чем вызваны эти умолчания. Характерно, что вскоре после завершения «Анны Карениной» Толстой в письме Н.Н. Страхову 22 апреля 1877 г. высказался крайне резко об одном из произведений Флобера: «У меня был “Вестник Европы”. Потехина повесть хороша; но что за мерзость Флобера, перевод Тургенева. Это возмутительная гадость». Одновременно с филиппикой Толстого публикация «Легенды о Св. Юлиане Милостивом» вызвала доброжелательный отклик П.В. Анненкова: «Ваш перевод флюберовской “Легенды”, — писал он И.С. Тургеневу 20 апреля 1877 г., — вполне сохраняет колорит подлинника, его сжатый слог, короткие описания, искусно выбранные эпитеты, твёрдые и строго рассчитанные шаги речи — это перевод мастерский, и Флобер является в нём превосходным образом как первый балладист Европы, чем он сделался с “Искушения Святого Антония”» (Анненков П.В. Письма к Тургеневу. Кн. 2. 1875-1883. СПб., 2005. С. 55). Эмоциональная оценка, высказанная доверительно в письме, видоизменялась с ходом времени, корректировалась Толстым, когда его слово звучало в печати. 23 марта 1894 г. Толстой вновь обратился к «Легенде...» Флобера в предисловии к «Крестьянским рассказам» С.Т. Семёнова. Воздав должное мастерству Флобера, писатель поведал о своём неприятии бесстрастной объективной манеры повествования, отстранённости художника от происходящего в сюжете. Искусство обновляется в столкновении мнений его творцов. «Есть известный рассказ Флобера, переведённый Тургеневым, — Юлиан Милостивый. Последний, долженствующий быть самым трогательным, эпизод рассказа состоит в том, что Юлиан ложится на одну постель с прокажённым и согревает его своим телом. Прокажённый этот — Христос, который уносит с собой Юлиана на небо. Всё это описано с большим мастерством, но я всегда остаюсь совершенно холоден при чтении этого рассказа. Я чувствую, что автор сам не сделал бы и даже не

желал бы сделать того, что сделал его герой, и потому и мне не хочется этого сделать, и я не испытывал никакого волнения при чтении этого удивительного подвига». «Легенда...» Флобера, замеченная Толстым, прочно вошла в «плоть» русской культуры. После Тургенева её переводили неоднократно.

Но конечно же, и вершинное творение Флобера о неутолённой жажде счастья и любви не прошло мимо сознания Толстого, хотя его высказывания о «Госпоже Бовари» и сдержанны и кратки. «“M-me Bovary”, — сообщал Г.А. Русанов, беседовавший с Толстым в Ясной Поляне 24-25 августа 1883 г., - Толстой забыл, но помнит, что, когда читал, “понравилось это”» (цит. по: Гусев. *Летопись*. 1. С. 561). Щедрее отзыв Толстого о перечитанном романе Флобера в письме к С.А. Толстой 19 апреля 1892 г.: «Интересов у нас мало, потому пишу о чтении. Kipling совсем слаб, растрёпан, ищет оригинальности; но зато Flaubert M-me Bovary имеет большие достоинства и не даром славится у французов».

578

Тема Толстой и Флобер зримо расширяется, когда возникает вопрос о соприкосновении их художественных миров, о неуловимом воздействии творческого примера одного писателя на суверенные замыслы и их претворение другого писателя, современника.

Подход к этой тонкой проблематике совершил Б.М. Эйхенбаум: «Французские критики, в известном смысле, правы, когда они видят в “Анне Карениной” следы изучения Толстым французской литературы — Стендаля, Флобера; но, увлекаясь патриотизмом, они не видят главного — того, что “Анна Каренина” <...> представляет собой не столько следование европейским традициям, сколько их завершение и преодоление» (Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 128).

Назвав роман именем героини, Толстой «вписался» в традицию европейского романа: «Коринна» (1807), «Евгения Гранде» (1833), «Госпожа Бовари» (1857). Одновременно Толстой обновлял, преображал традицию, открывая новые горизонты романного искусства. Флобер неотступно присутствовал в его сознании. В письме Н.Н. Страхову 24—25 января 1876 г. Толстой упоминал безоценочно «Education sentimentale» Флобера и сообщал о работе над «Анной Карениной», которая печаталась в «Русском вестнике».

Флобер, со своей стороны, проявлял неподдельный интерес к личности и творчеству Толстого. По совету Тургенева незадолго до своей кончины он прочитал «Войну и мир» во французском переводе И.И. Паскевич 1879 г. и поделился с другом впечатлением: «Спасибо, что заставили меня прочитать роман Толстого, — писал он Тургеневу 21

января 1880 г. — Это первоклассно. Какой живописец и какой психолог! Первые два тома — *грандиозны*; но третий — ужасный спад. Он повторяется, мудрствует. Словом, уже начинаешь видеть самого этого господина, автора и русского, а до тех пор были только Природа и Человечество. Мне кажется, порой в нём есть нечто шекспировское. Читая, я временами вскрикивал от восторга, а ведь читать пришлось долго. Расскажите мне об *авторе*. Это первая его книга? Во всяком случае, карты у него *козырные*. Да, это очень сильно, очень сильно» (*перевод с фр. — Тургенев. Переписка. 2. С. 373*). 24 января 1880 г. Тургенев в письме Толстому приводил в оригинале отрывок из письма Флобера о «Войне и мире», прибавив от себя: «Полагаю, что en somme — вы будете довольны».

Толстого и Флобера сближали стремление к обновлению реализма, непревзойдённый психологический анализ, глубинное «ощущение жизни, всей жизни» (Р. Роллан), интерес к творчеству Мопассана. Неслучайно Толстой отметил, что юный Мопассан воспитывался «под руководством Флобера» (30: 279). В марте 1904 г. в беседе с Ж.-А. Бурдоном, журналистом из «Фигаро», Толстой признался... в любви к искусству Флобера: «Один из любимых моих писателей — ваш несравненный) Флобер. Вот поистине великолепный художник, сильный, точный, гармоничный полнокровный, совершенный. Его стиль исполнен чистейшей красоты» (*ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 56*). А М. Горькому Толстой сказал наставительно и непререкаемо: «У французов три писателя: Стендаль, Бальза» Флобер, ну ещё — Мопассан, но Чехов — лучше его» (Горький М. ПСС. М., 1973 Т. 16. С. 307).

Флобера и его предтеч Толстой защищал от схематичных умозаключений французских критиков, полагавших, что «Стендаль объясняет Бальзака, а Бальзак, в свою очередь, объясняет Флобера». Толстой ценил своеобразие творчества писателя, масштабы его дарования, неповторимость художественных прозрений. «...Я не разделяю их <критиков. - В.Б.> мыслей о преемственности — Стендаль, Бальзак, Флобер. Гении не происходят один от другого: гений всегда рождается независимым (*ТВС. 2. С. 268*).

В.П. Балашов

ФОКАНОВЫ

Карп Михайлович (1828-1899) — потомственный яснополянский крестьянин. Фокановы — старейший и один из самых многочисленных крестьянских родов Ясной Поляны от крестьянина Фоки Петровича (1694-1746). С 1763 г. принадлежали князю Волконскому. Фамилия «Фокановы» закрепились и осталась без изменения в XIX в. Многие

Фокановы оставили заметный след в истории Ясной Поляны и в творчестве Толстого: для него Фокановы были олицетворением русского народа. Наиболее тесно он был связан с несколькими Фокановыми. Фоканов К.М. — четвёртый сын М.М. Фоканова. Хозяйство у Карпа было крепкое. Пчеловод. В «Утре помещика» Толстой назвал его Дутловым — богатым мужиком. Изба у него высокая и просторная, с двумя трубами, посреди деревни. Т.Л. Толстая в 1894 г. написала его портрет.

579

Михаил Максимович (1791-1873) — крестьянин князей Волконских и графов Толстых. С 1816 г. остался главой огромной своей собственной семьи и семей умерших братьев. В середине 1850-х гг. двор Фокановых насчитывал более 30 человек. С ними жили их родственники, тоже с семьями. Не удивительно, что М.М. Фоканов нашёл отражение в творчестве Толстого. Он прототип одного из главных героев романа «Декабристы», в черновиках названный Дементием Фокановым. Это богатый старик с тремя сыновьями и их семьями. Двор их сильный, первый на селе. Подати платили исправно. Хозяин — человек расчётливый. Это самый рассудительный из мужиков. Толстой оставил в романе и подлинную фамилию Фоканова, и даже такую его приметку, как хромота. Появился Михайла Фоканов и в рассказе «Тихон и Маланья».

Тарас Карпович («Тараска»; 1852 — 1924) — для Толстого самая заметная личность из Фокановых. Один из лучших и любимых его учеников школы 1860-х гг. Детство Тараски прошло в доме деда Михаила Максимовича. Самая памятная часть детства — школа в усадьбе Толстого. Сохранилась его ученическая тетрадь по Священной истории. В статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы», в рассказе «Ягоды» Толстой на примере Тараски показывал понимание детьми истории. В «Дневнике яснополянской школы (1862 г.)» Толстой писал о Тараске как о живом, очень смышлёном мальчике. Тараска был добрым и сообразительным. Одноклассник его Василий Морозов помнил, что на Пасху у Толстых Тараска из подарков выбрал себе ситец на рубашку.

Женат Тарас Карпович был на яснополянской крестьянке Сусанне Цветковой. Родилось 11 детей. Семья для Тараса была главным делом и заботой в жизни. Как все Фокановы, он был старательным и хозяйственным человеком. Дом его и хозяйство относились к числу крепких крестьянских дворов Ясной Поляны. Толстой считал, что Тарас в жизни — твёрдый, серьёзный, «хороший хозяин, семью в порядке держит, его отец и дед были таковы» (ЯПЗ. 2. С. 90-91), «вся жизнь их хороша: трудовая жизнь с утра до вечера» (там же. С. 326). Трудолюбие —

одна из самых ярких черт семьи Тараса. Толстой восторгался этими качествами, любовался в поле его сыновьями — пахарями.

Тарас отстаивал всё решительно, что было создано его трудом. Толстой относил Фокановых к разряду самых настоящих русских мужиков.

Более 50 лет продолжалась дружба Толстого с Фокановым. Все это знали и называли его самым близким другом Толстого из яснополянских крестьян. Писатель любил Тараса за его умную, острую речь, свойственную ему ещё в школьные годы. Ценил в нём житейскую мудрость и цельность характера. Для Толстого Фоканов был своеобразным «индикатором», когда, читая ему свои новые сочинения, писатель проверял, достаточно ли доступно изложил мысли. Толстой признавался, что у Тараса он учился писать. В последние годы жизни он особенно часто встречался с Фокановым. Когда болел, приглашал его для разговора, который приносил ему радость. Крестьянин шёл к Толстому за советом, за помощью, просто поговорить, узнать о делах и здоровье. Толстой сам часто бывал в избе Фокановых, приходил и с гостями. И всегда шла обстоятельная беседа по самым разным вопросам.

В семье Толстых Тараса Фоканова уважали и ценили. Татьяна Львовна в апреле 1894 г. выполнила портреты Фокановых Карпа Михайловича и Тараса Карповича (хранятся в ГМТ).

Фоканов тяжело перенёс смерть писателя. Он копал могилу вместе с другими мужиками, засыпал её. Стал постоянным сторожем на могиле Толстого, выстроив себе там из плетня избушку.

Н. И. Шинкарюк

ФОКИН Михаил Михайлович (1880 — 1942) — русский артист балета, балетмейстер, педагог. Реформатор балетного театра. По окончании Петербургского театрального училища в 1898 г. дебютировал на сцене Мариинского театра в балете «Пахита». Грациозный, элегантный танцовщик, он исполнял многие классические и характерные партии в традиционном балетном репертуаре. В 1905 г. впервые выступил как балетмейстер: для Петербургского театрального училища поставил балеты «Ацис и Галатея» (на музыку А.В. Кадлеца), «Сон в летнюю ночь» (1906 г., на музыку Я.Л.Ф. Мендельсона-Бартольди), в Мариинском театре в 1908 г. — «Египетские ночи» (на музыку А.С. Аренского) и «Шопениану». Сотрудничал со многими композиторами (Й.Ф. Стравинским, С.В. Рахманиновым, А.К. Глазуновым, Н.Н. Черепнинным и др.), художниками (А.Н. Бенуа, Н.К. Рерихом, Л.С. Бакстом и др.). Для балетов Фокина характерны драматическая, насыщенная действием напряжённость сюжета,

яркое колористическое решение, единая стилистика хореографического рисунка. Балетмейстер часто использовал музыку, не предназначенную для балета, в т.ч. симфоническую, нередко обращался к танцевальному фольклору, к изобразительному искусству, в т.ч. даже к вазовой живописи. Его постановки в Мариинском театре и позднее в Европе: «Павильон Армиды» (1907), «Умиравший лебедь» (1907), «Времена года» (1909), «Половецкие пляски» (1909), «Карнавал» (1910), «Шехеразада» (1910), «Жар-птица» (1910) и др.

С 1909 г. Фокин — художественный руководитель, балетмейстер и один из ведущих танцовщиков Русских сезонов в Париже. После 1917 г. уехал из России, жил в США, Париже, Монте-Карло...

Фокин уже в ранней юности читал многие сочинения Толстого, не только художественные, но и публицистические. Он не был знаком с писателем лично, но творчество Толстого занимало очень большое место в его жизни. Прежде всего именно в профессиональной жизни. В своей книге «Против течения» балетмейстер рассказал, как впервые обратился к творчеству Толстого, как повлияли на него «Война и мир» и другие сочинения писателя, как Толстой стал одним из источников реформы в балетном театре.

Когда представители декаданса называли Фокина выразителем своих позиций в искусстве, своим «духовным отпрыском», полагая, что именно в декадентстве обрёл он опору и здесь следует искать истоки его балетной реформы, сам балетмейстер решительно возражал против таких «истоков», называя великие имена, влиянию которых обязаны его творческие искания и новаторские шаги в балете; «Поскольку Вы об этом спрашиваете меня, — писал он Джону Мартину 13 октября 1931 г., — должен сказать, что Новый русский балет был создан мною под влиянием великих художников, писателей и деятелей искусства: Толстого, Станиславского, Вагнера, Микельанджело, Родена... — вот откуда пошла моя реформа русского балета» (Фокин М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Л.; М., 1962. С. 521). Первым Фокин всегда называл имя Толстого.

Окончание балетного училища и дебют Фокина на театральной сцене совпали с выходом в свет трактата Толстого «Что такое искусство?». Молодой артист был потрясён той силой и правдой, которая открывалась ему в каждом слове нового сочинения Толстого, громившего ложь и фальшь «искусства высших классов» и поднимавшего на пьедестал красоту подлинно народного искусства. Мысль писателя о том, что «всякое истинное искусство» должно «заражать» читателя, зрителя, слушателя, Фокин воспринял всем сердцем. «Эта простая и ясная мысль

всю жизнь только укреплялась в моём сознании от постоянной проверки её на примерах искусства», — писал он позднее (там же. С. 142). Слова же Толстого о том, что «сотни тысяч людей с молодых лет посвящают все свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертеть ногами (танцоры)», «дичают в этих исключительных, одуряющих занятиях и становятся тупыми ко всем серьёзным явлениям жизни, односторонними и вполне довольными собой специалистами, умеющими только вертеть ногами» (30: 28), невольно перекликались с тем, что не раз говаривал ему отец, не желавший, чтобы сын стал балетным «попрыгунчиком».

Отношение Толстого к балету, любимому и дорогому для Фокина искусству, вызывало недоумение и вопросы, заставляло думать. «Я обратился к литературе. С каким осуждением, с каким презрением говорит о балете Л. Толстой, мой любимый, обожаемый писатель! Тогда только что вышла его книга "Что такое искусство?"».

Толстой в своих романах так восхитительно описывал танец, так исключительно понимал жест, мимику человека. Он знал, что из описания жеста, движения человека можно сделать художественное произведение, но что развитие жеста, движения, танца может достигнуть художественного значения, об этом он не думал» (Фокин М. Против течения. С. 126). Писатель любовался народными плясками - «балет же, в котором полуобнажённые женщины делают сладострастные движения, переплетаются в разные чувственные гирлянды, есть прямо развратное представление. Так что никак не поймёшь, на кого это рассчитано» (30: 31).

Фокин во многом не соглашался с Толстым, но многому у него учился, вчитывался в его произведения, даже выписывал из них цитаты. «Под влиянием Л. Толстого и Ж.-Ж. Руссо» он «давно идеализировал жизнь среди природы» (Фокин М.М. Против течения. С. 133). *Природная, естественная* красота поз, движений, жестов, всей пластики тела танцовщика, гармония эмоций и пластики должны дать новый, естественный импульс для рождения нового сценического танца. Эти мысли всё чаще посещали молодого балетмейстера, снова и снова перечитывавшего любимые

сочинения Толстого и ещё не знакомого с танцем Айседоры Дункан. Через много лет, оглядываясь на то время, Фокин писал Дж. Мартину 13 октября 1931 г.: «Мысль о том, что в основу танца должно быть положено искреннее эмоциональное движение, что, независимо от того, кажутся ли формы танца неясными, фантастическими или нереалистическими, они своими корнями должны уходить в правду жизни, — эта мысль, которая двигала вперёд мой труд и из которой родился новый русский балет,

возникла у меня до того, как я впервые познакомился с искусством Дункан.

Неестественность, неоправданность, психологическая фальшь старого балета так разочаровали меня, что я одно время уже начал готовиться к другой карьере — я изучал живопись и надеялся совсем забыть балет. Но тут меня пригласили преподавать в Театральной школе, и я получил возможность приступить к осуществлению своих замыслов в работе с учениками» (там же. С. 520).

«Старый балет», считал Фокин, далёк от стремления воссоздать на сцене подлинные человеческие чувства и переживания, за профессиональной техникой танцовщики не видят художественный образ, а ведь это главное в сценическом искусстве, то, что так заметно отличает от балета драматический спектакль и актёра драмы от балетного артиста. Гениальные страницы сочинений Толстого, психологическая правда его персонажей, раскрытая при помощи «диалектики души», помогали Фокину в поисках новых выразительных средств сценического танца. В «борениях чувств» героев рождалась психологическая напряжённость, эмоциональная насыщенность балетного спектакля; балет обретал глубину и величие драмы.

Влияние Толстого, увлечение его взглядами просматривалось и в попытках Фокина приблизить сценический танец к «народному зрителю», «сделать балет доступным широким массам, вывести его из узкого круга балетоманов, сделать из придворного балета народный» (там же. С. 137). «Каждый большой художник должен создавать свои формы», — эта мысль Толстого ещё в ранней молодости запала в душу и была очень дорога Фокину. И балетмейстер искал «свои формы», создавая спектакли, где наравне с классическим танцем столь же значимыми были и танец характерный, и свободная пластика...

Работая над новым балетом, Фокин часто мысленно обращался к сочинениям Толстого, стараясь в своём искусстве применить методы любимого писателя. «Все понимали, что после новых репетиций то одно, то другое место старого балета делалось чуть-чуть другим, оживало, — писал он в своей книге. — Но мало кто хотел думать, что в этом-то “чуть-чуть” и заключалось искусство. Мне хочется здесь привести рассказ Л.Н. Толстого: “Художник Брюллов поправлял работу ученика. “Вот чуть-чуть дотронулись, и всё изменилось сразу”, — сказал изумлённый ученик. “Искусство начинается там, где начинается “чуть-чуть”, — ответил мастер» (там же. С. 326).

Н.И. Бурнашова

ФРАНС Анато́ль (наст. имя: Анато́ль Франсуа Ти́бо; 1844—1924) — французский писатель. В 1921 г. награждён Нобелевской премией «за

блестящие литературные достижения, отмеченные благородством и строгостью стиля, восприимчивостью человека большой души, пленительной ясностью и истинно французским темпераментом».

Толстой был хорошо знаком с творчеством Франса, внимательно и с интересом читал его произведения, высоко оценивал его художественный реализм, дающий возможность глубинного проникновения в сущность происходящего. Толстой отмечал, что «Анатоль Франс — талант» и «единственный из теперешних французских писателей», которого он «находит возможным читать», что «Европа теперь не имеет настоящего художника-писателя, кроме одного — Анатоля Франса», что он бы «желал из литераторов знать <...> — Анатоля Франса» (ЯПЗ. 1. С. 310; 2. С. 582; 3. С. 54, 100).

В разное время Толстой читал повести, новеллы, рассказы Франса «Иокаста», «Прокуратор Иудеи», «Перламутровый ларец», «Кренкебиль», «Да, сударь», роман «Под городскими вязами», роман-памфлет «Остров пингвинов», книги «Комическая история», «На белом камне», «Семь жён Синей Бороды и другие чудесные повести». В яснополянской библиотеке сохранились издания произведений Франса: France, A. L'île des pingouins. — Paris, 1907 («Остров пингвинов», с дарственной надписью автора); France, A. Jocaste. — Paris, 1910; France, A. Les sept femmes de la Barbe Bleue et autres contes merveilleux. — Paris, 1909 («Семь жён Синей Бороды и другие чудесные повести», с многочисленными пометами Толстого).

Причисляя Франса к лучшим современным прозаикам, Толстой тем не менее не соглашался «с его материализмом и социализмом» (ЯПЗ. 1. С. 176). Ознакомившись с трудом Франса «Les opinions socialistes»

582

(«Социалистические мнения»), Толстой 14 марта 1903 г. записал в дневнике: «Читал Opinions sociales Anatole France'a. Как и все правоверные социалисты и поклонники науки и потому отрицатели религии, он говорит, что не нужно милосердие, любовь, нужно только justice <справедливость. — фр.>. Это справедливо, но для того, чтобы в действительности была justice, нужно, чтобы в стремлении, в идеале было самоотречение, любовь. Для того, чтобы был честный брак, нужно стремление к полному целомудрию. Дня тою, чтобы было истинное знание, нужно стремиться к познанию духовного мира. (Тогда будет знание материального. А иначе будет невежество.) Для того, чтобы было справедливое распределение услуг, надо стремиться отдать всё, ничего не беря себе. (А иначе будет грабёж чужого труда.) Для того, чтобы попасть в

цель, надо целить выше и дальше её. Для того, чтобы подняться высоко на исполинских шагах, надо бежать прочь от столба» (54: 164).

В своих сочинениях Толстой неоднократно использовал высказывания и мысли Франса. Как эпитафия ко второй главе статьи «Одумайтесь!» (о безумии Русско-японской войны) он поместил слова Франса о преступности начала войны под предлогом восстановления чести народа, взятые из его романа «Под городскими вязами». Мысли Франса о религии и нравственности, о невозможности оправдания войн, о рабском положении солдат включил Толстой в сборник изречений «Круг чтения». Сюда в раздел «Недельные чтения» он поместил, сократив его, и рассказ «Уличный торговец» — перевод рассказа Франса «Кренкебиль», сделанный В.М. Величкиной и напечатанный в № 4 журнала «Образование» за 1903 г.

В 1908 г. в России был образован Комитет почина, готовивший торжественное чествование Толстого в день его 80-летия. Аналогичные комитеты создавались и за рубежом. Франс входил в состав парижского комитета. Деятельность комитетов была прекращена по инициативе Толстого. Секретарю Комитета почина М.А. Стаховичу он писал, что для выражения чувств уважения и любви не нужно никаких специально устроенных внешних форм. В интервью корреспонденту газеты «Русское слово» (№ 72; 27 марта) Франс по поводу отказа Толстого от торжественного чествования сказал, что «Толстой оказался бы в противоречии со своей теорией “непротивления злу”, если б он считал “злом даже подобный праздник”». Интервью Франса в «Русском слове» Толстой прочитал и «сказал, что Франс — умный человек и как всё-таки не понимает непротивления злу. Старый, культурный человек» (ЯПЗ. 3. С. 40).

М.Л. Лукацкий

ФРЕЙГАНГ Андрей Иванович (1805 — 1875) — чиновник цензурного ведомства. В 1836-1859 гг. — цензор С.-Петербургского цензурного комитета. По воспоминаниям современника, Фрейганг был «одним из курьёзнейших экземпляров цензора былых времён». Он отличался трусостью, неподатливостью, «обладал необыкновенной способностью обезоруживать... Вкрадчивым тоном своих речей и любезным обращением», занимал просителя разговором о погоде, городских новостях, не относящихся к делу, и уходил от неприятных объяснений» (Чумиков А. А. Мои цензурные мытарства // Цензура в России в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2003. С. 49). У Толстого Фрейганг упоминается в связи с цензурной историей рассказа «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный». 2 декабря 1856 г. Фрейганг писал И.А. Гончарову, занимавшему должность цензора: «Рассказ гр.

Толстого “Из кавказских нравов” был внесён мною в пятницу в Цензурный комитет и находится у г. председателя, от усмотрения которого будет зависеть пропуск означенного рассказа» (ПРП. 1. С. 271). Сочинение было пропущено цензурой, но Толстому пришлось внести в текст некоторые изменения и переменить заглавие рассказа.

Л.Е. Кочеткова

ФРИДЕ Александр Яковлевич (1822? - 1894) – капитан артиллерии, сослуживец Толстого в штабе Дунайской армии и в Севастополе. Впоследствии помощник начальника Главного артиллерийского управления, генерал-лейтенант и начальник Окружного артиллерийского управления на Кавказе (до 1885 г.) Один из участников проекта основания Общества для содействия просвещению и образованию среди войск, позднее переросшего в проект журнала «Военный листок». Черты личности капитана, видимо, привлекали Толстого, стремившегося к «совершенствованию» своего характера; его имя не раз упоминалось в дневнике. 23 августа 1854 г. Толстой записал: «Терпимость, скромность и спокойствие Фриде всё больше и больше занимают меня. Качества эти дают мне о нём самом дурное мнение и вместе с тем располагают к подражанию — так они приятны в жизни и так верно ведут к успеху. *Важнее всего для меня в жизни — исправление от 3-х пороков — раздражительности,*

583

бесхарактерности и лени». 21 июня 1855 г. — запись: «Разбудил меня приезд Фриде и Соймонова. Мне тяжело было даже с Фриде, который умён и профессирует благородные мысли». В ОР ГИТ сохранились письма Фриде, в которых тоже звучат «благородные мысли»; по возвращении из Севастополя в Кишинёв, ещё за несколько месяцев до появления «Севастополя в декабре...», Фриде писал Толстому (письмо не датировано): «...но во всяком случае я никогда не забуду тех минут, когда, переправясь на Южную сторону Севастополя, я очутился в кругу героев и чувствовал, что сам с ними возвысился духом! Не взять союзникам Севастополя! Не попрасть им благородное мужество людей, защищающих его! Это будет противуестественно, ибо докажет торжество тщеславия над истинным геройством, торжество хладнокровно обдуманного намерения унижить над желанием защитить то, что естественно дорого сердцу благородному!» Без сомнения, мысли, настроение и даже стиль первого севастопольского рассказа стали близки Фриде; 24 октября 1855 г. он писал Толстому о его новых рассказах: «...хорош, очень хорош “Рассказ маркёра”, но “Севастополь в декабре месяце” окончательно поразил

меня: это верх изящества, этот рассказ неподражаем». Здесь же и о «Рубке леса»: «Читал я Вашу “Рубку лесу”; в Кишинёве она подействовала на меня сильнее». Об отношениях Толстого с Фриде после Крымской войны ничего неизвестно.

Н.И. Бурнашёва

ФРОЛКОВЫ

Никита Яковлевич (1861 — после 1924 г.) — яснополянский крестьянин. Ученик школы Толстого 1870-х гг. Босоногим мальчишкой часто бегал в усадьбу Толстых. Старый вельветовый пиджачок рассыпался на нём при движении. Все смеялись. Толстой добродушно сказал: «Ничего, дружок, не горюй, это изюмчик из тебя сыплется». Так и прозвали Никиту Изюмчиком.

В 1900-е гг. Никита Фролков был старостой деревни. К нему заходил Толстой в декабре 1909 г. поговорить о сборе податей, их жестокости. Этот разговор описан в рассказе «Подати» в очерке «Три дня в деревне» (38: 20).

Яков Андреевич (1817-1877) — яснополянский крестьянин. Его хорошо знал Толстой. В 1850-е гг. был старостой в Ясной Поляне. Упоминается в дневнике 12 апреля 1858 г., в письме к тётушке Ёргольской в декабре того же года. В рассказе «Метель» действует приказчик Яков. В романе «Декабристы» появляется робкий Яков Хролков.

Н.И. Шинкарюк

Х

ХАГЕЛЬСТАМ Юлиус Вентцель (1863-1932) — финский писатель, журналист, педагог. В 1888 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. Главным делом Хагельстама стало издание на шведском — втором гос. языке Финляндии — литературно-художественного журнала «Атенеум», получившего мировое признание. В нём писатель печатал свои романы, стихотворения, искусствоведческие статьи.

Весной 1902 г. Хагельстам с женой, путешествуя по Крыму и узнав, что в Гаспре в это время жил Толстой, решили посетить его. Впечатления от этой встречи Хагельстам позднее описал в очерке «На восток. Путевые заметки Вентцеля Хагельстама» // Атенеум. 1902, № 3 (8-9). С. 285-309.

Чета Хагельстамов прибыла в Ялту 23 апреля 1902 г. У Толстого финский журналист был в тот самый день, когда, по словам слуги, «старого графа» после долгой болезни впервые на четверть часа вынесли на свежий воздух. Посетителей Толстой принял в своей комнате. «Этой палатой» — писал Хагельстам, — служил высокий зал впечатляющих размеров, обставленный скромно, с оттенком северного вкуса. Сразу же возле двери большой ширмой был отделён один из углов комнаты, что не позволяло сразу же при входе увидеть Толстого. По знаку Оболенского мы прошли за ширму и встретили ясные, светло-карие глаза Толстого, дружески смотрящие на нас без следа обычного любопытства. Он сидел на короткой скамейке справа от ширмы, одетый в традиционную русскую рубашку с поясом и высокие сапоги. Перед ним стоял маленький столик, а на нём порция спаржи. В правой руке он держал стебелёк спаржи, а левую протянул нам, спрашивая: “Вы говорите по-русски или по-французски?”»

Разговор шёл по-французски. Толстого интересовали подробности нравственно-политической обстановки в Финляндии. «Меня очень интересует ваше несчастное Отечество», — сказал он. Гостю казалось, что «в глазах Толстого есть какая-то неземная красота. Ясные, блестящие — они как бы излучали вокруг себя свет, и этот свет, чуть скрытый вуалью, походил на первые лучи солнца, проникающие сквозь лёгкую дымку. Мне кажется, — писал Хагельстам, — это впечатление ещё более

укрепилось, когда, выслушав мой рассказ о положении в Финляндии, взгляд Толстого устремился от нас в пространство, — как бы бессознательно следуя мыслям, которые слишком затруднительно выразить в словах.

— Знакомы ли вы с братьями Ярнефельт? — спросил он, и лицо его приняло прежнее живое выражение.

Мы были с ними знакомы.

— Писатель Арвид Ярнефельт, — продолжал Толстой, — в своих работах высказал мысль, что человеку не следует заниматься военной службой потому, что она противоречит христианской совести, и эту идею я нахожу совершенно правильной, — говорил он с убеждением».

При прощании «Толстой ещё раз взглянул на нас своими незабываемо-духовными глазами и сердечно протянул нам руку с коротким “прощайте” — по-русски моей жене и мне — по-французски.

В тот волнующий момент, когда я с ним здоровался, у меня не было ни малейшего ощущения того, что я действительно пожимаю руку Льва Толстого. В момент, когда я с ним прощался, я чувствовал всем

585

своим существом, что счастлив. Так сильно по-настоящему великий человек может подействовать на других смертных. Его голос был пустым, как у умирающего, и он был слаб, без ореола внешнего величия. Его лицо было маленьким, и разделявшая его белая борода, так же как на портретах, была с одной стороны короче, чем с другой. Слабое, похудевшее тело было согбенно, вся внешность выражала муку — с печатью приближавшегося уничтожения, пощадившего только зеркало души: глаза были молодые и жизнерадостные, дух сильнее смерти».

При Николае II началась полоса ущемления национальных и политических прав финнов. Исповедуя прогрессивные идеи возрождения национальной культуры и независимости от России, Хагельстам вступит в конфронтацию с царскими властями. Свои симпатии к финнам высказал в беседе и Толстой. Однако по цензурным соображениям это не могло быть опубликовано в очерке Хагельстама...

Своей неуёмной проповедью финского национального искусства и оппозицией царизму Хагельстам заслужил личную неприязнь генерал-губернатора Бобрикова, который угрожал упечь строптивного журналиста в Сибирь. В 1903 г. журнал был закрыт, а Хагельстаму пришлось по льду Финского залива бежать в Швецию. До получения Финляндией независимости он пребывал в эмиграции, в основном в Париже. В 1919 г. был назначен на должность пресс-атташе финляндского посольства во

Франции и до конца 1920-х гг. служил в министерстве иностранных дел. Умер Хагельстам в 1932 г, в Хельсинки.

Лит.: Шалюгин Г.А. Гость из Финляндии (Вентцель Хагельстам) // Шалюгин Г.А. Чехов: «жизнь, которой мы не знаем...». Симферополь, 2005. С. 167-187.

Г.А. Шалюгин

ХАДЖИ-МУРАТ (конец 1790-х—1852) — один из самых способных и энергичных вождей горских племён Кавказа первой половины XIX в. во время Кавказской войны. Известность его началась с 1834 г. Хаджи-Мурат вырос в доме ханши, главной правительницы Аварии, где считался названным братом трёх её сыновей. В то время аварские ханы не враждовали с русскими, стараясь сохранять с ними мирные отношения. Но в 1834 г. горцы, враждебно настроенные по отношению к русским, провозгласили «хазават» — священную войну мусульман против «неверных».

После убийства религиозного наставника мусульман Кази-Муллы во главе хазавата стал Гамзат. Он уговаривал ханов, названных братьев Хаджи-Мурата, отвернуться от русских, перестать их бояться и присоединиться к хазавату. Коварно заманив в западную ханшу и её сыновей, Гамзат убил их. В этом участвовал и Шамиль, будущий имам Кавказа. По мусульманским законам Хаджи-Мурат должен был отомстить кровной мезтью убийцам своих названных братьев.

Ловкий, умный и смелый, Хаджи-Мурат сумел убить Гамзата, но на его место стал Шамиль, другой его враг. Хитрый и коварный Шамиль, цenia достоинства Хаджи-Мурата и понимая, сколько пользы может принести ему лично и всему хазавату этот человек, стал звать его к себе — воевать против русских. Но Хаджи-Мурат отказался. Этими разногласиями между самыми влиятельными кавказскими вождями воспользовался русский генерал барон Розен, чтобы переманить на свою сторону бесстрашного горца, уважаемого своим народом. Однако русские не слишком доверяли Хаджи-Мурату, понимая, что тому гораздо ближе интересы горцев. Потому, когда поставленный русскими новый правитель Аварии Ахмет-Хан оклеветал Хаджи-Мурата перед русским генералом Ключенау, обвинив в тайных сношениях с Шамилем, а потом арестовал, заковал в цепи и под конвоем вывел из Тифлиса, Хаджи-Мурат бежал от Ахмет-Хана, рискуя жизнью, прыгнул с кручи, изуродовав себе ногу. Тогда-то Шамиль, видя безвыходное положение Хаджи-Мурата, предложил ему перейти в его лагерь, обещая в управление Аварии и свою помощь в убийстве Ахмет-Хана. Хаджи-Мурат перешёл к Шамилю и много лет воевал с русскими, прославившись своими победами и бесстрашием.

Шамиль всё больше видел в Хаджи-Мурате соперника. Спасая свою жизнь, в ноябре 1851 г. Хаджи-Мурат перешёл на сторону русских (с этого и начинается повесть Толстого), оставив свою семью во власти Шамиля, который грозился убить её. Жить ему оставалось недолго: в апреле 1852 г., не дождавись от русских обещанной помощи в вызволении его семьи, он бежал в горы, чтобы самому спасти близких, и погиб при перестрелке около города Нухи.

Имя Хаджи-Мурата впервые Толстой упоминал в письме из Тифлиса брагу С.Н. Толстому 23 декабря 1851 г.: «Ежели захочешь щегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях передался русскому правительству, — писал Толстой. — Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость» (ПТСБ. С. 94-95).

586

Приступая к работе над повестью «Хаджи-Мурат», Толстой основательно изучал исторические материалы, в т.ч. выписки из дневника М.С. Воронцова, на основании которых все события, связанные с последним годом жизни Хаджи-Мурата, можно было датировать точно. Он читал и материал В.А. Потто в «Военном сборнике» (1870) — биографию Хаджи-Мурата, составленную на основе его записки, где он сам изложил события своей жизни, — и рассказ Хаджи-Мурата, записанный М.Т. Лорис-Меликовым. Писатель сопоставил эти две записки, взяв за основу собственное изложение событий своей жизни Хаджи-Муратом, найденное Потто в архиве.

Образ Хаджи-Мурата у Толстого не только соответствует исторической правде — он получился очень живым и психологически правдивым. Для писателя было важно понять мотивы поступков Хаджи-Мурата, которые были непонятны русским. Эти мотивы объяснялись особенностями кавказских традиций, когда кровная месть за убитых родственников и интересы клана — непререкаемый закон, неисполнение которого считалось для мужчины несмываемым позором. В этом смысле Толстой создал гораздо более достоверный образ Хаджи-Мурата, чем разных времён справочные и энциклопедические издания, дававшие разную политическую оценку характеру и поступкам легендарного горца.

М.Е. Суровцева

ХИЛКОВ Дмитрий Александрович (1857/18587-1914), князь — бывший офицер лейб-гвардии, крупный помещик Полтавской губ. После окончания Пажеского корпуса поступил на военную службу, участвовал в

Русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг. Во время сражения Хилков убил турка и, испытав отвращение к убийству, уже более не стрелял, хотя оставался в продолжение трёх лет на военной службе. В 1884 г. поселился на принадлежавшей ему земле в Сумском уезде Харьковской губ. Во второй половине 1880-х гг. оказался в числе единомышленников Толстого. Под влиянием прочитанного во французском переводе трактата Толстого «В чём моя вера?» отказался от своих имений и дворянских привилегий, продал за незначительную плату 430 десятин земли и занялся земледельческим трудом на семи десятинах. Общие положения толстовского учения Хилков перевёл в сферу практического опыта.

Толстой узнал о Хилкове от его двоюродного брата Н.Ф. Джунковского, который в ноябре 1886 г. был в Ясной Поляне. «Людей братьев по вере всё прибывает, — тогда же писал Толстой Н.Н. Ге-отцу. — Ныне уехал один лейб-уланский блестящий офицер Джунковский, едет к Хилкову; Хилков же ещё более блестящий богатый князь 22 лет, полковник, который бросил всё и живёт на крестьянском наделе, работая с мужиками. Человек большого ума и образования и большой силы добра по всему, что я о нём знаю» (63: 403). Через несколько дней Толстой признавался В.Г. Черткову: «Радовали меня за это время Джунковский и его рассказы про Хилкова. Какой слуга Божий!» (85: 411).

Лично Толстой и Хилков познакомились в 1887 г. Толстой был искренне заинтересован в продолжении дружеских отношений с молодым единомышленником: «Я пожалел, полюбил вас, и мне захотелось быть полезным, помочь вам, облегчить вашу жизнь. Не думайте, чтоб я хотел научить вас — учитель у нас один — истина, а мне хочется сделать для вас то, чего мне так часто хотелось и теперь и всегда хочется, чтобы другой человек со мной вместе нёс мои радости и горести, просто жалел и любил меня» (64: 133). В конце 1880-х - начале 1890-х гг. Толстой активно переписывался с Хилковым, высказывая важные для себя мысли: «Если же понимать меня, как слабого человека, то несогласие слов с поступками — признак слабости, а не лжи и лицемерия. И тогда я представляюсь людям тем, что я точно есть: плохой, но точно всей душой всегда желавший и теперь желающий быть вполне хорошим, т.е. хорошим слугою Бога» (66: 149). Тематика писем к Хилкову разнообразна, но тон изложения всегда предельно откровенен. В письме Толстому 22 марта 1890 г. Хилков сообщал, что 15 числа следователь предъявил ему обвинение в «отпадении от христианства». В апреле Толстой отправил Хилкову несколько писем, в одном из которых писал: «Одна из больших и более всего повредивших распространению христианства ошибок была та, что как евреев внешним образом — обрезанием — присоединяли к вере, так и христиан внешним образом, крещением, присоединяли к вере. А ведь это совсем нелепо и

невозможно. Христианство тем и отличается от еврейства и всех внешних религий (магометанство, церковность), что оно ничего не учреждает, а открывает людям идеал, к которому им свойственно стремиться, и идеал недостижимый, или достижимый в бесконечности. Идеал только направление — как солнце на пути человека» (65: 76). 1 августа 1890 г. в письме к Толстому Хилков поделился своими впечатлениями от встречи с Иоанном Кронштадтским 31 июля в с. Николаевке Сумского уезда Харьковской губ. Это письмо

587

широко распространилось в списках. Толстой отвечал 3 августа: «Рассказ Ваш об Иоанне чудесен, я хохотал всё время, пока читал его вслух. Тут ужасно то, что сделали в продолжение 900 лет христианства с народом русским. Он, особенно женщины, совершенно дикие идолопоклонницы. Тот дух христианский, выражающийся в милостыне, в милосердии вообще, занесён помимо, malgré церкви» (65: 135).

Влияние Хилкова на крестьян, которым он оказывал всяческую помощь, носило выраженный антицерковный характер. Духовенство обвинило его в насаждении сектантства, что послужило основанием для пятилетней ссылки в Закавказье. В 1892 г. за пропаганду против духовенства Хилкова сослали в село Башкичет Ворчалинского уезда Тифлисской губ., в места, где проживали духоборы. Толстой был потрясён этим актом насилия. В апреле 1892 г. он писал И.Б. Файнерману: «...я вижу, что вокруг меня насилуют моих друзей, а меня оставляют в покое, хотя, если кто вреден им бы должен быть, то это я. Очевидно, я ещё не стою гонения. И мне совестно за это. Хилкова водворяют среди духоборцев» (66: 198). Мучительная проблема Толстого состояла в том, что людей, исповедовавших его взгляды, подвергали насилию, ссылали, сажали в тюрьмы, тогда как он сам оказывался неприкосновенным: «Я сам не гоним, но я гонений не боюсь. И если бы работал по случаю гонений, то работал бы прежде всего над тем, чтобы избавить гонителей их от зла. Они, а не гонимые, жалки» (66: 282).

Призывы к жалости к гонителям не выдерживали проверки жизнью. Об этом свидетельствует судьба Хилкова и его детей. Хилков не состоял в церковном браке со своей женой Ц.В. Винер, и его малолетние дети не были крещены. Мать Хилкова, кн. Ю.П. Хилкова, через Победоносцева добилась у Александра III «повеления» передать ей для усыновления детей сына, чтобы крестить их и воспитать в православном духе. Для этой цели она приехала с полицейским приставом к сосланному на Кавказ сыну и его жене «девице Цецилии Винер», как та называлась в официальных бумагах. 21 октября 1893 г. малолетние дети Хилкова Борис и Ольга были увезены от родителей в Петербург.хлопоты Хилкова

не имели последствий. 5 ноября 1893 г. Толстой писал С.А. Толстой: «Известие, полученное мною нынче от Хилкова, страшно удивило меня: его мать приехала к нему с приставом и, отобрав у него детей, увезла их. Трудно даже понять, на чём основываются такие поступки» (84: 204). Между тем сделано это было по «высочайшему повелению» и «с благословения» Иоанна Кронштадтского, который принял участие в крещении детей. Толстой и его друзья пытались помочь Хилкову и его жене в возвращении детей. Сам Толстой поддерживал Хилкова, утешал, горевал вместе с ним: «Меня гнали, и вас будут гнать. Я не могу не повторять этого сам себе; и хотя мне больно, что я повторяю это только о других, я всё-таки не могу не видеть истинности и неизбежности этого. <...> Претерпевый до конца спасён будет. Сколько раз мне случалось раскаиваться, что немного не выдержал и изменил тому, что начал. Вот тут-то нужна вера — не вера в какую-либо метафизическую сущность, а вера в тот закон любви, который могущественнее всего и побеждает всё» (66: 422). 2 января 1894 г. в Москву приехала Ц.В. Винер с надеждой на то, что Толстой исправит подаваемое ею прошение на высочайшее имя. Толстой решил сам написать об этой трагедии императору Александру III по праву «братской любви ко всем людям»: «Государь! <...> Над князем Дмитрием Александровичем Хилковым, отставным полковником, живущим теперь в Закавказском крае, куца он сослан за свои религиозные убеждения, и в особенности над его женой, совершено было в октябре нынешнего (теперь уже прошлого, 93-го) года именем Вашим одно из самых жестоких и возмутительных преступлений, противных всем законам Божеским и человеческим» (67: 4-5). Активная деятельность Толстого и его единомышленников по воссоединению семьи не увенчалась успехом: император не ответил на призывы писателя - судьба детей была предрешена. О развязке семейной драмы Хилкова Толстой узнал осенью 1897 г. из письма Ц. Винер, в котором она поведала о новом любовном увлечении мужа и разрыве с ней (88: 62). (Хилков исповедовал принцип свободных отношений в личной жизни, без юридического их оформления и взаимных обязательств.) В 1901 г. в издательстве «Свободное слово» (Англия) была опубликована книга В.Г. Черткова «Похищение детей Хилковых», дополненная «Записками Д.А. Хилкова», с приложением записок его жены об этих событиях.

Из писем Толстого видно, как высоко он ценил общность взглядов с Хилковым и дружеские отношения с ним: «Мне очень радостно было прочесть в вашем письме, что вы ни в чём существенном - в определении смысла нашей жизни - не думаете иначе, чем я. Это мне особенно радостно...» (66: 220); «Кроме единства взглядов, меня влечёт к вам простая личная дружба» (66:

415). Письма Толстого Хилкову содержат размышления о творческих замыслах и процессе работы над произведениями, о смерти и времени, о соотношении христианства и буддизма, о сути веры и «особенностях христианского высшего жизнепонимания», об отношениях мужа и жены в семье, о гонениях на духоборов и жизни яснополянских крестьян. Толстой исповедовался в этих письмах о том, что не успел сделать, обсуждал программу «Международного Посредника». Очевидно, что диалог с молодым единомышленником был очень важен писателю.

Разногласия между ними впервые обозначились летом 1895 г. Хилков прислал Толстому материалы о гонениях на духоборов на Кавказе и просил опубликовать их в русских или иностранных газетах. Толстой ответил отказом: «Послать ваш рассказ в иностранные газеты считаю тоже излишним, главное, потому что рассказ этот написан очень дурно, и дурно не потому, что в нём нет литературных достоинств, напротив, в нём нет простоты, точности, определённости и правдивости, и тон всего рассказа нехороший — какой-то иронический, шуточный, такой тон, которым нельзя говорить о таких ужасных делах» (68: 132). Спустя год эти противоречия стали более явными: «Другой пункт несогласия с вами — это то, что вы предпочитаете художественный способ изложения простому. Художественный способ изложения — баловство и всегда даёт возможность отмахнуться от того, что не нравится, тогда как простой способ изложения обязателен» (69: 141). Расхождения в эстетических вопросах предопределили будущие этические разногласия бывших единомышленников и отход Хилкова от толстовского учения. Во второй половине 1890-х гг. Хилкова обвинили в распространении толстовства среди духоборов и молокан и он был переведён в глухой армяно-татарский городок Нуху, а затем в Эстляндию. В 1898 г. Хилкову было разрешено выехать из России. На Кипре и в Канаде он занимался организацией переселения духоборов из России и сам встречал первый пароход с переселенцами. В 1899 г. Хилков переехал из Канады в Швейцарию. Все эти годы он не прерывал отношений с Толстым, однако во многом расходился с ним во взглядах, о чём и писал ему. 30 января 1901 г. Хилков написал Толстому об окончательном отходе от его религиозно-нравственного учения и об обращении к революционной деятельности. Толстой отвечал: «...ваше письмо произвело на меня очень грустное впечатление, во-первых, потому, что в нём чувствуется недоброе отношение ко мне, а это всегда больно, особенно когда это ничем не заслужено, как в данном случае, а во-вторых, и главное, <...> вы страшно запутаны в своих взглядах и путаетесь всё дальше и дальше. Откиньте на время все соображения о прошедшем и будущем, все счёты с людьми, поставьте себя лицом к Богу, вспомните, что здесь вам жить придётся,

жить только один раз, и спросите себя: то ли вы делаете и, главное, то ли вы думаете, что нужно. Прощайте и простите» (73: 40). В Швейцарии Хилков со свойственным ему темпераментом погрузился в революционную деятельность. В 1901 г. он организовал в Женеве издание «Народных листков». В «листочке» «Об уличных беспорядках» бывший «толстовец» предлагал рабочим объединяться в «десятки», чтобы организованно выступать во время волнений против гражданского, полицейского и военного начальства. Вернувшись в Россию в 1905 г., Хилков отошёл от революционной деятельности и вновь занялся сельским хозяйством. В 1914 г., после вступления России в войну, он ушёл добровольцем в армию и в том же году был убит под Львовом.

Осенью 1908 г. Толстой, по воспоминаниям Н.Н. Гусева, сказал, имея в виду Хилкова: «Всегда страшно бывает за таких людей, которые сразу так горячо берутся: и имение роздал... А после, если у него не хватит сил, он не будет обвинять себя, а будет обвинять то учение, которое он хотел исполнить: будет говорить, что оно неисполнимо...» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 206).

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

ХИЛКОВСКИЙ <Пётр Алексеевич?> (ум. в 1854 г.) — офицер, сослуживец Толстого на Кавказе, капитан 4-й батареейной батареи 20-й полевой артиллерийской бригады. Характеризуя своё окружение в Старогладковской, 22 июня 1851 г. Толстой писал в Ясную Поляну Т.А. Ёргольской: «Офицеры все, как вы можете себе представить, совершенно необразованные, но славные люди и, главное, любящие Николеньку». И далее в нескольких словах описывал некоторых из этих офицеров: «...старый капитан Хилковский, из уральских казаков, старый солдат, простой, но благородный, храбрый и добрый». Капитан всё более притягивал к себе Толстого, не раз имя его упоминалось на страницах дневника. 21 марта 1852 г. Толстой записал: «...за обедом говорил о пожарах с Хилковским и довольно хорошо. Славный старик! — Прост (в хорошем значении слова) и храбр. В этих двух качествах я уверен; и притом его на-

589

ружность не исключает, как наружность Сулимовского, всё хорошее». Через день в дневнике появилась новая запись о капитане: «Хилковский мне очень нравится, но он как-то на меня неприятно действует, мне неловко на него смотреть, так, как мне бывало неловко смотреть на людей, в которых я влюблён». И ещё короткая запись 5 июля 1852 г.:

«Приехал Хилковский, я был очень рад. Я люблю его». Капитан Хилковский послужил прототипом нескольких персонажей в произведениях Толстого: в рассказе «Рубка леса» некоторые его черты отразились в образе капитана Тросенко, старого кавказца, в «Войне и мире» отдельные черточки облика и характера капитана запечатлены в образе капитана Тимохина и даже самого Кутузова. Но наиболее полно его образ воплотился в фигуре старого капитана Хлопова в рассказе «Набег»: и не только черты внешности и характера капитана, но отчасти, видимо, и судьба его подсказана жизнью Хилковского, и разговор о переводе в Россию тоже не выдуман писателем. Через несколько месяцев после отъезда с Кавказа Толстой получил письмо из Старогладковской о гибели капитана Хилковского. Бывший командир батареи Н.П. Алексеев 21 сентября 1854 г. писал: «Хилковский и Олифер приказали вам долго жить. Как много хлопотал первый о переходе на родину и для чего же? чтобы там лечь костью, дай Бог ему царство небесное! Был добрый и благородный человек и прекрасный товарищ». О капитане Хилковском Толстой помнил всю жизнь. 18 апреля 1910 г. Маковицкий записал в своём дневнике: «Л.Н. хотел вспомнить фамилию капитана из “Набега”: “Ах, капитан батареи, он был старший, спокойный, тихий, прекрасный человек!”».

Лит.: Бурнашёва Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. М., 1999.

Н.И. Бурнашёва

ХИРЬЯКОВ Александр Модестович (1863-1940) — литератор, близкий знакомый и единомышленник Толстого. Учился в 1-ой С.-Петербургской Военной гимназии. В 1883 г. поступил в Лесной институт. Отбывал воинскую повинность в Гельсингфорсе. С осени 1887 г. на службе в собственной его имп. величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Хирьяков вспоминал, что служба была необременительной, но тяготила своей бессмысленностью.

В 1887 г. стал посещать редакцию «Посредника», в мастерских при книжном складе обучался ремёслам, приобщился к кругу толстовцев. В поисках осмысленной деятельности в 1889 г. уехал в Оренбургскую губ., где занялся сельским хозяйством: жили с женой в степях на хуторе близ станции Сырт. Был арестован на месяц за то, что не явился на учебные сборы. Вскоре после освобождения уехал в Воронежскую губ., на хутор Ржевск, к В.Г. Черткову (туда звал его «добрый приятель» И.И. Горбунов-Посадов), где стал работать в редакции «Посредника». В 1890 г. Чертков

предложил вновь уехавшему в Петербург Хирьякову должность агента редакции изданий «Посредника»: работа заключалась в контактах с авторами, хождении в цензуру, покупке книг. Хирьяков стал одним из инициаторов сборника в пользу переселенцев «Путь-дорога» (1893): в сборнике приняли участие Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Н.С. Лесков, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Я.П. Полонский и др.). По вопросам подготовки сборника посетил Лескова, с которым вскоре завязались дружеские отношения. Позже писал: «Может быть, нас сблизила общая любовь к Толстому» (Руль. 1925. 8 марта). В 1893 г. Хирьяков приезжал на дачу к Лескову в Мерекюль, где состоялось чтение трактата Толстого «Царство Божие внутри вас». Полтора года, проведённые у Черткова, и работу в «Посреднике» позже называл «мостом для сближения с Толстым» («Воспоминания о Толстом» — РГАЛИ, ф. 508, оп. 2, е.х. 105).

Толстой знал о Хирьякове, одобрял его статьи; они обменивались письмами. Первая мимолётная встреча произошла во время голода 1891 г., когда Хирьяков ехал из Воронежа в Петербург с Горбуновым-Посадовым. Первая настоящая встреча состоялась в Москве, в Хамовниках в 1892 г., позже Хирьяков бывал в Ясной Поляне, в 1901 г. посещал Толстого в Крыму.

В 1903 г. по приглашению Черткова он ездил в Лондон, куда вывез рукописи новых произведений Толстого «Фальшивый купон», «После бала», «Дьявол», «Отец Сергей».

В начале 1900-х гг. Хирьяков — постоянный автор газеты «Новости» (часто писал под псевдонимом А. Сакмаров). Публицистика Хирьякова выдержана в духе христианского гуманизма, пацифизма и просветительства: так, в связи с Англо-бурской войной высказывал мысль о разоружении; большое внимание уделял реформе среднего образования; писал о смертной казни, отношении к заключённым, церковном обскурантизме; критиковал В.В. Розанова за «восхваление войны»; полемизировал с «Гражданином» и лично кн. Мещерским. В 1906 г. основал и редактировал с группой

590

сотрудников, ушедших из «Новостей», газету «Голос»: писал остропублицистические статьи о деятельности Думы. Газетой был недоволен, считал, как и Толстой, её революционный пафос уступкой общественным настроениям; сам же мечтал издавать газету религиозную. Как формальный редактор газеты привлекался к судебной ответственности; был оправдан, однако по жалобе прокурора приговор отменили и при вторичном разборе дела Хирьяков был приговорён к году крепости. Толстой поддерживал арестованного Хирьякова. Про его

письмо из тюрьмы, где тот описывал своё душевное состояние, Толстой сказал: «Да, это очень сильно. Гораздо сильнее, чем какой-нибудь рассказ Андреева “О семи повешенных”». В ответном письме Толстой написал слова поддержки.

В прозе Хирьякова («Легенды любви» — 1898; «Во что веруют японцы» — 1906; «Источник жалости» — 1910; «Сказание о прекрасном королевиче Бефриаре» — 1910) отразились идеи Толстого. Характерная особенность легенд, в поэтической форме иллюстрирующих евангельские истины, — остранение традиционного христианского содержания за счёт условно-сказочного национального колорита. В то же время в них сказался интерес автора к буддизму и восточным религиям в целом.

Лучшим своим произведением Хирьяков называл книгу «Великая борьба» (1910) — сборник рассказов, в которых излюбленные темы писателя: конфликт между одиночкой-носителем истины и властью, ложное понимание христианского учения, принесение себя в жертву — проиллюстрированы историческими примерами (от древнего мира до современности). Автор считал, что эти рассказы произвели наибольшее впечатление на читателей.

Хирьяков писал рассказы для детей: «Праздник Анюты» (1905); «Обидели» (1909; отд. изд. 1910); «Белый невольник и др. рассказы» (1898). В них он выступил как знаток детской души, будил сострадание к несчастным.

Среди многочисленных статей о Толстом: «После юбилея» (Речь. 1908. 4 сентября), «Последняя встреча с Толстым» (Время. 1910. 1 ноября); «Посмертные произведения Л.Н. Толстого» (Нива. 1911. № 45); «Мои встречи с Л.Н. Толстым» (Новое слово. 1911. № 1) и др. — выделяются статья «Уход в мир» (Речь. 1910. 6 ноября), полемически направленная против тех, кто считал, что Толстой, уйдя из Ясной Поляны, удалился от мира, а также статья «Что нам дал Толстой» (Солнце России. 1913. № 20), в которой Хирьяков призывал читателей сообщить, как конкретно повлиял на них Толстой (получено около 200 отзывов).

В книге «Жизнь Л.Н. Толстого» (СПб., 1911) особое внимание Хирьяков уделял нравственным поискам писателя, эволюции его мировоззрения. Он участвовал в подготовке издательством «Просвещение» Полного собрания сочинений Толстого (1912-1913) как редактор и автор примечаний и вступительной статьи.

Хирьякова нельзя назвать толстовцем. В августе 1909 г. он писал Горбунову-Посадову: «Мы, люди, стоящие вне партий, мы даже не толстовцы...» (цит. по: ЛН. Т. 101. С. 431). Тем не менее именно Толстой в большей степени повлиял на него, его творческую позицию. Интересен в этой связи устный отзыв Толстого о Хирьякове: «Стихи Хирьякова —

совсем бесполезны. Он умный, в шахматы играет, а в религиозном отношении nihil» (*ЯПЗ*. 4. С. 303; ср.: «для него самопознание есть копанье в себе, а не то самопознание, о котором говорит Сократ» — там же. С. 293).

Некоторое время взаимная любовь связывала А.Л. Толстую и Хирьякова. О своих переживаниях и о конечном отказе соединить с ним свою судьбу она писала в дневнике 1914 г. В 1920 г. Хирьяков написал письмо В.И. Ленину в защиту младшей дочери Толстого, арестованной по делу «Тактического центра».

В связи с закрытием издательства «Задруга» в 1922 г. Хирьяков был арестован, но бежал, выпрыгнув из окна Лубянской тюрьмы. В 1923 г. выехав на Дальний Восток корреспондентом газет «Рабочая газета» и «Торговый флот», он решил не возвращаться в Советскую Россию. В 1924 г. участвовал в работе по изданию рукописей Толстого (вместе с С.П. Мельгуновым и Т.И. Полнером подготовил к печати книгу: Толстой Л.Н. Неизданные рассказы и пьесы. — Париж, 1926).

В 1930-е гг. Хирьяков в основном писал о жизни и творчестве Толстого: «В мастерской Толстого» (Меч. 1935. 24 ноября) — анализ рукописей «Войны и мира»; опубликовал неизвестную редакцию «Хаджи-Мурата» (там же. 1938. № 46); «Воспоминания о Толстом», отчасти повторяющие статью «Мои встречи с Л.Н. Толстым», рассказывали о личных встречах с писателем, о впечатлении, которое он производил на многочисленных гостей Ясной Поляны, о некоторых чертах его характера; Хирьяков подчёркивал жизнелюбие Толстого. В позднем стихотворении, написанном к своему 70-летию, он признавался: «Мне Лесков, как ясный

591

месяц, светит и, как солнце, светит Лев Толстой».

Ю.А. Рыкунина, П. Мицнер

ХИРЬЯКОВА Евфросиния Дмитриевна (рожд. Косменко; 1859-1938) — знакомая, корреспондент и адресат Толстого. Жена А.М. Хирьякова; родилась в бедной семье, воспитывалась в сиротском доме, училась в гимназии, жила в доме Н.А. Антиох-Вербицкого, воспитавшего «в ней революционный дух» (*РГАЛИ*, ф. 536, оп. 1, № 33, л. 4); позже сблизилась с революционером Д.А. Лизогубом (прототип Светлогуба в рассказе Толстого «Божеское и человеческое» — см. её «Воспоминания и некоторые сведения о Дмитрие Андреевиче Лизогубе» // *Звенья*. Вып. 1. 1932. С. 482- 499). В 1881 г. сдала экзамен на фельдшера, окончила Еленинские акушерские курсы (1882-1883). В 1888-1889 гг. работала в

Оренбурге фельдшерницей при трудовой артели. В 1890 г. познакомилась с В.Г. Чертковым и по его приглашению в 1891-1892 гг. работала на голоде, цинге и эпидемии холеры в Острогжском уезде Воронежской губ.

В 1898-1899 гг. по предложению Толстого дважды сопровождала духоборов в Америку в качестве фельдшерницы. Разделяла все трудности и невзгоды мужа: осенью 1908 г. была «приговорена по изданию газеты на три недели; кроткая, добрая Ефросинья Дмитриевна!» — записал в своём дневнике Д.П. Маковицкий (*ЯПЗ*. 3. С. 213). 6 мая 1909 г. Толстой вспомнил «про сиденье в тюрьме Е.Д. Хирьяковой: сидела с воровками, проститутками, и они были к ней милы, а надзирательницы грубы» (там же. С. 404). Через три дня «Л.Н. рассказал, что у Чертковых видел Е.Д. Хирьякову. Рассказывала, как надзирательница грубо относилась к заключённым, с ней на ты, “пошла вон!”, а уж Ефросиния Дмитриевна не вела себя так, чтобы вызывать на грубости. Она не протестовала, потому что другим всё-таки будут говорить ты» (там же. С. 406).

С сентября 1923 г. по 1927 г. Е.Д. Хирьякова участвовала в комиссии по приготовлению к печати сочинений Л.Н. Толстого.

Ю.А. Рыкунина, П. Мицнер

ХОЛЛ Болтон (Hall Bolton; 1854-1938) — американский литератор, лектор, корреспондент и адресат Толстого. В личной библиотеке писателя в Ясной Поляне есть две книги Холла, близкого по взглядам Толстому, сторонника и пропагандиста учения Г. Джорджа, друга Э. Кросби (Hall, B. *The Game of life*. - N.Y., 1902; Hall, B. *Life, and love and rease*. - N.Y., 1909). В 1897 г. Холл прислал Толстому своё изложение

Bolton Hall in 1917

трактата «О жизни», одобренное Толстым в письме к В.Г. Черткову. В письме к Холлу 2 марта 1897 г. Толстой замечал: «Надеюсь, что эта книга,

в этой новой форме, будет в том смысле, как я желал, полезнее для более широкой публики, чем оригинал» (70: 41-42). В марте 1908 г. Холл прислал Толстому экземпляр американского журнала «The Single Tax Review» (1908. Vol. 7. № 3), в котором пропагандировались экономические идеи Г. Джорджа. В библиотеке сохраняется этот экземпляр журнала с отмеченной Холлом для Толстого статьёй. 20 сентября 1908 г., как записал Д.П. Маковицкий, Толстой читал книгу Холла «The Game of life», в оглавлении отмечены простым карандашом, вероятно, рукой Толстого названия некоторых рассказов.

Г.В. Алексеева

ХОМЯКОВ Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, драматург, публицист, философ, один из основателей славянофильства.

Толстой познакомился с Хомяковым у К.С. Аксакова в 1856 г., тогда же отметив в дневнике: «Познакомился с Хомяковым. Остроумный человек» (47: 74). Оба писателя были членами Общества любителей российской словесности, на заседаниях которого иногда встречались, спорили. Современники воспринимали Хомякова как неутомимого спорщика, «всегда вооружённого, всегда нападающего». «Ум сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на них, богатый памятью и быстрым соображением, он горячо и неутомимо проспорил всю свою жизнь. <...> Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор...» — так характеризовал Хомякова А.И. Герцен (Былое и думы. Ч. 4. Гл. XXX).

Начало знакомства Толстого с сочинениями Хомякова пришлось на 1857 г. Во время своего первого заграничного путешествия Толстой прочёл брошюры Хомякова о религии. В них впервые было сформулировано хомяковское учение о церкви, наиболее оригинальное в ряду его богословских трудов. В России их издание запрещали. Толстой отметил это чтение в дневнике: «Читал гордые и ловкие брошюры Хомякова» (47: 125). Чуть позже появились записи об «умственном кокетстве» автора брошюр, отталкивал их полемический и элегантный тон: «Хомяков - софизмами оправдывающий веру».

В 1870-е гг., когда Толстой в поисках ответа на вопрос о смысле жизни обращался

592

к мировым религиям, он вновь вспоминал Хомякова. Герой «Анны Карениной» Константин Левин, alter ego <второе я> автора, перечитав «Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра»,

взялся за богословские работы Хомякова, «прочёл второй том сочинений Хомякова и, несмотря на оттолкнувший его сначала полемический, элегантный и остроумный тон, был поражён в них учением о церкви. Его поразила сначала мысль о том, что постижение Божественных истин не дано человеку, но дано совокупности людей, соединённых любовью, — Церкви» (ч. 8, гл. IX). Поиски Толстым веры, его обращение к религии, в которой он хотел найти прежде всего разрешение главного, самого важного вопроса — как ему жить? - слишком серьёзны и не могли быть оправданы софизмами. Тогда же Захарьину Толстой писал, что «ждал большего» от тома богословских сочинений Хомякова (62: 321).

В конце 1870-х гг., когда религиозные искания Толстого особенно усилились, он задумал несколько сочинений, среди героев которых хотел вывести Хомякова (например, «Собеседники»). Тогда же писатель начал произведение, которое не было завершено (впоследствии, по содержанию, озаглавлено редактором: «Прения о вере в Кремле»). Споры между старообрядцами и православными на Пасхальной неделе в Кремле происходили с давних пор; возможно, Толстой слышал о них от самого Хомякова и вывел его в числе действующих лиц как представителя восточного православия, описав его внешность и лицо с «общим выражением умной легавой собаки, сверх которого было ещё выражение чего-то особенно ясного, весёлого, тонкого и вместе с тем твёрдого» (17: 146). В старости Толстой вспоминал Хомякова с большим удовольствием как очень самобытного человека, умного и оригинального.

Известен интерес Толстого к стихотворениям Хомякова. По воспоминаниям А.А. Толстой, посетившей Ясную Поляну в 1887 г., Толстой «часто читал <...> любимые его стихи Тютчева и некоторые Хомякова, которые он ценил особенно» (ПАТ. С. 35).

В яснополянской библиотеке сохранился поэтический сборник Хомякова с пометами Толстого. Особенно ему нравилось стихотворение «Звёзды», где картине бесконечного звёздного неба противопоставлена не менее величественная и таинственная картина нравственного мира. Толстой вспоминал это стихотворение в письме к В.Г. Черткову, назвав его по одной из строк «Тьмы за тьмами»: «Как часто вспоминаю стихи Хомякова “Тьмы за тьмами” и что больше понимаю, то дальше открывается. Конца нет. Это особенно чувствовал последнее время, думая о жизни» (86: 39).

Звёзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа,
И зажжётся их огнями
Сердца дремлющая мгла.

Лит.: Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969; Дробат Л.С. «И зажжётся их огнями сердца дремлющая мгла» // «Толстой — это целый мир». М., 2004.

Л.С. Дробат

ХОМЯКОВ Дмитрий Алексеевич (1841-1919) — литератор, публицист, церковный деятель; сын А.С. Хомякова, издатель его сочинений; знакомый Толстого. Много сил и времени отдавал деятельности в сфере образования: основал и содержал два образцовых народных училища, был почётным блюстителем (попечителем) ряда школ в волостях Тульского уезда. Неоднократно избирался членом Тульской уездной земской управы и Губ. земского собрания.

Хомяков трактовал православие как вселенскую религию, был сторонником самодержавия, придерживался славянофильских взглядов. Основное достоинство самодержавия видел в том, что оно более других форм власти сопряжено с личной и нравственной ответственностью. Полагал, что идея царя-самодержца неразрывно связана с пониманием священности власти, жертвенности, несения тяжелейшего бремени. Хомяков считал, что, начиная с Петра I, самодержавие Московского царства стало уступать место абсолютизму западноевропейского типа, это и повлекло множество бед для жизни народа — «коллективной индивидуальности».

Знакомство Толстого и Хомякова состоялось в 1877 г. в Туле, куда Толстой ездил «как гласный, на земское собрание». Об этом знакомстве он сообщил Н.Н. Страхову в письме 17-18 декабря 1877 г., охарактеризовав Хомякова как «очень хорошего и умного человека» (62: 361). Вторая встреча произошла в конце сентября — начале октября 1879 г. Разговор с Хомяковым вёлся о церкви (см.: 62: 499). Инициатива встречи, видимо, исходила от Толстого, в то время напряжённо искавшего ответы на вопросы, связанные с верой, её местом в жизни человека: писатель готовился к созданию религиозно-философского труда, названного позднее «Исследование догматического богословия».

593

В планах и вариантах «Исповеди», после переработки первой главы «Исследования догматического богословия» выделенной как самостоятельное произведение, есть абзац, подтверждающий, что разговор с Хомяковым был важен для Толстого. «Я долго занимался тем, — писал Толстой, — что всех людей моего круга, знакомых и незнакомых, допрашивал: верят ли они или не верят? И оказалось, что из людей моего разбора — учёных, за самыми редкими исключениями, никто не говорил,

что верит. Верующими называли себя или попы, положение которых заставляет их утверждать свою веру, или чудаки, из упрямства, с злобой, не столько для своих личных нужд, сколько для спора, уверявшие, что они верят в Бога; или такие, что для каких-нибудь политических или корыстных несознанных целей говорили, что верят; или же очень глупые люди; или ещё явившиеся в новое время женщины и мужчины из учёных, говорящие о какой-то особенной вере <одни по-Хомяковски, другие по-Редстоковски>. Но, несмотря на то, что я знал теперь, что единственно возможное знание жизни может быть открыто знанием веры, я видел, что то, что выдавали эти люди за веру, не было знание веры — то, которое даёт смысл жизни» (23: 501).

Кабинет Д.А. Хомякова в его московском доме (в центре – Д.А. Хомяков, слева от него – иеромонах Алексей (Симанский, впоследствии – 13-й Патриарх Московский и всея Руси), справа – В.Ф. Джунковский)

Работая над «Исследованием догматического богословия», Толстой прочитал ряд сочинений, раскрывающих понятие Церковь. Среди них была и вышедшая 1 мая 1882 г. в газете «Русь» (№ 18) статья «По поводу статей о русском церковном управлении г. Ив.-П. в “Руси”», подписанная инициалами Д.Х. (так подписывал свои печатные работы Хомяков). Эта

публикация была ответом на статьи Ив.-П. (А.М. Иванцов- Платонов) «О русском церковном управлении», напечатанные в «Руси» в 1882 г. (№ 1-5, 7-8, 10-16). Прочитав статьи Хомякова, Ив.-П., а также статью В. Соловьёва «О духовной власти в России (по поводу последнего пастырского воззвания Св. синода)» (Русь. 1881. № 56), Толстой начал писать статью «По поводу статей Соловьёва, Ив.-П. и Д.Х.». Эта статья, названная сначала «Что такое Церковь?», была включена в XIII главу «Исследования догматического богословия». Впоследствии в сокращении она вошла в «Исследование догматического богословия» без упоминания работ Соловьёва, Ив.-П., Хомякова, вызвавших её появление. Критика Толстым положения о «непогрешимости иерархии» составляет основу XIII главы «Исследования догматического богословия».

В 1884 г. Хомяков дважды бывал у Толстого в Москве: 11 марта и 15 апреля. Сведения о встречах содержатся в лаконичных записях, сделанных Толстым в дневнике.

В 1891 г. контакты Толстого и Хомякова возобновились по случаю трагической ситуации — голод, охвативший почти половину российских губерний. Хомяков, владелец имения в Богучарове Тульского уезда Тульской губ., присоединился к помощи голодающим крестьянам, организованной Толстым. Он откликнулся на просьбу Толстого выделить дрова крестьянам, находящимся в бедственном положении. «Отчёт с 3 декабря 1891 г. по 12 апреля 1892 г.», сделанный Толстым и содержащий информацию об использовании денег, продовольствия и вещей для поддержки голодающих крестьян, отражал и участие в этом Хомякова. В отчёте Толстой писал: «Благодаря щедрым пожертвованиям нам дров: от Д.А. Хомякова 50 сажень, г. Рубцева — 7 вагонов, М.А. Сабашниковой - 4 вагона и, главное, заботе П.А. Усова и г-на Рубцева, которые доставляли нам дрова из Смоленска по дешёвой цене, <...> мы могли, кроме того, что понадобилось нам на столовые, раздать населению более 300 саж. дров» (29: 148).

В начале февраля 1906 г. Толстой, прочитав «прекрасную брошюру Д. Хомякова» «Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия)». Прилож. к соч. А.С. Хомякова. Рим, 1899. Изд. 2-е. М., 1905 (сохранилась в яснополянской библиотеке с многочисленными пометами Толстого). В дневнике появилась запись: «Всё хорошо». Однако некоторые мысли Хомякова показались ошибочными. «Горе в том, — продолжил Толстой, — что он считает христианство и православие равнозначущими и к духовным требованиям жизни причисляет быт. Это уже совсем неверно и явный софизм» (55: 188).

Под впечатлением от брошюры Хомякова 6 февраля 1906 г. Толстой изложил в дневнике свои мысли о сущности власти, о политическом устройстве жизни людей: «Народ, как и человек, может ставить главным

условием своего блага материальное преуспевание, и тогда благоустройство политическое для него дело первой важности; и может — народ так же, как и человек, — ставить высшим условием своего блага свою духовную жизнь, и тогда материальное преуспевание и политическое благоустройство для него не только неважно, но напротив, если он должен принимать в этом политическом устройстве участие. Западные народы принадлежат к первому типу, восточные, и в том числе русский, — ко второму. Это мысль Хомяковых — отца и сына. И мысль совершенно верная. Но если

594

русский народ, дорожа своей духовной жизнью, которая выражалась в православии, мог довольствоваться самодержавием русских царей, охотно подчиняясь их власти, даже когда она была жестока, только бы самому быть свободным от участия в насилии власти, то это не доказывает того, чтобы такое отношение к власти — повиновение ей — должно бы было всегда продолжаться. <...> Отношение народа к власти неизбежно изменяется с двух концов: власть становится хуже, жесточе, противнее духовному складу народа, и духовные требования народа становятся чище, выше» (55: 188-189).

Вопросы, поднятые Хомяковым в брошюре «Самодержавие», Толстой считал чрезвычайно важными. Соображениями по поводу этого сочинения он охотно делился и со своим окружением, и с посетителями Ясной Поляны. Большинство положительных высказываний Толстого о брошюре Хомякова пришлось на февраль — июнь 1906 г. (см.: *ЯПЗ*. 2. С. 40, 41, 43, 46, 49, 52, 54, 59, 73, 84, 107, 109, 133, 156).

Впечатление от брошюры было настолько сильным, что Толстой даже решил написать к ней предисловие, которое первоначально назвал «Две дороги», позднее оно выросло в самостоятельную статью «О значении русской революции». В вариантах статьи Толстой дважды упоминал «очень интересную и умную» работу Хомякова «Самодержавие, опыт схематического построения этого понятия» и ссылаясь на «совершенно верно определённое Хомяковым различие между восточными и западными народами» (36: 509, 512).

Отношение Толстого к Хомякову наиболее полно передают слова, сказанные им 6 июня 1906 г. посетителю Ясной Поляны, сотруднику газеты «Новое время» Ю.Д. Беляеву: «Он <Хомяков> самобытный мыслитель. Можно с его мыслями не соглашаться, но они наводят на размышление, дают новые мысли» (*ЯПЗ*. 2. С. 156).

М.А. Лукацкий

ХОУЭЛЛС Уильям Дин (Howells William Dean; 1837-1920) — американский писатель, литературный критик и издатель. 8 сентября 1889 г. Толстой читал книгу Хоуэллса «The Rise of Silas Lapham». Boston, 1884 (сохранилась в яснополянской библиотеке). В дневнике записал: «Целый день читаю Howells Silas. Недурно» (50: 138). Роман «An Undiscovered country» («В неведомой стране») был переведён по рекомендации Толстого. Он отмечал в одном из писем 21-22 июля 1890 г. «роман Howells, лучшего и очень замечательного американского романиста, с хорошим современным содержанием и прекрасно написанный» (65: 130). 12 декабря 1898 г. сообщал Э. Мооду: «Howells мне особенно симпатичен по всему, что я знаю о нём» (71: 512).

Знакомством с творчеством Толстого Америка во многом обязана Хоуэллсу, который первым из критиков достойно представил художественные и публицистические произведения русского писателя. Мнение такого авторитетного критика было важно и для американских читателей, и для специалистов по литературе. До конца жизни Хоуэлл не переставал восхищаться Толстым-художником и мыслителем. Он писал: «То, что сделал Толстой, просто чудесно. Он не мог бы сделать ничего больше. Для дворянина больше. Для дворянина с таким аристократическим происхождением отказаться от того, чтобы на тебя работали, настоять на том, чтобы всё делать своими руками, разделять по возможности нужду и труд крестьян, которые до недавнего времени были классом рабов, является величайшим поступком. Но разделить их бедность для него невозможно, потому что бедность — это не недостаток вещей или продуктов, а страх нужды. А этого Толстой не мог знать» (цит. по: Hunter, R. Poverty. — N.Y., 1904). Творчество Толстого оказало безусловное влияние на Хоуэллса, что особенно ярко проявилось в его романе «Энни Килберн» (1888). Хоуэлл писал о значении Толстого в своей жизни и творчестве: «...он повлиял на меня не только эстетически, но и этически, так что я уже не смотрю на жизнь так, как смотрел до открытия Толстого» (Howells W.D. My literary passions. NY, 1895. P. 252-253). Хоуэллс подчёркивал первостепенное значение нравственно-философских сочинений Толстого, при этом признавая абсолютное совершенство его художественных произведений.

Г.В. Алексеева

ХОХЛОВ Галактион Иванович (род. в 1842 г.) — московский купец, биржевой маклер. Корреспондент и адресат Толстого. Отец П.Г. Хохлова.

В октябре 1889 г. написал Толстому, что сын его под влиянием взглядов Толстого решил выйти из училища, просил отговорить его от

этого опрометчивого поступка. «Мы, его родители, — писал он, — я, отец, старый и больной человек, и мать его, жена моя, слабая, болезненная женщина, и он у нас единственная опора» (64: 319). 17 декабря 1889 г. Толстой записал в дневнике: «получил письмо» «тяжёлое от Хохлова,

595

отца, с упрёками о гибели сыновей через меня» (50: 193). Так состоялось заочное знакомство. Отношения отца и сына Хохловых не улучшались. В техническом училище от П.Г. Хохлова требовали свидетельство о «говении», но его не было, ибо он отказался исповедоваться священнику. 26 сентября 1891 г. он писал Толстому, что «требования о говении не исполнил», а потому его хотят исключить из училища. Это обстоятельство вызвало гнев Хохлова-отца, считавшего Толстого виноватым в «гибели» Хохлова-младшего.

Толстой сочувствовал Хохлову в ситуации с его сыном, и в их переписке обсуждалась в основном эта тема. Толстой ему советовал: «...постарайтесь не сердиться на вашего сына, подавить в себе чувство оскорбления, если вы его испытываете, вызовите в себе самые лучшие чувства ваши к сыну и только в таком миролюбивом и любовном настроении говорите с ним. Вы покорите его любовью» (64: 319).

Н.И. Бурнашёва

ХОХЛОВ Пётр Галактионович (1863 - после 1905) — последователь Толстого, его корреспондент и адресат; сын Г.И. Хохлова; бывший студент Московского технического училища.

Бывал в Ясной Поляне и московском доме Толстых. 21 марта 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Хохлов покидает техническое училище, дом и идёт в деревню. Жутко, знаю, что не выйдет то, чего он жаждет, но стремление к чистоте, отречение — хороши и должны принести плоды» (50: 55). 20 ноября, прочитав в газете о праздновании юбилея германским императором, Толстой в дневнике записал новый замысел: «сопоставить — отказ от воинской службы замарашки Хохлова, которого признают сумасшедшим, и праздник — артиллерия, речь императора, маневры и т.д.». Писатель хотел, чтобы эта «тема писания» не «закисла», и молил Бога, чтобы тема «о войне и отказе созрела» и чтоб он её написал (50: 180-181).

17 декабря 1890 г. С.А. Толстая записала в дневнике, что «приехали тёмные», среди них «глупый толстый Хохлов из купцов». «И это последователи великого человека! Жалкое отродье человеческого

общества, говоруны без дела, лентяи без образования» (ДСАТ. 1. С. 133). С.А. Толстую Хохлов «раздражал своей молчаливостью и бесцветностью» (там же). Раздражал ещё и по другой причине. 2 января 1895 г. она записала в дневнике: «Сегодня ночью в 4 часа разбудил меня звонок. Я испугалась, жду, - опять звонок. Лакей отворил, оказался Хохлов, один из последователей Лёвочки, сошедший с ума. Он преследует Таню, предлагает на ней жениться! Бедной Тане теперь нельзя на улицу выйти. Этот ободранный, во вшах, тёмный, везде за ней гоняется. Это люди, которых ввёл теперь Лев Николаевич в свою интимную семейную жизнь, — и мне приходится их выгонять» (ДСАТ. 1. С. 224). Иногда настроение С.А. Толстой менялось: «Стало мне болезненно жалко сошедшего с ума Хохлова...» (запись 21 февраля 1895 г.; там же. С. 237).

Толстой иначе относился к Хохлову. В воспоминаниях А.Г. Русанова приводится размышление Толстого о Хохлове, «которому вскоре предстояло отбывать воинскую повинность»: «Ужасно мне жаль Хохлова, — сказал Лев Николаевич, — мучается он оттого, что задался высокими целями, которые трудно достижимы; трудно, приходится бороться, ну и терпи и не мучай других из-за этого, и главное — не превращайся в человека, нарушающего из-за этого простые правила общежития. И что тут думать, что сказать и как поступить? Если искренне хочешь на деле осуществлять свои убеждения, помни слова евангелия: в то время Дух Святой будет говорить за вас. Иначе это придуманные, не свежие, не искренние и речь и поступок» (Русанов. С. 125). 9 марта 1894 г. Толстой писал Б.Н. Леонтьеву: «Вы спрашиваете про Хохлова. Он всё это время продолжал быть в том же тяжёлом неопределённом и нерешительном положении. На его несчастье с его воинской повинностью случилось какое-то недоразумение, ему дали паспорт с надписью, что он зачислен в ополчение, и до сих пор не требовали его. Я думаю, что для него было бы гораздо легче, если бы его призвали. А то эта неопределённость дурно влияла на него. Вчера ещё я долго беседовал с ним, уговаривая его жить пока с отцом, и он, казалось, соглашался; нынче же он утром зашёл проститься, сказав, что идёт на юг, сам не зная куда. Что с ним будет? Нельзя предвидеть, но думаю, что он будет служить делу Божьему. Как? Нельзя себе представить; но в нём слишком много не хорошего, но сознанного Божеского, чтобы он не был так или иначе слугой его» (67: 75). Через три дня в письме к Л.Л. и Т.Л. Толстым: «Вчера томил меня Хохлов целый *avant soiree*, и мне казалось, что я уговорил его жить с отцом, удовлетвориться самым первым требованием нравственности, но нынче он пришёл утром сказать, что он идёт ходить <...> куда глаза глядят. Очень жаль мне его, и всё в совести сосёт что-то, что не я ли и насколько я виною этого разлада» (67: 78). В начале

апреля Толстой писал Е.И. Попову: «Вчера встретил на улице Хохлова оборванного, обовшивевшего и измученного. Я много говорил с ним — и боюсь сказать, чтобы не ошибиться, — но мне кажется, что он выйдет на путь. Надо бы ему выйти, потому что всё, что он делает, он делает только во имя самого хорошего. И мы не судьи. Он знает, что ему хорошо» (67: 97). Толстой, видимо, не был до конца уверен в психическом нездоровье Хохлова; 22 октября 1894 г. он опять писал Попову, уже из Ясной Поляны: «Вчера пришёл сюда Хохлов. Вот тоже искушение. Он больной душевно, т.е. очень приблизившийся к полюсу безумия, и помочь ему я, по крайней мере, чувствую, что не в силах, а оставить его, отвернуться от него, тоже ещё менее в силах. Хотел он уходить, но всё остаётся. Я умолял его, чтобы он вернулся к отцу и в физически спокойном состоянии трудился бы над установлением добрых, любовных отношений с людьми, которые он все потерял и от этого ужасно несчастлив» (67: 253).

Весной 1895 г. Толстой несколько раз посещал Хохлова в Преображенской психиатрической больнице в Москве и собирался «написать о жестокости этого насилия» (запись в дневнике 27 марта): он «не ожидал такой подлости и жестокости врачей» (14 апреля). «Не знаю, как помочь ему», — запись 28 апреля. 31 августа Хохлов исчез из больницы. Толстой писал его отцу: «Если бы он пришёл к нам. Сейчас извещу вас. Очень соболезную и ему и вам и сам душою страдаю о нём» (68: 185). Судя по письмам, Толстой действительно страдал душою за Хохлова, уделяя ему и время, и внимание. Покинув больницу, тот в конце октября появился в Ясной Поляне, и Толстой подробно в письме рассказал жене эту ситуацию: «Хохлов пробыл здесь день. Я уговорил его ехать назад к отцу и взять от меня 3 р. на дорогу. Это стоило мне большого нравственного усилия. Вообще все разговоры с ним. Он решительно душевно болен и очень жалок». Далее описывались встреча и диалог с Т.Л. Толстой, после чего, продолжал писатель, «он был очень сконфужен, но, по крайней мере, в этом отношении успокоился. Я всячески убеждал его поселиться у отца и там, отдохнув от той аскетической жизни, которую он ведёт, — он в лаптях, во вшах, — избрать себе какое-нибудь дело, а главное, сделать так, чтобы люди не боялись его, как теперь, а любили бы его, постараться быть полезным и приятным людям.

Он слушается меня, когда я говорю ему, но потом опять — забывает. У него нет воли, — инициативы никакой (84: 229).

Н.И. Бурнашёва

ХЭПГУД Изабелла Флоренс (Hargood Isabel Florence; 1850-1928) — американская писательница, переводчица, журналистка, корреспондент, адресат, посетитель Толстого, автор работ о нём. Прекрасно владела несколькими европейскими языками, а также русским и старославянским. Переводила Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лескова, Горького. Перевела многие произведения Толстого. В.В. Стасов писал Толстому о Хэпгуд: «...её считают лучшей переводчицей современных русских писателей на английский. Но всего лучше она переводит Вас и Гоголя <...>. Не надо мне прибавлять, что Льва Толстого она — боготворит» (*ОР ГМТ*). В 1887 г. написала статью «Count Tolstoi and the public censor» (*Atlantic Monthly*. 1887. Vol. 60. № 357). Впервые побывала у Толстого в Москве 25 ноября 1888 г. С.А. Толстая пригласила её в Ясную Поляну летом 1889 г. О своём посещении Толстого писала в статье «Count Tolstoy at home», опубликованной в «*Atlantic Monthly*» (1891. Vol. 68. № 409); перевод был опубликован в «*Историческом вестнике*» (1892. № 1). В 1892-1893 гг. для голодающих в России организовала сбор пожертвований, которые пересылала Толстому. Толстой неизменно благодарил её за труд и помощь в пользу голодающих. Хэпгуд перевела севастопольские рассказы, трилогию «*Детство. Отрочество. Юность*», «*Так что же нам делать?*», «*О жизни*», но в письме 28 апреля 1893 г. отказалась переводить трактат «*Царство Божие внутри вас*» ввиду несогласия с точкой зрения автора: «...мои убеждения не позволяют мне переводить эту книгу» (*ЛН*. Т. 75. Кн. 1. С. 412). По той же причине ещё ранее отказалась переводить «*Крейцерову сонату*», полагая, «что эта книга не принесёт никакой пользы людям» (*Nation*. 1890. 17 April). Принимала участие в подготовке 22-томного собрания сочинений Толстого в Соединённых Штатах (N.Y., 1902). Опубликованную в 1891 г. в журнале «*Independent*» статью «*Прогулки по Москве с графом Толстым*» включила впоследствии в свою книгу: Hargood, I.F. *Russian Rambles*. - NY, 1895. В яснополянской библиотеке сохранились переводы Хэпгуд произведений Толстого; на книгах — дарственные надписи переводчицы.

Г.В. Алексеева

Ц

ЦВЕЙГ Стефан (1881-1942) — австрийский писатель, новеллист, романист; автор литературных биографий. Ещё в гимназические годы и позднее, в Венском и Берлинском университетах, он углублённо читал русских классиков. Толстой был одним из его кумиров. «Когда его читаешь, — говорил писатель, — кажется, что ничего другого не делаешь, как смотришь через открытое окно в действительный мир». В год столетнего юбилея Толстого мастер жанра «романизированной биографии» создал этюд «Лев Толстой». В этюде Цвейга Толстой, переживший духовный кризис, представлен как человек «непоколебимой жизненной силы», вступивший в борьбу с «невыразимым трагизмом тленности», которая «чёрной бездной» разверзается «за спиной бытия». Цвейг, филигранно используя возможности слова, рисует картину, когда у Толстого «из мистического страха перед пустотой вырастает новый творческий трепет перед Вселенной, из совершенного самоотречения для художника возникает задача ещё раз — и теперь уже в моральном плане — построить свой мир». Цвейг видит, как происходит чудо воскресения и как рождается тот «Толстой, которого не только как художника, но и как самого человеческого человека боготворит всё человечество».

В этюде австрийского писателя преобразование Толстого, «гиганта воли», привело к тому, что он стал «искусственным христианином», борющимся с грехами, соблазнами, суевериями этого мира, проповедуя созданное им учение — по-своему истолкованное «евангельское слово». Толстой всегда «пламенный и неудовлетворённый», по мнению Цвейга, «никогда не был христианином» нашедшим «покой в Боге» и живущим «в терпеливом смирении». Он был «вечно беспокойным богоискателем», пытавшимся «благодаря насильственному обращению» стать «службой Бога», «братом своим братьям». Цвейг проводил мысль о несостоятельности толстовского учения, стержнем которого является принцип непротивления злу насилем. Обосновывал он это тем, что учение Толстого покоится на неверной идее, согласно которой

моральные усилия, предпринимаемые человеком, способны радикально преобразить его эгоистическую плоть, а значит, и мир вокруг него. Цвейг опровергал эту неверную, по его мысли, идею примером жизни самого Толстого: «обращение» действительно кардинально изменило его взгляды, но не «его натуру». «Жизнь, — писал Цвейг, — допускает исправления, шлифовку, заострение, и этическая страсть может — правда, упорной работой — поднять нравственные, моральные качества, но никогда не может просто стереть основные черты нашего характера, перестроить в ином архитектурном плане плоть и дух».

Вне всякого сомнения, отмечал Цвейг, грандиозные попытки Толстого нравственно переустроить мир «с небывалой силой углубили совесть» поколения. Но не должно без оглядки верить тому, что «воздержание определяет всю жизнь», что следует «обескровить нашу земную мирскую страсть и обременять себя только обязанностями и библейскими изречениями». Нельзя забывать о «созидательном живительном могуществе радости» жизни. В оценке Цвейгом учения Толстого отчётливо видны его симпатии теории Фрейда, которой автор был увлечён в период создания этюда о Толстом.

Иначе, чем учение Толстого. Цвейг оценивал итоги жизни этого «величайшего и могущественнейшего мужа своей эпохи». Его жизненный путь отразил

598

нравственные чаяния всех людей и обрёл значение символа — победы совести над злом мира. Жизнь Толстого стала «возвышенной легендой человечества», примером для всех поколений. Он был «больше человеком, чем другие, более нравственным, зрячим, бдительным и страстным», «его героическое стремление к облагораживанию мира испытанием и совершенствованием собственной души» способствовало «возвеличиванию всего человечества».

М.А. Лукацкий

ЦВЕТКОВ Николай Васильевич (1853-1916) — яснополянский крестьянин; охотник, рыбак. Ученик школы Толстого 1860-х гг., его тетрадь по Священной истории хранится в ГМТ. В школьные годы Коля Цветков был близок к дому Толстых. С семьёй Толстых ездил по окрестностям и в Тулу. Т.А. Кузминская вспоминала: «...мальчишка с деревни, ученик Льва Николаевича — Николка Цветков, чёрненький, живой мальчик, очень затейливый, начитавшийся школьных книг. Дорогой он часто повторял наизусть разные прочитанные им монологи».

При поездке в Тулу в октябре 1863 г. «Николка на своей лошадейке плетётся сзади. Он и в темноте не остаётся спокойным, выкрикивая протяжным голосом: “Генерал-фельдмаршал князь Барятинский!” Николка начитался про Барятинского, ему нравится это имя, и он сам чувствует в себе воинственный дух. Или же, слыша у нас в доме пение тогдашнего модного романа “Скажите ей”, Николка громким голосом запевал: “Скажите ей... — и говорком продолжал: — что у меня портки худые. Или: — Скажите ей... что меня пчёлы искусали!” При этом я слышу в темноте добродушный смех Льва Николаевича» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. XVI). У Толстого бывали какие-то общие дела с Цветковым, в 1880-е гг. они часто встречались.

Н.И. Шинкарьюк

ЦИНГЕР Александр Васильевич (1870-1934) — знакомый и посетитель Толстого; автор воспоминаний «У Толстых»; физик, профессор Московского университета; автор научных книг и учебников.

«Первая встреча с Толстым... <декабрь 1889 г. — В.А.> Мы с двоюродным братом Ив. Раевским едем <...> в Ясную Поляну, чтобы участвовать там в домашнем спектакле (“Плоды просвещения”)... Мы едем в розвальнях; лошадью умело правит случайно выехавший за нами... сам Лев Николаевич. Он сидит рядом с нами, сгорбившись, в полушубке и, улыбаясь, занимает разговором девятнадцатилетних смущённых седоков.

— Ну, что же вы? В отца? — дружелюбно спрашивает он. — Тоже математик?.. Я всегда любил математику. Но ужасно в своё время плохо учился. Ведь я действительно выдержал университетский экзамен только потому, что перед самым экзаменом подготовил бином Ньютона, да и то ничего не понимал» (Цингер А.В. *У Толстых* // *МТА*. С. 374-375).

Рассказы о Толстом 1850-1860-х гг. Цингер слышал от своего отца Василия Яковлевича Цингера, профессора чистой математики Московского университета: «Интересен ли был в те времена Толстой? — До чрезвычайности. Он был обаятелен своей одарённостью, и тут дело было совсем не в его писательском таланте, который тогда, до “Войны и мира”, только что развёртывался, а в общей привлекательности могучей, самобытной, кипучей натуры. Мысли свои он высказывал и защищал всегда очень горячо. В спорах бывал часто резок, раздражителен, мог быть даже неприятен, если бы всех его резкостей не искупала всегдашняя беспредельная искренность до самого дна души. Видно было, что он сам страдал, когда не умел высказать мысли настолько ясно, чтобы убедить собеседника» (Цингер А.В. *Воспоминания о Льве Толстом* // *Наука и жизнь*. 1973. № 11. С.121).

В январе 1900 г. Цингер по просьбе писателя привёз из университетской лаборатории в хамовнический дом Толстого необходимую аппаратуру и произвёл там ряд опытов с жидким воздухом. Ещё в раннем детстве из «Русских книг для чтения», написанных в 1874-1875 гг. Толстым, Цингер впервые узнал о «скрытой теплоте». И теперь целью Толстого было на опыте детально разобраться в этой так называемой «скрытой теплоте».

Цингер нередко бывал и в Ясной Поляне. Общение с ним Толстому было порой необходимо, особенно в последние годы жизни, на фоне острого интеллектуального и духовного одиночества, когда мысли об уходе всё чаще посещали его. 29 августа 1909 г. он записал в дневнике: «И весь вечер мучительно тяжело. Уйти? <...> Только с Цингером хороший, для меня полезный разговор о математике, высшей геометрии...» (57: 127). 25 октября 1909 г.: «Приехал Цингер, и я с ним говорил о науке вообще и о физике, потом читал о физике в Брокгаузе и нашёл подтверждение своих мыслей о пустяшности “науки” и физики с своими гипотезами эфира, атомов, молекул» (57: 160).

Лит: Цингер А.В. У Толстых // МТА.

В.В. Алексеева

Ч

ЧАЙКОВСКИЙ Пётр Ильич (1840 - 1893) – композитор, дирижёр, педагог, музыкально-общественный деятель, профессор Московской консерватории (1866- 1878 гг.). Окончив Училище правоведения (1859), в чине титулярного советника был определён на службу в Министерство юстиции. Через три года получил чин коллежского асессора. В Москве, уже после окончания Петербургской консерватории, получил по выслуге лет чин надворного советника. Ушёл в отставку в 1867 г., будучи профессором Московской консерватории. В 1884 г. Александр III наградил Чайковского орденом Владимира 4-й степени. С декабря 1887 г. получал ежегодную пенсию от государя в три тысячи рублей.

Судьба Чайковского-композитора уникальна. Он родился в Приуралье, где его отец служил начальником Камско-Воткинского завода. Хотя дома, а затем в Училище правоведения Чайковский занимался музыкой, но профессионально он стал изучать музыкально-теоретические науки, композицию, игру на фортепиано, органе и флейте, уже будучи чиновником Министерства юстиции, в только что открывшейся на базе Русского музыкального общества Петербургской консерватории. Его основными учителями были А.Г. Рубинштейн и Н.И. Заремба. По окончании консерватории Чайковский был приглашён преподавать в только что открывшуюся Московскую консерваторию, где прослужил 12 лет. Одним из самых выдающихся его учеников стал С.И. Танеев.

Творческая работоспособность Чайковского была огромна, тем более что профессионально музыкой он стал заниматься лишь в 21 год, а в 53 года его жизнь оборвалась. За 28 лет сознательной творческой жизни он прошёл путь от ученических работ до абсолютных, великих шедевров, став первым русским композитором, получившим ещё при жизни мировое признание. Чайковский написал 13 опер (среди них пушкинские «Евгений Онегин», «Мазепа», «Пиковая дама»), шесть симфоний и программную симфонию «Манфред» на сюжет поэмы Д. Байрона. Он сочинил свыше 100 романсов, множество пьес для фортепиано и других инструментов. Славу его составляют и три балетных шедевра: «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик». Он оставил в каждом из музыкальных жанров уникальные творения: три квартета,

секстет для струнных «Воспоминание о Флоренции», три фортепианных концерта, концерт для скрипки с оркестром и т.д.

Мир образов музыки Чайковского охватывает всю человеческую жизнь. Это образы детства, молодости; любовь, которая часто сопряжена с трагическим крушением надежд на счастье; образы природы, красота бескрайних просторов России... В его музыке звучат темы рока, непреодолимости препятствий на пути к счастью. Извечное единство жизни и смерти запечатлено Чайковским с потрясающей силой в произведениях последних лет.

Толстой и его сочинения — мощнейший фактор духовной жизни Чайковского, начиная с юности и до последних вершинных лет его творчества. Однако для Толстого Чайковский и его сочинения занимали гораздо более скромное место, хотя писатель частично знал его музыку. В 1876-1877 гг. Чайковский интересовал его как личность. Этот момент приходится на период работы над романом «Анна Каренина».

600

Каковы же причины этой бесконечной глубины влияния мира Толстого на личность и творчество Чайковского? Толстой был уже известным писателем, когда Чайковский только начинал свой творческий путь. Читая Толстого, молодой музыкант узнавал в его героях, их размышлениях свои собственные мысли и чувства.

Другая причина — это общие черты в личности и жизненных ситуациях художников: оба рано потеряли мать, оба с детства порой до слёз любили музыку, часто понимая её как грёзу (в творчестве Чайковского многократно встречается слово «грёзы», в т.ч. и в названиях его сочинений: «Зимние грёзы», которые очень нравились Толстому, «Прерванные грёзы», «Вечерние грёзы», «Сладкая грёза»); много общих имён в литературных и музыкальных привязанностях...

Чайковский и Толстой виделись лишь однажды. Это случилось между 13 и 18 декабря 1876 г. Позднее, вспоминая об этом, композитор писал в своём дневнике 1 июля 1886 г.: «Может быть, ни разу в жизни я не был так польщён и тронут в своём авторском самолюбии, как когда Л.Н. Толстой, слушая *andante* моего Первого квартета и сидя рядом со мной, — залился слезами» (цит. по: *Гусев. Летопись*. 1. С. 464). Использованная Чайковским во второй части квартета песня «Сидел Ваня на диване», вызвавшая восторг Толстого, была записана композитором летом 1869 г. на Украине, в Каменке, от плотника, уроженца Калужской губ. Разудалая кабацкая песня со словами не совсем приличного содержания была преобразована композитором в идеальной лирической высоты и совершенства музыку, которая потрясла Толстого. Чайковский

вспоминал эту встречу всю жизнь и не раз возвращался к ней в своих письмах, дневниках, записных книжках, размышляя, даже как бы продолжая начатый в Москве в декабре 1876 г. разговор. Для Толстого же это событие стало одной из многочисленных встреч в его жизни.

19-21 декабря, вернувшись в Ясную Поляну, он написал Чайковскому письмо и послал ему сборник народных песен (в настоящее время он неизвестен). 24 декабря Чайковский ответил Толстому: «Как я рад, что вечер в консерватории оставил в Вас хорошее воспоминание! Наши квартетисты в этот вечер играли как никогда. Вы можете из этого факта вывести то заключение, что пара ушей такого великого художника, как Вы, способна воодушевить артиста в сто раз больше, чем десятки тысяч ушей публики».

С.Л. Толстой позднее писал, что встречу и концерт в Московской консерватории организовал Н.Г. Рубинштейн, выполняя желание писателя «набраться побольше музыкальных впечатлений». Почему был выбран именно Первый квартет, сочинение, написанное Чайковским и впервые исполненное уже пять лет тому назад? Сам Чайковский никак не пояснял обстоятельства встречи с Толстым, а лишь делился своими впечатлениями. 23 декабря 1876 г. он писал сестре А.И. Давыдовой: «На днях здесь провёл несколько дней граф Л.Н. Толстой. Он у меня был несколько раз и в том числе провёл два целых вечера. Я ужасно польщён и горд интересом, который ему внушаю, и со своей стороны вполне очарован его идеальной личностью». 25 декабря 1876 г. С.И. Танееву: «В последнее время я очень часто виделся и близко познакомился с писателем графом Л.Н. Толстым. Прелестная личность и очень любящая музыку». В первые дни 1877 г. брату М.И. Чайковскому: «А перед праздниками, братец, очень я близко сошёлся с писателем графом Толстым, и очень они мне понравились, и имею я теперь от них очень милое и дорогое для меня письмо». 30 августа 1877 г. Чайковский приоткрыл содержание бесед с Толстым Н.Ф. фон Мекк: «Нынешней зимой я имел несколько интересных разговоров с писателем графом Л.Н. Толстым, которые раскрыли и разъяснили мне многое. Он убедил меня, что тот художник, который работает не по внутреннему убеждению, а с тонким расчётом на эффект, тот, который насилует свой талант с целью понравиться публике и заставляет себя угождать ей, — тот не вполне художник, его труды не прочны, успех их эфемерен. Я совершенно уверовал в эту истину».

В феврале-марте 1879 г. в письме к фон Мекк Чайковский прямо называл Толстого инициатором их встречи-знакомства: «...2 года тому назад писатель граф Л.Н. Толстой выразил желание со мной познакомиться. Он очень интересуется музыкой. <...> “Я хочу с Вами поближе сойтись, — сказал он, — мне хочется с Вами потолковать про музыку”. И тут же, после первого рукопожатия, он изложил мне свои

музыкальные взгляды. По его мнению, *Бетховен бездарен*. С этого началось. Итак, великий писатель, гениальный сердцевед, начал с того, что с тоном полнейшей уверенности сказал обидную для музыканта глупость. Что делать в подобных случаях! Спорить! Да, я и заспорил, — но разве тут спор мог быть серьёзен? Ведь, собственно говоря, я должен был прочесть ему нотацию. Может быть, другой так и сделал бы. Я же только подавлял в себе страдания и продолжал играть комедию, т.е. притворял-

601

ся серьёзным и благодушным. Потом он несколько раз был у меня, и хотя из этого знакомства я вынес убеждение, что Толстой — человек несколько парадоксальный, — но прямой, добрый, по-своему даже чуткий к музыке (он при мне расплакался навзрыд, когда я сыграл ему по его просьбе *Andante* моего 1-го квартета), но всё-таки знакомство его не доставило мне ничего, кроме тягости и мук, как и всякое знакомство».

В октябре 1878 г. Толстой писал И.С. Тургеневу: «Что “Евгений Онегин” Чайковского? Я не слышал ещё его, но он меня очень интересует» (*ПРП*. 2. С. 185). Всего месяцем раньше был издан клави́р оперы, о чём писали газеты. Опера была исполнена лишь в марте 1879 г. на сцене Малого театра силами учащихся и преподавателей Московской консерватории. С.Л. Толстой вспоминал, что эту оперу Чайковского позже Толстой знал по фортепианному переложению.

Среди произведений Чайковского, которые слышал Толстой, — романсы: многие из них не нравились писателю, он удивлялся неразборчивости композитора в выборе поэтических текстов. Некоторые мелодии Чайковского (например, в романсе для фортепиано ор. 5, посвящённом Д. Арто) называл сентиментальными. В Ноктюрне № 1 ор. 10 одну из тем считал искренней, вторую — искусственной. В книге В.Ф. Булгакова «Л.Н. Толстой в последний год его жизни» есть запись: «Лев Николаевич не любит Чайковского, но «Колыбельная» и «Осенняя песня» <«Октябрь» из цикла «Времена года». — П.В.> ему очень понравились» (*Булгаков*. 23 июня).

Получив известие о неожиданной смерти Чайковского в Петербурге от холеры, 26 (27?) октября 1893 г. Толстой писал А.А. Толстой: «Мне очень жаль Чайковского, жаль, что как-то между нами, мне казалось, что-то было. Я у него был, звал его к себе, а он, кажется, был обижен, что я не был на “Евгении Онегине”. Жаль, как человека, с которым что-то было чуть-чуть неясно, больше ещё, чем музыканта. Как это скоро, и как просто и натурально, и ненатурально, и как мне близко».

Лит.: Толстой С.Л. Лев Толстой и Чайковский. Их знакомство и взаимоотношения // История русской музыки в исследованиях и материалах. Под ред. К.А. Кузнецова. Т. 1. - М., 1924.

П.Е. Вайдман

ЧЕЛЫШЕВ Михаил Дмитриевич (1866-1915) — член Гос. думы III созыва от г. Самары, самарский городской глава. Челышев интересовал Толстого как «противник вина, поднявший этот вопрос в Думе», и как человек, который мог бы поставить в Думе вопрос об уничтожении частной земельной собственности по системе Г. Джорджа. По выражению Л.Л. Толстого, «единственный порядочный член Думы» (ЯПЗ. 4. С. 66). «Он — Челышев — против государственного, правительственного вмешательства в духовную свободу человека», — говорил Толстой о том, что ему было близко в Челышеве. Он «единственный свежий человек в Думе» (ЯПЗ. 4. С. 69, 84).

1 сентября 1909 г. Толстой читал брошюру Челышева «Главная причина нашего несчастья», а 8 октября 1909 г. Челышев приехал в Ясную Поляну. «Челышев, — записал Д.П. Маковицкий, — богатырского сложения, с энергичными движениями, красив лицом, с чёрными, как смоль, усами, густой, длинной гривой, в рубашке и чёрной курточке. Говорил с убеждением и, может быть, преувеличенным пафосом. Л.Н. интересовало, что он рассказывал о родителях-крестьянах и про своё детство. Родители были странноприимные. Один старик-странник остался у них жить: был болен. Челышев мальчиком спал с ним на печке и с благодарностью вспоминает его поучения. Ещё Л.Н. оценил в Челышеве его убеждённость во вреде водки и в том, что должны с пьянством бороться, прекратить его. Челышев приехал к Л.Н. поговорить о борьбе с пьянством и просить его помочь ему склонить к этой борьбе Маклакова в Думе». Челышев, по своему собственному признанию, был очарован Толстым. Толстой же в письме к С.Д. Николаеву прямо заявил о своих симпатиях: «Он <Челышев. - М.Б.> мне очень полюбился» (80: 129). В.Г. Черткову 12 октября 1909 г. Толстой писал: «Был у меня на днях Челышев, член Думы, занятый борьбой с пьянством. Я, сколько могу, обещал помогать ему, а ему советовал поднять вопрос о земле. Он может. Он умный, думающий своим умом человек». 17 октября 1909 г. Толстой получил от Челышева письмо, где тот «выражал охоту делать, о чём говорили с ним, и просил ярлык на бутылки с водкой» написать рукой Толстого (ЯПЗ. 4. С. 79). О посещении Челышевым Ясной Поляны и о беседе его с Толстым сообщили многие газеты, однако газетные заметки послужили поводом лишь для присылки Толстому анонимных ругательных писем, которые он получил 18 октября. Решение опубликовать их со своими комментариями в газете «Русь» было

продиктовано стремлением лишний раз привлечь общественное внимание к

602

проблеме отмены смертной казни, о чём тоже шла речь во время приезда Чельшева. Разговор на эту тему с Чельшевым и стал предметом критики в «ругательных письмах».

Надежда Толстого на то, что Чельшев поднимет в Думе вопрос о едином налоге, не оправдалась, однако именно благодаря его приезду в Ясную Поляну разговор об отмене смертной казни получил продолжение.

М.Ю. Белянин

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828-1889) — писатель, критик, идейный вождь русского революционно-демократического движения в 1850—1860-е гг. Ранним произведениям Толстого посвятил шесть статей, все они вышли в журнале «Современник» (1855-1857 гг.). В статье «Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого» (1856) Чернышевский первый из критиков определил новаторство молодого писателя в постижении им внутренней жизни человека, впервые ввёл и раскрыл понятие «диалектика души». Критик подчёркивал, что предметом анализа у Толстого является «сам психический процесс, его формы, его законы». Художник открывает «едва уловимые», «таинственнейшие движения психической жизни», передаёт «психический процесс возникновения мыслей» и чувств. Он следит за «чрезвычайной быстротой и неистощимым разнообразием» в их смене, за «драматическими переходами одного чувства в другое, одной мысли в другую». Чернышевский проницательно определил источник психологических открытий молодого писателя - самонаблюдение. Именно оно позволило Толстому «написать картины внутренних движений человеческой мысли» и стало основанием для глубинного изучения человека, постижения его характера и поступков.

«Непосредственную чистоту нравственного чувства» Чернышевский определил как вторую оригинальную особенность таланта молодого автора. Критик писал, что «только при этой непосредственной свежести сердца можно было рассказать “Детство” и “Отрочество” с тем чрезвычайно верным колоритом, с тою нежною грациозностью, которые дают истинную жизнь этим повестям <...> без непорочности нравственного чувства невозможно было бы не только исполнить эти повести, но и задумать их». В статье определена сущность художественного метода писателя и заложены основы понимания его творчества.

Критик следил за развитием таланта Толстого, в связи с «Утром помещика» он отметил стремление автора изобразить действительность шире и указал на ещё одну важнейшую сторону его таланта - новаторское умение передать крестьянский «взгляд на вещи».

Чернышевский и Толстой познакомились в конце 1855 г., когда молодой писатель приехал из Севастополя в Петербург. Позднее Толстой вспоминал, что Чернышевского он впервые увидел у Н.А. Некрасова: «Курчавый, розовый, больше молчал» (Сергеенко П.А. Записи // ТВС. 1960. 2. С. 128). Ведущий критик «Современника» хотел получить «некоторую власть» над молодым автором, что считал полезным для журнала: «Однажды, - вспоминал Толстой, — пришёл ко мне и начал говорить самоуверенно, что “Записки маркёра” — лучшее моё произведение, что в искусстве нужна идея...» Однако Толстой был верен себе и не стал «полезным деятелем» в духе Чернышевского. Вместе с тем в его дневниковых записях остались лаконичные и вполне доброжелательные характеристики: «Чернышевский, мил» (18 декабря 1856 г.); «пришёл Чернышевский, умён и горяч» (11 января 1857 г.).

Впечатления от личных встреч не совпали с уже сложившимся у Толстого мнением о Чернышевском-критике. 2 июля 1856 г. он писал Некрасову, что статья, автором которой был Чернышевский, ему «ужасно» не понравилась. Толстой согласился с высказанными в статье мыслями, однако не принял манеру критика вести спор с оппонентом: автор статьи позволил себе «скверно-матерно» обругать другого критика. Такая манера Чернышевского свидетельствовала, по мнению Толстого, о новой тенденции в культурной жизни: появились «отвратительные» подражатели В.Г. Белинского, унаследовавшие не глубину, а только форму его высказываний, в моду вошёл возмущённый, жёлчный и озлобленный человек, не способный «сделать добро и ясно видеть вещи». Как считал Толстой, Некрасов совершил «великую» ошибку, расставшись с критиком А.В. Дружининым и выбрав Чернышевского. Солидаризируясь с Дружининым, Григоровичем и Тургеневым, Толстой дал Чернышевскому как ведущему критику «Современника» весьма резкую характеристику: «теперь срам с этим клоповоняющим господином. Его так и слышишь тоненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся ещё более оттого, что говорить он не умеет и голос скверный». Так же отрицательно Толстой отнёсся к публиковавшемуся в «Современнике» с декабря 1855 г. по декабрь 1856 г. критическому сочинению

Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы». Поддерживая мнение Дружинина, он, не дожидаясь окончания

публикации, заметил: «Безобразие Чернышевского, как вы называете, всё лето тошнит меня» (19 октября 1856 г.).

В 1862 г. Толстой, начав издавать журнал «Ясная Поляна», обратился к Чернышевскому, имевшему огромное влияние на демократические слои читателей, с просьбой «внимательно прочесть его и сказать о нём искренно и серьёзно <...> мнение в “Современнике”». Критик откликнулся резкой рецензией (Современник. 1862. № 3), вызвавшей глубокое раздражение Толстого, так как «в неприличной статье этой нет ни одного довода и ни одной мысли» (8: 426).

Общее неприязненное отношение к Чернышевскому сохранилось у Толстого на всю жизнь. «Он мне всегда был *очень* неприятен, и писания его неприятны», — говорил он в 1908 г. (Гусев Н.Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 92). В последний год жизни Толстой вновь обратился к критическим работам Чернышевского, но мнение своё о нём не изменил: «Читал Чернышевского. Очень поучительна его развязность грубых осуждений людей, думающих не так, как он» (дневник, 1 июня); «очень неприятна эта самоуверенность. Он говорит о Шопенгауэре, о Канте, как будто это все дураки, один он, Чернышевский, умён» (Гольденвейзер А.Б., запись 26 июня 1910 г.).

К отдельным позициям Чернышевского поздний Толстой относился заинтересованно: сочувственно отозвался о его статье, посвящённой теории Ч. Дарвина, включил его высказывания о науке в 18-й выпуск сборника «Путь жизни». В 1896 г. критик В.В. Стасов в беседе с Толстым выражал своё восхищение положениями магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). «Великое», по определению Стасова, слово Чернышевского: «искусство есть та человеческая деятельность, которая произносит суд над жизнью», — поразило Толстого. «Толстой, — писал Стасов, — этого никогда не знал, не слышал, понятия не имел». Размышления Стасова о предназначении искусства в свете идей Чернышевского чрезвычайно заинтересовали Толстого: «Настоящего искусства, — утверждал Стасов, — *почти нет ещё на свете*, его речь ещё впереди. Всё это поражало сильно Толстого, и он меня слушал, я уже не знаю как сказать, с каким вниманием, и, смело скажу, <...> — с почтением» (Стасов В.В. Письма к Д.В. Стасову // ТВС. 1960. 2. С. 87). По прочтении писем Чернышевского из Сибири, опубликованных в 1910 г., Толстой заметил: «У него много очень хороших, высоких в нравственном отношении мыслей: о войне, о половом вопросе, или мысль о том, что всё нравственное — разумно, а разумное — нравственно...» (Гольденвейзер А.Б., запись 26 июня 1910 г.).

В своих художественных произведениях Толстой вступал в полемику с Чернышевским-романистом. В черновиках «Анны Карениной» есть прямая отсылка к роману «Что делать?»: «Что делать? Что делать?» —

вопрошает Долли. Каренин отвечает ей: «Нельзя жить втроём». Ситуация «любовного треугольника» и тема женской любви к мужу и к другому человеку в «Анне Карениной» были рассмотрены иначе, чем в романе «Что делать?». Анна с ужасом просыпается, увидев кошмарный сон о двух мужьях. Очевидна и перекличка пьесы «Живой труп» с романом Чернышевского. Тема тройственной любви в поздней толстовской пьесе, по сравнению с романом Чернышевского, существенно осложнена. Психологическое зерно, из которого разрастается драматическое действие, — «одновременная» любовь героини к мужу и его другу, а также далеко не простое чувство Протасова к оставленной жене. Цыганка Маша предлагает Протасову поступить по примеру Лопухова: разыграть смерть. Она спутала этого героя с Рахметовым, фамилию которого назвала тоже ошибочно (Рахманов). Однако, по Толстому, «разумные» рецепты в духе теории Чернышевского не могут снять драматизм складывающихся в жизни героев положений. Толстовские герои, оказавшиеся в «любовном треугольнике», не будут счастливы при любом выбранном ими решении. Сила позиции Толстого по отношению к представлениям Чернышевского обусловлена глубиной толстовского постижения многосложных человеческих чувств.

Н.Г. Михновец

ЧЕРНЫШЁВ Александр Иванович (1785/86-1857), светлейший князь (1849) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, военный и гос. деятель.

Участник войн с Наполеоном в 1805, 1806-1807 гг., был награждён за храбрость (в т.ч. Георгиевским крестом). В 1810 — 1812 гг. находился во Франции в качестве дипломатического курьера, исполняя в действительности функции резидента русской военной разведки. Вёл тайные переговоры со шведским правительством о союзе с Россией. Во время Отечественной войны

604

1812 г. командовал армейским партизанским отрядом. В кампанию 1813 г. занял Берлин, был во многих сражениях, многократно награждён за храбрость. Во время следствия по делу декабристов входил в состав Следственной комиссии, за что был отличен и приближен Николаем I, а декабристам запомнился своей грубостью и бесцеремонностью. С 1827 г. — сенатор и глава Военного министерства.

Репутации Чернышёва сильно повредила попытка завладеть состоянием его однофамильца, осуждённого по делу декабристов

богатейшего графа Захара Чернышёва. После этого случая министра отказывались принимать в некоторых великосветских домах и за ним закрепилась слава человека бесчестного и беспринципного.

Тем не менее на протяжении всего царствования Николая I карьера Чернышёва шла по нарастающей. К концу жизни он был председателем Гос. совета и Комитета министров. В 1856 г. при новом императоре вышел в отставку и через несколько месяцев умер.

Как историческое лицо Чернышёв неоднократно появлялся в произведениях Толстого. Он упоминался в черновиках «Войны и мира» как лицо из окружения Александра I. В окончательной редакции книги упомянут как флигель-адъютант, один из второстепенных представителей власти, петербургского духа.

В этом же качестве Чернышёв фигурировал в редакциях и вариантах повести «Хаджи-Мурат», где Толстой подчёркивал, что Николай I Чернышёва «только терпел, считая его пока незаменимым человеком, но, зная его старания погубить в процессе декабристов Захара Чернышёва и попытку завладеть его состоянием, считал большим подлецом» (35: 65). Подобно В.А. Долгорукову Чернышёв — своего рода двойник Николая: он подражал ему в манерах и носил парик-накладку, как у императора. Подчёркнутая Толстым его старость усиливала образ отжившей, инертной, но страшной гос. власти.

В.М. Бокова

ЧЕРТКОВ Владимир Владимирович («Дима»; 1889-1964) — последователь Толстого; его знакомый, корреспондент и адресат.

В 1950 г. он писал в автобиографии: «Родители мои (В.Г. Чертков и А.К. Черткова) по происхождению дворяне, до моего рождения отпали от православия и считали себя исповедующими свободно-религиозное мировоззрение. Мои родители меня не крестили, а потому согласно существующим царским законам я был лишён дворянского звания и всех гражданских прав и наследства» (*ОР ГМТ*). В.В. Чертков — сын близких друзей и единомышленников Толстого, которые воспитывали его в соответствии со своими убеждениями. После поездки к Чертковым на хутор Ржевск Толстой написал им, что ему понравился их «неизбалованный натуральный, здоровый мальчик» (7 апреля 1894 г.). Толстому нравилось, как воспитывали маленького Диму (так называли его близкие), нравилось, что его не балуют, что у него не много игрушек, что ему внушают потребность зарабатывать на жизнь своим трудом. Юность Димы прошла в Англии, куда в 1897 г. был выслан его отец за сочувствие и помощь русским сектантам. В Англии мальчик получал домашнее бессистемное образование; учителями были не

профессиональные учителя, а друзья и соратники родителей, воспитывавшие его в свободно-христианском духе.

После возвращения в Россию Чертковы поселились в Тульской губ. на хуторе Телятинки, недалеко от Ясной Поляны. Хотя Дима знал английский язык и английский образ жизни лучше, чем русский, он легко установил дружеские отношения с деревенскими ребятами, с радостью с ними работал и развлекался. Ему оказался близок крестьянский мир, всерьёз увлекли занятия сельским хозяйством. Новые друзья запросто приходили в дом Чертковых и за общим обедом принимали участие в серьёзных разговорах, которые велись собиравшимися там единомышленниками Толстого, порой с участием и самого писателя. В свою очередь Толстого очень интересовала внутренняя жизнь этих молодых людей и самого Димы, получившего необычное в их среде воспитание. Когда В.Г. Чертков уезжал из Телятинок, Толстой опекал его семью. Черткову он писал: «Димочку мало вижу, а хотелось бы поговорить с ним, покопаться в его молодой душе. Страшна молодость с своей стремительностью и неведением» (12 мая 1909 г.); «С Димочкой говорил, чего мне давно хотелось. Расспросил его об его отношениях с девушками, сказал ему всё, что можно сказать юноше, предостерегая его от опасности. Ответы его мне понравились. Я заключил из них, что он вне опасности и что ему легко быть правдивым» (25 мая 1909 г.). Вместе со своими деревенскими друзьями В.В. Чертков организовал один из первых крестьянских драматических театров. А.П. Сергеенко вспоминал, как в этом театре ставили старую шуточную пьесу Толстого «Первый винокур» и автор «живо интересовался всей подготовкой

605

спектакля: распределением ролей, устройством сцены, декорациями, костюмами. И удивителен и трогателен был этот его интерес к попытке организации народного театра в его 82 года» (О народном театре // Октябрь. 1982. № 10. С. 198). Специально для этого театра Толстой написал пьесу «От ней все качества».

В делах сына принимал участие и В.Г. Чертков, он много общался с его друзьями, читал им лекции и оказывал немалое влияние на формирование их мировоззрения. В 1909 г. ему было запрещено жить в Тульской губ., вблизи Толстого. Вместе с женой В.Г. Чертков уехал в Московскую губ., а Толстой навещал оставшегося в Телятинках Диму, он по-прежнему любил беседовать с ним и его друзьями, крестьянскими парнями и девушками, стараясь понять их интересы, их представления о жизни, о вере. Чертковым он сообщал: «Ездил я дня два тому назад к Димочке в Ларинское на их работу — постройку хаты <В.В. Чертков с

товарищами строил избу в с. Ларинском близ Засеки для двух бедных старых крестьянок. – Ю.Я.>. Очень хорошее получил впечатление от всех товарищей его и, главное, его самого. Бодрые, весёлые, спокойные, чистые, простые. Особенно резко чувствую эту разницу с моей жизнью, особенно в тот 29 авг., когда я у него был на другой день после 28 у нас с мороженым, шампанским и гостями» (31 августа 1909 г.). В 1913 г. В.В. Чертков женился на крестьянке Матрёне Павловне Кузевич. Он организовал потребительское общество и сельскохозяйственную артель в Тульской губ., сам работал там наряду с крестьянами. Через год он поступил в народный университет им. А.Л. Шанявского. Работая впоследствии по специальности финансиста в различных банках, он оставался последователем учения Толстого: всегда был строгим вегетарианцем, участвовал в международных антивоенных конференциях, переписывался с деятелями международного антивоенного движения, сторонниками ненасильственных форм борьбы, в т.ч. с М. Ганди. В своей деятельности В.В. Чертков всегда стремился поддержать всё то, что способствовало объединению людей и противостояло их конфронтации.

Ю.Д. Ядовкер

ЧЕРТКОВ Владимир Григорьевич (1854-1936) – друг и сподвижник Толстого; общественный деятель; публицист, переводчик, редактор, создатель и руководитель издательств «Посредник», «Свободное слово» и др.; главный редактор Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого (Юб.) в 90 томах.

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков. 1909 г.

Толстой и Чертков познакомились в Москве в 1883 г., и через полгода Толстой записал в дневнике: «Он удивительно одноцентричен со мною» (6/18 апреля 1884 г.). Спустя четверть века, словно продолжая начатую тогда мысль, Толстой писал Черткову: «И сближаемся не потому, что хотим этого, но потому что стремимся к одному центру — Богу, высшему совершенству, доступному пониманию человека. И эта встреча на пути приближения к центру великая радость» (24 июля 1909 г.).

Чертков родился в С.-Петербурге, в придворно-аристократической семье, но именно в семье усвоил демократические и просветительские традиции, впитал понятие о жизни как о высоком служении. Отец его, Г.И. Чертков, близкий родственник А.Д. Черткова, известного историка и археолога, основателя первой публичной библиотеки в Москве, был флигель-адъютантом при Николае I и генерал-адъютантом при Александре II. Мать Черткова, рожд. графиня Е.И. Чернышёва-Кругликова, племянница декабриста З.Г. Чернышёва, славилась своей красотой и смелым независимым характером. В 19 лет, получив хорошее домашнее образование, Чертков поступил в конногвардейский полк. Красивый, образованный, остроумный и богатый, он пользовался успехом в свете и до поры благосклонностью императора. Его ожидала блестящая карьера военного или гос. деятеля, но он отказался идти этой проторённой для него дорогой. В 1909 г. Чертков написал небольшую книжечку «Дежурство в военных госпиталях. Страница из воспоминаний» (М., 1914), где «исповедально» рассказал о своей молодости: «Это было в середине 70-х годов. Двадцатилетним офицером я тогда прожигал свою жизнь “во все нелёгкие”. Всем трём классическим порокам —

606

вину, картам и женщинам — я предавался без удержу, живя как в чаду, с редкими промежутками душевного отрезвления. В эти периоды внутреннего просветления я чувствовал отвращение к своему беспутному поведению и мучительно тяготился своим положением. Ища из него выхода, я напряжённо задавался основными вопросами жизни и религии. Одним из обстоятельств, имевших на меня нравственно-благотворное влияние, были повторявшиеся от времени до времени мои дежурства в военных госпиталях» (с. 3). С детства приученный матерью к серьёзному и вдумчивому чтению Евангелия, он читал его вслух больным и всё чаще сам обращался к этой книге в поисках ответов на мучившие его вопросы. У себя в полку Чертков организовал кружок молодёжи для религиозных бесед. Размышляя над страницами философских книг, над

произведениями Достоевского, он искал ответы на вопросы о цели и смысле жизни, искал свой путь к Богу. Поиски привели его к Толстому. Познакомившись с первыми философско-религиозными сочинениями писателя, он «признал в нём лучшее и более последовательное понимание того», как «следует в жизни применять учение Христа» (дневник Черткова 21 янв. 1884 г.; *ОР ГМТ*). Это стало основой дружбы Толстого и Черткова.

В 1884 г. умер отец Черткова. Опасаясь, чтобы сын не раздал состояние и землю крестьянам, он завещал всё большое наследство в пожизненное владение своей жене, с тем чтобы она делила с сыном лишь доходы. Но ещё в октябре 1882 г., несмотря на уговоры отца, Чертков вышел в отставку в чине лейб-гвардии штабс-ротмистра и уехал в родовое имение Чертковых Лизиновку Воронежской губ. Теперь Чертков стремился вникнуть во все крестьянские дела и проблемы, освоить разнообразные крестьянские работы, «пройти через все приёмы и мелочи крестьянского хозяйства для того, чтобы стать ближе к ним» (8-9 марта 1884 г.). Он принял большое участие в работе земства, стал земским гласным, попечителем над школами, почётным мировым судьёй, членом присутствия по крестьянским делам, открыл в своём имении ремесленное училище на 60 учеников, школу, библиотеку, читальню, амбулаторию, потребительские лавки, чайную... Деятельность Черткова не осталась незамеченной: по распоряжению Александра III за ним был установлен негласный надзор.

Встреча с Толстым стала решающей для Черткова. Первый вопрос, который он задал писателю, был вопрос о несовместимости христианства с военной службой.

Вместо ответа Толстой начал читать ему рукопись статьи «В чём моя вера?», над которой тогда работал. Чертков понял, что теперь он не одинок в своих исканиях и сомнениях. Разносторонне одарённый, очень честолюбивый, он пожертвовал своими амбициями, посвятив жизнь собиранию, хранению, переводу, изданию, распространению сочинений и идей Толстого. По словам сына писателя, «он верил, что Лев Толстой — основатель новой религии, а он — Чертков — его первый ученик, апостол и продолжатель его дел» (*Очерки былого*. Гл. «Владимир Григорьевич Чертков»), Однако с первых же писем он чётко определил свою самостоятельную позицию в их отношениях: «...советы Ваши служили бы для меня лишь справкою. Я в них очень нуждаюсь, уверяю Вас, Лев Николаевич, но вовсе не буду и не могу непременно с ними соглашаться» (8-9 марта 1884 г.). Чертков всегда отличался бескомпромиссностью и беспощадной откровенностью, он не только редактировал Толстого, делал ему критические замечания, давал советы, но порой властно вмешивался в его творчество. Благодаря огромному организаторскому дару Черткова в феврале 1885 г. началась работа издательства

«Посредник», а в марте вышла в печать первая книга этого издательства — три народных рассказа Толстого.

Для Черткова Толстой теперь сподвижник, друг, духовный наставник; в письмах к нему он открывался «свободно, без оглядки, как перед Богом» (5 октября 1895 г.).

С 1894 г. Чертковы снимали дачу в 5 верстах от Ясной Поляны. Проводя лето вблизи Толстого, Чертков занимался разбором его бумаг, их переписыванием. Ещё с 1889 г. по его инициативе началось копирование рукописей Толстого (один экземпляр копии отправлялся на хранение Черткову), он находил постоянных переписчиков, приобрёл печатную машинку, а для распространения запрещённых сочинений завёл копировальный аппарат — гектограф. Он же организовал правильную регистрацию и копирование всех писем Толстого, которые прежде пропадали бесследно, разлетаясь по всему миру. Начатое С.А. Толстой дело собирания рукописей Толстого Чертков поставил на профессиональную основу.

В середине 1890-х гг. внимание Черткова привлекли различные неофициальные религиозные течения. В 1895 г. сосланные прежде на Кавказ духоборы были жестоко наказаны за то, что, протестуя против призыва их на военную службу, собрали и сожгли всё своё оружие. Чертков вместе с Бирюковым и И.М. Трегубовым составил в

607

защиту духоборов брошюру «Помогите!», напечатанную с послесловием Толстого в Англии. За это Черткову грозила ссылка в Сибирь, но благодаря заступничеству императрицы-матери, ему было разрешено заменить Сибирь высылкой за границу. Семья уехала в Англию, и там Чертков смог ускорить переселение духоборов, создать сельскохозяйственную колонию, читать лекции в университетах, участвовать в митингах, выступать против частной собственности на землю, смертной казни и войн. Вскоре он основал в Англии своё издательство «Свободное слово» и хорошо оборудованную типографию, в которой были напечатаны почти все новые произведения Толстого, а также прежде искажённые или запрещённые русской цензурой сочинения, пять изданий романа «Воскресение», «Полное собрание сочинений, запрещённых в России, Л.Н. Толстого» (в 10 т.). Кроме того, Чертков издавал листки и сборники «Свободного слова», а позднее журнал «Свободное слово», книги и брошюры по религиозным, социальным и другим актуальным вопросам различных авторов, близких по духу Толстому. Эти издания распространялись за границей и разными способами переправлялись в Россию, благодаря чему писания Толстого смогли прочитать миллионы людей в разных частях света.

Одновременно Чертков организовал издательство «Free Age Press», выпускавшее книги на иностранных языках и имевшее филиалы в разных странах. Он привлёк к этому делу лучших переводчиков и сам был одним из главных переводчиков сочинений Толстого на английский язык. Чертков стал посредником между Толстым и издателями его сочинений в России и за границей, он напряжённо занимался редакторской работой и сам писал статьи на волновавшие общество темы.

Больше десяти лет прожил Чертков в Англии, и все события этого времени нашли своё место в его переписке с Толстым. Эта переписка часто носила деловой характер: работа издательства, помощь духоборам и др. Но для Толстого особенно важны были крупицы духовного общения. «А последнее время все эти пустяковые дела заслонили, затуманили нашу связь, — писал он Черткову 28 мая 1899 г. — И мне стало грустно и жалко и захотелось бросить всё, что мешает, и почувствовать опять ту дорогую, потому что не личную, а через Бога, связь мою с вами, очень сильную и дорогую мне. Ни с кем, как с вами (впрочем, всякая связь особенная), нет такой определённой Божеской связи — такого ясного отношения нашего через Бога». Толстой постоянно обсуждал с другом свои сочинения и внимательно относился к его мнению. На замечания Черткова к статье «Что такое искусство?» он отвечал: «Совет ваш хорош и мне нужен. Мне вообще недостаёт вас — вашей критики, — которой я часто пользовался и люблю пользоваться, — критикой того, что в моих писаниях недобро — нехристианско» (21 января 1898 г.). Он всегда с интересом следил за работами самого Черткова: «Интересуюсь прочесть вашу статью о революции. Я думал об этом. Совпали ли наши взгляды? Прощайте пока. Пишите почаще», — писал он 11 января 1903 г.

В течение всего времени пребывания Черткова в Англии Толстой посылал ему в Крайстчерч (в 150 верстах от Лондона) свои рукописи, черновики, копии писем и дневники. Так Чертков собрал большой и очень ценный архив, который хранил в специально построенном из огнеупорных материалов здании, оснастив его самой современной системой вентиляции и сигнализации.

В 1908 г. Чертков с семьёй вернулся в Россию и поселился на хуторе Телятинки недалеко от Ясной Поляны. Толстой часто навещал друзей. Ему нравился уклад и быт их дома, где за одним столом собирались все: и хозяева дома, и многочисленные гости, и местные крестьяне, и прислуга. Живя в Англии, Чертков серьёзно увлёкся фотографией, приобрёл новейшую технику и уже в Телятинках оборудовал современную фотолабораторию. Каждая встреча Черткова с Толстым в последующие годы сопровождалась фотографированием, в результате чего появилась уникальная коллекция (около 3000 фотографий), запечатлевшая во всей

многогранности облик писателя в последние годы его жизни (1908 — 1910 гг.).

Однако в марте 1909 г., по доносам некоторых тульских помещиков, Чертков получил постановление о высылке его из Тульской губ. «ввиду вредного влияния на окружающее население», а в сущности — подальше от Толстого. 18 сентября в Крёкшине (Московской губ.), где поселились Чертковы, произошло одно из важных событий в жизни Толстого - тайно от семьи он подписал там первый вариант своего завещания. Чертков играл большую роль в составлении всех вариантов завещания, и это осложнило уже и прежде напряжённые его отношения с женой и, частично, с детьми писателя. История с завещанием обострила все противоречия в семье Толстого. 30 июля 1910 г. он написал в дневнике: «Чертков вовлѣк меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне».

608

И всё же в тяжёлые дни последнего года жизни Толстому особенно был нужен такой близкий человек, как Чертков, которому он мог откровенно высказывать свои мысли и чувства, с которым он постоянно вёл открытый, исповедальный разговор в письмах: «...знаю, что вы любите не меня Льва Толстого, а мою душу. А моя душа — ваша душа, и требования её одни и те же» (14 июля 1910 г.); «Не переставая думаю о вас, милый друг. Благодарен вам за то, что вы помогали и помогаете мне нести получше моё заслуженное мною и нужное моей душе испытание...» (20 июля 1910 г.). За два дня до ухода Толстой писал Черткову: «Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью — до грусти — как мне недостаёт вас... Есть целая область мыслей, чувств, которыми я ни с кем иным не могу так естественно делиться, — зная, что я вполне понят, — как с вами» (26 октября 1910 г.).

Последние дни жизни Толстого Чертков провёл около него в Астапове.

После кончины писателя он вместе с А.Л. Толстой стал главным исполнителем его завещания. Вся дальнейшая жизнь его была посвящена изданию и распространению произведений Толстого. В 1913 г. из своего несоргаемого помещения в Англии он перевёз большую часть рукописей Толстого и сдал на хранение в Российскую академию наук; а в 1926 г. передал их в дар ГМТ. Вместе с А.Л. Толстой он издал три тома «Посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого» и два тома его дневников. На выручку от этих изданий удалось выполнить главное желание Толстого: выкупить и отдать крестьянам яснополянскую землю.

После революции Чертков остался в России. В 20-е гг., действуя через В.И. Ленина, М.И. Калинина, В.Д. Бонч-Бруевича, ему удалось спасти от

заклучения и расстрела немало людей, в т.ч. помочь А.Л. Толстой. Чертков всегда мешал любой власти, и в 1922—1923 гг. ему вновь грозила высылка из России «за анархо-непротивленческие идеи толстовского толка». Однако он оказался нужен. С 1918 г. началась подготовка издания Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 т., осуществляемая двумя группами под руководством Черткова и А.Л. Толстой. Работа эта продвигалась тяжело. Имея в целом поддержку новой власти, Чертков добивался наиболее полного исполнения посмертной воли Толстого: чтобы все его писания были изданы без каких-либо сокращений или изменений, чтобы они не могли составлять ничьей собственности, в т.ч. государственной, и чтобы была разрешена свободная безвозмездная перепечатка писаний Толстого всеми желающими. Исполняя с 1928 г. должность главного редактора, Чертков не получал ни зарплаты, ни гонораров; и он, и А.Л. Толстая зачастую вынуждены были платить сотрудникам из своего кармана. Из собственности, оставленной его матерью в Англии, Чертков вкладывал деньги в издания сочинений Толстого в России и за рубежом.

9 ноября 1936 г. Чертков скончался (похоронен на Введенском кладбище) в Москве. К этому времени были готовы к печати и им подписаны 72 тома Юбилейного издания.

Лит.: Подсвинова Л.Ф. Мещерские хроники. (По воспоминаниям, дневникам и письмам) // Мещерские хроники. — Чехов, 2002; Муратов В.М. Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их переписке. — М., 1934.

Ю.Д. Ядовкер

ЧЕРТКОВА Анна Константиновна (рожд. Дитерихс; «Галя»; 1859-1927) — жена В.Г. Черткова; друг и сподвижница Толстого. Вместе с мужем принимала участие в издательской и общественной деятельности.

Черткова родилась в многодетной дворянской семье потомственного военного. Окончив гимназию в Киеве, поступила на словесное отделение Высших женских курсов (Бестужевских) в Петербурге, а через два года перешла на более популярное в те годы естественное отделение. Как и многие образованные девушки её времени, увлеклась модными тогда революционными настроениями и материалистическим учением. Она с увлечением читала философскую литературу и сочинения Чернышевского, с сочувствием относилась к организации «Земля и воля». Её коротко остриженные волосы воспринимались современниками как приверженность нигилизму. Миниатюрная, хрупкая, трепетная, с тонкими чертами лица и большими, яркими, одухотворёнными глазами — такой изобразил её в 1883 г. на картине «Курсистка» художник Н.А. Ярошенко. Созданный художником портрет

остался в истории как образ поколения. Но девушка-нигилистка вряд ли могла вызвать сочувствие Толстого: она подкупила его совсем другими чертами своей натуры. «Её совершенно необычайная непосредственность, немедленная отзывчивость ко всему хорошему, ко всему страдающему и нуждающемуся в духовной и телесной поддержке, её упорная, неустанная работоспособность, при никогда не покидавшей её крайне изнурительной болезни, и

609

вместе с тем полное отсутствие малейшего самомнения...» — эти качества отмечали в ней близкие (Чертков В.Г. Послесловие к сборнику «Памяти А.К. Чертовой». Неосуществлённое издание. *ОР ГМТ*). Она всегда выделялась горячим стремлением делать добро, ещё в годы учения преподавала в воскресных и вечерних школах для рабочих, а летом, выезжая в деревню, лечила и учила крестьян. Но истинное своё призвание Анна нашла в работе издательства «Посредник». Отбор, редактирование, переводы стали её главным делом. Она и сама написала ряд сочинений для взрослых и для детей, печатая их анонимно или под своими инициалами. В 1886 г. она стала женой основателя и руководителя издательства «Посредник» В.Г. Черткова. Теперь письма Толстого часто бывали обращены к ним обоим. А.К. Чертова стала постоянной корреспонденткой Толстого и в первом же адресованном ему письме подняла самые важные вопросы человеческого бытия — вопросы о жизни и смерти: «И не самый факт смерти меня пугал, а страшно было того, что умрешь “прожив даром” на свете... Нет во мне той постоянной внутренней гармонии, при которой сами собой разрешаются все вопросы главные и второстепенные... Рассудочно, принципиально можно решать что угодно, но до тех пор, пока всем существом не проникнешься смыслом первой заповеди: возлюби Бога всем сердцем и разумением твоим, до тех пор в жизни, на деле часто будут колебания и ошибки. Вот тогда, когда я проникнута сознанием, что только в отречении от своей личной воли — всё благо, тогда я счастлива, мне ничего не надо, ни подвигов, ни перемены обстановки, нет и страха смерти. Как хороши эти минуты внутренней гармонии и как тяжелы те, в которых отклоняешься от воли Бога, теряешь разумение» (12-16 сентября 1886 г.; 85: 400). Толстой отвечал ей: «Личная жизнь — борьба, жизнь разумная есть единение. <...> Жизнь личная уничтожается смертью. Для жизни разумной нет смерти» (85: 395-396). Письмо А.К. Чертовой так задело в Толстом самые сокровенные мысли, что он не ограничился подробным ответом, но, продолжая размышлять над поднятыми ею вопросами, написал одно из важнейших своих сочинений — трактат «О жизни»

(1886-1887). Вопросы жизни и смерти волновали А.К. Черткову не только теоретически, так как с самых ранних лет она была подвержена серьёзным болезням, особенно усилившимся после смерти её первого ребёнка — двухлетней Оли. Толстой поддерживал в те дни друзей своими письмами: «Теперь о Гале. Не верю я и не могу верить, чтоб она была слаба. В ней бездна жизни. Она полна ею, и такое она на меня производила и оставила впечатление. Пускай её лечат, но чтоб она не лечилась, не думала о своём здоровье иначе, как так, что у неё много сил, которые она может и должна употреблять для других» (16 ноября 1889 г.). В одном из своих писем Толстой называл её среди тех, у кого он учится, «как больному жить, не переставая служить» (21 мая 1901 г.). Он всегда внимательно и сочувственно расспрашивал о её здоровье. В 1902 г., узнав о том, что она вновь больна, писал Черткову: «Вообще люди, а особенно женщины, для которых высший и живой идеал есть пришествие царства Бога, особенно редки. А она именно такая. Очень люблю её и очень скорблю о ней» (19 декабря 1902 г.). Писатель высоко ценил работу А.К. Чертковой, её редакторский талант и вкус. Предлагая ей работу для переделки, он писал: «Кое-что надо поправить, сократить. Анна Константиновна, верно, сделает это прекрасно» (24-25 апреля 1887 г.); «Вот работа Гале. Переделать её — выпустить лишнее и неверное и перевести на хороший язык. Она так хорошо сделала Тихона» (14(?) июня 1891 г.).

В 1897 г., когда Чертков был выслан из России за поддержку преследуемых сектантов, А.К. Черткова с маленьким сыном последовала за ним в Англию. Там она помогала мужу в создании издательства «Свободное слово» (издавали на русском, английском и др. языках сочинения Толстого и др. авторов, запрещённых в России), выполняла обязанности редактора, корректора, переводчика и конторщика. Вернувшись в 1908 г. в Россию, Черткова вновь занималась подготовкой к изданию произведений Толстого, сама писала статьи и заметки, вела обширную переписку, рассылала литературу, хлопотала за единомышленников, поддерживала многих и словом и делом. Толстой писал ей с благодарностью: «Спасибо, спасибо, милая Галя, за доброту. Как эта доброта нужна всем нам» (8—9 (?) октября 1910 г.).

После смерти Толстого огромная часть его корреспондентов перешла к Чертковым, к ним потянулись единомышленники и последователи писателя. Отвечая на письма, А. Черткова бывала всегда внимательна, для каждого находила нужное слово. В доме Чертковых, где бы они ни жили (на хуторе Ржевск, в Англии, в Телятинках, в Москве), всегда бывало много людей, для всех находились кров, кусок хлеба, поддержка. Вместе с мужем А. Черткова многих сумела спасти от преследований властей и до 1917 г., и после.

Но особое место в её жизни занимала музыка: в юности она занималась пением с хорошими педагогами. Позднее записывала песнопения разных русских религиозных течений: малеванцев, духоборов, молокан, скопцов, хлыстов и др. В 1912 г. в изд. Юргенсона вышли три выпуска сборника «Что поют русские сектанты», сборник песен и гимнов под заглавием «Сеятель», пять выпусков её собственных «Мелодий» для пения и сборник «Песенки и каноны для детских голосов».

Последние годы жизни Черткова, несмотря на тяжёлую болезнь, была занята подготовкой к изданию Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого (Юб.). В послесловии к сборнику «Памяти А.К. Чертковой» Чертков писал о ней: «Не было почти отрасли в моей деятельности, в которой я не опирался, а во многом и всецело не полагался на неё, не говоря о её самостоятельных работах в связи с её собственными писаниями, с перепиской с единомышленниками, с её музыкальными изданиями и пр.».

Лит.: Черткова А.К. Мои первые воспоминания о Толстом // Лев Николаевич Толстой. Юб. сб. М.-Л., 1928; Черткова А.К. Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // ТВС. 1.

Ю.Д. Ядовкер

ЧЕХОВ Антон Павлович (1860-1904) — писатель, драматург. Родился в Таганроге. Дед его со стороны отца был крепостным помещика Черткова в Воронежской губ. Он выкупил на волю себя и своих детей. Отец Чехова имел в Таганроге бакалейную лавку. Разорившись, уехал в Москву, и Чехов, подросток, остался в Таганроге один, учился в гимназии. Я зарабатывал на жизнь репетиторством. На его долю выпали унижения и бедность. В 1884 г. Чехов окончил медицинский факультет Московского университета, но его влекло к литературе. Печататься начал ещё в студенческие годы в юмористических журналах. С 1885 г. его рассказы публиковались в «Петербургской газете» и с 1886 г. в «Новом времени» (Толстой читал эти издания). В 1886-1890 гг. Чехов выпустил сборники «Пёстрые рассказы», «В сумерках», «Хмурые люди»; его повести и рассказы появлялись в толстых журналах. Пьесы Чехова «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад» ставились на сценах столичных и провинциальных театров.

Толстой и Чехов познакомились 8 августа 1895 г. в Ясной Поляне, где Чехов провёл два дня. Приехав утром, он увидел Толстого в аллее парка и принял его предложение искупаться в реке Воронке. Первый их разговор происходил «по горло в воде» (Л.Н. Толстой и А.П. Чехов: рассказывают

современники, архивы, музеи... / Сост. и автор коммент. А.С. Мелкова. М.: Наследие, 1998. С. 223. Далее: Толстой и Чехов, с указанием страницы). В Ясной Поляне в те дни были Н.Н. Страхов, С.И. Танеев, И.И. Горбунов-Посадов, В.Г. Чертков, С.Т. Семёнов. Говорили о книге Чехова «Остров Сахалин», о богатствах Сибири. Чертков и Горбунов-Посадов читали начало романа «Воскресение». Чехов высоко оценил картину суда над Масловой и сделал замечание по поводу срока наказания. Он вызвал живой интерес у С.А. Толстой и её дочерей.

15 февраля 1896 г. Чехов и А.С. Суворин были у Толстых в Хамовниках. Говорили о картине Н.Н. Ге из жизни Христа, о Софокле, о поэте Верлене, о декадентах, о работе Толстого над романом «Воскресение». Толстой подарил Чехову свою фотографию с дарственной надписью.

28 марта 1897 г. Толстой навещал Чехова в клинике профессора А.А. Остроумова на Девичьем поле в Москве. Чехов оказался там из-за сильного лёгочного кровотечения. Гуляя по коридору, они беседовали о бессмертии, о рассказе К. Носилова «Театр у вогулов», о романе Толстого «Воскресение» и статье «Что такое искусство?».

Весной 1899 г. Чехов жил в квартире, которую снимал в доме Шешкова на Малой Дмитровке. Туда 22 апреля пришёл Толстой. Он познакомился с сестрой Чехова Марией Павловной и застал там актёров А.Л. Вишневского и А.И. Сумбатова (Южина). Возник разговор о Малом театре и МХТ'е, пьесе Чехова «Дядя Ваня». Говорили и о романе Толстого «Воскресение». На следующий день Чехов был у Толстого в Хамовниках. Слушали игру на рояле А.Б. Гольденвейзера; говорили о Горьком и о литературном критике М.О. Меньшикове, о его желании познакомить Т.Л. Толстую и М.П. Чехову.

В сентябре 1899 г. Чехов поселился в собственном доме в Крыму, в деревне Аутке, под Ялтой (сейчас Дом-музей А.П. Чехова входит в черту города Ялты). Переехать на юг Чехову советовали врачи. С 8 сентября 1901 г. по 25 июня 1902г. недалеко от Ялты, в Гаспре, жили Толстые. Все дальнейшие встречи Толстого и Чехова происходили на даче в Гаспре.

12 сентября 1901 г. Чехов навещал Толстого. Говорили о Крыме, о женитьбе Чехова на актрисе О.Л. Книппер, о матери Чехова и их одиночестве зимой в Аутке, о повести Чехова «В овраге» и его пьесах. П. А. Сергеенко сделал фотографии на верхней

террасе дачи. 5 ноября 1901 г. Чехов — снова в Гаспре: в этот день С.А. Толстая сделала фотографии Толстого с Чеховым. 14 ноября 1901 г. Чехов приехал в Гаспру с М. Горьким и поэтом К.Д. Бальмонтом. Толстой

говорил о женских образах у Тургенева, о Рёскине и его мысли о воспитательном значении искусства.

17 января 1902 г., в свой день рождения, Чехов (с врачом И.Н. Альтшуллером) посетил Толстого. Разговаривали о повести А.И. Куприна «В цирке». Чехов советовал Толстому прочитать в журнале «Русское богатство» очерк В.Г. Короленко «У казаков». 31 марта 1902 г. Толстой и Чехов виделись в последний раз. У Толстого были доктора С.Я. Елпатьевский и Д.В. Никитин; позже пришли М. Горький, Л.А. Сулержицкий. Говорили об отмене выборов в почётные академики Горького, о предложении Короленко выйти из Академии; о французских поэтах. Толстой сказал Чехову, что его пьесы хуже, чем у Шекспира.

Толстого и Чехова связывали глубокие и прочные симпатии, но большая разница в возрасте — Чехов на 32 года моложе Толстого — мешала Чехову стать в более близкие отношения с Толстым. Странно, но Толстой и Чехов не переписывались. Только однажды фамилия Чехова стоит под коллективной поздравительной телеграммой Толстому по случаю его 75-летия — 27 августа 1903 г. от редакции журнала «Русская мысль». Толстой подарил Чехову три своих фотографии с дарственными надписями. Эти три подписи-автографа — единственные письменные обращения Толстого к Чехову. Известно большое число дарственных надписей Чехова на книгах и фотографиях, но ни одна из них не была адресована Толстому. Чехов всегда был крайне сдержан в выражении своих симпатий. Толстой активнее шёл навстречу Чехову: ещё 5 января 1893 г. вместе с И.Е. Репиным он искал в Москве встречи с ним, не зная, что Чехов с марта 1892 г. жил в Мелихове Серпуховского уезда. Чехов более двух лет медлил с «ответным визитом».

Своеобразный характер отношений двух писателей отметил С.Л. Толстой: «Отец чувствовал, что Антон Павлович, хотя относится к нему с большой симпатией, не разделяет его взглядов. Он вызывал его на спор, но это не удавалось; Антон Павлович не шёл на вызов. Мне кажется, что моему отцу хотелось ближе сойтись с ним и подчинить его своему влиянию, но он чувствовал в нём молчаливый отпор, и какая-то грань мешала их дальнейшему сближению» (*Очерки былого*. 1968. С. 215).

То, что испытывал Чехов к Толстому, можно сравнить с невысказанной любовью. «В своей жизни я ни одного человека не уважал так глубоко, можно даже сказать, беззаветно, как Льва Николаевича», — признавался Чехов в письме Горбунову-Посадову 9 ноября 1898 г. Наиболее сильно выразил Чехов свои симпатии к Толстому в письме М.О. Меншикову 28 января 1900 г.; «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место <...> я ни одного человека не люблю так, как его...»

Только после смерти Чехова, в 1908 г., Толстой познакомился с этим чеховским признанием. В дневнике Д.П. Маковицкого 25 марта записан

разговор Толстого с сыном Сергеем о статье Меншикова «Толстой в плену», где цитировалось это письмо: «Сергей Львович: “Читал ты, папа, в фельетоне Меншикова письмо Чехова к нему о тебе?” — Л.Н. кивнул головой и сказал: “Я не знал, что он меня так любил”».

7 декабря 1901 г. Толстой приехал из Гаспры в Ялту, где снимала квартиру его дочь Мария Львовна. Он хотел навестить Чехова, но тот был болен. Толстой позвонил ему по телефону. А.М. Горький 31 марта 1902 г. в Гаспре наблюдал отношение Толстого к Чехову: «Чехова он любил и всегда, глядя на него, точно гладил лицо А.П. взглядом своим, почти нежным в эту минуту. Однажды А.П. шёл по дорожке парка с Александрой Львовной, а Толстой, ещё больной в ту пору, сидя в кресле на террасе, весь как-то потянулся вслед им, говоря вполголоса: “Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня! И ходит, как барышня. Просто — чудесный!”» (Горький М. Лев Толстой. Письмо).

Толстой впервые прочитал рассказы Чехова, когда тот только начал печататься в журналах и газетах, и сразу отметил его талант. В библиотеке писателя в Ясной Поляне сохранились и сборники рассказов Чехова, вышедшие в свет в те годы. Как бы заново Толстой открыл Чехова, когда были изданы его собрания сочинений (СПб.: Изд. А.Ф. Маркса. 1899-1902: В 10 т. и Полн. собр. соч. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1903: В 16 т.). Страницы этих изданий хранят многочисленные пометы Толстого. Особенно много помет и вычёркиваний в тексте рассказа «Душечка» (т. XII). Много помет и на страницах журнала «Книжки “Недели”» (СПб., 1899. Январь) — в тексте рассказа «По делам службы».

В начале 1903 г. Толстой составил, видимо, для издания в «Посреднике», список наиболее любимых им рассказов Чехова, разделив их на два сорта: «1 сорт: 1) “Детвора”, 2) “Хористка”, 3) “Драма”, 4) “Дома”, 5) “Тоска”, 6) “Беглец”, 7) “В суде”,

612

8) “Ванька”, 9) “Дамы”, 10) “Злоумышленник”, 11) “Мальчики”, 12) “Темнота”, 13) “Спать хочется”, 14) “Супруга”, 15) “Душечка”. 2 сорт: 1) “Беззаконие”, 2) “Горе”, 3) “Ведьма”, 4) “Верочка”, “На чужбине”, 6) “Кухарка женится”, 7) “Канитель”, 8) “Переполох”, 9) “Ну, публика!”, 10) “Маска”, 11) “Женское счастье”, 12) “Нервы”, 13) “Свадьба”, 14) “Беззащитное существо”, 15) “Бабы”» (Толстой и Чехов. С. 21-22).

О том, как Толстой относился к его творчеству, Чехов узнавал из писем общих знакомых. В январе 1899 г. в журналах «Семья» (М.) и «Книжки “Недели”» (СПб.) были опубликованы рассказы Чехова «Душечка» и «По делам службы». Толстой был в восторге от них и читал их несколько раз своим гостям. Меншиков в письме 19 января 1899 г.

передавал Чехову содержание письма к нему одной дамы: «Читал (Лев Н.) вчера нам два рассказа Чехова. Оба хороши. <...> Он находит, что Чехов — великий талант, великий писатель». Горбунов-Посадов писал Чехову 24 января 1899 г. о чтении Толстым рассказов «Душечка» и «По делам службы». О «Душечке»: «Лев Н. в восторге от неё. Он всё говорит, что это перл, что Чехов — это большой-большой писатель. Он читал её уже чуть ли не 4 раза вслух и каждый раз с новым увлечением. Ах, как он чудно читает!» (Толстой Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, и Чехов. С. 152 — 153). Рассказ «Душечка» Толстой включил со своими поправками в «Круг чтения». И к рассказу написал «Послесловие»: он не соглашался с автором, который «хочет посмеяться» над женщиной, не имеющей своего мнения, повторяющей слова мужчин, любимых ею: «не смешна, а свята, удивительна душа Душечки, с своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит».

Образ сотского Лошадина из рассказа «По делам службы» Толстой считал художественным открытием Чехова. Об этом — в его дневнике 7 мая 1901 г.: «Видал во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, какую приобретают типы от смело накладываемых теней». Толстой не завидовал Чехову, но восхищался им. Он дал очень верное определение его таланта. Чехов узнал об этом из письма к нему 5 сентября 1903 г. юриста и писателя Б.А. Лазаревского, посетившего Толстого в Ясной Поляне: «Чехов — это Пушкин в прозе...» (Толстой и Чехов. С. 201).

После смерти Чехова в интервью корреспонденту газеты «Русь» (СПб.) А.В. Зенгеру Толстой дал глубокую оценку творчества и личности Чехова: «Чехов, видите ли, это был несравненный художник... Да, да... Именно несравненный... Художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное. Я как-то читал книгу одного немца, и там вот молодой человек, желая сделать своей невесте хороший подарок, дарит ей книги, и чьи? Чехова... Считая его выше всех известных писателей... Это очень верно; я был поражён тогда...

Он брал из жизни то, что видел, независимо от содержания того, что видел. Зато если уж он брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно, — до мелочей ясно... То, что занимало его в момент творчества, то он воссоздавал до последних чёрточек... Он был искренним, а это великое достоинство: он писал о том, что видел и как видел... И благодаря искренности его, он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде! Его язык — это необычный язык. Я помню, когда я его в первый раз начал читать, он мне показался таким странным, «нескладным»; но как только я вчитался, так этот язык захватил меня.

Да, именно благодаря этой «нескладности» или, не знаю, как это назвать, он захватывает необычайно и, точно без всякой воли вашей, вкладывает вам в душу прекрасные художественные образы. <...> Я повторяю, что новые формы создал Чехов и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике он, Чехов, гораздо выше меня!.. Это единственный в своём роде писатель. <...> Я хочу вам сказать ещё, что в Чехове есть ещё большой признак: он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать, — я это знаю по собственному опыту. <...> Одно могу сказать вам: смерть Чехова — это большая потеря для нас, тем более что, кроме несравненного художника, мы лишились в нём прелестного, искреннего и честного человека... Это был обаятельный человек, скромный, милый...» (Толстой и Чехов. С. 287—288).

А.С. Мелкова

613

ЧИСТЯКОВ Матвей Николаевич (1854-1920) — управляющий хозяйством у В.Г. Черткова на хуторе Ржевск Воронежской губ. Корреспондент и адресат Толстого. Часто бывал в Ясной Поляне с поручениями от Черткова, Толстой называл его «живой грамотой» от Черткова. «Чистяков мелкий, но ясный, умный, простой. Ходил с ним», — записал Толстой в дневнике 19 октября 1889 г. (50: 159). Через день: «Разговор с Чистяковым о его женитьбе. Что-то ненатурально в роли учителя и советчика, которую они заставляют меня играть». 4 декабря — записи о том, что «приехали Эртель, Чистяков и Переплётчиков» и Толстой «много говорил и горячо об искусстве», после завтрака и до обеда работал — пилил с Чистяковым и Переплётчиковым дрова. Через три дня в письме И.Д. Ругину: «На днях был у нас Чистяков. Какой хороший!» (64: 342).

В 1891 г. Чистяков работал с Толстым на голоде. Из Бегичевки, где находился главный пункт распределения помощи голодающим, Толстой почти ежедневно писал жене, и почти в каждом письме упоминал о М.Н. Чистякове, который «хорошо и много помогает» (84: 102), с которым обсуждали дела «вместе спокойно и любовно» (84: 106). «Матвей Николаевич всё у нас. Я его не пускаю, и он ждёт, и нам полезен и приятен», — сообщал он С.А. Толстой 19 ноября 1891 г. (84: 101). С Чистяковым Т.Л. Толстая ездила в дальние деревни открывать столовые. Когда «милый Чистяков» уехал, Толстой радовался, что он «оставил дела в большом порядке» (84: 154), и писал ему 11 февраля 1892 г. из Бегичевки: «Дорогой друг Матвей Николаевич. <...> Поминаем вас с самым хорошим чувством все. Много нового, есть новые помощники, но

вас никто заменить не может. <...> Но я говорю и думаю, что М.Н. везде нужен» (66: 158-159).

Порой между Толстым и Чистяковым возникали разногласия, в частности по вопросам веры. В дневнике 1 апреля 1891 г. Толстой отметил: «Прекрасное было письмо от Черткова. Он писал о М.Н., как он, добрый человек, сначала увлёкся христианством, как чем-то родственным его душе; но когда он понял, что требование христианства - отдать всё, всего себя, и не чувствовать за это никакого достоинства, то он ужаснулся и отклонился. Но это только на время» (52: 28). В письме к самому Чистякову 9 декабря 1892 г., отвечая на его письмо, Толстой объяснял своё отношение к Богу, к молитве: «Вы там говорите, что я как будто не признаю Бога. Тут недоразумение. Я ничего не признаю, кроме Бога» (66: 285).

Н.И. Бурнашёва

ЧИЧЕРИН Борис Николаевич (1828 — 1904) — близкий знакомый Толстого. Юрист-государствовед, философ, историк, публицист и общественный деятель. Учился в Московском университете, в 1856 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Областные учреждения России в XVII веке». С 1861 г. профессор кафедры русского права Московского университета. В 1866 г. в качестве докторской диссертации защитил книгу «О народном представительстве». В 1868 г. вышел в отставку вместе с группой профессоров в знак протеста против нарушения университетского устава, жил в родовом имении Караул Тамбовской губ.

Толстой был ровесником Чичерина, их первое знакомство произошло в декабре 1856 г. в Петербурге, куда Чичерин приезжал для защиты диссертации. Вновь они встретились в Москве в конце января 1856 г., Чичерин Толстому «очень, очень понравился». Прошёл год, прежде чем они сблизились настолько, что виделись почти ежедневно, о чём говорят и дневники Толстого и воспоминания Чичерина. Он писал о своём отношении к Толстому: «Меня привлекала эта чуткая, восприимчивая, даровитая, нежная, а вместе с тем крепкая натура, это своеобразное сочетание мягкости и силы, которое придавало ему какую-то особенную прелесть и оригинальность. Мы виделись почти каждый день, иногда ездили ужинать вдвоём и вели долгие беседы» (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. М., 1929. С. 213). Они сразу стали говорить друг другу «ты», что для Толстого было большой редкостью: в своей жизни он был на «ты» всего с двумя-тремя людьми, Чичерин был в их числе.

Толстой тогда очень нуждался в близком друге, в которого мог бы «перелить все накипевшие чувства». И он принял за такого друга рассудочного и педантичного Чичерина. В свою очередь Чичерин писал Толстому, как упорно хотел он с ним сблизиться, как к нему он

«почувствовал такое горячее влечение, какое некогда чувствовал к наставнику или к любимой женщине, но никогда ещё в такой степени к сверстнику» (Письма Толстого и к Толстому. М., 1928. С. 264). Вероятно, личные отношения достигли апофеоза к середине февраля 1858 г. 12 февраля в дневнике Толстой записал: «Чичерин говорил, что любит меня. <...> Я благодарен ему и горд этим. Он мне очень полезен». 13 февраля, перед отъездом из Москвы в Ясную Поляну, Толстой половину ночи провёл с Чичериным в модном тогда ресторане Шевалье. Позднее он писал Чичерину о своём желании «пофилософствовать»

614

«о бессмертии души и о прочем» и вспоминая вечер у Шевалье: «Я думаю иногда, что многое, многое во мне изменилось с тех пор, как мы, глядя друг на друга ели *quatre meridians* у Шевалье <буквально: «четыре нищих», десерт от Шевалье из инжира, изюма, орехов и миндаля. - Л.Д.>...» (60: 315). Это написано полтора года спустя после московского вечера у Шевалье. Толстой приглашал Чичерина приехать в Ясную Поляну, поговорить, или, как он выразился, «пощупаться», уверяя, что в деревне «никакое ломанье невозможно».

«Польза» Толстому от общения с Чичериным, широко образованным, блестящим молодым историком, была прежде всего в том, что Толстой узнавал метод исторического подхода к событиям жизни человечества. Прочитав статью Чичерина «Промышленность и государство в Англии», Толстой нашёл её «страшно интересной» и записал в дневнике 20 марта 1858 г.: «С некоторого времени всякий вопрос принимает для меня громадные размеры. Много я обязан Чичерину. Теперь при каждом новом предмете и обстоятельстве <...> я невольно ищу его место в вечном и бесконечном — в истории».

Но натуры их были слишком разными: догматический, систематизирующий, рассудочный, «слишком умный» и «страшно узкий» Чичерин и вечно ищущий и размышляющий Толстой с его кредо: «Сжечь всё то, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигал».

18 апреля 1861 г. Толстой выехал из Веймара в Дрезден, здесь нашёл два письма Чичерина, в которых тот свысока читал ему наставления. В ответ Толстой написал ему очень резкое письмо: «Мы *играли в дружбу*. Её не может быть между двумя людьми, столь различными, как мы. <...> Мы же взаимно презираем склад ума и убежденья друг друга». Это письмо не было отправлено. Переписка продолжилась, но утратила дружеский характер.

Они встречались, Чичерин приезжал в Ясную Поляну и в 1879, и в 1890 гг., Толстой навещал больного Чичерина в 1900 г.... Но общего уже ничего не было, осталась только память о прежних отношениях. В 1891-

1894 г. Чичерин написал воспоминания, где враждебно отозвался о Толстом, назвав его религиозно-нравственные искания «умственным самодурством старости». А Толстой, в разговоре о Шекспире, сказал, что нельзя верить тому, что говорит «какой-нибудь Чичерин о Шекспире, Чичерин, который, в сущности, ничего не может чувствовать и любить» (ЯПЗ. 1. С. 340). И тогда же, как бы подводя итог их взаимоотношениям, отозвался о нём: «У Чичерина нет ничего своего. Он талантливый компилятор» (ЯПЗ. 1. С. 374).

Взгляды Толстого и Чичерина на устройство государства, на искусство, христианство были всегда слишком различны, и сближение не могло не быть кратковременным, но отношения поддерживались почти полвека.

Незадолго до своей кончины Чичерин прислал Толстому трогательное стариковское письмо: «Ты хочешь со мною потолковать о Ницше — но я о нём всё давно забыл, и вспоминать не имею ни малейшего желания. Для меня это давно прошедшее. Эти пустые фразы мне надоели. Я стою на своём, и меня утомляет дальнейшее движение мысли. Ах, если б ты мог приехать сюда, хоть на одну минуту, поглядеть мне на тебя и обнять по старой дружбе. Твой давнишний друг Б. Чичерин».

Л.С. Дробат

ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (наст. имя Корнейчуков Николай Васильевич; 1882-1969) — критик, литературовед, детский писатель. Юношеский дневник Чуковского говорит, сколь велико было воздействие Толстого на будущего литератора. Молодой Чуковский живо откликался на каждое новое произведение писателя, он был «не согласен ни с одной мыслью Толстого» (Чуковский К.И. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 10), но восхищён «образной художественной силой» его гения. «Анна Каренина» для него — «это дивное окно, открытое в жизнь», «Крейцера соната» потрясла его: «Она меня как доской придавила. Ужас — и больше ничего» (там же. С. 12, 15). В 1902 г., когда газеты сообщали о тяжёлой болезни Толстого и возможной его скорой смерти, Чуковский написал стихотворение «Памяти Толстого», в котором автор «Воскресения» представлен в образе спасителя человечества, он ведёт «серое, испуганное стадо» сквозь мрак и тьму к «святому Эльдorado».

Как корреспондент газеты «Одесские новости» в 1903 г. Чуковский отправился в Лондон. В его лондонских статьях не раз появляется имя Толстого, чьи произведения и философия подаются как важнейший факт не только русской, но и мировой культуры.

С 1905 г. Чуковский жил в Петербурге и печатался в столичных изданиях. В это время он написал статью «Толстой и интеллигенция» (1905), где полемизировал с представителями различных идейно-

политических течений, стремившихся доказать принадлежность Толстого к их лагерю.

615

Он утверждал, что мировоззрение писателя всегда было независимо от взглядов так называемой «прогрессивной интеллигенции», а она сама казалась Толстому «какими-то пузырями огромного моря, имя которому народ».

Уже не публицистический а литературно-критический характер носила статья Чуковского «Толстой как художественный гений» (1908). Критик видел противоречие между Толстым-мыслителем и Толстым-художником: «Лев Толстой хоть и говорит», что «мир прогнил насквозь — но не может оторвать от него своих очарованных глаз». Автор называл Толстого «гением поневоле», который не мог не быть художником, даже стремясь создавать дидактические произведения. Основной чертой его художественной манеры Чуковский считал то, что «Толстой не изображает людей, он преобразуется в них». «Он создал не только множество людей, но и множество миров. Он как бы предоставил каждому своему персонажу его собственную вселенную...» Героев Толстого, по мнению критика, нельзя раз и навсегда поместить в рамки какого-то определённого литературного типа: «никто не поймёт, что такое “каренничество”, или “безуховщина”, или “ростовизм”». Потому что «они для этого слишком живы, слишком сложны, слишком неопределимы, слишком динамичны, — и, кроме того, каждый из них слишком переполнен своею неповторяемою, непередаваемою, но явно слышимую душевною мелодией»; «они живут перед нами — изо дня в день, из года в год». Суждение Чуковского было известно Толстому, о чём он беседовал в 1910 г. с В.Г. Короленко. К этому времени Чуковский был уже широко популярен как оригинально мыслящий критик со своим ярким артистическим стилем, его лекции и статьи вызывали живой отклик. Известен и отзыв Толстого на его книгу «Нат Пинкертон и современная литература» (1908). 21 апреля 1910 г. В.Ф. Булгаков сделал запись о посещении Ясной Поляны Л. Андреевым: «За чаем он рассказывал Льву Николаевичу о критике К. Чуковском, который поднял вопрос о специальной драматической литературе для кинематографа. Сам Андреев этим вопросом очень увлечён. Лев Николаевич слушал сначала довольно скептически, но потом, видимо, мало-помалу заинтересовался. “Непременно буду писать для кинематографа!” — заявил он в конце беседы».

Летом 1910 г. Чуковский задумал опубликовать в газете «Речь» статьи известных людей, «чьи имена авторитетны для всего человечества» и в которых выражался бы протест против смертной казни в России. Он

обратился с этой просьбой к Горькому, Короленко, Репину, Л. Андрееву. 24 октября 1910 г. он писал Толстому: «Лев Николаевич <...> пришлите мне хоть десять, хоть пять строчек о палачах и о смертных казнях, и редакция “Речи” с благоговением напечатает этот единовременный протест лучших людей России против неслыханного братоубийства, к которому мы все привыкли и которое мы все своим равнодушием и молчанием поощряем». Это письмо было получено в Ясной Поляне 26 октября, в тот же день в дневнике Толстой отметил: «Написал Чуковскому о смертной казни». Вот как об этом единственном эпизоде общения с автором «Войны и мира» позже вспоминал Чуковский: «Теперь я написал бы это письмо по-другому, но ведь оно написано полвека назад! Толстой откликнулся на моё письмо небольшой статьёй “Действительное средство”. Закончить её в Ясной Поляне ему не пришлось, он совершал тогда свой знаменитый “уход”, но и в эти трагические предсмертные дни не забыл о мучительной теме, взял с собой начатую рукопись и закончил её в Оптиной пустыни...» Статья «Действительное средство» была завершена Толстым за десять дней до смерти и стала его последним произведением. Чуковский получил рукопись от В.Г. Черткова в день похорон Толстого.

После революции Чуковский был вынужден оставить поприще литературного критика, он стал детским поэтом, а «взрослой» литературой занимался уже как учёный-литературовед. В поле его научных интересов находилась литература 1860-х гг., он обнаружил и изучил множество архивных документов этого периода. В 1928 г. в руках у Чуковского оказалась переписка Толстого с А.В. Дружининым и дневники Дружинина с неизвестными ранее сведениями о Толстом времён начала его литературной деятельности. Опираясь на эти материалы, Чуковский опубликовал статью «Молодой Толстой» (1930). Позднее эта статья была переделана в очерк под названием «Дружинин и Лев Толстой» и вошла в книгу «Люди и книги шестидесятых годов» (1934). Здесь Чуковский рассказал об отношениях молодого Толстого с литераторами 1860-х гг. — Дружининым, Анненковым, Боткиным, Фетом, о том, как сначала Толстой «страстно и наивно уверовал в них <...> и даже вообразил себя их идейным соратником», а впоследствии резко и навсегда разошёлся с ними.

М.А. Обухова

III

ШАЛЯПИН Фёдор Иванович (1873 - 1938) — певец, бас. Пел на сценах многих театров России и Европы. В его даровании органично сочетались природная музыкальность, незаурядные вокальные данные и замечательный артистический талант. В галерее музыкальных образов, созданных Шаляпиным, преобладают персонажи русских опер: это Борис Годунов, Пимен, Варлаам в опере «Борис Годунов» и Досифей в «Хованщине» М. Мусоргского, Иван Сусанин в опере М. Глинки «Жизнь за царя», Мельник в «Русалке» А. Даргомыжского, Владимир Галицкий в «Князе Игоре» А. Бородина, Демон в одноимённой опере А. Рубинштейна и др. В операх зарубежных композиторов певец также создал незабываемые образы-шедевры: дон Базилио, Мефистофель, Дон Кихот... Творчество Шаляпина оказало огромное влияние на развитие не только русской, но и всей мировой музыкальной культуры.

9 января 1900 г. молодой Ф.И. Шаляпин пел в московском доме Толстых в Хамовниках. Как вспоминал С.Л. Толстой, «его пение не особенно понравилось отцу, может быть, потому, что ему не нравились те пьесы, которые пел Шаляпин, например, “Судьба” Рахманинова и “Блоха” Мусоргского; но, когда по его просьбе Шаляпин спел народную песню, а именно “Ноченьку”, Лев Николаевич с удовольствием его слушал и сказал, что Шаляпин поёт эту песню по-народному, без вычурности и подделки под народный стиль» (*Очерки былого*. Гл. «Музыка в жизни моего отца»). Сам Шаляпин об этом вечере рассказал в одном из писем: «Помню, запел балладу “Судьба”, только написанную Рахманиновым на музыкальную тему Пятой симфонии Бетховена и на слова Апухтина. Рахманинов мне аккомпанировал, и мы оба старались представить это произведение возможно лучше, но так мы и не узнали, понравилось ли оно Льву Николаевичу. Он ничего не сказал. Он опять спросил: “Какая музыка нужна людям — музыка учёная или народная?”

М. Горький и Ф. Шаляпин. 1901 г.

Меня просили спеть ещё. Я спел ещё несколько вещей и, между прочим, песню Даргомыжского на слова Беранже “Старый капрал”. Как раз против меня сидел Лев Николаевич, засунув обе руки за ремённый пояс своей блузы. Нечаянно бросая на него время от времени взгляд, я заметил, что он с интересом следил за моим лицом, глазами и ртом. Когда я со слезами говорил последние слова расстреливаемого солдата: “Дай Бог домой вам вернуться”, — Толстой вынул из-за пояса руку и вытер скатившиеся у него две слезы» (Лев Толстой и музыка. С. 181-182). О том же визите Шаляпина в дом Толстого в своём дневнике писал А.Б. Гольденвейзер: «Шаляпин пел что-то из Мусоргского, который никогда на Льва Николаевича не производил впечатления, “Судьбу” Рахманинова, показавшуюся ему фальшивой (слова Апухтина он назвал отвратительными), что-то Шуберта и Шумана и чудесную русскую песню “Ночь”. За исключением Шумана, Шуберта и песни,

617

Лев Николаевич ко всему остался совершенно равнодушен. Шаляпин не был в этот вечер особенно “в ударе”, но пел всё-таки чудесно, и я думаю, что пение его мало дошло до Льва Николаевича отчасти из-за выбора вещей, а главное, из-за того, что Лев Николаевич был не в духе» (там же. С. 182). В тот вечер Толстой подарил гостю свою фотографию. В дальнейшем писатель не проявлял интереса к творчеству Шаляпина, хотя в семье Толстых нередко упоминалось его имя.

Н.И. Бурнашёва

ШАМИЛЬ (1799-1871) — имам (религиозный вождь) Дагестана и Чечни (1834—1859), глава мусульманского военно-теократического государства. Родился в семье аварского узденя (крестьянина) в ауле Гимры, воспитывался в среде высшего мусульманского духовенства. Умелый оратор, соединивший в себе способности воина и администратора, приобрёл популярность в народе. Шамилю удалось объединить горцев и подчинить себе влиятельных феодалов. Избранный третьим имамом Дагестана, поддерживаемый знатью и религиозными деятелями, провозгласил газават — священную войну против «неверных» (впоследствии это движение получило название мюридизм) и стал во главе государства.

Более четверти века боролся Шамиль с могущественной Российской империей, обращая на себя внимание всей Европы своим умением подчинить суровой деспотической власти вольные дагестанские общества. Основой всей системы, созданной Шамилем, были наибы — заместители имама. В начале правления Шамиля их было только четверо, в 1856 г. уже насчитывалось 33. Наибы осуществляли всю полноту власти на подвластной им территории и отвечали там за соблюдение законов, собирали налоги, исполняли приговоры шариатского суда, но главное — выполняли функцию, обеспечивающую командование людьми и их боеготовностью.

Шамиль учредил обязательную военную службу. Всё мужское население поголовно обучалось военному делу. Шамиль насаждал и осуществлял шариат — вероучение, исповедующее мусульманский образ жизни. Под страхом смерти запрещалось курение и употребление алкоголя, предписывалась особая одежда для женщин, скрывающая их лица. Музыка и танцы допускались только на свадьбах. При мечетях открывались исламские школы, где детей и взрослых обучали правилам поведения правоверных.

В середине 1840-х гг. поселившись после ряда военных неудач в селении Дарго, среди дремучих ичкерийских лесов, Шамиль поднял против русских войск Нагорную, Большую и Малую Чечню и присоединил часть Дагестана. В период своего правления он мог собирать под знамёна свыше 60 тысяч пехоты и конницы, имел литейные и пороховые заводы. В ходе Кавказской войны Шамиль не раз наносил серьёзные поражения русской армии. Но в 1859 г. военное счастье изменило ему. Осаждённый в своём последнем убежище, высокогорном селении Гуниб, он сдался главнокомандующему Кавказской армией генералу А.И. Барятинскому. Уважая заслуги пленённого противника, Барятинский позволил оставить при нём личное оружие и от имени государя гарантировал ему и его семейству безопасность. Шамиль сказал генералу: «Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию, но

теперь народы мои мне изменили, наибы мои передались вам, да и сам я утомился борьбой. Я стар, мне 63 года. Поздравляю вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами для их собственного блага» (Указатель по Кавказскому военно-историческому музею; Тифлис. 1907. С. 97).

С пленением имама фактически закончилась долгая Кавказская война. Шамиль принял присягу на верность России. Он жил с семейством в Калуге и Киеве в отведённых для него резиденциях. В 1869 г. царь Александр II разрешил Шамилю отправиться в паломничество в Мекку. Там он умер и похоронен в Медине в 1871 г.

Шамиль. Конец 1860-х гг.

Толстой — участник Кавказской войны (июнь 1851 — январь 1854 гг.). Имена Шамиля и одного из его наибов Хаджи-Мурата были ему хорошо известны. Спустя много лет писатель возвратился к событиям на Кавказе. Работая над повестью «Хаджи-Мурат», он изучал материалы о Шамиле и его наибах, о военных действиях и обычаях горцев... Шамиль стал одним из персонажей повести Толстого «Хаджи-Мурат».

Лит.: Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2001; Лев Толстой и уроки Кавказской войны // Материалы XXVII Международных Толстовских чтений. — Тула, 2002.

Л.Ф. Подсвинова

ШАХОВСКОЙ Дмитрий Иванович (1861-1939), князь — общественный деятель,

статистик, историк, один из создателей и лидеров партии кадетов. Внук декабриста кн. Ф.П. Шаховского. Депутат и секретарь 1-й Гос. думы; министр Временного правительства.

В 1891-1892 гг. участвовал в помощи голодающим, организованной Толстым. В 1912-1913 гг. проводил Всероссийские кооперативные съезды в Петербурге, Киеве и Москве. В 1915 г. был учредителем и председателем совета Исполнительного бюро всероссийского потребительского общества «Кооперация» в Москве.

В годы Гражданской войны — активный деятель антибольшевистского подполья. С 1921 г. работал в кооперации и Госплане. В 1920-х гг. занимался краеведением, историей движения декабристов; подготовил издание сочинений своего двоюродного деда П.Я. Чаадаева. В 1938 г. арестован; в 1939 г. расстрелян.

С Толстым Шаховской познакомился в 1880 г., бывал у него в Ясной Поляне и Москве, фактически был другом семьи; нередко упоминался в переписке Толстого. В 1880-х гг. он, по его собственным словам, «отдал дань» увлечению «толстовскими идеями» и вступил в Петербурге в кружок (участвовали также Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурга, В.И. Вернадский, И.М. Гревс, А.А. Корнилов и др.) для изучения народной литературы и литературы для народа, составления её общих и рекомендательных каталогов, издания книжек для народа и т.п. В 1885 г. на почве общих интересов кружок сблизился с членами редакции «Посредника» и на заседаниях его бывали В.Г. Чертков, П.И. Бирюков, А.М. Калмыкова, Е.П. Свешникова.

17 января 1895 г. перед депутациями от земств и дворянства Николай II произнёс речь, в которой предостерег земских деятелей от увлечения «бессмысленными мечтаниями» об участии в делах внутреннего управления и заявил, что будет «охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его незабвенный покойный родитель». Через несколько дней, 26 января, в Москве по инициативе Шаховского было созвано совещание представителей либеральной интеллигенции под председательством П.Н. Милюкова для обсуждения вопроса о выражении протеста против речи императора. Среди собравшихся был и Толстой, которого просили написать текст протеста для оглашения его за границей, но Толстой отказался. В дневнике он писал: «Были на собрании Шаховского. Напрасно были. Всё глупо и очевидно, что организация только парализует силы частных людей» (53: 4).

Свои впечатления о встречах и беседах с Толстым Шаховской рассказал в статье «Толстой и русское освободительное движение»

(Минувшие годы. 1908. № 9). В 1930-х гг. Шаховской помогал в работе над Юб. (консультировал; см. например, 85: 340-341).

В.М. Бокова

ШВЕЙЦЕР Альберт (1875-1965) — немецко-французский философ, гуманист, теолог, протестантский пастор, этнограф, врач, музыкант. Лауреат Нобелевской премии мира (1952). Он родился в Эльзасе и прожил долгую 90-летнюю жизнь, оставил после себя много научных трудов, но главное — сделал много добрых дел, на протяжении 50-ти с лишним лет помогая больным и нуждающимся.

Его отец был руководителем общины евангелистов, мать тоже происходила из семьи священнослужителя. Будущий мыслитель закончил Страсбургский университет, стажировался в Сорбонне и Берлинском университете. В 1899 г. получил учёную степень доктора философии (диссертация «Философия религии Канта»), в 1900 г. стал доктором теологии, с 1913 г. — доктор медицины.

Имя и сочинения Толстого вошли в жизнь Швейцера ещё в его студенческие годы. «Творения Толстого я открыл в 1893 г., начав учиться в Страсбургском университете, — позднее писал Швейцер в статье «Воспитатель человечества Толстой». — Люди, которые не жили в те годы, когда по Западной Европе распространилась слава Толстого, не могут представить себе, что это означало для нас. Прежде всего, это было событием в литературе. Ни с чем не сравнимое совершенство романов Толстого приводило всех в восхищение. Но в дальнейшем люди всё больше убеждались, что великий писатель является провозвестником неких новых истин. В романах своих он говорил о том, каким должен быть человек, и сам стремился этого идеала достичь. У нас было такое чувство, что перед нами вырос пророк, владеющей тайной Слова. Ощущение это было не только у молодёжи, но и у представителей старшего поколения» (Вопросы литературы. 1976. № 5. С. 315-316).

«Начиная с 1900 года меня стала занимать проблема нашей цивилизации, — писал далее Швейцер. - Я спрашивал себя, обладает ли эта цивилизация тем нравственным содержанием, которое мы вправе от неё требовать? И конечно, не что иное, как влияние Толстого, натолкнуло меня на мысль этим заняться и помогло выработать

619

те взгляды, которые я отстаивал в своей книге «Культура и этика»... Тем, что он побудил меня к этому, Толстой оказал решающее влияние на мои взгляды. Мне никогда не забыть, как я ему обязан» (там же).

Как и многие европейские интеллигенты, Швейцер был потрясён проповедью русского писателя-философа, будившего человеческую совесть. Много позже в интервью советскому журналисту Н. Португалову он говорил: «А ведь вы, молодые люди, и не представляете, что значили для нас в прошлом веке книги Льва Толстого. Мы тогда вдруг увидели и поняли, что человек может и должен быть человеком» (Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. М., 1970. С. 125).

С тех пор Толстой незримо всегда был рядом. «Он писал не для того, чтобы развлекать нас, а потому, что должен был сказать нам кое-что», он «побуждает нас задумываться над собственной нашей жизнью и ведёт нас к простому и глубокому гуманизму, — говорил Швейцер. — Когда в 1902 году я был уже не студентом, а лектором Страсбургского университета и в плане философском меня занимала проблема возврата нашей цивилизации к идеалам гуманизма <...> духовные узы, связывающие меня с Толстым, стали ещё теснее» (Швейцер А. Гениальная простота. О Л.Н. Толстом // Литературная газета. 1960. 17 ноября).

Они не были знакомы лично, но творчество Толстого всегда вдохновляло Швейцера. Его бескорыстное стремление помогать людям, отрицание насилия, национальных, расовых различий родились не без влияния Толстого. Не только в теоретическом, философском отношении Швейцер явился продолжателем толстовской философии любви и ненасилия, но и в практическом плане - как человек, всю жизнь помогавший людям, - он был полноправным наследником толстовского гуманизма.

Жизнь Швейцера круто изменилась в 1905 г., когда он, философ, органист, музыковед и специалист по христианству, вдруг, неожиданно для своих близких, решил поступить на медицинский факультет. Этому «чужачеству» подивились все, кто знал Швейцера, но удивление возросло ещё больше, когда стало известно, что он намерен бросить всё и ехать в Экваториальную Африку, чтобы работать там врачом, оказывать медицинскую помощь больным неграм. Этот проект казался уж совсем фантастическим. Другой континент, другой климат, далёкое от цивилизации местное население, да и, в конце концов, финансовый вопрос делали затею Швейцера более чем сомнительной. И всё-таки в 1913 г. он уехал в Африку и открыл в посёлке Ламбарене (ныне — территория государства Габон) больницу для местного населения, где проработал, с перерывами, до конца своих дней.

Имя Толстого часто упоминалось в работах Швейцера. В письме к В. Петрицкому философ отмечал: «Моя основная работа — философское исследование “Культура и этика”. Провести это исследование меня побудил, в частности, Толстой, который произвёл на меня большое впечатление». В «Культуре и этике» Швейцер упоминал факт разрыва

писателя с официальной церковной моралью и подчёркивал своеобразие Толстого не только как художника, но и как философа-моралиста. Как и Толстой, Швейцер считал, что сущность христианской религии в единении с Богом через любовь к людям.

В нобелевской речи 1954 г. Швейцер говорил о значительном вкладе Толстого в отстаивание идей и дела мира на Земле. Имя Толстого он назвал в одном ряду с именами Конфуция, Лао-цзы, Эразма Роттердамского и Канта. Толстой-поборник мира упоминался и в статье «Размышления о философии Лао-цзы».

В 1960 г., когда весь мир отмечал 50-летие со дня смерти писателя, Швейцер послал в Россию письмо, которое озаглавил «Гениальная простота. О Л.Н. Толстом». «Я удовольствовался выпавшим на мою долю счастьем вспахать то же поле, что и он, и навсегда остался ему благодарным за влияние, которое он оказал на меня», — писал знаменитый эльзасец (Литературная газета. 1960. 17 ноября).

«Влияние» было очевидным: Швейцер, как и Толстой, критиковал разрушение нравственных основ современного общества и верил в лучшее будущее человечества; критиковал казённый патриотизм, считая, что любовь к родине не должна противоречить общечеловеческим интересам; выступал против войн и гонки вооружения, за мир между народами, полагая, что человеческая жизнь (как и жизнь других существ) священна и уничтожать её недопустимо ни под каким предлогом.

И Толстой, и Швейцер стремились к универсальности, к созданию всеобъемлющей картины мира, разрешению основных проблем человеческого существования. Им были чужды европоцентризм, узость мышления и присуще внимательное отношение к восточным религиям. Подобно Толстому, Швейцер трактовал категорию дао как путь любви, как высшую форму отношения человека к людям и к миру.

620

Толстой и Швейцер, в различной мере отрицая ценность и даже правомерность существования промышленной цивилизации, поскольку сомнительные её достижения покупаются ценой отчуждения людей от природы и друг от друга, с недоверием относились к техническому прогрессу, новейшим техническим усовершенствованиям, справедливо полагая, что цивилизация, лишённая нравственной основы, обречена на гибель, что «подлинную культуру необходимо спасти от духа растления, исходящего от больших городов и их жителей», который «оказывает неблагоприятное воздействие на состояние духовной жизни общества».

Швейцер всегда отмечал нравственную силу проповеди русского писателя: «Произведения Толстого никогда не устареют. Во все века

люди будут воодушевляться тем духовным побуждением, которое составляет их силу, — стремлением сделаться человечнее, чем ты есть» (Вопросы литературы. 1976. № 5. С. 315-316).

Лит.: Харитонов К.С. Проблема урбанизации в творчестве Л.Н. Толстого и А. Швейцера // XXIV Международные Толстовские чтения. Тула, 1998. С. 104—105; Чистякова Г.Т. Религиозный гуманизм Толстого и Швейцера // Толстой и религия. М., 1996. С. 33-37; Петрицкий В.А. Эстафета гуманизма (Лев Толстой и Альберт Швейцер) // Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. М., 1970. С. 198-212.

Ю.В. Прокопчук

ШЕВИЧ Лидия Дмитриевна (рожд. Блудова; 1815-1882) — младшая дочь Д.Н. Блудова. В 1833-1835 гг. фрейлина императрицы. Семья Блудовых принадлежала к кругу аристократических знакомых Толстого в Петербурге. В середине 1850-х гг., бывая в Петербурге, Толстой посещал дом Шевич, проводил время в её компании. Осенью 1856 г. имя Шевич часто упоминалось в дневнике: «Ездил на острова с Шевич. Приятно» (47: 69); «...у Шевич слушал дурной рассказ, у Дружинина приятно» (47: 174). Были и такие записи: «...был у Шевич, скучно, играл» (47: 103). «Вечер у Шевич с Козловой. Тупоумны» (46: 161). «У Блудовых Лидия конфузила меня своим выражением привязанности. Я боюсь, что это мешает мне видеть в ней много дурного; простились с ней» (47: 72). Со временем, вероятно, их отношения стали более отдалёнными.

Т.В. Белова

ШЕЛЛИНГ Фридрих Вильгельм Йозеф (1775-1854) — видный представитель немецкой классической философии. Взгляды Шеллинга в течение его творческой деятельности претерпели существенную эволюцию. Объединяющим все воззрения Шеллинга стал поиск немецким философом Абсолюта. На первом этапе творческого пути в фокусе внимания Шеллинга оказывалась природа, которую он понимал как целостный и живой организм, как органическую и неразрывную связь всех существующих в мире вещей, как органическое единство духовного и материального. На втором этапе предметом рассмотрения Шеллинга стал Абсолютный разум, в котором полностью совпадали, становились едиными и тождественными субъект (познающий человек) и объект (предмет познания). Для третьего этапа творчества Шеллинга характерно обращение к проблемам религии и мистики. На этом этапе немецкий философ приходил к выводу о необходимости признания

религиозного начала в качестве основы всех философских изысканий. Абсолют теперь трактовался им как Бог, сотворяющий и одухотворяющий всё сущее в мироздании.

Труды Шеллинга оказали чрезвычайно сильное влияние на судьбы русской философии и культуры. Шеллинг вплоть до конца XIX в. оставался в России властителем дум, во многом задававшим направление интеллектуальному, нравственному, эстетическому поискам отечественной гуманитарной мысли. Атмосфера почитания идей Шеллинга, сложившаяся в России, не могла не найти отражения в творчестве Толстого. Уже в ранней рукописи трилогии (1851) появился образ Васеньки, брата главного героя, ученика московского коммерческого училища: «Иной день он только и говорит, что о большом свете, и с презрением смотрит на всё, что не большой свет, другой день он сидит за каким-нибудь Шеллингом, которого не понимает, и всё пустяки, кроме философии» [1; 333]. В «Отрочестве» внимательно читал Шеллинга и Николенька Иртеньев, увлеченный философскими вопросами. Он примеривал на себя идеи философского скептицизма, воображая, что «никого и ничего не существует во всём мире, что предметы не предметы, а образы», которые являются только тогда, когда на них обращают внимание. Эта игра со своим воображением приводит Николеньку к выводу: «Одним словом, я сошёл с Шеллингом в убеждении, что существуют не предметы, а моё отношение к ним» [I: 137]. Неоднократно упоминался Шеллинг и в эпилоге романа «Война и мир», и в вариантах

621

к нему, в тех местах, где шла речь о вопросах философии истории. Вдумывался в философские построения Шеллинга и Левин в «Анне Карениной». Он, серьёзно задумываясь над проблемами смысла жизни, «перечитал и вновь прочёл и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра, тех философов, которые не материалистически объясняли жизнь» (ч. 8, гл. IX).

Толстой относил труды Шеллинга, как и труды Платона, Декарта, Спинозы, Канта, Фихте, Гегеля, Шопенгауэра к «истинно философским книгам». Об этом он писал 30 ноября 1875 г. своему другу философу Н.Н. Страхову. Из содержания письма видно, что Толстой высоко оценивал труды Шеллинга, в первую очередь связывая их с предпринятой философом попыткой найти ответы на поднятые Кантом вопросы: «что такое моя жизнь, что я такое?»

Толстой и Шеллинг были близки в своих нравственных поисках. И один и другой не принимали официального церковного культа,

стремились очистить христианство от заблуждений и псевдопонимания. Оба были устремлены к обоснованию Добра и Любви как пути к Богу.

Не устраивало Толстого в позиции Шеллинга то, что тот приписывал красоте мистическую связь с добром. И поэтому Толстой был не согласен с трактовкой Шеллингом искусства как первоосновы жизни людей, а эстетики не только как завершения философии, но и как вершины знания вообще. Именно с этими воззрениями Шеллинга и вступил Толстой в спор в трактате «Что такое искусство?». Согласно Шеллингу, писал Толстой, «искусство есть соединение субъективного с объективным, природы и разума, бессознательного с сознательным. И потому искусство есть высшее средство познания. Красота есть созерцание вещей самих в себе...» (30: 47). Такое определение искусства и красоты воспринималось писателем, с одной стороны, как справедливо констатирующее их значимость, а с другой — как мистическое и весьма неопределённое. По мнению Толстого, искусство действительно один из «органов прогресса человечества», но только настоящее, а не поддельное. С помощью образов искусства, утверждал он, человек «общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но прошедшего и будущего» (30: 167). Высокая же миссия искусства будет осуществима тогда, подчёркивал Толстой, когда «искусством будут считаться только те произведения, которые будут передавать чувства, влекущие людей к братскому единению, или такие общечеловеческие чувства, которые будут способны соединять всех людей» (30: 179).

М.Л. Лукацкий

ШЕНТЯКОВ Павел Фёдорович (1826-1899) — яснополянский безземельный крестьянин, лихой ямщик, шорник в усадьбе Толстых, недолго был кучером. Сильно пил. Упоминается в рассказе «Тихон и Маланья» под именем Пашки Шентяка. Семья у Павла большая и бедная. В «Записках христианина» Толстой описывал печальную картину бедности и запущенности двора Шентяковых.

Толстой часто общался с Павлом, помогал ему в работе, деньгами, советами и содействием. Жена у Павла, как записал Толстой, была непутёвая, приبلудная. Павел же человек мастеровой и добрый. Несмотря на свою нужду, он приютил бездомную Ганю с детьми, которых бросил отец. Когда Ганя умерла, Павел вместе с Толстым рыли ей могилу и похоронили. Шентяков шел к Толстому со всеми своими бедами. Когда у него в 1893 г. умерла от чахотки 26-летняя дочь Ирина, он пришёл к Толстым поделиться горем.

Н.И. Шшкарюк

ШЕНШИНА-ФЕТ Мария Петровна (рожд. Боткина; 1828-1894) — сестра известного литературного деятеля XIX в. В.П. Боткина и выдающегося русского врача, академика С.П. Боткина (всего у неё было 9 родных братьев и сестёр и 5 сводных). С 1857 г. — жена поэта А.А. Фета, искренне любившего её. Однако сын Толстого Сергей Львович так характеризовал этот брак: «Жена Афанасия Афанасьевича, Марья Петровна, рождённая Боткина, сестра Василия и Сергея Петровича Боткиных, была некрасива и неинтересна, но добрейшая женщина и прекрасная хозяйка. Трудно предположить, что Афанасий Афанасьевич был когда-нибудь влюблён в неё. Думаю, что этот брак был заключён по расчёту. Жили они мирно. Марья Петровна заботилась о муже, а он был с нею предупредителен, по крайней мере при людях» (*Очерки былого*. Гл. «Афанасий Афанасьевич Фет»). Это представление восходило к старшему поколению Толстых, которые проявляли

М.П. Шеншина-Фет

622

подчас редкую бесцеремонность. Однажды брат Толстого, Сергей Николаевич, «будучи всегда очень откровенен и искренен, вдруг спросил его: “Афанасий Афанасьевич, зачем вы женились на Марии Петровне?” Фет покраснел, низко поклонился и молча ушёл. Сергей Николаевич с ужасом впоследствии рассказывал об этом» (Т.А. Кузминская об А.А. Фете / Публикация Н.П. Пузина // *Русская литература*. 1968. № 2. С. 174).

Шеншина-Фет познакомилась с Толстым осенью 1857 г. на музыкальных «четвергах», которые устраивали молодые супруги Фет на новой квартире в Москве. С этого момента началась тесная дружба Фета и Толстого, продолжавшаяся долгие годы и ознаменованная перепиской и

встречами в имении Фета Степановке, в Спасском-Лутовинове И.С. Тургенева и в Никольском-Вяземском брата Толстого, Николая. После смерти Н.Н. Толстого (1860) и ссоры Толстого с Тургеневым (1861) встречи Толстого и Фета происходили, в основном, в Ясной Поляне, куда практически всегда Фет приезжал с женой. Отношения Марии Петровны с Толстым носили довольно формальный характер, и во время пребывания у Толстых она общалась с женской половиной семьи. Несмотря на доброе отношение к ней домочадцев Толстого, они все воспринимали её как приложение к талантливому мужу, как его «заботливую няню» (*Кузминская* Ч. III. Гл. XVI).

Т.О. Земледельцева, М.В. Строганов

ШЕСТОВ Лев Исаакович (наст. фамилия: Шварцман; 1866-1938) — религиозный философ, литературный критик. Основные темы его религиозной философии; земная судьба и миссия человека, его путь к Богу, связь мудрости жизни и мудрости веры, соотношение умозрения и откровения, борьба добра со злом, возвращение человека, идущего дорогой соблазнённого библейским змием и согрешившего Адама, на стезю, где он, «причастный Божественному всемогуществу», пребывал до грехопадения. Шестов — автор книг «Шекспир и его критик Брандес», «Власть ключей», «На весах Иова (странствования по душам)», «Киркегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне)», «Афины и Иерусалим», «Умозрение и откровение», «Sola fide — только верую» и др., высоко оценённых мировым философским и литературным сообществом.

Весной 1902 г. Толстой, находившийся в Гаспре, читая книгу Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (философия и проповедь)» и назвал её «забавной» (Горький М. Лев Толстой). 2 марта 1910 г. Шестов, с разрешения Толстого, приехал в Ясную Поляну: эта встреча оказалась единственной. В тот день Толстой записал в дневнике: «Приехал Шестов. Мало интересен — “литератор” и никак не философ» (58: 21). Более подробно встречу Толстого и Шестова описал В.Ф. Булгаков: «После обеда приезжал из Москвы философ Лев Шестов и оставался до десяти часов вечера. Говорил он со Львом Николаевичем у него в кабинете, наедине с ним, очень долго, часа полтора.

— Поговорили так, как можно только вдвоём, а третий был бы излишен, — привёл после Лев Николаевич английскую поговорку. Однако особенного впечатления гость на него, по-видимому, не произвёл. Сам Лев Николаевич после говорил про Шестова: “Он не философ, а литератор”.

У Шестова я тоже не заметил особенного удовольствия или душевного подъёма после его разговора с Толстым. “Разве можно в такой короткий

срок обо всём переговорить?» — ответил он мне на вопрос о том, какое впечатление произвёл на него Лев Николаевич. Одним словом, что называется, «не сошлись характерами»» (Булгаков. С. 101).

То, что Толстой воспринимал Шестова в основном как литератора, подтверждают и записи А.Б. Гольденвейзера. На следующий день после посещения Шестовым Ясной Поляны на вопрос о том, какое впечатление он произвёл, Толстой ответил «одним словом: “литератор”, а потом прибавил:

— Разница между литератором и мыслителем в том, что мыслитель думает для себя, как какой-нибудь Шопенгауэр, а литератор прежде всего хочет сказать что-нибудь другим, а потом уже думает и для себя» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. - М., 2002. С. 279).

Отношение к Шестову как к литератору, а не мыслителю, нашло отражение и в оценке книги Р.В. Иванова-Разумника «О смысле жизни. Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов», которая 5 мая 1910 г. была получена и тогда же просмотрена Толстым; о ней он упомянул в ненапечатанной статье «О безумии» (1910). Затрагивая в статье проблему самоубийства и смысла человеческого бытия, Толстой ссылаясь на эту книгу: «...на днях я получил книжку, озаглавленную “О смысле жизни”. В книжке этой автор отыскивает смысл жизни в сочинениях Сологуба, Андреева и Шестова... Точно не было ни браминизма, ни Будды, ни Соломона, ни Марка Аврелия, ни Сократа, Платона, ни Христа, ни Руссо, ни Канта, ни Шопенгауэра. Точно всё человечество

623

до Сологуба, Л. Андреева, Шестова и Льва Толстого жило, не имея никакого понятия о смысле жизни, который вот-вот будет разъяснён людям Шестовыми, Андреевыми, Сологубами, Толстыми» (38: 400).

Скептическим было и отношение Шестова к Толстому-мыслителю. Хорошо зная труды Толстого и оценивая его вклад в культуру, Шестов писал: «Толстой огромен. Не только в русской, но и в мировой литературе не много найдётся писателей, которые по огромности своей могут сравниться с Толстым» (Шестов Л.И. Ясная Поляна и Астапово. К двадцатипятилетию со дня смерти Л. Толстого // Л.Н. Толстой: pro et contra. — СПб., 2000. — С. 130). Вместе с тем Шестов относился критически к религиозно-философским взглядам Толстого, не соглашаясь с теми, кто признавал его рационально мыслящим философом, отдающим разуму первенство перед верой. Толстой действительно, писал Шестов, «пристывает... к исканию религии... под верховным руководством разума». Но в итоге этого поиска рождаются произведения, содержащие «помимо вольтеровского, разумного, общечеловеческого <...> много собственно толстовского, то есть

презирающего разум». Шестов утверждал, что «какое-то чувство или инстинкт подсказывал Толстому, что если Евангелие есть действительно слово Божие, то сущность его нужно искать в наиболее непонятных и загадочных словах Христа, то есть именно в тех, с которыми разум никак сладить не может, которые разум отрицает всем своим существом». Толстой, считал Шестов, находит то, что ищет, «выбирает из таинственной книги самые таинственные и загадочные слова: “Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А Я вам говорю: не противьтесь злumu”». Эти слова невозможно понять, так как они противоречат голосу разума. Толстой берётся за «неслыханное» дело, «доказывает, что разум может и умеет объяснить слова Христа о непротвлении злу». Но когда на долю разума выпадает такая «руководящая и ответственная роль», уделом его труда становятся «бедные и обидные результаты». Таковыми и являются выводы учения Толстого, констатировал Шестов (Шестов Л.И. Разрушающий и созидающий миры. По поводу 80-летнего юбилея Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. - Тула, 2002. - С. 196-197, 207).

Регулярно отправляя Толстому по почте свои книги, Шестов желал, чтобы Толстой узнал о том, как он толкует его религиозно-философские воззрения. В яснополянской библиотеке сохранились эти книги: «Апофеоз беспочвенности» (с дарственной надписью), «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (философия и проповедь)», «Достоевский и Нитше», «Начало и концы. Сборник статей». И в статье «Разрушающий и созидающий миры» (1908) Шестов предлагал свою интерпретацию его взглядов, с сожалением полагая, что, «вероятно, статья эта не попадётся на глаза Толстому», так как о нём «всегда <...> много пишут» и «он едва ли в состоянии прочесть и сотую долю посвящаемых статей» (там же. С. 130).

Фигура и творчество Толстого приковывали к себе внимание Шестова на протяжении всей его жизни. Несмотря на расхождение с Толстым в религиозно-философских взглядах, Шестов постоянно подчёркивал колоссальную значимость феномена Толстого для России и всего мира.

М.А. Лукацкий

ШИБУНИН (Шабунин) Василий (отчество не установлено; 1837 <по другим данным — 1842> — 1866) — рядовой 65-го пехотного Московского полка, квартировавшего в Ясенках, неподалёку от Ясной Поляны; в 1866 г. Толстой выступил в его защиту в военно-полевом суде. Дело было так: летом 1866 г. А.М. Стасюлевич рассказал Толстому о том, как солдат-писарь «ударил по лицу ротного командира» (37: 68), и предложил писателю выступить защитником солдата на военном суде. Толстой согласился и «с надеждой на успех взялся за это дело» (37: 69).

Он познакомился с Шибуниним, о чём уже в конце жизни написал в «Воспоминаниях...»: «...войдя в кирпичную низкую избу, я был встречен маленьким скуластым, скорее толстым, чем худым, что очень редко в солдате, человеком с самым простым, не переменяющимся выражением лица. <...> Он от себя мало говорил и только на мои вопросы неохотно, по-солдатски отвечал: “Так точно”. Смысл его ответов был тот, что ему очень скучно было и что ротный был требователен к нему. “Уж очень он на меня налегал”, — сказал он» (37: 69). Ненависть в душе писаря копилась долго, но когда в очередной раз «ротный просто вернул ему бумагу и наказал, исправив, опять переписать» (37: 70), солдат не выдержал.

Шибунин был, по слухам, незаконнорождённым сыном какого-то довольно важного барина, начал помнить себя в деревне. В военную службу поступил «охотником», т.е. за деньги нанялся за другого рекрута. Через какое-то время, когда он был уже унтер-офицером, за дерзость воинскому начальнику его судили и перевели на три года в разряд штрафованных. Там

624

он заболел нервной горячкой. По выздоровлении его назначили писарем во 2-ю роту полка. В своей речи на суде в защиту солдата Толстой рассказал, что «Шибунин — мещанин, сын богатых, по его состоянию, родителей, он был отдан учиться сначала, как он говорит, к немцу, потом в рисовальное училище» (Бирюков. 1. С. 323). «В 1855 г. он поступил на службу и вскоре, как видно из послужного списка, бежит, сам не зная куда и для чего, и вскоре так же бессознательно возвращается из бегов. Через несколько лет Шибунин производится в унтер-офицеры, как надо предполагать, единственно за своё умение писать, и в продолжение всей своей службы занимается только по канцеляриям. Вскоре после своего производства в унтер-офицеры Шибунин вдруг без всякой причины теряет все выгоды своего положения на службе вследствие своего ничем не объяснённого поступка: он тайно уносит у своего товарища <...> казённый мундир и тесак и пропивает их. <...> Подсудимый не имеет никаких вкусов и пристрастий, ничто не интересует его. Как только он имеет деньги и время, он пьёт вино <...>. Он доходит до совершенного идиотизма, он носит на себе только облик человека, не имея никаких свойств и интересов человечества; целые дни в 30-градусные жары эта физически здоровая сангвиническая натура сидит безвыходно в душной избе и пишет безостановочно целые дни какие-нибудь один-два рапорта и вновь переписывает их. <...> Дни его проходят в канцелярии или в сенях у ротного командира, где он подолгу дожидается, или в одиноком

пьянстве. Он пишет и пьёт, и душевное состояние его доходит до крайнего расстройств» (там же. С. 323-324). Далее Толстой делал вывод, что Шибунин «одержим душевной болезнью», «душевнобольной» (там же. С. 325). «Л.Н. Толстой отлично сознавал отчаянное положение дела Шибунина как солдата, но он верил в возможность его защиты как человека, и если не оправдания, то значительного смягчения наказания (Бирюков. С. 322). «Речь, которую я произнёс, была чисто юридическая, так я и старался, чтобы была такая, — вспоминал Толстой в 1905 г. — Хорошо было то, что я, произнеся её, расплакался» (ЯПЗ. 1. С. 308). Страстная и убедительная речь графа Толстого не смогла защитить Шибунина: суд приговорил его к смертной казни.

Толстой срочно обратился к своей тётке А.А. Толстой, фрейлине, «прося, её ходатайствовать перед государем — государем тогда был Александр II, — о помиловании Шибунина», «но по рассеянности не написал имени полка, в котором происходило дело». Какое-то время ушло на уточнение, «и когда уже не было препятствий для подачи прошения государю, казнь уже была совершена» (37: 71): Шибунин был расстрелян 9 августа 1866 г. в Ясенках. «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей» (37: 67), — писал Толстой в конце жизни.

О своём участии в защите солдата В. Шибунина 16 июля 1866 г. Толстой рассказал в статье <«Воспоминания о суде над солдатом»> (название дано редактором; см. т. 37), написанной в мае 1908 г. в форме письма П.И. Бирюкову. «Не помню, в какой связи Л.Н. рассказал обстоятельно про суд над солдатом, которого он защищал в 60-х годах, — записал Д.П. Маковицкий 17 апреля 1908 г. — Один из трёх судей, Колокольцев, поддался внушению председателя и голосовал за казнь. Стасюлевич — против. Л.Н. хочет сам писать об этом, т.к. в описании П.И. Бирюкова изложено неверно» (ЯПЗ. 3. С. 64). Узнав от Н.Н. Гусева о намерении Толстого, Бирюков в письме от 27 апреля попросил писателя рассказать об этом, «осветить теперешним взглядом».

1 мая 1908 г. Н.Н. Гусев записал в дневнике: «Сегодня Лев Николаевич диктовал мне для составляемой П.И. Бирюковым его биографии воспоминания о своей защите в 1866 году в военном суде солдата, приговорённого за удар офицеру к смертной казни. Три раза плакал Лев Николаевич во время диктования: первый раз при упоминании о том, что общение с офицером Стасюлевичем, принимавшим участие в этом суде, «было приятно и вызывало смешанное чувство сострадания и уважения»; второй раз после слов: «Я прочёл свою слабую, жалкую речь, которую мне — не скажу странно, но просто стыдно читать теперь. Я тут ссылаюсь на законы, статьи такие-то,

такого-то тома, когда речь идёт о жизни и смерти человека”; и в третий раз после слов: “Да, не бойтесь тех, кто губит тело, а тех, кто губит тело и душу. И душу эту убили и убивают всё больше и больше”» (Гусев Н.Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 162).

Позднее, вспоминая своё участие в судьбе солдата, Толстой писал: «Да, стыдно мне теперь читать эту жалкую, глупую защиту» (37: 71). «Да, случай этот имел на меня огромное, самое благодетельное влияние. На этом случае я первый раз почувствовал первое — то, что каждое насилие для своего

625

исполнения предполагает убийство или угрозу его и что поэтому всякое насилие неизбежно связано с убийством. Второе — то, что государственное устройство, не мыслимое без убийств, не совместимо с христианством <...>. Теперь это для меня ясно, тогда же это было только смутное сознание той неправды, среди которой шла моя жизнь» (37: 75).

Лит.: Сергеенко П.А. Дело Шибунина. Эпизод из жизни Л.Н. Толстого // Звезда. — 1978. — № 11. — С. 158-163.

Н.И. Бурнашёва

ШИЛЬДЕР Николай Карлович (1842-1902) — русский историк; генерал-лейтенант (1893). Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1899 г. директор Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге.

Историей занимался с 1870-х гг.; благодаря связям при дворе имел доступ во все основные (в т.ч. секретные) гос. архивы. Сотрудничал в журналах «Русская старина» (в 1892-1894 гг. его редактор), «Исторический вестник», «Русский архив», «Военный сборник».

Главные труды — фундаментальные биографии российских императоров: Император Павел Первый. СПб., 1901; Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1897-1898; 2-е изд. 1904-1905; Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1-2. СПб., 1903. Исследования написаны на основе огромного комплекса документальных материалов, сохранили донныне научную ценность и являются наиболее полным сводом фактических данных об этих лицах и их правлении.

В 1903 г. Толстой получил от А.С. Суворина книги Шильдера об Александре и Николае и основательно их проштудировал, работая над «Хаджи-Муратом» и «Посмертными записками старца Фёдора Кузмича» (Шильдер упомянут и в тексте сочинения как один из тех, кто верил в

уход Александра I). «Вчера читал Николая I. Очень много интересного», — писал Толстой в дневнике 4 июня 1903 г. (54: 177). И через пять дней, 9 июня: «Рассказ о бале и сквозь строй» (там же). Чтение трудов Шильдера увлекало писателя, рождало творческие замыслы.

В.М. Бокова

ШКАРВАН Альберт Альбертович (1869-1926) — словацкий друг и единомышленник Толстого; автор статей и воспоминаний о нём; врач.

В студенческие годы познакомился с сочинениями писателя, которые полностью перевернули его мировоззрение. В 1895 г., отбывая воинскую повинность в качестве врача, под влиянием учения Толстого Шкарван отказался от службы. «Я решил не возвращаться более к своим военным обязанностям, — писал он, — решил перестать быть солдатом... Отказываюсь я от этого потому, что это противоречит моим убеждениям, моему образу мыслей, моим познаниям, моему религиозному чувству...» (42: 405). За это он был помещён в психиатрическую больницу, а впоследствии отдан под суд. Шкарвана приговорили к четырём месяцам тюремного заключения, после чего он был обязан вернуться на службу в качестве рядового. Этот поступок очень взволновал Толстого. 10 февраля 1895 г. он писал Д.П. Маковицкому: «...очень был тронут и поражён сообщаемым вами известием о поступке нашего общего друга Шкарвана», а в дневнике 15 февраля среди событий, «поразивших» его, записал: «Ещё событие: отказ Шкарвана...» (53: 8). После выхода из тюрьмы Шкарван был снова помещён в больницу для душевнобольных. Этот эпизод имел большой резонанс не только на родине Шкарвана, в Словакии, но и далеко за её пределами. Поднялся шум в прессе, и власти были вынуждены выпустить его.

Когда Шкарван отбывал наказание, он написал записки «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача». Толстой в письме автору так отзывался о них: «Ваши записки в высшей степени интересны и важны. Я с умилением и большой духовной радостью читал их. Такое же впечатление они производят и на других» (68: 277).

В 1896 г. Шкарван приехал в Россию. Он остановился у В.Г. Черткова и неоднократно посещал Толстого (к тому времени между ними уже шла переписка, которая продолжалась вплоть до октября 1910 г.). По приглашению Толстого Шкарван некоторое время жил в Ясной Поляне: «В Ясной Поляне я играл пассивную роль, больше молчал и наблюдал, чем говорил. После трёх дней моего пребывания в Ясной Поляне Толстой мне сказал: “Шкарван похож на моего брата: мудро наблюдает и ничего не делает. Это хорошее качество. Ведь и Тургенев говорил “Лучше ничего не делать, чем делать ничего”» (ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 152).

Толстой тепло и сердечно относился к Шкарвану, в одном из первых писем 14 ноября 1895 г. он писал: «Письмо ваше мне было особенно радостно, потому что по всем чувствам и мыслям, выраженным в нём, я узнавал в нём брата по духу. Радостно <...> найти нового спутника по

626

дороге...» «Вообще всё, что вас касается, вашей частной жизни, ваших отношений к матери вашей, к вашим родным, друзьям, того, как вы материально устроили свою жизнь, всё это очень близко трогает меня, потому что я вас очень полюбил». Шкарван по просьбе Толстого занимался переводом его сочинений на немецкий и словацкий языки. «Возьмётесь ли вы переводить мои непереверждённые вещи по-немецки? — спрашивал Толстой в том же письме. — ...Если же кончу какую-либо новую работу и вы согласны, то я пришлю вам...»

В феврале 1897 г. Шкарван решил не возвращаться на родину. Вместе с Чертковым он эмигрировал в Англию. Там он закончил свои «Записки военного врача», которые были изданы Чертковым. В 1898 г. он покинул Англию и переселился в Швейцарию.

В 1910 г. Шкарван вернулся в Словакию, где прожил до конца жизни, занимаясь врачебной практикой и переводами.

Е.В. Нелюбина

ШМИДТ Мария Александровна (1844-1911) — близкий друг и единомышленница Толстого. Родилась в Москве в семье профессора фармакологии, немца по происхождению. Кончила курс в Александро-Мариинском институте, долгие годы работала классной дамой в Тульском епархиальном училище.

С Толстым познакомилась в Москве в 1884 г. Ещё до личной встречи увлеклась религиозно-философскими сочинениями писателя; чтобы привести свою жизнь в согласие с новыми взглядами, оставила службу в училище, некоторое время работала в земледельческой общине на Кавказе. В 1893 г. поселилась рядом с Ясной Поляной сначала в небольшом имении Т.Л. Толстой Овсянникове, потом в избе, специально построенной для неё. Шмидт все работы в доме и огороде делала сама, продавала тульским дачникам молоко от своей коровы и овощи со своего огорода. Толстому очень нравилось, что она кормилась трудами своих рук, он и сам мечтал об этом, живя в условиях «роскоши» в Ясной Поляне. Зимой, когда было больше свободного времени, Шмидт переписывала для себя и друзей рукописи Толстого. Всё её богатство состояло из копий сотен неизданных писем Толстого к разным

адресатам, а также копий ещё не появившихся в печати статей писателя. Внезапный ночной пожар уничтожил избушку и всё, что в ней было. Шмидт некоторое время жила в доме Толстых, в верхней библиотеке, за ширмами, пока ей не построили новое жильё.

Л.Н. Толстой с М.А. Шмидт и А.Н. Дунаевым. 1905 г.

До сих пор на стене последнего кабинета Толстого в яснополянском доме висит фотография маленькой старушки с аскетическим лицом. Это М.А. Шмидт, тихая, скромная, малоразговорчивая, безгранично преданная Толстому. Именно она в последние месяцы жизни Толстого была для него лучшим другом, он советовался с ней, собираясь покинуть Ясную Поляну навсегда. Он говорил, что не знал и не знает ни одной женщины духовно выше её. «Я всегда, как думаю о вас, радуюсь, стремлюсь душой к вам и чувствую себя виноватым, что ничем не служу вам» (66: 267), — писал ей Толстой.

Шмидт только на год пережила Толстого. Завещала похоронить себя в Овсянникове, между огородом и проезжей дорогой, под несколькими старыми берёзами. Могила её не сохранилась.

Лит.: Горбунова-Посадова Е.Е. Друг Толстого — Мария Александровна Шмидт. М., 1929.

Л. С. Дробат

ШМИТ Ойген Генрих (Schmitt Eugen Heinrich; 1851-1916) — венгерский писатель, публицист, журналист; представитель религиозного анархизма, основатель союза «Religion des Geistes»

(«Религия духа»). В 1894—1895 гг. издавал в Будапеште журнал с таким же названием. Шмит никогда не встречался с Толстым, но долгие годы (1894-1910) состоял с ним в переписке, присылал номера своего журнала, которые Толстой прочитывал с «величайшим интересом и удовольствием» (68: 114). Особенно понравилась ему статья об анархизме «Anarchie». В ней автор излагал идеал такого строя, при котором будет уничтожен всякий эгоизм, а вместе с ним и всякое принуждение — государство и закон. Для журнала Толстой послал свой «правдивый рассказ о новом движении среди духоборцев на Кавказе и об их вожде Веригине» (68: 68). В 1897-1899 гг. под редакцией

627

Шмита выходила газета «Ohne Staat» («Без государства»).

Дневники и письма Толстого содержат многочисленные отзывы о венгерском публицисте. Известно более 30 писем писателя, адресованных ему. Письма Шмита, его статьи и книги радовали Толстого, т.к. в них он находил созвучие своим идеям. Он высоко оценил сочинение Шмита «Religionslehre für die Jugend» («Религиозное учение для юношества»), которое представляет собой переложение Евангелия, адресованное молодому поколению. Идея подобного произведения была близка устремлениям самого Толстого, составившего за год перед этим свою версию Евангелия для детей. Книга с автографом Шмита хранится в яснополянской библиотеке писателя; здесь есть его пометы: Толстой отчеркнул главу «Где обитает Бог?». Утверждения Шмита, что Бог обитает в душе человека, живёт в каждом из нас, нашли отклик в душе автора статьи «Царство Божие внутри вас». Толстой отметил прекрасное изложение глав «Нагорная проповедь», «Чудесное насыщение народа», «Неверные виноградари». Оценке «очень хорошо» удостоились главы «Забота о духовной и телесной жизни», «Иисус и грешница», «Притча о сеятеле». Толстому нравились в писаниях Шмита «искренность и огненность» (68: 190). Он назвал прекрасной брошюру «Mammon und Belial» («Маммон и Велиал»), в которой венгерский анархист отрицал присягу и богатство, подчинение гос. власти.

За границей Шмит был известен как популяризатор творческого наследия Толстого. В Иене в 1901 г. вышла его работа «Leo Tolstoi und seine Bedeutung für unsere Kultur» («Лев Толстой и его значение для нашей культуры»). «...Невозможно лучше, точнее и яснее изложить моё мировоззрение» (73: 81), — отозвался о ней Толстой. Шмит пользовался у него большим доверием; писатель часто благодарил его за статьи о себе, иногда даже за те, с которыми не был знаком. Так, ещё не прочитав статьи «Leo Tolstoi als Gnostiker» («Толстой как гностик» // Zeitschrift für Kunst und Leben. Wien, 1902, 15 Marz), он писал её автору: «...всё, что вы

обо мне пишете, совершенно правильно, и иначе оно не может быть, потому что ваше мировоззрение одинаково с моим и вы проникнуты теми же идеями, что и я» (73: 285). Хранящиеся в яснополянской библиотеке книги и статьи Шмита с изложением взглядов Толстого на государство, церковь, науку были тщательно изучены и высоко оценены писателем. О книге «Neue Horizonte. Leo Tolstoi's Ideen über die Trennung von Kirche und Staat» («Новые горизонты. Идеи Л. Толстого об отделении церкви от государства») Толстой писал: «Ваша новая книга, как и все ваши книги, доставила мне большое удовольствие. <...> Вы так смело, учитывая самоуверенность нашей цивилизации, говорите о возможном возвращении большинства к земледельческой жизни. Очень рад был узнать о вас и о том, что мы так же близки в наших взглядах, как и прежде, и что вы делаете ту же работу, что и я» (77: 161-162).

Шмит переводил вместе с А. Шкарваном «Круг чтения» Толстого. Перевод с названием «Für alle Tage» («На каждый день») вышел в 1907 г. в Дрездене. Толстой нашёл его очень хорошим.

По почерку Шмита, согласно собственной графологии, Толстой обнаруживал в своём корреспонденте ум и чрезвычайное самолюбие. Познакомившись ближе с деятельностью венгерского философа, Толстой ещё больше утвердился в своём предположении. Так, он писал Шкарвану, что видит в Шмите «человека искреннего, очень даровитого и, главное, принадлежащего к разряду людей нематериалистов, верующих в духовную жизнь, и потому совпадающего центром с нами» (68: 256). В то же время писатель отмечал «большую горячность, поспешность и потому часто напыщенность и многословность его писаний» (там же). Толстой считал статьи венгерского публициста очень сильными, но «желал бы найти в них меньше гордости и больше христианской скромности, смирения» (70: 45).

Несмотря на некоторое расхождение во взглядах (Шмит в своей работе «Leo Tolstoi als Gegner der modernen Wissenschaft in Dokumenten des Fortschritts» <<Лев Толстой — противник современного научно-технического прогресса>> резко критиковал отношение яснополянского мыслителя к науке), Толстой дорожил своим общением с венгерским анархистом, их единством «взглядов в основных положениях» (82: 15).

Находясь из-за болезни в тяжёлом материальном положении, Шмит обратился к Толстому с просьбой о помощи. Писатель послал ему 300 руб., делом являя любовь к своему единомышленнику.

Лит.: Милица Т.В. Л.Н. Толстой и Э.Г. Шмит. (По материалам яснополянской библиотеки писателя) // XXIV Международные Толстовские чтения. Тула, 1998.

З.М. Богачёва

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ (наст. имя Рабинович Соломон Наумович; 1859-1916) — еврейский писатель, корреспондент и

628

адресат Толстого. Родился в г. Переяславе Полтавской губ., вырос в «черте оседлости». Начав заниматься литературной деятельностью в 1883 г., Шолом-Алейхем лишь в 1909 г. получил право издания своих произведений. Они были выкуплены у частных издателей на средства, собранные еврейским населением России. Писатель говорил, что всегда был приверженцем «таланта и высокогуманного учения» Толстого. Он писал: «Я не удостоился знать Толстого лично. <...> Я имел только случай письменно снестись с ним, по поводу частного вопроса, после первого большого <...> кишинёвского погрома. <...> Он ответил мне несколькими сильными строками». Толстой получил в начале апреля 1903 г. свыше двадцати писем с просьбой высказать своё мнение о кишинёвском погроме. Профессор Н.И. Стороженко просил подписать приложенный текст коллективной телеграммы кишинёвскому городскому голове. Толстой основательно изменил текст телеграммы, придав ей большую социальную остроту, и подписал её. В мае телеграмма была напечатана в газетах. В конце апреля Шолом-Алейхем в письме к Толстому просил его принять участие в задуманном литературном сборнике в пользу жертв погрома. Толстой отвечал: «Я очень рад буду содействовать вашему сборнику...» В июле он написал три сказки: «Три вопроса», «Труд, смерть и болезнь» и «Ассирийский царь Ассархадон» — и отправил их в сборник. Сборник под названием «Гилф» («Помощь») вышел в 1903 г. в Варшаве, в переводе на еврейский язык (идиш), сделанном Шолом-Алейхемом. Работая над переводом, Шолом-Алейхем обратился к Толстому с вопросами относительно содержания, идеи и некоторых деталей и образов этих сочинений. Отвечая на вопросы, Толстой фактически написал письмо-предисловие к этим сказкам: Шолом-Алейхем напечатал его, оставив без перевода. 25 августа 1903 г. Шолом-Алейхем отправил Толстому подробное письмо о своих общих взглядах и принципах перевода, в котором писал: «Сохраняя смысл, дух и буквальное содержание Ваших сказок, я постарался сообщить им красоту, свойственную нашему народному, до чрезвычайности простому и вместе с тем образному языку. <...> В общем, я должен Вам сказать, что в переводе “Сказки” вышли так, как будто Вы их написали по-еврейски. *Никаких следов перевода в них не заметно*». Когда в сентябре того же года Д.В. Никитин и П.А. Буланже от имени Толстого начали переговоры с Шолом-Алейхемом об издании сказок на русском языке, Толстой

написал В.Г. Черткову: «Еврейские издатели хотят напечатать по-русски в Киеве в пользу же кишинёвских евреев, и потому надо сделать так, чтобы не повредить успеху их издания» (6-7 сентября). Шолом-Алейхему Толстой писал: «Я, разумеется, очень рад, что издание по-русски увеличит хоть сколько-нибудь помощь пострадавшим» (74: 182). В ноябре, после выхода сборника, две сказки были выпущены в России издательством «Посредник». Третья сказка «Труд, смерть и болезнь» вышла в издательстве Черткова в Англии. В России из-за цензурного запрета её удалось опубликовать лишь в 1906 г. Таким образом, Толстой получил впервые издание своих трёх сказок в переводе Шолом-Алейхема в сборнике «Гилф», сохранившемся донныне в яснополянской личной библиотеке писателя. Здесь же есть книга, присланная Толстому ранее. Это первый том собрания сочинений Шолом-Алейхема с биографией и портретом писателя (издано в 1903 г. на еврейском языке в Варшаве). На обороте титульного листа — автограф Шолом-Алейхема: «Великому Писателю Земли Русской Льву Николаевичу Гр. Толстому от автора. 10.VII.03. Киев». В книге напечатаны рассказы и повести «Первый вылет», «Скрипка», «Тевье-молочник» и др.

В 1909 г. издательство «Современные проблемы» начало издавать в Москве собрание сочинений Шолом-Алейхема на русском языке. Весной 1910 г. Шолом-Алейхем известил Толстого о том, что он просил издательство выслать в Ясную Поляну вышедший первый том. В библиотеке Толстого он не сохранился, но имеется вышедший также в 1910 г. третий том собрания сочинений Шолом-Алейхема («Маленькие люди»). В.Ф. Булгаков записал в дневнике 5 апреля 1910 г.: «Лев Николаевич уже уходил спать, но остановился, обратившись к Душану, слывшему языковедом: “Душан Петрович, это еврейское Шолом-Алейхем (фамилия писателя, приславшего Льву Николаевичу свою книгу), откуда оно? Ведь это арабское селям-aleyкум?”» Шолом-Алейхем умер в 1916 г. в Америке, где и похоронен.

Лит.: Архангельская Т.Н. Толстой и Шолом-Алейхем // *ЯП. сб.* 1960. — Тула, 1960.

Т.Н. Архангельская

ШОПЕН Фридерик (1810-1849) — польский композитор, пианист; музыкальное образование получил в Варшаве; выступал с концертами в городах Европы. После подавления польского восстания в

1830-1831 гг. Шопен, пламенный патриот Польши, сторонник борьбы за её национальную независимость, не мог вернуться на родину и остался в Париже. Шопен — родоначальник польской музыкальной классики, его творчество, яркое и самобытное, поистине национально и органически связано с народной музыкой. Он автор двух концертов и четырёх пьес для фортепиано с оркестром, фортепианного трио, сонаты для виолончели и фортепиано, многочисленных сочинений для фортепиано: сонат, фантазий, баллад, скерцо, экспромтов, полонезов, мазурок, вальсов, ноктюрнов, этюдов, прелюдий, вариаций, песен... Тонкий психологизм, необычайное мелодическое и эмоциональное богатство, изящество, гармония, ярчайшая выразительность отличают его сочинения. Творчество Шопена оказало огромное влияние на развитие не только европейского, но и мирового фортепианного искусства.

Музыка Шопена занимала очень важное место в жизни Толстого. С произведениями Шопена он впервые познакомился в середине 1840-х гг. в Казани, в любительском исполнении В.И. Юшкова, мужа своей тётки. Играя Шопена, Юшков «не был им доволен, — вспоминал много лет спустя Толстой. — Вероятно, потому, что был ему не по силам (технически)» (ЯПЗ. 3. С. 302).

Тогда в Казани юный Толстой пробует свои силы в сочинении музыки — единственный его опыт на этом поприще. Он ещё не писатель и даже не помышляет о труде литератора; он вместе с приятелем Зыбиным сочиняет вальс, лёгкий, светлый, мелодичный. Вальс незатейлив и прост, несмел и наивен, писан рукой неопытной, но чистота и прозрачность мелодии, какое-то тихое изящество и грациозность — не навеяно ли это первыми впечатлениями от музыки Шопена? И не это ли неудачное, как считал автор, сочинение, быть может, несостоявшаяся попытка «подражать Шопену» вызовет позднее категоричное: «...ему никто не подражает. Потому что нельзя подражать. Это такая необыкновенная сила. <...> Они <Моцарт, Бетховен, классики. — Н.Б.> друг другу подражают, а Шопен был один» (ЯПЗ. 3. С. 78).

Для Толстого музыка польского композитора очень скоро становится большой и необходимой частью жизни. Первое упоминание о нём — в черновиках рассказа «Альберт». Звуки мазурки Шопена приводят в восторг бедного музыканта. «Ах, прелестно! прелестно! — закричал Альберт и <...> побежал слушать. — Прелестно, прелестно! — твердил он, улыбаясь, потряхивая волосами и подпрыгивая. Он взял скрипку и стал аккомпанировать» (5: 159). Так герою рассказа Толстой передал своё собственное музыкальное впечатление. Со временем Шопен всё больше входил в мир писателя. Слушая Шопена, он испытывал огромное наслаждение, граничащее с ощущением счастья. «Chopin до слёз

счастливил меня», — записал Толстой в дневнике 25 сентября 1865 г. До конца жизни эта музыка неизменно трогала и волновала его, вызывая «слёзы восторга» и восхищения. В доме Толстых, в Ясной Поляне и в Москве, произведения Шопена звучали часто: играли знаменитые пианисты и начинающие музыканты, играл сам Толстой. «Лёвочка <...> разыгрывал Шопена, и ничья игра меня не трогает больше игры Лёвочки, — отмечала в дневнике С.А. Толстая; — удивительно много чувства у него, и именно всегда то выражение, которое должно быть» (ДСАТ. 1. С. 150-151).

Музыка Шопена побуждала Толстого к творчеству, в ней он черпал силу и вдохновение. «Когда играют, у меня всегда художественная жилка просыпается», — признался Толстой однажды после особенно тронувшего его исполнения А.Б. Гольденвейзером баллады Шопена. В другой раз, прослушав «что-то Шопена», он сказал музыканту: «Когда Вы играли, я совершенно слился с этой музыкой, как будто это воспоминание о чём-то, — такое чувство, будто я сочинил эту музыку» (запись 1 сентября 1908 г.). Толстому, так беспощадно громившему авторитеты и сопротивлявшемуся «эпидемическим» влияниям, музыка польского композитора представлялась образцом художественного совершенства; слушая её, писатель «испытывал чувство полной художественной удовлетворённости, чувство, что именно так это должно быть — ничего лишнего, ничего недосказанного» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 379). «Шопен в музыке, — говорил он, — это то же, что Пушкин в поэзии...» (Гусев Н.Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 179). Отсюда рождалась и обратная ассоциация: «Полная голова стихов Пушкина. Ямбы западают, как музыка Шопена», — признавался восьмидесятилетний Толстой (ЯПЗ. 3. С. 126). В период работы над «Кругом чтения», обдумывая тематику и форму рассказов для этой книги, он услышал как-то одну из прелюдий Шопена и воскликнул: «Вот какие надо писать рассказы!»

Гольденвейзер замечал в своих воспоминаниях: «В Шопене Льву Николаевичу близка была его родственная славянская душа, — но было, по-видимому, в самой индивидуальности Шопена что-то особенно

630

близкое Льву Николаевичу» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 379).

Видя в музыке совершенно особое средство для объединения людей, для слияния их в общем чувстве, в едином порыве, Толстой говорил: «То, что есть в музыке — у Шопена, в народных песнях: венгерских, татарских, цыганских, немецких, русских, их каждый народ понимает, — это есть

ядро настоящего искусства, то есть вызывание настроения, чувства, соединяющего всех». Простота и искренность музыки Шопена заставляли Толстого «любить всеми силами души» ту правду, которую она несла в себе. Правда эта не ассоциировалась у писателя с конкретными образами, положениями, событиями. Толстой всегда был против программности в музыке; этой заданности он не чувствовал в произведениях Шопена, который, как известно, и сам не был сторонником явной литературной программности, хотя его собственные баллады и навеяны поэзией Мицкевича. Как-то однажды на замечание о том, что музыку «нужно выучиться понимать», Толстой возразил: «Нет, есть восприимчивая музыка, как, например, Шопен. Не могу понять, как могут быть непонятны его пьесы» (ЛН. Т. 37-18. С. 536).

В произведениях Шопена Толстой чувствовал подлинную народную основу, простоту и силу, свойственную гению; потому так любил он шопеновские мазурки, где оживала Мазовия и звучала душа мазуров: народные мелодии, «эти жемчужины народного творчества», представлялись писателю «чистым родником», откуда художники черпают вдохновение. Гений Шопена олицетворял для Толстого дух Польши, её народа. «Вот за это одно можно поляков любить, что у них Шопен был!» — говорил он (запись А.Б. Гольденвейзера. 10 июля 1907 г.).

Лит.: Бурнашёва Н.И. «Я сливаюсь с ним душою...» // Музыкальная жизнь. 1985. № 18. С. 16-17.

Н.И. Бурнашёва

ШОПЕНГАУЭР Артур (1788-1860) — немецкий философ-идеалист, имевший большое влияние на европейскую интеллигенцию середины XIX в. Шопенгауэр стал популярным в России в 1860-1870-е гг. Его философия объявляла историю неподвижной, а действия индивидов рассматривала как проявление фатальной воли. Она была на руку всем, кто не хотел значительных перемен в социальной жизни. Толстой познакомился со взглядами Шопенгауэра в 1868 г. и испытывал их влияние до последних лет жизни.

Истоки мировоззрения Шопенгауэра прослеживаются в философии Канта: правда, у Шопенгауэра вместо кантовской «вещи в себе» — воля, а явления этих вещей — *представления*. Воля для Шопенгауэра становится универсальным понятием. Воля действует в неживой и живой природе, в обществе и в сознании людей. Воля иррациональна, она проявляется в силах природы, в тяготении и магнетизме, в естественном отборе среди животных, в причинности событий. Представление проявляется в действиях воли через множественность объектов природы

и образах субъекта, познающего мир с помощью ощущений и восприятий.

Шопенгауэр развил свою теорию применительно к философии истории, к религии и этике. По его мнению, вся история людей есть проявление слепой воли через случайные события, или представления. «Народы существуют лишь в абстракции, — писал Шопенгауэр, — индивидуумы же реальны. Поэтому всеобщая история не имеет прямого метафизического значения: она представляет собственно случайную конфигурацию» (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Т. 1. СПб., 1886. С. 330). Толстой воспринял от Шопенгауэра его идею о том, что деятельным субъектом истории являются сами индивиды, т.е. простые люди. Он называл их «дифференциалами истории». В эпилоге «Войны и мира» Толстой показал, что история есть необходимость, реализующая себя через массовые случайные действия людей. Он не называл эту необходимость мировой волей, но считал её итоговой результирующей силой индивидуальных волей, или стремлений, людей. Такая историческая необходимость в мировоззрении Толстого может быть названа народной волей.

По своим религиозным взглядам Толстой был внеконфессиональным верующим, хотя сам и называл себя христианином. Однако он соединил в своей религии ненасилия и любви особенности разных понятий: черты евангельского христианского учения, идеи индуизма о духе, разлитом во Вселенной, учение Лаоцзы о дао как о пути, или законе развития мира, буддистские представления о вечном круговороте живого духа. Всебожие Толстого связано с философией Шопенгауэра, наполненной пантеистическими мотивами. Хотя Шопенгауэра часто называют безрелигиозным философом, всё же в его философии мировая воля фактически выполняет роль Бога, осуществляющего насыщение волей всей

631

природной среды. Толстой близок по своим взглядам пантеизму, называя Богом не творца, не личность, но неиссякаемый дух любви, который и даёт жизни направление, или путь.

В этике Шопенгауэр придерживался духа своей основной концепции. Он считал, что мировая воля в морали порождает эгоизм, злобу и сострадание. Однако только сострадание может быть регулятором социального поведения людей. Первые два фактора неизбежно приводят к разрушению общества. В этике Толстого главной категорией является любовь человека к жизни — как часть всеобщей любви, разлитой во Вселенной. Любовь Толстого включает в себя сострадание как частный

случай. Она есть то, что растворяет в себе зло и насилие. У Шопенгауэра сострадание противоположно эгоизму и злу, но неспособно победить их.

Шопенгауэр как мыслитель оказал большое влияние на мировоззрение Толстого. В свои молодые годы Толстой называл Шопенгауэра «гениальнейшим из людей», в последний период жизни считал его одним из великих мудрецов человечества — наряду с Эпиктетом, Руссо, Кантом и др. Между Шопенгауэром и Толстым есть сходство по этическим вопросам (сострадание Шопенгауэра весьма близко ненасилию Толстого), они близки в понимании смысла половой любви, оба придерживались, по существу, пантеистического взгляда на мир, хотя пантеизм их и имел разные истоки. Однако их отличали разные подходы к историческому процессу, разное отношение к человеку. В целом, хотя философское учение Толстого и сформировалось под влиянием идей Шопенгауэра, оно всё же есть результат его собственного мышления. По своей гуманистической ценности оно стоит выше шопенгауэровского пессимизма.

Е.И. Рачин

ШОУ Бернард (Shaw George Bernard; 1856-1950) — англо-ирландский драматург, критик, лауреат Нобелевской премии в области литературы (1925), корреспондент и адресат Толстого. Толстой впервые читал драмы и статьи Шоу в январе 1907 г. О пьесе «Man and superman» (сохранилась в яснополянской библиотеке с дарственной надписью автора и многочисленными пометами Толстого) он заметил в записной книжке 12 января 1907 г.: «Кончил Shaw. He has got more brains than is good for him <У него больше ума, чем это для него полезно>» (56: 179). Толстой перефразирует относительно самого Шоу слова, с которыми в третьем действии драмы «Man and superman» статуя командора обращается к Дон-Жуану. Толстой отчеркнул и подчеркнул на с. 120 эти слова: «you have more brains that is good for you», загнул уголок и написал на полях: «NB». Судя по дневниковым записям 1907-1908 гг. и свидетельству Д.П. Маковицкого, первое впечатление от чтения Шоу было весьма скептическим. В 1907 г. Э. Моод просил разрешения прислать Толстому книгу новых пьес Шоу и интересовался, знаком ли он со статьёй Шоу «The Impossibilities of anarchism» («Невозможность анархизма»). Толстой отвечал 30 декабря, что будет благодарен если Моод пришлёт «Бернарда Шоу, его драмы и статьи о невозможности анархизма». Он с интересом прочёл книгу Шоу об анархизме, считая, что автор в ней ясно показывает связь социализма с насилием, о чём многие забывают. 17 августа 1908 г. он писал Шоу: «...жизнь большое и серьёзное дело, и нам всем вообще <...> надо стараться найти своё назначение и

насколько возможно лучше исполнить его. Это относится ко всем людям и особенно к вам, с вашим большим дарованием, самобытным мышлением и проникновением в сущность всякого вопроса». 15 апреля 1910 г. Толстой получил от Шоу с дарственной надписью книгу: *The Shewing up of Blanco Posnet: A sermon in crude melodrama / By Bernard Shaw*. - London, 1909. На конверте письма Шоу пометка Толстого: «От Шоу, умно-глупое». Шоу отмечал, что «*Shewing up*» на простонародном американском наречии означает «разоблачение лицемера». Он писал далее о пьесе: «Она принадлежит к разряду пьес, которые Вам так необычайно хорошо удаются. Во всех известных мне драмах я не могу припомнить сцены, которая так восхищала бы меня, как сцена со старым солдатом во «Власти тьмы»» (81: 256). Толстой отвечал Шоу: «Получил вашу пьесу и остроумное письмо. Пьесу прочёл с удовольствием, сюжет её мне вполне сочувственен» (81:254). Толстой сходил с Шоу в отношении к Шекспиру. Шоу ценил Толстого, считая его основоположником нового жанра в драматургии - трагикомедии. Он считал, что Толстой — «великая разрушительная социальная сила» и его влияние крайне опасно для тупцов. К 80-летию Толстой получил адрес английских писателей: среди других была и подпись Шоу. Шоу принял участие в кампании Э. Моода по сбору средств на юбилейное собрание сочинений Толстого в Англии.

В яснополянской библиотеке сохраняется ещё одно издание пьес Шоу с пометами Толстого: *John Bull's island*; <...> Major

632

Barbara; Also How he lied to her husband / By Bernard Shaw. — London, 1907.

Г.В. Алексеева

ШТИРНЕР Макс (наст. имя Иоганн Каспар Шмидт; 1806-1856) — немецкий философ. Штирнер — псевдоним от прозвища, данного ему друзьями за очень высокий лоб. Родился в Байрейте, в небогатой бюргерской семье. Учился в Берлинском университете, где слушал лекции Гегеля, Шлейермахера. Работал учителем в частном женском пансионе. В конце 1844 г. в Лейпциге вышла его книга «Единственный и его собственность». Сначала цензура запретила её, но вскоре разрешила, считая «слишком нелепой» и потому не представляющей опасности. Книга вызвала сенсацию, Штирнера даже называли «адвокатом дьявола», но потом книга была надолго забыта. В 1890-е гг. интерес к Штирнеру стал возрастать в связи с появлением философии Ф. Ницше.

В начале XX в. в России имя немецкого философа было популярно. Толстой получал письма от молодёжи, в которых его спрашивали о Штирнере. Близкий друг Толстого В.Г. Чертков собирался написать статью о Штирнере.

В центре философской системы Штирнера — индивидуальное «я» — единственная реальность. Вне «я» ничего не существует. Всё остальное: Бог, человек, государство, семья, мораль, право, собственность, преступление, наказание, истина и т.д. — абстракции, «призраки». Штирнер своим учением борется против всего, что «порабощает личность».

В дневниках и записных книжках Толстой высказывал подобные мысли. Например, запись 7 декабря 1868 г.: «Все личные, не основанные на ясном сознании из опыта понятия исключаются. Таковы понятия: государство, народ, преступления, воля...» (48: 88). И далее: «Истина только относительна. Отношения и зависимость могут быть верны (геометрия), но истины нет» (48: 89). Запись 28 августа 1865 г.: «Человек может быть совершенно прав только тогда, когда он говорит исключительно о себе» (48: 105).

Толстой интересовался анархизмом и, в частности, учением Штирнера. Прочитав книгу немецкого учёного П. Эльцбахера «Анархизм», где сопоставлены учения семи анархистов, в т.ч. Штирнера и Толстого, он в 1900 г. написал её автору сочувственное письмо.

Толстой писал о Штирнере в статьях «К политическим деятелям» (1903), «О значении русской революции» (1906). Для Толстого Штирнер — один из адептов анархизма. По мнению Толстого, самое ценное в учении Штирнера, как и других анархистов, то, что они доказывают вред власти для личности. Отрицательное же то, что анархисты, в т.ч. Штирнер, не верят в Бога. Толстой согласен с точкой зрения Штирнера, что «личный интерес каждого человека служит совершенно достаточным и законным руководителем поступков людей и что власть только препятствует проявлению в должной мере этого руководящего начала жизни» (35: 206). Но он считал учение Штирнера (утверждавшего, что следование каждого своему личному интересу установит справедливые отношения между всеми) совершенно оторванным от действительности. В отличие от атеиста Штирнера Толстой полагал, что духовное орудие, уничтожающее власть, только одно — путь нравственного совершенствования.

Толстому было близко отрицание Штирнером государства как формы насилия над личностью, права, собственности. Общее у Толстого и Штирнера, как и у всех анархистов вообще, — идея уничтожения государства в будущем. Толстому были близки взгляды Штирнера на государство. Оба считали, что все государства основаны на насилии. Но Толстому чужда была прежде всего теория эгоизма Штирнера. Согласно

Штирнеру, в будущем государство должно быть заменено добровольным союзом эгоистов. Толстой полагал, что в будущем государство заменит общество, основанное на законе любви.

Лит.: Эльцбахер П. Анархизм. — М., 1917. С. 153-171.

А.П. Тусичишный

Щ

ЩЕГОЛЁНОК Василий Петрович (Шевелёв В.П.; 1805-после 1886 г.) — крестьянин-сказитель из Олонецкой губ. Толстой познакомился с ним в Москве в 1879 г. Пригласил в Ясную Поляну, где Щеголёнок гостил летом. Толстой записал с его слов более 20 былин. Они стали основой таких сочинений писателя, как «Чем люди живы», «Два старика», «Корней Васильев», «Разрушение ада и восстановление его», «Молитва»... Толстой переработал их, некоторые вспомнил через 20 лет и использовал для «Круга чтения».

Н.И. Шинкарьук

ЩЕПКИН Михаил Семёнович (1788-1863) — русский актёр. Щепкин начал свою артистическую карьеру, будучи крепостным. В 1816 г. был приглашён в труппу содержателя харьковского театра И.Ф. Штейна, позже работал в полтавском театре. Только в 1821 г. князь Н.Г. Репнин подписал отпускную Щепкину, его жене Елене Дмитриевне и дочерям. В 1822 г. Щепкин успешно дебютировал на московской сцене и весной 1823 г. начал работать в Московском Императорском театре (с 1824 г. - Малый театр).

М.С. Щепкин

Щепкина принято называть основоположником реализма в сценическом искусстве. Он «был великий артист. Он создал правду на русской сцене, он первый стал нетеатрален на театре» (Герцен А.И. Михаил Семёнович Щепкин // Записки актёра Щепкина. М., 1988. С. 153). Последователи традиций, заложенных Щепкиным, считали его «первым учителем правды и простоты на сцене» (Рампа и жизнь. 1913. № 32. С. 5).

Признание особой роли Щепкина в искусстве было всеобщим. В 1855 г. праздновалось 50-летие сценической деятельности Щепкина. В Петербурге 23 ноября Толстой, только что вернувшийся из Севастополя, вместе с виднейшими литераторами того времени: И.С. Тургеневым, Н.А. Некрасовым, А.Н. Майковым, А.В. Дружининым, А.Ф. Писемским, И.А. Гончаровым, Я.В. Полонским — подписал адрес актёру Щепкину, составленный Н.А. Некрасовым.

За свою долгую артистическую жизнь Щепкин создал большое количество сценических образов, но выдающимися можно по праву считать роли Фамусова в «Горе от ума» А.С. Грибоедова и городничего в «Ревизоре» Н.В. Гоголя. Гоголь в письме Щепкину утверждал, что роль городничего без него «пропадёт». Премьера спектакля состоялась в Малом театре в Москве 25 мая 1836 г.

По воспоминаниям современников, роль городничего в исполнении Щепкина была незабываемой: «Щепкин своей игрою, точно в стереоскопе, делал рельефными лица, характеры героев до того, что они... неотвязно стояли в памяти, воображении, в душе всю жизнь» (Чаев М. Михаил Семёнович Щепкин в моих воспоминаниях // Ежегодник императорских театров. 1914. Вып 1. С. 107). А.А. Григорьев говорил, что другого городничего, «иного

634

Сквозника-Дмухановского почти нельзя себе вообразить», в исполнении Щепкина «городничий как будто совсем живёт перед вами всей своей натурой, во всех своих привычках» (Григорьев А.А. Летопись московского театра // Записки актёра Щепкина. С. 148-149).

Толстой увидел постановку «Ревизора» в московском Малом театре 26 января 1858 г. и записал в дневнике: «Ревизор. Щепкин строгий актёр» (48: 5). Характеристика «строгий» в записи Толстого подчёркивала определённые особенности в творчестве артиста: ещё Гоголь писал, что актёр «может царствовать» в своей роли, В. Г. Белинский признавал, что Щепкин — «по преимуществу актёр избранной публики» (Записки актёра Щепкина. С. 147). Щепкин своей игрой заставлял зрителей

подняться над собственными возможностями, что способствовало по сути образованию и воспитанию театральной публики. Возможно, именно об этой «строгости» к себе самому и к зрителю говорил Толстой.

Другая запись в дневнике Толстого — 21 марта 1858 г.: «У Щепкина видел Кетчера» (48: 10). Толстой познакомился с Щепкиным у Аксаковых, Щепкин был дружен с С.Т. Аксаковым. Другие встречи с артистом, по-видимому, происходили в доме Аксаковых в период с января 1856 по 1857 г.

И.Ю. Матвеева

ЩУРОВСКИЙ Владимир Андреевич (1852-1941) — известный московский врач-терапевт, неоднократно лечивший Толстого и находившийся при умирающем писателе в числе других докторов на станции Астапово.

Щуровский родился в Москве в семье судебного служащего. В 1875 г. стал студентом медицинского факультета Московского университета, потом работал в госпитальной терапевтической клинике университета. Позднее, при советской власти, был консультантом в Санаторном управлении Кремля.

Впервые Щуровский приехал в Ясную Поляну 5 июля 1901 г. по просьбе С. А. Толстой. В конце июня Толстой тяжело заболел, местные врачи определили малярию. Для уточнения диагноза жена писателя пригласила известного московского врача, доктора Щуровского, который подтвердил малярию и назначил лечение. Выздоровление шло медленно, и в начале осени по совету врачей В.А. Щуровского и П.С. Усова, который последние годы лечил писателя, Толстые уехали в Крым.

Они поселились недалеко от Ялты, в Гаспре — имении графини С.И. Паниной. Толстому в Крыму нравилось, он много гулял, ездил верхом, но «здоровье всё так же плохо», — записал он в дневнике (54: 113). В январе 1902 г. писатель серьёзно заболел, семья решила собрать консилиум авторитетных врачей. В нём участвовали лейб-медик из Петербурга Л.Б. Бертенсон, В.А. Щуровский из Москвы и ялтинский врач И.Н. Альтшуллер, наблюдавший Толстого в Гаспре. 23 января врачи признали состояние пациента вполне удовлетворительным. Однако уже на следующий день, когда врачи уехали, у него начался тяжелейший сердечный приступ, осложнившийся обширным воспалением лёгких. Жизнь Толстого была под угрозой. «Мой Лёвочка умирает...» — записала С.А. Толстая 26 января в дневнике (*ДСАТ*. 2. С. 43).

Почти две недели шла борьба за жизнь Толстого, В эти тяжёлые январские дни руководил лечением доктор Щуровский. Племянница Толстого Е.В. Оболенская писала: «Щуровский, приехавший на два дня, живёт вторую неделю, и всё это бескорыстно» (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С.

140). Рядом с ним был врач Альтшуллер. «Оба доктора являют столько энергии, старания, столько преданности и заботы, такую неутомимость, что мы ими всё время любуемся. Они день и ночь не отходят от постели», — вспоминала Оболенская (там же). Как-то, проходя мимо комнаты врачей, она услышала, как Щуровский сказал коллеге: «А вдруг мы его с Вами спасём?» (*Летописи*. Кн. 2. С. 305). И спасли: смерть отступила. 2 февраля, когда опасность миновала, А.П. Чехов писал из Ялты знакомому: «Лечат его превосходно, при нём московский врач Щуровский и ялтинский Альтшуллер. То, что Толстой остался жив, что есть надежда, я, хотя бы наполовину, отдаю на долю этих двух докторов» (*Чехов. Письма*. Т. 10. С. 184-185).

Позднее Альтшуллер вспоминал интересный эпизод, произошедший в одну из тех самых тяжёлых январских ночей, когда они поочередно со Щуровским дежурили у постели писателя. Сменив коллегу, Альтшуллер сел в кресло около Толстого: «Лев Николаевич лежал на спине с закрытыми глазами, тяжело дыша, температура была около сорока, пульс слабый, неправильный. Вдруг слышу, слабым голосом, почти шёпотом, он спрашивает: “Вы читали Данте “Божественную комедию”?” — “Да, отрывки”. — “По-русски?” — “Да”. — “А вот Щуровский по-итальянски”». Альтшуллер решил, что Толстой бредит, но, когда он рассказал об этом сыну писателя Сергею

635

Львовичу, тот подтвердил, что Щуровский приносил Данте в оригинале и читал его во время дежурства. Завершая свой рассказ, Альтшуллер заметил: «Щуровский владел несколькими языками, в том числе и итальянским, и любил этим щегольнуть» (Альтшуллер И.Н. Воспоминания о Толстом // *Америка*. 1979. № 8. С. 52).

4 февраля, когда Толстому стало легче, Щуровский уехал. Через месяц он писал С.А. Толстой в Гаспру: «Следя по газетным известиям за состоянием здоровья Льва Николаевича, с радостью убеждаюсь, что наступил решительный поворот к лучшему» (Свадковский Б.С. «Я нахожусь в положении лекаря» // *Неман*. 1989. № 10. С. 161). Она отвечала: «Часто хотелось бы спросить Вас о том и другом. Таков Вы, внушаете всем доверие, Ваше влияние всегда бодрое, живительное и надежное» (там же). В начале мая 1902 г. Щуровского в третий раз вызвали в Гаспру: у Толстого начался брюшной тиф. Только в конце июня здоровье писателя позволило семье вернуться в Ясную Поляну.

После Гаспры профессиональный авторитет Щуровского в семье Толстых очень вырос. Теперь, если у кого-то из домашних возникали проблемы со здоровьем, его стали приглашать на консультации. Через

два месяца после возвращения Толстых из Гаспры опять встал вопрос, где проводить зиму? Софья Андреевна позвала для совета Щуровского и Усова. «31 августа приезжали для консилиума два доктора из Москвы: умница и способный, бодрый, живой Щуровский и милый, осторожный... П.С. Усов. Решили нам зимовать в Ясной», записала она в дневнике (ДСАТ. 2. С. 75). В начале декабря Толстой заболел. И снова С.А. Толстая просила приехать московских врачей Щуровского и Усова — всегда «милых, бескорыстных, весёлых, бодрых, ласковых». В благодарственном письме она сообщала Щуровскому: «Ваше посещение, как и всегда, принесло нам счастье, и Лев Николаевич понемногу поправляется» (Неман. 1989. № 10. С. 162). Но порой и Щуровский был бессилён. В 1906 г. доктора вызвали в Ясную Поляну: крупозным воспалением лёгких заболела дочь Толстого Мария Львовна. Болезнь приняла тяжёлую форму. Осмотрев больную, доктор понял, что спасти её уже невозможно. Щуровскому пришлось исполнить тяжёлый врачебный долг: объявить Толстому, что дочь его безнадежна. В ответ он услышал: «Ведь она была мне другом» (Летописи. Кн. 2. С. 312). Через день, вернувшись в Москву, Щуровский получил телеграмму: «Маша тихо скончалась 12 ночи. Лев Толстой» (76: 247). Это было единственное письменное послание писателя к доктору Щуровскому.

Последний раз Щуровский приезжал в Ясную Поляну в апреле 1908 г. Его вызвали в связи с непонятными обмороками у Толстого, после которых он на короткое время терял память. В своих записках Д.П. Маковицкий подробно описал этот визит врача: «От 4 до 5 вечера Щуровский расспрашивал и исследовал Л.Н. Мастерски, логично, подробно, немного торопясь, притом авторитетно, уважительно, но говоря как с пациентом, а не с Л.Н., себя ставя на пьедестал врача (судьи). Л.Н. был пациент (подсудимый). Л.Н. отвечал на столько вопросов, временами был как бы ошеломлён, и на лице у него мелькало удивление, переходящее в добрую улыбку. Поразительно покорно, послушно отнёсся к процедуре, только раз подшутил над медициной» (ЯПЗ. 3. С. 67-68). Через несколько дней Толстой в дневнике сам дал оценку этого визита: «Меня старательно лечат. Был Щуровский. Усердие большое, но, как и все, хочет знать и верит, что знает, но ничего не знает» (56: 116). Здесь ярко проявилось противоречивое отношение Толстого к медицине. Известно, что общий взгляд писателя на медицинскую науку был резко отрицательным. В своих суждениях он всегда соотносил медицину с нравственным идеалом и всегда приходил к выводу об её безнравственности: «Думал о безнравственности медицины. Всё безнравственно. Безнравственен страх болезни и смерти, которые вызывает медицинская помощь, безнравственно пользование исключительной помощью врачей, доступной только богатым <...>. Безнравственны советы и требования врачей о том, чтобы больной

следил за собой — своими отправлениями, вообще жил как можно меньше духовно, а только материально: не думал бы, не волновался, не работал» (54: 136-137). Самый большой вред медицины Толстой видел в том, что она нацеливает людей больше заниматься телом, чем духом. И, когда Щуровский во время осмотра спросил, как у него идёт работа мысли, ответил: «Интересы души — это не ваша область» (ЯПЗ. 3. С. 68). Толстой считал, что во время болезни человек самосовершенствуется: «Душа наша, как ребёнок, растёт во время болезни» (74: 5).

Толстой всегда подчёркивал, что современная ему медицинская наука так мало знает человека (а вернее сказать, «ничего не знает»), что усилия врача имеют ничтожное «влияние на естественный ход процесса» внутри пациента. Врач «не может изменить и одной тысячной того, что совершается само собой в теле людском»

636

(ЯПЗ. 3. С. 71). Поэтому писатель подшучивал над Щуровским, который как врач чувствовал себя на пьедестале перед пациентом — Толстым.

Но, резко отрицая медицину как теоретическую науку, Толстой с уважением относился к практической работе врачей. Он всегда выражал большую благодарность докторам, его лечившим. Часто его знакомство с врачами, консультациями которых он пользовался длительное время, перерастало в дружеские отношения. Так было и с В.А. Щуровским. Во время последнего визита Щуровского в Ясную Поляну Толстой шутливо сказал ему: «Нехорошо иметь друзей-докторов, затруднительно умереть, чтобы их не обидеть» (ЯПЗ. 3. С. 68).

При встречах Щуровский беседовал с Толстым на самые разные темы, обсуждались философские и религиозные проблемы. Доктор не принимал религиозно-нравственного учения Толстого, горячо и увлечённо спорил с ним, отстаивая свою позицию материалиста, естественника, который свято верит в законы природы. Но эти разногласия не нарушали добрых отношений доктора и пациента. Щуровского принимали в доме Толстых не только как авторитетного врача, но и как незаурядного, интересного человека. В Москве он был известен ещё и как деловой, предприимчивый человек: купил в Подмоскovie близ озера Сенеж большой участок земли, разбил на нём парк и построил 3-этажное каменное здание, в котором в 1903 г. открыл санаторий «Подсолнечный» для больных туберкулёзом (этот санаторий существует и сегодня). Уважали Толстые и спортивные качества врача. Щуровский был заядлым туристом-путешественником. Он состоял членом совета Русского горного общества. Доктор проложил и описал в Ежегоднике этого общества туристские маршруты по Кавказу. Бывая в

Ясной Поляне, он много рассказывал Толстому о своих путешествиях, воскрешая в памяти писателя места его молодости.

Последний раз Щуровский видел Толстого и осмотрел его за день до смерти, 6 ноября 1910 г., в Астапове, куда он приехал по вызову коллег-врачей, находящихся у постели умирающего писателя.

Лит.: Порудоминский В.И. Лев Толстой в пространстве медицины. — М., 2004.

А.К. Ломунова

Э

ЭДИСОН Томас Эльва (1847-1931) – американский физик, изобретатель фонографа; корреспондент Толстого.

22 июля 1908 г. Эдисон обратился к Толстому с просьбой дать ему «один или два сеанса для фонографа на французском или английском языке, лучше всего на обоих». В.Г. Чертков по поручению Толстого ответил Эдисону 17 августа 1908 г.: «Лев Толстой просил меня передать вам, что считает себя не вправе отклонить ваше предложение. Он согласен продиктовать что-нибудь для фонографа в любое время». 23 декабря 1908 г. Маковицкий записал в дневнике: «Приехали двое от Эдисона с хорошим фонографом для того, чтобы записать голос Л.Н. и воспроизвести его». В тот же день: «Л.Н. за несколько дней до приезда эдисоновских людей волновался и сегодня упражнялся, особенно в английском тексте. На французский язык сам себя переводил и написал. По-русски и французски хорошо наговорил. По-английски из текста “Царства Божия” нехорошо вышло, запинаясь на двух словах. Завтра снова будет говорить». 24 декабря «Л.Н. говорил английский текст в фонограф». «Английский текст», сказанный Толстым, — это «Притча о добром человеке», которую Толстой написал на русском языке 15 ноября 1908 г. (*ЯПЗ*. 3. С. 286).

Фонографом, подарком Эдисона, первое время Толстой довольно часто пользовался: диктовал письма и статьи для «Круга чтения». Аппарат очень занимал его и вызывал желание говорить. Александра Львовна писала, что «фонограф очень облегчает ему труд».

Тогда же Толстой наговорил в фонограф обращение к детям, яснополянским школьникам: «Спасибо, ребята, что ходите ко мне. Я рад, когда вы хорошо учитесь. Только, пожалуйста, не шалите. А то есть такие, что не слушают, а только сами шалят. А всё, что я вам говорю, нужно для вас будет. Вы вспомните, когда уж меня не будет, что старик говорил вам добро. Прощайте, будет». Благодаря изобретению Эдисона, до нас дошёл голос Толстого. Переписка Толстого с Эдисоном опубликована (*ЛН*. Т. 37-38. С. 330-334).

В.В. Алексеева

ЭЛИОТ Джордж (Eliot George; наст. имя Mary Ann Evans; 1819-1880) — английская писательница. В 1885 г. Толстой писал жене: «Читаю я Elliot'a "Felix Holt". Превосходное сочинение. Я читал его, но когда был очень глуп, и совсем забыл. Вот вещь, которую бы надо перевести, если она не переведена» (83: 477). На книге издания 1867 г. сохранились пометы Толстого, видимо, сделанные им в 1885 г. Среди подчёркнутого обращают на себя внимание некоторые философские фразы, безусловно одобренные Толстым. Роман проникнут политическим скептицизмом автора, её упованием на нравственное совершенствование личности, что в конечном итоге и приведёт к освобождению людей труда. Как и Толстой, Элиот презирала социальные привилегии, но в отличие от Толстого она хотела их всё-таки сохранить. Она была по духу позитивисткой, сотрудничала с Миллем, Спенсером, Льюисом в «Westminster Review», по общему характеру своих воззрений принадлежала к кантовской «религии человечества». Роман её «Adam Bede» в трактате «Что такое искусство?» Толстой относил к образцам «высшего искусства».

638

По словам самой Элиот, роман «Adam Bede» является деревенской историей, овеянной дыханием коров и запахом сена. Это настоящий гимн сельской Англии, с её размеренным бытом и патриархальными устоями. В этом романе прослеживаются традиции Смолетта и Диккенса. К чтению сочинений Элиот Толстой обращался и в 1900 г., о чём есть запись в дневнике. В яснополянской библиотеке сохранились пять произведений писательницы, вышедших в серии «Collection of British Authors». В связи с серией повестей «Scenes of clerical life», а особенно «Janet's repentance», Толстой писал 12 июня 1859 г. А. А. Толстой: «Счастливы люди, которые, как англичане, с молоком всасывают христианское ученье, и в такой высокой, очищенной форме, как евангелический протестантизм».

Г. В. Алексеева

ЭМЕРСОН Ральф Уолдо (1803-1882) — американский философ, поэт, эссеист, глава американского философско-литературного движения трансцендентализма. Родился в семье унитарийского священника, изучал теологию в Гарвардском университете, был проповедником унитарийской общины в Бостоне. В 1832 г. отказался от церковного сана. Занимался литературной деятельностью, издавал с 1840 г.

религиозно-философский журнал «The Dial» («Циферблат»). В своих философских воззрениях исходил из понимания духовного единства мира, считал, что человек не должен отдаляться от природы, которую трактовал как одушевлённую, пронизанную «сверхдушой» реальность. Призывал человека доверять себе, прислушиваться к голосу своего внутреннего «я», совершенствовать свою личность. Отвергал веру в чудеса, предлагал заменить её поклонением «бесконечности человека» и «моральному чувству», присущему всем людям. Будущее общества связывал с земледельческим трудом, ремесленничеством. Выступал против рабства и милитаризма. Автор сочинений: «Природа», «Опыты», «Представители человечества», «Нравственная философия», «Общество и одиночество».

Для Толстого Эмерсон — мыслитель, стоящий в одном ряду с Кантом, Шопенгауэром, Паскалем, Руссо, Рёскином. Он относился к Эмерсону как к выразителю открытых лучшими умами человечества неизменных истин нравственной жизни, ведущих людей к замене царствующего в мире насилия— любовью. Толстой видел Эмерсона продолжателем той линии мудрости, которая своими корнями уходит в раннее христианство, иудаизм, магометанство, античность, во времена появления учений буддизма, индуизма, конфуцианства, даосизма.

С давних пор, утверждал Толстой, существует религиозное понимание жизни, направляющее людей к добру. И «такая религия всегда была и есть: она есть и в Ведах, и в конфуцианстве, и в таосизме, и в учении римских и греческих мудрецов, и в христианстве, и в магометанстве, и в бегаизме, и в учениях Руссо, Паскаля, Канта, Шопенгауэра, Эмерсона, Рёскина, Ламене и многих и многих других» (38: 403). И религия эта, был убеждён Толстой, — действенная сила истории, так как она преобразует жизнь людей, наполняет её смыслом, вносит в неё высокое этическое содержание. Человечество движется «тем, что передовые люди понемногу изменяют среду, указывая на вечно далёкое совершенство, указывая путь (Христос, Будда, да и Кант, и Эмерсон, и др.), и среда понемногу изменяется» (57: 8). Как следует из слов Толстого, Эмерсон для него — один из ключевых выразителей тех подлинных религиозных законов, которые с древности по настоящий день руководят жизнью человечества и будут в дальнейшем вести его к достижению новых горизонтов нравственного совершенствования.

Впервые Эмерсон упомянут в дневнике Толстого в 1858 г.: 24 марта в «Literarisches Zentralblatt» (№ 11 от 13 марта) Толстой читал заметку о немецком переводе двух эссе из книги Эмерсона «Представители человечества»: «Шекспир, или Поэт» и «Гёте, или Писатель». Годы спустя, в 1884 г., Толстой вновь обратился к творчеству американского писателя. Он с увлечением читал эссе Эмерсона «Доверие к себе» и отметил в дневнике: «Эмерсон — self reliance прелесть» (49: 92).

Впоследствии это эссе, так понравившееся Толстому, под его редакцией вышло отдельной брошюрой в «Посреднике» (Эмерсон Р. О доверии к себе. М., 1902). Тогда же с интересом прочитал Толстой и эссе Эмерсона «Наполеон, или Человек мира сего». Дневниковая пометка: «прекрасно» (49: 108). В 1904 г., работая над «Крутом чтения», Толстой «всё это время» обращался к трудам любимых им религиозных писателей и философов, в их число входил и Эмерсон (75: 168). На страницах сборника афоризмы Эмерсона приводятся чаще, чем высказывания других американских авторов. Из 58 изречений Эмерсона, помещённых в «Круг чтения», большинство взято из эссе «О доверии к себе». В 1906-1910 гг. Толстой включил в сборники мыслей «На каждый день» и «Путь жизни» 31 и 17 высказываний Эмерсона соответственно.

639

Толстой хотел, чтобы русскоязычный читатель знал об Эмерсоне и его произведениях. И потому с вниманием относился к попыткам познакомить читающих на русском языке с мыслями Эмерсона. 5 июля 1885 г. он в письме просил Н.Н. Страхова поддержать издание статьи об Эмерсоне княгини В.Д. Урусовой. Статья «Ральф Уалдо Эмерсон» под ред. кн. В. Мещерского была опубликована в IX книге «Литературного приложения» к газете «Гражданин» за 1885 г. Приветствовал Толстой и намерение Н.Г. Сутковского выбрать наиболее важные мысли из «Круга чтения» и «На каждый день» для последующего их популярного изложения. 9 января 1910 г. Толстой писал ему: «Рад и той работе, которую вы задумали и делаете. Изложить учение истины, одной и той же во всём мире от браминов до Эмерсона, Паскаля, Канта, так, чтобы оно было доступно большим массам людей с неизвращённым умом, изложить так, чтобы безграмотные матери могли передать их своим малышам, — и это великое, предстоящее всем нам дело. Давайте, пока живы, изо всех сил делать его» (81: 30).

Об отношении к Эмерсону как близкому по духу мыслителю красноречиво говорят ссылки Толстого на него в статьях «Предисловие к роману В. фон-Поленца “Крестьянин”», «О значении русской революции», «О воспитании», «О безумии», «О социализме», «Редактору журнала “Жизнь для всех” В.А. Поссе». Подтверждают такое отношение к американскому мыслителю и многочисленные письма Толстого.

М.А. Лукацкий

ЭРКМАН-ШАТРИАН (Erckman-Chatrion) — литературное имя двух соавторов — французских писателей, начавших совместную деятельность

в 1848 г. **Эмиль Эркман** (1822-1899) и **Шарль Луи Гартьен Александр Шатриан** (1826-1890) — эльзасцы родом, убеждённые антибонапартисты и республиканцы. Ими создано множество рассказов, повестей, романов, драматических произведений, изображающих быт их родного Эльзаса, сцены народной жизни. Успех к писателям пришёл в 1860-е гг., когда они опубликовали серию «Национальных романов», в которых нашёл отражение общенародный протест против милитаристской политики Наполеоновской империи. Героями их сочинений были «маленькие люди», незаметные участники и вместе с тем подлинные творцы исторических событий. Изображение жизни и психологии простых людей обусловило историко-литературное значение творчества Эркмана-Шатриана. Писатели ведут повествование от имени и с точки зрения своих героев-крестьян, ремесленников, солдат.

Эти особенности сочинений Эркмана-Шатриана привлекли к себе внимание многих их современников во Франции и за рубежом. В России среди таких читателей был Толстой, работавший в это время над книгой «Война и мир». В яснополянской библиотеке писателя сохранились с его пометами романы Эркмана-Шатриана на французском языке «Госпожа Тереза или добровольцы 1792 года», «Рекрут 1813 года», «Ватерлоо». Следы внимательного чтения Толстым этих произведений можно найти на страницах реалистического описания битв под Лейпцигом, Ганнау, Ватерлоо, сцен рекрутского набора, пребывания героя в походе, на бивуаках, в госпитале, портретов Наполеона и его окружения в армии — на стоянках и в сражениях. Образ Наполеона у французских писателей чужд простому народу, он есть воплощение эгоизма и зла.

Возможно, многие моменты сочинений Эркмана-Шатриана, равно как и их форма — рассказ от имени простого человека, — укрепили Толстого в мысли дать в своём романе описание отдельных сцен через восприятие его героев, ввести определённые типы солдат, картины из военной жизни. Заинтересовало его и умение авторов провести своих персонажей не через одно, а через несколько исторических событий, что было близко к замыслу «Войны и мира».

Описания битв в сочинениях Эркмана-Шатриана и в романе «Война и мир» приводят читателей к общему выводу о противоестественности войны для всего человечества и к утверждению жизни и гармонии человека с красотой и добром окружающей природы.

К творчеству Эркмана-Шатриана Толстой обращался и впоследствии, используя антимиитаристский отрывок из романа «Рекрут 1813 года» в качестве одного из эпиграфов к III главе статьи «Одумайтесь!», написанной во время Русско-японской войны; этот отрывок он включил и во второй том «Круга чтения». Должно быть, по просьбе Толстого В.И. Лукьянская сделала краткое изложение того же романа (в 1904 г. опубликован в издании «Посредника» под названием «Воспоминания

часового мастера»). 22 апреля 1907 г. Д.П. Маковицкий записал в своём дневнике, что «за обедом Л.Н. хвалил Эркман-Шатриана “Рассказ часовщика”: “Тон хороший”» (ЯПЗ. 2. С. 418).

640

Лит.: Грызлова И.К. Исторические романы Эркмана-Шатриана и «Война и мир» Л.Н. Толстого (по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого в Ясной Поляне) // Толстовский сборник. 2003. XXIX Международные Толстовские чтения. Часть II. С. 346-365.

И.К. Грызлова

ЭРЛЕНВЕЙН Альфонс Александрович (1840-1910) — учитель бабуринской школы Крапивенского уезда, знакомый, корреспондент и адресат Толстого. Отец его, доктор Йенского университета, приехал из Германии в Россию со своим другом, известным доктором Гаазом. Эрленвейн поступил на юридический факультет Московского университета, где в 1861 г. его, студента 2-го курса, застали студенческие волнения. Он оказался в списке подлежащих увольнению на один год и поехал по предложению Б.Н. Чичерина поработать в качестве учителя в одной из сельских школ. В журнале Толстого «Ясная Поляна» напечатал статьи за подписью А.Э.: «Бабуриная школа» (февраль), «Ещё о Бабуриной школе» (апрель), «Бабуриная школа за последние месяцы». Когда после женитьбы на С.А. Берс Толстой отошёл от школьного дела и студенты-учителя стали разъезжаться, Эрленвейн дольше всех продолжал работу.

В 1863 г. он издал в Москве небольшую книжку «Народные сказки, собранные сельскими учителями». Все сказки записывались учителями со слов ребят или самими ребятами в школах, открытых Толстым в деревнях Тульской губ. Крапивенского уезда: Ламинцеве, Колпне, Крыльцове, Ясенках и в Бабурине. Видимо, эта идея родилась под влиянием Толстого, который в яснополянской школе постоянно пользовался сказками из сборников Худякова и Афанасьева. Позднее у Эрленвейна появилась мысль возобновить издание книжек «Ясной Поляны». Толстой в письме 12 апреля 1872 г. одобрил эту идею. Эрленвейн выпустил ряд книжек по материалам «Ясной Поляны» с некоторыми изменениями и дополнениями, всего было выпущено 12 книжек «Из Ясной Поляны», которые выдержали семь изданий.

В качестве предисловия к первой книжке «Из Ясной Поляны», изданной в Петербурге в 1873 г., Эрленвейн использовал ранее написанный Толстым текст, где подчёркивалось, что произведение

должно нравиться читателю из народа, быть доступным и способствовать «образованию нравственных убеждений» (8: 363).

Н.В. Кудрявая

ЭРТЕЛЬ Александр Иванович (1855-1908) — прозаик, очеркист. Его дед происходил из берлинской бюргерской семьи; во время войны с Наполеоном 16-летним подростком он попал в плен под Смоленском, впоследствии стал управляющим помещичьим имением, принял православную веру.

В молодости Эртель был конторщиком, арендатором земли, но разорился. В конце 1870-х гг. появился в печати его первый рассказ «Переселенцы». С 1879 г. он начал работать над книгой «Записки Степняка», рассказы и очерки из неё публиковались в журналах «Вестник Европы», «Дело», «Русское богатство». Переехав в Петербург, Эртель заведовал библиотекой и близко сошёлся с Г.И. Успенским, В.М. Гаршиным и др., позднее с И.С. Тургеневым.

С Толстым Эртель познакомился в марте 1885 г.; они довольно часто виделись, в последний раз — 3 сентября 1907 г. в Ясной Поляне, куда Эртель приезжал вместе с И.Д. Сытиным. Толстой относился к Эртелю с искренней симпатией и доверием. В декабре 1908 г. он написал предисловие к его роману «Гарденины. Их дворня, приверженцы и враги». По признанию Эртеля, Толстой привлекал его «как необыкновенно редкое явление в сфере ума и того, что называют талантом». Писатели порой обменивались письмами: известны 8 писем Эртеля и 3 письма Толстого.

В начале апреля 1884 г. Эртель по обвинению в связях с участниками революционного движения был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, вскоре освобождён, но без права проживания в столице. Увлёкшись этическим учением Толстого, под влиянием его народных рассказов Эртель написал повесть «Жадный мужик» (издана «Посредником» в 1884 г.). В сентябре 1885 г. Толстой старался поддержать Эртеля: «Очень жалею, что вам нельзя жить в столице, если это для вас лишение. Но ведь это, верно, ненадолго. Желаю вам всего хорошего. Попробуйте написать рассказ, имея в виду только читателя из народа. Только бы содержание было значительное, и вы, вероятно, напишете хорошо. А обращаться исключительно к народу очень поучительно и здорово» (ПРП. 2. С. 185).

Наиболее значительным произведением Эртеля стал роман «Гарденины», печатавшийся в 1889 г. в журнале «Русская мысль» и тогда же вышедший отдельным изданием. Толстой познакомился с романом в журнальной публикации. 31 августа 1889 г. он записал в дневнике: «Читал Эртеля. Очень недурно. Но старо и не нужно».

28 сентября оценка уже иная: «Читал роман Эртеля, очень хорошо... Лёг поздно, зачитался “Гардениными”. Прекрасно, широко, верно, благородно». По мысли Толстого, достоинство романа не только в знании народного быта, но в удивительном по верности, красоте, разнообразию и силе народном языке.

10 ноября 1889 г. Эртель писал Толстому: «Я был очень рад, когда мне передали мнение Ваше о “Гардениных”, но вместе испытывал досаду при мысли о том, что Вы читали роман в его всячески оскоплённом виде, то есть в журнале. <...> Впрочем, посылая Вам теперь “Гардениных” в отдельном издании <...> я прошу Вас принять книгу как маленькое выражение моей большой любви к Вам, как слабый “знак” признательности за то крупное и хорошее в Ваших книгах, которое я чувствую в себе, которое осветило и подсказало мне многое в жизни, прежде смутное и тёмное» (ПРП. 2. С. 189).

К «Гардениным» примыкает и другой роман Эртеля «Смена» (Русская мысль, 1891). Большой популярностью у читателей пользовались также повести писателя «Волхонская барышня» (1883), «Две пары» (1887), «Карьера Струкова» (1895-1896). «Для того, кто любит народ, чтение Эртеля большое удовольствие», — замечал Толстой, оценивая творчество писателя.

Л.Ф. Подсвинова

ЭРЪЗЯ Степан Дмитриевич (наст, фамилия Нефёдов; 1876-1959) — скульптор. По происхождению — мордвин, отсюда псевдоним (эрзя — название этнографической группы мордвы). Первые навыки в искусстве будущий скульптор получил в иконописных мастерских Алатыря и Казани, потом учился в московском Училище живописи, ваяния и зодчества (1902-1906). В 1906-1914 гг. жил в Италии и Франции. Вернувшись в Россию в 1914 г., был призван в армию. В 1918 г. на Урале создал первые дошедшие до нас портреты в камне. Скульптор работал без эскизов, методом прямой вырубki в мраморе. В 1920- 1926 гг. он жил в Новороссийске, Батуми, Баку, где для оформления дворцов культуры создал скульптуры Маркса, Энгельса, Ленина, Руставели, монолитные портреты нефтяников Баку. Эти произведения не были похожи на официальные работы: поэтичностью, доверительностью, лаконизмом они близки произведениям народного лубочного примитива.

В 1926 г. Эрзя эмигрировал и до 1950 г. жил в Аргентине. Основные достижения этого периода связаны с портретным жанром, в котором

художник, используя редкие породы дерева, стремился к созданию экспрессивных, выразительных, героико-романтических образов великих деятелей культуры. Здесь появились портреты, полные динамизма, мощного пластического звучания: «Бетховен» (1929), «Л.Н. Толстой» (1930-1931), «Моисей» (1932).

У портрета Толстого — своя история. В 1902 г. молодой скульптор встречался с Толстым, когда тот проездом из Крыма на два дня останавливался в Москве. Тогда Эрзя с разрешения писателя (Толстой даже минут 15 позировал ему) сделал набросок из глины. Как личное горе пережил Эрзя известие о смерти Толстого. Позднее, уже в Париже, вытесал портрет Толстого из камня, а годы спустя, в 1930 г., в Аргентине выточил большое изображение головы Толстого из южноамериканского дерева альгарробо. В этом, втором, портрете скульптор попытался воплотить духовный образ Толстого, писателя и мыслителя, сохранившийся в его памяти от их единственной встречи. Память хранила и мысль Толстого, высказанную тогда, вернее, самый смысл слов писателя о том, что надо «жить в труде, в борьбе, в вечной тревоге. Не беда, если ошибаешься, бросаешь и снова начинаешь, чего-то лишаешься. Всё найдёшь, если будешь бороться» (*Толстой и художники*. С. 318). Эти воспоминания диктовали скульптору резкий поворот головы Толстого, разметавшиеся волосы и пряди бороды, крутой высокий лоб, живой и глубокий взгляд — всё это сложилось в великий, полный бурного, вдохновенного порыва образ Мыслителя. (Работа находится в Государственном Русском музее.)

В 1951 г., поверив приглашению И.В. Сталина, Эрзя выкупил у владельцев свои скульптуры, среди которых и самые известные («Христос», «Моисей», «Толстой», «Бетховен»). Был зафрахтован океанский пароход — скульптор со своими произведениями возвращался домой, в Россию. Но обещанная персональная выставка не состоялась. Вернувшись на родину со своими работами, Эрзя вынужден был влачить жалкое существование, живя в неизвестности и нищете. Чтобы показать хотя бы часть его скульптур, Государственный музей Л.Н. Толстого организовал выставку «Образ Льва Толстого в новых работах советских художников и скульпторов». После неё замалчивать творчество скульптора стало невозможно. И состоялась другая, уже персональная выставка мастера.

Лит.: Абрамов К.Г. Степан Дмитриевич Эрзя. Саранск, 1979; Папоров Ю. Возвращение // Художник. М., 1988. № 8. С.30-37.

А.А. Аленина

Ю

ЮЖИН Александр Иванович (наст. фамилия Сумбатов; 1857-1927) — русский актёр, драматург, театральный деятель. В 1877-1881 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета. С 1876 г. на профессиональной сцене. С 1882 г. — в Малом театре в Москве, с 1923 г. — директор. Князь Сумбатов (Южин) встречался с Толстым несколько раз в 1890-е гг. в Москве. Встречи наполняли его «непередаваемым бессознательным счастьем» (Сумбатов-Южин А.И. Три встречи // *ТВС*. 2. С. 91). В 1898 г., работая над «Хаджи-Муратом», Толстой в одну из встреч с Сумбатовым просил прислать ему книги о Кавказе. В другой раз встречался с ним в Малом театре на репетиции пьесы «Власть тьмы» и у Чехова — весной 1899 г. Был секретарём организованного в марте 1908 г. Московского комитета по подготовке чествования 80-летия Толстого. 7 января 1910 г. Сумбатов с Дранковым приезжали в Ясную Поляну. Сумбатов участвовал в похоронах Толстого, возложил на гроб писателя серебряный венок от Императорских театров. Автор воспоминаний о Толстом. Умер в Ницце. Похоронен в Москве.

Лит.: Сумбатов-Южин А.И. Записки. Статьи. Письма. М., 1951; Эфрос Н.Е. А.И. Южин. М., 1922.

А.Н. Полосина

ЮНГЕ Екатерина Фёдоровна (рожд. гр. Толстая; 1843—1913) — младшая дочь известного художника-медальера гр. Ф.П. Толстого от его второго брака, троюродная сестра Толстого. Мемуаристка, профессиональная художница (её натюрморты, в основном пышными букетами южных роз, восхищался хорошо знакомый с Юнге Максимилиан Волошин).

Толстой познакомился с сестрой только в 1856 г., когда некоторое время жил в Петербурге. Юнге была ещё девочкой. Потом их пути надолго разошлись: Екатерина Фёдоровна вышла замуж за врача-окулиста Э.А. Юнге и переехала с мужем в Киев. Лишь в 1884 г., под сильным впечатлением от толстовского «Нового Евангелия», она

решилась возобновить знакомство. С этого времени связь Юнге с семьёй Толстого уже не прерывалась. Она несколько раз приезжала в Ясную Поляну (в последний раз в мае 1908 г.), в 1880-х гг. бывала в московском доме в Хамовниках, переписывалась с членами семьи Толстого и с ним самим. При создании повести «Хаджи-Мурат» писатель использовал специально для него записанные Юнге семейные рассказы о Николае I.

О своём втором визите в Ясную Поляну в июле 1885 г., когда Екатерина Фёдоровна приехала посоветоваться о личных проблемах (она в это время расходилась с мужем), она оставила воспоминания «Посещение Толстого» (хранятся в *ОПИ ГИМ*), где почти дословно приводила его высказывания о вере и убеждениях, о семейной жизни и воспитании детей, о физическом и умственном труде, о значении литературы, искусства и науки, о народных книгах и т.д. Её зоркий глаз художницы многое замечал. В частности, Юнге писала: «Не могу не привести здесь то впечатление, которое производил Лев Николаевич, не тогда, когда увлекаешься его речью, но когда пораздумаешь обо всём наедине с собой. Впечатление это то, что личные вкусы Льва Николаевича противоречат во всём его новой теории и что он постоянно старается отчасти согласовать это, отчасти подавить в себе свои инстинкты. Надо послушать только, когда

643

он забывает проповедь, с какою любовью говорит он о разных книгах и картинах, как интересуется всем, как живо проглядывает в нём эстетическое наслаждение, какой он верный ценитель и знаток живописи, как тонко эстетически развит его вкус; как он любит спрашивать про разных личностей, про разные характеры. В его вопросах и замечаниях видна такая наблюдательность, он слушает с таким вниманием, отмечает характеристические стороны с таким удовольствием, что так и кажется, что он собирает материал, как пчела мёд, для нового романа. Стоит только посмотреть на всю его внешность, как сквозь его серую блузу, напущенную резкость и грубость выражений то и дело просвечивает изысканное воспитание и врождённая породистость, чтоб невольно подумать, что с этой вечной борьбой с самим собой он не может быть так счастлив и покоен, как он говорит. А говорит он, что он теперь вполне счастлив и покоен. Конечно, чем более борьбы, чем сильнее ростки фанатизма, тем пламеннее экстазы, — я нисколько не удивилась бы, если бы он с спокойным и радостным лицом пошёл в ссылку и на гонения ради своей веры, но ведь эти минуты сильного нервного возбуждения могут быть только временны, и, для него, невольно жалеешь, что не предался он себе спокойно своим, хотя и

не таким высоким, но всё-таки благородным и прекрасным наклонностям» (*ОПИ ГИМ*. Ф. 344, ед. хр. 50, л. 6).

Юнге неоднократно упоминается в письмах Толстого.

В. М. Бокова

ЮРЬЕВ Сергей Андреевич (1821 - 1888) — журналист, переводчик И. Гёте, В. Шекспира, П. Кальдерона и др.; председатель Общества любителей российской словесности (1878-1884). В 1871-1872 гг. редактировал либеральный славянофильского направления журнал «Беседа», в котором Толстой напечатал рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет» (Беседа. 1872. № 3). В 1880-1885 гг. — редактор журнала «Русская мысль», где Толстой планировал печатать свои трактаты «Исповедь», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?», но все они были запрещены цензурой.

Юрьев не раз бывал в Ясной Поляне; Толстой встречался с ним и в Москве, делился мыслями о философско-исторической части «Войны и мира». «Исторические мысли мои поразили очень Юрьева и Урусова и очень оценены ими», — писал он жене 18 января 1869 г. Восторженно принял Юрьев роман «Анна Каренина», в письме к Толстому назвав его «гениальным» по мастерству и глубине раскрытия сердца человека. Он признавался, что с нетерпением ожидает книжек «Русского вестника», где печатался роман. Весной 1882 г. Толстой читал вслух Юрьеву первую редакцию «Исповеди» («Кто я?»). На слушателя сочинение произвело «неизгладимое, сильное впечатление»; он решил «попытать возможность» напечатать его в своём журнале, однако по цензурным условиям это не осуществилось (цит. по: *Гусев. Летопись*. С. 548). После одного из разговоров с Юрьевым 24 апреля 1884 г. Толстому пришла мысль об издании «Нагорной проповеди» отдельной листовкой, с иллюстрацией, изображающей Христа среди народа. Чертков одобрил замысел, но проект не состоялся: запретила цензура.

Толстой неоднократно упоминал Юрьева в своих дневниках и отмечал у него «драгоценное свойство: необдуманную, всем открытую готовность служить» (90: 245).

В 1890 г. друзьями Юрьева был издан сборник «В память С.А. Юрьева», куда Толстой намеревался отдать «Крейцерову сонату», но после запрещения её цензурой опубликовал только пьесу «Плоды просвещения».

В.М. Бокова

ЮШКОВ Владимир Иванович (1789 - 1869) — казанский помещик, полковник гусарского полка в отставке, муж П.И. Юшковой, опекун

Толстого и его братьев. Вырос в семье, известной в Казани культурными традициями. Дядя Юшкова Василий Ипатьевич Полянский собирал библиотеку, ездил к Вольтеру, переписывался с ним. Однополчанином Юшкова был П.Я. Чаадаев. Юшков участвовал в Отечественной войне 1812 г. С 1816 г. — полковник, но вскоре вышел в отставку. В 1843-1846 — лаишевский уездный предводитель дворянства. Владелец сельца Паново Лаишевского уезда. В Паново, имение Юшковых на Волге, к дядюшке приезжали в гости племянники Толстые. Паново как имение Нехлюдова упоминается в романе «Воскресение» и описано в незавершённой повести «Оазис».

В.И. Юшков. 1860-е гг.

26 мая 1818 г. отставной гусарский полковник Владимир Иванович Юшков женился на двадцатилетней графине Пелагее (Полине) Ильиничне Толстой. Когда он приезжал в Ясную Поляну, то детям Толстым «всегда привозил что-нибудь странное: карикатуры, кукол, игрушки» и сам им тоже казался странным: «с чёрными усами, бакенбардами и в очках» (Л.Н. Толстой).

644

В 1841 г. Полина Юшкова забрала осиротевших детей своего брата к себе в Казань и «семья Толстых легко разместилась в просторном большом доме». Юшковы «принадлежали к аристократическому кругу. Тётя Полина держала себя с достоинством, её уважали как очень религиозную и вместе с тем светскую женщину, а В.И. Юшков был приятным и весёлым членом общества, шутник, балагур и гостеприимный хозяин» (Толстая А.Л. Отец. М., 1989. С. 33). Светское общество Казани в ту пору жило весело и приятно. «Это была среда, всецело проникнутая сословными предрассудками <...> понятиями “комильфотности”», разделявшая «своё досужное время между картами,

танцами и сплетнями, присоединяя к этим развлечениям поистине чрезмерное чревоугодие» (Загоскин Н.П. Граф Л.Н. Толстой и его студенческие годы // Исторический вестник. 1894. № 1). Владимир Иванович был «хотя человек умный, но без правил». Жил «бездеятельно, прекрасно вышивал по канве, подмигивал на хорошеньких горничных и слегка играл на фортепьяно» (С.А. Толстая). У него была репутация «большого волокиты» (Л.Н. Толстой). «Образованный, остроумный и добродушный» Юшков был «большой руки шутник и балагур» и «остался таким до самой смерти» (Бирюков. 1. С. 61). Он откровенно насмешничал над «ультрааристократическими» пристрастиями своей супруги, кодексом условных светских приличий, их фальшью и противоречиями. Это служило причиной «довольно частых и крупных недоразумений» между супругами.

Черты внешности и характера Юшкова можно заметить в некоторых второстепенных персонажах произведений Толстого.

Лит.: Гусев. Материалы. 1; Казанское дворянство. 1785-1917 гг.: Генеалогический словарь. Казань, 2001.

А.Н. Полосина

ЮШКОВА Пелагея Ильинична (рожд. Толстая; «Полина»; 1797 <по др. данным: 1798, 1801>-1875) — родная тётка Толстого, сестра его отца Н.И. Толстого. Младшая дочь в семье графа И.А. Толстого, она с детства была окружена нежной любовью. Родители её провели в шуме светской жизни только первые два года после женитьбы. Вскоре И.А. Толстой оставил службу ради детей и «без сожаления затворился в грустной деревенской жизни». И мать и отец были привязаны к детям безмерно и всецело посвящали себя их воспитанию. Дети росли в тепле и ласке отчего дома, с разоряющимся отцом, пропитанным «традициями русского барства второй половины XVIII столетия» (Н.П. Загоскин). Все любили друг друга одинаково. Слова «наказание» и «выговор» не произносились. «Боязнь их огорчить — было единственное чувство, которое мы испытывали» (П.И. Юшкова). Все дети получили домашнее образование. В молодости Полина сама сочиняла. 10 июня 1814 г. она начала вести дневник — «Мой дневник, или Семейная картина». Но дальше первой страницы дело не пошло. Полина очень любила чтение и делала выписки из произведений Шатобриана, Бальзака и др. французских писателей. Особенно любила читать исторические сочинения. Сохранились тетради с её выписками из книг «Политическое обозрение Европы с 1825 года», «История Александра и главные события их царствования» А. Раббе и др. В её руках побывали и книги, «слышшие учебниками соблазнения», например, «вольно написанная», «полная

непристойностей» книга «Путешествие Антенора по Греции». Когда позднее сестра Толстого, М.Н. Толстая, «было начала читать книгу Полины», т.е. «Путешествие Антенора...», то при её «любви к чистоте и добродетели» книга эта, как она сама вспоминала, ей «скоро опротивела».

У Пелагеи Ильиничны был дар писать письма. Светская, легкомысленная и тщеславная, она «составляла полную противоположность тётушке Татьяне Александровне <Ёргольской>, принимавшей всё к сердцу и не любившей света» (*Кузминская*. Ч. II. Гл. XIII). Она нисколько не походила на свою старшую сестру графиню А.И. Остен-Сакен; была очень дружна с братом Николаем и впоследствии забрала к себе в Казань его детей, оставшихся сиротами после смерти всех родственников.

26 мая 1818 г. графиня П.Н. Толстая выдала замуж в Казани свою дочь Полину за Владимира Ивановича Юшкова, отставного гусарского полковника. Полина и Владимир были мало подходящей парой; детей у них не было. Юшков жену не любил и «относился к ней презрительно. Она же в молодости его очень любила и считала своё сердце разбитым. Но на ней этого не было видно» (С.А. Толстая).

Юшковы принадлежали к высшему обществу Казани и жили широко и безза-

645

П.И. Юшкова. 1870-е гг.

ботно. Она, «всегда живая, весёлая», любила свет и «всеми в свете была любима» (С.А. Толстая); любила поехать и со своим мужем, «недобрым шутником», устраивала в своём городском особняке роскошные приёмы. Повар Юшковых был одним из лучших в городе. Полина, очень

требовательная к соблюдению светских приличий, была воплощением «хорошего тона» и ни за что на свете не согласилась бы соприкоснуться с чем-то вульгарным. Она «любила архиереев, монастыри, работу по канве и золотом, которую раздавала по монастырям» (С.А. Толстая). Приличные манеры, туалеты, расстановка мебели в салоне заботили её прежде всего. «Вопрос о том, куда поставить диван, для неё был огромной важности» (С.А. Толстая). Она отличалась особой манерой говорить, тщательно соблюдая артикуляцию каждого слова как по-французски, так и по-русски. Её благоговение перед духовенством казалось безграничным.

В 1841 г. после смерти А.И. Остен-Сакен, своей старшей сестры, Юшкова получила из Ясной Поляны от старшего своего племянника Николеньки письмо с просьбой не оставлять их, так как у них кроме неё нет никого на свете. Пелагея Ильинична «прослезилась и задалась целью *se sacrifier*» <принести себя в жертву. – *фр.*>. Она приняла на себя опеку над малолетними детьми, осиротевшими после смерти родителей, бабушки и тётушки. Пелагея Ильинична решила, что дети её брата должны находиться при ней. Но деревенская жизнь в Ясной Поляне была не для неё — все пятеро детей должны были переехать к ней в Казань. Перемена в жизни оказалась для детей болезненной. Никому из них — во всяком случае, младшим — не хотелось ехать в Казань. Уезжая из Ясной Поляны, они плакали.

Появление племянников и племянницы в казанском доме Юшковых не изменило установившихся там обычаев и привычек. Влияние «до мозга костей пропитанной светскостью» тётушки Полины на старших племянников было незначительным. Тётушка была женщина «добрая (так все говорили про неё) и очень набожная» и вместе с тем «легкомысленная и тщеславная» (Л.Н. Толстой). К тому же Николай окончил университет и с 1845 г. был уже на военной службе. Сергей и сам имел врождённый дар светскости и ловко обходился без её советов. В высшем свете он выделялся красотой и элегантностью и пользовался успехом у женщин. Дмитрий относился к тётушкиной «бонтонности» с безразличием и некоторой долей презрения. Но младших, особенно Льва, она всячески втягивала в светскую жизнь. Он участвовал в любительских спектаклях, и вместе с братом Сергеем они, оба, считались завидными женихами. На балах Лев был «всегда рассеян, танцевал неохотно» и «многие барышни находили его скучным кавалером» (А.Н. Зарницына). На Льва хорошие манеры и принципы тётушки оказывали влияние. Он надеялся, что хорошие манеры помогут ему возместить недостатки внешности. В пору юности идеал *comme il faut* был для него важным. Сестра Маша посещала Родионовский женский институт, её занятия шли хорошо, и тётушка гордилась тем, что племянница «брала уроки в Институте».

Вопреки её репутации легкомысленного человека, Юшкова была более сложной и привлекательной личностью. Она занималась расстроеными имущественными делами племянников, переписывалась с управляющим «детских» имений П.Е. Воробьёвым и опекуном А.С. Воейковым. За шесть лет совместной жизни родственные узы значительно ослабели: племянники решили с тётушкой расстаться и последний год жили отдельно, нанимали в Казани другую квартиру. Достигнув совершеннолетия и вступив в права наследников родительских имений, в 1847 г. братья Толстые уехали из Казани, уехала после окончания пансиона и замужества племянница Маша. В эту пору Пелагее Ильиничне было пятьдесят лет и она решила изменить свой образ жизни.

Её семейная жизнь не была счастливой. Оставив неверного Юшкова, она решила жить при одном из монастырей. Лев предложил ей переехать в Ясную Поляну, но она предпочла свою жизнь. Юшков остался жить в Казани. Она ездила по монастырям, бывала в Троице-Сергиевой лавре, в монастыре под Тулой. 29 мая 1849 г. тётушка писала С.Н. Толстому: «...в 52 года приходит желание удалиться от света, в особенности, если вынес столько печали и горестей, как я. Скромное пристанище, тишина и покой — вот всё, что мне теперь нужно» (*ОР ГМТ*). Она переписывалась с племянниками, иногда виделась с ними. Позже она внесла необходимую сумму за келью в одном из монастырей недалеко от Тулы и жила там до

646

смерти мужа, который умер в восемьдесят лет. В 1862 г. тётушка Юшкова присутствовала при венчании С.А. Берс и Толстого в Москве.

Нередко она наезжала в Ясную Поляну. Толстой с некоторой долей иронии отмечал, что в облике тётушки от монастырской жизни сохранились только чепец и привычка низко наклонять голову. Она обладала удивительной выдержкой: «один раз поправляла лампу и взяла в руки горячее стекло. Она обожгла себе пальцы до волдырей, но стекло не бросила, а осторожно поставила его на стол» (*Толстой И.Л.* Гл. XXIII). В 1875 г. Юшкова, жившая в монастыре, приехала в Ясную Поляну, словно почувствовала приближение смерти (она помогала Софье Андреевне, которая с трудом поправлялась после неудачных родов), однако вскоре заболела и 22 декабря скончалась. «Свежая, бодрая старушка, тётушка, только что в этом году переехавшая из монастыря жить к нам, слегла и в страшных мучениях скончалась. Странно сказать, но эта смерть старухи 80-ти лет подействовала на меня так, как никакая смерть не действовала; мне её жалко потерять, жалко это последнее

воспоминание о прошедшем поколении моего отца, матери...» (Л.Н. Толстой).

Лит.: Азарова Н.И. Письма о ранней молодости Толстого // *ЯП. сб.* 1984. - Тула, 1984; Загоскин Н.П. Граф Л.Н. Толстой и его студенческие годы // *Исторический вестник.* 1894. № 1.

А.Н. Полосина

Я

ЯНЖУЛ Иван Иванович (1846-1914) — профессор Московского университета по кафедре финансового права, с 1898 г. академик; знакомый Толстого, автор воспоминаний «Моё знакомство с Толстым».

Толстой в 1882 г. обращался к Янжулу как руководителю московской переписи населения с просьбой о зачислении его счётчиком в участок Ржанова дома. С этого времени они часто виделись. Данные реферата Янжула «Влияние европейских финансовых учреждений на экономическое положение первобытных народов» были использованы Толстым в трактате «Так что же нам делать?» (гл. XVIII).

Янжул бывал в московском доме Толстых. «Помимо взаимных посещений, — вспоминал он, — мы встречались с Львом Николаевичем часто на улицах, и наши встречи превращались иногда, так как мы оба были хорошими ходоками, в длинные бесконечные прогулки и проводы друг друга по московским бульварам и улицам, при чём высокоуважаемый Лев Николаевич говорил и говорил, я же больше слушал и поучался, прерывая его изредка своими пытливыми расспросами».

«Я не могу не рассказать об удивительной, прямо трогательной деликатности, которой отличается Л.Н. к своим добрым знакомым, когда над ними стрясётся беда, или просто неприятность... В 1894 г. 19 февраля в актовом зале Московского университета, где я читал перед огромной аудиторией, произошли у меня так называемые “студенческие беспорядки”. Половина пришедших на лекцию студентов желала сорвать мою лекцию, в ознаменование дня отмены крепостного права... мой курс был прерван из-за этой глупости на целую неделю, и я в первый раз в жизни был в самом подавленном, угнетённом состоянии духа — без вины виноватый... И вот в эти-то тяжёлые для меня дни ко мне внезапно явился Лев Николаевич... Он один лишь из всех знакомых догадался это сделать, не связанный лживой рутинной... “Вы мне, пожалуйста, не трудитесь рассказывать эту печальную историю, — обратился он ко мне, — я ведь знаю вас достаточно, чтобы верить, что вы были правы, да и было бы смешно на минуту допустить, что вы менее, нежели студенты,

цените день освобождения крестьян... Мы, общество, всячески избаловали, испортили молодёжь и вселили в неё дух нестерпимого самомнения, на которое она, конечно, никакого права не имеет. Да сверх того русская молодёжь весьма незрела и мало знает... мне больше всего наша теперешняя молодёжь напоминает ту анекдотическую девицу, которая будто бы привыкла твердить, как попугай: “Ах, я - невинна, я — невинна, я - невинна и т.д.”. А молодёжь, обращаясь к русскому обществу, так же твердит: “Ах, ведь я — молодёжь... я — молодёжь и т.д. и т.д.”. Но что же из этого?.. Разве одна молодость или невинность дают открытый лист на все права и достоинства? Конечно, нет и нет!» (Янжул И.И. Моё знакомство с Толстым // МТА. С. 407-425).

В.В. Алексеева

ЯРНЕФЕЛЬТ (Ернефельт) Арвид (Järnefelt; «Арвид Александрович»; 1861—1932) — известный финский писатель, драматург, журналист, юрист, общественный деятель; «финляндский единомышленник»

648

Толстого и один из первых переводчиков его произведений на финский язык, ещё при жизни Толстого познакомивший финских читателей с его творчеством.

«Сын генерала русской службы», Ярнефельт окончил юридический факультет университета в Гельсингфорсе (совр. Хельсинки), был стипендиатом (1886-1888) и защитил диссертацию по филологии на русском языке в Московском университете. Его литературный дебют — роман «Отечество» («Isanmaa», 1893), в котором формальный патриотизм противопоставлен искреннему и конкретному чувству привязанности к своей малой родине. В автобиографических произведениях писателя «Воспоминания моей молодости» и «Роман моих родителей» отразились и настроения безземельного финского крестьянства, и нравственные проблемы; в сочинениях на исторические темы ставилась проблема личной власти и моральной ответственности человека. В яснополянской библиотеке сохранились пьеса «Тит — разрушитель Иерусалима», о которой сочувственно отзывался Толстой, и сборник рассказов Ярнефельта.

Своё духовное рождение под влиянием идей Толстого он описал в книге-исповеди «Моё пробуждение» («Heräämiseni», 1894), вышедшей на финском и шведском языках. Перевод на русский язык 15-й главы «Почему я не вступил в должность судьи» он сделал вместе с матерью

специально для Толстого и послал с первым письмом к нему в 1895 г. В ответном письме 22 декабря 1895 г. Толстой отметил «драгоценные черты правдивости» присланной книги. В своём сочинении Ярнефельт рассказал о том, как он, сын сенатора, став последователем идей Толстого, отказался от «блестящей карьеры в сеймовой юридической комиссии» и старался претворять в жизнь свои идеалы. Окончив университет; «превзойдя все юридические науки», Ярнефельт под влиянием матери, глубоко воспринимавшей толстовское жизнепонимание, в соответствии с учением русского писателя полностью переменял свой образ жизни. Он переехал в деревню под Лохья, где занимался крестьянским трудом, сапожничал, обрабатывал землю. В своих книгах он показывал, что улучшение общества возможно лишь на основе переворота в душе каждого человека, а не путём внешнего насилия или законодательных актов. Религиозно-нравственное учение Толстого повлияло на всю его дальнейшую жизнь.

В 1898 г., когда у Толстого возникла мысль о возможном уходе из Ясной Поляны и переселении в Финляндию, он обратился к своему финскому корреспонденту с просьбой оказать «большую помощь» по делу, которое «должно остаться никому не известным»; в ответ Ярнефельт высказал «готовность служить Толстому».

В 1899 г. Ярнефельт впервые посетил Ясную Поляну, о чём поведал в «Дневнике моей поездки в Россию». Как в письмах, так и во время встречи писатели обсуждали близкие им темы: литературу и необходимость истинного религиозного сознания, общества трезвости, введение воинской повинности и массовые отказы от неё и, конечно, финский патриотизм, вмешательство русского правительства в дела Финляндии. От имени финской общественности Ярнефельт неоднократно обращался к Толстому с просьбой высказаться в печати относительно притеснительных мер русского правительства. С негодованием Толстой писал об этом в статье «Не могу молчать» (1908): «...годами <...> говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так, как хотят этого несколько человек русских...» (37:86). Жёсткая политика правительства в отношении Финляндии не раз предавалась огласке на страницах заграничных чертковских изданий «Свободного слова»: здесь Толстой размышлял над «финским вопросом» с чувством вины за столыпинскую политику. «Вряд ли, - говорил он, - найдётся финн, который бы так страдал за Финляндию, как я». В письме Ярнефельту из Гаспры в 1902 г. писатель, больной в то время, с горечью признавался: «Я так и умру с уверенностью, что “близко, при дверях” изменение всего существующего строя от лжи и насилия к разуму и любви не только в Финляндии или России, но и во всём христианском мире» (73: 217).

Узнав, что Академия наук выдвинула его кандидатом на Нобелевскую премию по литературе за 1906 г., Толстой просил Ярнефельта через своих шведских коллег «постараться сделать так», чтобы ему не присуждали этой премии.

В 1909 г. предполагалось, что летом Толстой выступит на ХУШ Международном конгрессе мира в Стокгольме; сопровождать его должен был Ярнефельт. Но Толстой отказался от поездки, решив лишь послать доклад; огласить его было поручено Ярнефельту.

В конце марта 1910 г. финский писатель второй раз приехал в Ясную Поляну, приехал с взрослыми сыном и дочерью. В.Ф. Булгаков писал: «Арвид Александрович Ернефельт — очень интересный человек, простой, искренний, тихий и скромный.

649

Такие же у него и дети» (Булгаков. С. 122). «Это был хорошо сложенный, изящный мужчина лет 45—50, с тонким, бледным, одухотворенным лицом и с седой бородкой клинышком, очень похожий на портреты композитора П.И. Чайковского. Говорил Арвид Александрович тихо, не торопясь, держался спокойно, уравновешенно, со всеми был исключительно внимателен и деликатен, на вопросы отвечал и рассказывал чрезвычайно просто, незатейливо, но и глубоко. Он производил на редкость милое, приятное впечатление — впечатление человека знающего, мыслящего, благородного, доброжелательного, талантливого» (Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970. С. 268). Толстой ценил Ярнефельта, «дорожил общением» с ним; между ними сложились доверительные отношения. Виделись они всего два раза, но часто «переговаривались» письмами: 11 написаны Толстым, 18 — Ярнефельтом. До сих пор в яснополянском кабинете писателя висит фотография «финского толстовца»; он и его дети, по словам Булгакова, представляли собою «поистине удивительных и необычных послов — гонцов высококультурной, своеобразной и далёкой Скандинавии...» (там же).

Ярнефельт — автор публикаций о Толстом. В 1908 г. он прислал в Ясную Поляну свою статью «Толстой» (переведя её на русский язык), напечатанную к 80-летию писателя в финском журнале «Päivä» («День». 1908. № 35). Эту статью сам юбиляр оценил очень высоко. «Статья ваша, милый Арвид, — обращался Толстой к автору, — прекрасна, и хорошо было бы напечатать её в русской газете. Рад общению с вами, потому что люблю и помню вас» (78: 210).

Ю.В. Аникеев, И.В. Петровицкая

ЯРОШЕНКО Николай Александрович (1846-1898) — художник, один из руководителей Товарищества передвижных художественных выставок. Профессиональный военный, артиллерийский офицер (в 31 год — полковник, вышел в отставку генерал-майором). Художественное образование получил в вечерних классах Академии художеств и Общества поощрения художников.

Летом 1874 г. Ярошенко гостил у своего учителя И.Н. Крамского на даче в Сиверской, под Петербургом. Невозможно себе представить, чтобы в их беседах не шла речь о Толстом: сравнительно недавно Крамской исполнил первый живописный портрет писателя; общение с Толстым произвело на него огромное впечатление.

Ярошенко — художник сильно и ясно выраженного демократического направления. Широкую известность принесли ему показанные на передвижных выставках картины «Заключённый» (1878), «Кочегар» (1878) — первый в русском искусстве образ заводского рабочего, «Студент» (1881), «Курсистка» (1883) — по определению Глеба Успенского, «новый, народившийся, небывалый и светлый образ человеческий». Свою героиню Ярошенко писал с курсистки А.К. Дитерихс, три года спустя вышедшей замуж за В.Г. Черткова. (Позже, в 1890 г., Ярошенко с А.К. Чертковой писал картину «В тёплых краях».)

В эти годы имя художника, наверное, уже было знакомо Толстому: о картинах Ярошенко говорили, спорили, они воспроизводились в репродукциях и на страницах печатных изданий.

В 1883 г. Т.А. Кузминская сообщала С.А. Толстой о состоявшемся в Петербурге в кругу знакомых чтении рукописи толстовского труда «В чём моя вера?». Рассказывая о произведенном впечатлении, она отметила: «Ярошенко понял лучше всех».

В 1884 г., в связи с основанием издательства «Посредник», у Ярошенко завязываются дружеские отношения с В.Г. Чертковым, который по просьбе Толстого старался привлечь к оформлению книг «Посредника» лучших русских художников. Ярошенко в полной мере разделял толстовскую критику несправедливого общественного устройства, был убеждён в необходимости работать во имя объединения людей, писал Черткову, как важно «с большим доверием относиться к лучшим сторонам человеческой природы; а то ведь жить иначе будет трудно и нечем будет дышать», но этого, конечно, недостаточно, чтобы быть причисленным к последователям учения Толстого.

4 декабря 1885 г. Чертков сообщал Толстому из Петербурга о встрече с Крамским и Ярошенко: «Крамской болен и вместе с Ярошенко находится в петербургском настроении, т.е. отвлечённом и враждебном тому, в чём для нас всё значение жизни». (Двенадцатью годами раньше Толстой рассказывал о работе Крамского над его портретом: «во время сидений» он обращает художника «из петербургской в христианскую

веру».) Разговор очевидно затронул также желание Толстого посвятить своё творчество нравственно-религиозным сочинениям и народным рассказам. Ярошенко, писал Чертков, «доказывал, что и прежде Вы писали для всех, так как, действуя на культурный слой, Вы действовали косвенно и на народ» (Крамской несколькими месяцами раньше сам высказал своё мнение в письме к Толстому: художественные произведения «делают меня лично гораздо более человеком, чем рассуждения»). Вопреки «теории» и в полном согласии с художественным творчеством писателя, Ярошенко, споря с Чертковым, утверждал, что неправомерно «ограничивать задачу искусства одной моралью и педагогической стороной».

14 марта 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Пошёл к Третьякову. Хорошая картина Ярошенко “Голуби”». Запись — о картине «Всюду жизнь» (1888), для большинства зрителей ставшей «главным», «знаковым» произведением художника.

Отныне Ярошенко — один из любимейших художников Толстого. «По моему мнению, всё же лучшей картиной, которую я знаю, остаётся картина художника Ярошенко “Всюду жизнь” на арестантскую тему», — заметит он несколько лет спустя. Объясняя, как должен действовать на зрителя художник, Толстой тоже вспоминал «Всюду жизнь»: «Видели ли вы картину Ярошенко — арестанты смотрят из-за решётки тюремного вагона на голубей? Какая чудная вещь! И как она говорит вашему сердцу! Вам жалко этих бедняков, лишённых людьми по недоразумению света, воли, воздуха, и этого ребёнка, запертого в вонючий вагон...»

В беседе с французским журналистом А. Бонье Толстой сопоставлял реализм своего учения с реализмом современной русской живописи: Репин и Ярошенко так же, как и он, считают, «что цель искусства выразить те истины, которые провозглашает действительность, а нравственное учение указывает, как переустроить жизнь в соответствии с этими истинами».

Мысль «Воскресения» (роман писался после знакомства с картиной «Всюду жизнь») — общественные пороки «не суть случайности или явления вырождения, преступного типа, уродства», «людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах и заключается только в тайге» — сопрягается с главной мыслью картины «Всюду жизнь», о людях, *по недоразумению* попавших в тюремный вагон. (На первой же странице романа — *голуби*, для Толстого опознавательная мета картины: «Проходя мимо мучной лавки, перед которой ходили, перекачиваясь, никем не обижаемые голуби, арестантка

чуть не задела ногою одного сизяка; голубь вспорхнул и, трепеща крыльями, пролетел мимо самого уха арестантки. Арестантка улыбнулась и потом тяжело вздохнула, вспомнив своё положение».)

Связь картины Ярошенко с творчеством Толстого была тотчас угадана современниками. Первые зрители вспоминали перед ней рассказы и публицистику писателя, так же как позже первые читатели «Воскресения» обращались памятью к картине Ярошенко.

Похвальные отзывы Толстого о картине позволили надеяться увидеть в Ярошенко создателя нового портрета писателя. Переговоры велись несколько лет. «Ерошенку я, разумеется, очень рад буду видеть, но портрет — неприятно», — отвечал Толстой на просьбу Т.А. Кузминской. За Ярошенко ходатайствовали и В.Г. Чертков, и дочь писателя Татьяна Львовна. О желании иметь портрет в галерее заранее сообщал П.М. Третьяков. Наконец в 1894 г. Толстой дал согласие. Работа над портретом продолжалась с 12 по 28 апреля в московском доме писателя в Хамовниках. За эти две недели Толстой, по его словам, «приятно сблизился» с художником.

Большая часть зрителей признала портрет неудачным (среди них и Третьяков, отказавшийся от намерения выставить его). Причина неудачи, по мнению части критики, — «реализм в приёмах»: «ничего от великого писателя и моралиста». Публика ждала запечатлённый на холсте образ гениального творца, пророка, властителя дум, но увидела погружённого в невесёлые размышления «старика с пронизательными глазами». В портрете отозвались мучившие Толстого неразрешимые вопросы действительной жизни, непонимание, житейские тяготы. Но как раз в те дни, когда шла работа над портретом, Толстой писал о воссоздании в искусстве образа замечательных людей, «людей как образцов для жизни»: «нужнее всего не забывать элемент человеческий, слабостей».

В 1896 г. Ярошенко встречался с Толстым в Москве (возможно, и в Ясной Поляне). В 1897 г. Толстой, приехав в Петербург для проводов высылаемого за границу Черткова, провёл вечер у Ярошенко.

После смерти Ярошенко родные художника в письме к Толстому рассказывали о последних его днях — несомненное свидетельство близости.

В 1899 г. Толстой посетил посмертную выставку Ярошенко.

В.И. Порудоминский

СПИСОК ОСНОВНЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

(46: 78) — в круглых скобках даются в тексте ссылки на издание: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное издание): В 90 т. М.; Л., 1928–1958. Первая цифра обозначает номер тома, вторая — номер страницы.

[2: 148] — в прямых скобках даются в тексте ссылки на издание: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. М.: Наука, 2000 — ... Первая цифра обозначает номер тома, вторая — номер страницы.

Бирюков. 1. 2. — Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого: В 2 т. М.: Алгоритм, 2000.

Булгаков. — Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1989.

в т.ч. — в том числе.

вып. — выпуск.

ГАТО — Государственный архив Тульской области.

гл. — глава.

ГМТ — Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва).

гос. — государственный.

гр. — граф, графиня.

губ. — губерния, губернский.

Гусев. Летопись. 1. 2. — Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: В 2 т. 1828–1890. М., 1958; 1891–1910. М., 1960.

Гусев. Материалы. 1. 2. 3. 4. — Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954; Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957; Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963; Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970.

Дети Толстого. — Толстой С.М. Дети Толстого. Тула, 1994.

Достоевский. — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.

др. — другие.

ДСАТ. 1. 2. — Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М., 1978.

ед. хр. — единица хранения.

Интервью. — Интервью и беседы с Львом Толстым / Сост. В.Я. Лакшин. М., 1986.

кн. — княжна, князь.

Кузминская. — Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне (любое издание).

Лев Толстой и музыка. — Лев Толстой и музыка. Хроника. Нотография. Библиография. / Сост. З.Г. Палух, А.В. Прохорова. М., 1977.

Летописи — Летописи Государственного литературного музея. Кн. 2. Л.Н. Толстой. 1938; Кн. 12. Л.Н. Толстой. Т. 2. М., 1948.

ЛН — Литературное наследство. Т. 35–36. Л.Н. Толстой. М., 1939; Т. 37–38. Л.Н. Толстой. М., 1939; Т. 69. Лев Толстой. Кн. 1–2. М., 1961; Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 1–2. М., 1965; Т. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 1–2. М., 1988–1989.

МТА — Международный толстовский альманах: О Толстом / Сост. П.А. Сергеевко. М., 1909.

Некрасов. Переписка. 1. 2. — Переписка Н.А. Некрасова: В 2 т. М., 1987.

ок. — около.

оп. — опись.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва).

Очерки былого. — Толстой С.Л. Очерки былого (любое издание).

ПАТ. – Переписка Л.Н. Толстого и А.А. Толстой. СПб., 1911.

Прометей. 12. – Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 12. М., 1980.

ПРП. 1. 2. – Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978.

ПСПТС. 1. 2. – Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. / Сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. Оттава, Канада. 2003.

ПСС – Полное собрание сочинений.

ПТСБ – Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

рожд. – рождённая.

Русанов. – Русанов Г.А., Русанов А.Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1972.

с. – страница.

Сухотина. Воспоминания. – Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1976.

т. – том.

ТВС. 1955. – Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955.

ТВС. 1960. 1. 2. – Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1960.

ТВС. 1. 2. – Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978.

Толстой И.Л. – Толстой И.Л. Мои воспоминания (любое издание).

Толстой и художники. – Л.Н. Толстой и художники. М., 1978.

Тургенев. Переписка. 1. 2. – Переписка И.С. Тургенева: В 2 т. М., 1986.

Тургенев. Письма. – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Л., 1960–1968. Письма: В 13 т.

Ф. – фонд.

ч. – часть.

Чехов. Письма. – Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1973–1983. Письма: В 12 т.

Юб. – Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928–1958.

ЯП. сб. – Яснополянский сборник. Тула.

ЯПЗ. 1. 2. 3. 4. – Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 1–4.

Научное издание

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

Энциклопедия

Под общей редакцией
доктора филологических наук
Н.И. Бурнашовой

Главный редактор
кандидат философских наук *В.В. Милоков*

Выпускающий редактор *Е.В. Панченко*
Корректор *Л.А. Андреева*